

**А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов,
Г.С. Журавлева, М.А. Лапыгин, А.М. Ломов,
Л.В. Рацибурская, Е.Н. Тихонова**

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
И ПОНЯТИЙ**

РУССКИЙ ЯЗЫК

2-е издание, стереотипное

Под общей редакцией
А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова

Том 2

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-5я2
Э68

Авторы разделов:

- Г.С. Журавлева*, канд. филол. наук, доц. – «История русского языка. Диалектология»;
М.А. Лапыгин, канд. филол. наук, доц. – «Графика. Орфография. Пунктуация»;
А.М. Ломов, д-р филол. наук, проф. – «Синтаксис»;
Л.В. Рацибурская, докт. филол. наук, проф. – «Фонетика. Фонология»; «Орфоэпия»;
А.Н. Тихонов, докт. филол. наук, проф. – «Лексикология», «Морфемика.
Словообразование», «Морфология»;
Е.Н. Тихонова, канд. филол. наук – «Приложение № 1. Сведения по лексикографии»,
«Приложение № 2. Сведения о лингвистических журналах»;
Р.И. Хашимов, докт. филол. наук, проф. – «Общелингвистические термины и понятия»,
«Приложение № 3. 100 языков исконных народов России»

Редактор:

И.М. Курносова, канд. филол. наук, доцент

- Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий.**
Э68 **Русский язык** [Электронный ресурс] : в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – Т. 2. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 814 с.
ISBN 978-5-89349-788-5 (общ.)
ISBN 978-5-89349-895-0 (2 том)

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий представляет собой первое комплексное издание по русскому языку, которое имеет учебный характер. Словарь содержит не только толкование, но и описание основных понятий общего и русского языкознания.

Адресован широкому кругу читателей: учащимся старших классов, учителям-словесникам, студентам филологических и гуманитарных факультетов, научным и вузовским работникам. Он представляет интерес для всех, кто интересуется русским языком как родным или иностранным.

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-5я2

ISBN 978-5-89349-788-5 (общ.)
ISBN 978-5-89349-895-0 (2 том)

© Издательство «Флинта», 2014

РАЗНОСКЛОНЯЕМЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ. К разносклоняемым существительным относятся 10 слов среднего рода на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*) и существительное *путь*.

Имена существительные на *-мя* во всех падежных формах, кроме им. и вин. п. ед. числа, имеют наращение *-ен-* между корнем и окончанием. В единственном числе они склоняются, как существительные 3-го склонения, отличаясь от них только формой творительного падежа. Во множественном числе склоняются так же, как и существительные среднего рода на *-о* (1-го склонения).

Слово *путь* склоняется, как имена существительные 3-го склонения, и отличается от них лишь формой творительного падежа (*путём*).

Слово *дитя* (ср. р.) в косвенных падежах единственного числа имеет наращение *-ят-* и склоняется так же, как и существительные на *-мя*, отличаясь от них лишь формой творительного падежа: И., В. — *дит-я*; Р., Д., П. — *дит-ят-и*; Т. — *дит-ят-ею*.

Лит.: Иванова Т. А. К истории именного склонения // ВЯ. 1957. № 6; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927.

РАЗРЯДЫ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. По грамматическим, словообразовательным и лексическим свойствам имена прилагательные делятся на качественные и относительные.

Качественные прилагательные являются прямыми названиями различных признаков предметов. Чаще всего они представляют собой наименования таких свойств и качеств, которые непосредственно воспринимаются органами чувств: 1) *сладкий, горький, горячий*; 2) *белый, синий, рыжий*; 3) *звонкий, тихий, шумный*; 4) *мягкий,*

гладкий, жесткий; 5) *узкий, длинный, высокий* и др.; обозначают свойства характера и особенности психологического склада: *мудрый, добрый, коварный, любезный* и др; выражают оценку: *хороший, прочный, великолепный, отвратительный* и др. Такие признаки обычно проявляются в разной степени в разных предметах, могут изменяться. Ср.: *очень горький, более горький, самый горький* и т.п. Лишь немногие качественные прилагательные выражают абсолютный признак предмета, который является неизменным, постоянным: *глухой, хромой, женатый, пеший, карий, вороной* и т.п.

Относительные прилагательные являются не прямыми, а опосредованными названиями признаков предметов. Признак предмета в них указывает на разнообразные отношения: к предмету (ср.: *железная кровать — кровать из железа; дынный запах — запах дыни; машинная уборка хлопка — уборка хлопка машинами*), к лицу (ср.: *мамино пальто — пальто мамы, отцова шапка — шапка отца*), к месту (ср.: *загородная поездка — поездка за город; подземная дорога — дорога, устроенная под землей*), ко времени (ср.: *утренние сообщения — сообщения, сделанные утром; весенние работы — работы, выполняемые весной*), к действию как свойству (ср.: *сверлильный станок — станок, предназначенный для того, чтобы сверлить; раздвижной стол — стол, который раздвигается*), к числу (ср.: *шестой стол — шесть столов; седьмой день — семь дней*) и др.

Все относительные прилагательные обозначают постоянные, неизменяемые признаки предметов: ложки не могут быть более (или менее) деревянными, ограды — самыми железными, а сок — наиболее (или наименее) березовым.

Иногда в особые разряды выделяют притяжательные, качественно-относительные и относительно-притяжательные прилагательные.

Притяжательные прилагательные (*мамин, отцов, лисий, гусиный*) выражают отношение одного предмета к другому. Ср.: *гусиное перо – перо гуся, верблюжий пух – пух верблюда, сестрин муж – муж сестры*. Учитывая специфическую семантику (значение принадлежности) и особенности склонения отдельных типов этих слов (напр., слова на *-ин, -ов*), их следует выделять как особую группу относительных прилагательных.

Качественно-относительные и относительно-притяжательные прилагательные не составляют особых разрядов. Качественно-относительные прилагательные обладают качественным и относительным значением. Ср.: *стальная проволока* (отн.) и *стальные нервы* (кач.); *деревянный дом* (отн.) и *деревянное лицо* (кач.). Качественные значения развиваются как результат переносного употребления относительных прилагательных.

К относительно-притяжательным относятся прилагательные, совмещающие значения относительных и притяжательных. Ср.: *лисья морда* (прит.) и *лисья шуба* (отн.), *баранья шкура* (прит.) и *баранья шапка* (отн.). В семантике некоторых прилагательных совмещаются притяжательное, относительное и качественное значения. Ср.: *медвежья лапа* (прит.), *медвежья шуба* (отн.) и *медвежья услуга* (кач.); *заячья нора* (прит.), *заячья шуба* (отн.), *заячья душонка* (кач.).

Слова типа *третий, десятый, сороковой, миллионный* и т.п. обычно рассматриваются как порядковые числительные. Эти слова образуются от количественных числительных и опираются на их семантику, но этого недостаточно, чтобы считать их числительными. Ведь слово *сверлильный* мы не относим к глаголу на том лишь основании, что оно образовано на базе глагола и его семантика мотивирована значением глагола. Точно так же слово

храбрец не относится к прилагательным, хотя оно формально и семантически мотивировано словом *храбрый*. Для отнесения того или иного слова к определенной части речи необходимы грамматические основания. Слова *третий, десятый* и т.п. обозначают признак предмета: выражают отношение к числу так же, как выражают отношение к предмету прилагательные *железный, деревянный* и др. Значит, они обладают категориальным значением имени прилагательного. Другие их грамматические признаки также совпадают с грамматическими свойствами прилагательных: они 1) изменяются по типу прилагательных (напр., слово *третий* склоняется как прилагательное *волчий*, а *пятый* – как *женатый*); 2) имеют те же синтаксически зависимые категории рода, числа и падежа, что и прилагательные; 3) выступают в качестве определения, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже (ср.: *пятый дом, пятой квартиры, на пятые сутки*).

«Порядковые» слова имеют ту же словообразовательную структуру, что и обычные относительные прилагательные. Ср. слова: 1) с нулевым суффиксом: *добрый* (ср. *добро*) и *девятым* (ср. *девять*); 2) с суффиксами *-н-, -ов-, -ий-*: *железный* и *тысячный, вековой* и *сороковой, лисий* и *третий*.

Слова типа *третий, сороковой, тысячный* и т.п. должны рассматриваться как относительные прилагательные. Нередко к прилагательным относят так называемые местоимения-прилагательные и причастия. Так, В.В. Виноградов среди имен прилагательных выделяет особую группу местоименно-указательных слов: *тот, этот, чей, мой, свой, такой, каждый* и т.п. Но для этих слов характерна яркая местоименная семантика – указательное значение, которое не укладывается в рамках общего категориального значения прилагательного, представляющего собой обобщение

конкретных признаков предметов. В.В. Виноградов подчеркивал, что такие слова сильно отличаются от обычных прилагательных и по своим морфологическим признакам, и по словообразовательным приметам, и по синтаксическим свойствам. Например, для «слов *весь* и *тот*» характерны: форма творительного единственного — *всем, тем*; формы косвенных падежей множественного числа — *все-х, все-м, все-ми, тех, тем, теми*. Такие формы косвенных падежей для пригательных не характерны. Насильственное включение пестрых по типу изменения местоименно-указательных слов в прилагательные разрушает унифицированную систему склонения этой части речи.

Местоименно-указательные слова, являющиеся «морфологическим и лексическим пережитком в строе современного русского языка», нецелесообразно объединять с настоящими прилагательными (нормальными живыми словами) в одной части речи.

Что же касается причастий, то их не позволяет включать в прилагательные наличие таких грамматических свойств, какие отсутствуют у прилагательных. Это глагольные категории вида, времени и залога. Причастия образуют самостоятельный разряд слов, отличный как от прилагательных, так и от глаголов.

Лит.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Русское именное словоизменение. М., 1967; Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // ВЯ. 1960. № 2; Шрам А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. На материале современного русского языка. Л., 1979.

РАЗРЯДЫ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. См. нарицательные, собственные и др. существительные.

РАЗРЯДЫ ИМЁН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. Количественные числительные

обозначают абстрактное число, а также количество предметов в целых единицах, используются при счете. Значение абстрактного числа в них реализуется вне сочетания с существительными (*дважды два — четыре, сто не делится на три без остатка* и т.п.). Счетное значение не требует употребления имени существительного. Однако при счете предметы хотя и не называются, но всегда имеются в виду. Ср.: *одна, две, три, четыре... (книги), одно, два, три, четыре... (пера)*. Количественное значение реализуется только в сочетании с существительными. Ср.: *восемь огурцов, сорок коней, миллион рублей*.

Дробные числительные обозначают ту или иную часть целого: *одна третья, пять шестых, три четвертых ведра*.

Собирательные числительные обозначают количество предметов как определенную совокупность, как одно целое: *двое ребят, шестеро парней*.

Традиционно выделяются еще порядковые числительные: *первый, второй* и т.п. Однако эти слова, хотя и имеют отношение к числу, являются прилагательными.

Лит.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Обнорский С.П. Заметки по русским числительным // Академия наук СССР — академику Н.Я. Марру. М., 1935; Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960; Супрун А.Е. Славянские числительные. Минск, 1969.

РАЗРЯДЫ МЕСТОИМЕНИЙ. В основном по значению, отчасти по типам связи с другими словами местоимения делятся на 9 разрядов:

- 1) личные: *я, ты, мы вы*; лично-указательное местоимение *он (она, оно, они)*;
- 2) возвратное: *себя*;
- 3) указательные: *этот, тот, такой, таков, таковой, этакий; столько; оба (обе)*; устар. *сей, оный*;
- 4) притяжательные: *мой, наш, твой, ваш, свой*;

5) определительные: *сам, самый, весь (все, все), каждый, иной, всякий, всяческий, всяк;*

6) вопросительные: *кто, что, какой, каков, который, чей, сколько;*

7) относительные – это все вопросительные местоимения, употребляемые для связи предложений. Слово *каковой* употребляется только как относительное местоимение;

8) отрицательные: *никто, ничто, ничей, никакой, никоторый, некого, нечего, нисколько;*

9) неопределенные: *некто, нечто, некоторый, некий; кто-то, что-то, какой-то, чей-то, который-то; кто-либо, что-либо, какой-либо, который-либо; кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, который-нибудь, чей-нибудь; кое-кто, кое-что, кое-какой; несколько, сколько-то, сколько-нибудь.*

Лит.: Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974; Левин Ю. И. О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973; Михайлов М. М. Значение и употребление местоимений // РЯШ. 1959. № 1; Откупщикова М. И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984; Реформатский А. А. Местоимения // Очерки по фонологии, морфологии и морфологии. М., 1979.

РАЗРЯДЫ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ.

По значению модальные слова делятся на две группы.

1. Модальные слова с утвердительным значением: *несомненно, истинно, подлинно, неоспоримо, конечно, точно, безусловно, верно, правда, факт, поистине* и др.; сочетания *само собою разумеется (само собою), в самом деле* и др. Они обозначают уверенность говорящего в реальности сообщаемого, т.е. выражают реальную модальность: *В самом Тютчеве было, несомненно, какое-то личное, интимное очарование* (Тынянов). *Иногда я разговаривал с Верочкой, и Марья Алексеевна не мешала,*

не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора. О, разумеется, не оставляла (Чернышевский). *Действительно, он пробежал один только несколько шагов* (Л. Толстой).

2. Модальные слова с предположительным значением: *кажется, вероятно, по-видимому, возможно, никак, едва ли, вряд ли, ой ли, видимо, видно, видать, знать, право, наверно, наверное, наверняка, может, может быть, должно, должно быть, авось, небось, чай, просто, пожалуй* и др.; сочетания типа *по всей видимости, по всей вероятности, бог (черт, шут) знает* и др. Модальные слова этой группы обозначают гипотетическую модальность. Говорящий лишь предполагает, что сообщаемое возможно, однако он не уверен в реальности осуществления сообщаемого: *Экспрессионизма... не существует и, может быть, не существовало как единого литературного течения* (Тынянов). *Казалось, небо сожжено Червонно-дымной зарею* (Ахматова).

Лит.: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Тр. Института русского языка АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1950; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

РАЗРЯДЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ НАРЕЧИЙ.

1) Наречия места (отвечают на вопросы *где? куда? откуда?*): *где, здесь, там, везде, внизу, нигде, вдалеке, кое-где; куда, туда, сюда, домой, влево, вниз, куда-то; откуда, издалека, изнутри, оттуда, откуда-то, докуда* и др. (более 110 слов). *Вдали, как и вблизи, Я буду вам родной* (Жуковский). *Я же и л вверху в светелке, под крышей, куда по дымался по чрезвычайно крутой и скрипучей лесенке* (Достоевский).

2) Наречия времени (отвечают на вопрос *когда?*): *когда, прежде, теперь, сперва, завтра, повседневно, ежедневно, годами, исстари, задолго, вскоре, сначала* и др. (более 130 слов). *Рано ут-*

ром на Волге бродил легкий туман (Чехов). — *Садись сейчас* заниматься. *Вчера не готовил ничего, сегодня книжки в руки не брал* (Серафимович).

3) Наречия причины (отвечают на вопрос почему?): *почему, потому, сдуру, сослепу, спьяна, сгоряча, со зла, поневоле* и др. (около 10 слов). *Я сгоряча, не одумавшись, сделала самый важный шаг в жизни, я поторопилась выйти замуж* (А. Островский).

4) Наречия цели (отвечают на вопрос за чем?): *зачем, затем, назло, нарочно, на смех, умышленно, напоказ* и др. (около 10 слов). [Тентенников] убеждал товарищей, что нельзя выставлять напоказ свое страдание (Саянов).

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке // РЯШ. 1957. № 4; Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.

РАЗРЯДЫ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ. 1) Качественные наречия (отвечают на вопрос как?): *хорошо, плохо; быстро, медленно; громко, тихо; отлично, блестяще, замечательно, иронически, золотисто, наскоро, напряженно* и др. (*Варвара Михайловна*) глядела на него в упор, *открыто, немного надменно и вызывающе* (Федин). *Иван Алексеевич... радостно и взволнованно* улыбался (Шолохов).

2) Количественные наречия: а) наречия, обозначающие неопределенное количество (отвечают на вопрос сколько?): *много, мало; немало, немало, приблизительно, почти* и др. *Для того чтобы проложить ее [тропу]... понадобилось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров* (Арсеньев); б) наречия, обозначающие определенное количество (наречия меры; отвечают на вопросы сколько раз? во сколько раз? на сколько частей?): *дважды, трижды, вдвое, впятеро, надвое, втройне* и т.п. *Сложив это*

письмо вдвое, он спрятал его в карман записной книжки (Чехов). *Втрое... работу свою увел и чь. Так велел работать Ильич* (Маяковский). *Женщина истинно любит только однажды* (Гончаров); в) наречия степени (отвечают на вопрос в какой степени?): *чуть-чуть, очень, весьма, совершенно, крайне, чрезмерно, вдоволь, дотла, досыта, до отвала, довольно* и т.п. *Было весьма холодно* (Чернышевский). *Ничего не может быть хуже и обиднее слишком поздно пришедшего счастья* (Тургенев). *Оленин на вид казался совсем другим человеком* (Л. Толстой). *Поживешь и поприрадуешь вволю. Будет жизнь и полна и легка* (Некрасов). *Вверху чуть видны небеса* (Пушкин).

3) Наречия образа и способа действия (отвечают на вопрос как?): *вплотную, нараспев, плашмя, верхом, вереницей, лежа, вброд, вплавь, вручную, вслух, басом, шепотом, втихомолку, вразвалку, ощупью, наизнанку, наперебой* и т.п. *Затем он запер вплотную дверь в кабинет* (Лесков). *Что вы там шепчетесь? Говорите вслух* (А. Островский). *Через речку вплавь переправляйся, Конь тебя из гибели вымчит* (Пушкин).

4) Сравнительно-уподобительные наречия (отвечают на вопрос как? каким образом?): а) *по-летнему, по-утреннему, по-ноябрьски* и др. *Небо по-весеннему безоблачно* (Серафимович); б) *по-моему, по-нашему* и др.; в) *по-военному, по-фронтному* и др. *А спишь-то ты чутко. — Что поделаешь... по-военному* (Бабаевский); г) *по-волчьи, по-кошачьи, по-змеиному* и др. *С волками жить, по-волчьи выть* (Пословица); д) *по-детски* (ср. *детски*), *по-братски* (ср. *братски*), *по-геройски* (ср. *геройски*), *по-дружески* (ср. *дружески*), *по-девичьи* и др. *Самсонов по-отечески* любил Чернухина (Лавренев). *Я бы вам посоветовал отечески, или, если больше любите, дружески, забыть о господине Ро-*

РАЗРЯДЫ ЧАСТИЦ ПО ЗНАЧЕНИЮ

гожине (Достоевский); е) *по-русски, по-французски, по-чувашски* и др. *Бороду брил и волосы носил по-немецки* (Тургенев). *Сани были заложены по-русски: тройка в ряд, одна к корню, две на пристяжке* (Тургенев); ж) *по-варшавски, по-венски, по-московски* и др.: *кофе по-варшавски (по-турецки), шницель по-венски, котлеты по-киевски*; з) *дугой, камнем, столбом, колесом, вихрем, стрелой (несть стрелой)* и др.: *грудь колесом, мчатся вихрем* и т.п. *Ноги портного от постоянного сидения на верстаке были выгнуты колесом* (Салтыков-Щедрин). *Рекой с бедняжки льется пот* (Крылов). *Поднялась из травы куропатка и камнем упала в кусты* (Горький).

5) Наречия совместности (отвечают на вопрос как? каким образом?): *двоем, троим, десятирем; табунами, парами; поротно, по двое, по трое* и др. *Старая мать придет к нему (Павлику), так и будут они ж и ть вдвоем* (Горбатов). *Вся рота была по частям разбросана по плацу. Делали повзводно утреннюю гимнастику* (Куприн). *Под самым берегом ходил и стаями неторопливые пучеглазые голавли* (Паустовский).

Две последние группы слов – сравнительно-уподобительные наречия и наречия совместности – нередко рассматриваются в составе наречий образа и способа действия.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке // РЯШ. 1957. № 4; Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978; Шапиро А. Б. Об образовании наречий в современном русском языке // РЯШ. 1947. № 1.

РАЗРЯДЫ ЧАСТИЦ ПО ЗНАЧЕНИЮ. Частицы очень разнообразны по семантике. Принято выделять: 1) частицы, имеющие смысловые значения (указательные, определительные, выделительно-ограничительные);

2) эмоционально-экспрессивные частицы; 3) модальные частицы.

Традиционно выделяются еще словообразующие и формообразующие частицы. К словообразовательным обычно относятся *-то, -либо, -нибудь, не-, ни-*, образующие местоимения и наречия: *кто-то, кто-либо, кто-нибудь, нечто, никто; где-то, где-нибудь, где-либо, негде, нигде*. Это постфиксы (*-то, -либо, -нибудь*) и приставки (*не-, ни-*), поэтому они должны изучаться в словообразовании. Что же касается формообразующих частиц *пусть, пускай, да, бы, дай(-ка), дайте(-ка), дай(-ка), давайте(-ка)*, то они должны рассматриваться при изучении грамматической категории наклонения, значения которой они выражают (*бы* выражает значение сослагательного наклонения, а остальные частицы – повелительного). Постфикс *-ся* в словообразующей функции должен изучаться в словообразовании, а в формообразующей функции – в морфологии (как залогообразующая морфема).

Частицы, имеющие смысловые значения:

1. Указательные частицы: *вот, вон, это, оно, во*. Частица *вот* употребляется, когда необходимо указать на что-либо находящееся вблизи: (*Алеша*) *направился в школу... Вот школьный забор. Вот парадный подъезд* (Горбатов). При указании на что-нибудь находящееся вдали употребляется частица *вон*: *Вон вдали огни, где жгут уголь, вон огонь от пожара* (Чехов).

Указательное значение частицы *вот* нередко осложняется дополнительными смысловыми или эмоционально-экспрессивными элементами. Например, в повествовании частица *вот* указывает на смену явлений, происходящую как бы перед глазами: *Вот окраина. Вот Заводская улица. Вот домик под толевой крышей* (Горбатов). Частица *вот* употребляется также при вручении, передаче чего-либо: *Садитесь госпо-*

да... Возьмите стулья. Петр Иванович, **вот** вам стул (Тоголь). Сочетаясь с указательными и относительными местоимениями и наречиями, *вот* выражает уточнение: **Вот** кто меня выручил. В сочетании с *и* частица *вот* обозначает итог чего-либо, эмоционально окрашивая это значение: *Глупый ты – вот тебе и сказ весь* (Салтыков-Щедрин).

Частица *это* употребляется: 1) при выделении того или иного члена предложения: – *А если кто для меня неприятен, так это бабушка графиня Анна Федотовна* (Пушкин); 2) как указательное слово на стыке предложении, где второе разъясняет первое: *В окнах мезонина... блеснул яркий свет, потом покойный зеленый – это лампу накрыли абажуром* (Чехов); 3) для усиления выразительности всего высказывания или его части: – *Сейчас она мне это пирогов напекет* (Куприн). – *Вы куда это? Вернитесь* (Гладков).

Частица *оно* совмещает значения указания и усиления: *Оно, конечно, странно... что, видя вас в первый раз, я начинаю с вами очень важный разговор* (А. Островский).

2. Определительно-уточняющие частицы: *точно, именно, ровно, как раз, подлинно, почти, приблизительно, чуть не* и др. При помощи этих частиц уточняется, определяется смысл слов или словосочетаний в предложении: *Подготовку к выпуску начинать гораздо ранее, приблизительно в феврале – марте* (Макаренко). *В селе Райбуже, как раз против церкви, стоит двухэтажный дом* (Чехов).

3. Выделительно-ограничительные частицы: *лишь, только, только лишь, разве лишь, все, исключительно, единственно, всего, всего-навсего, хоть, хоть бы, хотя бы* и др. Они логически выделяют слова или словосочетания или сообщают им ограничительное значение: *Как бы ветер не разыгрался! – выражает опасение матушка* (Салтыков-Щедрин). *Вещь настоящему, со всей силой, начинает*

жить в сознании писателя только во время работы над ней (Паустовский). *По его словам больные доверяли исключительно ему, фельдшеру* (Панова).

К этой группе примыкают усилительные частицы, которые также могут выступать в функции выделения: *даже, даже и, же, и, ведь, уже (уж), ну, ни, еще, то, просто, прямо, положительно, определенно, решительно* и др.: – *Освободить свою родину! – промолвила она. – Эти слова даже выговорить страшно, так они велики* (Тургенев). – *Ты Мишку не видал? – Какого еще Мишку? Никакого Мишку не знаю!* (Горький). *Вот, там-то прямо рай!* (Крылов).

Эмоционально-экспрессивные частицы.

К этому типу относятся частицы, которые усиливают выразительность, эмоциональность высказывания: *что за, как, вот так, куда, где там, куда там, куда как, что там, то-то, вот, ну и, о* и др. Примеры: *И что это за жизнь была!* (Гарин-Михайловский). *Хотели было Горшкова перебросить в другой отстающий колхоз, чтоб и там наладил дело – куда там! Колхозники – ни в какую!* (Овечкин). *Где тебе тягаться со мною, со мною, с самим Балдою?* (Пушкин). – *А Марье не лучше? – Где уж там лучше* (Куприн).

Модальные частицы.

Модальные частицы выражают отношение к достоверности фактов, явлений, сообщаемых в высказывании: возможность, необходимость, сомнение, подтверждение, наличие и отсутствие чего-л. и т.п.

1. Утвердительные частицы: *да, так, точно, определенно, как же, ага, угу* и др. *В лице Анатолия было выражение душевной силы, да, именно силы* (Фадеев). – *Комбайн работал? – спросил наконец Семен. – А как же* (С. Антонов). – *Вы... из этих будете? – Определенно. Чем могу служить?* (Вересаев).

2. Отрицательные частицы: *не, ни, нет, вовсе не, отнюдь не, отнюдь нет*

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

и др. *Никак не можем помириться с тем, что люди умирают не в постели. Что гибнут вдруг, не дописав поэм, Не долечив, не долетев до цели* (К. Симонов). *Скала, у которой мы стали на якорь, защищает нас только от северных, но отнюдь не от южных ветров* (И. Гончаров).

3. Вопросительные частицы: *ли, разве, неужели, ужели, что, а, да, что ли* и др. *Рашель: Неужели вы воспользуетесь моим положением? Не верю!* (Горький). *Досужев: Отчего ж ты пешком? Лошадей, что ли, у вас нет?* (А. Островский). *Небось я уже надоел вам, а?* (Чехов).

4. Сравнительные частицы: *как, как бы, словно, будто, как будто, будто бы, точно, вроде* и др. Значение сравнения в них органически слито со значением модальности. Примеры: *Мария подошла ко мне, взяла за руку, волосы поправила, и сразу мне вроде легче стало* (Б. Полевой). *Где-то вдали от опушки Будто бы слышно: ку-ку* (Фет).

5. Частицы, указывающие на чужую речь: *-де, дескать, мол, якобы*. Частицы этого разряда могут выражать сомнение в истинности чужих высказываний, несогласие говорящего с содержанием этих высказываний: *Говорили, что вот-де какой молодой, а как себя хорошо держит* (Гайдар). *Раз... к ней пришли и сказали, что князь, мол, убит на дуэли* (Апухтин).

Лит.: Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985; Холодилова Л. Е. О значении частицы *ни* // РЯШ. 1964. № 1.

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

1. Дробные числительные обозначают дробные величины: 1) число, состоящее из частей единицы: а) правильную дробь (меньше единицы): *одна пятая, восемь сотых*; б) неправильную дробь (больше единицы): *четыре целых две десятых, две целых три сотых*; 2) количество предметов меньше или больше единицы: *одна четвертая участка,*

две третьих книг, две целых три сотых гектара, полтора аршина сукна.

По структуре дробные числительные образуют пеструю группу:

1) одно простое слово: *полтора*; одно сложное слово: *полтораства*; 2) названия правильной дроби – составные числительные, представляющие собой сочетания, состоящие из количественного числительного и субстантивированного относительного прилагательного: *три четвертых, семь десятых, пятнадцать сотых*; 3) названия неправильной дроби – сочетания количественного числительного, субстантивированного прилагательного *целый* и названия правильной дроби: *одна целая три десятых, четыре целых одна десятая*. К дробным числительным относят также сочетания, состоящие из количественного числительного и существительных *треть, четверть*: *две трети класса, три четверти огорода*. В этих сочетаниях слова *треть, четверть* являются синонимичными субстантивированным прилагательным *третьих, четвертых*. Ср.: *две трети (третьих) класса*.

Дробные числительные в количественном значении сочетаются не только с существительными, обозначающими считаемые предметы, но и с вещественными и собирательными существительными: *три четвертых комнаты, две третьих воды, одна третья масла, три четверти учительства*. Они управляют существительными в форме родительного падежа единственного или множественного числа: *одна третья города, четырем пятым апельсина, одной второй книг*.

При склонении дробных числительных по падежам изменяются все их компоненты. Сочетающиеся с ними существительные не склоняются: *четыре-е десят-ых малинника, четыре-ех десят-ых малинника, четыре-ем десят-ым малинника*.

Числительные *полтора*, *полтораста* имеют только по две падежные формы: *полтора*, *полтораста* для именительного и винительного падежей и *полтора*, *полтораста* для всех остальных. Кроме того, слово *полтора* обладает двумя родовыми формами: форма *полтора* используется при сочетании с существительными мужского и среднего рода; *полторы* – при сочетании с существительными женского рода. Ср.: *полтора лимона* и *полтора яблока*, но: *полторы дыни*.

И.-В. *полтор-á*, *полтор-ы* *полтор-á-ст-а*
Р., Д., Т., П. *пол(ý)тор-а* *пол(ý)тор-а-ст-а*

Форма *полтора* имеет ударение на окончании *-а*. Однако в сочетании *полтора суток* ударение перемещается на первый слог.

2. Количественные числительные. К непроизводным (простым) относятся числительные, состоящие из корня и окончания (материально выраженного или нулевого), например: *один* + \emptyset (ср.: *одн-а*, *одн-о*, *одн-и*), *два* + *а*, *десять* [т'] + \emptyset , *сорок* + \emptyset , *сто* + *о*, *тысяч* + *а*, *миллион* + \emptyset .

Среди производных числительных выделяются: 1) суффиксальные слова; 2) сложные слова; 3) составные слова.

Суффиксальные числительные образованы от непроизводных с помощью суффиксов *-надцать* и *-дцать*: *один-надцать*, *два-е-надцать*, *два-а-дцать*, *три-и-дцать*.

Сложным числительным относятся слова типа *пять-десять* и *пятьсот*. В них вычленяются по две основы (корня) и по два нулевых окончания. Ср.: *шес[т']- \emptyset -десять- \emptyset* и *шест-и-десять-и*. В словах *двести*, *триста*, *четыре-реста* также выделяются по два окончания. Ср.: *два-е-ст-и*, *два-ух-сот- \emptyset* , *два-ум-ст-ам* и т.п.

Составные числительные образуются путем сочетания простых и сложных. В них царит строгий порядок следования одних слов за другими и невозможны никакие вставки: *сто двадцать пять*, *две тысячи пятьсот двадцать семь*. Важнейшей чертой таких числительных является интонационная целостность.

Лексический состав простых и производных числительных в современном русском языке не пополняется. Что же касается составных числительных, то количество их предопределено составом первых двух групп числительных.

У количественных числительных нет категории ч и сл а; понятие числа входит в их лексическое значение. Форма множественного числа *одни* не выражает значения множественности. Сочетаясь с существительными pluralia tantum, а также с существительными, обозначающими парные предметы (*одни сани*, *одни часы*, *одни руки* – ср.: *двое саней*, *трое часов*), форма *одни* используется как чисто формальное средство выражения согласования, лишённое грамматического содержания.

Количественные числительные в целом не имеют и категории рода, так как они лишены значения предметности. Формами рода обладают лишь числительные *один*, *два*, *тысяча*, *миллион*, *миллиард*.

Числительное *один* изменяется по родам и, подобно прилагательным, согласуется с именами существительными в роде: *один клен*, *одна липа*, *одно дерево*. Ср.: *высокий клен*, *высокая липа*, *высокое дерево*.

Числительное *два* имеет только две формы рода: одну – для женского рода (*две липы*), другую – для мужского и среднего (*два клена*, *два дерева*). Это числительное выражает родовые различия лишь в формах именительного и вини-

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

тельного падежей, сочетаясь с неодушевленными существительными. Ср.: И. — *два клена (деревя), две липы* и В. — *два клена (деревя), две липы*. В сочетаниях с одушевленными существительными оно выражает значение рода только в именительном падеже. Ср.: И. — *два ученика* и *две ученицы*, но: В. — *двух учеников, учениц*. Формы всех остальных падежей не обладают значением рода, так как требуют после себя существительных в форме множественного числа. Ср.: Р. — *двух кленов, лип, учеников, учениц*. Ограниченные возможности выражения родовых различий ставят числительное *два* ближе к другим числительным, нежели к прилагательным.

У числительных *тысяча, миллион, миллиард* формы рода и падежа совпадают с формами рода и падежа существительных. Ср.: *туча (тучи, туч)* и *тысяча (тысячи, тысяч)*, *стадион (стадионы, стадионов)* и *миллион (миллионы, миллионов)*, *авангард (авангарды, авангардов)* и *миллиард (миллиарды, миллиардов)*. На этом основании эти числительные (а также слово *один*) часто рассматриваются как имена существительные. Особенно близки они к так называемым *счетным* существительным (ср.: *сотня* и *тысяча, сотни* и *тысячи, сотен* и *тысяч*).

Однако числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* во многих отношениях отличаются от *счетных* существительных:

1) числительные, употребляясь без существительных, обозначают абстрактные числа, в то время как *счетные* существительные при таком употреблении имеют предметное значение. Ср.: *К миллиону прибавим еще одну тысячу* и *получил пятерку, поеду на двадцатке*;

2) будучи названием абстрактных чисел, числительные имеют графические обозначения: *один* — 1, *два* — 2, *сто* — 100, *тысяча* — 1000, *миллион* —

1 000 000. *Счетные* существительные (*единица, пара, десяток, дюжина* и др.) своих цифровых обозначений не имеют;

3) числительные выступают как единственные обозначения соответствующих единиц счета. Ср.: *один, два, три, четыре, ..., сто, ..., тысяча, ..., миллион, ..., миллиард*. *Счетные* существительные в этот ряд не входят;

4) в отличие от *счетных* существительных слова *один, тысяча, миллион, миллиард* являются компонентами составных числительных: *одна тысяча сто сорок один; два миллиона шестьсот тысяч*;

5) числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* сочетаются со всеми конкретными существительными, т.е. с названиями предметов, способными подвергаться счету. *Счетные* существительные имеют строго ограниченный круг слов, с которыми могут сочетаться. Например: *пара (лошадей, сапог, туфель, ботинок* и т.п.), но нет сочетаний «пара волос», «пара носов» и т.д.; *десяток яиц, книг*, но нет «десяток зданий», «десяток дворцов» и т.п.; *дюжина ножей (вилок, ложек), платков* и т.п., но нет «дюжина килограммов», «дюжина кинотеатров» и т.д.;

6) качественные прилагательные не сочетаются со словами *один, тысяча, миллион, миллиард*, а при *счетных* существительных являются обычными определениями: *резвая тройка, твердая пятерка, дружная тройка правит хозяйством*;

7) числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* имеют соотносительные с ними порядковые прилагательные: *первый, тысячный, миллионный, миллиардный*. Прилагательные *парный, сотенный, двоечный*, образованные от *счетных* существительных, не обладают «порядковым» значением;

8) *один, тысяча, миллион, миллиард* — *непроизводные* слова, *счетные*

же существительные (за исключением слов типа *пара, дюжина*) — это производные слова, созданные на базе количественных числительных (ср.: *два — двойка, пять — пяток, сто — сотня* и др.).

Определяя слова *один, тысяча, миллион, миллиард* как числительные, следует отграничить их от омонимов, возникших в результате перехода в другие части речи. Ср.:

1) Имя числительное: *Прибавь три к одному; У каждого только одна рука.* 2) Имя существительное: *Один в поле не воин* (Посл.). *Одного не доставало молодым супругам: детей у них не было* (Тургенев). 3) Имя прилагательное: а) «тот же самый, одинаковый»: *Рад, что вы одного мнения со мною* (Гоголь); б) «целостный, единый»: *(Толпа) только шевелилась, гудела, вздыхала и казалась одним существом* (Скиталец). 4) Местоимение: *Мы обедали сегодня у одного* (ср. *некоего Голушкина* (Тургенев)). 5) Частица: *Роскошь утешает одну* (ср.: *только, лишь бедность* (Пушкин)). *В кладовых у него одни мыши* (А.Н. Толстой).

Слова *тысяча, миллион, миллиард*, обозначая огромное количество, неопределенное множество предметов, выступают в функции существительного. При этом они употребляются обычно в форме множественного числа: *У меня тысячи причин плакать, однако же, я не плачу* (Чехов). — *У нашей тети Паши миллион предрассудков, — сказала мама* (Панова). *По нашим следам миллионам идти* (Яшин). *Там, вверху, ярко мелькают миллиарды звезд* (Решетников).

Разные группы количественных числительных обладают различными синтаксическими признаками.

Числительное *один* согласуется с именами существительными в роде, числе и падеже. Ср.: *один дом, одной комнаты, одним брусом*.

Числительные *два, три, четыре* в именительном и винительном падежах управляют существительными, требуя их употребления в форме родительного падежа единственного числа. В остальных падежах они согласуются с существительными. Ср.:

И.-В.	<i>пять домов</i>	<i>пять комнат</i>	<i>пять зданий</i>
Р.	<i>пяти домов</i>	<i>пяти комнат</i>	<i>пяти зданий</i>
Д.	<i>пяти домам</i>	<i>пяти комнатам</i>	<i>пяти зданиям</i>

Исключение составляют субстантивированные прилагательные. В именительном и винительном падежах числительные *два, три, четыре* требуют употребления субстантивированных прилагательных мужского и среднего рода в форме родительного падежа множественного числа (*два лесничих, три военных; четыре насекомых*), а женского рода — в форме именительно-винительного или родительного падежа множественного числа (*две запятых и две запятые, три столовых и три столовые, четыре кладовых и четыре кладовые*).

Числительные, начиная с *пяти*, в именительном и винительном падежах требуют употребления существительных в форме родительного падежа множественного числа, а в остальных падежах согласуются с существительными. Ср.:

И.-В.	<i>два дома</i>	<i>две комнаты</i>	<i>два здания</i>
Р.	<i>двух домов</i>	<i>двух комнат</i>	<i>двух зданий</i>
Д.	<i>двум домам</i>	<i>двум комнатам</i>	<i>двум зданиям</i>

При числительных *тысяча, миллион, миллиард* существительные употребляются только в форме родительного падежа множественного числа. Ср.:

И.-В.	<i>тысяча</i>	} домов	<i>миллион</i>	} домов	<i>миллиард</i>	} домов
Р.	<i>тысячи</i>		<i>миллиона</i>		<i>миллиарда</i>	
Д.	<i>тысяче</i>		<i>миллиону</i>		<i>миллиарду</i>	

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Имена существительные, вступающие в сочетания с количественными числительными, могут иметь определения. В сочетаниях с числительными

два, три, четыре в косвенных падежах определение **с о г л а с у е т с я** с существительным:

Р. <i>двух высоких парней</i>	<i>двух стройных девушек</i>
Д. <i>двум высоким парням</i>	<i>двум стройным девушкам</i>
Т. <i>двумя высокими парнями</i>	<i>двумя стройными девушками</i>

Падеж прилагательного в сочетаниях с этими числительными в именительном и винительном падежах зависит от рода существительного:

а) при существительных мужского и среднего рода прилагательное употребляется в форме родительного падежа (*два **высоких** парня, три **легких** вопроса, четыре **больших** окна*);

б) при существительных женского рода прилагательное чаще употребляется в форме именительного падежа (*две **стройные** девушки, три **трудные** задачи, четыре **большие** комнаты*).

В сочетаниях с остальными числительными определение всегда согласуется с существительным:

И. <i>пять высоких парней</i>	<i>пять стройных девушек</i>
Р. <i>пяти высоких парней</i>	<i>пять стройных девушек</i>
Д. <i>пяти высоким парням</i>	<i>пяти стройным девушкам</i>

В склонении числительных выделяется несколько парадигм.

1) Склонение числительного *один*:

Падеж	Единственное число			Множественное число
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
И.	<i>один-Ø</i>	<i>один-о́</i>	<i>один-а́</i>	<i>один-и́</i>
Р.		<i>один-ого́</i>	<i>один-ой</i>	<i>один-их</i>
Д.		<i>один-ому́</i>	<i>один-ой</i>	<i>один-им</i>
В.	<i>один-Ø</i>	<i>один-о́</i>	<i>один-у́</i>	<i>один-и́</i>
Т.		<i>и один-ого́</i>		<i>и один-их</i>
П.		<i>один-им</i>	<i>один-ой</i>	<i>один-ими</i>
	<i>(об) один-ом</i>		<i>(об) один-ой</i>	<i>(об) один-их</i>

2) Склонение числительных *два, три, четыре*:

И. <i>дв-а, дв-е</i>	<i>три</i>	<i>четы́р-е</i>
Р. <i>дв-ух</i>	<i>тр-ёх</i>	<i>четы́р-ёх</i>
Д. <i>дв-ум</i>	<i>тр-ём</i>	<i>четы́р-ём</i>
В. <i>дв-а, дв-е и дв-ух</i>	<i>тр-и и тр-ёх</i>	<i>четы́р-е и четы́р-ёх</i>
Т. <i>дв-умя́</i>	<i>тр-емя́</i>	<i>четы́р-мя́</i>
П. <i>(о) дв-ух</i>	<i>(о) тр-ёх</i>	<i>(о) четы́р-ёх</i>

3) Склонение числительных 5–10, 11–20, 30:

И.-В.	<i>пять-Ø</i>	<i>во́семь-Ø</i>	<i>оди́ннадцать-Ø</i>	<i>пяти́надцать-Ø</i>
Р., Д., П.	<i>пят-и́</i>	<i>восемь-и́</i>	<i>оди́ннадцат-и</i>	<i>пяти́ннадцат-и</i>
Т.	<i>пять-ю́</i>	<i>восемь-ю́</i>	<i>оди́ннадцат-ю</i>	<i>пяти́ннадцат-ю</i>
		<i>(во́сьмь-ю)</i>		

4) Склонение числительных 40, 90, 100:

И.-В.	<i>сорок-Ø</i>	<i>девяност-о</i>	<i>ст-о</i>
Р., Д., Т., П.	<i>сорок-á</i>	<i>девяност-а</i>	<i>ст-а</i>

5) Склонение числительных 50, 60, 70, 80:

И.-В.	<i>пять-Ø-десят-Ø</i>	<i>восьмь-Ø-десят-Ø</i>
Р., Д., П.	<i>пят-ú-десят-и</i>	<i>восьм-ú-десят-и</i>
Т.	<i>пять-ю-десять-ю</i>	<i>восьмь-ю-десять-ю</i> (<i>восемь-ю-десять-ю</i>)

6) Склонение числительных 200–900:

И.-В.	<i>дв-é-ст-и</i>	<i>тр-ú-ст-а</i>	<i>восемь-сòт-Ø</i>
Р.	<i>дв-ух-сòт-Ø</i>	<i>тр-ех-сòт-Ø</i>	<i>восьм-и-сòт-Ø</i>
Д.	<i>дв-ум-ст-ám</i>	<i>тр-ем-ст-ám</i>	<i>восьм-и-ст-ám</i>
Т.	<i>дв-умя-ст-áми</i>	<i>тр-емя-ст-áми</i>	<i>восемь-ю-ст-áми</i> <i>восьмь-ю-ст-áми</i>
П.	<i>(о) дв-ух-ст-áх</i>	<i>(о) тр-ех-ст-áх</i>	<i>(о) восьм-и-ст-áх</i>

7) Числительные *тысяча, миллион, миллиард* склоняются, как существительные *туча, стадион, авангард*. Варианты форм творительного падежа дифференцированы по семантике: *тысячью* – форма числительного (*с тысячью рублями уже можно начать дело*), а *тысячей* – форма счетного существительного (*с одной тысячей такой город не возьмешь*).

3. Порядковые числительные. Слова типа *третий, десятый, сороковой, миллионный* и т.п. обычно рассматриваются как порядковые числительные. Эти слова образуются от количественных числительных и опираются на их семантику, но этого недостаточно, чтобы считать их числительными. Ведь слово *сверлильный* мы не относим к глаголу на том лишь основании, что оно образовано на базе глагола и его семантика мотивирована значением глагола. Точно так же слово *храбрец* не относится к прилагательным, хотя оно формально и семантически мотивировано словом *храбрый*. Для отнесения того или иного слова к определенной части речи необходимы грамматические основания. Слова *третий, десятый* и т.п. обозначают признак предмета: выражают отноше-

ние к числу так же, как выражают отношение к предмету прилагательные *железный, деревянный* и др. Значит, они обладают категориальным значением имени прилагательного. Другие их грамматические признаки также совпадают с грамматическими свойствами прилагательных: они 1) изменяются по типу прилагательных (напр., слово *третий* склоняется как прилагательное *волчий*, а *пятый* – как *жена-тый*); 2) имеют те же синтаксически зависимые категории рода, числа и падежа, что и прилагательные; 3) выступают в качестве определения, согласуясь с существительным в роде, числе и падеже (ср.: *пятый дом, пятой квартиры, на пятые сутки*).

«Порядковые» слова имеют ту же словообразовательную структуру, что и обычные относительные прилагательные. Ср. слова: 1) с нулевым суффиксом: *добрый* (ср. *добро*) и *девятый* (ср. *девять*); 2) с суффиксами *-н-, -ов-, -ий-*: *железный* и *тысячный, вековой* и *сороковой, лисий* и *третий*.

Слова типа *третий, сороковой, тысячный* и т.п. должны рассматриваться как относительные прилагательные.

РАЗРЯДЫ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

4. Собираемые числительные. К собираемым числительным относятся слова *двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*. Они обозначают совокупность предметов, состоящую из такого количества, которое названо производящим количественным числительным. Ср.: *два рыбака* и *двое рыбаков*; *четыре сына* и *четверо сыновей*.

Собираемые числительные, употребленные без существительных, обозначают совокупность лиц: *Семеро одного не ждут* (Пословица). *Самолет за один рейс может взять только шестерых* (Б. Полевой).

Все собираемые числительные образуются на базе количественных числительных: *дв(а) – дв-о[л]л-е* (суффикс -о[л]л-); *четыре – четв-ер-о* (суффикс -ер-).

Собираемые числительные легко сочетаются с названиями лиц мужского, а также общего рода: *пятеро водителей автобуса, шестеро мальчиков, двое сирот* и т.п. Ограничения носят лишь стилистический характер: эти сочетания имеют разговорный оттенок. Поэтому в строго нормированной речи не встречаются сочетания типа «двое генералов», «четверо академиков».

Собираемые числительные сочетаются также с существительными *люди, дети (трое детей, четверо людей)*, с личными местоимениями *мы, вы, они (позвали нас двоих, их осталось двое)*.

Употребление собираемых числительных носит обязательный характер в сочетаниях с субстантивированными прилагательными со значением лица: *двое дневальных, трое военных, четверо смелых, пятеро русских, шестеро пленных*.

Собираемые числительные не сочетаются с названиями лиц женского пола и с названиями животных (не говорят «двое девушек», «трое волков»). Однако вполне допустимо употребление их при назывании детенышей животных: *трое козлят, двое щенят, четверо поросят* (ср.: *три козленка, два щенка, четыре поросенка*).

Исключительно с собираемыми числительными *двое, трое, четверо* сочетаются: 1) существительные, употребляющиеся только во множественном числе: *двое суток, трое саней, четверо щипцов*; 2) существительные, обозначающие парные предметы: *трое перчаток, двое чулок*.

Начиная с *пятеро*, собираемые числительные сочетаются с существительными *pluralia tantum* наряду с количественными: *пятеро суток* и *пять суток, шестеро саней* и *шесть саней, семеро ножниц* и *семь ножниц*. Сочетания с количественными числительными в косвенных падежах более правильны: *трех суток* (а не «троих суток»), *четырех щипцов* (а не «четверых щипцов»).

Сочетания типа *двое брюк, трое перчаток* в современном русском языке уступают по употребительности сочетаниям *две пары брюк, три пары перчаток*. В косвенных падежах сочетания с количественными числительными являются единственно правильными: *двух пар брюк* (а не «двоих брюк»).

Собираемые числительные *двое, трое* склоняются, как прилагательные с мягкой основой во множественном числе, остальные — как прилагательные с твердой основой:

И.	<i>дво́-е</i>	<i>тро́-е</i>	<i>че́твер-о</i>	<i>де́сятер-о</i>
Р.	<i>дво-и́х</i>	<i>тро-и́х</i>	<i>четвер-и́х</i>	<i>десятер-и́х</i>
Д.	<i>дво-и́м</i>	<i>тро-и́м</i>	<i>четвер-и́м</i>	<i>десятер-и́м</i>
В.	<i>дво́-е и</i> <i>дво-и́х</i>	<i>тро́-е и</i> <i>тро-и́х</i>	<i>че́твер-о и</i> <i>четвер-и́х</i>	<i>де́сятер-о и</i> <i>десятер-и́х</i>
Т.	<i>дво-и́ми</i>	<i>тро-и́ми</i>	<i>четвер-и́ми</i>	<i>десятер-и́ми</i>
П.	<i>(о) дво-и́х</i>	<i>(о) тро-и́х</i>	<i>(о) четвер-и́х</i>	<i>(о) десятер-и́х</i>

Нередко к собирательным числительным относят слово *оба* (*обе*). Это слово имеет сходство с числительным *два* (*две*): указание на количество, наличие форм рода, некоторые синтаксические свойства. Тем не менее это не числительное. Оно не обозначает количества, а лишь указывает на раннее названные (или известные говорящему) два предмета, имеет значение «и тот и другой»: *Пред испанкой благородной Двое рыцарей стоят, Оба смело и свободно В очи прямо ей глядят* (Пушкин). Это типичное местоименное значение, что дает основание рассматривать слово *оба* (*обе*) как местоимение.

Под термином «неопределенно-количественные слова» принято понимать слова *мало* (*немало*), *много* (*немного*), *сколько* (*несколько*), *столько*. Отнесение их к той или иной части речи вызывает споры. В.В. Виноградов называет их «неопределенно-количественными именами числительными», А.Н. Гвоздев — «неопределенными числительными». В академической грамматике 1953 г. они отнесены к числительным. Существует и другое мнение: слова *мало* (*немало*), *много* (*немного*) являются наречиями, а слова *сколько* (*несколько*), *столько* — местоимениями. Целесообразность такого понимания приведенных слов подтверждают их лексические и грамматические особенности.

Слова *мало* (*немало*), *много* (*немного*) сочетаются со всеми разрядами существительных. Ср.: *мало* (*много*) *тетрадей, ручек, времени, соли, опилок, радости, молодежи*. Нет разряда числительных, которые имели бы такую неограниченную сочетаемость.

Слова *мало* (*немало*), *много* (*немного*) не обладают основным свойством количественных числительных: они не способны выражать точное количество предметов, не имеют счетно-число-

го значения. Наоборот, в них ярко выражены признаки наречий: 1) способность определять глагол (*мало занимаешься, много рисует, немного подумайте, немало потрудились*); 2) наличие форм сравнительной степени (ср.: *много читай — больше читай, мало рисуй — меньше рисуй*); 3) наличие форм субъективной оценки (*немного потерпи — немножко потерпи, мало времени — маловато времени*); 4) способность сочетаться с наречиями степени (*очень мало, очень много работаешь*); 5) отсутствие падежных форм.

Не относятся к числительным и слова *сколько* (*несколько*), *столько*. Они обладают местоименными (обобщенно-указательными) значениями: *сколько* — вопросительно-относительное, *несколько* — неопределенное, а *столько* — указательное местоимение. В отличие от числительных они образуют формы оценки (*столечко, сколечко*), могут сочетаться с отвлеченными существительными (*столько счастья, внимания, терпения; сколько печали, труда, находчивости* и т.п.).

Лит.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960; Супрун А.Е. Славянские числительные. Минск, 1969.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. См. категория падежа существительных.

РОЛЬ УДАРЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ ВИДОВЫХ ПАР. При помощи ударения различаются видовые формы префиксальных глаголов, образованных от *резать* и *сыпать*: 1) *нарезать* (сов. вид) — *нареза́ть* (несов. вид); *обрезать* (сов. вид) — *обреза́ть* (несов. вид) и др.; 2) *засыпать* (сов. вид) — *засыпа́ть* (несов. вид), *насыпать* (сов. вид) — *насыпа́ть* (несов. вид) и др. Ударение — единственное средство

различения видов в инфинитиве этих глаголов и в формах, образованных от основы инфинитива, — в прошедшем времени, сослагательном наклонении. Ср.: 1) *нарэзать* — *нарэзал* — *нарэзал бы* (сов. вид); *нарэзать* — *нарэзál* — *нарэзál бы* (несов. вид); 2) *насыпать* — *насыпал* — *насыпал бы* (сов. вид); *насыпать* — *насыпál* — *насыпál бы* (несов. вид). В остальных формах видовые значения различаются не только по месту ударения. Ср.: *нарэжу* (сов. вид) — *нарэзajú* (*нарэзaj-у*; несов. вид), *разрэжу* (сов. вид) — *разрэзajú* (*разрэзaj-у*; несов. вид).

Лит.: Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Молчанова С. Ф. Ударение подвижного типа в формах прошедшего времени // Уч. зап. Ярославского педагогического института. Т. 22. 1958; Спринчак Я. А. Подвижное ударение в формах настоящего времени // Уч. зап. Днепропетровского гос. ун-та. Языкознание. Т. 52. Вып. 9. Киев, 1956; Титовская В. В. Особенности ударения в глагольных формах // Уч. зап. Липецкого гос. педагогического института. Вып. 1. 1956.

СИСТЕМА ВРЕМЁН ПРИЧАСТИЙ. Система времен причастия не совпадает с системой времен глагола. В отличие от глаголов у причастий налицо только одна временная оппозиция — противопоставление настоящего прошедшему. В этой оппозиции формы настоящего времени обозначают процесс-признак, проявляющийся в настоящем, а формы прошедшего времени — процесс-признак, относящийся к плану прошлого. Ср.: *книга, читаемая* учеником — *книга, читанная* учеником; *читаемая* учеником *книга* — *прочитанная* учеником *книга*; *ученик, читавший* книгу — *ученик, прочитавший* книгу.

Во всех таких примерах выражен процесс-признак в отношении к моменту речи: проявление его, совпадающее с моментом речи, обозначают причастия настоящего времени, а наличие его до момента речи выражают причастия прошедшего времени, находясь между собой (друг с другом) в коррелятивных отношениях. Иначе говоря, во всех этих случаях причастные формы связаны с абсолютным временем.

Кроме абсолютного времени, причастия выражают относительное время. Формы причастий настоящего и прошедшего времени несовершенного вида обычно обозначают одновременность по отношению к действию, выражаемому глаголом в форме прошедшего времени. Примеры: *День потухающий дымился...* (Тютчев). — *Восемьдесят, — сострила барышня, глядя со смехом на фокусы, какие выделывал руками и ногами плясавший художник.* (Чехов). Процессы, выраженные причастиями и глаголами, по времени проявления совпадают: день дымился, когда потухал; художник выделывал руками и ногами фокусы в то время, когда плясал.

В случаях, когда глагол стоит в форме совершенного вида, действия по времени проявления совпадают лишь частично: *Спеша с добычей домой, я увидел возле дороги пахавшего мужика* (Тургенев). Действия говорящего и мужика происходят одновременно, но не совпадают по длительности. Время действия глагола *увидел* охватывает лишь часть времени действия причастия *пахавший*.

Если глагол стоит в форме настоящего или будущего времени, то формы причастий несовершенного вида настоящего времени обладают значением одновременности, а

формы причастий несовершенного вида прошедшего времени — значением предшествования действию, выраженному глаголом. Примеры: *Я глухо слышу, жутко чую Вой голодающих волков* (Брюсов). *Огнем каленный — скоро не устану, мороженный — с дороги не сверну* (Ручьев).

Формы совершенного вида причастий обладают значением предшествования: действие, названное в причастии, произошло раньше другого действия. Примеры: *Проехав шагов сто, Хаджи-Мурат у в и д е л сквозь стволы деревьев костер и до половины освещенную огнем стреноженную лошадь в седле* (Л. Толстой). *Росой обрызганный душистой, ...Из-под куста мне ландыш серебристый Приветливо к и в а е т головой* (Лермонтов). *По дорогам медленно двигались группы отставших бойцов* (Павленко). *Погасший пепел уж не вспыхнет* (Пушкин). Глаголы в этих предложениях выступают в форме прошедшего (*увидел, двигались*), настоящего (*кивает*) и будущего простого времени (*не вспыхнет*), в форме несовершенного (*двигались, кивает*) и совершенного (*увидел, не вспыхнет*) вида. Независимо от временных и видовых значений глагола причастия совершенного вида обозначают действие, которое произошло раньше действия глагола.

Итак, причастия выражают не только абсолютное, но и относительное время, хотя и не имеют предикативных форм (наклонения, лица), отсутствие которых накладывает определенные ограничения на функции временных форм причастий. Причастные формы входят в два типа временных противопоставлений: находясь в оппозиции друг с другом, они обозначают абсолютное время; вступая в соотношения

с личными формами глагола, они выражают относительное время.

Лит.: Бондарко А.В., Буландин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967; Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. М., 1980.

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Включает род, число, падеж, которые органически связаны с категориальным значением этой части речи и служат грамматическим средством выражения предметности. Входя в одну систему, они находятся в определенных отношениях (равноправия, большей или меньшей зависимости, обусловленной совместным употреблением и т.д.) и взаимодействуют в процессе функционирования. Этому благоприятствует единая для всех категорий система грамматических форм существительного. В одной и той же словоформе существительного обычно совмещаются разные грамматические значения. Формы единственного числа могут совмещать все три грамматических значения существительного. Так, форма *рыба* выражает значения женского рода им. падежа и ед. числа, а форма *рыбу* — значения женского рода вин. падежа и ед. числа. Формы множественного числа способны выражать лишь значения падежа и числа, не обладают значением рода. Например, словоформа *рыбам* выражает значения тв. падежа и мн. числа, а *рыб* — значения род. падежа и мн. числа. Как видно, род и число связаны в своем проявлении и обнаруживают определенную зависимость. Значения числа и падежа могут реализовываться независимо друг от друга. Ср.: *рыбу* и *рыбам*, *рыбой* и *рыбами* и т.п.

Центральное место в грамматической системе имени существительного

СКЛОНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

принадлежит категории рода. Будучи главным средством выражения предметности, она в основном и делает существительное существительным. Категория рода определяет важнейшие структурно-семантические особенности сочетаний имени существительного с согласуемыми с ним прилагательными и глаголами. Она органически связана с системой склонения всех существительных в единственном числе (кроме названий лиц мужского пола на *-а* и слов среднего рода в форме косвенных падежей). Так, флексия *-у* всегда является показателем мужского рода в родительном падеже единственного числа (*сахару, квасу, компоту, кишишишу, лаку* и т.п.).

Род — принадлежность всей лексемы, а не отдельной словоформы. Во всех возможных формах единственного числа имя существительное относится к одному роду. Существительное *рука* во всех своих формах женского рода, *тело* — среднего, *нос* — мужского. По родам существительные классифицируются (но не изменяются).

По падежам существительные изменяются. В каждом конкретном случае употребления выбор той или иной

падежной формы полностью обусловлен господствующим словом сочетания, напр.: *колоть дрова, колоть топором, колоть на мелкие части; делать игрушки из глины* и т.п. Употребление падежных форм обусловлено синтаксически. В этом смысле падеж — категория синтаксическая.

Число, как и род, относится к синтаксическим категориям. Употребление форм единственного или множественного числа в словосочетании не зависит от господствующего слова. Ср.: *помой ложку и помой ложки*. Грамматически правильны оба сочетания. Выбор формы числа зависит от того, сколько предметов охвачено действием.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Шерба Л. В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

СКЛОНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ. В склонении числительных выделяется несколько парадигм.

1. Склонение числительного *один*:

Падеж	Единственное число			Множественное число
	М. р.	Ср. р.	Ж. р.	
И.	<i>один-Ø</i>	<i>один-о́</i>	<i>один-а́</i>	<i>один-и́</i>
Р.		<i>один-ого́</i>	<i>один-о́й</i>	<i>один-и́х</i>
Д.		<i>один-ому́</i>	<i>один-о́й</i>	<i>один-и́м</i>
В.	<i>один-Ø</i>	<i>один-о́</i> и <i>один-о́го</i>	<i>один-у́</i>	<i>один-и́</i> и <i>один-и́х</i>
Т.		<i>один-и́м</i>	<i>один-о́й</i>	<i>один-и́ми</i>
П.	<i>(об) один-о́м</i>		<i>(об) один-о́й</i>	<i>(об) один-и́х</i>

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

2. Склонение числительных *два, три, четыре*:

И.	<i>дв-а, дв-е</i>	<i>три</i>	<i>четы́р-е</i>
Р.	<i>дв-ух</i>	<i>тр-ёх</i>	<i>четы́р-ёх</i>
Д.	<i>дв-ум</i>	<i>тр-ём</i>	<i>четы́р-ём</i>
В.	<i>дв-а, дв-е и дв-ух</i>	<i>тр-и и тр-ёх</i>	<i>четы́р-е и четы́р-ёх</i>
Т.	<i>дв-умя́</i>	<i>тр-емя́</i>	<i>четы́р-мя́</i>
П.	<i>(о) дв-ух</i>	<i>(о) тр-ёх</i>	<i>(о) четы́р-ёх</i>

3. Склонение числительных 5–10, 11–20, 30:

И.-В.	<i>пять-Ø</i>	<i>вóсемь-Ø</i>	<i>одíннацать-Ø</i>	<i>пятьна́дцать-Ø</i>
Р., Д., Т., П.	<i>пят-и́</i>	<i>восем-и́</i>	<i>одíннацат-и</i>	<i>пятьна́дцат-и</i>
Т.	<i>пять-ю́</i>	<i>восемь-ю́</i> <i>(восемь-ю)</i>	<i>одíннацать-ю</i>	<i>пятьна́дцать-ю</i>

4. Склонение числительных 40, 90, 100:

И.-В.	<i>сóрок-Ø</i>	<i>девяно́ст-о</i>	<i>ст-о</i>
Р., Д., Т., П.	<i>сорок-а́</i>	<i>девяно́ст-а</i>	<i>ст-а</i>

5. Склонение числительных 50, 60, 70, 80:

И.-В.	<i>пять-Ø-деся́т-Ø</i>	<i>вóсемь-Ø-деся́т-Ø</i>
Р., Д., Т., П.	<i>пят-и́-деся́т-и</i>	<i>восем-и́-деся́т-и</i>
Т.	<i>пять-ю́-деся́ть-ю</i>	<i>восемь-ю́-деся́ть-ю</i> <i>(восемь-ю́-деся́ть-ю)</i>

6. Склонение числительных 200–900:

И.-В.	<i>дв-е́-ст-и</i>	<i>тр-и́-ст-а</i>	<i>восемь-со́т-Ø</i>
Р.	<i>дв-ух-со́т-Ø</i>	<i>тр-ёх-со́т-Ø</i>	<i>восем-и-со́т-Ø</i>
Д.	<i>дв-ум-ст-а́м</i>	<i>тр-ём-ст-а́м</i>	<i>восем-и-ст-а́м</i>
Т.	<i>дв-умя-ст-а́ми</i>	<i>тр-емя-ст-а́ми</i>	<i>восемь-ю-ст-а́ми</i> <i>восемь-ю-ст-а́ми</i>
П.	<i>(о) дв-ух-ст-а́х</i>	<i>(о) тр-ёх-ст-а́х</i>	<i>(о) восьм-и-ст-а́х</i>

7. Числительные *тысяча, миллион, миллиард* склоняются, как существительные *туча, стадион, авангард*. Варианты форм творительного падежа дифференцированы по семантике: *тысячью* – форма числительного (*с тысячью рублями уже можно начать дело*), а *тысячей* – форма счетного существительного (*с одной тысячей такой город не возьмешь*).

Лит.: Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. М.; Л., 1960; Обнорский С. П. Заметки по русским числительным // Академия наук

СССР – академику Н. Я. Марру. М., 1935; Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск, 1969.

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ.
См. разряды местоимений.

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. Склонение прилагательных включает изменение их не только по падежам и числам, но и по родам (в единственном числе). Мужской и средний род отличаются в именительном и винительном падежах, а в остальных падежах имеют общие формы.

СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Особенность склонения прилагательных составляет более последовательное, чем у существительных, выражение категории одушевленности. В сочетаниях прилагательных с существительными мужского рода на *-а(-я)* формы родительного и винительного падежей прилагательных совпадают, а у существительных они различаются. Ср.:

И. <i>верн-ый слуг-а</i>	<i>добр-ый дедушк-а</i>
Р. <i>верн-ого слуг-и</i>	<i>добр-ого дедушк-и</i>
В. <i>верн-ого слуг-у</i>	<i>добр-ого дедушк-у</i>

По склонению прилагательные делятся на три типа: 1) качественные и относительные с окончаниями муж. р. им. пад. ед. числа *-ый(-ий)*, *-ой (алый, синий, летний; земной, густой)*; 2) притяжательно-относительные прилагательные с суффиксом *-ий (-j-)* и нулевым окончанием в им. п. ед. ч. муж. рода (*птичий, волчий, лисий, козий*); 3) собственно притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов, -ин* и нулевыми окончаниями в им. п. ед. ч. муж. рода.

Основной тип первый. В нем различаются два подтипа — твердый и мягкий. К т в е р д о м у типу относятся прилагательные с основой на твердые согласные (*ал-ый, худ-ой, прям-ой*), а к м я г к о м у типу — прилагательные с основой на мягкие согласные (*ранн-ий, лет-н-ий*). Прилагательные с основой на *г, к, х* образуют смешанный тип склонения, так как в одних падежах конечный согласный основы мягкий, а в других — твердый. Ср.: *строг-ий, строг-им*, но *строг-ого, строг-ому*.

Притяжательно-относительные прилагательные с суффиксом *-j-(-ий)* имеют окончания кратких форм в именительном и винительном падежах обоих чисел. Во всех остальных падежах единственного и множественного

числа они обладают окончаниями мягкого типа склонения. В именительном падеже в мужском роде у них нулевое окончание (*волч-ий-∅*), в женском роде *-я (волч-j-а)*, в среднем *-е (волч-j-е)*, а во множественном числе *-и (волч-j-и)*. В винительном падеже единственного числа *волч-ий-∅, волч-j-его* (м. р.), *волч-j-е* (ср. р.), *лис-j-у* (ж. р.), множественного числа *лис'-j-и, лис'-j-их*.

Прилагательные с суффиксами *-ов(-ев), -ин(-ын)* имеют окончания имен существительных не только в именительном и винительном падежах обоих чисел, но и в родительном и дательном падежах единственного числа мужского и среднего рода.

Окончания *-а, -у* (род. и дат. падежей муж. и ср. рода ед. числа прилагательных на *-ин*) в современном русском языке постепенно вытесняются окончаниями полных прилагательных *-ого* и *-ому*. Вместо *папина, Машина, Сашина* (р. п. м. и ср. р.) и *папину, Машину, Сашину* (д. п. м. и ср. р.) теперь обычно употребляют *папиного, Машиного, Сашиного* и *папиному, Машиному, Сашиному*. Ср. также: *дядина* и *дядино-го, дядину* и *дядиному*; *бабушкина* и *бабушкиного, бабушкину* и *бабушкиному*. В этом надо видеть тенденцию к унификации склонения имен прилагательных с суффиксом *-ин*, так как при этом устраняются некоторые различия, обособляющие склонение этих слов в общей системе словоизменения прилагательных.

В словоизменении полных форм имен прилагательных в отличие от существительных ударение не используется как средство различения форм падежа и числа. Прилагательные твердого склонения имеют ударение или только на основе (*алый, новый*), или только на окончании (*прямой, родной*), а прилагательные мягкого склонения — только на основе (*летний, дальний*).

Лит.: Виноградов В. В. Имя прилагательное // Русский язык. М., 1947; Запизняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931; Павлов В. М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // ВЯ. 1960. № 2.

СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНАЯ (МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ) ПАРАДИГМА.

1. Упорядоченная совокупность, система словоформ, образующих одну лексику. 2. Образец, схема словоизменения. Структура парадигмы определяется составом и особенностями грамматических категорий, грамматических форм и их взаимосвязями внутри частей речи. Словоизменительные парадигмы имеют только изменяемые части речи — имена существительные, имена прилагательные, местоимения, числительные, глаголы. Самую разветвленную парадигму имеет глагол. Один глагол может иметь до 395 грамматических форм [*делать (сделать), делаться (сделаться)*]. Полная глагольная парадигма включает спрягаемые формы, причастные формы, дееспричастия, которые выделяются как подпарадигмы. См. спряжение. Полная парадигма существительного состоит из падежных и числовых форм. Парадигма имени прилагательного включает все родовые, числовые, падежные формы, формы степеней сравнения, краткие формы. Не все парадигмы имеют полный набор форм. Так, у существительных могут отсутствовать формы единственного или множественного числа: *гнев, глушь* — только ед. числа; *дрожжи, дрова* — только мн. числа. Глаголы могут быть только одного из видов — совершенного или несовершенного. У глагола *дерзить* отсутствует форма 1 лица ед. числа. Разный состав грамматических форм может быть у разных значений много-

значного слова. Например, глагол *гореть* не употребляется в форме 1 и 2 л. в значениях «поддаваться (поддаться) действию огня», «топиться в печи», «осветиться». В парадигме достаточно часто встречаются избыточные, варианты формы: глагол *засеять* имеет две формы несовершенного вида — *засевать* и *засеивать*; глагол *блестеть* обладает вариантными формами лица — *блестишь* и *блещешь*, *блестят* и *блещут*. Вопросы неполноты и избыточности словоизменительных парадигм — актуальные проблемы парадигматики как науки.

Словоизменительную парадигму возглавляет исходная (словарная) форма слова. В парадигме имен существительных это форма им.п. ед.ч., глаголов — инфинитив, прилагательных — форма ед.ч. им.п. м.р.

В русском языке различаются два типа парадигм — склонение (в именных частях речи) и спряжение (в глаголе). Причастия в системе глагола выделяются как склоняемые формы. Они изменяются по типу имен прилагательных.

Члены парадигм образуют грамматические оппозиции, морфологические противопоставления: И—Р, Д—В, Т—П, Р—Д, Р—В и т.п., которые отличаются граммемами. См. **граммема**. Морфологические противопоставления осуществляются с помощью системы окончаний. В этом свете парадигма — набор, комплекс служебных морфем, используемых для образования всех грамматических форм данного слова (*Немченко В.Н.*).

Лит.: Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935; Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967; Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976; Ви-

ноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Дурново Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. 1. М., 1924; Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1987; Он же. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1987; Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1965; Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927; Якобсон Р. Русское спряжение // Избр. работы. М., 1985.

СЛОВОФОРМА. См. **грамматическая форма.**

СМЫСЛОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ. Предлоги вступают друг с другом в синонимические отношения: *у дома, около дома, возле дома; по направлению к дому, к дому (бежать); сквозь чащу, через чащу (пробраться); спустя час, через час (вернуться); со страха, от страха, из страха; в целях (с целью) повышения успеваемости, ради повышения успеваемости, для повышения успеваемости* и др. Во всех таких случаях синонимия связана с одним и тем же падежом. Это внутрипадежная синонимия.

Межпадежная синонимия предлогов опирается не на грамматические значения предлогов, а на их лексическую семантику. Ср.: *сделать к сроку* (дат. пад.) — *сделать в срок* (вин. пад.), *опоздать к поезду* (дат. пад.) — *опоздать на поезд* (вин. пад.), *подготовить для печати* (род. пад.) — *подготовить к печати* (дат. пад.).

Предложные формы падежей могут синонимизироваться с беспредложными. Ср.: *написать письмо брату* — *напи-*

сать письмо к брату, перейти дорогу — *перейти через дорогу* и др.

Антонимия предлогов в основном охватывает пространственные и временные отношения: *войти в дом* — *выйти из дома, положить на стол* — *взять со стола, сесть за стол* — *выйти из-за стола, встретиться до занятий* — *встретиться после занятий, посадить вишню перед домом* — *посадить вишню за домом, голосовать за Иванова* — *голосовать против Иванова, идти впереди всех* — *идти позади всех* и др. Антонимические связи обычно характерны для непроизводных предлогов. Из производных предлогов в антонимические отношения вступают наречные образования. Остальные типы производных предлогов антонимизируются редко. Ср.: *начиная* — *кончая*.

Лит.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978; Сергеев Ф. И. Об ошибках в употреблении предлогов и предложных конструкций и путях их исправления // РЯШ. 1961. № 1; Шведова Н. Ю. Предлоги // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ. Собираательные существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое: *молодежь, родня, мошкарa, беднота, белье, березняк, генералитет, листва, пролетариат* и т.п. Выделяются тематические группы — слова, обозначающие совокупность: 1) лиц (*знать, профессура, братва, военищина* и т.п.); 2) животных (*мошкарa, воронье* и т.п.); 3) растений (*ельник, ивняк* и т.п.); 4) предметов (*аппаратура, мебель, белье, хлам, старье* и т.п.).

Важнейшими грамматическими признаками собирательных существительных являются: 1) неизменяемость по числам, наличие у них только формы единственного числа; 2) неспособ-

ность сочетаться с количественными числительными.

Формы единственного числа собирательных существительных выражают множественность в отличие от форм единственного числа конкретных существительных, которые обозначают один предмет. Ср.: *студент* — *студенчество*, *дуб* — *дубняк*, *мошка* — *мошкара*. Выражая множественность, они сближаются с формами множественного числа конкретных существительных. Ср.: *студенты* — *студенчество*, *дубы* — *дубняк*, *мошки* — *мошкара*. Однако члены таких пар не полностью совпадают по значению. Формы множественного числа *студенты*, *дубы*, *мошки* обозначают раздельное множество, состоящее из отдельных и самостоятельных предметов, которые поддаются счету. Формы единственного числа собирательных существительных *студенчество*, *дубняк*, *мошкара* выражают неделимое множество, которое не поддается счету. Поэтому они не сочетаются с количественными числительными, но могут определяться с помощью неопределенно-количественных слов или сочетаться с дробными числительными, а также со словами, обозначающими соотношение частей и целого: *вся родня*, *большая часть молодежи*, *мало зелени*, *немало дичи*, *уйма мелочи*, *одна пятая студенчества*, *целая куча листьев*, *чемодан белья* и т.п.

Большинство собирательных существительных — производные слова, образованные безаффиксным путем (*зелень*, *мелочь*, *ветошь*, *нечисть*, *дичь*, *бездарь*, *голь* и т.п.) и с помощью суффиксов (*агентура*, *сырье* (-j-), *родня*, *учительство*, *кустарник*, *орешник*, *ивняк*, *беднота*, *старостат*, *секретариат* и др.).

Непроизводные собирательные существительные немногочисленны: *сор*,

мусор, *хлам*, *хвоя*, *бакалея*, *ботва*, *дрянь*, *знать* и т.п. В этих существительных значение собирательности является компонентом их лексической семантики.

Лексически выражается значение собирательности и в тех случаях, когда формы единственного числа конкретных существительных употребляются в функции собирательных: *С 15 июня появились молодые бекасы и дупеля, но такие стоят жары и столько комара и мошки, что охотиться нет возможности* (Некрасов).

Нередко к собирательным существительным относят слова типа *народ*, *группа*, *взвод*, *полк*, *табун*, *стадо*, *куча*, *созвездие*, *коллектив* и т.п. Эти слова не выражают собирательности. Они обозначают раздельное множество. Об этом свидетельствуют их грамматические признаки: 1) наличие формы множественного числа (*народы*, *группы* и т.п.); 2) сочетаемость их с количественными числительными (*два народа*, *пять групп*, *три взвода* и т.п.).

В современном русском языке новые собирательные существительные возникают редко. В необходимых случаях значение собирательности выражается лексически, чаще всего в формах единственного числа конкретных существительных.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Де г т я р е в В. И. Категория собирательности в именах существительных в современном русском языке // РЯШ. 1958. № 6; Щ е р б а Л. В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

СОВЕРШАЕМОСТИ. См. *способы действия*.

СОЮЗЫ. Союзы — это служебные слова, выражающие синтаксические отношения между членами предложения, частями сложного предложе-

ния и отдельными предложениями: 1) *Мать слушала его слабый, вздрагивающий и ломкий голос. Речь его лилась тяжело, но свободно* (Горький). Союзы *и, но* соединяют однородные члены предложения. 2) *Небо по-прежнему оставалось серым, но дождя не было, и сквозь плотную пелену туч виднелось солнце* (Н. Никитин). Союзы *но, и* соединяют части сложного предложения. 3) *Намерение разыскать сына не оставляло его. Но оно зрело рывками — то заноет сердце, то притихнет и забудется* (Федин). Союз *но* соединяет отдельные предложения.

Союзы занимают строго определенное место в предложении, но не являются членами предложения. Как и предлоги, они выражают разнообразные синтаксические отношения.

Будучи неизменяемыми словами, союзы не имеют специальных морфологических показателей для выражения синтаксических отношений и не используются в морфологии. При этом в отличие от предлогов, писал В. В. Виноградов, союзы «непосредственно не влияют на форму отдельных слов» и, «в сущности, за пределами морфологии». Тем не менее, следуя традиции, он оставил союзы в морфологии. Для этого имеются определенные основания. Дело в том, что союзы не изолированы от остальных разрядов слов. Они формируются на базе различных частей речи (местоимений, наречий, модальных слов и частиц и т.д.). В современном русском языке пополнение союзов за счет других частей речи является живым и активным процессом. Как отмечает В. В. Виноградов, «большая часть производных союзов еще не достигла той степени абстрактного значения, которая резко отделяла бы их от системы знаменательных частей речи. Генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными (*в силу*

того что, до тех пор пока, в то время как, по мере того как, правда и др.), с местоименными словами и особенно с наречиями (*даром что, затем что, пока, покамест, прежде чем* и т. д.) непосредственно очевидна».

В связи с этим «в русском языке расширяются и умножаются разряды гибридных или переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий». Так, своеобразно совмещают значения модальных слов и союзов *напротив, правда, тем не менее, будто, точно, вместе с тем, к тому же* и т.п., значения наречий и союзов *потом, зато, едва, покамест, пока* и т.п. Не всегда легко провести здесь границы полисемии и омонимии, об этом свидетельствуют материалы толковых словарей.

Наконец, союзы могут переходить в другие части речи. Например, союз *но*, обозначая «возражение, препятствие», употребляется в функции несклоняемого существительного: *Есть маленькое но. Никаких но — выполняйте приказ*.

В функции союзов употребляются многие самостоятельные слова, относящиеся к различным частям речи (союзные, относительные слова): *кто, что, сколько, какой, который, чей, где, куда, когда, почему, откуда, зачем* и др.

Союзы выражают отвлеченные синтаксические отношения. В их семантике, как и в семантике предлогов, совмещаются лексические и грамматические значения. Грамматическое (категориальное) значение союзов — это общее указание на связь синтаксических единиц, на характер синтаксической связи между ними. По грамматическим значениям союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Лексическое значение союзов — это указание на конкретные ти-

пы синтаксических отношений. Такковы пространственные, временные, целевые, причинные, определительные, сравнительные и т.п. значения и их оттенки. Например, в словаре С.И. Ожегова союз *или* характеризуется так: «1. разделительный. Связывает два или несколько предложений, а также однородных членов предложения, находящиеся в отношениях взаимоисключения. *Он или я. Или она уйдет, или ты меня больше не увидишь...* 2. присоединительный. Употр. при присоединении последнего члена перечисления, при дополнении предшествующего. *Поищи хорошенько на столе, на полках или в шкафу.* 3. противительный. Иначе, в противном случае. *Уйди, или наговорю тебе лишнего.* 4. вопросительный. Употр. в начале предложения в знач. *разве, неужели* (разг.). *Или ты не знаешь об этом?..* 5. пояснительный. Употр. для соединения разных названий одного понятия в знач. «иначе». *Аэроплан, или самолет».*

Лексическая полисемия особенно развита среди простых, непрямых союзов. «Круг отношений, выражаемых ими, очень широк. Слабость лексического и морфологического веса таких союзов компенсируется их семантико-синтаксической нагруженностью». Например, в Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н. Ушакова союз *да* зафиксирован в соединительном (*День да ночь – сутки прочь*. Поговорка), присоединительном (*Шел я один, да еще ночью*), противительном (*На ель ворона взгромоздясь, Позавтракать совсем было уж собралась. Да призадумалась*. Крылов) значениях; *и* употребляется в соединительном (*Она забыла стыд и честь*. Пушкин), присоединительном (*Вчера получил денежный перевод, и очень кстати, потому что сидел без денег*), перечислительном (*И пращ, и стрела, и лукавый*

кинжал щадят победителя годы. Пушкин), повествовательном (*Жили-были три брата, и жили они очень бедно. И нашли гору золота*. Сказка), усилительном (*И этот мерзавец смеет уверять в своей добросовестности!* Пушкин), уступительном (*И хочется пойти к товарищу, да некогда*), противительном (*Мужчина, и плачет!*) значениях.

Многозначны и подчинительные союзы: союз *что* выражает сравнительные, временные, изъяснительные, количественные, следственные, причинные значения, *как* – временные, сравнительные, условные, причинные, присоединительные и др. значения.

Союзы выражают два типа синтаксических отношений: сочинение и подчинение.

Сочинительные и подчинительные союзы отличаются не только по типу выражаемых ими синтаксических отношений, но и по степени семантической слитности с теми синтаксическими единицами, взаимоотношения которых они выражают, а также по своему месту в предложении. По наблюдениям проф. А.М. Пешковского, сочинительные союзы «не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них», между тем как подчинительные союзы так тесно сливаются с придаточными предложениями, что образуют с ними «одну цельную смысловую массу». Это в значительной степени определяет порядок следования частей сложного предложения: подчинительные союзы могут находиться и в начале сложного предложения, в то время как сочинительные союзы стоят между частями предложения или повторяются перед каждой его частью. «За исключением случаев употребления повторяющихся союзов, сочинительный союз может

стоять лишь в начале такого самостоятельного предложения, которое он связывает с предшествующим предложением или группой предложений. Например: *Приятно думать у лежанки. Но знаешь: не велеть ли в санки кобылку бурую запретить?* (Пушкин). *Что это? Пожар? Нет, это восходит луна. А вон внизу направо уже мелькают огоньки деревьев* (Тург.)» (Белошапкова В.А.).

По значению сочинительные союзы делятся на: 1) соединительные, выражающие отношения перечисления (*и, да, и...и, ни...ни, также, тоже*): — *Эй, Дуня! — закричал смотритель: — Поставь самовар да сходи за сливками* (Пушкин). *Ни отзыва, ни слова, ни привета* (Апухтин); 2) противительные, выражающие отношения противопоставления, различия, несоответствия (*но, а, да, зато, же, все же, однако*): *Прошло уже не семь, а целых двенадцать лет* (Тургенев). *Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин); 3) разделительные, выражающие отношения взаимоисключения (*либо, или, либо...либо, или...или, то...то, не то...не то, то ли...то ли*): *К тому времени все, кто мог и хотел уйти из Краснодона и ближайших районов, ушел или выехал на восток* (Фадеев); 4) сопоставительные (*как...так и, не только...но и*): *В Сибири много особенностей как в природе, так и в людских нравах* (Гончаров); 5) присоединительные (*и, да и, да и то*): *Напомнила взять тазик и кисточку для бритья. И крем для сапог. И щетку* (Панова); 6) пояснительные (*то есть, как-то, или, а именно*), выражающие отношения уточнения между членами предложения, частями сложного предложения и самостоятельными предложениями: *Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с бариним и прочими властями* (Тургенев).

Подчинительные союзы выражают отношения: 1) временные (*когда, как, пока, едва, лишь, только, как только, после того как, с тех пор как, прежде чем и др.*): *Приятно, когда есть на свете люди, которым хочется помочь* (Павленко). *Перед тем как они спустились в блиндаж, он еще успел заметить, как бойцы... отняли от стволов какие-то тяжелые части* (Фадеев); 2) изъяснительные (*что, чтобы, как, будто*): *Морозка понял, что разговор окончен* (Фадеев). *Марийка не слышала, как позади скрипнула дверь* (Бубеннов); 3) целевые (*чтобы, дабы*): *Комсомольцы расставили всех собравшихся вдоль поля, чтобы каждый мог видеть работу новой земледельческой машины* (Первенцев); 4) причинные (*потому что, так как, ибо, ввиду того что, из-за того что и др.*): *Следует почаще менять девчат на постах, потому что к вечеру мороз крепчает* (Б. Полевой). *Нельзя жить только сегодняшним, ибо оно чаще всего незаконченное вчерашнее* (Павленко); 5) условные (*если, ежели, раз, кабы, коли, когда, как скоро и др.*): *Если не было дождей и туманов, кровать Воропаева выкатывалась наружу, во двор* (Павленко); 6) уступительные (*хотя, пусть, пускай, а то, даром что, между тем как, несмотря на то что и др.*): *Было уже совсем тепло, хотя кругом лежал рыхлый, тяжелый снег* (Семушкин); 7) сравнительные (*как, будто, как будто, словно, точно и др.*): *В ушах верещало, будто в них возились сверчки* (Бубеннов); 8) следствия (*так что, до того, что*): *Лед на реке уже истончился и посинел, а местами уже и тронулся, так что идти на лыжах было опасно* (Павленко).

Многочленные союзы выражают несколько типов отношений и соответственно входят в несколько групп по значению. Так, союз *когда* выражает временное и условное значение: *Когда*

стемнело, снова подошли двое — Варя и еще кто-то (Фадеев). *Когда в товарищах согласья нет, На лад их дело не пойдет* (Крылов).

Один и тот же союз может употребляться и как сочинительный (в простом предложении), и как подчинительный (в сложном предложении). Ср.: *Он хотя и маленький, но вполне хороший* (Маяковский). *Хоть видит око, да зуб неймет* (Пословица).

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988; Левицкий Ю. А. Семантика русских сочинительных союзов // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981; Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986; Она же. Прагматика каузальности // Русистика сегодня. М., 1988; Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Санников В. З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989; Чередниченко И. Г. Подчинительные союзы в системе простого предложения // Вопросы славянского языкознания. Кн. 2. Львов, 1949; Черкасова Е. Т. Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования. М., 1973.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА.

По своему грамматическому строю русский язык относится к языкам флективным с элементами аналитизма. Поэтому большинство грамматических значений выражается в нем синтетическим способом, т.е. при помощи средств, находящихся в самом слове. К таким средствам относятся окончания, формообразующие суф-

фиксы, префиксы, чередование звуков, ударение. Например, в предложении *Наступила зима* в словоформе *наступила* синтетически выражены значения прошедшего времени, изъявительного наклонения (суффиксом *-л-*), женского рода, единственного числа (окончанием *-а*), а в словоформе *зима* — значения женского рода, именительного падежа, единственного числа (окончанием *-а*).

В морфологии русского языка значительное место занимают случаи выражения грамматических значений аналитическим способом, т.е. при помощи средств, находящихся вне самого слова. К таким средствам относятся предлоги, вспомогательные слова. Например, в предложении *Буду работать в бригаде* аналитически выражено значение будущего времени глагола (словом *буду*). В выражении значения предложного падежа (*в бригаде*) одновременно участвуют и аналитическое (предлог *в*), и синтетическое (окончание *-е*) средство.

С помощью вспомогательных слов образуются аналитические формы слова. Такие грамматические формы слова состоят из двух компонентов: один — основной — является носителем лексического значения слова, а другой — вспомогательный — служит для выражения грамматического значения. Так, в аналитической форме *буду читать* лексическое значение слова выражает основной компонент *читать*, а грамматические значения будущего времени, 1-го лица и единственного числа — вспомогательный компонент *буду*. Ср.: *будешь читать* (2-е л. ед. ч.), *будем читать* (1-е л. мн. ч.), *будут читать* (3-е л. мн. ч.) и т.п.

Аналитические формы слова входят в его парадигму вместе с синтетическими формами. Например, в парадигму глагола *любить* входят не только *люблю, любил, люби* и т.д., но и *буду лю-*

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ

бить, будешь любить, любил бы, пусть любит и т.п. В парадигму прилагательного *честный* входят *честная, честной, честную, честнее, честен, честна* и т.д. и *самый честный, наиболее честный* и т.п.

Часто грамматические значения одного и того же слова выражаются и синтетически, и аналитически. Так, синтетически выражаются значения сравнительной и превосходной степени: *добрее, добрейший, наидобрейший*. Однако параллельно с этими формами существуют аналитические: *более добрый, самый добрый, добрее всех*.

К аналитическому способу относятся все случаи выражения грамматических значений при помощи синтаксических средств, т.е. средствами контекста, окружающих слов, напр.: *Красивое кашне закрывало его шею*. Значение среднего рода неизменяемого слова *кашне* выражено употреблением прилагательного *красивое* и глагола *закрывало* в форме среднего рода. Ср.: *черный кофе, горячее какао, красивый кенгуру, черное пальто*.

При помощи контекстуальных средств дифференцируются значения мужского и женского рода существительных общего рода. Ср.: *Пришла твоя любимая Женя. — Пришел твой любимый Женя, Он такой неряха. — Она такая неряха*.

Некоторые слова выражают отдельные грамматические значения супплетивным способом, т.е. при помощи форм, имеющих разные корни. Например: *человек* (ед. ч.) — *люди* (мн. ч.), *говорить* (несов. вид) — *сказать* (сов. вид), *иду* (наст. вр.) — *шел* (прош. вр.), *хороший* — *лучше* (ср. степень).

Итак, в парадигме одного слова объединяются его синтетические, аналитические и супплетивные грамматические формы. Ср.: 1) *ребенок, ребенка, ребенку...*; *ребята, ребят, ребятам...* и

дети, детей, детям...; 2) *иду, идет, идем...*; *будет идти; пусть идет; шел, шел бы...*

Лит.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1977; Булыгина Т. В. Грамматические и синтаксические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980; Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981; Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962; Курилович Е. Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ. Это семантико-словообразовательные группировки глаголов, объединенные по общности количественно-временных значений, выражаемых при помощи аффиксов. Ср.: *шуметь* и *зашуметь, пошуметь, отшуметь, нашуметь, нашуметься, расшуметься*. Все префиксальные образования обозначают тот же самый процесс, что и производящий глагол (*шуметь*). Однако каждый из них характеризует этот процесс с какой-л. стороны: *зашуметь* обозначает «начать шуметь», *пошуметь* — «некоторое время шуметь», *отшуметь* — «кончить шуметь», *нашуметь* — «много шуметь» (поднять большой шум), *нашуметься* — «вдоволь (по)шуметь», *расшуметься* — «начать сильно шуметь» (шуметь и дойти до наивысшей точки проявления этого действия). Таким образом, производные глаголы, относящиеся к способам проявления действия, выражают тот же самый процесс, что и глаголы, на базе которых они созданы. Они лишь конкретизируют этот процесс с точки зрения временной и количественной определенности.

Основной массив глаголов различных способов действия относится к одновидовым образованиям. Видовая парность здесь скорее исключение,

чем правило. Если ядро грамматической категории вида образуют парные глаголы, то в центре способов действия находятся одновидовые глаголы.

Категория вида и способы глагольного действия отличаются по степени охвата лексики. Категория вида охватывает все глаголы, а способы действия объединяют в своем составе только часть производных слов. Так, вне способов действия остаются все непроизводные глаголы, не выражающие особенности протекания действия: *колоть, рыть, прыгать, ныть, петь, чужать* и т.п. Не относятся к способам действия приставочные глаголы с пространственным значением, напр.: *вогнать, выгнать, загнать, подогнуть, пригнать, угнать, разогнать, согнать* и т.п. Как правило, такие глаголы образуют видовые пары: *вогнать — вгонять, выгнать — выгонять, загнать — загонять* и т.п.

Точный состав способов действия в русском языке до сих пор не установлен. Поэтому охарактеризуем лишь важнейшие группы глаголов, составляющие способы действия.

Способы действия (СД) делятся на два основных типа: временные СД и количественные СД. Одни СД имеют чисто временное или количественное значение, другие совмещают оба типовых значения. Например, *запеть* имеет только временное значение («начать петь»), *накидать* — только количественное («кидать в большом количестве один предмет на другой в одно и то же место»), но глагол *покалывать* значит:

1) «время от времени, иногда колоть» (временное значение);

2) «слегка, немного колоть» (количественное значение, неполнота, действия).

Значение СД в контексте часто выражается при помощи специальных лексических показателей (слов или со-

четаний слов). Например, в предложении *Чуть-чуть приотворилась дверь* наречие *чуть-чуть* подчеркивает количественное значение глагола *приотворилась*.

СД временного типа.

1. Начинательный СД включает глаголы совершенного вида с приставками *за-*, *по-*, обозначающие начало действия.

Приставка *за-* охватывает самое большое число глаголов (около 900) и является продуктивной. Примеры: *забарабанить, застучать, завывать, замычать, зареветь, захрюкать, запищать, запеть* и др. *Птицы зацокали. Снова заорали ослы. За стеной шумно задышали буйволы* (Бородин).

Приставка *по-* в начинательном значении является непродуктивной и сочетается только с глаголами однопавленного движения: *побежать, побрести, повезти, погнать, поехать, пойти, покатить, подлезть, полететь, понести, поплыть, поползти, потащить*.

2. Длительно-ограничительный СД охватывает глаголы совершенного вида с приставкой *про-*, которые обозначают, что действие происходит в течение определенного промежутка времени и ограничено этим временем: *Достаточно наши отцы и мы сами целую жизнь пробарачили на Потоцкого* (Н. Островский). *Целую ночь проревели ребятушки* (Некрасов).

3. Ф и н и т и в н ы й СД включает глаголы совершенного вида с приставкой *от-*. Они обозначают прекращение длительного действия, доведение его до абсолютного конца: *отшуметь, отмучиться, отгореть* и т.п. *Уже отгремели аплодисменты и шла музыкальная передача* (Караваева). *Софья отговорила. Василий Васильевич встал и благодарил за милостивые слова* (А.Н. Толстой).

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ

4. **Многократный СД.** Глаголы этого СД образуются при помощи суффиксов *-ива-(-ыва-)*, *-ва-*, *-а-*, выражают нерегулярное повторение действия в отдаленном прошлом (обычно употребляются в форме прошедшего времени): *хаживал, сиживал, едал, певал, говаривал* и т.п. Все они несовершенного вида.

Количественные СД.

Глаголы, относящиеся к количественным СД, обозначают различную степень проявления действия. Неполноту проявления действия, ослабление его обозначают следующие СД.

1. **Смягчительный СД.** Малую степень действия, уменьшение, ослабление его передают глаголы совершенного вида с префиксами *по-*, *под-*, *при-*: *поотстать* (отстать немного), *пообсохнуть* (несколько обсохнуть), *подбодрить* (несколько ободрить), *подбелить* (побелить слегка, дополнительно), *приболеть*, *притормозить* и т.п. Значение неполноты проявления действия часто подчеркивают лексические показатели: *Рассказ этот немного поосвежил мою голову* (Гл. Успенский). *Собакевич слегка прикачнул голову* (Гоголь).

2. **Сопроводительный СД.** Глаголы несовершенного вида с приставками *при-*, *под-* и суффиксами *-ива-(-ыва-)*, *-ва-* обозначают действие, которое сопровождается другим действием и проявляется в слабой степени, в неполной мере: *присвистывать, прихрамывать, приплясывать, притопывать, припевать; поддакивать, подплясывать, подвывать, подпевать, подвизгивать, подмигивать* и т.п. Примеры: *Он всплеснул руками и ушел, и, пока шел, все что-то приговаривал* (Чехов). *Говорит картавя, присюсюкивает* (Лесков).

Усиление, интенсивность, высокую степень проявления действия выражают следующие СД:

1. **Накопительный СД.** Большое накопление объектов в результате действия обозначают глаголы совершенного вида с приставкой *на-*: *нарубить, наколоть (дров), наварить (каши), закупить (книг); надымить, насорить, напылить (в комнате), накрошить* и т.п. Мера действия часто передается с помощью лексических показателей: *Он, верно, много порассказал бы дивного* (Гоголь). — *Поедемте-ка во Львов, ...мы там уток настреляем вдоволь* (Тургенев).

Накопительные глаголы с вторичной приставкой *по-* обозначают последовательный (поочередный) охват действием множества объектов или просто высокую степень проявления действия: *понакидать, понанести, понаползти, понапихать, понастроить, понасказать* и т.п.: — *Проклятые бабы понапугали нас так, что и сказать стыдно* (Гоголь). *А сколько там (в комнатах) разных ваз, статуй, мебели понаставлено!* (Новиков-Прибой).

2. **Тотальный СД.** Глаголы этого СД обозначают, что действие охватывает весь объект или субъект, все объекты или субъекты. Сюда относятся глаголы совершенного вида с приставками *из- (ис-)*, *по-*, *пере-*: *избить, изрубить, изувечить, исколотить (всех), исписать (всю бумагу), изрезать; повянуть, попадать, потоптать (все цветы), пораскидать (все вещи); переженить, переколоть, перестрелять, переловить, перецеловать (всех)*. Глаголы с приставками *по-*, *пере-* могут обозначать распространение действия на субъекты или объекты по очереди, последовательно. Значение тотальности обычно подчеркивается различными средствами контекста: *Не знаю, зачем их столько. Пооткрывали училища в Киеве, Одессе* (Лебедеенко). *Вы у меня всех кур поразгоняли* (Чехов).

3. С а т у р а т и в н ы й СД объединяет глаголы совершенного вида с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*, обозначающие полную удовлетворенность субъекта действием: *насмотреться, наесться, напиться, накричаться, наплясаться, наиграться* и т.п. **Налюбовавшись** до сыта *островом... отправились мы с Евсеичем на мельницу* (Аксаков). **Наревевшись** до утомления, *мы заснули*. (Горький). **Наездился, набегался, поволновался**. *Сто дел переделал, сто тысяч слов произнес* (Панова).

4. Глаголы совершенного вида с приставкой *до-* и постфиксом *-ся* обозначают длительные действия, чрезмерность которых приводит субъект к отрицательным последствиям: *допрыгаться, доиграться, доплясаться* и т.п.

5. Глаголы совершенного вида с приставкой *из-(ис-)* и постфиксом *-ся* обозначают, что в результате длительного и интенсивного действия субъект находится в состоянии крайнего истощения психических и физических сил: *изголодаться, изволноваться, издрожаться, исстрадаться, исплакаться* и т.п. Примеры: *Ссоры пошли чаще и бурные – бывало [муж и жена] **искричатся** оба т а к за день, что вечером изнемогут, лежат в креслах, молчат* (Вовчок). *Мы бродили целый день и до того **измучились**, что пришлось посидеть у менялы и свесть расстегай с луком* (Каверин).

К словам этой группы примыкают глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*: *уходиться, умориться, убежаться, упрыгаться, укачаться* и др.

6. Глаголы совершенного вида с приставкой *за-* и постфиксом *-ся* показывают, что субъект увлечен действием и забывает все остальное, в результате чего действие переходит границы обычного, допустимого, выходит за пределы нормы: *засмотреться, заглядеться, заговориться, засидеться,*

заиграться, загуляться и т.п. *Он спит, по обыкновению. Ночь спит, день спит; **заспался** совсем* (А. Островский). *Но какая ты худенькая да бледная! Ты совсем **заучилась**. Я тебя поправлю* (Потапов).

СД, совмещающие временные и количественные значения.

1. У с и л и т е л ь н ы й СД. Глаголы совершенного вида с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся* обозначают начало интенсивного проявления действия: *расшуметься* (начать сильно шуметь), *расшалиться, разволноваться, рассмеяться, раскалиться* и т.п. *Волгин сильно **раскашлялся*** (Чернышевский). *[Наташа] упала на мать и **расхохоталась** так громко и звонко, что все, даже чопорная гостья, против воли засмеялись* (Л. Толстой).

Сюда же относятся глаголы с приставкой *вз-(вс-)*: *взречь* (начать сильно реветь или сильно и внезапно зареветь), *взвять* и т.п. *Медведь **взревел** и замертво упал* (Крылов).

2. О г р а н и ч и т е л ь н ы й СД. Глаголы совершенного вида с приставкой *по-* обозначают ограничение действия во времени и в степени проявления: *посидеть, побегать, поболтать, полежать, попрыгать, полетать, погулять, поговорить, помечтать, пописать* и т.п. В выражении ограничительного значения активно участвуют лексические показатели: *Когда женюсь на тебе, то велю тебе бросить театр. Не хочешь? Ну, ладно, **поиграй** еще г о д о ч к о в пять, а там видно будет* (Чехов). *Чуть-чуть **поинтриговать** ребячески всегда была тогда охота* (Фурманов).

3. П р е р ы в и с т о - с м ы г ч и т е л ь н ы й СД. Глаголы несовершенного вида с приставкой *по-* и суффиксами *-ива(-ыва-), -ва-* обозначают, что действие осуществляется время от времени, иногда и слегка, в слабой степени:

посматривать, поглядывать, побаливать, позвякивать, покачивать, позванивать, поигрывать, покалывать и др. Для передачи прерывистости действия и слабой степени его проявления используются лексические показатели: *Она недвижно сидела на своем месте, по временим вздрагивала, ...покашливала да поглядывала* на свою дочку (Григоревич). *Чуть-чуть потягивал свежий утренний ветерок, слегка покалывающая щеки* (Скиталец).

Таким образом, в русском языке исходные бесприставочные глаголы, с одной стороны, образуют видовые пары (ср.: *строить — построить, читать — прочитать, петь — спеть* и т.п.), с другой стороны, способы действия (ср.: *строить — настроить, понастроить; читать — начитаться, зачитаться, перечитать (все), почитывать, дочитаться (до слепоты); петь — запеть, попеть, пропеть, перепеть (все песни), напевать, припевать, подпевать, распеться, допеться, напеться, запеться*).

Многие глаголы видовых пар не образуют, но имеют обширный состав способов действия, напр.: *плакать (заплакать, поплакать, проплакать, наплакать, отплакать, переплакать, выплакаться, наплакаться, расплакаться, поплакаться, доплакаться, заплакаться, проплакаться), бегать (забегать, побегать, пробегать, отбегать, набегаться, избегаться, убежаться, отбегаться, забегаться)*.

Лит.: Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1965; Маслов Ю. С. Вид и значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1948. Вып. 4; Он же. Вопросы гла-

гольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962; Он же. Очерки по аспектологии. Л., 1984; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ. В русском языкознании спряжение понимается по-разному. В узком понимании с п р я ж е н и е — это изменение глагола по лицам и числам (в настоящем и простом будущем времени). Принято различать два спряжения — I и II, которые отличаются друг от друга гласными окончаний форм 2-го и 3-го лица ед. ч. и 1, 2, 3-го лица мн. ч. под ударением. В 1-м лице ед. ч. окончания глаголов I и II спряжения совпадают. К I спряжению относятся глаголы с окончаниями *-у(-ю), -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут(-ют)*, ко второму спряжению — с окончаниями *-у(-ю), -ишь, -ит, -им, -ите, -ат(-ят)*.

Глаголы всех продуктивных классов и непродуктивных групп относительно легко распределяются по этим двум спряжениям. Вне их остается небольшое число слов. Глаголы *бежать, хотеть* и все их префиксальные производные (*вбежать, добежать, захотеть, расхотеть* и др.) называются *разноспрягаемыми*. Они совмещают окончания обоих спряжений. Глагол *бежать* имеет окончания II спряжения во всех лицах ед. и мн. ч. (*бег-у, беж-ишь, беж-ит, беж-им, беж-ите*), кроме 3-го лица мн. ч., где он имеет окончание I спряжения (*бег-ут*). Глагол *хотеть* в ед. ч. изменяется по I спряжению (*хоч-у, хоч-ешь, хоч-ет*), а во мн. ч. — по II (*хот-им, хот-ите, хот-ят*).

Нехарактерную для глаголов I и II спряжений систему окончаний имеют глаголы *есть, надоест* и *дать, создать*.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Лицо	Единственное число		Множественное число	
1	<i>е-м</i>	<i>да-м</i>	<i>ед-ím</i>	<i>дад-ím</i>
2	<i>е-шь</i>	<i>да-шь</i>	<i>ед-íte</i>	<i>дад-íte</i>
3	<i>е-ст</i>	<i>да-ст</i>	<i>ед-ят</i>	<i>дад-ýt</i>

Глагол *читать* относится ко II спряжению, однако в 3-м лице мн. ч. он имеет два равноправных окончания — *-ят* (II спряжения) и *-ут* (I спряжения).

Термин «спряжение» в широком значении охватывает все грамматические формы глагола (лица, числа, рода, времени, наклонения, залога, вида). Инфинитив в качестве исходной формы глагола возглавляет спряжение, как именительный падеж возглавляет склонение имен. Однако для обозначения совокупности всех форм глагола чаще пользуются термином парадигма.

Лит.: Бромлей С. В. Принципы классификации русского глагола в современном русском языке // ВЯ. 1965. № 5; Калинин И. А. Морфология глагола. Горький, 1957; Новикова Е. А. Глагол. Воронеж, 1960; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953; Халле М. О правилах русского спряжения // American contributions to the 5 International congress of slavists. Vol. 1. The Hague, 1963; Якобсон Р. О. Русское спряжение // Избр. работы. М., 1985.

СРЕДНЕВОЗВРАТНЫЙ ЗАЛОГ.
См. **возвратный залог.**

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. Форма положительной степени выступает как исходная, на базе которой образуются формы сравнительной и превосходной степени. Ср.: *добр(ый) — добрее, более (менее) добрый; добрейший, самый добрый, добрее всех.* Она выражает признак данного предмета вне сравнения с признаком другого предмета, по отношению к степени проявления признака является нейтральной.

Формы сравнительной степени обозначают: 1) признак, который в одном предмете проявляется в большей степени, чем в другом или других: *Задача теории — вести к новой, более высокой форме общественной жизни* (Из газет); *Счастлив тот, кто жизнью мир пленяет. Но стократ счастливей тот, чей прах Веру в жизнь бессмертную вселяет И цветет легендами в веках* (Бунин); 2) признак, который в одном и том же предмете в разное время проявляется неодинаково, содержится то в большей, то в меньшей степени: *Вера стала более сдержанной, чем была. Люди стали богаче, покупательная способность их теперь выше.*

Формы превосходной степени выражают признак, который в данном предмете проявляется в наивысшей степени или больше, чем во всех остальных предметах: *В этой группе Иванов — самый способный и трудолюбивый студент. Ты сегодня лучше всех. Наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение* (Конституция РСФСР).

Простые формы сравнительной степени образуются при помощи суффиксов *-ее(-ей)*, *-е*, *-ше*. Продуктивным является суффикс *-ее(-ей)*; *светл(ый) — светлее, бережлив(ый) — бережливее, рациональн(ый) — рациональнее* и т.п.

Суффикс *-е* сочетается лишь с основами на заднеязычные, *д, т, ст*. При этом происходит чередование согласных и усечение конечных *-к-*, *-ок-*. Ср.: *сух(ой) — суше, туг(ой) — туже, част(ый) — чаще, молод(ой) — моложе, выс(ок-ий) — выше, низ(к-ий) — ниже.*

Непродуктивный суффикс *-ше* используется в узком кругу слов:

дал(ек-ий) — дальше, ран(н-ий) — раньше, тон(к-ий) — тоньше; сюда же: *дольше, меньше, больше*.

Некоторые прилагательные имеют варианты простые формы степеней сравнения. Ср.: *большой — более и больше, маленький — менее и меньше, далекий — далее и дальше, долгий — доле и дольше, поздний — позднее и позже*.

Простые формы сравнительной степени с приставкой *по-* выражают «смягчение» степени преобладания качества: *Не мог угадать, какой надо взять голос — **повыше** или **пониже*** (Федин). *Не ищи легкой жизни, готовься взять на себя ношу **потяжелее***.

Не имеют простой формы сравнительной степени качественные прилагательные с суффиксами *-ск*, *-об-*, *-н-*, *-л-* (у которых нет и кратких форм): *дружеский, массовый, кровный, исхудалый* и т.п. Сюда же относятся прилагательные с суффиксом *-к*- типа *плавкий, громоздкий, тяжкий*, отдельные непроезженные слова (*плоский, ветхий, гордый, отлогий*), все слова, обозначающие масти животных (*каурый, саврасый* и т.п.).

Составные (аналитические) формы сравнительной степени представляют собой сочетание слов *более* и *менее* с положительной формой. Они образуются от всех качественных прилагательных, которые обозначают признаки, способные проявляться в разной степени: *более (менее) высокий, более (менее) качественный, более (менее) важный* и т.п. *Он бегал, и отчаянные вопли ребят заставляли его быть **еще более ловким**, бегать **еще быстрее*** (С. Антонов). Чаще всего слово имеет обе формы сравнительной степени — простую и аналитическую: *крепкий — крепче, более крепкий; глубокий — глубже, более глубокий* и т.п.

Простая форма несогласуема и употребляется в функции сказуемого, а составная — в роли определения. Ср.: *Семену хотелось, чтобы р а з р ы в б ы л еще **суше** и **громче*** (С. Антонов). *Через несколько минут на площади опять слышался оживленный смех, топот и еще **более громкие** крики* (С. Антонов).

В случаях, когда простая форма в языке отсутствует, значение сравнительной степени выражается аналитически: *более (менее) жестокий, более (менее) трагический, более (менее) массовый, более (менее) усталый* и т.п.

Употребительность простой и составной форм сравнительной степени зависит от лексических значений одного и того же прилагательного. Так, прилагательное *короткий* в значении «небольшой по длине» имеет обе формы (*Эта дорога **короче** той. Эта дорога **более короткая**, чем та*), а в значении «приятельский, дружески близкий» употребляется только в полной форме (*У меня с ним **более короткие** отношения, чем у тебя*).

П р о с т ы е формы превосходной степени образуются при помощи суффикса *-ейш-* (после *г, к, х — -айш-*). Присоединение суффикса сопровождается чередованием звуков, усечением конечных согласных основы. Ср.: *нов(ый) — новейший, сильн(ый) — сильнейший, прост(ой) — простейший, строг(ий) — строжайший, глубок(ий) — глубочайший, тих(ий) — тишайший, близ(к-ий) — ближайший*. Отдельные слова имеют индивидуальные особенности в образовании формы превосходной степени: *дорог(ой) — дражайший, коротк(ий) — кратчайший, тяжкий — тяжчайший*.

Не образуют простой формы превосходной степени в основном те же слова, у которых отсутствуют краткие формы и простые формы сравнительной степени. Это прилагательные с

суффиксами *-ск-*, *-н-*, *-ов-(-ев)*, *-к-* (*дружеский, родной, деловой, громкий* и др.). Не имеют простых форм превосходной степени качественные прилагательные с суффиксами *-аст-*, *-ист-* (*горластый, цветастый, раскидистый, породистый* и т.п.), многие слова с суффиксами *-лив-*, *-чив-*, *-оват-(-еват-)* и др. (*бурливый, разговорчивый, беловатый* и др.).

Простые формы превосходной степени обозначают: 1) высшую степень качества, которая выделяет предмет из ряда других, что очень часто подчеркивается с помощью предлогов *из, среди, в* (*величайший из художников, способнейший среди учеников, крупнейшая в республике школа*); 2) предельную степень качества без сравнения с др. предметами (*важнейший этап, ценнейшее предложение* и т.п.); в составе устойчивых фраз (*добрейшая душа, злейший враг, мельчайшие подробности* и т.п.).

Приставка *наи-* усиливает степень проявления признака: *наистрожайший запрет, наибыстрейшее решение* и т.п.

С о с т а в н ы е формы превосходной степени образуются от положительной степени: 1) присоединением к ней местоимения *самый*: *самый радостный день моей жизни, самая трогательная встреча, самое высокое дерево*; 2) присоединением слов *наиболее, наименее*: *Поезд представлялся наиболее надежным убежищем* (Панова); *Коммунистическое движение превратилось в наиболее влиятельную силу современности* (Из газет). Ср. также: *наименее желательный исход*. Эти формы обозначают высшую степень качества, которая выделяет один предмет из всех остальных.

Выделительное значение особенно ярко выступает в аналитических формах превосходной степени, которые состоят из форм род. падежа местоимения *весь (все)* и формы сравнитель-

ной степени качественных прилагательных, напр.: *Ленин и теперь живее всех живых. Наше знание — сила и оружие* (Маяковский). Ср. также: *строже всех, быстрее всех (всего)*.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Еськова Н. А. О некоторых формах сравнительной степени // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. На материале современного русского языка. Л., 1979.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ. Формы сравнительной степени наречий совпадают с формами сравнительной степени имен прилагательных. Они образуются с помощью суффиксов *-ее(-ей)*, *-ше*, *-е*: *любить сильно — любить еще сильнее (сильней), вставать рано — вставать раньше, говори тихо — говори тише. Уж небо осенью дышало. Уж реже солнышко блистало* (Пушкин). *Сильней и слаще с каждым днем Несе тся запах медовой* (Фет). *Собаки злая я и громче и дружнее* (Чехов).

Наречия, как и прилагательные, имеют супплетивные формы сравнительной степени: Он *всегда н е л хорошо, а сегодня с н е л лучше. Я с о б р а л ягод мало, но ты с о б р а л еще меньше.*

Формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных, префиксом *по-* обозначают незначительное преобладание признака, выражают оттенок смягченности: *поднимись выше — поднимись повыше, читай внимательнее — читай повнимательнее.*

От некоторых наречий образуются две формы сравнительной степени — при помощи суффиксов *-ее-* и *-ше-*: *далеко — далее и дальше, рано — ранее и раньше, поздно — позднее и позже, мало — менее и меньше, много — более и*

больше. Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне, закажите ей меньше печальтаться (Лермонтов). *Иван Петрович менее беспокоился об успехе своих намерений, чем Муромский* (Пушкин).

Составные (аналитические) формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных, образуются прибавлением слов *более* и *менее* к положительным формам: *высоко* — *более (менее) высоко*; *строго* — *более (менее) строго*. Это позволяет полнее и **более качественно** использовать ресурсы при минимальных затратах общественного труда (Из газет).

Составные формы сравнительной степени образуют не только определительные наречия на *-о*, но и некоторые наречия на *-ски, по-...-ому, по-...ски*: *более дружески, более по-твоему, более чем по-отечески* и т.п. *Рогожин... в беседе нуждался, казалось, более механически, чем нравственно* (Достоевский).

Формы превосходной степени образуются так же, как и у имен прилагательных. Простые формы на *-айше(-ейше)* встречаются в сочетаниях типа *покорнейше прошу, низжайше кланяюсь, строжайше (наистрожайше) предупреждаю, глубочайше сожалею, почтительнейше кланяюсь*. В современном русском языке они употребляются исключительно редко: **Наипочтительнейше** *стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто* (Караваева).

Составные формы превосходной степени наречий состоят: 1) из формы сравнительной степени и слова *всего* или *всех*; 2) из слова *наиболее (наименее)* и положительной формы наречия: *Он [Вольтер] Фебом был воспитан, Издетства стал пшит, Всех больше перечитан. Всех менее томит* (Пушкин).

Сочетания типа *выше всего, больше всего* обозначают признаки действий

неодушевленных предметов, а сочетания типа *выше всех, больше всех* — одушевленных. Ср.: *Он ставит выше всего (что?) интересы общества. — Он ставит выше всех (кого?) себя*.

Лит.: Блажев Б.И. К вопросу о морфологической характеристике наречия как части речи // РЯШ. 1963. № 6; Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Потебня А.А. Из записок по русской грамматике Т. 1–2. М., 1958; Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

СТРУКТЕМА. См. раздел «Морфемика. Словообразование».

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОГОВ. По образованию и строению предлоги не составляют однородной группы.

Ядро системы предлогов образуют непроизводные (первообразные) предлоги *без(безо), в(во), для, до, за, из(изо), к(ко), между(меж), на, над(надо), о(об, обо), от(ото), перед(передо), пред(предо), по, под(подо), при, про, ради, с(со), у, через(чрез)*. Сюда же относятся *близ, вместо, вне, вопреки, кроме, среди, сквозь*, которые обычно рассматриваются в составе так называемых наречных предлогов, хотя в современном русском языке нет омонимичных им наречий. Слова *из-за, из-под* также следует рассматривать как непроизводные. Их значения складываются из семантики двух предлогов *из + за, из + под*. Они выступают как немотивированные слова.

Среди непроизводных предлогов преобладают односложные слова. Двусложность их объясняется или наличием беглого *о* на конце (ср.: *об этом — обо мне, к дому — ко мне*), или полногласием (ср.: *пред — перед, чрез — через*), или наречным происхождением (*кроме, среди* и др.). Трехсложными явля-

ются только предлоги *вопреки, передо* (*передо мной*).

Непроизводные предлоги характеризуются тем, что: а) после них перед местоимениями 3-го лица употребляется вставное к: *для нее, перед ним, среди них*; б) между непроизводными предлогами и падежными формами имени обычно невозможно употребление частицы *же*, между тем как производные предлоги допускают такую вставку (*навстречу же весне, посреди же комнаты*).

Непроизводные предлоги являются безударными: *за горой, над горой, у горы, до города, вне дома*. Если они становятся ударными, то лишается ударения падежная форма имени: *без вести, за год, за душу (берет), на зиму, под гору*.

Среди *п р о з в о д н ы х* предлогов принято выделять наречные, отыменные и деепричастные.

Н а р е ч н ы е предлоги: *вблизи, вдоль, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, вслед, изнутри, кругом, мимо, навстречу, наискось, накануне, наперекор, напротив, около, поверх, позади, подле, после, поперек, посреди, посредине, прежде, против, сбоку, сверху, сверху, сзади, сквозь, снизу, подобно, относительно, согласно, сообразно, соответственно, соразмерно*. Все эти предлоги сформировались на базе наречий и не утратили с ними живых смысловых связей. Ср.: *Все находились **внутри** пещеры* (Пришвин). *Я **сбоку** смотрел на его овальное, бледное лицо* (Горький). — *Задремавший Ленка лежал **калачиком сбоку** деду* (Горький). На базе наречий времени формируются предлоги с временными значениями, на базе наречий места — предлоги с пространственными значениями и т.д.

О т ы м е н н ы е предлоги: *ввиду, в виде, в деле, в период, во время, в заключение, в продолжение, в течение, в ходе,*

в кругу, в меру, в области, в отношении, в лице, в начале, в рамках, в силу, вследствие, в свете, в целях, за исключением, за неимением, за счет, по части, с помощью, по причине, на путях, по пути, по линии, по мере, по поводу, со стороны, наподобие, на протяжении, по случаю, посредством, путем, на предмет, с течением, на дело, во избежание, в центре, во имя и др. Примеры: ***В лице** авиации мы имеем одно из ярких доказательств успешности нашей политики индустриализации*. (В.В. Куйбышев). *Все казаки были веселые, **за исключением** Степана Астахова* (Шолохов). *Свет разлагает углекислоту **в силу** своей яркости* (Тимирязев). ***Во имя** мирного развития и процветания нашей Родины народ отдает все свои силы* (Из газет).

Выражаемые отыменными предлогами грамматические отношения (причинные, целевые, временные, пространственные и т.п.), как правило, зависят от лексической семантики производящих имен существительных. Ср.: *цель и в целях, время и во время, линия и по линии, сила и в силу, область и в области* и др.

Д е е п р и ч а с т н ы е предлоги: *благодаря, включая, выключая, исключая, не считая, начиная, кончая, спустя* и др. Их особенностью является сохранение системы глагольного управления. В предлоги обычно переходят лишь деепричастия несовершенного вида (исключение составляет только *спустя*), которые не имеют ярких выразителей залоговых и видовых значений (постфикса *-ся*, суффиксов *-ыва-*, *-ну-*, приставок и т.д.). Переход деепричастий в предлоги облегчает то, что они не имеют форм словоизменения, морфологически не выражают значения времени, выступают в синтаксической функции, близкой к обстоятельству. Примеры: *Проток между озерами образовался **благодаря** большому лесистому*

острову (Мамин-Сибиряк). *Я всеми чувствами, исключая осязания, наслаждался природой* (Л. Толстой).

К сложным типам предло-жных сочетаний относятся новые типы отыменных, наречных и деепричастных предлогов, которые активно формируются в современном русском языке. В основном они состоят из форм косвенных падежей существительного (часто с предлогом), наречия, деепричастия с последующим первичным предлогом: *вдали от, в зависимости от, независимо от, вместе с, в направлении к, в ответ на, в отличие от, вплоть до, в связи с, вслед за, следом за, в соответствии с, в сторону от, наравне с, наряду с, незадолго до, одновременно с, по вопросу о, применительно к, исходя из, начиная от, не говоря о, невзирая на, несмотря на, смотря по, судя по, глядя по* и др. Примеры: *Машук по крайней мере вдвое выше колокольни Ивана Великого; но в сравнении с Эльбрусом он — горка* (Белинский). *Шли по направлению к фабрике* (Мамин-Сибиряк). *Начиная с Трамбауса, вся северная часть острова представляет из себя равнину* (Чехов). *Степан Аркадьевич был человек правдивый в отношении к самому себе* (Л. Толстой).

Компоненты таких сочетаний утрачивают основные или все категориальные значения и свойства, связывавшие их с именами существительными, наречиями, деепричастиями, и на базе значения отношения сливаются в одно смысловое и грамматическое целое. В структуре предложения сочетание функционирует как предлог, обслуживая падежную систему имен.

Предложные сочетания в большинстве своем являются однозначными, употребляются только с одним каким-л. падежом. Выражаемые ими временные, пространственные, причинные, целевые, сравнительные и другие от-

ношения вытекают из лексических значений соответствующих существительных, наречий, деепричастий.

Лит.: Астафьева Н.И., Киселев И.А., Кравченко З.Ф. Современный русский язык. Служебные части речи. Модальные слова. Междометия. Минск, 1982; Засорина Л.Н. Опыт системного анализа предлогов современного русского языка // Уч. зап. Ленинградского ун-та. Филологический факультет. Сер. филологических наук. Вып. 60. 1961. № 201; Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974; Шведова Н.Ю. Предлоги // Русская грамматика. М., 1980.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОЮЗОВ.

По своему строению союзы делятся на простые и составные. К простым относятся слова *а, и, но, или, то, как, что, когда, потом, едва, только* и т.п. Составными являются союзы *ввиду того что, в связи с тем что, после того как, с тех пор как, перед тем как, в силу того что, между тем как, в то время как, по мере того как, с целью того чтобы, вследствие того что, подобно тому как, несмотря на то что* и др. Этот разряд союзов активно пополняется.

Лит.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Черкасова Е.Т. Русские союзы немецкого происхождения. Пути и способы их образования. М., 1973.

СУПЕРЛАТИВ. Значение самой высокой степени качества, выражаемое формой превосходной степени имен прилагательных: *мучительнейшая и реакционнейшая из войн*. См. **элатив**.

СУПЕРЛАТИВНЫЙ. Прил. к **суперлатив**: *суперлативное значение*.

СУППЛЕТИВНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ. Члены супплетивных корреля-

ций не имеют морфологических связей, восходят к разным словам. Ср. *ловить* — *поймать*, *говорить* — *сказать*, *класть* — *положить*, *брать* — *взять*.

Они вполне отвечают общим требованиям видовой парности глаголов: являются лексически тождественными. Ср. по значению, напр., *брать* — *взять*. По данным САН-4, у них 18 общих значений, у которых 11 оттенков: 1) *Брать (взять)* руками. 2) *Брать (взять)* тему для сочинения. 3) *Брать (взять)* работу на дом. 4) *Брать (взять)* детей на воспитание. 5) *Брать (взять)* в долг. 6) *Брать (взять)* такси. 7) *Брать (взять)* билеты в театр. 8) *Брать (взять)* урок. 9) *Брать (взять)* налог. 10) *Брать (взять)* дорого. 11) *Брать (взять)* с кого-л. обещание. 12) *Брать (взять)* цитату откуда-л. 13) *Брать (взять)* в плен. 14) Сомнение *берет (взяло)*. 15) *Брать (взять)* барьер. 16) *Брать (взять)* талантом. 17) *Брать (взять)* в расчет. 18) *Брать (взять)* на учет и т.п. Пара употребляется в составе 34 фразеологических оборотов: *брать (взять) аккорд (аккорды)*, *брать (взять) ноту*, *брать (взять) быка за рога*, *брать (взять) верх* и т.п.

Видовые формы супплетивных глаголов функционируют так же, как члены суффиксальных и префиксальных корреляций, заменяя друг друга в различных синтаксических условиях, в разнообразных видовых контекстах, активно участвуя в «конкуренции видов». Например: *Я вам сказал/говорил, что уезжаю. — Ты сказал сестре, что мы ее ждем? — Нет, не говорил/не сказал. — Кто взял мои ножницы? Ты? — Нет, я не брал/не взял.* Е. Кржижкова, специально исследовавшая конкуренцию видов в русском и чешском языках, пришла к интересному выводу: «Конкуренция видов представляет собой явление, довольно широко распространенное в русском и чешском

языках. Она основана на взаимном отношении совершенного и несовершенного видов, образующих одну лексическую единицу, видовую пару».

К супплетивным парам относятся: 1) *лечь* — *ложиться*, *сесть* — *садиться*, *стать* — *становиться*, *лопнуть* — *лопаться*, 2) *вернуть* — *возвращать* (см. также *возвратить*), *вернуться* — *возвращаться* (см. также *возвратиться*), *завернуть* — *заворачивать*, *завертывать*: *ввернуть* — *вворачивать*, *ввертывать*, *вывернуть* — *выворачивать*, *вывертывать*, *довернуть* — *доворачивать*, *довертывать*, *навернуть* — *наворачивать*, *навертывать*, *обвернуть* — *обворачивать*, *обвертывать*, *обернуть* — *оборачивать*, *обертывать*, *отвернуть* — *отворачивать*, *отвертывать*, *перевернуть* — *переворачивать*, *перевертывать*, *повернуть* — *поворачивать*, *повертывать*, см. также приставочные образования с *под-*, *при-*, *про-*, *с-*, *у-*, *за-*, возвратные глаголы; 3) *прийти* — *приходить*, *войти* — *входить*, *выйти* — *выходить*, см. также образования с префиксами *до-*, *за-*, *на-*, *обо-*, *ото-*, *пере-*, *при-*, *подо-*, *с-*, *у-*, 4) *вложить* — *вкладывать*, *выложить* — *выкладывать*, *доложить* — *докладывать*, *заложить* — *закладывать*; см. также образования с приставками *на-*, *об-*, *от-*, *пере-*, *под-*, *про-*, *при-*, *с-*, *у-*. Например: — *Разрешите доложить*, — *снова прикладывая руку к козырьку, кричал начальник артиллерии, — что я вам докладывал и вы сами приказали не перемещать* (К. Симонов) Некоторые глаголы имеют варианты формы несовершенного вида старославянского происхождения типа *налагать*, *облагать*, *прилагать*, *разлагать* и т.п. В этом случае они не являются супплетивными парами. Ср.: *наложить* — *налагать*.

Иногда к супплетивным парам без достаточных оснований относят корреляции типа *заснуть* — *засыпать*, *уто-*

нуть — утопать, согнуть — сгибать, на-
лечь — налегать и др.

Не относятся к супплетивным корреляциям, а составляют особый тип видовых пар, в которых форма совершенного вида образуется префиксально-суффиксальным путем: *вешать* — *повесить* (флаги), *кланяться* — *поклониться* (низко кому-л.), *ронять* — *уронить* (деньги на пол), *сажать* — *посадить* (картофель), *цепляться* — *цепиться* (за что-л.), *глотать* — *проглотить* (пилюлю), *сомневаться* — *усомниться* (в чем-л.), *хвататься* — *ухватиться* (за что-л.). В одной видовой паре префиксально-суффиксальным образованием является, наоборот, форма несовершенного вида: *покупать* (несов. вид) — *купить* (сов. вид).

Границы супплетивных пар, лексико-семантические и грамматические отношения членов таких корреляций нуждаются в специальном исследовании.

Лит.: Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Т. 23. М., 1962; Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984; Новиков Л. А. Образование и употребление супплетивных форм имен существительных // РЯШ. 1964. № 5.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, НАЗЫВАЮЩИЕ ЛИЦ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА. Наименования лиц мужского и женского пола по ряду черт отличаются друг от друга. Прежде всего отличия касаются их семантического содержания. Названия лиц мужского пола могут обозначать лицо без указания на его пол, иметь обобщенное значение л и ц а. «Формой мужского рода, — отмечает акад. В. В. Виноградов, — подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о

лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека». Например, лица обоего пола подразумеваются в выражениях: *пособие для учителя, подарок первокласснику* и т. п. В таком же значении выступают существительные мужского рода в названиях праздников: *Всесоюзный день железнодорожника, День учителя, День медицинского работника* и др. Еще более выразительно передает это значение форма множественного числа: *пособие для учителей, День работников автомобильного транспорта, Международный день студентов* и т. п. Ср. также: *В 1980 году институт подготовил 30 перворазрядников — Заводу требуются культработники, фрезеровщики, нормировщики, наладчики.*

Ярким свидетельством того, что названия лица мужского рода могут быть нейтральными по отношению к его полу, являются такие параллельные сочетания, как: *Мой брат уже студент и Моя сестра уже студент. Мой отец — учитель и Моя мать — учитель.*

Нейтрализация значения мужского пола невозможна в тех случаях, когда половой признак является компонентом лексического значения слова: *отец, братишка, муж, евнух, парень, усач* и т. п.

Личные существительные женского рода используются лишь для обозначения лиц женского пола. Они не могут выступать как общее название лиц обоего пола. Ср.: *машинистка*, но *переписчик на машинке*.

Большинство названий лица образует словообразовательные пары, в которых производящим является существительное мужского рода, а производным — женского рода: 1) *супруг — супруга, кум — кума, раб — раба, Александр — Александра* и т. п.; тип непродуктивный; 2) *пионер — пионерка, кассир — кассирша, внук — внучка,*

ткач – *ткачиха*, *плут* – *плутовка*, *герой* – *героиня*, *поэт* – *поэтесса* и т.п.; не все суффиксы продуктивны; продуктивные суффиксы имеют разную активность; 3) *заготовщик* – *заготовщица*, *комсомолец* – *комсомолка*, *очевидец* – *очевидица*, *старик* – *старуха* и т.п.; не все суффиксы продуктивны, продуктивные суффиксы имеют разную активность; 4) *русский* – *русская*, *больной* – *больная*, *дежурный* – *дежурная*, *звеньевой* – *звеньевая* и т.п.; тип продуктивный.

Вне этой системы остаются значительные пласты названий лица мужского рода, у которых отсутствуют соотносительные существительные женского рода. Поэтому многие названия профессий, должностей, званий мужского рода типа *архитектор*, *зоолог*, *прокурор*, *парторг*, *инженер* употребляются и по отношению к женщинам.

Отсутствие родовой соотносительности в названиях лиц объясняется разными причинами. Так, представители женского рода не принимают участия в некоторых видах деятельности, и, естественно, в таких случаях в языке отсутствуют названия лиц женского пола. Например, при словах *маршал*, *воин*, *боец* и т.п. Наоборот, при определенной части наименований лиц женского пола нет названий лица мужского пола: *маникюриша*, *машинистка*, *сиделка*, *няня* и т.п. Специальности, занятия эти являются «женскими».

В ряде случаев соотносительность отсутствует потому, что в языке возможные соответствия имеют иную семантическую нагрузку. Ср.: *электрик* и *электричка*; *техник* и *техничка* (уборщица); *прораб* и *прорабка* (помещение); *глазник* и *глазница* (глазная впадина) и др.

Лит.: Дементьев А. А. О женских соответствиях к мужским в наименованиях действующих лиц // РЯШ. 1954. № 6; Протченко И. Ф. Образование и упо-

ребление имен существительных женского рода – названий лиц в современном русском языке // Статьи и исследования по русскому языку. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 158. М., 1960.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА. Существительные общего рода совмещают значения лица мужского и женского пола. Когда они выражают значение лица мужского пола, с ними согласуются прилагательные, местоимения, порядковые числительные, причастия, глаголы в мужском роде: *Иван такой сластена. Наш гуляка вернулся.* Употребляясь в значении лица женского пола, существительные общего рода требуют формы женского рода: *Света такая сластена. Наша гуляка вернулась.*

Ядро существительных общего рода составляют склоняемые нарицательные имена с окончанием *-а(-я)*, служащие качественной характеристикой лица, обычно выражающие при этом отрицательную оценку лица. Большинство из них связано с живой разговорной речью, сохраняет оттенок фамильярности и нередко даже вульгарности.

Категория общего рода располагает своей системой суффиксов. Это в основном малопродуктивные или непродуктивные суффиксы: *-к(а)*; *-аг(а)*/*-яг(а)*; *-ыг(а)*; *-уг(а)*/*-юг(а)*; *-х(а)*; *-ох(а)*; *-с(а)*; *-он(я)*; *-ул(я)*; *-ук(а)*/*-юк(а)*; *-шк(а)*; *-ашк(а)*/*-яшк(а)*; *-ушк(а)*; *-ишк(а)* и др. В качестве производящих обычно выступают имена существительные, прилагательные, глаголы. Примеры: *задавака*, *бедняга*, *торопыга*, *хапуга*, *хитрюга*, *неумеха*, *выпивоха*, *пакса*, *тихоня*, *роднуля*, *грязнуля*, *злюка*, *замарашка*, *соседушка*, *хвастунишка* и др. Наибольшую продуктивность проявляют отглагольные образования с суффиксом *-л(а)*: *воротила*, *подпевала*, *запевала*, *зазывала*, *воображала*, *запра-*

вила, заводила, мазила, зубрила и др. Малопродуктивны безаффиксные имена, образующиеся на базе глагола: *растрепана, рева, зуда, задира, подлиза, разиня, проныра, пролаза, заика* и др. Ср. также: *пустомеля, недотрога, книгоноша, непоседа* и т.п.

Ряд существительных общего рода относится к непроизводным словам (*неряха, прощельга, шаромыга, скряга, ханжа, забияка, сутяга* и др.). Вычленение в них суффиксов общего рода неправомерно, так как нет однокоренных слов, в сопоставлении с которыми можно было бы вычленить суффиксы.

К существительным общего рода относятся также ласкательные личные имена типа *Саша, Шура, Валя* и т.п., которые совмещают значения названий лиц как мужского, так и женского пола. Всеми свойствами слов общего рода обладают несклоняемые фамилии иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласные. Ср.: *(Ирен) Жюлио-Кюри писала – (Фредерик) Жолио-Кюри писал*.

В системе названий лиц особое место занимают существительные типа *врач, инженер, автор, агроном, академик, геолог, Герой Советского Союза, директор, зав, профорг, ревизор, секретарь, товарищ* и т.п. Зафиксировано около 400 таких слов. Склоняются они так же, как и другие существительные на твердые согласные, по типу мужского склонения. В то же время у них развивается способность к сочетанию с глаголом в форме не только мужского, но и женского рода. Эта тенденция получила широкое распространение в разговорной речи и хорошо представлена в современной периодической печати, художественной литературе, напр.: *Кондуктор, пожилая женщина, внимательно смотрела на него и улыбалась* (Леонов). *По-видимому, приисковый счетовод серьезно за бо-*

лела (Коптяева). *Молодой астроном начала просматривать пластинки*. (Вечерняя Москва. 1964. 12 февр.). Здесь согласование не выражено с помощью грамматических форм существительных. Поэтому его принято называть «согласованием по смыслу». Значение рода существительного в таких случаях передается аналитически – формой согласуемого глагола.

Прилагательные и другие определяющие слова могут согласовываться с существительными типа *врач* по смыслу. Например: *Директор очень строгая* (Панова). *Что же с Зоей? Та физик да в няя?* (Вознесенский). *Может быть, наша юрист была в состоянии невменяемости?* (Горьковский рабочий. 1960. 19 авг.). Сочетания *строгая директор, наша юрист* и т.п. встречаются сравнительно редко и употребляются в основном в разговорной речи. Их употребление пока ограничено формой именительного падежа.

За пределами существительных общего рода остаются оценочные слова женского рода, представляющие собой экспрессивные характеристики человека независимо от его пола: *лиса, пила, змея, шляпа, свинья, голова, башка, бестия* и др. Например: – *Ну, брат, Василий Павлович – это, брат, голова!* (Гусев). *А Суслов уехал, – шептала Варвара. – Он, вероятно, знал, что будет обыск. Он – такая хитрая лиса* (Горький). *Шляпа вы, – замечает он тонким певучим голосом, – вы же своего подводите таким ходом. Вы даже в игре шляпа!* (Павленко). Такие слова выступают только как существительные женского рода, поэтому другие слова согласуются с ними только в форме женского рода. Ср.: *Она – такая хитрая лиса* и *Он – такая хитрая лиса*.

Лит.: Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Муч-

ник И. П. Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке // Развитие современного русского языка. М., 1963; Шанская Т. В. Слова общего рода в русском языке // РЯШ. 1959. № 5.

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. См. категория падежа существительных.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ (лат. *tempus* «время»). В функциональной грамматике А. В. Бондарко темпоральность рассматривается как ее базовая единица — функционально-семантическая категория (функционально-семантическое поле). «Темпоральность — это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность — это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемых для выражения данной семантической категории» (Бондарко А. В.).

Грамматическим центром, морфологическим ядром темпоральности является категория времени. «Система глагольных времен в современном литературном языке состоит из 4 подсистем. Из них основная, центральная включает в себя личные формы глагола в изъявительном наклонении. Это ядро всей системы. Кроме того выделяются следующие подсистемы: времена сложных причастно-страдательных форм (*был открыт — открыт — будет открыт*), времена полных причастий

(*открывающий, открываемый — открывший — открывавший, открытый*), времена деепричастий (*открывая — открыв*). Каждая подсистема характеризуется признаком, отличающим ее от других подсистем. Подсистема времен изъявительного наклонения основана прежде всего на отношении к моменту речи. Подсистему сложных причастно-страдательных форм отличает признак перфектности (эти формы выражают состояние как результат предшествующего действия). Подсистема времен полных причастий характеризуется отношением одновременности и предшествования (но не следования) к моменту речи. Деепричастия обозначают отношение ко времени основного действия, т. е. выражают относительное время».

Лексические показатели времени: *час, минута, неделя, раньше, давно, сегодня, вчера, завтра, прошлое, настоящее, будущее, сейчас, мигом, прошлой зимой, этим летом, минута в минуту, каждый год* и т. п.

Временные отношения выражаются в определенных синтаксических конструкциях. Ср.: *Он женат. Она здорова. Отец инженер. Ты мой брат. Он здесь* и т. п. В этих предложениях выражено значение настоящего времени. Таким же значением обладают различные типы номинативных, безличных и инфинитивных предложений: *Начало зимы. Вот мельница! Дороги не видать. Как же мне не волноваться!*

Лит.: Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

ТЕМПОРАЛЬНЫЙ. То же, что временной: *темпоральные отношения, темпоральные конструкции.*

ТИПЫ УДАРЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. I. Во всех падежных

формах существительные имеют устойчивое ударение на основе: *брат — брата, братья, братьев; блюдо — блюда, блюда; птица — птицы, птиц; ель — ели, елей* и т.п.

II. Во всех падежных формах ударение падает на окончание: *бинт — бинта, бинты, бинтов; статья — статьи, статей* и т.п.

III. В формах единственного и множественного числа, прямых и косвенных падежей ударение может не совпадать, т.е. может быть разноместным:

а) ударение переходит с основы на окончание во всех падежных формах мн. числа: *долг, долга — долги, долгов; дело, дела — дела, делам* и т.п.;

б) ударение переходит с окончания на основу во всех падежных формах мн. числа: *ведро, ведра — вёдра, вёдер; гроза, грозы — грозы, грозам* и т.п.;

в) ударение переходит с окончания на основу в формах им.-вин. пад. мн. числа: *губа, губы, губам, но: губы* и т.п.;

г) ударение переходит с основы на окончание в косвенных падежах множественного числа: *корень, корня — корни, но: корней, корням; вещь, вещи, но: вещей, вещам* и т.п.

Легко заметить, что в существительных III типа ударение используется как дополнительное средство выражения падежных значений в формах множественного числа.

Таким образом, с помощью ударения в именах существительных осуществляется противопоставление форм прямых и косвенных падежей, падежных форм единственного и множественного числа.

Лит.: Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Иванова Т.А. К истории именного склонения // ВЯ. 1957. № 6; Фидровская А.С. Имена существительные мужского рода с формами на -а ударяемое в

именительном падеже множественного числа. Казань, 1961.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ. Особенности употребления форм будущего времени обусловлены его положением в общей системе времен, сложностью семантики форм совершенного вида, широким диапазоном синонимического употребления их.

В будущем времени конкретно-процессное значение несовершенного вида противопоставляется совершенному виду в конкретно-фактическом значении, напр.: *Теперь подходите все, кто в чем нуждается, мы составим списки и будем вам раздавать — я все вам раздам, что имею* (Фурманов).

Формы несовершенного вида в будущем времени легко реализуют конкретно-процессное и обобщенно-фактическое значения, а формы совершенного вида — конкретно-фактическое и наглядно-примерное значения. Единичный факт противопоставляется как процессу, так и повторяемости действия.

Будущее несовершенного вида всегда обозначает разобщенность действия с моментом речи: *Рядом с нашим домом будут строить кинотеатр. Завтра я буду готовиться к экзаменам.*

Будущее время несовершенного вида встречается в конкретно-процессном значении. Для реализации этого значения не нужны какие-л. особые условия. То же самое можно сказать и об обобщенно-фактическом значении.

При передаче факта действия в будущем времени легко реализуются значения обоих видов. Ср.: *Я буду звонить тебе в 5 часов. Завтра он будет докладывать об этом начальнику лагеря. — Завтра он доложит об этом начальнику лагеря.* Это конкуренция видов. Ср. также: *Если он будет спрашивать меня,*

скажете, что я скоро вернусь. — Если он спросит меня, скажите, что я скоро вернусь. Факт действия в несовершенном виде может выражать почти любой бесприставочный глагол.

Будущее несовершенного вида может выражать повторяемость действия, напр.: *Мы будем приезжать к вам. Они часто будут вспоминать эту встречу.* Ср. совершенный вид в значении единичного факта: *Мы приедем к вам.* Ср. также: *Как начнутся каникулы, я буду заходить к вам каждый день. Я приду к вам послезавтра.*

Будущее совершенного вида встречается чаще, чем будущее несовершенного вида. Оно употребляется преимущественно в двух своих значениях — конкретно-фактическом и наглядно-примерном: *Советские люди поддерживают и поддержат любое предложение о реальном, разоружении* (Эренбург); *Ежели заберут — скажу, что мобилизованный, авось, не тронут — бывает, что и не трогают.* (Фурманов); *Как облак дымчатый редеет и исчезает в высоте, так я исчезну!* (Глинка).

С наглядно-примерным значением будущего совершенного вида связано обозначение обычности или повторяемости глагольного действия: *Посмотрит — рублем подарит.* — *У меня всегда так: пока не задают вопросов, все знаю, как зададут — все забыл* (Симонов); *Она сказала, смеясь: «Почему ты никогда не объяснишься мне в любви?»* (Панова).

Значение единичности совершенного вида особенно ярко выступает на фоне повторяющихся или обычных, постоянных действий, выражаемых формами несовершенного вида настоящего или прошедшего времени: *Не горюй, говорит, дедушка. Русские вернутся. Русские всегда возвращаются.* (Леонов); *Так и быть зажжем вот эту (свечку) — последний раз ее зажигали на далекой зимовке.*

Частные видовые значения будущего совершенного вида почти всегда сопровождаются различными модальными оттенками и значениями. Форма будущего совершенного вида может выражать уверенность, невозможность, вынужденность действия, неизбежность результата действия и т.д., напр.: *«Я не понимаю, но пойму», — сказала Тоня* (Кетлинская); *Как аукнется, так и откликнется* (Пословица); *Были все основания надеяться, что Святослав в скором времени так или иначе объявится* (Катаев).

Как правило, такими модальными оттенками «обрастает» форма совершенного вида в наглядно-примерном значении, которое, будучи наиболее отвлеченным и образным, благоприятствует развитию самых разнообразных модально-экспрессивных оттенков и значений.

Лит.: Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Т. 23. М., 1962; Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В ИНФИНИТИВЕ. Инфинитив, сочетаясь с различными группами слов, образует с ними единый смысловой комплекс. Выбор вида инфинитива в этих комплексах часто определяется лишь тончайшими оттенками модальных значений, возникающими как результат сочетания инфинитива с присоединенными к нему словами и словосочетаниями. Причем формы разных видов, сочетаясь с одним и тем же словом или словосочетанием, могут получить разные модальные или иные дополнительные оттенки. Ср.: *Нельзя закрыть окно: очень душно* (запрещение) и *Нельзя закрыть окно: рамы перекошились* (невозможность осуществления дейст-

вия). В сочетании с одними словами употребляются инфинитивы обоих видов, а со многими словами и словосочетаниями сочетается только инфинитив одного из видов — совершенного или несовершенного. Так, слово *надо* одинаково сочетается и с инфинитивом совершенного вида и несовершенного: *Это надо продавать любителю тишины, это — место для отдыха* (Горький). Слова *успеть, удался* и др. употребляются только с инфинитивом совершенного вида, а глаголы *начать (начинать), привыкать (привыкнуть), надоест* и др. сочетаются лишь с инфинитивом несовершенного вида.

В связи с этим при работе над семантикой видов в инфинитиве первостепенное значение имеет изучение текста, выявление типических условий употребления каждого из видов, определение круга слов и словосочетаний, «обслуживающих» тот или иной вид. Существенно влияние контекста и речевой ситуации на реализацию частных видовых значений.

Несовершенный вид в инфинитиве и в сочетаниях инфинитива с другими словами (или группами слов) выступает во всех своих значениях (конкретно-процессном, кратном, обобщенно-фактическом и др.). Совершенный вид также реализует все свои значения.

Он чаще всего встречается в конкретно-фактическом и наглядно-примерном значениях, и условия реализации их являются достаточно сложными: *Нет, поддаваться еще было рано. Поддаться — пропасть* (Малышкин); *Понял, что раскрывать чужие души — великое искусство, и вздумал раскрыть свою!* (Федин); *Газету я не хочу бросать, а уехать — это значит бросить газету* (Эренбург); *Не панорамой сверху нужно снимать это, нет. Спуститься вниз и крупным планом, вместе и рядом с*

этими людьми, так снять, чтобы видно было каждое лицо! (Либединский); *И какими словами утешать? Разве их можно утешить?* (Панова); — *Тут дело не шуточное, — помереть можешь!* — *Ну, государь милостив, зачем помирать?* (Вересаев); *Никита краешком мысли думал: «Когда буду возвращаться домой и пройду мимо окна, оглянуться на окно или не оглядываться?»* (А.Н. Толстой); *Что же мне тебе говорить? Сказать, что мне больно то, что ты говоришь, так ты это сама знаешь* (Л. Толстой).

Форма несовершенного вида обычно просто называет действие и не выражает никаких дополнительных оттенков (обобщенно-фактическое значение): *Ты напиши умно и мило, чтоб это не было — и было, чтоб, не задевши, задевать и, обобщив, не обобщать* (Безыменский).

Такое употребление несовершенного вида характерно для вопросительных предложений в диалогической речи: *Когда ехать? Скоро нам улетать? Когда регистрировать прибывших?* Это значение несовершенного вида реализуется и в некоторых других типах конструкций.

Формы несовершенного вида нередко обозначают долженствование, неотложность или необходимость предстоящего действия, часто сопровождают значение совета: *Мне надо выходить на следующей остановке. Ему надо побольше читать.* (Ср.: *Он должен много читать.*) *Тебе надо больше заниматься спортом.* (Ср.: *Ты должен больше заниматься спортом, а не чем-либо другим.*)

Всегда ярко выступает в инфинитиве несовершенного вида значение повтора действия: *Надо почаще посещать театр, чтобы быть в курсе театральных дел. Я должен заканчивать работу в 6 часов, чтобы успевать на электричку.*

Форма несовершенного вида используется в различных конструкциях разговорной речи, выражающих самые разнообразные модально-экспрессивные значения: **А зачем мне с ним *расставаться*?** (Эренбург); *Ты не сторож. Зачем же тебя *закрывать** (Зощенко); – *Ну кто тебя выведет (в люди) после этого? – Чего выводить-то?.. – недоумеает казачка. – Вывели уж, ладно* (Фурманов); *«Вот еще, **нужно** мне вас *поддевать*», – *посмеиваясь, сказала Людмила* (Сологуб); *Он слушал воспоминания этого птенца, которому еще **нечего было вспоминать**...* (Тынянов).*

Совершенный вид в конкретно-фактическом значении используется для передачи единичного действия, напр.: *Где можно **отдохнуть** сердцем? Среди литераторов* (Тынянов); *Унывают некоторые, надо **подбодрить*** (Кетлинская); *У порога этого входа **нужно сжечь** свои корабли, как некогда сжигали их герои рассказов Новодворского* (Воровский).

Формы совершенного вида широко используются для выражения повторяющихся действий, напр.: *Каждый раз, когда нужно было **подбодрить** людей, он выступал сам. Петрову иногда удавалось **подняться** на самую вершину этой горы.* Значение повторяемости в этих предложениях выражается не формой совершенного вида, а средствами контекста.

Лит.: Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Т. 23. М., 1962; Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В ПОВЕЛИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Реализация частных видовых значений в формах повелительного наклонения зависит от коммуникативных установок говорящего, речевой ситуации, контекста и от модальных значений и оттенков, свойственных этому наклонению. Все эти факторы (то вместе, то в отдельности) так или иначе влияют на употребление видов, причем влияние их здесь особенно ощутимо.

В связи с тем, что в передаче модальных значений повелительного наклонения интонация играет исключительно важную роль, с ней необходимо связывать рассмотрение семантики видов. В отличие от других наклонений повелительное наклонение выражает целую гамму сложных взаимосвязанных значений и оттенков: приказ, побуждение, призыв, пожелание, совет, предостережение, увещание, мольбу, приглашение, разрешение, согласие и др. Одна и та же форма вида в зависимости от соответствующего интонационного оформления и контекста может передавать множество модальных значений. Так, по наблюдениям А.А. Спагис, форма повелительного наклонения *сядь(те)* выражает: 1. Фамильярную просьбу или категорический приказ, строгое повеление, напр.: *«Сядь», – сказал Потапенко* (Панова). Поэтому эта форма является обычной при обращении к ребенку или подростку: *Поглядите, как он сидит! Разве так сидят воспитанные дети? Сядь хорошенько* (Чехов); 2. Присоединением частицы *-те* выражается вежливое предложение: *Сядьте возле меня* (Чехов); 3. В зависимости от интонации и контекста эта форма может обозначать настойчивую просьбу: *Вы сядьте. Сядьте, сядьте.* – *Кострицын сел* (Панова).

Ср. также: *«Читай!» – сердито приказывает повар* (Горький). *Получив письмо от сестры, [солдат] беспокоится*

просил: — «**Читай, пожалуйста, скорее**» (Горький).

На значение форм повелительного наклонения влияет наличие или отсутствие при них личных местоимений. Как отмечает проф. А.Н. Гвоздев, присоединение местоимения 2-го лица смягчает требование и обычно выражает просьбу. Например: *Напишите и Вы напишите. Приезжайте и Вы приезжайте. Ты не бойся его, он добрый; ты гляди прямо в глаза ему* (Горький). В то же время местоимение создает оттенок интимности, близости отношений. Поэтому в резких приказах употребление «вы» невозможно: *Отойдите прочь! Замолчите!*

В повелительном наклонении несовершенный вид реализует обычно конкретно-процессное и кратное значения, а совершенный употребляется в конкретно-фактическом и суммарном значениях. *Петр заговорил более ласково и храбро: — Говорят, а ты — не слушай! Ты забывай. Скажут при тебе пакость, а ты — забудь* (Горький); — *Не записывай; и так не забуду до смертного часа, — сказал Серпилин, увидев, что Синцов взялся за планшет. — А впрочем, все мы смертны, запиши!* (Симонов).

Большинство модальных значений форм повелительного наклонения закреплено за тем или иным видом. Так, значения побуждения, приглашения и др. обычно выражаются формами несовершенного вида; в значениях совета, просьбы и т.д. употребляется в основном совершенный вид. Учитывая это, можно рассмотреть отдельно наиболее важные для коммуникативных целей модальные значения каждого из видов.

Основным модальным значением формы несовершенного вида является обозначение побуждения. Внимание говорящего направлено на факт действия, а не на его результат, цель: *Ты ско-*

ро соберешься? Собирайся, я подожду на крыльце (Бубеннов); — *Здесь не положено расхаживать, уходите, а не то задержу!* — *Задерживайте*, — сказал Синцов с полной готовностью (Симонов); — *На это мнение можно возразить вам. Варвара Васильевна, — остановил он поток ее речей. — Что же, возражайте — разрешила она с улыбкой* (Горький).

Реализация этого значения не требует контекста, поэтому глаголы, выражающие его, обычно употребляются изолированно или в минимальном контексте, где, как правило, отсутствуют прежде всего слова, обозначающие объект действия.

Побуждение может быть адресовано к собеседнику с целью продолжения начатого действия: *Рассказывай, рассказывай. Я тебя слушаю. Пойте, пойте. У вас хорошо получается.*

Формам несовершенного вида свойственно значение приглашения, напр.: *Заходите, заходите, дружочки. Ну вот, хорошо! А то уж я тревожился. Столько дней никого...* (Кассиль, Поляновский).

Формы несовершенного вида могут выражать разрешение осуществлять те или иные действия: *Садитесь, садитесь* (после приветствия ученики продолжали стоять, учитель разрешил сесть). — *Можно повесить карту? — Вешайте.* Однако здесь может употребляться и совершенный вид — *повесьте*.

Несовершенный вид в повелительном наклонении широко употребляется в призывах, в текстах реклам, вывесок, в инструкциях и т.д.: *Не разрешайте детям играть с бродячими животными.*

Формы совершенного вида обычно выражают приказание, совет, просьбу и т.д. Примеры: *А ну, расскажи, как ты там жил в эти два года* (Горький); «*Упрись крепче!*» — *возглашал мой оппонент* (Горький); *Возьмите деньги и дайте туда...* (Гончаров); *Леонид, остынь!* —

Куда же больше остывать? Я и так из ледяной воды! (Бубеннов).

Частицы **да, же**, характерные для разговорной речи, придают формам совершенного вида оттенок настойчивости, нетерпения: — *Дайте же веер!* — сказала она. — *Жалко отдавать*, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер (Л. Толстой). Частица **-ка** вносит оттенок фамильярности: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?* (Лермонтов).

Для подчеркивания, усиления некоторых модальных значений иногда используется частица **смотри**. В сочетании с несовершенным видом она выражает «усиление приказа, требование сосредоточить внимание на исполнении действия: *Да смотри, учись лучше*», а «при форме . . . совершенного вида . . . выражает только усиленное предостережение: *Смотри, не проговоришь*».

В повелительном наклонении, как и во всех рассмотренных временах и наклонениях, наблюдается конкуренция видов: *А теперь кладите* (ср. *положите*) *ручки и слушайте внимательно. А ты бери* (ср. *возьми*) *тряпку и скорее сотри с доски*.

Формы повелительного наклонения в разговорной речи имеют самую высокую частотность употребления.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1949; Мучник И. П. О значении форм повелительного наклонения в современном русском языке // Уч. зап. МОПИ. Т. 32. Вып. 2. 1955.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ. Наиболее распространенным и наименее зависимым от контекста (нередко вообще независимым), а также наиболее свободным от стилистических ограничений является противопоставление в

прошедшем времени конкретно-процессного значения несовершенного вида конкретно-фактическому значению совершенного вида. Сюда относятся примеры типа: *В тот вечер умер капитан Никитенко, он мучительно умирал...* *Рая не отходила от него до конца. Она чувствовала, как умирает вместе с ним: Киев, мой Киев!* (Эренбург); *В общем, они стали откатываться назад. Откатились* (Зощенко); *Съехались кареты. Кучеры с ночными факелами съезжались к дому на Неве* (Тынянов); *Он конной гвардии атаку отбивал. Атаку отбил. А его пулей* (Тынянов).

Очень ярко это противопоставление выражено в оборотах типа «не сдавался, не сдавался, да наконец сдался», «выбирал, выбирал и наконец выбрал» или в оборотах типа «объяснял, но не объяснил», «доказывал, но не доказал» и т.п.: *Все собирался побеседовать с Ольгой, да никак пока не собрался* (Малышкин). *Вдруг пришел возвратившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец, насилу достал скомканное письмо...* (Гончаров).

Значение длительности процесса в глаголах несовершенного вида часто подчеркивается, уточняется при помощи слов и словосочетаний обстоятельного характера: *На этот раз она долго не возвращалась. Когда она вернулась, Касатский сидел в том же положении...* (Л. Толстой). — *Дело было бы... — и улыбнулся. И весь день улыбался* (Шишков). *Он не мыслил более о карьере, которая могла бы открыться, — она слишком долго не открывалась* (Тынянов).

В таких корреляциях формы совершенного вида могут выражать результативное, перфектное значение: *Революция вызвала к жизни тысячи изобретателей-рабочих, изобретения этих*

героев и фанатиков труда **обогадили** и непрерывно **обогащают** страну... (Горький). Он [Югай] стоял в своей кожаной куртке... и смотрел, как **сгорают** боги. Боги сгорели, толпы хлынули прочь от перекрестка (Панова).

В видовых корреляциях, в состав которых входит форма совершенного вида с перфектным значением, несовершенный вид обозначает разобщенность действия с моментом речи, а совершенный — факт прошлого, результат (последствия) которого представлен и в настоящее время, в момент речи. Об этих различиях между совершенным и несовершенным видом в прошедшем времени акад. В.В. Виноградов пишет: «Прошедшее время несовершенного вида, выражая отнесенность действия к плану прошлого, не устанавливает никакой синтаксической перспективы в последовательном развитии действий или в их смене, в их соотношениях. Прошедшее время несовершенного вида обозначает факт прошлого, безотносительно к его пределу, к его результату, к его последствиям для настоящего, в отрешенности от настоящего.

Не всегда несовершенный вид в корреляции выступает в форме прошедшего времени. Он может употребляться и в форме настоящего времени, и тогда приобретает различные дополнительные оттенки — значение общности, постоянности действия и т.п.: «Мы здесь, в Семиречье, **кончаем, кончили** борьбу», — говорили дальше после первых восторженных приветствий (Фурманов). **Унижая** себя, она **унизила** и свой милый дом и своего Володю (Николаева).

Значение постепенного осуществления действия, выражаемое формами несовершенного вида, может подчеркиваться в предложении обстоятельствами. Ср.: *Какой-то древний царь **впал** в странное сомненье* (Крылов). *И меж тем час от часу **впадал** в сомненье боле*

(Крылов). Однако во многих группах глаголов значение постепенности в формах несовершенного вида выступает как компонент их лексического значения, и поэтому они выражают это значение обычно, не опираясь на контекст. Ср.: *уменьшается — уменьшился, утихает — утих, теплеет — потеплел, складывается — сложился, увеличивался — увеличился* и т.п. *Тьма ночная **быстро сгущалась...*** (Горький). *Этот класс **развивался и складывался** так же тихо и неприметно, как тихо и неприметно разлагалось долгое время крестьянство* (Воровский). *Но по мере того, как историк рисовал кистью художника фигуру Степана Тимофеевича и «князь волжской вольницы» **вырастал** со страниц книги, Коновалов **перерождался*** (Горький).

Форма несовершенного вида используется для передачи факта действия. Это происходит обычно в диалогической речи, когда необходимо выяснить, было действие или его не было. Например: — *Ушел не спросяся. Ты должен был спроситься. — Я **спрашивался**, — промышчал Степан* (Чехов). — *Ты однако же не сделал того, что я тебе говорил, — сказал Ноздрев, оборотившись к Порфирию и рассматривая тщательно брюхо щенка, — и не подумал вычесать его? — Нет, я его **вычесывал*** (Гоголь). — *Растратили вы десять тысяч, оставленные ее отцом... — Я ничего не **растрачивал...*** (Чехов). Как видно из примеров, наличие отрицания не лишает формы несовершенного вида констатирующей функции.

Как правило, форма несовершенного вида употребляется в реплике-ответе. Иногда она встречается и в вопросе: — *Он обещал прийти к вам на следующий день. — Он **приходил?*** (Кетлинская).

Глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени применяется

для констатации факта и в повествовательной речи: *Все это осталось неизвестным, потому что Поэтический цех вскоре закрыли. Закрывал его Югай* (Панова).

Совершенный вид в конкретно-фактическом значении в форме прошедшего времени противопоставляется несовершенному виду в форме настоящего или прошедшего времени в значении обычности, постоянности действия, форма несовершенного вида часто встречается в сочетании со словами *обычно, обыкновенно, всегда* и т.п. *И она это поняла, как понимала все с ним происходящее всегда, всегда* (Панова); *Вдруг улыбнулся Синцову не насмешливо, как улыбался до этого...* (Симонov); *Алеша даже увлекся им немного, как в детстве увлекался пионервожатым, а потом — голкипером городской сборной* (Крымов); *Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей* (Гоголь); *Кил немного, но, видно, хорошо жил и умер, как умирают настоящие комсомольцы* (Песков).

Несовершенный вид обозначает повторяющееся действие, а совершенный вид имеет конкретно-фактическое значение. Единичное проявление действия противопоставляется повторяемости: *Часто им прощал я то, чего б они мне не простили* (Лермонтов); *Денис крикнул. Он всегда крикал, когда ему хотелось плакать* (Чехов); *А теперь про Бахона пишут в специальных журналах; ему, например, удалось то, что никому и никогда не удавалось...* (Малышкин); *Мальчишки эти обыкновенно задевали Андрюшу. И он их боялся как огня. И всегда от них убегал. Но сегодня он не убежал* (Зошенко).

В выражении повторяемости действия активно участвует контекст. Глаго-

лы несовершенного вида часто сопровождают слова и словосочетания, передающие кратность действия: *тысячу раз, каждый раз, дважды, трижды, иногда, порой, часто, временами* и т.п. *Общество собрал не зря. Зря никогда не собирал* (Никулин). *Иногда он оборачивался назад и делал мне руками какие-то знаки* (Горький); *Минутами она спохватывалась и сама недоумевала: «Ну, чего же я жду?»* (Николаева).

Легко реализуется значение кратности действия в конструкциях с повторяющимся союзом *то*, в некоторых типах сложных предложений, в частности, в сложных предложениях с придаточными времени, присоединяющихся к главному при помощи союза *как только*, выражающих последовательную смену действий (глаголы-сказуемые обоих предложений в несовершенном виде) и др.: *Одинокий, точно заблудившийся в темноте дали моря, огонь то ярко вспыхивал, то угасал, как бы изнемогая* (Горький); *Как только прекращалась пурга, охотники выходили на море* (Семушкин). Но: *Как только выпал (сов. вид) первый снег, Захар Строгов собрался (сов. вид) в город продавать воск* (Марков).

Говоря о морфологических факторах, влияющих на значение кратности или благоприятствующих его реализации, следует обратить внимание прежде всего на то, что в различных типах видовых пар это значение реализуется неодинаково. Наиболее выразительными являются формы несовершенного вида с суффиксами *-ива-(-ыва-), -ва-*, а также *-а-(-я-)*. При помощи суффикса *-ива-(-ыва-)* часто образуются малочастотные формы несовершенного вида с ярко выраженным значением повторяемости. Нередко это неологизмы: *Ведь эти великаны требуют искусного управления и часто напарываются на камни или притыкаются к мелям* (Ста-

нюкович); *Полиция была поэтому особенно довольна «Плевной» и редко осчастлививала ее своими посещениями* (Мамин-Сибиряк).

Значение повторяемости больше, чем другие значения несовершенного вида, зависит от лексической семантики глаголов. В русском языке немало глаголов, в которых значение кратности входит в общую семантику глагола. Такие глаголы исключительно или преимущественно употребляются в значении повторяемости. Ср.: *подбросить – подбрасывать* и *подбросил – подбрасывал*, *подпрыгнуть – подпрыгивать* и *подпрыгнул – подпрыгивал*; *задуматься – задумываться* и *задумался – задумывался*; *подпевать* и *подпевал*; *дать – давать* и *дал – давал*; *удаться – удаваться* и *удался – удавался*; *ударить – ударять* и *ударил – ударял* и др.

Значительная часть русских глаголов выражает значение повторяемости действия, не опираясь на контекст: *Исидор ударял себя по бедрам, тихо смеялся* (Шишков); *Я знаю и то, что никто из вас не взлетал и не может взлететь выше самого себя* (Горький); *Походка его изменилась, свет сломал ее, как сламывал, стирал вечернюю, ночную неуловимость и неясность уличных линий* (Федин); *А когда Людмила взглядывала в ее сторону, Радият поднимала свою девочку, а Людмила – Аскера* (Либединский).

Один и тот же глагол в одной и той же форме может выражать несколько частных видовых значений (реже – все частные видовые значения). Ср.: *Солнце лениво всходило, и степь по-осеннему медленно пробуждалась. – Здесь солнце всходило быстро, и в шесть часов люди уже спешили на работу. – Как только всходило солнце, рыбаки спешили на реку. – В тех краях обычно солнце всходило рано.* Как видно, в форме прошед-

шего времени несовершенного вида один и тот же глагол может выражать длительность, постепенность, обычность и повторяемость действия.

Такой пучок частных видовых значений способны выражать глаголы прошедшего времени несовершенного вида как в одном, так и в нескольких (или всех) своих словарных (лексических) значениях. Так, форма *всходил* может выражать целый ряд частных видовых значений во всех словарных значениях: 1) *идя, подниматься куда-л.* (*всходил на крыльцо*); 2) *появляться, подниматься над горизонтом* (о небесных светилах) (*луна всходила*); 3) *вздуться, подниматься* (о тесте) (*тесто уже всходило*); 4) *показываться над поверхностью почвы; произрастать* (*зерна всходили*). Примеры на второе словарное значение уже приводились. Приведем на четвертое: – *Наш хлеб всегда всходил на его пашне, взойдет и этот на твоей!* – *убеждал Игната Филипп* (Никулин).

Заслуживают внимания глаголы перемещения, лексическое ядро которых составляют глаголы движения, напр.: *приходить* (*прийти*), *заходить* (*зайти*), *приезжать* (*приехать*), *прибегать* (*прибежать*), *выбегать* (*выбежать*), *выплывать* (*выплыть*), *сходить* (*сойти*) и др.

Глаголы движения имеют очень сложную структуру внутривидовых значений, которые в них нередко образуют другими типами значений (способов действия, времени, наклонения и т.д.). Так, форма несовершенного вида прошедшего времени *заходил* может обозначать: повторяемость действия (*По вечерам Федя заходил к нам поиграть в шахматы*); конкретное проявление процессуального действия (*Я стоял и смотрел, как медведь неторопливо заходил в берлогу и потом долго там что-то переворачивал, укладывал*),

факт («действительность») проявления действия, то, что оно имело место (— Ты сегодня заходил в контору? — Да, заходил). Кроме того, эта форма, как и любая форма прошедшего времени несовершенного вида глаголов движения, обозначает «возвращение субъекта в исходное положение после осуществления действия: *Сказали мне, что заходил за мною кто-то* (Пушкин) (зашел и ушел). Сюда же: *закрывать* (закрывать), *выключать* (выключить), *включать* (включить), *отключать* (отключить), *заключать* (заклucharь), *выкручивать* (выкрутить); *откручивать* (открутить), *закручивать* (закрутить), *отдавать* (отдать), *выдавать* (выдать); *нажимать* (нажать), *вставать* (встать), *подниматься* (подняться), *нагибаться* (нагнуться), *пригибаться* (пригнуться), *исчезать* (исчезнуть), *снимать* (снять), *вынимать* (вынуть) и т.п. Как и глаголы движения, подобные слова в форме прошедшего времени несовершенного вида обозначают «аннулированность» результата действия в момент речи: *Ночью я вставал* (встал и опять лег). *Вчера я поднимался на эту гору* (поднялся и спустился). *Вчера днем на два часа отключали свет* (отключили, потом опять включили). *Кто это снимал мое пальто с вешалки?* (снял и снова повесил). *Кто это нажимал на кнопки?* (нажал и отпустил) и т.п.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что несовершенный вид применяется, когда действие необходимо представить «в течении», когда «внимание привлекается не к движению и смене прошедших действий, а к воспроизведению самих этих действий в их течении». Функцию несовершенного вида в таких случаях можно назвать описательной. Пример: *Все трое уже сидели на высокой, аккуратно прибранной койке в каюте Никифора Семеновича. Койка была просторная, у изголовья*

ее ограждал деревянный бортик. Володя... с интересом разглядывал красивую каюту, где все сверкало, все казалось гладким, чистым... Где-то внизу стучал свисток, и свет в электрической лампе под потолком каюты слегка подрагивал в такт этому звуку (Кассиль, Поляновский).

Форма несовершенного вида выражает статичность явлений, а совершенный вид — их динамику, передает смену событий, их последовательность: *Володя побродил по коридору, прошел в один конец его, осторожно пробуя дверные ручки кают, потом вернулся назад, дошел до большой желтой стены с окошками, поднялся, заглянул: внизу под ним, за стеклом, была гулкая бездна...* (Кассиль, Поляновский). Эту функцию совершенного вида можно назвать повествовательной.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Калинин И. А. Морфология глагола. Горький, 1957; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ.

Связь видов с этим наклонением не столь тесная, как с изъявительным и повелительным. Противопоставление частных видовых значений здесь невыразительно, неярко и менее регулярно. В сослагательном наклонении семантика видов всегда выступает в неразрывном единстве с модальными значениями, которые существенно влияют на конструирование предложений.

Противопоставление видов в сослагательном наклонении имеет место как в независимых простых, так и в сложных предложениях, обычно в придаточной части сложноподчиненных предложений: *Если бы Марийка не*

порттила настроение, все было бы хорошо (Панова). — *Если бы Марийка не испортила* настроение, все было бы хорошо.

Несовершенный вид в сослагательном наклонении обычно выступает в конкретно-процессном, кратном и реже обобщенно-фактическом значениях, а совершенный вид — в конкретно-фактическом, иногда в суммарном значениях. Несовершенный вид может иметь также значение обычности, постоянности действия: *Если бы она умела притворяться, она притворилась бы* (Николаева). Остальные частные видовые значения в сослагательном наклонении реализуются редко или вообще не встречаются.

Специфична в сослагательном наклонении конкуренция видов, хотя и выражена она слабо. Формы совершенного и несовершенного видов могут иметь одинаковую модальную окраску или отличаться друг от друга (иногда весьма заметно) модальными оттенками и значениями: *Хорошо, если бы дождь не прекращался* (ср. *не прекратился*) *до утра* (Мальцев); *Взял бы он пример* (ср. *брал бы он пример*) *с зарубежных редакций* (Чехов); *Несомненно, что и всякий другой сколько-нибудь порядочный человек при таких обстоятельствах не взял бы* (ср. *не брал бы*) *денег* (Вересаев); *Если бы Таня ушла* (ср. *уходила*) *хоть на минуту...* (Кетлинская); *Да ты бы им, поганым, в рожу плюнула* (ср. *плевала*)... (Горбатов).

Обе видовые формы могут выражать учтивое пожелание. Ср.: *Я просил бы вас поговорить с ним. — Я попросил бы вас поговорить с ним. Мне хотелось бы, чтобы вы побеседовали с ним. — Мне хотелось бы, чтобы вы чаще беседовали с ним.*

В некоторых оборотах при выражении желания, просьбы преимущественно или исключительно употребляется форма совершенного вида, напр.:

Полежал бы ты часок. Походил бы ты на свежем воздухе. Рассказал бы ты нам что-нибудь.

При отрицании форма совершенного вида обычно обозначает не желание, а беспокойство, опасение, напр.: *Не свалился бы малыш на пол!* Ср.: *Как бы не свалился малыш на пол!* Или: *Не простудился бы он!* Ср.: *Как бы не простудился он!*

При выражении совета чаще встречается форма несовершенного вида, но употребляется и совершенный вид: *Шел бы ты домой, Володя; Ложилась бы ты, мама* (ср.: *легла бы ты, мама*).

Лит.: Бондарко А. В., Булачин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982; Мещанинов И. И. Глагол. М.; Л., 1949; Якобсон Р. О. О структуре русского глагола // Избр. работы. М., 1985.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА С ОТРИЦАНИЕМ.

Отрицание действия в русском языке выражается обычно при помощи частицы *не*: — *Мама, я умоляю тебя, ничего не говори!* — *Я ничего не скажу* (Погодин). *Не бери, говорит, билета, мы, тебя и так провезем. Ну, я и не взял* (Чехов).

В сочетании с различными элементами контекста частица *не* способна выражать не только отрицание, но и ненужность, нереальность, невозможность действия, а также другие модальные значения. В выражении этих значений иногда принимают участие как отдельные слова, так и целые конструкции, в которых частицы *не* может и не быть: *К чему напрасно слезы лить. С какой стати я вам должен ключи передавать. Незачем было тебе возвращаться домой. Катя боролась с ветром, очень довольная. Ей хотелось раскинуть руки и кричать: свобода! Но раскидывать руки*

нельзя — чего доброго унесет ветер (Кетлинская).

Формы вида в разных временах и наклонениях неодинаково реагируют на сочетание с частицей **не**. В одних случаях присоединение ее к глагольным формам не производит каких-л. ощутимых сдвигов в их семантике и не влияет на построение синтаксических единиц, в других случаях наблюдаются значительные изменения в семантике соотносимых с нею слов и словосочетаний, так как она сообщает им дополнительные модально-экспрессивные значения.

Наиболее тесные семантические контакты устанавливаются между частицей **не** и глаголом в форме прошедшего времени, в повелительном наклонении и инфинитиве. Остальные рассмотренные глагольные формы в этом отношении не являются показательными.

Существует мнение, что видовые формы прошедшего времени в сочетании с частицей **не** выражают лишь простое отрицание действия, т.е. обозначают, что действие не имело места, не происходило, его не было. Действительно, имеются такие корреляции, где между формами совершенного и несовершенного вида вряд ли можно обнаружить какие-л. семантические различия, кроме видовых. Ср.: — *У вас этого права никто не отбирает. Но и у нас... у райкома никто не отобрал* (ср. *никто не отбирал*) *права контролировать* (Иванов); *Дорога вся была заметна и можно было знать, что не сбился, только по вешкам. И лошадь действительно не сбивалась и шла, поворачивая то вправо, то влево по извилинам* (Л. Толстой); *Он (Осин) не понял этого и ночью* (Эренбург); *Николай Михайлович этого не понимал* (Тынянов).

Однако подобные факты еще не дают основания утверждать, что видовые

формы глаголов прошедшего времени семантически тождественны, что между ними не может быть никаких различий. В русском языке немало случаев, когда отрицательные формы прошедшего времени несут дополнительную нагрузку, выражая различные модально-экспрессивные и иные значения. Ср.: *не собирал* и *не собрал*. Несовершенный вид обозначает, что действия не было, хотя оно, может быть, и предполагалось: *Шкаф мы привезли в разобранном виде, и я еще не собирал* его. В зависимости от контекста форма совершенного вида может обозначать простое отрицание действия, констатацию отсутствия факта: *Сколько дней прошло, а ты еще не собрал свой шкаф* или безуспешную попытку осуществить данное действие: *Эх, ты! Даже шкаф не собрал*.

Ср. также: *я вчера экзамен не сдавал* и *я вчера экзамен не сдал*; *не догонял* и *не догнал*; *не создавал* и *не создал*; *не открывал* и *не открыл*; *не решал* и *не решил*; *не кончал* и *не кончил* и др. Значение безуспешной попытки ярко проявляется также в конструкциях типа *разобрать разобрал, но не собрал* (не смог собрать), *ловить ловил, но не поймал* (не смог поймать).

Формы совершенного вида этих глаголов регулярно выражают, по крайней мере, два значения: отрицание факта действия и безуспешную попытку. Ср.: — *Вот что, — сказал он, расправляя русые, пушистые усы. — Общество собрал не зря. Зря никогда не собирал* (Никулин). Здесь выражено отрицание факта действия. *Велосипед собирал, собирал, но не собрал* (безуспешная попытка). Такая двузначность свойственна обычно формам совершенного вида глаголов, обозначающих целенаправленные действия.

Семантические различия наблюдаются и между членами корреляций ти-

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА С ОТРИЦАНИЕМ

па не утвердили — не утверждали, не подписали — не подписывали, не сохраняли — не сохранили и др. Формы типа не утверждали служат для выражения факта действия в прошлом, а формы типа не утвердили обозначают не сочли возможным, отказали.

Дополнительными значениями обладают и формы несовершенного вида. Еще Л.П. Размусен и А. Добиаш, сопоставляя формы типа «они сдали оружие» и «они оружия не сдавали», пришли к заключению, что частица **не** «влечет за собой оттенок sonatus «и сдавать не думали»: *Не прошло и недели, как ведьмы ей уже улыбались и угощали пирожками. — Как ты добилась? — Я не добивалась* (Панова); *Наклонясь, Яков поднял палку, подал ему и оглянулся, тихо спрашивая: — Но тогда как же ты, зачем вы набросились на меня? — Я не набрасывался. Я — обознался* (Горький).

В повелительном наклонении формы совершенного и несовершенного вида отличаются друг от друга прежде всего возможностью сочетаться с частицей **не**.

Значение отрицания, запрета, ненужности действия, а иногда и совета выражается только формами несовершенного вида. Ср.: **не опаздывайте на занятия; не проходите мимо; не успокаивайтесь на достигнутом; не падайте духом** и т.п. Отсюда типичные ошибки: *не возьми* вместо *не бери*; *не напиши* вместо *не пиши* и т.п.

Формы совершенного вида тоже могут сочетаться с частицей **не**, но они не выражают основного значения повелительного наклонения — запреща-

ния, а употребляются со значением предостережения: *не упади, не скользнь, не опоздай, не задохнься, не ушибись* и др. Часто при этих формах встречается слово *смотри*. Тогда они обозначают усиленное предостережение: — *Смотри, не простудись. — Простужаться-то некогда, — весело отозвался парень* (Кетлинская). Слово это придает высказыванию разговорный оттенок.

Выбор видовых форм в конструкциях с инфинитивом нередко полностью определяется наличием или отсутствием частицы **не**. *Тебе следует обратиться к врачу* и *Тебе не следует обращаться к врачу*. При соответствующей интонации между членами подобных пар обнаруживаются различия в дополнительных оттенках. Первое предложение выражает настойчивый совет, а второе передает значение, близкое к семантике оборота «не к чему».

Модальные слова обычно образуют смысловое единство с инфинитивом, и поэтому частица **не** может относиться к такому сочетанию в целом. Общее правило употребления с частицей **не** глагольных форм, представляющих собой одно слово, действует и здесь, в сочетаниях инфинитива с модальными словами. Поэтому, если слово *нужно* может сочетаться как с совершенным *вмешаться*, так и несовершенным *вмешиваться* и полученные «смысловые целые» без отрицания *нужно вмешиваться* и *нужно вмешаться* одинаково употребительны, то с отрицанием может сочетаться только форма инфинитива несовершенного вида (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Формы инфинитива совершенного и несовершенного вида	Сочетаемость с частицей не
<i>вмешаться</i>	—
<i>вмешиваться</i>	+

Таблица 2

Сочетания инфинитива совершенного и несовершенного вида с модальными словами	Сочетаемость с частицей <i>не</i>
<i>нужно вмешаться</i>	–
<i>нужно вмешиваться</i>	+

Сочетания типа «не вмешаться нельзя» этого правила не опровергают, так как в них не выражено отрицания действия. Они имеют противоположный отрицанию смысл: «надо (обязательно) вмешаться».

Употребление сочетаний модального слова с инфинитивом несовершенного вида можно иллюстрировать таким примером: *Никогда не нужно вмешиваться в эти уличные истории* (Андреев).

В русском языке существует целый ряд сочетаний модальных слов с частицей *не*, при которых употребляется исключительно или преимущественно инфинитив несовершенного вида. К ним относятся:

<i>не надо</i>	} несовершенный вид <i>писать</i>
<i>не нужно</i>	
<i>не должен</i>	
<i>не стоит</i>	
<i>не следует</i>	
.....	
<i>незачем</i>	} несовершенный вид <i>говорить (с ним)</i>
<i>не к чему</i>	
<i>нет смысла</i>	
<i>не хочу</i>	
<i>не советую</i>	
.....	

Особенно наглядно различия в модальных значениях видовых форм в инфинитиве выступают при сочетании их со словом *нельзя*. Ср. несовершенный: *Нельзя открывать форточку: на улице пыльно* (запрещение) и совер-

шенный: *Нельзя открыть форточку: она покорибилась от сырости* (невозможность). Ср. также: *нельзя вставить* и *нельзя встать*.

В оборотах, выражающих разрешение, при отрицании употребляется инфинитив несовершенного вида, напр.: *Можете не снимать рубашку. Можно не вставить. Можно не приходить так рано. Можно не торопиться с отъездом.*

Лит.: Бондарко А.В., Буландин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967; Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982; Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984; Мещанинов И.И. Глагол. М.; Л., 1949.

ФОРМА СЛОВА. См. грамматическая форма.

ФОРМАЛЬНОЕ (ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ) ЗНАЧЕНИЕ.

Это грамматическое «значение, вносимое формой слова или словосочетания и указывающее на отношение основного значения слова к значениям других слов в данном словосочетании или независимо от него, или изменяющее значение слова по сравнению со значением других слов с тем же основным значением. Так, в словах *рука*, *руку* по сравнению их между собой Ф.З. будет значение именительного и винительного падежей как изменяющее их значение при одном и том же основном значении (название извест-

ной части человеческого тела» (*Дурново Н.Н.*). Оно противопоставлено лексическому, реальному, вещественному значению слова, которое выражается основой слова, называется некоторыми учеными основным. А.А. Шахматов называет это значение «сопутствующим», так как оно всегда «сопровождает» вещественное (реальное, лексическое) значение слова.

Формальные значения слова выражаются с помощью словоизменительных аффиксов (префиксов, суффиксов, постфиксов, окончаний): *читал* (суффикс *л* – грамматический показатель прошедшего времени), *петь/спеть* песню (префикс *с* – грамматический показатель совершенного вида), *голова, головы* (окончания *-а, -ы* – грамматические показатели именительного и родительного падежей). Формальным значением обладают только изменяемые слова: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы.

Лит.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1977; Дурново Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.; Пг., 1924; Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981; Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. М., 1962; Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

ФОРМАНТ В МОРФОЛОГИИ.

Словоизменительный аффикс (приставка, суффикс, постфикс, окончание), служащий для образования грамматических форм слова: *написать* письмо, *нарисовать* портрет (чистовидовой префикс *на-* образует форму несовершенного вида); *сильнее, быстрее* (суффикс *-ее* образует сравнительную степень качественного прилагательного); *радуюсь* (постфикс *-сь* образует за-

логовую форму глагола); *читаю, пою* (окончание *-ю* образует форму 1 лица единственного числа глагола). См. **формант** в разделе «Морфемика. Словообразование».

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ. Образование грамматических форм слова. При узком понимании сюда относятся лишь формы слова, образуемые с помощью окончаний, т.е. флективное и отчасти суффиксальное формообразование. В этом случае формообразование приравнивается к словоизменению. При широком понимании формообразование включает образование форм оценки имен существительных, прилагательных, наречий, категории состояния, образование степеней сравнения имен прилагательных, наречий, категории состояния, образование префиксальных видовых пар глаголов, грамматический статус которых остается не до конца выясненным. Эти образования некоторые ученые относят без достаточных оснований к словообразованию. Сюда же примыкают и возвратные глаголы с постфиксом *-ся* в различных залоговых значениях.

Словообразование в русском языке осуществляется с помощью флексий, суффиксов, приставок, постфиксов, ударения, чередования фонем и др. грамматических средств (напр., интонации при выражении разнообразных оттенков значения повелительного наклонения). *Глагольное формообразование. Формообразование имен существительных. Формообразование видов. Префиксальное формообразование. Суффиксальное формообразование. Аффиксальное формообразование.* См. **грамматическая форма, грамматическая категория.**

Лит.: Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий // ВЯ. 1974. № 2; Виноградов В. В. О формах сло-

ва // Исследования по русской грамматике. Избр. труды. М., 1975; Жирмунский В. М. О границах слова // Общее и германское языкознание. Л., 1976; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1987; Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967; Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ. Ученые, считавшие двувидовые глаголы грамматической аномалией, с определенностью предрекали, что двувидовость преодолевается с помощью морфологических средств перфективации и имперфективации. Так, А. В. Исаченко полагал, что «двувидовость, как и всякая грамматическая аномалия, подвергается воздействию аналогии и постепенно устраняется». Далее он уверенно утверждал: «Вопрос устранения двувидовости глаголов в русском, словацком и чешском языках еще очень мало изучен. Только на очень большом материале можно будет показать все многообразие процессов, связанных с ликвидацией двувидовости как морфологической аномалии славянского глагола».

В своих прогнозах о будущей судьбе двувидовых глаголов А. В. Исаченко не одинок. В нашем языкознании встречаются и более сильные выражения и решительные утверждения, предсказывающие «разрушение» системы двувидовых глаголов. Например, П. П. Шуба приводит примеры дифференциации видовых значений двувидовых глаголов с помощью префиксов и суффиксов и делает из этого вывод о «разрушении» двувидовости в русском языке. Однако тут же он вынужден признать активное пополнение двувидовыми глаголами современной русской лек-

сики: «Однако несмотря на интенсивное разрушение двувидовости, группа двувидовых глаголов почти не уменьшается... Эта группа активно пополняется «интернациональной» лексикой — глаголами на *-овать, -ировать* и под.».

Действительно, система двувидовых глаголов активно пополняется, охватывая не только бесприставочные суффиксальные глаголы, но и многочисленные типы префиксальных образований с приставками иноязычного и русского происхождения (*де-/дез; ре; пере-*, в отдельных словах *раз; у-* и т. п.). Устойчивость ее и даже развитие признают многие исследователи. И. П. Мучник отмечает, что в сфере двувидовых глаголов наблюдаются «не только тенденции сужения, но и тенденции расширения». По его мнению, увеличение «удельного веса двувидовости» в современном русском языке объясняется социальными факторами: «Ряд общественных явлений, возникших после Великой Октябрьской революции, новые условия развития языка создали немаловажный стимул для роста продуктивности новой модели». «В советский период, — пишет И. П. Мучник, — процесс развития двувидовости активизировался под воздействием социального фактора. Изменения в социальной среде придали большую весомость многочисленным явлениям, обозначавшимся двувидовыми глаголами. В дореволюционную эпоху число более или менее широко распространенных двувидовых глаголов, выходящих за пределы специальных сфер речи, было чрезвычайно незначительным (например: *телеграфировать, атаковать, арендовать, гарантировать* и некоторые подобные). В годы же революции и в послереволюционное время довольно большое число актуальных явлений обозначалось глаголами этой словообразовательной мо-

дели, ставшими вследствие этого частотными; вот некоторые глаголы этого типа: *национализировать, экспроприировать, конфисковать, реквизиловать, индустриализировать, организовать, реорганизовать, реконструировать, революционизировать, демократизировать, советизировать, большевизировать, делегировать, рационализировать, коллективизировать, машинизировать, электрифицировать, радиофицировать*. Эти и другие им подобные глаголы часто встречались в газетах и журналах, их часто употребляли в различных устных выступлениях, а под влиянием последних и в обиходном разговоре. Как известно, в послереволюционное время влияние публицистического и газетного жанров литературного языка на разговорную литературную речь в целом чрезвычайно расширилось».

Судя по материалам неологических словарей, лексическая база постоянно расширяется главным образом за счет профессиональных (терминологических) слов, образуемых на базе заимствований. Естественно, определенная часть их со временем выходит из употребления, не приживается. В современном русском языке действуют обе тенденции, но процесс пополнения двувидовой лексики происходит более активно, чем выход из употребления двувидовых глаголов.

Одновременно с лексическим освоением двувидовых глаголов происходит приспособление их к грамматической системе русского глагола. Некоторая часть таких глаголов утрачивает свою двувидовость, переходит в класс глаголов несовершенного вида. «По мере увеличения частотности употребления в литературном языке, — пишет С.А. Кузнецов, — двувидовые глаголы могут постепенно развивать свои внутренние соматические потенции и определяться как глаголы совершенного

(такие случаи нам неизвестны. — А.Т.) или несовершенного вида. Ср.: *бойкотировать, бункеровать, гофрировать, идеализоваться, импортиться, иллюстрироваться, интерпретироваться, командироваться, конкретизироваться, лидировать, насиловать, регистрировать, скандировать*. Эти и другие глаголы в Словаре Ушакова отмечаются как двувидовые, а позже в ССРЛЯ и СРЯ и в Словаре Ожегова толкуются как глаголы несовершенного вида». Не все такие случаи свидетельствуют об изменениях в видовой характеристике двувидовых глаголов в языке. Иногда они являются лишь исправлением ошибок, допущенных составителями предыдущих словарей. В данном случае, напр., характеристика возвратных глаголов страдательного залога, которые не могут быть двувидовыми. Поэтому в САН-4 они последовательно даются как глаголы несовершенного вида. Тем не менее факты грамматических изменений в словарях в целом отражают реальные процессы, происходящие в языке: часть двувидовых глаголов действительно переходит в разряд глаголов несовершенного вида. Об этом говорят и многие примеры, приведенные С.А. Кузнецовым.

С точки зрения грамматического освоения двувидовых глаголов заслуживают внимания процессы, ведущие к формальной — морфологической — дифференциации средств выражения в них значений совершенности и несовершенности. В этот процесс втянуты обе подсистемы видообразования — суффиксация (имперфективация) и префиксация (перфективация).

Имперфективация, осуществляемая с помощью суффикса *-ива-/-ыва*, не получила широкого развития по формальным причинам. Она охватывает лишь небольшое число глаголов, имеющих ударный суффикс *-ова-*:

арендовать — *арендовывать*, *арестовать* — *арестовывать*, *атаковать* — *атаковывать*, *конфисковать* — *конфисковывать*, *организовать* — *организовывать*, *реорганизовать* — *реорганизовывать*, *дезорганизовать* — *дезорганизовывать*, *мобилизовать* — *мобилизовывать*, *реализовать* — *реализовывать*, *ассигновать* — *ассигновывать*, *нормализовать* — *нормализовывать*, *образовать* — *образовывать*, *преобразовать* — *преобразовывать* и т.п. Таким образом увеличиваются грамматические возможности этих двувидовых глаголов, у которых, как правило, формы прошедшего времени выражают только перфективность (*арендовал*, *конфисковал* и т.п.), а сложное будущее обычно не образуется (не говорят: *буду арестовать*, *буду организовать*).

Примеры функционирования суффиксальных корреляций:

организовать — **организовывать**: *Имея в своих руках власть организовать и регулировать строй общественных отношений, она организует его применительно к наиболее полному удовлетворению своих потребностей* (Воровский). *Телеуправление движением электропоездов позволит увеличить безопасность движения, лучше его организовать* (Юный техник). *В жаркую погоду следует организовать купанье животных* (Кирина). *В 1902 г. А.С. Попову удалось организовать в Кронштадте небольшую мастерскую по выпуску радиостанций* (Костыков, Ермолаев). *Нивелирование любого класса организуют по вытянутым ходам, опирающимся на точки высшего или данного класса* (Голубкин, Соколова). *Надо было организовать людей* (Арсеньев). *Но вы ведь предлагаете организовать специальную группу* (Насибов). *Как лучше организовать свой труд?* (Детская энциклопедия). *Промышленность США сумела организовать массовое производство танков, са-*

молетов, орудий, снарядов (Лебедева-Полянская). *Шире развернуть наши действия, организовать отряд «Борьба»* (В. Карпов). *Папанин организовал хорошую разведку погоды* (Бротман). *Местная молодежь организовала кружок, в котором читались запрещенные книги* (Коцюбинский). *Сами организовывали вылазки за «языком»* (Н.И. Крылов). *Мне в молодости очень хотелось куда-то поехать, что-то организовывать* (Бротман). *Те, кто организовывал трюк с миной, действовали наверняка* (Известия). *Большевистская партия стала организовывать новую экономическую политику* (Политэкономика). *Союзы молодежи организовывали клубы, кружки текущей политики...* (Безыменский);

атаковать — **атаковывать**: *Теперь пикировщики внезапно атаковали на огневой позиции эскадренный миноносец «Безупречный»* (Н.И. Крылов). *Ведь каждый дом атаковывать нужно* (Маяковский). *Наиболее упорное сопротивление оказывалось на левом фланге контртрудара — там, где атаковывала кавдивизия* (Н.И. Крылов). *Но в море да и в порту суда атаковывала вражеская авиация* (Н.И. Крылов).

Появление имперфективной формы, формирование суффиксальной пары еще не преобразует грамматическую семантику двувидового глагола. Бесприставочный член корреляции продолжает функционировать как двувидовая форма. Возникают своеобразные многочленные видовые корреляции типа *атаковать* (несов.) — *атаковать* (сов.) — *атаковывать* (несов.), *конфисковать* (сов.) — *конфисковать* (несов.) — *конфисковывать* (несов.) с двумя — вариантными — формами несовершенного вида, которые конкурируют, делят между собой грамматическое пространство несовершенности. При этом двувидовость не устраняется,

а система формальных средств ее выражения усложняется, хотя тенденция эта направлена именно на полное устранение видовой «неопределенности» двувидовых глаголов. Очевидно, последнее слово за временем.

Русский язык в качестве основного пути дифференциации видовых значений двувидовых глаголов избрал не суффиксальный, а префиксальный. Чем объясняется такой выбор? По мнению М.А. Шелякина это объясняется тем, что, «во-первых, в 19 в., в котором и начинается появление в русском языке основной массы двувидовых глаголов бесприставочные глаголы с суффиксами *-ива-/-ыва-*, *-ва-* становятся малопродуктивными и уходят из языка; во-вторых, они и лексически, и функционально были замкнутыми, имея только значение многократности, давнопрошедшего времени и с частицей не категорического отрицания; в-третьих, глаголы на *-ова-ть* требовали для этих суффиксов ударения на конечный гласный. К тому же, в период проникновения бесприставочных двувидовых глаголов в русский язык уже было продуктивно образование видовых пар с названными суффиксами именно в приставочных глаголах... Все указанные факторы и привели к тому, что бесприставочные двувидовые глаголы, по своей формальной структуре несовершенного вида, стали дифференцировать видовые формы при помощи чистовидовых приставок».

При выборе чистовидовых приставок исключительно важную роль играет сложившаяся система семантических моделей образования видовых пар. Каждая новая видовая корреляция как бы пристраивается к одной из существующих моделей видообразования, создается по аналогии с имеющимися в языке моделями видовых корреляций. В связи с этим представляется умест-

ным привести здесь одно высказывание А.М. Шелякина: «В... процессе формальной дифференциации видовых пар у двувидовых глаголов большую роль играют семантико-словообразовательные условия и наличие моделей образования видовых пар при помощи приставок. У двувидовых глаголов должно быть совпадение семантики приставки и бесприставочных основ, и, как следствие этого, видовая пара должна семантически отражать уже имеющиеся видовые пары, т.е. входить в тот или иной семантический ряд существующих видовых пар с чистовидовыми приставками или с имперфективными суффиксами. Ср.: *делать* — *сделать* и двувидовой *конструировать* — *сконструировать*, *группировать* — *сгруппировать* и двувидовой *конденсировать* — *сконденсировать* (букв. сгустить), *записать* — *записывать* и двувидовой *протоколировать* — *запротоколировать*, *мостить* — *замостить* и двувидовой *бетонировать* — *забетонировать*, *снять* — *снимать* на кальку и двувидовой *калькировать* — *скалькировать* (как *списать* — *списывать*).

По подсчетам И.П. Мучника, в современном русском языке префиксальные корреляции образует 150 двувидовых глаголов. Эти данные опираются лишь на материалы словарей Ушакова и Ожегова (изданные до 1960 г.). Они не отражают современного состояния развития чистовидовой префиксации двувидовых глаголов. В нашей картотеке зафиксировано более 500 двувидовых глаголов, образующих видовые корреляции с помощью чистовидовых префиксов. Наиболее активными приставками являются *про-*, *за-*, *от-*, *с-*.

про-: анатомировать, информировать, комментировать, вентилировать, декламировать, демонстрировать, мар-

кировать, дефилировать, диктовать, компостировать, конспектировать, контролировать, корректировать, нумеровать, рецензировать, цитировать, шнуровать, штудировать, экзаменовывать(ся), спиртовать, иллюстрировать, комментировать и др.

суммировать — просуммировать: *Суммируя геометрическую прогрессию, найдем энергию взаимодействия...* (Задачи по электродинамике). *Здесь суммировать по i не нужно* (Там же). *Просуммировав натяжения, приложенные к поверхности сферы, получим...* (Там же). *После этого остается только учесть вырождение по дискретно меняющимся величинам, т.е. просуммировать по направлениям спина и поляризации* (Франк-Каменецкий).

Сюда же: *Шкалу прибора можно проградуировать прямо в процентах вероятности* (Тетерич). *Эти колебания могут быть сделаны носителем сообщения, если промодулировать амплитуду или мгновенный фазовый угол* (Лэнди Р. и др.). *Поля первая бросится туда, чтобы просигнализировать в штаб местной обороны, куда ударила бомба* (Тихонов). *Не одна операция, а четыре: он [Федоров] успел прооперировать еще троих* (Известия). *В самолете все жизненно важные системы не только продублированы, но основаны на «четырёхкратном резервировании»* (Известия).

от-: мобилизовать, никелировать, полировать, рапортовать, редактировать, рекомендовать, ремонтировать, ретушировать, салютировать, фрезеровать, штамповать, реагировать, парировать, лакировать, рецензировать, реставрировать, матрицировать, дифференцировать, формовать, регулировать, симметрировать, фильтровать, репетировать, шлифовать, калибровать, центровать, литографировать, лакировать,

баланси́ровать, ретуши́ровать, центри́ровать и т.п. Примеры: — *Дай тебе власть, ты бы и соловья отрегулировал* (Леонов). — *Время, оно и для меня деньги, — отпарировал неуклюжий детина* (Огонек). Ср.: — *По христианскому обычаю кресты не красят, — парировал Свен...* (Литература и жизнь). *Объяснительную записку он решил дописать и окончательно отредактировать на другой день* (Ильф, Петров).

Определенная часть двувидовых глаголов сочетается с двумя и редко тремя чистовидовыми приставками. Формируются многочленные видовые корреляции. Ср.: градуировать и отградуировать, проградуировать, реагировать и среагировать, отреагировать, прореагировать, рецензировать и отрецензировать, прорецензировать, оперировать и соперировать, прооперировать, редактировать и отредактировать, проредактировать, средактировать, корректировать и прокорректировать, скорректировать, балансировать и сбалансировать, отбалансировать, моделировать и смоделировать, промоделировать, калибровать и откалибровать, прокалибровать, штамповать и отштамповать, проштамповать, анатомировать и разанатомировать, проанатомировать, стенографировать и застенографировать, простенографировать, компостировать и закомпостировать, прокомпостировать, комментировать и прокомментировать, откомментировать и др.

Параллельные формы могут отличаться друг от друга стилистически, своей употребительностью, определенными оттенками приставочных значений.

Присоединение чистовидовых приставок сразу не приводит к ликвидации двувидовости сочетающихся с ними глаголов, хотя оно и направлено на устранение их видовой «неопределен-

ности». Формируются очень сложные видовые корреляции: *компостировать* (несов.) — *компостировать* (сов.) — *закомпостировать* (сов.) — *прокомпостировать* (сов.); *корректировать* (несов.) — *корректировать* (сов.) — *скорректировать* (сов.) — *прокорректировать* (сов.) и т.п.

Иногда дело усложняется еще тем, что отдельные приставочные образования (это обычно слова с ударением на конечном гласном суффикса *-(ир)ова-*) имеют вторичные имперфективные формы: *формировать* (несов.) — *формировать* (сов.) — *сформировать* (сов.) — *сформировывать* (несов.); *группировать* (несов.) — *группировать* (сов.) — *сгруппировать* (несов.) — *сгруппировывать* (несов.); *гримировать* (несов.) — *гримировать* (сов.) — *загримировать* (сов.) — *загримировывать* (несов.) и т.п. Члены таких корреляций находятся в сложных формообразовательных отношениях и при лексикографировании создают немало трудностей.

В «Комплексном словаре русского языка» (М., 2001) принят оптимальный принцип грамматической разработки двувидовых глаголов — систематизация всех морфологических форм. Словарь впервые в лексикографической практике систематизирует грамматические формы двувидовых глаголов по их видовым значениям и выделяет среди них три типа: *нсв* и *св*; только *нсв*; только *св*. Например:

АВТОМАТИЗИРОВАТЬ, *перех.*, *нсв* и *св*: *наст.* и *буд.* автоматизиру/ю, -ешь, *мн* -ют; *прош.* автоматизирова/л, -а, -о, *мн* -и; *повел.* автоматизируй, *мн* -те; *прич. действ.* *прош.* автоматизирова/вш/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; только *нсв*: *прич. действ.* *наст.* автоматизиру/ющ/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; *прич. страд.* *наст.* автоматизиру/ем/ый, -ая, -ое, *мн* -ые; *деепр.* автоматизиру/я; только *св*: *прич. страд.* *прош.* автоматизирова/нн/ый, -ая, -ое, *мн* -ые, *кратк. ф.* автоматизирован, -а, -о, *мн* -ы; *деепр.* автоматизирова/в.

АДРЕСОВАТЬ, *перех.*, *нсв* и *св*: *наст.* и *буд.* адресу/ю, -ешь, *мн* -ют; *прош.* адресова/л, -а, -о, *мн* -и; *повел.* адресуй, *мн* -те; *прич. действ. прош.* адресова/вш/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; только *нсв*: *прич. действ.* *наст.* адресу/ющ/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; *прич. страд.* *наст.* адресу/ем/ый, -ая, -ое, *мн* -ые; *деепр.* адресу/я; только *св*: *прич. страд.* *прош.* адресова/нн/ый, -ая, -ое, *мн* -ые, *кратк. ф.* адресован, -а, -о, *мн* -ы; *деепр.* адресова/в.

Лит.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1965; Кузнецов О. А. К лексикографическому описанию двувидовых глаголов в «Словаре неологизмов» // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978; Мучник И. П. Двувидовые глаголы в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961; Он же. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // ВЯ. 1966. № 1; Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ. То же, что формообразующий. *Формообразовательные морфемы. Формообразовательные аффиксы. Формообразовательный постфикс. Формообразовательная функция приставок.*

ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ. Служащий для образования форм слова. *Формообразующие морфемы. Формообразующие суффиксы. Формообразующая функция аффиксов. Формообразующие глагольные префиксы.*

ФОРМЫ ОЦЕНКИ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ. Слова категории состояния на *-о*, как и омонимичные им наречия и прилагательные среднего рода ед. числа, имеют формы оценки, которые образуются при помощи суффиксов *-оват(-еват-)*, *-оньк(-еньк-)*: *Было холодновато, пахло гнилыми яблоками* (А.Н. Толстой). *В комнате пахло теплой штукатуркой, вымытыми полами. Было скучновато, но уютно* (А.Н. Толстой).

Лит.: Галкина - Федорук Е. М. О категории состояния в русском языке // РЯШ. 1957. № 4; Тихонов А. Н. Категория состояния в русском языке. Самарканд, 1960; Травничек Фр. Заметки о категории состояния // ВЯ. 1956. № 3.

ФОРМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ. Формы, указывающие на неполноту качества или, наоборот, на высокую степень качества: *темноватая комната, бледноватое лицо, узковатое отверстие, рыжевватые волосы, здоровенный парень, страшное лицо.* Формы оценки могут выражать чувственные отношения к предметам, ласкательность: *старенькая бабушка, добренький дедушка, слабенький больной, хитренький мальчик, синенький платочек.* Формы оценки качественных прилагательных образуются с помощью: 1) суффиксов (*широченые брюки, широковатая юбка, узенькая дорожка, большущая голова*); 2) префиксов (*премилый человек, предобрый парень, ультрамодный, сверхмодный*); 3) повторением основ (*милый-милый, добрый-добрый, тихий-тихий*; при этом ко второй основе может присоединяться префикс: *милый-премилый, добрый-предобрый, злющий-презлющий, большой-пребольшой*).

Прилагательные с суффиксами *-охонек (-ёхонек), -ёшенек* широко употребляются в народно-поэтической речи: *Воротился сын больнёхонек, ночью кашель бьёт солдатика, белый плат в крови мокрёхонек* (Некрасов). *Ой! легохоньки корбушки* (Некрасов).

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. На материале современного русского языка. Л., 1979.

ФОРМЫ ОЦЕНКИ НАРЕЧИЙ. От наречий на *-о* образуются формы

оценки при помощи усилительных и увеличительных суффиксов с различными эмоционально-ласкательными оттенками — *-оват(-еват-), -оньк(-еньк-): встал поздно — поздноовато; улыбнулся хитро — хитровато, поклонился низко — низенько; живется ему трудно — трудненько.* Ср. также: *ничего — ничегошеньки, нисколько — нисколечко. — Эх, ты, дожил до седых волос и ничегошеньки* (ср. *ничего*) *не поймаешь* (Б. Иванов).

В народно-поэтическом стиле широко употребляются формы оценки с суффиксом *-ёхоньк-о (-охоньк-о), -ёшеньк-о: густо — густё-хонько, густёшенько (растет) / низко — низёхонько, низёшенько (поклонился).* Например: *Ой вставала я ранёшенько, Умывалася белёшенько* (Песня). *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, Тихохонько медведя толк ногой* (Крылов).

Во многих словах выделяется суффикс *-к-:* *тихонько — тихо-неч-к-о, хорошенько — хорошенеч-к-о, полегоньку — полегонеч-к-у, понемножку — понемножеч-к-у, стороной — сторон-к-ой, вечером — вечер-к-ом, шагом — шаж-к-ом.* В слове *рядышком* выделяется суффикс *-ышк-*, а в наречии *утречком* — суффикс *-ечк-*.

Суффиксы оценки наречий не присоединяются к основе производящих слов, а вставляются внутрь производящей основы перед суффиксом, находящимся в конце слова: *холодн...о — холодн-оват-о, вечер...ом — вечер-к-ом, Но: рысью — рысцой* (суффикс *-ю* в производящем слове подвергся усечению).

Формы оценки наречий образуются также префиксальным путем. Самой активной здесь является приставка *пре-*, обозначающая высшую степень признака: *мило — пре-мило, длинно — пре-длинно, спокойно — пре-спокойно* и др. Приставка *пре-* обычно присоединяется к наречиям на *-о*. Однако ино-

гда она сочетается с определительными наречиями на *-ски (-цки)*: *дьявольски — пре-дьявольски*.

Префиксы *архи-*, *сверх-* и др., широко используемые при образовании форм оценки имен прилагательных, в сфере наречий применяются редко: *сверхгениально*, *сверхмодно*, *архиневерно* и т.п.

Лит.: Блажев Б.И. К вопросу о морфологической характеристике наречия как части речи // РЯШ. 1963. № 6; Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958; Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

ФОРМЫ ОЦЕНКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. Формы существительных, которые передают различные оттенки чувства (ласка, пренебрежение, покровительственное отношение и др.) с помощью суффиксов.

Уменьшительно-ласкательные оттенки выражают суффиксы *-к-*, *-ик*, *-ок*, *-ц-*, *-ец-*, *-иц-*, *-чик*, *-очк-*, *-ш-* и др. в словах: *словарик*, *тетрадка*, *книжка*, *стульчик*, *корзиночка*, *поляночка*; ласкательные оттенки передают суффиксы *-оньк-*, *-юшк-*, *-ишк-* в существительных: *мамонька*, *головушка*, *коровушка*, *тетенька*, *березонька* и т.п.

Пренебрежительное отношение выражают суффиксальные слова *лошадёнка*, *коровёнка*, *избёнка*, *хвастунишка*, *городишко* и т.п.

Увеличительные оттенки передаются суффиксами *-ин-*, *-иц-*: *зверина*, *домина*; *головица*, *ножища*, *ручища*, *домище* и т.п.

Уменьшительные и увеличительные суффиксы выражают антонимические отношения: *домик — долище*, *ножка — ножища*, *носик — носище* и т.д.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы присоединяются в определенной последовательности. Производя-

щая основа сначала сочетается с уменьшительным суффиксом, к которому потом присоединяется ласкательный суффикс. Ср.: *корзина — корзинка — корзиночка*; *поляна — полянка — поляночка*; *книга — книжка — книжечка*; *тетрадь — тетрадка — тетрадочка* и т.п.; *нож — ножик — ножичек*; *огонь — огонёк — огонёчек* и т.п.

Лит.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Гурбанов В.В. Об именах существительных в разговорной речи // Уч. зап. Краснодарского государственного педагогического института. Вып. 18. Филология. Краснодар, 1956; Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967; Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

ЧАСТИ РЕЧИ. По своим грамматическим свойствам все слова русского языка распределяются по классам, которые называются частями речи. Распределение слов по частям речи осуществляется с учетом их категориального (классифицирующего) значения, морфологических признаков и синтаксических свойств.

Под категориальным (классифицирующим) значением принято понимать общее значение слов каждой части речи. Например, у имен существительных это значение предметности, у прилагательных — значение признака, у глаголов — значение процесса и т.д. Таким значением обладают все без исключения слова данной части речи.

В отличие от лексического значения, которое принадлежит только одному конкретному слову и является его индивидуальным семантическим признаком, категориальное значение представляет собой обобщенное зна-

чение целой части речи, отвлеченное от конкретной семантики слов. Так, имена прилагательные *белый, розовый, черный* и др. обозначают цвет; *сердитый, добрый, злой* и др. — психологические свойства человека; *верхний, нижний, внутренний* и др. — пространственные отношения; *утренний, вечерний, ранний* и др. — временные отношения. Наряду с этим все приведенные прилагательные обозначают признаки предмета (*белый снег, сердитый человек, верхний этаж, раннее утро*). Глаголы *говорить, картавить, сюсюкать* и др. обозначают речь; *думать, размышлять, соображать* и др. — мысль; *чувствовать, радоваться, волноваться* и др. — чувства и состояние; *теплеть, редеть, крепнуть* и др. — изменение состояния; *светает, холодает, дождит* и т.п. — явления природы. Одновременно все эти глаголы обладают общим для них значением **процесса**.

К морфологическим признакам, используемым при классификации слов на части речи, относятся: 1) изменяемость/неизменяемость слов, тип и особенности изменения их (склонение, спряжение); 2) набор грамматических категорий слов и их специфика.

К изменяемым словам относятся имена существительные, прилагательные, причастия, числительные, местоимения, глаголы. Неизменяемыми являются наречия, деепричастия, категория состояния, модальные слова, все служебные слова, звукоподражания, междометия. Кроме того, в составе некоторых изменяемых частей речи имеются неизменяемые слова. Например, среди имен существительных выделяются значительные группы так называемых несклоняемых слов (*такси, паде-де, кино, Миссисипи*). Не склоняются отдельные имена прилагательные (*коми язык, костюм цвета хаки*).

Изменяемые слова различаются типом изменения: одни склоняются (существительные, прилагательные, местоимения, числительные, причастия), другие спрягаются (глаголы). Неодинаковы парадигмы склонения различных частей речи. Не совпадают, например, парадигмы склонения имен существительных и прилагательных, хотя слова этих частей речи и обладают одинаковым набором грамматических категорий (род, падеж и число); существительные изменяются только по падежам и числам, в то время как прилагательные — по падежам, числам и родам. Парадигма числительных включает только формы падежа.

Части речи характеризуются разным набором грамматических категорий и их содержанием. Так, имена прилагательные имеют категории рода, числа и падежа. Этими же категориями обладают причастия. Однако у причастий имеются еще категории вида, времени и залога. Категории рода, числа и падежа у существительных и прилагательных отличаются по содержанию. У прилагательных они синтаксически зависимы, наполняются конкретным грамматическим содержанием только при сочетании прилагательного с именем существительным или местоимением. Ср., с одной стороны, *хороший, -ая, -ее, -ие* и, с другой, *хороший день, хорошая ручка, хорошее перо, хорошие дни, ручки, перья*. У имен существительных категории рода, числа и падежа не испытывают синтаксической зависимости. В полной синтаксической зависимости от определяемых слов находится категория рода причастий, местоимений типа *мой, который, каждый* и т.п.

Самое большое число грамматических категорий имеет глагол. В разных своих формах глагольное слово выражает грамматические значения числа,

рода, лица, времени, наклонения, вида, залога. Типично глагольными категориями являются лицо, время, наклонение, вид, залог. Для именных частей речи они не характерны. Категориями времени, вида и залога обладают еще причастия, которые получают их от производящих глаголов.

Числительные имеют лишь одну грамматическую категорию — падежа. В этом отношении к ним примыкают отдельные местоимения, напр.: *себя, кто, что* и т.п.

Разную морфологическую оформленность частей речи хорошо показывают случаи перехода слов из одного класса в другой. Например, при переходе прилагательных в существительные утрачивается изменяемость их по родам: *столовая* (ж. р.), *мороженое* (ср. р.), *ученый* (м. р.). Причастия при переходе в прилагательные лишаются грамматических категорий времени, вида, залога, характерной для них способности управлять другими словами, утрачивают краткие формы. Ср.: *вода, вылитая* (страд. прич. прош. вр., сов. вида) *из ведра*; *человек, выливший* (действ. прич. прош. вр., сов. вида) *воду из ведра*; *вода вылита* (кр. прич. страд. залога, сов. вида) *из ведра* и *дочь — вылитая* (прил.) *мать, сын — вылитый* (прил.) *отец*.

Существенные морфологические преобразования происходят при переходе форм изменяемых слов в наречия, категорию состояния, модальные слова, междометия. Слова выпадают из своих парадигм и застывают в одной форме, становятся неизменяемыми. Ср.: *Этим летом* (сущ.) *мы отдыхали в Башкирии* и *Здесь летом* (нареч.) *жарко*. Наречие *летом* употребляется только в данной форме, а существительное *летом* входит в ряд форм *лето, лета, лету* и т.д., оно среднего рода, употреблено здесь в форме ед. числа

тв. падежа, с ним согласовано местоимение *этим*. Ср. также: *Это помещение тепло* (кр. прил.) и *уютно*. — *Я тепло* (нареч.) *одет*. — *Мне тепло* (категория состояния).

К синтаксическим свойствам частей речи относятся: 1) способы синтаксической связи их с другими словами; 2) синтаксические функции.

Различные части речи обладают разными способами синтаксической связи с другими словами. Так, никогда не сочетаются между собой причастие и прилагательное, прилагательное и глагол, предлог и прилагательное, предлог и наречие. Зато предлоги свободно сочетаются с существительными и отдельными разрядами местоимений, с числительными. Ср.: *на улице, с улицы, ко мне, у тебя, на четверых* и т.п.

Имена прилагательные, причастия, так называемые местоимения-прилагательные обычно согласуются с другими словами (*хитрый старик, улыбающийся студент, твой отец*), в то время как наречия примыкают к другим словам (*очень умный, всегда веселый, сиди тихо*). Глагол чаще всего управляет формами других слов, к нему примыкают наречия (*вбежать в комнату, выбежать из комнаты; рано встал, а лег спать поздно*). Категория состояния в словосочетании выступает в роли главного слова. Другие слова или примыкают к ней, или сочетаются с ней по способу управления (*здесь темно, рукам холодно, в избе жарко, ему стыдно признаться*). Модальные слова вообще грамматически не связаны с другими словами.

Различие синтаксических связей частей речи особенно наглядно выступает при переходе слов из одной части речи в другую. Например, перейдя в существительные, прилагательные приобретают способность подчинять себе другие

прилагательные. Ср.: *просторная и светлая столовая, великий ученый*.

У слов каждой части речи есть свои типичные синтаксические функции. Имена существительные чаще всего употребляются в функции подлежащего или дополнения, имена прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные — в функции определения, глаголы — сказуемого, наречия — обстоятельства. Не выполняют функций членов предложения модальные слова, междометия, звукоподражания и служебные слова.

Переход слов из одного класса в другой сопровождается изменением их типичных синтаксических функций. Например, переходя в существительное, прилагательное получает возможность выступать в роли подлежащего и дополнения: *Столовая была открыта. В нашем поселке построили столовую на 100 мест*.

При классификации частей речи необходимо учитывать все признаки слов: категориальное значение, морфологические и синтаксические свойства. Это особенно важно при определении границ частей речи и изучении омонимов, относящихся к разным частям речи. Например, комплексный подход нужен при определении, к какой части речи относятся выделенные слова в предложениях: 1) *Тепло сменилось холодом*. 2) *Мы с ним тепло попрощались*. 3) *В доме тепло*. В первом предложении слово *тепло* является существительным. Об этом свидетельствует: 1) его категориальное значение (предметность); 2) морфологические признаки — наличие категорий рода, числа и падежа, их синтаксическая независимость; 3) синтаксическая функция — подлежащее. Во втором предложении слово *тепло* — наречие: оно обозначает признак действия, не склоняется, примыкает к глаголу *попрощались*, является обстоятельством (как

попрощались?). В третьем предложении слово *тепло* — категория состояния: обозначает состояние среды, управляет формой предложного падежа (*в доме*), является сказуемым безличного предложения.

Среди частей речи принято различать слова знаменательные (полнозначные, самостоятельные) и служебные (несамостоятельные).

К знаменательным словам относятся имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, категория состояния. Они 1) отражают различные явления объективной действительности (предметы и их качества, процессы, состояние и т.д.), обладают номинативной (назывной) функцией; 2) являются членами предложения. По характеру значения среди знаменательных частей речи выделяются местоимения и числительные. Местоимения ничего не называют, а только указывают на предметы, признаки, отношения, что лишь условно можно рассматривать как их номинативное значение. Числительные выражают числовое значение.

К служебным словам относятся предлоги, союзы, частицы. Они не имеют самостоятельной номинативной функции, не являются членами предложения и как бы «обслуживают» самостоятельные слова, удовлетворяя их грамматические потребности. Предлоги выражают падежные значения имен существительных. Союзы служат для связи слов и различных синтаксических конструкций. Частицы выражают разнообразные смысловые, модально-волевые, эмоционально-экспрессивные значения.

Особняком стоят в системе частей речи модальные слова, междометия и звукоподражания.

Модальные слова выражают отношение высказывания к действительности, устанавливаемое говорящим (*очевидно, вероятно, конечно, разумеется* и т.п.). Модальные слова не изменяются, не являются членом предложения, грамматически не связаны с другими словами, в составе предложения, как правило, выделяются интонационно, обычно выполняют функцию вводных слов.

Междометия служат для выражения различных чувств и волевых побуждений (*ах, ох, ну, эх, айда, цып-цып, кис-кис* и т.п.). Как и модальные слова, они не являются членами предложения, в высказывании выделяются особой интонацией. Однако в отличие от модальных слов междометия и звукоподражания, хотя и слабо, все же грамматически связаны с другими словами.

Звукоподражания как бы воспроизводят с помощью языковых средств различные звуковые явления (*ку-ку, кукареку, мяу, динь-динь-динь, дзинь* и др.). Их нецелесообразно объединять с междометиями, так как они не обозначают ни эмоций, ни волеизъявлений.

Современное учение о частях речи формировалось в течение длительного времени и имеет традиции, знание которых необходимо для правильного понимания системы частей речи, тенденций ее развития. Русские языковеды внесли большой вклад в разработку общей теории частей речи, создав грамматическое учение, правильно отражающее систему морфологических классов слов в русском языке.

В русском языкознании учение о частях речи возникло под влиянием античных грамматик. Однако уже в первых русских грамматиках содержатся поиски путей совершенствования этого учения, чтобы оно лучше отражало особенности русского языка.

Впервые на обширном материале русского языка части речи были подвергнуты глубокому анализу в «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова. Ломоносов выделял 8 частей речи: имя, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлог, союз и междометие. В его грамматике подробно рассмотрены важнейшие морфологические особенности слов всех названных частей речи.

А.Х. Востоков, развивая учение М.В. Ломоносова, в самостоятельную часть речи выделил в «Русской грамматике» (1831) имена прилагательные (в грамматике Ломоносова они составляли с существительными единый класс имен). А.Х. Востоков вывел из состава частей речи причастия, которые он рассматривал как особый разряд прилагательных. В прилагательных А.Х. Востоков различал 5 групп: качественные, притяжательные, относительные, числительные (количественные и порядковые) и прилагательные действительные, т.е. причастия.

В труде Г.П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841–1842) содержатся ценные соображения о грамматической природе глагола, местоимения и других частей речи. Г.П. Павский обосновал грамматическую самостоятельность имен числительных.

В становлении учения о частях речи важное место занимает «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) Ф.И. Буслаева, «Из записок по русской грамматике» (Т. II. 1888) А.А. Потебни. Справедливо критикуя Ф.И. Буслаева, который относил местоимения и числительные к служебным словам, А.А. Потебня глубоко раскрывает грамматическую сущность этих частей речи.

Существенный вклад в учение о частях речи внесли Ф.Ф. Фортунатов,

А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др.

Опираясь в основном на формальные показатели, Ф.Ф. Фортунатов в составе частей речи выделял полные слова (глаголы, существительные, прилагательные, инфинитив, причастие, наречие, деепричастие), которые он делил на спрягаемые, склоняемые и несклоняемые, частичные слова (предлоги, союзы, связки, частицы, модальные слова), междометия.

Подробно охарактеризованы все классы слов в «Синтаксисе русского языка» (1941) А.А. Шахматова, который полагал, что части речи проявляют себя лишь в синтаксисе. Он различал слова знаменательные (существительные, прилагательные, глагол, наречие), незнаменательные (местоимения, числительные, местоименные наречия), служебные слова (предлоги, союзы, частицы, связки, префиксы), междометия. В системе частей речи А.А. Шахматова очень широко очерчены границы наречий. В эту часть речи включены модальные слова, слова категории состояния и даже отдельные междометия.

В уточнении состава частей речи и разработке принципов их классификации большая заслуга принадлежит Л.В. Щербе. Свои взгляды на части речи он изложил в статье «О частях речи» (1928). При характеристике частей речи Л.В. Щерба учитывал как лексические значения, так и грамматические свойства слов. Опираясь на совокупность лексических и грамматических показателей, он предложил выделить в особую часть речи слова категории состояния. Сюда он относил слова типа *нельзя, холодно, надо, стыдно*, которые, по его мнению, неправомерно включаются в наречия. В отличие от наречий они не примыкают к глаголу, являются сказуемым безличного предложения,

объединяются в особый класс слов и по значению: обозначают состояние. По мнению Л.В. Щербы, самостоятельную часть речи составляет и связка (*быть*).

Исключительно важную роль в формировании современных представлений о частях речи, определении их границ сыграли исследования В.В. Виноградова, особенно его книга «Русский язык» (1947). Усилиями В.В. Виноградова в современном языкознании утвердился комплексный подход к распределению слов по частям речи, к характеристике частей речи. «Классификация слов, — пишет В.В. Виноградов, — должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические... должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике».

В.В. Виноградов выделяет 4 основные «грамматико-семантические категории слов»: 1) **с л о в а — н а з в а н и я** (имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол, наречие, категория состояния). К ним примыкают местоимения. Слова этой группы — «главный лексический и грамматический фонд речи». Они выступают в качестве членов предложения и могут составлять предложение;

2) **с в я з о ч н ы е**, т.е. **с л у ж е б н ы е**, слова (частицы-связки, предлоги, союзы). Они лишены номинативной функции, «их лексические значения тождественны грамматическим»; 3) **м о д а л ь н ы е с л о в а**. Они также лишены номинативной функции, «не

выражают связей и отношений между членами предложения», а обозначают «модальность сообщения о действительности»; 4) м е ж д о м е т и я.

В книге В.В. Виноградова впервые включены в систему частей речи и обстоятельно охарактеризованы как самостоятельные лексико-грамматические разряды слов категории состояния и модальные слова.

Теория частей речи В.В. Виноградова получила широкое распространение в научных грамматиках, вузовских курсах русского языка. Сторонники этой теории постепенно совершенствуют и развивают ее, привлекая новые данные и внося необходимые уточнения.

В действующих школьных учебниках вопрос о частях речи специально не излагается. Понятие о частях речи, о системе, которую они образуют, формируется в процессе их изучения. Из учебника I класса ученики узнают, что в русском языке различаются слова, которые отвечают на вопросы кто? что? что делает? какой? какая? какое? как и е?, а также слова *в, из, к, на, от, по, с, у*, которые пишутся отдельно от других слов. В учебнике II класса сообщается, что «наша речь состоит из слов» и «каждое отдельное слово — это часть речи», вводятся термины: «Имя существительное, имя прилагательное, глагол, предлог — это части речи». В III классе к уже известным частям речи присоединяются местоимения и наречия. Все изучаемые в школе 10 частей речи перечисляются в IV классе: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, наречия (знаменательные слова), предлоги, союзы, частицы (служебные слова), междометия. Причастия и деепричастия рассматриваются как формы глагола (V класс).

Категория состояния как часть речи в школьном учебнике отсутствует. В составе наречий слова категории состояния тоже не упоминаются, несмотря на то, что они, по нашим подсчетам, составляют довольно значительную группу, которая включает более 1000 слов. В упражнениях встречаются отдельные слова категории состояния: *скучно, легко, нелегко* и др. Они явно не подходят под определение наречия: выступают в безличном предложении в функции сказуемого и ни к каким словам не относятся, ни от каких слов не зависят, значит, ни признаков действия, ни признаков предмета или другого признака обозначать не могут. Отсутствуют также модальные слова и звукоподражания.

В школьных учебниках части речи характеризуются как лексико-грамматические разряды слов. В связи с этим изучаются их общие значения и важнейшие морфологические и синтаксические свойства.

Лит.: Арутюнова Н.Д., Булыгина Т.В. Морфология // Общее языкознание. Т. 2. М., 1972; Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935; Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Винокур Г.О. Форма слова и части речи в русском языке // Избр. работы по русскому языку. М., 1959; Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978; Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1961; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975; Панов М.В. О частях речи в русском языке // Вопросы грамматического строя. М., 1955; Соссюр де Ф. Морфология // Методологические проблемы истории языкознания. М., 1974; Сунник О.П. Общая теория частей речи. М.; Л., 1966; Супрун А.Е. Части речи в русском языке. М., 1971; Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

ЧАСТИЦЫ. Частицы — это служебные слова, которые сообщают разнообразные смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные значения словам, частям предложения и всему высказыванию, напр.: 1) *Ведь обещал же он. Он ведь обещал. Он обещал ведь? Ведь не ребенок же я, сам понимаю. Но ведь это всем известно. А ведь я вам говорил это давно. — Ребята, говорит, вы знаете Фому? Ведь в нынешний набор забреют лоб ему (Крылов). Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана? Ведь были ж схватки боевые. Да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия Про день Бородина (Лермонтов).* 2) *Он даже не вспомнил об этом. Даже он не вспомнил об этом. Он не вспомнил даже об этом. Луна сквозь сплошные черные тучи не обозначалась даже слабым просветом (Гайдар). Но куклы, даже в эти годы, Татьяна в руки не брала (Пушкин).*

В отличие от предлогов и союзов, которые выполняют грамматические функции, частицы обслуживают различные семантические потребности слов, членов предложения или целых предложений. При этом они не только повышают информативные возможности этих единиц, но и делают их более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными. Эти свойства частиц заложены в их лексических значениях. Лексические значения частиц разнообразны. Семантика частиц связана с отношением говорящего к сообщаемой информации. При помощи частиц в высказывании что-то уточняется, выделяется, отрицается, выражается сомнение в чем-то, восхищение, удивление по поводу сообщаемого, так или иначе оценивается содержание высказывания.

Частицы, как и слова других частей речи, могут быть однозначными и

многозначными. Так, частицы *неужели, лишь* однозначны, а частица *да* в словаре С. И. Ожегова зафиксирована в шести значениях: «1. Употр. при ответе для выражения утверждения, согласия. *Все здесь? — Да.* 2. Употр. как вопрос при желании получить подтверждение чему-н. в знач. *не так ли? не правда ли? Все обошлось благополучно, да?..* 3. Употр. в начале речи при перемене темы, при воспоминании о чем-н., при размышлении о чем-н. *Да, еще одна новость.* 4. Употр. обычно в начале предложения и при ответе собеседнику для придания большей выразительности (разг.). *Да может ли это быть?..* 5. При отклике на вопрос употр. с вопросительной интонацией в знач. *что? я слушаю!* (разг.). *Иван Иванович? — Да? что вы хотите?* 6. Употр. для выражения недоверия, возражения в знач. *Как же! как бы не так!* (разг.). *Я найду тебе книгу. — Да, найдешь!»*

Большинство частиц многозначно. Полисемия не характерна для составных частиц типа *отнюдь нет, отнюдь не, далеко не, куда там, что за* и др.

Обычно, говоря о семантике частиц, пользуются термином «оттенок значения». Это делается из желания подчеркнуть несамостоятельность их значения. Тем не менее частицы (как было показано выше) имеют, хотя и специфическое, лексическое значение. Другое дело, что это значение принадлежит несамостоятельным лексическим единицам.

Частицы делятся на *непроизводные* (*а, и, же, даже, не, ни, вон, вот* и др.) и *производные* (*именно, почти, лишь, это, все, оно, прямо, точно, ровно, куда, как, исключительно, определенно, единственно, приблизительно, подлинно, решительно, всего* и др.).

Производные частицы образуются морфолого-синтаксическим путем на

базе наречий, местоимений, союзов, междометий и других частей речи, по отношению к которым они выступают обычно как омонимы, не утратившие смысловую связи со своими производящими. Среди них значительное место занимают составные слова (как раз, только лишь, разве лишь, хоть бы, даже и, что за, вот так, куда там, как же, отнюдь нет, вовсе не, что ли, ну и, где там, куда как, что там, как бы не, даже и не, даже не и др.).

В русском языке первообразных (первичных) частиц немного (*же, да, вон, вот, не, ни* и др.). Частицы не имеют своих словообразовательных средств. Они пополняются за счет других частей речи. В частицы наиболее активно переходят наречия (*как, куда, где, там, разве* и др.). Реже переходят в частицы формы среднего рода кратких прилагательных: *исключительно, подлинно, определено, единственно* и др. При этом обычно они проходят стадию онаречивания (*точно*), но могут и миновать эту ступень (*единственно*).

Разные разряды частиц пополняются за счет грамматических форм местоимений (*это, все, оно, то, всего* и др.), глаголов (*ведь, мол* и др.), союзов (*хоть, да, и, будто, словно* и др.). В роли частицы употребляется числительное *один*.

Переход в частицы связан с утратой словом своего категориального значения и развитием значения частицы. Например, наречия утрачивают определительные или обстоятельственные значения и приобретают значение частицы. В связи с этим изменяются у них и синтаксические функции: они утрачивают способность выступать в качестве члена предложения. Ср.: *Так рассказывал, что все смеялись. Так много ходил, что устал* (*так* в обоих предложениях является наречием в функции обстоятельства). — *Так, это он* (*так* —

утвердительная частица). *А я так думаю, что ты не прав* (*так* — усилительная частица). *Лет так десять тому назад* (*так* — частица, выражает приближительность). *Климат там суровый, так, морозы доходят до 40°* (*так* — частица, является синонимом слова *например*). *Где вы работаете?* (*где* — вопросительное наречие). *Вот где я был* (*где* — наречие места). *Где ему в таких вещах разбираться!* (*где* — частица, выражает сомнение, отрицание).

Склоняемые и спрягаемые слова при переходе в частицы закрепляются в одной из своих грамматических форм. Так, *всё* как форма ср. рода ед. числа местоимения *весь* входит в систему его грамматических форм: *весь, всего, вся, всей* и т.д. В функции частицы *всё* выступает как неизменяемое слово: *И я ж за то под суд попала! а всё по клеветам* (Крылов). Исключением в этом отношении является, пожалуй, слово *один*. Даже выступая в функции частицы, оно не утрачивает форм согласования: *Роскошь утешает одну* (ср. *только*) *б е д н о с т ь, и то с непривычки, на одно мгновение* (Пушкин). *В кладовых у него одни* (ср. *только*) *м ы ш и* (А.Н. Толстой). *Стишки для вас одна* (ср. *только*) *з а б а в а* (Пушкин).

В результате перехода слов разных частей речи в частицы образуются омонимические ряды: *разве* I (нареч.) — *разве* II (союз) — *разве* III (частица); *всё* I (мест.) — *всё* II (нареч.) — *всё* III (союз) — *всё* IV (частица); *это* I (мест.) — *это* II (союз) — *это* III (частица); *ну* I (межд.) — *ну* II (частица); *как* I (нареч.) — *как* II (союз) — *как* III (частица); *ли* I (союз) — *ли* II (частица) и др.

Границы частиц как особой, самостоятельной части речи пока точно не очерчены. В словарях они сплошь и рядом смешиваются с наречиями, модальными словами, категорией состояния, союзами. Предстоит еще многое

сделать, чтобы выявить их существенные черты и отграничить от слов остальных частей речи.

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. Сферы действия логических слов. М., 1985; Васильева А. К вопросу о семантике отрицательных частиц. // Науч. доклады высшей школы. «Филологические науки». 1959. № 3; Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Киселев И. А. Частицы в современных восточно-славянских языках. Минск, 1976; Кулагин А. Ф. О частице не и приставке не // РЯШ. 1957. № 6; Максимов Л. Ю. Частица не и приставка не с краткими прилагательными. РЯШ, 1957, № 2; Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков. М., 1985; Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993; Распопов И. П. К вопросу о частицах в современном русском литературном языке // РЯШ. 1955. № 6; Семантика служебных слов. Пермь, 1982; Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

ЧАСТНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ. См. грамматическая категория.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА. Учение об общих и частных значениях видов разработано А. В. Бондарко. В пределах несовершенного вида он выделяет:

1) конкретно-процессное значение. Оно обусловлено контекстом, который отражает конкретную ситуацию: — *Что вы клеите? — спросил Никита* (А. Н. Толстой). Длительность процесса нередко подчеркивается наречиями типа *долго, всю ночь*;

2) постоянно-непрерывное значение. В этом значении употребляются обычно глаголы состояния, перехода в

состояние, глаголы отношения, общерезультативные глаголы. Оно сопровождается лексическими показателями: *[Оля] Тоска меня одолела; ну вот грызет день и ночь* (А. Островский);

3) наглядно-примерное значение. Оно связано с повторением одного из актов действия: *Каждый вечер, как только стемнеет, я подхожу к Павликовой хате, перелезаю через сулявую изгородь, и вхожу на крыльцо пятистенки* (Соколов-Микитов). Конкретный факт изображен в его целостности и развитии;

4) неограниченно-кратное значение. Действие развертывается как неограниченный ряд повторений: *По временам с высокой скалы открывался вид на далекое море* (Лидин);

5) потенциальное значение. Действие возможно в любой момент: *Природа наделила его разнообразными способностями. Он отлично танцевал, щеголовски ездил верхом и плавал превосходно* (Тургенев);

6) ограниченно-кратное значение. Повторяемость действий ограничивается оборотами типа *два раза, трижды, несколько раз: Он походил на сумасшедшего и несколько раз бросался обнимать Петьку* (Мамин-Сибиряк);

7) обобщенно-фактическое значение. Содержится лишь общее указание на факт осуществления действия, что оно было, будет, могло бы быть и т. д. *[Акулина Ивановна] Холодно у нас чего-то. Топили, а холодно* (Горький).

Иной подход к выделению частных значений видов содержится в трудах Б. Н. Головина. Ср.: **частные значения совершенного вида.**

Лит.: Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Т. 2. М., 1962; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; Бондар-

ко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОГО ВИДА. По мнению А. В. Бондарко, частные видовые значения совершенного и несовершенного видов выражаются в контексте и во взаимодействии с другими элементами аспектуальности. Они формируются контекстуальным окружением, повторяются, регулярно встречаются в определенных типах окружений.

К частным значениям совершенного вида относятся:

конкретно-фактическое значение. Это главное частновидовое значение совершенного вида. Оно обозначает конкретный единичный факт: [*Анна Петровна*] *А что бы вы сделали, если бы вы выиграли?* (Чехов);

наглядно-примерное значение. Выделяется один из актов повторяющегося действия, который дает наглядное представление о других его актах: *А старик он такой: работает ночным сторожем, но успеваает и выспаться и сбегать на охоту и на рыбалку* (Троепольский);

потенциальное значение. Действие может осуществиться в любой момент: *Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу* (Лермонтов). При этом видовые значения сочетаются «с элементами неглагольной аспектуальности и модальности»;

суммарное значение. Вместе с лексическими показателями кратности выражается сумма конкретных фактов: *Дым разжедал глаза, дважды каждый из нас обжег руки* (Солоухин). Ср.: **частные значения несовершенного вида.**

Лит.: Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Т. 2. М., 1962; Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; Бондар-

ко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

ЧЕРЕДОВАНИЕ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ ВИДОВЫХ ПАР. Оно в большинстве случаев лишь сопровождает суффиксацию.

Чередование согласных в выражении видовых значений участвует только вместе с суффиксами: *прибавить – прибавлять, укрепить – укреплять.*

Чередование гласных в одних случаях лишь сопровождает суффиксацию (*запереть – запирает, удвоить – удваивает*), а в других случаях имеет самостоятельное видообразующее значение. Так, видовые формы некоторых глаголов в инфинитиве отличаются только чередованием гласных фонем с нулем: *собрать – собирать, назвать – называть, послать – посылать, постлать – постилать* и т.д. Во всех формах (кроме инфинитива и образуемых от него форм) эти глаголы в совершенном и несовершенном виде отличаются суффиксами. В совершенном виде – нулевой суффикс, а в несовершенном виде – суффикс *-а-і*: *собиру, собери – собираю, собирай; назову, назови – называю, называй* и т.п.

Члены видовой пары могут отличаться чередованием как согласных, так и гласных. Ср.:

выскоч-и-ть – выскак-ива-ть о/а, ч/к
расспрос-и-ть – распраш-ива-ть о/а, с/ш
подготов-и-ть – подготавл-ива-ть о/а, в/вл
загород-и-ть – загораж-ива-ть о/а, д/ж

Лит.: Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967; Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977; Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984; Новикова Е. А. Глагол. Воронеж, 1960.

ЧИСТОВИДОВЫЕ ПРИСТАВКИ. Каждая семантическая группа простых

глаголов имеет строго определенный круг приставок, с которыми свободно сочетается. Так, глаголы, обозначающие различные звуковые явления, обычно сочетаются с приставками *по-*, *про-*, *за-*, лишь некоторые разряды еще с приставкой *от-*, т.е. «принимают» только приставки с временным значением. Ср.: *звенеть* — *позвенеть*, *зазвенеть*, *прозвенеть*, *отзвенеть*, *греметь* — *погреметь*, *загреметь*, *прогреметь*, *отгреметь*, *свистеть* — *посвистеть*, *засвистеть*, *просвистеть*, *шипеть* — *пошипеть*, *зашипеть*, *прошипеть*, *пыхтеть* — *попыхтеть*, *запыхтеть*, *пропыхтеть*; *кряхтеть* — *покряхтеть*, *закряхтеть*, *прокряхтеть*.

Между исходными основами и различными приставками устанавливаются сложные связи и отношения. Значение приставки и семантика основы взаимозависимы и взаимообусловлены. На это обратил внимание еще Н.П. Некрасов. Он писал: «Смысл глагола и смысл предлога могут взаимно проникать друг в друга». Как указывает Е.А. Земская, здесь важно учесть, что «не только приставка оказывает воздействие на значение глагола, но и значение приставки зависит от значения глагола, определяется взаимодействием ее общего значения и семантики глагола».

Это касается не только словообразующих приставок, но и чистовидовых. Десемантизация (грамматикализация) приставок происходит в составе глаголов строго определенного семантического содержания. Причем каждая приставка теряет свои лексические значения в определенных лексических группах глаголов. Приставка *с-* в чистовидовой функции выступает в глаголах «поступка»: *смалодушничать*, *соригинальничать*, *свеликодушничать*, *спаясничать*, *собезьянничать*, *слукавить*, *сподхалимничать*, *спохабничать*, *сна-*

хальничать (преимущественно разговорные слова), в глаголах речи: *соврать*, *солгать*, *съехидничать*, *сострить* (ср.: *говорить* — *сказать* и *врать* — *соврать* и т.п.), в глаголах со значением «делать — сделать»: *сделать*, *смастерить*, *смастачить*, *сработать*, *сварганить*, *спроворить*, *состряпать*, *сгоношить*. Приставка *по-* подверглась грамматикализации в непереходных глаголах состояния со значением цвета — *побелеть*, *почернеть* (ср.: *побелить*, *почернить*), префикс *о-* в глаголах типа *объягниться*, *окотиться*, *опороситься*, *отелиться*, *ощениться* и т.п., приставка *при-* (в глаголах со значением «представляться, казаться во сне, в воображении») — *присниться*, *пригрезиться*, *примерещиться* и т.п.

Примечательно, что приставки, присоединяясь к глаголам, находящимся в синонимических или антонимических отношениях, выполняют обычно одинаковую роль. Ср.: *худеть* — *похудеть* и *толстеть* — *потолстеть*; *умнеть* — *поумнеть* и *глупеть* — *поглупеть*, *мрачнеть* — *помрачнеть* и *веселеть* — *повеселеть*, *светлеть* — *посветлеть* и *темнеть* — *потемнеть*, *тухнуть* — *потухнуть* и *гаснуть* — *погаснуть*, в которых приставка *по-* образует форму совершенного вида производящих бесприставочных глаголов. В чистовидовой функции могут выступать следующие приставки: *по-*, *с-*, *о-*, *за-*, *у-*, *вз-*, *воз-*, *вы-*, *из-*, *раз-*, *от-*, *при-*, *про-*, *на-*, в отдельных глаголах *под-*, *пере-*.

Тем или иным значением приставка обладает не сама по себе, каждое ее значение возникает при сочетании с основами определенного семантического содержания. Приставка *по-*, напр., сочетаясь с глаголами определенного движения, образует основы с ингрессивным значением — *побежать*, *полететь*, *пойти*, *побрести*, *повести* и т.д.,

присоединяясь к глаголам неопределенного движения, сообщает им детерминативное значение — *побежать, полететь, походить, побродить* и т.д.; приставка *с-* от глаголов неопределенного движения образует основы, обозначающие «рейсовое» движение — туда и обратно: *сбегать, сходить, слетать* (ср.: *сбегаться, слетаться, сходитьсь* и т.п.); но: *сошел, слетел* — обозначают движение вниз; приставка *за-* в глаголах неопределенного движения получает начинательное значение — *забегать, заползать, заходить* (начать ходить), но: *забежать, заползти, зайти*. В связи с этим уместно вспомнить следующее высказывание Е.А. Земской: «Одинаковое значение приставки приобретают в сочетании с глаголами, близкими семантически и грамматически».

Чистовидовые приставки принципиально отличаются от префиксов, имеющих словообразовательное значение. Они обозначают лишь внутренний предел того процесса, который выражен в бесприставочной основе несовершенного вида, указывают только на естественный исход этого процесса (действия), «служат простым грамматическим средством образования форм совершенного вида» и не оказывают никакого влияния на лексическое значение простой основы, с которой сочетаются, не усложняют ее дополнительными смысловыми оттенками или значениями. Поэтому семантика глаголов с чистовидовым префиксом состоит из двух компонентов: из лексического значения глагола, выраженного в бесприставочной основе, и чисто грамматического значения — значения совершенного вида, выражаемого префиксом. Так, напр., значение глагола *сделать* складывается из значения *делать* «изготавливать, производить, создавать» и значения совершенного

вида, носителем которого выступает префикс *с-*, являющийся в данном случае только показателем вида. Из таких же элементов состоит значение глагола *поставить*: из лексической семантики беспрефиксной основы *ставить* «придавать чему-л. стоячее положение» и чистовидового значения приставки *по-*. В компонентах *делать, ставить* выражено лексическое значение глаголов *сделать, поставить*, что составляет частное, индивидуальное этих слов, т.е. то, что отличает их от других лексических единиц, в компонентах же *с-*, *по-* выражено только то общее, что объединяет все без исключения глаголы совершенного вида. Таким образом, глаголы с чистовидовым префиксом имеют двухчленную семантическую структуру.

Иначе обстоит дело в глаголах со словообразующими приставками. Они изменяют не только грамматическое значение глагола, но определенным образом модифицируют реальное значение глагола, конкретизируют его общий смысл, усложняя различными дополнительными оттенками или значениями. Семантика глаголов с деривационными приставками состоит из трех компонентов: из лексического значения, выраженного в бесприставочной основе; словообразовательного значения префикса и чистовидового значения префикса. Так, напр., семантика глагола *переделать* включает значение беспрефиксальной основы *делать* «изготавливать, производить, создавать», значение приставки *пере-* — «делать что-л. повторно, вторично» и значение совершенного вида. Префикс здесь является одновременно носителем двух типов значений — словообразовательного и грамматического.

Отсюда возможность объяснения (в словарях) глаголов с чистовидовой приставкой ссылкой на бесприставоч-

ный производящий глагол и невозможность такого толкования глаголов с деривационным префиксом: *сделать* – сов. к *делать*, *построить* – сов. к *строить*, но: *переделать* «сделать что-н. иным, придать чему-н. новый, измененный вид», *перестроить* «построить по-иному, произвести переделку в какой-н. постройке».

О глубоких различиях, существующих между чистовидовыми и словообразовательными приставками, свидетельствует и тот факт, что между основой с грамматикализованной приставкой и образующей основой несовершенного вида устанавливаются совершенно иные отношения, нежели между основой с деривационной приставкой и образующей основой. Семантические связи производных основ, имеющих словообразующие префиксы, с своими производящими лишены той многоплановости, которая наблюдается между производными основами с чистовидовыми приставками и основами бесприставочными. Ср. семантически, с одной стороны, *строить* = *построить* (имеют 5 общих значений) и, с другой стороны, *строить* и *достроить* (*достроить* имеет только 1 значение) или *строить* и *настроить* «построить в каком-л. (обычно в большом) количестве» (1 знач.), *строить* и *застроить* «занять постройками какой-л. участок земли» (1 знач.). Ср. также: *делать* и *сделать*, *делать* и *доделывать*, *делать* и *наделывать* и т.п.

Глагол с чистовидовым префиксом в своем развитии стремится все более тесно семантически слиться с исходным глаголом. При полисемантизации у них возникают одни и те же значения. Иными словами, глаголы с чистовидовыми префиксами разделяют судьбу своих производящих глаголов. Это можно проиллюстрировать видовой парой *ставить* – *поставить*. По

нашим данным, которые основаны на анализе материалов имеющихся словарей, материалов своей картотеки и ленинградской словарной картотеки АН, система значений *ставить* и *поставить* выглядит так: 21 основное значение, 14 оттенков этих значений, 37 случаев специфического употребления, в ряде случаев очень близких к устойчивым словосочетаниям, более 50 фразеологических оборотов.

Иная картина наблюдается в отношениях между производящей основой и производным глаголом с деривационной приставкой. Глагол с такой приставкой обычно развивается в таком направлении, что все дальше и дальше отходит семантически от производящей основы, причем часто совершенно утрачивает смысловую связь с этой основой. Ср.: *ставить* и *выставить*, *заставить*, *оставить* и т.п.

Глаголы с чистовидовым префиксом дублируют не только лексические значения производящих бесприставочных основ, но и их грамматические свойства (переходность-непереходность, систему управления), что не является характерным для глаголов с деривационными приставками. Ср.: *ставить* (поставить) что (синяк) – вин. п., но *наставить* чего (синяков) – род. п.; *ставить* (*поставить*) кого (сторожа) – вин. п., но *наставить* кого (сторожей) – род. п. Это различие может быть использовано при разграничении явлений омонимии в сфере префиксальных образований.

С точки зрения разграничения словообразующих и формообразующих приставок большой интерес представляют фразеологические обороты. Интересно, что глагол, входящий в фразеологический оборот, как правило, лишается возможностей образовать другие слова и как словообразовательная единица в системе языка изолирует

ется. Поэтому к глаголу фразеологического оборота невозможно присоединить словообразующий префикс или заменить в нем одну словообразовательную приставку другой. Нельзя сказать, напр., *рассмотреть волком* или *усмотреть волком* и т.д., вместо *посмотреть волком*, нельзя от *лезть из кожи* образовывать *вылезть* (или *пролезть*) *из кожи* и т.д. Если глаголы фразеологических единиц обычно выпадают из системы словообразования, то формообразовательные связи их довольно устойчивы, хотя в сравнении со свободными сочетаниями они и носят ограниченный характер. Так, напр., не существуют соотношения *смотреть волком* – *просмотреть волком*, но зато есть *смотреть волком* – *посмотреть волком*; невозможно соотношение *ставить крест* – *подставить крест* (конечно, как свободное словосочетание они вполне соотносимы), но имеется *ставить крест* – *поставить крест* или *ставить на своем* – *поставить на своем* и т.п. Этот факт тоже с несомненностью свидетельствует о наличии существенных различий между приставками деривационными и чисто-видовыми, о необходимости их строго дифференцировать.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Головин Б. Н. Приставочное внутриглагольное словообразование в современном русском литературном языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1966; Земская Е. А. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952; Ковалев П. К. Функции глагольных префиксов в русском литературном языке // РЯШ. 1940. № 2–5; Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865; Соколов О. М. О значениях и функциях русских глагольных префиксов // Тр. Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Лингвистический сборник. Томск, 1964;

Тихонов А. Н. Глаголы с чистовидовыми приставками в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1963; Он же. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования // ВЯ. 1964. № 1; Он же. Префиксальное образование видовых форм в современном русском языке // РЯШ. 1964. № 4; Он же. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. М., 1998.

ЧЛЁНЫ ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОДНОГО СЛОВА. Включение видовых форм глагола в систему грамматических форм одного слова наблюдается уже в первых грамматиках русского языка. Так, напр., М.В. Ломоносов, еще не различавший категории вида и времени, рассматривал формы вида в составе грамматических форм времени глагола. Позднее, следуя ему, видовые формы глагола включили в парадигму временных форм и составители «Русской грамматики» (СПб., 1802).

В дальнейшем — в грамматиках Н.И. Греча, А.Х. Востокова, в трудах К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова и др. — видовые формы глагола рассматривались как грамматические варианты одного слова и включались в одну парадигму спряжения. У этих авторов даже само понятие «спряжение» необходимо включало и изменение глаголов по видам. У А.Х. Востокова, напр., находим такое определение спряжения: «Перемена окончаний глагола во видах, временам, числам и лицам называется спряжением».

Н.И. Греч и А.Х. Востоков в число грамматических форм бесприставочного глагольного слова отнесли и приставочные образования с пустыми префиксами, но самая граница между лексическими и видовыми приставками у них еще осталась очень расплывчатой, неопределенной. Поэтому в граммати-

ке Греча в видовой паре объединены *говорить* и *заговорить*, а у Востокова *ахать* — *поахать* (*проахать*), *балачать* — *пробалачать*, *блестеть* — *зблестеть* и т.п. глаголы, явно не совпадающие по своим лексическим значениям. Это разные лексемы, представляющие собой лишь различные словообразовательные ответвления одной общей основы.

Укреплению точки зрения на видовые формы глагола как на разные слова в русской лингвистике немало способствовали также взгляды А.А. Потебни и фортунаговская концепция формы слова, получившая в нашем языкознании довольно широкое распространение.

В советский период развития аспектологии к сторонникам истолкования видовых форм глагола как разных лексем примкнули Л.А. Булаховский, В.Н. Сидоров, П.С. Кузнецов, Н.А. Янко-Триницкая и др.

Противоположная точка зрения (видовые формы — грамматические разновидности одного и того же слова) развивается в работах В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, И.П. Мучника, Т.П. Ломтева, А.Н. Гвоздева, Б.Н. Головина и др., в некоторых вузовских учебных пособиях по современному русскому языку, во многих диссертациях, посвященных глаголу.

Ю.С. Маслов и А.В. Исаченко признают вид словоизменительной категорией, но при этом исключают из числа видовых пар корреляции, образуемые при помощи приставок. Такая трактовка категории вида и видовых корреляций является не чем иным, как неудачной попыткой примирить существующие противоположные точки зрения в понимании видов.

Что же позволяет говорить о видовых формах глагола как о грамматических формах одного слова?

1. Основным условием объединения определенных языковых единиц в систему грамматических форм одного слова является наличие у них тождественной семантики, общего и одинакового для всех форм лексического значения (или лексических значений, если слово многозначное).

«Единство слова организуется прежде всего, — подчеркивает В.В. Виноградов, — его лексико-семантическим стержнем, который является общим у всех его форм». Этому общему для грамматических форм слов всех без исключения частей речи требованию вполне отвечают и видовые формы глагола. Ср. по лексическому значению видовые формы одного и того же глагольного слова в предложениях: 1. *Когда буду возвращаться домой и пройду мимо окна, **оглянуться** на окно или не **оглядываться**? Нет, пройду, не **оглянусь*** (А.Н. Толстой). 2. *Нет, ты не **умрешь!** Не тебе **умирать!*** (Гоголь). 3. *Нет, **подаваться** еще было рано. **Поддаться** — **пропасть*** (А. Малышкин). 4. *Женщина машинально **нащупывает** карман, чтобы **вынуть** похищенный кошелек, и **вынимает*** (Вс. Вишневский).

Лексическая тождественность видовых форм особенно наглядно и четко проявляется тогда, когда формы обоих видов выступают в однотипном или совершенно одинаковом контексте. Ср.: *Пан разве не знает, что всякий **подумает**, что в бочке горилка. Ну, так и пусть **думает**, что горилка* (Гоголь). — *А пушки к вам **привезли**? — Нет, пушек не **привозили*** (В. Катаев). *Погляди на белую шею мою, они не **смываются**. Они и не **смываются!** Они ни за что не **смоются**, это синие пятна от ногтей ее* (Гоголь).

Видовые формы глагола, таким образом, объединяются в одну лексему на базе семантической общности. Они служат для обозначения одного и того

же действия, но характеризуют это действие с двух точек зрения: или как длительный процесс, не ограниченный никаким пределом, или, наоборот, как ограниченный внутренним пределом.

Совершенный и несовершенный виды, выражающие два различных проявления одного и того же действия по отношению к его пределу, представляют собой как бы единство противоположностей. «Виды, — писал А.Н. Гвоздев, — не обособлены, а наоборот, находятся в тесной связи, так как обозначение одного и того же действия требует употребления форм то одного, то другого вида. Имеется ряд случаев более тесной связи форм одного вида с формами другого вида, чем с соответствующими формами того же вида». А.Н. Гвоздев устанавливает шесть случаев тесной связи видовых форм в русском языке: 1) настоящее историческое и прошедшее совершенного вида (*вчера прохожу — вчера пришел*); 2) будущее простое и настоящее (*то напишет, то зачеркнет — то пишет, то зачеркивает*); 3) будущее простое и прошедшее несовершенного вида (*бывало вскочит — бывало вскакивал*); 4) будущее простое и настоящее в придаточных предложениях времени и условия (*когда вода закипит — когда вода кипит*); 5) повелительное без отрицания и повелительное с отрицанием (*надень шляпу — не надевай шляпу*); 6) инфинитив, выражающий приказ без отрицания и с отрицанием (*закрыть окно — не закрывать окно*). В указанных случаях видовые формы глагола выступают в качестве синонимов и успешно заменяют друг друга. Интересно заметить, что глагольные образования, не составляющие видовых пар, в подобных случаях не допускают синонимической замены: один самостоятельный глагол вместо другого здесь никак не

может быть употреблен. Поэтому А.Н. Гвоздев приходит к вполне справедливому выводу: «Соотносительные формы разных видов при этих заменах так связаны и вызывают одна другую с такой же определенностью, как разные формы одной парадигмы склонения или спряжения. Все это представляет почерпаемые из самой системы видов основания для того, чтобы рассматривать подобные видовые пары как формы одного глагола».

Сюда же относится, на наш взгляд, еще один очень распространенный случай употребления видовых форм одного и того же глагола в сложном предложении с придаточным сравнительным, определительным и др. Особенность его заключается в том, что форма совершенного вида употребляется в главном предложении и обозначает какое-нибудь конкретное действие, а форма несовершенного вида — в придаточном и обозначает действие «вообще», «обычное». Примеры: *Умиралте ж под Москвой, как наши братья умирали* (Лермонтов). *Войди к нему как входят мировые события, чтоб опомниться не мог* (Антокольский). *Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру под амбаром с кроткою кошечкою Пульхерии Ивановны и наконец подманили ее, как отряд солдат подманивает глупую крестьянку* (Гоголь). *Но если бы он захотел позавтракать, как обыкновенно завтракают порядочные люди, то сохранил бы в ненарушимости свой аппетит до другого случая* (Гоголь).

Как известно, формы слова отличаются от самостоятельных слов тем, что на них распространяются все (или почти все) вторичные значения слова. Видовые формы глагола в этом отношении не являются исключением. Обычно при полисемантизации глагола каждое новое значение осваивается формой как несовершенного вида, так

ЧЛЕНЫ ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯЦИЙ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ОДНОГО СЛОВА

и совершенного. В этом проявляется их семантическая спаянность. При этом, как показывают факты, развитие одинаковых значений характерно не только для членов суффиксальных корреляций, но и для префиксальных.

Чтобы выяснить, какова регулярность лексического совпадения видовых форм глагола, как проявляется их семантическая тождественность, мы проанализировали 1260 суффиксальных корреляций (по словарю Ушакова) типа *сбросить* – *сбрасывать*, *смягчить* – *смягчать*, *одеть* – *одевать* и т.п. В результате анализа получены следующие данные: видовые формы 1190 (94,5%) глаголов (из 1260) семантически тождественны; у 70 (5,5%) глаголов формы совершенного и несовершенного видов соотносительны не во всех значениях, т.е. имеют неполную лексическую соотносительность. Что касается членов префиксальных корреляций, то семантическая тождественность видовых коррелятов в префиксальных парах нарушается чаще, чем в суффиксальных. Однако расхождение цифровых данных не столь большое, чтобы придавать ему принципиальное значение, как это делают Ю.С. Маслов и А.В. Исаченко, связывая префиксацию целиком со словообразованием, а суффиксацию (при имперфективации) с формообразованием. Как правило, у видовых форм глаголов не совпадают лишь отдельные и не основные значения (такие значения имеют в словарях различные ограничительные пометы: «устар.», «обл.», «прост.» и т.п.). Это лишнее подтверждение того, что случаи расхождения лексических значений видовых форм глагола должны квалифицироваться как внутрисловные различия, как «вариации лексических значений разных форм одного и того же глагола».

Лексическое расхождение между отдельными грамматическими форма-

ми наблюдается не только у глаголов, но и у других частей речи. Ср.: *колени* и *колени* (разбить колени, стоять на колени), *колена* (только мн. ч., сидеть на колени), *колена* и *коленья* (колени, колена трубы), *колена* (в песне, танцах), *колена* (поколение в родословной); *готовый* и *готов* (умер), *готов* (помочь); *способный* и *способен*; *подобный* – *подобен*; *судьба* – *судьбы*; *сильный* – *силен*, *красота* – *красоты*, *бедный* – *беден* и *беднеет*; *старший* – *старше*; *свободный* – *свободен* и т.п. Такие лексические различия принято считать внутрисловными.

Наконец, о том, что по своему лексическому значению видовые формы глагола составляют принадлежность одного слова, свидетельствует переводимость их на те языки, где нет морфологически выраженной категории вида, одним и тем же глагольным словом. Ср.: нем. *verlieren* – терять (потерять); *geben* – дать (давать); *kommen* – приходить (прийти); *befehlen* – приказывать (приказывать); фр. *finir* – кончать (кончить); *perdre* – терять (потерять); *venir* – прийти (приходить); *partir* – отправиться (отправляться); *donner* – дать (давать); тюрк. чувашское *кил* – приходить (прийти), приходи (приди); *кай* – уходить (уйти), уходи (уйди); *лар* – садиться (сесть), садись (сядь).

Таким образом, основной особенностью видовых форм глагола как грамматических разновидностей одного слова является их лексическая тождественность, охватывающая все основные значения глагольного слова и «нарушаемая» в некоторых случаях под влиянием различных языковых факторов. Причем эти «нарушения» обычно осмысливаются как явления внутрисловные и не ведут (или крайне редко ведут) к обособлению той или иной формы вида в самостоятельное слово.

Лит.: Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945; Аксаков К.С. О русских глаголах. СПб., 1855; Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952; Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; Он же. О формах слова // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Вопросы глагольного вида. М., 1962; Восток А.Х. Русская грамматика. СПб., 1859; Гвоздев А.Н. О соотношении форм совершенного и несовершенного видов // РЯШ. 1955. № 2; Головин Б.Н. Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте вида в формо- и словообразовании современного русского глагола // Уч. зап. Вологодского пед. ин-та. Т. 22; Греч Н.И. Пространная русская грамматика. СПб., 1827; Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1965; Карцевский С. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962; Кузнецов П.С. Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952; Ломоносов М.В. Соч. Т. 4. СПб., 1898; Ломтев Т.П. О возникновении и развитии парной корреляции внутри одного глагола по категории совершенного и несовершенного вида в русском языке // Сб. статей по языкознанию, посвященный акад. В.В. Виноградову. М., 1958; Маслов Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963; Он же. Роль так называемой префективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // IV Международный съезд славистов. М., 1958; Он же.

Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. Докл. советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963; Мучник И.П. О значении видов русских глаголов // РЯШ. 1946. № 5–6; Он же. О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке // ВЯ, 1956, № 6; Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865; Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. СПб., 1842; Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958; Фортунатов Ф.Ф. Избр. труды. М., 1956; Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957; Янко-Триницкая Н.А. Морфологические границы форм одного слова // Грамматика современного русского языка. М., 1959; Она же. Особенности префиксации глаголов движения // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1953.

ЭЛАТИВ. Значение безотносительно большой меры признака, которое выражается формой превосходной степени имен прилагательных при их экспрессивном употреблении: *честнейший человек, чистойшая вода, высочайшие горы, аккуратнейший студент, неприятнейшая история, талантливейшая личность, гуманнейший закон, мельчайшие подробности.* Такие формы не выражают значения сравнения и не относятся к категории сравнения.

Лит.: см. «Степени сравнения качественных прилагательных».

ЭЛАТИВНЫЙ. Прил. к элатив: *элативное значение.* См. суперлатив.

СИНТАКСИС

АБЗАЦ (нем. Absatz от глагола absetzen «отодвигать»). 1. Красная строка, т.е. отступ вправо в начале строки, служащий сигналом выделения текстового фрагмента, заканчивающегося перед следующим отступом. В современной полиграфической практике красная строка иногда специально не выделяется (либо во всем тексте, либо в начале соответствующих разделов текста), и тогда ее функцию принимает на себя незавершенная последняя строка выделенного текстового пространства.

2. Фрагмент текста, заключенный между двумя отступами. Его назначение состоит в том, чтобы выделять группы предложений, которые содержат в совокупности либо описание нового этапа в развитии событий, либо его многоаспектную характеристику, либо авторское отступление, либо какие-то выводы и заключения. Будучи по преимуществу композиционной единицей письменной речи, абзац фактически стоит в одном ряду с такими единицами, как глава, раздел, параграф. Вместе с тем он имеет непосредственное отношение к синтаксису текста, поскольку может совпадать со сложным синтаксическим целым. Правда, это не общее правило: иногда абзац включает два и более синтаксических целых или, наоборот, одно синтаксическое целое реализуется в пределах двух и более абзацев. В отдельных случаях абзац может состоять из одного предложения, что обыкновенно сообщает абзацу дополнительную стилистико-синтаксическую функцию.

Лит.: Дигмай В. Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста. Общее и различное // НДВШ. Филологи-

ческие науки. 2002. № 2; Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского языка. М., 1988; Лосева Л. М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // РЯШ. 1977. № 1; Падучева Е. В. О структуре абзаца // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. 1965; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Сильман Т. И. Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца // Филологические науки. 1965. № 2; Фигуровский И. А. Синтаксические особенности характеристик // РЯШ. 1975. № 6; Он же. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М., 1961.

АБСОЛЮТИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВ. Реализация слов в предложении без зависящих от них форм других слов, т.е. без распространителей: *Бегут ручьи; Ночь тиха.*

Лит.: Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4.

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ. Фразовое ударение, которое при объективном порядке слов стоит на последнем слове предложения и указывает на рему предложения. Реализуется преимущественно (хотя и не исключительно) в письменной речи. Противопоставляется дезавтоматизированному фразовому ударению.

Лит.: Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977; Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961; Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1976.

АВТОРИЗАЦИЯ. По терминологии Г.А. Золотовой, один из способов включения моделей предложения, предполагающий установление источника сообщения, вывода, констатации и т.д. Для целей авторизации в русском языке используется разветвленная система языковых средства: вводные слова (*по свидетельству историков; как сообщают газеты*), частицы (*якобы, будто бы*), особые синтаксические конструкции типа *Петр считает, что ты не прав* и т.д.

Лит.: Василенко Л.И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филологические науки. 1984. № 4; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. Понятие, используемое при анализе литературно-художественных произведений. Представляет собой часть авторского повествования, не осложненную за счет речи персонажей.

Лит.: Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4; С. 343–356; Барлас Л.Г. Способы выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова // Язык и стиль А.П. Чехова. Ростов н/Д, 1986; Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста. Дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 1996; Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968; Федоров А.В. К вопросу об образе автора (повествователя) как факторе смысловой многоплановости художественной речи // Res philologica. Филологические исследования. Памяти Г.В. Степанова. М.; Л., 1990.

АВТОРСКИЕ СЛОВА. То же, что слова автора.

АВТОСЕМАНТИЧНОЕ (АВТОСЕМАНТИЧЕСКОЕ) ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное, присоединяемое к главному предложению посредством подчинительного союза: *Казалось, что косматая зима устроила себе жилье на кораблях* (Паустовский); *Оттого что нельзя плакать и возмущаться вслух, Вася молчит...* (Чехов); *Когда его раздражали глупостью или подлостью, он только насмешливо прищуривал глаза* (Горький). Является содержательно самодостаточным (не предполагающим проекцию на главное предложение). Противопоставляется синсемантическому (синсемантическому) придаточному.

Лит.: Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; Бунина М.С. О природе сложного предложения // Вопросы грамматического строя современного русского языка. М., 1972; Колосова Т.Д. Семантические отношения в сложных предложениях // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 5; Орлов К.П. К вопросу о классификации сложноподчиненных и придаточных предложений русского языка // НДВШ. Филологические науки. 1970. № 5; Поспелов Н.С. О структурно-семантической основе объединения и разграничения одночленных конструкций сложноподчиненного предложения в современном русском литературном языке // Сб. трудов Московского пед. ин-та им. В.И. Ленина. Русский язык. М., 1975; Солганик Г.Я. Об одном типе связи между самостоятельными предложениями // РЯШ. 1965. № 3; Щеулин В.В. О классификации сложноподчиненных предложений. Воронеж, 1972.

АГЕНС (лат. *agens* «действующий»). Одна из семантических ролей в предложении. Обозначает одушевленный предмет, являющийся источником процесса. В русском языке агенс обыч-

но передается подлежащим: *Петр с силой открыл дверь*, реже — агентивным дополнением: *Цех проектировался лучшими специалистами*.

Лит.: Ковалева Л. М. О понятии агенса (К проблеме семантических актантов) // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982; Позднякова Е. М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998.

АГЕНТ. То же, что агенс. Термин употребляется редко.

АГЕНТИВ. То же, что агенс. Термин употребляется редко.

АГЕНТИВНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Дополнение, обозначающее действующее лицо (реже — другое живое существо или неодушевленный предмет) в составе страдательной конструкции: *Дом выстроен нашим прадедом; Дерево сожжено молнией; Завод строится шведами*.

Лит.: Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Норман Б. Ю. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // РЯНШ. 1976. № 2; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Егуже. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. инта. Т. 172. 1976; Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ч. II. Ростов н/Д, 1973.

АДВЕРБИАЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. То же, что наречное словосочетание.

АДВЕРСАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что противительные отношения. Термин используется в русистике редко.

АДРЕСАНТ РЕЧИ. Говорящий, отправитель данной речи.

Лит.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Васильев Л. Г. Текст и его понимание. Тверь, 1991; Дейк Т. А. ван., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988; Тарасова И. П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992. № 4; Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики // Сб. обзоров. М., 1984.

АДРЕСАТ РЕЧИ. Лицо, животное или неодушевленный предмет (в условиях его олицетворения), к которым обращена данная речь.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1981. Т. 40. № 4; Воробьева О. П. Реализация фактора адресата в художественном тексте в аспекте лингвокультурной традиции // Филологические науки. 1992. № 1. См. также «Адресант речи».

АДЪЕКТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Разряд именных словосочетаний, в которых главный компонент выражен прилагательным: *блестящий от недоедания; быстрый в движениях; спокойный по натуре*.

Лит.: Астафьева Н. И., Наумович А. Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1977; Малащенко В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Изд-во Ростовского университета, 1972; Перетрухин В. Н. К проблеме разграничения однородных и неоднородных определений // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1.

Курск, 1974; Прокопович Н. Н. и др. Именное и глагольное управление в современном русском языке: Уч. пособие для студентов-иностранцев. М., 1975; Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; Чеснокова Л. Д. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном, языке. Ч. I. Ростов н/Д, 1972; Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966; Эльзбутас Ю. К вопросу об управлении как синтаксическом факторе // Вопросы лексики и синтаксиса. Шяляй, 1974.

АДЪЕКТИВНЫЙ ОБОРОТ. Обособленный полупредикативный член, выраженный прилагательным с зависимыми словами (см. **обособленные полупредикативные члены**).

АКТА́НТ (лат. ago «действую, привожу в действие»). Понятие, введенное представителем вербоцентрической теории Л. Теньером для обозначения существ и предметов, связанных с тем или иным процессом. Различавшиеся им три актанта (соответствующие подлежащему, прямому дополнению и косвенному дополнению) противопоставлялись сирконстантам, указывающим на обстоятельства совершения процесса. Термин позднее был усвоен семантическим синтаксисом, где его содержание подверглось некоторой трансформации. Здесь к числу актантов относят любой субстантивный член предложения — даже выполняющий функцию обстоятельства. Соответственно увеличилось и число выделяемых актантов: у разных исследователей оно колеблется от 6—8 до 25. В русистике из этого крайне неопределенного перечня актантов относительно свободно используются термины

«субъект», «объект», «агенс», «пациенс» и др. В работах общезыковедческого характера, ориентированных на западноевропейскую научную литературу, наряду с термином «актант» употребляются термины «семантические роли» и «семантические падежи».

Лит.: Ковалева Л. М. Проблемы анализа конструкций с предикатными актантами // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979; Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. М., 1988.

АКТА́НТНАЯ СТРУКТУ́РА (КОНФИГУРА́ЦИЯ) ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ. Одно из ключевых понятий семантического синтаксиса, учитывающее набор и характер актантов, обязательных для данного глагола.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Богданова Л. И. Дифференциальные семантические признаки и их роль в оформлении актантных позиций при глаголе // Актуальные проблемы русистики. Тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997; Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. М., 1980.

АКТИ́ВНАЯ ВАЛЕН́ТНОСТЬ. Один из видов валентности, предполагающей рассмотрение сочетаний слов со стороны господствующего компонента, проецирующего позицию зависимого компонента: *рассказывать сказки; высокая гора; громко петь*. Противопоставляется пассивной валентности.

Лит.: Ревзин И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления»

и понятие «грамматической правильности» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34. № 1. См. также «Валентность».

АКТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. То же, что действительная конструкция.

Лит.: Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.

АКТИВНЫЙ ОБОРОТ. То же, что действительный оборот.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Приведение предложения в соответствие с конкретными задачами речевого общения, что находит отражение в отнесенности его к референту. Актуализация имеет следствием превращение предложения в высказывание.

Лит.: Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981; Теория функциональной грамматики. Т. 3. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Распределение информации, сообщаемой высказыванием, и соответственно репрезентирующих ее лексико-грамматических элементов по двум частям, именуемым темой (данным) и ремой (новым). Тема представляет собой исходную точку (основу) высказывания, которая мыслится известной слушателю. Рема, наоборот, является коммуникативным ядром высказывания, т.е. тем новым, ради чего высказывание и состоялось.

В отличие от грамматического членения, предполагающего строго определенную, однозначную квалификацию всех членов предложения, актуальное членение не является стабильным. Обеспечивая своеобразную привязку высказывания к предметному контек-

ту, оно разрешает варьирование лексико-грамматического состава как темы, так и ремы. Рамки этого варьирования очень широки: некоторые из предложений реализуют более двухсот способов тема-рематического расчленения.

Главными средствами выражения актуального членения являются фразовое (логическое) ударение, порядок слов и выделительно-ограничительные частицы (*именно, только*), причем их удельный вес в двух разных типах речи — устно-разговорной и письменной — оказывается неодинаковым.

В устно-разговорной речи безраздельно господствует фразовое ударение. Будучи здесь дезавтоматизированным, оно как бы парализует действие порядка слов и делает возможной реализацию всех трех видов развертывания сообщения: прогрессивного (от темы к реме): *Николай построил дом*, регрессивного: *Николай построил дом* и промежуточного, при котором части темы обрамляют рему (общепринятого наименования он не имеет): *Николай построил дом*. В этих условиях порядок слов и выделительно-ограничительные частицы играют лишь вспомогательную роль.

Наоборот, в нейтральной письменной речи, где фразовое ударение автоматизировано (оно ставится на последнем слове высказывания), именно порядок слов предопределяет отнесение тех или иных частей лексико-грамматического состава высказывания либо к теме, либо к реме. Однако эта его способность не изначально. Она носит вторичный характер — в том смысле, что порядок слов усваивает ее благодаря своей приспособляемости к закономерности (не им определяемой!): все новое, информативно значимое — в конце высказывания. Свидетельством такой приспособляемости является тот факт, что в зависимости

от решаемых коммуникативных задач порядок слов может быть либо прямым (подлежащее предшествует сказуемому), либо обратным (сказуемое предшествует подлежащему). Ср. *Мы подошли к реке* (прямой порядок слов, рема — к реке). *На ее берегах росли высокие ивы* (обратный порядок слов, рема — росли высокие ивы). Иными словами, в данном случае мы имеем дело с ситуацией, напоминающей ситуацию, когда следы на песке, оставленные проходившим человеком, сами становятся свидетельством того, что здесь проходил человек.

За пределами нейтральной речи — в литературно-художественном (или публицистическом) повествовании, которое в ряде случаев вынуждено стилизовать устно-разговорную речь, отличия последней от нейтральной письменной речи (с точки зрения характера выражения актуального членения) оказываются как бы стертymi. Темарематическое расчленение высказывания обеспечивают то дезавтоматизированное фразовое ударение: *Замечтался наш Николай Петрович...* (Тургенев); *Словно каменной стеной отгородилась от Гришки семья* (Шолохов), то порядок слов (при автоматизированном фразовом ударении): *Первый побегал пить Дымов* (Чехов); *В хутор Яков Лукич вернулся только ночью* (Шолохов). Применительно к такого рода случаям особую значимость приобретает разграничение объективного порядка слов, обеспечивающего прогрессивное развертывание сообщения, и субъективного порядка слов, предполагающего регрессивное развертывание сообщения.

Актуальное членение на формальном уровне не всегда носит двучастный характер. Если в высказывании темой является хронотоп ситуации, т.е. ее локальные и/или временные пара-

метры, не получившие в силу своей очевидности специального лексического выражения, высказывание оказывается тематически недетерминированным, состоящим из одной ремы: *Дул южный ветер* (Паустовский); *Наступают светлые сумерки* (С. Антонов). Будучи голой констатацией факта, такие высказывания предполагают реализацию обратного порядка слов. Соответственно высказывания с такой темой трактуются как тематически детерминированные.

В сложных предложениях актуальное членение зачастую принимает многоступенчатый характер. Так, в высказывании *Я больше не мог работать, потому что в доме отключили электричество* ремой первого порядка является придаточное причины, а в последнем, в свою очередь, может быть при необходимости выделена рема второго порядка *отключили электричество*.

Основы учения об актуальном членении были заложены в XIX столетии французским исследователем А. Вейлем, идеи которого позднее были существенно уточнены чешским лингвистом В. Матезиусом. В отечественном языкознании впервые разработку теории предприняли К.Г. Крушельницкая (в рамках германистики), И.П. Распопов и И.И. Ковтунова (применительно к проблемам русистики).

В процессе изучения актуального членения (точнее — на стадии первоначального формирования учения о нем) использовалась целая серия различных терминов — таких, как смысловое членение предложения, коммуникативное членение предложения, контекстуальное членение предложения, функциональная перспектива и т.д. Сейчас, когда все они представляют лишь чисто исторический интерес, безраздельно господствует термин актуальное членение предложения, который, к сожалению

нию, является небезупречным. Строго говоря, актуальное членение осуществляется исключительно в рамках высказывания, тогда как предложение разрешает только грамматическое членение. Именно этим и определяются наиболее существенные различия между двумя видами членения.

Лит.: Бондаренко Г. В. К вопросу о взаимосвязи структуры текста и актуального членения предложения // Аспекты изучения текста. М., 1981; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Она же. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Она же. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (Сочинение, подчинение, обособление и присоединение) // НДВШ. Филологические науки. 1970. № 5; Лаптева О. А. Некоторые понятия актуального членения применительно к высказыванию в разговорной речи // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 6; Она же. Нерешенные вопросы теории актуального членения // ВЯ. 1972. № 2; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения; Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; Николаева Т. М. Актуальное членение – категория грамматики текста // ВЯ. 1972. № 2; Пумпянский А. Л. О логико-грамматическом членении предложения // ВЯ. 1972. № 2; Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Шешукова Л. В. Об актуальном членении сложных предложений // Филологические науки. 1972. № 1; Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

АКТУАЛЬНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ТИП. Тип предложений с одинаковым составом синтаксических компонентов, с одинаковой линейно-динамической структурой, с одинаковым актуальным членением и одинаковой общей коммуникативной функцией. Например, в предложениях *Брат занимается; Дети поют* с фразовым ударением на последнем компоненте темой является подлежащее, а ремой сказуемое. Они отвечают на вопрос: что случилось? что происходит? или же на вопрос к подлежащему: что делает данное лицо? Они одинаково выражают общеинформативную функцию.

Лит.: см. «Актуальный синтаксис».

АКТУАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, в рамках которого изучаются закономерности актуализации высказывания, т.е. разного рода преобразования последнего при отнесении его к конкретной ситуации общения.

Лит.: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения; Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

АЛОГИ́ЗМ (греч. а – «без» + logos «разум, рассуждение»). 1. Любое противоречащее логике высказывание, нарушение логической последовательности речи, связности и обоснованности отдельных констатаций. Квалифицируется как речевая ошибка, свойственная неразвитой речи. 2. Стилистический прием, используемый в целях создания

комизма и состоящий в намеренном соединении в качестве однородных логически нерядоположных понятий. Ср. *Побыв там некоторое время, он (статский кавказец) обыкновенно возвращается в Россию с пенсионом и красным носом* (Лермонтов); *Вместе с мебелью и братом я поехала на дачу* (Чехов).

Лит.: Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. Русская риторика. М., 2001; Лелекина А. Н. Алогизм как принцип организации экспрессивных средств русского языка // Актуальные проблемы изучения языка и литературы. Абакан, 2002; Сквородников А. П. О системном описании понятия «стилистическая фигура» // РР. 2002. № 4.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВОПРОС.

Вопрос, при котором слушающий должен подтвердить адекватность действительности одной из взаимоисключающих возможностей: *Ты встречался там с ним или нет? Он тебе друг или просто хороший знакомый?* Иногда этот вопрос называют разделительным или дизъюнктивным.

Лит.: Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

АМФИБОЛИЯ (греч. *amphibolia* «двойственность, двусмысленность»). Неясность высказывания, связанная с возможностью двоякого истолкования его содержания. Иногда возникает по причинам несинтаксического характера, напр., из-за многозначности того или иного слова: *Книга упоминается в ссылке*. Обыкновенно, однако, в основе ее лежат синтаксические факторы, прежде всего порядок слов: *Купленные билеты вне кассы недействительны*.

Амфиболия может быть как непреднамеренной (и тогда это ошибка), так и преднамеренной (и тогда это стилистический прием, используемый мастерами слова в целях создания комизма).

Лит.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М., 1997; Горшков А. И. Русская стилистика. М., 2001.

АНАКОЛУФ (греч. *anakoluthos* «непоследовательность»). Синтаксическая несогласованность частей предложения, либо допущенная по недосмотру, либо использованная намеренно как стилистический прием. Ср. *Нева всю ночь Рвалася к морю против бури, Не одолев их (вместо ее) буйной дури*. (Пушкин).

Лит.: Ицкович В. А., Шварцкопф Б. С. О контаминации и смежных с нею явлениях // Памяти акад. В. В. Виноградова. Сб. статей. М., 1971; Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Пекарская И. В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Абакан, 1999.

АНАЛОГ ПОДЛЕЖАЩЕГО. Слово, которое в составе языковой структуры, именующей небазисную пропозицию, осмыслено как подлежащее к аналогу сказуемого (второстепенному сказуемому), однако грамматически оформлено как второстепенный член (дополнение) той части предложения, которая называет базисную пропозицию: *Отец приказал мне ехать немедленно* (ср. *Отец приказал мне, чтобы я ехал немедленно*); *Я увидел бабушку в ее неизменной черной юбке* (ср. *Я увидел бабушку. Бабушка была в неизменной черной юбке*).

Лит.: Бабайцева В. В. Изолированные фрагменты текста со словом ЭТО в

позиции подлежащего // Филологические науки. 1998. № 3; Гиро - Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. 1984. № 6; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Костинский Ю.М. Подлежащее в родительном падеже? // РР. 1969. № 6; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Попов А.С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и проблема подлежащего // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 191. Русский синтаксис. Воронеж, 1977; Тихова Л.В. Структурно-семантическая характеристика предложений с инфинитивом в роли подлежащего в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1971.

АНАЛОГ СКАЗУЕМОГО. То же, что второстепенное сказуемое.

Лит.: см. «Сказуемое».

АНАФОРИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Слово или группа слов, отсылающих к предшествующей части предложения или текста: *Сын опоздал, что рассердило мать; Он не поехал туда. Это было выше его сил.*

Лит.: Белошапкина В.А. Анафорические элементы в составе сложных предложений // Памяти академика В.В. Виноградова. М., 1971; Богуславская О.Ю. О семантике анафоры // Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982; Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985; Серебряная Ф.И. Анафорические элементы в сложносочиненных и бессоюзных предложениях // РЯШ. 1973. № 1.

АНТЕЦЕДЕНТ (лат. *antecedens* «предшествующий, предыдущий»). Логический по происхождению термин, обозначающий основание для последующего заключения о следст-

вии (консеквенте). В лингвистической литературе им называют предыдущую единицу высказывания (слово, словосочетание, предложение), на которую указывает и которую заменяет другая единица высказывания. Примером антецедента может служить вынесенный при сегментации в начальную позицию именительный темы: *Родной город! Как я часто вспоминаю его.*

Лит.: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Падучева Е.В. Местоимение ЭТО с предметным антецедентом // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981.

АПОДОЗИС. В западноевропейской лингвистике вторая, заключающая часть сложноподчиненного предложения, противопоставляемая первой части, называемой протазисом. Русистика существенно сузила сферу употребления этого термина. Его используют исключительно при анализе периода, вторая часть которого и называется аподозисом.

Лит.: Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998; Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996; Лосева Л.М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // РЯШ. 1977. № 1; Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое). М., 1973; Шапиро А.Б. О периодической форме речи // РЯШ. 1951. № 1.

АПОКОЙНУ́. Конструкция, в составе которой к одному управляющему

члену относятся два разнородных по форме дополнения: *Я не знаю его имени и где он работает*. В русистике термин употребляется очень редко, причем скорее всего под влиянием западноевропейской лингвистической традиции.

Лит.: Ковалев В. П. Языковые выразительные средства художественной прозы. Киев, 1981; Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Пекарская И. В. Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка. Абакан, 1999; Сковородников А. П. Апокойну // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

АППЛИКАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Разновидность пояснительных отношений, в рамках которых одно понятие, широкое по объему, конкретизируется, уточняется через другое понятие. Устанавливаются обыкновенно в двух случаях: а) в предложениях с однородными членами, включаемыми в систему синтаксических связей через посредство обобщающих слов: *Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты, Дух пылкий и довольно странный, Всегда восторженную речь И кудри черные до плеч* (Пушкин); *Коты всех мастей — рыжие, черные, серые и белые с подпалинами — берут дом в осаду* (Паустовский); б) в предложениях с уточняющими обособленными членами: *Внизу, в тени, шумел Дунай* (Тютчев); *Сейчас, ночью, после выхода танков из боя, казалась невероятной попытка японцев прорваться на юг* (Симонов).

Термин используется лишь некоторыми авторами (И. П. Распоповым и др.). Широкого распространения не получил.

Лит.: Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Он же. Стрoение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

АППОЗИТИВНАЯ СВЯЗЬ. Традиционно выделяемая разновидность подчинительной связи в словосочетании, предполагающей параллельное употребление двух и более субстантивов в одном и том же падеже (а зачастую в одном и том же роде и числе): *старик крестьянин; резвушка Маша; город Москва; инженер Иван Николаевич Петров; собака Жучка*. Эту связь обыкновенно сближают с согласованием на том основании, что один из элементов сочетания может быть развернут в прилагательное-определение: *старик крестьянин = старый крестьянин, резвушка Маша = резвая Маша*. Но этот критерий явно некорректен. Словосочетания *изделия из металла* и *металлические изделия*, конечно же, одинаково выражают определительные отношения и в силу этого могут быть трансформированы одно в другое. Однако отсюда вовсе не следует, что в их составе реализован один и тот же вид (способ) подчинительной связи (в первом случае мы имеем дело с управлением, а во втором — с согласованием). Более того, исследователи XX в. (Р. О. Якобсон и О. Б. Сиротинина) показали, что в подавляющем большинстве случаев вообще не допускается никакой трансформации сочленяемых элементов, в результате чего выделение, с одной стороны, главного компонента, а с другой — подчиненного оказывается в зависимости от ряда условных процедур, противоречащих друг другу. Так, в словосочетании *дорогая товарищ Иванова* приложением считают слово *товарищ*, а в словосочетании *дорогой товарищ Иванова* — слово *Иванова*.

В связи с этим аппозитивную связь предлагается объяснять на основе явления инонаименования. К инонаименованиям одной и той же реалии (референта) язык (не только русский) прибегает охотно и часто, поскольку

они позволяют выводить на передний план разные коммуникативно существенные признаки. Например, Ивана Николаевича Сидорова в зависимости от обстоятельств можно именовать отцом друга, сыном соседки, мужем подруги, директором завода и т.д.

Обыкновенно инонаименования используются в нетождественных речевых актах, т.е. в разных высказываниях. Однако при необходимости дать полную (и самое главное — разностороннюю) характеристику референта инонаименования употребляются параллельно в одном и том же высказывании, образуя пучок номинаций, из которых одна является обычно (хотя и не всегда!) содержательно господствующей, а остальные — подчиненными ей. Предложенный взгляд на вещи не позволяет сблизить аппозитивную связь ни с согласованием, ни с подчинительной связью вообще: элементы словесного блока здесь формально не зависят друг от друга, а тождество их форм объясняется, как уже говорилось, отнесенностью номинаций к одной и той же реалии (референту). Последняя особенность, в свою очередь, исключает возможность отождествления аппозитивной связи с сочинительной: при сочинении сочленяемые слова обычно называют разные реалии: *мать и дочь, брат и сестра*. Скорее всего, здесь имеет место особая синтаксическая связь, возможно, реализуемая, сверх того, в сфере неоднородных определений (*высокая деревянная кроватка; приятный низкий голос*), так называемых парных глаголов (*пойду посмотрю; сяду посижу*) и двойных сказуемых (*пришел веселый; вырос здоровяком*). Однако категорические утверждения здесь вряд ли допустимы: параллелизм форм наличествует, но об инонаименованиях одной и той же реалии говорить затруднительно.

Лит.: Астафьева Н.И., Наумович А.Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Егерман Л.Ю. К вопросу о причинах двоякого согласования имен существительных общего рода в русском языке // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 150. Воронеж, 1975; Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977; Мухин А.М. Аппозитивная связь в структуре предложения // Исследование по славянской филологии. М., 1974; Попова З.Д. «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974; Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; Шведова Н.Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

АППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Синтаксические отношения, которые традиционно трактуются как разновидность определительных отношений, формирующихся на основе аппозитивной связи. Однако в последние десятилетия распространяется мнение, что аппозитивные отношения нельзя сблизить ни с подчинительными, ни с сочинительными: они интерпретируют означаемые сочленяемых слов как однопорядковые, относящиеся к одному и тому же референту: *брат Николай; село Степанчиково*. Вполне возможно, что аппозитивные отношения устанавливаются также в сфере неоднородных определений (*красивое бронзовое изделие; высокий двухтумбовый стол*), так называемых парных глаголов (*прилягу отдохну; съезжу проведу*) и двойных сказуемых (*проснулся бодрым; возвратился инженером*). Но так ли это в действительности, покажет будущее.

Лит.: Орлов К. П. К вопросу о классификации сложноподчиненных и придаточных предложений русского языка // НДВШ. Филологические науки. 1970, № 5; Он же. Функционально-смысловое соотношение сложноподчиненных предложений, имеющих аппозицию, между собой, а также с другими инвариантными структурами сложноподчиненных предложений // Исследования и статьи по русскому языку. Вып. 3. Волгоград, 1972; Тимофеев Г. Е. Аппозитивные отношения в конструкциях с объектным предикатом // Науч. труды Тюмен. ун-та. Т. 20. Тюмень, 1975. См. также «Аппозитивная связь».

АППОЗИ́ЦИЯ (лат. *apposito* «приложение»). То же, что приложение.

АСЕМАНТИ́ЧЕСКАЯ СВЯ́ЗКА. См. *связка*.

АСИ́НДЕТОН (греч. *asyndeton* «несвязное»). То же, что бессоюзие (во 2-м значении).

АССОЦИАТИ́ВНО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВА́НИЕ. Разновидность согласования как способа подчинительной связи в словосочетаниях, при котором зависимый компонент ориентирован не на существительное без форм словоизменения (обычно заимствованное), а на подразумеваемое слово с родовым значением: *лондонская «Таймс»* (газета); *маленький Тарту* (город); *красивый Капри* (остров). Термин предложен Е. С. Скобликовой.

Лит.: Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977; Попова З. Д. «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974; Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М.,

1971; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

АТРИБУ́Т. То же, что определение.

АТРИБУТИ́ВНО-ВЫДЕЛИТЕ́ЛЬНЫЕ ОТНОШЭ́НИЯ. Отношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным (присубстантивно-атрибутивным) и предполагающие употребление в главной части местоимения *тот*, которое выступает в роли, близкой к роли выделительных частиц, и местоимения *такой*, имеющего качественно-степенное значение: *Пришли к нам только те люди, которых мы любим; Установились такие холода, которых не помнят даже глубокие старики.* Атрибутивно-выделительные отношения противопоставляются атрибутивно-распространительным отношениям. У некоторых авторов сложноподчиненные предложения, выражающие этот вид отношений, выделяются в особый классификационный разряд.

Лит.: Андрамонова Н. А. К вопросу о структурно-семантической классификации сложноподчиненного предложения // Преподавание русского языка в высшей и средней школе. Рязань, 1973; Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения. Лекция. Л., 1976; Исаева А. А. Лексические противопоставления в частях сложноподчиненного предложения с присубстантивно-атрибутивными придаточными // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973; Максимов Л. Ю. К вопросу о типологии присубстантивно-атрибутивных сложноподчиненных предложений // РЯШ. 1971. № 2; Орлов К. П. Функционально-смысловое соотношение сложноподчиненных предложений, имеющих аппозицию,

между собой, а также с другими инвариантными структурами сложноподчиненных предложений // Исследования и статьи по русскому языку. Вып. 3. Волгоград, 1972; Щеулин В. В. О классификации сложноподчиненных предложений. Воронеж, 1972.

АТРИБУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Значение языковых единиц – слов (сочетаний слов) и придаточных определительных, характеризующих предмет со стороны его свойств и признаков (см. **определение и определительное придаточное предложение**).

АТРИБУТИВНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что придаточное определительное предложение.

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненных предложений».

АТРИБУТИВНО-РАСПРОСТРАНТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Отношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным (присубстантивно-атрибутивным) и предполагающие не выделение одного предмета из ряда других, а сообщение о нем какой-то дополнительной информации (без посредства соотносительных слов): *Попав в общество Наполеона, которого личность он очень хорошо и легко признал, Лаврушка несколько не смутился* (Л. Толстой); *На берегу озера стоял старый дом, который построил то ли его дед, то ли прадед* (Паустовский). Атрибутивно-распространительные отношения противопоставлены атрибутивно-выделительным. Некоторые авторы выделяют предложения, выражающие этот вид отношений, в особый разряд.

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненных предложений».

АТРИБУТИВНЫЕ (ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ) ОТНОШЕНИЯ. 1. Подчини-

тельные отношения, устанавливаемые в субстантивных словосочетаниях и предполагающие квалификацию грамматического предмета, названного в господствующем компоненте, со стороны присущих ему признаков, выраженных номинаторами зависимого компонента – прилагательными, числительными, причастиями, падежными и предложно-падежными формами существительных, наречиями и инфинитивом: *далекая страна; второе дыхание; спящий ребенок; дом отца; изделие из бронзы; яйцо всмятку; желание выслужиться*. В зависимости от характера лексической семантики сочетающихся слов атрибутивные отношения могут определенным образом модифицироваться и представлять в виде серии вариантных отношений – таких, как атрибутивно-качественные: *красивый дом; полезное занятие*; атрибутивно-временные: *Москва ночью; привычка с детства*; атрибутивно-целевые: *крем для загара; средство от комаров*; и т.д. Особой разновидностью атрибутивных отношений традиционно считаются аппозитивные отношения: *старик крестьянин; инженер Петров*. Для выражения атрибутивных отношений используются все три вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание.

2. Подчинительные отношения, устанавливаемые между предметом и ситуацией в составе сложноподчиненного предложения с придаточным определительным. Выражаются посредством подчинительной связи, реляционными показателями которой являются союзные слова *который, какой, чей, кто, что, где, куда, откуда, когда*: *Мне страшно главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться* (Чехов); *Это был человек, чья жизнь прошла в постоянных разъездах* (Паустовский); *Мы сами вот те-*

перь подходим к чуду, Какого ты нигде, конечно, не встречал... (Крылов); *Всякий, кто побывал на этом озере, никогда не забудет его* (Куприн); *Пред нами стелется равнина, где ели изредка взошли* (Пушкин); *В самое утро того дня, когда с ним сделался удар, он начал было письмо ко мне на французском языке* (Тургенев).

Лит.: см. «Придаточная часть сложно-подчиненных предложений».

БАЗИСНАЯ ПРОПОЗИЦИЯ. См. пропозиция.

БЕЗГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, не содержащее в своем структурном составе глагола (знаменательного или служебного — связочного). К числу их относятся грамматически нечленимые предложения, не нуждающиеся в указании на характер бытия (оно всегда четко охарактеризовано по своим основным параметрам: здесь и сейчас). В некоторых случаях безглагольными признаются структуры типа *Пушкин — поэт; Ребенок болен*. На этой точке зрения стоят исследователи, которые не видят оснований для выделения особой — нулевой формы связки *быть*. Впрочем, число их сокращается из года в год.

Лит.: Белошапкова В. А. Минимальные структурные схемы русского предложения // РЯЗР. № 5. 1978; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Сковородников А. П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // ВЯ. № 3. 1973; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип содержательно односоставных предложений, главный член которых неоднороден: он называет либо отвлеченные от своего источника (или но-

сителя) процессы, либо обезличенные признаки-состояния, в связи с чем соответственно различаются две разновидности этого предложения: безличное предложение глагольного строя (*На улице светлеет; В комнате дует*) и безличное предложение наречного строя (*Здесь мне удобно; В лесу было тихо*). В последние годы наметилась отчетливая тенденция к осмыслению указанных разновидностей как самостоятельных типов односоставных предложений. Одновременно были предприняты попытки (далеко не однозначные) их терминологической дифференциации. Сейчас, когда русистика на данном участке языковой онтологии не имеет устоявшихся номенклатурных обозначений, в рабочем порядке можно использовать термины «односоставное процессное предложение» и «односоставное признаковое предложение».

Лит.: Василевская Л. И. Семантико-синтаксические поля безличных предложений // Аспекты лингвистического анализа (На материале языков разных систем). М., 1974; Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958; Георгиев И. С. Структура и семантические особенности одной безличной конструкции в русском и болгарском языках // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 3; Закирьянов К. З. Структурно-семантические типы безличных предложений в русском языке и их башкирские эквиваленты // Исследования по семантике. Уфа, 1985; Кочинева О. К. Взаиморасположение частей главного члена предложения (на материале безличных предложений) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 3; Лекант П. А. К вопросу о категории безличности в русском языке // Тенденции развития грамматического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1994; Попов А. С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и

проблемы подлежащего // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 191. Русский синтаксис. Воронеж, 1977; Попова К. А. Вопрос о безличности предложения // Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М., 1974; Пронина Е. С. Сопоставление отрицательных и утвердительных безлично-инфинитивных предложений // Грамматические категории предложения и его структура. М., 1982. См. также «Односоставное предложение».

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО СТРОЯ. См. **безличное предложение** и **односоставное процессное предложение**.

БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНОЕ (ФУНКТИВНОЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип содержательно односоставных предложений, констатирующих существование/несуществование реалий, для экспликации которых язык прибегает к косвенной номинации, квалифицируя эти реалии не путем отсылки к тому или иному частеречному значению (как это наблюдается в основной массе односоставных предложений), а путем указания на выполняемую ими функцию: *У них есть с кем посоветоваться; Отцу было о чем рассказать; Ему негде жить; Мне некуда будет там пойти.* При косвенной характеристике реалий часть информации о последних в безлично-инфинитивном предложении остается «утаенной», как это, скажем, имеет место в косвенных вопросах: *Я знаю, кто пришел; Мы поняли, куда они направились.* Но слушатель не испытывает при этом коммуникативного дискомфорта. И лишь иногда говорящий, из боязни не вполне быть понятым, считает необходимым восстановить «утаенную» информацию за счет прямой номинации реалий. В этом случае возникают в общем-то редкие структуры, подобные той, с которой мы сталкиваемся в стихотворе-

нии Н. Заболоцкого «Городок»: *Есть кому в Тарусе плакать — девочке Марусе* (ср. также разговорные высказывания: *Мне было с кем поговорить — с фельдшером и учителем; У нее всегда есть куда пойти — в церковь*).

Исторически безлично-инфинитивное предложение представляло собой сложную конструкцию, в которой роль придаточного выполняли инфинитивные предложения с относительными словами, и лишь позднее оно было переосмыслено языковым сознанием как синтаксически простое предложение. Столь радикальная трансформация безлично-инфинитивного предложения явилась естественным следствием языковых изменений в отношениях и связях составляющих его структуры. Исходным пунктом этих изменений стали конструкции с отрицанием, в составе которых глагол *быть*, имевший в третьем лице единственного числа настоящего времени вариантную (скорее всего диалектную) форму *e*, утратив начальный *j*, ассимилировался с конечным гласным предшествующей ему частицы *не*, а частица и оказавшиеся в непосредственном соседстве с нею относительные слова, в свою очередь, слились в одно целое, породив лексические образования, трактуемые в современной лингвистике как отрицательные местоимения (наречия): *ничего, некому, некуда, не о чем, не с кем* и т.д.

В новых условиях, когда границы между главной и придаточной частями оказались размытыми, и произошло переосмысление отрицательных сложных предложений в простые: *Мне не е, куда пойти — Мне некуда пойти; Ему не е, кому сказать об этом — Ему некому сказать об этом.* И, наконец, в последнюю очередь были переосмыслены по новому основанию конструкции без отрицания, причем в прошедшем и бу-

душем временах их структурный облик остался неизменным, а в настоящем времени диалектная форма *e* оказалась замененной общерусской формой *есть*: *Ему было, куда пойти* – *Ему было куда пойти*; *Ему будет, куда пойти* – *Ему будет куда пойти*; *Ему е, куда пойти* – *Ему есть куда пойти*. Этот заключительный этап указанного процесса – явление, видимо, довольно позднее. Во всяком случае даже в начале XX в. теоретикам-лингвистам приходилось протестовать против постановки запятой перед относительными местоимениями (наречиями) именно на том основании, что соответствующие предложения являются не сложными, а простыми. (Запятую в этой позиции иногда ставят ошибочно и сейчас, но уже по другой причине – в силу автоматизма привычки предварять запятой относительные местоимения и наречия.)

В результате процесса опрощения в безлично-инфинитивном предложении утвердился новый способ оформления небазисной пропозиции: она стала передаваться не придаточным, как первоначально, а сочетанием слов, содержащим намек на свой первоисточник, но уже не обладающим собственным механизмом актуализации. Тем не менее эта «смена вывески» не повлияла существенно на семантико-функциональную схему, определяющую специфику безлично-инфинитивного предложения. Оно, как и его предшественник – сложное предложение, по-прежнему констатирует существование/несуществование реалей, о которых известно лишь, каково их общее функциональное назначение.

В заключение отметим, что безлично-инфинитивное предложение всегда порождало и продолжает порождать самые противоречивые мнения. В разное время его относили к односостав-

ному безличному, к односоставному инфинитивному, к особому промежуточному типу между безличным и инфинитивным (откуда, собственно, и пошел компромиссный термин «безлично-инфинитивное предложение») и, наконец, к несогласованному двусоставному предложению. Положение в значительной степени осложнялось еще и тем, что сплошь и рядом утвердительный и отрицательный варианты безлично-инфинитивного предложения разводились (как принципиально нетождественные явления) по разным классификационным подразделениям.

Сейчас нежелательный плюрализм мнений в этой области синтаксической теории все еще не преодолен. Вместе с тем есть и обнадеживающие симптомы. Во-первых, окончательно стало ясно, что безлично-инфинитивное предложение представляет собой отдельный, самостоятельный тип односоставных предложений. Во-вторых, все чаще раздаются голоса, призывающие отказаться от искусственного разделения единого типа предложений на самостоятельные ряды, которые различаются лишь наличием/отсутствием отрицания. В-третьих, некоторые исследователи склонны отказаться от явно морфологизованного термина «безлично-инфинитивное предложение», заменив его содержательно ориентированным термином «функциональное предложение».

Лит.: Пронина Е. С. Сопоставление отрицательных и утвердительных безлично-инфинитивных предложений // Грамматические категории предложения и его структура. М., 1982. См. «Безличное предложение», «Односоставное предложение».

БЕСПОДЛЕЖАЩОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. К настоящему времени практически вышедший из употребления термин, которым раньше обозна-

чали односоставное предложение с главным членом, отождествлявшимся со сказуемым. К числу таких предложений относили определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное и безличное предложения.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

БЕСПОДЛЕЖАЩНО-СКАЗУЕМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин А.А. Шахматова, употреблявшийся в том же значении, что и бесподлежащее предложение.

Лит.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

БЕСПРЕДЛОЖНОЕ (НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ) УПРАВЛЕНИЕ. Разновидность управления, при котором зависимый компонент в словосочетании выражается падежной формой имени: *открыть дверь; увлечься детективами; доверяться судьбе.* Противопоставляется предложному (опосредствованному) управлению.

Лит.: см. «Подчинительная связь в простом предложении».

БЕССКАЗУЕМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Устаревший к настоящему времени термин, которым обозначали односоставное предложение с главным членом, отождествлявшимся с подлежащим. В качестве такового рассматривалось, в частности, номинативное предложение.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

БЕССКАЗУЕМО-ПОДЛЕЖАЩНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин А.А. Шахматова, фактически тождественный термину «бесказуемое предложение». В настоящее время не используется.

Лит.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

БЕССОЮЗИЕ. 1. Принцип соединения слов и предикативных единиц,

при котором характер отношений компонентов блока на уровне союзной связи выражения не получает. 2. Стилистическая фигура, предполагающая соединение членов или частей предложения без помощи союзов: *Швед, русский колет, рубит, режет, Бой барабанный, клики, скрежет* (Пушкин).

Лит.: Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. № 2; Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

БЕССОЮЗНАЯ СВЯЗЬ. Синтаксическая связь, оформляемая в отличие от союзной связи без помощи союзов и союзных слов. Ее показателями являются интонационные и некоторые другие языковые средства. В частности, она опознается благодаря наличию так называемых синсемантических слов, выполняющих дейктическую функцию, незамещенной синтаксической позиции в одном из сочленяемых фрагментов высказывания и т.д. (см. **бессоюзное сложное предложение**). Бессоюзная связь реализуется как в простом, так и в сложном предложении, хотя в последнем возможности ее использования несравненно шире.

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Сложное предложение, части которого соединяются без помощи союзов и союзных слов. Отсутствие последних компенсируется интонацией, местоимениями и местоименными сочетаниями типа *поэтому, оттого, вместе с тем, тем не менее, с этой це-*

лю (которые иногда именуют аналогами союзов, иногда коннекторами), порядком следования частей сложного предложения, закономерностями модально-временных и видо-временных соотношений и, наконец, выражаемым смыслом.

Бессоюзные сложные предложения можно систематизировать с учетом двух параметров: а) характера их структурной организации и б) реализуемых семантико-синтаксических отношений.

По первому параметру различаются предложения со структурно-обусловленными частями и предложения со структурно-необусловленными частями. В первых из них наличествуют своеобразные сигналы взаимосвязи частей. К их числу относятся: во-первых, незамещенная синтаксическая позиция того или иного слова инициальной части, благодаря чему последующая часть сложного предложения оказывается предсказуемой: *Я знаю: в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь* (Пушкин); *И стало беспощадно ясно: жизнь прошумела и ушла* (Блок); во-вторых, синсемантические элементы в первой части — указательные местоимения, сочетания местоименно-указательного типа, разного рода отвлеченные слова и т.д., которые в данном конкретном случае требуют восполнения своей информативной недостаточности: *Весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Гоголь); *Он понял лишь одно: о нем не забудут* (Паустовский); в-третьих, подводящие итог, заключительные элементы во второй части сложного предложения: *Николай молчал — вот что меня поразило*; *Будешь уходить — так ты дверь закрой*; в-четвертых, взаимозависимые модальные формы сказуемых обеих частей: *Была бы необходимость, он поехал бы хоть на край света* (Трифонов); *Ше-*

потки волосков лиса не пожалей — остался б хвост у ней (Крылов). В предложениях со структурно-необусловленными частями соответствующие сигналы объединенности этих частей отсутствуют, и связь их устанавливается на интонационной и смысловой основе: *Облака рассеялись, на темно-синем небе ярко засверкали звезды* (Горький); *Внезапно Иван Ильич налетел на какого-то военного с подвязанной рукой — тот болезненно потянул воздух через зубы и шепотом выругался* (А.Н. Толстой).

По второму параметру обыкновенно противопоставляются бессоюзные сложные предложения с сочинительными и подчинительными отношениями частей (причем эти отношения дополнительно дифференцируются с учетом их частных разновидностей: а) *Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела* (Пушкин); *Дуб держится, к земле тростиночка припала* (Крылов); б) *Волков бояться — в лес не ходить* (Пословица); *Печален я: со мною друга нет* (Пушкин); *Молвит слово — соловей поет* (Пословица). Однако, как давно уже замечено, этим противопоставлением не исчерпывается весь набор отношений, которые реализуются в составе бессоюзных сложных предложений. Здесь возможны, сверх того, уточнительные, поясняющие, присоединительные и некоторые другие виды отношений.

Квалификация и — соответственно — классификация бессоюзных сложных предложений разными авторами осуществляется по-разному. Различают, в частности, бессоюзные предложения однородного и неоднородного состава (Поспелов Н.С.); бессоюзные сложные предложения соотносительные и несоотносительные с союзными (Розенталь Д.Э.); бессоюзные сложные предложения открытой и закрытой структуры (Белошапкина В.А.) и т.д. Более

того, в последние годы в рамках «Русской грамматики — 1980» была предпринята попытка вывести бессоюзные предложения из состава сложных, в связи с чем предлагался термин «бессоюзные соединения предложений».

Бессоюзные сложные предложения используются преимущественно в рамках устно-разговорной речи и, естественно, в стилизующей ее художественно-публицистической речи.

Лит.: Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; Бунина М.С. К вопросу об изучении бессоюзного сложного предложения // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1971. № 423; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Изаренков Д.И. Бессоюзные сложные предложения с пропущенным предикатом // РЯЗР. 1971. № 1; Ильенко С.Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения. Лекция. Л., 1976; Кирпичникова Н.В. К изучению грамматической природы бессоюзного сложного предложения в современном русском языке. Вып. 9. М., 1973; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. М., 1977; Максимов Л.Ю. Изъяснительный тип и бессоюзные конструкции // Уч. зап. МГПИ. 1971. № 423; Орлова Н.В. Бессоюзные сложные предложения закрытых и открытых структур со словами-скрепами компонентов в современном русском литературном языке: АКД. Новосибирск, 1970; Пак А.Е. Некоторые разновидности бессоюзных сложных предложений с противопоставлением частей в современном русском языке // Тр. Самаркандского унта. 1973. Вып. 248; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Покусаенко В.К. К вопросу о месте бессоюзных предложений в системе сложных // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971; Поспелов Н.С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных

сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Он же. Мысли о русской грамматике. М., 1990; Русская грамматика. В 2-х т. Т. II. М., 1980; Хамзина Г.К. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // РЯШ. 1971. № 6; Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ. Двухкомпонентное бессоюзное построение, количество предикативных частей у которого не может быть увеличено: *Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи* (Тургенев); *Лето припасает — зима поедает* (Пословица). Противопоставляются бессоюзному сложному предложению открытой структуры.

Лит.: Орлова Н.В. Бессоюзные сложные предложения закрытых и открытых структур со словами-скрепами компонентов в современном русском литературном языке: АКД. Новосибирск, 1970. См. также «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕОДНОРОДНОГО СОСТАВА. Бессоюзное сложное предложение закрытой структуры с разнотипными отношениями предикативных частей, грамматическое оформление которых может быть связано с определенными различиями временных и модальных планов: *Волков бояться — в лес не ходить* (Пословица); *Я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами* (Лермонтов). Противопоставляется бессоюзному сложному предложению однородного состава.

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОДНОРОДНОГО СОСТАВА. Бессоюзное сложное предложение открытой структуры со смысловым и грамматическим равноправием частей, для которых характерна общность модального и временного планов: *Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела* (Пушкин); *Был широкий разгар весны, цвели каштаны, на куполе Владимирского собора горел горячий блеск заката, нарядно шумел Креццатик* (Паустовский). Противопоставляется бессоюзному сложному предложению неоднородного состава.

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ. Бессоюзное построение, которое может состоять из трех-четырех и более частей, обычно соединяемых посредством перечислительной интонации: *Растут невнятно розовые тени, Высок и внятн колокольный зов, Ложится мгла на старые ступени...* (Блок); *Был тихий мороз, заря догорала, высоко лежали пуховые снега* (В. Панова). Противопоставляется бессоюзному предложению закрытой структуры.

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРЕРЫВИСТОЙ СТРУКТУРЫ. Бессоюзное сложное предложение с редуцированными глаголами восприятия в первой части. Их отсутствие компенсируется предупредительно-пояснительной интонацией и лексическими элементами (глаголами в функции сказуемого), которые обозначают способ восприятия или сопутствующее восприятию действие: *Я взглянул в окно: на безоблачном небе разгорались звезды* (Горький); *Варвара при-*

слушалась: донесся шум вечернего поезда (Чехов); *Я вошел в хату: две лавки и стул да огромный сундук возле печи составляли всю ее мебель* (Лермонтов). В этих предложениях цепь конструктивной связи частей бессоюзного сложного предложения оказывается прерванной: в ней отсутствует одно из звеньев, которое легко восстанавливается нашим сознанием (ср. *взглянул и увидел; прислушалась и услышала; вошел и заметил*). Термин «бессоюзное сложное предложение прерывистой структуры» предложен Г. К. Хамзиной.

Лит.: Хамзина Г. К. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // РЯШ. 1971. № 6. См. также «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ. Бессоюзное сложное предложение со строго определенными отношениями частей. Это предложение последовательно коррелирует со сложноподчиненным предложением: *Я знал: в доме никто не живет — Я знал, что в доме никто не живет; Мне не спится: в доме необыкновенная духота — Мне не спится, потому что в доме необыкновенная духота.* К числу таких предложений относятся построения с изъяснительными, сопоставительными, пояснительными и некоторыми другими видами отношений. Термин предложен Е. Н. Ширяевым. Противопоставляется термину «бессоюзное сложное предложение с недифференцированными отношениями».

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С НЕДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ. Бессоюзное сложное предложе-

ние, у которого отношения частей могут интерпретироваться в различных условиях коммуникации неоднозначно. Например, в предложении *Начался дождь — мы пошли домой* наблюдаются отношения следствия, причины и времени. Такие предложения, естественно, не могут строго и последовательно коррелировать со сложноподчиненными предложениями. К бессоюзным предложениям этого типа относятся построения с условно-временными, причинно-следственными, противительно-уступительными и некоторыми другими видами отношений. Термин предложен Е.Н. Ширяевым. Противопоставляется термину «бессоюзное сложное предложение с дифференцированными отношениями».

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССОЮЗНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. Термин, предложенный авторами «Русской грамматики — 1980», отражает представление о том, что бессоюзного сложного предложения как такового не существует, а существуют особые синтаксические образования, лишь в той или иной степени соотносительные со сложными предложениями. Попытка реформирования традиционного понятия (и соответствующего термина) в современной русистике поддержки не получила.

Лит.: см. «Бессоюзное сложное предложение».

БЕССУБЪЕКТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин, к настоящему времени практически вышедший из употребления в силу своей неоднозначности: им обозначали и некоторые виды односоставных предложений (напр., безличные), и двусоставные предложения с инфинитивом в функции подлежащего, который, как известно, выражать субъект действия не способен.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

БИНАРНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. То же, что простое словосочетание.

БИФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ. Придаточное условия или времени, развивающее в эллиптических сложноподчиненных предложениях вторую (дополнительную) синтаксическую функцию: *Нерадостная вещь, когда тебя не понимают* (Из газет); *Беда, если кто возьмется рубить все ветки, торчащие «не туда»* (В. Божович); *Было бы неестественно и подозрительно, если бы он не знался ни с кем из своих сородичей* (Е. Воробьев). В этих сложноподчиненных предложениях элиминировано придаточное изъяснительное, совпадающее по лексическому составу с наличными придаточными условия и времени. Ср. *Когда тебя не понимают, (то, что тебя не понимают) нерадостная вещь; Если бы вы не сделали это, (то, что вы не сделали это) было бы непростительным упущением.* Соответственно последние выполняют сразу две функции — изначально присущую им функцию условия или времени и приобретенную функцию подлежащего. Бифункциональные придаточные являются ярким примером тенденции к экономии речевых усилий.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

БЫТИЙНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

1. То же, что номинативное предложение. 2. Разряд номинативных предложений, утверждающих наличие называемого предмета, явления: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека* (Блок). 3. Логико-грамматический тип предложений, в которых значение бытия, существования передается не только связочными глаголами, но и полнозначными глаголами типа *наличествовать, иметься, существовать* и т.д.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Функция определения в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компонент текста. М., 1982; Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985; Тихонова В.В. Семантический предикат – организатор семантической структуры бытийного предложения // Тенденции развития грамматического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1994; Ширяев Е.Н. Русские бытийные предложения – одна из характерологических особенностей русского синтаксиса. М., 1997; Шубик С.А. Категория бытийности как отличительный признак предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ. См. **связные глаголы.**

БЫТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ СКАЗУЕМОГО. См. **сказуемое.**

ВАЛЕНТНОСТНЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, в рамках которого анализ лексико-грамматического строя предложения осуществляется с точки зрения валентных свойств его единиц, в первую очередь глагола (если исследователь ориентируется на вербоцентрическую концепцию предложения).

Лит.: см. «Валентность».

ВАЛЕНТНОСТЬ. Способность слова вступать в процессе речевой реализации в определенные, регламентированные языком связи с другими словами.

Валентность дифференцируют по нескольким параметрам. В зависимости от подчиняющей или подчиненной

роли компонента сочетания слов по отношению к соединяемому компоненту различают активную валентность: *открытие Колумба; новый стол; идти быстро* и пассивную: *открытие Колумба; новый стол; идти быстро*. С учетом характера факторов, обуславливающих соединимость тех или иных слов и их форм, разграничивают грамматическую и лексическую валентность. Грамматическая валентность – это способность слов, относящихся к какой-л. части речи, соединяться со словами, принадлежащими к строго определенной части речи и употребленными в определенной морфологической форме. Например, существительные свободно сочетаются с прилагательными, реализованными в тех же формах, что и существительные: *крепкий стул, красивая девушка*; переходные глаголы – с существительными в форме винительного падежа: *вспоминать отца; читать книгу*; напротив, наречия не комбинируются с числительными, а глаголы с прилагательными. Соответственно лексическая валентность предстает как способность слова к сочетаниям с другими словами, обусловленная фактом их понятийной совместимости. Так, в русском языке вполне допустимы сочетания *различные идеи; заманчивые идеи; интересные идеи* и т.д. и невозможны сочетания *зеленые идеи; громкие идеи*. Можно сказать: *острые зубы; красивые зубы*; но сочетания типа *смелые зубы* нашему уму представляются неестественными. Иногда в чисто технических целях противопоставляют правую валентность (господствующее или зависимое слово находится в тексте справа от анализируемого слова: *чтение книги, веселый нрав*) левой валентности (господствующее или зависимое слово находится слева от анализируемого слова: *чтение книги, веселый нрав*).

В современной русистике эти термины употребляются редко, поскольку они в известной степени игнорируют понятия, покрываемые терминами активная и пассивная валентность. В последние десятилетия понятие валентности в научной литературе, ориентированной на западноевропейскую лингвистику, было экстраполировано в сферу словообразования (так как значение части слова сочетается по определенным правилам). Это потребовало разграничения внутренней валентности (точнее было бы сказать, внутрисловной) и внешней (межсловной), в результате чего возникла явная терминологическая путаница, которой отечественная русистика в целом избежала — исключительно потому, что не поддавалась гипнозу изоморфизма и не пошла на расширение сферы использования термина «валентность».

Наряду с термином «валентность» в современных работах по русскому синтаксису широко употребляется термин «сочетаемость», содержание которого определяется неоднозначно (см. **сочетаемость**).

Лит.: Абрамов Б. А. Синтаксический потенциал глагола // НДВШ. Филологические науки. 1966, № 3; Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетаний // Исследования по русской грамматике. М., 1975; Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вест. ЛГУ. 1948. № 2; Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988; Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Прокопович Н. Н. Слово сочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Дени-

сова, В. В. Морковкина. М., 1983; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.

ВАРИАТИВНАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Разновидность присловной подчинительной связи, предполагающей выражение одних и тех же отношений в словосочетаниях разными языковыми формами, которые либо полностью совпадают по своему значению, либо различаются оттенками значений. Варьироваться могут формы, однотипные по характеру связи, напр., управляемые (см. **вариативное управление**), и формы, разнотипные с точки зрения связей, посредством которых они соединяются с главным компонентом: управляемые и примыкающие: *дать отдых — дать отдохнуть*; управляемые и согласуемые: *изделия из металла — металлические изделия*; примыкающие и согласуемые: *Москва ночью — ночная Москва*.

Лит.: см. «Подчинительная связь в простом предложении».

ВАРИАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Разновидность управления, противопоставляемая фиксированному управлению. Предполагает выражение одних и тех же отношений различными формами имени, которые либо полностью совпадают по своему значению (содержательная дублетность), либо различаются оттенками значений (синонимия): *работать ночами — работать по ночам; тосковать о матери — тосковать по матери; разговаривать за обедом — разговаривать во время обеда*. В последние десятилетия XX в. понятие вариативности было распространено на подчинительную присловную связь вообще (см. **вариативная подчинительная связь**).

Лит.: «Управление».

ВВОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. См. **вводные элементы.**

ВВОДНЫЕ СЛОВА. См. **вводные элементы.**

ВВОДНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ. См. **вводные элементы.**

ВВОДНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Элементы предложения, содержащие метатекстовые комментарии говорящего к собственному высказыванию. По содержанию эти комментарии разнообразны. С помощью вводных элементов говорящий:

а) констатирует отсутствие у него полной информации о сообщаемом и связанную с этим предположительность своих констатаций (*должно быть, кажется, видимо, вероятно*): *Послышался резкий стук, должно быть, сорвалась рама* (Чехов); *Яковом, видимо, овладело упоение...* (Тургенев);

б) указывает на непосредственный источник сообщения (*по слухам, по словам Петра, как сообщают газеты*): *По рассказам свидетелей, поразительнее всего казалось переменное возвышение и понижение берега* (Гончаров); *Правда ли, сказывают, на небе-де солнышко светит?* (Салтыков-Щедрин);

в) обозначает соответствие/несоответствие сообщаемых фактов чьим-л. интересам (*к моей радости, к удовольствию Коли*): *Лошадка его, к истинному моему удивлению, бежала очень недурно* (Тургенев); *К сожалению и несчастью всех благомыслящих англичан, этот великий человек не дождал до нашего времени* (Чехов);

г) квалифицирует способ или характер выражения мысли (*вообще говоря, так сказать, лучше сказать*): *Словом, стал дед Шукарь кучером* (Шолохов); *Нрава она была смутного, или, лучше сказать, запуганного* (Тургенев);

д) определяет логическое соотношение между частями высказывания или между отдельными высказываниями в составе текста (*во-первых... во-вторых, с одной стороны... с другой*): *Приехать на войну с тем, чтобы воспевать будущие подвиги, было для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, с другой, слишком непристойно* (Пушкин); *Родятся люди, женятся, умирают, значит, так нужно, значит, хорошо* (А. Островский);

е) адресует высказывание собеседнику, побуждая его к активному восприятию (*согласитесь, вообразите, представьте*): *В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам* (Горький); *— А я, видите ли, никогда не служил, — отвечал начальник, — а показания, знаете, очень противоречивы* (В. Панова);

ж) устанавливает степень обычности/необычности сообщаемых фактов (*бывает, случается, как водится*): *Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться* (Тургенев); *Он, как водится, все перепутал* (Паустовский).

Вводные элементы разнообразны и в формальном отношении. Это могут быть:

— отдельные слова различных частей речи (в частности, наречия и глаголы): *возможно, вероятно, конечно, кстати, кажется, разумеется, говорят*);

— предложно-падежные сочетания: *к счастью, на беду, по слухам*;

— фразеологически связанные сочетания слов: *может быть, должно быть, стало быть, одним словом, таким образом*;

— свободные, но лексически и грамматически стандартизованные в одном из компонентов словосочетания: *к (чьему-либо счастью, по (чьим-либо) сведениям, по*

(чьему-либо) свидетельству, скромно (мягко, откровенно) говоря;

– пониженные в ранге предложения (двусоставные и односоставные), включаемые обычно (хотя и не всегда) посредством союзов и союзных слов: *как рассказывают, как сообщают газеты, что еще хуже, если говорить откровенно.*

Вводные элементы обычно мобильны и могут занимать в предложении различное положение: препозитивное, постпозитивное и интерпозитивное. В первых двух случаях комментарии говорящего, как правило, относятся ко всему содержанию высказывания, в третьем – к какому-то фрагменту этого содержания.

Вводные элементы, относящиеся к числу особых явлений в синтаксисе, по меткому выражению А. М. Пешковского, остаются «внутренне чуждыми приютившему их предложению» – в том смысле, что они не обнаруживают грамматической зависимости от членов этого предложения и являются изолированными, интонационно выделенными в его составе. Связь их с высказыванием носит исключительно смысловой характер.

Некоторые авторы (Распопов И.П.) рассматривают вводные элементы вместе с вставными элементами как варианты одного явления, называемого парентезой.

Лит.: Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г., Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык (Теория. Анализ языковых единиц). В 3 ч. Ч. III. Синтаксис. Ростов н/Д, 1997; Виноградова Е.М. Всегда ли можно разграничить вводные и вставные конструкции? // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981.

ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Сформировавшаяся еще в XIX в. лингвистическая теория, согласно которой организующим центром предложения является глагол-сказуемое, подчиняющий себе не только второстепенные члены, но и подлежащее. Имела и имеет сторонников в русистике. В первой трети XX в. активно разрабатывалась французским лингвистом Л. Теньером, благодаря идеям которого была усвоена семантическим синтаксисом.

Лит.: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. М., 1988;

ВЕРИФИКАТИВНЫЙ ВОПРОС. То же, что общий вопрос.

ВЕЩЕСТВЕННАЯ СВЯЗКА. Разновидность связки, усматриваемой в предложениях типа *Мать сидела усталая; Иван вернулся стариком; День выдался чудесный; Бабушка пришла ко мне в своей неизменной черной юбке.* По традиционным представлениям, в этих предложениях реализовано составное именное сказуемое, в котором именная часть (*усталая, стариком, чудесный, в юбке*) относится к вещественной (знаменательной) связке (*сидела, вернулся, выдался, пришла*). Сейчас эти представления преодолены и пережиточно сохраняются лишь в некоторых школьных учебниках. Современная русистика трактует их как обычные глаголы, формирующие простое глагольное сказуемое, связь которого с соответствующими именными формами объясняется по-разному. Для одних исследователей эти именные формы являются полупредикативными определениями и дополнениями, для других – номинаторами второго сказуемого.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка (К проблеме предикативного

отношения) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. № 4; Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982; Камынина А. А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастия (на материале действительных причастий) // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 6; Ковалева Л. М. Проблемы анализа конструкций с предикатными актантами // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981; Чеснокова Л. Д. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке. Ч. I. Ростов н/Д, 1972.

ВЕЩЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ СКАЗУЕМОГО. См. *сказуемое*.

ВЗАИМНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. 1. Особый вид подчинения, реализуемый в предикативном центре предложения между подлежащим и сказуемым. По представлениям некоторых исследователей, подлежащее подчиняет сказуемое, а сказуемое, в свою очередь, подчиняет подлежащее. Иначе этот вид подчинения называют координацией. 2. Двусторонняя зависимость частей сложноподчиненного предложения, которую усматривают в случаях типа *Едва Ростов успел передать письмо и рассказать все дело Денисова, как с лестницы застучали быстрые шаги* (Л. Толстой); *Лишь только мы подошли к гостинице, как к нам тут же подбежал служащий* (Паустовский). Предполагается, что в главной части таких предложений реализуются союзы *лишь только, только что, едва, только* и т. д.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972; Грамматика совре-

менного русского литературного языка. М., 1970; Дибров А. А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (на материале славянских языков) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 5; Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971; Она же. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4.

ВИДЫ (СПОСОБЫ) ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В СЛОВСОЧЕТАНИИ. См. *согласование* (в 1-м знач.), *управление, примыкание*.

ВКЛЮЧЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. По терминологии Г. А. Золотовой, взаимодействие, сложение моделей предложения не в результате логической операции, а на основании функций и значений составляющих их синтаксических форм слова. Примером включения моделей могут служить конструкции с двойным сказуемым: *Он спит одетым = Он спит + Он одет; Бабушка пришла в своей неизменной черной юбке = Бабушка пришла + Бабушка была в своей неизменной черной юбке*.

Лит.: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Она же. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Она же. К типологии простого предложения // ВЯ. 1978. № 3; Распопов И. П. Что же такое структурная схема предложения? // ВЯ. 1976. № 2; Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 37. 1978. № 4; Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском

языке (Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное). Саратов, 1972.

ВНЕСЁНИЕ. То же, что вставка. Термин используется редко.

ВНЕШНЕСИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ. См. *модальность*.

ВНЕШНЯЯ ВАЛЕНТНОСТЬ. См. *валентность*.

ВНУТРЕННЯЯ ВАЛЕНТНОСТЬ. См. *валентность*.

ВНУТРИСИНТАКСИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ. См. *модальность*.

ВОКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, представляющее собой вынесенное в самостоятельную позицию обращение, с которым ассоциированы значения призыва, побуждения к прекращению действия, несогласия с собеседником, укора, сожаления, негодования и т.д. Характер этих сопутствующих обращению значений дифференцируется самой ситуацией общения и интонацией, в связи с чем вокативные предложения реализуются преимущественно в рамках устно-разговорной речи. Художественная и публицистическая речь, которая, естественно, не может использовать на письме все богатство интонации и воспроизвести все детали ситуации, на отражение которой ориентировано то или иное предложение, обязывает писателя (или журналиста) расшифровывать эти сопутствующие значения в словах автора. Ср. — *Бабушка!* — *укоризненно произнесла Олеся* (Куприн); — *Саша!* — *строго сказала она безмерно расшалившемуся сыну* (Чехов); — *Мама!* — *стонала Катя, не зная, куда спрятаться от стыда и похвал* (Чехов).

По традиции, идущей от А.А. Шахматова, вокативное предложение рас-

сматривалось как разновидность односоставных предложений. Сейчас его обыкновенно трактуют как нечленное предложение (иногда с оговорками, иногда без оговорок).

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса, М., 1982; Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Леонтьев А.П. Обращение как компонент высказывания // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Проничев В.П. Синтаксис обращения. Л., 1971; Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ВОЛЮНТАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция высказывания, связанная с выражением волеизъявления говорящего: *Принеси, пожалуйста, книгу; Молчать!* См. *побудительное предложение*.

ВОПРОС. Один из видов коммуникативной интенции, предполагающий получение говорящим от своего собеседника необходимой информации о том или ином «положении дел». Реализуется в вопросительном предложении.

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ВОПРОСИТЕЛЬНАЯ (ИНТЕРРОГАТИВНАЯ) ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция, предполагающая

запрос информации у собеседника. См. **вопросительное предложение**.

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Один из трех типов предложений (точнее – высказываний), выделяемых по признаку целевого назначения. Предполагает запрос информации, т.е. требует от собеседника определенных, неизвестных говорящему сведений о ситуации. Вопросительное предложение обычно используется в двух функциях – первичной (собственно-вопросительные предложения) и вторичной (эмоционально-оценочные предложения).

Собственно-вопросительные предложения делятся на общевопросительные (верификативные, удостоверительные) и частновопросительные (комплементативные). Используя в своей речи общевопросительные предложения, говорящий предъявляет минимум требований к своему собеседнику. Его интересует только одно: соответствует или, наоборот, не соответствует действительности называемое им «положение дел»: *Ты читал этот роман? У тебя есть для этого возможности?* Поэтому ответы на такие вопросы могут быть предельно краткими: «Да» или «Нет». Общие вопросы бывают простыми и осложненными. Первые содержат только запрос информации, не сопровождаемый какими-л. догадками и соображениями спрашивающего, вторые, наоборот, упреждают ответ собеседника определенными предположениями, указывая на то, как спрашивающий к возможному ответу относится. Для внешнего обнаружения простого вопроса обычно достаточно одной лишь вопросительной интонации, никаких других показателей

вопросительности (напр., местоимений) здесь нет, почему такие предложения называют неместоименными. И только иногда язык прибегает к более сложному выражению простого вопроса: высказывание, содержащее вопрос, понижается в ранге и, приняв форму придаточного изъяснительного, включается в сложноподчиненное предложение, имеющее в главной части слово *правда* в функции сказуемого: *Правда, что ты отказался от этого предложения? Это правда, что там тепло даже зимой?* Осложненные вопросы по своей сути явление вторичное, поскольку они образуются на базе простых общевопросительных высказываний. Вводя в последние частицы *ведь, не ... ли, разве, неужели, неужто* и некоторые другие, спрашивающий выражает свое отношение к ожидаемому ответу собеседника: предполагает или допускает, что дело обстоит так, а не иначе, указывает на несоответствие своих представлений тому, что он может услышать и т.д.: *Ведь он учитель? Не брат ли пришел? Неужели она так и сказала?* Обычно в осложненных вопросительных предложениях инициальную позицию. Однако некоторые из них могут использоваться в виде своеобразного дописка к высказываниям, которые английские грамматикологи квалифицируют как вопросы «с хвостиком» (tag-questions). Правда, изменение местоположения частиц не проходит бесследно: оно трансформирует смысловой характер вопроса. Говорящий здесь, скорее, не выясняет истинное положение дел (он, пожалуй, даже убежден, что оно истинно), а ищет у партнера речевой поддержки: *Он летчик, так ведь? Ты поймешь меня, верно?*

Что касается частновопросительных предложений, их назначение состоит в том, чтобы получить от комму-

никанта недвусмысленную информацию о неизвестных деталях того «положения дел», в существовании которого он даже не сомневается. Для этих предложений обязательны вопросительные местоимения *кто, что, где, когда, почему* и т.д. (в связи с чем их иногда называют *местоименными*): *Кто он? Куда мы направляемся? Почему ты не пришел?*

Между общевопросительными и частновопросительными предложениями в русском языке (и не только в нем!) существует своего рода переходная зона, которую образуют *альтернативные* (иначе — *разделительные*) вопросительные предложения: *Твой отец врач или инженер? Ты выучил стихотворение или только прочитал его?* По своим общим свойствам они очень близки к общевопросительным: здесь нет вопросительных местоимений, используя эти предложения, говорящий дает понять своему собеседнику, что он располагает определенными сведениями об интересующей его ситуации, благодаря чему может свести вероятные ответы к альтернативе «это или то?» Но ответы на них не могут быть однозначными (здесь не обойтись простым утверждением или отрицанием), что и сближает альтернативные вопросительные предложения с частновопросительными.

И, наконец, за пределами собственно-вопросительных предложений остаются разнообразные эмоционально-экспрессивные высказывания, в которых вопроса как такового нет, а есть скрытое утверждение: *Кто не бранивал станционных смотрителей?* (Пушкин), скрытое отрицание: *Кто в силах удержать любовь?* (Пушкин), побуждение: *Так что же ты молчишь? Язык проглотил?* (В. Астафьев), эмоциональная реакция говорящего на те или иные события: *И зачем я не умерла тогда?* (Л. Тол-

стой) и т.д. (см. **риторический вопрос, вопросительно-отрицательное предложение, вопросительно-утвердительное предложение, вопросительно-побудительное предложение**). Некоторые исследователи предлагают называть такие предложения квазивопросительными.

Лит.: Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994; Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // ВЯ. 1970. № 2; Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990; Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Бердник Л. Роль интонации в выражении повествовательных значений вопросительными предложениями // Доклады межвуз. научно-теоретич. конференции аспирантов. Ростов н/Д, 1974; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; Золотова Г.А. К типологии простого предложения // ВЯ. 1978. № 3; Калинина А.А. Риторический вопрос среди различных типов предложений // РЯШ. 1986. № 4; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Русская грамматика. Т. 2. Praha, 1979; Современный русский язык. Ч. II. 1964; Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М., 1973; Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // РЯЗР. 1983. № 1; Она же. Социальный аспект смысла предложения // РЯЗР. № 2. 1981.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. См. **косвенно-вопросительное подчинение и косвенный вопрос.**

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Разновидность вопросительно-повествовательных предложений, содержащих скрытое отрицание: *Разве отсюда вы рвешься?* (Паустовский); *Кто же устоит перед таким соблазном?* (Астафьев).

Лит.: Долинин К.А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Ч. 1. Л., 1975. См. также «Вопросительное предложение».

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Разновидность вопросительных предложений, содержащих побуждение к действию: — *Ну чего же ты расслаживаешься? Тебя дома давно ждут* (Трифонов); — *Ты замолчишь ноне? — спросил Нагульнов* (Шолохов).

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Родовое наименование для вопросительно-утвердительных и вопросительно-отрицательных предложений.

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ВОПРОСИТЕЛЬНО-РИТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Вопросительное предложение, содержащее скрытое утверждение или скрытое отрицание: — *С кем такого не бывает?* (Шукшин); — *Да кто тебя там будет держать?* (Астафьев). Термин близок по значению к термину «вопросительно-повествовательное предложение».

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ВОПРОСИТЕЛЬНО-УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Вопросительное предложение, выражающее скрытое утверждение: *Кто в детстве не осаждал старинные замки, не погибал на корабле с изодранными в кло-*

чья парусами? (Паустовский); *Кому не приходилось иметь дело с дураками?* (Шукшин).

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ВОСКЛИЦАНИЕ. Эмоционально окрашенное высказывание. См. **восклицательное предложение**.

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, обладающее особой эмоциональной окраской, т.е. передающее чувства радости, удивления, восхищения, недоумения, презрения, гнева и т.д. Все эти и другие значения выражаются особой интонацией (выделяющей слова, непосредственно выражающие эмоцию), междометиями, восклицательными частицами междометного характера: *Прощай, война и красные девицы!* (Пушкин); *Ну что за шейка! Что за глазки!* (Крылов); *Ты чего, — кричит он зло и грубо, — ты чего, девчонка, скалишь зубы?* (Горький); *От тебя дождешься благодарности!* (В. Панова); *Как облегченно дышит грудь!* (Бунин); *Ба, знакомые все лица!* (Грибоедов). Восклицательными могут быть все три типа предложений, выделяемых по целевому назначению, — повествовательные, вопросительные и побудительные.

Лит.: Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980; Современный русский язык. Ч. II. 1964.

ВОСПОЛНЯЮЩИЕ (КОМПЛЕТИВНЫЕ) ОТНОШЕНИЯ. Различаемые некоторыми авторами (Н.Ю. Шведовой, П.А. Лекантом и др.) подчинительные отношения, устанавливаемые в словосочетаниях с информативной недостаточностью главного компонента, при котором зависимое слово не несет ни объектного, ни обстоятельственного значения, а лишь

восполняет собой главный компонент: *стая уток; стакан воды; десять дней*. Выделение этих отношений как рядоположных с атрибутивными, объективными и обстоятельственными отношениями не вполне обоснованно. Поэтому в разряд словосочетаний, в которых реализуются восполняющие отношения, включают соединения связочного глагола с именем: *стать смелым* и фазисного глагола с инфинитивом: *начать работать*, которые, строго говоря, словосочетаниями не являются: это — соответственно — номинаторы составного именного и составного глагольного сказуемого.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976.

ВРЕМЕННÓЕ ЗНАЧÉНИЕ. Значение языковых единиц, квалифицирующих действие или ситуацию с точки зрения их существования во времени. Реализуется в простом и сложном предложениях. Обычно различают два варианта временного значения — собственно-временное и длительно-временное (иначе — количественно-временное).

Лит.: Грамматика русского языка. Т. 2. М., 1960; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ВРЕМЕННÓЕ ПРИДÁТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖÉНИЕ. См. **придаточное предложение времени**.

ВРЕМЕННÝЕ (ТЕМПОРАЛЬНЫЕ) ОТНОШÉНИЯ. 1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых называет либо время реализации действия: *приехать вечером; проснуться под утро;*

либо длительнось его существования: *долго читать; построить за неделю; привстать на мгновение*. Выражаются посредством управления или примыкания. 2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложных предложениях, одна из частей которых называет ситуацию, обозначающую либо время реализации другой ситуации: *Когда приехал Николай, мы отправились к маме*, либо длительнось ее существования: *Пока ты спал, она приготовила ужин*. Выражаются преимущественно в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени, вводимым подчинительными союзами и союзными словами *когда, после того как, перед тем как, как, пока* и т.д.

Лит.: Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Дмитриева Л. К. Однородные определения и обстоятельства // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976; Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Ломтев т. п. Синтаксические отношения // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 3; Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ч. II. Ростов н/Д, 1973; Эльзбуртас Ю. К вопросу об управлении как синтаксическом факторе // Вопросы лексики и синтаксиса. Шауляй, 1974.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ. Глаголы, используемые отчасти для образования аналитических форм типа будущего сложного: *буду неть*, отчасти для формирования составного глагольного сказуемого: *начал говорить; продолжал молчать*.

Лит.: «Сказуемое».

ВСТА́ВКА. Внесение в ткань предложения словесных элементов присоединительного характера, интонационно и, как правило, грамматически обособленных от членов этого предложения. См. **вставные элементы**.

ВСТАВНА́Я КОНСТРУ́КЦИЯ. См. **вставные элементы**.

ВСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Элементы предложения, выражающие добавочные, попутные замечания, оговорки, уточнения, поправки к основному сообщению и представляющие собой один из вариантов присоединительных конструкций. Чаще всего они принимают форму предикативной единицы, которая вполне могла бы употребляться автономно, но в данном случае подчинена задаче пояснения содержания либо всего предложения в целом, либо какой-то его части: *Само (что дерево трясти?) в срок яблоко спадает спелое* (Цветаева); *Его вторая жена, красавица, умница – вы ее только что видели – вышла за него, когда он был уже стар...* (Чехов); *Конные полки – а их было большинство – вели себя особенно разнузданно* (Шолохов). Вместе с тем вставной характер могут носить придаточные предложения, словосочетания, иногда отдельно взятые слова: *Даже мои хозяева – если они были дома – открывали окна и, слушая, хвалили музыкантов* (Горький); *Сани резко стукнуло о торчавшую из воды сваю (след унесенного моста) и перевернуло с диковинной легкостью* (Шолохов); *Журналы иностранной литературы (два) я велел выслать в Ялту* (Чехов).

Вставные элементы, занимающие в предложении интерпозитивное или постпозитивное положение (в препозиции, как и всякие присоединительные конструкции, они невозможны), выделяются на письме скобками или

тире. Этот способ их оформления был введен Н.М. Карамзиным (вероятно, под влиянием немецкой письменной традиции) и был быстро усвоен русской литературой (а затем и журналистикой) XIX в. (Например, у А.С. Пушкина вставные конструкции используются совершенно свободно.) Позднее вставочность (предполагающая развитие сообщения по «боковым» линиям) стала чем-то вроде особого стилистического приема – привлекательного для одних авторов и нежелательного для других.

В силу особого, изолированного, положения в составе предложения вставные элементы иногда сближают с вводными, рассматривая их как варианты одного явления – парентезы, причем разница между ними усматривается в том, что вставные элементы имеют объективно-повествовательное значение, а вводные – субъективно-оценочное. Однако эта констатация некорректна, поскольку во вставке могут быть употреблены и вводные элементы: – *Живу я (может быть!) лишь потому, что рай пока еще хранит для меня какую-то толику своих соков...* (В. Маканин); *Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живальной» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь* (Тургенев).

Лит.: Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г., Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык. (Теория. Анализ языковых единиц). В 3 ч. Ч. III. Синтаксис. Ростов н/Д, 1997; Виноградова Е.М. Всегда ли можно разграничить вводные и вставные конструкции? // Многоаспектность синтаксических единиц. М., 1993. См. также «Вводные элементы».

ВСТА́ВОЧНАЯ КОНСТРУ́КЦИЯ. То же, что вставная конструкция.

ВСТА́ВОЧНОСТЬ. То же, что вставка.

ВСТАВОЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ. То же, что вставные элементы.

ВТОРИЧНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ. Неосновная, дополнительная синтаксическая функция, реализуемая данным языковым средством наряду с первичной синтаксической функцией. Так, наречие при выражении вещественного компонента составного именного сказуемого употребляется во вторичной синтаксической функции: *Солдаты были наготове; Она замужем.*

Лит.: см. «Синтаксическая функция».

ВТОРОЕ СКАЗУЕМОЕ. Компонент двойного сказуемого, которое предполагает ввод в высказывание наряду с обязательным первым сказуемым второго (факультативного) сказуемого (или, точнее, вещественного компонента), ориентированного на то же подлежащее и на тот же самый бытийный компонент. Результатом этого процесса является возникновение контаминированных построений типа *Погода стояла прекрасная; Иван вернулся стариком* и т.д. В русском языке реализуются пять основных вариантов второго сказуемого (не считая употребления в этой функции причастного и деепричастного оборотов):

– отождествительно-предметное: *Толик вырос парнем незлым* (Н. Леонов); *Сын растет книголюбом* (Г. Николаева);

– реляционно-предметное: *По деревьям собаки лают в страхе* (Гумилев); *Люська шла в новом платье с оборочкой* (В. Панова);

– измерительно-предметное: *Он отвел ее в большую канцелярию, где сидело сотрудииков разных с полдюжины* (Солженицын); *Столов там поставили штук двадцать* (Из газет);

– признаковое: *И сын у них, Гриша, родился тихий* (Гроссман);

Квартира простояла пустой только неделю (Булгаков);

– пассивно-процессное: *Деревня жила забытая богом и людьми* (Из газет); *Наутро Ялта встала умытая дождями* (Булгаков).

В разные периоды развития русистики второе сказуемое рассматривалось либо как особый полупредикативный член (определение и дополнение), либо как второстепенный член с двойной зависимостью (дуплексив), либо как именная часть при знаменательной связке.

Лит.: Качала Я. Второе сказуемое и интенциональная структура // Языкознание в Чехословакии: Сб. статей 1956–1974 гг. М., 1978. См. также «Сказуемое».

ВТОРОСТЕПЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Аналог сказуемого, реализуемый в структурах, которые репрезентируют небазисную пропозицию. Может быть выражено: падежными и предложно-падежными формами существительного: *Я помню ее подростком* (*Я помню ее + Она была подростком*); *Его привезли в тулупе* (*Его привезли + Он был в тулупе*); прилагательным: *Я привел домой мать усталой и замерзшей* (*Я привел домой мать + Мать была усталой и замерзшей*), инфинитивом: *Мама попросила меня задержаться еще на день* (*Мама попросила меня, чтобы я задержался еще на день*), причастием: *Мы заметили мальчика, тихо сидевшего в углу* (*Мы заметили мальчика + Мальчик тихо сидел в углу*), деепричастием: *Читать, лежа на продавленном диване, было его любимым занятием* (*Читать было его любимым занятием + Он лежал на диване*). Второстепенное сказуемое сочетается с аналогом подлежащего, который, будучи выражен падежными и предложно-падежными формами существительного, выполняет по отношению к

основному сказуемому функцию объекта.

Лит.: см. «Сказуемое».

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Члены предложения, реализуемые за пределами его грамматического центра и подчиненные либо подлежащему или сказуемому, либо главному члену односоставного предложения, либо друг другу. На различных этапах развития русистики принципы выделения второстепенных членов существенно менялись. Так, в конце XIX — начале XX в. они дифференцировались с учетом вида подчинительной связи, что позволяло различать согласуемые, управляемые и примыкающие члены. Позднее установилась традиция вычленять второстепенные члены на основе синтаксических отношений. Эта традиция сохраняется до сих пор, и подразделение второстепенных членов на определение, дополнение и обстоятельство принимается большинством авторов. В последней трети XX в. наметилась тенденция к разбиению всего корпуса второстепенных членов на два разряда. Первый разряд образуют так называемые *детерминанты*, относящиеся, по мнению некоторых исследователей, ко всему предложению в целом, второй — присловные распространители, которые можно было бы в рабочем порядке назвать *экспликантами*.

Лит.: Аванесов Р. И. Второстепенные члены предложения как грамматическая категория // РЯШ. № 4. 1936; Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Кротевич Е. В. Члены предложения в современном русском языке. Львов, 1954; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Ф.Н. 1961. № 1; Он же. Члены

предложения и части речи. М., 1978; Мигирин В. Н. Процессы переходности на уровне членов предложения // НДВШ. Ф.Н. 1968. № 2; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Попова З. Д. А может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения? // ВЯ. 1984. № 5; Поттебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958; Распопов И. П. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 172. 1976; Фигуровский И. А. В защиту второстепенных членов предложения // РЯШ. № 2. 1959; Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями: Материалы по спецкурсу. Ч. 2. Ростов н/Д, 1973; Она же. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Таганрог, 1996.

ВТОРЫЕ КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ. Термин исторического синтаксиса, служащий для указания на формы винительного, родительного и дательного падежей существительного, прилагательного и причастия, которые использовались в функции второстепенного сказуемого (аналога сказуемого). Вторыми падежами их называют потому, что они повторяли форму падежа — аналога подлежащего: *Положиша всю Влгу пусту* (1-я Новгородская летопись); *Не заста отца живого* (Ипатьевская летопись); *Мняхуть бо тогда оуже граду взяту быти* (Синодальный список 2-й Псковской летописи). В последующем вторые косвенные падежи, за небольшими исключениями, были заменены творительным.

Лит.: Истрина Е. С. Синтаксические явления I Новгородской летописи Синодального списка. Л., 1923; Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956; Поттебня А. А. Из записок по русской

грамматике. Т. 1–2. М., 1958; Чагишев В. И. Второй винительный падеж в русском литературном языке XVIII в. // Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 122. Кафедра русского языка. Л., 1956.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Единица речевого общения, необходимость выделения которой была осознана в процессе изучения закономерностей функционирования предложения в речи. Первоначально высказывание трактовалось по-разному в соответствии с тем, как мыслились его взаимоотношения с предложением. Поэтому высказыванием называли предложение, принявшее тот или иной вид в зависимости от его актуального членения, речевые образования, отличающиеся от предложения неполной вербализацией своих содержательных звеньев, целостный текст, размещенный между паузами и рассматриваемый безотносительно к его объему, и т.д. В последнее время, однако, наметилась тенденция к содержательной унификации этого термина — тенденция, учитывающая два существенно важных момента: во-первых, обязательную включенность высказывания в конкретную речевую ситуацию, без чего оно как таковое не существует, и, во-вторых, возможность кардинального формального преобразования исходной структуры предложения в процессе этого включения.

Подобный взгляд на вещи, восходящий к идеям В. Матезиуса, позволяет видеть в высказывании единицу, равновеликую предложению (с точки зрения его составленности из одних и тех же функциональных элементов, отдельные из которых могут остаться в высказывании невербализованными) и в то же время информативно обогащенную (по сравнению с предложением) за счет тех сведений, которые по-

ступают от контекста, ситуации, фоновых знаний коммуникантов и т.д.

В отечественной науке высказывание получило основательную разработку у М.М. Бахтина, который в своих трудах 1924–1974 гг. отметил такие важнейшие черты высказывания, как его обязательную обращенность к кому-л. (т.е. адресованность), его определяемость речевым замыслом говорящего, его зависимость от предшествующих и последующих звеньев речевого общения, его связь с «внетекстовым контекстом» и т.д. К сожалению, идеи М.М. Бахтина по ряду причин остались невоспринятыми русистикой, которая обратилась к изучению высказывания лишь после того, как стала ясной лингвистическая значимость логико-философской по своему происхождению теории речевых актов. Сейчас уже очевидно, что высказывание и предложение — феномены, безусловно, разные, однако их последовательное размежевание до сих пор не произведено, что имеет своим следствием возникновение целого ряда противоречий, которые не мог не отразить наш словарь. Так, по давней традиции в научной и особенно в учебной литературе продолжают говорить о неполном предложении. А между тем проницательный А.М. Пешковский еще в начале прошлого века не без иронии заметил, что называть неполным предложением жалкий остаток предложения — это все равно, что именовать ручку от разбитого кувшина неполным кувшином. Теперь, по прошествии лет, хорошо видно, что для этой иронии были все основания. Ни в одном языке мира нет и не может быть неполных предложений. Неполными являются их речевые реализации, т.е. высказывания. Аналогичным же образом нельзя говорить об актуальном членении предложения, поскольку это членение

носит речевой характер и, следовательно, осуществляется опять-таки в рамках высказывания, а не предложения.

Лит.: Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994; Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; Гаврилова Г.Ф. Предложение-высказывание в когнитивном аспекте // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 6; Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973; Иванова В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект. АДД. Тверь, 2001; Крылова О.А., Матвеева Т.Ф. Отдельное предложение — высказывание и связный текст: коммуникативный аспект // НДВШ. Филологические науки. 1990. № 1; Леонтьев А.А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста. М., 1979; Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985; Переверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // ВЯ. 1998. № 5; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Радзиевская Т.В. Анафорические имена с антецедентом-высказыванием // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1979. № 2.

ГЕНИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Традиционно выделяемый тип содержательно односоставных предложений, главный член которых, выражаемый существительным в родительном падеже (единственного или множественного числа), констатирует бытие значительного количества предметов или значительной меры сыпучего тела, жидкости и т.д.: *А на озере-то шуму, га-*

му! (Ф. Абрамов); — *Народу-то, народу-то! — все изумлялась Нюра* (Шукшин); *...иду я, лежат двое без сапог... Крови, крови!* (Булгаков). При широком подходе к номинативному предложению генитивное предложение рассматривается как один из количественных вариантов последнего.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ГИБКИЕ СТРУКТУРЫ. Сложные предложения, у которых порядок расположения частей не является строго фиксированным. Ср. *Что волки жадны, всякий знает — Всякий знает, что волки жадны — Знает, что волки жадны, всякий.* Противопоставляются негибким структурам.

ГИПОТАКСИС. То же, что союзное подчинение.

ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что главное предложение.

ГЛАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предикативная часть сложноподчиненного предложения, грамматически подчиняющая зависимую (придаточную) часть (или части).

ГЛАВНОЕ СЛОВО СЛОВСОЧЕТАНИЯ. См. **главный компонент словосочетания.**

ГЛАВНЫЕ ЧЛЁНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Образующие грамматическую основу предложения подлежащее и сказуемое — в двусоставном предложении: *Алеет восток: Короче становилась день* и отдельно взятый член, называемый главным, — в односоставном предложении: *Холодно; Морозит.* В «Русской грамматике — 1980» это понятие реформировано. Так, в выделяемых здесь двукомпонентных предложениях типа *Много цветов; Нет вре-*

мени; Никакой надежды; Некому работать как репрезентанты главных членов рассматриваются формы *много, времени, никакой, некому* (не квалифицируемые с точки зрения своей отнесенности к подлежащему или сказуемому). Такая трактовка главных членов оказалась неприемлемой для подавляющего большинства русистов.

Лит.: Авджан Ф. В. Нормы оформления препозитивного сказуемого при количественно-именном подлежащем // Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та. Т. 163. Куйбышев, 1975; Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Вербин А. А. К определению главного элемента синтаксической структуры предложения // Лингвистические исследования /2/. Грамматические категории. М., 1976; Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Камынина А. А. К вопросу о предложениях с количественными словами в составе главных членов // РЯШ. 1961. № 2; Кочинева О. К. Взаиморасположение частей главного члена предложения (на материале безличных предложений) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 3; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Распопов И. П. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 172. Воронеж, 1976; Тулина Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970. См. также «Подлежащее», «Сказуемое», «Члены предложения».

ГЛАВНЫЙ КОМПОНЕНТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Центральный компонент словосочетания, подчиняющий себе второй, зависимый компонент: *понимать людей; поездка в город; скорый на расправу; очень жарко.* Его

подчиняющие потенции в основном определяются тремя факторами — свойственной ему лексической семантикой, частеречной принадлежностью и словообразовательными особенностями. Общепринятого наименования этот компонент не имеет. Его называют не только главным, но и ядерным, господствующим, доминирующим, подчиняющим, причем выбор соответствующего варианта сплошь и рядом зависит от личных пристрастий автора.

Лит.: Астафьева Н. И., Наумович А. Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Магомедов Г. И. О функции предлога в словосочетании // РЯНШ. 1975. № 3; Печников А. Н. Представление структуры предложения на основе словосочетаний // Филологические науки. 1994. № 1; Прокорович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; Распопов И. П. Словосочетание и предложение (полемические заметки) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. Куйбышев, 1976; Скобликова Е. С. Об условиях формирования словосочетаний // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Куйбышев, 1972; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; См. также «Словосочетание».

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН ОДНОСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Член содержательно односоставного предложения, образующий грамматическую основу последнего. Состоит, подобно сказуемому в двусоставном предложении, из двух компонентов — бытийного и вещественного. Тем не менее главный член не может быть отождествлен со сказуемым (как, впрочем, и с подлежащим). Напротив, в формально односоставных предложениях этот член тождествен сказуемому (см. **определенно-личное предложение, неопре-**

ленно-личное предложение, обобщенно-личное предложение).

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН СЛОВСОЧЕТАНИЯ. То же, что главный компонент словосочетания.

ГЛАГОЛ-СВЯЗКА. См. *связка*.

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором сказуемое двусоставного предложения или главный член односоставного предложения выражены полнозначительным глаголом. Иногда глагольными называют и инфинитивные предложения.

Лит.: см. «Двусоставное предложение», «Односоставное предложение».

ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Сказуемое, выражаемое глаголом. Различают два вида такого сказуемого: простое глагольное и составное глагольное.

Лит.: см. «Сказуемое».

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Один из типов словосочетаний, главный компонент которых выражен личным глаголом, инфинитивом, причастием и деепричастием: *читаю роман; читать роман; читающий роман; читая роман*. Допускается употребление в роли главного компонента этого словосочетания так называемых усеченных глаголов: *прыг в седло; бух в воду; хват за пистолет*.

Лит.: см. «Словосочетание».

ГЛАГОЛЬНОЕ СОСТАВНОЕ СКАЗУЕМОЕ. См. *составное глагольное сказуемое*.

ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Разновидность управления, устанавливаемого в словосочетаниях с главным компонентом, выраженным глаголом: *петь песню; думать об экзамене; рассчитывать на помощь*.

Лит.: см. «Управление».

ГЛАГОЛЬНОСТЬ. См. *теория глагольности*.

ГОСПОДСТВУЮЩЕЕ СЛОВО СЛОВСОЧЕТАНИЯ. То же, что главный компонент словосочетания.

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КОМПОНЕНТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ. То же, что главный компонент словосочетания.

ГРАДАЦИОННАЯ СВЯЗЬ. То же, что сопоставительная связь (в 1-м знач.).

ГРАДАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что сопоставительные отношения (в 1-ом и 2-ом знач.).

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ. См. *валентность*.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Предикативный центр предложения, образуемый сочетанием подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении и главным членом в односоставном предложении.

Лит.: Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 2 / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. М., 1954; Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.

ГРАММАТИЧЕСКИ НЕЧЛЕНИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Предложения, остающиеся за рамками двух основных типов грамматически членимых предложений — двусоставных и односоставных. В них нет ни главных, ни второстепенных членов. Они состоят из одного слова или из сочетаний слов-частиц, что и является их основным структурным признаком. Иначе их называют словами-предложениями или эквивалентами предложений.

Со структурной точки зрения обычно различают три разновидности грамматически нечленимых предложений:

а) предложения, выраженные модальными словами: *может быть; конечно; вероятно; ну, разумеется*; б) предложения, выраженные частичами: *да; нет; разве? правда?* в) предложения, выраженные междометиями. (Последние, в свою очередь, делятся на три разряда: 1) предложения, констатирующие реакцию на ситуацию, сообщение или вопрос: *ура! увы! эх!*; 2) предложения, побуждающие собеседника говорящего к действию: *вон! тсс! ну!*; 3) предложения, являющиеся средством выражения речевого этикета: *спасибо; здравствуйте; привет!*) К грамматически нечленимым предложениям непосредственно примыкают так называемые вокативные предложения.

Лит.: Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г., Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 3 ч. Ч. III. Синтаксис // Ростов н/Д, 1997; Кирьянов В.Ф. Нечленимые предложения в современном русском языке. АКД. Владимир, 1968; Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980; Ломов А.М. Слова-предложения или неполные предложения? // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д; Свиридова Т.М. Нечленимые предложения как коммуникативно-синтаксический способ выражения согласия-несогласия. М., 2001; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.

ГРАММАТИЧЕСКИ ЧЛЕНИМЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Предложения, в которых принципиально возможно выделение главных и второстепенных членов, т.е., по существу, двусоставные и односоставные предложения.

Лит.: см. «Двусоставное предложение», «Односоставное предложение».

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТ. То же, что сказуемое.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ. То же, что подлежащее.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что грамматическая основа предложения.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ. Избыточный термин, который в настоящее время почти не употребляется, поскольку подлежащее, если речь не идет о логическом или психологическом подлежащем, всегда грамматично.

Лит.: см. «Подлежащее».

ГРАММАТИЧЕСКОЕ СКАЗУЕМОЕ. Избыточный термин, который к настоящему времени практически вышел из употребления — в связи с тем, что сказуемое как главный член предложения всегда грамматично.

Лит.: см. «Сказуемое».

ГРАММАТИЧЕСКОЕ СОГЛАСОВАНИЕ. Разновидность согласования сказуемого с подлежащим, предполагающего строгое соответствие форм сказуемого формам подлежащего: *Большинство писателей ведет записные книжки* (Паустовский); *И много других подобных дум проходило в уме моем...* (Лермонтов); *...за оградой стояло несколько саней* (Пушкин). Поскольку в основной своей массе согласование сказуемого с подлежащим обусловлено грамматическими закономерностями, употребление термина «грамматическое согласование» имеет смысл только при противопоставлении его термину «смысловое согласование».

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Дибров А.А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (на материале славянских языков) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 5; Ермакова О.П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в совре-

менном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Распопов И.П. Строе-ние простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Шведова Н.Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. См. синтаксическое членение предложения.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЯДРО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что грамматическая основа предложения.

ГРУППА ПОДЛЕЖАЩЕГО. То же, что состав подлежащего.

ГРУППА СКАЗУЕМОГО. То же, что состав сказуемого.

ДАННОЕ. Термин, используемый в теории актуального членения обыкновенно в том же значении, что и термин «тема высказывания». Однако в части случаев, как показала И.И. Ковтунова, эти термины содержательно не совпадают. Так, данное всегда обозначает нечто, известное из конситуации, названное в предшествующем контексте или же предопределяемое конситуацией. Что же касается темы, она может быть новым, неизвестным для читателя или слушателя. Кроме того, понятие «тема» является более узким, чем понятие «данное», поскольку элементы последнего могут иногда оказываться для актуального членения безразличными.

Лит.: Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. См. также «Актуальное членение предложения».

ДВОЙНАЯ РЕМАТИЗАЦИЯ. Выделение второй, дополнительной ремы

в составе высказывания. Особенно часто вторая рема устанавливается в высказываниях с обособленными полупредикативными членами: *Непривычно тихая, Надя проводила их до дверей* (Симонов); *Смурый расивырял зрителей, рознял нас и, натрепав уши сначала мне, схватился за ухо солдата* (Горький). Вместе с тем она возможна в разного рода присоединительных конструкциях: *Конечно, у него есть свои, и пресмешные, недостатки* (Герцен); *В просьбе ему отказали — из-за каких-то неточностей в документации* (Из газет).

Лит.: См. «Актуальное членение предложения».

ДВОЙНАЯ СВЯЗЬ. Сильная подчинительная связь, устанавливаемая в словосочетаниях, главный компонент которых (выраженный, чаще всего, хотя и не исключительно, глаголом) предопределяет наличие при нем двух зависимых форм. В своем подавляющем большинстве двойная связь представлена случаями двойного управления: *дать игрушку ребенку; облепить стену картинками; отказать посетителю в просьбе; снабжение туристов продовольствием.* Вместе с тем иногда в рамках двойной связи могут быть употреблены управляемые и примыкающие формы: *приказать сыну ехать, разрешить ребенку остаться.*

Лит.: Камынина А.А. Связь полупредикативной функции и глагольности причастия (на материале действительных причастий) // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 6; Она же. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983. См. также «Подчинительная связь».

ДВОЙНАЯ ТЕМАТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ. Различаемый отдельными авторами (Распоповым И.П. и др.) вид актуального членения, рема-

лизуемый в высказывании, которое общает об отношении известного лица к какому-л. другому лицу, предмету, явлению и т.д. В таких высказываниях при обязательном наличии подлежащего и дополнения основную коммуникативную нагрузку берет на себя глагольное сказуемое, которое в качестве ремы сообщения обычно ставится в интерпозиции (между подлежащим и дополнением) или — реже — в конце высказывания: *Пондалевский побаивался Рудина* (Тургенев); *Матери понравилась картина* (Горький); *Я вас ненавижу* (Лермонтов).

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ДВОЙНОЕ ОТРИЦАНИЕ. Отрицание, предполагающее употребление частицы *не* два раза: она ставится перед вспомогательным глаголом и перед инфинитивом: *Я не мог не заметить этого противоречия*. При наличии двойного отрицания предложение по содержанию является утвердительным.

Лит.: Долинин К. А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Ч. 1. Л., 1975; Мучник Б. С. Отрицание как утверждение // Русская речь. 1977. № 3; Рубцова В. А. Вариантное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием *не* // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975.

ДВОЙНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Особый вид сказуемого, носящего двучастный характер. Оно состоит из первого сказуемого, выражаемого обыкновенно (хотя и не исключительно) глаголами действительного и страдательного залога, и второго сказуемого, эксплицируемого падежными и предложно-падежными формами существительного, прилагательными и причастиями, деепричастиями. Оба

сказуемых ориентированы на одно и то же подлежащее и один и тот же бытийный компонент, представленный в первом сказуемом: *Синцов перешел адъютантом к Серпилину* (Симонов); *Сегодня он пришел в плохом настроении* (Н. Леонов); *Я иду по лесу бодр и бос* (Е. Винокуров); *Мы вернулись потрясенные случившимся* (Из журналов).

Идея о существовании двойного сказуемого (называемого иногда двучленным) была высказана еще в первой четверти XX в. французским славистом А. Мейе и русским лингвистом А. А. Шахматовым, однако долгое время оставалась невостребованной, поскольку второе сказуемое рассматривалось либо как особого рода второстепенный член, либо как именная часть при полнозначительной связке. И лишь в последние 20–25 лет она стала находить себе сторонников, число которых растет буквально год от года.

Лит.: Krizkova H. К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках. *Slavia*, 1968. № 1; Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ч. II. Ростов н/Д, 1973; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ДВОЙНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. См. **двойная связь**.

ДВОЙНОЙ ВОПРОС. Разновидность частного вопроса, в котором использованы два вопросительных местоименных слова: *Кто и куда послал его?*

ДВУКОМПОНЕНТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин «Русской грамматики — 1980», обозначающий двучленные синтаксические построения двух родов — подлежащно-сказуемые: *Лес шумит; Ребенок читает* и не-

подлежащно-сказуемые: *Воды прибывает; Нет времени.* Противопоставляется термину «однокомпонентное предложение».

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ДВУСОСТАВНОЕ АКТИВНО-ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Подкласс двусоставных процессных предложений, в рамках которых процесс, называемый в сказуемом, мыслится как непосредственно производимый или инициируемый предметом-подлежащим. Представляет собой один из древнейших и наиболее частотных разрядов двусоставного предложения.

Рассматриваемые со стороны сказуемого активно-процессные предложения предстают как однородное явление. Сказуемое в них выражается исключительно глаголами действительного залога и может быть либо простым, либо составным: *Роняет лес багряный свой убор* (Пушкин); *Уже сеeret окно* (М. Есенин); — *Ничем я вам не могу помочь* (Трифонов); *Незнакомец продолжал молча смотреть на меня* (Набоков). Отклонения от общих стандартов наблюдаются в тех случаях, когда:

— сказуемое выражается усеченными и звукоизобразительными глаголами: *Я хват за пояс — кинжала нет* (Лермонтов); *А девица хи-хи-хи да ха-ха-ха* (Пушкин);

— происходит редукция глагола, «восстанавливаемого» нашим сознанием благодаря той информации, которая идет от его распространителей: *Казбич — к окну* (Лермонтов); *Татьяна в лес; медведь за нею* (Пушкин);

— глагол так или иначе осложняется за счет тех или иных «дополнительных» элементов: *А он знай покуривает* (Из газет); *Ты уж скажешь так скажешь* (Набоков).

Наоборот, подлежащее активно-процессных предложений варьируется весьма основательно, в результате чего некоторые из вариантов этих предложений в разные периоды развития русистики воспринимались (а иногда воспринимаются и сейчас) как относящиеся к другим классификационным подразделениям.

В первую очередь это касается предложений с определенно-личной, неопределенно-личной и обобщенно-личной интерпретацией лица в подлежащем. Последнее, как известно, может не получать специального лексического выражения, но позиция его сохраняется и характер лица-действителя опознается благодаря соответствующим окончаниям личных форм глагола: *Иду домой* (говорящий); *В дверь стучат* (некто неизвестный); *Что посеешь, то и пожнешь* (любой). Отсутствие лексически выраженного подлежащего дало основание А.А. Шахматову усмотреть здесь особые виды односоставных предложений, и это мнение не преодолено окончательно до сих пор. Однако многие исследователи отдают себе отчет в том, что такие предложения являются двусоставными и отличаются от подобных им лишь нестандартным выражением подлежащего. Если согласиться с этим взглядом, то окажется, что определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в тех случаях, когда их наличный главный член выражен полнозначительным глаголом, относятся к числу двусоставных активно-процессных.

С существенными трудностями сталкивается также интерпретация отрицательных глагольных структур, в которых существительное употребляется в родительном падеже: *Известий от него не поступало* (В. Щербаков);

Свежих сил оттуда не притекало (Ю. Лошиц); *Но представлений трагедии «Смерть Агриппы» больше не состоялось* (А. Казанцев). Такие структуры обыкновенно зачисляются без всяких оговорок в разряд безличных. Однако факты истории языка решительно противятся этому заключению. Они свидетельствуют о том, что родительный падеж в данной позиции представляет собой остаточное явление, говорящее о недоведенности до конца тенденции, давно уже возникшей в русском языке. Она состоит в стремлении противопоставить два вида отрицательных структур: с одной стороны, структуры, в которой констатируется небытие предмета, а с другой — структуры, в которой констатируется небытие отношения «определяемое — определяющее», причем формальным средством такого разграничения является использование родительного падежа в первом случае и именительного падежа во втором. К настоящему времени эта тенденция полностью реализована в номинативных предложениях, где употребление родительного падежа при отрицании стало нормой, не знающей исключения (*У него были деньги — У него не было денег; У меня есть время — У меня нет времени*) и в подавляющем большинстве двусоставных предложений, которые используют в позиции подлежащего только именительный падеж (*Он был в отпуске — Он не был в отпуске; Это нам было известно — Это нам не было известно*). Напротив, в отрицательных активно-процессных предложениях картина оказалась неоднозначной. Те высказывания, которые несут совершенно определенную информацию о том, что предмет-подлежащее не производит данный процесс, но в то же время существует, допускают реализацию только именительного падежа: *Он почему-то не пришел; Осень еще не на-*

ступила; Я не люблю таких книг. Наоборот, в высказываниях, отрицающих и существование отношения «определяемое — определяющее», и само наличие предмета-подлежащего в сфере интересов коммуникантов, родительный падеж оказывается формой, обычно возможной наряду с именительным: *Денег у Кольки сроду не водилось — Деньги у Кольки сроду не водились; Дон-Кихота из вас не получилось — Дон-Кихот из вас не получился; Присутствия охраны не ощущалось — Присутствие охраны не ощущалось*. Каких-либо важных смысловых различий между двумя чередующимися формами нет, и поэтому родительный падеж как форма дублетная и к тому же противоречащая уже отмеченной тенденции, постепенно вытесняется именительным падежом. Особенно это заметно в сфере одушевленных существительных, которые могли принимать форму родительного падежа не только в первой, но даже и во второй половине XIX в. Ср. *И многих не пришло. При звуке песней новых почтили славные в полях Бородина* (Пушкин); *И с тех пор в хуторке никого не живет* (А. Кольцов); *Но не явилось еще никого — ни Семена Ивановича, ни попрошайки-пьянчужки* (Достоевский). Современная нам литературная норма такую возможность исключает. Что же касается неодушевленных существительных, у них аналогичный процесс идет гораздо медленнее, почему до сих пор и сохраняется незначительное число структур, отклоняющихся от общих закономерностей.

И, наконец, есть основания квалифицировать как двусоставные активно-процессные предложения структуры, в которых форма именительного уступает место родительному как своему комбинаторному варианту при констатации накопления (уменьшения) меры предметов: *Народу все прибывало* (Айтматов); *Москвичей понаехало!*

(Ю. Казаков) или соответствие/несоответствие предмета-подлежащего каким-то целям и задачам: *Елизару и без того хватает работы* (И. Штемлер); *На покупку мебели недоставало ста рублей* (Из газет). Совершенно очевидно, что здесь постановка родительного вызвана необходимостью экспликации семы «количество», не получающей выражения на лексическом уровне.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ИЗМЕРИТЕЛЬНО-ПРЕДМЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что двусоставное количественное предложение.

ДВУСОСТАВНОЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Подкласс двусоставных предметных предложений, которые предполагают исчисление количества предметов или меры одного предмета в соответствующих единицах измерения. Эти предложения необычны прежде всего тем, что существительное в позиции подлежащего у них употребляется в родительном падеже: *Денег пять рублей; Пшеница — пять килограммов*. Не вполне обычен также характер количественной квалификации предмета-подлежащего со стороны сказуемого. Эта квалификация может быть либо нейтральной, либо оценочной. Нейтральная количественная квалификация обеспечивает простое отражение фактов и в связи с этим отводит говорящему роль их бесстрастного регистратора, воздерживающегося от каких-л. суждений: *Столов в комнате пять штук; Книг у него примерно столько же, сколько у меня*.

Оценочная количественная квалификация, напротив, пропускает эти факты через призму субъективного восприятия говорящего, требуя от него не их точной регистрации в тех или иных единицах измерения (что иногда

принципиально невозможно), а общей оценки — как суммы большей или меньшей по сравнению с другой суммой, принятой за некоторую норму. В нейтральной речи (как письменной, так и устной) для выражения оценочного сказуемого используется сравнительно небольшой набор средств (*много, немного, мало, немало*): *Перед войной грибов было много* (О. Шмелев); *Вещей оказалось мало* (В. Щербаков). Что же касается экспрессивной речи, она открывает широкие возможности для употребления всякого рода нестандартных оценочных квалификаторов. Наиболее частотны из них существительные в именительном падеже типа *море, пропасть, бездна, прорва, тьма, пшик* и т.д.: *Вин и водок целое море* (Чехов); *Недурно, но силенок у него пшик* (О. Смирнов); всевозможные «измерительные» наречия и прилегающие к ним сочетания слов типа *вдоволь, навалом, в обрез, по горло*: *Инструмента всякого навалом* (Ф. Абрамов); *Народу на площади битком* (В. Маканин); прилагательные *густо, полно, достаточно*: *Народу было густо* (В. Распутин); *Этого добра у меня достаточно* (Из газет). Кроме того, в позиции вещественного компонента измерительного сказуемого с оценочным значением могут быть реализованы сравнительные обороты, пониженные в ранге предикативные единицы, междометия (обычно сопровождаемые в разговорной речи жестами) и т.д.: *Людей было как сельдей в бочке* (Из газет); *Воды в воронке кот наплакал* (Ю. Авдеенко); *Там цветов этих — хоть косой коси* (В. Солоухин); — *Земли у нас — ого!* (Шолохов).

Бытийный компонент количественных предложений с точки зрения репрезентирующих его средств более или менее однороден. Как видно из

приведенных примеров, он обычно выражается глаголом *быть*. И лишь изредка для этих целей используются другие бытийные глаголы (*стать* – *становиться*, *оказаться* – *оказываться*, *остаться* – *оставаться*): *Народу в коридоре стало меньше* (Л. Словин); *Бутылок оказалось много* (Шукшин); *Тюбиков оставалось мало* (В. Нечипоренко).

По традиции количественные предложения обычно трактуются как речевые модификации односоставных предложений с количественным компонентом, что, естественно, ведет к стиранию различий между высказываниями типа *Забот у нее было множество*; *Редких зверей там осталось мало*, с одной стороны, и высказываниями *У нее было множество забот*; *Там осталось мало редких зверей*, с другой. В середине 50-х гг. XX в. это мнение было оспорено А.Н. Гвоздевым, который выдвинул предположение, что структуры *Столов – три*; *Хлопот – много* являются двусоставными и в них родительный падеж выступает как падеж подлежащего. С тех пор количество сторонников этой идеи заметно возросло (Лекант П.А., Костинский Ю.М., Золотова Г.А., Иванова В.Ф. и др.). Однако в целом современная русистика еще не сменила своих прежних позиций.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ОТОЖДЕСТВИТЕЛЬНО-ПРЕДМЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Подкласс двусоставных предметных предложений, в рамках которых осуществляется уподобление предмета-подлежащего предмету-сказуемому. Различаются два вида такого уподобления (отождествления): *характеризующее*, которое имеет целью установление коммуникативно существенных черт определяемого предмета, и *идентифициру-*

щее, ориентированное на опознание определяемого предмета.

Характеризующее отождествление реализуется в условиях неравнообъемности экстенционалов двух сопоставляемых предметов и опирается на два разнонаправленных эвристических приема – *генерализацию* (включение) и *минимизацию* (исключение).

Прием генерализации обеспечивает такую квалификацию предмета-подлежащего, при которой этот предмет, указывающий на вид (а иногда даже на «штучный» экземпляр), включается в другой предмет, названный в сказуемом и обозначающий род, и тем самым содержательно обогащается – путем распространения на него признаков, конституирующих род как таковой: *Я пастух*; *Мой брат – моряк*; *Поступок Кольцова был нормой*.

Прием минимизации меняет расстановку акцентов на противоположную. Здесь содержание предметного рода, названного подлежащим, обогащается за счет конкретных признаков, свойственных предметному виду (или «штучному» экземпляру), названному в сказуемом: *Его стихия – спор*; *Сигнал – красный огонь*; *Освещение в доме – керосиновая лампа без абажура*.

Сферы речевого использования двух упомянутых эвристических приемов не сопоставимы. Систематизация опыта, основанная на приеме генерализации, в максимальной степени отвечает характеру логического мышления, которое движется от частного к общему и представляется нашему уму простой и наиболее естественной (почему, кстати, синтаксисты сплошь и рядом основывают свои выводы, относящиеся ко всему подклассу отождествительно-предметных предложений, на данных анализа «генерализованных» структур, тем самым существен-

но упрощая действительное положение дел). Наоборот, прием минимизации реализуется в предложениях, подлежащее которых выражается относительно узким кругом существительных, прежде всего параметрическими существительными типа *вес, длина, объем, высота, рост*, а также существительными с общими значениями результата (*достижение, итог*), назначения (*цель, задача, долг, обязанность*), источника (*резерв, путь, способ*), закономерности (*принцип, закон*), особенности (*черта, качество, специфика*) и т.д. Однако даже в этих ограниченных условиях минимизация возможна далеко не всегда, так как многие из перечисленных существительных легко подчиняются приему генерализации и употребляются при этом в прямо противоположной функции — функции сказуемого. Ср. *Его обязанность была обеспечение шахты древесиной — Обеспечение шахты древесиной было его обязанностью; Цель экспедиции была провести инвентаризацию биологических ресурсов — Провести инвентаризацию биологических ресурсов было целью экспедиции.*

Второй, идентифицирующий вид отождествления базируется на учете того кардинального обстоятельства, что в окружающем нас мире практически всякая сущность предстает как многоликий феномен, к которому приложим целый ряд инонаименований (напр., Иван Петрович Ерин это и инженер экскаваторного завода, и сын своих родителей, и отец семейства, и гражданин России, и налогоплательщик, и рыболов-любитель), причем некоторые из этих инонаименований оказываются известными одним коммуникантам и неизвестными другим. В подобных условиях назначение идентифицирующего отождествления

именно в том и состоит, чтобы, поставив знак равенства между двумя наименованиями (неизвестным и известным), дать ответ на вопрос «Что это?» (или «Кто это?»), т.е. обеспечить опознание сущности, обращенной к адресату речи незнакомой для него стороной: *Гидробиолог приник к иллюминатору, ведь белые точки — это медузы; Вот этот человек в эполетах — Добротворский.*

Следует иметь в виду, что за пределами характеризующего и идентифицирующего отождествления находится ряд структур, которые являются отождествительно-предметными лишь по форме, но не по содержанию. Они используются в некодифицированной разговорной речи, которая прибегает к спрямлению синтаксической перспективы: реализуя отождествительно-предметные предложения как своеобразные клише, она сопоставляет предметы, выраженные существительными в именительном падеже, без специального обозначения существующих между ними отношений, поскольку последние легко устанавливаются коммуникантами из общей обстановки речи. Чаще всего соответствующие высказывания выражают: *содержательное наполнение предмета-подлежащего (Второе отделение концерта — полностью Бах), его состояние (Одна касса — обеденный перерыв), его отличительное свойство (Свинина — один жир), его местоположение (Булонь — это юг Франции)* и т.д. В последние годы эти структуры в целях экспрессии широко используются в языке прессы.

Для выражения подлежащего отождествительно-предметных предложений (оно может быть как собственно-предметным, так и ситуативно-предметным) употребляется широкий набор языковых средств: *с у щ е с т в и -*

тельные в именительном падеже, разнообразные его субституты (включая и слова без форм словоизменения), инфинитив, причасточные изъяснительные и т.д.: *Для альпиниста наша дорога – суший пустяк* (В. Песков); *Проигравший – еще не побежденный* (В. Мельников); *Перед – предлог, вот – частица* (В. Харченко); *Гостя не приветить – грех большой* (В. Гладкий); *Было просто чудом, что его за это время не высмотрел какой-нибудь случайный рыбак* (Л. Шорохов).

Практически тот же самый набор языковых средств используется и для выражения вещественного компонента сказуемого: *Грушницкий – юнкер* (Лермонтов); *Боль в подбородке – последнее, что ощутил старый помощник командира* (С. Гагарин); *Михайловское для него только вчера* (С. Гейченко); *Наше дело – жить правильно* (Распутин); *Единственное мое желание – это чтобы меня оставили в покое* (Вампиров).

Бытийный компонент отождествительно-предметных предложений, в свою очередь, передается всеми принципиально возможными связочными глаголами: *Пять лет он был простым матросом* (Из газет); *Упомянуть о нем стало дурным тоном* (Ю.Черниченко); *В Европе он оставался крупной фигурой светской науки* (Д. Гранин); *Божко оказался справным учеником Поликарпова* (В. Куплевацкий); *Клятва не является доказательством* (Ю. Назаров); *Понять значит простить* (Чехов).

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ПАССИВНО-ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Подкласс двусоставных процессных предложений, в рамках которых предмет-подлежащее интерпретируется как простой носитель процесса, инициа-

руемого каким-то другим (названным или неназванным) предметом. Эти предложения возникли в русском языке (как и во всем индоевропейском языковом мире) сравнительно поздно на базе активно-процессных предложений, с которыми сохраняют соотносительность до сих пор – в том смысле, что те и другие способны обозначать одно и то же «положение дел», хотя, разумеется, под разными углами зрения: *Завод проектируют лучшие специалисты – Завод проектируется лучшими специалистами; Мы уже отправили письмо – Письмо нами уже отправлено.* Эта их соотносительность обеспечивается посредством грамматической категории залога.

Подлежащее пассивно-процессных предложений, по общему обыкновению, может быть и собственно-предметным, и ситуативно-предметным. При этом собственно-предметное подлежащее выражается существительным в именительном падеже и всевозможными количественными именными сочетаниями: *Крыша была уже покрыта, участок огорожен* (В. Липатов). *К 18 часам было посажено 60 тысяч деревьев и кустарников* (Из газет). Возможность субституции существительных словами других частей речи здесь, конечно, принципиально не исключена, но говорящий использует ее редко, вероятнее всего потому, что нестандартные номинаторы подлежащего, будучи яркой приметой устно-разговорной стихии, вступают в противоречие со строгостью книжно-письменных стилей, где эти предложения в основном (хотя и не исключительно) употребляются. Ситуативно-предметное подлежащее реализуется в пассивно-предметных предложениях в соответствии с общими нормами, т.е. выражается отглагольными существительными, инфини-

тивом, придаточными изъяснительными и разного рода анафорическими словами: *Игра была начата ровно в пять часов* (Из газет); *Владимиру было поручено выбрасывать ее (воду) посредством ковша* (Тургенев); *Решено было, что Лиза сначала признается матери* (К. Федин); *Все это вскоре было забыто* (Ю. Трифонов). Существительное, выражающее подлежащее, в пассивно-процессных предложениях, как и в активно-процессных, может употребляться в порядке исключения в родительном падеже: а) при наличии отрицания: *Новых месторождений не открыто* (О. Куваев); — *Вы совершенно уверены, что ночью продажи не производилось?* (Л. Словин) и б) при количественной (так сказать, со знаком плюс) квалификации подлежащего: *Корм под носом, везде натыкано насесток* (Крылов); *А в палатке повешено товару — так и горит* (А.К. Толстой).

Сказуемое пассивно-процессных предложений морфологически неоднородно: оно выражается отчасти страдательными глаголами на -ся: *Предприятие строилось какой-то иностранной фирмой* (Из газет); *Хлеб вывозился сразу же из-под комбайна* (Г. Троепольский), отчасти страдательными причастиями: *Тогда инициатива была не только не поощряема, но и наказуема* (Из газет); *Посвящение написано знаменитым современником Петра Дмитрием Кантемиром* (С. Гейченко). В случае реализации страдательных причастий бытийный компонент сказуемого получает раздельное выражение и передается глаголами *быть, казаться — показаться, оказаться — оказываться, остаться — оставаться*. Примечательно, что полужнаменательные связки предполагают употребление не кратких (как обычно), а полных страдательных причас-

тий: *В темноте бледное от потери крови лицо солдата казалось высеченным из белого камня* (Симонов); *Псковское имение оказалось заложным под чудовищные проценты* (Б. Васильев); *Смысл этого опыта многие годы оставался незамеченным* (Д. Гранин).

В процессе реального речевого функционирования двусоставные пассивно-процессные предложения входят в тесное соприкосновение с двусоставными активно-процессными и признаковыми предложениями, хотя и по причинам разного характера.

Говоря о форме глаголов на -ся, А.М. Пешковский в свое время подчеркивал, что она «...лишь по нужде и лишь с большим трудом приобретает страдательное значение» и что «...только сопровождающий эту форму творительный действующего лица или острая необходимость в нем заставляет понимать ее страдательной». И действительно, в целом ряде случаев на основе одних лишь формальных особенностей глагола совершенно невозможно установить, являются ли высказывания, включающие данный глагол, пассивно-процессными или активно-процессными. Решающее слово остается здесь за контекстом и общей обстановкой речи (ср. приведенные А.М. Пешковским примеры: *Книга читается многими* и *Книга читается легко*; *Стороны примиряются судьбою* и *Стороны примиряются друг с другом*).

Что же касается близости пассивно-процессных и признаковых предложений, она является результатом утраты отдельными причастиями глагольных свойств и перехода их в прилагательные. Но этот процесс, как известно, протекает неравномерно (в одних случаях мы застаем его в самом начале, в других — в конце, в третьих — на какой-то промежуточной стадии),

что, понятно, не может не затруднять дифференциацию названных разрядов предложений. Современная нам синтаксическая наука без колебаний трактует как пассивно-процессные только конструкции типа *Магазин был уже открыт; Ничего такого нами не замечено*, в которых причастия не обнаруживают никаких признаков перехода в прилагательные. С другой стороны, у нее есть все основания относить к двусоставным признаковым высказывания *Он уже одет; Ребенок был одет в красивые сапожки*, так как употребленные в их составе причастия приобрели все свойства прилагательных (ср. соответствующую словарную помету: «в значении прилагательного»). Но это только полярные явления, между которыми лежит обширная переходная зона, где однозначная квалификация фактов становится часто невозможной.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип простых предложений, грамматическая основа которых состоит из двух главных членов — подлежащего и сказуемого: *Лес шумит; Воздух чист и свеж; Единственное мое желание — встретиться с ним*. Противопоставляется односоставному предложению.

Лит.: Адмони В. Г. О двусоставности предложений // Уч. зап. 1 ЛПИИЯ. Нов. сер. Вып. II. Вопр. грамматики и лексикологии Л., 1955; Безденежных Е. Л. О функционально-смысловой соотносительности двусоставных безглагольных предложений // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 451. М., 1971; Галкина-Федорук Е. М. О двусоставных и односоставных предложениях в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 2; Золотова Г. А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // Развитие грамматики и

лексики современного русского языка. М., 1964; Ее же. К типологии простого предложения // ВЯ. 1978. № 3; Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Ломтев Т. П. О некоторых вопросах структуры предложения // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 4; Печников А. Н. К принципам синтаксической организации предложения // ВЯ. 1995. № 6; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Распопов И. П. К интерпретации синтаксических конструкций типа «ребят у нее было четверо» // РЯШ. 1971. № 5; Он же. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981; Рословец Я. О синтаксической природе построений: «Ему и сон не в сон» // РЯНШ. 1966. № 4; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность — неопределенность. СПб., 1992; Тулина Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке // Исследования по современному русскому языку. М., 1970; Цой А. А. Семантическая структура простых нераспространенных двусоставных глагольных предложений в современном русском языке. АДД. Днепропетровск, 1984; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 1.

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДМЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Класс двусоставных предложений, в которых подлежащее определяется через предмет-сказуемое. Будучи однородными семантически, эти предложения неоднородны в функциональном плане. Действующие здесь способы сказуемости квалификации подлежащего представлены тремя вариантами, соот-

ветственно обеспечивающими либо уподобление одного предмета другому, либо выявление существующих между ними качественно-характеризующих, временных, пространственных и т.д. отношений, либо исчисление предметов в тех или иных единицах измерения. Функциональная гетерогенность этих способов находит непосредственную поддержку на уровне морфологии, что, собственно, и дает основания для выделения трех подклассов двусоставных предметных предложений: отождествительно-предметных (*Его брат — инженер; Подготовить материал к отчету было моей самой важной задачей*); реляционно-предметных (*Материал — в горошек; Мельница была на горе*) и измерительно-предметных (иначе — количественных) предложений (*Столов — три; Детей у нее пятеро*).

При формально ориентированном подходе к синтаксическим явлениям этот класс двусоставных предметных предложений не выделяется.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ПРИЗНАКОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Класс двусоставных предложений, в рамках которых предмет-подлежащее выделяется из ряда ему подобных самим фактом указания на его те или иные коммуникативно-значимые признаки: напр., фиксируются его цвет или вкус: *Небо было голубое; Чай для меня слишком сладкий*; констатируются его состояние или принадлежность другому предмету: *Я, кажется, нездоров; Эта книга мамина*; устанавливаются его положение в счетном ряду или размеры: *Он опять был на соревновании пятым; Антенна у них слишком низка* и т.д.

Поскольку различия между названными признаками не находят под-

держки на уровне морфологии, двусоставные признаковые предложения предстают как однородное явление и, в отличие от двусоставных предметных и процессных предложений, на подклассы не дифференцируются.

Подлежащее двусоставных признаковых предложений, если его рассматривать в целом, не отступает от общих стандартов. Оно может быть и собственно-предметным, и ситуативно-предметным: а) *Тобольск долгое время был деревянным* (В. Песков); *Провожжающие были невеселы* (Из газет); *Десять человек остались неподвижными* (Трифонов); *Да или нет? Ответ — да или нет*. Поэзно «да», а «нет» — оно так прозно (Северянин); б) *Его поездка была явно неудачной* (Шукшин); *Смеяться, право, негрешно* (Грибоедов); *Известно, что слоны в диковинку у нас* (Крылов); *Идти нам пришлось по льду, а это было в весеннюю пору отнюдь не безопасно* (Ю. Трифонов). Однако в частностях это подлежащее оказывается довольно специфичным, хотя и имеет аналоги в двусоставных предложениях других типов.

Например, при определенной, неопределенной и обобщенной интерпретации лица оно, как и в активно-процессных предложениях, не получает специального лексического выражения: *Будь спокоен и рассудителен; Здесь ему тоже не были рады; Тут поневоле нервным станешь*. (Такие предложения, как известно, традиционно относят к разряду односоставных, хотя позиция подлежащего здесь наличествует и выражается имплицитным путем.)

В некоторых случаях при указании на предшествующую во времени ситуацию наряду с анафорическими местоимениями *это, то, что, такое* может употребляться (опять-таки, как и в активно-процессных предложениях) местоимение *так* (или *как*), акцентирую-

шее внимание на характере ее реализации: *Я сам до сих пор искренне не понимаю: прощать или не прощать. И так плохо, и так плохо* (Н. Шмелев); *Лежали мы не на носилках, а на днище (транспортера) – так удобней* (А. Боровик); – *Подложить что-нибудь под голову или не надо? Как удобнее?* (В. Афонин).

И, наконец, в диалогической речи лексический номинатор ситуативно-предметного подлежащего может редуцироваться, но его отсутствие восполняется за счет относящегося к нему второстепенного члена, который отсылает слушателя к предшествующей реплике диалога: (– *Погоди, сейчас свежего лучку нарежу*) – *Лучок – это хорошо!* – *крякнул Федор Андреевич* (Е. Носов); (– *Вдобавок ко всему спина зудит*) – *Зудит – это хорошо, подживает, – сказал Петр Иванович* (Симонов); (– *На девятом непонятное, товарищ капитан... Обнаружен след в нашей тыл*) – *На девятом – это плохо, – думал Стриженой, – плотный лес с густым кустарником* (С. Наумов). Подобное же явление наблюдается и в двусоставных отождествительных предложениях. Но там оно редкость, тогда как в сфере признаковых предложений мы, напротив, сталкиваемся с ним довольно часто, вероятно потому, что оно часто выполняет фатическую функцию: утрачивая свое номинативное содержание, такого рода сокращенные структуры превращаются в автоматизированную прагматическую вставку, которая имеет целью поддержание речевого контакта и представляет собой один из видов вежливого «поддакивания» собеседнику. Необходимо считаться и с тем, что экспрессивная письменная речь усвоила такие структуры и перенесла их в монолог: *Непризнанный гений – это тяжело* (Д. Гранин); *Неужели власть – это сладко? Наши трудности – это горько* (Из газет); *Всякая*

элита – это гнусно (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

Определенными особенностями отличается в признаковых предложениях выражение вещественного компонента сказуемого. Для его номинации, кроме полных и кратких прилагательных и порядковых числительных (примеры см. выше), используются:

– развившиеся призначные значения стандартизованные предложно-падежные формы существительных и возникшие на их базе наречия: *Поднимать и тащить их было не с руки* (И. Кураев); *Врать мне ни к чему* (Горький); *Совсем невозможно жить* (Чехов);

– всякого рода фразеологические сочетания, обеспечивающие вторичную (образную) номинацию признака: *А у тестя пенсия с гулькин нос* (Т. Коваленко); – *Все чин-чином* (В. Богомолов); *У них занавески дыра на дыре* (Т. Астафьев);

– так называемые предикативы оценки: *Жизнь, она в общем-то ничего* (Астафьев); *Избушка – так себе* (Шукшин); *Воздух что надо* (Трифонов);

– междометия, указывающие на максимум положительно или отрицательно оцениваемого признака: – *Руки – во! Плечи – во! Лицо – у-у-у!* (С. Лившиц); *Городские женщины, они ведь ой-ой-ой!* (Горький).

Что же касается бытийного компонента, он, наоборот, никаких специфических особенностей не обнаруживает. Для его номинации используется широкий круг связок, возможных и за пределами этих предложений: *Но это будет ужасно* (Ю. Семенов); *Выходить к реке стало опасно* (В. Шербаков); *Темно-синее небо вдали сделалось зеленоватым* (Симонов); *Она такой нескладной всю жизнь останется* (А. Иванов);

Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими (Чехов); *Расставание оказалось мучительным* (Нагибин); *Такая постановка вопроса не является новой для него* (Из газет).

С точки зрения своего внутреннего устройства признаковые предложения достаточно прозрачны и в этом отношении особых разногласий у исследователей не вызывают. Спорным остается лишь вопрос об их объеме. Неясно, в частности, как интерпретировать структуры типа *кататься весело*. В первой половине XIX в. они были осмыслены как безличные. Позднее, в последней трети того же столетия, зреет, однако, убеждение, что дихотомия личность/безличность и дихотомия наличие именительного падежа/отсутствие именительного падежа явления далеко не равнозначные. Именно тогда и встал вопрос о пересмотре статуса этих структур. В поисках новых путей русистика попала в сложную ситуацию. С одной стороны, она готова была согласиться с виднейшим авторитетом славистики Ф. Миклошичем, который полагал, что указанные высказывания носят двусоставный характер, поскольку инфинитив у них является подлежащим. С другой стороны, она не собиралась отказываться от известного тезиса А.А. Потебни, считавшего, что инфинитив настоящим подлежащим никогда не бывает. Именно в этих условиях зародилась компромиссная концепция А.М. Пешковского, на долгие годы определившая развитие научной теории в этой области лингвистического знания. А.М. Пешковский считал, что конструкции типа *кататься весело* внутренне неоднородны и относятся отчасти к безличным, отчасти к двусоставным (ср., с одной стороны, *Мне было холодно ехать* и, с другой, *Мне было свойственно крас-*

неть). Предложенные им при этом приемы разграничения двух типов предложений были разнообразными (учитывалась, в частности, допустимость-недопустимость эллипсиса инфинитива, возможность-невозможность постановки вопроса *что?* и т.д.), но недостаточными. Поэтому в последующем синтаксическая наука сосредоточила внимание на поисках дополнительных критериев разграничения омонимичных структур. В 50-е гг. XX в. их дифференциация осуществлялась с учетом словопорядка (конструкции с препозитивным инфинитивом толковались как двусоставные, а конструкции с постпозитивным инфинитивом — как односоставные), в 60–70-е гг. — с учетом трансформационного потенциала инфинитива (конструкции, в которых инфинитив допускал замену отглагольным существительным, относились к двусоставным, а конструкции, в которых такая замена была невозможна, соответственно включались в односоставные). Но и эти попытки оказались несостоятельными: словопорядок, как известно, не меняет статуса предложения, а ориентация на трансформационный потенциал оказывается зависимой от деривационного произвола, зачастую оставляющего множество пустых клеток в соответствующих словообразовательных рядах.

На исходе XX в. русистика вновь вернулась к идее Ф. Миклошича и готова признать все без исключения предложения, построенные по модели «инфинитив + слово на -о», двусоставными признаковыми (чему в немалой степени содействовало развитие учения о пропозиции). При этом считается, что такие предложения двувариантны. Одни из них (*Курить вредно; Ходить по глубокому снегу трудно*) фиксируют признаки, свойственные

самой ситуации, отраженной в подлежащем, другие (*Даже слушать тебя стыдно; Работать без теплой одежды было холодно*) указывают на признаки, возникающие в связи с реализацией этой ситуации.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Класс двусоставных предложений, в которых предмет-подлежащее определяется через процесс-сказуемое. Эти предложения имеют целью отражение динамики человеческого бытия: жизнь — личная и социальная, физическая и духовная — представлена в них как деятельность, как цепь минувших, настоящих или только предвосхищаемых событий в потоке времени. Именно поэтому они оказываются одним из наиболее важных, наиболее представительных средств, на базе которых протекает речевое общение.

Интерпретация процесса с точки зрения его отношения к предмету-подлежащему, осуществляемая соответствующими залоговыми формами, может быть двойкой: в одних случаях процесс мыслится как нечто непосредственно производимое предметом-подлежащим: *Дует с моря холодный ветер; Лошади тяжело ступали по глубокому снегу*, в других — как нечто задаваемое предмету-подлежащему со стороны, но тем не менее вступающее с ним в отношение «определяемое-определяющее»: *Предгорье осваивалось ими почти столетие; Опустошен поблеклый сад дождями*. Соответственно выделяются два подкласса процессных предложений: активно-процессное и пассивно-процессное.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОЕ РЕЛЯЦИОННО-ПРЕДМЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Подкласс двусоставных предметных

предложений, в рамках которых предмет-подлежащее характеризуется с точки зрения отношений, существующих между ним и предметом, используемым в функции сказуемого. Эти отношения могут быть временными и локальными: *Брат в деревне; Свадьба была на прошлой неделе*, причинными и целевыми: *Покраснение кожи от перегрева на солнце; Это приспособление — для безотвальной работы*, качественно-характеризующими и статально-констатирующими; *Ткань — в полоску; Она была от этого просто в восторге* и т.д.

Реляционно-предметные предложения возникли довольно рано: они известны даже старыми памятниками древнерусской письменности. Однако их содержательное и формальное разнообразие — факт исторически незначительный. По свидетельству Г.Н. Акимовой, в письменной речи оно заявило о себе едва ли не после XVIII в., когда в позиции сказуемого этих предложений стали употребляться многочисленные, зачастую труднопоставимые по семантике предложно-падежные формы, до того функционировавшие по преимуществу в глагольных словосочетаниях.

Подлежащее реляционно-предметных предложений, как и обычно, может быть либо собственно-предметным, выражаемым существительным в именительном падеже, его субститутами и разного рода количественными сочетаниями, либо ситуативно-предметным, для номинации которого используются отглагольные существительные, инфинитив, анафорические местоимения и придаточные изъяснительные предложения: а) *Никита тоже весь в хлопотах* (Трифонов); *Она*

была в тылу у немцев (Симонов); *Восшедшие были в одинаковых черных куртках* (С. Высоцкий); *Несколько ребят — с велосипедами* (Ю. Казаков); б) *Строительство было в разгаре* (Из газет); *Говорить, убеждать, сопротивляться — было без пользы* (А.Н. Толстой); *В горнице моей светло. Это от ночной звезды* (Н. Рубцов); *Мне было еще невдомек, что мы потревожили осиное гнездо* (Из газет).

Основным средством выражения вещественного компонента сказуемого в реляционно-предметных предложениях являются различные падежные и предложно-падежные формы: *Дом у него старинной постройки* (Тургенев); *Палата — на одного* (Н. Горбачев); *Техникум — за городом* (Шукшин); *Все наши беды — из-за новенького* (Из газет). Кроме того, в этой же функции могут использоваться наречия и разного рода стандартизованные сочетания слов. К числу их относятся:

— временные и пространственные наречия типа *сейчас, сегодня, там, здесь: Мое место — здесь* (Л. Пантелеев); *Это было как будто сегодня* (М. Матусовский);

— наречия и функциональные близкие к ним стандартизованные сочетания слов, передающие значения кратности, суммарности и длительности: *Ссоры у них бывали нечасто* (В. Каверин); *Такое с ним было уже несколько раз* (Из газет); *Метель была всю ночь* (Симонов);

— синсематические наречия *так (как), иначе, по-другому*, раскрывающие посредством отсылки к контексту характер реализации того или иного «положения дел», названного в подлежащем: *Но мне хочется верить, что это не так, Что сжигать корабли скоро выйдет из моды* (В. Высоцкий); *Но дело было совсем иначе: он заболел и не мог со-*

общить, что задерживается (Из газет); *Все решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы и даже их как будто больше сделалось* (Булгаков);

— ориентационные наречия типа *далеко, справа, позади: Фронт далеко* (Ю. Трифонов); *Костер теперь был близко* (Ю. Казаков); *Нина была рядом* (Б. Мегрели).

Набор номинаторов бытийного компонента в реляционно-предметных предложениях, по сравнению с другими двусоставными предложениями, невелик. Здесь используются глагол *быть* (примеры см. выше) и глаголы *оказаться — оказываться* и *остаться — оставаться: Иван Иванович оказался в отъезде* (Симонов); *Но бедную Терезу беспокоило другое: ее супруг явно оставался в самой гуще тайной войны* (А. Левандовский).

Русская лингвистическая традиция изначально поставила квалификацию и соответственно исчисление корпуса реляционно-предметных предложений (ранее, естественно, не обозначавшихся данным термином, который и сейчас является далеко не общепринятым) в прямую зависимость от характера истолкования номинативных предложений, что явилось следствием разработанного А.М. Пешковским узкого подхода к последним. Этот подход избрал в качестве исходного пункта интерпретации допущение, что номинативными являются лишь безглагольные структуры, главный член которых выражается существительными в именительном падеже, способными иметь при себе только определения (но не дополнения и обстоятельства, поскольку глагола, к которому они могли бы относиться, в этих предложениях нет): *Тишина; Поздняя осень*. Что же касается аналогичных построений, содержащих разного рода обстоятельства

и дополнения: *За домом сад; Тебе письмо*, они были истолкованы как неполные двусоставные со сказуемым, выраженным знаменательным глаголом *быть*, «восстанавливаемым» в прошедшем и будущем временах: *За домом был/будет сад; Тебе было/будет письмо*.

Такой взгляд на вещи не только искажал онтологическую сущность номинативных предложений, но и создал массу интерпретационных затруднений при описании реляционно-предметных предложений. Дело в том, что лингвистика прошлого неявно отождествляла структуры *за домом сад; тебе письмо* со структурами *сад – за домом; письмо – тебе*, полагая, что различия между ними исчерпываются лишь словопорядком, и, следовательно, последнее, по логике вещей, тоже надо было отнести к неполным двусоставным с глагольным сказуемым, которое как раз и допускало различные обстоятельства и дополнения. Но на такой шаг А.М. Пешковский решиться не мог, поскольку в высказываниях того же ряда *С Анной Федоровной батюшка был в ссоре* (Достоевский); *С утра он со своей партией был на ходу* (Л. Толстой) даже с его точки зрения глагол *быть* выполнял связочную функцию. В этих условиях, чтобы снять возникшее противоречие, А.М. Пешковский вынужден был расчленить корпус реляционно-предметных предложений на две части, причем в качестве дистинктора была избрана семантика предложно-падежных сочетаний: если они имели пространственное или временное значение, соответствующие высказывания квалифицировались как глагольные неполные, если же они обладали «более отвлеченным значением», их надлежало рассматривать как полные двусоставные. Сама процедура такого расчленения была крайне непоследовательной и требовала ввода прямо

противоположных оговорок. Поэтому уже в 50-е гг. в русистике был поставлен вопрос об исключении исключений при интерпретации реляционно-предметных предложений. Многие исследователи (Золотова Г.А., Лекант П.А., Шведова Н.Ю. и др.) отказались рассматривать формы с адвербиальным значением как репрезентанты второстепенных членов не только в «безглагольных» конструкциях: *Он в горюде; Мы дома*, но и в глагольных: *Он был в городе; Мы были дома*, исходя из допущения, что во всех этих случаях *быть* является не знаменательным глаголом, а обычной связкой. Однако подобная интерпретация реляционно-предметных предложений не получила всеобщего признания: отдельные языковеды (особенно авторы учебных пособий) продолжают до сих пор хранить верность старым традициям.

Лит.: см. «Двусоставное предложение».

ДВУСОСТАВНОСТЬ/ОДНОСОСТАВНОСТЬ. Дихотомия, впервые отмеченная в русистике А.А. Шахматовым, который связывал ее с теорией психологической коммуникации. Акт коммуникации, по А.А. Шахматову, всегда двучастен и состоит в «нарочитом сочетании двух представлений» — субъекта и предиката. В предложении эти два члена психологической коммуникации получают либо раздельное, либо совмещенное выражение (ср. *Дождь идет*; с одной стороны, и *Дождит*, с другой), в соответствии с чем и различаются двусоставные и односоставные предложения. Психологическая основа этой дихотомии русистикой давно уже отвергнута, однако и сама дихотомия, и соответствующие ей термины сохраняют свою значимость до сих пор, хотя понятия, стоящие за этими терминами, не остаются неизмен-

ными и в том или ином отношении уточняются.

Лит.: Галкина - Федорук Е. М. О двусоставных и односоставных предложениях в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 2; Ломтев Т. П. О некоторых вопросах структуры предложения // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 4; Печников А. Н. К принципам синтаксической организации предложения // ВЯ. 1995. № 6; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Распопов И. П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность – неопределенность. СПб., 1992; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 1.

ДВУЧЛЁННОЕ СКАЗУЕМОЕ. См. двойное сказуемое.

ДВУЧЛЁННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. То же, что простое словосочетание.

ДВУЧЛЁННОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что расчлененное сложноподчиненное предложение.

ДЕБИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что инфинитивное предложение.

ДЕЕПРИЧАСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. То же, что деепричастный оборот.

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ. Оборот, состоящий из деепричастия и грамматически связанных с ним слов. Традиционно интерпретируется как обстоятельство или второстепенное сказуемое. Первая интерпретация явно не корректна, во-первых, потому, что

аналогию с обстоятельственными второстепенными членами у деепричастных оборотов не всегда удается установить (ср. *Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказания; Девушка, не отвечая ему, смотрела на открытую дверь; Мы долго не встречались с ним, лишь изредка обмениваясь письмами*), во-вторых, потому, что, даже находясь с предложением в обстоятельственных отношениях, деепричастный оборот, подобно обстоятельному придаточным, остается «многофигурным» образованием, у которого есть свои дополнения, определения, обстоятельства и даже обособленные члены: *Не доверяясь соблазнам дороги большой Или снам, освященным веками, Остаюсь я безбожником с вольной душой В этом мире, кишасщем богами* (В. Набоков); *Отец наказал Сережу, не пустив его к Наденьке, племяннице Лидии Ивановны...* (Л. Толстой). Вторая интерпретация верна лишь отчасти. Деепричастный оборот, как известно, может относиться либо к личной форме глагола (номинатору сказуемого или бытийного компонента) и через него к подлежащему, либо к инфинитиву, причастию и деепричастию и через них к аналогу подлежащего: а) *Саша мягко улыбнулся, прижимаясь к ней всем телом* (Горький); *Первые сто шагов он прошел, не ложась на землю* (К. Симонов); б) *У Губарева была привычка постоянно расхаживать взад и вперед, то и дело подергивая и почесывая бороду* (Тургенев); *Он шел к старухе жене, сидевшей у окна, положив на колени ненужные руки, уставя пустые глаза в одну точку* (Горький); *Притоптывая, точно танцуя, явился дед, осторожно потрогал пальцем закрытые глаза ребенка...* (Горький). В первом случае деепричастие выполняет роль второго сказуемого по отношению к сказуемому вмещающего его предложения, и лишь во

втором случае оно действительно является второстепенным сказуемым (иначе — аналогом сказуемого).

Деепричастный оборот обычно относят к разряду обособленных членов предложения. Однако он во многом отличен от последних. Имея в виду это обстоятельство, И. П. Распопов в свое время отметил, что в случае реализации деепричастного оборота нет обособления в том смысле, который вкладывают в это понятие, когда говорят о смысловом и интонационном выделении отдельных членов предложения или его конструктивных частей (как, напр., в типичных случаях обособления определений и обстоятельств). Здесь «смысловое выделение» является производным от синтаксической функции деепричастия, а «интонационное выделение» служит одним из формальных показателей его двусторонней связи (со словом, к которому он непосредственно относится, и к слову, называемому либо подлежащее, либо аналог подлежащего).

Лит.: Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982; Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982; Камынина А. А. О синтаксической связи деепричастия в современном русском языке. // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980; Она же. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Ковалева Л. М. Проблемы анализа конструкций с предикатными актантами // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Леонтьев А. П. Полипредикативность и другие аспекты сложности предложения // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982; Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке. М.,

1990; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Рябова А. И. Особенности употребления деепричастного оборота в предложениях пассивной перспективы с причастным сказуемым // Вест. МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 2; Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

ДЕЗАВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ФРАЗОВОЕ УДАРЕНИЕ. Фразовое ударение, способное к изменению своего местоположения в предложении. Реализуется в разговорной речи и в стилизующей ее книжно-письменной речи. Термин противопоставлен термину «автоматизированное фразовое ударение».

Лит.: Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977; Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1976.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. Конструкция, в составе которой реализован (в качестве сказуемого) полнозначительный глагол действительного залога: *Море шумит; Дверь медленно отворилась.*

Лит.: Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981; Теория функциональной грамматики. Т. 3. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

ДЕЙСТВОВАТЕЛЬ. То же, что деятель.

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО. Лицо, обычно называемое существительным (или его субститутом) и являющееся источником того или иного процесса.

ДЕКЛАРАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Объективно-повествовательное предложение, содержащее сообщение о тех или иных фактах. Противопоставляется субъективно-повествовательному предложению (пожелательному и побудительному). Термин име-

ет ограниченное употребление: используется в концепциях, предполагающих широкое толкование понятия «повествовательное предложение» (с включением в него пожелательных и побудительных предложений).

Лит.: Бабайцева В. В., Николаева Н. А., Чиркина И. П. Современный русский язык // Анализ языковых единиц: В 3 ч. Ч. 3. М., 1995; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

ДЕНОТАТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Один из основных терминов теории номинации, которым первоначально обозначался класс однородных реалий, именуемых данным словом или сочетанием слов. (Например, денотатом слова *стол* является совокупность предметов мебели, имеющих плоскую поверхность, приподнятую над землей (полом), и служащих для работы, еды и т.д.). Позднее термин был экстраполирован в синтаксис, где он стал обозначать множество тех реальных ситуаций, которые подводятся под данную синтаксическую модель. Так, ситуации, отражаемые в высказываниях *Он читает; Дети купаются; Маленькая Маша плачет; Стол стоит в углу* и им подобных, образуют в совокупности денотат семантико-функциональной модели «Предмет и производимый им процесс». В работах недавнего прошлого термин мог использоваться в значении термина «референт». Сейчас их употребление дифференцировано.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление, Л., 1972; Ломтев т. п. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Падучева Е. В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении пред-

ложения // НТИ. № 9. М., 1979; Пунянский А. Л. О логико-грамматическом членении предложения // ВЯ. 1972. № 2. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.

ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННАЯ СВЯЗКА. См. *связка*.

ДЕТЕРМИНАНТЫ. Выделенный Н.Ю. Шведовой разряд второстепенных членов (дополнений и обстоятельств), которые, в соответствии с ее концепцией, относятся ко всему предложению в целом и тем самым существенно отличаются от обычных, присловных второстепенных членов — экспликантов. Положение об отнесенности детерминантов к предложению в целом многими исследователями не было принято. В этой связи отмечалось, что они, как и некоторые присловные распространители, зависят от глагола, но находятся от него на большем семантико-синтаксическом расстоянии (*Распопов И.П., Милых М.К.* и др.). После того как современная русистика обнаружила, что сказуемое семантически двуслойно и состоит из вещественного и бытийного компонентов, которые могут получать и раздельное, и слитное (в личном глаголе!) выражение, констатация оппонентов Н.Ю. Шведовой получила реальное подтверждение. В самом деле, если взять высказывание *Вчера в лесу из-за дождей было необыкновенно холодно*, легко обнаруживается, что обстоятельство *необыкновенно* относится к вещественному компоненту главного члена *холодно*, тогда как детерминанты (временной *вчера*, локальный *в лесу*, причинный *из-за дождей*) находятся в связи с бытийным глаголом: *было когда, было где, было почему*. Та же картина наблюдается в двусоставном предложении *Вчера в лесу из-за дождей установилась холодная погода* — с той лишь

разницей, что детерминанты относятся здесь к бытийному компоненту, выраженному не специальным глаголом, а личным окончанием знаменательного глагола. Несмотря на столь существенное отличие детерминантов от «присловных» второстепенных членов (их во избежание двусмысленности целесообразно было бы называть как-нибудь иначе, напр., экспликантами), разграничение двух разрядов второстепенных членов в ряде случаев оказывается очень трудной проблемой, поскольку одна и та же словоформа (или сочетание слов) способна выполнять разные функции: *Авария была из-за прошедших дождей* (вещественный компонент сказуемого) — *Автобус опоздал из-за прошедших дождей* (экспликант) — *Из-за прошедших дождей дороги стали непроезжими* (детерминант). Иногда здесь на помощь приходит порядок слов (детерминант чаще всего реализуется, как заметила Н.Ю. Шведова, в препозиции), но это фактор не системного характера, так как действие порядка слов может быть парализовано встречным действием интонации.

С известной долей условности детерминанты могут быть сведены в четыре группы, для указания на которые в рабочем порядке можно употреблять термины *ситуативные*, *мотивационные*, *коррелятивные* и *квалифицирующие* детерминанты.

Назначение ситуативных детерминантов (локального и темпорального) состоит в том, чтобы обозначать хронотоп (если воспользоваться выражением М.М. Бахтина) констатируемой ситуации, т.е. указывать на ее пространственно-временные параметры. Оба они основываются на векторном принципе. При этом локальный детерминант может ис-

пользовать в качестве ориентира множество различных предметов (в том числе и самого говорящего) и множество различных векторов, фиксирующих положение констатируемой ситуации за ориентиром, над ориентиром, вокруг ориентира и т.д. *В лесу глухо; Над головой громыхнуло; За домом белели березы.* Для темпорального детерминанта также разрешено несколько ориентиров (время данной речи или какое-то событие, принятое за точку временного отсчета), но только три вектора, фиксирующих одновременность с ориентационным временным промежутком, предшествование ему или следование за ним: *Во время полета Маша чувствовала себя хорошо; Вчера ему не повезло; После дождя опять, наверное, везде будут огромные лужи.*

Мотивационные детерминанты называют всякого рода обстоятельства, которые обуславливают данную констатирующую ситуацию. Сюда относятся *причинно-источниковый*, *условно-конституирующий*, *уступительный*, *целевой* и *результативно-следственный* детерминанты: *Из-за плохой погоды наша поездка не состоялась; На твоём месте я бы так не поступил; Вопреки прогнозам день был чудесный; Для строительства тут же были завезены необходимые материалы; В результате аварии пострадало несколько человек.*

Коррелятивные детерминанты содержат отсылку к различным элементам фона, с которыми так или иначе связаны констатируемая ситуация в целом или отдельные ее компоненты. Они, в частности, могут обозначать: предмет, в сфере связей и отношений которого обнаруживает себя констатируемая ситуация (*посессивный* детерминант): *У нас кругом поля; На душе у Никитича легко*; предмет, которому адресована констатируемая ситуа-

ция и который должен стать главным ее «героем» (адресатно-субъектный детерминант): *Ему здесь жизнь не радость; Василию было тяжело дышать*; предмет, в соответствии с которым поставлена констатируемая ситуация (координативный детерминант): *По карте до этого села пять километров; По ее совету он не взял с собой в дорогу ничего лишнего*; предмет, по отношению к которому констатируемая ситуация является действительной (корреспондирующей детерминант): *Для него не было разницы между необычным и невозможным; Для тебя он начальство, для меня нуль*; предмет, замещаемый в силу сложившихся обстоятельств предметом, который является участником констатируемой ситуации (субституируемый детерминант): *Взамен любви у ней слова; Вместо удобной квартиры у него была какая-то лачуга*.

Квалифицирующие детерминанты раскрывают такие особенности констатируемой ситуации, которые несут информацию о различных формах ее существования в рамках фона. Для этой группы наиболее типичны детерминанты: *квантитативный* (указывающий на кратный характер констатируемой ситуации или количество ее реализаций): *По пятницам в деревне праздник; Несколько раз в семье были серьезные размолвки*; *квантитативно-темпоральный* (фиксирующий длительность существования констатируемой ситуации): *Целый день метель; За месяц не выпало ни одного дождя*; *аспектно-характеризующий* (именующий аспект, через который раскрывается констатируемая ситуация): *По натуре он человек добрый; Весом конструкция была около десяти тонн*.

Лит.: Гаврилова Г.Ф. О согласовании детерминантов с семантикой глагола

// Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса. Уфа, 1985; Дозорец Ж.А., Гуревич В.В. К вопросу о детерминантах // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Шведова Н.Ю. К спорам о детерминантах (обстоятельная и обстоятельственная детерминация простого предложения) // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 5.

ДЕЯТЕЛЬ. Лицо, живое существо или неодушевленный предмет, являющийся источником действия.

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ. Форма общения, при которой авторы высказываний попеременно чередуются. Противопоставляется монологической речи.

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО. Объединение двух и более предложений (реплик), принадлежащих разным коммуникантам и связанных по смыслу и структурно, как в следующем случае:

Спотыкаясь, я подбежал к ней (двери) и тихо спросил:

– Кто там?

И голос, ее голос, ответил мне:

– Это я (Булгаков).

Диалогическое единство представляет интерес для синтаксиса как структурно-смысловая единица текста.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1970. № 3; Балаян А.Р. К проблеме функционально-лингвистического изучения диалога // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Вып. 4. 1971; Бырдина Г.В. Особенности функционирования средств связи в диалогических вопросно-ответных единствах (к проблеме формирования сложноподчиненного предложения) // Средства выраже-

ния синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987; Матеев-сян Л. Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства // НДВШ. Филологические науки. 1996. № 3; Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. № 4. М., 1982; Святогор И. П. О некоторых особенностях синтаксиса диалогической речи в современном русском языке (Диалогические единства). Калуга, 1960; Соловьева А. К. О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. 1965. № 6; Федорова Л. Л. О двух референтных планах диалога // ВЯ. 1983. № 5; Ширяев Е. Н. Реплики диалога как предложения // РЯШ. 1966. № 6.

ДИЗЬЮНКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что разделительные отношения.

ДИЗЬЮНКТИВНЫЙ ВОПРОС. То же, что альтернативный (разделительный) вопрос.

ДИЗЬЮНКЦИЯ (лат. *disjunctio* «разобшение, разделение»). Логический термин, обозначающий операцию соединения двух и более высказываний при помощи логического союза *или*. Ср. *Эта электричка пойдет в Загорск или отправится на запасной путь*. При анализе таких высказываний логиков интересует не содержательная связь между ними (как это имеет место при их лингвистическом истолковании), а только их истинность или ложность. Термин давно уже проник в языковедческую науку, где на его базе образованы производные термины типа дизъюнктивный вопрос, дизъюнктивные союзы. Впрочем, могло иметь место и параллельное освоение одного и того же термина разными науками.

Лит.: Санников В. З. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке (на материале русских сочинительных конструкций) // ВЯ. 1990. № 5.

ДИКТАЛЬНЫЙ ВОПРОС. Вопрос, направленный на выяснение либо всего содержания факта (полный диктальный вопрос): *Что случилось? В чем дело?*, либо каких-то его деталей (частичный диктальный вопрос): *Кто приходил к нам? Зачем ты это сделал?* Под влиянием чешской лингвистики термин использовался в русистике 60–80-х гг. прошлого века довольно активно; сейчас употребляется редко.

Лит.: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980; Русская грамматика. Т. 2. Прага, 1979; Современный русский язык. Ч. II. 1964; Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // РЯЗР. № 1. 1983.

ДИКТУМ. Понятие, введенное Ш. Балли и одно время получившее широкое распространение в русистике. Понимается как аспект высказывания, соответствующий представлению об описываемом событии. Диктум противопоставляется модусу. В последние годы понятие диктума вытесняется понятием номинативный аспект предложения.

Лит.: Колосова Т. А. О диктуме и модусе в сложном предложении // НДВШ. Филологические науки. 1979. № 2.

ДИНАМИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, изучающий функционирование и преобразование синтаксических единиц в меняющихся условиях речевого общения.

Лит.: Виноградов А. А. К вопросу о дифференциации явлений парцелляции и динамического присоединения (на материале русского языка) // ВЯ. 1984. № 3; Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Копров В. Ю. О динамическом

моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Русский синтаксис: Изд. Воронеж. пед. ин-та. Т. 203. Воронеж, 1979.

ДИ́СКУРС (франц. *diskours* «речь»). Многозначный термин, которым называют текст как таковой; текст, взятый в событийном аспекте; фрагмент текста, организованный вокруг некоторого опорного концепта; и т.д. Более целесообразно видеть в дискурсе текст, «погруженный в жизнь» (Н. Д. Арутюнова), т.е. рассматриваемый во взаимодействии с разного рода экстралингвистическими факторами — прагматическими, социокультурными, психологическими и т.д. При таком подходе между текстом и дискурсом можно усмотреть отношения, сходные с теми, которые существуют между предложением и высказыванием.

Лит.: Арутюнова Н. Д. «Пропозиция», «Факт», «Событие» (опыт концептуального анализа // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1987. № 6; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004; Сигал К. Я. Сочинительные конструкции и дискурс // Изв. РАН. № 5. 2001; Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

ДИСТАНТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Вариант порядка слов, при котором слова, находящиеся в непосредственной синтаксической связи, отделены друг от друга одним или несколькими словами. Так, в известном высказывании из «Евгения Онегина» А. Пушкина: «*Он из Германии туманной Привез учености плоды...*» прилагательное-определение *туманной* дистанцировано от своего «хозяина» — существительного *учености*. Дистантный порядок противопоставляется контактному порядку слов.

Лит.: Бэбб Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985; Ковту-

нова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

ДИСТРИБУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Значение формы «по + существительное в дат. пад.», констатирующей распределение некоторого множества предметов между другими предметами: *Я дал детям по яблоку; На каждом берегу оврага стояло по часовому.* В данном значении эта форма может использоваться в функции прямого дополнения или подлежащего и тем самым выступает в качестве их вариантных номинаторов (наряду с формами винительного и именительного падежей).

Лит.: см. «Члены предложения».

ДИСТРИБУТИВНЫЙ СИ́НТАКСИС. Вариант синтаксиса, концентрировавший внимание на аранжировке слов (иногда морфем) в высказывании или тексте. Использовался в рамках американской дескриптивной лингвистики и в немногочисленных отечественных исследованиях, ориентированных на эту лингвистику. Сейчас термин представляет только чисто исторический интерес.

Лит.: Вахтель Н. М. Условия употребления семантических союзов в современном русском языке (опыт дистрибутивного анализа): АКД. Воронеж, 1979.

ДЛИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Вариант временного значения, констатирующего длительность существования процесса или ситуации. Реализуется в простом и сложном предложениях (см. **длительно-временное обстоятельство** и **длительно-временное придаточное предложение**).

ДЛИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. Вариант обстоятельства времени, обозначающего длительность какого-л. процесса или состояния. Различают три вида этих

обстоятельств, соответственно указывающих на срок существования процесса или состояния: *ждать долго; работать два дня*, срок их осуществления: *построить дом за четыре месяца; убрать урожай в три дня*, срок сохранения их результата: *приехать на неделю; на мгновение задуматься*.

Лит.: Дмитриева Л. К. Однородные определения и обстоятельства // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976; Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. 1964. № 6. См. также «Обстоятельство».

ДЛИТЕЛЬНО-ВРЕМЕННОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Вариант придаточного предложения времени, квалифицирующего ситуацию, называемую главной частью, с точки зрения ее протяженности во времени. Основным формальным показателем этого придаточного является союз *пока* (*покамест, покуда*), реализуемый с соответствующими соотносительными словами или без них.

Длительно-временное придаточное предложение может констатировать срок существования ситуации главной части: *Пока она шла длинным коридором, в ней светилось чувство покоя и удовлетворения* (В. Белов); *Пока Кузьма объяснял создавшееся положение, оба внимательно слушали, кивали головами...* (Шукшин); срок ее реализации: *За все время, пока шел он по дороге, встретил только одного человека* (Из газет); *Но пока они рассматривали это давно покинутое жилище, мордастый сбежал* (А. Рыбаков) и срок сохранения результата: *Я оставил их на несколько минут, пока они прощались* (Трифонов); *В нашей деревне жил старший лейтенант, но не все вре-*

мя, а приезжал недели на две, пока красноармейцы косили (В. Белов).

Лит.: Бихари И. О закономерностях употребления глагольных видов в придаточных предложениях времени // *Congres international des linguistes*, 10-e..., Actes... 2. Bucarest, 1970; Волохина Г. А. Видо-временные соотношения в сложных предложениях с придаточными присловными: АКД. Воронеж, 1972; Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 2003; Никитина Э. Г. Временные функции глагола в придаточных предложениях (о времени абсолютном и относительном) // НДВШ. Филологические науки. 1966. № 4; Хализева В. С. О соотношении временных планов главной и придаточной части в сложноподчиненном предложении (на материале временных предложений с союзом *когда*) // НДВШ. Филологические науки. 1968. № 5.

ДОПОЛНЕНИЕ. Второстепенный член предложения, относящийся к глаголам, существительным, прилагательным, числительным или наречиям и обозначающий предмет, на который переходит действие, который создается или уничтожается в процессе действия, по отношению к которому проявляется признак. Дополнение выражается существительными (в том числе и местоименными) в косвенном падеже и их субститутами, количественными числительными, инфинитивом и разного рода сочетаниями слов: *говорить правду; думать о тебе; просить помочь; проститься с провожающими; нарисовать несколько картин; чтение книги; похожий на отца; чуждый сострадания; неожиданно для окружающих; далеко от дома*.

Дополнения делятся на приглагольные и неприглагольные. В сфере приглагольных дополнений различают прямое и косвенное дополнения.

Лит.: Коссек Н. В. Выбор винительного/родительного падежа дополне-

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ния в зависимости от сферы действия отрицания // Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973; Располов И. П. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 172. 1976; Силкина З. А. Опосредованная синтаксическая связь именных форм с подлежащим и прямым дополнением (именное тяготение): АКД. Воронеж, 1973. См. также «Второстепенные члены предложения», «Члены предложения».

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Старый термин, которым обозначают разновидность придаточных изъяснительных, называющих объект действия: *Татьяна Афанасьевна подала брату знак, что больная хочет уснуть* (Пушкин); *О нем ходят слухи, будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно* (Тургенев).

В настоящее время термин практически не используется (за исключением некоторых школьных учебников).

Лит.: Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова. Т. II. Ч. 2. М., 1954.

ДОПОЛНЯЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. По терминологии А. А. Шахматова, разряд обстоятельств, к которым относятся обстоятельства времени, места, условия и уступки. Термин практически вышел из употребления.

Лит.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ДУПЛЕКСИВ. Различаемый некоторыми авторами вид второстепенных членов с двойной связью. *Она сидела усталая; Его брат умер ребенком*, где словоформы *усталая* и *ребенком* одновременно зависят от номинаторов и сказуемого, и подлежащего. Термин распространения не получил (вероятно потому, что современная русистика усматривает здесь не второстепенные члены, а особое, второе сказуемое).

Лит.: см. «Второстепенные члены предложения».

ЗАВИСИМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что подчиненное, или придаточное, предложение.

ЗАВИСИМОЕ СЛОВО СЛОВСОЧЕТАНИЯ. То же, что зависимый компонент словосочетания.

ЗАВИСИМЫЙ ИНФИНИТИВ. Инфинитив в составном глагольном сказуемом, относящийся к фазисным глаголам и модальным словам: *Мы начали работать; Он должен приехать.* Противопоставляется независимому инфинитиву.

Лит.: Адмони В. Г. Нулевая связка, связочный глагол и грамматика зависимостей // ВЯ. 1983. № 5; Бондаренко И. В. О типах полипредикативных структур с инфинитивом в функции предиката зависимой части // Инфинитивные формы глагола. Новосибирск, 1980; Теркманни В. Глаголы, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском языке: АКД. Воронеж, 1990; Черепанова О. А. Инфинитивные конструкции с формами глагола «быть» в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 4; Чернова С. В. Коммуникативное строение и функционирование предложений с безличными глаголами и зависимым инфинитивом // Исследования по семантике. Уфа, 1985.

ЗАВИСИМЫЙ КОМПОНЕНТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Компонент, подчиненный главному компоненту и являющийся сигнализатором реализованного в данном словосочетании того или иного вида пассивной валентности: *рассказывать сказки; горе от ума; посиневший от холода; очень приятно; выйти покурить.* Противопоставляется главному (господствующему) компоненту словосочетания.

Лит.: Астафьева Н. И., Наумович А. Н. Современный русский язык.

Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Лыкова Т. Способы выражения зависимости неизменяемых слов от стержневых в современном русском языке // Межвуз. науч.-теоретич. конференция аспирантов. Ростов н/Д, 1974; Никитин В.М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Распопов И.П. Словосочетание и предложение (полемиические заметки) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. Куйбышев, 1976; Скобликова Е.С. Об условиях формирования словосочетаний // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Куйбышев, 1972; Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976.

ЗАВИСИМЫЙ ЧЛЕН СЛОВСОЧЕТАНИЯ. То же, что зависимый компонент словосочетания.

ЗАКОНЧЕННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. При широком подходе к словосочетанию соединение слов, в конструктивном отношении равновеликое предложению: *Издавек потянуло гарью; Старик ловил неводом рыбу.* Узкий подход возможность выделения таких словосочетаний исключает.

Лит.: Белошапкива В.А. Сложное предложение и словосочетание (к вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Мухин А.М. О предложении, синтагме и фразе (в связи с вопросом об основной синтаксической единице) // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975; Распопов И.П. Словосочетание и предложение (полемиические заметки) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. Куйбышев, 1976; Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976. См. также «Словосочетание».

ЗАКРЫТЫЕ СТРУКТУРЫ. Сложные предложения, в которых не может

быть больше двух компонентов: *Надо было хорошо выспаться, но сон не приходил; Дуб держится, к земле тростиночка припала* (Крылов). Противопоставляются открытым структурам.

Лит.: Орлова Н.В. Бессоюзные сложные предложения закрытых и открытых структур со словами-скрепами компонентов в современном русском литературном языке: АКД. Новосибирск, 1970. См. также «Сложное предложение».

ЗАМЕЩЕННАЯ ПРЯМАЯ РЕЧЬ. Разновидность прямой речи, оформляющая (без кавычек!) невысказанные мысли и чувства героя в виде высказывания, исходящего непосредственно от автора произведения. Используется в языке художественной литературы. Так, в «Страшной мести» Н. Гоголя догадка Данилы подана как призыв к нему повествователя: *Коли, казак, гуляй, казак! Но оглянись назад! Нечестивые ляхи зажигают уже хаты и угоняют напуганный скот. И как вихорь, поворотил пан Данило назад...*

Термин введен В.Н. Волошиновым, исследователем из окружения М.М. Бахтина, раскрывшим его на примере фрагмента из «Кавказского пленника» А. Пушкина:

*Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихой Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.*

Комментируя этот фрагмент, В.Н. Волошинов отмечает, что в нем «автор предстательствует своему герою, говорит за него то, что он мог бы или должен был бы сказать, что приличествует данному положению. Пушкин за казака прощается с его родиной (чего сам казак, естественно, сделать не может)».

Поскольку книга В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка», изданная еще в 1929 г., долгое время по ряду причин оставалась недоступной читателю, термин был основательно забыт. Однако в настоящее время наблюдается тенденция (вполне оправданная) к его возрождению.

Лит.: Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995.

ЗЕВГМА. Два и более компонентов сложного предложения (бессоюзного или сложносочиненного) с общим главным членом, эксплицированным только в одном из компонентов: *Мы пошли направо, Петр – налево, Николай – прямо.* Термин употребляется редко.

Лит.: Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // ВЯ. № 5. 1985; Бирюков С. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994; Осаволук О.И. Хиазм и зевгма как конструктивная основа эпиграммы // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск, 2001.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ СВЯЗКА. То же, что вещественная связка.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Крайне неопределенный по содержанию термин. Иногда значение предложения отождествляют со значением предикативности – категории, которая, по мнению отдельных исследователей, определяет существо предложения как синтаксической единицы. Чаще, однако, имеется в виду сигнификативное значение того или иного семантико-функционального образца предложения. Например, по отношению к высказываниям *Маша читает; Шумят за окном дерева; Неожиданно блеснула молния* можно говорить, что они имеют общее значение «предмет и произво-

димый ими процесс». Кроме того, некоторые авторы различают утвердительное и отрицательное значения предложения, повествовательное, вопросительное и побудительное значения предложения, прагматическое значение и т.д. Это значит, что одним и тем же термином обозначают явления, относящиеся и к предложению, и к высказыванию.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Ширяев Е.Н. Русские бытийные предложения – одна из характерологических особенностей русского синтаксиса. М., 1997.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Значение, устанавливаемое в рамках тех или иных синтаксических отношений и предполагающее дифференциацию последних с учетом частных лексико-семантических свойств зависимого компонента словосочетания. Так, напр., при характеристике определительных отношений констатация общего значения «предмет и его признак»: *далекий город; изба деда; таб-*

летки от кашля дополняется указанием на характер признака, который интерпретируется как «произведенный из чего-л.» (*изделие из металла*), «принадлежащий кому-л.» (*отцова куртка*), «предназначенный для чего-л.» (*коробка для торта*) и т.д. Термин и соответствующее ему понятие используются не во всех синтаксических описаниях.

Лит.: Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Печников А. Н. Предложение и словосочетание // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983; Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966. См. также «Словосочетание».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Вариант объектного значения, выражаемого пониженной в ранге предикативной единицей (придаточным изъяснительным или частью бессоюзного сложного предложения), которая восполняет семантическую недостаточность опорных слов в предшествующей части сложного предложения, называя некую опредмеченную ситуацию: *Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна* (Крылов); *Я знаю: в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь* (Пушкин).

Лит.: см. «Изъяснительное придаточное предложение».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное предложение, называющее опредмеченную ситуацию, которая восполняет семантическую недостаточность опорных слов в главной части сложноподчиненного предложения. К числу опорных слов относятся глаголы речи, мысли, восприятия, волевого

или эмоционального состояния (*говорить, сообщать, думать, полагать, чувствовать, слышать, бояться, жаловаться и т.д.*) и слова других частей речи — существительные, прилагательные, предикативные наречия, которые отчасти семантически повторяют соответствующие глаголы, отчасти передают свойственные им субъективно-модальные значения (*известие, слух, уверен, слышно, видно, вероятно, понимает, жаль, обидно, хорошо, плохо* и т.д.). Основное средство соединения придаточного изъяснительного с главной частью союзы *что, чтобы, будто, как, как будто, словно* и др. Выбор союза определяется в конкретных условиях общения двумя взаимосвязанными факторами. Первый из них — характер факта, сообщаемого в придаточном. Если факт реален, используются союзы *что* и *как*: *В гостиную вошел камердинер князя и доложил, что князя требует дежурный* (Л. Толстой); *... я слышал, как они бросились ловить коня* (Лермонтов), если сомнителен — союз *будто*: *О нем ходят слухи, будто он занялся хлебной торговлей и разбогател сильно* (Тургенев), если гипотетичен — союз *чтобы*: *...Она упала в обморок, и боялись, чтобы горячка ее не возвратилась* (Пушкин). Второй фактор — характер опорного слова, проецирующего позицию опредмеченной ситуации. Эти слова не одинаковы в своем отношении к союзным средствам. Например, союз *что* как наиболее универсальный разрешают почти все опорные слова, но не слова *хотеть, требовать, просить, настаивать* и им подобные, которые предполагают употребление союза *чтобы*: *Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо* (Маяковский); *Отец потребовал, чтобы я ехала с ним* (А.Н. Толстой). Союз *как* наиболее естествен при глаголах восприятия:

...Женщина с крыши видела, как ты проехал (Л. Толстой); Кирилл слышал, как в теле его сжалась каждая мышца (К. Федин).

Набор союзов изъяснительного характера в русистике точно не определен. Вряд ли, напр., корректно рассматривать как подчинительный союз слово *ли* в высказываниях типа *Я не знаю, придет ли он*. Это вариант разделительного союза *или*, обыкновенно употребляемый в условиях неназванной альтернативы (ср. *Жив ли наш сосед?* и *Жив или нет наш сосед?*). Но разделительные союзы, как известно, сложноподчиненного предложения не формируют. Они возможны только в составе бессоюзных конструкций: *Я не знаю, придет он или нет*.

Некорректно также интерпретировать как изъяснительные союзы *когда* и *если* в случаях типа *Мне нравится, когда (если) статья получается сразу*. Перед нами типичный случай синкретизма придаточных – временного (условного) и изъяснительного, вызванный к жизни принципом экономии речевых усилий. В полном виде это предложение выглядело бы так: *Когда (если) статья получается сразу, мне нравится, что статья получается сразу*.

Значительные интерпретационные затруднения возникают со сложными предложениями, включающими в свой состав косвенный вопрос, вводимый относительными местоименными словами типа *кто, что, который, чей, где, куда, откуда, когда* и т.д.: *Затем она стала расспрашивать меня, где я теперь работаю* (Чехов); *Если бы вы знали, какой наш край благодатный!* (Тургенев); *Я пошел на станцию узнать, когда придет ее поезд* (Паустовский). Традиционно эти предложения рассматриваются как сложноподчиненные с придаточным изъяснительным. Однако уже в 60-е гг. XX в.

А.Н. Василенко, а затем В.А. Белошапкина высказали мнение, что здесь местоимения обслуживают нужды самого косвенного вопроса, т.е. не имеют анафорического характера и не выражают отношений между частями сложного предложения. Отсюда следовал естественный вывод, что такие предложения должны трактоваться как бессоюзные.

В главной части сложных предложений с придаточным изъяснительным может употребляться соотносительное слово *то* (в различных падежах и с различными предлогами), назначение которого состоит в указании на частную семантико-синтаксическую функцию, выполняемую зависимой частью по отношению к главной. Соотносительное слово в одних случаях является обязательным и не может быть опущено, в других, наоборот, факультативным. Обязательным соотносительное слово *то* является в следующих условиях:

а) когда оно входит в состав стандартизованного сочетания типа *заклучаться в том, состоять в том, выражаться в том*: *Трудность состояла в том, что мы не знали, когда он придет*;

б) когда изъяснительное придаточное не может быть присоединено к главной части без соотносительного слова: *Он был известен тем, что упал на сцене в самый неподходящий момент*;

в) когда противопоставляются два придаточных изъяснительных, одно из которых является отрицательным: *Он думал не о том, когда они поедут, а о том, кто их повезет*;

г) когда перед соотносительным словом имеются уточнительные или выделительные слова типа *именно, только*: *Он занимался только тем, что интересовало его*;

д) когда соотносительное слово включено в перечислительный ряд: *Его*

интересовало и то, куда я еду, и то, как долго я там пробуду, и то, когда я вернусь.

В остальных случаях употребление соотносительного слова носит факультативный характер.

В главном предложении опредмеченная ситуация, называемая придаточным изъяснительным, может выполнять функцию либо субъекта (*Ему известно, что я приеду*), либо объекта (*Его известили, что я приеду*). Соответственно в недалеком прошлом (и сейчас в некоторых школьных учебниках) различались придаточное подлежащее и придаточное дополнительное.

Лит.: Берниковская Н. С. Внутренняя семантическая классификация изъяснительных конструкций (на материале русского и итальянского языков) // Материалы семинара по теоретическим проблемам синтаксиса (2–5 марта 1975 г.). Ч. I. Пермь, 1975; Красных В. И. Сложноподчиненные изъяснительные предложения с союзами «если» и «когда» // РЯШ. 1977. № 5; Новикова Е. А. Временное оформление изъяснительных предложений в русском, украинском и белорусском языках: АКД. Воронеж, 1972; Павлюкович В. Б. Соотношения видо-временных и модальных планов между частями сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным // Русский синтаксис. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 207. Воронеж, 1980; Сергеева Н. Н. О понятии и типологии изъяснительных конструкций // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980; Черемисина М. И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением ТО // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982. См. также «Сложноподчиненное предложение».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Выделяемый сторонниками структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложе-

ний разряд придаточных, противопоставляемых сравнительно-объектным придаточным. К их числу относят придаточные, которые распространяют одно из слов главной части, обозначают опредмеченную ситуацию и присоединяются изъяснительными союзами или относительно-вопросительными местоимениями: *Я слышал, что ярмарка уже закрыта; Ей хотелось бы, чтобы все шло как по маслу; Мы не знали, куда он направился.* В семантически ориентированных описаниях сложноподчиненных предложений изъяснительно-объектные и сравнительно-объектные придаточные одинаково рассматриваются в составе изъяснительных придаточных предложений.

Лит.: см. «Изъяснительное придаточное предложение».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНО СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. У некоторых авторов разряд сложноподчиненных предложений с придаточным изъяснительным, которое присоединяется к главной части относительными местоименными словами: *Я знаю, куда ты идешь; Он не помнит, кто с ним приходил.*

Лит.: см. «Изъяснительное придаточное предложение».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНО-СОЮЗНОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. У некоторых авторов разряд сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными, присоединяемыми к главной части союзами: *Я знаю, что ты придешь; Он хочет, чтобы мы помогли ему.*

Лит.: см. «Изъяснительное придаточное предложение».

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Вариант объектных отношений, устанавливаемых между придаточным изъяснительным и главной частью

сложноподчиненного предложения или между частями бессоюзного сложного предложения. Формально обнаруживаются либо посредством изъяснительных союзных скреп, либо посредством интонации и смысла (в бессоюзных предложениях).

Лит.: см. «Изъяснительное придаточное предложение».

ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА. Форма проявления иллокутивного акта. Включает в свой состав несколько компонентов. К числу этих компонентов относятся цель речевого акта, благодаря которой речевой акт может быть квалифицирован как просьба, обещание, совет и т.д., условия и средства достижения этой цели. Иллокутивная сила может быть разной степени интенсивности в зависимости от характера избираемых языковых средств. Ее, напр., повышают повторы: *Приходи, обязательно приходи!*, сопутствующие глаголу обстоятельственные формы *убедительно прошу; настоятельно рекомендую; со всей ответственностью заявляю* и т.д.

Лит.: см. «Иллокутивный акт».

ИЛЛОКУТИВНЫЙ АКТ. Важнейшее звено в структуре речевого акта. Указывает на цель последнего, условия и средства ее достижения. Иллокутивный акт обладает определенной самостоятельностью — в том смысле, что он в принципе возможен вне связи в конкретным информативным содержанием. Ср. высказывания типа *Увы! Батюшки! Черт побери!*, которые, будучи содержательно пустыми, обладают определенной иллокутивной нагрузкой. Вместе с тем ни одно высказывание не может быть реализовано в речевом акте без иллокутивного компонента.

Лит.: Шаймиев В.А. Об иллокутивной функции метатекста (Перечитывая

А. Вежицку) // Русистика. Лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

ИМЕНІТЕЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ. См. **сегментация**.

ИМЕНІТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ. См. **сегментация**.

ИМЕННАЯ ЧАСТЬ СКАЗУЕМОГО. Вещественный компонент именного составного сказуемого, выражаемый именами существительными, местоимениями, прилагательными, числительными, краткими страдательными причастиями в именительном и косвенном падежах с предлогами и без таковых: *Его брат — артист; Вечер был тихий; На соревнованиях Николай оказался вторым; Я того же мнения; Харчевня была под горой; Магазин был уже открыт; Эта книга моя.* При употреблении в именной части качественного прилагательного последнее может выступать в сравнительной форме: *Я старше брата.* В порядке субституции вместо имен могут использоваться наречия и изредка инфинитив: *Солдаты были наготове (готовы); Она была замужем (замужняя); Его задача была собрать материал (сбор материала).* Кроме того, наречия в позиции именной части сказуемого могут оказаться в результате исторического процесса, предполагающего адвербализацию некоторых предложно-падежных (иногда падежных) форм: *Деньги были к стати; Все признаки процветания налицо.*

Лит.: см. «Сказуемое», «Члены предложения».

ИМЕННОЕ СЛОВСОСОЧЕТАНИЕ. Один из типов словосочетаний, которые предполагают употребление в роли главного компонента разного рода имен (существительного, прилагательного, местоимения и чис-

лительного — как порядкового, так и количественного): *тихое утро; прогулка с другом; очень пестрый; бледный от недоедания; некто в черном; третий от конца; пять дней*. При более дробной дифференциации в рамках именных словосочетаний различают субстантивное, адъективное, местоименное (прониминальное), нумеральное (нумеративное) словосочетания.

Лит.: см. «Словосочетание».

ИМЕННО́Е УПРАВЛÉНИЕ. Разновидность управления, устанавливаемого в словосочетаниях с главным компонентом, выраженным именами (существительным, прилагательным, местоимением): *письмо другу; чтение газеты; черный от загара; способный на подвиг; некто в берете*.

Лит.: см. «Управление».

ИМПЕРАТИ́ВНОЕ ПРЕДЛОЖÉНИЕ. То же, что побудительное предложение. Термин используется редко.

ИМПЛИКАТÓРА (лат. *implicito* «тесно связываю»). Непроговариваемые элементы плана содержания какого-л. высказывания, выявляемые на основе имплицитной номинации. Так, в высказывании *иду в театр* деятель, не названный специальным словом, легко узнается благодаря согласовательным категориям личной формы глагола, однозначно квалифицирующим его как первое лицо единственного числа (*я*).

Лит.: см. «Имплицитная номинация».

ИМПЛИКА́ЦИЯ (лат. *implicito* «тесно связываю»). 1. Логический термин, обозначающий операцию соединения двух высказываний с помощью логической связки, которой в естественном языке соответствует союз *если ... то*. Термин используется некоторы-

ми лингвистами при анализе сложно-подчиненных предложений, выражающих условно-следственные отношения.

2. Подразумеваемость чего-л. В этом значении слово импликация непосредственно соотнесено с прилагательным имплицитный (скрытый, неявный, подразумеваемый), получившим широкое распространение в русистике последних двух десятилетий (см. **имплицитная номинация**).

Лит.: см. «Имплицитная номинация».

ИМПЛИЦИ́ТНАЯ НОМИНА́ЦИЯ.

Вид синтаксической номинации, которая, в отличие от эксплицитной номинации, оставляет позицию того или иного содержательного звена предложения лексически не замещенной и обнаруживает ее за счет информации, идущей от других лексических единиц, указывающих не только на свои собственные, но и смежные означаемые, от предшествующего и последующего контекста, от ситуации, сопутствующей речевому акту, от речевых установок говорящего и т.д. Некоторые исследователи понимают слово имплицитный как «невыраженный», что совершенно некорректно, так как невыраженная семантика или невыраженный смысл — вполне очевидный нонсенс. И, стало быть, имплицитный значит «выраженный», но выраженный нестандартно, какими-то неспециализированными средствами.

Имплицитная номинация двувариантна.

Ее первый вариант объединяет все те случаи, в сфере которых соответствующие содержательные элементы высказывания не получают словесного выражения и «вычитываются» благодаря субъективным установкам, идущим от говорящего, разного рода пре-суппозициям, сопутствующим речево-

му акту, и т.д. Например, высказывание *ребенок есть ребенок* (само по себе представляющее как номинативная «пустышка») в различных ситуациях общения может означать, что он требует заботы, что у него неустоявшаяся психика, что он очень дорог родителям, что он склонен к шалости и т.д.

Существо второго варианта имплицитной номинации определяют всевозможные сокращения формальной структуры высказывания. Тот или иной знак в конкретном случае редуцируется, но его означаемое продолжает сохраняться в зоне восприятия, причем эту его сохранность обеспечивают все те разнообразные элементы высказывания, которые, выполняя собственные функции, в то же время так или иначе компенсируют редуцированный знак.

Наиболее типичны три способа имплицитной номинации этого варианта, различия между которыми обусловлены тем, как именно осуществляется сокращение формальной структуры предложения.

В основе первого способа лежит принцип синтаксического метонимизма – особой разновидности познавательного метонимизма, который, по наблюдениям психологов и философов, занимает важное место в различных видах человеческой деятельности. Синтаксический метонимизм предполагает вполне понятную, не вызывающую недоразумений редуцированную номинацию, которая является естественным результатом процессов, захватывающих смежные знаки в предложении и называемых обычно аттракцией, компрессией, «заражением», конденсацией. Именно эти процессы позволяют более узкому в содержательном отношении, более специализированному (и, как правило, подчиненному) знаку развивать способность ука-

зывать не только на собственный семантический объект, но и на объект, для обозначения которого вне условий формальной редукации используется особый знак с более широким значением (обычно господствующий).

Синтаксический метонимизм как единство более высокого порядка вбирает в себя целый ряд хорошо известных фактов структурного сокращения. С ним мы сталкиваемся, напр., при субстантивации прилагательных и причастий: *больничный* (лист); *гуляющие* (люди). Он дает о себе знать в сокращенных номинациях разговорной речи, целиком и полностью опирающихся на зависимые компоненты редуцированных слов: *За мной в беличьей шубке* (девушка, женщина), *Тут недавно был с транзистором* (парень, молодой человек). Под его непосредственным воздействием строятся структуры типа *вокруг ни души*, для которых вполне достаточно усилительной частицы *ни*, передающей, так сказать, по совместительству, общеотрицательное значение. На него ориентировано употребление формально односоставных предложений, в которых, несмотря на лексическую незамещенность позиции подлежащего, действитель вполне очевиден. Это *я (мы), ты (вы)* в определенно-личных предложениях, неизвестное лицо в неопределенно-личных предложениях, любое лицо – в обобщенно-личных предложениях.

Преимущественная сфера действия второго способа имплицитной номинации – всевозможные сложные предложения, в которых сокращаются структурные звенья, именуемые результатом логической операции, направленной на осмысление связи между двумя сопологаемыми событиями: *Если захочешь есть*, (имей в виду, что) *продукты в холодильнике*; (Я предполагаю, что) *ночью, видимо, шел дождь*, по-

тому что крыши домов мокрые. Иногда в сложных предложениях редуцируются только их строевые компоненты (союзы и корреляты): *Цветов там (столько, что) хоть косою коси; Дождь (такой, что) — на улицу не высунешься.*

Третий способ второго варианта имплицитной номинации реализуется в неполных предложениях, которые, как известно, предполагают сокращение формальных элементов высказывания, легко восстанавливаемых с опорой на контекст или ситуацию. *Да, мне нравилась девушка в белом, А теперь я люблю — в голубом* (Есенин); *Идет* (об ожидаемом автобусе).

Лит.: Жданович Л. М. К вопросу об имплицитных звеньях в сложных синтаксических конструкциях причинного типа // Науч. тр. Тюменского ун-та. № 43. Вопросы синтаксиса современного русского языка. Тюмень. 1977; Колосова Т. А. Имплицитные сложные предложения с контактирующими скрепами // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980; Она же. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений // Синтаксис предложения. Калинин, 1983; Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой. Ростов-н/Д, 1992; Матевосян Л. Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства // НДВШ. Филологические науки. 1996. № 3; Чернова С. В. Эксплицитный и имплицитный смысл конструкций // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.

ИНВЕРСИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. См. **инверсия**.

ИНВЕРСИЯ. Стилистическая фигура художественной и публицистической речи, состоящая в намеренном нарушении объективного словоупотребления (прямого или обратного), обеспечивающего развитие сообщения от темы к реме. В результате рема (или отдель-

ные ее элементы) попадает в препозицию по отношению к теме или оказывается обрамленной частями темы: *Замечтался наш Николай Петрович* (Тургенев); *Поздно вечером расстался Севастьянов с Кушлей* (В. Панова); *Пондалевский побаивался Рудина* (Тургенев); *Матери понравилась картина* (Горький); *Свинцовый льется на нас кипяток* (Маяковский). Кроме того, при инверсии могут быть нарушены нормативные тенденции словорасположения, предписываемые структурой языка. Например, согласованное определение может быть оторвано от определяемого слова или поставлено после него: *Нам разный путь судьбой назначен строгой* (Пушкин); *По дороге зимней скучной Тройка борзая бежит* (Пушкин). Наоборот, несогласованные определения и приименные дополнения иногда располагаются перед господствующим компонентом словосочетания: *Любви, надежды, гордой славы недолго тешил нас обман* (Пушкин); *Он из Германии туманной Привез учености плоды...* (Пушкин).

Лит.: Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Она же. Русский язык. Энциклопедия. М., 2003.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ. То же, что орудийный объект.

ИНТЕНЦИЯ ГОВОРЯЩЕГО. То же, что коммуникативная интенция.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗНАНИЯ. Один из видов знаний, делающих возможным речевое общение. Они отражают принятые в обществе правила и конвенции этого общения. Одно из таких правил было сформулировано Г. П. Грайсом под названием «принцип кооперации». Существо этого принципа определяют стремления говорящих, желающих достичь взаимопонимания, строить свои высказывания таким об-

разом, чтобы на каждом шаге диалога коммуникативный вклад каждого из них был таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога. Принцип кооперации реализуется в постулатах количества, качества, отношения и способа, которые регулируют объем, содержание, уместность и ясность сообщаемой информации.

Сформировавшиеся в западной лингвистике научные представления о характере интерактивных знаний сейчас получают распространение и в русистике, иногда в несколько трансформированном виде. Так, по мнению Т.В. Шмелевой, можно говорить об особом кодексе речевого поведения, который регулирует действия коммуникантов. Коммуниканты могут рассчитывать на эффективность своих речевых актов, если они будут выполнять основные требования этого кодекса, к числу которых относятся следующие: 1) быть правдивым, 2) мотивировать свои выводы и заключения, 3) не преувеличивать, не быть категоричным, 4) соблюдать логику повествования, 5) оговаривать источник своего сообщения, 6) придерживаться одной манеры речи, 7) выражать свое отношение к сообщаемому факту, 8) постоянно держать в поле зрения собеседника и т.д.

Знание этих требований позволяет не только понять сам характер речевого общения, но и объяснить некоторые, давно уже известные синтаксические факты. Так, напр., обнаруживается, что вводные элементы представляют собой всевозможные оговорки, разъяснения, извинения, предупреждения, к которым прибегает коммуникант, когда возникает возможность нарушения им требований кодекса. Скажем, используя вводные элементы типа *кажется, должно*

быть, может быть, говорящий ставит в известность своего собеседника, что он не располагает достаточной информацией и лишь выдвигает гипотезу (разной степени правдоподобности) о том или ином положении дел; вводные элементы *по словам Петра, по сообщениям газет* указывают на источник информации; с помощью вводных элементов *знаешь ли, понимаешь ли* поддерживается речевой контакт с собеседником и т.д.

Лит.: Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // РЯЗР. 1983. № 1.

ИНТЕРПОЗИ́ЦИЯ. Положение языкового элемента между частями какой-л. целостной синтаксической единицы (напр., деепричастного или причастного оборота в простом предложении или придаточной части в сложном предложении).

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ИНФИНИТИ́В ТЭ́МЫ. См. **сегментация**.

ИНФИНИТИ́ВНОЕ (ДЕБИТИ́ВНОЕ) ПРЕДЛОЖЭ́НИЕ. Тип содержательно односоставных предложений, которому свойственно отсутствие четких соответствий двух планов — плана содержания и плана выражения, что обусловлено, с одной стороны, необычностью лежащей в его основании семантико-функциональной модели, а с другой — нестандартным характером его формального механизма.

Первая и самая важная особенность инфинитивного предложения состоит в том, что в его семантическом фокусе находится, как установил еще полстолетия назад К.А. Тимофеев, модальное значение необходимости: это предло-

жение констатирует, что в данных конкретных условиях необходимо наличие или отсутствие какого-л. «положения дел». Обыкновенно значение необходимости в рамках предложений других типов является всего лишь одной из возможных реализаций синтаксической категории актуальности – потенциальности. Ср. *Около дома сад – Около дома должен быть сад; На улице холодно – На улице должно быть холодно*. Здесь оно, напротив, константный семантический элемент, благодаря которому инфинитивное предложение не просто фиксирует какие-то коммуникативно существенные элементы человеческого опыта, а интерпретирует их как нечто закономерно вытекающее из самой логики происходящего, из общепринятых представлений, из чьих-л. физических и ментальных состояний и т.д., иными словами, обеспечивает человеческое видение мира с позиции необходимости (в связи с чем, кстати сказать, некоторые исследователи предпочитают термину инфинитивное предложение, несущему отчетливый отпечаток нежелательного для синтаксиса «морфологизма», термин *д е б и т и в н о е п р е д л о ж е н и е*, (восходящий к лат. *debitum* «долженствование»).

У значения необходимости нет собственных эксплицитных средств внешнего обнаружения: оно выражается на основе имплицитной номинации. Признаки, относящиеся к морфологическим категориям вида и склонения, к синтаксической категории утверждения-отрицания, определенным образом взаимодействуя друг с другом, указывают на то, что некоторое положение дел должно или не должно иметь место, и одновременно несут информацию об оценках говорящим констатируемой необходимости. Эти оценки разнообразны: говорящий фатали-

чески смиряется перед неизбежным: *Загорать нам здесь до самого утра* (Из газет) и с уверенностью предсказывает будущее: *Быть ему генералом* (Шолохов), мягко советует: *Вам бы учиться, Нюра!* (И. Грекова) и категорически приказывает: *Не бегать! Лежать!* (Ю. Бондарев), полностью полагается на мнение собеседника: – *Мне идти, Николай Иванович?* (Паустовский) и решительно оспаривает его: *Не звать же для этого сестру...* (Г. Щербакова), желает реализации необходимого: – *Поехать бы!* – *размечтался Прохоров* (В. Липатов) и опасается, что оно станет явью: *Не опоздать бы как-нибудь на поезд!* (Чехов).

Вторая особенность инфинитивного предложения связана с тем, что в качестве необходимых им трактуются не изолированные предметы, признаки и процессы, а целые положения дел, семантическим коррелятом которых являются небазисные (свернутые) пропозиции. Для выражения последних рассматриваемое предложение использует исключительно инфинитив, тогда как все другие средства того же функционального ряда: *девербативные* и *деадъективные* существительные, *анафорические местоимения*, *придаточные изъяснительные* – остаются принципиально невозможными.

Чаще всего форму инфинитива принимают полнознаменательные глаголы, и тогда соответствующая свернутая пропозиция уподобляется по характеру своих составляющих базисной пропозиции двусоставных активно-процессных предложений (с естественной поправкой на обязательную модальную осложненность инфинитивного предложения): *Не забыть мне этого – Я не забуду этого; Делать это нам – Делать это должны мы*. Вместе с тем в той же самой позиции может реализоваться эквивалент полнозначно-

го глагола — глагол *быть* (*бывать*) в инфинитиве, сочетающийся с существительным в дательном и творительном падежах, в той или иной предложно-падежной форме, с наречием, с прилагательным и причастием в творительном падеже. В таких случаях свернутая пропозиция инфинитивного предложения оказывается подобной базисным пропозициям, лежащим в основе предложений других типов — односоставных и двусоставных: *Быть грозе!* — *Будет гроза!* *Быть бычку на веревочке* — *Будет бычок на веревочке*; *Быть по-твоему* — *Будет по-твоему*; *Быть вам удачливым во всех делах* — *Будете вы удачливыми во всех делах*; *Быть ему забытым* — *Он будет забытым*. Если учесть отмеченные параллели, легко заметить, что инфинитив при обозначении свернутой пропозиции выполняет функцию аналога сказуемого, а существительное в дательном падеже — функцию аналога подлежащего в двусоставном предложении (или же, соответственно, функции аналогов бытийного и вещественного компонентов главного члена в односоставном предложении).

Следующая, третья, особенность приобретена инфинитивным предложением в процессе его довольно позднего исторического развития. Первоначально в его составе, насколько можно судить по памятникам письменности, глагол *быть* по общему обыкновению употреблялся в трех временных формах, из которых форма настоящего времени была нулевой, т.е. не получала материального выражения. Позднее, однако, наметилась тенденция к разрушению морфологических противопоставлений по времени, выразившаяся в постепенной утрате форм прошедшего и будущего времени глагола *быть*. В современном русском языке этот процесс еще не завершился.

Поэтому даже сейчас в разговорной (и, естественно, в художественно-публицистической) речи можно столкнуться с высказываниями, в которых реализован глагол *быть* в форме третьего лица единственного числа прошедшего (изредка будущего) времени: *Нет, промтоварные склады было не отстоять* (В. Распутин); *Завтра Башилову было уезжать* (В. Маканин); — *Тогда фотографию оставьте, без нее людей будет не опознать* (А. Рыбаков).

Важнейшим следствием этого процесса явилось то, что инфинитивные предложения после утраты форм прошедшего и будущего времени глагола *быть* приняли вид структур с независимым инфинитивом, поскольку наличие в них материально не выраженной (нулевой) формы настоящего времени указанного глагола перестало выявляться на основе системной соотношенности временных форм (по образцу других односоставных предложений: *Зима* — *Была зима* — *Будет зима*; *Холодно* — *Было холодно* — *Будет холодно*).

И, наконец, четвертая особенность инфинитивного предложения заключается в том, что оно разрешает употребление отрицательной частицы *не* только перед словами — репрезентантами свернутой пропозиции: *Мне не ехать туда*; *Не мне ехать туда*; *Мне ехать не туда*. Относиться к связочным глаголам (в тех случаях, когда они возможны) эта частица не может (ср. некорректность высказываний типа **Мне не было встать*, **Его не будет узнать*). Причина данного явления очевидна: подобное отрицание, принявшее общий характер, просто разрушило бы значение необходимости, конституирующее инфинитивное предложение как особый тип.

Давно уже замечено, что русские охотно употребляют инфинитивное

предложение в непринужденном речевом общении, предпочитая его другим синтаксическим структурам, если не тождественным, то весьма близким к нему по общему номинативному потенциалу. Это объясняют обычно повышенной его экспрессивностью, что в принципе верно: подобно риторическим фигурам в художественной речи, оно обеспечивает замену обыденного выражения мысли нетривиальным, суггестивно убеждающим. Но сама экспрессивность является здесь величиной, производной от прагматической ориентации инфинитивного предложения, которое позволяет облекать пристрастия говорящих в форму «незаинтересованности», т.е. представлять дело таким образом, будто все, о чем идет речь, предопределяется не зависящим от их воли объективным порядком вещей.

Лит.: Гришина Н. И. Инфинитивные предложения и их место среди синтаксических структур русского языка // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб. Красноярск, 1984; Кретов А. А. Русские надлично-дейктивные инфинитивные предложения // Сб. статей по языкознанию: К 70-летию проф. В.В. Щеулина. Ч. 2. Липецк, 1997; Недбаева Г. И. О разграничении сложноподчиненного предложения с инфинитивным придаточным цели и простого предложения с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, присоединяемым союзом *чтобы* // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971; Седелников Е. А. Эволюция структуры и грамматических категорий инфинитивных предложений в русском языке (по памятникам XI—XVIII веков): АДД. М., 1980; Тимофеев К. А. К вопросу о происхождении инфинитивных предложений в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1965. № 2; Шмелева Т. В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке:

АКД. М., 1979. См. также «Односоставное предложение».

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС.

Вариант синтаксиса, изучающий развитие синтаксического строя того или иного языка.

КАТАЛИЗ. Восстановление содержательного звена высказываний, не получившего специального лексического выражения в условиях имплицитной номинации: *Иду в театр = Я иду в театр; Фантастика — моя страсть = Чтение фантастики — моя страсть; В кепке тут не проходил? = Человек в кепке тут не проходил?*

Лит.: см. «Имплицитная номинация».

КАТЕГОРИЯ АКТУАЛЬНОСТИ/ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ.

Синтаксическая категория, противопоставляющая два вида бытия либо отношения подлежащее—сказуемое, либо отдельно взятого главного члена односоставного предложения: бытия как непосредственной (актуальной) данности и потенциального бытия, которое является возможным, необходимым или желательным. Формальное выражение получает только потенциальное бытие. Для номинации значения возможности используются глаголы типа *мочь*: *Я могу вам рассказать об этом*, значения необходимости — прилагательные типа *должен*: *Вы должны были сделать это к понедельнику*, значения желательности — глаголы типа *хотеть*: *Он хочет поехать туда*. Актуальный характер бытия опознается благодаря значимому отсутствию показателей потенциальности: *Мы уже читали эту книгу; Он поедет с нами на дачу*.

Категория не получила однозначной интерпретации в синтаксической науке. Иногда ее рассматривают как особый слой модальности (используя

при этом самые разные, меняющиеся от исследователя к исследователю термины: внутрисинтаксическая модальность, субъектная модальность, предметная модальность и т.д.). Некоторые исследователи выводят за пределы потенциальности значение желательности. Спорным остается вопрос об инвентаре языковых средств – номинаторов различных видов потенциальности.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999; Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Бабайцева В.В. Система структурно-семантических типов простого предложения в современном русском языке // Предложение как многоаспектная единица: Межвуз. сб. науч. тр. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1984; Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994. См. также «Односоставное предложение», «Сложное предложение».

КАТЕГО́РИЯ АФФИРМАТИВНОСТИ/НЕГАТИВНОСТИ. То же, что категория утверждения/отрицания.

КАТЕГО́РИЯ ИНТЕГРА́ЛЬНОСТИ/ФА́ЗИСНОСТИ. Синтаксическая категория, служащая для разграничения (и, естественно, противопоставления) двух видов бытия либо отношения подлежащее–сказуемое, либо отдельно взятого главного члена односоставного предложения – бытия, понимаемого как нечто целое, и бытия, детализированного с учетом той или иной его фазы – начальной, срединной или конечной. Для номинации соответствующих фаз используются обычно специальные глаголы: *начать*,

стать (начальная фаза), *продолжать* (срединная фаза), *кончить*, *перестать* (конечная, финальная фаза). Кроме того, на продолжение действия может указывать слово *все* (*А он все полнеет*). Противочлен фазисности – значение интегральности специального выражения не имеет.

Фазисный характер бытия, сверх того, может передаваться морфемными средствами – приставками *за-*, *по-*, *от-*, из которых первые две являются показателями начала действия (*запеть*; *побежать*), а последняя задает соответствующему глаголу значение завершения, прекращения действия (*отпахаться*; *отбомбиться* и т.д.). Взаимоотношения этих средств с категорией интегральности/фазисности не вполне ясны.

Лит.: Крамских С.В. Семантическая интерпретация местоименно-соотносительных высказываний с фазисными предикатами в главной части как элементов текста // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988. См. также «Категория актуальности/потенциальности».

КАТЕГО́РИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ. У некоторых авторов (И.П. Распопова и др.) одна из категорий коммуникативного синтаксиса, выделяемая наряду с категориями модального качества и целевого назначения. Рассматривается как квалификатор высказывания с точки зрения порядка развертывания передаваемого сообщения (см. **актуальное членение**).

КАТЕГО́РИЯ МОДА́ЛЬНОГО КА́ЧЕСТВА. Выделяемая некоторыми авторами (И.П. Распоповым и др.) одна из коммуникативных категорий (наряду с категориями коммуникативной перспективы и целевого назначения). Эта категория складывается из ряда признаков, раскрывающих отноше-

ние сообщаемого к действительности, а также отношение к сообщаемому говорящего (см. **модальность**).

КАТЕГОРИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ. См. **теория предикативности**.

КАТЕГОРИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ/ОТРИЦАНИЯ (АФФИРМАТИВНОСТИ/НЕГАТИВНОСТИ). Синтаксическая категория, констатирующая бытие, или, наоборот, небытие либо отдельно взятых семантических объектов (в содержательно односоставном предложении), либо отношения определяемое—определяющее (в двусоставном предложении). Эту категорию знают все языки мира, хотя и обнаруживают ее разными способами. Русский язык, подобно другим языкам индоевропейского стандарта, прибегает к специальной формальной маркировке только значения небытия, которое обычно сигнализируется постановкой частицы *не* при спрягаемом глаголе (в том числе и связочном). Отсутствие частицы *не* воспринимается как знак утверждения бытия. Ср. *Он не спит — Он спит; Здесь не дует — Здесь дует*. Нередко частица *не* употребляется при других членах предложения: *Не он разбил окно; Он разбил не окно*. Однако здесь она, по удачному выражению А.М. Пешковского, «не колеблет общего утвердительного смысла предложения» и служит целям уточнения деталей сообщаемой ситуации. С учетом этого, двоякого, употребления частицы *не* различают общее и частное отрицание.

В отдельных случаях утвердительные высказывания могут приобретать значение отрицательных, а отрицательные, в свою очередь, значение утвердительных за счет их интонационной трансформации. В принципе если не все, то очень многие высказывания говорящего, повторенные его собесед-

ником с иронической интонацией, могут превращаться в рассматриваемом отношении в свою противоположность. Ср. (*— Я не откажусь сделать это.*) — *Как же, ты не откажешься! — Я сделаю это.*) — *Как же, ты сделаешь!* Вместе с тем есть своего рода стационарные структуры, которые используются в роли сигналов переосмысления высказывания по линии утверждения/отрицания даже вне системы повторов (но обязательно при поддержке инверсированного порядка слов): *Буду я читать это! Очень мне нужно заниматься этими проблемами!*

Общее отрицание может быть усилено за счет ввода частицы *ни*, которая указывает на непричастность к той или иной отрицаемой ситуации всего класса каких-л. реалий: *Никто не приходил; Он ни с кем об этом не говорил*.

Лит.: Долинин К.А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Ч. 1. Л., 1975; Кобозева И.М. Синтаксическое обоснование правила перенесения отрицания в русском языке // Ceskoslovenska. rusistica. 1976. № 2; Мучник Б.С. Отрицание как утверждение // РР. № 3. 1977; Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. М., 1969; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Попов А.С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и проблеме подлежащего // Изв. Воронежского пед. ин-та. Русский синтаксис. Т. 191. Воронеж, 1974.

КАТЕГОРИЯ ЦЕЛЕВОГО НАЗНАЧЕНИЯ. Синтаксическая категория, в которой грамматически обобщены три вида коммуникативной интенции — повествование, вопрос и побуждение (ср. *Николай ходил туда — Кто ходил туда? — Сходи туда*). В

70–80-е гг. XX в. была предпринята попытка свести категорию к двоичному противопоставлению. Соответственно различались повествовательные и вопросительные (иногда невопросительные и вопросительные) предложения, причем побудительность рассматривалась как вариант повествования. Попытка успеха не имела.

Лит.: Кулагин А.Ф. Основные структурно-семантические типы сложного предложения в аспекте коммуникативной целеустановки: Л., 1972; Левонтина И.Б. Целесообразность без цели // ВЯ. 1996. № 1; Недбаева Г.И. О разграничении сложноподчиненного предложения с инфинитивным придаточным цели и простого предложения с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, присоединяемым союзом *чтобы* // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971; Розина Р.И. Объект, средство и цель в семантике глагола полного охвата // ВЯ. 1994. № 5; Штелинг Д.А. Целенаправленность речи и категория наклонения // РЯЗР. 1973. № 3. См. также «Простое предложение», «Сложное предложение».

КАУЗАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. То же, что причинное значение.

КАУЗАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что причинные отношения.

КАУЗАЦИЯ. Понятие, называемое этим термином, первоначально использовалось в лексикологии, а затем было экстраполировано Г.А. Золотовой в синтаксис. Каузация трактуется здесь как синтаксическое осложнение основных моделей предложения за счет ввода в них дополнительного предикативного плана, посредством чего фиксируется обусловленность того или иного «положения дел» действиями кого-л. или чего-л.: *Отец приказал нам ехать; Картина восхищает брата; Он считал товарищей глупее себя.* Различается ряд видов каузации: перемеще-

ние, владение, бытие, признак, состояние и т.д. Система русских каузативных конструкций, по мнению Г.А. Золотовой, организуется противопоставлением: 1) автокаузации и каузации, 2) прямой (положительной) и обратной (отрицательной) каузации, 3) произвольной и непроизвольной каузации.

Лит.: Губина Р.И., Фотьянова Е.М. Семантика каузации в сложноподчиненном предложении с союзом «и» // Каузальность и структуры рассуждений в русском языке. М., 1993; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

КВАЗИВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **вопросительное предложение.**

КОЛИЧЕСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. То же, что длительно-временное значение. Термин употребляется редко.

КОЛИЧЕСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Разновидность временного придаточного предложения, называемая иначе длительно-временным придаточным предложением.

Лит.: см. «Придаточное предложение времени».

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Значение слов или сочетаний слов, указывающих на количество реализаций действия, его место в счетном ряду или меру действия. См. **количественные отношения.**

КОЛИЧЕСТВЕННО-ИМЕННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Обобщенное наименование цельных (несвободных) словосочетаний, способных развивать количественное значение: *пять ствол; стая волков; несколько человек.*

Лит.: см. «Словосочетание».

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Обстоятельственные отно-

шения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых называет количество реализаций действия, его место в счетном ряду, образованном аналогичными же действиями, или меру действия: *приходить дважды; читать третий раз; много знать*.

Лит.: см. «Обстоятельство».

КОМБИНИРОВАННОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ. Выделяемый некоторыми авторами тип словосочетаний, образованных на основе связей, исходящих от разных стержневых слов: *переписывать старую рукопись; заниматься подсчетом птиц; дом моего отца*. Несмотря на авторитетность источника, в котором этот термин упоминается (Русская грамматика – 1980), современная русистика его практически не использует, предпочитая говорить о сложном словосочетании.

Лит.: см. «Словосочетание».

КОММУНИКАНТЫ. 1. Участники речевого общения. 2. У некоторых авторов (Сиротинина О.Б. и др.) родовое наименование для целого ряда языковых единиц, выполняющих коммуникативную функцию – самостоятельно или в составе других единиц (предложений, именной темы, вводных элементов и т.д.). Термин в этом значении широкого распространения не получил.

Лит.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980; Она же. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974; Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992. № 4.

КОММУНИКАТИВНАЯ ИНТЕНЦИЯ. Присущая предложению на-

правленность на достижение определенной задачи общения; намерение, предположение сделать что-нибудь, желание, замысел. Три вида интенции в русском языке обобщены в синтаксической категории целевого назначения, различающей повествование, вопрос и побуждение. Остальные виды интенции выражаются неграмматическими средствами.

Лит.: Михеев А.В. Коммуникативная интенция и спонтанность высказывания в диалогической речи // Сб. науч. тр. МПИИЯ. Вып. 280. М., 1986; Муравьев Н.В. Язык конфликта. М., 2002; Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Федосюк М.Ю. Речевой замысел говорящего и его компоненты // Традиционное и новое в русской грамматике. М., 2001; Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. В некоторых синтаксических описаниях ряд вариантов предложения, различающихся актуальным членением. Ср. *Отец написал письмо – Письмо написал отец – Отец письмо написал*.

Лит.: Всеволодова М.В. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989; Всеволодова М.В., Деметьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Савостина Л.М. Актуализационная парадигматика предложения. Типы коммуникативных задач и средства их решения (на материале биномиальных предложений, выражающих отношения характеристики) // ВЯ. 1998. № 3; Шведова Н.Ю. Па-

радикализация простого предложения в современном русском языке (опыт парадигматики) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1987.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что и актуальное членение предложения. Термин используется в тех случаях, когда актуальное членение рассматривается как одна из категорий коммуникативного синтаксиса.

Лит.: Забавников Б. Н. Методологические аспекты коммуникативно-ориентированной грамматики // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1980. Т. 39. № 1; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность—неопределенность. СПб., 1992; Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М., 1996.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция, предполагающая передачу высказыванием некоторого коммуникативно значимого сообщения. Последнее складывается из номинативной информации (высказывание называет нечто в объективной действительности) и информации прагматической (высказывание фиксирует речевые намерения и установки говорящего). В отдельных случаях высказывания передают только прагматическую информацию, как это имеет место в разного рода прагматических вставках типа *Батюшки! Ну и ну! Надо же!* Наоборот, номинативная информация никогда не вводится без сопровождения информации прагматической.

Лит.: см. «Коммуникативная парадигма предложения», «Коммуникативная перспектива предложения».

КОММУНИКАТИВНО-НЕРАСЧЛЕНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Предложение с нулевой темой: *Была глубокая ночь; Горели фонари; Грохочет артиллерия.* Иначе такие предложения иногда называют тематически недетерминированными.

КОММУНИКАТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. У некоторых авторов (Распопов И. П. и др.) аспект предложения, в котором изучаются коммуникативные категории целевого назначения, коммуникативной перспективы и модального качества. Противопоставляется конструктивно-синтаксическому аспекту.

Лит.: Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. См. также «Коммуникативная парадигма предложения», «Коммуникативная перспектива предложения».

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, ориентированный на изучение свойств предложения как коммуникативной единицы. Набор явлений, которые определяются как коммуникативно значимые, меняется от исследователя к исследователю. Так, в концепции И. П. Распопова к сфере коммуникативного синтаксиса отнесены категории целевого назначения, модального качества и коммуникативной перспективы. У Г. А. Золотовой, напротив, список коммуникативно значимых явлений более обширен. Сюда включены коммуникативные регистры речи, типология высказываний и ряд других характеристик предложения (и текста).

Лит.: см. «Коммуникативная парадигма предложения», «Коммуникативная перспектива предложения», «Коммуникативно-синтаксический аспект предложения».

КОМПАРАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. По терминологии Н. Ю. Шведовой, сложноподчиненное предложение, в главной части которого исполь-

зается форма сравнительной степени (компаратив), выполняющая роль опорного слова по отношению к придаточной части. Различаются: 1) предложения, строящиеся с участием одного компаратива: *Для меня легче сидеть на бочке с порохом, чем говорить с женщиной* (Чехов), и 2) предложения, строящиеся с двумя компаративами: *Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелье* (Пушкин). Трактовка предложений этого разряда крайне противоречива, так как к ним Н.Ю. Шведова, кроме упомянутых, относит предложения со сравнительным оборотом: *Петя рисует лучше, чем Коля*, а также крайне пестрые по своему характеру построения типа: *Раскольников отдал перо, но вместо того чтобы встать и уйти, положил оба локтя на стол и стиснул голову* (Достоевский); *Нет бы оглянуться по сторонам, восхититься торжественной сказкой зимнего леса — куда там! — только лыжня да носки лыж* (Солоухин).

Лит.: Аругтюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // ИАН. Сер. языка и литературы. 1983. № 4; Мурзин Н.Л. К структурной типологии сравнительных конструкций (на материале русских поэтических текстов) // Фатическое поле языка. Памяти проф. Л.Н. Мурзина. Пермь, 1998; Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. М., 1976; Она же. О семантической специфике компаративного имени // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981; Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; Щеулин В.В. Сложноподчиненное предложение в теоретическом осмыслении // Щеулин В.В. Избр. труды по языкознанию. Т. II. Липецк, 2004.

КОМПАРАТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Словосочетание, главный член которого выражен компаративом: *милее брата; сильнее смерти*. Выделяется Н.Ю. Шведовой и др. Поскольку квалификация компаратива как особого разряда слов проблематична, проблематичным оказывается и само выделение компаративных словосочетаний.

Лит.: Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

КОМПЛЕМЕНТАТИВНЫЙ ВОПРОС. То же, что частный вопрос.

КОМПЛЕТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что восполняющие отношения.

КОМПОНЕНТ СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Составная часть словосочетания, выраженная либо одним, либо двумя-тремя словами: *письмо другу; девушка с длинными волосами*.

Лит.: см. «Словосочетание».

КОМПОНЕНТЫ ПРЕДИКАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. В концепции Н.Ю. Шведовой, формы слов, организующие предикативную основу предложения как минимальный грамматический образец его построения и представляющие собой главные члены, иначе — предикативный центр предложения. Считается, что компонентами предикативной основы предложения могут быть: 1) форма, допускающая любое лексическое наполнение (как в предложениях *Поезд идет; Лес шумит*); 2) форма, разрешающая ограниченное лексическое наполнение (напр., отрицательный компонент в предложениях типа *Не о чем говорить; Незачем оставаться*); 3) единственно данная словоформа (напр., слово *нет* в предложениях типа *Нет времени; Нет денег*). При таком подходе главными членами предложе-

ния оказываются форма: *дорогу* — в предложении *Видно дорогу, много* — в предложении *Много цветов, времени* — в предложении *Нет времени, некому* — в предложении *Некому работать* и т.д. (все эти предложения отнесены к двухкомпонентным!), что находится в резком противоречии с научными основами современной русистики. По этой причине термин и стоящее за ним понятие распространения не получили.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Ракопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Рудольф С. А. Предложения со значением подобия и тождества // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 1.

КОНВЕРСИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (лат. *conversio* «превращение, обращение»). Логический термин, обозначающий операцию, которая заключается в том, что в условном высказывании меняются местами антецедент (предшествующий член) и консеквент (последующий член). Лингвистика (в том числе и русистика) использует этот термин за рамками условных высказываний, когда требуется подчеркнуть возможность языкового отражения одной и той же внешней ситуации под разными (прямо противоположными) углами зрения. *Иван дает книгу Петру — Петр берет книгу у Ивана*. По существу конверсные отношения отражены в коррелирующих высказываниях активного и пассивного характера: *Бухгалтер составляет смету — Смета составляется бухгалтером*.

Лит.: Всеволодова М. В. Номинативно-аккузативные структуры и их конверсивы в русском языке (К вопросу об исчислении типов конверсных структур) // НДВШ. Филологические науки. 1976. № 6.

КОНДЕНСАЦИЯ. Сосредоточение признаков главного слова в зависимом, в результате чего главное слово становится избыточным. Процесс имеет своим результатом либо субстантивацию прилагательных: *ванная; мостовая; пирожное; портной*, либо появление сокращенных номинаций устно-разговорной речи: *За мной (девушка) в беличьей шубке; Здесь, кажется, был (парень) с транзистором*.

Лит.: Как В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973; Дементьева О. Ю. Невыраженность семантического субъекта как способ реализации коммуникативного намерения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

КОННЕКТОРЫ. Термин зарубежной лингвистики, служащий общим названием всех связующих слов в предложении и тексте. В русистике наметилась тенденция к сужению значения этого термина и закреплению его за местоименными связующими словами типа *потому, поэтому, для того, из-за этого* и т.д., не имеющими общепринятого обозначения.

Лит.: Левицкий Ю. А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов. Пермь, 1982; Прияткина А. Ф. Скрепа-фраза (К изучению текстовых коннекторов) // Дни славянской культуры. Материалы Всероссийской науч. конференции. Владивосток, 1998.

КОНСИТУАТИВНОЕ НЕПОЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Неполное предложение, «восстановление» редуцированных формальных элементов которого осуществляется на базе контекста и/или ситуации (конситуации). Термин «конситуация», предложенный польским лингвистом А. Мировичем, получил широкое распространение в русистике.

Лит.: см. «Неполное предложение».

КОНСТРУКТИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. У некоторых авторов (*И.П. Распопов* и др.) аспект предложения, в котором изучаются формально-грамматические свойства последнего. Противопоставляется коммуникативно-синтаксическому аспекту.

Лит.: Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.

КОНСТРУКЦИЯ. Синтаксический блок, составленный из нескольких языковых единиц и рассматриваемый в плане его формальной организации. Термин употребляется для обозначения самых разных явлений — от словосочетания до предложения (ср. термины: предложно-падежная конструкция, деепричастная конструкция, пассивная конструкция, бессоюзная конструкция и т.д.).

Лит.: Акимова Г.Н. Конструкции типа дом, что стоит напротив // РЯШ. 1970. № 6; Зинченко Т.Н. О синтаксической синонимии условных конструкций // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973; Максимов Л.Ю. Изъяснительный тип и бессоюзные конструкции // Уч. зап. МГПИ. № 423. М., 1971; Одинцова М.П. Об обусловленности синонимии сложноподчиненных конструкций, конструкций с однородными сказуемыми и конструкций, содержащих деепричастие, их конструктивно-грамматические оппозиции в современном русском литературном языке // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 30. Кемерово, 1972; Солганик Г.Я. О модальном значении синтаксической конструкции // РЯШ. 1988. № 5; Шаталова О.В. Структурно-семантическая характеристика и функциональные особенности предложений, совмещающих

черты как простой, так и сложноподчиненной конструкций: АКД. Липецк, 2000. См. также «Простое предложение», «Сложное предложение».

КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ ВОПРОС.

Вопрос, обращенный к самому себе: *Ну и что мне теперь делать? Куда пойти?*

КОНТАКТНОЕ СЛОВО. Слово в главной части сложноподчиненного предложения, к которому относится придаточное. Контактный характер могут носить знаменательные слова и соотнесительные элементы: *Я знаю, что все будет хорошо; В углу сидела девочка, которую мы сразу и не заметили; Дождь был такой сильный, что мой зонтик оказался просто бесполезным.*

Лит.: Колосова Т.А. Имплицитные сложные предложения с контактирующими скрепами // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980; Крамских С.В. Семантическая интерпретация местоименно-соотнесительных высказываний с фазисными предикатами в главной части как элементов текста // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Теремова Р.М. Функционирование сложноподчиненных местоименно-соотнесительных предложений фразеологического типа с союзом «что» в тексте // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981.

КОНТАКТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ.

Порядок слов, при котором связанные синтаксические единицы располагаются в соседстве друг с другом. Противопоставляется дистантному порядку слов.

Лит.: Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992; Крылова О.А., Хавронина С.А. Порядок слов в русском языке. М., 1986.

КОНТАКТОУСТАНАВЛИВАЮЩАЯ (СОЦИАТИВНАЯ) ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция привлечения внимания собеседника. В чистом виде реализуется в вокативных предложениях, в которых форма обращения употреблена в значении призыва: *Коля! Эй, на палубе!*

Лит.: см. «Высказывание».

КОНТАМИНИРОВАННЫЕ ТИПЫ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ. У некоторых авторов контаминированными называются сложные построения, состоящие из сложных предложений. Ср. *Мы ушли с блоковского чтения, но пошли пешком, а Блока повезли на второе выступление в машине, и пока мы добрались до Никитского бульвара, где помещался Дом печати, вечер кончился и Блок уехал в Общество любителей итальянской словесности* (Пастернак).

Лит.: Покачалова Н. В. Особенности функционирования контаминированных предложений в тексте // Сб. статей по языкознанию к 70-летию профессора В. В. Щулина. Ч. II. Липецк, 1997.

КОНТЕ́КСТНОЕ НЕПО́ЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ. Неполное предложение, редуцированные формальные звенья которого «восстанавливаются» с непосредственной опорой на контекст: *Да, мне нравилась девушка в белом, А теперь я люблю — в голубом* (Есенин). Противопоставляется ситуативному неполному предложению.

Лит.: см. «Неполное предложение».

КОНЪЮ́НКЦИЯ (лат. conjunctio «союз, связь»). Логический термин, обозначающий операцию соединения двух и более высказываний с помощью союза *и* в одно более сложное высказывание, которое интересует логиков с точки зрения его истинности или ложности. Термин используется некоторыми из русистов, употребляющими его в

качестве синонима к термину соединительная связь.

Лит.: Гаврилова Г. Ф. Сочинение в усложненном сложном предложении // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982; Наумова И. Ю. Промежуточность как языковое явление Основные типы сочиненно-подчиненных предложений // Сб. статей по языкознанию к 70-летию профессора В. В. Щулина. Ч. I. Липецк, 1997; Покусенко В. К. К вопросу о границах сложносочиненных предложений // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1983; Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк, 2001.

КООРДИНАТИ́ВНАЯ СВЯЗЬ. Термин, иногда используемый вместо термина предикативная связь для того, чтобы подчеркнуть двусторонний характер связи подлежащего и сказуемого (*Распопов И. П.*).

Лит.: Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Дибров А. А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (на материале славянских языков) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 5; Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971; Она же. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4.

КО́ПУЛА. То же, что связка. Термин употребляется редко.

КОРРЕЛЯ́ТЫ. То же, что соотносительные слова.

КОСВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ. Вид эксплицитной номинации, предполагающей не прямое, опосредствованное выражение содержательных звеньев предложения. Наиболее значимы три способа косвенной номинации, на основе которых реалія в составе предложения соответственно обозначается либо путем указания на ее функцию: *Принеси чем отрезать* (нож, ножницы), либо путем сравнения: *У вас тут как в раю* (хорошо), либо путем отсылки к последствиям ситуации, компонентом которой является данная реалія: *Грязи там – за год не вывезешь* (много).

Косвенная номинация по сравнению с прямой номинацией менее точна и определена и в то же время более громоздка (так как вынуждена приводить в движение пониженные в ранге предложения и сравнительные обороты). Тем не менее она свободно используется для выражения отдельных членов предложения (включая сказуемое). Принцип косвенной номинации лежит в основе придаточного предложения качества, степени и меры признака.

Лит.: Воронина Н. И. Заметки о синтаксической номинации (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж. 1996; Гак В. Г. Номинация действия. Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992; Крейндин Г. Е. Об одном типе синтагматически обусловленной номинации // НТИ ВИНТИ. Сер. 2. № 3. М., 1982; Пельтихина Н. И. Фразовая номинация и проблема сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971; Кривченко Е. Л. Предложение как средство событийной номинации: М., 1987; Способы номинации в современном русском языке. М., 1982; Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977; Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977.

КОСВЕННАЯ РЕЧЬ. Способ передачи чужой речи, предполагающий пересказ последней автором речевого произведения, в которое она включена. В процессе этого пересказа нивелируются особенности речевой манеры говорящего (становятся невозможными всякого рода экспрессивные частицы, междометия, просторечные слова и выражения, что ведет к исключению обращений и эмоциональных оценок сообщаемого) и – самое важное – переводятся на «систему координат» автора формы лица. Ср. *Брат сказал, что я должен прийти к нему; Брат сказал, что ты собираешься прийти к нему; Брат сказал, что он собирается прийти к нам.*

Что касается характера передачи содержания пересказываемого, здесь косвенная речь мало чем отличается от прямой речи. В частности, она может передавать это содержание в неразвернутом виде: *Я объяснил, что вот так и так, записку принес* (В. Слепцов).

Слова автора и чужое (пересказываемое) сообщение не противопоставляются в косвенной речи с той основательностью, как это имеет место в прямой речи. Наоборот, они слиты здесь воедино и образуют в совокупности сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным. Набор скреп в этом предложении не единообразен, и выбор нужной из них определяется тем, что именно пересказывает автор. При простом пересказе чужого повествования реализуется союз *что*: *Староста доложил, что Софрон отправился в Перов, но что за ним уже послали* (Тургенев). В случае, если автор сомневается в истинности слов говорящего, косвенная речь предваряется союзом *будто*: *...одни говорили, будто он несчастный сын богатых родителей и чистая душа* (Л. Толстой). Пересказ побуждения требует употребления союза *чтобы*: *Ребята кричали, чтобы я по-*

мог им траву увязать (Шолохов). Пересказ вопроса предполагает использование частицы *ли* (если вопрос общий): *...я спросил довольно некстати, по делам ли заехал он в нашу сторону* (Пушкин) и вопросительно-относительных местоимений (если вопрос частный): *Я не стал спрашивать моего верного спутника, зачем он не повез меня прямо в те места* (Тургенев).

Косвенная речь как способ передачи чужой речи сформировалась в русском языке относительно поздно. Даже в XII–XIV вв. она оставалась тождественной прямой речи и отличалась от последней лишь тем, что в ней после слов автора использовался союз *яко*. Ср. сообщение 1-й Новгородской летописи (Синодальный список) под 1165 г.: *И присла въ Новгород яко не хочу у васъ княжити*. И только в последующие столетия она принимает вид, близкий к современному. Следы этого сложного процесса диалектная речь и просторечие сохраняют едва ли не до сих пор, мимо чего, конечно, не могла пройти русская классическая литература: *Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть* (Гоголь).

Лит.: Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 2. М., 1960; Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Ковтунова И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // РЯШ. 1953. № 2; Колюхов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л., 1957; Милых М. К. Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д, 1975; Фефилов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1; Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.

КОСВЕННО-ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. Вид подчинения, при котором зависимая часть сложного предложения представляет собой косвенный вопрос, вводимый относительными местоименными словами *кто, что, который, какой, где, куда, откуда, когда* и т.д.: *Я не знаю, кто он; Мы догадывались, куда Николай уехал; Неясно, зачем было так поступать.*

По мнению отдельных исследователей (Василенко А. Н., Белошапковой В. А.), здесь относительные местоимения обслуживают нужды только косвенного вопроса и не являются средством связи частей сложного предложения. Соответственно такие предложения рассматриваются как бессоюзные.

Лит.: Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. См. также «Сложноподчиненное предложение».

КОСВЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Дополнение, противопоставляемое прямому дополнению. Содержательные признаки косвенного дополнения не вполне ясны, и поэтому его очень часто определяют на формальной основе (как дополнение, выраженное винительным падежом с предлогом и формами других косвенных падежей с предлогами и без предлогов): *Он верил темным предсказаниям, И талисманам, и любви* (Лермонтов); *Что написано пером, того не вырубишь топором* (Пословица); *Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи* (Тургенев). В некоторых случаях косвенное дополнение выражается инфинитивом: *Он привык потакать ей во всем* (Тургенев); *Мы договорились поехать туда утром* (Паустовский).

Различают несколько видов косвенного дополнения: агентивное, орудийное (инструменталь-

ное), косвенно-субъектное, социативно-объектное и др.

Лит.: см. «Дополнение».

КОСВЕННО-СУБЪЕКТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Дополнение, выраженное существительным в дательном падеже и называющее субъект, испытывающий какое-то состояние: *Мне хотелось поговорить с ним; Им было не до веселья.*

Лит.: см. «Дополнение».

КОСВЕННЫЙ ВОПРОС. Частный или альтернативный вопрос, употребляемый в качестве составной части сложного предложения, где он утрачивает свой вопросительный характер и становится специфически средством повествования: *Он понял, что его ожидает; Было неясно, какова его роль в этом деле; Мы не знали, придет ли он.* Специфичность косвенного вопроса состоит в том, что он оставляет нераскрытым то из своих звеньев, которое названо относительным местоименным словом. Так, когда говорящий сообщает *Я знаю, куда пошли родители*, это знание отнюдь не является знанием его собеседников, и те иногда могут не удовлетвориться столь скудной информацией. В таких случаях говорящему придется либо как-то дополнить косвенный вопрос (напр.: *Я знаю, куда пошли родители – в театр*), либо вообще отказаться от него, прибегнув к посредству обычного придаточного изъяснительного: *Я знаю, что родители пошли в театр.*

Лит.: Бырдина Г. В. Сложноподчиненные конструкции в функции вопросительных реплик в модусных вопросно-ответных диалогических единствах // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988. См. также «Сложноподчиненное предложение».

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ.

См. валентность.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ.

То же, что лексическая валентность.

ЛЕКСИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, последовательно учитывающего, с одной стороны, лексико-грамматическое выражение семантико-функциональных звеньев предложения, а с другой – комбинаторику использованных лексико-грамматических средств, что предполагает анализ валентных свойств последних. Термин получил распространение в последнее время в связи с нуждами изучения языка как иностранного.

Лит.: Апресян В. Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // ВЯ. 1999. № 5; Всеволодова М. В. Уровни организации предложений в рамках функционально-коммуникативной прикладной модели языка // Вестник МГУ. Филология. 1997. № 1; Стуколова Г. П. Семантико-синтаксическая организация простых и сложных предложений с глаголами говорения // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001; Чернышева А. Ю. Частицы как средство связи в сложном предложении // Там же. М., 2001.

ЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА.

По терминологии П. Адамца, тип предложений с одинаковым составом синтаксических членов, с одинаковым порядком слов и местом фразового ударения. Например, одну и ту же линейно-динамическую структуру имеют предложения *Отец читает газету; Мы поедem в Москву; Брат обратился ко мне.* Сейчас термин употребляется редко.

Лит.: Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha, 1978.

ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. 1. Обобщенное наименование для двусоставных предложений разных разрядов с местоимениями 1-го и 2-го лица в позиции подлежащего: *Я иду в университет; Что ты завтра делаешь? Мы ворожеицы; Ты вполне здоров.* Термин в этом значении употребляется при необходимости противопоставления указанных предложений формально односоставным предложениям (определенно-личным, неопределенно-личным и обобщенно-личным). 2. Любое двусоставное предложение с лексически эксплицитированным подлежащим: *Солнце уже взошло; Воздух чист и свеж; Он москвич.* 3. Обобщенное наименование для всех формально односоставных предложений — определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных. В этом значении термин употребляется редко.

Лит.: см. «Простое предложение», «Односоставное предложение».

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Типы предложений, выделяемые представителями логического синтаксиса (*Арутюновой Н.Д.* и др.) с учетом характера соответствующих логико-семантических отношений, устанавливаемых в процессе движения мысли в предложении. К их числу относятся:

1) предложения характеристики, в которых сказуемое-предикат, квалифицирующее конкретный предмет-подлежащее, не соотносено прямо с действительностью, а представляет собой некоторое обобщение действительности, признаков и свойств предметов: *Он был талантливый художник; Липовый стол был недавно выскоблен и вымыт* (Тургенев); *Легкий ветерок пробежал по степи* (Чехов);

2) предложения бытия, в которых констатируется наличие в определен-

ной локально-временной сфере не конкретного предмета, а понятия о нем: *На нем было старое, довольно невзрачное пальто* (Тургенев); *За речкой луг, за лугом лес* (Ходасевич); *На дне котлована была железнодорожная станция* (Пастернак);

3) предложения именованья, в которых сказуемое, не имеющее понятийного значения, сообщает о названии предмета-подлежащего: *Ее сестра звалась Татьяна* (Пушкин); *Обозначим треугольник ABC;*

4) предложения тождества, в которых фиксируется равенство смысла разных именованья одного и того же предмета: *Зевс — это то же, что Юпитер; Багровый — это темно-красный.*

Эти типы предложений, как правило, не совпадают по своему характеру и объему с типами предложений, выделяемыми на собственно лингвистических основаниях. Например, в предложения бытия включаются наряду с односоставными номинативными предложениями в широком понимании этого термина предложения с глаголами *жить, водиться, существовать, наличествовать* и т.д., которые русистика квалифицирует как двусоставные. Именно поэтому в научных и учебных описаниях русского синтаксиса логико-семантическая классификация практически не используется.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Бабайцева В.В., Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1995.

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, в рамках которого рассматривается взаимодействие таких явлений, как

коммуникативная перспектива предложения, его синтаксическая структура и характер референции входящих в нее имен. Активно разрабатывается Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гаком, Ю. С. Степановым и др.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999; Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998; Падучева Е. В. О порождении сложного предложения из простых // Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М., 1972; Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.

ЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТ. Та часть суждения, которая отображает то, что утверждается (или отрицается) о предмете мысли, называемом субъектом. Логический предикат по своему характеру и объему не совпадает со сказуемым, поскольку может выражаться не только номинатором сказуемого, но и всем составом последнего и даже словом, которое выполняет какую-то иную синтаксическую функцию.

Лит.: Адмони В. Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложений // ВЯ. 1973. № 2; Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 39. № 4. 1980; Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971; Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981; Она же. Основы общего языкознания. М., 1975. См. также «Логический субъект».

ЛОГИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ. Та часть суждения, которая отображает предмет мысли, информация о котором передается логическим предикатом. По своему характеру и объему логический субъект не совпадает с подлежащим, поскольку может быть выражен не только номинатором подлежащего, но и всем составом послед-

него и даже существительным в косвенном падеже.

Лит.: Дементьева О. Ю. Невыраженность семантического субъекта как способ реализации коммуникативного намерения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Моисеева Е. А. Предикаты на -о в моделях с личным субъектом // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996; Падучева Е. В. Говорящий субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991; Она же. Родительный субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2; Позднякова Е. М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998; Полежаева О. А. О некоторых способах выражения субъекта в посессивных конструкциях // Проблема семантического описания единиц языка и речи. Ч. 2. Минск, 1998. См. также «Логический предикат».

ЛОГИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ. То же, что логический субъект.

ЛОГИЧЕСКОЕ СКАЗУЕМОЕ. То же, что логический предикат.

ЛОКАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. То же, что пространственное значение.

ЛОКАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что пространственные отношения.

ЛОКУТИВНЫЙ АКТ. Аспект речевого акта, предполагающий реализацию высказывания. В русистике термин почти не используется. Вместо него употребляют обычное выражение нетерминологического характера — произнесение высказывания.

Лит.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

МАТЕРИАЛЬНО ВЫРАЖЕННАЯ СВЯЗКА. Связка, выражаемая бытийными глаголами *быть, стать – становиться, остаться – оставаться, являться* и т.д. Употребление этого термина оправдано в тех случаях, когда он противопоставляется термину нулевая форма связки *быть*.

Лит.: см. «Связка».

МЕЖФРАЗОВЫЕ (МЕЖФРАЗНЫЕ) СВЯЗИ. Связи, устанавливаемые между высказываниями в тексте. Подробнее см. **сложное синтаксическое целое**.

МЕСТОИМЕННОЕ ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **вопросительное предложение**.

МЕСТОИМЕННОЕ (ПРОНИМИНАЛЬНОЕ) СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Разряд именных словосочетаний, в которых главный член выражен местоимением: *некто в смокинге; любой из нас; кто-то мрачный*. Иногда это словосочетание специально не выделяется, поскольку обладает всеми свойствами субстантивного словосочетания.

Лит.: см. «Словосочетание».

МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Сложноподчиненное предложение нерасчлененной структуры, придаточная часть которого, вводимая союзными словами, раскрывает содержание соотносительных местоименных слов главной части: *Каков поп, таков и приход* (Пословица); *Ольга слушала настолько, насколько тетя выражала желание или высказывала совет* (Гончаров).

Лит.: Крамских С. В. Семантическая интерпретация местоименно-соотносительных высказываний с фазисными предикатами в главной части как элементов текста // Сложное предложение в тек-

те. Калинин, 1988; Максимов Л. Ю. Сложноподчиненные местоименно-соотносительные предложения и их место в классификации нерасчлененных предложений // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1970. № 332; Теремова Р. М. Функционирование сложноподчиненных местоименно-соотносительных предложений фразеологического типа с союзом «что» в тексте // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981. См. также «Сложноподчиненное предложение».

МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Сложноподчиненное предложение нерасчлененной структуры, придаточная часть которого, присоединяемая союзами, поясняет содержание соотносительных местоименных слов главного предложения: *Савельич так поражен был моими словами, что всплеснул руками и остолбенел* (Пушкин); *День казался таким высоким, будто небо распахнулось до самой глубины* (Паустовский).

Лит.: Атарщикова Е. Н. Функционально-семантическая парадигма союза *как..., так и* // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998. См. также «Сложноподчиненное предложение».

МЕСТОИМЕННЫЙ ВОПРОС. То же, что местоименное вопросительное предложение.

МЕТАТЭКСТ. Термин, введенный польской лингвисткой А. Вежбицкой для обозначения предложений и сочетаний слов, посредством которых говорящий раскрывает характер собственного речевого поведения: *А теперь перейдем к вопросу о выражении подлежащего; Если говорить откровенно, этот роман мне совсем не нравится*. Термин получил широкое распространение в современной русистике.

Лит.: Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978;

Шаймиев В. А. Об иллюкутивной функции метатекста (Перечитывая А. Вежбицку) // Русистика. Лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь проф. С.Г. Ильенко. СПб., 1998.

МНИМООТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Отрицательное по форме предложение, которое развивает утвердительное значение за счет специфической интонации, инверсированного порядка слов и особых лексико-фразеологических единиц типа *держи карман, как же, жди* и т.д.: *Как же, они не поинтересуются; Жди, Коля тебя не заметит!* Основная сфера его реализации — устно-разговорная речь.

Лит.: Долинин К. А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Ч. 1. Л., 1975; Мучник Б. С. Отрицание как утверждение // Русская речь. 1977. № 3.

МНИМОУТВЕРДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Утвердительное по форме предложение, которое развивает отрицательное значение за счет специфической интонации, инверсированного порядка слов и особых лексико-фразеологических показателей типа *держи карман, жди, как же* и т.д.: *Жди, он тебе поможет! Как же, станет он платить за чужого!* Основная сфера его реализации — устно-разговорная речь.

Лит.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Облик слова. Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997; Пронина Е. С. Сопоставление отрицательных и утвердительных безлично-инфинитивных предложений // Грамматические категории предложения и его структура. М., 1982.

МНОГОВАЛЕНТНЫЙ ГЛАГОЛ. Глагол, реализующий несколько валентных связей: *подарить ребенку игрушку; переложить книги со стола на полку.*

МНОГОКОМПОНЕНТНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Сложное предложение, состоящее из трех и более частей. Различают два вида таких предложений: *у сло ж н е н н ы е*, в которых предикативные части соединены одинаковым типом связи, и *с м е ш а н н ы е* (комбинированные), в которых используются разные типы связей.

Усложненные многокомпонентные предложения могут быть построены на основе:

а) *бессоюзной* связи: *Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, белеют тучки, зеленеют поля* (Тургенев);

б) *союзной сочинительной* связи: *С утра был туман, но к завтраку погода разгулялась, и солнце блестело...* (Л. Толстой);

в) *союзной подчинительной* связи: *Хотя в посадках было почти сухо, Ковтуну от потери крови казалось, что он при каждом шаге вытягивает ноги откуда-то глубоко из-под земли* (Симонов).

Части смешанных многокомпонентных предложений объединяются посредством:

а) *бессоюзной и союзной сочинительной* связи: *Тучи рассеялись, дождь прекратился, и на небе засияло солнце* (Паустовский);

б) *бессоюзной и союзной подчинительной* связи: *Они никак не могли понять, куда он направился: никаких следов на снегу почему-то не было* (Трифонов);

в) *союзной сочинительной и подчинительной* связи: *Когда приезжало кино, машины выкатывались на лужайку, а в сарае расстановливались скамейки* (Солоухин);

г) *бессоюзной, союзной сочинительной и подчинительной* связи: *Но река величаво несет свою воду, и какое ей дело до этих*

МНОГОСОЮЗИЕ (ПОЛИСИНДЕТОН)

вьонков: крутятся плывут они вместе с водой, как недавно плыли льдины (М. Пришвин).

Лит.: Беднарская Л. Д. Закономерности грамматического и смыслового членения многокомпонентного сложного предложения // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 2; Гамидов И. Комплексное подчинение придаточных в многокомпонентных сложноподчиненных предложениях // Межвуз. науч.-теоретич. конференция аспирантов. Ростов н/Д, 1974; Ганцовская Н. С. Синтаксические отношения в многокомпонентных сложноподчиненных предложениях с контаминированной конструкцией // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971; Кабинетская Т. Н. О структурном многообразии многокомпонентных бессоюзных предложений с подчинением // Вопросы русского языка. Вып. IX. Сб. науч. трудов. № 136. Ярославль, 1975; Калашникова Г. Ф. Особенности многокомпонентных сложных предложений в поэтическом тексте // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Предложение как многокомпонентная единица языка. М., 1984; Сергиевская Л. А. Семантика императива в многочленном предложении с различными видами связи // Семантическая структура слова и высказывания. М., 1993. См. также «Сложное синтаксическое целое».

МНОГОСОЮЗИЕ (ПОЛИСИНДЕТОН). Стилистическая фигура, предполагающая максимальное насыщение предложения одними и теми же сочинительными союзами либо при однородных членах, либо при частях сложного предложения: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал Щадят победителя годы* (Пушкин); *Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит, Иль мне в лоб шлагбаум влепит Непроторный инвалид* (Пушкин).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; Рыжова М. В. О некоторых особенностях полисиндетона в просторечии // Риторика и

перспективы ее изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990.

МНОГОСТУПЕНЧАТОЕ АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ. Актуальное членение, предполагающее выделение нескольких тематических и рематических элементов в высказывании. Реализуется в основном в сложных предложениях. Так, в предложении *Мы вскоре отказались от своего намерения, потому что добраться туда ночью было крайне сложно* на первой ступени актуального членения темой является главная часть предложения, а ремой придаточная. На второй ступени на тему и рему членится каждая из частей: *Мы вскоре / отказались от своего намерения и добраться туда ночью / было крайне сложно*. В других предложениях возможны 3-я и 4-я ступени членения.

Многоступенчатое членение может иметь место и в некоторых простых предложениях, особенно в тех случаях, когда их отдельные словесные группы по характеру своего содержания сближаются с придаточными. Например, в высказывании *При тусклом свете лучины внутреннее убранство избы показалось мне еще более убогим* выделяются тема *при тусклом свете лучины* (т.е. когда тускло светила лучина) и рема — вся остальная часть высказывания. Далее рема, в свою очередь, подразделяется на тему и рему второго порядка *внутреннее убранство избы / показалось мне еще более убогим*.

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

МНОГОЧЛЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Сказуемое, состоящее минимум из трех компонентов: *Если хочешь быть здоров, закаляйся; Его глаза продолжали оставаться спокойными; Он должен был начать работать*.

Лит.: см. «Сказуемое».

МНОГОЧЛЁННОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что многокомпонентное сложное предложение.

МОДАЛЬНАЯ РАМКА. Термин, введенный в научный оборот польской лингвисткой А. Вежбицкой, первоначально использовался в русистике (прежде всего в работах Ю.Д. Апресяна) для толкования компонентов лексического значения, которые связаны не с описываемой ситуацией, а с ситуацией общения, т.е. компонентов прагматического плана. Позднее термин был экстраполирован в синтаксис, где отдельные исследователи используют его для указания на редуцируемую часть сложного предложения, которая отражает знания, констатации, заключения и т.д. говорящих: *Если захочешь пообедать*, (имей в виду, что) *столовая за углом*; (Я знаю, предполагаю, что) *завтра билетов не будет*, *поэтому я приобрел их сегодня*. Феномен модальной рамки представляет собой один из случаев имплицитной номинации, который имеет своим следствием возникновение сложного предложения асимметричной структуры.

Лит.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996; Она же. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Матевосян Л.Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства // НДВШ. Филологические науки. 1996. № 3.

МОДАЛЬНОСТЬ. Одна из стержневых семантических (понятийных) категорий высказывания, являющаяся, по образному выражению французского лингвиста Ш. Балли, «душой предложения». Ее назначение — выражать отношение говорящего к сообщаемому и оценке отношения сообщаемого

к объективной действительности. Категория носит многослойный характер. Вслед за В.В. Виноградовым и Г.А. Золотовой обыкновенно выделяют три плана модальности, соответственно констатирующие: 1) отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего (объективная модальность), 2) отношение говорящего к содержанию высказывания, оцениваемому в плане его достоверности/недостоверности (субъективная модальность) и 3) отношение между носителем признака и предикативным признаком (внутрисинтаксическая модальность, внутренняя модальность, вторичная модальность, модальность предиката, предметная модальность и др. конкурирующие термины).

В некоторых концепциях понятие модальности существенно расширяется за счет включения в него грамматизованных видов коммуникативной интенции — повествования, вопроса и побуждения, категории утверждения/отрицания и даже эмоциональной оценки сообщаемого.

В других концепциях, наоборот, предпринимаются попытки сузить понятие модальности. Например, «Русская грамматика — 1980» выводит за пределы синтаксической категории модальности внутрисинтаксическую модальность.

Лит.: Барлас Л.Г. Способы выражения авторской модальности в рассказах А.П. Чехова // Язык и стиль А.П. Чехова. Ростов н/Д, 1986; Васильев Л.М. Модальные глаголы русского языка в их отношении к структуре предложения // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976; Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке. Л., 1988; Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. тру-

ды: Исследования по русской грамматике. М., 1975; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ломтев Т. П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, № 341. М., 1969; Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Немец Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке. Ростов н/Д, 1989; Олзоева Я. В. Оценка и модальность // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М., 1994; Онипенко Н. К. Модальность *de se* и модальность *de dicto*, способы выражения // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Павлюкович В. Б. Соотношения видо-временных и модальных планов между частями сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным // Русский синтаксис. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 207. Воронеж, 1980; Романова Т. В. Семантический радиус действия модальности в тексте // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Сергиевская Л. А. Модальность сложного предложения с императивной семантикой в современном русском языке // ВЯ. 1995. № 3; Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984; Теория функциональной грамматики. Т. 2. Темпоральность. Модальность. Л., 1990; Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // ВЯ. 1994. № 3; Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984; Якимец Н. В. Авторская модальность как фактор формирования семантики художественного текста (на материале «Театрального романа» М.А. Булгакова) // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 2. М., 1998.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В СКАЗУЕМОМ. Слова типа *мочь*, *хотеть*,

должен, употребляемые в составном глагольном сказуемом и служащие для выражения значений возможности, необходимости или желательности, с позиции которых рассматривается действие, обозначенное инфинитивом: *Я могу поехать туда; Я должен поехать туда; Я хочу поехать туда*. Инвентарь модальных слов составного глагольного сказуемого точно не определен. Неясно, в частности, следует ли включать в их число слова *уметь*, *желать*, *обязан* и т.д. Положение осложняется еще и тем, что в русистике последних лет поднят вопрос о правомерности причисления к составному глагольному сказуемому сочетаний инфинитива с глаголом *хотеть*, который очень часто формирует простое глагольное сказуемое: *Я не хочу этого; Он хочет, чтобы ты занялся этим делом сам*. Соответственно предлагается считать, что в составном глагольном сказуемом реализуются только два субъективно-модальных значения – возможности и необходимости.

С позиций экзистенциальной теории предложения, которая получает все большее распространение, модальные слова в составном глагольном сказуемом, как и связки в составном именном сказуемом, рассматриваются в качестве номинаторов бытийного компонента – с той лишь разницей, что они модифицируют значение бытия по принципиально другим параметрам, чем связочные глаголы.

Лит.: Василенко Л. И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филологические науки. 1984. № 4; Васильев Л. М. Модальные глаголы русского языка в их отношении к структуре предложения // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976; Вольф Е. М. Состояния и признаки. Оценки состояний // Семантические типы предикатов. М., 1982. Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Ослож-

нение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976; Ликонхи. Глаголы-модификаторы в именных моделях со значением состояния // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. Т. 2. М., 1996; Моисеева Е.А. Предикаты на -о в моделях с личным субъектом // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996.

МОДАЛЬНЫЙ ВОПРОС. Вопрос, предполагающий установление реальности или нереальности либо факта в целом (полный модальный вопрос): *Ты читал это? Он принес книгу?*, либо каких-то деталей факта (частичный модальный вопрос): *Это его я встретил внизу? Это ты разбил чашку?* В 60–80 гг. прошлого столетия термин использовался в русистике под несомненным влиянием чешской лингвистики весьма активно. Сейчас употребляется редко.

МОДЕЛЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Схема или образец, по которому строятся предложения того или иного классификационного разряда. Трактуются исследователями по-разному. При формально ориентированном подходе модель предложения рассматривается либо как формализованная структурная схема, либо как минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующих коммуникативную единицу с типовым значением. Для содержательно ориентированного подхода модель предложения – это семантико-функциональный образец, который может быть выражен формами как в первичных, так и во вторичных значениях.

Лит.: Величко А.В., Овчинникова Л.А. К вопросу о соотношении одноместной, двухместной и трехместной моделей предложения (на материале пред-

ложений с глаголами-сказуемыми семантики речи, передачи, отчуждения) // Филологические науки. 1973. № 3; Журавлев А.П. Структурно-логические модели сложных предложений // Вопросы грамматики русского языка. Программа и кр. содерж. докл. на XIII научно-метод. конф. Северо-Зап. зонального объединения. Л., 1971; Золотова Г.А. Орегулярных реализациях моделей предложения // ВЯ. 1969. № 1; Она же. О связанных моделях русского предложения // Облик слова. Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997; Мухин А.М. Структура предложений и их модели. Л., 1968; Скобликова Е.С. Концептосфера человека и модели предложения // НДВШ Филологические науки. 2001. № 4; Сулейманова О.А. Семантика моделей типа «Мне не спится» // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Часть 1. Минск, 1998.

МОДУС. Понятие, введенное Ш. Балли и одно время получившее распространение в русистике. Трактуются как коррелятивная операция мыслящего субъекта над представлением об описываемом событии. Модус противопоставляется диктуму. В последние годы наблюдается поглощение понятия модуса более широким понятием прагматики.

Лит.: Бырдина Г.В. Сложноподчиненные конструкции в функции вопросительных реплик в модусных вопросно-ответных диалогических единствах // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Зельдович Г.М. Семантическое взаимодействие модуса предложения и частицы «хоть» // НДВШ. Филологические науки. 1991. № 1; Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // НДВШ. Филологические науки. 1979. № 2; Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозиционных предложений). М., 1996; Шмелева Т.В. Диалогичность модуса // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5.

МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ. Форма общения, при которой автором повествования, состоящего из нескольких высказываний, является одно лицо. Монологическая речь противопоставляется диалогической речи.

МОНОПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что простое предложение.

МОНОПРОПОЗИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, построенное на базе одной пропозиции: *Мальчик читает книгу; Ребенок послушен.* Противопоставляется полипропозитивному предложению.

Лит.: Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978; Хегай В.М., Шмелева Т. В. Предикативность и пропозитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978; Шмелева Т. В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. М., 1980.

МОНОРЕМНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, состоящее из одной ремы: *Вечерет; Наступила осень.* В русистике с тем же значением употребляют также термин «тематически недетерминированное высказывание».

Лит.: см. «Высказывание», «Актуальное членение предложения».

МОРФОЛОГИЗОВАННЫЙ ЧЛЕН ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Член предложения, выраженный словом части речи, специализированной в своем первичном значении на выполнении данной функции. Так, морфологизованное подлежащее выражается существительным в именительном падеже, морфологизованное сказуемое — глаголом в личной форме, морфологизованное дополнение — существительным в косвенном падеже, морфологизованное определение — полным прилагатель-

ным, морфологизованное обстоятельство — наречием.

Лит.: Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Он же. Члены предложения и части речи. М., 1978; Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Пешковский А. М. О грамматическом разборе // Избр. труды. М., 1959; Прокопович Е. Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М., 1982; Распопов И. П. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 172. Воронеж, 1976. См. также «Члены предложения».

НАЗЫВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. 1. То же, что номинативное предложение. Термин используется преимущественно в школьной грамматике. 2. Разновидность номинативного предложения, которая включает в свой состав названия магазинов, учреждений, улиц, заголовки книг, подписи под картинами и т.д. В последнее время все эти языковые явления в качестве предложений не рассматриваются.

Лит.: см. «Номинативное (назывное) предложение».

НАРЕЧНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Один из типов словосочетаний, главный компонент которых выражен наречием: *страшно громко; очень неприятно.* Условно к наречным относят словосочетания, образованные на базе слов категории состояния, в том числе и таких, которые, подобно глаголам, управляют винительным падежом прямого объекта: *жаль маму; больно руку.*

Лит.: см. «Словосочетание».

НЕБАЗИСНАЯ ПРОПОЗИЦИЯ. См. пропозиция.

НЕВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. В «Русской грамматике – 1980» общее наименование повествовательных и побудительных предложений, противопоставляемых вопросительным. Термин служит своеобразным напоминанием о некогда имевшем место увлечении отдельных представителей русистики идеей бинаризма – принципа, согласно которому все многочленные грамматические категории могут быть в результате определенных исследовательских процедур сведены к цепочке двоичных противопоставлений. Сейчас этот термин практически вышел из употребления.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

НЕВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Высказывание с невыраженным эмоциональным отношением говорящего к собственному сообщению: *Ночь тиха; Куда направляешься? Принеси мне книги.* Невосклицательное предложение противопоставляется восклицательному предложению.

Лит.: Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

НЕГАЦИЯ. То же, что отрицание.

НЕГИБКИЕ СТРУКТУРЫ. Сложные предложения, порядок следования частей которых не допускает варьирования, т.е. является строго фиксированным, как, напр., в сложноподчиненных предложениях с придаточными причины, вводимыми союзами *потому что* и *ибо*: эти придаточные никогда не употребляются в препозиции. Негибкие структуры противопоставляются гибким структурам.

Лит.: см. «Сложное предложение», «Сложноподчиненное предложение».

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНФИНИТИВ.

Инфинитив, используемый в предложении без помощи существительных, прилагательных, вспомогательных глаголов или их субститутов: *Говорит с ним было бесполезно; Работать на улице без верхней одежды было холодно.*

Лит.: Георгиева В. Л. Глагольно-инфинитивные безличные предложения в истории русского языка (по материалам памятников XI–XVII вв.) // НДВШ. Филологические науки. 1969. № 2; Гехтляр С. Я. Русский инфинитив. Категориальная характеристика, функционирование. СПб., 1996; Гришина Н. И. Инфинитивные предложения и их место среди синтаксических структур русского языка // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984; Йомдин Л. Л. Нулевые и инфинитивные подлежащие в русских страдательных конструкциях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Луцай В. В. Синтаксическая семантика инфинитива в русском языке // Грамматическая семантика глагола и имени в языке Сб. науч. тр. Киев, 1988; Теркман В. Глаголы, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском языке: АКД. Воронеж, 1990; Тихова Л. В. Структурно-семантическая характеристика предложений с инфинитивом в роли подлежащего в современном русском языке: АКД. Алмата, 1971; Черепанова О. А. Инфинитивные конструкции с формами глагола «быть» в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 4; Чернова С. В. Коммуникативное строение и функционирование предложений с безличными глаголами и зависимым инфинитивом // Исследования по семантике. Уфа, 1985.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ.

Словосочетание, в структурном отношении меньшее, чем предложение: *читать письмо; высокая гора.* Выделяется при широком подходе к словосочетанию. Для узкого подхода все словосочетания являются, по

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ

определению, незаконченными, в связи с чем этот термин не употребляется.

Лит.: см. «Словосочетание».

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Порядок слов, отвечающий двум условиям: 1) он обеспечивает развертывание сообщения от темы к реме (в связи с чем может быть как прямым, так и обратным) и 2) он не допускает нарушения нормативных тенденций, определяющих последовательность расположения компонентов в отдельных словесных группах. Так, если бы мы захотели «восстановить» нейтральный словопорядок в известном высказывании А. Пушкина *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит*, он имел бы следующий вид: *По зимней, скучной дороге бежит борзая тройка*. Противопоставляется инверсированному (стилистическому) порядку слов.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Крылова О. А., Хавронина С. А. Порядок слов в русском языке. М., 1986; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

НЕОДНОКОМПОНЕНТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Простое предложение, предикативная основа которого организуется несколькими (обычно двумя) формами слов, находящимися друг с другом в определенных синтаксических отношениях. Характер этих отношений весьма разнообразен и практически не сводится к общему знаменателю. Об этом свидетельствует сам набор неоднородных предложений, к числу которых Н. Ю. Шведова, предложившая сам этот термин, относит предложения типа: *Лес шумит; Запрещается курить; Отец учи-*

тель; Ребенок послушный; Задача учиться; Ложь — это непростительно; Сомневаться значит искать; Кататься весело; Видно следы; Много цветов; Нет времени; Никакой надежды; Некому работать и т.д. Неоднородное предложение противопоставляется однокомпонентному типу *Знобит; Стучат; Тишина* и т.д.

По своему содержанию термин «неоднородное предложение» существенно расходится с термином «двусоставное предложение», который он, по логике, должен замещать. В русистике распространения не получил (вероятно, из-за неэсплицированности оснований, по которым неоднородность противопоставляется однокомпонентности).

Лит.: см. «Простое предложение», «Двусоставное предложение».

НЕОДНОРОДНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ. Определения, обозначающие совместимые в одном предмете и в его границах независимые друг от друга качества и свойства: *громадные еловые леса; высокое каменное здание; грязная фарфоровая чашка* (Б.Н. Головин). Обязательная связь между признаками, называемыми несогласованными определениями, отсутствует: *громадные леса* могут быть, скажем, лиственными, а еловые, в свою очередь, не обязательно должны быть большими; *высокое здание* может быть деревянным, а каменное, наоборот, низким и т.д.

Обыкновенно несогласованные определения четко противопоставляются согласованным, которые обозначают, по наблюдениям Б. Н. Головина, либо несовместимые в одном предмете и поэтому независимые признаки: *желтые, красные, голубые цветы; деревянная, фарфоровая, глиняная посуда*, либо совместимые в одном предмете и зависимые в границах предмета признаки, причем эта зависимость конкретизи-

руется как причинно-следственная: *тяжелые, холодные тучи* (тяжелые и поэтому холодные); *невинная, болтливая радость* (невинная и поэтому болтливая). Вместе с тем между ними существует зона нейтрализации, где допускается двоякая интерпретация одних и тех же определений – либо как однородных: *крупные, дутые бусы* (дутые и поэтому крупные); *черное, низкое небо* (черное и поэтому кажущееся низким), либо как неоднородных: *крупные дутые бусы* (крупные бусы не обязательно дутые); *черное низкое небо* (низкое небо может быть серым).

Для разграничения согласованных и несогласованных определений используется целая серия всевозможных методических приемов. Но они не всегда эффективны и часто противоречат друг другу. По этой причине расстановка знаков препинания (предполагающая конкретный ответ на вопрос: ставить запятые или не ставить?) неизбежно принимает субъективный характер.

Лит.: Перетрухин В. Н. К проблеме разграничения однородных и неоднородных определений // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1. Курск, 1974. См. также «Определение».

НЕОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Формально односоставное предложение, в котором знаменательный или связочный глагол 3-го лица множественного числа изъявительного и сослагательного наклонений, употребленный в позиции наличного главного члена, несет информацию о втором главном члене, квалифицируя его как неопределенное лицо. Такая квалификация носит двувариантный характер, поскольку этим лицом может быть либо некто неизвестный, либо некто неназванный. Первый вариант реализуется при отсутствии у говорящего информации о кон-

кретном производителе действия (или носителе признака) равно как и об их количестве: *За перегородкой пошептались и замолкли* (Л. Толстой); *Кричали далеко, но крик оглушал, вызывал шум в голове* (Горький). Второй вариант возможен в тех случаях, когда говорящий: а) считает избыточным всякое упоминание о действователе, относящемся к широкому кругу компетентных лиц: *Тебя бы в этот ресторан не пустили* (Из газет); *Селянина сняли с начальника цеха* (Д. Гранин); б) находит возможным без ущерба для понимания ограничиться лишь общими сведениями о деятеле (носителе признака), которые собеседник легко может «вычитать» из введенных в предложение словоформ с локальным или посессивным значением: *В отделе почему-то не курят* (М. Костров); *В семье ее звали Огюстиной* (А. Левандовский); в) намеренно анонимизирует в целях особой выразительности очевидного действователя (в том числе и самого себя): *Он в то время вздыхал по пятой дочке генерала, и ему, кажется, отвечали взаимностью* (Достоевский); – *Отходи от весов, кому говорят!* (Шолохов).

В последние годы в русистике утверждается мнение, согласно которому, неопределенно-личное предложение является особым вариантом двусоставных предложений. Это мнение представляется вполне корректным. У неопределенно-личных предложений отчетливо обнаруживаются два состава: подлежащее, выраженное на основе имплицитной номинации, т.е. без помощи специального лексического средства, и сказуемое, которое может быть простым глагольным: *Принесли почту; В дверь стучат*, составным глагольным: *В зале начинают волноваться; Вам здесь могли бы помочь* и составным именным: *В школе им были бы недовольны; У нас к вам будут внимательны.*

Необходимо иметь в виду, что возможность употребления в неопределенно-личных предложениях составного именного сказуемого делает некорректной интерпретацию этих предложений как исключительно глагольных (активно-процессных), хотя такая интерпретация широко распространена (особенно в учебной литературе). Они могут быть не только активно-процессными, но и признаковыми.

Лит.: Сятковский С. И. Неопределенно-личные предложения в русском и польском языках: АКД. М., 1966; Хазова О. Н. Именные неопределенно-личные предложения // Системный анализ значимых единиц. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984.

НЕОРИЕНТИРОВАННАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. По терминологии Н. Ю. Шведовой, связь, устанавливаемая в сложноподчиненных предложениях, в которых союзное слово придаточной части отсылает к предмету, событию, лицу, не названному, а лишь обозначенному, да и то не всегда, указательным местоимением: *Я тот, чей взор надежду губит* (Лермонтов); *То, о чем старались не думать, произошло* (Трифонов); *Кто в клетке зачат, по клетке плачет* (Евтушенко). Неориентированная относительная связь противопоставляется ориентированной относительной связи.

Лит.: Шведова Н. Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

НЕОСЛОЖНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, не имеющее в своем составе осложняющих элементов (однородных членов, обособленных членов, обращений и т.д.). Неосложненное предложение противопоставляется осложненному предложению.

Лит.: см. «Простое предложение».

НЕПОДЛЕЖАЩНО-СКАЗУЕМОСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин «Русской грамматики – 1980», которым обозначается группа двукомпонентных предложений с семантическим субъектом, выраженным не именуемыми формами, т.е. не существительным в именительном падеже и не инфинитивом: *Воды прибывает; Времени не хватает; Нет денег; Нельзя оставаться.* Противопоставляется подлежащно-сказуемостному предложению.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980. См. также «Простое предложение».

НЕПОЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором отдельные части сообщения остаются невербализованными. Поскольку эти звенья легко восстанавливаются с опорой либо на контекст, либо на ситуацию, сопутствующую речевому акту, различают два вида неполного предложения – контекстное: *Я отправился домой, а он – в университет* и ситуативное: *Наконец-то!* (радостный возглас при виде человека, которого давно уже ждут). Неполные предложения широко используются в диалоге.

Лит.: Артюшков И. В. К вопросу о соотношении прерванных и неполных предложений // Предложение как многоаспектная единица. М., 1984; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; Ли Чжон Хен. К проблеме факта в лингвистике (на материале предложений неполной номинализации) // НДВШ. Филологические науки. 1999. № 2; Ломов А. М. Слова-предложения или неполные предложения? // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971; Попова А. И. Неполные предложения в современном русском языке // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. М., 1953; Сковородников А. П. О неполноте эллиптических предложений (в аспекте их синтагматики и

парадигматики) // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984; Ли Чжон Хен. Типы предикатов в конструкциях неполной номинализации // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Ширяев Е. Н. Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами предикатами на материале разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 55. Горький, 1973; Он же. О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказывании разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973. См. также «Эллиптическое предложение».

НЕПОЛНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ. Разновидность согласования сказуемого с подлежащим, при котором отсутствует уподобление формы вещественного компонента именного составного сказуемого (или второго сказуемого) форме подлежащего по падежу: *Он был врачом; Иван вернулся стариком; Брат умер молодым.*

Лит.: см. «Согласование».

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. То же, что беспредложное управление.

НЕПРЕДИКАТИВНАЯ СВЯЗЬ. Обобщенное наименование для всех видов связи, которая не является связью сказуемого с подлежащим.

НЕПРЕДИКАТИВНОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ. При широком подходе к словосочетанию рассматривается как разряд незаконченных словосочетаний, которые не представляют собой соединения подлежащего и сказуемого; *зеленый луг; читать громко; отчет о командировке; лес и река.* Непредикативное словосочетание противопоставляется предикативному словосочетанию. Для узкого подхода все словосочетания являются непредикативными,

поэтому соответствующий термин оказывается избыточным.

Лит.: см. «Словосочетание».

НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Синтаксические отношения, которые, будучи противопоставленными предикативным отношениям, обычно определяются с учетом последних на контрадикторной основе — как отношения, которые не являются отношениями подлежащего и сказуемого. Различаются два их основных типа — подчинительные и сочинительные. Первые устанавливаются в словосочетаниях и сложных предложениях: *разгром врага; рисковать жизнью; Мужчина, которого мы вчера увидели, был угрюм; Я был обеспокоен — Николай так и не появился;* вторые — в сочетаниях слов и в сложных предложениях: *мать и дочь; быстро, но плохо; Подошла машина, и мы отправились на дачу.* Кроме того, к числу непредикативных отношений относятся пояснительные отношения, статус которых не вполне ясен: иногда их сближают с сочинительными, иногда с подчинительными отношениями. Эти отношения реализуются в разного рода сочетаниях слов (не в словосочетаниях!) и в сложных предложениях: *Теперь им предстояло самое трудное — расставание с другом; Он тогда уволился с завода, то есть все его отношения с концерном прекратились.*

Лит.: Бунина М. С. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями между компонентами в языке произведений В. И. Ленина // Современный русский язык. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. № 423. М., 1971; Категория отношения в языке. Уфа, 1997; Кирпичникова Н. В. О синтаксическом термине пояснение // Исследования по современному русскому языку. М., 1970; Колосова Т. А. Простые и сложные предложения как члены одного вариативного синтаксического ряда // Русское языкознание. Вып. 2. Алма-Ата, 1973; Кузнецов

ва О.Я. Подчинительные, пояснительные и присоединительные отношения между частями сложноподчиненного предложения // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964; Ломтев Т.П. Синтаксические отношения // НДВШ. Филологические науки. 1973, № 3; Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986; Чайковская Н.Н. Недифференцированность и синкретизм смысловых отношений в сфере бессоюзия // Предикативные конструкции в языках разных систем. Новосибирск, 1985; Ченнон Р. О новом подходе к анализу грамматических отношений // ВЯ. 1994. № 1; Чеснокова Л.Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями: Материалы по спецкурсу. Ч. 2. Ростов н/Д, 1973; Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990; Щеулин В.В. Сложноподчиненные предложения и область промежуточных отношений и структур // Вопросы синтаксиса русского языка. Вып. 1. Рязань, 1974.

НЕПРИСЛОВНАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид подчинительной связи в простом предложении, реализуемой за рамками словосочетания. Ее отличительная особенность состоит в том, что выбор морфологического квалификатора связи – формы зависимого компонента предопределяется позицией главного компонента в предложении: *(Магазин) открыт продавцом; (Завод) проектируется специалистами.* Как разновидность неприсловной подчинительной связи иногда рассматривают предикативную связь.

В некоторых случаях неприсловную подчинительную связь усматривают в сложноподчиненных предложениях расчлененной структуры, где придаточная часть относится ко всей главной части в целом.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

НЕПРИСЛОВНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное (обычно обстоятельственного характера), относящееся к предикативному центру главной части сложноподчиненного предложения.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

НЕПРОСТОЕ СКАЗУЕМОЕ. То же, что составное сказуемое.

НЕПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. То же, что косвенное дополнение.

НЕПРЯМОЙ ОБЪЕКТ. То же, что косвенный объект.

НЕРАЗВЕРНУТАЯ ЧУЖАЯ РЕЧЬ. Высказывание, воспроизводимое в авторском повествовании с значительными пропусками отдельных содержательных деталей, которые оцениваются как неактуальные, не вызывающие интереса, отвлекающие от главного и т.д. Неразвернутый характер могут носить все три вида чужой речи – прямая, косвенная и несобственно-прямая речь. Сигналами сокращения повествования являются удвоенные указательные местоимения, часто сопровождаемые постпозитивной частицей *то: то-то и то-то, туда-то и туда-то*, словесные группы *так и так; то да се; пятое, десятое: Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то, но если это не подтвердится по исследованиям того-то и того-то, то у вас надо предположить то-то и то-то* (Л. Толстой); *Капитанова невеста жить решила вместе. Прикатила, говорит: – Милый! То да се...* (В. Высоцкий); *Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, и так... у раба божьего Алексея зубы болят, прошу выпользовать* (Чехов).

Термин «неразвернутая чужая речь» был предложен Е.С. Отиным сравни-

тельно недавно и пока еще не получил широкого распространения. Однако настоятельная потребность в нем, несомненно, ощущается.

Лит.: см. «Косвенная речь».

НЕРАСПРОСТРАНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, не имеющее в своем составе второстепенных членов: *Дети читают; Он здоров.*

Лит.: см. «Простое предложение».

НЕРАСЧЛЕНЁННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. То же, что тематически недетерминированное высказывание.

Лит.: см. «Высказывание».

НЕСВОБОДНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Малопродуктивный класс сложных предложений, построенных по моделям, которые налагают существенные ограничения на использование тех или иных морфологических форм. К их числу относятся предложения типа: *Уж кто-то, а ты бы должен знать это; Чего он не мог понять, так это того, почему я не пришел; Конечно, свадьба свадьбой, но о делах-то забывать нельзя.* Несвободное сложное предложение противопоставляется свободному сложному предложению.

Лит.: см. «Сложное предложение».

НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. То же, что несобственно-прямая речь. Термин используется редко.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ (НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ) РЕЧЬ. Способ передачи чужой речи, предполагающий контаминацию особенностей косвенной и прямой речи. С точки зрения общего характера языкового оформления это, безусловно, косвенная речь, о чем свидетельствует употребление форм лица с позиции автора речевого произведения, в которое включена несобственно-прямая речь. В то же время этот способ вкрапления «чужого» в «свое» допускает, подобно

прямой речи, свободное использование экспрессивных частиц, междометий, модальных слов, реализацию прямых вопросов, обращений.

А. Пушкин был, кажется, первым в нашей литературе, кто в полной мере осознал огромные выразительные возможности несобственно-прямой речи, способной преодолевать крайности и косвенной речи, обеспечивающей сухой и однообразный пересказ «чужого», и прямой речи, исключаяющей возможность авторских оценок сообщаемого. Ср. в этом отношении хорошо известный отрывок из «Полтавы»: *Мазепа в горести притворной К царю возносит глас покорный. «И знает Бог, и видит свет: Он, бедный гетман, двадцать лет Царю служил душою верной, Его щедротою безмерной осыпан, дивно вознесен... О, как слепа, безумна злоба! Ему ль теперь у двери гроба Начать учение измен И потемнять былую славу? Не он ли помощь Станиславу С негодованьем отказал, Стыдясь, отверг венец Украйны, И договор, и письма тайны К царю по долгу отослал? Не он ли наущеньям хана И цареградского султана Был глух? Усердием горя, С врагами белого царя Умом и саблей рад был спорить, Трудов и жизни не жалел, И ныне злобный недруг смел Его седины опозорить! И кто же? Искра! Кочубей! Так долго был его друзьями!..»*

Лит.: Ковтунова И. И. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке // РЯШ. 1953. № 2; Коростова С. В. Несобственно-прямая речь в современном русском языке: структурно-семантический и функциональный аспекты: АКД. Краснодар, 1999.

НЕСОГЛАСОВАННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Определение, выражаемое существительными в косвенных падежах, личными местоимениями, развивающими притяжательное значение, сравнительной степенью прилагатель-

ного, наречиями, инфинитивом и разного рода сочетаниями слов: *изба сторожа; ее книга; магазин поближе; яйцо всмятку; желание познакомиться; старик восьмидесяти лет.*

Несогласованное определение не отделено с достаточной четкостью от приименного дополнения. Их разграничение обыкновенно осуществляется с учетом лексической семантики вступающих в сочетание элементов, а также содержания отношений между ними (устанавливаемого с помощью всякого рода аналогий и преобразований).

Так, приименный родительный при отвлеченных существительных, называющих действие или состояние, квалифицируется либо как несогласованное определение, либо как дополнение в зависимости от того, обозначает этот родительный субъект или объект действия. Ср., с одной стороны, *приказ директора; открытие Колумба*, а с другой — *решение задачи; открытие Америки*.

При существительных с конкретно-предметным или вещественным значением родительный, обозначающий лицо, которому принадлежит данный предмет, считается несогласованным определением: *книга товарища; дом отца*. Наоборот, при существительных, называющих лицо, родительный, обозначающий предмет, которым владеет данное лицо, либо ограничивающий сферу его деятельности, считается приименным дополнением: *хозяин дома; командир корабля*.

В тех случаях, когда родительный падеж при существительных с конкретно-предметным значением обозначает целое по отношению к какой-то части, он квалифицируется как несогласованное определение: *вершина горы; крыша дома* или как дополнение: *кусочек сахара; ломоть хлеба* в зависимости от того, имеется ли в виду составной компо-

нент целого или выделяемая из него в каком-то объеме (размере) органическая часть.

Подобным же образом устанавливается принадлежность к несогласованным определениям или к приименным дополнениям других падежных и предложно-падежных форм существительных.

Необходимо иметь в виду, что результаты такого разграничения у разных авторов оказываются различными (напр., у И.П. Распопова выделяется приименных дополнений значительно больше, чем у А.К. Федорова). По этой причине отдельные исследователи считают подобную дифференциацию избыточной и квалифицируют все формы, входящие в синтаксическую группу существительного, как определения.

Лит.: см. «Определение».

НЕФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ (СВОБОДНЫЕ) СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ. Различаемые в «Русской грамматике — 1980» синтаксические образцы с живыми грамматическими связями между компонентами: *Лес шумит; Тишина*. Противопоставляются фразеологизированным структурным схемам.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

НЕЧЛЕНЬМОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

То же, что грамматически нечленяемое предложение.

НОВОЕ. Термин, используемый в теории актуального членения обыкновенно в том же значении, что и термин «рема». Однако в действительности они не всегда совпадают. В частности, по наблюдениям Н. И. Ковтуновой, иногда рема может обозначать данное, а не новое.

Лит.: Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и акту-

альное членение предложения. М., 1976. См. также «Актуальное членение предложения».

НОМИНАЛИЗАЦИЯ. Обыкновенно определяется как формальное и содержательное преобразование предложения в именную структуру, способную быть частью другого предложения. Если оставить в стороне момент преобразования, которым мы обязаны генеративной лингвистике, номинализацию можно понимать как способность пропозиции представлять не в качестве базисной, т.е. лежащей в основе отдельно взятого предложения, а в качестве свернутой, т.е. являющейся частью другой, базисной пропозиции. Ср. *Дети играли в футбол – Игравшие в футбол дети не заметили меня – Игра детей в футбол заинтересовала нас.*

Лит.: Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986; Ли Чжон Хен. К проблеме факта в лингвистике (на материале предложений неполной номинализации) // НДВШ. Филологические науки. 1999. № 2; Ли Чжон Хен. Типы предикатов в конструкциях неполной номинализации // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Шатуновский И.Б. Номинализация предикатных существительных // Предикация и текст. Пермь, 1984.

НОМИНАТИВНАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. См. **номинативный аспект предложения.**

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция, предполагающая именование высказыванием какого-л. внешнего положения дел. См. **теория синтаксической номинации.**

НОМИНАТИВНОЕ (НАЗЫВНОЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип содержательно односоставных предложений, констатирующих бытие разного рода реалий, категоризованных языком как грамма-

тические предметы. Содержание и объем понятия, закрепляемого за этим термином, существенно меняется в зависимости от характера подхода к номинативному предложению — узкого или широкого.

При узком подходе (восходящем к идеям А.А. Потебни, А.В. Попова, Ф. Миклошича и окончательно оформившемся в работах А.М. Пешковско-го и А.А. Шахматова) интерпретация номинативного предложения предполагает три жестких ограничения. Считается, что, во-первых, в этом предложении нет и не может быть глагола, поскольку ввод глагола автоматически превращает его в двусоставное, во-вторых, здесь принципиально исключены дополнения и обстоятельства, поскольку отсутствует глагол, к которому они могли бы относиться, и, в-третьих, данное предложение существует только в утвердительной форме. Соответственно номинативными признаются предложения, которые состоят либо из одного существительного в именительном падеже (*Зима; Утро*), либо из существительного и относящегося к нему определения (*Славная осень; Поздний вечер*).

У истоков широкого подхода к номинативному предложению, зародившегося в начале 50-х гг. XX в., стоял В.В. Виноградов, который отметил, что разница между предложениями типа *Зима*, с одной стороны, и предложениями типа *Была зима; Будет зима* — с другой, «исчерпывается формами времени». Отсюда следовал естественный вывод: «Они прямо соотносительны и для современного языкового сознания одночленны». Но практическая реализация идей В.В. Виноградова протекала несколько позже, когда в синтаксисе все решительнее стали пробивать себе дорогу представления о системном характере изучаемых в его рамках

явлений. Именно в это время (конец 50-х – 60-е гг.) было осознано, что если номинативными называть наряду с предложениями *Ночь*, *Буря* и предложения *Была ночь*, *Будет буря*, то такими же необходимо считать и предложения с обстоятельствами и дополнениями: *У них скоро будет уже ночь*; *На море буря* (Лекант П.А., Седельников Е.А., Шведова Н.Ю.). Кроме того, А.М. Мухиным было обращено внимание на некорректность рассмотрения за рамками номинативного предложения его отрицательного варианта с существительным в родительном падеже (ср. *Там были какие-то чемоданы – Там не было никаких чемоданов*; *У него большие связи – У него нет связей*).

Нельзя, правда, утверждать, что широкий подход к номинативному предложению во всех случаях отличается последовательностью. Даже «Русская грамматика – 1980», которая в известной степени подвела итог новому этапу изучения этого предложения, оставила вне рамок последнего, во-первых, все структуры с отрицанием: *Нет времени*; *Ни облачка*; *Никаких следов*; во-вторых, структуры, в которых констатируется наличие определенной суммы предметов: *У нее трое детей*; *Там было десять гектаров свободной земли*; в-третьих, восклицательные структуры с относительным местоимением *какой*: *Какая ночь!* Здесь, вне всякого сомнения, дал о себе знать гипноз формы, заставляющий исследователей размежевывать внешне непохожие, но с семантико-функциональной точки зрения тождественные явления. Воздействие гипноза формы было преодолено, в сущности, только в рамках логического синтаксиса. Установка на содержание позволила этому направлению вполне оправданно отождествить перечисленные структуры с об-

щей массой вариантов номинативного предложения (Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.). В общем итоге широкий подход, отклонивший все без исключения ограничения узкого подхода, выработал принципиально новое представление о характере главного члена номинативного предложения. Считается, что он двукомпонентен и состоит из номинатора грамматического предмета и бытийного глагола.

Стандартным средством выражения грамматического предмета является существительное, принимающее при утверждении бытия этого предмета форму именительного падежа: *За речкой луг, за лугом лес* (Ходасевич); *На дне котлована была железнодорожная станция* (Пастернак); *В доме стук, ходьба, метут и убирают* (Грибоедов); *Над океаном блеск и тишина* (Г. Иванов). Кроме того, в роли номинаторов предмета могут использоваться в порядке субституции склоняемые и несклоняемые слова, всевозможные цитации и даже пониженные в ранге предложения: *Позади ведь пережитое и сделанное* (Из газет); *И снова ели в огнях, и снова над крышами – «С Новым годом! С Новым годом!»* (В. Тендряков); *А в замысле было – герой умирает* (Трифонов).

При количественной характеристике предмета (за рамками морфологической категории числа!) грамматическое оформление существительного заметно меняется. Если фиксируется определенное или неопределенное количество предметов, для его выражения используется количественно-именное сочетание, в составе которого по общему обыкновению количественное слово ставится в именительном падеже, а существительное – в родительном: *У него как у бакенщика, было четыре лодки* (В. Распутин); *Теперь в селе было несколько улиц* (А. Иванов).

Приблизительная квалификация предмета предполагает употребление существительного в косвенном падеже в сочетании с предлогами *с*, *за*, *около* и словами *более*, *менее*: *Было около пяти часов утра* (Е. Ржевская); *Было уже за полночь* (Ф. Абрамов); *У меня было менее трех рублей* (Паустовский). На рас-пределяемое множество указывают сочетания с предлогом *по*: *В руках у него по четыре котелка* (М. Колосов); *У него в каждом пальце по несколько талантов* (Из газет). Максимальное количество предметов обозначается существительным в родительном падеже (при поддержке соответствующей интонации): *Слов-то, слов-то* (Тургенев); *«Добра-то, добра!» — сказал Яков* (Чехов).

В тех случаях, когда номинативное предложение констатирует небытие какого-л. предмета, именительный падеж соответствующего существительного заменяется родительным. Эта закономерность установилась в русском языке сравнительно поздно (по данным А.А. Потебни, около XVII в.), но сейчас она уже не знает исключений: *Для раздумий не было времени* (Из газет); *Для нее сейчас не было ни мужа, ни родных, вообще не было людей* (П. Проскурин); *Для него не было большего удовольствия, чем искупаться в холодной воде* (Нагибин). В случае метонимической редукции слова *нет* небытие предметов фиксируется усилительной частицей *ни*, употребляемой самостоятельно или в составе местоимения: *В квартире у нее ни пылинки* (Ю. Трифонов); — *Никаких переодеваний!* — возмущенно закричал майор (В. Богомолов).

Что касается второго компонента главного члена, он выражается в номинативном предложении, как свидетельствуют приведенные выше примеры, по большей части глаголом *быть*. В настоящем времени этот глагол, как и

в двусоставных предложениях с составным именным сказуемым, способен употребляться в нулевой форме, но это отнюдь не общее правило, так как иногда допускается реализация материально выраженной формы настоящего времени *есть*. Выбор одной из указанных форм определяется отнюдь не произволом говорящего. Здесь действуют очень четкие закономерности. В одной части случаев формы имеют разные сферы употребления. Так, в высказываниях, содержащих отглагольное существительное, которое называется опредмеченное действие или состояние, возможна только нулевая форма: *Во всех палатках здоровый храп* (В. Песков); *У колодца шум, говор, смех* (Ф. Абрамов); *У меня тяжелая бессонница* (В. Каверин). Наоборот, высказывания, предполагающие ввод в фонд знаний собеседника тех или иных понятий, без которых акт коммуникации не может быть успешным, требуют обязательного употребления материально выраженной формы: *Есть на земле племя неутомимых путешественников, людей, чья работа непосредственно связана с переездами* (Из газет); *Есть такой магазин — «Тысяча мелочей»* (В. Каверин). В другой части случаев нулевая и материально выраженная формы свободно чередуются, но это чередование связано с определенными смысловыми сдвигами: *Во главе новичков — опытные инструкторы* (Из газет) — ср. *Во главе новичков есть опытные инструкторы* (не все, а лишь некоторые); *Возле домов — виноград, яблони, груши* (В. Песков) — ср. *Возле домов есть виноград, яблони, груши* (среди прочего, что здесь растет). Существует, правда, незначительное число высказываний, где эти формы чередуются совершенно свободно, без каких-л. смысловых различий. Но здесь мы, видимо, имеем дело с естественной зо-

ной нейтрализации, которая дает о себе знать на самых разных участках языковой системы: *У меня вопрос — У меня есть вопрос; У меня к тебе просьба — У меня к тебе есть просьба.*

Кроме глагола *быть* в позиции бытийного компонента номинативного предложения используются его варианты — кратный глагол *бывать* и дистрибутивный глагол *перебывать*, а также глаголы *остаться — оставаться* и *оказаться — оказываться*: *У него бывают взлеты и падения* (В. Каверин); *За три дня у меня перебывало множество знакомых* (Из газет); *Там оказалось два таких места* (В. Богомолов); *В распоряжении Седого оставалось чуть больше часа* (С. Наумов). Правда, в литературно-художественных текстах XIX в. нередко встречаются глаголы *делаться — сделаться*, *стать — становиться*: *Ветер завыл, сделалась метель* (Пушкин); *Потом стала ночь* (Достоевский). К настоящему времени первый из них фактически уже вышел из употребления, а второй существенно сузил сферу своего использования.

Таким образом, с какой бы стороны ни подходить к номинативному предложению, оно обнаруживает большее, чем у других односоставных предложений, разнообразие средств и способов формального выражения главного члена. Это обстоятельство на долгие годы задержало его корректную интерпретацию в русистике. Оно же определило неудачный выбор морфологизованного термина номинативное предложение, внутренняя форма которого вступает в явное противоречие с существом некоторых из номинаторов грамматического предмета. В этой связи более предпочтительным является термин «односоставное предметное предложение», уже используемый в научных исследованиях.

Лит.: Антонова Т. И. О номинативных предложениях // Уч. зап. Магнитогорского пед. ин-та. Вып. 7. 1958; Арден-тов Б. П. Номинативные предложения в современном русском языке // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. (IV) 55 (филологический). Кишинев, 1959; Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // ВЯ. 1976. № 6; Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // ВЯ. 1954. № 1; Всеволодова М. В. Номинативно-аккузативные структуры и их конверсивы в русском языке (К вопросу об исчислении типов конверсных структур) // НДВШ. Филологические науки. 1976. № 6; Кривченко Е. Л. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974; Лермонт Р. О развитии номинативного предложения в русском языке // ВЯ. 1973. № 2; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Попов А. В. Синтаксические исследования // Филологические записки. Вып. 4—5. Воронеж, 1879; Попов А. С. Изменения в употреблении номинативных предложений // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 3; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт парадигматики) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1987; Ширяев Е. Н. Русские бытийные предложения — одна из характерологических особенностей русского синтаксиса. М., 1997. См. также «Од-

носоставное предложение», «Простое предложение».

НОМИНАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Онтологический аспект предложения, имеющий прямое и непосредственное отношение к сообщаемой последним объективной информации о мире. Предполагает изучение того, как предложение «видит» мир: какие внешние «положения дел» оно сводит в классы (денотаты) и на какой языковой основе осуществляет их обобщение. Противопоставляется прагматическому аспекту.

Лит.: Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Кривченко Е.Л. Номинативный аспект предложения. Саратов, 1982; Лермнт Р. О развитии номинативного предложения в русском языке // ВЯ. 1973. № 2; Ширяев Е.Н. Русские бытийные предложения — одна из характерологических особенностей русского синтаксиса. М., 1997.

НОМИНАТИВНЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, изучающий предложение как номинативную единицу, отражающую те или иные «положения дел» в объективной действительности.

Лит.: см. «Номинативное предложение».

НУЛЕВАЯ ФОРМА СВЯЗКИ. Форма настоящего времени глагола *быть*, не получающая материального выражения и выявляемая отчасти на основе парадигматических соотношений с формами прошедшего и будущего времени того же глагола, отчасти на основе интонации: *Он москвич — Он был москвичом — Он будет москвичом; На улице холодно — На улице было холодно — На улице будет холодно.*

Лит.: см. «Связка».

НУЛЕВОЙ ГЛАГОЛ. У некоторых авторов (*Хабургаева Г.А.* и др.) глагол,

который незримо присутствует в эллиптическом предложении, но не может быть отождествлен ни с одним глаголом соответствующей лексико-семантической группы. Так, анализируя предложение *Казбич — к окну*, мы отдаем себе отчет в том, что речь идет о стремительном перемещении субъекта действия. Но нам совершенно неясно, какой глагол здесь должен быть подставлен (*бросился, метнулся, подскочил* или *подбежал*). Поскольку никакой подсказки от текста получить невозможно, остается только одно — постулировать наличие крайне неопределенного, нулевого глагола перемещения.

Лит.: см. «Эллиптическое предложение (высказывание)», «Неполное предложение».

НУМЕРАЛЬНОЕ (НУМЕРАТИВНОЕ) СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Разряд именных словосочетаний, в которых главный член выражен порядковыми и количественными числительными: *пятый от окна; второй слева; два табурета; пять лошадей*. Многими синтаксистами они специально не выделяются, поскольку словосочетания с порядковым числительным в роли главного слова практически ничем не отличаются от адъективных, а словосочетания, главный компонент которых выражен количественным числительным, представляют собой несистемные образования: во всех падежах, кроме именительного и винительного, числительное является подчиненным компонентом по отношению к существительному, и, стало быть, здесь имеют место субстантивные словосочетания: *двух столов; трем партам*.

Лит.: Попов А.С. Предложения с разъединенными количественно-именными сочетаниями и нумеративные подлежащие в современном русском языке // Вопросы лексики и грамматики русского языка. Пермь, 1974. См. также «Словосочетание».

ОБОБЩАЮЩИЕ СЛОВА. Слова и сочетания слов, номинативное значение которых раскрывается, конкретизируется, уточняется посредством однородных членов, предшествующих им или следующих за ними. Обобщающие слова выполняют в предложении ту же функцию, что и однородные члены.

В роли обобщающих слов чаще всего выступают местоимения и местоименные наречия *все, никто, ничто, всякий, каждый, всюду, нигде, никогда* и т.д.: *Всюду: вверху и внизу — пели жаворонки* (Чехов); *И вдруг все ожило: и леса, и пруды, и степи* (Гоголь); *Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны...* (Горький); *В степи, за рекой, по дорогам — везде было пусто* (Л. Толстой). Аналогичную же роль могут выполнять слова и сочетания слов, называющих класс тех явлений, предметов, признаков, которые исчисляются номинаторами однородных членов: *Местоположение усадьбы было хорошо: приветливо, уединенно и привольно* (Тургенев); *В корзине была дичь: два тетерева и утка* (Гончаров); *На столе стоял букет из полевых цветов: ромашки, медунницы, дикой рябинки* (Паустовский).

Между обобщающими словами и однородными членами существуют пояснительные отношения — в той их разновидности, применительно к которой говорят об аппликативных отношениях (И. П. Распопов).

Лит.: Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Кузьмина Г. В. Синтаксические функции обобщенных слов в предложении с однородными членами и обобщающими словами // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 96. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1971; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение в современ-

ном русском языке. М., 1990; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ОБОБЩЕННО-ЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип формально односоставных предложений, в которых глагольные формы 3-го лица множественного числа изъявительного наклонения и 2-го лица единственного числа изъявительного и повелительного наклонений, употребленные в позиции одного главного члена, несут информацию о втором, лексически не выраженном главном члене, квалифицируя его как обобщенное лицо. Форму обобщенно-личного предложения часто принимают пословицы и поговорки, которые в концентрированном виде отражают коллективный человеческий опыт, представляющий либо в виде предписаний, как надо или не надо вести себя в определенных ситуациях, либо в виде простых констатаций того, как действуют обычно в этих ситуациях: *Цыплят по осени считают; На дураках воду возят; Любишь кататься — люби и саночки возить.*

Обобщенно-личное предложение — самое уязвимое для критики звено формально односоставных предложений. Ему давно уже отказано в праве считаться одним из типов этих предложений. Однако критическое осмысление его идет в разных направлениях. Одни исследователи (напр., Д. Н. Овсянко-Куликовский) сближают его с неопределенно-личным предложением, полагая, что там и тут речь идет о неопределенности, хотя и разной — неопределенности обобщения и неопределенности неведения. Другие (в частности, И. П. Распопов) обращают внимание на то, что признак обобщенности свойствен не только формально односоставным предло-

жениям, но и двусоставным, в которых позиция подлежащего замещена личными местоимениями 1-го и 2-го лица: *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим* (Крылов); *Вы выходите на крыльцо, вам дремлетя немножко* (Тургенев). И, наконец, третьи исследователи отграничивают обобщенно-личные предложения от предложений, в которых глагол 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения является средством обобщения не лиц (здесь всегда имеется в виду сам говорящий!), а его повторяющихся, типичных действий: *В себя ли заглянешь, — там прошлого нет и следа...* (Лермонтов); *Идешь по улице, все на тебя смотрят* (А. Островский); *Встанешь, бывало, поутру и словно с горы на салазках покатишься. Смотришь, уже и примчался к концу* (Тургенев).

В последние годы, в связи с развитием научных представлений о способах и приемах формального обнаружения содержательных звеньев предложения, обобщенно-личное предложение рассматривается как разновидность двусоставных предложений, в которых позиция подлежащего, обозначающего лицо, получает выражение на основе имплицитной номинации, а сказуемое, как и в других двусоставных предложениях, может быть простым глагольным: *Клин клином вышибают; На резвом коне жениться не ездят*; составным глагольным: *Начнешь дело делать, доводи его до конца* (Паустовский); *Там все до примитивности просто: хочешь развлечься, ступай в казино* (Из газет); составным именным: *Насильно мил не будешь; Не будь грамотен, будь памятен*.

Будучи разнообразным с точки зрения возможностей выражения в нем сказуемого, обобщенно-личное предложение, естественно, не может рассматриваться исключительно как гла-

гольное (хотя такое мнение разделяют многие авторы учебных пособий).

Лит.: Тарланов З. К. Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения? // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 3. См. также «Односоставное предложение».

ОБОРОТ КАСАТЕЛЬСТВА. Высказывание, принимающее форму сложноподчиненного предложения, в котором зависимая часть носит метатекстовый характер. Говорящий сообщает здесь своему собеседнику, какой именно предмет в данный момент находится в центре его коммуникативных интересов: *Что же касается твоего отца, о нем мы, конечно, позаботимся* (Из газет); *Что касается самой Сарры, то я не верю ни одному ее слову* (Чехов).

Лит.: см. «Высказывание», «Сложноподчиненное предложение».

ОБОСОБЛЕНИЕ. Явление, впервые отмеченное в русском языке и теоретически осмысленное А. М. Пешковским. Сравнивая предложения *Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого* (Л. Толстой) и *Я удивляюсь, что вы с вашей супругой не чувствуете этого*, он констатировал, что в первом из них сочетание *с вашей добротой* интонируется иначе, чем сочетание *с вашей супругой* и что его специфическое интонирование создает особую форму словосочетания, которое уподобляется отдельному предложению, «как бы вставленному в другое предложение» (ср. *Я удивляюсь, что вы, с вашей добротой, не чувствуете этого — Я удивляюсь, что вы, хотя и добры, не чувствуете этого*). Именно такие второстепенные члены, уподобившиеся «в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению», и были названы им обособленными.

Понятие обособления в том виде, какой оно приняло в концепции А.М. Пешковского, изначально было несколько противоречивым, поскольку под него были подведены (без особых оговорок!) два совершенно разных явления, которые условно можно называть коммуникативно-обусловленным обособлением и конструктивно-обусловленным обособлением. Первое из них факультативно — в том смысле, что оставляет за говорящим право выбора. Говорящий может, с одной стороны, использовать те или иные второстепенные члены, не прерывая естественной цепочки синтаксических связей, реализуемых в предложении: *Берсенева во время последней беседы с Шубиным пришла мысль пригласить Инсарова к себе на дачу; Племянник возвратился домой поздно вечером необыкновенно усталый*. С другой стороны, у него есть возможность вынести какой-то из членов посредством изменения интонации, а иногда и словопорядка — в позицию обособления, с тем чтобы коммуникативно выделить его, придав ему статус второй (дополнительной) ремы высказывания: *Берсенева, во время последней беседы с Шубиным, пришла мысль пригласить Инсарова к себе на дачу* (Тургенев); *Необыкновенно усталый, племянник возвратился домой поздно вечером* (Паустовский). Второй вид обособления носит, напротив, принудительный характер: говорящий вынужден обособлять соответствующий член предложения, так сказать, по техническим причинам — безотносительно к решаемым коммуникативным задачам. Известно, что русский язык не разрешает непосредственное употребление согласованного определения при личных местоимениях ни в препозиции, ни в постпозиции. Поэтому говорящий, если он желает обойти этот запрет, может реализовать согласован-

ное определение только в обособленной позиции, что является обязательной нормой русского языка: *Низенький, коренастый, он обладал страшной силой в руках...* (Горький); *Она, бледная, неподвижная, как статуя, стоит и ловит взглядом каждый его шаг* (Чехов).

Но еще более противоречивым понятие обособления стало после отнесения к нему поясняющих и уточняющих членов, как в предложениях: *Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор до степи* (Л. Толстой); *Теперь же, после половодья, это была река саженой в шесть* (Чехов). Совершенно очевидно, что это феномен иного порядка, чем те, которые трактовал как обособленные А.М. Пешковский. При пояснении и уточнении, во-первых, никаких полупредикативных сообщений, тождественных придаточному, не возникает, а во-вторых, обособляются не второстепенные члены как таковые, а части любых членов предложения, включая подлежащее и сказуемое: *Искусство, в частности — поэзия, тоже есть акт познания* (Брюсов); *Детективный роман — это высшая форма загадки, иначе — уравнение с одним или несколькими неизвестными, которые предлагаются решить читателю* (Брюсов). Как результат, понятие обособления к настоящему времени стало расплывчатым и представляет собой клубок проблем, которые могут быть разрешены лишь при условии четкого и последовательного размежевания относящихся сюда явлений.

Лит.: Дмитриева Л.К. Деепричастие и обособление обстоятельства // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980; Камынина А.А. Причастия и прилагательные в роли обособления определений (К вопросу о языковом статусе полупредикативных атрибутов существительного) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 1; Она же. Современный русский язык. Синтаксис про-

стого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Крылова О.А. Понятие многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (Сочинение, подчинение, обособление и присоединение) // НДВШ. Филологические науки. 1970. № 5; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке. М., 1990; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980; Сергеева Г.Н. Употребление лексикализованных предложно-падежных словоформ в составе обособленного приложения // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981; Фурашов В.И., Чернышева М.М. Субъективная модальность и обособление // РЯШ. 1983. № 1; Чупашева О.М. О характере семантики безличных предложений с обособленными деепричастными оборотами // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 1.

ОБОСОБЛЕННОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Вынесенный в позицию обособления член предложения, вводимый предлогами и предложными сочетаниями *кроме, помимо, сверх, за исключением, наряду с, в отличие от, независимо от, по сравнению с, в противоположность*: *Рассказ очень понравился мне, за исключением некоторых деталей* (Горький); *Я ничего не мог различить, кроме мутного кручения метели* (Пушкин); *И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, стали колотить друг друга* (Гоголь).

Этот обособленный член (называемый иногда обособленным оборотом) расценивается с точки зрения своего лингвистического статуса неоднозначно. Как дополнение его интерпретируют сейчас лишь некоторые школьные учебники, усматривая сходство такого члена с зависимыми существительными при деепричастиях *исключая, включая, считая* и т.д. Но эта аналогия явно

не корректна, поскольку здесь деепричастия утратили свои глагольные свойства и фактически приобрели свойства наречных предлогов. С учетом этого обстоятельства (и некоторых др. обстоятельств) подавляющее большинство авторов отказывается видеть здесь дополнение. Однако от позитивного решения проблемы (что же это такое?) современная русистика еще далека. Иногда, правда, пытаются сблизить это «дополнение» с вводными словами, но оснований для этого нет: существительные с указанными предлогами и предложно-падежными сочетаниями субъективно-оценочной функции, в отличие от вводных слов, не выполняют.

Лит.: см. «Обособление».

ОБОСОБЛЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. Выделенный интонационно (а на письме — посредством пунктуационных средств) второстепенный член предложения с обстоятельственным значением. По традиции считается, что этот вид обособленного второстепенного члена может выражаться:

а) деепричастиями и деепричастными оборотами: *Оттолкнув меня, бабушка бросилась к двери* (Горький); *Месяц, золотясь, спускался к степи* (Л. Толстой); *Иван Игнатьевич выслушал меня со вниманием, вытаращив на меня свой единственный глаз* (Пушкин);

б) предложно-падежными формами имен существительных: *К ней, из далекой деревушки, часто приходили два уже дряхлые старичка — муж и жена* (Тургенев); *В комнате Елены, благодаря плотным занавескам, было почти темно* (А. Куприн); *В домах, несмотря на ранний час, горели лампы* (К. Паустовский);

в) наречиями: *Всюду, и вверху, и внизу, пели жаворонки* (Чехов); *Надежда сидела на заборе рядом с Колей и все спрашивала его о чем-то, тихонько и пугливо* (Горький).

Однако такое, широкое, понимание объема обособленных обстоятельств не вполне оправданно. Нельзя, в частности, относить сюда деепричастные обороты, и не только потому, что они в отдельных случаях не имеют ничего общего с обстоятельством (см. **деепричастный оборот**). Дело в том, что по своему характеру они ближе не к второстепенным обстоятельственным членам, а к обстоятельственным придаточным предложениям (недаром лингвистика первой половины XIX в. квалифицировала их как сокращенные придаточные предложения!). И, подобно последним, деепричастные обороты называют некую целостную ситуацию, которая действительно может иметь обстоятельственное значение (временное, причинное, условное и т.д.). Но этот факт не мешает деепричастным оборотам иметь в своем составе другие второстепенные члены, напр. дополнение и определение. Следовательно, рассмотрение этих оборотов в терминах второстепенных членов просто некорректно. Сказанное, разумеется, не относится к тем случаям, когда имеет место адвербиализация деепричастий.

Лит.: см. «Обособление».

ОБОСОБЛЕННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Второстепенный член предложения с призначным значением, выделяемый в составе высказывания устной речи интонационно, а письменной — посредством пунктуационных знаков (обычно запятых). Кроме того, в ряде случаев обособление определений обеспечивается трансформацией словоупотребления: чтобы обособить то или иное определение, его надо поставить в постпозицию к определяемому слову (хотя, разумеется, и не всегда).

Обособленные определения, как и необособленные, могут быть согласованными и несогласованными.

Согласованные определения обычно обособляются, если они:

а) выражены причастиями или прилагательными с зависимыми от них словами и стоят после определяемого существительного: *С деревьев, окутанных легким туманом, и с папоротника, сыпались крупные брызги* (Чехов); *Была весенняя ночь, полная крупных звезд* (К. Паустовский);

б) относятся к личным местоимениям, с которыми не могут образовывать словосочетания: *Оборванные, полуголодные, боящиеся солнечного света, они жили в этой развалине, как совы...* (Горький); *Не хотелось ей, бедной, постригаться* (В. Солоухин);

в) находятся в препозиции или постпозиции к определяемому существительному, реализуя добавочные значения обстоятельственного характера (состояния, причины, условия, уступки и т.д.): *Довольный праздничным обедом, сосед сопит перед соседом...* (Пушкин); *Ошеломленная, мать неотрывно смотрела на Рыбина* (Горький); *Алеша, задумчивый, направился к отцу* (Достоевский);

г) отчленены от определяемого существительного другими словами: *Стрелы, пущенные в него, упали, жалкие, на землю* (Горький); *Разбитый сном, добрался Григорий до конюшни и вывел коня на проулок* (Шолохов);

д) будучи нераспространенными, но включенными в сочинительный ряд, располагаются после определяемого существительного, обычно (хотя и не всегда) имеющего при себе препозитивное определение: *Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинные облака, красные и лиловые, сторожили его покой...* (Чехов); *Первыми появились птицы, мокрые, нахлещенные...* (В. Астафьев);

е) передаются краткими причастиями или прилагательными: *В привычный*

час пробуждена, вставала при свечах она (Пушкин); *Терек воет, дик и злобен, меж утесистых громад...* (Лермонтов).

Несогласованные определения, используемые в обособленной позиции, как и необособленные, выражаются разного рода падежными и предложно-падежными формами существительных. Их обособление не носит системного характера. Чаще всего они обособляются в тех случаях, когда относятся к личным местоимениям, собственным именам, названиям лиц по степени родства, профессии, должности и т.д. или включаются в один сочинительный ряд вместе с согласованными определениями: *Сегодня она, в новом голубом капоте, была особенно молода и внушительно красива* (Горький); *Коля, в своей новой курточке с золотыми пуговками, был героем дня* (Тургенев); *Больная, в белом капоте, вся обложенная подушками, сидела на постели* (Л. Толстой).

Лит.: Фурашов В. И. Обособленные согласованные определения в современном русском языке. Владимир, 1975. См. также «Обособление».

ОБОСОБЛЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ. Второстепенный член предложения со значением инаименования предмета, выделенный интонационно (на письме – посредством знаков препинания). Приложение обычно обособляется в постпозиции безотносительно к тому, является оно одиночным или двойным, имеет при себе зависимые слова или не имеет: *Могучий лев, гроза лесов, лишился силы* (Крылов); *Мы, артиллеристы, хлопотали около орудий* (Л. Толстой). В препозиции приложение может быть обособлено только в тех случаях, когда оно (точнее – возникающий на его базе оборот) развивает причинное значение: *Как старый артиллерист, я презираю этот вид холодного оружия* (Шолохов).

Лит.: Власова Л. Д. Структура обособленного приложения и его коммуникативная функция в современном русском языке // Уч. зап. Курского пед. ин-та. Т. 92. Курск, 1971. См. также «Обособление».

ОБОСОБЛЕННЫЕ ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ. Второстепенные члены, передающие добавочную информацию и предполагающие разрыв основной цепи конструктивно-синтаксических связей предложения, что сигнализируется интонационно и в значительной части случаев трансформацией словопорядка. Главные члены предложения не обособляются, так как это привело бы к разрушению предложения. В обособленной позиции могут быть использованы лишь какие-то элементы их.

Обособление осуществляется в определенных условиях. К числу факторов, влияющих на обособление, относятся: порядок слов, степень распространенности поясняющей и поясняемой частей, характер морфологического оформления поясняемого и поясняющего слов, наличие у поясняющей части дополнительной обстоятельственной функции и др.

Так, обособление становится регулярным (или почти регулярным): при постпозитивном или дистантном расположении поясняющей части по отношению к поясняемой: *Над родиной, полной покоя, опускается сон золотой* (Н. Рубцов); *Черные от зноя и тоски, медленно шевелятся пески* (С. Островой), при распространении за счет зависимых элементов поясняющей и поясняемой частей: *Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась* (Тургенев); *От своей жизни, тяжелой и неустроенной, он давно уже устал* (К. Паустовский), при выражении поясняемого элемента личным местоимением или поясняющего – деепри-

частием: *А он, мятежный, ищет бури...* (Лермонтов); *Довольные пассажиры, примолкнув, любовались солнечным днем* (К. Федин), при передаче поясняющей частью дополнительных обстоятельственных значений причины, условия, уступки и т.д.: *Раненный осколком в плечо, капитан Сабуров не покинул строя* (Симонов); *Огорченный неудачей, я лег на узлы, заплакал тихонько и, в слезах, заснул* (Горький).

В остальных случаях обособление носит, как правило, факультативный характер.

Обособленные второстепенные члены принято дифференцировать по двум параметрам. Различают, с одной стороны, обособленные полупредикативные члены и обособленные уточняющие члены, а с другой — обособленные определения, обособленные приложения, обособленные дополнения и обособленные обстоятельства.

Лит.: см. «Обособление».

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ ЧЛЕНЫ. Разряд обособленных членов, выражающих дополнительное, полупредикативное сообщение. Для этих членов обязательно наличие второго или второстепенного сказуемого, которое может быть выражено:

а) деепричастиями: *Распустив хвоста колючий веер, На сосне красуется глухарь* (Д. Кедрин); *Гаврила радостно и робко улыбался, глядя на него* (Горький);

б) причастиями: *Одаренный необычайной силой, он работал за четверых* (Тургенев); *Долго стоял он, облокотясь на перила парома, и глядел на мальков, суевившихся в воде* (В. Астафьев);

в) прилагательными (или их субститутами): *Я прожил жизнь, полную неожиданностей и предательства* (К. Паустовский); *И здесь героя моего в*

минуту, злую для него, Читатель, мы теперь оставим (Пушкин);

г) падежными и предложно-падежными формами существительных: *В маленькой комнате, с потертой красной мебелью и пестрым ковром, было жарко от пылающего камина* (А.Н. Толстой); *Степка, с зазубренной ложкой в руках, занял свое место в дыму около котла* (Чехов);

д) падежными формами существительных со значением инонаименования предмета (традиционно трактуемыми как приложение): *Около столов суежилась кухарка Марфа, красная баба с двойным перетянутым животом* (Чехов); *Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились не его просьбу* (Тургенев).

Кроме того, полупредикативное значение могут приобретать обороты со значениями причины, условия, уступки, цели, следствия и времени, вводимые предлогами и предложными сочетаниями *несмотря на, вследствие, благодаря, ввиду, в силу, согласно, вопреки, за неимением, в случае, во избежание* и т.д.: *Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного вперед, чтобы, в случае легкой раны, не опрокинуться назад* (Лермонтов); *...казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном* (Лермонтов). Однако их обособление в подавляющем большинстве случаев носит факультативный характер.

Обособленные полупредикативные члены противопоставлены обособленным уточняющим членам, которые полупредикативного значения иметь не могут и передают всякого рода пояснительно-уточняющую информацию о других (необособленных) членах предложения.

Лит.: см. «Обособление».

ОБОСОБЛЕННЫЕ ПОЯСНЯЮЩИЕ ЧЛЕНЫ. Обособленные члены предложения, которые раскрывают содержание поясняемых слов путем ввода инонаименований того же самого референта. Если поясняемое и поясняющее понятия равнообъемны, в обособляемой группе используются союзы тождества *именно, то есть, или* и примыкающие к ним слова и сочетания слов с тем же значением *иначе, по-другому, иными словами* и т.д.: *В этом отношении случилось даже одно очень важное для них обоих событие, именно встреча Кити с Вронским* (Л. Толстой); *Я очень многому учился на пословицах — иначе на мышлении афоризмами* (Горький); *Пили по-обыкновенному, то есть очень много* (Пушкин); *... Это был Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы* (Чехов). При разнообъемности поясняемого и поясняющего понятий обособленное инонаименование вводится интонационными средствами: *И о душе своей заботился солидно, по-барски, и добрые дела творил не просто, а с важностью* (Чехов); *Из-под крутого, волчьего склада, лысеющего лба он бегло оглядел комнату* (Шолохов); *От ворот, к крыльцу, между высокими, в рост человека, сугробами, была расчищена дорожка-ущелье* (В. Панова).

Во втором случае границы между поясняющими членами и противопоставляемыми им уточняющими членами становятся зыбкими и неопределенными. Это дает основание согласиться с авторами, которые рассматривают пояснение и уточнение в одном ряду как варианты уточнительно-пояснительных отношений.

Лит.: см. «Обособление».

ОБОСОБЛЕННЫЕ УТОЧНЯЮЩИЕ ЧЛЕНЫ. Родовое наименование тех обособленных членов предло-

жения, которые, в отличие от полупредикативных, не передают добавочного сообщения, а служат целям конкретизации или пояснения других членов предложения. В некоторых синтаксических описаниях уточнение противопоставляется пояснению: уточнение рассматривается как отношение целого и части, а пояснение как отношение тождества двух наименований. Однако в связи с тем, что эти различия просматриваются не всегда четко, те и другие сводятся в одну группу уточняющих членов. Соответственно пояснение в этом случае трактуется как вариант уточнения, хотя целесообразней было бы рассматривать уточнение в качестве варианта пояснения: всякое уточнение поясняет, но не всякое пояснение конкретизирует. Надо считаться также с тем, что в сфере сложноподчиненных предложений говорят о пояснительных, а не уточняющих отношениях, в результате чего возникает неоправданный терминологический разнобой.

Для выражения уточнения (в широком значении этого термина) используются:

а) с о ю з ы *то есть, или* и примыкающие к ним слова идентифицирующего характера *иначе, по-иному* и т.д.: *Для Константина Левина деревня была местом жизни, то есть радостей, страданий, труда* (Л. Толстой); *Бабушка, или, как называли ее в доме, бабуся, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко...* (Чехов);

б) с л о в а *особенно, даже, главным образом, в частности, в том числе, например*: *Дарья Михайловна считала переезд на лето в деревню необходимым для детей, в особенности для девочки* (Л. Толстой); *Он никогда, даже в молодые годы, не производил впечатления здорового* (Чехов);

в) п р е д л о г и и п р е д л о ж н ы е с о ч е т а н и я *кроме, помимо, сверх, за*

исключением, включая, наряду с, в отличие от и т.д.: *В денежном ящике, кроме денег, хранится и деловая корреспонденция* (Салтыков-Щедрин); *От сытного котла все казаки были веселые, за исключением Степана Астахова* (Шолохов);

г) интонация: *Там, внизу, раздался страшный гул* (Горький); *На другой день, рано утром, Оленин проснулся от свежести в своей перекладной и равнодушно взглянул направо* (Л. Толстой).

Лит.: см. «Обособление».

ОБРАТНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. Явление, впервые отмеченное в русском языке А.М. Пешковским, который, комментируя предложение *Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе со своей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага* (Тургенев), констатировал, что в нем «логически главный факт выражен придаточным предложением, а побочный (погода) — главным» и что союз *когда* здесь является инверсивным, «переворачивающим факты». Это наблюдение позднее, в 50-е гг. прошлого столетия, послужило А.Н. Суровцеву основанием для ввода особого понятия, которое он и назвал обратным подчинением. Обратное подчинение А.Н. Суровцев и его сторонники видят в тех сложноподчиненных предложениях, где соответствующие придаточные «не определяют главное предложение, а сами определяются им, т.е. в них по смыслу главное предложение зависит от придаточного, поясняет его» (Федоров А.К.).

Но если отказаться от совершенно неоправданного смешения языковой семантики и смысла, можно прийти к прямо противоположным выводам. Во-первых, придаточное здесь отнюдь не подчиняет главное, а, наоборот, как и всякое придаточное, находится в

вассальной зависимости от главного. Во-вторых, в придаточном употреблен не союз *когда*, а омонимичное с ним союзное слово, подобно другим союзным словам, раскрывающее свое значение лишь на основе той информации, которая поступает от главного предложения. В-третьих, темпоральным ориентиром в данном случае служит не ситуация придаточного, как обычно, а ситуация главного предложения: *Был невыносимо жаркий день, когда* (именно в этот день!) *я... поднимался вдоль Колотовского оврага*. Таким образом, специфика рассматриваемого предложения объясняется отнюдь не переподчинением главной части придаточному, а тем, что в последнем употреблено слово, весьма своеобразно упорядочивающее называемые события в составе сложноподчиненного предложения (см. **союзные слова**).

Лит.: Суровцев А.Н. О сложноподчиненных конструкциях с союзом *так как* в придаточных причины // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 248. М., 1963; Он же. Сложноподчиненные конструкции с составными союзам // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 243. М., 1963; Федоров А.К. Обратное подчинение в современном русском языке // Науч. труды Курского пед. ин-та. Т. 32. Курск, 1974; Он же. Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения): АДД. М., 1972.

ОБРАТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ. Согласование связочного (бытийного) глагола не с формой подлежащего, как обычно, а с формой вещественного компонента именного сказуемого. Сфера действия этого вида согласования в современном русском языке очень узка. Оно используется только при выражении подлежащего местоимения *это*: *Это был теленок; Это была кошка*. В прошлые периоды развития русского языка оно допускалось

несколько чаще. Ср. *Знакомство у Ростовых была вся Москва* (Л. Толстой).

Лит.: см. «Связка».

ОБРАТНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ.

Расположение компонентов предложения в такой последовательности, при которой номинатор сказуемого предшествует номинатору подлежащего. Может быть стилистически нейтральным и стилистически маркированным (инверсированным). Стилистически нейтральный характер он носит в двух случаях: а) когда информация высказывания развертывается от темы к реме и сказуемое соответственно входит в состав темы, а подлежащее — в состав ремы: [*Это была прекрасная картина.*] *Ее написал старый фламандский мастер* и б) когда высказывание включено в предметный контекст таким образом, что реализация обратного порядка слов выступает как сигнал того, что оба главных члена одинаково входят в состав ремы: *Наступила осень, начались затяжные дожди.* Стилистически маркированным обратный порядок слов становится в тех речевых ситуациях, где сообщение развертывается (в экспрессивных целях) от ремы к теме: [*Вывели лошадей.*] *Не понравились они мне.*

Лит.: см. «Порядок слов».

ОБРАЩЕНИЕ. Слово или группа слов, называющие лицо, животное и даже неодушевленный предмет в условиях его персонификации, которым адресован данный речевой акт. Обращение находится вне системы синтаксических связей, существующих в предложении, и в силу этого принадлежит к числу особых явлений синтаксиса.

В древнерусском языке обращение выражалось существительным в утраченном позднее звательном падеже, немногочисленные остатки которого

сохраняются сейчас в качестве стилизующего средства в разного рода исторических описаниях, как, напр., у А. Пушкина в «Борисе Годунове»: *Ты, отче патриарх, и вы, бояре, Обнажена душа моя пред вами.* Современный русский язык использует для номинации обращения существительные или субстантивированные слова только в именительном падеже: *Как недогадлива ты, няня!* (Пушкин); *«Здравствуйте, мои миленькие!» — заговорил Константин Диомидыч* (Тургенев); *Отец! отец! Оставь угрозы, Свою Тамару не брани* (Лермонтов); *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* (Есенин); *Не шуми ты, рожь, спелым колосом* (А. Кольцов). И лишь устно-разговорная речь (как правило, неcodифицированная) реализует в позиции обращения некое подобие старого вокатива — усеченные, без флексии, формы существительного I склонения (иногда удваиваемые и соединяемые частицей *а*): *Петь! Коль! Кать, а Кать!*

Обращение бывает различным по своему составу. В художественной речи оно может предельно расширяться за счет ввода инонаименований адресата, сообщаемых о нем сведений и т.д.: *Природы милое творенье, Цветок, долины украшение, На миг взлелеянный весной, Безвестен ты в степи глухой!* (А. Кольцов). Устная речь, напротив, способна сводить его к минимуму — сокращенным номинациям типа *Эй, на лодке!* и *Эй, ты, посторонись!*, используемым (явно не в соответствии с речевым этикетом) для привлечения внимания незнакомых лиц.

Обращение выполняет две основные функции. Во-первых, оно обеспечивает установление речевого контакта между говорящим и выделенным из общей массы слушателей лицом. Во-вторых, при его посредстве эксплицируются отношения, в которых нахо-

дятся коммуниканты и которые могут быть официальными, дружескими, фамильярными и т.д. Именно поэтому при обращении к одному и тому же лицу допускается употребление разных номинаций: Коля, сынок, папа, Николай Иванович, господин Петров, гражданин и т.д. На основе второй, чисто прагматической по своему характеру функции формируется та или иная тональность общения. Так, влюбленные, без конца повторяющие при прощании обращения *Оленька! Мишенька!*, создают тем самым атмосферу нежности и доверительности.

Лит.: Алешкина Е. Ю. К вопросу о семантической характеристике лексико-функционально-семантические отношения в лексике и грамматике. Новосибирск, 1991; Бейлина Е. П. Форма главного независимого члена обращения и ее особенности // Филологический сборник. Вып. 13–14. Алма-Ата, 1974; Вялкина Л. В. Обращение // Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Ключев Г. Н. О разработке проблематики обращения. Русский язык. Минск, 1981; Костылев А. О. Обращение и его контекст в лексико-синтаксическом аспекте: АКД. Л., 1987; Леонтьев А. П. Обращение как компонент высказывания // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Мизин О. А. Функции обращения в современном русском языке // Вопросы методики преподавания языка и литературы. Вып. 4. Минск, 1973; Проничев В. П. Синтаксис обращения. (На материале русского и сербохорватского языков). Л., 1971; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта: М., 1982.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Значение, выражаемое словами и сочетаниями слов, с одной стороны, и частями сложного предложения, с другой, и квалифицирующее глагольное действие или ситуацию со стороны его признаков, времени, места, усло-

вий и т.д. их реализации. См. **обстоятельные отношения.**

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Подчинительные отношения, предполагающие квалификацию действия со стороны его признаков, способов совершения, условий и обстоятельств реализации. Устанавливаются в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых может быть выражен наречиями, инфинитивом, падежными и предложно-падежными формами существительных: *тяжело дышать; сесть отдохнуть; пролежать сутки; посинеть от злости.* Для их выражения используются два вида подчинительной связи – примыкание и управление.

Обстоятельные отношения в словосочетании (и соответственно в сфере второстепенных членов, учение о которых отчасти дублирует учение о словосочетании) неоднородны и предстают в виде серии вариантов. К числу этих вариантов относятся: временные (темпоральные) отношения, причинные отношения, уступительные отношения, целевые отношения, определительные отношения, качественные отношения, количественные отношения, сравнительные отношения.

2. Подчинительные отношения, устанавливаемые в сложных предложениях, одна из частей которых называет ситуацию, обозначающую разного рода обстоятельства, сопутствующие осуществлению второй ситуации. Выражаются посредством подчинительной связи, показателями которой являются обстоятельные союзы и союзные слова, и отчасти бессоюзной связи. В сложном предложении возможны те же самые варианты отношений, что и в составе словосочетаний. Кроме того, здесь реализуются следственные

и сопоставительные отношения.

Лит.: Андрамонова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Изд-во Казанского ун-та, 1977; Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975; Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов н/Д, 1980; Недбаева Г. И. О разграничении сложноподчиненного предложения с инфинитивным придаточным цели и простого предложения с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, присоединяемым союзом *чтобы* // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. Второстепенный член предложения, относящийся к глаголу, отглагольному существительному, прилагательному или наречию и квалифицирующий действие (признак) в отношении его качеств, способа совершения, времени, места, причины, цели, условия и т. д. реализации. Выражается наречиями, падежными и предложно-падежными формами имен существительных, инфинитивом и фразеологическими сочетаниями наречного характера: *идти быстро; слушать со вниманием; передвигаться пешком; жизнь в городе; очень быстрый; выйти покурить; работать спустя рукава.*

В своем, так сказать, чистом виде обстоятельство в основном реализуется в приглагольной позиции, хотя и здесь наблюдается масса случаев, в которых однозначная квалификация предложно-падежных форм становится весьма проблематичной: последние обнаруживают черты и обстоятельства, и дополнения (почему некоторые исследователи предпочитают говорить об особом обстоятельственно-объектном второстепенном члене). Что же касается употребления обстоятельств при

словах других частей речи, они выступают здесь только в осложненном виде, причем среди множества их вариантов явно доминируют обстоятельственные определения.

Обстоятельства принято дифференцировать на основе их семантико-синтаксических функций. Однако выделение последних не свободно от исследовательского произвола. В зависимости от характера избираемой классификационной сетки иногда различают более двух десятков обстоятельственных разрядов, иногда, наоборот, менее одного десятка. Наиболее типичными являются обстоятельства времени, меры и степени, места, образа действия, причины, сравнения, условия, уступки и цели.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Дмитриева Л. К. Деепричастие и обособление обстоятельства // Функциональный анализ грамматических единиц. Л., 1980; Она же. Однородные определения и обстоятельства // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976; Ильенко С. Г. Синтаксические единицы в школе. Л., 1989; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Никитин В. М. Разряды обстоятельств в современном русском языке. Рязань, 1973; Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Ращупов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Сергеева Г. Н. Особенности обстоятельственной функции адвербиальных предложно-падежных форм // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 423. Современный русский язык. М., 1971; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н. Ю. Детерминирую-

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ

щий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. 1964. № 6.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ.

См. **временное обстоятельство**.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО МЕРЫ И СТЕПЕНИ. Разряд обстоятельств, обозначающих меру действия или степень проявления признака: *много гулять; приходит дважды; слишком важный; необыкновенно усталый*.

Лит.: Головенко Е. И. Особенности структур с формами простой сравнительной степени в позиции обстоятельства // Материалы Первой казахской республиканской конференции по методике преподавания и педагогике высшей школы. Алма-Ата, 1971. См. также «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО МЕСТА. Высокочастотный разряд обстоятельств, служащих для выражения пространственных отношений. Существует в двух основных разновидностях. Первая разновидность локальных обстоятельств предполагает квалификацию действия с точки зрения места его реализации. Такая квалификация осуществляется посредством указания на некий ориентир (им может быть любой предмет, включая самого говорящего) и вектор, определяющий отношение к ориентиру: *находиться под деревом (на дереве, за деревом, около дерева, поблизости от дерева), играть в доме (за домом, перед домом, около дома)*. Обстоятельства пространственной ориентации реализуются при широком круге глаголов самой разной семантики. Наоборот, обстоятельства в той или иной разновидности используются в основном при глаголах, в содержательной структуре которых наличествует сема изменения положения в пространстве, и соответственно обозначают начальную точку перемещения: *ехать из лесу; выглянуть из-за угла, его*

конечный пункт: идти в школу, направиться к реке и пространство, в пределах которого перемещение осуществляется: ехать берегом, бежать по полю.

Лит.: см. «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ. Разряд обстоятельств, посредством которых осуществляется качественная характеристика действия или констатируется способ его реализации. Реализуются исключительно при глаголах: *громко петь; идти молча; работать без напряжения; дружески пожурить*. Иногда эти обстоятельства называют определительно-качественными.

Лит.: Колыхалов Е. Б. К вопросу об употреблении лексико-синтаксических синонимов в функции обстоятельства образа действия // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. Тамбов, 1973; Ножкина Э. М. Обстоятельства образа действия в современном русском языке (К постановке вопроса) // Вопросы стилистики. Вып. 10. Саратов, 1975. См. также «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ПРИЧИНЫ.

Разряд обстоятельств, называющих причину реализации действия. Выражаются предложно-падежными формами существительных и разного рода наречиями (в том числе и местоименными): *посинеть от холода; опоздать из-за брата; почему-то задержаться*. Обстоятельства причины четко распадаются на две группы. Одни из них являются стилистически нейтральными (*от жары, по неопытности, с перепугу*), другие, наоборот, несут отчетливые следы книжно-письменной речи (*в результате аварии, в силу закона о частном предпринимательстве, по причине задержки поезда* и т.д.).

Лит.: Бондарчук Н. С. Обстоятельство следствия в русском языке // Филологический сборник. Алма-Ата, 1974;

Коробейников Р. Н. К вопросу о словоформах с причинным значением, распространяющих предложение в целом // Содержание и методика преподавания русского языка в средней и высшей школе. Волгоград, 1972. См. также «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО СРАВНЕНИЯ. Немногочисленный разряд обстоятельств, характеризующих действие на основе сравнения: *ходить именинником; разливаться соловьем*. Эти обстоятельства выделяются не всегда, поскольку в некоторых отношениях близки к обстоятельствам образа действия.

Лит.: см. «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО УСЛОВИЯ. Разряд обстоятельств, называющих условие, в соответствии с которым реализуется то или иное действие. В своем подавляющем большинстве носят книжно-письменный характер и употребляются редко: *сообщить в случае отъезда; начать строительство при условии поступления денежных средств*.

Лит.: см. «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО УСТУПКИ. Разряд обстоятельств, обозначающих условие, вопреки которому осуществилось данное действие: *против ожидания прийти своевременно; сделать вопреки протестам журналистов*.

Лит. см. «Обстоятельство».

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ЦЕЛИ. Разряд обстоятельств, называющих цель действия. Выражаются предложно-падежными формами существительных, инфинитивом и наречиями (по преимуществу местоименными): *принести книги для обмена; отправиться полоть огород; сделать нарочно*.

Лит.: см. «Обстоятельство».

ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. Осуществляемая в учебных целях сводная классификация

предложений, призванная продемонстрировать многоаспектный характер последних. Обыкновенно выделяются предложения:

1) по виду фиксируемых в высказывании отношений объективной действительности (бытия, наличия – небытия, отсутствия) – утвердительные и отрицательные;

2) по целевому назначению высказывания – повествовательные, вопросительные и побудительные;

3) по наличию – отсутствию дополнительной эмоциональной окраски – восклицательные и невосклицательные;

4) по особенностям языковой организации – грамматически членимые и грамматически нечленимые;

5) по количеству предикативных единиц – простые и сложные;

6) по количеству главных членов – двусоставные и односоставные;

7) по степени распространенности грамматической основы предложения – распространенные и нераспространенные;

8) по наличию – отсутствию осложняющих элементов – неосложненные и осложненные;

9) по полноте – неполноте вербального выражения отдельных содержательных звеньев предложения – полные и неполные.

Кроме того, в некоторых случаях дополнительно учитывается характер структурной схемы предложения и соответствующей ей семантической структуры.

Эта классификация внутренне противоречива, поскольку в одном ряду исчисляются и предложения, и их модификационные варианты – высказывания.

Лит.: Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Грамматика русского языка. Т. 2. Ч. 1. М., 1960; Современный русский язык. Ч. II. 1964.

ОБЩЕВЕРИФИКАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, отвечающее на полный модальный вопрос (который устанавливает реальность или нереальность целого факта): *Отец ушел на работу* (Отец дома?). Термин, принадлежащий чешскому лингвисту П. Адамцу, в 1960–1980-е гг. активно использовался в русистике. Сейчас практически вышел из употребления (особенно в учебной литературе).

Лит.: см. «Высказывание».

ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Разновидность вопросительных предложений, содержащих запрос информации о существовании или, наоборот, несуществовании данной ситуации в действительности: *Ты был вчера на работе? Он слесарь?*

Лит.: см. «Вопросительные предложения».

ОБЩЕЕ ОТРИЦАНИЕ. См. **общеотрицательное предложение.**

ОБЩЕИНФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, отвечающее на полный диктальный вопрос (который выясняет содержание факта в целом): *Мы поссорились с женой* (Что у вас случилось?). Термин, принадлежащий чешскому лингвисту П. Адамцу, одно время активно использовался в русистике.

Лит.: см. «Высказывание».

ОБЩЕОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором констатируется небытие, несуществование в действительности данной ситуации в целом: *Река еще не замерзла; Деньги в кассу не поступали.*

Общеотрицательное предложение обыкновенно предполагает ввод частицы *не*, употребляемой при личной форме глагола. Устно-разговорная речь допускает выражение общего отрицания за счет специфической интонации, преобразованного словопорядка и лексико-фразеологических единиц типа *держи карман; как же, жди; Жди, он тебе поможет! Как же, пойдут они туда!*

Лит.: см. «Отрицательное предложение».

ОБЩИЙ ВОПРОС. См. **общевопросительное предложение.**

ОБЪЕКТ. Называемый падежными и предложно-падежными формами существительных предмет, находящийся в сфере распространения того или иного действия (признака): *говорить правду; чтение книги; заниматься торговлей; решительный в действиях; обидно за державу.*

Лит.: см. «Члены предложения», «Дополнение», «Объектные отношения».

ОБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ. Разновидность модальности, выражаемой морфологической категорией наклонения, которая после исключения из нее в середине XIX в. инфинитива обыкновенно рассматривается как трехчленный грамматический феномен. В последнее время, однако, наметилась отчетливая тенденция к ревизии традиционных представлений, отлившаяся в стремление вывести за пределы этой категории императив, как явление, дисгармонирующее с изъявительным и сослагательным наклонениями и ориентированное на выражение одного из вариантов прагматической модификации высказывания по цели сообщения – побудительного варианта (*Штелинг Д.А., Ваулина С.С. и др.*). Эта новая трактовка наклонения (и соответственно объек-

тивной модальности) хорошо согласуется с получившим широкое распространение среди философов, логиков и психологов учением о возможных мирах, т.е. мыслимых альтернативных состояниях. В соответствии с этим учением, без которого сейчас уже принципиально невозможно понимание различных форм поведения человека, в том числе и языкового, наклонение предстает как языковое средство дифференциации двух видов бытия: бытия в мире физической реальности (изъявительное наклонение) и бытия в субъективном психическом мире мыслей и чувств (сослагательное наклонение). Соотношение этих миров в системе наклонений носит своеобразный характер. Погружаясь в умопостигаемую реальность, говорящий полностью абстрагируется от того, что есть в его воображении: в противном случае его речь превратилась бы в сказку, где правду не отличишь от вымысла. И, наоборот, рассуждая о событиях альтернативных, воображаемых, он никогда не может полностью порвать с действительностью и как бы прикидывает, при каких условиях эти события могли бы стать реальностью, в каких отношениях они являются целесообразными или желательными: в противном случае его речь уподобится бреду шизофреника, полностью отрешенного от жизни.

При этом взгляде на вещи наклонение как регистратор онтологической (объективной) модальности нельзя рассматривать в качестве явления прагматического плана (что часто делают, вероятно, под влиянием Ш. Балли). Оно целиком и полностью принадлежит номинативной сфере предложения. И в этом его существенное отличие от субъективной (персуазивной) модальности, имеющей совсем другую, прагматическую функцию: ее

назначение состоит в авторской оценке сообщаемого с точки зрения его истинности или ложности.

Лит.: см. «Модальность».

ОБЪЕКТІВНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. У некоторых авторов (*Распопова И.П.* и др.) собственно-повествовательное предложение, противопоставляемое субъективно-повествовательному, которое включает в свой состав побудительное и пожелательное предложения. Иначе объективно-повествовательное предложение называют декларативным.

Лит.: см. «Простое предложение».

ОБЪЕКТІВНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Расположение лексико-морфологических элементов предложения в той линейной последовательности, которая обеспечивает развертывание сообщения от темы к реме. Этот порядок слов может быть и прямым: *Птицы неожиданно умолкли*, и обратным: *Вверху слышались осторожные шаги*. Противопоставляется субъективному порядку слов. Термин предложен В. Матезиусом.

Лит.: см. «Порядок слов».

ОБЪЕКТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Выражаемое падежными и предложно-падежными формами существительных, а также частями сложного предложения значение предмета (опредмеченной ситуации), на который распространяется действие или признак. См. **объектные отношения**.

ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.
1. Подчинительные отношения, предполагающие квалификацию действий (в том числе и опредмеченных) или признаков с точки зрения их отношения к предметам (объектам), на которые они так или иначе распространяются. Устанавливаются в глагольных,

субстантивных, адъективных и наречных словосочетаниях с зависимым компонентом, выраженным падежными и предложно-падежными формами существительных: *читать газету; писать карандашом; забота о брате; стремление к успеху; покорный судьбе; благодарный матери; стыдно перед людьми; обидно за державу*. Объектные отношения в словосочетании выражаются посредством управления и изредка примыкания. Эти же отношения, естественно, повторяются и в системе второстепенных членов, учение о которых, как известно, перекрещивается с учением о словосочетании.

2. Подчинительные отношения, устанавливаемые в сложных предложениях, одна из частей которых называет опредмеченную ситуацию. Выражаются по большей части посредством подчинительной связи, показателями которой являются типичные для придаточных изъяснительных союзы и союзные слова *что, чтобы, будто, как* и др.: *Но только жалко, что вы так поздно дали мне этот чудесный урок* (Паустовский); *Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо* (Маяковский); *Дети чувствуют, кто их любит* (Тургенев); *...Она стала расспрашивать меня, где я теперь работаю* (Чехов). Кроме того, эти отношения могут выражаться и бессоюзной связью (главным образом при наличии в одной из частей бессоюзного предложения незамещенной синтаксической позиции): *Заранее предупреждаю: удобств на пути не будет* (Чехов).

В сфере сложного предложения (особенно сложноподчиненного) наряду с термином «объектные отношения» употребляется термин «изъяснительные отношения».

Лит.: Белашапкова В.А. О семантическом изоморфизме нулевых позиций субъекта и объекта в русском предло-

жении // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Кузнецова Э.В. Средства передачи информации о ситуации «приобщения объекта» во фразах, лишенных предикатов соответствующей семантики // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976; Ломтев Т.П. О методах идентификации синтаксических объектов и исчисления их значимостей. М., 1963; Матлина Г.А. Конструкции, выражающие объектно-изъяснительные отношения в современном русском языке, и их семантико-синтаксическая соотношенность: Л., 1971; Мещанинов И.И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Розина Р.И. Объект, средство и цель в семантике глагола полного охвата // ВЯ. 1994. № 5; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность – неопределенность. СПб., 1992; Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. 1964. № 6.

ОБЪЕКТНЫЙ ИНФИНИТИВ.

Приглагольный инфинитив, выступающий в функции второстепенного сказуемого, отнесенного к аналогу подлежащего, который выражен существительным в дательном или винительном падеже: *Они посоветовали отцу уехать; В деканате его попросили не вмешиваться в естественный ход событий*. Квалификация, в соответствии с которой считается, что этот инфинитив обозначает объект (дополнение), некорректна: объектное значение развивает вся языковая структура, построенная на базе инфинитива и называющая (подобно придаточному) некую зависимую ситуацию.

Лит.: Гехтляр С.Я. Русский инфинитив: Категориальная характеристика, функционирование. СПб., 1996; Лу-

щай В. В. Синтаксическая семантика инфинитива в русском языке // Грамматическая семантика глагола и имени в языке Сб. науч. тр. Киев, 1988; Теркман В. Глаголы, сочетающиеся с инфинитивом, в современном русском языке: Воронеж, 1990; Черепанова О. А. Инфинитивные конструкции с формами глагола «быть» в русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 4; Чернова С. В. Коммуникативное строение и функционирование предложений с безличными глаголами и зависимым инфинитивом // Исследования по семантике: Межвуз. науч. сборник. Уфа, 1985.

ОДИНОЧНАЯ СВЯЗЬ. Сильная подчинительная связь, при которой главным компонентом словосочетания предопределяется только одна зависимая форма. Одиночными могут быть управление (*завидовать соседю; увлечься спортом*) и примыкание (*находиться впереди; поступать необдуманно*).

Лит.: см. «Подчинительная связь».

ОДИНОЧНОЕ ПРИМЫКАНИЕ.
См. *одиночная связь*.

ОДИНОЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
См. *одиночная связь*.

ОДНОКОМПОНЕНТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Термин «Русской грамматики – 1980», используемый для номинации простого предложения, предикативная основа которого организуется только одной формой слова. Однокомпонентные предложения (точнее – их схемы) делятся на предложения со спрягаемой формой глагола (спрягаемо-глагольный класс) и предложения без спрягаемой формы глагола (неспрягаемо-глагольные классы: именной, инфинитивный и наречный). Этот термин, частично (но только частично!) совпадающий по значению с термином односоставные предложе-

ния, распространения в современной русистике не получил.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ОДНОРОДНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ. Второстепенные члены с одним и тем же объектным значением, которые могут соединяться в однородном ряду сочинительными союзами разных разрядов и/или посредством бессоюзной связи: *Татьяна верила преданьям Простонародной старины, И снам, и карточным гаданьям, И предсказаниям луны* (Пушкин); *Захар не старался изменить не только данного ему богом образа, но и своего костюма* (Гончаров); *Ни любви своей, ни своему великодушию, ни решимости своей он уже не знал никаких пределов* (Тургенев); *Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей...* (Пушкин). Как правило, однородные дополнения являются морфологически однотипными, т.е. выражаются либо одинаковыми предложно-падежными и падежными формами, либо формами инфинитива. Отклонения от этого правила наблюдаются редко, причем главным образом в неcodифицированной речи: *Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить* (Горький); *Люблю рыбалку, лес, ходить по грибы* (Из газет).

Лит.: см. «Однородные члены предложения».

ОДНОРОДНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. Обстоятельства с тождественным семантико-синтаксическим значением, объединенные в один функциональный блок сочинительными союзами разных разрядов и/или посредством бессоюзной связи: *Давыдов багровел медленно, но густо* (Шолохов); *Шаги по каменным плиткам отдавались*

звонко, резко, пустынно (В. Панова); *И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом* (Пушкин); *Долго ль мне гулять на свете То в коляске, то верхом, То в кибитке, то в карете, То в телеге, то пешком?* (Пушкин). Поскольку обстоятельства морфологически однородны, появление в одном сочинительном ряду наречий и предложно-падежных форм (а иногда и деепричастий) здесь явление довольно частое: *Она слушала его со страхом и жадно* (Горький); *Одевается он отлично и со вкусом* (Тургенев); — *Катерина Сергеевна, — проговорил он дрожащим голосом и стиснув руки...* (Тургенев).

Лит.: Хачатурова Р. А. Об однородных обстоятельствах времени (Наблюдения над союзными двучленными конструкциями) // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 116. Воронеж, 1972. См. также «Однородные члены предложения».

ОДНОРОДНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ.

Определения, связанные отношениями перечисления и объединяемые в один функциональный блок сочинительными союзами или посредством бессоюзной связи. Однородными могут быть как согласованные, так и несогласованные определения: 1) *Девочка спала крепким и блаженным сном* (Достоевский); *Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора* (Тютчев); *Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор...* (Лермонтов) и 2) *Мое новое положение возбуждало в нем чувство удивления, зависти и смутной надежды* (Чехов); *Блаженный запах цветов и плодов долетал с берега* (Паустовский). Нередки вместе с тем случаи, когда в один ряд включаются морфологически разнотипные определения — согласованные и несогласованные: *Этот маленький, скрюченный, постоянно ноющий, в темных очках, с маленьким бледным лицом человек давил и угнетал всю гимназию* (Чехов).

Однородные определения не всегда с достаточной четкостью отчленены от неоднородных определений, и их дифференциация сопряжена с существенными трудностями (см. **несогласованные определения**).

Лит.: Дмитриева Л. К. Однородные определения и обстоятельства // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976; Перетрухин В. Н. К проблеме разграничения однородных и неоднородных определений // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1. Курск, 1974; Шейн В. Н. Однородные определения, выраженные предложно-падежными формами. М., 1971. См. также «Однородные члены предложения».

ОДНОРОДНЫЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ.

Подлежащие, соединенные сочинительными союзами или посредством бессоюзной связи и соотнесенные с одним тем же сказуемым. Обыкновенно они бывают морфологически однотипными по роду и числу: *Лесть и трусость — самые дурные пороки* (Тургенев); *Небо и горизонт были одного и того же цвета мутной воды* (Л. Толстой); *Утром оперативная группа, эксперт, а также Барков и Широких выехали на место происшествия* (Из газет). И лишь иногда в одном блоке употребляются существительные в именительном падеже и количественно-именные сочетания: *Как-то летом братья и двое ребят из соседнего двора неосторожно углубились в лес и вскоре поняли, что заблудились* (из газет).

Лит.: Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980. См. также «Однородные члены предложения».

ОДНОРОДНЫЕ СКАЗУЕМЫЕ.

Сказуемые или их части (вещественный и бытийный компоненты), соединяемые в один функциональный блок

сочинительными союзами или посредством бессоюзной связи: *Песня сбилась, задрожала, разорвалась, погасла* (Горький); *Человек, который называет себя коммерсантом, не должен, не может, не смеет так поступать* (Набоков); *Он холост, или же в разводе, Или с войны еще вдовец, Или от злой жены беглец, Иль академик-молодец* (Твардовский). Иногда в одном сочинительном ряду могут употребляться глагольные и именные сказуемые: *Всегда он был бледен, худ, подвержен простудам, мало ел, дурно спал* (Чехов); *Я бродяга и страстно люблю жизнь* (Паустовский).

Лит.: Одицова М. П. Об обусловленности синонимии сложноподчиненных конструкций, конструкций с однородными сказуемыми и конструкций, содержащих деепричастия, их конструктивно-грамматические оппозиции в современном русском литературном языке // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 30. 1972; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980. См. также «Однородные члены предложения».

ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Образующие сочиненный ряд словоформы, выполняющие относительно других, связанных с ними словоформ тождественные синтаксические функции — функции подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. Однородными могут быть также главные члены односоставных предложений.

Однако это название терминологически не вполне точно. В действительности его относят (иногда явно, иногда неявно) не только к членам предложения как таковым, но и к синтаксическим группам слов, состоящим из того или иного члена предложения и его распространителей, а также к составным частям сказуемого (его бытийному и вещественному компонентам).

Однородные члены предложения соединяются сочинительными союзами, а также посредством бессоюзной связи.

Между однородными членами устанавливаются следующие виды синтаксических отношений:

а) соединительные: *И везде ее встречали весело и дружелюбно* (Чехов); *Улица, где жил Франц, была тихая, бедная, кончавшаяся тупиком* (Набоков);

б) противительные: *Было светло, но по-осеннему скучно и серо* (Горький); *Знание — орудие, а не цель* (А.Н. Толстой);

в) разделительные: *Мне чудятся то шумные пиры, То ратный стан, то схватки боевые* (Пушкин); *Иван Иванович всегда дает каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу* (Гоголь);

г) сопоставительные (градационные): *Утро было не столько холодное, сколько сырое и туманное* (Салтыков-Щедрин); *В ту минуту я не то чтобы трусил, а немного оробел* (Куприн).

Блок однородных членов может начинаться или замыкаться обобщающими словами: *В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* (Чехов); *В степи, за рекой, по дорогам — везде было пусто* (Л. Толстой).

В XIX в. некоторые авторы (Н.И. Греч, Ф.И. Буслаев) усматривали в предложениях с однородными членами результат некогда происшедшего слияния нескольких предложений и соответственно называли их слитными предложениями. В последующем, однако, выяснилось, что на историческом материале доказать этот факт нельзя, и идея Н.И. Греча и Ф.И. Буслаева на долгое время была забыта. Во второй половине XX в. произошло ее своеобразное возрождение — под яв-

ным влиянием генеративной грамматики с ее постулатом о производности всех синтаксических структур от незначительного набора ядерных конструкций. Соответственно отдельные исследователи пришли к выводу, что предложения если не со всеми однородными членами, то, по крайней мере, с однородными сказуемыми либо являются сложносочиненными (Мухин А.М.), либо образуют переходный, промежуточный тип между простым и сложным предложениями (Валгина Н.С.). Однако ни то, ни другое мнение не получило широкого распространения. Как правило, в научной и учебной литературе синтаксическую однородность рассматривают в ряду явлений осложнения простого предложения.

Лит.: Норман Б.Ю. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // РЯНШ. 1976. № 2; Перетрухин В.Н. К проблеме разграничения однородных и неоднородных определений // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1. Курск, 1974; Он же. Словосочетание и однородные члены предложения // РЯШ. 1971. № 5; Пивоварова Е.П. Классификация простых синтаксических конструкций с однородными членами в русском литературном языке // Структурная и математическая лингвистика. 4. Киев, 1976; Поспелов Н.С. Об однородности и сочинении // Синтаксические связи в современном русском языке. Владивосток, 1974; Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980; Собинникова В.И. Однородные члены предложения // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1. Курск, 1974; Шрамм А.Н. Однородные члены предложения // Лекции по русскому языкознанию для студентов-заочников. Калининград, 1973.

ОДНОСОСТАВНОЕ АКТИВНО-ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

218

Разновидность односоставного процессного предложения, традиционно именуемого безличным предложением глагольного строя. В традиционной грамматике специально не выделяется и рассматривается в одном ряду с односоставным пассивно-процессным предложением. Главный член активно-процессного предложения, выраженный безличным глаголом или личным глаголом в безличном употреблении, называет процесс, рассматриваемый безотносительно к его источнику.

По заключению специалистов, эти предложения возникли сравнительно поздно (гораздо позже, чем двусоставные процессные предложения), причем их формирование скорее всего протекало двояким образом: в одних случаях язык создавал такие принципиально новые схемы видения мира, которые в двусоставных предложениях не имели аналогов, в других — прибегал к простой редукции подлежащего соответствующих двусоставных предложений (напр., в условиях табуирования каких-л. источников процесса). Специфические условия происхождения и обусловили внутреннюю неоднородность односоставного активно-процессного предложения: его конкретные варианты не сводятся в сколько-нибудь непротиворечивую систему, в связи с чем исследователи вынуждены довольствоваться при характеристике последних простым перечислением наиболее типичных глаголов, формирующих их.

К числу таких глаголов относятся:

а) глаголы, обозначающие процесс, о котором известно лишь, что он замкнут в определенных локально-временных рамках: *В небе над нами засвистело и заныло* (Н. Мамин); *В голове у меня зашумело* (Н. Грибачев);

б) глаголы, обозначающие процесс, содержание которого раскрывается пу-

тем указания либо на его сущностные свойства: *Дохнуло свежестью* (Ю. Казаков); *От камелька пышет жаром* (В. Шуклин), либо на характер его восприятия человеком: *Из сумерек тяжело и душисто пахло черемухой* (Набоков); *Очень уж противно воняло с кухни* (К. Икрамов);

в) глаголы, обозначающие процесс, который определяется с точки зрения особенностей его реализации: — *А у вас хорошо получается* (Л. Фролов); *Обошлось даже без нервозности, без крика* (В. Распутин);

г) глаголы, обозначающие процесс, который непосредственно воздействует на какой-л. (обычно прямой) объект, преобразуя, создавая или уничтожая его, причем в одних случаях предполагается использование какого-л. орудия: *Лошадь хозяйскую бревном придавило* (Ф. Абрамов); *Мужа у нее убило серьгой строительного крана* (В. Маканин), в других оно, наоборот, принципиально исключается: *Ломило руки и спину* (В. Песков); *Его мучительно рвало* (Б. Васильев);

д) глаголы, обозначающие процесс, который будучи направлен в сторону какого-то предмета (обычно лица), втягивает последний в сферу своего влияния, распространяются на него: *Им жилось в этом заповеднике вольготно и даже весело* (Д. Гранин); *Наверное, подумалось сейчас о Вере* (А. Приставкин);

е) глаголы, обозначающие процесс, который адресован тому или иному лицу: *Вот теперь из-за такого ротозея влетит ротному командиру* (Куприн); *Теперь уж точно попадет нам от отца* (А. Гайдар).

Будучи по преимуществу принадлежностью устно-разговорной речи, односоставное активно-процессное предложение широко используется в экспрессивных целях в имитирующих

эту речь художественно-публицистических текстах. Особенно ярко такое использование обнаруживается в случаях, когда:

— события намеренно обезличиваются и внимание сосредоточивается на самом процессе, как, напр., у А. Фета в его стихотворении «Вечер»: *Прозвучало над сонной рекой, Прозвенело в померкшем лугу, Прокатилось над рощей густой, Засветилось на том берегу;*

— воспроизводится последовательность формирования представления о происходящем у воспринимающего субъекта (сначала это обезличенный, а затем вполне определенный, отнесенный к конкретному источнику процесс): *Вдруг зануло на сто ладов, и земля поднялась вверх, смешавшись с бурными и черными тучами дыма. «Катюши», — догадался командир* (В. Щербаков); *Потом под ногами захлюпало. «Болото», — подумал он* (В. Веденеев, А. Комов).

Русистика XIX в., впервые осуществившая систематическое обследование односоставных активно-процессных предложений (по традиционной терминологии — безличных), проявляла к ним устойчивый интерес при всех сменах исследовательского угла зрения: и когда описывала специфические особенности русского языка, и когда решала частные вопросы исторической грамматики, и когда, наконец, обсуждала глобальную проблему соотношения языковых и логических категорий. Это обстоятельство позволило ей раскрыть основные свойства активно-процессных предложений с высокой степенью достоверности. Однако формальные критерии, позволяющие отграничивать это предложение от предложений других типов, были здесь истолкованы (в полном соответствии с действовавшими тогда научными представлениями) несколько прямолинейно. Главной приметой безлич-

ности фактически оказалась невозможность сочетания употребляемых в активно-процессном предложении глаголов с существительным в именительном падеже (как основным репрезентантом подлежащего в двусоставных предложениях). В силу этого при первоначальном определении объема этого предложения в него были включены, кроме «классических» структур типа *морозит; солдата ранило пулей*, многие другие предложения: инфинитивные, безлично-инфинитивные, неопределенно-личные, обобщенно-личные. Сюда попали также двусоставные предложения, в которых позиция подлежащего замещена не существительным в именительном падеже, а какими-то другими средствами и формами, напр., придаточным: *Показалось, что кто-то вошел*, инфинитивом: *Надоело лежать бессмысленно на софе*, существительным в родительном падеже при отрицании: *Времени у него не было*.

Процесс преодоления такого широкого истолкования глагольной безличности начался довольно рано — в том же XIX в., когда были осмыслены как особые типы односоставных предложений определенно-личное, неопределенно-личное и обобщенно-личное предложения. Однако наиболее активно он протекал в середине — 2-й половине XX в. Именно в это время в особые классификационные подразделения были выделены сначала инфинитивное и безлично-инфинитивное предложения, а затем двусоставные предложения с придаточным и инфинитивом в роли подлежащего, а также конструкции с родительным падежом при отрицании. Заключительным этапом этого процесса, как уже отмечалось выше, стало размежевание безличного предложения глагольного строя и безличного предложения на-

речного строя и почти одновременно — подразделение первого на активно-процессное и пассивно-процессное. Однако в целом было бы крайне неосторожно утверждать, что старые представления о природе безличности преодолены целиком и полностью. Остатки этих представлений дают о себе знать, напр., в хорошо известных рассуждениях о существовании особой переходной зоны между двусоставными и односоставными активно-процессными предложениями.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОДНОСОСТАВНОЕ ПАССИВНО-ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Разновидность односоставных процессных предложений, традиционно именуемая безличным предложением глагольного строя. Его главный член выражается кратким страдательным причастием, обладающим стабильными, неварьируемыми характеристиками (вид — совершенный, число — единственное, род — средний), в сочетании с глаголом *быть*, который по общему обыкновению в настоящем времени употребляется в нулевой форме: *За доктором было послано* (А. Иванов); *В Орде наконец решено в пользу Дмитрия Ивановича* (Ю. Лошиц); *В столовой было накрыто на восемь персон* (Набоков); *На столе у Лидии Макаровны было прибрано* (О. Куваев). Отклонения от этих закономерностей незначительны. Иногда (вероятно, под влиянием диалектной речи) причастие реализуется в несовершенном виде: *Нет, и свои, с кем о бок жито и работано под завязку, научились косо смотреть на всякого, кто по старинке качает права и твердит о совести* (В. Распутин), а наряду с глаголом *быть* используются глаголы *оказаться* — *оказываться* и *остаться* — *оставаться*: *Но мы напрасно спешили*.

Там тоже оказалось закрыто (Из газет); *Там так и оставалось грязно, накурено* (Журнал «Огонек»).

Односоставное пассивно-процессное предложение — реликтовое явление, свидетельствующее о когда-то возникшей и бывшей определенное время весьма активной тенденции русского языка, которая была направлена на то, чтобы параллельно с противопоставлением двусоставных предложений по признаку «активность/пассивность» установить аналогичное же противопоставление и в сфере односоставных процессных предложений. И материалы памятников письменности, и данные народных говоров (консервирующих старые языковые состояния) говорят о том, что в прошлом построения с краткими страдательными причастиями, которые обозначают процесс вне связи с его носителем, были не только вполне обычны, но и разнообразны по форме. Однако в последующем по не совсем понятным причинам эта тенденция стала угасать, и сейчас односоставное пассивно-процессное предложение представляет собой сравнительно небольшой (исчисляемый тремя-четырьмя десятками) набор стандартизованных формул, свойственных либо разговорной речи (*Там перекопано; У нас закрыто*), либо канцелярско-деловому стилю (*В иске отказано; За путевки заплачено заведомо*).

Языковой статус односоставных пассивно-процессных предложений в лингвистической литературе определяется неоднозначно. Чаще всего принимается во внимание их способность фиксировать наличие/отсутствие независимого процесса, в связи с чем они без всяких оговорок зачисляются в разряд безличных предложений глагольного строя. Иногда, наоборот, учитывается их способность именовать

наличие/отсутствие результирующих состояний, в силу чего они включаются в наречные конструкции. Определенные колебания наблюдаются и при установлении объема этих предложений. По давней традиции, в их составе рассматриваются структуры с инфинитивом (*Ему приказано ехать; Здесь запрещено курить*). Сейчас эти структуры все чаще и чаще относят к числу двусоставных.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Простое предложение, в предикативном центре которого, в отличие от двусоставных предложений, наличествует только один главный член: *Рассчитываю на твою поддержку; Здесь говорят только по-русски; Лежачего не бьют; На улице морозит; Тишина.* Инвентарь односоставных предложений определяется по-разному. Традиционно к их числу относят предложения: определенно-личное, неопределенно-личное, обобщенно-личное, безличное, инфинитивное, безличное-инфинитивное, номинативное (назывное), генитивное и вокативное. В последние годы этот инвентарь подвергся пересмотру, в результате которого, во-первых, определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения были резко противопоставлены основной массе односоставных предложений (см. об этом ниже), во-вторых, две разновидности безличного предложения — глагольная и наречная теперь рассматриваются как самостоятельные односоставные предложения, в-третьих, генитивные предложения оказались сближенными с номинативными, в-четвертых, вокативным предложениям отказано в праве называться односоставными (их относят к грамма-

тически нечленимым). Частично изменена и соответствующая терминология. Правда, результаты этого пересмотра, будучи в высшей степени корректными, принимаются далеко не всеми исследователями.

Классификацию односоставных предложений основывают на учете разных признаков. По традиции, идущей от А.А. Шахматова, их главный член отождествляют либо с подлежащим, либо со сказуемым, в связи с чем различают *бессказуемостно-подлежащие* и *бесподлежащно-сказуемые* предложения. Но такое отождествление в целом ряде случаев носит произвольный характер, и часто в одном и том же главном члене (напр., номинативного предложения) видят то сказуемое, отнесенное к неназванному подлежащему, то подлежащее, не соотнесенное со сказуемым. К настоящему времени этот способ классификации односоставных предложений практически не используется, и соответствующие ему термины представляют лишь чисто исторический интерес.

Второй способ классификации односоставных предложений учитывает морфологическое выражение их главного члена, что заставляет различать глагольные и именные односоставные предложения. Но «морфологизм» в чистом виде как принцип построения теории предложения, по наблюдению В.В. Виноградова, «не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложения», хотя бы уже потому, что не учитывает существенно важного момента: предложения одного и того же типа могут быть и глагольными, и именными (ср., напр., две разновидности неопределенно-личного предложения: а) *В редакции нам пообещали помочь; В школе ремонтируют парты* и б) *На работе от*

него были в восторге; В семье к нему были несправедливы).

Более целесообразно основывать систематизацию односоставных предложений на дифференциальном признаке, выявленном комментаторами А.А. Шахматова (в первую очередь В.В. Виноградовым). Они обнаружили, что под названием односоставных А.А. Шахматов объединил принципиально разные предложения — с одной стороны, такие, в которых наличествуют два состава — подлежащего и сказуемого, но первый состав не получает специального лексического выражения, поскольку он подсказывается глаголом-репрезентантом состава сказуемого (ср. определенно-личное предложение: *Люблю тебя безмерно; Принеси книгу*), а с другой — такие, в которых представлен только один состав (ср. безличное предложение, которое по позиции второго главного члена просто не предусматривает: *Его мучило; Им в заповеднике жилось вольготно*). С учетом этого важного момента, если его эксплицировать, все односоставные предложения распадаются на два разряда: формально односоставные и содержательно односоставные. К первым относятся определенно-личное, обобщенно-личное, неопределенно-личное предложения. Вторые включают в свой состав безличное, инфинитивное, безлично-инфинитивное и номинативное (назывное) предложения.

Лит.: Арутюнова Н.Д., Ширяев В.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968; Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958; Он же. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970;

Золотова Г. А. К типологии простого предложения // ВЯ. № 3. 1978; Она же. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Кокорина С. И. К вопросу о грамматической семантике структурной схемы простого предложения // Спорные вопросы синтаксиса. Изд-во МГУ, 1974; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Юрченко В. С. Простое предложение в современном русском языке (Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное). Саратов, 1972.

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДМЕТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что и номинативное предложение, выделяемое при широком подходе к нему. Новый термин, введенный сравнительно недавно, более предпочтителен, чем традиционный, внутренняя форма которого (номинатив – латинское наименование именительного падежа!) противоречит тому факту, что именительный падеж существительного при отрицании последовательно заменяется родительным: *За домом было озеро – За домом не было озера; У меня есть такая возможность – У меня нет такой возможности.*

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРИЗНАКОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип содержательно односоставных предложений, традиционно именуемый безличным предложением наречного строя. Главный член этого предложения называет разного рода признаки-состояния, отвлеченные от своих носителей. Стандартным средством выражения его являются сочетания бытийного глагола

со словами на -о (трактуемыми то как слова категории состояния, то как предикативные наречия, то как краткие качественные прилагательные): *Здесь им было удобно* (Т. Астафьев); *Душно в кузнице угрюмой* (Есенин); *У Щегловых очень уютно и тепло* (М. Булгаков); *Одним словом, Нине Александровне было хорошо* (В. Липатов). Однако инвентарь этих слов в русском языке невелик, и поэтому в речи давно уже наметилась тенденция компенсировать его недостаточность за счет других языковых средств, в первую очередь за счет предложно-падежных форм, способных развивать призначное значение.

Степень освоенности этих форм в призначной функции различна. Одни из них употребляются главным образом (хотя и не исключительно) в составе разного рода экспрессивных высказываний, не обнаруживая никаких признаков стандартизации: *В квартире всегда было на грани кризиса* (И. Грекова); *В семье не без уroda* (Пословица); *С животными тоже было в порядке* (Л. Словин); *Но в дележе когда ж без спору?* (Крылов). Другие, напротив, утратили свою выразительность и приобрели характер синтаксических штампов: *Мне было не по себе от счастья* (Ю. Казаков); *Сейчас ему было не до смеха* (Шукшин). Применительно к третьим формам говорить о них как о предложно-падежных формах можно лишь в историческом плане. В результате долгого и стабильного употребления в призначной функции они превратились в наречия: *Однако в последнем году стало совсем невмочь* (В. Распутин); *Невмоготу мне стало от людской жалости* (М. Барышников); *Ей с ним невтерпеж стало* (Из журналов).

Сверх того, устно-разговорная (и имитирующая ее художественно-публицистическая) речь прибегает к косвенной номинации признаков-состоя-

ний, что достигается либо путем сравнения данной ситуации с аналогичной, либо путем отсылки к последствиям этой ситуации: а) *У вас здесь как в храме* (Ю. Семенов); — *На войне как в шахматах, — сказал Саша. — Е-два — Е-четыре, бац! и нету пешки* (Е. Носов); б) *На улице темно, а в соборе хоть глаз выколи* (Из газет); *У Сапожникова в доме хоть шаром покати* (М. Анчаров).

И, наконец, писатели и журналисты используют (так сказать, в индивидуальном порядке) в позиции главного члена односоставного признакового предложения наречия, употребляемые обычно при глаголе, а также окказиональные формы, образованные от относительных прилагательных: *Под мостом было гулко и звонко* (Айтматов); *Тебе нужен другой — и покой, а со мной беспокойно, бессонно* (В. Высоцкий); *Куда ни взглянешь — повсюду снежно* (И. Северянин); *Становилось все тише и ночнее* (Горький); *Но Галерная такою же была: скучно, каменно, голо* (С. Рассадин).

Все эти разнообразные средства номинации признаков-состояний (кстати сказать, вступающие в явное противоречие с традиционным термином безличное предложение наречного строя и требующие его реформирования) чаще всего сочетаются с глаголом *быть*, который в настоящем времени по обыкновению реализуется в нулевой форме (примеры см. выше). Вместе с тем возможны и некоторые другие бытийные глаголы, в частности, *стать — становиться, делать — сделаться, казаться — показаться, оказаться — оказываться, остаться — оставаться*: *Стало еще светлее* (Д. Гранин); *Невесело ему сделалось сегодня с ночи* (Ю. Антропов); *Пусто никогда не бывает в лесу, и если кажется пусто, то сам виноват* (М. Пришвин); *Там оказалось спокойнее, чем на преж-*

нем месте (В. Конецкий); *Там оставалось так же пусто и неудобно, как было и раньше* (Из газет).

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРОЦЕССНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип односоставных предложений, традиционно именуемый безличным предложением глагольного строя. Новый термин, не нашедший пока широкого распространения, более предпочтителен по сравнению со старым, поскольку позволяет четко развести две разновидности этого предложения — активно-процессное предложение и пассивно-процессное предложение, из которых первое не фиксирует позиции предмета — источника процесса (*Светает; Телегу трясло на ухабах*), а второй — позиции предмета — носителя процесса (*Об этом было вскоре забыто; В комнате не подметено*). Кроме того, этот термин дает возможность установить определенный номенклатурный параллелизм данного предложения с другими односоставными предложениями — односоставным предметным и односоставным признаковым.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОДНОЧЛЕННОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. В рамках структурно-семантической классификации то же, что нерасчлененное сложноподчиненное предложение.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТ. Простое сказуемое, выраженное полуграмматизованными сочетаниями слов, по значению равными слову: *оказывать содействие (содействовать); производить подсчет (подсчитывать); принимать участие (участвовать)*.

ОПÓРНОЕ СЛÓВО. 1. То же, что главный компонент словосочетания. 2. Слово в главной части сложноподчиненного предложения, к которому относится придаточное. В последние годы этот термин вытесняется термином **контáктное слово** (правда, только во 2-м знач.).

ОПОСРÉДСТВОВАННОЕ УПРАВЛÉНИЕ. То же, что предложное управление.

ОПРЕДЕЛÉНИЕ. Второстепенный член предложения, относящийся к словам с предметным значением и характеризующий называемые этими словами предметы со стороны их качеств, признаков или свойств: *прочный стул; интересная поездка; книга мамы*. Различаются согласованное определение и несогласованное определение. В качестве особого вида определения по традиции рассматривают приложение.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Функция определения в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компонент текста. М., 1982; Горский Д. П. Определение (логико-методологические проблемы). М., 1974; Камынина А. А. Причастия и прилагательные в роли обособления определений (К вопросу о языковом статусе полупредикативных атрибутов существительного) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 1; Она же. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Климовская Г. И. О конструктивной иерархии трех атрибутивных категорий в современном русском языке // Материалы межвуз. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1972; Москвина Р. А. Сравнительные обороты в функции определений // Науч. труды Кубанского ун-та. Вып. 152. Единицы различных уровней в языке и речи. Ч. 1. Краснодар, 1972; Оганесян Э. Ц. Согласован-

ные определения в русском языке и их ответственности в армянском // Русский язык и методика его преподавания в Армянской ССР. Вып. 1. Ереван, 1977; Перетрухин В. Н. К проблеме разграничения однородных и неоднородных определений // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч. 1. Курск, 1974; Полищук Г. Г. Обязательные и факультативные определения в русском языке (их коммуникативная и конструктивная роль): АДД. Саратов, 1972; Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980; Сергеева Г. Н. Употребление лексикализованных предложно-падежных словоформ в составе обособленного приложения // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981; Чеснокова Л. Д. Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке. Ч. 1. Ростов н/Д, 1972.

ОПРЕДЕЛЁННО-ЛÍЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип формально односоставных предложений, существенная особенность которых состоит в том, что употребленные в позиции его главного члена глаголы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения и глаголы 2-го лица единственного и множественного числа повелительного наклонения несут информацию о втором его главном члене, однозначно определяя последний как *я (мы)* или *ты (вы)*: *Люблю дымок спаленной жнивы...* (Лермонтов); *Что печально глядишь, что на сердце таишь?* (А. Кольцов); — *Полно, успокойся...* (Горький).

Эта особенность определено-личных предложений обусловлена наличием у русских глаголов морфологических согласовательных категорий, благодаря которым они получают возможность дублировать признаки лица, числа и

рода, свойственные слову – репрезентанту подлежащего, а иногда даже делать избыточным употребление самого этого слова. В древнерусском языке старшего периода такого рода возможность использовалась очень широко: здесь невыраженность подлежащего местоимениями 1-го и 2-го лица была общей нормой, поскольку все без исключения личные глаголы несли информацию персонального и количественного характера. Положение дел, однако, существенно изменилось, когда перфект, вытеснивший все другие прошедшие времена, утратил связку, а аорист в составе сослагательного наклонения трансформировался в бесформенную частицу *бы*. Именно тогда и появились личные глаголы без согласовательной категории лица (ср. глагол прошедшего времени типа *читал* и глагол сослагательного наклонения типа *читал бы*, которые могут быть отнесены ко всем трем лицам). На этот факт русский язык отреагировал переходом к эксплицитной номинации предмета-подлежащего, в позиции которого стали употребляться местоимения *я (мы)* и *ты (вы)*. Но соответствующий процесс протекал в конкретных высказываниях по-разному, обнаруживая прямую зависимость от характера наклонения глагола.

Во всех без исключения высказываниях с глаголами сослагательного наклонения местоимения *я (мы)* и *ты (вы)* приобрели строго обязательный характер: *Я бы поговорил с ним; Ты бы поговорил с ним; Мы бы поговорили с ним; Вы бы поговорили с ним*. Нормой стало употребление их и в высказываниях с глаголами прошедшего времени изъявительного наклонения: *Я поговорил с ним; Ты поговорил с ним? Мы поговорили с ним; Вы поговорили с ним?* Поскольку, однако, в определенных позициях (в настоящем и будущем

временах) изъявительное наклонение не утратило согласовательных категорий лица и числа, возможность имплицитной номинации предмета-подлежащего сохранилась, правда, преимущественно в сфере разговорной речи. И, стало быть, русский язык на рассматриваемом участке синтаксической системы усвоил два стилистических варианта: литературный (*Я иду в театр; Куда ты идешь?*) и разговорный (*Иду в театр; Куда идешь?*). Что же касается высказываний с глаголами повелительного наклонения, относящими обозначаемое действие ко 2-му лицу (единственного и множественного числа), здесь русский язык в основном следует старой норме, т.е. оставляет позицию предмета-подлежащего лексически незамещенной (*Принеси книгу; Помолчите!*). Сравнительно редкое использование местоимений 1-го и 2-го лица допускается лишь в особых условиях: когда, напр., требуется придать высказыванию категорический характер (*А ты поговори с ним*) или распределить обязанности между лицами, которым адресовано побуждение (*Ты, Маша, помой посуду, а ты, Коля, сходи за хлебом*). Таким образом, и в этой сфере оказываются возможными два варианта, но различия между ними являются не стилистическими, а смысловыми.

Многие исследователи, начиная с А.М. Пешковского, считают необходимым вывести определенно-личное предложение из числа односоставных. И это мнение представляется вполне основательным (хотя его пока что разделяют не все): в этом предложении наличествуют два состава – подлежащее (выраженное на основе имплицитной номинации) и сказуемое, которое, как и в обычных двусоставных предложениях, может быть простым глагольным (*Читаю книгу; Поддай ему пальто*), со-

ставным глагольным (*Начинаю волноваться; Хочешь поехать с нами?*) и составным именным (*Будем справедливы к нашим оппонентам; Будь умницей*). Неоднозначность выражения сказуемого, кстати сказать, не позволяет отнести эти предложения к глагольным, как это обычно делается.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

То же, что атрибутивное значение.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное, выполняющее функцию квалификатора предмета, названного субстантивом в главной части предложения. Оно предполагает ввод дополнительной информации об этом предмете посредством указания на характер его участия в обозначаемой данным придаточным ситуации.

В качестве формальных средств связи определительного придаточного с главной частью предложения выступают союзные слова, которые, будучи анафоричными (отсылочными) по своей природе, предстают в виде вторичных номинаторов квалифицируемого предмета. В их составе выделяются местоименные прилагательные *который, какой, чей, кой*, местоименные существительные *кто* и *что*, местоименные наречия *где, куда, откуда, когда*.

Из местоименных прилагательных наиболее типичным является слово *который*, являющееся знаком тождества предметов, упоминаемых в главной и придаточной частях: *Мне страшна главным образом обыденщина, от которой никто из нас не может спрятаться* (Чехов); *...На эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих* (Пушкин). Тем же значением обладает

и слово *кой*, но к настоящему времени оно совершенно устарело, и редкие примеры для его иллюстрации извлекаются из художественной литературы XIX в., как в случае: *Слезы эти отчасти были вызваны пуншем, коего вытянул он три стакана* (Пушкин). Современная нам литература использует это слово в высказываниях, стилизованных под старину. Союзное слово *какой* двусмысленно. Иногда оно реализуется, подобно слову *который*, в значении тождества: *Она заявила к нам в том же платье, в каком я видел ее еще год назад* (Паустовский). Чаще всего, однако, оно констатирует подобие предметов в главной и придаточной частях: *Мы сами вот теперь подходим к чуду, Какого ты нигде, конечно, не встречал...* (Крылов); *Добро бы это был просто шарлатан, каких много, но это шарлатан убежденный и втайне протестующий* (Чехов). Напротив, союзное слово *чей* семантически вполне определено. Оно указывает на принадлежность предмету, упомянутому в главной части, той или иной реалии: *...вышел он к нам и предложил, чтобы та особа, чей фант вынется, провальсировала вместе с ним* (Тургенев).

Некоторым своеобразием отличается использование местоименных существительных *кто* и *что*. Первое из них, как правило, реализуется при субституирующих обычных существительных местоимениях *тот, всякий, любой, каждый*: *Тот, кто не понимает этого, просто глуп* (Трифонов); *Всякого, кто не угодил ему, наказывал он беспощадно* (Т. Астафьев). Сфера реализации союзного слова *что* менее определена: оно возможно при неодушевленных и одушевленных существительных: *Она не сводит глаз с дороги, что идет через рощу* (Гончаров); *Мне припомнилась нынче собака, что была моей юности друг* (Есенин).

Местоименные наречия, в отличие от местоименных прилагательных и существительных, указывают на определяемый предмет не прямо, а посредством констатации его функции – локальной (*где, куда, откуда*) и темпоральной (*когда*): *Деревня, где скучал Евгений, была прелестный уголок* (Пушкин); *Поднявшись на небольшой холмик, откуда начиналась узкая, едва заметная лесная тропинка, я оглянулся* (Куприн); *Настала минута, когда я понял цену этих слов* (Гончаров).

В главной части сложноподчиненных предложений с придаточным определительным иногда употребляются соотносительные слова, но они возможны при реализации выделительно-определяющего значения, т.е. когда уточняется предмет, о котором идет речь: *На другой день Оленин без старика пошел один на то место, где он со стариком спугнул оленя* (Л. Толстой); *Свадьбу праздновали скромно, пригласили только тех людей, которые по-настоящему были близки им* (Паустовский). Во всех остальных случаях, особенно при реализации повествовательно-распространительного значения, они не допускаются.

Объем понятия «определяющее придаточное» в современной русистике точно не установлен. Одни исследователи даже не упоминают возможного его варианта, вводимого союзным словом *кто*, другие, наоборот, причисляют сюда предложения с местоименным словом *такой* в главной части, которые в настоящее время интерпретируются как придаточные качества, меры и степени признака.

Лит.: Андримонова Н.А. К вопросу о структурно-семантической классификации сложноподчиненного предложения // Преподавание русского языка в высшей и средней школе. Рязань, 1973; Ильенко С.Г. Сложное предложение в

современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения. Лекция. Л., 1976; Исаева А.А. Лексические противопоставления в частях сложноподчиненного предложения с присубстантивно-атрибутивными придаточными // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973; Максимов Л.Ю. К вопросу о типологии присубстантивно-атрибутивных сложноподчиненных предложений // РЯШ. 1971. № 2; Орлов К.П. Функционально-смысловое соотношение сложноподчиненных предложений, имеющих аппозицию, между собой, а также с другими инвариантными структурами сложноподчиненных предложений // Исследования и статьи по русскому языку. Вып. 3. Волгоград, 1972; Щулин В.В. О классификации сложноподчиненных предложений. Воронеж, 1972.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых обозначает качество действия, характер его проявления или способ совершения: *читать громко; встать с трудом; идти нешком*. Применительно к обстоятельствам в этом случае говорят о значении образа и способа действия. Но поскольку на основе данного термина прилагательное не образуется, видимо, и возникла необходимость обозначения соответствующих отношений на иной лексической базе.

2. Отношения, устанавливаемые в тех сложноподчиненных предложениях, в которых качество процесса или признака раскрывается на основе косвенной номинации (либо посредством сравнения, либо посредством указания на какие-л. последствия): *Он бежал так, словно за ним гнались по пятам; Ветер был такой, что люди буквально падали с ног*. Эти предложения являются одной из разновидностей сложно-

подчиненных предложений, которые именуют либо местоименно-союзными, либо сложноподчиненными предложениями с придаточными качества, степени и меры признака.

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения», «Сложноподчиненное предложение».

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. То же, что атрибутивные отношения.

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. По терминологии А.А. Шахматова, разряд обстоятельств, к которому относятся обстоятельства качества действия, меры и степени, образа действия. Термин в настоящее время практически не употребляется.

Лит.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ОПТАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что пожелательное предложение.

ОРИЕНТИРОВАННАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. По терминологии Н.Ю. Шведовой, связь, устанавливаемая в сложноподчиненных предложениях посредством местоименных слов *который, какой, каков, чей, где, куда, откуда, когда, из-за чего, почему, зачем* и т.д., относящих содержание придаточного либо к предмету, названному существительным, либо к предикативному центру главной части: *Есть чувства, которые поднимают нас от земли* (Тургенев); *Вот опальный домик, Где жил я с бедной нянею моею* (Пушкин); *Солнечные лучи ударили прямо в глаза гребцу, что заставило его опустить весла* (Паустовский); *Но все эти слухи очень скоро затихли, чему много способствовали обстоятельства* (Достоевский). Эта связь противопоставляется неориентированной относительной связи.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

ОРУДИЙНЫЙ ОБЪЕКТ. Косвенный объект, называющий орудие действия. Выражается существительным в творительном падеже: *ударить палкой; открыть ключом.*

Лит.: см. «Объектные отношения».

ОСЛОЖНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Простое предложение, в котором наличествуют однородные члены, обособленные обороты, вводные и вставные элементы, обращения или сравнительные обороты. Иногда в ряду осложненных предложений рассматриваются неполные и эллиптические предложения, что явно некорректно: последние предполагают не осложнение, а наоборот, редукцию формального каркаса высказывания — с опорой на ситуацию и/или контекст. Поэтому в последнее время в русистике параллельно с термином *осложненное предложение* используется более емкий термин *особые явления в синтаксисе*, служащий родовым наименованием всех случаев преобразования синтаксической структуры простого предложения.

Лит.: Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов н/Д, 1980; Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Прияткина А.Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке. М., 1990; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980. См. также «Обособление», «Однородные члены», «Вводные слова», «Вставная конструкция».

ОСЛОЖНЁННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Простое глагольное сказуемое, в которое включены разного рода лексические элементы, специально подчеркивающие длительность, интенсивность,

неопределенность, преднамеренность и т.п. соответствующего действия. Такое сказуемое, в частности, выражают:

1) повторяющиеся спрягаемые глагольные формы: *Сапожник бился, бился и наконец за ум схватился* (Крылов); *Герасим глядел, глядел, да как засмеется вдруг* (Тургенев);

2) повторяющиеся глагольные формы, соединенные частицей *так*: *Уж ты скажешь так скажешь* (Из газет); — *Вот, батенька, адъютант-то наш прорвался так прорвался* (Л. Толстой);

3) сочетания спрягаемой глагольной формы с предшествующим (препозитивным) инфинитивом: *Объяснить-то я ему объяснил, да толку...* (Астафьев); *Что же это он? Стрелять не стреляет, а ружье держит* (Тоголь);

4) сочетания глагола *взять* (в разных формах) с глаголами изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений: *А он ни с того, ни с сего взял и уехал* (Из газет); *А он возьми и побег* (Тургенев);

5) сочетания глаголов с частицами *знай, себе и др.*: *А он знай колет сдуру...* (Крылов); *И стоит себе лес улыбается* (Н. Некрасов);

6) так называемые парные глаголы: — *Пойду брата проведу* (Астафьев); — *Ну что ж, — предложил он, — сядем поговорим* (Трифонов).

Иногда осложненным называют составное сказуемое, совмещающее черты глагольного и именного: *Он хотел казаться спокойным; Глаза его оставались холодными*. Однако такое терминопотребление не является общепринятым.

Лит.: Валькова А. И. Особенности структуры и согласования смешанного сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Бельцкого пед. ин-та. Вып. 10. Бельцы, 1969; Кириллова Т. С. Грамматическая и семантическая структура двусоставных предложений с осложненным именным сказуемым: АКД. М., 1983; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Та часть предложения, которая остается за вычетом осложняющих его явлений.

ОСОБЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИНТАКСИСЕ. Явления, предполагающие преобразование синтаксической структуры простого предложения. Их анализ требует рассмотрения, во-первых, осложненных предложений (т.е. предложений с обособленными и сравнительными оборотами, вводными и вставными элементами, обращением), во-вторых, неполных и эллиптических предложений, формальная структура которых определенным образом редуцируется с опорой на ситуацию и/или контекст, и, в-третьих, разного рода экспрессивных высказываний, образованных на базе устно-разговорных структур и в ряде отношений существенно отличающихся от нейтральных книжно-письменных предложений (т.е. парцелированных и сегментированных высказываний).

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980. См. также «Осложненное предложение».

ОТВЛЕЧЁННАЯ СВЯЗКА. См. **связка**.

ОТКРЫТЫЕ СТРУКТУРЫ. Союзные и бессоюзные сложные предложения, части которых образуют незамкнутый (т.е. способный к расширению) ряд: *Скрипят клесты, звенят синицы, смеется кукушка, свистит иволга, немолчно звучит... песня зяблика, задумчиво поет странная птица-щур* (Горький); *Скрежетала ржавая рулевая цепь, две чайки плавали вокруг трубы, и влажные клювы их, попадая в луч, вспыхивали, точно алмазные* (Набоков). Открытые структуры противопоставляются закрытым.

Лит.: Назикова Е. А. Открытость/закрытость структуры и синонимия

сложных предложений // Синтаксис сложного предложения. Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 220. Воронеж, 1982; Орлова Н. В. Бессоюзные сложные предложения закрытых и открытых структур со словами-скрепами компонентов в современном русском литературном языке: АКД. Новосибирск, 1970; Файзуллаев Б. Ф. К вопросу о структурном параллелизме в сложном предложении (открытые структуры с сопоставительными отношениями) // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1979.

ОТНОСИТЕЛЬНО-ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. То же, что косвенно-вопросительное подчинение.

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. Разновидность подчинения, при котором придаточная часть присоединяется к главной части посредством союзных (относительных) слов. См. **союзные слова**.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА. См. **союзные слова**.

ОТНОШЕНИЯ ВКЛЮЧЕНИЯ. Выделяемые некоторыми авторами (Н.Ю. Шведовой и др.) синтаксические отношения общего и частного, в рамках которых второй элемент сочетания (словесного ряда) называет то, что входит в состав первого элемента. Внешне обнаруживаются с помощью слов *например, в частности, в том числе, в первую очередь, прежде всего, главным образом, даже, особенно* и т.д.: *Все, в особенности чиновники, оставались ошеломленными* (Гоголь); *Искусство, в частности поэзия, также есть акт познания* (Брюсов); *Все его родственники, в особенности дядя, не одобряли этого* (Паустовский).

Место отношений включения в системе синтаксических отношений не вполне явно. При описании явления обособления они обыкновенно рас-

сматриваются в ряду уточняющих отношений.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ОТРИЦАНИЕ. 1. Состоявшаяся в рамках предложения констатация либо небытия, несуществования данной ситуации как таковой (общее отрицание): *Он не ездил туда; Ребята никогда не бывали в Крыму*, либо непричастности данного явления, предмета, признака к сообщаемой ситуации (частное отрицание): *Не мы сделали это; Его интересовало совсем не это*. Обычный формальный сигнал отрицания – частица *не*. Однако в некоторых случаях отрицание выражается косвенным путем – специфической интонацией, преобразованным словоупотреблением, специальными лексико-фразеологическими единицами типа *держи карман, как же* и т.д.: *Держи карман, сделает он тебе это! Как же, они помогут!* 2. В условиях метонимического переноса терминологических то же, что частица *не*. Такое употребление термина не является общепринятым.

Лит.: Мучник Б. С. Отрицание как утверждение // Русская речь. 1977. № 3; Шендельс Е. И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) // Уч. зап. МГПИЯ. Т. 19. М., 1959. См. также «Отрицательное предложение».

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором фиксируется небытие, несуществование сообщаемой ситуации в действительном мире или в одном из возможных миров. Отрицательное предложение предполагает использование частицы *не*, употребляемой при личной форме глагола (в том числе и связочного): *Он не читал этого; Мы не были новичками в своем деле; На твоём месте я бы туда не поехал*. Отрицательными

являются также предложения, в которых небытие ситуации обнаруживается косвенным путем — специфической интонацией, инверсированным порядком слов и особыми лексико-фразеологическими показателями: *Как же, от тебе поможет! Буду я читать эту ерунду!* При наличии частного отрицания высказывание остается утвердительным: *Не он сделал это; Не на ту лошадку сделали мы ставку.* С частным отрицанием не следует смешивать особый случай употребления частицы *не* при существительном в двучастных высказываниях, сообщающих о небытии одной ситуации и о существовании какой-то другой ситуации: *Не ветер бушует над бором, Не с гор побежали ручьи — Мороз-воевода дозором Обходит владенья свои* (Н. Некрасов).

Лит.: Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976; Долинин К.А. Отрицание и коммуникативная структура предложения // Грамматические исследования. Ч. 1. Л., 1975; Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974; Калабухова Т.А. Обобщенно-фактическое значение несовершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976; Кобозева И.М. Синтаксическое обоснование правила перенесения отрицания в русском языке // *Ceskoslovenska rusistica*. 1976. № 2; Коссек Н.В. Выбор винительного/родительного падежа дополнения в зависимости от сферы действия отрицания // Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973; 1977; Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 12. М., 1969; Она же. Трансформационный анализ отрицательных предложений // Падучева Е.В. О семантике

синтаксиса. М., 1974; Попов А.С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и проблемы подлежащего // Изв. Воронежского пед. ин-та. Русский синтаксис. Т. 191. Воронеж, 1974; Рубцова В.А. Вариантное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием *не* // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Она же. О нормативности синтаксических вариантов (К вопросу о соотношении синтаксических вариантов с категорией определенности/неопределенности) // Актуальные вопросы грамматики и лексики современного русского языка. М., 1976.

ПАДЕЖНОЕ ПРИМЫКАНИЕ.

Разновидность примыкания, предполагающего выражение зависимого компонента падежными и предложно-падежными формами имени, связь которых с номинаторами господствующего компонента предельно ослаблена: *приехать пятого мая; ложка из дерева; кто-то в голубом; красивый лицом.* Падежное примыкание было выделено в рамках «Русской грамматики — 1980». В подавляющем большинстве синтаксических работ это новшество принято не было.

Лит.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ПАРАДИГМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Понятие, утвердившееся в русистике в 1970-е — начале 1980-х гг. Предполагает выявление исходной модели предложения и определение набора ее модификаций по тем или иным параметрам (при тождестве либо лексической, либо смысловой базы). За короткий срок было выделено множество (не менее десятка!) парадигм: формоизменятельная, формообразовательная, деривационная, аспекту-

альная, комбинаторная, позиционная и т.д. В результате этого понятие парадигмы предложения утратило свою четкость и его эвристическая ценность стала практически нулевой. В связи с этим сейчас целесообразно говорить о преобразованиях предложения в меняющихся условиях речевого общения, не связывая себя понятием парадигмы.

Лит.: Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы филологии. 2000. № 3; Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997; Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 341. М., 1969; Москальская О.И. Синтаксическая парадигматика и синтаксическая деривация // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978; Попова З.Д. Изучение сложных предложений в парадигматических рядах (на материале записей пословиц и поговорок XVII в.) // НДВШ. Филологические науки. 1966. № 2; Распопов И.П. Несколько замечаний о синтаксической парадигматике // ВЯ. 1969. № 4; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980; Седелников Е.А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 3; Сквородников А.П. О неполноте эллиптических предложений (в аспекте их синтагматики и парадигматики) // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры. Красноярск, 1984; Скрипниченко А.З. Типы временных парадигм сложноподчиненных предложений // Синтаксис простого и сложного предложения. МГУ, 1973; Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4; Она же. Парадигматика про-

стого предложения в современном русском языке (опыт парадигматики) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1987; Шитов В.А. О парадигматике однородного соподчинения // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981.

ПАРАДИГМА СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Понятие, называемое этим термином, предполагает выделение в общей совокупности словосочетаний того или иного вида с морфологически варьируемым главным компонентом исходной формы (*дом отца; черный от загара; рисовать картину*) и ряда производных форм (*дома отца; за домом отца; черного от загара; черному от загара; рисую картину; рисовали картину*). Понятие парадигмы словосочетания в русистике не является общепринятым. Оно играет чисто вспомогательную роль, позволяя исследователям выстраивать словосочетания в легкообозримом виде, что не мешает ему оставаться явлением морфологического, а не синтаксического плана (поскольку, по определению, словосочетание безразлично к функции главного компонента и не зависит от нее).

Лит.: Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм // Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ ФОРМ. То же, что аппозиция.

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Связь между предложениями в тексте, осуществляемая с помощью параллелизма синтаксических конструкций, в составе которых обыкновенно употребляются глаголы несовершенного вида: *Это был человек моего возраста, долговязый, грязный, два дня не брившийся; между нижним краем воротничка (мягкого, с двумя петельками для несущест-*

вующей булавки) и верхним краем рубашки розовела полоска кожи. Тощий конец вязаного галстука свесился набок, и на груди не было ни одной пуговицы. В петлице пиджака увядал пучок бледных фиалок, одна выбилась и висела головкой вниз. Подле лежал грушевидный заплечный мешок с ремнями... (В. Набоков). Термин принадлежит Г.Я. Солганику.

Лит.: Солганик Г.Я. О параллельной синтаксической связи между самостоятельными предложениями // РЯШ. 1967. № 2; Файзуллаев Б.Ф. К вопросу о структурном параллелизме в сложном предложении (открытые структуры с сопоставительными отношениями) // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1979.

ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ.

Способ организации многокомпонентных сложных предложений, при котором от одного и того же предложения (главного или придаточного) зависят два и более придаточных. Параллельное подчинение может быть однородным или неоднородным. При однородном подчинении придаточные являются функционально однотипными, т.е. находятся в одинаковом отношении к господствующему предложению и соединяются друг с другом сочинительными союзами или посредством бессоюзной связи: *Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорил это Наполеон* (Л. Толстой); *Мне странно было видеть, что «добро» и «зло» одеваются одинаково красивыми словами, что обвинители и защитники людей с равносильной ловкостью пользуются одним и тем же лексиконом* (Горький). Неоднородное параллельное подчинение предполагает употребление функционально разнотипных придаточных, которые могут быть связаны либо со всем господствующим предложением в целом, либо с различными членами его: *Хотя в посадках было почти сухо, Ковтуну от*

потери крови казалось, что он при каждом шаге вытягивает ноги откуда-то глубоко из-под земли (Симонов); *Вечером, когда все улеглись спать, он присел к столу, чтобы коротко записать впечатления дня* (Трифонов).

Наряду с термином «параллельное подчинение» широко используется термин «соподчинение придаточных».

Лит.: Покусаенко В.К. О границах однородного соподчинения // НДВШ. Филологические науки. 1962. № 3; Шитов В.А. О парадигматике однородного соподчинения // Грамматическая семантика языковых единиц. Вологда, 1981.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ.

Используемый в синтаксической стилистике термин, обозначающий синтаксические единицы, способные к взаимозамене при некоторых различиях в смысле. Так, причастный оборот может быть заменен придаточным определительным (ср. *Его ошибка, не замеченная мною, доставила всем массу неприятностей* — *Его ошибка, которая не была замечена мною, доставила всем массу неприятностей*), соответственно вместо деепричастного оборота иногда употребляется придаточное предложение (ср. *Не зная броду, не суйся в воду* — *Если не знаешь броду, не суйся в воду*).

Лит.: Новикова Т.В. Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской литературы): Смоленск, 1992; Пуленко И.А. Экспрессивность синтаксиса публичных речей (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовительных выступлениях деятелей ФПК): Минск, 1988.

ПАРАТАКСИС. Объединение синтаксических единиц без посредства союзов. Частично совпадает с понятием «бессоюзие».

ПАРЕНТЕЗА (греч. parenthesis «внесение, вставка»). У некоторых ав-

торов (И.П. Распопова и др.) родовое наименование для вводных и вставных элементов предложения.

Лит.: см. «Вставная конструкция».

ПАРЦЕЛЛЯ́ЦИЯ (лат. *parcella* «частичка»). Стилистический прием разделения единого высказывания письменной речи на части, имитирующий такую особенность разговорной речи, как ее неподготовленность, спонтанность, в результате чего она изобилует разного рода присоединительными конструкциями, как бы «вдогонку» следующими за основным высказыванием. Обыкновенно парцеллируются (при возможном изменении словоупорядка) второстепенные члены, как в следующих извлеченных из газет примерах: *Мы часто ловили с ним рыбу. Под мостом. На муху; Они нашли спичку. Обгорелую. Измазанную чернилами; При встречах они долго разговаривают. О прошлом. Редко — о будущем.*

Лит.: Библиографический указатель по вопросам присоединения, парцеллирования и сложного синтаксического целого. Самарканд, 1987; Виноградов А.А. К вопросу о дифференциации явлений парцелляции и динамического присоединения (на материале русского языка) // ВЯ. 1984. № 3; То п у р и д з е Е.Б. К вопросу о разграничении явлений присоединения и парцелляции в русском языке // Актуальные вопросы теории исторического и современного синтаксиса русского языка. Вып. 2. Барнаул, 1976; И в а н ч и к о в а Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968; М а к с и м о в Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст // РЯШ. 1996. № 4.

ПАССÍВНАЯ ВАЛÉНТНОСТЬ. Один из видов валентности, предполагающей рассмотрение сочетаний слов со стороны зависимого (подчиненного) компонента, ориентированного на

господствующий компонент: *рассказывать сказки; высокая гора; громко петь.* Противопоставляется активной валентности.

Лит.: «см. Валентность».

ПАССÍВНАЯ КОНСТРУ́КЦИЯ. То же, что страдательная конструкция.

ПА́ЦИЕНС. Одно из понятий семантического синтаксиса. Обозначает предмет, который в отличие от агенса не является источником действия (последнее лишь ассоциируется с ним, втягивает его в свою сферу). Может быть передан подлежащим: *Дом строится рабочими* или дополнением: *Ему дуло в спину.*

Лит.: А р у т ю н о в а Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; П о з д н я к о в а Е.М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998; Ф и л л м о р Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981; Ч е й ф У. Значение и структура языка. М., 1975.

ПЕРВÍЧНАЯ СИНТАКСÍЧЕСКАЯ ФУ́НКЦИЯ. Основная синтаксическая функция, на выполнении которой специализировано данное языковое средство. Так, для наречия первичной синтаксической функцией является функция обстоятельственного члена в предложении. Противопоставляется вторичной синтаксической функции.

Лит.: см. «Синтаксическая функция».

ПЕРÍОД (греч. *periodos* «обход, круговращение, определенный круг времени»). Стилистический прием организации сложных, иногда простых предложений, встречающийся в языке художественной литературы и публицистики. Известный еще со времен античности, период вошел в практику русской изящной словесности в про-

межутке от М. Ломоносова до Н. Гоголя (хотя, конечно, продолжал использоваться и позднее, напр., Л. Толстым, Ф. Достоевским, М. Горьким, К. Фединыным, А. Твардовским и др.).

Периоду свойственны следующие особенности:

1) его отличают взволнованность, эмоциональность, иногда торжественность изложения;

2) он предполагает полноту развертывания мысли, что достигается вводом придаточных предложений, конкретизирующих основное высказывание;

3) в его составе выделяются две ритмомелодические части: восходящая (протазис) и нисходящая (аподозис), причем вторая обычно короче первой;

4) члены периода строятся симметрично и зачастую представляют собой обороты одной структуры, с одним порядком слов.

Период одинаково возможен как в поэтической, так и в прозаической речи:

*Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекише в мечтах любви напрасной, —
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной.
Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые, —
Мне вас не жаль, изменницы младые, —
Задумчивый, забав чуждаюсь я... (Пушкин);*

Достигнув цели, возникнув из ничтожности рабской до высоты самодержца усилиями неутомимыми, хитростью неусыпной, коварством, проискамии, злодейством, наслаждался ли Годунов в полной мере своим величием — величием, купленным столь дорогою ценою? (Карамзин).

Отношения, устанавливаемые между частями периода, могут быть самыми разными: сопоставительными, сравнительными, противительными, условно-следственными и т.д.

Будучи одной из категорий стилистического синтаксиса, период в качестве объекта анализа (напр., в учебных целях) интересен тем, что требует совмещения знаний синтаксического характера со знаниями из области акцентологии, лексикологии, поэтики.

Лит.: Байкова Л. И. Период — синтаксико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка. Дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000; Карпов А. Н. Периоды градации, выделения и периоды разделительно-заключительные // Вопросы синтаксиса русского языка. Вып. 2. Тюмень, 1975; Лосева Л. М. К изучению целых текстов // РЯШ. 1975. № 4; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980; Шапиро А. Б. О периодической форме речи // РЯШ. 1951. № 1.

ПЕРЛОКУТИВНЫЙ АКТ. Аспект речевого акта, учитывающий результат последнего. В русистике вместо этого термина обычно употребляют термин «коммуникативный эффект».

ПЕРСУАЗИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ. То же, что субъективная модальность.

ПЕРФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, включающее в свой состав перформативные глаголы, произнесение которых и есть действие как таковое: *Я даю ему имя Петр; Настоятельно призываю вас к порядку.* Термины «перформативное высказывание», «перформатив», «перформативная функция» и т.д. впервые использовал в лингвистике французский языковед Э. Бенвенист, который, анализируя высказывание *Я клянусь*, подчеркивал, что оно «налагает на произносящего реальность клятвы. Здесь высказывание есть одновременно выполнение».

Лит.: см. «Высказывание».

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Прагматический тип высказываний, целевое назначение которых

состоит в том, чтобы побудить адресата данной речи к какому-л. действию — вербальному или невербальному. Этому предложению свойственна специфическая интонация, которая определенным образом варьируется в зависимости от того, какой вид побуждения реализуется: приказ, просьба, совет, предупреждение и т.д.

Побудительное значение обычно задают три вида специализированных средств:

а) формы императива, непосредственно ориентированные на собеседника говорящего: — *Найдите лопатку, сержант. Это очень важно* (В. Богомолов); — *Скажи, что я занят* (Чехов); — *Архипушка, не выдай, милый!* (Крылов);

б) глаголы изъявительного наклонения 1-го лица множественного числа, используя которые (в контакте с частицей *давай* или без нее), говорящий приглашает собеседника к совместному действию: *Давай попросим сыграть вальс* (Шукшин); — *Воротимся!* — *обратился он к Гадюкину* (Чехов);

в) глаголы изъявительного наклонения 3-го лица единственного и множественного числа с частицей *пусть*, которые возлагают на адресата речи обязанность распространить свои действия на 3-е лицо или какой-то предмет: *Серпилин приказал не будить командира полка: — Пусть спит, обойдусь без него* (Симонов); — *Пусть покормят командный состав, — сказал он, кивнув головой в сторону спускавшихся по трапу офицеров* (В. Богомолов).

Кроме того, для выражения побуждения используются как своего рода функциональные субституты императива *независимый инфинитив* со значением приказа или запрещения: — *Мы отлично пообедаем по-старому... Подавать!* — *приказал он*

Илье (Чехов); — *А вы — стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом сторонних, особенно купцов* (Гоголь) и глаголы сослагательного наклонения, выражающие совет, рекомендацию: — *Ты бы молчал, отец!* (Горький); — *А то и вовсе не ездили бы* (Чехов).

И, наконец, иногда побудительное значение развивают: безглагольные структуры: *Молоток! К стене!*, вопросительные предложения: *Так чего же ты стоишь?* (= *Иди*), нечленимые междометные предложения: *Тсс! Вон!* и др. высказывания.

Лит.: Козырев В. И. Проблемы теории безглагольных побудительных высказываний // Тенденции развития грамматического строя языка. М., 1994; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980; Филатова Е. А. Побудительное высказывание как речевые акты в современном русском языке: М., 1997. См. также «Простое предложение».

ПОБУЖДЕНИЕ. Речевой акт, предполагающий воздействие на адресата с целью побудить его к тому или иному действию.

ПОВЕЛІТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что побудительное предложение. Термин используется редко.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Прагматический тип высказываний, целевое назначение которых состоит в простой констатации бытия или, наоборот, небытия того или иного положения дел в объективной действительности. Повествовательному предложению свойственна особая интонация, предполагающая ровное понижение тона после конечного слова. В составе сказуемого этого предложения (или главного члена, если оно является односоставным) полнозначные и связочные глаго-

лы обыкновенно употребляются в изъявительном и сослагательном наклонениях: *В легкой синеве неба, еще не потеплевшей после ночи, розовело одно тонкое облако...* (Набоков); *На твоём месте я бы так не поступил* (Из газет). Разговорная речь допускает употребление в повествовательном предложении императива, который предстает как субститут либо изъявительного наклонения: *Жил я в деревне... Вдруг приглянись мне девушка* (Тургенев) или сослагательного: *Выбери я другое место, глядишь, и клевало бы получше* (Солоухин).

В русистике 1980-х гг. предпринимались попытки выделить в составе повествовательного предложения два класса: объективно-повествовательные (декларативные) и субъективно-повествовательные (к которым относили побудительные и пожелательные высказывания). Эта попытка успеха не имела.

Лит.: Волохина Г. А., Попова З. Д. Определительные и повествовательно-распространительные предложения в аспекте языка и речи // Русский синтаксис. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 172. Воронеж, 1976; Копров В. Ю. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 203. Русский синтаксис. Воронеж, 1979; Левин Ю. И. Повествовательная структура как генератор смысла: текст в тексте у Х.Л. Борхеса // Текст в тексте: Уч. зап. Тартурского ун-та (Тр. по знаковым системам, 14). Вып. 576. Тарту, 1981; Наумова И. Ю. Сложные предложения присубстантивного типа с повествовательно-распространительными отношениями компонентов как один из типов промежуточных конструкций // Сб. статей по языкознанию к 70-летию профессора В.В. Шеулина. Ч. II. Липецк, 1997; Чмейркова Светла. Глагольное время в повествовательном тексте // Ceskoslovenska rusistika. XXVII. 1982. № 2. См. также «Простое предложение».

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ. Использование в тексте инонаименований для обозначения уже упомянутой реалии: *Брат познакомил меня с Петей. Этот мальчик живет за городом. Там у него своя голубятня.*

ПОДЛЕЖАЩЕЕ (лат. *subjectum* «субъект»). Главный член двусоставного предложения, называющий предмет, признак которого определяется в сказуемом. Отношения подлежащего и сказуемого квалифицируются в русистике по-разному. Лингвисты XIX в. исходили из того, что в иерархии их отношений вершинное положение занимает подлежащее, которое, будучи абсолютным определяемым предложением, так или иначе подчиняет себе сказуемое (Шахматов А.А., Пешковский А.М. и др.). Однако в том же XIX в. появилась точка зрения, согласно которой ядром предложения было признано сказуемое (Дмитриевский А.А.). Эта точка зрения получила поддержку со стороны валентностного синтаксиса, сторонники которого, следуя за французским исследователем Л. Теньером, относят подлежащее к числу актантов глагола. В настоящее время все больше и больше распространяется убеждение, что подлежащее и сказуемое являются взаимообусловленными величинами, которые друг без друга существовать просто не могут. По образному выражению одного из лингвистов, перед нами тот случай, «когда для танго нужны двое».

Необходимо, сверх того, иметь в виду, что за последние десятилетия дала о себе знать еще одна линия содержательной квалификации подлежащего. После ввода в лингвистический оборот понятия пропозиции стало ясно, что подлежащее носит двувариантный характер: оно может называть и предмет как таковой, и опредмечен-

ную ситуацию. Ср., с одной стороны, *Ночь тиха; Шумят деревья*, а с другой — *Курить вредно; Чтение автором своих стихов произвело на нас удручающее впечатление*. Каждому из этих вариантов свойственны особые закономерности реализации. См. **собственно-предметное подлежащее** и **ситуативно-предметное подлежащее**.

Лит.: Авджан Ф. В. Нормы оформления препозитивного сказуемого при количественно-именном подлежащем // Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та. Т. 163. Куйбышев, 1975; Акопджанян А. А. Форма числа глагола-сказуемого в предложениях с подлежащим неопределенно-количественного значения // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 135. Казань, 1974; Бабайцева В. В. Изолированные фрагменты текста со словом ЭТО в позиции подлежащего // Филологические науки. 1998. № 3; Ван Янчжэн. Роль подлежащего в структурно-семантической организации русского предложения (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения): АКД. М., 1991; Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. 1984. № 6; Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Йомдин Л. Л. Нулевые и инфинитивные подлежащие в русских страдательных конструкциях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Костинский Ю. М. Подлежащее в родительном падеже? // Русская речь. 1969. № 6; Попов А. С. Русские отрицательные безличные предложения с родительным падежом существительного и проблемы подлежащего // Изв. Воронежского пед. ин-та. Русский синтаксис. Т. 191. Воронеж, 1974; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Силкина З. А. Опосредованная синтаксическая связь именных форм с подлежащим и прямым дополнением (именное тяготение): АКД. Воронеж, 1973; Тихова Л. В. Структурно-семантическая характеристика предложений с инфинитивом в роли подлежащего в современном русском языке: АКД. Алма-Ата, 1971; Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

ПОДЛЕЖАЩО-СКАЗУЕМОСТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Термин «Русской грамматики — 1980», обозначающий группу двукомпонентных схем, в которых семантический субъект выражен формой собственно называющей, т.е. существительным в именительном падеже или инфинитивом (либо субституирующими их формами). Содержательно в основном совпадает с термином «двусоставные предложения». Подлежащно-сказуемые предложения противопоставляются неподлежащно-сказуемым.

Лит.: Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

ПОДЧИНЕНИЕ. Принцип соединения слов или предикативных единиц, при котором второй компонент образуемого сочетания находится в формальной и содержательной зависимости от первого. См. **подчинительная связь** и **подчинительные отношения**.

ПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что придаточное предложение.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Тип синтаксической связи, устанавливаемой между словами, частями сложного предложения и самостоятельными предложениями в тексте посредством большого набора формальных показателей, определенным образом дифференцированных в отношении сфер их использования. Так, в словосочетани-

ях сигналом подчинения являются по преимуществу морфологические квалификаторы зависимого компонента; подчинительная связь в сложноподчиненном предложении предполагает употребление союзов и союзных слов; в тексте эта связь использует для своего обнаружения прежде всего (хотя и не исключительно) аналоги союзов типа *поэтому, оттого, для этого, при этом условии* и т.д., которые, кстати сказать, могут быть реализованы в простом и сложном предложении.

Если учесть, что текст не обнаруживает специфических реляционных показателей подчинения, которые не могли бы использоваться за его пределами, допустимо различать, как это обычно делается, хотя и не всегда эксплицируется, подчинительную связь в простом предложении и подчинительную связь в сложном предложении.

Лит.: А р у т ю н о в а Н. Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Б е л о ш а п к о в а В. А. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей // Исследование по славянской филологии. М., 1974; Б у л ы г и н а Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1981; К и б р и к А. Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // ИАН Сер. языка и литературы. 1980. № 4; Л о м т е в Т. П. Синтаксические отношения // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 3; Р а с п о п о в И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Щ е у л и н В. В. Подчинение как тип связи между компонентами сложноподчиненного предложения // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 141. Воронеж, 1975.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. Вид подчинительной связи, показателями

которой являются морфологические квалификаторы слова — окончания существительных, прилагательных, числительных (и их субститутов), находящихся в позиции зависимого компонента различных сочетаний слов, или значимое отсутствие таких квалификаторов. В русистике различаются, с одной стороны, присловная подчинительная связь (в иной терминологии — субординативная), устанавливаемая в словосочетаниях: *вылить воду; глубокий смысл; яростно спорить*, а с другой — неприсловная подчинительная связь, реализуемая за пределами словосочетаний, когда выбор морфологической формы зависимого компонента определяется характером синтаксической функции господствующего компонента: *открыт Колумбом; должен ехать*. Иногда в этот разряд подчинительной связи включают предикативную (иначе — координативную) связь. Однако это мнение не является общепринятым.

Лит.: А с т а ф ь е в а Н. И., Н а у м о в и ч А. Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Б у л а н и н Л. Л. Об управлении в русском языке // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 375. Тарту, 1975; Б у л ы г и н а Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1981; В с е в о л о д о в а М. В. О некоторых вопросах управления // РЯЗР. 1978. № 3; Г о р б а ч е в и ч К. С. Вариативность формы управления в некоторых именных и глагольно-именных словосочетаниях // РЯШ. 1974. № 1; Д и б р о в А. А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (на материале славянских языков) // Науч. докл. высшей школы. Филологические науки. 1975. № 5; Е р м а к о в а О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; К а н Ю. Н., О с т а -

нин А. И. К вопросу о синтаксических связях слов, возникающих в предложении // Вопросы сочетаемости языковых единиц. Саратов, 1974; Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977; Лыкова Т. Способы выражения зависимости неизменяемых слов от стержневых в современном русском языке // Межвуз. науч.-теоретич. конференция аспирантов. Доклады. Ростов н/Д, 1974; Ломтев Т. П. Синтаксические отношения // НДВШ. Филологические науки. 1973. № 3; Малащенко В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Изд-во Ростовского ун-та, 1972; Мирошниченко О. Ф. Управление в кругу лингвистических проблем // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Попова З. Д. «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974; Прокопович Н. Н. и др. Именное и глагольное управление в современном русском языке: Учеб. пособие для студентов-иностранцев. М., 1975; Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973; Ревзин И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие «грамматической правильности» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34. № 1; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Сапожников М. И. О номинативной роли конструкций с двумя видами синтаксической связи компонентов // Русский язык. М., 1975; Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971; Чикина Л. К. К вопросу об управлении в русском языке // Русский язык. М., 1975;

Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. Синтаксическая связь, устанавливаемая между частями сложноподчиненного предложения. Находит формальное выражение в союзах и союзных словах, употребляемых в придаточном. См. **сложноподчиненное предложение**.

Лит.: Щеулин В. В. Подчинение как тип связи между компонентами сложноподчиненного предложения // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 141. Воронеж, 1975.

ПОДЧИНИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Значение зависимости, развиваемое означаемыми подчиненных компонентов словосочетания, придаточных в составе сложноподчиненного предложения, иногда частей бессоюзного сложного предложения.

Лит.: Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980. См. также «Словосочетание», «Сложноподчиненное предложение».

ПОДЧИНИТЕЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. При широком подходе к словосочетанию соединение слов, основанное на подчинительной связи: *старый замок; подножье горы; идти пешком; обидно за державу*. Противопоставляется сочинительному словосочетанию. Узкий подход квалифицирует все словосочетания как подчинительные, в связи с чем термин для него является избыточным.

Лит.: см. «Словосочетание».

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Тип синтаксических отношений, устанавливаемых между означаемыми сочетающихся языковых единиц, одна из которых является господствующей, а другая — зависимой, подчиненной. Эти отношения с суще-

ственными различиями реализуются в простом и сложном предложениях.

Лит.: см. «Словосочетание», «Сложноподчиненное предложение».

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. Вид подчинительных отношений, реализуемых в словосочетаниях, которые все без исключения основаны на присловной связи: *бежать быстро; тихий вечер; знакомство с городом*, и сочетаниях слов, связь между которыми является неприсловной: *(Магазин) открыт продавцом; (Дом) строится рабочими*. Наличие подчинительных отношений между подлежащим и сказуемым проблематично. В словосочетаниях подчинительные отношения могут быть атрибутивными, объективными и обстоятельственными. Некоторые авторы дополнительно выделяют комплетивные и субъективные отношения.

Лит.: См. «Словосочетание», «Сложноподчиненное предложение».

ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. Подчинительные отношения, устанавливаемые между ситуациями, называемыми частями сложного предложения. В их рамках выделяются следующие виды отношений: атрибутивные, объектные, обстоятельственные, определительно-качественные, причинные, количественные, следственные, условные, уступительные, целевые, временные (темпоральные), пространственные (локальные), сравнительные, сопоставительные и присоединительные.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

ПОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ (ОПТАТИВНОЕ) ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Выделяемый некоторыми исследователями прагматический вариант высказываний, целевое назначение которых состоит в выражении неадресованного волеизъявления говорящего — его желания: *Улететь бы вольною птицей от вас...* (Чехов); *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький); *Мне бы неводской воды глоток!* (Ахматова). Противопоставляется (в рамках субъективно-повествовательного предложения) побудительному предложению, выражающему адресованное волеизъявление. Терминологическое (и соответственно понятийное) нововведение поддержки не получило, причем по вполне понятным причинам. Как вид коммуникативной интенции побуждение, конечно же, существует, но оно, в отличие от повествования, вопроса и побуждения не грамматикализовано: слишком пестрый набор средств его формального выражения.

Лит.: Алтабаева Е. В. Оптативная семантика в бытийных высказываниях // Семантическая структура слова и высказывания: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1993; Она же. Проблемы и перспективы изучения предложений оптативной семантики // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М., 1994.

ПОЗИЦИОННАЯ СХЕМА ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Выделяемая некоторыми авторами схема высказывания, в составе которой структурная схема осложнена разного рода распространителями, называемыми участниками ситуации и обстоятельства, сопутствующие последней. В эту схему не входят определения и глагольные определители.

Лит.: см. «Высказывание».

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что сложное предложение.

ПОЛИПРОПОЗИТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором получает выражение несколько пропозиций. Полипропозитивным может быть не только сложное, но и простое предложение. Так, высказывание *Игра мальчиков в футбол заинтересовала меня* содержит две пропозиции: базисную (*Игра заинтересовала меня*) и небазисную (*игра мальчиков в футбол*).

Лит.: Хегай В.М., Шмелева Т.В. Предикативность и пропозитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978.

ПОЛИСИНДЕТОН (греч. polysyndeton «многосвязный»). То же, что многосоюзиe.

ПО́ЛНОЕ ПРЕДЛОЖÉНИЕ. Высказывание, формальный каркас которого не редуцирован с опорой на контекст и ситуацию. Противопоставляется неполному предложению.

Лит.: см. «Предложение», «Неполное предложение».

ПО́ЛНОЕ СОГЛАСОВА́НИЕ. Разновидность согласования сказуемого с подлежащим, при котором уподобление формы вещественного компонента именного составного сказуемого форме подлежащего осуществляется по всем принципиально возможным морфологическим значениям: *Я прочитала эту книгу* (согласование по лицу и числу); *Катя прочитала эту книгу* (согласование по роду и числу); *Воздух был чистый* (согласование по числу и падежу); *Воздух был чист* (согласование по числу). Противопоставляется неполному согласованию.

Лит.: см. «Согласование».

ПО́ЛНЫЙ ДИКТА́ЛЬНЫЙ ВОПРОС. См. *диктальный вопрос*.

ПО́ЛНЫЙ МОДА́ЛЬНЫЙ ВОПРОС. См. *модальный вопрос*.

ПОЛУЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ СВЯЗКА. См. *полуотвлеченная связка*.

ПОЛУОТВЛЕЧЁННАЯ СВЯЗКА.

Разряд связочных глаголов, которые, в отличие от связки *быть*, как считается по давней традиции, сохраняют в определенной степени свое лексическое значение. В действительности же отношения отвлеченной связки и связки полуотвлеченной носят принципиально иной характер. Они одинаково выражают значение бытия (существования), по-разному лишь интерпретируя его: связка *быть* оставляет бытие не квалифицированным, т.е. представленным в предельно обобщенном виде, тогда как полуотвлеченная связка сужает его значение указанием на его характер. Так, связка *стать* — *становиться* обозначает начало бытия, *остаться* — *оставаться* — сохранение бытия, *казаться* — *показаться* — субъективно воспринимаемое бытие, *оказаться* — *оказываться* — действительное, истинное бытие и т.д. См. *связка*.

Лит.: см. «Связка».

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Разряд дополнений, в одно и то же время соотнесенных и с глаголом-сказуемым, и с подлежащим: *Иван вернулся стариком; Его брат умер миллионером*. Считается, что на основе полупредикативного дополнения формируется добавочное сообщение: *Иван вернулся + Иван был стариком; Его брат умер + Его брат был миллионером*. Это мнение не является общепринятым. В некоторых работах (в частности, в школьной грамматике) здесь видят вещественный компонент именного составного сказуемого, употребленного при знаменательной связке. В последнее время формы типа *стариком, миллионером* интерпретируются как номинаторы второго сказуемого, реализуемого параллельно с первым

(глагольным) сказуемым. См. **двойное сказуемое**.

Лит.: Камынина А. А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983.

ПОЛУПРЕДИКАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ. Разряд определений, находящихся в двойной связи – с глаголом-сказуемым и с подлежащим: *Ребенок родился здоровым; Мать пришла домой усталая*. Такое определение рассматривается как база формирования добавочного, полупредикативного сообщения: *Ребенок родился + Ребенок был здоровый; Мать пришла домой + Мать была усталая*. Некоторые школьные грамматики трактуют формы типа *здоровым, усталая* как номинаторы именной части составного сказуемого с знаменательной (вещественной) связкой. В последнее время здесь видят особое, второе сказуемое (точнее – вещественный компонент второго сказуемого), употребляемое параллельно с первым (простым глагольным сказуемым). См. **двойное сказуемое**.

Лит.: Камынина А. А. Причастия и прилагательные в роли обособления определений (К вопросу о языковом статусе полупредикативных атрибутов существительного) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 1; Она же. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983.

ПОЛУПРЕДИКАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Особый вид синтаксических отношений, при которых на основе той или иной формы, подобной (но не тождественной!) сказуемому, формируется добавочное, полупредикативное сообщение. Такие отношения обыкновенно усматривают в сфере некоторых обособленных членов (см.

обособленные полупредикативные члены) и явлений, называемых полупредикативными дополнениями и определениями.

Лит.: См. «Полупредикативное дополнение».

ПОЛУПРЯМАЯ РЕЧЬ. Смещение элементов прямой и косвенной речи, наблюдаемое в диалектах и просторечии. Используется как стилистическое средство в художественном повествовании: *Трактирщик сказал, что не дам вам есть* (Гоголь).

Лит.: Ковтунова И. И. Проблема несобственно прямой речи в трудах В. В. Виноградова (из истории отечественной научной мысли) // ВЯ. 2002. № 1; Ко-духов В. И. Прямая и косвенная речь в современном русском языке. Л., 1957; Солова Л. А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968.

ПОРЯДОК СЛОВ. Расположение компонентов лексико-грамматического состава высказывания в определенной линейной последовательности. В русском языке порядок слов более свободен, чем в др. языках (напр., в английском). Однако это не значит, что его характер определяется произволом говорящего. Напротив, он принимает тот или иной вид в соответствии с закономерностями, которые логически связаны с его тремя основными функциями: конструктивно-синтаксической, коммуникативно-синтаксической и стилистической.

Конструктивно-синтаксическая функция порядка слов состоит в том, что он является показателем иерархии конструктивных связей и отношений составляющих предложение словесных форм. Эта функция (для русского языка малохарактерная) дает о себе знать в двух основных случаях:

а) когда отнесенность какого-л. языкового элемента к тому, а не другому элементу не выражается флективными или аналитическими средствами (ср. *Этот материал к отчету уже подготовлен* и *Этот материал уже подготовлен к отчету*);

б) когда функциональная нагрузка главных членов в предложениях с обратимыми отношениями является неочевидной (ср. *Петр – его имя* и *Его имя – Петр*).

Кроме того, эта функция предполагает фиксацию нормативных тенденций, касающихся расположения отдельных функциональных элементов предложения относительно друг друга. Так, согласованное определение в нейтральной речи обыкновенно помещается перед определяемым существительным: *Двухэтажный помещичий дом стоял на высокой горе*, а несогласованное – после него: *На столе, в бутылке, стояла ветка сирени*.

Вторая, коммуникативно-синтаксическая функция, наиболее значимая для русского словоупотребления и определяющая возможности его варьирования в широком диапазоне, непосредственно связана с актуальным членением предложения. Поскольку в нейтральной письменной речи фразовое ударение (основной показатель ремы!) является автоматизированным, компоненты лексико-грамматического состава предложения размещаются в таком порядке, при котором сообщение развивается от темы к реме (см. **объективный порядок слов**), в связи с чем сам словоупотребление оказывается показателем актуального членения. Ср. *Николай прочитал книгу* (Что сделал Николай?); *Николай книгу прочитал* (Что сделал Николай с книгой?); *Книгу прочитал Николай* (Кто прочитал книгу?). Соответственно в устно-разговорной речи, где фразовое ударение дезав-

томатизировано, коммуникативно-синтаксическая функция порядка слов оказывается ослабленной. Ср. *Николай прочитал книгу*; *Николай прочитал книгу*; *Николай прочитал книгу*.

Третья, стилистическая функция порядка слов реализуется в художественно-публицистической речи, когда последняя, в экспрессивных целях имитируя нежесткий словоупотребление устно-разговорной речи, существенным образом трансформирует расположение компонентов лексико-грамматического состава предложения относительно друг друга. Результатом такой трансформации является изменение либо обычной для нейтральной письменной речи последовательности развертывания сообщения от темы к реме на прямо противоположную – от ремы к теме: *Словно каменной стеной отгородилась от Гришки семья* (Шолохов), либо «нормального» линейного соположения двух взаимосвязанных компонентов предложения: *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит...* (Пушкин). См. **субъективный порядок слов и инверсия**.

Лит.: Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985; Лосева Л. М. Порядок слов как средство организации текстов монологической речи. Одесса, 1969; Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Кравчук И. А. О грамматической функции порядка слов в тексте // РЯНШ. 1971. № 6; Крылова О. А., Хавронина С. А. Порядок слов в русском языке. М., 1986; Шешукова Л. В. Порядок слов и актуальное членение присубстантивных предложений // Вестник МГУ. 1970. № 5.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ. Способ организации многокомпонентных сложных предложений,

ПОСТПОЗИЦИЯ

при котором от придаточного предложения, относящегося к главной части, зависит второе, от второго — третье и т.д.: *Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения* (Лермонтов); *В день его рождения я послал ему письмо, где говорил о цветущих садах, которые посадил бы для него, если бы это было в моей власти* (К. Федин).

Иногда о последовательном подчинении говорят применительно к сложным словосочетаниям: *построить большой дом; идти очень быстро*.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

ПОСТПОЗИЦИЯ. Расположение одного из двух взаимосвязанных языковых элементов (слов или предложений) после другого: *писать письмо; он пришел, когда наступила ночь*.

ПОЯСНЕНИЕ. Принцип соединения слов или предикативных единиц, при котором второй компонент образуемого сочетания оформляется как поясняющий, уточняющий первый компонент. См. **пояснительная связь и пояснительные отношения**.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид синтаксической связи, формальными показателями которой являются интерпретируемые как союзы слова и сочетания слов *именно (а именно), то есть, как-то, или*. Эта связь реализуется в составе простого и сложного предложений. Назначение пояснительной связи — выражение пояснительных отношений, предполагающих конкретизацию, уточнение содержания одного (поясняемого) элемента за счет другого (поясняющего): *Вся усадьба Чертопанова состояла из четырех срубов разной величины, а именно: из флигеля, конюшни, сарая, бани* (Тургенев); *Острогию бьется крупная рыба, как-то: щуки, сомы, жерехи, судаки* (К. Аксаков);

Бабушка, или, как ее называли в доме, бабуся, очень полная, некрасивая, с густыми бровями и с усиками, говорила громко (Чехов); *Двенадцатого июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие* (Л. Толстой); *Мужская комнатная прислуга была доведена до минимума, а именно... для всего дома полагалось достаточно не больше двух лакеев* (Салтыков-Щедрин).

Теория пояснительной связи в русистике разработана недостаточно. По этой причине ее иногда рассматривают как разновидность сочинительной связи (Русская грамматика — 1980), а иногда сближают с подчинительной (Валгина Н.С.). Кроме того, в сфере обособления пояснение рассматривают как вариант уточнения, а не наоборот.

Лит.: И в а н у ш к и н а П. Ф. О пояснении в современном русском языке (на материале бессоюзных сложных пояснительных предложений) // Лингвистический сборник. Вып. 8. М., 1977; К и р п и ч н и к о в а Н. В. О синтаксическом термине *пояснение* // Исследования по современному русскому языку. М., 1970; К у з н е ц о в а О. Я. Подчинительные, пояснительные и присоединительные отношения между частями сложноподчиненного предложения // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964; С е д у н Е. П. Сложные конструкции с пояснительно вводным предложением в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 1; У х а н о в Г. П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследование по славянской филологии. М., 1974.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Вид синтаксических отношений, предполагающих толкование одного элемента предложения (простого или сложного) через другой его

элемент (элементы). Выражаются отчасти с помощью пояснительной связи, отчасти с помощью других средств, напр. интонации.

В простом предложении пояснительные отношения обычно устанавливаются: а) между обобщающими словами и следующими за ними однородными членами: *В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли* (Чехов); *На этом-то пруде... вывондилось и держалось множество уток всех возможных пород: крякковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр.* (Тургенев); б) между синсемантическими словами типа *что-то, одно, самое главное* и т.д. и поясняющими их словами: *Мне оставалось только одно — уйти* (Паустовский); *От него исходило что-то возбуждавшее и опьянявшее меня — какой-то горячий туман* (Горький); в) между обычными полнозначительными словами (сочетаниями слов) и обособленными уточняющими и поясняющими членами: *...Это был Александр Тимофеевич, или попросту Саша, гость, приехавший из Москвы* (Чехов); *Вчерашний день, часу в шестом, пошел я на Сенную* (Н. Некрасов).

В сложном предложении пояснительные отношения реализуются очень часто, однако от других видов отношений отграничиваются с необходимой четкостью лишь при наличии определенных сигналов пояснения (союзов *а именно, то есть*, синсемантических слов и т.д.): *Дома Фому встретили торжественно: отец подарил мальчику тяжелую серебряную ложку с затейливым вензелем, а тетка — шарф своего вязания* (Горький); *Про себя Данилов сформулировал задачу так: из доктора Белова надо сделать начальника поезда* (В. Панова).

Пояснительные отношения исследованы в русистике слабо. Поэтому их

сближают то с сочинительными, то с подчинительными отношениями, хотя существует немало оснований трактовать их как особый тип синтаксических отношений.

Лит.: см. «Пояснительная связь».

ПРАГМАТИКА ТЭКСТА. В западной лингвистической традиции раздел науки о тексте, который, с одной стороны, рассматривает условия успешной коммуникации, а с другой — выявляет прагматические значения языковых средств, не вытекающие из лексических значений слов. Ср. *Вы не хотите мне помочь? (Помогите); Будет дождь! (Возьми зонтик!)*. Термин иногда используется в русистике.

Прагматика — лингвистическая дисциплина, предмет и задачи которой определяются исследователями неоднозначно. Одни полагают, что в ее ведение должен отойти весь концептуальный уровень языка, другие рассматривают ее как науку о функционировании языковых знаков в речи, третьи ориентируют ее на изучение факторов, лежащих вне языковой системы, — в первую очередь, различных параметров речевой ситуации, к главнейшим из которых относится фигура говорящего, и т.д. Наиболее корректным представляется узкое понимание прагматики, восходящее к Ч.У. Моррису. Оно предполагает анализ разнообразных связей языка с говорящим лицом, т.е. анализ всех тех явлений, которые имеют прямое и непосредственное отношение к субъективной интерпретации сообщаемой объективной информации. Такого рода ограничение сферы действия прагматики имеет принципиальный характер, поскольку в полной мере согласуется с весьма продуктивной идеей о двуаспектности (двуаспектности) содержательной структуры предложения, которая дав-

но уже дискутируется в рамках логико-философской науки (ср. соответствующие воззрения схоластов, Р. Декарта, Г. Фреге, Б. Рассела), а в последние 60–70 лет проникла в языковедение (ср. концепции Ш. Балли и И.П. Распопова). В соответствии с этой идеей предложение предстает как языковой (в широком смысле слова) феномен, который, с одной стороны, именуется тот или иной коммуникативно значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой — обеспечивает коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках (прагматический аспект).

По своему происхождению прагматика является логической наукой, вобравшей в себя в процессе своего развития теорию речевых актов.

Лит.: Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993; Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филологические науки. 1992. № 3; Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986; Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. № 4.

М., 1982; Она же. Говорящий субъект речи и субъект сознания. // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991; Прагматика и семантика. М., 1991; Севергина Е. В. Экспликация оценки при использовании количественных предложений в речи // Современные прагматические исследования романских, германских и русского языков: Сб. статей. Воронеж, 1996; Семина С. И. Поле «время» в семантической структуре полипредикативного сложноподчиненного предложения // Языковые единицы логика и семантика, функции и прагматика. Таганрог, 1999; Семиотика. М. 1989; Степанов Ю. С. В поисках прагматики // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1981. № 4; Фёфилов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // НДВШ. Филологические науки. 1991. № 1; Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М., 1996; Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВСТАВКИ.

Речевые сигналы, выполняющие фатическую функцию, т.е. функцию поддержания речевого контакта. К их числу относятся самостоятельные выражения типа *еще бы; надо же; вот как!*, вводные элементы типа *видишь ли, знаешь ли*, диффузные по своему характеру междометия *угу, гм* и т.д.

Лит.: см. «Прагматика текста».

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Аспект предложения, в рамках которого фиксируется сообщаемая говорящим субъективная информация о целях и задачах порождаемого им сообщения. Эта информация как бы накладывается на объективную информацию о мире, выражаемую номинативной частью предложения.

Лит.: см. «Прагматика текста».

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС.

Вариант синтаксиса, исследую-

щий отношения между языком и говорящими людьми, а также условия и правила реализации используемых ими языковых единиц.

Лит.: см. «Прагматика текста».

ПРЕВРАЩЁННАЯ ФОРМА. Разновидность прямой номинации, при которой один из компонентов составного наименования обособляется и развивает значение, вступающее в противоречие с его истинным значением. Так, в составе русских количественно-именных сочетаний типа *три стола; пять домов* числительные в именительном и винительном падежах предстают как господствующие элементы отношения «предметы – их количество» и управляют существительными в форме родительного падежа. На самом деле господствующий элемент отношения здесь существительные, которые за рамками указанных условий (во всех косвенных падежах, кроме винительного) развивают «нормальную» способность подчинять числительные: *трём столам, о пяти домах*. Термин предложен К. Марксом применительно к явлениям социальной жизни. В лингвистике широкого распространения еще не получил.

Лит.: Языковая номинация. Кн. 1. Общие вопросы. Кн. 2. Виды номинаций. М., 1977.

ПРЕДИКА́Т (лат. *praedicatum* «предикат»). Логический по происхождению термин, обозначающий ту часть суждения, которая определяет субъект. Будучи экстраполирован в русистику, часто употребляется наравне с термином «сказуемое». Правда, такое употребление его свойственно далеко не всем синтаксическим описаниям.

Лит.: Боровикова Н.А. Особенности предикатов, употребляющихся с семантическим субъектом в форме родительного падежа без предлога // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997;

Изаренков Д.И. Бессоюзные сложные предложения с пропущенным предикатом // РЯЗР. 1971. № 1; Колосова Т.А., Черемисина М.И. Деепричастие как предикат моносубъектной полипредикативной конструкции // Мир языка. Алматы, 1999; Крамских С.В. Семантическая интерпретация местоименно-соотносительных высказываний с фазисными предикатами в главной части как элементов текста // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Ли В.С. Семантическая структура предложения с предикативом на -о в современном русском языке: Алма-Ата, 1981; Моисеева Е.А. Предикаты на -о в моделях с личным субъектом // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996; Мразек Р. Количественный предикат и его связь с двухбазисными структурами // *Ceskoslovenska rusistika*. 1973. № 3; Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981; Тихонова В.В. Семантический предикат – организатор семантической структуры бытийного предложения // Тенденции развития грамматического строя русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1994; Федосеев В.А. О семантических типах предикатов и типовых значениях простых предложений // Семантика языковых единиц: Докл. V Междунар. конф. Т. 2. М., 1996; Ли Чжон Хен. Типы предикатов в конструкциях неполной номинализации // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998. См. также «Предикативная основа простого предложения».

ПРЕДИКАТИ́ВНАЯ ЕДИНИ́ЦА. Отдельно взятое предложение или часть сложного предложения, обладающие собственным предикативным центром.

Лит.: Санатриева Р.П. Предикативная единица как средство связи полипредикативного (многочленного) сложного предложения // Средства выражения синтаксических связей в сложном предложении. Калинин, 1987. См. также «Предложение», «Высказывание».

ПРЕДИКАТИВНАЯ ОСНОВА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. По терминологии Н.Ю. Шведовой, имеющий свою формальную организацию и свое языковое значение синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное нераспространенное (элементарное) предложение. Отождествляется со структурной схемой предложения.

Лит.: Алефиренко Н.Ф. Предикативность как семантико-синтаксическая категория // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Герасименко Н.А. Активизация предикативных предложно-падежных словоформ в бессубstantивных предложениях // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Ч. 2. Воронеж, 1996; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Калашникова Г.Ф. О границах предикативного предложения предложения // НДВШ. Филологические науки. 1974. № 5; Предикативные конструкции в языках разных систем. Новосибирск, 1985; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Федосеев В.А. Предложения с предикатами оценки // РЯШ. 1998. № 2; Фролова И.А. Об одном типе простого предложения с усложненной предикативной характеристикой // РЯШ. 1978. № 6; Хамзина Г.К. Вопросы синтаксического анализа сложного предложения с частями-блоками предикативных единиц. // Русское предложение: исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж, 1986; Чернов В.И. Именные предикативные конструкции в современном русском языке. М., 1985.

ПРЕДИКАТИВНАЯ СВЯЗЬ. Связь, существующая между подлежащим и сказуемым и носящая, по современным научным представлениям, двусторонний характер, почему иногда ее называют координативной. Зависимость сказуемого от подлежащего вполне очевидна и находит отражение в хоро-

шо известном факте согласования сказуемого с подлежащим (см. **согласование** во 2-м знач.). Зависимость подлежащего от сказуемого, напротив, просматривается плохо, поскольку обнаруживается через посредство реакций номинаторов подлежащего на тот или иной тип сказуемого. Так, в измерительно-предметных предложениях сказуемое, предполагающее количественную характеристику подлежащего, обуславливает употребление в позиции последнего существительного не в именительном падеже, как обычно, а в родительном. Сказуемое активно-процессных предложений, обозначающее процесс, рассматриваемый в непосредственной связи с его источником, допускает употребление в подлежащем инфинитива лишь в порядке исключения. Наоборот, сказуемое пассивно-процессных предложений это ограничение снимает, поскольку оно указывает на процесс, связанный со своим носителем (не источником!) в подлежащем.

Положение предикативной связи в системе синтаксических связей не совсем ясно. Одни исследователи склонны усматривать в ней вид неприсловной подчинительной связи, другие трактуют ее как синтаксическую связь, рядоположную с сочинительной и подчинительной.

Лит.: Адмони В.Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности // НДВШ. Филологические науки. 1960. № 1. См. также «Предикат».

ПРЕДИКАТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. При широком подходе к словосочетанию соединение подлежащего и сказуемого: *Ночь тиха; Наступило утро.* Предикативное словосочетание противопоставляется непредикативному словосочетанию. В рамках узкого подхода подобное соединение

слов выводится за рамки словосочетания и рассматривается в ряду сочетаний слов (в 1-м знач.).

Лит.: Кузнецова Э. В. Средства передачи информации о ситуации «приобретения объекта» во фразах, лишенных предикатов соответствующей семантики // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976. См. также «Предикат».

ПРЕДИКАТИВНОСТЬ. См. **теория предикативности.**

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Отношения, существующие между подлежащим и сказуемым и выражаемые посредством предикативной связи. Носят двусторонний характер: независимый предмет, называемый подлежащим, предполагает, что он будет в том или ином отношении квалифицирован сказуемым, в свою очередь, признак, обозначенный сказуемым, требует соотнесения с предметом-подлежащим. Предикативные отношения интерпретируются неоднозначно. Одни из исследователей рассматривают их как особый вариант подчинительных отношений, другие видят в них тип отношений, рядоположных с подчинительными и сочинительными.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 39. № 4. 1980. См. также «Предикат».

ПРЕДИКАТИВНЫЙ МИНИМУМ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что грамматическая основа предложения.

ПРЕДИКАТИВНЫЙ ЦЕНТР. Согласно традиционным научным воззрениям, грамматическое ядро предложения, конституируемое либо двумя главными членами — подлежащим и сказуемым (в двусоставном предложении), либо одним главным членом (в односоставном предложении): *Дует ветер; Зима была морозная; В комнате*

уютно; Стучит в висках и т.д. «Русская грамматика — 1980», предпринявшая радикальную (и совершенно необоснованную) перестройку традиционного понятийного аппарата и стоящей за ним терминосистемы, вложила в термин предикативный центр совершенно иное содержание. Так, в выделяемых здесь двукомпонентных предложениях *Много цветов; Никакой надежды; Незачем спешить* и т.д. компонентами предикативного центра предлагается считать формы *много, никакой, незачем*. Такое толкование понятия для русистики оказалось неприемлемым.

Лит.: см. «Предикативная основа простого предложения».

ПРЕДИКАТИВЫ ОЦЕНКИ. Термин «Русской грамматики — 1980», относимый к словам и устойчивым сочетаниям слов, оценивающим предмет-подлежащее по шкале: соответствие норме (*ничего*), выше нормы (*хоть куда, что надо*), ниже нормы (*так себе*): *Жизнь — она ничего, терпимая вещь; Невеста у него что надо; Избушка так себе*.

Лит.: Федосеев В. А. Предложения с предикатами оценки // РЯШ. 1998. № 2. См. также «Предикат».

ПРЕДИКАЦИЯ. В соответствии с теорией предикативности акт состоявшейся отнесенности содержания высказывания к действительности, что находит отражение в синтаксических категориях модальности, времени и лица. См. **теория предикативности.**

Лит.: см. «Предикат», «Предикативная основа простого предложения».

ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Основная единица синтаксического уровня. Будучи простой и тривиальной вещью для говорящих, которые пользуются им в речи, даже не задумываясь, как они это делают, становится настоящей загад-

кой, едва лишь мы зададимся вопросом, что это такое. Сейчас синтаксическая наука насчитывает несколько сот дефиниций предложения, обозрение которых возможно лишь в рамках книги весьма большого объема.

В истории отечественной русистики отчетливо выделяется несколько этапов осмысления этого основополагающего понятия синтаксиса.

Изначально русистика, как и европейское языкознание в целом, довольствовалась логическим по своему существу определением предложения, в соответствии с которым последнее трактовалось как языковое выражение суждения. Однако после обнаружения в языках (в первую очередь в славянских) особых, односоставных предложений, факт существования которых не мирился с представлениями о двучленной (субъектно-предикатной) структуре суждения, стало ясно, что сущностные свойства предложения следует искать не в логике, а в самом языке.

Первой попыткой нового подхода к определению предложения у нас стала теория глагольности А.А. Потебни, который рассматривал спрягаемый глагол как необходимый минимум того, что делает предложение предложением. Достоинства такого понимания предложения были очевидны, но вскоре стали очевидными и его недостатки: выделенный признак явно не учитывал наличия в русском языке массы безглагольных структур.

Стремление преодолеть обнаружившееся противоречие вызвало к жизни теорию сказуемости А.М. Пешковского. Последний расширил понятие минимума предложения, включив сюда наряду с глаголами краткие прилагательные, краткие страдательные причастия, слова категории состояния, а также слова *есть* и *нет*, кото-

рые, как и глаголы, обладают свойством сцеплять речь с мыслью. Это свойство А.М. Пешковский и назвал сказуемостью, подчеркнув, что сказуемость представляет собой тот оттенок в слове, который показывает, что слово отвечает не отдельно взятому представлению, а целой мысли.

Понятие сказуемости, введенное А.М. Пешковским, безусловно, было заметным шагом вперед в общем процессе осмысления предложения на собственно языковых основаниях. Однако оно поставило вопрос: каким образом сказуемость превращает отдельно взятое представление в целую мысль? Своего рода ответом на этот вопрос стала теория предикативности. Обыкновенно ее связывают с именем В.В. Виноградова. Однако сам В.В. Виноградов отсылал своих читателей как к первоисточнику к книге австрийского исследователя Й. Риса «Что такое синтаксис?», вышедшей в 20-е гг. XIX в. В.В. Виноградов лишь преобразовал эту теорию, трансформировав отдельные ее положения. По его мнению, значение и назначение предикативности как основного признака предложения состоит в отнесенности содержания высказывания к действительности, что находит отражение в синтаксических категориях модальности, времени и лица.

Теория предикативности почти на четверть столетия предопределила развитие отечественной синтаксической науки, а у некоторых авторов (в основном старшего поколения) продолжает оставаться основным средством интерпретации предложения до сих пор. Однако в ходе оживленных лингвистических дискуссий 1970-х гг. обнаружилось, что она носит формальный характер – в том смысле, что не объясняет, каковы особенности самого механизма отнесения содержания вы-

сказывания к действительности. В связи с этим было предпринято несколько попыток раскрыть специфику предложения, исходя из его коммуникативных (мы бы теперь сказали — прагматических) категорий. Так, в частности, И.П. Распопов полагал, что эта специфика задается категориями целевого назначения, модальности и коммуникативной перспективы, которые соответственно фиксируют, с какой целью строится сообщение, как сообщение расценивается с точки зрения своего соответствия действительности и как это сообщение развертывается.

Но почти сразу (в те же 70-е годы) было осознано, что и здесь мы опираемся на неопределяемое понятие, каковым является понятие сообщения. И это обстоятельство явилось причиной обращения отечественных и отчасти западных синтаксистов к экзистенциальной концепции русского философа и логика М.И. Каринского, который еще в 1914 г. отметил, что существо всякого сообщения, передаваемого предложением, определяет присущая предложению константная идея бытия. Предложение, по М.И. Каринскому, либо фиксирует бытие/небытие чего-то, либо вопрошает о бытии, либо побуждает к тому, чтобы нечто существовало или не существовало. Экзистенциальная концепция находится сейчас в процессе освоения ее отечественной русистикой. Общепринятой она пока не стала, но это, видимо, всего лишь дело времени.

При определении специфики предложения встает сопутствующий, но вместе с тем принципиально важный вопрос: что представляет собой предложение с точки зрения его отнесенности к языку и речи? Сейчас уже стало ясно, что ответ на этот вопрос зависит от принимаемой терминологии. Если предложением называть лежа-

щую в его основе модель, оно, вне всякого сомнения, должно рассматриваться как языковой феномен. Но если о предложении говорить как о модели, «заполненной» лексическим материалом, оно предстает как промежуточное явление, причастное к языку и речи. Тогда — соответственно — предложение, включенное в речевой акт, есть не что иное, как высказывание. Последний вариант терминопотребления кажется наиболее перспективным.

Лит.: Адмони В.Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложений // ВЯ. 1973. № 2; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Белошапкова В.А. О понятии «формула» предложения на уровне синтаксиса сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; Блохина Н.Г. Соотношения простых и сложных предложений и общей языковой системы // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке. Орел, 1999; Вейхман Г.А. Предложения и семантические единства // ВЯ. 1981. № 4; Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958; Он же. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Гальперин И.Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // ВЯ. 1977. № 1; Иванова В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект. АДД. Тверь, 2001; Карцевский С.О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. № 2; Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта // Сложное предложение. М., 2000; Копыленко М.М. Некоторые вопросы теории сложного предложения // Материалы к языковедческим курсам. Вып. 2. Вопросы синтаксиса русского языка. Алма-Ата, 1961; Крылова О.А. Сложное предложение в языке и речи // Сложное

предложение, традиционные вопросы теории и описания. Основные аспекты его изучения. М., 2000; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Ломтев Т. П. О методах идентификации синтаксических объектов и исчислении их значимостей. М., 1963; Мустаюки А. Возможна ли грамматика на семантической основе? // ВЯ. 1997. № 3; Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968; Овсянников Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970–1973 гг. Синтаксис. М., 1976; Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974–1978 гг. Синтаксис. М., 1982; Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы // ВЯ. 1959. № 2; Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Воронеж, 1984; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981; Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н. Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; Щеулин В. В. Избранные труды по языкознанию. I. История изучения сложных предложений. II. Сложноподчиненные предложения в теоретическом осмыслении. Липецк, 2004.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТОЖДЕСТВА.

Выделяемый в рамках логического синтаксиса разряд предложений, составляющие которых (подлежащее и сказуемое) представляют собой иномысленности одного и того же предмета (референта): *Вон тот парень в куртке и есть Коля Петров; Багровый — это темно-красный.*

Лит.: см. «Предложение».

ПРЕДЛОЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.

Разновидность управления, при кото-

ром зависимый компонент словосочетания выражен предложно-падежной формой имени: *говорить о поездке; переписываться с друзьями.* Противопоставляется беспредложному управлению.

Лит.: см. «Синтаксические связи».

ПРЕДМЕТНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ.

См. внутрисинтаксическая модальность.

ПРЕПОЗИЦИЯ. Расположение одного из двух взаимосвязанных элементов (слов или предложений) впереди другого: *письмо другу; когда он придет, я тебе позволю.*

ПРЕСУППОЗИЦИИ. Знания, которые известны участникам общения и которые делают речь осмысленной и адекватно воспринимаемой. Различаются общие пресуппозиции (знания экстралингвистического характера, возможность слышать голос говорящего и отвечать ему и т.д.) и пресуппозиции лингвистические (знание правил реализации слов, предложений, словопорядка, интонации и т.д.). В философии пресуппозиции именуют контекстом мнения.

Лит.: см. «Предложение».

ПРИДАТОЧНАЯ ЧАСТЬ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Зависимая часть сложноподчиненного предложения, присоединяемая к главной части подчинительными союзами и союзными словами: *Он сказал, что скоро придет; Место, где мы остановились, было пустынным.*

Лит.: Андримонова Н. А. К вопросу о структурно-семантической классификации сложноподчиненного предложения // Преподавание русского языка в высшей и средней школе. Рязань, 1973; Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения. Лекция. Л., 1976; Исаева А. А. Лексические противопоставления в частях сложно-

подчиненного предложения с присубстантивно-атрибутивными придаточными // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973; Максимов Л. Ю. К вопросу о типологии присубстантивно-атрибутивных сложноподчиненных предложений // РЯШ. 1971. № 2; Орлов К. П. Функционально-смысловое соотношение сложноподчиненных предложений, имеющих аппозицию, между собой, а также с другими инвариантными структурами сложноподчиненных предложений // Исследования и статьи по русскому языку. Волгоград, 1972. Вып. 3; Уханов Г. П. Придаточное в сочетании с однородным ему членом предложения // Синтаксис и стилистика. М., 1976; Федоров А. К. Обратное подчинение в современном русском языке // Науч. труды Курского пед. ин-та. Т. 32. 1974 (125); Шешукова Л. В. Порядок слов и актуальное членение присубстантивных предложений // Вестник МГУ. 1970. № 5; Ширяев Е. Н. Некоторые аспекты семантико-синтаксической структуры сложноподчиненного предложения. Обзор // Вопросы русского языкознания. Русский язык и наука о нем в советский период. Куйбышев, 1978; Шитов В. А. О классификации придаточных предложений // Вопросы теории английского и русского языков. Волгода, 1973; Щеулин В. В. О классификации сложноподчиненных предложений. Воронеж, 1972.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

То же, что придаточная часть.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ. Придаточное предложение, назначение которого состоит в том, чтобы характеризовать главную часть сложноподчиненного предложения по временному признаку. В последние десятилетия принято различать два варианта этого придаточного: собственно-временное и длительно-временное (иначе — количественно-временное).

Собственно-временное придаточное называет ситуацию, являющуюся

ориентиром, через отношение к которому определяется время существования ситуации, обозначенной главной частью сложного предложения. Соответствующие отношения квалифицируются как отношения одновременноности ситуации главной части с ориентационной ситуацией придаточного, следования за ней или предшествования ей, т.е. как обычные отношения таксисного характера.

Отношения одновременности предполагают употребление союзов *когда* (по преимуществу), *в то время как*, *в то время когда* (редко): *Когда я пишу эти строки, в мои теплые окна злобно стучит осенний дождь...* (Чехов); *...перед самой революцией, в то время когда муж ее комиссарил на крейсере «Аврора», она работала прачкой в Зимнем дворце* (В.Войнович); *Когда мы подходили к камере остальных, то там прекратилось пение какой-то революционной песни* (Ю. Трифонов); *Иной раз уж поздно вечером, когда плотничать становилось нельзя, (он) забрасывал за плечо ружье, брал на руки дочку, кликал с собой Фаину, и они шли на берег Лысманихи* (В. Астафьев).

Для выражения значения следования обыкновенно используются союзы *после того как*, *как только*, *когда* и *как* (преимущественно в разговорной речи): *На следующий год, после того как свела нас судьба, среди теплого лета, в самое цветенье... родила Татьяна сыночка* (В. Астафьев); *Поблизости равномерно тархтел движок, его выключат, как только Максим Иванович ляжет спать* (А. Рыбаков); *Степан, как услышал их, удивился: почему он сам-то не додумался до этого!* (Шукшин); *Когда недоразумение выяснилось, пианист спустился к нам с эстрады* (В. Аксенов).

Отношения предшествования передаются союзами *перед тем как*, *до того как*, *прежде чем*, *раньше чем*: *Перед тем*

как сойти на полотно, доктор постоял в дверях, вслушиваясь кругом (Пастернак); Юра хотел вернуться к Лене до того, как швейцар закроет дверь подъезда (А. Рыбаков); Первые дни, прежде чем сделать глоток, он заботливо смотрел, сколько осталось во фляжке воды (Нагибин).

Сложноподчиненные предложения, включающие в свой состав собственно-временные придаточные, независимо от выражаемых таксисных отношений, обладают следующими общими свойствами: а) придаточное предложение в них может относиться как к главной части в целом, так и к обстоятельству в ее составе; б) главная часть допускает употребление соотносительных слов *тогда, то, так*; в) в дифференциации таксисных отношений активное участие принимают видо-временные формы глаголов; г) составные союзы в ряде случаев используются в расчлененном виде; д) порядок частей сложного предложения, как правило, является свободным.

Длительно-временное (или количественно-временное) придаточное указывает на протяженность во времени ситуации главной части. В его составе используется преимущественно союз *пока*, представленный в просторечно-разговорной речи вариантами *покуда, покамест, поколь*. Соотносительные слова и длительно-временные обстоятельства, употребляемые в главной части, позволяют различать три варианта этих придаточных:

а) придаточные, обозначающие срок существования ситуации главной части (отвечают на вопрос как долго?): *Все время, пока шел спор, за спинами раздавались взрывы смеха* (В. Тендряков); *Покуль Матера стояла, мне торопиться некуда было* (В. Распутин); *Они будут задавать вопросы до*

тех пор, пока не убедятся в истинности аргументации... (Ю. Бондарев);

б) придаточные, обозначающие срок реализации ситуации главной части (отвечают на вопрос за какое время?): *За все время, пока шел по лесу, он ни разу не подумал о немцах* (А. Ананьев); *Пока я объяснялся, пассажиры уже покинули самолет* (В. Войнович); *Пока ползал на брюхе по манчжурским сопкам, дома свершилось несчастье* (В. Белов);

в) придаточные, обозначающие срок сохранения результата ситуации главной части (отвечают на вопрос на какое время?): *Я оставил их на несколько минут, пока они прощались* (Трифонов); *Я поеду к нему на две недели, пока стоит хорошая погода* (Н. Воронов).

Лит.: Би х а р и И. О закономерностях употребления глагольных видов в придаточных предложениях времени // *Congres international des linguistes, 10-e...*, Actes... 2. Bucarest, 1970; Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999; Севолодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975; Макаренко Е. В. Категория времени глагола и категория времени предложения // *Природа. Общество. Человек. Вестник Южнороссийского отделения Международной академии наук высшей школы. № 2–3*. Краснодар, 1996; Скрипниченко А. З. Типы временных парадигм сложноподчиненных предложений // *Синтаксис простого и сложного предложения*. МГУ, 1973; Хализева В. С. О соотношении временных планов главной и придаточной части в сложноподчиненном предложении (на материале временных предложений с союзом *когда*) // *НДВШ. Филологические науки*. 1968. № 5. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ. См. **дополнительное придаточное предложение.**

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЕ. См. *изъяснительное придаточное предложение*.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАЧЕСТВА, СТЕПЕНИ И МЕРЫ ПРИЗНАКА. Придаточное предложение, которое раскрывает содержание признака главной части или степени и меры его проявления не прямо, а на основе косвенной номинации, т.е. путем установления определенных соответствий между ситуацией главной части и ситуацией придаточного. Механизм установления таких соответствий заключается в следующем. В главной части рассматриваемых сложноподчиненных предложений употребляются соотносительные слова *так, такой, таким образом, до такой степени, столько*, содержащие проекцию на контекст, т.е. на придаточное, вводимое союзами *что, чтобы, словно, будто* и союзными словами *насколько, сколько, как*. Последнее же характеризует признак главной части (или меру и степень его проявления) либо путем отсылки к последствиям ситуации главной части, либо посредством сравнения этой ситуации с какой-то другой ситуацией: *И она уходит так быстро, что я не успеваю сказать ей прощай* (Чехов); *Стадо таково, что трудно перечислить* (Крылов); *И это был такой большой закат, Какого видеть мне не приходилось* (Д. Самойлов); *Этот слепой не так слеп, как оно кажется* (Лермонтов); *Мне стало настолько стыдно, что я не мог сказать ни одного слова в свое оправдание* (К. Паустовский).

В рамках структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений придаточные качества, степени и меры признака рассматриваются в составе отчасти местоименно-союзных, отчасти — местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений.

В некоторых работах придаточные меры и степени выделяются в особую разновидность придаточных.

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ МЕСТА. Придаточное предложение, характеризующее ситуацию главной части с точки зрения ее пространственных (локальных) особенностей. Оно, в частности, может указывать на место осуществления действия, исходный или конечный пункт перемещения какого-л. предмета. Дифференциаторами этих видов пространственных отношений являются союзные слова *где, куда, откуда*, относящие придаточное предложение либо к главной части сложноподчиненного предложения в целом, либо к наречиям *там, туда, оттуда, везде, всюду, отовсюду*: *Там, где глаз не мог уже отличить в потемках поле от неба, ярко горел огонек* (Чехов); *Откуда ветер, оттуда и счастье*; *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней* (Пословицы); *Где когда-то было пусто и голо, теперь зеленела небольшая рощица* (Ю. Трифонов).

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ. Придаточное предложение, указывающее на образ или способ реализации ситуации главной части и вводимое союзами *как, что, чтобы, словно*. Это придаточное выделялось в основном в старых грамматиках, где оно фактически представляло как один из вариантов выделяемого в наши дни придаточного качества, меры и степени признака: *И все это маленькое растение так сверкало у наших ног, словно оно было сделано из хрусталя* (К. Паустовский); *Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали,*

что он улыбается (Тургенев). У некоторых авторов объем придаточного предложения образа действия расширился за счет отнесения к нему некоторых видов придаточных сравнительных: *Мелкие листья ярко и дружно зеленели, словно кто их вымыл и лак на них навел* (Тургенев); *Внезапно в зелень вкрался красный лист, Как будто сердце леса обнажилось* (Д. Самойлов).

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ. См. **определяющее придаточное предложение**.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ (ПОДЛЕЖАЩНОЕ). Придаточное предложение, выделявшееся в прошлом на основе уподобления его главному члену простого предложения — подлежащему. Считалось, что оно вводится в сложноподчиненные предложения союзами *что, будто, как будто* и союзными словами *кто, что, какой, который, чей, где, когда* и т.д. и либо замещает позицию отсутствующего подлежащего, либо конкретизирует содержание местоимений *тот, весь, всякий, каждый: Кто в клетке зачат, по клетке плачет* (Е. Евтушенко); *Теперь Леонтьеву стало ясным, о чем он будет писать...* (Паустовский); *Было нехорошо, что усилился ветер* (А.Н. Толстой). В настоящее время этот вид придаточных в научных работах и большинстве учебных пособий не выделяют, и отдельные его варианты в зависимости от характера научного подхода рассматриваются либо как придаточные изъяснительные и определительные, либо как придаточные, вычленимые в составе местоименно-союзных и местоименно-соотнесительных сложноподчиненных предложений.

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНО-ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЕ. См. **придаточное предложение присоединительное**.

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ. Различаемое некоторыми авторами придаточное предложение, которое присоединяется к главной части союзами *то есть, а именно, как-то* и поясняет содержание этой части: *Двенадцатого июня силы Западной Европы перешли границу России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие* (Л. Толстой). Трактовка таких предложений как придаточных не безупречна, поскольку считать подчинительными союзами скрепы *то есть, а именно, как-то* нет серьезных оснований. Во многих синтаксических работах это придаточное не выделяется.

Лит.: Кузнецова О.Я. Подчинительные, пояснительные и присоединительные отношения между частями сложноподчиненного предложения // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964; Седун Е.П. Сложные конструкции с пояснительно-вводным предложением в современном русском языке // НДВШ. Филологические науки. 1959. № 1; Уханов Г.П. Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению // Исследование по славянской филологии. М., 1974. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЕ. Придаточное предложение, передающее дополнительную информацию по поводу того, о чем говорится в главной части предложения. Вводится в сложноподчиненное предложение большим набором союзных слов (*что, где, куда, откуда, когда, почему, отчего, из-за чего, в связи с чем* и т.д.), относящихся его либо ко всей главной части в целом,

либо к какому-то ее члену: *Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами* (Пушкин); *Гусь взял в клюв другую веревочку и потянул ее, отчего тут же раздался оглушительный выстрел* (Чехов); *Анна Васильевна с радостным интересом всматривалась в эту неведомую ей потайную жизнь, когда услышала встревоженный голос Савушкина* (Нагибин); *С Филиппом Филипповичем что-то сделалось, вследствие чего его лицо нежно побавровело...* (М. Булгаков).

В последние десятилетия наметилась очевидная тенденция к пересмотру лингвистического статуса этих придаточных. В частности, «Русская грамматика — 1980» именуется их предложениями, «в которых относительное слово отсылает к предикативному центру предложения» и тем самым «является средством его повторного воспроизведения в придаточном». Такая трактовка в неявном виде отвергает представления о связи рассматриваемых структур с присоединением. Более того, сейчас есть основания рассматривать присоединительные придаточные как один из вариантов синсемантического придаточного предложения.

Лит.: Виноградов А. А. К вопросу о дифференциации явлений парцелляции и динамического присоединения (на материале русского языка) // ВЯ. 1984. № 3; Ильенко С. Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединенными к главному союзом *если*, в современном русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 225. Л., 1962; Крюков С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Кузнецова О. Я. Подчинительные, пояснительные и присоединительные отношения между частями сложноподчиненного предложения // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964.

См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ. Выделяемое в рамках структурно-семантического подхода к сложному предложению придаточное, которое является тождественным определительному придаточному, относящемуся к субстантиву: *Перед батареей простиралось болото, через которое Михельсон должен был перейти* (Пушкин); *И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, какие бывают на окнах во время дождя* (Чехов).

Лит.: См. «Определительные придаточные предложения», «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИЧИНЫ (ПРИЧИННОЕ). Придаточное предложение, которое либо обозначает причину реализации ситуации главной части сложноподчиненного предложения, либо содержит обоснование заключения говорящего по поводу того или иного развития событий. Соответственно различаются собственно-причинное и причинно-аргументирующее придаточные: а) *Пищу вам второпях, потому что меня ожидают лошади Алферова* (А. Куприн); *Но оттого что меня побрили впервые, кожа на висках, щеках и подбородке была неестественно белая...* (А. Рыбаков); *Бенефис Шарикова, обещанный доктором Борменталем, не состоялся, однако, на следующее утро по той причине, что Полиграф Полиграфович исчез из дома* (М. Булгаков); б) *Должно быть, мой ответ был для нее очень забавен, так как теперь она уже искренно и звонко расхохоталась* (А. Грин); *Наверное, мы делали все правильно, потому что Алексей Петрович, сидевший у выхода, одобрительно качал головой и улыбался* (Из газет).

Для ввода придаточного причины в сложноподчиненное предложение используется большой набор союзов: *потому что, оттого что, так как, ибо, поскольку, благодаря тому что, вследствие того что, в результате того что, в силу того что, ввиду того что* и др. Различия между ними определяются либо семантическими, либо стилистическими факторами. Составные союзы, используемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным причины, обыкновенно могут использоваться как слитно, так и в расчлененном виде. Кроме союзов *потому что* и *ибо*, разрешающих расположение придаточного только в постпозиции, все остальные союзы допускают варьирование порядка расположения главной и придаточной частей относительно друг друга.

Лит.: Бунина М. С. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями между компонентами в языке произведений В.И. Ленина // Современный русский язык. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 423. М., 1971; Жданович Л. М. К вопросу об имплицитных звеньях в сложных синтаксических конструкциях причинного типа // Науч. труды Тюменского ун-та. № 43. Вопросы синтаксиса современного русского языка. Тюмень, 1977; Ламбарджян С. П. Некоторые наблюдения над значениями достоверности/недостоверности в сложном предложении (на материале предложений с придаточным причины) // Синтаксис предложения. Калинин, 1983; Назикова Е. А. Синонимия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, выражающих причинно-следственные отношения // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 126. Воронеж, 1972; Стрельская А. М. Сложные предложения с придаточными гипотетической причины // Русское предложение исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж, 1986; Тарасова Л. Д. Языковой статус причинной связи // НДВШ. Филологические

науки. 1998. № 1. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СКАЗУЕМОЕ (СКАЗУЕМОЕ).

Придаточное предложение, выделявшееся в прошлом на основе уподобления его главному члену простого предложения — сказуемому. Считалось, что это придаточное, вводимое союзами *что, чтобы, как если бы, как, будто, словно, точно* и союзными словами *кто, каков, какой, который, что, где, куда, откуда, когда*, раскрывает значение именной части составного сказуемого главного предложения, выраженной соотносительными местоимениями *тот, такой, таков, все, все: Стадо таково, что трудно перечесть* (Крылов); *Горизонт — это все то, что может охватить наш взгляд на земле* (Паустовский); *Я тот, которому внимала ты в полуночной тишине* (Лермонтов); *Каков поп, таков и приход* (Пословица). В современной синтаксической науке придаточное сказуемое специально не выделяют, и соответствующие языковые факты рассматриваются в рамках других придаточных предложений. В частности, структурно-семантический подход к сложноподчиненному предложению предполагает их квалификацию как придаточных, выделяемых в составе местоименно-союзных или местоименно-соотносительных сложноподчиненных предложений.

Лит.: См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ (СЛЕДСТВЕННОЕ).

Придаточное предложение, указывающее на следствие как закономерный результат реализации той ситуации, которая названа в главной части сложноподчиненного предложения. Это придаточное вводится преимущественно союзными словами,

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ (СРАВНЕНИЯ)

коррелирующими с причинными союзами (ср. *потому что — почему, оттого что — отчего, из-за того что — из-за чего, благодаря тому что — благодаря чему, вследствие того, что — вследствие чего* и т.д.), и союзом *так что*, который, по всей вероятности, был исторически соотносительным с причинным союзом *так как*, но затем эту соотносительность утратил: *Филипп Филиппович растопырил ноги, отчего лазоревые полы разошлись...* (М. Булгаков); *...мы узнали от вахтенного баркаса, что судно уведено на рейд, почему сняли шлюпку* (А. Грин); *Они прошли совсем рядом, так что брызги холодной грязи попали мне на лицо* (В. Богомолов).

Придаточное предложение следствия употребляется только в постпозиции и никогда не допускает расчлененное употребление союзных скреп.

Лит.: Бунина М. С. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями между компонентами в языке произведений В.И. Ленина // Современный русский язык. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 423. М., 1971. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ. Придаточное предложение, называющее ситуацию, которая сопоставляется с ситуацией главной части с целью установления соответствий или, наоборот, несоответствий между ними в плане их временного, пространственного, качественного или количественного проявления. При констатации несоответствий на передний план нередко выдвигаются значения противопоставления или уступки. Придаточное сопоставительное вводится в сложноподчиненное предложение посредством союзов и союзных сочетаний позднего происхождения *тогда как, в то время как, между тем как, по мере того как, чем —*

тем, настолько — насколько: ...Ей было приятно говорить с этим чужим, с незнакомцем, между тем как Литвинов по-прежнему сидел неподвижно, с той же неподвижной и нехорошей улыбкой на губах (Тургенев); *Она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только об нем и говорили* (Пушкин); *По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза Манилова делались веселее и улыбка раздвигалась более и более* (Гоголь); *Чем дальше в лес, тем больше дров* (Пословица).

Придаточное сопоставительное своеобразно и в ряде отношений существенно отличается от придаточных других типов: к нему нельзя поставить вопроса, передаваемые им значения очень близки к значениям, выражаемым в составе сложносочиненных предложений с союзами типа *не только... но и*.

Лит.: Леоненко М. А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста // Синтаксис текста. М., 1979; Файзуллаев Б. Ф. К вопросу о структурном параллелизме в сложном предложении (открытые структуры с сопоставительными отношениями) // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1979; См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ (СРАВНЕНИЯ). Придаточное предложение, которое поясняет ситуацию главной части сложноподчиненного предложения или какой-то элемент этой ситуации на основе всякого рода ассоциаций, констатируя сходство, подобие, соответствие и т.д. сравниваемых явлений. Оно вводится в сложноподчиненное предложение посредством союзов *как, подобно тому как, словно, будто, точно, как если бы*, квалифицирующих сравнения как нечто реальное, предположительное или условное: *На беседы о*

Жюль Верне и Толкиене сын не шевельнулся, как не оживляются при жужжании холодильника (Т. Толстая); А третий, стоявший сзади, ударил с разбегу и со всей силой упавшего ногой по голове, как бьют по мячу (Трифонов); Я осторожно отдала записку, точно это было что-то живое (В. Каверин); Сверху на него обрушился крик и не крик, а какой-то надтреснутый звук, словно поодаль распластало молнией дерево (Астафьев); Сверху раздались гулкие каменные шаги, как будто спускалась статуя Командора (В. Токарева); Он писал Павлу, как если бы приходился ему матерью... (Платонов).

Считается, что в сложноподчиненных предложениях с придаточным сравнительным никогда не употребляются соотносительные местоимения *так, такой, таким образом*, поскольку наличие этих местоимений автоматически трансформирует придаточные сравнительные в одну из разновидностей придаточных качества, степени и меры признака. Но такое утверждение чересчур категорично, поскольку между конструкциями с местоимениями и конструкциями без местоимений часто нет существенной разницы.

Лит.: А р у т ю н о в а Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций // ИАН. Сер. языка и литературы. 1983. № 4; Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990; М у р з и н Н. Л. К структурной типологии сравнительных конструкций (на материале русских поэтических текстов) // Фатическое поле языка. Памяти проф. Л. Н. Мурзина. Пермь, 1998; Ч е р е м и с и н а М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ УСЛОВИЯ (УСЛОВНОЕ). Придаточное предложение, выражающее условие, выполнение которого делает воз-

можной реализацию ситуации, называемой главной частью сложноподчиненного предложения. В его составе используются простые союзы *если, ежели, коли, когда, кабы, буде* (устар.) и составные *в (том) случае, на (тот) случай, при (том) условии, коль скоро* и др., иногда соотносимые с коррелятами *то, так, тогда* или лексическими элементами *значит, следовательно, стало быть* со значением вывода в главной части: *Если Толя погибнет, то отцу это не будет известно (Гроссман); И если Андрей Павлович крикнул «залога» — значит, кончилась залога и теперь наступит перерыв (В. Солоухин); И с вами случится что-нибудь в этом роде, ежели не сдадите валюту (М. Булгаков); Но должны бы знать эти мужики — коль один петух вскинется, то и другие отзовутся (В. Тендряков); В случае если меня убьют, мои наследники не будут предъявлять никаких претензий правительству его величества (И. Эренбург); На случай если мы опоздаем, нам заказали комнату в гостинице (Из газет).*

Как видно из приведенных примеров, в придаточном условия обычно употребляются личные глаголы изъявительного наклонения. В случае если условие носит гипотетический характер, позицию сказуемого или главного члена односоставного предложения замещают глаголы сослагательного наклонения: *Если бы я мог сбросить со счетов еще лет десять, то мне хватило бы времени написать еще и вторую повесть (К. Паустовский); Если бы человек ни в чем не нуждался и не тосковал, он никогда бы не полюбил другого (А. Платонов).* При тождестве субъектов в главной и придаточной частях личные формы глаголов обоих наклонений часто заменяются в придаточном инфинитивом, который выступает здесь как их комбинаторный вариант: *Если свернуть направо, то переулком можно*

пройти к заводу (Гроссман); *Если бы под-
нять все наши архивы, мы многое бы уз-
нали о нем* (Из газет). Правда, тождество
или, наоборот, гетерогенность субъек-
тов не всегда являются очевидными,
поскольку в сложноподчиненных пред-
ложениях с придаточным условия часто
редуцируется модальная рамка, т.е. эле-
менты высказывания, содержащие вся-
кого рода выводы и заключения, кото-
рые легко «вычитываются» из текста:
*Если представить себе сейчас 1891 год,
(можно заметить, что) мир внешне на-
столько изменился, что кажется, прошла
не одна человеческая жизнь, а несколько
столетий* (И. Эренбург); *Если танки
противника остались в лесу, то (возника-
ет вопрос) зачем немцам устраивать за-
вал своей же дороги* (А. Платонов).

В некоторых случаях условные при-
даточные развивают метатекстовую
функцию — функцию комментирования
высказывания: *если честно; если угодно,
если говорить предельно общо* и т.д.

Лит.: Зинченко Т. Н. О синтакси-
ческой синонимии условных конструкций
// Вопросы синтаксиса и лексики совре-
менного русского языка. М., 1973; Латы-
шева А. Н. О семантике условных, при-
чинных; и уступительных союзов в русском
языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.
1982. № 5; Ляпон М. В. Структура от-
ношения и ситуативные условия его реали-
зации в сложном предложении // Русский
язык. Текст как целое и его компоненты.
Виноградовские чтения. XI. М., 1982; См.
также «Придаточная часть сложноподчи-
ненного предложения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ УСТУПКИ (УСТУПИТЕЛЬНОЕ).

Придаточное предложение, называю-
щее обстоятельство, которое приводит
к реализации не ожидаемого в соответ-
ствии с логикой событий следствия, а
следствия, прямо противоположного
характера. В составе этого придаточно-
го используются союзы *хотя, несмотря
на то что, вопреки тому что, даром*

что, пускай (пусть), с которыми в глав-
ной части коррелируют соотноситель-
ные слова *все же, все-таки, тем не ме-
нее* и противительные союзы *а, но, да*
(правда, непоследовательно): *Несмот-
ря на то, что Борменталь и Шариков
спали в одной комнате, они не разгова-
ривали друг с другом* (Булгаков); *Хотя
совсем уже стемнело, дорога была
скользкая, он все-таки решил отпра-
виться туда* (Ю. Трифонов); *Хотя по-
года стояла скверная, пасмурная, но в
палатку сквозь желтое полотно прони-
кал ровный, веселый свет, похожий на
солнечный* (В. Катаев); *Даром что отец
вскоре помер, они год от году все лучше
жили* (П. Бажов); *Пусть Лазарь был
бандит, но ведь он же тогда не понимал,
какая может быть жизнь* (П. Нилин).

Как придаточное уступительное
иногда интерпретируют конструкции,
включающие в свой состав сочетания
местоименных слов *как, где, куда, кто,
что, сколько* с частицей *ни* (типа *как ни
прекрасна была погода, мы все-таки ос-
тались дома*) и выражающие обобщен-
но-уступительное значение. В послед-
ние годы эти предложения все чаще
рассматривают в ряду бессоюзных.

Лит.: Апресян В. Ю. Уступитель-
ность в языке и слова со значением уступки
// ВЯ. 1999. № 5; Лунина О. А. Осо-
бенности выражения противоречия в усту-
пительных предложениях с союзом *хотя*
(*хоть*) // Русский язык вчера, сегодня и за-
втра. Воронеж, 2000; Николаева Т. М.,
Фужерон И. Некоторые наблюдения
над семантикой и статусом сложных пред-
ложений с уступительными союзами // ВЯ.
1999. № 1; Храковский В. С. Универ-
сальные уступительные конструкции // ВЯ.
1999. № 1; Эстрина Л. С. Переход
обобщенно-уступительных придаточных
предложений во вводное словосочетание и
предложение // Краткие очерки по русско-
му языку. Курск. 1970. См. также «Прида-
точная часть сложноподчиненного предло-
жения».

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕЛИ (ЦЕЛЕВОЕ). Придаточное предложение, именуемое ситуацией, которая рассматривается как цель реализации ситуации, выраженной главной частью. Его формальными показателями являются одноместные союзы *чтобы* и *дабы* (устар.) и составные союзы *для того чтобы*, *с тем чтобы*, *ради того чтобы* и др. (способные иногда к расчлененному употреблению). Сложноподчиненное предложение с придаточным цели существует в двух разновидностях. Первая разновидность представлена теми случаями, где главная часть называет вполне определенное, запланированное действие целеполагающего субъекта: *Все это я описываю для того, чтобы читатель видел, какого склада тип отправился искать место матроса на пароходе* (А. Грин); *Делалось это для того, что с носов не слезала кожа* (И. Ильф и Е. Петров); — *Привязывайте, дяденька, привязывайте, Только делайте узел покрепче, чтобы я не развязал* (В. Катаев). В главной части сложноподчиненных предложений второй разновидности фиксируются определенные условия, которые делают возможной данную цель или являются необходимыми для реализации ее: *Нам всем надо было встать очень рано, чтобы брат мог успеть на поезд* (Из газет); *Чтобы следы не остались, можно было обойти это место стороной* (Астафьев).

В тех случаях, когда субъект придаточного является тождественным субъекту главной части, личные формы глагола в его составе последовательно замещаются инфинитивом: *И здесь на станции он оказался только ради того, чтобы встретить нас* (Солоухин); *Правительство примет самые жесткие меры к тому, чтобы не допустить смоленской истории* (Булгаков); *И курсанты, дабы не нарушать порядок,*

вполголоса прокричали «ура»... (Паустовский).

Лит.: Кулагин А.Ф. Основные структурно-семантические типы сложного предложения в аспекте коммуникативной целеустановки: АДД. Л., 1972; Недбаева Г.И. О разграничении сложноподчиненного предложения с инфинитивным придаточным цели и простого предложения с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, присоединяемым союзом *чтобы* // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971. См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИДАТОЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Придаточные предложения, называющие всякого рода обстоятельства, сопутствующие реализации ситуаций, выраженных в их главной части. Состав этих придаточных точно не определен. Чаще всего к их числу относят придаточные со значениями времени, места, условия, уступки, следствия, причины, цели, сравнения.

Лит.: Андрамонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Изд-во Казанского ун-та, 1977; Недбаева Г.И. О разграничении сложноподчиненного предложения с инфинитивным придаточным цели и простого предложения с обстоятельством цели, выраженным инфинитивом, присоединяемым союзом *чтобы* // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1971; См. также «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИЛОЖЕНИЕ. Традиционно выделяемый второстепенный член предложения, рассматриваемый как разновидность определения, выражаемого существительным (или его субститутом) в том падеже, что и существительное, к которому оно относится (согласование по роду и числу не обязатель-

но): *старик сторож; петух-драчун; цветок роза; Волга-матушка; инженер Петров; собака Жучка*. Идентификация приложения в ряду сочлененных имен сопряжена с значительными трудностями и вынуждена учитывать ряд условных ограничений, причины которых сплошь и рядом не оговариваются. Так, считается, что если в аппозитивном сочетании употреблено собственное имя, называющее лицо, приложением к нему являются нарицательные имена любого характера: *писатель Пришвин; бабушка Ненила; сын Коля*. Наоборот, имя собственное, именуемое не-лицо, обыкновенно трактуется как приложение к нарицательному существительному: *кот Василий; река Воронеж; озеро Байкал*. И, наконец, при наличии в аппозитивном сочетании двух и более нарицательных существительных приложением предлагается считать то слово, которое несет значение качественной характеристики, рода деятельности, социальной или национальной принадлежности и т.д. определяемого предмета. Но эти основополагающие правила в случае их соотнесения с конкретным материалом то и дело дают сбои. Например, в трех двучленных сочетаниях *учитель-француз; сторож-старик* и *еврей-шинкарь* все без исключения слова могут быть интерпретированы как приложения, и в таких случаях ссылаются на то, что здесь необходимо учитывать контекст, словопорядок, интонацию и т.д.

Условность подобных констатаций побудила исследователей последнего времени пересмотреть и само понятие приложения, и соотнесенное с ним понятие аппозитивной связи. Вслед за Р.О. Якобсоном и О.Б. Сиротининой аппозитивная связь рассматривается как явление, принципиально отличное и от подчинительной, и от сочинительной связи, поскольку она сочленяет

пучок инонаименований одного и того же референта. Если принять этот взгляд на вещи, придется признать, что все эти инонаименования выполняют единую функцию в предложении — либо второстепенного члена: *Мы увидели старика крестьянина*, либо главного: *Старик крестьянин медленно подошел к нам* и что, следовательно, всякая необходимость в выделении приложения как особой разновидности определения отпадает.

Лит.: Сергеева Г. Н. Употребление лексикализованных предложно-падежных словоформ в составе обособленного приложения // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981. См. также «Члены предложения», «Определение».

ПРИМЕСТОИМЕННО-ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. У некоторых авторов (Валгиной Н.С. и др.) сложноподчиненное предложение с придаточной определительной частью, относящейся к местоимению в главной части: *Он... шипел на тех, кто пел неверно* (Куприн); *Мы те, которые здесь, роясь в темноте, питают вас* (Крылов).

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

ПРИМЫКАНИЕ. Вид (способ) подчинительной связи, устанавливаемой в словосочетаниях, зависимый компонент которых (наречие или инфинитив) не имеет форм словоизменения: *поселиться наверху; выразиться туманно; поворот налево; прогулка пешком; поздно ночью; намерение уехать; желание высказаться*. Как и управление, примыкание, во-первых, предполагает проекцию на отношение, исходящую от главного компонента, и, во-вторых, может быть сильным и слабым. По этой причине указанные виды подчинительной связи иногда сближают, подчеркивая, что они представляют собой всего лишь варианты

одного феномена — с той лишь разницей, что при управлении зависимый компонент формально фиксирует замещенность позиции, предопределенной главным компонентом, а в случае примыкания — нет.

Посредством примыкания выражаются обстоятельственные и — значительно реже — определительные и объектные отношения.

На исходе XX в. в рамках «Русской грамматики — 1980» была предпринята попытка расширить объем понятия примыкания за счет включения в него некоторых видов слабого управления, объединенных термином *п а д е ж н о е п р и м ы к а н и е*. Попытка успеха не имела.

Лит.: Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. См. также «Синтаксические связи».

ПРИСВЯЗОЧНЫЙ ЧЛЕН СКАЗУЕМОГО. То же, что именная часть сказуемого.

ПРИСЛОВНАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид подчинительной связи, реализуемой в словосочетании безотносительно к синтаксической функции его господствующего компонента. Формальными показателями этой связи являются либо морфологическая форма зависимого компонента, либо сам факт простого соположения двух слов, из которых второе не имеет форм словоизменения.

Русистика различает три вида (способа) присловной подчинительной связи: *с о г л а с о в а н и е*, *у п р а в л е н и е* и *п р и м ы к а н и е*, которые соответственно предполагают: 1) уподобление зависимого компонента главному по ряду общих для них грам-

матических значений: *красный лоскут; старая картина; чистое полотенце*; 2) постановку зависимого компонента в определенной падежной или предложно-падежной форме по требованию главного компонента: *рыть яму; рассказ о поездке; равнодушный к окружающим*; 3) употребление зависимого компонента в неизменяемой форме: *говорить невнятно; мастер рассказы-вать; необыкновенно громко*.

Термин «присловная подчинительная связь», принадлежащий Н.Ю. Шведовой, иногда прилагается к сложноподчиненному предложению, в составе которого придаточное предложение относится к отдельно взятому слову главной части, как это, напр., имеет место в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными и определительными.

Лит.: см. «Подчинительная связь», «Словосочетание».

ПРИСЛОВНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное (изъяснительное, определительное и др.), относящееся к контактному слову главной части сложноподчиненного предложения.

Лит.: Волохина Г. А. Видо-временные соотношения в сложных предложениях с придаточными присловными: АКД. Воронеж, 1972. См. также «Сложноподчиненное предложение», «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

ПРИСОЕДИНЕНИЕ. Принцип соединения предикативной единицы с группой слов или другой предикативной единицей, при котором последние предстают как элементы, находящиеся за рамками синтаксических связей и отношений, реализуемых в первой (исходной) предикативной единице. См. **присоединительная связь** и **присоединительные отношения**.

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. Родовое наименование для разного рода синтаксических структур (групп слов или предикативных единиц), сочленяемых с базовой (исходной) предикативной единицей на основе присоединения.

Лит.: см. «Присоединительная связь».

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид синтаксической связи, которая в современной русистике не получила однозначной интерпретации. Вслед за А.М. Пешковским, Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым многие исследователи видят в ней явление, принципиально отличное от сочинительной и подчинительной связи, своего рода вторичную связь, которая как бы накладывается на сочинение и подчинение. Вместе с тем ее иногда сближают либо с сочинительной, либо с подчинительной связью, о чем свидетельствует хотя бы факт констатации присоединения в сложносочиненном и сложноподчиненном предложениях. Первое мнение представляется более основательным, хотя целесообразнее было бы говорить, что эта связь не накладывается на сочинение и подчинение, а фиксирует возникающий разрыв линейных связей — как сочинительных, так и подчинительных. Сигналами такого разрыва являются, с одной стороны, сочинительные союзы, слившиеся в одно целое с частицей *и* (*а и, да и, но и*), а с другой — союзные слова *что, куда, где, откуда, когда* и др., связь которых с частицей *и* менее прочна (свидетельством чего является возможность ее свободного перемещения в составе присоединяемого комплекса). Ср.: *Ехать туда было поздно, да и незачем; Он пришел в шесть часов вечера, когда его и ожидали.* Связь используется для выражения присоединительных отношений.

Лит.: Виноградов А.А. К вопросу о дифференциации явлений парцелляции и динамического присоединения (на материале русского языка) // ВЯ. 1984. № 3; Виноградов В.В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. Т. II. Ч. 2. М., 1954; Ильенко С.Г. Сложноподчиненные предложения с придаточными, присоединенными к главному союзом *если*, в современном русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 225. Л., 1962; Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Кузнецова О.Я. Подчинительные, пояснительные и присоединительные отношения между частями сложноподчиненного предложения // Краткие очерки по русскому языку. Воронеж, 1964; Пешковский А.М. Существуют ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Пешковский А.М. Избр. труды. М., 1959; Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.

ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Синтаксические отношения, реализуемые в тех случаях, когда сообщение о том или ином положении дел на ассоциативной основе (в рамках одного предложения или за его пределами) дополняется др. сообщением, в котором либо фиксируется еще одно, сопутствующее, положение дел, либо раскрываются детали первого сообщения. Соответственно присоединяемая часть может представлять собой и предложение (сочиненное с предваряющим предложением, подчиненное ему или вынесенное в независимую позицию): *Помощи мне он не оказал, да и не ожидал я ее от него; Наконец он поселился в городе, куда и мечтал переехать;* и блок слов, предложе-

ние не образующих: *Говорил он громко, да еще и с апломбом.* Объем понятия «присоединительные отношения» точно не определен. Одни исследователи расширяют его за счет обособленных поясняющих членов, вводимых словами *например, особенно, в том числе* и т.д., другие, напротив, сужают его, отказываясь видеть присоединение в так называемых вставных конструкциях. Присоединительные отношения выражаются посредством присоединительной связи и нередко бессоюзной.

Лит.: см. «Присоединительная связь».

ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что присубстантивно-атрибутивное придаточное предложение.

ПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ. Синтаксическая конструкция, состоящая из причастия и зависящих от него слов. Причастный оборот бывает либо обособленным, либо необособленным: а) *В легкой синеве неба, еще не потеплевшей после ночи, розовело одно тонкое облачко...* (Набоков); *Одаренный необычайной силой, он работал за четверых* (Тургенев); *У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкой татарских лошадей* (Пушкин); б) *И добавим мы к духовной пицце Весело заваренный чаек* (Е. Винокуров); *Сидевшая у окна старуха, кажется, даже не замечала нашего присутствия* (Паустовский).

В последние годы причастие в составе этого оборота, независимо от того, является он обособленным или необособленным, рассматривается как второе сказуемое, если слово, к которому оно относится, выполняет функцию подлежащего: *Мальчик, вошедший в комнату, тихо поздоровался с нами*, или как второстепенное сказуемое, если поясняемое им слово используется в функции какого-л.

второстепенного члена: *Мы не обратили внимания на мальчика, вошедшего в комнату.*

Лит.: Камынина А. А. Причастия и прилагательные в роли обособления определений (К вопросу о языковом статусе полупредикативных атрибутов существительного) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 1; Она же. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Прикмета А. Г. О соотношении инфинитивных и причастных компонентов при совпадении субъектов их действий // Науч. труды Куйбышевского пед. ин-та. Т. 145. Куйбышев, 1974; Прияткина А. Ф. Осложненное простое предложение в современном русском языке. М., 1990; Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Обстоятельственные отношения, представленные в наиболее ярком виде в сложноподчиненных предложениях, придаточная часть которых называет причину, а главная — вытекающее из него следствие: *Так как было холодно, мы оделись потеплее; На улице было еще темно, потому что теперь светало очень поздно.* Те же отношения могут устанавливаться и в бессоюзном сложном предложении, однако здесь они не отграничены с достаточной четкостью от пояснительных отношений: *Я разволновался: Николай так и не пришел.* Термин «причинно-следственные отношения» употребляется вместо более конкретных терминов «причинные отношения» и «следственные отношения» в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть соотносительный характер причины и следствия.

Лит.: Бунина М. С. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями между компонентами в языке

произведений В.И. Ленина // Современный русский язык. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 423. М., 1971.

ПРИЧИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых называет причину совершения действия: *побледнеть от испуга; похудеть из-за болезни*. Иногда могут быть реализованы в простом предложении за пределами словосочетания. Ср. в этой связи употребление причастного оборота с причинным значением: *Уставший за день, он мгновенно уснул*.

2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным причины и в бессоюзных сложных предложениях, предполагающих указание на причину реализации тех или иных ситуаций: *На улице было сыро, потому что второй день шел дождь; В доме пусто — все уехали за город*.

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения».

ПРОГРЕССИВНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Вид словопорядка, при котором определяемое слово предшествует определяемому: *говорить правду; писать письмо*. Противопоставляется регрессивному порядку слов.

ПРОЗАИЧЕСКАЯ СТРОФА́. То же, что сложное синтаксическое целое.

ПРОНОМИНАЛЬНОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ. То же, что местоименное словосочетание.

ПРОПОЗИ́ЦИЯ. Заимствованный у логиков термин, которым в лингвистике обозначают константное номинативное ядро, остающееся неизменным в условиях различных, по выражению Л. Витгенштейна, «языковых игр», иначе говоря, являющееся независимым от всякого рода переменных,

прежде всего актуализационных модификаций бытийного компонента сказуемого или главного члена односоставных предложений. Особую значимость это понятие обретает в связи с тем, что пропозиция, будучи номинативной базой предложения, в определенных условиях может трансформироваться в пропозицию небазисную, т.е. такую, которая используется в составе другой, базисной, пропозиции, либо в предметно-субституирующей функции, либо в функции предметно-характеризующей. Существо такого рода трансформации определяют три явления, которые можно условно именовать свертыванием пропозиции, понижением пропозиции в ранге и пропозитивным осложнением предмета.

При свертывании пропозиции сказуемое изменяет свою сущность (превращаясь всего лишь в аналог сказуемого) и находит выражение либо в девербативных и деадъективных существительных, либо в инфинитиве. Столь же кардинальному преобразованию подвергается и соотнесенное с ним подлежащее: став аналогом подлежащего, оно коренным образом меняет форму своего внешнего обнаружения. При девербативах его функцию выполняют существительные в родительном и творительном падежах (*Открытие Колумба ошеломило Европу; Чтение Маяковским своих стихов было впечатляющим*) и притяжательные прилагательные (*Мамин приезд не был для меня неожиданностью*); при деадъективах — существительные в родительном падеже (*Жадность волков известна всем*); при инфинитиве — существительные в дательном падеже (*Не забыть мне очей твоих ясных*).

Понижение пропозиции в ранге основывается на принципе анафоры: местоимения *это, что, такое, существительные факт, случай, событие* и т.д.

отсылают к ранее высказанному сообщению, одновременно констатируя, что его пропозитивная модель в данном высказывании является всего лишь частью базисной пропозиции (*Сын солгал. И это рассердило отца; Она тогда заблудилась в лесу, проплутав там целый день. Этот случай почему-то крепко врезался мне в память*).

Пропозитивное осложнение предмета имеет целью дополнительную характеристику этого предмета за счет ряда средств, обычно именуемых полупредикативными — в первую очередь причастных и деепричастных оборотов. Аналогом подлежащего в таких случаях становится характеризующий предмет, а аналогом сказуемого — причастие и деепричастие (*Я сразу заметил женщину, сидевшую у окна; Писать, сидя за высоким столом, ребенку было явно неудобно*).

Лит.: Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978; Арутюнова Н.Д. «Пропозиция», «Факт», «Событие» (опыт концептуального анализа // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1987. № 6; Попова З.Д. Минимальные и расширенные структурные схемы простого предложения как однопорядковые знаки пропозитивных концептов // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001; Хегай В.М., Шмелева Т.В. Предикативность и пропозитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978; Шмелева Т.В. Пропозиция и ее репрезентация в предложении // Вопросы русского языкознания. Вып. 3. М., 1980.

ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Сказуемое, выраженное полнозначным глаголом, который предстает как синкретическое наименование вещественного и бытийного компонентов: *Лениво журчит ручей; По его лицу пробежала легкая тень; Это произойдет, вероятно, через неделю.*

В особых условиях — преимущественно в сфере экспрессивно окрашенной разговорно-бытовой речи (или стилизующей ее художественно-публицистической речи) функцию простого сказуемого выполняют междометные (иначе — усеченные) глаголы: *Тут рыцарь прыг в седло...* (Крылов); *Я хват за пояс — пистолета нет* (Лермонтов).

В качестве простого сказуемого рассматриваются также полуграмматизованные сочетания глагольно-именного типа *сделать ремонт, учинить драку, принять участие*.

Лит.: Авджан Ф.В. Нормы оформления препозитивного сказуемого при количественно-именном подлежащем // Науч. труды Куйбышевского пед. ин-та. Т. 163. Куйбышев, 1975; Акопджанян А.А. Форма числа глагола-сказуемого в предложениях с подлежащим неопределенно-количественного значения // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 135. Казань, 1974; Величко А.В., Овчинникова Л.А. К вопросу о соотношении одноместной, двухместной и трехместной моделей предложения (на материале предложений с глаголами-сказуемыми семантики речи, передачи, отчуждения) // Филологические науки. 1973. № 3; Выгорбала А.Е. Предложения со сказуемым, выраженным «собственно-безличным» глаголом // НДВШ. ФН. 1960. № 2; Ермакова О.П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Копров В.Ю. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Русский синтаксис. Т. 203. Воронеж, 1979; Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976; Мразек Р. Проблема сказуемого и его классификации // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Ročn. VII. Rada jazykovedná. A 6. Brno, 1958; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Черемисина М.И.

Об «однородных сказуемых» // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Юрченко В.С. Сказуемое (на материале русского языка) // ВЯ. 1977. № 6.

ПРОСТО́Е ПРЕДЛОЖÉНИЕ.

Предложение с одним предикативным центром. Может быть двусоставным: *Море шумит; Отец был в недоумении* и односоставным: *На улице потеплело; В комнате уютно*. Простое предложение противопоставляется сложному предложению.

Лит.: Алисова Т.Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений // ВЯ. № 2; 1970; Виноградов В.В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // ВЯ. 1954. № 1; Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // ВЯ. 1979. № 6; Золотова Г.А. О связанных моделях русского предложения // Облик слова. Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997; Она же. К типологии простого предложения // ВЯ. № 3. 1978; Камынина А.А. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. Осложнение простого предложения полупредикативными членами. М., 1983; Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. 1997. № 3; Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974; Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе простого и сложного предложения в русском литературном языке. М., 1964; Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996; Распопов И.П. Строчение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Цой А.А. Семантическая структура простых нераспространенных двусоставных глагольных предложений в современном русском языке:

АДД. Днепропетровск, 1984; Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт парадигматики) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1987; Она же. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 4; Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке (Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное). Саратов, 1972.

ПРОСТО́Е (ЭЛЕМЕНТА́РНОЕ) СЛОВСОЧЕТА́НИЕ.

Тип словосочетаний, противопоставляемый сложному словосочетанию. Его сущностные свойства определяются тем, что оно состоит из двух компонентов (членов) — главного (господствующего, подчиняющего) и зависимого (подчиненного). Нередко каждый из этих компонентов выражается одним словом: *утренний сон; громко петь; мучительно больно*. Вместе с тем при использовании в соответствующих словосочетаниях предлогов его компоненты, естественно, становятся двусловными: *поездка в Москву; до наступления ночи; с письмом от брата*. Более того, возможен даже трехсловный зависимый компонент — при условии ввода в последний указания на неотчуждаемый признак предмета: *незнакомец с выразительным лицом; девушка с голубыми глазами* (сочетания *незнакомец с лицом* и *девушка с глазами* являются неотмеченными).

Лит.: Астафьева Н.И., Наумович А.Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Белшапкова В.А. Сложное предложение и словосочетание (к вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // Исследования

по русской грамматике. М., 1975; Горбачевич К. С. Вариативность формы управления в некоторых именных и глагольно-именных словосочетаниях // РЯШ. 1974. № 1; Магомедов Г. И. О функции предлога в словосочетании // РЯШ. 1975. № 3; Орлова Р. А. Субстантивные синтаксически нечленимые словосочетания метафорического характера // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. Сб. трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1973; Печников А. Н. Предложение и словосочетание // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983; Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; Распопов И. П. Словосочетание и предложение (полемиические заметки) // Вопросы русского языкознания. Вып. 1. Куйбышев, 1976; Рыньков Л. Н. Типы метафорических словосочетаний в языке художественной литературы // РЯШ. 1975. № 1; Скобликова Е. С. Об условиях формирования словосочетаний // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Куйбышев, 1972; Тулина Т. А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976. См. также «Словосочетание».

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ (ЛОКАЛЬНЫЕ) ОТНОШЕНИЯ. 1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых указывает на место реализации действия: *стоять позади; жить в городе*, исходный пункт, конечный пункт или путь перемещения: *возвращаться из школы; уехать в аэропорт; идти берегом*. Пространственные отношения выражаются посредством связей управления и примыкания.

2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложных предложениях, одна из частей которого (обычно придаточное предложение места) обозначает пространство, где

совершается действие главной части, куда или откуда оно направлено: *Он раньше жил там, откуда ты приехал; Оттуда, куда мы направлялись, бежали люди; Там, где раньше было пусто и голо, теперь зеленела роща.*

Лит.: Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001; Каменская И. В. Глаголы семантико-синтаксического поля «размещение в пространстве» в русском языке // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997; Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Изв. РАН. 1997. № 3; Лопатин В. В. Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996; Шахматова М. А. Определительные придаточные предложения с добавочным пространственным значением в русском языке: Л., 1971; Яковлева Е. С. Языковая картина пространства, задаваемая наречиями с семантикой «далеко»/«близко» // Логический анализ языка. Тождество и подобие. 1990. См. также «Обстоятельственные отношения», «Сложноподчиненное предложение».

ПРОТАЗИС. В западноевропейской лингвистической традиции первая, начальная часть сложноподчиненного предложения, противопоставляемая второй, заключительной его части, называемой аподозисом. Русистика использует этот термин только при анализе периода, первая часть которого и именуется протазисом.

ПРОТИВИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид сочинительной связи, формально обнаруживаемой союзами *а, но* и архаическим союзом *да* (в значении *но*). Устанавливается между словами — однородными членами простого предложения, частями сложных предложений и самостоятельными предложениями в

тексте для выражения противительных отношений.

Лит.: Усова Н. В. Об одном типе противительных конструкций с союзом *но* // Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980. См. также «Члены предложения», «Сложное предложение».

ПРОТИВИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Вид сочинительных отношений, реализуемых в сфере однородных членов простого предложения и обеспечивающих противопоставление или сопоставление понятий. Выражаются посредством противительной связи и отчасти бессоюзной, свободно оперирующей аналогами союзов *однако*, *зато* и некоторыми другими (часто интерпретируемыми как союзы): *тихо, но внятно; не волшебник, а ученый; не ему, а тебе; многословно, зато понятно.*

2. Вид сочинительных отношений, устанавливаемых в сложном предложении и констатирующих противопоставление или сопоставление ситуаций, названных частями этого предложения. Как и в простом предложении, выражаются посредством противительной связи и отчасти бессоюзной (с той лишь разницей, что в рамках последней число аналогов союзов существенно возрастает): *Мы ожидали ссоры, но, к счастью, все кончилось мирно* (Ю. Казаков); *Чин следовал ему — он службу вдруг оставил* (Грибоедов); *Отец себя чувствовал как будто неплохо, тем не менее мы готовились к худшему* (Ю. Трифонов).

Лит.: см. «Противительная связь».

ПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ. Вид эксплицитной номинации, которая предполагает употребление для выражения содержательных звеньев предложения широкого круга тех лексических единиц (иногда их сочетаний), которые обеспечивают символическое

присутствие в речи разнообразных реалий, попадающих в сферу коммуникативных интересов говорящих лиц. Эта номинация использует далеко не однозначные способы обработки внешних впечатлений: *качественно-характеризующий* (ориентированный на обобщение существенных признаков денотата): *стол; дом; лошадь; выделительный* (указывающий на положение реалии в счетном ряду): *пять; девять; тринадцать;* *конвенциональный* (предполагающий условное, договорное закрепление имен за какой-л. реалией: *Петр; Байкал; Англия;* *дейктический* (раскрывающий содержание реалии на основе ее отношения к акту речи): *он; ты; вы;* и др.

Прямая номинация является наиболее типичным видом эксплицитной номинации и синтаксической номинации в целом и в силу этого представляется простой и очевидной. В действительности здесь действуют очень сложные закономерности, способные дезориентировать исследователя. Именно такие закономерности дают о себе знать в случае превращенной формы.

Лит.: Воронина Н. И. Заметки о синтаксической номинации (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж, 1996; Пельтихина Н. И. Фразовая номинация и проблема сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971; Языковая номинация. Кн. 1. Общие вопросы. Кн. 2. Виды номинаций. М., 1977.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ. Способ передачи чужой речи, предполагающий имитацию точного, буквального воспроизведения последней в плане ее языковой организации. Этот способ требует от автора речевого фрагмента, в который включена прямая речь, сохранения ос-

новых грамматических, лексико-фразеологических и интонационных особенностей сказанного кем-то (иногда даже самим автором). В частности, для прямой речи строго обязательно употребление форм лица с позиции говорящего: — *Да, — промолвил Радиков, — это я испытал на себе* (Тургенев); — *Вы, говорят, в субботу уезжаете? — спросила она* (В. Набоков); «*Хорошая собака... — подумал я, — чья она?»* (Чехов). При необходимости в прямой речи используются обращения, а также либо сопутствующие им, либо употребляемые автономно формы повелительного наклонения: — *Так что же, граждане, простить его, что ли? — спросил Фагот, обращаясь к залу* (М. Булгаков); — *Вот, возьмите, — сказал он и улыбнулся* (Паустовский); — *Садись, садись, моя душа, — бодро воскликнул Драйер* (В. Набоков). Прямая речь разрешает включение в свой состав всякого рода частиц, междометий, диалектных и просторечных слов и выражений, характерных для речевой манеры говорящего: *Иван сказал с иронией: «Ишь ты! Как в «Метрополе»!»* (М. Булгаков); *А Фагот, спровадив пострадавшего конференсье, объявил публике так: «Таперича, когда этого надоедалу сплавили, давайте откроем дамский магазин»* (Булгаков). По цели высказывания предложения прямой речи могут быть повествовательными: «*Я все готов сделать*», — *сказал он сдавленным голосом* (К. Паустовский), вопросительными: «*А куда мука девалась?» — внезапно крикнул он* (В. Короленко) и побудительными: «*Сейчас же принеси деньги*», — *распорядилась сестра* (В. Астафьев). Допускается эмоциональная оценка сообщаемого со стороны самого говорящего: «*Вот так история!» — сказал Кузьма и болезненно усмехнулся* (И. Бунин).

Что же касается других сторон чужого высказывания, оформляемого

как прямая речь, в частности, его содержания, здесь правила имитации оказываются весьма нестрогими. Автор речевого произведения может изложить соображения говорящего лишь приблизительно, может исказить его мысли до такой степени, что говорящий откажется признать сообщение своим, может воспроизвести невысказанные мысли какого-л. лица и даже бессловесного животного (как, скажем, у Н. Гоголя в знаменитом монологе коня Чубарого), может, наконец, приписать кому-л., как бы выступая от его имени, свое высказывание (что имеет место в случае *замещенной прямой речи*). Но наиболее отчетливо небуквальное воспроизведение содержания чужого высказывания в прямой речи проявляется, когда последняя оформляется как *неразвернутая чужая речь*: *И царица налетела на Чернавку: «Как ты смела обмануть меня? и в чем?» Та призналась во всем: Так и так* (Пушкин).

В речевое произведение прямая речь вводится обыкновенно в сопровождении слов автора, которые: а) устанавливают сам факт прямой речи: — *Эй, на пароме! — донеслось с левого берега* (Чехов); б) идентифицируют говорящего: — *Что с тобой? — участливо спросила жена* (Паустовский); в) комментируют — непоследовательно — либо само высказывание, либо поведение говорящего: *И вот тогда-то она высказал чудовищную мысль: «Мне это безразлично»* (Из газет); «*Я вас не понимаю*», — *сухо ответил тот* (Чехов).

Слова автора и чужое высказывание, оформленное как прямая речь, объединяются на основе паратактики — простого соположения синтаксических структур, не прибегающего к специальным показателям связи. Иногда, правда, здесь видят бессоюзное сложное предложение, но это заклю-

чение не корректно, поскольку прямая речь может состоять из нескольких вполне самостоятельных предложений: — *Я люблю вас!* — бормотал он, приближая свои глаза к ее большим испуганным глазам. — *Вы так прекрасны! Страдаю я сейчас, но, клянусь, всю жизнь я просидел бы так, страдая и глядя в ваши глаза. Но... молчите, умоляю вас!* (Чехов).

Прямая речь как способ передачи чужой речи возникла раньше других способов, и ее знают древнейшие памятники русской письменности.

Лит.: Милых М. К. Конструкция с прямой речью как синтаксическая единица // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 4; Милых М. К. Конструкция с прямой речью как синтаксическая единица // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 4; Русская грамматика. В 2-х т. Т. II. М., 1980; Сергеева Н. Н. Бессоюзное сложное изъяснительное предложение как конструкция с прямой речью типа СА «ПР» // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982; Чумаков Г. М. Система вводов прямой речи, их функции и стилистическое использование // НДВШ. Филологические науки. 1972. № 2.

ПРЯМО́Е ДОПОЛНÉНИЕ. Дополнение, выражаемое винительным падежом без предлога и обозначающее предмет, на который переходит действие, который создается, уничтожается или преобразуется в процессе действия. Употребляется при переходных глаголах: *читать книгу; рисовать картину; жечь письма; рыть яму; строить дом* или при некоторых словах категории состояния: *больно руку; жаль брата*. Понятие прямого дополнения до сих пор точно не определено. В его составе не рассматривают формы со значением приблизительности и распределяемого множества, хотя они легко употребляются в одном ряду с формой винительного падежа: *Она дала детям с десяток яблок, по шоколадке и небольшой арбуз*. Далеко не все исследователи

относят к прямому дополнению форму родительного падежа при отрицании: *не получал помощи; не чувствовал боли*.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Силкина З. А. Опосредованная синтаксическая связь именных форм с подлежащим и прямым дополнением (именное тяготение): Воронеж, 1973.

ПРЯМО́Е СОГЛАСОВА́НИЕ. Основная разновидность согласования сказуемого с подлежащим, предполагающего установление грамматических соответствий (родовых и количественных) полнознаменательного или связочного глагола с подлежащим: *Ребенок был болен; Дочь стала непослушной*. Противопоставляется обратному согласованию, при котором связка согласуется с именной частью сказуемого.

Лит.: Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977; Падучева Е. В., Успенский В. Л. Биноминативные предложения: проблема согласования связки // Облик слова. Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

ПРЯМО́Й ВОПРО́С. Вопрос, адресованный непосредственно слушателю. Термин используется преимущественно в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что данный вопрос не является косвенным.

ПРЯМО́Й ОБЪЕ́КТ. То же, что прямое дополнение.

ПРЯМО́Й ПОРЯ́ДОК СЛОВ. Порядок слов, при котором подлежащее предшествует сказуемому: *Он почти сразу же исчез за поворотом; Две чайки*

плавали вокруг затонувшего бревна. Противопоставляется обратному порядку слов.

Лит.: см. «Порядок слов».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТ. Старый термин, употреблявшийся в основном до возникновения учения об актуальном членении для дифференциации представлений с точки зрения последовательности их возникновения и их психологической значимости. Психологический предикат называет второе по порядку возникновения представление, раскрывающее характер представления, называемого психологическим субъектом. Термин близок по значению к термину рема, хотя и не тождествен ему.

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ. Старый термин, использовавшийся в основном до возникновения учения об актуальном членении предложения для дифференциации представлений с точки зрения последовательности их возникновения и их психологической значимости. Психологический субъект называет первое по порядку возникновения представление, содержание которого раскрывает психологический предикат. Термин близок по значению к термину «тема».

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ. То же, что психологический субъект.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СКАЗУЕМОЕ. То же, что психологический предикат.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид сочинительной связи, формальными показателями которой являются сою-

зы или, либо, то... то, не то... не то, то ли... то ли, ли... ли. Устанавливается между словами — однородными членами простого предложения и частями сложносочиненного предложения и служат для выражения разделительных отношений.

Лит.: см. «Сочинительная связь», «Сочинение».

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Вид сочинительных отношений, реализуемых в сфере однородных членов простого предложения. Констатируют взаимоисключаемость тождественных в том или ином аспекте понятий, наличие одного из двух и более явлений (предметов, процессов, признаков), их чередование, неопределенность их восприятия или осмысления говорящим. Разделительные отношения выражаются посредством разделительной связи: *Шел то дождь, то снег; Хорошо или плохо поступил он? Я не понял, что это — то ли гроза, то ли эхо.*

2. Вид сочинительных отношений, устанавливаемых в сложносочиненных предложениях. В основном носят тот же характер, что и в простом предложении и так же выражаются посредством разделительной связи: *Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит, Иль мне в лоб шлагбаум влетит Непроворный инвалид* (Пушкин); *...эта гроза даром не пройдет. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит* (А. Островский). Иногда эти отношения реализуются в бессоюзных сложных предложениях, которые используют вместо соответствующих союзов повторяющиеся вводные слова *может, может быть, возможно: Возможно, я что-то сделал не так, возможно, он что-то не понял, но только отношения наши с той поры совершенно расстроились* (К. Паустовский).

Лит.: см. «Сочинительная связь», «Сочинение».

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС. То же, что альтернативный вопрос.

РАСПРОСТРАНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, имеющее в своем составе, кроме главных членов, второстепенные члены: *Установилась прекрасная погода; Вместе с братом она пошла в лес.*

РАСПРОСТРАНЯЮЩИЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Термин «Русской грамматики – 1980», введенный вместо термина «второстепенные члены предложения».

Лит.: Мокрышева Т. Д. Роль структурно обязательных распространителей в формировании семантической структуры биноминативного предложения // Предложение как многоаспектная единица языка. Межвуз. сб. науч. тр. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1984; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Сергеева Ж. А. Об особенностях распространения субстантивных предложений со связкой «быть» // Синтаксические связи и отношения. Ростов н/Д, 1972; Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. 1964. № 6. См. также «Члены предложения».

РАССОГЛАСОВАННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание устной разговорной речи, представляющее собой результат редукции состава подлежащего. Это подлежащее, будучи по своему характеру ситуативно-предметным, утрачивает непосредственно репрезентирующий его элемент (напр., отглагольное существительное или инфинитив), позицию которого занимает зависимое от него слово, сплошь и рядом принимающее форму именительного падежа, хотя истинным подлежащим оно не является: (Читать) *Фантастика – моя страсть*; (Купить) *Билеты в театр – ваша забота*; (Изготовление) *Резная дверь – их рук дело*;

(Поехать на) *Дача – это хорошо*. Сталкиваясь с такими построениями, слушатель испытывает чувство речевого дискомфорта: они воспринимаются им как некое подобие картины, утратившей смысл из-за выпавшего куска мозаики, поскольку псевдоподлежащее и сказуемое остаются здесь несогласованными. Это несогласование может быть семантическим (напр., делом является не *дверь*, а ее изготовление) или формальным (напр., существительное женского рода *дача* предполагает употребление в сказуемом прилагательного в том же женском роде: *хороша*). В подобных условиях слушатель вынужден домысливать – с опорой на ту информацию, которая идет от контекста, общей обстановки речи и т.д., – небалансированные элементы смысла (*Арутюнова Н.Д.*).

Сейчас рассогласованные высказывания проникли в язык художественно-публицистической литературы, где используются в качестве особого экспрессивного средства: *Сберегательная касса – это удобно; Абсолютная власть – это страшно.*

Лит.: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999. См. также «Высказывание», «Неполное предложение».

РАСЧЛЕНЁННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. То же, что тематически детерминированное высказывание.

РЕГРЕССИВНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Вид словопорядка, при котором определяемое слово следует за определяющим: *быстрое течение; ее книга*. Противопоставляется прогрессивному порядку слов.

Лит.: см. «Порядок слов».

РЕГУЛЯРНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Термин Н. Ю. Шведовой, обозначающий изменения предложения, обусловленные вводом

связок, связочных образований, полужнаменательных глаголов или неполной реализацией его двукомпонентной предикативной основы. Так, реализациями предложений *Мастер работает* или *Москва-столица* считаются: *Мастер* (при ответе на вопрос: кто работает?): неполная конситуативно обусловленная реализация, *Москва является столицей*: реализация со связкой.

Лит.: Шведова Н. Ю. Структурные схемы предложения и их регулярные реализации // Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

РЕЛЯТИВ. 1. У некоторых авторов (Г.В. Валимовой и др.) речевая коммуникативная единица ситуативного характера, передающая реакцию говорящего на какие-л. явления: *Хорошо; Пожалуйста; Извините*. 2. Общее название всех связующих слов в предложении и тексте. Термин предложен М.А. Ляпон.

Лит.: Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967; Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986; Стародумова В. А. О релятивных свойствах частиц (синтаксические функции частицы *именно*) // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981.

РЕ́МА ВЫСКА́ЗЫВАНИЯ. Один из ключевых терминов теории актуального членения, который служит для обозначения коммуникативного центра высказывания, противопоставляемого теме последнего. Термин, предложенный немецкими лингвистами Г. Амманом и К. Боостом, в настоящее время стал уже общепринятым и практически вытеснил др. термины, употреблявшиеся в том же значении: ядро высказывания (Матезиус В.), новое (Крушельницкая К.Г.), предицируемая часть (Распопов И.П.).

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

РЕФЕРЭ́НТ. Один из основных терминов теории референции, первоначально обозначавший доведенный до порога узнавания элемент денотативного класса, называемого данным словом или сочетанием слов (имеются в виду случаи, когда, напр., слово *стол* обозначает не просто соответствующий предмет мебели вообще, а, положим, мой стол, стоящий в углу моего кабинета). Позднее термин был экстраполирован в сферу синтаксиса, где он обозначает конкретную ситуацию, именуемую каким-л. высказыванием и в то же время являющуюся одним отдельно взятым элементом того денотативного класса ситуаций, которые соотнесены с определенной семантико-функциональной моделью предложения. В недавнем прошлом в значении термина «референт» мог использоваться термин «денотат». Сейчас такое неразборчивое терминопотребление практически преодолено.

Лит.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. Проблемы референции. М., 1982; Орлов К. П. Синтаксические структуры простого и сложноподчиненного предложения в их соотношении с одним и тем же референтом: Саратов, 1971; Федорова Л. Л. О двух референтных планах диалога // ВЯ. 1983. № 5; Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996.

РЕФЕРЭ́НЦИЯ. См. **теория референции**.

РЕЧЕВО́Й АКТ. Элементарная единица речевого общения, представляющая как акт произнесения говорящим некоторого высказывания, построенного по правилам определенного языка, обладающего некоторым содержанием и включающего в свой состав ком-

поненты, указывающие адресату на речевое намерение говорящего. Речевому акту поставлено в соответствие речевое восприятие и понимание со стороны адресата. Таким образом, в речевом акте находит свое выражение лингвистическая, интерактивная и энциклопедическая компетенция коммуникантов.

При анализе речевого акта обычно выделяют три аспекта, называемые локутивным, иллокутивным и перлокутивным актами. Локутивный акт есть не что иное, как произнесение самого высказывания, без чего общение, естественно, не может состояться. Иллокутивный акт отражается в высказывании в форме иллокутивной силы, или функции, включающей в свой состав ряд содержательных компонентов, которые определяют цель речевого акта, средства ее достижения, условия достижения и интенсификаторы или ослабители, сопутствующие достижению цели. Перлокутивный акт представляет собой результат речевого воздействия, т.е. тот эффект, который достигнут в результате речевого акта.

Термины «локутивный акт (локуция)» и «перлокутивный акт (перлокуция)» практически не усвоены русистикой. Напротив, термины «коммуникативная интенция (интенция говорящего)», «иллокутивная сила», «перформативные высказывания» и др. используются весьма активно.

Общепринятой типологии речевых актов нет. В русистике вслед за В.В. Богдановым обычно различают девять их классов: 1) декларативы: назначение на должность, открытие собрания, судебный приговор, объявление войны или мира, венчание или регистрация брака, наречение имени и т.д.; 2) комиссивы: обязательства, обещания, уверения, гаран-

тии, пари, клятвы, согласия, отказы, обеты, ручательства, угрозы и т.д.; 3) интеррогативы: вопросы, запросы, выпытывания, интервьюирование и пр. способы получения информации; 4) империативы: приказы, требования, распоряжения, разрешения, запрещения, предписания и др.; 5) реквестивы: просьбы, мольбы, заклинания и пр.; 6) адвизивы: советы, рекомендации, предложения, приглашения и т.д.; 7) экспрессивы: благодарности, извинения, соболезнования, поздравления, приветствия, похвалы, жалобы, причитания и др.; 8) констативы: констатации, напоминания, опровержения, признания, повторения и пр.; 9) аффирмативы: утверждения, заявления, оповещения, уведомления, извещения, предсказания, предположения и др.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты речевого мышления. Калинин, 1989; Вахтель Н.М., Голицына Т.Н. Предложение, высказывание, речевой акт // Традиционное и новое в русской грамматике. Сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. М., 2001; Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели. М., 1991; Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта // Сложное предложение. М., 2000; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.

РЕЧЕВЫЕ ВСТАВКИ. Выражения типа *да; конечно; еще бы; надо же; вот*

как! и им подобные, выполняющие фатическую функцию, т.е. функцию поддержания речевого контакта. Представляют собой один из разрядов прагматических вставок.

Лит.: Инфантова Г. Г. Вставочные конструкции в спонтанной русской разговорной речи // *Ceskoslovenska rusistika*. XXXVIII. 1983. № 5.

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС. Разновидность квазивопросительных предложений, в которых утверждается или отрицается что-л.: *Кто не знает этих вещей?* Используется как стилистическая фигура.

Лит.: Калинина А. А. Риторический вопрос среди различных типов предложений // РЯШ. 1986. № 4; Падохина О. А. О некоторых особенностях функционирования риторических вопросов в научном стиле // Семантические аспекты языка. Л., 1981; Харченко В. К. Риторика внутри нас (проблемы аутокоммуникации) // РЯШ. 2001. № 2; Шердакова Л. Н. О структурно-семантической квалификации риторического вопроса // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. М., 1989. См. также «Мнимоотрицательное предложение», «Мнимоутвердительное предложение».

РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция, связанная с выполнением определенных речевых действий ритуального характера — таких, как наречение имени, объявление приговора, венчание, расторжение брака и т.д. Реализуется посредством так называемых перформативных высказываний.

Лит.: см. «Высказывание».

СВЕРХФРАЗОВОЕ ЕДИНСТВО. То же, что сложное синтаксическое целое.

СВОБОДНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Словосочетание, компоненты которого, в отличие от цельного (не-

свободного) словосочетания, выполняют функции разных членов предложения: *рисовать картину; зимний лес; разговор о делах; поехать отдохнуть.*

Лит.: см. «Словосочетание».

СВОБОДНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Наиболее продуктивный класс сложных предложений, строящихся по моделям, которые разрешают варьирование своего лексико-морфологического состава. Свободное сложное предложение, противопоставляется несвободному сложному предложению.

Лит.: см. «Сложное предложение».

СВОБОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Порядок слов, при котором расстановка элементов лексико-грамматического состава высказывания допускает несколько вариантов, определяемых какими-то факторами (но отнюдь не произволом говорящего, как думали даже в первой половине XX в.). Ср. *рассказать сказку внуку и рассказать внуку сказку.* Противопоставляется связанному, или фиксированному, порядку слов.

Лит.: см. «Порядок слов».

СВЯЗАННОЕ СОЧЕТАНИЕ СЛОВ. 1. То же, что цельное (несвободное) словосочетание. 2. Сочетание фразеологического характера, значение которого не тождественно сумме значений входящих в него слов.

Лит.: Архангельский Л. В. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д, 1964; Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970; Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; Он же. Основные понятия русской фразеологии // Там же. М., 1977; Он же. Об основных типах фразеологических единиц // Там же.

М., 1977; Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д, 1977; Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1978; Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996; Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М. 1969; Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977; Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988.

СВЯЗАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ.

Порядок слов, при котором возможности варьирования отдельных элементов лексико-грамматического состава высказывания с точки зрения их местоположения в высказывании являются ограниченными. Так, сочинительные союзы в сложном предложении ставятся либо между частями последнего (если они одиночные), либо в начале каждой из частей (если они двойные): *Пройдет время, и мы уйдем навеки* (Чехов); *Ни солнца мне не виден свет, ни для корней моих простору нет* (Крылов). Противопоставляется свободному порядку слов.

Лит.: см. «Порядок слов».

СВЯЗКА. Вспомогательный глагол, используемый в составном именном сказуемом. По давней традиции различают: отвлеченную связку *быть*, выступающую в настоящем времени в нулевой форме: *Он был горяч и непосредлив; Воздух чист и свеж*; б) полувотвлеченные связки *стать* — *становиться*, *остаться* — *оставаться*, *казаться* — *показаться* и т.д.: *Со временем Федор стал хорошим художником; Она казалась спокойной*; в) знаменательные связки *приехать*, *сидеть*, *вырасти* и т.д.: *Мать сидела усталая; Он вырос здоровяком*.

Русистика последних десятилетий ведет активный пересмотр традицион-

ных воззрений. В первую очередь этот пересмотр коснулся знаменательных связок. Сейчас уже стало ясно, что они, будучи разнородными по семантике (ср. передаваемые ими значения состояния, перемещения, изменения позы или положения в пространстве, перечень которых легко продолжить) и — самое главное — многочисленными (их более 200!), в действительности связками не являются. Это обычные полнознаменательные глаголы — номинаторы простого глагольного сказуемого. Их своеобразие состоит лишь в том, что они допускают употребление при себе форм прилагательных и существительных, называющих второе сказуемое (ср. *Иван вернулся стариком* = *Иван вернулся* + *Иван был стариком*; *Он умер молодым* = *Он умер* + *Он был молодым*). В связи с этим знаменательные связки в настоящее время выделяются только в некоторых школьных учебниках.

Существенным образом изменились также представления о связке *быть*. Еще со времен Аристотеля считалось, что она лексически опустошена и является всего лишь грамматическим квалификатором сказуемого, несущим информацию о наклонении, времени, лице, числе (иногда — о роде). Однако исследователи последнего времени (Печников А.Н., Голицына Т.Н. и др.) показали, что связка *быть* лексична, хотя и существенно отличается по своему значению от полнознаменательных глаголов. Последние в содержательном плане двуслойны: они, с одной стороны, называют конкретный процесс, а с другой — констатируют, что последний представлен как существующий, бытующий во времени (значение бытия является общим для глагола как части речи). Так, глагол *читаю* одновременно информирует говорящих на русском языке и о том, что речь идет

о восприятии написанного, и о том, что это восприятие осуществляется первым лицом в реальной действительности в настоящее время. Что же касается глагола *быть*, он передает идею бытия в чистом виде — без констатации того, какой именно процесс существует. Но последнее обстоятельство не позволяет его считать полностью лексически опустошенным.

Изменение представлений о связке *быть*, в свою очередь, автоматически ведет к пересмотру статуса так называемых полуотвлеченных связок. Они столь же нетождественны полнозначительным глаголам, как и связка *быть*, поскольку не называют конкретных процессов, и их отличие от последней состоит лишь в том, что у них значение бытия (существования) оказывается суженным за счет указания на то, каким это бытие является. Они соответственно называют:

стать — *становиться* — начало бытия: *Упомянуть о нем становится дурным тоном* (Ю. Черниченко); *Выходить к реке стало опасно* (В. Щербаков);

остаться — *оставаться* — сохранение бытия: *В Европе он оставался крупной фигурой советской науки* (Д. Гранин); *Она такой нескладной на всю жизнь останется* (А. Иванов);

казаться — *показаться* — субъективно воспринимаемое бытие: *Именно «Современник» показался Люценко самым подходящим местом для издания* (С. Ласкин); *Когда она ехала с вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими* (Чехов);

оказаться — *оказываться* — действительное, реальное бытие: *Встреча с Зубром оказывалась для большинства самым ярким событием в их жизни* (Д. Гранин); *Расставание оказалось мучительным* (Нагибин);

значить — бытие тождества: *Понять значит простить* (Чехов); *Давать день-*

ги Терещенок — это значит выбрасывать их на ветер (А. Рыбаков).

Лишь в некоторых случаях различия между полуотвлеченными связками определяются несколько иными факторами. Напр., связка *делаться* — *сделаться* по значению аналогична связке *стать* — *становиться*, но воспринимается по сравнению с последней как архаичная. Поэтому предложение *Сделался он затем контр-адмиралом и наконец полным адмиралом* (Д. Гранин), вполне уместное в повествовании, стилизованном «под старину», оказывается совершенно неприемлемым для русских людей младшего поколения: они без колебаний заменят здесь глагол *сделался* глаголом *стал*. Связке *являться* (реже — *явиться*) в принципе свойственно то же широкое значение бытия, что и связке *быть*, но она допустима по преимуществу в официально-деловых бумагах (ср. некорректность использования высказывания *Коля является моим братом* в повседневной разговорной речи); к тому же она совершенно невозможна в односоставных предложениях.

Поскольку значение бытия (существования) в полуотвлеченных связках оказывается суженным, далеко не все семантико-функциональные типы простых предложений одинаково «терпимы» к ним. Так, если отождествительно-предметные предложения и признаковые предложения допускают использование всех или почти всех этих связок, то в реляционно-предметных и измерительно-предметных предложениях возможны лишь некоторые из них.

В настоящее время в русистике намечаются и некоторые другие линии пересмотра традиционных представлений о связках. Последние, как это известно, используются не только в именном сказуемом двусоставных

предложений, но и в главном члене некоторых односоставных предложений: *Там было (стало, оставалось, казалось, оказалось) холодно*. Но если это так, то называть их связками просто некорректно: второго главного члена здесь нет, и, стало быть, связывать просто нечего (а между тем внутренняя форма термина «связка» вполне прозрачна: это языковой элемент, связывающий сказуемое с подлежащим). Поэтому целесообразнее было бы использовать в данном случае более точный термин «бытийные глаголы». Нельзя также не учитывать, что реализуемые в составном глагольном сказуемом вспомогательные элементы представляют собой, если воспользоваться традиционной терминологией, все те же связки. Они называют бытие, квалифицируемое по другим параметрам, — либо как находящееся в той или иной фазе развития (*начать, продолжать, кончить*), либо как возможное, необходимое или желательное (*мочь, должен, хотеть*). Но, кажется, серьезное обсуждение этих вопросов — дело отдаленного будущего.

Лит.: Адмони В. Г. Нулевая связка, связочный глагол и грамматика зависимости // ВЯ. 1983. № 5; Арутюнова Н. Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 39. № 4. 1980; Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983; Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Валимова Г. В. Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967; Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Голицына Т. Н. Служебные (связочные) глаголы русского языка и их полнзначные соответствия: АКД. Воронеж, 1983; Золото-

ва Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986; Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994; Падучева Е. В., Успенский В. Л. Биноминативные предложения: проблема согласования связки // Облик слова. Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Печников А. Н. К принципам синтаксической организации предложения // ВЯ. 1995. № 6; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Сергеева Ж. А. Об особенностях распространения субстантивных предложений со связкой «быть» // Синтаксические связи и отношения. Ростов н/Д, 1972; Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Чернов В. И. Сопоставительная характеристика со связками «сделаться», «оставаться» в современном русском языке // Синтаксис и интонация. 1976; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

СВЯЗОЧНО-ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Термин, отражающий устаревшие представления о том, что именованное сказуемое может быть как связочным (*Он был поэтом; Дом у них был низкий*), так и бессвязочным (*Он поэт; Дом у них низкий*). Поскольку современная русистика в случаях второго рода усматривает нулевую форму связки *быть* и, стало быть, исходит из допущения, что бессвязочного именованного сказуемого не существует, этот термин стал избыточным и подавляющим большинством лингвистов не используется.

Лит.: см. «Сказуемое».

СВЯЗОЧНЫЙ ГЛАГОЛ. То же, что связка.

СВЯЗОЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ. То же, что связка.

СЕГМЕНТАЦИЯ. Стилистический прием письменной речи, предполагающий вычленение в инициальную, интонационно обособленную позицию названия реалии, о которой идет речь в последующей части высказывания. Стилизует последовательность формирования мысли в разговорной речи: вначале фиксируется повод сообщения, а затем сообщение по данному поводу. Обыкновенно сегментируется существительное в именительном падеже, называемое в русистике именительным темой или именительным представлением. В последующей части высказывания этот именительный не повторяется, поскольку его позицию занимает субституирующее его местоимение, которое может выполнять здесь функции подлежащего или дополнения: *Специализированные магазины — какими они должны быть? Служба подземных улиц. У нее свои заботы; Отец... Я часто вспоминаю его; Мой город! Как я люблю его; Морская вода, что мы о ней знаем?* В отдельных случаях сегментироваться может инфинитив (иногда с зависимыми от него словами): *Летать! Это и сейчас его самая большая мечта; Понять другого... Что может быть важнее этого?*

Статус речевого сегмента не вполне ясен. Это и не самостоятельное предложение, но и не часть последующего высказывания (наличествует конечная пауза!). Некоторые исследователи полагают, что здесь имеет место редуцированная метатекстовая констатация, передающая смысл: «Я буду говорить о...». В таком случае именительный темы (или инфинитив темы) должен рассматриваться как средство двойной рематизации. Неопределенность наших знаний о речевом сегменте находит отражение в характере пунктуационного оформления сегмента. После него ставят точку, многоточие, восклицатель-

ный знак, тире или запятую. Не употребляется (в отличие от английской пунктуационной практики) лишь двоеточие, хотя этот знак представляется наиболее предпочтительным.

Сегментированные конструкции в русской письменной речи появились сравнительно недавно — в XIX столетии и долгое время оставались несчастными. Заметно активизировались они в 50–60 гг. XX в., когда газеты и журналы были буквально насыщены ими. Современная пресса относится к ним в общем-то сдержанно.

Лит.: Коновалова Т. Р. Сегментированные конструкции в газетно-публицистическом стиле // Вопросы стилистики. Вып. 4. Саратов, 1972; Попов А. С. Сегментация высказывания // Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968; Шильникова Л. Ф. Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке: АКД. Л., 1984.

СЕМАНТИКА СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ. Термин «Русской грамматики — 1980», которым называют значение структурной схемы предложения, отвлеченное от значений (грамматических) ее компонентов и от правил их лексического наполнения. Так, структурная схема, по которой построены предложения *Много дел; Мало времени; Достаточно улик*, имеет значение «отношение между субъектом и его признаком — существованием в некотором количестве»; структурная схема, по которой построены предложения *Темно; Сыро; Скучно*, имеет значение «наличие состояния — бессубъектного или отнесенного к объекту». Семантика структурной схемы ограничивается от семантической структуры предложения.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

СЕМАНТИКА ТЁКСТА. В западной лингвистической традиции раздел на-

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

уки о тексте, изучающий пресуппозиции, которые делают текст осмысленным.

Лит.: Апухтин В. Б. О смысловой структуре связного текста // Психолингвистические проблемы общения и обучения языку. М., 1976; Колшанский Г. В. О смысловой структуре текста // Лингвистика текста. Материалы науч. конф. Ч. II. М., 1974; Мурзин Л. Н. Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991; Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980; Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983; Романова Т. В. Семантический радиус действия модальности в тексте // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998.

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. Классификация, основанная на учете характера содержательной организации грамматического центра простых предложений. Носит иерархический характер. Вершинное положение в ней занимает противопоставление двусоставных и односоставных предложений, из которых первые констатируют бытие или небытие отношения «определяемое — определяющее»: *Пушкин поэт; Ребенок болен; Светит солнце*, а вторые — бытие или небытие отдельно взятого семантического элемента: *Холодно; Зима; Морозит*.

При дифференциации двусоставных предложений прежде всего принимается во внимание грамматическая семантика сказуемого, в связи с чем различаются двусоставные предметные, знаковые и процессные предложения. На следующем шаге классификации учитывается функция (назначение) соответствующих семантических элементов, что позволяет выделить в составе предметных предложений три подкласса —

отождественительно-предметные: *Он москвич; Этот парень — друг моего брата*, измерительно-предметные (количественные): *Столов — три штуки; Зерна — две тонны* и реляционно-предметные: *Мельница на горе; Ткань — в полосу*, а в составе процессных предложений два подкласса — активно-процессные: *Рабочие строят дом; Продавец закрыл магазин* и пассивно-процессные: *Дом строится рабочими; Магазин был закрыт продавцом*. Признаковые предложения предстают как функционально однородные, т.е. на подклассы не распадаются: *Вода была прозрачная и чистая; Чай для меня слишком горячий*.

Классификация односоставных предложений осуществляется в целом на тех же основаниях, что и классификация двусоставных предложений. Это значит, что в первую очередь она ориентируется на грамматическую семантику главного члена, что обуславливает выделение односоставных предметных предложений: *Была зима; Тишина*, односоставных знаковых: *У них уютно; С ним мне не скучно* и односоставных процессных, распадающихся на два функциональных подкласса — активно-процессные: *Морозит; Ломит спину* и пассивно-процессные: *За газ заплачено; В доме прибрано*. И только инфинитивные (дебитивные) и безлично-инфинитивные (функтивные) предложения вычлениваются с учетом несколько иных признаков.

В рамках семантико-функциональной классификации осуществлен пересмотр старых представлений о характере выделяемых разрядов предложений и об отношениях между ними. Это, в частности, касается определенно-личных, неопределенно-

но-личных и обобщенно-личных предложений, которые выведены из числа односоставных и рассматриваются как двусоставные с нестандартным (имплицитным) выражением подлежащего. Единое понятие безличных предложений расчленено, и соответственно различаются односоставные процессные и односоставные признаковые предложения. Номинативные предложения исчисляются на основе широкого подхода к ним. Несколько изменена также старая терминология.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976; Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962; Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972; Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997.

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ СКАЗУЕМЫХ. На основе грамматической семантики репрезентантов вещественного компонента сказуемого, реализуемых в первичной функции, различают три типа сказуемых: предметное, признаковое и процессное. С учетом функции предметное сказуемое дополнительно подразделяется на три варианта: отождествительно-предметный, реляционно-предметный и измерительно-предметный (количественный). Процессное

сказуемое представлено двумя функциональными вариантами: активно-процессным и пассивно-процессным. Признаковое сказуемое по функции не дифференцируется. В общем виде семантико-функциональная типология сказуемого выглядит следующим образом.

Предметное сказуемое:

а) отождествительно-предметное сказуемое: *Его отец – врач; Вон тот парень – мой племянник;*

б) реляционно-предметное сказуемое: *Ткань – в полоску; Озеро – за садом;*

в) измерительно-предметное (количественное) сказуемое: *Денег – три рубля; Столов – три.*

Признаковое сказуемое: *Ночь тиха; Чай был горячий.*

Процессное сказуемое:

а) активно-процессное сказуемое: *Бегут ручьи; Ребенок спит;*

б) пассивно-процессное сказуемое: *Смета составляется бухгалтером; Инцидент ими тут же был забыт.*

Семантико-функциональные типы сказуемых являются той базой, на которой строится семантико-функциональная классификация двусоставных предложений.

Лит.: см. «Сказуемое», «Простое предложение».

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Одно из основных понятий семантического синтаксиса, исходящего из допущения, что язык, являясь формой существования мысли, в то же время моделирует разнообразные ситуации объективной действительности, сводя их к конечному набору языковых ситуаций. При таком подходе семантическая структура предложения предстает как составная номинация ситуации, построенная в соответствии с семантическими схемами представления событий, заданными языком.

В русистике семантическую структуру предложения иногда понимают как содержательный коррелят структурной схемы, образуемый взаимным действием двух факторов: 1) грамматическими значениями ее компонентов в их отношении друг к другу и 2) специфическими для данной схемы лексико-семантическими характеристиками слов, в конкретных предложениях занимающих позиции ее компонентов (Шведова Н.Ю.).

Эти два понимания семантической структуры предложения полярно противоположны. Если в первом случае анализ идет по направлению от содержания к форме, то во втором, напротив, — от формы к содержанию.

Лит.: см. «Простое предложение», «Семантико-функциональная классификация простых предложений».

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, ориентированный на изучение содержания синтаксических единиц. В рамках этого синтаксиса рассматриваются: отношение предложения к именуемой им ситуации, ролевые значения его компонентов, явления референции, пресуппозиции, секвенции и т.д.

Лит.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Она же. Референция имени и структура предложения // ВЯ. 1976. № 2; Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1984. № 4; Она же. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985; Она же. Родительный субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2; Шмелев А.Д. О референции

агентивных существительных // НДВШ. ФН. 1983. № 4.

СИГНИФИКАТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Типовое грамматическое значение предложения, обусловленное его принадлежностью к тому или иному разряду предложений. Так, сигнификат предложения *Лес шумит* — «предмет и производимый им процесс», сигнификат предложения *Воздух чист* — «предмет и свойственный ему признак».

Лит.: см. «Предложение».

СИГНИФИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что и сигнификат предложения.

СИЛЬНАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Родовое наименование для сильного управления и сильного примыкания: *говорить правду; завидовать другу; заниматься торговлей; находиться рядом; любить приврать*. Термин может быть, кроме того, использован при анализе сложных предложений, особенно тех, одна из частей которых содержит незамещенную синтаксическую позицию.

Лит.: см. «Подчинительная связь».

СИЛЬНОЕ ПРИМЫКАНИЕ. Разновидность примыкания, при котором устанавливается необходимая, обязательная связь между задающим проекцию на отношение главным компонентом и зависимым компонентом, выраженным наречием или инфинитивом: *располагаться поблизости; любить приврать*. Рассматривается как вариант сильной подчинительной связи. Сильное примыкание противопоставлено слабому примыканию.

Лит.: Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. См. также «Синтаксические связи».

СИЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Необходимая, обязательная связь, устанавливаемая между задающим проекцию на отношении главным компонентом и строго определенной падежной или предложно-падежной формой имени: *открыть шторы; съехать с горы; поиск истины; покорный судьбе; наедине с другом.* Явления, подводимые под понятие сильного управления, неоднородны и не всегда с достаточной четкостью отчлениваются от явлений, относимых к слабому управлению.

В истории русистики был предпринят ряд попыток дифференцировать сильное управление и выделить в его составе несколько разрядов. Однако они оказались малорезультативными и лишь обнаружили, что сильное и слабое управление связаны друг с другом сетью постепенных переходов.

В последние десятилетия XX в. наметилась тенденция выделять сильную подчинительную связь вообще, по отношению к которой сильное управление является всего лишь одним из вариантов (наряду с сильным примыканием).

Лит.: Ревзин И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие «грамматической правильности» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 34. № 1. 1975; Скобликова Е. С. Согласование и управление в современном русском языке. М., 1971. См. также «Управление», «Синтаксические связи».

СИНСЕМАНТИЧНОЕ (СИНСЕМАНТИЧЕСКОЕ) ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Придаточное предложение, вводимое в сложное посредством союзных слов, которые в одно и то же время называют тот или иной член придаточного предложения и содержат отсылку к главной части сложноподчиненного предложения: *Она рванулась, ударив с отчаянием ногой в*

бок коня, отчего тот внезапно проскакал в ворота на улицу (А. Грин); Он поднял брови, что означало высшую степень недоумения (В. Астафьев); Поезд уже отправлялся, когда пришли на вокзал (К. Симонов).

Наиболее существенная особенность этого придаточного состоит в том, что оно иначе, чем автосемантическое придаточное (т.е. придаточное, вводимое подчинительными союзами), организует информацию в составе сложноподчиненного предложения. Если автосемантическое придаточное, будучи содержательно самодостаточным, предполагает включение передаваемой им информации в главную часть (*Я знал, что ты придешь*), то синсемантическое придаточное, будучи содержательно ущербным (в силу анафорического характера союзных слов), как бы вбирает в себя информацию главной части – либо полностью, либо какие-то ее фрагменты: *По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой; Я знаю песни, которые западают в души не сразу.*

Этой особенности сопутствует ряд других особенностей частного характера. Во-первых, синсемантическое придаточное обычно употребляется в постпозиции. Этому правилу не подчиняются лишь конструкции с местоименными словами *что* и *кто*, часто используемые в препозиции: *Что пройдет, то будет мило (Пушкин); Кто весной бывает горласт, Тот без голоса к лету останется (Н. Заболоцкий).* Во-вторых, это придаточное гораздо реже, чем автосемантическое, допускает употребление коррелятов в главной части сложноподчиненного предложения. И, наконец, в-третьих, сложноподчиненные предложения с придаточным синсемантическим предполагают постановку вопроса не от главной части, как это свойственно сложноподчиненным

СИНСЕМАНТИЧНОЕ (СИНСЕМАНТИЧЕСКОЕ) ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

предложениям с придаточным автосемантическим (ср. *Катя знала, что он обязательно появится*. — Что знала Катя?), а непосредственно от самого этого придаточного (ср. *Брат промолчал, что совершенно расстроило мать*. — Что расстроило мать?). Правда, эта закономерность остается как будто нереализованной в сложноподчиненных предложениях с придаточным определительным: *Мы сразу же заметили мальчика, который сидел у окна; Старый двухэтажный дом, где мы поселились, стоял на краю деревни; Тот тихий августовский вечер, когда они гуляли с Катей по набережной, запомнился ему навсегда*. По традиции считается, что к ним должен ставиться вопрос со словом *какой*: *Какой мальчик? Какой дом? Какой вечер?* Но подобный подход совершенно игнорирует общую тенденцию, действующую во всех без исключения сложноподчиненных предложениях с анафорическими союзными словами: вопрос в них предлагает выяснение реального содержания этих слов. Если же эту тенденцию учесть, корректными следует признать только вопросы: *Кто сидел у окна? Где мы поселились? Когда они гуляли с Катей?* Не следует также упускать из вида, что некоторые сложноподчиненные предложения с придаточным определительным делают вопрос со словом *какой* совершенно бессмысленным. Так, вряд ли кто решится, анализируя высказывание *В эту минуту в дверь вошел мой отец, который отлучался на несколько минут в магазин*, спросить: *какой отец?*

Сложноподчиненные предложения с придаточными синсемантическими распадаются на две неравновеликие группы. Первую группу, немногочисленную по объему, образуют предложения, в которых придаточное может быть только синсемантическим: это

придаточное определительное и придаточное места. Ко второй группе относятся сложноподчиненные предложения (их большинство), в составе которых синсемантическое придаточное может чередоваться с автосемантическим придаточным, хотя и неодинаково свободно. С максимальной степенью свободы эти два вида придаточных чередуются в рамках сложноподчиненных предложений, выражающих причинно-следственные отношения, о чем свидетельствует факт существования большого набора коррелирующих союзов и союзных слов: *потому что — почему, оттого что — отчего, благодаря тому что — благодаря чему, вследствие того что — вследствие чего, в результате того что — в результате чего* и т.д. В тех случаях, когда реализуется автосемантическое придаточное, актуализуется значение причины и, наоборот, употребление синсемантического придаточного связано с актуализацией значения следствия. Иначе говоря, указанные придаточные здесь оказываются функционально обратимыми. Ср. *Из-за того что он заболел, ему пришлось пропустить несколько занятий кружка — Он заболел, из-за чего ему пришлось пропустить несколько занятий кружка; Вследствие того, что прошли сильные дожди, дороги оказались размытыми — Прошли сильные дожди, вследствие чего дороги оказались размытыми*. В сложноподчиненных предложениях, выражающих временные отношения, чередование двух видов придаточных имеет др. основания. Предложения с придаточным автосемантическим предполагают наличие центра временной ориентации именно в этом придаточном, а предложения с придаточным синсемантическим располагают его в главной части предложения. Ср. *Когда еще стояла глубокая ночь, (в это время) мы начали собираться на рыбалку — Еще сто-*

яла глубокая ночь, когда (в это время) *мы начали собираться на рыбалку; Когда уже шла посадка в вагоны,* (в это время) *Вера появилась на перроне — Уже шла посадка в вагоны, когда* (в это время) *Вера появилась на перроне.* В других сложноподчиненных предложениях чередование автосемантического и синсемантического придаточных не носит системного характера.

Интерпретация синсемантического придаточного исторически менялась. Одно время его трактовали как придаточное присоединительное. Позднее, однако, стало ясно, что такая трактовка допустима лишь в условиях разрыва синтаксических связей, сигналом чего является наличие частицы *и*: *А равно Б, что и требовалось доказать; Он ничего не сказал нам об этом, почему и возникла вся неразбериха.* В остальных случаях присоединение как таковое отсутствует, в связи с чем синсемантическое придаточное квалифицируют как предложение с «вмещающим» значением, т.е. как отсылающее к предикативному центру главной части («Русская грамматика — 1980»).

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, ставившего во главу угла анализ комбинаторики слов и их форм. Использовался в рамках формально ориентированной лингвистики. С переориентацией синтаксических исследований на изучение содержательных особенностей высказывания, находящихся то или иное формальное выражение, синтагматический синтаксис утратил свое значение, и соответствующий термин в русистике сейчас основательно забыт.

Лит.: Грамматические категории и единицы. Синтагматический аспект. Владимир, 1995; Седелников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения

синтагматических и парадигматических отношений // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 3.

СИНТАКСЕ́МА. В некоторых концепциях форма слов, рассматриваемая как носитель элементарного смысла в русском синтаксисе. Например, в предложении *Отец рубил топором дрова* выделяются четыре синтаксемы — одна глагольная, именующая действие, и три именные, обозначающие деятеля, объект воздействия и орудие действия.

Лит.: см. «Синтаксис».

СИНТАКСИС (греч. *syntaxis* «составление, связывание»). 1. Раздел грамматики, представление о предмете которого до сих пор остаются недостаточно определенными. Первоначально русистика, как и западноевропейская наука, рассматривала в качестве предмета синтаксиса только предложение. Однако позднее, когда обострился интерес к принципам образования конструктивного состава предложения из соответствующего лексического материала, А.А. Шахматовым было произведено своеобразное удвоение предмета этой науки, и синтаксис стал рассматриваться как учение о предложении и словосочетании. Эта идея благодаря авторитету В.В. Виноградова, поддержавшего ее, нашла широкое распространение в русистике, получив выход в вузовскую, а затем и в школьную грамматику. Более того, она стала толчком для последующего умножения числа синтаксических единиц, перечисление которых считается обязательным при ответе на вопрос: «Что такое синтаксис?» В разное время разными авторами к числу таких единиц, кроме предложения и словосочетания, были отнесены сложное предложение, сложное синтаксическое целое (или текст в целом) и синтаксические формы слова

(синтаксемы). Сейчас положение дел существенно изменилось. Постепенно вызрела мысль, что рассмотрение в одном ряду явно нерядоположных явлений (целых единиц, их частей и объединений целых единиц) столь же некорректно, как некорректно, скажем, высказывание: «Люди, их носы и уши, супружеские парочки и целые группы людей посинели от холода». Наиболее яркое воплощение эта мысль нашла в тезисе И.П. Распопова: «В синтаксисе все вращается вокруг предложения», из которого следует, что единственным предметом синтаксиса является предложение. Что же касается других синтаксических единиц (действительно существующих!), они как феномены иного ранга должны учитываться лишь при анализе предложения в том или ином его аспекте. Таким образом, русистика в данном случае еще раз подтвердила корректность старой констатации: истина, отвергнутая на одном этапе познания, может быть принята на его последующем этапе.

2. Синтаксический строй языка, в нашем случае русского.

3. Учение о синтаксических потенциях отдельных частей речи или грамматических категорий. (Допустимо, напр., говорить о синтаксисе имени существительного, синтаксисе категории вида и т.д.) Однако в этом значении русистика (в отличие от западноевропейской традиции) термин практически не использует.

4. Вариант или раздел синтаксиса, изучающий синтаксический строй языка или определенные синтаксические явления в том или ином аспекте. Ср. динамический синтаксис, статический синтаксис, коммуникативный синтаксис, исторический синтаксис и т.д.

Лит.: Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Валги-

на Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958; Он же. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. Т. II. Ч. 2. М., 1954; Грамматика русского языка. Т. 2. М., 1960; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989; Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928; Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962; Овсянко-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика: В 2 т. Т. II. М., 1980; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994; Щулин В.В. Избранные труды по языкознанию. I. История изучения сложных предложений. II. Сложноподчиненные предложения в теоретическом осмыслении. Липецк, 2004.

СИНТАКСИС ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Раздел синтаксиса, изучающий устройство и функционирование предложения.

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Раздел синтаксиса, изучающий содержательные и формальные особенности простого предложения.

СИНТАКСИС СЛОВСОЧЕТАНИЯ. Раздел синтаксиса, ориентированный на изучение словосочетания.

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Раздел синтаксиса, изучающий содержательную и формальную организацию сложного предложения.

СИНТАКСИС ТЭКСТА. Раздел синтаксиса, изучающий характер связей и отношений предложений в составе текста.

СИНТАКСИС ФОРМЫ СЛОВА. В некоторых концепциях аспект синтаксиса, изучающий формы слова, во-первых, как компонент формально-грамматического строя предложения и, во-вторых, как компонент его семантической структуры.

СИНТАКСИС ЧАСТЕЙ РЕЧИ. Раздел синтаксиса, ориентированный на изучение синтаксических потенциалов слов, относящихся к разным частям речи (ср. синтаксис глагола, синтаксис существительного, синтаксис прилагательного и т.д.).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ. Производность одних синтаксических единиц от других. Понятие, появившееся под несомненным влиянием генеративной лингвистики Н. Хомского, одно время получило распространение в русистике (напр., в работах В.С. Юрченко). В настоящее время практически не используется.

Лит.: Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 2; Москальская О.И. Синтаксическая парадигматика и синтаксическая деривация // Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978; Мурзин Л.Н., Шариня О.М. Деривация структур сложноподчиненных предложений в русском языке. К проблеме совмещения предложений. Пермь, 1971; Урысон Е.В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // ВЯ. 1996.

№ 4; Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ. Грамматическая категория, выражаемая синтаксическими средствами. Содержание термина точно не определено. Например, В.В. Виноградов, выделяя синтаксические категории модальности, времени и лица, подчеркивал, что они опираются на соответствующие морфологические категории, но ими не исчерпываются, т.е. употреблял термин синтаксическая категория в том смысле, который позднее стали вкладывать в термины функционально-семантическая категория или функционально-семантическое поле. Предпочтительнее называть синтаксическими категориями утверждения/отрицания, целевого назначения, актуального членения и им подобные.

Лит.: Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975; Канонич С.И. Принципы типологии контекстных грамматических категорий // ВЯ. 1984. № 1; Ломтев Т.П. Структура и парадигматика предложений на основе свойств грамматической категории модальности // Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 341. М., 1969; Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения. XII–XIII. М., 1984; Тураева З.Я. Лингвистика текста и категория модальности // ВЯ. 1994. № 3.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНДЕНСАЦИЯ. Пропуск антецедента при наличии относительного слова в придаточной части сложноподчиненного предложения. Так, в высказывании *Кто в клетке зачат, по клетке плачет* (В. Евтушенко) отсутствует антеце-

дент — местоимение *тот*, близкое по значению к выделительной частице.

Лит.: Падучева Е. В. Местоимение ЭТО с предметным антецедентом // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981; Радзиевская Т. В. Анафорические имена с антецедентом-высказыванием // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1979. № 2.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ. Выражение в процессе речетворчества содержательных звеньев предложения соответствующими языковыми средствами. Различаются два основных вида синтаксической номинации: *эксплицитная* и *имплицитная*.

Лит.: Жданович Л. М. К вопросу об имплицитных звеньях в сложных синтаксических конструкциях причинного типа // Науч. труды Тюменского ун-та. № 43. Вопросы синтаксиса современного русского языка. Тюмень, 1977; Колосова Т. А. Имплицитные сложные предложения с контактирующими скрепами // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980; Она же. О сигналах неразвернутости некоторых имплицитных сложных предложений // Синтаксис предложения. Калинин, 1983; Лисоченко Л. В. Высказывания с имплицитной семантикой. Ростов-н/Д, 1992; Матевосян Л. Б. Имплицитные смыслы высказывания в рамках диалогического единства // НДВШ. Филологические науки. 1996. № 3; Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Чернова С. В. Эксплицитный и имплицитный смысл конструкций // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ. Место, занимаемое полнозначительным словом в микроструктуре предложения, т.е. «типовое, воспроизводимое отношение одной структур-

ной части предложения (полнозначительного слова) к другим» (Б.Н. Головин).

Лит.: Головин Б. Н. Морфология и синтаксис языка в их отношении к парадигматике и синтагматике // Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА. Значимая сторона синтаксических единиц (предложений и их составляющих). Противопоставляется смыслу, формирующемуся на основе языковой семантики и информации, которая поступает от разного рода факторов, сопутствующих речевому акту. У некоторых авторов термины «семантика» и «смысл» неоправданно употребляются как синонимы.

По давней традиции, идущей от семиотики Ч.У. Морриса, семантика рассматривается в составе триады: синтаксис, семантика и прагматика, члены которой трактуются как непересекающиеся явления. В настоящее время русистика сделала шаг в сторону от старых канонов: лишь немногие из языковедов позволяют себе противопоставлять семантическое синтаксическому, забывая о том, что синтаксис не только форма, что он столь же семантический, как лексика и морфология. Теперь на очереди — реформирование терминов «семантика» и «прагматика». Приспела пора прямо заявить, что речь и там и тут одинаково идет о явлениях содержательного плана, т.е. семантических. Надо лишь учитывать, что в одном случае мы имеем дело с номинативной семантикой, отражающей видение мира языком, а в другом — с семантикой прагматической, представляющей собой комментарий говорящего к собственному речевому произведению.

Лит.: Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. М., 2001.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ. Сочетаемость слов, частей сложного предложения и предложений в тексте. Противопоставляется сочетаемости языковых единиц других уровней (аллофонов и алломорфов).

Лит.: см. «Валентность».

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА. Раздел стилистики, представляющий собой учение о выразительных свойствах синтаксических конструкций и возможностях их синонимического использования.

Лит.: Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка. Вып. 2. Ульяновск, 1976; Синтаксис и стилистика. М., 1976; Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980; Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. М., 1973; Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М., 1978.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФОРМА СЛОВ. То же, что синтаксема.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ. Выполняемая синтаксическими единицами роль в построении коммуникативной единицы — предложения, которая может быть внешней, ориентированной на выражение отношений реальной действительности (ср. функции предложений различных типов), и собственно языковой, строительной, технической (ср. функции согласовательных категорий прилагательного и глагола). Синтаксическая функция противопоставлена значению: языковые средства с одним и тем же значением могут выполнять разные функции, а одна и та же функция может быть реализована языковыми средствами с разными значениями. Например, существительное в форме именительного падежа со значением независимого грамматического предмета способно функциониро-

вать и как подлежащее, и как именная часть сказуемого. И, наоборот, в функции подлежащего используются различные по своему значению формы слов.

Лит.: Аругюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста (Виноградовские чтения). М., 1982; Гехтляр С. Я. Русский инфинитив. Категориальная характеристика, функционирование. СПб., 1996; Кравчук И. А. О грамматической функции порядка слов в тексте // РЯНШ. 1971. № 6; Красильникова Е. В. Имя существительное в русской разговорной речи. Функциональный аспект. М., 1990; Магомедов Г. И. О функции предлога в словосочетании // РЯНШ. 1975. № 3; Никитина Э. Г. Временные функции глагола в придаточных предложениях (о времени абсолютном и относительном) // НДВШ. Филологические науки. 1966. № 4; Падучева Е. В. Значение и синтаксические функции слова ЭТО // Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982; Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Сб. научных трудов. Елец, 2002; Рогожникова Р. П. Текстобразующие функции частицы *a vot* // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Сильницкий Г. Г. Функциональная характеристика именного сказуемого (в сопоставлении с глагольным) // Studia grammatyczne, IV: Prace Instytutu języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź, 1981; Стародумова В. А. О релятивных свойствах частиц (синтаксические функции частицы *именно*) // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1981; Шаймиев В. А. Об иллокутивной функции метатекста (Перечитывая А. Вежбицку) // Русистика. Лингвистическая парадигма конца XX века. Сб. статей в честь проф. С. Г. Ильенко. СПб., 1998; Языковые единицы логика и семантика, функции и прагматика. Таганрог, 1999.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ. У некоторых авторов (А. В. Кравченко, Г. А. Волохиной, З. Д. Поповой и

др.) осмысленные и классифицированные человеком виды реальных отношений, стоящие за структурными схемами простого предложения.

Лит.: Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 2003; Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Изв. РАН. 2001. № 5.

СИНТАКСИЧЕСКИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СЛОВА. У некоторых авторов общее название местоименных слов, вводных элементов, частиц (*поэтому, следовательно, тем не менее, значит, все же* и т.д.), принимающих участие в дифференциации синтаксических отношений, устанавливаемых между членами простых предложений, частями сложных предложений и самостоятельными предложениями в тексте: *Он очень торопился и тем не менее опоздал; Автобус, как это часто бывает, задержался, поэтому нам пришлось добираться туда пешком; Все было сделано вовремя и как следует. Значит, теперь оставалось лишь ждать результатов.*

Лит.: Русская грамматика/ В 2 т. Т. II. М., 1980.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Отношения, устанавливаемые между означаемыми слов, частей сложного предложения и самостоятельных предложений в тексте и выражаемые посредством разного рода синтаксических связей. Синтаксические отношения (как явления плана содержания языка), с одной стороны, и синтаксические связи (как явления плана выражения языка), с другой, в полном согласии с законом асимметрического дуализма языкового знака С. Карцевского не имеют одно-однозначных соответствий. Поэтому одни и те же отношения выражаются разными

видами связей (напр., сочинительные отношения передаются и союзной сочинительной связью, и связью бессоюзной), а один и тот же вид связей способен манифестировать разные виды отношений (напр., бессоюзная связь выражает и сочинительные, и подчинительные отношения).

Синтаксические отношения многовариантны. Иерархически вершинным является противопоставление подчинительных и сочинительных отношений, которые, в свою очередь, подразделяются на ряд разновидностей. За пределами этого противопоставления остаются предикативные, пояснительные и аппозитивные отношения, статус которых не совсем очевиден.

Теория синтаксических отношений в русистике разработана крайне слабо, и это обстоятельство имеет ряд нежелательных последствий. Сплошь и рядом синтаксические отношения упоминаются лишь попутно с синтаксическими связями, и специальные разделы, посвященные синтаксическим отношениям, в научных работах и учебных пособиях отсутствуют. Кроме того, термины, прилагаемые к синтаксическим отношениям, обыкновенно дублируют термины, относящиеся к синтаксическим связям (ср. подчинительные отношения и подчинительные связи, предикативные отношения и предикативные связи, пояснительные отношения и пояснительные связи), что дезориентирует исследователей, создавая у них представление о полном параллелизме совершенно разных языковых феноменов.

Лит.: см. «Предложение».

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ. Связи, устанавливаемые между словами, частями сложных предложений и самостоятельными предложениями в

тексте посредством специальных реляционных показателей: союзов, союзных слов, аналогов союзов, морфологических квалификаторов слова, интонации и т.д.) и служащие для выражения синтаксических отношений. В силу закона асимметрического дуализма языкового знака (С. Карцевский) в сфере синтаксических связей (как явлений плана выражения) и синтаксических отношений (как явлений плана содержания) однозначные соответствия отсутствуют. Одна и та же связь может служить средством внешнего обнаружения нескольких видов отношений (напр., бессоюзная связь выражает и подчинительные, и сочинительные отношения), а одни и те же отношения могут выражаться разными видами связи (напр., сочинительные отношения передаются и сочинительной связью, и бессоюзной).

Теория синтаксических связей в русистике разработана фрагментарно, и обобщающих работ, относящихся к данной сфере языковой онтологии, естественно, нет. По этой причине систематизация синтаксических связей на разных уровнях синтаксической системы осуществляется по-разному. Так, в сложном предложении различаются прежде всего союзная и бессоюзная связи, а затем первая подразделяется на подчинительную и сочинительную. Наоборот, в рамках простого предложения, где реализуются и союзная, и бессоюзная связи, иерархически верхним признается противопоставление подчинительной и сочинительной связей, каждая из которых, в свою очередь, дифференцируется по нескольким основаниям. При таком подходе к проблеме обнаруживается солидный остаток – несколько видов связей, статус которых не вполне ясен (ср. предикативную связь, которую многие исследователи отказываются отождествлять

и с сочинительной, и подчинительной связями; пояснительную связь, которую сближают то с сочинительной, то с подчинительной связью; аппозитивную связь, которую без должных оснований считают разновидностью подчинительной связи).

Лит.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980; Апресян Ю.Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского языка // Словарь. Грамматика, Текст. М., 1996; Белошапкова В.А. Изоморфизм в синтаксических связях падежных форм и придаточных частей // Исследование по славянской филологии. М., 1974; Буланин Л.Л. Об управлении в русском языке // Уч. зап. Тартуского ун-та, 1975; Вронская А.А. Синтаксические связи в бессоюзных сложных предложениях // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 1; Севолодова М.В. О некоторых вопросах управления // РЯЗР. 1978. № 3; Горбачевич К.С. О норме и вариативности на синтаксическом уровне (колебания в формах управления) // ВЯ. 1977. № 2; Демидова А.К., Назарян А.Г. Управление глаголов в русском и французском языках. Русско-французские эквиваленты глагольно-именных словосочетаний. М., 1977; Жданова О.П. О месте присоединительной связи в ряду других синтаксических отношений // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976; Камынина А.А. О синтаксической связи деепричастия в современном русском языке // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980; Кручина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988; Она же. Текстобразующие функции сочинительной связи // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. Виноградовские чтения. Т. XII–XIII. М., 1984; Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Кузьмина Г.В. Синтаксические функции обобщенных слов в предложении с однородными членами и обобща-

ющими словами // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 96. Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1971; Ларина Е. А. Изменения семантической структуры сочинительной связи в сложном предложении // Актуальные проблемы сложного предложения. Тверь, 1993; Левицкий Ю. А. Система синтаксических связей. Пермь, 1992; Лосева Л. М. К изучению межфразовых связей // РЯШ. 1967. № 1; Мецлер А. А. Структурные связи в тексте. Кишинев, 1987; Мирошниченко О. Ф. Управление в кругу лингвистических проблем // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Мухин А. М. Аппозитивная связь в структуре предложения // Исследование по славянской филологии. М., 1974; Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987; Покусаенко В. К. Роль лексических элементов в установлении структурно-семантической связи между компонентами бессоюзного сложного предложения // Семантическая структура предложения Ростов н/Д, 1978; Прияткина А. Ф. Об одном частном случае вторичных союзных связей // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974; Прокорович Н. Н. и др. Именное и глагольное управление в современном русском языке: Учебное пособие для студентов-иностранцев. М., 1975; Ревзин И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие «грамматической правильности» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1975; Рубцова В. А. Вариантное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием *не* // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998; Сильман Т. И. Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца // Филологические науки. 1965. № 2; Служебные слова и синтак-

сические связи. Владивосток, 1985; Скобликова Е. С. Согласование и управление в современном русском языке. М., 1971; Чикина Л. К. К вопросу об управлении в русском языке // Русский язык. М., 1975; Уханов Г. П. Синтаксические связи в сложных полипредикативных предложениях // Предложение как многокомпонентная единица языка. М., 1984; Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозиционных предложений). М., 1996; Чеснокова Л. Д. Связи слов в современном русском языке. М., 1980; Шаляпина З. М. Межфразовые связи как способ реализации валентностей // Аспекты изучения текста. М., 1981; Щеглин В. В. Подчинение как тип связи между компонентами сложноподчиненного предложения // Изв. Воронежского пед. ин-та, 1975. Т. 141; Эльзбута Ю. К вопросу об управлении как синтаксическом факторе // Вопросы лексики и синтаксиса. Шяуляй, 1974.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ. Понятие, покрываемое этим термином, весьма зыбко и неопределенно, поскольку разные исследователи руководствуются при выделении синтаксических синонимов разными критериями. Чаще всего к числу синонимических относят предложения, в составе которых компоненты являются разнооформленными и вместе с тем предполагают определенное сходство лексического выражения (на основе существующих словообразовательных отношений): *На улице дождь — На улице дождит — На улице дождливо; Она грустит — Она грустна — Ей грустно.* Кроме того, в некоторых синтаксических описаниях говорят о синонимичности словосочетаний (или второстепенных членов предложения): *заявить гордо — заявить с гордостью.*

Лит.: Брицын В. М. Сопоставительное исследование синтаксических си-

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ

нонимов в русском и украинском языках. Киев, 1980; Зайцев Л. В. О синонимии активных и пассивных конструкций в русском языке // Уч. зап. Ивановского пед. ин-та. Т. 59: Русский язык. Литература. Иваново, 1970; Зинченко Т. Н. О синтаксической синонимии условных конструкций // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. М., 1973; Козлова Т. И. Сходство и различие сложных предложений с временным значением, составляющих синонимический ряд // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. 1970. № 353; Лисоченко Л. В. Синонимичность синтаксически связанных конструкции с повторами // Синтаксические связи и отношения. Ростов на/Д, 1972; Назикова Е. А. Синонимия сложносочиненных предложений, выражающих временные отношения // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971; Она же. Открытость/закрытость структуры и синонимия сложных предложений // Синтаксис сложного предложения. Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 220. Воронеж, 1982; Пелих В. М. О синонимичности сложноподчиненных предложений со структурно значимым местоимением это в главной части и других типов синтаксических единиц // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка. Ростов н/Д, 1973; Одинцова М. П. Об обусловленности синонимии сложноподчиненных конструкций, конструкций с однородными сказуемыми и конструкций, содержащих деепричастия, их конструктивно-грамматические оппозиции в современном русском литературном языке // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 30. 1972; Цейтлин С. Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М., 1976; Чесноков П. В. Два аспекта синонимии предложений // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ. Интонация: а) оформляет высказывание как целостную единицу речи, выражая при этом его целевое назначение, а также наличие или

отсутствие эмоциональной оценки сообщаемого; б) эксплицирует совместно с другими языковыми средствами состоявшееся тема-рематическое (актуальное) членение предложения; в) дифференцирует характер отношений между частями бессоюзного сложного предложения; г) сигнализирует редукцию того или иного формального элемента в неполных или эллиптических предложениях; д) фиксирует разрыв цепи синтаксических отношений в предложениях при условии ввода в него пояснений, добавочных сообщений или в случае незаконченности высказывания.

Лит.: Синтаксис и интонация. Вып. II. Уфа, 1973; Вып. III. Уфа, 1976; Черемисина Н. В. Из наблюдений над ритмико-интонационной правкой в процессе авторедактирования // Синтаксис и интонация. Вып. II. Уфа, 1973; Шустикова Т. В. О соотношении синтаксической, интонационной и смысловой незавершенности/завершенности в русском языке (семантико-грамматический анализ) // Синтаксис простого и сложного предложения. МГУ, 1973.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ НУЛЬ. Синтаксическая позиция, не замещаемая специальным знаком и опознаваемая коммуникантами благодаря посредничеству других знаков, контекста и ситуации. Иногда различают парадигматический ноль и синтагматический ноль. О парадигматическом нуле говорят применительно к незамещенной синтаксической позиции, когда ее содержание раскрывается на основе парадигматических соответствий данной структуры с другими структурами (как в случае нулевой формы связки *быть*). Соответственно синтагматический ноль усматривают в явлениях редукции языкового знака в неполных и эллиптических предложениях.

Лит.: Адмони В. Г. Нулевая связка, связочный глагол и грамматика зависимостей // ВЯ. 1983. № 5; Белошапкина В. А. О семантическом изоморфизме нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; Йомдин Л. Л. Нулевые и инфинитивные подлежащие в русских страдательных конструкциях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Крылова О. А., Красина Е. А. Понятие нулевой темы и синтагматическая зависимость-независимость высказываний // Синтаксис и стилистика: функциональный аспект. М., 1982; Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л., 1974; Сковородников А. П. К вопросу о синтаксическом нуле // Проблемы русского языка и его методики. Красноярск, 1972; Ханс Роберт Мелиг. Оппозиция «есть vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: Сопоставление с существующей конструкцией // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004; Шустова Ю. В. Роль контекста при анализе СПП с нулевой формализацией подчинения (СПП со значением потенциальной обусловленности) // Сб. статей по языкознанию к 70-летию профессора В. В. Щулина. Ч. II. Липецк, 1997.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ (греч. *parallelos* «находящийся или идущий рядом»). Симметричное расположение грамматически значимых элементов в соседних высказываниях текста (преимущественно поэтического). Примером синтаксического параллелизма (давно уже ставшим хрестоматийным) может служить текст одного из стихотворений

А. Блока, в котором высказывания развертываются в одной и той же линейной последовательности (обстоятельство места — глагольное сказуемое — подлежащее):

Но в камине дозвенели

Угольки.

За окошком догорели

Огоньки.

И на выюжном море тонут

Корабли.

И над южным морем стонут

Журавли...

Лит.: Солганик Г. Я. О параллельной синтаксической связи между самостоятельными предложениями // РЯШ. 1967. № 2; Файзуллаев Б. Ф. К вопросу о структурном параллелизме в сложном предложении (открытые структуры с сопоставительными отношениями) // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1979.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ РАЗБОР.

Осуществляемый в учебных целях анализ словосочетаний, предложений и других синтаксических единиц. Предполагает использование определенных процедур, выстраиваемых в определенной последовательности.

Лит.: Домашенкина Г. П., Иванова Т. Б. Грамматический разбор в вузе и школе. М., 1974; Пешковский А. М. О грамматическом разборе // Избр. труды. М., 1959.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ.

Устойчивая, лексически не изменяемая структура типа *Что такое? Что так? Как же так?* Термин предложен Н. Ю. Шведовой.

Лит.: Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // ВЯ. 1958. № 2.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ.

Синтаксическая категория, выделяемая вслед за В. В. Виноградовым авторами «Русской грамматики — 1980» и рассматриваемая как одно из средств

формирования предикативности. Считается, что для ее выражения используются морфологические формы времени, некоторые частицы и грамматически значимый порядок расположения главных членов предложения. Наличие синтаксического времени в таком ее понимании признается далеко не всеми исследователями.

Лит.: Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЛИЦО. Выделяемая В.В. Виноградовым синтаксическая категория, которая выражается отчасти морфологическими, отчасти неморфологическими средствами. Рассматривается как необходимый составной элемент более общей категории предикативности. Представлений В.В. Виноградова о синтаксическом лице многие лингвисты не разделяют.

Лит.: Виноградов В. В. Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975; Клобуков Е. В. Семантическая категория лица и строение поля личности (персональности) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. М., 1998; Федоров В. А. Семантические типы неопределенного лица и способы их выражения в простом предложении (на материале русского, немецкого, английского, польского и французского языков) // Очерки по русско-немецкой контрастивной лингвистике. Воронеж, 1995.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ НАКЛОНЕНИЕ. Синтаксическая категория, выделяемая в «Русской грамматике — 1980» и рассматриваемая как одно из средств формирования предикативности. Различаются синтаксический индикатив, несущий объективно-модальные значения реальности: *Люди счастливы — Люди были счастливы — Люди будут счастливы*, и синтаксичес-

кие ирреальные наклонения, выражающие объективно-модальные значения ирреальности: *Люди были бы счастливы — Пусть бы люди были счастливы! — Пусть люди будут счастливы!* Большинство лингвистов этих представлений о синтаксическом наклонении не разделяют.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ. Понятие, не получившее в синтаксической науке однозначной интерпретации. Различаются поля предложений как отдельных языковых типов (Г.А. Золотова), поля структурных классов предложений (В.В. Щеулин), функционально-семантические поля (В.Г. Адмони, Р.М. Теремова, В.Е. Евтюхин), конструктивно-синтаксические поля (Г.Д. Фигуровская и др.). Связь между этими видами полей не просматривается, что, возможно, объясняется не критическим переносом понятия «функционально-семантическое поле» из функциональной морфологии в синтаксис.

Лит.: Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Фигуровская Г. Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозиционных предложений). М., 1996; Щеулин В. В. Избр. труды по языкознанию. I. История изучения сложных предложений. II. Сложноподчиненные предложения в теоретическом осмыслении. Липецк, 2004.

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Членение, предполагающее разграничение грамматического центра (подлежащего и сказуемого или одного главного члена в односоставном предложении) и грамматической периферии (определения, допол-

нения и обстоятельства). Противопоставляется актуальному членению.

Лит.: см. «Простое предложение».

СИНТА́КТИКА. Раздел семиотики, изучающий сочетаемость знаков.

СІ́НХИЗИС. Возможность двоякой интерпретации синтаксических связей в высказывании, возникающая как результат инверсии словоупотребления. Так, в известном высказывании А. Пушкина *Он из Германии туманной Привез учености плоды...* определение *туманной* относят иногда не к существительному *учености*, как предполагал сам автор, а к существительному *Германии*.

СИРКОНСТА́НТ. В вербоцентрической теории Л. Теньера член предложения, называющий место, время, способ совершения и др. обстоятельства реализации глагольного действия. Сирконстант противопоставляется актанту.

Лит.: Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Пер. с фр. М., 1988.

СИТУА́НТ. У некоторых авторов (О.Б. Сиротининой и др.) факультативный член предикативной единицы, включенный в нее как свободный элемент, не входящий в состав какого-л. словосочетания и не соотносительный с какой-л. определенной семантической моделью. Ситуант указывает на различные обстоятельства: время, место, причину и т.д.: *Поздно вечером он присел к столу и принялся за дело; В городе было неспокойно; Из-за сильных дождей все дороги размыло.* Другие авторы (Шведова Н.Ю., Ковтунова И.И.) ситуанты специально не выделяют, считая их обстоятельственными детерминантами.

Лит.: Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М., 1980; Ковтунова И.И. Современный рус-

ский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Шведова Н.Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 1; Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.

СИТУАТИ́ВНАЯ КУЛІ́СА. Пространственно-временные параметры описываемой ситуации, которые выражаются посредством так называемых рамочных детерминантов: *Вчера в лесу было холодно и сыро.* Если содержание кулисы определяют координаты *здесь* и *сейчас*, она обыкновенно вербального выражения не получает. Вместо этого термина иногда используют термин М.М. Бахтина «хронотоп ситуации».

Лит.: Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; Он же. Эстетика словесного творчества. М., 1986; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Пространственно-временная локализация как суперкатегория предложения // ВЯ. 1989. № 3; Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982; Всеволодова М.В., Деметьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997.

СИТУАТИ́ВНОЕ НЕПО́ЛНОЕ ПРЕДЛОЖЕ́НИЕ. Высказывание, формальная неполнота которого преодолевается за счет информации, идущей от ситуации. Так, неполное высказывание *Идет* может быть истолковано в соответствии с конкретной ситуацией как *Идет трамвай; Идет дождь; Согласен.*

Лит.: см. «Неполное предложение».

СИТУАТИВНО-ПРЕДМЕТНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ. Подлежащее, именуемое опредмеченную ситуацию (небазисную пропозицию). Этот вид подлежащего могут выражать:

анафорические местоимения *это, что, такое* и слова *факт, случай, событие, вещь*, отсылающие к ранее упомянутой ситуации: (*Партизаны простреливали только деревенскую площадь*). *Вероятно, это был просчет Старкова* (С. Абрамов); (*Ты тогда мне не помог*). *Этот случай мной не забыт* (Из газет);

придаточные изъяснительные, занимающие позицию подлежащего: *Известно, что слоны в диковинку у нас* (Крылов); *Было просто чудом, что его за это время не высмотрел какой-нибудь случайный рыбак* (Л. Шорохов);

инфинитив: *Гостя не приветит* — *грех большой* (В. Гладкий); *Понять значит простить* (Чехов);

девербативные и — реже — деадъективные существительные: *Извержение вулкана — всегда событие* (В. Песков); *К этому времени терпеливость ее мужа стала притчей во языцех* (Из газет).

Ситуативно-предметное подлежащее противопоставляется собственно-предметному подлежащему. Это противопоставление носит абсолютный характер, и тем не менее оно знает случаи формального компромисса. В устно-разговорной (и имитирующей ее художественно-публицистической) речи ситуативно-предметное подлежащее (точнее — его репрезентант) может опускаться, и в его позиции употребляется подчиненное ему слово с собственно-предметным значением, часто меняющее косвенный падеж на именительный: *Фантастика (чтение фантастики) — моя страсть*; (*Вы собираетесь на дачу?*) *Дача (поехать на дачу) — это хорошо*. При восприятии такого рода высказываний обычно происходит мысленное (иногда даже несо-

знанное) восстановление редуцированных звеньев, толчком к которому является отсутствие семантического согласования (а иногда и формального) сказуемого с подлежащим (или точнее — с собственно-предметным словом, принявшим вид подлежащего).

Лит.: Всеволодова М. В., Дементьева О. Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложения. М., 1997; Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968. См. также «Подлежащее».

СКАЗУЕМОЕ (лат. *praedicatum* «предикат»). Главный член двусоставного предложения, специфику которого обыкновенно усматривают в том, что он обозначает признак предмета, названного в подлежащем. Эта дефиниция не вполне точна. Сказуемое действительно способно выражать признаки — как стабильные, так и процессуальные: *Воздух чист и свеж*; *Трещит лед на реке*. Но оно может содержать отсылку к предмету, который находится в тех или иных отношениях с предметом-подлежащим, указывать на сумму предметных измерителей последнего и т.д.: *Мельница была на горе*; *Пшеница — пять килограммов*. В связи с этим целесообразнее считать, что сказуемое осуществляет квалификацию подлежащего по тем или иным коммуникативно-значимым параметрам, набор которых конечен (см. **семантико-функциональные типы сказуемого**).

Строго говоря, такую квалификацию осуществляет не все сказуемое в полном объеме, а лишь его вещественный компонент. Что же касается второго — бытийного — компонента, он фиксирует существование (или, наоборот, несуществование) отношения «определяемое — определяющее», интерпретируя его как реальное или ир-

реальное, настоящее, прошедшее или будущее и т.д. В тех случаях, когда бытийный компонент получает раздельное выражение от вещественного компонента, реализуется составное сказуемое: *Он был по-прежнему спокоен; Мы начали работать*. При синкретичном выражении бытийного и вещественного компонентов, сказуемое соответственно предстает как простое глагольное: *Дует ветер; Волны бьются о берег*.

Вопрос о характере отношений сказуемого с подлежащим до сих пор остается дискуссионным. В XIX в. русистика исходила из того, что господствующее положение в предложении занимает подлежащее, которое подчиняет себе сказуемое (*Шахматов А.А., Пешковский А.М.*). Несколько позднее А.А. Дмитриевским была высказана мысль о главенствующей роли сказуемого. Эта мысль получила поддержку в рамках валентностного синтаксиса, представители которого вслед за Л. Теньером трактуют подлежащее как один из глагольных актантов. Сейчас все больше распространяется убеждение, что подлежащее и сказуемое обуславливают друг друга. Косвенным подтверждением этого соображения может служить давно замеченный факт семантического взаимосогласования главных членов, которые, по удачному выражению И.П. Распопова, «должны быть подготовлены к встрече друг с другом». Так, в высказываниях *Резные двери — их рук дело; Фантастика — моя страсть* подлежащее и сказуемое содержательно рассогласованы: двери не могут быть делом, а фантастика — страстью. Все, однако, становится на свои места, если мы учтем, что перед нами эллиптические построения, которые предполагают мысленное «восстановление» редуцированных формальных звеньев: *Изготовление*

резных дверей — их рук дело; Чтение фантастики — моя страсть.

Лит.: Авджан Ф. В. Нормы оформления препозитивного сказуемого при количественно-именном подлежащем // Науч. труды Куйбышевского пед. ин-та. Т. 163. Куйбышев, 1975; Акподжаниян А. А. Форма числа глагола-сказуемого в предложениях с подлежащим неопределенно-количественного значения // Уч. зап. Казанского пед. ин-та. Вып. 135. Казань, 1974; Валькова А. И. Особенности структуры и согласования смешанного сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Бельцкого пед. ин-та. Вып. 10. Бельцы, 1969; Величко А. В., Овчинникова Л. А. К вопросу о соотношении одноместной, двухместной и трехместной моделей предложения (на материале предложений с глаголами-сказуемыми семантики речи, передачи, отчуждения) // Филологические науки. 1973. № 3; Выгорбала А. Е. Предложения со сказуемым, выраженным «собственно-безличным» глаголом // НДВШ. ФН. 1960. № 2; Ермакова О. П. О взаимообусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке // Синтаксис и норма. М., 1974; Качала Я. Второе сказуемое и интенциональная структура // Языкознание в Чехословакии: Сб. статей 1956—1974 гг. М., 1978; Копров В. Ю. О динамическом моделировании простого повествовательного предложения с глагольным сказуемым // Русский синтаксис: Изд. Воронежского пед. ин-та. Т. 203. Воронеж, 1979; Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976; Мразек Р. Проблема сказуемого и его классификации // Sbornik praci filosoficke fakulty Brnenske university, rocn. VII. Rada jazykovedna. A. 6. Brno, 1958; Одинцова М. П. Об обусловленности синонимии сложноподчиненных конструкций, конструкций с однородными сказуемыми и конструкций, содержащих деепричастия, их конструктивно-грамматические оппозиции в современном русском литературном языке // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. Вып. 30. 1972; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956;

Распопов И. П. Структура простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Сильницкий Г. Г. Функциональная характеристика именного сказуемого (в сопоставлении с глагольным) // Studia grammaticzne, IV: Prace Instytutu języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981; Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. М., 1988; Черемисина М. И. Об «однородных сказуемых» // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981; Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994; Юрченко В. С. Сказуемое (на материале русского языка) // ВЯ. 1977. № 6; Ярцева В. Н. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Труды Военного института иностранных языков. 1947. № 3.

СКАЗУЕМОСТЬ. См. **теория сказуемости.**

СКРЭПА. 1. Лексико-фразеологическая единица, используемая для выражения отношений между частями текста. К числу наиболее типичных скреп относятся *итак; таким образом; между тем; однако; вместе с тем; так вот*. Термин в данном значении предложен Л. А. Булаховским.

2. У некоторых авторов (Черемисиной М. И., Колосовой Т. А.) общее название всех служебных слов (включая союзы), служащих для соединения частей сложного предложения.

Лит.: Колосова Т. А., Черемисина М. И. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987; Левицкий Ю. А. О маркерах и коннекторах // Семантика служебных слов. Пермь, 1982; Прияткина А. Ф. Скрепка-фраза (К изучению текстовых коннекторов) // Дни славянской культуры.

Материалы Всеросс. науч. конференции. Владивосток, 1998.

СКРЫТОЕ СОГЛАСОВАНИЕ. См. **согласование** (в 1-м знач.).

СЛАБАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Родовое наименование для слабого управления и слабого примыкания: *рассказ о поездке; рисовать маслом; идти молча; выйти покурить*. Термин может быть также использован при анализе сложных предложений, части которых относительно автономны.

Лит.: см. «Подчинительная связь», «Синтаксические связи».

СЛАБОЕ ПРИМЫКАНИЕ. Основная разновидность примыкания, не предполагающая обязательной связи господствующего компонента словосочетания с зависимым: *читать лежа; желание покрасоваться; город ночью*. Противопоставляется сильному примыканию, случаи которого редки.

Лит.: см. «Подчинительная связь», «Синтаксические связи».

СЛАБОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Разновидность управления, не предполагающая обязательной связи падежной или предложно-падежной формы имени с номинатором главного компонента: *рубить топором; стрельба из автомата; вред здоровью; внимательный к друзьям*. В последние десятилетия XX в. была предпринята малорезультативная попытка (Шведова Н. Ю.) сузить сферу слабого управления за счет отнесения ряда явлений, отличающихся минимальной спаянностью компонентов, к примыканию (см. **падежное примыкание**). Слабое управление вместе со слабым примыканием рассматриваются в последнее время как варианты слабой подчинительной связи.

Лит.: см. «Подчинительная связь», «Синтаксические связи».

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Обстоятельственные отношения, существующие в сложноподчиненных предложениях, придаточная часть которых называет ситуацию, являющуюся следствием реализации ситуации, выраженной в главной части: *Наш автобус не пришел, так что нам не оставалось ничего другого, как идти пешком; Прошли сильные дожди, из-за чего дороги стали непроезжими.* Отношения, близкие к следственным, выражаются также в сложносочиненных и бессоюзных предложениях (посредством анафорических местоимений *поэтому, оттого, благодаря этому* и т.д.): *Он очень долго болел, (и) оттого лицо его было необыкновенно бледным.*

Лит.: Бай дуж Л. М. Конструкции с союзом ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений: АКД. Томск, 1983; Бунина М. С. Сложные предложения с причинно-следственными отношениями между компонентами в языке произведений В.И. Ленина // Современный русский язык. Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 423. Москва, 1971; Назикова Е. А. Синонимия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, выражающих причинно-следственные отношения // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 126. Воронеж, 1972. См. также «Обстоятельство», «Обстоятельственное отношение».

СЛИТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **однородные члены предложения.**

СЛОВА́ АВТОРА (АВТОРСКИЕ СЛОВА́). Предложения (обыкновенно двусоставные, редко односоставные), посредством которых в речевое произведение включается чужая речь. Их назначение состоит в том, чтобы устанавливать сам факт чужой речи, идентифицировать говорящего, комментировать (в отдельных случаях) либо поведение говорящего, либо само чужое выска-

зывание. Закономерности реализации слов автора непосредственно зависят от избираемого способа передачи чужой речи.

Прямая речь использует слова автора широко и свободно. В составе соответствующих «вводящих» предложений употребляются глаголы говорения (*сказать, заметить, сообщить, проговорить* и др.), мысли (*подумать, решить*), восприятия (*услышать, уловить*), а также существительные (*известие, сообщение, слух, мысль*) и т.д. Важнейшей особенностью прямой речи в рассматриваемом отношении является то, что она позволяет редукцию всех перечисленных глаголов, которые как бы субституируются глаголами и глагольными словосочетаниями, обозначающими всякого рода сопутствующие речевому акту психические и физические реакции говорящего (*обидеться, приунуть, удивиться, улыбнуться, подмигнуть, поморщиться, всхлипнуть, пожать плечами, поднять брови* и т.д.): «Куда же вы?» – ужаснулся Старцев (Чехов); «Куда ты?» – встопылилась Василиса Ионовна (К. Паустовский); «Ну, это поправимо», – улыбнулся он (В. Набоков). Более того, в ряде случаев возможна полная редукция слов автора. Особенно наглядно это явление обнаруживается в диалогиках, как, скажем, в «Записках охотника» И. Тургенева:

- А прежде чем ты занимался?
- Прежде ездил кучером.
- Кто ж тебя из кучеров разжаловал?
- А новая барыня.
- Какая барыня?
- А что нас-то купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофеевна, толстая такая... немолодая.

Позиционно слова автора в прямой речи жестко не закреплены. Они могут предшествовать ей: *Один из них с ласко-*

вой и снисходительной усмешкой сказал нашей матери: «Не беспокойтесь, сударыня, все, даст Бог, обойдется...» (Бунин); разрывать ее: «Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?» (Пушкин); следовать за ней: «Дед, великаны!» — крикнул ему Егорушка, плача (Чехов); обрамлять ее: «Я только тогда выпрямился и подумал: «Зачем это отец ходит ночью по саду?» — когда опять все утихло (Тургенев). Иногда наблюдается явление, когда глагол говорения из состава слов автора перемещается непосредственно в прямую речь: *А он мне: «Ну, говорит, плавучий мост через реку строить!»* (Салтыков-Щедрин).

В косвенной речи слова автора реализуются с определенными ограничениями, которые состоят в следующем.

Во-первых, здесь заметно сокращается набор существительных, которые вводят прямую речь. В частности, невозможны существительные *шепот*, *бормотанье* и т.п.

Во-вторых, не разрешено замещение глаголов говорения, мысли, чувства глаголами, обозначающими всякого рода сопутствующие речевому акту реакции говорящего.

В-третьих, не допускается полная редукция слов автора.

В-четвертых, слова автора могут только предшествовать косвенной речи или обрамлять ее: *Успокойте же меня, приезжайте и скажите, что все хорошо* (Чехов); *Волынец не спросил, какое это было слово, и все в глубоком молчании возвратились в дом Дарьи Михайловны* (Тургенев).

В несобственно-прямой речи использование слов автора осуществляется в основном по тем же правилам, что и в косвенной речи. Однако они здесь менее строгие и допускают исключения. Например, в отдельных случаях несобственно-прямая речь мо-

жет вводиться и без слов автора: *А Ли-за глядела и хохотала! Ей какое было дело? Невежничали не мужчины, которых должна была она, женщина, стыдиться, а дамы!* (Чехов).

Лит.: Барлас Л. Г. Способы выражения авторской модальности в рассказах А. П. Чехова // Язык и стиль А. П. Чехова. Ростов н/Д, 1986; Якимец Н. В. Авторская модальность как фактор формирования семантики художественного текста (на материале «Театрального романа» М. А. Булгакова) // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 2. М., 1998. См. также «Косвенная речь», «Прямая речь».

СЛÓВО-ПРЕДЛОЖÉНИЕ. То же, что грамматически нечленимое предложение.

СЛОВОСОЧЕТА́НИЕ. Соединение двух и более знаменательных слов, по-разному интерпретируемое в зависимости от характера используемого исследовательского подхода.

При широком подходе, восходящем к идеям Ф. Ф. Fortunatova, словосочетание предстает как словесный блок, рассматриваемый безотносительно к типу связи, на основе которой он организован (эта связь может быть подчинительной: *строить дом; широкая река*; сочинительной: *хорошо и быстро; мать, а не дочь*, предикативной: *мальчик дремлет; она читает*) и к его объему (словосочетание может совпадать в конструктивном отношении с предложением: *С моря дул холодный ветер* и представлять собой лишь часть последнего: *дул с моря; холодный ветер*). Иначе говоря, с позиций широкого подхода словосочетаниями являются буквально все мыслимые комбинации слов, кроме предложно-падежных сочетаний типа *с моря; из-за дома; с братом*.

При узком подходе, восходящем к В. В. Виноградову, определение слово-

сочетания поставлено в зависимость от существенного ограничения, налагаемого на характер синтаксической связи, посредством которой сочленяются компоненты словосочетания. Эта связь должна быть подчинительной и односторонней. Соответственно за рамки словосочетания выводятся сочинительные комбинации слов: *река и лес; медленно, но верно* и предикативные: *лес шумит; река играет*. Во всех этих комбинациях узкий подход видит сочетания слов (в первом значении этого термина). Что же касается собственно словосочетаний, они интерпретируются как бинарные соединения словесных элементов, существенно различающихся по своему характеру: одни из них называют главный (ядерный, господствующий, подчиняющий) компонент словосочетания, другие – зависимый (подчиненный): *открыть дверь; письмо приятелю; желание отличиться; уверенный в успехе; крайне неприятно; быстрый в движении*. В составе понимаемых таким образом словосочетаний реализуются три вида синтаксических отношений – определительные, объектные и обстоятельственные, которые выражаются на основе синтаксических связей согласования, управления и примыкания.

Современная русистика в основном усвоила узкий подход к словосочетанию, концентрирующий внимание на присловных связях лексических единиц. Вместе с тем ряд положений теории В.В. Виноградова был пересмотрен (либо находится сейчас в стадии пересмотра).

В.В. Виноградов, предельно сблизивший словосочетание со словом, полагал, что словосочетания, во-первых, относятся, как и слова, к разряду номинативных средств языка и тем са-

мым вместе с ними противопоставляются предложению – единице коммуникативной; во-вторых, образуют особый уровень в языке, существующий до предложения (опять-таки подобно словам); в-третьих, называют (снова по аналогии со словами!) одно, хотя и расчлененное понятие. Эти констатации к настоящему времени отвергнуты если не всеми, то подавляющим большинством синтаксистов. Как выяснилось, словосочетания противопоставляются предложению по линии некоммуникативность/коммуникативность, а не по линии номинативность/коммуникативность, поскольку предложения также обладают определенным номинативным потенциалом (именуют те или иные ситуации). Установлено, далее, что никакого особого уровня в языке словосочетания не образуют. Они не существуют до предложения, как предполагалось, а представляют всего лишь операционные единицы, извлекаемые с помощью специальных исследовательских приемов из предложения и рассматриваемые как бы в отрыве от него в целях анализа разных видов валентности, на базе которых слова и соединяются друг с другом.

В реальной речи словосочетания самостоятельно не употребляются (если не считать разного рода газетных и книжных заголовков). И, наконец, все больше сторонников приобретает мысль, что словосочетания именуют не одно, хотя и расчлененное понятие, а устанавливают по тем или иным валентным схемам определенную связь между разными логически совместимыми понятиями.

Оживленно обсуждается вопрос о том, какие явления должны быть отнесены к словосочетанию. Одни исследователи склонны расширить объем понятия словосочетания и считать словосочетаниями сочинительные со-

единения слов (Белошапкина В.А.), другие, наоборот, исключают из состава словосочетаний все соединения глаголов со словами и словоформами в детерминантной функции, поскольку последние относятся не к глаголам, а ко всему предложению в целом (Шведова Н.Ю.).

Кроме того, в последние десятилетия XX в. наметилась еще одна линия пересмотра традиционных воззрений, касающихся словосочетания. Отчетливо заявила о себе тенденция к перемещению учения о словосочетании (как и самого понятия словосочетания) из синтаксиса в лексикологию. В логичности этой тенденции отказать трудно. Если сочетания звуков (аллофонов) изучаются в фонетике, а сочетания морфов – в морфемике, где им отведены специальные разделы, называемые соответственно фонотактикой и морфотактикой, то словосочетания должны рассматриваться в лексикологии (в разделе, который по аналогии с уже существующими терминами можно было бы назвать лексотактикой). Однако новые представления (впервые заявленные в работах М.М. Копыленко и З.Д. Поповой) всеобщего признания пока еще не получили. Кажется, однако, что это вопрос времени, так как учение о словосочетании остается внутренне чуждым синтаксису.

Лит.: Астафьева Н.И., Наумович А.Н. Современный русский язык. Словосочетание. Понятие о предложении. Типы предложений. Минск, 1975; Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. М., 1981; Белошапкина В.А. Сложное предложение и словосочетание (к вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978; Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний // Ис-

следования по русской грамматике. М., 1975; Горбачевич К.С. Вариативность формы управления в некоторых именных и глагольно-именных словосочетаниях // РЯШ. 1974. № 1; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Демидова А.К., Назарян А.Г. Управление глаголов в русском и французском языках. Русско-французские эквиваленты глагольно-именных словосочетаний. М., 1977; Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962; Магомедов Г.И. О функции предлога в словосочетании // РЯШ. 1975. № 3; Орлова Р.А. Субстантивные синтаксически нечленимые словосочетания метафорического характера // Вопросы синтаксиса и лексики современного русского языка. Сб. трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1973; Печников А.Н. Предложение и словосочетание // Вопросы структуры предложения. Ульяновск, 1983; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; Распопов И.П. Словосочетание и предложение (полемические заметки) // Вопросы русского языкознания. Вып. I. Куйбышев, 1976; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Рыньков Л.Н. Типы метафорических словосочетаний в языке художественной литературы // РЯШ. 1975. № 1; Скобликова Е.С. Об условиях формирования словосочетаний // Вопросы теории, истории и методики преподавания русского языка. Куйбышев, 1972; Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапкиной. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997; Тулина Т.А. Функциональная типология словосочетаний. Киев; Одесса, 1976; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966; Эстрина Л.С. Переход обобщенно-уступи-

тельных придаточных предложений во вводное словосочетание и предложение // Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1970.

СЛОВСОЧЕТАТЕЛЬНАЯ ЦЕПЬ СЛОВ. То же, что сложное словосочетание. Термин употребляется редко.

СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **бессоюзное сложное предложение.**

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, состоящее из двух и более частей, являющихся предикативными единицами: *Скрежетала ржавая рулевая цепь, две чайки плавали вокруг трубы, и влажные клювы их, попадая в луч, вспыхивали, точно алмазные* (Набоков); *Там, где местами из-под хвои проступал песок, он после дождя был в мелких рябинах* (К. Симонов); *На глаз поверишь – криво отмеришь* (Пословица). Связь этих частей обеспечивают: союзы и союзные слова; соотносительные с ними или действующие самостоятельно дейктические местоименные элементы; определенным образом координированные виды, времена и наклонения; вспомогательные лексические и фразеологические единицы; интонация.

Грамматическая природа сложного предложения определяется двумя существенными факторами: 1) каждая из частей сложного предложения строится по той или иной схеме простого предложения и имеет свой грамматический центр и 2) все эти части объединены не механически, а образуют в сочетании друг с другом некоторое структурно-семантическое единство. Эта двойственность природы сложного предложения породила в синтаксической науке два разных подхода к нему.

По традиции, идущей от А. А. Шахматова и А. М. Пешковского, основной

упор делался на составленность сложного предложения из простых предложений, в связи с чем усматривалось даже определенное неудобство самого термина сложное предложение, который А. М. Пешковский предлагал заменить термином «сложное целое». Вторая традиция, идущая от В. А. Богородицкого и Н. С. Пospelова, ставила во главу угла то обстоятельство, что сложное предложение, будучи составленным из частей, построенных по схемам простых предложений, вместе с тем обладает структурной целостностью и качественным своеобразием. Иными словами, первый подход акцентировал внимание на точках схождения частей сложного предложения с простыми предложениями, второй — на принципиальных отличиях сложного предложения от простого.

Исторически эти подходы были вполне оправданными и сыграли немаловажную роль в развитии учения о сложном предложении. Однако сейчас становится очевидной односторонность этих подходов, из которых первый игнорировал в той или иной степени целостность сложного предложения, а второй — его составной характер. И, как всегда, обнаружилось, что истина лежит посередине. Сложные предложения, исторически возникшие на основе сцепления простых предложений, в одних случаях сохранили свои составные части в относительно неизменном виде, соединив их только композиционно, а в других — под влиянием устанавливаемой связи — определенным образом преобразовали эти части, оформив их как нечто структурно целое, отличное от простого предложения. И, стало быть, их анализ должен быть гибким и далеким от крайностей.

Современная русистика обычно делит сложные предложения на

бессоюзные и союзные, а последние, в свою очередь, на сложно-подчиненные и сложносочиненные.

Лит.: Актуальные проблемы сложного предложения. Тверь, 1993; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998; Бабалова Л.Л. Смысл и форма (к вопросу о классификации сложных предложений) // Сложное предложение. М., 2000; Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического и смыслового членения многокомпонентного сложного предложения // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 2; Белошапкова В.А. О понятии «формула» предложения на уровне синтаксиса сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; Блохина Н.Г. Соотношения простых и сложных предложений и общей языковой системы // Структура, семантика и функционирование синтаксических единиц в русском языке. Орел, 1999; Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972; Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта // Сложное предложение. М., 2000; Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980; Копыленко М.М. Некоторые вопросы теории сложного предложения // Материалы к языковедческим курсам. Вып. 2. Вопросы синтаксиса русского языка. Алма-Ата, 1961; Крылова О.А. Сложное предложение в языке и речи // Сложное предложение, традиционные вопросы теории и описания. Основные аспекты его изучения. М., 2000; Ломтев Т.П. О методах идентификации синтаксических объектов и исчисления их значимостей. М., 1963; Многокомпонентные сложные предложения как микротекст. Воронеж, 2003; Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Ониненко Н.К. Сложное предложение на фоне коммуникативной типологии текста // ВЯ. 1995. № 2; Попова З.Д. Об изучении сложных предложений старорусского языка // Восточные славяне. Язык. Ис-

тория. Культура. М., 1985; Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М., 1990; Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Русское сложное предложение: исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж, 1986; Сергиевская Л.А. Место сложного предложения с императивной семантикой в языковой системе // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М., 1994; Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Самара, 1993; Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972; Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987; Чернышева А.Ю. Семантическая интерпретация сложного предложения // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941; Шведова Н.Ю. О структурной схеме сложного предложения // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения. М., 1990. См. также «Предложение», «Высказывание», «Бессоюзное предложение», «Сложноподчиненное предложение», «Сложносочиненное предложение», «Сложное синтаксическое целое».

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ АСИММЕТРИЧНОЙ СТРУКТУРЫ.

У некоторых авторов (Т.А. Колосовой и др.) сложное предложение, в котором единицы плана выражения и единицы плана содержания не находят точного соответствия. Например, высказывание *Если захочешь есть, продукты в холодильнике* состоит из двух формальных единиц, хотя содержательно оно

трехчленно: *Если захочешь есть, (имей в виду, что) продукты в холодильнике.* Асимметрия в данном случае возникла как результат вербальной невыраженности модальной рамки, наличие которой устанавливается лишь на основе характера отношений, существующих между двумя формально выраженными предикативными единицами. Следовательно, предложения асимметричной структуры возникают в условиях имплицитной номинации отдельных содержательных звеньев этих предложений.

Лит.: см. «Сложное предложение».

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГИБКОЙ СТРУКТУРЫ. См. *гибкие структуры.*

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ. См. *закрытые структуры.*

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕГИБКОЙ СТРУКТУРЫ. См. *негибкие структуры.*

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ. См. *открытые структуры.*

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ. Одна из структурно-семантических единиц текста, предполагающая объединение нескольких предложений на основе общности раскрываемой ими темы (микротемы). Это объединение обеспечивается союзами, употребляемыми в начале предложений, разного рода коннекторами (*поэтому, оттого, с этой целью*), скрепами (в 1-м значении термина). Кроме того, этим же целям служат: координированное употребление времен, видов и наклонений, характер используемого вида актуального членения предложений, средства повторной номинации одних и тех же реалий, наличие общих обстоятельств, относимых к нескольким предложениям одновременно.

Эти средства используются в определенных комбинациях друг с другом, характер которых меняется от одного синтаксического целого к другому.

Сложные синтаксические целые бывают трех видов: параллельного, последовательного и смешанного строя.

Сложное синтаксическое целое параллельного строя предполагает установление между отдельными предложениями отношений смежности (соположения). При этом темы соответствующих сообщений находятся в одной смысловой плоскости и раскрывают детали общей картины. Ср.: *Вернувшись с водой, Кирюха и Вася налили большой котел и укрепили его на огне. Степка с зазубренной ложкой в руках занял свое место в дыму около котла и, задумчиво глядя на воду, стал дожидаться, пока покажется пена. Пантелей и Емельян сидели рядом, молчали и о чем-то думали. Дымов лежал на животе, подперев кулаками голову, и глядел на огонь...* (Чехов).

Сложное синтаксическое целое последовательного строя организуется на основе преемственности в содержании между составляющими его предложениями. Темой сообщения каждого последующего предложения оказывается в его рамках нечто упомянутое в предшествующем предложении (обычно в составе ремы последнего). Ср.: *...Я послушался моего охотника и отправился в Льгов. Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка, верст за пять от Льгова, превращается в широкий пруд, по краям и кое-где по середине заросший густым тростником, по-орловскому – майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток...* (Тургенев).

Сложное синтаксическое целое смешанного строя совмещает различные типы отношений, устанавливаемых между отдельными предложениями: последовательное изложение событий прерывается описанием параллельных фактов или наоборот. Ср.: *Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига* (Паустовский).

Изучение сложного синтаксического целого, начатое еще в 40-е гг. прошлого столетия в трудах И.А. Фигуровского, стало особенно интенсивным после работ Н.С. Поспелова (предложившего сам термин «сложное синтаксическое целое») в последней трети того же столетия и остается таковым до сих пор. Тем не менее соответствующее понятие пока не получило однозначной интерпретации. Некоторые ученые (Лосева Л.М., Валгина Н.С., Максимов Л.Ю.) считают сложное синтаксическое целое синтаксической единицей более высокого в сравнении с предложением уровня. Другие, наоборот, полагают, что речь должна идти не об особом уровне, а о межфразовых связях предложений внутри единого синтаксического уровня (Распопов И.П.). Последнее мнение представляется более корректным, поскольку само выделение сложного синтаксического целого в тексте часто определяется субъективными установками исследователя, чего нельзя сказать о предложении, и, стало быть, рассматривать их как однопорядковые явления нельзя.

Наряду с термином «сложное синтаксическое целое» используются и другие термины (дублирующие пер-

вый): *сверхфразное единство* (Булаховский Л.А.), *прозаическая строфа* (Солганик Г.Я.). Правда, широкого распространения они не получили.

Лит.: Гаврилова Г.Ф. Малычева Н.В. Сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом в антропоцентрическом аспекте // НДВШ. Филологические науки. 2000. № 5; Они же. Типы и разновидности сложного синтаксического целого с сочинительными союзами в современном русском языке // Вопросы русского языка и методика его преподавания. Елец, 1999; Дигмай В.Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста. Общее и различное // НДВШ. Филологические науки. 2002. № 2; Звезгинцев В.А. О цельнооформленности единиц текста // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы. 1980. Т. 39. № 1; Лосева Л.М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // РЯШ. 1977. № 1; Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М., 1990; Распопов И.П. Понятие так называемого сложного синтаксического целого и композиционно-синтаксические связи между предложениями в контексте // Русский язык в науке и учебной практике. Воронеж, 1981; Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. Сложное синтаксическое целое. М., 1973; Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982; Фурсенко В.И. Сложные предложения с сочинением и подчинением как коммуникативное целое // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 353. М., 1970; Ширяев Е.Н. Структура разговорного повествования // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982.

СЛОЖНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Традиционный термин с крайне неопределенным содержанием. Например, ав-

торы «Грамматики русского языка» 1954 называют сложным сказуемым то, что теперь квалифицируется как составное глагольное сказуемое, т.е. соединение фазисного глагола или модального слова с инфинитивом: *Он начал спорить; Я могу работать*. А.Н. Гвоздев фактически отождествлял сложное сказуемое с двойным сказуемым, представленным в предложениях типа *Он пришел угрюмый; Он вернулся известным художником*. У В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова выделены два вида сложного сказуемого – глагольное и именное, причем к первому отнесены сказуемые, построенные по модели «краткое прилагательное + (связка) + инфинитив»: *Человек способен преодолеть любые трудности*, а ко второму – сказуемые, соответствующие моделям: «краткое прилагательное + (связка) + быть + имя»: *Проза должны быть крылатой* и «спрягаемый глагол + быть + имя»: *Я хотела бы быть вашей матерью*.

В общем итоге понятие сложного сказуемого к настоящему времени стало настолько расплывчатым, что многие авторы отказываются пользоваться соответствующим термином, предпочитая сводить все случаи отклонения от стандартных схем построения сказуемого в разряд осложненного сказуемого (простого или составного).

Лит.: см. «Сказуемое».

СЛОЖНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ.

Тип словосочетаний, противопоставляемый простому словосочетанию. Сложное словосочетание является результатом объединения в одно целое двух, трех и более простых (элементарных) словосочетаний. Такое объединение осуществляется двумя способами: 1) за счет параллельного распространения простого словосочетания, что предполагает употребление при глав-

ном компоненте, кроме уже имеющегося, еще одного зависимого компонента: *подарить внуку игрушку; рубить дрова топором*; 2) за счет последовательного распространения простого словосочетания, что ведет к осмысленной зависимости компонента как главного по отношению к подчиненному ему компоненту: *написать длинное письмо; заниматься разведением кроликов*. В некоторых случаях при образовании сложного словосочетания используются оба способа одновременно: *подарить внуку красивую игрушку; рубить дрова тупым топором*. Отдельные авторы называют сложное словосочетание словосочетательной цепью слов.

Лит.: см. «Словосочетание».

СЛОЖНОЕ СОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **союзное сложное предложение**.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение**.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. См. **местоименно-союзное сложноподчиненное предложение**.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНОЕ СООТНОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что и сложноподчиненное местоименно-союзное предложение.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип союзных предложений, противопоставляемый в рамках последних сложносочиненному предложению. Обыкновенно оно квалифицируется на формальной основе – как сложное предложение, в составе которого зависимая часть, называемая придаточным предложением, соединяется

с главной частью подчинительными союзами и союзными словами. Такое его определение неизбежно приводит к порочному кругу, поскольку содержание подчинительных союзов и союзных слов, в свою очередь, раскрывается посредством отсылки к тому, что они реализуются в составе сложноподчиненного предложения.

Вместе с тем сейчас существует возможность квалификации сложноподчиненного предложения с учетом характера его языкового содержания.

Специфика последнего проявляется в том, что сложноподчиненное предложение иначе, чем другие типы сложных предложений (сложносочиненное и бессоюзное), упорядочивает информацию в своем составе. Оно предполагает включение информации, передаваемой придаточным, в главное (*Я знал, что ты придешь*) или, наоборот, информации, сообщаемой главным предложением, в придаточное (*Коля опоздал, из-за чего они поссорились*), что и делает механизм сложноподчиненного предложения «неразъемным» (кроме случаев автономного употребления придаточных, напр., в условиях редукции либо предикатива оценки: *Если бы дождик пошел!*, либо перформатива со значением требования: *Чтобы завтра принес книги!*). Двухвариантность включения не мешает придаточному всегда оставаться в вассальной зависимости от главной части, но по разным причинам: либо потому, что оно обязано дополнять в том или ином отношении информацию главной части, либо потому, что оно вынуждено усваивать информацию этой части.

Формальное разграничение двух видов включения осуществляется посредством противопоставленного употребления в сложноподчиненном предложении двух видов скреп — либо

подчинительных союзов, либо союзных слов. Вводящие придаточное предложение подчинительные союзы, как известно, не являются его членами, они лишь определяют функцию, которую придаточное выполняет в составе главной части. Соответственно с информативной точки зрения последнее является самодостаточным, почему его можно называть автосемантическим: *Я понял, что изменить здесь ничего нельзя; Когда он исчез за поворотом, Надя безутешно зарыдала; Так как о его приезде ничего не было известно, мы в этот вечер его, естественно, не ожидали.* Напротив, союзные слова являются членами вводимого ими придаточного предложения и содержат проекцию на главную часть, без учета содержания которой придаточное оказывается информативно недостаточным, в связи с чем его целесообразно называть синсемантическим (синсемантическим): *По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой; Он даже не поздоровался, что само по себе было верхом неприличия; Я знаю песни, которые западают в душу не сразу.*

Употреблению сложноподчиненных предложений, имеющих в своем составе автосемантическое придаточное, с одной стороны, и сложноподчиненных, придаточное которых носит синсемантический характер, с другой, сопутствует ряд существенных особенностей. Первые допускают более или менее свободное использование коррелятов, разрешают (в принципе) постановку придаточного в постпозиции, препозиции и интерпозиции, предполагают постановку вопроса от главной части. Вторым, напротив, свойственно крайне редкое употребление коррелятов; их придаточное обычно реализуется из-за анафорического характера союзных слов — в постпозиции; вопрос в них

ставится от придаточной части (см. **синсемантическое придаточное**).

Сложноподчиненные предложения разнообразны по характеру отношений их частей и – соответственно – по характеру формальных средств, выражающих эти отношения. Однако общепринятой их классификации до сих пор нет, поскольку научная систематизация этих предложений в различные периоды развития русистики осуществлялась на разных основаниях. Первой по времени была л о г и к о - г р а м м а т и ч е с к а я к л а с с и ф и к а ц и я , которую обыкновенно связывают с именем Ф.И. Буслаева. Этот крупный отечественный ученый действительно много сделал для того, чтобы придать этой классификации законченный вид, однако у него были предшественники – П. Басистов и И.И. Давыдов, которые в середине XIX в. (до выхода в свет «Исторической грамматики» Ф.И. Буслаева) определили придаточное как развернутый член главного предложения и выделили придаточные, занимающие место подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и разного рода обстоятельств.

Эта классификация, позволившая перенести знания, накопленные при изучении простого предложения, в сферу сложного предложения и выявить наиболее существенные отличия первого от второго, продержалась около столетия и была положена в основу многих учебных пособий для вузов и школ. Ее отразили также «Грамматика русского языка» АН СССР 1954 г. и академическая «Историческая грамматика русского языка» 1979 г. под ред. В.И. Борковского. Однако ей были свойственны два недостатка. Во-первых, она не способствовала пониманию сложноподчиненного предложения как чего-то целого, обладающего специфическими содержательными и

формальными признаками. Во-вторых, в ее рамках в одну и ту же группу попадали различные по строению и значению предложения (ср. *Кто хочет, тот добьется* и *Мне послышалось, что кто-то поет*, одинаково квалифицировавшиеся как сложные предложения с придаточным подлежащим) и, наоборот, близкие по значению и строению предложения, разносились по разным группам (ср. предложение *Мне послышалось, что кто-то пел*, в котором придаточное квалифицировалось как придаточное подлежащее, и предложение *Я услышал, что кто-то пел*, в составе которого усматривали придаточное дополнительное).

Эти недостатки явились причиной того, что очень рано (начиная с первой трети XX в.) стали предприниматься попытки найти какие-то другие основания для систематизации сложноподчиненных предложений. Итогом этих попыток было формирование ф о р м а л ь н о - г р а м м а т и ч е с к о й классификации. Разработанная в трудах А.М. Пешковского, Л.А. Булаховского и А.Б. Шапиро, она предполагала группировку сложноподчиненных предложений по характеру союзов и союзных слов без последовательного и строгого учета стоявшего за ними содержания. Это обстоятельство имело своим следствием малую популярность классификации как в практике научных исследований, так и в преподавании синтаксиса в школе и вузе: и там и тут продолжала господствовать традиционная логико-грамматическая классификация.

Сложившееся положение дел стало существенным образом меняться с конца 50-х гг. XX в., когда появляется структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений. У истоков этой классификации стоял В.А. Богородицкий, однако свою

каноническую форму она приобрела в трудах Н.С. Поспелова и его последователей В.А. Белошапковой, Л.Ю. Максимова и др. и в этой форме проникла в практику вузовского и школьного преподавания.

Само название этой классификации (структурно-семантическая!) может ввести в заблуждение: оно представляет дело так, будто сложноподчиненные предложения дифференцируются одновременно с учетом и структурных, и семантических признаков. Но в действительности все обстоит иначе. Главным признаком здесь является признак структурный, на основе которого выделяются одночленные предложения (относящие придаточные к слову главной части) и двучленные (относящие придаточное ко всей главной части). Что же касается семантических признаков, они учитывались несистемно и – самое главное – непоследовательно. Если, напр., при детализации двучленных предложений они являются основой разграничения сложноподчиненных предложений с придаточными времени, причины, условия и т.д., то при характеристике одночленных местоименно-союзных и местоименно-соотнесительных предложений об их семантике даже не упоминается. Но поскольку структурный принцип, определяющий специфику классификации, является формальным, структурно-семантическая классификация на поверку оказывается классификацией не принципиально нового типа, а всего лишь вариантом формальной классификации, осложненной на периферии всякого рода семантическими добавками. В этой связи отнюдь не случаен тот факт, что сложноподчиненное предложение в ее рамках продолжает определяться на формальной основе (как предложение, в котором придаточная часть присое-

диняется к главной союзами и союзными словами).

К настоящему времени структурно-семантическая классификация, противоречивая по своему характеру и плохо упорядоченная терминологически, уже исчерпала свои объяснительные возможности. И вполне естественно встал вопрос о переходе к новой классификации сложноподчиненных предложений, которая в условиях общей семантизации синтаксических исследований иначе как содержательной быть не может. Однако пути такого перехода мыслятся по-разному. Отдельные исследователи готовы вернуться к старой логико-грамматической классификации, что вряд ли возможно, если не забывать об органически присущих ей недостатках. Более целесообразно строить новую классификацию с учетом способа организации информации в составе сложноподчиненных предложений, о чем уже говорилось выше, с тем чтобы на ее базе произвести детальную систематизацию всех относящихся сюда фактов. Но пойдет ли синтаксическая наука по этому пути, сказать, конечно, трудно.

Лит.: Андримонова Н.А. К вопросу о структурно-семантической классификации сложноподчиненного предложения // Преподавание русского языка в высшей и средней школе. Рязань, 1973; Беднарская Л.Д. Основные тенденции в эволюции сложноподчиненного предложения за последние 150 лет // Актуальные проблемы синтаксиса. Орел, 1994; Берестенникова Т.Н. Некоторые проблемы изучения одночленных сложноподчиненных предложений // Уч. зап. Иркутского пед. ин-та. Сер. филологии. Вып. 44. Иркутск, 1971; Бырдина Г.В. Сложноподчиненные конструкции в функции вопросительных реплик в модальных вопросно-ответных диалогических единствах // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Гаврилова Г.Ф. Функционирование сложноподчиненного предложения в

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕРАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

- тексте // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Забелин В. В. Некоторые аспекты исследования текстообразующих функций сложноподчиненного предложения // Актуальные проблемы сложного предложения. Тверь, 1993; Ильенко С. Г. Сложное предложение в современном русском языке. Типология сложноподчиненного предложения: Лекция. Л., 1976; Кадыров Ш. К. Обаспектуальности частей сложного предложения // Синтаксис сложноподчиненного предложения. Калинин, 1978; Карцевский С. О. Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. № 2. 1961; Кузнецова Л. П. Двучастные сложноподчиненные предложения с расширенной функцией придаточного // Науч. труды Кубанского ун-та. № 171. Краснодар, 1973; Кузнецова Р. Д. Роль сложноподчиненного предложения в организации текста в истории русского языка // Сложное предложение в тексте. Калинин, 1988; Ломов А. М., Гусман Тирадо Р. Русское сложноподчиненное предложение и проблема его содержательной интерпретации // ВЯ. 1999. № 6; Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: АДД. М., 1971; Мурзин Л. Н. и Шариня О. М. Деривация структур сложноподчиненных предложений в русском языке. К проблеме совмещения предложений. Пермь, 1971; Орлов К. П. Функционально-смысловое соотношение сложноподчиненных предложений, имеющих аппозицию, между собой, а также с другими инвариантными структурами сложноподчиненных предложений // Исследования и статьи по русскому языку. Вып. 3. Волгоград, 1972; Падучева Е. В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998; Петухова Е. Н. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений // Тр. Иркутского ун-та. Т. 73. Иркутск, 1970; Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы. Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры // Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике. М., 1990; Распопов И. П. Дихотомическая классификация так называемых сложноподчиненных предложений // НДВШ. Филологические науки. 1979. № 6; Он же. Об опытах так называемых многоступенчатых классификаций сложноподчиненных предложений // Синтаксис сложного предложения. Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 220. Воронеж, 1982; Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Воронеж, 1984; Рогожникова Р. П. Сложноподчиненные предложения с лексически опустошенным указательным словом *то* // РЯШ. 1972. № 1; Семина С. И. Поле «время» в семантической структуре полипредикативного сложноподчиненного предложения // Языковые единицы логика и семантика, функции и прагматика. Таганрог, 1999; Устинов А. М. О семантике сложноподчиненного предложения // РЯШ. 1974. № 4; Хрящева Н. П. Оценочная семантика сложноподчиненного предложения: // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Ширяев Е. Н. Некоторые аспекты семантико-синтаксической структуры сложноподчиненного предложения. Обзор // Вопросы русского языкознания. Русский язык и наука о нем в советский период. Куйбышев, 1978; Щеулин В. В. О классификации сложноподчиненных предложений. Воронеж, 1972; Он же. Сложноподчиненные предложения в отечественном языкознании. Ростов-н/Д, 1967; Он же. Избранные труды по языкознанию. Сложноподчиненные предложения в теоретическом осмыслении. Липецк, 2004. См. также «Предложение», «Сложное предложение».
- СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕРАСЧЛЕНЁННОЙ СТРУКТУРЫ.** Сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого распространяет одно слово главной части. К числу таких предложений относят предложения с изъяснительно- и сравнительно-объектными придаточными частями, с присубстантив-

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ РАСЧЛЕНЕННОЙ СТРУКТУРЫ

но-атрибутивными придаточными, местоименно-союзные и местоименно-соотносительные предложения: *Боюсь, что ты ничего не понял; Он говорит больше о прошлом, чем о будущем; Он был человеком, которого ничто не страшило; Он шел так, что мы не могли поспеть за ним; Каков вопрос, таков и ответ.* Этот класс предложений выделяется только при структурно-семантическом подходе к нему.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

СЛОЖНОПОДЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ РАСЧЛЕНЁННОЙ СТРУКТУРЫ. Сложноподчиненное предложение, придаточная часть которого относится ко всей главной части в целом. В состав этих предложений чаще всего включают сложноподчиненные предложения с придаточными времени, места, причины, следствия, условия, уступки, присоединительным и сравнительным: *Когда он ушел, мы долго не могли успокоиться; Где раньше было пусто и голо, теперь зеленела небольшая рощица; Двигаться дальше было невозможно, потому что дорога оказалась непроезжей; Мы порвали с ней все отношения, так что рассчитывать на ее помощь было бессмысленно; Если ты согласишься с нашим предложением, мы можем приступить к делу; Он, конечно, опоздал, что мы и ожидали; Он, как и прежде, сидел спокойно, словно ничего не произошло.* Термин «сложноподчиненное предложение расчлененной структуры» используется в рамках структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

СЛОЖНОСОЧИНЁННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Тип союзных сложных предложений, противопоставляемый в рамках последних сложноподчинен-

ному предложению. Обыкновенно определяется посредством указания на то, что его части соединяются сочинительными союзами. Такое определение, основанное на формальном принципе, можно существенно дополнить, если учесть, как это предложение упорядочивает информацию в своем составе. Оно предполагает простое соположение двух и более информационных блоков, интерпретируемых как одноранговые (но не обязательно как равноправные!) феномены: *Море глухо роптало, и волны бились о берег бешено и гневно,* в результате чего части сложносочиненного предложения – репрезентанты этих блоков сохраняют способность к автономному употреблению (за исключением случаев, когда этому препятствуют чисто технические условия, напр., наличие повторяющихся союзов: *Или дождь пойдет, или снег выпадет*).

Соположение как принцип организации сложносочиненного предложения представлено тремя основными вариантами, которые принято называть соединительными, противительными и разделительными отношениями.

Соединительные отношения выражаются двумя союзами *и, ни... ни*. Иногда их инвентарь пополняют за счет союза *да* (в значении *и*) и слов *также, тоже*. Но это вряд ли оправданно. Союз *да* в соединительном значении давно уже вышел из активного употребления. Что же касается слов *также, тоже*, несущих указание на нечто добавочное, их вообще нельзя признать союзами и потому, что они нередко употребляются в сочетании с другими сочинительными союзами, и потому, что их место в составе той или иной части сложносочиненного предложения не закреплено (то и другое для собственно сочинительных союзов недопустимо).

Союз *и*, с одной стороны, и союз *ни... ни*, с другой, четко противопоставлены друг другу: первый указывает на наличие двух и более фактов: *Дверь раскрылась, и вошла Марья Павловна* (Тургенев), второй — на их отсутствие: *Ни солнца мне не виден свет, ни для корней моих простору нет...* (Крылов). Сами союзы никакой квалификации сопоставляемым фактам не дают. Это — задача связующих средств более низкого ранга. Так, анафорические местоимения типа *поэтому*, *оттого* оформляют факт, названный во второй части сложносочиненного предложения, как следствие факта первой части: *Она торопилась, и поэтому расспросы и разговоры пришлось отложить до вечера* (Паустовский); слова *однако*, *все-таки*, *тем не менее* противопоставляют второй факт первому (даже при наличии соединительного союза *и*): *Он был классный специалист, и тем не менее операция не удалась* (Трифонов); видовременные формы располагают факты либо параллельно: *Из окошка далеко блестят горы и виден Днепр* (Гоголь), либо в линейной последовательности: *Как-то вечером пошел снег, и все среди ночи стало белым* (Куприн) и т.д.

Противительные отношения также передаются двумя союзами *а* и *но* (отнесение слов *зато*, *однако*, *же*, *а то*, *не то* к числу союзов весьма проблематично, а союз *да* в противительном значении сохранился разве что на самой периферии русского языка — в диалектах и просторечии). Одинаково констатируя контрастный характер сопоставляемых фактов, они, в сущности, задают две разновидности контраста: союз *а* называют контраст-сопоставлением: *Старик явно возмущался, а Григорий морщился...* (Шолохов), а союз *но* — контраст-противопоставлением: *Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез* (Гоголь). В речи эти

разновидности контраста существенным образом модифицируются — в том смысле, что за счет тех или иных контекстных средств могут дополнительно развиваться значения несоответствия, ограничения, возмещения, уступки и т.д.: *Слезы выступили у нее на глазах, испугалась она, а все лицо расцвело радостью* (Тургенев); *Уже давно рассвело, а лампа все горела коптящим бессильным огоньком* (К. Федин); *У него не было ни начала, ни конца, но зато были изумительные, большие, на целую страницу, картинки...* (В. Некрасов).

В рамках разделительных отношений сопоставляются несколько фактов, представленных как несовместимые, взаимоисключающие. Для выражения этих отношений, в отличие от соединительных и противительных используется большой набор союзов: *или*, *либо*, *то... то*, *не то... не то*, *то ли... то ли*, *ли... ли*, *ли... ли* или. Многообразие последних объясняется тем, что они по-разному интерпретируют само указание на несовместимые факты. Говорящий либо просто констатирует, что они чередуются друг с другом, никогда не совпадая во времени: *...То косо належит снежок, то нет его, и солнце на обеденном столе* (Булгаков); либо фиксирует возможность реализации какого-то одного факта из серии ему подобных: *Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит, Иль мне в лоб шлагбаум влепит Непроворный инвалид* (Пушкин); либо информирует о своем незнании, какой из фактов соответствует действительности: *Или я не понимаю, или же ты не хочешь меня понять...* (Чехов); либо сообщает о неясности своего восприятия происходящего: *Ничего не видно. Не то пыль, не то дым* (В. Некрасов). Поскольку разделительные отношения основательно дифференцируются уже на уровне союзных средств, возможности их контекстной

модификации оказываются несколько суженными по сравнению с соединительными и противительными отношениями. Однако она полностью не исключена, о чем может свидетельствовать хотя бы факт реализации в одной и той же позиции разных разделительных союзов.

Кроме трех основных вариантов сочинительных отношений, интерпретирующих сопологаемые факты как одинаково наличные (или неналичные), как контрастные или как взаимоисключающие, существуют еще два вида этих отношений — градационные и присоединительные, которые рассматривают либо отдельно, либо в составе уже рассмотренных видов отношений.

Строго говоря, градационные отношения являются вариантом противительных отношений, поскольку в их рамках сопоставляются два факта, в определенном отношении однопорядковых и в то же время разных. Для выражения этих отношений используются союзы *не только... но и, не столько... сколько, не то чтобы... но и др.*: *Он не только не имел никакого плана, но он и вообще чувствовал себя растерянным* (Фадеев); *Я не то чтобы полностью понял его, но он после этого разговора стал как-то ближе мне* (Паустовский).

Что же касается присоединительных отношений, они — в силу особого характера присоединения — не имеют прямого отношения к сочинению (равно как и подчинению), и, следовательно, вообще не стоят в одном ряду с соединительными, противительными и разделительными отношениями. Их учет при рассмотрении проблем сочинения значим лишь постольку, поскольку принимает во внимание те случаи, когда в рамках соединительных и противительных отношений второй факт трактуется как добавочный, дополнительный, возникающий

по ассоциации с ранее упомянутым. Сигналом соединительно-присоединительных или противительно-присоединительных отношений обыкновенно является частица *и*, сопровождающая либо соединительный союз *да* (только в этой сфере языковой онтологии сохранивший свою активность!), либо противительные союзы *а* и *но*: *Ты мне нового ничего не скажешь, да и я тебе не скажу* (Симонов); *Об этом можно было, конечно, поговорить, но и разговор не получался* (Трифонов). Кроме частицы *и* присоединительное значение соединительным и противительным отношениям могут сообщать другие частицы, наречия, местоимения: *(и) вот, (и) при том, (а) потому, (и) вслед за тем, (да) вдобавок*, а также другие элементы контекста: *Я его любил за его прямой и нелицемерный нрав, да притом он был мне дорог по воспоминаниям, которые он во мне возбуждал* (Тургенев); *Больше мы с вами никогда не увидимся, а потому — зачем скрывать? Я даже увлеклась вами немножко* (Чехов).

Кроме характера выражаемых отношений, при анализе сложносочиненного предложения учитываются открытость/закрытость, гибкость/негибкость его структуры и некоторые другие свойства.

Лит.: Бакалова З.Н. Соотносительность сочиненных и сложносочиненных предложений несоответствия и уступки // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Гаврилова Г.Ф. Сложносочиненные предложения со сложноподчиненной частью в их составе // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1978; Гудименко Н.П. Сложносочиненные предложения с соединительно-отождествительными отношениями // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Вып. 5. Томск, 1984; Калашникова Г.Ф., Альникова В.Ю. О структурной организации русского полипредикативного сложносочиненного пред-

ложения // ВЯ. 1991. № 6; Левицкий Ю. А. Сложносочиненное предложение. Пермь, 1991; Покусаенко В. К. К вопросу о границах сложносочиненных предложений // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1983; Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Серебряная Ф. И. Анафорические элементы в сложносочиненных и бессоюзных предложениях // РЯШ. 1973. № 1; Стеценко А. Н. Сложносочиненное предложение в учебниках русского языка // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980; Холодов Н. Н. Сложносочиненные предложения в современном русском языке. В 2 ч. Смоленск, 1975.

СМЕШАННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Составное сказуемое, соединяющее черты глагольного и именного сказуемого: *Если хотите быть откровенным, ведите себя соответственно; Глаза его продолжали оставаться спокойными.* Термин не получил широкого распространения. В последнее время такое сказуемое чаще называют осложненным составным сказуемым.

Лит.: Валькова А. И. Особенности структуры и согласования смешанного сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Бельцкого пед. ин-та. Вып. 10. Бельцы, 1969. См. также «Сказуемое».

СМЫСЛ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Содержание высказывания, выраженная в нем мысль. Смысл является результатом сложного взаимодействия (закономерности которого пока еще не ясны) семантики предложения и составляющих его языковых единиц, с одной стороны, и информации, поступающей от разного рода факторов, сопутствующих речевому акту, с другой. Строго говоря, языковые единицы, кроме высказывания, которое является чем-то более широким, чем языко-

вая единица, имеют дело не со смыслом, а с освоенными и присвоенными языком элементами смысла, приобретенными в силу такого освоения и присвоения статус элементов языковой семантики. Это обстоятельство зачастую игнорируется, что имеет следствием неразборчивое терминопотребление (ср. семантическая структура предложения и смысловая структура предложения, синтаксические отношения частей сложного предложения и смысловые отношения частей сложного предложения).

Лит.: см. «Высказывание».

СМЫСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ.

1. Разновидность согласования как способа подчинительной связи в словосочетаниях, при котором зависимый компонент ориентируется не на форму главного компонента, а на реальный пол или число обозначаемого существительным предмета: *круглый сирота — круглая сирота; маленький кенгуру — маленькая кенгуру; быстрое такси — быстрые такси.* 2. Разновидность согласования сказуемого с подлежащим. Предполагает ориентацию сказуемого на реальное число или — реже — на реальный пол предмета, названного в подлежащем. Тенденция к смысловому согласованию по числу возникла давно и широко отражена уже в художественной литературе XIX в.: *...несколько стрел воткнулись около нас в землю и частокол (Пушкин); Большая часть моих привычек и вкусов не нравились ему (Л. Толстой); Ряд лиц, виденных Бельтовым, не выходили у него из головы (Герцен).* В последние десятилетия она все более усиливается, находя поддержку в речевой практике журналистов: *Ряд книжных магазинов, испугавшись нападений фанатиков, сняли книгу с витрины (Известия); Большинство американских колледжей располагаются вда-*

ли от больших городов (Комсомольская правда). Усилению этой тенденции способствуют не только субъективные, но и объективные факторы языкового плана. К их числу относятся: нестандартный характер подлежащего, выраженного разного рода количественными именными сочетаниями, несколько противоречивыми по своей сути: указывая на множество предметов, они вместе с тем предполагают употребление количественных слов типа *ряд, масса, часть, несколько* в единственном числе; дистантное расположение подлежащего и сказуемого; наличие придаточных определительных и причастных оборотов, относящихся к существительному в составе количественно-именного сочетания и т.д. Что же касается смыслового согласования, учитывающего реальный пол предмета-лица в подлежащем, оно дает о себе знать главным образом в устно-разговорной речи: *Секретарь пришла; Врач посоветовала* и, естественно, в отражающем ее языке художественной литературы: *Военфельдшер добросовестна, не больше* (В. Панова).

Лит.: см. «Согласование», «Подчинительная связь».

СОБСТВЕННО-ВРЕМЕННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО. Обстоятельство, называющее время осуществления какого-л. действия: *познакомится вчера; уехать на прошлой неделе; простудиться во время поездки*. Употребление таких обстоятельств основывается на векторном принципе: они указывают на одновременность действия с темпоральным ориентиром, предшествование ему или следование за ним, причем таким ориентиром является либо время говорения, либо всякого рода события, используемые для квантования времени (полет, дождь, урок), либо, наконец, временные отрезки, специально приспособленные для вре-

менной ориентации (неделя, год, столетие и т.д.). Собственно-временное обстоятельство противопоставляется длительно-временному обстоятельству.

Лит.: Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975; Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспекту // ВЯ. 1975. № 2; Теория функциональной грамматики. Т. 1. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; Т. 2. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

СОБСТВЕННО-ПРЕДМЕТНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ. Подлежащее, ориентированное на обозначение отдельно взятых реалий действительности, категоризованных как грамматический предмет непропозитивного характера. Стандартным (специализированным) средством его выражения являются существительные разных типов (кроме девербативных и деадъективных и существительных типа *случай, событие, факт*) в именительном падеже: *Мальчик здоров; Отец на работе; Дует сильный ветер*. В случае субстантивации номинаторами собственно-предметного подлежащего легко становятся прилагательные (в том числе и местоименные), причастия, числительные: *Счастливые часы не наблюдают; Провожающие столпились на перроне; Вам скажет это любой; Семеро одного не ждут*. При элиминации слова, обозначающего родовое понятие, в позиции подлежащего могут быть использованы всякого рода бесформенные слова и даже целые фразы: *И (слово) — союз; Далече грянуло «ура» (слово-клич); В театре идет «Не все коту масленица» (пьеса)*.

Некоторым своеобразием отличается выражение собственно-предметного подлежащего в случае обозначе-

ния последним не одного, а нескольких предметов (за пределами морфологической категории числа). Действующие здесь правила могут быть представлены в следующем виде:

1) если определяемый предмет (подлежащее) представлен как выступающий в тесном единстве с другим предметом (предметами), в подлежащем реализуется сочетание «существительное в именительном падеже + существительное в творительном падеже с предлогом *с*»: *В кухню вошли дед с матерью*;

2) если определяемый предмет (предметы) интерпретируется как избираемый из некоторого множества однородных предметов, подлежащее выражается сочетанием «существительное (его заместитель) в именительном падеже + существительное в родительном падеже с предлогом *из*»: *Некоторые из нас засомневались*;

3) если определяемый предмет квалифицирован как некоторое множество (без специального подчеркивания каких-л. его аспектов), для обозначения подлежащего используется сочетание «количественное числительное или количественное существительное + существительное в родительном падеже»: *Семь человек вышли вперед; Несколько охотников поскакало к месту события; У озера приземлилась стая уток*;

4) если количество определяемых предметов названо приблизительно, в подлежащем употребляется существительное в винительном или родительном падеже с предлогами *с*, *до*, *около* и словами *более* и *менее*: *На берегу реки стояло с десяток домов; Без света оказалось до десятка (около десятка, более десятка) поселений*;

5) если в предложениях (называемых количественными, или измерительно-предметными) непосредственно отражается процедура подсчета

предметов в соответствующих единицах измерения, существительное в составе подлежащего принимает форму родительного падежа: *Столов — три штуки; Консервов — двадцать банок*;

б) если определяемые предметы представлены как некое максимальное множество или как реально не существующие (пустое множество), существительное, именуемое подлежащее, также употребляется в родительном падеже (правда, непоследовательно): *Там мин понаставлено; Известий от них не поступало*.

В отдельных случаях позиция подлежащего может оставаться лексически незамещенной, и вся информация о подлежащем (иногда достаточно полная, иногда неопределенная) идет от личных форм глагола (полнознаменательного или служебного) в позиции сказуемого, как это наблюдается в определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложениях, которые ранее интерпретировались как односоставные: *Иду домой; Принесли почту; Что посеешь, то и пожнешь*.

Лит.: см. «Подлежащее», «Члены предложения».

СОГЛАСОВАНИЕ. 1. Вид (способ) подчинительной связи в словосочетаниях, при котором происходит уподобление зависимого компонента главному по некоторым общим для них грамматическим значениям. Согласование реализуется в субстантивных словосочетаниях с зависимым компонентом, выраженным прилагательными (в том числе и местоименными), полными причастиями и числительными.

Обыкновенно согласование предполагает установление формальных соответствий между компонентами словосочетания по линии либо трех морфологических категорий — рода,

числа и падежа (при употреблении главного компонента — существительное в единственном числе): *тихий вечер; за высокой горой; в веселом настроении*, либо двух морфологических категорий — числа и падежа (при употреблении главного компонента — существительного во множественном числе): *далекие страны; с новыми вопросами; в морских глубинах*. Однако это не общее правило. Иногда формальное соответствие компонентов отсутствует (в полном или частичном объеме). В таких случаях различают три вида согласования: смысловое, скрытое и ассоциативно-грамматическое.

Посредством согласования выражаются исключительно атрибутивные (определятельные) отношения.

2. Уподобление сказуемого подлежащему в двусоставных предложениях по общим грамматическим значениям. Несмотря на общность терминологии, этот вид согласования принципиально отличен от первого. Разница между ними обнаруживается в следующем.

Во-первых, позиция определяемого компонента двусоставного предложения (подлежащего) может быть замещена не только субстантивом (как в сфере согласования первого рода), но и различными словами, не имеющими форм словоизменения, и даже придаточными предложениями, в связи с чем согласование сказуемого с подлежащим в части случаев приобретает условный характер: глагол, полнозначный или служебный, употребляется в 3 л. ед. числа: *Идти по грязной дороге было трудно; Нам стало известно, что он придет завтра*.

Во-вторых, для выражения сказуемого наряду с призначными словами (прилагательными, причастиями и числительными) используются (в отличие от согласования первого рода)

личные глаголы, называющие процессы, существительные, указывающие на предметы, и слова некоторых других разрядов, что, с одной стороны, расширяет набор грамматических значений, по которым осуществляется согласование, а с другой — делает этот набор нестабильным: напр., глаголы обладают способностью согласовываться с номинаторами подлежащего по лицу, но не по падежу: *Я иду домой; Река шумит*.

В-третьих, поскольку сказуемое носит двуслойный характер, в случае раздельного выражения его компонентов (бытийного и вещественного) оно может согласоваться с подлежащим либо по линии этих двух компонентов одновременно: *Он был веселым и общительным*, либо по линии только одного из них, как бы компенсирующего отсутствие согласовательных возможностей у второго компонента: *Брат был уже выше отца; Пушкин — поэт*.

В-четвертых, при употреблении в составном именном сказуемом связки *быть* в прошедшем и будущем временах и других связочных глаголов (*стать, остаться, оказаться* и т.д.) в любом времени присвязочное имя употребляется в творительном падеже, тем самым утрачивая способность к падежному согласованию с номинатором подлежащего: *Парень был высоким и стройным; Позднее он стал врачом* (см. **неполное согласование**).

В-пятых, в условиях эллипсиса, предполагающего формальную (но не содержательную!) редукцию глагола-сказуемого, согласование последнего с подлежащим не получает никакого специального выражения: *Казбич — к окну; Татьяна в лес; медведь за нею*.

Все перечисленные особенности согласования сказуемого с подлежащим (равно как и другие, частного характера) склоняют исследователей к

мысли, что термин «согласование» во втором его значении целесообразно заменить каким-то другим термином. И если современная русистика не пошла по этому пути, то исключительно из-за нежелания порывать со сложившейся терминологической традицией.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974; Валькова А. И. Особенности структуры и согласования смешанного сказуемого в современном русском языке // Уч. зап. Бельцкого пед. ин-та. Вып. 10. Бельцы, 1969; Гаврилова Г. Ф. О согласовании детерминантов с семантикой глагола // Исследования по семантике. Семантические аспекты синтаксиса: Межвуз. науч. сб. Уфа, 1985; Егерман Л. Ю. К вопросу о причинах двоякого согласования имен существительных общего рода в русском языке // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 150. Воронеж, 1975; Кибрик А. Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977; Оганесян Э. Ц. Согласованные определения в русском языке и их соответствия в армянском // Русский язык и методика его преподавания в Армянской ССР. Вып. 1. Ереван, 1977; Падучева Е. В., Успенский В. Л. Биноминативные предложения: проблема согласования связки // Облик слова. Сб. статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Согласование сказуемого с подлежащим // РЯЗР. 1977. № 6; Скобликова Е. С. Согласование и управление в современном русском языке. М., 1971; Шведова Н. Ю. Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. См. также «Подчинительная связь».

СОДЕРЖАТЕЛЬНО ОДНОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Одноставное предложение в строгом смыс-

ле слова, имеющее, в отличие от формально одноставного предложения, только один состав, который не может быть отождествлен ни с подлежащим, ни со сказуемым. К содержательно одноставным относятся безличное, инфинитивное, безлично-инфинитивное, номинативное (назывное) предложения.

Лит.: см. «Одноставное предложение».

СОЕДИНЕНИЯ СЛОВОФОРМ.

Блоки словоформ, построенные по определенным образцам, предназначенным для выражения тех или иных коммуникативно существенных значений. Могут быть союзными или бессоюзными: *рад не рад; спит не спит; из чудак чудак; дрожмя дрожит; белым-бело; пропаду так пропаду; прав-то ты прав* и т. д. Термин используется в концепции Н. Ю. Шведовой. В других синтаксических концепциях здесь усматривают осложнение сказуемого (или — реже — других членов предложения).

Лит.: Грамматика русского языка. Т. 2. М., 1960; Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Шведова Н. Ю. Спорные вопросы описания структурных схем простого предложения и его парадигм // ВЯ. 1973. № 1.

СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Вид сочинительной связи, формальными показателями которой являются союзы *и, ни... ни* и используемый в целях речевой стилизации архаический союз *да* (в значении *и*). Эта связь устанавливается между словами (в сфере однородных членов предложения), частями сложных предложений и самостоятельными предложениями в тексте для выражения соединительных отношений.

Лит.: см. «Синтаксические связи», «Сочинительная связь».

СОЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Сочинительные отношения, реализуемые в сфере однородных членов простого предложения и фиксирующие одновременное наличие или, наоборот, отсутствие каких-л. рядоположных предметов, процессов, признаков. Соединительные отношения выражаются посредством соединительной связи и отчасти бессоюзной: *день и ночь; ни ты, ни я; лебедь, как да щука.* 2. Сочинительные отношения, устанавливаемые в сложносочиненном предложении и тексте и констатирующие одновременное наличие или отсутствие каких-л. ситуаций. Внешне обнаруживаются посредством сочинительной и бессоюзной связи: *Тучи затянули небо, подул сильный ветер и почти сразу же полил дождь; Ни Клавдия у него ничего не спросила, ни он сам ничего не сказал ей; Ему ничего не пообещали. И он ушел недовольный.*

Лит.: см. «Сочинительные отношения».

СОЛЕЦИ́ЗМ (греч. soloikismos от названия г. Солы). Город был греческой колонией в Малой Азии, жители которой зачастую отступали от норм аттической речи. Речевая ошибка, связанная с недопустимым употреблением грамматической формы в данном контексте. Ср. *по приезду* (вм. *по приезде*); *более лучший* (вм. *лучший*).

Лит.: Сквородников А. П., Барина А. В. Солецизм // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ (УКАЗАТЕЛЬНЫЕ) СЛОВА. Местоименные слова в главной части сложноподчиненного предложения, к которым относится придаточное предложение и которые уточняют синтаксическую функцию подчинительных союзов (реже союзных слов): *Я помню о том, что*

мне нужно завтра пойти к нему; Мы жили там, где некогда жил наш дед; Он говорил так быстро, что мы не понимали его. В одних случаях соотносительные слова являются факультативными, в других, наоборот, обязательными (напр., при наличии уточняющих частиц, при перечислении или противопоставлении придаточных). Для некоторых сложноподчиненных предложений соотносительные слова являются обязательными строевыми компонентами: *Стадо таково, что трудно перечесть; Ветер был такой, что люди падали с ног.* Отдельные соотносительные слова обнаруживают тенденцию к слиянию с союзами. В союзах *так как, так что* и др. эта тенденция доведена до своего логического конца (они употребляются только как цельные единицы). Напротив, союзы *потому что, оттого что, для того чтобы, с тем чтобы* и им подобные могут использоваться и в расчлененном виде (*потому, что; оттого, что; для того, чтобы; с тем, чтобы*).

Лит.: см. «Местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение», «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

СОПОДЧИНЕНИЕ. То же, что параллельное подчинение придаточных.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ (ГРАДАЦИОННАЯ) СВЯЗЬ. 1. Вид сочинительной связи, формальными показателями которой являются двойные союзы *не только... но и, не столько... сколько, не то чтобы... но, хотя и... но* и некоторые другие. Первая часть этих союзов располагается в инициальной части сопоставительного блока, а вторая — в завершающей его части. Их расчлененное употребление делает этот блок неразъемным. Сопоставительная связь устанавливается между однородными членами простого предложения и час-

тами сложносочиненного предложения для выражения сопоставительных отношений сочинительного характера. 2. Вид подчинительной связи, формальными показателями которой являются союзы и союзные сочетания *в то время как, между тем как, тогда как, по мере того как, чем... тем, если... то, коль скоро... то*. Реализуется исключительно в сложноподчиненном предложении при выражении сопоставительных отношений подчинительного характера.

Лит.: см. «Сочинительная связь», «Синтаксические связи».

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ (ГРАДАЦИОННЫЕ) ОТНОШЕНИЯ. 1. Вид сочинительных отношений, устанавливаемых между однородными членами в простом предложении. Предполагают сравнение двух рядоположных понятий и их градацию: значимость второго компонента сопоставительного блока в том или ином аспекте по сравнению с первым может либо усиливаться, либо, наоборот, ослабляться. Для выражения этих отношений используется сопоставительная связь сочинительного характера: *не только старики, но и дети; не столько испугался, сколько растерялся; хотя и с опозданием, но основательно*.

2. Вид сочинительных отношений, реализуемых между частями сложносочиненного предложения и изредка бессоюзного сложного. Содержание этих отношений остается тем же самым, что и в простом предложении. Выражаются посредством сопоставительной связи сочинительного характера и отчасти бессоюзной: *Я не то чтобы забыл об этом факте, но мне просто не хотелось вспоминать о нем; Туда сбежались не только дети, притащились даже глубокие старики*.

3. Вид подчинительных отношений, существующих между частями

сложноподчиненного предложения. По своему содержанию они приближаются к сопоставительным отношениям сочинительного характера, в связи с чем иногда их квалифицируют как явление, переходное от подчинения к сочинению (Валгина Н.С.). Выражаются посредством подчинительной сопоставительной связи: *По мере того как мы продвигались в глубь леса, становилось все темнее; Если Николай относился к этим вещам спокойно, то Петр тут же раздражался гневной тирадой*.

В некоторых синтаксических концепциях отношения этого вида специально не выделяются.

Лит.: Бажутина Г.В. Особенности внешних связей глагольных фразеологизмов в сопоставлении со связями переменного словосочетания: АКД. М., 1975; Леоненко М.А. Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста // Синтаксис текста. М., 1979; Пронина Е.С. Сопоставление отрицательных и утвердительных безлично-инфинитивных предложений // Грамматические категории предложения и его структура. М., 1982; Сильницкий Г.Г. Функциональная характеристика именного сказуемого (в сопоставлении с глагольным) // Studia grammatyczne, IV: Prace Instytutu języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź, 1981; Файзуллаев Б.Ф. К вопросу о структурном параллелизме в сложном предложении (открытые структуры с сопоставительными отношениями) // Русский язык. Теория и методика преподавания. Душанбе, 1979; Чернов В.И. Сопоставительная характеристика со связками «сделаться», «оставаться» в современном русском языке // Синтаксис и интонация. Вып. 3. Уфа, 1976; Шайраметова Г. О категории таксиса в сопоставительном аспекте // Мир языка. Алматы, 1999. См. также «Синтаксические связи».

СОПУТСТВУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА. По терминологии А.А. Шахматова, разряд обстоя-

СОСТАВ ПОДЛЕЖАЩЕГО (ГОСПОДСТВУЮЩИЙ СОСТАВ)

тельств, к которым относятся обстоятельства причины и цели. Термин употребляется редко.

Лит.: см. «Обстоятельство».

СОСТАВ ПОДЛЕЖАЩЕГО (ГОСПОДСТВУЮЩИЙ СОСТАВ). Подлежащее вместе с относящимися к нему второстепенными членами (определениями и дополнениями): *Около меня стоял высокий парень в сером плаще; Чтение этой старой книги увлекло его.*

Лит.: см. «Подлежащее», «Второстепенные члены предложения».

СОСТАВ СКАЗУЕМОГО (ЗАВИСИМЫЙ СОСТАВ). Сказуемое вместе с относящимися к нему второстепенными членами (дополнениями, обстоятельствами и через ступень дополнения — определениями): *Он читал какую-то газету; Работа шла быстро и споро.*

Лит.: см. «Сказуемое», «Второстепенные члены предложения».

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Разновидность составного сказуемого, вещественный компонент которого выражается инфинитивом, а бытийный — фазисными глаголами (*начать, стать, продолжать, кончить, перестать*) или модальными словами (*мочь, должен, хотеть*): *Мы начали работать; Он должен был завтра уехать.* Инвентарь модальных слов в составном глагольном сказуемом точно не определен.

Лит.: см. «Сказуемое», «Главные члены предложения».

СОСТАВНОЕ ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ. Разновидность составного сказуемого, бытийный компонент которого выражается связочными глаголами, а вещественный — именами — существительными (в том числе местоименными), прилагательными и числительными: *Книга была длинной и скучной; Твой приезд*

для меня — подарок судьбы; Они по обыкновению были первыми. Иногда вещественный компонент составного именного сказуемого бывает выражен наречиями: *Деньги были кстати; Признаки процветания налицо* и инфинитивом: *Твоя задача была поговорить с ним.* Инвентарь связочных глаголов в этом сказуемом точно не определен.

Лит.: см. «Сказуемое», «Главные члены предложения».

СОСТАВНОЕ СКАЗУЕМОЕ. Структурный тип сказуемого, у которого бытийный и вещественный компоненты получают отдельное выражение. Различают составное глагольное и составное именное сказуемые. Иначе составное сказуемое называют непростым сказуемым.

Лит.: см. «Сказуемое», «Главные члены предложения».

СОЦИАТИВНО-СУБЪЕКТНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ. Дополнение, обозначающее лицо, совместно с которым кем-то совершается действие: *вошел в комнату с товарищем; был на концерте с женой.*

Лит.: см. «Второстепенные члены предложения».

СОЧЕТАЕМОСТЬ. Фундаментальное свойство языковых единиц всех уровней (звуков, морфем, слов и предложений) вступать в потоке речи (в синтагматическом ряду) в избирательные, строго регламентированные языком связи друг с другом.

Лит.: см. «Валентность».

СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ. 1. То же, что и валентность. 2. Явление, противопоставляемое валентности на основе оппозиции потенциальность/реальность: термин «валентность» ориентируется на принципиально возможные комбинации данного слова с другими словами, тогда как термин «сочетаемость» предполагает учет конкретных

соединений слова с другими словами в конкретных высказываниях. Так, при характеристике валентных свойств глагола *ехать* необходимо считаться с тем, что он способен вступать в связь с целой серией слов и словоформ, отвечающих на вопросы: *куда? как? зачем? с кем?* и т.д. Напротив, анализ сочетаемости того же глагола принимает во внимание лишь наличные (реализованные) связи этого глагола: *ехать из школы; ехать с братом в магазин*.

С точки зрения степени спаянности соединяемых компонентов сочетаемость неоднородна, в связи с чем различают структурно обязательную сочетаемость и структурно факультативную сочетаемость. Первая предполагает, что употребление отдельного слова в высказывании с необходимостью влечет за собой присутствие его определенного окружения, вторая, напротив, допускает использование того или иного слова без зависимых от него элементов. В полярных точках это противопоставление двух видов сочетаемости проявляется весьма отчетливо. Так, в высказывании *Он рассказал нам свою очередную историю* для глагола *рассказать* обязательен распространитель (*свою очередную историю*), без которого само высказывание становится неотмеченным, и факультативен распространитель *нам*, который легко может быть опущен. Однако за пределами этих полярных случаев противопоставление указанных видов сочетаемости сплошь и рядом не выдерживается. Более того, о нем нельзя вообще говорить применительно к анализу словосочетаний, основанных на связи согласования. Если оставить в стороне всякого рода цельные сочетания слов, то окажется, что наличие или отсутствие распространителей при субстантиве диктуется исключительно коммуникативны-

ми намерениями говорящего. Ср. *На горе стоял дом; На горе стоял двухэтажный дом; На горе стоял дом моего отца*.

Лит.: см. «Валентность».

СОЧЕТАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

1. Соединение двух и более самостоятельных предложений в тексте, обычно объединяемых общностью каких-то содержательных элементов. Ср. *Брат познакомил меня с мальчиком лет десяти. Коля жил за городом. Там у него была своя голубятня*. 2. Соединение предложений в составе любого сложного предложения. Подобное терминопотребление является нестрогим. Обычно предпочитают говорить о соединении частей сложного предложения.

Лит.: см. «Сложное предложение».

СОЧЕТАНИЕ СЛОВ. 1. Блок слов, не образующих словосочетания. К числу таких сочетаний относятся:

1) аналитические формы слов: *буду читать; самый умный;*

2) предложно-падежные сочетания: *из-за дома; под деревом;*

3) сочетания модальных слов и фазисных глаголов с инфинитивом в составном глагольном сказуемом: *должен уехать; начал говорить;*

4) сочетания связочных глаголов с именной частью в составном именном сказуемом: *был молодым; казался героем;*

5) предикативные сочетания слов: *шумит река; ребенок спит;*

6) сочинительные сочетания слов: *отец и мать; быстро, но основательно;*

7) сочетания двух сказуемых в составе двойного сказуемого: *родился здоровым; приехал миллионером;*

8) сочетания основного сказуемого с второстепенным: *привезли мать усталой и измученной; приказал ехать;*

9) сочетания с обособленными членами: *внизу, под горой; вечером, в шесть часов;*

10) сочетания слов, в которых постановка зависимого компонента обусловлена синтаксической функцией главного компонента: *(Дом) строится рабочими; (Магазин) открыт продавцом;*

11) устойчивые сочетания слов, часто (хотя и не всегда) тождественные отдельно взятому слову: *повесить нос* (опечалиться); *бить баклуши* (бездельничать).

Все перечисленные словесные комплексы изучаются в разных разделах науки о русском языке. По этой причине целостное учение о сочетаниях слов, которое можно было бы противопоставить учению о словосочетании, в современной русистике отсутствует, равно как и отсутствует специальный раздел о сочетаемости слов вообще (подобный фонотактике и морфотактике). 2. Любое сочетание слов, рассматриваемое безотносительно к тому, является оно словосочетанием или не является: *говорить правду; с горы; сидел усталый.*

Лит.: см. «Словосочетание».

СОЧИНЕНИЕ. Принцип соединения слов и предикативных единиц, при котором они предстают как формально и содержательно рядоположенные. См. **сочинительная связь и сочинительные отношения.**

СОЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Союзная связь, формальными показателями которой являются сочинительные союзы. Сочинительная связь устанавливается между словами в простых предложениях (за пределами словосочетаний!) и между частями сложносочиненных предложений. Традиционно выделяются три основных вида сочинительной связи: соединительная, противительная, разделительная. Сочинительная связь используется для выражения сочинительных отношений.

Лит.: Бакалова З.Н. Соотносительность сочиненных и сложносочиненных предложений несоответствия и уступки // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998; Гаврилова Г.Ф. Сочинение в усложненном сложном предложении // Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982; Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Типы и разновидности сложного синтаксического целого с сочинительными союзами в современном русском языке // Вопросы русского языка и методика его преподавания. Елец, 1999; Он же. Сложное синтаксическое целое с сочинительным союзом в антропоцентрическом аспекте // НДВШ. Филологические науки. 2000. № 5; Кормановская Т.И. Сочинение и подчинение в свете коммуникативного подхода // НДВШ. Филологические науки. 1989. № 3; Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988; Ларина Е.А. Изменения семантической структуры сочинительной связи в сложном предложении // Актуальные проблемы сложного предложения. Тверь, 1993; Наумова И.Ю. Промежуточность как языковое явление. Основные типы сочиненно-подчиненных предложений // Сб. статей по языкознанию к 70-летию профессора В.В. Щедулина. Ч. I. Липецк, 1997; Поспелов Н.С. Об однородности и сочинении // Синтаксические связи в современном русском языке. Владивосток, 1974; Санников В.З. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке (на материале русских сочинительных конструкций) // ВЯ. 1990. № 5; Сигал К.Я. Сочинительные конструкции и дискурс // Изв. РАН. № 5. 2001; Стеценко А.Н., Холодов Н.Н. Об основных тенденциях и путях сочинения в русском языке (на материале сложноподчиненных предложений) // ВЯ. 1980. № 2; Троицкий Е.Ф. Компоненты сочинительной конструкции и их отношения. Смоленск, 1987; Он же. Сочинение тождественных членов // РЯШ. 1977. № 6; Уханов Г.П. Ряды однородных придаточных и структурные схемы сочинения // Синтаксис сложного предложения. Кали-

нин, 1983; Фурсенко В. И. Сложные предложения с сочинением и подчинением как коммуникативное целое // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 353. М., 1970; Холодов Н. Н. Анализ сложных предложений с сочинением и подчинением как единых целых // Уч. зап. Смоленского пед. ин-та. Вып. 22. Смоленск, 1970.

СОЧИНИТЕЛЬНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. При широком подходе к словосочетанию соединение слов, образованное на базе сочинительной связи: *быстро, но небрежно; лес и поле; высокий и стройный*. Сочинительное словосочетание противопоставляется подчинительному словосочетанию. Узкий подход видит в сочинительном словосочетании сочетание слов (в 1-м знач.), в связи с чем термин не употребляется.

Лит.: см. «Словосочетание».

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Синтаксические отношения рядоположности, устанавливаемые между означаемыми слов (однородных членов) в простом предложении. Сочинительные отношения выражаются посредством сочинительной и бессоюзной связи: *брат и сестра; тихо, но внятно; вышел из дому, повернул направо и направился к остановке*. В составе этих отношений различаются соединительные, противительные, разделительные (иногда – сопоставительные) отношения.

2. Синтаксические отношения рядоположности, существующие между языковыми ситуациями, называемыми частями сложного предложения. Средства их выражения те же, что и в простом предложении – сочинительная и бессоюзная связь: *Дверь скрипнула, и кто-то вошел в комнату; Мы уже помирились, она стала относиться ко мне гораздо лучше, но потом все неожиданно изменилось*. Аналогичным же образом здесь выделяют три вида сочинитель-

ных отношений – соединительные, противительные, разделительные (и иногда – сопоставительные).

Лит.: см. «Сочинительная связь».

СОЮЗНАЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ. Подчинительная связь, формальными показателями которой являются подчинительные союзы и союзные слова. Реализуется в основном в сложноподчиненном предложении, поскольку в простом предложении союзные слова невозможны вообще, а подчинительные союзы употребляются в порядке исключения. Союзная подчинительная связь противопоставляется подчинительной связи в простом предложении, представленной двумя разновидностями – *при словной* и *неприсловной* подчинительной связью.

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение».

СОЮЗНАЯ СВЯЗЬ. Синтаксическая связь, формальными показателями которой являются союзы и союзные слова. Традиционно различаются два основных типа союзной связи – *подчинительная* и *сочинительная*. Кроме того, существуют несколько разрядов союзной связи, статус которых не вполне ясен (напр., *пояснительная* связь). В сложном предложении союзная связь реализуется широко и свободно, тогда как в простом предложении она вынуждена считаться с определенными ограничениями (ср. невозможность использования здесь союзных слов). Союзная связь противопоставлена бессоюзной связи.

Лит.: см. «Сложносочиненное предложение», «Сложноподчиненное предложение».

СОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Сложное предложение,

части которого соединяются союзами и союзными словами. Оно может быть сложносочиненным и сложноподчиненным. Но хотя это подразделение введено в научный оборот уже давно, его основания долгое время оставались в русистике, если воспользоваться выражением А.М. Пешковского, «полуосознанными», что и явилось причиной оживленной дискуссии 20-х гг. прошлого столетия. Внешним поводом к ней стал выход в свет книги М.Н. Петерсона «Очерк синтаксиса русского языка» (Пг., 1923), где утверждалось, что объективные критерии не дают возможности отличать сочинение от подчинения. Эта мысль вызвала возражения у известного русиста А.М. Пешковского, который в своей статье «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» впервые предпринял попытку определения формальных особенностей, присущих сочинению и подчинению в союзных сложных предложениях.

Эти особенности, по А.М. Пешковскому, заключаются в следующем.

Во-первых, при подчинении показатель отношения находится лишь в одной из соединяемых частей – в зависимой части, причем подчинительный союз не просто ритмически примыкает к своему предложению, а составляет его органическую формальную принадлежность. Наоборот, при сочинении показатели отношений стоят или при каждой из соотносящихся частей (как это, скажем, имеет место в случае употребления союзов типа *ни... ни, то ли... то ли* и им подобных), или между соотносящимися частями, не сливаясь внутренне ни с одной из них (как это наблюдается в случае реализации союзов *и, а, но*).

Во-вторых, зависимая часть, к которой «припаиван» показатель отноше-

ния – подчинительный союз, может стоять перед главной частью, после главной или быть включенной в середину главной. Что же касается сложносочиненных предложений, их части никогда не могут быть вдвинуты одна в другую, так как показатель отношения не сливается ни с одной из них.

Статья А.М. Пешковского стала большим событием в истории русистики, однако она, по существу, не исчерпала всех проблем, связанных с разграничением сочинения и подчинения, и поэтому попытки обнаружить какие-то др. критерии разграничения названных явлений продолжают до сих пор. В полной мере успешными их считать нельзя, потому что они, как правило, замыкаются в рамках формального синтаксиса, а это имеет своим следствием определение сочинения и подчинения посредством отсылки к характеру связующих единиц: сложносочиненными предложениями называются предложения, части которых соединяются сочинительными союзами, а сложноподчиненными – предложения, части которых связаны подчинительными союзами и союзными словами.

Такой подход к союзным сложным предложениям находится в явном противоречии с общей тенденцией к семантизации синтаксических исследований – тенденции, требующей учета (в первую очередь!) кардинальных содержательных особенностей, которые обнаруживаются посредством тех или иных форм, в том числе и форм с вторичными значениями. Если следовать этой тенденции, различия между подчинением и сочинением можно связать со способами организации передаваемой в их составе информации.

Подчинение предполагает включение информации, передаваемой придаточным, в главное (*Они поняли, что все уже позади*) или, наоборот, информа-

ции, сообщаемой главным предложением, в придаточное (*Николай смутился, отчего щеки его стали пунцовыми*), что и делает механизм сложноподчиненного предложения «неразъемным» (кроме случаев автономного употребления придаточных в особых коммуникативных условиях: *Если бы только он не забыл об этом!; Чтобы сейчас же был дома!*). Сочинение упорядочивает информацию на основе прямого соположения двух и более информационных блоков, интерпретируемых как одноранговые, рядоположные (но не обязательно как равноправные!) феномены (*В легкой синеве неба розовело одно облачко, и было что-то не по-земному изящное в его удлиненном очерке*), в результате чего части сложного предложения — репрезентанты этих блоков сохраняют способность к автономному употреблению (за исключением тех случаев, когда этому препятствует наличие повторяющихся союзов: *Ни ты не поймешь этого, ни тебя никто не поймет*).

Различаясь по способам организации информации, подчинение и сочинение в то же время оказываются однородными явлениями, для которых одинаково обязательна вполне определенная и достаточно строгая спецификация указанных способов, находящая соответствующую вербальную поддержку. И в этом своем качестве подчинение и сочинение противопоставляются бессоюзию, у которого способ информационной организации на самом, так сказать, верхнем (инвариантном) уровне остается нехарактеризованным и лишь в конкретных (вариантных) условиях осознается либо как аналогичный, хотя и не тождественный, способам, действующим в рамках подчинения и сочинения (*Слышу: меня зовут; Лето припасает — зима проедает*), либо как отличный от них (*Павел*

сидел рядом с Наташей; он был красивее всех).

Лит.: Петерсон М. Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923; О н же. Лекции по современному литературному русскому языку. М., 1941; Пешковский А. М. Существуют ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959. См. также «Сложноподчиненное предложение», «Сложносочиненное предложение».

СОЮЗНЫЕ СЛОВА́. Средство связи частей сложноподчиненного предложения, противопоставляемое подчинительным союзам. От последних союзные слова отличаются тем, что они:

а) принадлежат не к служебным, а знаменательным частям речи — местоимениям и местоименным наречиям и числительным: *кто, что, который, чей, какой, где, куда, откуда, когда, сколько*;

б) используются исключительно в сфере сложноподчиненного предложения;

в) являются функциональными членами придаточного предложения;

г) носят анафорический характер;

д) устанавливают связь придаточного с главным посредством указания на то, какую функцию выполняет «положение дел», называемое последним, в составе придаточного;

е) предполагают включение информации главной части (полностью или частично) в состав придаточного, без чего придаточное остается содержательно недостаточным, синсемантическим;

ж) допускают употребление придаточного преимущественно в постпозиции;

з) разрешают использование соотносительных слов в главной части сложноподчиненного предложения значительно реже, чем подчинительные союзы;

и) обуславливают постановку вопроса в сложноподчиненном предложении не от главной части, как обычно, а от придаточного.

С формальной точки зрения союзные слова в одних случаях отличаются от соответствующих подчинительных союзов (ср. *почему — потому что, отчего — оттого что, для чего — для того чтобы* и т.д.), в других — омонимически совпадают с последними (*что, как, когда*). Некоторые союзные слова не имеют соответствий с подчинительными союзами (*который, чей, где, куда* и др.).

Лит.: Вахтель Н. М. О явлениях функциональной омонимии в сфере подчинительных союзных средств современного русского языка // Школьная и научная грамматика. Воронеж, 1979; Колосова Т. А., Черемисина М. И. О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987; Прияткина А. Ф. Об одном частном случае вторичных союзных связей // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974.

СОЮЗНЫЙ ОБОРОТ. Словоформа (одна или с распространяющими ее словоформами), вводимая в простое предложение подчинительным союзом. «Русская грамматика 1980» различает два союзных оборота: сравнительный оборот и оборот со значением «в качестве».

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ. Термин «Русской грамматики — 1980», обозначающий конструкции, предназначенные для выражения субъективно-модальных значений. К их числу относятся, во-первых, разнообразные синтаксические фразеологизмы: *Дом как дом; Ах он мошенник! Ай да молодец! Что ему до меня!*, во-вторых, соединения слово-

форм экспрессивного характера: *из ловкачей ловкач; спал не спал, а вставай; попадья — не попадья, барыня — не барыня*.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ. См. *чужая речь*.

СПРЯМЛЁННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание устной разговорной речи со спрямленной синтаксической перспективой. Будучи по форме тождественно-предметным, оно не является таковым по содержанию. По наблюдениям исследователей разговорной речи (Е. А. Земской, Е. В. Красильниковой и др.), вещественный компонент сказуемого, принявший форму именительного падежа существительного, в его составе чаще всего выражает: содержательное наполнение предмета-подлежащего: *Второе отделение — полностью Бах*, его состояние: *Одна касса — обеденный перерыв*, его отличительное свойство: *Свинина — один жир*, его местоположение: *Булонь — это берег Франции*.

Сейчас подобные высказывания уже не являются исключительной принадлежностью устно-разговорной речи. Их знает и широко использует в экспрессивных целях современная пресса: *Учет — это порядок; Никель — это танки, самолеты; Сибирь — это сотни километров непроходимой тайги*.

Лит.: Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981; Земская Е. А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004; Красильникова Е. В. Язык и культура (к изучению языка города) // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.

СПОСОБЫ ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ. У некоторых авторов

(Бабайцевой В.В., Распопова И.П. и др.) термин, употребляемый вместо термина «виды подчинительной связи» (применительно к словосочетанию). Его ввод обусловлен стремлением сосредоточить внимание на том, как в техническом отношении обнаруживает себя присловная подчинительная связь. Термин широкого распространения не получил.

Лит.: см. «Подчинительная связь».

СРАВНИТЕЛЬНО-ОБЪЕКТНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

У некоторых авторов — сторонников структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений особый разряд придаточных, относящихся к наречиям, прилагательным, словам категории состояния в форме сравнительной степени и называющих объект сравнения: *Время шло медленнее, чем ему хотелось бы* (Трифонов); *В лесу оказалось холоднее, чем ожидалось* (Астафьев). Противопоставляется изъяснительно-объектному предложению. В семантически ориентированных описаниях сложноподчиненных предложений оба разряда одинаково рассматриваются в составе изъяснительных придаточных.

Лит.: см. «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

1. Обстоятельственные отношения, существующие в простом предложении либо между словоформами — компонентами словосочетания: *лететь стрелой; петь соловьем*, либо между словами и относящимся к ним сравнительным оборотом: *Он относился к ним внимательно, как родной отец*. В рамках этих отношений содержание действия или признака раскрывается путем отсылки к действию или признаку, устойчиво ассоциируемому с тем или иным упоминаемым предме-

том. 2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложноподчиненном предложении с придаточным сравнительным и, реже, в бессоюзном сложном предложении: *Слова лились свободно, словно их рождало сердце; Молвит слово — соловей поет*. Сравнительные отношения предполагают характеристику ситуации, названной в главной части, путем сравнения с другой ситуацией, выраженной в придаточной части.

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения».

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ.

Оборот, вводимый в простое предложение посредством подчинительных союзов. Этим термином очень часто объединяют два совершенно разных явления: с одной стороны, конструкции, раскрывающие содержание лексически не названного признака или уточняющие его (ср. *Он летел как стрела* и *Он летел быстро, как стрела*), а с другой — конструкции, находящиеся в отношениях чередования с формой родительного падежа при сравнительной степени прилагательного (ср. *Он выше брата* и *Он выше, чем брат*).

Лит.: Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // ИАН. Сер. языка и литературы. 1983. № 4; Мурзин Н.Л. К структурной типологии сравнительных конструкций (на материале русских поэтических текстов) // Фатическое поле языка. Памяти проф. Л. Н. Мурзина. Пермь, 1998; Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976.

СРЕДСТВА СВЯЗИ ЧАСТЕЙ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Языковые средства, к числу которых относятся:

1) союзы и союзные слова: *Что липы зацвели, это, конечно, хорошо* (Вересаев); *Он с усилием прислушивался к тишине; ему то чудились в ней звуки боя*,

то, вдруг, придя в себя, он ничего не слышал, и тогда ему казалось, что он оглох... (К. Симонов); *И это был такой большой закат, Какого видеть мне не приходилось* (Д. Самойлов);

2) соотносительные местоименные слова (корреляты) в главной части сложного предложения: *В одном краю, там, куда шли, небо чуть начало зеленеть* (А.Н. Толстой); *Особенно было страшно то, что над огнем, в дыму, летали голуби* (Чехов);

3) указательные (дейктические) элементы, реализуемые вне соотношения с подчинительными союзами и союзными словами: *...но сказать просто, что не надо ему никакой очной ставки, значило бы только удивить Малинина, а объяснять ему все подробно просто не было сил: так лепил снег, так дул ветер, так тяжело и холодно было идти против ветра...* (К. Симонов); *Все окна завалило снегом, и церковка дрожала – такая разыгралась пурга* (А.Н. Толстой);

4) вводные элементы (в тех случаях, когда предложение без них является неотмеченным): *Видно, вечером в огород зашла отставшая от стада корова, потому что все грядки были затоптаны* (Астафьев);

5) лексические и фразеологические элементы в главной части сложного предложения, уточняющие значения союзных скреп: *Крестьянин ахнуть не успел, Как на него медведь надел* (Крылов); *Стоило ему выглянуть за дверь, как тут же появилась куча детей* (Ю. Трифонов);

6) порядок следования частей сложного предложения, благодаря которому в одних случаях раскрывается последовательность развития событий (ср. *Он успокоился, и я рассказал ему о новых наших планах* и *Я рассказал ему о новых наших планах, и он успокоился*), а в других констатируется большая коммуникативная значимость одной из

соотносимых ситуаций по сравнению с другой (ср. *Так как было холодно, мы тепло оделись*: акцентируется следствие и *Мы тепло оделись, так как было холодно*: акцентируется причинная мотивировка);

7) координированное употребление времен, видов и наклонений, которое детализирует, уточняет характер семантико-синтаксических отношений, существующих между ситуациями, называемыми в частях сложного предложения (ср. *Мама дала нам еды, и мы направились к лесу*: выражена последовательность ситуаций и *Все небо было закрыто тучами, и солнца не было видно*: выражена одновременность ситуаций); *Я знал, что они приехали*: констатируется предшествование второй ситуации первой и *Я знал, что они скоро приедут*: констатируется следование второй ситуации за первой; *Если бы ты пришел вовремя, все бы устроилось*: гипотетическое следствие поставлено в зависимость от гипотетического же условия);

8) интонация, обеспечивающая а) объединение частей сложного предложения в одно структурное или композиционное целое, б) дифференциацию отношений между ними (особенно при отсутствии союзов и союзных слов, в) выражение (вместе с порядком размещения частей) коммуникативной перспективы, отражающей то, как развертывается высказываемое сообщение (*После грозы вдруг стало холодно, подул сильный северный ветер; Ты богат, я очень беден*).

Лит.: см. «Сложноподчиненное предложение», «Сложносочиненное предложение», «Союзные слова».

СТАТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС.

Вариант синтаксиса, изучающий общие закономерности организации синтаксических структур, рассматриваемых вне рамок речевого акта.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК СЛОВ. То же, что инверсированный порядок слов.

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, ориентированный на изучение стилистических потенций синтаксических единиц — высказываний, разного рода оборотов и текста (а в составе последнего — стилистических фигур).

Лит.: Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвистика. М., 1980; Пекарская И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 1–2. Абакан, 2000.

СТРАДАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ. Предложение, в составе которого сказуемое (или главный член односоставного предложения) носит неактивный характер и выражается личными формами страдательного залога или страдательными причастиями: *Завод строится зарубежными специалистами; Магазин был открыт продавцом в восемь утра; Тут же было послано за доктором.* Иногда страдательной называют только конструкцию, содержащую в своем составе агентивное дополнение.

Лит.: Бидэм Кр. Видовое значение конструкции «быть + страдательное причастие» // ВЯ. 1988. № 6; Йомдин Л. Л. Нулевые и инфинитивные подлежащие в русских страдательных конструкциях // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986. См. также «Простое предложение».

СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ОБОРОТ. То же, что страдательная конструкция.

СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Формальный образец, по которому строится предложение. Со-

стоит из словоформ, выражающих главные члены (подлежащее и сказуемое) двусоставного предложения или главный член односоставного предложения. В речевом акте структурная схема может развертываться в позиционную схему, включающую позиции второстепенных членов. Поскольку в ходе семантизации синтаксических исследований русистика пришла к выводу, что в основе предложения лежит содержательный образец, отдельные звенья которого могут выражаться разными формами, в том числе и формами во вторичных значениях, понятие структурной схемы утрачивает свою эвристическую ценность буквально на глазах.

Лит.: См. «Простое предложение».

СТРУКТУРНО ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ. См. *сочетаемость*.

СТРУКТУРНО ФАКУЛЬТАТИВНАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ. См. *сочетаемость*.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СКАЗУЕМОГО. Разряды сказуемого, выделяемые с учетом того, как выражаются бытийный и вещественный компоненты в его составе — в одном слове или в разных словах. Соответственно различают простое глагольное сказуемое: *Идет дождь; Шумят деревья* и составное сказуемое: *Ноша его была тяжелой; Спутники начали устывать.* На следующем шаге классификации составное сказуемое в зависимости от характера выражения вещественного компонента дополнительно подразделяется на составное именное и составное глагольное.

Лит.: см. «Сказуемое».

СУБОРДИНАТИВНАЯ СВЯЗЬ. Односторонняя подчинительная связь, устанавливаемая в словосочета-

ниях: *ехать по дороге, низкое дерево; шум моря; очень интересно*. Термин можно рассматривать как синоним термина «присловная подчинительная связь».

Лит.: см. «Подчинительная связь».

СУБСТАНТИВНОЕ ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Используемое в некоторых синтаксических описаниях родовое наименование номинативного и генитивного предложений. При широком подходе к номинативному предложению, предполагающем включение в его состав генитивного предложения на правах одного из количественных вариантов, употребление термина лишается оснований.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

СУБСТАНТИВНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Разряд именных словосочетаний, в которых главный компонент выражен существительным: *летний день; рассказ о поездке; желание отличиться*.

СУБЪЕКТ (лат. *subjectum* «субъект»). Логический по происхождению термин, обозначающий предмет суждения, определяемый предикатом. Будучи экстраполирован в русистику, одно время (в XIX – первой половине XX в.) употреблялся как содержательный коррелят термина «подлежащее», представляющего собой кальку того же самого латинского слова. Сейчас используется лишь в некоторых синтаксических описаниях, концентрирующих внимание на том, что сходные семантические объекты могут быть выражены не только подлежащим, но и другими членами предложения (напр., дополнением).

Лит.: Аругтюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР. Сер. языка и литературы.

1979. № 4; Белошапкова В. А. О семантическом изоморфизме нулевых позиций субъекта и объекта в русском предложении // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Боровикова Н. А. Особенности предикатов, употребляющихся с семантическим субъектом в форме родительного падежа без предлога // Актуальные проблемы русистики. Екатеринбург, 1997; Гуревич В. В. О субъективном компоненте языковой семантики // ВЯ. 1998. № 1; Деметьева О. Ю. Невыраженность семантического субъекта как способ реализации коммуникативного намерения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Кокорина С. И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. М., 1979; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Моисеева Е. А. Предикаты на -о в моделях с личным субъектом // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1996; Падучева Е. В. Говорящий субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991; Она же. Родительный субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика? // ВЯ. 1997. № 2; Позднякова Е. М. Языковые средства реализации семантической роли агенса в позиции субъекта // Связи языковых единиц в системе и реализации: Межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 1998; Полежаева О. А. О некоторых способах выражения субъекта в посессивных конструкциях // Проблема семантического описания единиц языка и речи. Ч. 2. Минск, 1998; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность – неопределенность. СПб., 1992.

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ. Вид модальности, выражающий отношение говорящего к сообщаемому, который оценивает последнее

как достоверное или, наоборот, недостоверное: *Он, кажется, приехал; Мы, несомненно, узнаем это*. В последние годы такого рода случаи связывают с речевым поведением говорящего, действующего в условиях нехватки информации и предлагающего слушателю гипотезы с различной степенью вероятности.

Лит.: Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975; Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., Наука, 1993; Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Олзоева Я. В. Оценка и модальность // Тенденции развития грамматического строя русского языка. М., 1994; Падучева Е. В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 1993. № 3; Теория функциональной грамматики. Т. 2. Темпоральность. Модальность. Л., 1990; Феллов А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // НДВШ. Филологические науки. 1991. № 1.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. Порядок слов, отражающий развертывание сообщения от ремы к теме. Может быть прямым: *По дороге зимней, скучной Тройка борзая бежит* (Пушкин) или обратным: *Положила (она) ему руку на плечо: вздрогнул Лойко* (Горький). Термин предложен В. Матезиусом.

Лит.: см. «Порядок слов».

СУБЪЕКТИВНО-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Выделяемый некоторыми исследователями разряд повествовательных предложений, в которых выражается побуждение или пожелание: — *Сядь-те! — приказал он властно* (В. Богомолов); *Только бы до лесу дойти прежде...* (Л. Толстой). Противопоставляется

объективно-повествовательному (декларативному) предложению. Многими исследователями этот разряд предложений специально не выделяется.

Лит.: см. «Простые предложения».

СУБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Подчинительные отношения, выделяемые в словосочетаниях наряду с атрибутивными, объектными, обстоятельственными и восполняющими (комплетивными) отношениями. Их существенная особенность, по мнению ряда исследователей, состоит в том, что главный компонент соответствующих словосочетаний — отглагольное (реже отадъективное) существительное называет опредмеченное действие (или опредмеченный признак), а зависимый компонент — имя с конкретным значением в родительном падеже — субъект действия (или носителя признака): *открытие Колумба; приезд матери; смелость воина*. Это мнение не является общепринятым: многие авторы рассматривают указанные отношения в составе объектных или определительных.

Лит.: см. «Подчинительные отношения».

СУБЪЕКТНЫЙ ИНФИНИТИВ.

Приглагольный инфинитив, относящийся к тому же субъекту, что и вводящий его глагол. Субъектный инфинитив может быть номинатором либо вещественного компонента составного глагольного сказуемого, либо дополнения и обстоятельства: *Лошади стали уставать; Он не любил читать; Мы вышли в сени покурить*. Субъектный инфинитив противопоставляется объективному инфинитиву.

Лит.: см. «Сказуемое», «Словосочетание».

ТАВТОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Отождествительно-предмет-

ное предложение, в котором подлежащее и сказуемое получают одинаковое лексическое выражение: *Дети есть дети*; *Долг — это долг*; *Солдат — всегда солдат*. Будучи номинативной пустышкой, такое высказывание приобретает необходимый смысл только в конкретном речевом акте. Глядя, напр., на не в меру расшалившихся мальчишек, мы успокаиваем собеседников (а иногда и самих себя) фразой с отчетливой извиняющейся интонацией: «*Дети есть дети*», имея в виду, что чрезмерная подвижность и шаловливость — неперенные спутники детского возраста. Когда рассказчик теряет чувство меры, живописуя необыкновенные способности своей кошки, его останавливают холодным замечанием: «*А все-таки кошка — это кошка*», намекая на то, что не следует перешагивать порог правдоподобия. Дотошному собеседнику, настойчиво требующему объяснить ему, что такое долг, раздраженно бросают: «*Долг — это долг*», полагая, что это понятие очевидно и не нуждается в комментариях.

Поскольку характер речевого акта меняется, не остаются, естественно, стабильными толкования одного и того же тавтологического высказывания. Так, уже упоминавшееся высказывание *Дети есть дети* может означать и то, что они дороги родителям, и то, что они требуют заботы, и то, что у них еще не устоявшаяся психика. Для актуализации нужной импликации обыкновенно бывает достаточно самых общих ситуативных «показаний». Иногда соответствующая информация идет от социального, профессионального и т.д. статуса говорящего лица. Имея в виду это обстоятельство, А. М. Пешковский не без иронии писал: «...самодур-купец времен Островского мог бы

сказать *купец есть купец* в том смысле, что он должен устраивать дебоши в ресторанах, дон Жуан мог бы сказать *муж есть муж* в том смысле, что его надо обманывать». И лишь изредка многозначные вариантные тавтологии требуют от говорящего дополнительных разъяснений: *Деревня — это деревня: здесь слухи опережают события* (В. Липатов); *Помни, армия есть армия, ей воевать надо. А вооруженный бандитизм — наша забота* (Э. Хруцкий).

За пределами отождествительно-предметных предложений тавтологические высказывания встречаются редко: *Нет, теперь без красной рябинки да белой черемушки и дом не в дом* (Ф. Абрамов); *Дома ему чай не в чай* (А. Герцен).

От тавтологических высказываний следует отличать мнимые тавтологии, у которых подлежащее и сказуемое, будучи подобными формально, не являются таковыми в содержательном отношении и, следовательно, расшифровки через речевой акт не предполагают: *Невнимательный читатель — не наш читатель* (Из газет); *Главная ошибка Вересаева есть ошибка не личная, а традиционная* (В. Непомнящий).

Лит.: Бельчиков Ю.А. Тавтология // Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Василевская Л.И., Рапова Г.И. Повтор в риторике и экспрессивном синтаксисе // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988; Виноградов В.А. Тавтология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Николкина Н.А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ТЕКСТ (лат. *textus* «ткань, сплетение, соединение»). Логическая и

структурная совокупность высказываний, скрепленных единством тематики. Текст представляет собой речевое произведение, построенное на основе соответствующих языковых закономерностей.

Изучение текста началось сравнительно недавно (лишь в XX в., причем далеко не в самом его начале) и осуществляется в рамках различных лингвистических традиций по-разному. Так, западная лингвистика в соответствии с семиотической традицией Ч.У. Морриса различает, по существу, три разные науки: синтаксис текста, семантику текста и прагматику текста. При этом предполагается, что синтаксис должен рассматривать преимущественно средства связи высказываний внутри одного текста, семантика ориентируется на описание пресуппозиций, делающих речь осмысленной, а задача прагматики усматривается в том, чтобы изучать условия успешной коммуникации. Русистика, напротив, считает возможным говорить о целостной науке, называемой лингвистикой текста. Последняя, по логике вещей, должна обеспечить квалификацию гетерогенных текстовых явлений, находящихся в компетенции разных областей языковедческого описания. Однако ведущая роль в изучении текста отводится синтаксису, призванному выявить языковые закономерности, которые определяют типологические особенности разных видов текста, членение текста на единицы, большие, чем предложение (высказывание), и связь высказываний в тексте. К настоящему времени накоплен ряд интересных наблюдений, касающихся общих и частных особенностей текстовых произведений. Однако они до сих пор не систематизированы и часто противоречат друг другу. Ясно лишь, что, во-первых, тексты по своему характеру неодно-

родны (они могут быть большими и маленькими, устными и письменными, нетождественными по содержанию и способам языковой организации), во-вторых, они распадаются на части (типа сложного синтаксического целого) и, в-третьих, в их составе высказывания соединяются посредством самых разных видов связей (в том числе и таких, которые за пределами текста не встречаются).

Лит.: Адмони В.Г. Грамматика и текст // ВЯ. 1985. № 1; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д, 1993; Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; Герасименко В.Г. Роль видо-временных форм в организации различных типов текста // НДВШ. Филологические науки. 1991. № 5; Герасименко В.Г. Роль видо-временных форм в организации различных типов текста // НДВШ. Филологические науки. 1991. № 5; Гиндян С.И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948–1975) // ИАН. Сер. языка и литературы. 1977. № 4; Григорьев В.П. От текста к языку и снова к тексту // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 36. 1977. № 3; Дигмай В.Н. Абзац, сложное синтаксическое целое, компоненты текста. Общее и различное // НДВШ. Филологические науки. 2002. № 2; Золотова Г.А. Труды В.В. Виноградова и проблема текста // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 4; Она же. Категория времени и вида с точки зрения текста // ВЯ. 2002. № 3; Ильенко С.Г. Синтаксические единицы в тексте. Л., 1989; Каменская О.Л. Текст и комму-

никация. М., 1990; Лосева Л. М. Структурно-семантическая организация целых текстов. Одесса, 1973; Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997; Мецлер А. А. Структурные связи в тексте. Кишинев, 1987; Мурзин Л. Н. Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991; Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики // Структура текста. М., 1980; Она же. Лингвистика текста и проблемы общей лингвистики // ИАН. Сер. языка и литературы. 1977. № 4; Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978; Одинцов В. В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980; Русский язык. Текст как целое и его компоненты. Виноградовские чтения. XI. М., 1982; Семантика текста. М., 1979; Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996; Слюсарева Н. А. Лингвистика речи и лингвистика текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982; Солганик Г. Я. От слова к тексту. М., 1994; Текст. Узоры ковra: Сб. статей науч.-методич. семинара «ТЕХТУС». Вып. 4. Ч. 1. СПб.; Ставрополь, 1999; Тураева З. Я. Лингвистика текста. (Текст: структура и семантика). М., 1986; Она же. Лингвистика текста и категория модальности // ВЯ. 1994. № 3; Шаховский В. И. Текст как способ экспликации эмоциональности языкового сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000.

ТЕ́КСТОВАЯ СКРЕ́ПА. См. **скрепа** (в 1-м знач.).

ТЕ́МА ВЫСКА́ЗЫВАНИЯ. Термин теории актуального членения, обозначающий исходный пункт (предмет) сообщения и противопоставляемый реме высказывания. Термин «тема» использовался немецкими лингвистами Г. Амманом и К. Боостом еще до того, как учение об актуальном членении приняло свой современный вид в работах

В. Матезиуса. В настоящее время он стал общепринятым и вытеснил из употребления конкурирующие термины с тем же значением: основа высказывания, психологический субъект, смысловой субъект, данное и т.д.

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ТЕМАТИ́ЧЕСКИ ДЕТЕРМИНИ́РОВАННОЕ ВЫСКА́ЗЫВАНИЕ. Обычное, наиболее частотное высказывание, в котором наличествует словесно выраженная тема (см. **актуальное членение предложения**). Противопоставляется тематически недетерминированному высказыванию.

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ТЕМАТИ́ЧЕСКИ НЕДЕТЕРМИНИ́РОВАННОЕ ВЫСКА́ЗЫВАНИЕ. Высказывание, в котором тема не имеет словесного выражения: *Было солнечное утро* (К. Симонов); *Шел нудный, мелкий дождь* (Ю. Трифонов). Иногда полагают, что темы здесь нет вообще и она не подразумевается, в связи с чем отдельные исследователи говорят о нулевой теме. Однако это не так. Темой здесь является словесно не выраженная констатация «здесь и сейчас». Тематически недетерминированное высказывание (иначе называемое коммуникативно нерасчлененным или просто нерасчлененным) противопоставляется тематически детерминированному высказыванию.

Лит.: см. «Актуальное членение предложения».

ТЕМПОРА́ЛЬНЫЕ ОТНОШЕ́НИЯ. См. **временные отношения**.

ТЕО́РИЯ ГЛАГО́ЛЬНОСТИ. Предложенная А.А. Потемной теория, согласно которой необходимым минимумом того, что делает предложение

предложением, является спрягаемый глагол (*verbum finitum*). Теория не была принята в последующем русистикой в силу того, что оставляла без объяснений круг безглагольных конструкций. А.М. Пешковским была предпринята попытка заменить понятие глагольности более широким понятием сказуемости (см. **теория сказуемости**).

Лит.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.

ТЕОРИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ.

Разработанная в начале XX в. западноевропейской лингвистикой теория, которая исходила из допущения (вероятно, под влиянием формировавшейся в ту пору логической теории референции), что сущность предложения определяет отнесенность его содержания к действительности. В 50-е гг. теория была усвоена русистикой. Сторонник этой теории В.В. Виноградов полагал, что предложение формирует особая категория предикативности, «значение и назначение которой... заключается в отнесении содержания предложения к действительности». Такое отнесение, по его мысли, обеспечивают «подводимые под общее понятие предикативности» синтаксические категории модальности, времени и лица, «базирующиеся на морфологических категориях, но далеко выходящие за их пределы».

В 70-е гг. был предпринят ряд попыток усовершенствовать эту теорию путем выявления того, что определяет существо механизма отнесения содержания предложения к действительности. Эти попытки успеха не имели, так как по существу сводились к характеристике лексико-грамматического (т.е. формального) каркаса предложения. Тем не менее теория предикативности имеет до сих пор немало сторонников.

Более того, с этой теорией оказываются связанными получившие широкое распространение термины «предикативная единица», «предикативный центр», «предикативная связь», «предикативные отношения» и некоторые др.

Лит.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947; Он же. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка) // ВЯ. 1954. № 1; Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. Т. II. Ч. 2. М., 1954; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М., 1997. См. также «Предикат», «Предикативная основа простого предложения».

ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.

Теория, разработанная западноевропейской наукой XIX в. и использованная А. А. Шахматовым в целях классификации русских предложений. Согласившись с тем, что акт психологической коммуникации всегда двучленен и состоит в нарочитом сочетании двух представлений – субъекта и предиката, он вместе с тем отметил, что в языке (точнее, в предложении) два члена психологической коммуникации могут получать либо раздельное, либо совмещенное выражение (Ср. *Идет дождь* и *Дождит*). Соответственно им были выделены двусоставные и односоставные предложения. В последующем теория психологической коммуникации была русистикой отвергнута, однако термины, введенные А. А. Шахматовым, сохраняются в синтаксических описаниях до сих пор.

Лит.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ. Теория, предполагающая изучение закономер-

ностей соотношения содержания конкретных предложений с действительным миром. Изначально принадлежала к числу познавательных средств логической науки, освоенных ею еще в XIX в. (прежде всего в работах Г. Фреге), и лишь значительно позднее была экстраполирована в лингвистику, где до сих пор сохраняет отчетливые следы своего происхождения. Нередко задачи этой теории видят в изучении отнесенности к действительности (точнее, к ее объектам – референтам) только актуализованных имен или их эквивалентов. Что же касается предложения, считается, что оно само по себе референционными свойствами не обладает. Между тем к настоящему времени сложилось и другое, собственно лингвистическое понимание референции, согласно которому референтную характеристику в процессе актуализации получает вначале предложение (точнее, высказывание) и только через него слова и сочетания слов, остающиеся вне рамок последнего всего лишь сырым материалом.

Это толкование вполне согласуется с хорошо известным фактом двойственности языка (если последний понимать широко – как один из видов человеческой деятельности): с одной стороны, язык не может существовать не обобщая – в противном случае он превратился бы в грандиозную коллекцию этикеток, освоить которую человеческий ум был бы не в состоянии, с другой стороны, язык не может существовать не конкретизируя – в противном случае люди просто не поняли бы друг друга. Именно эта языковая двойственность обязывает говорящего, по выражению французского исследователя Э. Бенвениста, прибегать к процедуре двойного означивания: используя соответствующее номинативное средство, он сначала регистрирует де-

нотат – класс реалей, именуемых этим средством, а затем с помощью соответствующих процедур выделяет референт, представляющий собой отдельно взятый, доведенный до порога узнавания элемент денотативного класса.

Лит.: А р у т ю н о в а Н. Д. Референция имени и структура предложения // ВЯ. 1976. № 2; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; Они же. Прагматические аспекты теории референции // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М., 1984; К р о н г а у з М. А. Тип референции именных групп с местоимениями *все, всякий и каждый* // Семиотика и информатика. Вып. 23. М., 1984; Л и н с к и й Л. Референции и референты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. Проблемы референции. М., 1982; П а д у ч е в а Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1984. № 4; Она же. Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1984; Ш а т у н о в с к и й И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996; Ш м е л е в А. Д. О референции агентивных существительных // НДВШ. Филологические науки. 1983. № 4; Е г о ж е. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ. Теория, сформировавшаяся после Второй мировой войны в рамках лингвистической философии. Основы ее были заложены английским философом Дж. Остином. Одно из основных понятий теории – речевой акт, который понимается как целенаправленное речевое действие, осуществляемое в соответствии с принятыми в данном языковом сообществе нормами и правилами речевого поведения, предполагающими

наличие у коммуникантов общих речевых навыков, знаний и представлений о мире. Содержание речевого акта складывается из информации, сообщаемой предложением, и информации, идущей от обстановки речи и того отрезка действительности, о котором идет речь. При характеристике речевого акта учитываются три его составляющих: акт произнесения, говорения; пропозициональный акт, обеспечивающий соотнесение высказывания с действительностью; иллокутивный акт, отражающий речевую установку говорящего, называемую коммуникативной интенцией.

Для языковедения теория речевых актов явилась прекрасным инструментом анализа тех принципов и правил, которые регулируют речевое поведение коммуникантов, ставящих и решающих в процессе общения определенные цели и задачи. Тем не менее период ее самостоятельного существования оказался сравнительно недолгим, так как в настоящее время она волилась в более общую дисциплину, называемую прагматикой.

Лит.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. См. также «Речевой акт».

ТЕОРИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ. Теория, ориентированная на объяснение отражательных потенциалов языковых единиц. Хотя своими корнями она уходит в далекое прошлое лингвистической науки, окончательно сформировалась сравнительно недавно — после того, как было осознано, что такими потенциальными обладают не только слова и сочетания слов, но и предложения. Впервые мысль о том, что «предложение есть образ действительности», была высказана в 1-й четверти XX в. в рамках ана-

литической философии ее виднейшим представителем Л. Витгенштейном. Однако мировая лингвистика долгое время не только игнорировала ее, но и действовала как бы вопреки ей. Так, в русистике господствовало убеждение, что предложение, в отличие от номинативных единиц — слова и словосочетания, является единицей коммуникативной. И лишь на рубеже 60–70 гг., после появления работ Н.Д. Арутюновой, обобщивших опыт аналитической философии, стало ясно, что предложение, будучи коммуникативной единицей, способно именовать некоторые «положения дел», и теория номинации прочно вошла в синтаксический обиход.

Изучение соответствующих закономерностей теорией осуществляется на базе следующих принципов:

– язык, будучи инструментом общения, в то же самое время является социальным руководством к духовному (мыслительному) освоению окружающего мира;

– отражение сущностных структур бытия язык способен обеспечивать благодаря тому, что, предоставляя в распоряжение мышления свои категории и формы, он создает тем самым все необходимые условия для систематизации действительности, без чего само существование человека невозможно даже биологически;

– процесс систематизации данных опыта протекает на основе минимумов взятых из действительности, но категоризованных языком различительных признаков, которые и разрешают сведение бесчисленного множества явлений, свойств, отношений и связей внешнего мира к конечному набору языковых классов;

– инвентарь избираемых различительных признаков, несмотря на то, что они имеют объективную основу, в

определенной степени условен и меняется от языка к языку, однако сопутствующие ему различия в способах моделирования действительности (членения и систематизации ее) не препятствуют адекватному восприятию мира людьми, говорящими на разных языках;

— языковая номинация предполагает не только «собрание мира в слово», но и ролевую спецификацию номинативных единиц, которые способны в процессе речетворчества выполнять строго определенные функции.

Взятые по отдельности, эти принципы не представляют собой ничего существенно нового: соответствующие соображения уже не раз высказывались (хотя бы в дискуссионном порядке) представителями самых разных направлений. Но сведенные воедино и ставшие специфическим инструментом языкового познания, они буквально удесятерили свою объяснительную силу и создали все необходимые предпосылки для конкретных исследований, ориентированных на выявление и систематизацию номинативных потенциалов разных языковых единиц, в том числе и предложений. Изучение этих потенциалов прежде всего предполагает установление того, какой денотат (класс однородных реалий) закреплен за данной языковой единицей и на каких основаниях он ею выделен.

Лит.: Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998; Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986; Языковая номинация. Кн. 1. Общие вопросы. Кн. 2. Виды номинаций. М., 1977.

ТЕОРИЯ СКАЗУЕМОСТИ. Разработанная А. М. Пешковским теория, согласно которой главным, отличительным признаком любого предложения является сказуемость — тот оттенок в слове, который показывает, что

слово соответствует не отдельно взятому представлению, а целой мысли. Сказуемость, по А. М. Пешковскому, опирается на понятие глагольности, но не сводится исключительно к нему, поскольку она способна оглаголивать (посредством связки, а иногда интонации) краткие прилагательные, краткие страдательные причастия, слова категории состояния и т. д. В настоящее время теория представляет только исторический интерес.

Лит.: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

ТИПЫ ДВУСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Классификационные разряды двусоставного предложения, выделяемые в последнее время в русистике на семантико-функциональных основаниях. По категориальному признаку репрезентантов сказуемого различаются предметные, признаковые и процессные двусоставные предложения. С учетом функции категориального признака сказуемого предметные предложения дополнительно делятся на отождествительно-предметные, реляционно-предметные и измерительно-предметные, а процессные — на активно-процессные и пассивно-процессные. В общем виде иерархическая классификация двусоставных предложений имеет следующий вид:

1) двусоставные предметные предложения:

а) двусоставные отождествительно-предметные предложения: *Они были сотрудниками милиции; Николай москвич;*

б) двусоставные реляционно-предметные предложения: *Свадьба была на прошлой неделе; Покраснение кожи — от перегрева на солнце;*

в) двусоставные измерительно-предметные предложения: *Денег —*

пять рублей; Посетителей было пять человек;

2) двусоставные признаковые предложения: *Погода была отменная; Воздух чист и свеж;*

3) двусоставные процессные предложения:

а) двусоставные активно-процессные предложения: *Мальчик рисует картину; Рабочие строят дом;*

б) двусоставные пассивно-процессные предложения: *Картина нарисована мальчиком; Дом строится рабочими.*

(Об основаниях выделения перечисленных типов двусоставных предложений см. **семантико-функциональная классификация простых предложения**).

Лит.: см. «Простое предложение».

ТИПЫ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. Классификационные разряды односоставных предложений, объединяемые в две группы. Первую группу образуют формально (структурно) односоставные предложения, у которых один из главных членов не получает специального лексического выражения, но позиция его тем не менее сохраняется, причем указание на нее идет от личных форм глагола во втором главном члене. Сюда относятся определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Все они в последнее время интерпретируются как двусоставные с нестандартной (имплицитной) номинацией подлежащего. Во вторую группу входят содержательно односоставные предложения, т.е. такие, в которых позиция одного из главных членов не только не выражена, но и не предполагается. Это собственно односоставные предложения в строгом смысле слова: безличные, инфинитивные, безлично-инфинитивные и номинативные. В последние годы безличные предложения принято дифференциро-

вать на процессные и признаковые. В составе первых дополнительно различают активно-процессные и пассивно-процессные односоставные предложения.

(Подробнее о типах односоставных предложений см. **формально односоставные предложения и содержательно односоставные предложения**).

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ТИПЫ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. См. **семантико-функциональная классификация простых предложений**.

ТИПЫ СКАЗУЕМОГО. См. **структурные типы сказуемого**.

ТИПЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ. Классификационные разряды словосочетаний, выделяемые в рамках широкого и узкого подходов к словосочетанию на разных основаниях, в результате чего они оказываются несоотносительными.

При широком подходе различаются законченные и незаконченные словосочетания. Незаконченные словосочетания, в свою очередь, делятся на предикативные и не предикативные. И, наконец, среди последних выделяют подчинительные и сочинительные словосочетания. В связи с тем, что современная русистика фактически отвергла широкий подход к словосочетанию, в своем подавляющем большинстве упомянутые типы словосочетаний остаются за пределами используемой классификационной сетки, а соответствующие им термины либо не употребляются вообще, либо употребляются крайне редко.

При узком подходе словосочетания дифференцируются по трем параметрам, учитывающим: 1) морфологическое выражение главного компонента,

2) синтаксическое функционирование компонентов словосочетания, 3) элементарность/неэлементарность внутренней организации словосочетания.

По первому параметру выделяют три основных типа словосочетаний: именные, глагольные и наречные, причем дополнительно в рамках именных словосочетаний иногда различают субстантивные, адъективные, местоименные (прономинальные) и нумеральные (нумеративные) словосочетания. Второй параметр предполагает противопоставление свободных словосочетаний несвободным (цельным). На основе третьего параметра дифференцируются простые (элементарные) и сложные словосочетания (словосочетательные цепи слов).

Лит.: см. «Словосочетание».

ТИПЫ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Разряды сложных предложений, которые принято дифференцировать с учетом двух признаков: 1) наличия/отсутствия союзов и союзных слов и 2) общего характера выражаемых синтаксических отношений.

По первому признаку все сложные предложения делятся на два типа — союзные сложные предложения: *Когда он исчез за поворотом перил, она еще долго слушала этот ровный, удалявшийся стук* (Набоков); *Земля живая зеленела, Все в рост гнала, чему расти* (А. Твардовский); *Мы простились еще раз, и лошади поскакали* (Пушкин) и бессоюзные сложные предложения: *Печален я; со мною друга нет* (Пушкин); *На небо взглянешь — Звезд весенних тыщи!* (Е. Винокуров).

По второму признаку союзные сложные предложения распадаются в зависимости от выражаемых ими синтаксических отношений на сложнопод-

чиненные и сложносочиненные. Что же касается бессоюзных сложных предложений, в них могут устанавливаться, в свою очередь, сочинительные и подчинительные отношения или, по крайней мере, аналогичные им: *Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи* (Тургенев); *Я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами* (Лермонтов). Но здесь могут также выражаться отношения, не имеющие аналогов в союзных сложных предложениях: *Здесь расположилась целая семья тюленей: громадные неуклюжие звери безобразными темными глыбами лежали на льду* (А. Серафимович).

То обстоятельство, что бессоюзные предложения по характеру синтаксических отношений отчасти подобны союзным, отчасти отличаются от них, определило различное отношение к ним русистики. В прошлом учитывался момент сходства отношений, в связи с чем различались только сложносочиненные и сложноподчиненные предложения (безотносительно к тому, вводятся ли они посредством союзов и союзных средств или без таковых). Позднее, однако, возобладала тенденция прямо противоположного характера: в первую очередь различаются союзные и бессоюзные предложения, а затем первые делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. Эта тенденция является сейчас господствующей, хотя и не исключает попыток вернуться к старому принципу дифференциации сложных предложений.

Лит.: см. «Сложное предложение».

ТИПЫ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЦЕЛЫХ. Разряды сложных синтаксических целых, отличающиеся друг от друга по содержанию и строению: 1) статические, преимуще-

ственно описательного характера, 2) динамические, преимущественно повествовательного характера, 3) смешанные, совмещающие описание, повествование и рассуждение. Иногда для их обозначения используется несколько иная терминология (см. **сложное синтаксическое целое**).

Лит.: Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Типы и разновидности сложного синтаксического целого с сочинительными союзами в современном русском языке // Вопросы русского языка и методика его преподавания. Елец, 1999; Лосева Л.М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // РЯШ. 1977. № 1. См. также «Сложное синтаксическое целое».

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ СИНТАКСИС. Вариант синтаксиса, изучающий преобразования одних синтаксических структур в другие. Возникнув под несомненным влиянием генеративной лингвистики, одно время (в 60–70 гг. прошлого века) трансформационный синтаксис пользовался популярностью у части русистов. Позднее, в ходе семантизации синтаксических исследований, он утратил эвристическую ценность.

Лит.: Харрис З.С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962; Хомский Н. Синтаксические структуры // Там же; Шаумян С.К. Теоретические основы трансформационной грамматики // Там же.

ТЯГОТЕНИЕ. Вид подчинительной связи, традиционно выделяемой применительно к тем случаям, когда зависимая словоформа обнаруживает двойную связь: с глаголом-сказуемым и подлежащим (почему иногда говорят об особом второстепенном члене — дуплексиве): (*Мальчик*) вырос здоровым; (*Мать*) пришла усталая; (*Он*) умер миллионером. Сейчас представление о

тяготении меняется буквально на глазах. Распространяется убеждение, что языковые формы *здоровым, усталая, миллионером* на основе связи, во многом тождественной аппозитивной (в ее новом понимании), вместе с соответствующим глаголом образуют блок двойного сказуемого и как элемент этого блока (второе сказуемое!) одновременно вступает в предикативную связь с общим для двойного сказуемого подлежащим: *Мальчик вырос + Мальчик был здоровым; Мать пришла + Мать была усталая; Он умер + Он был миллионером*. Понятно, что при таком взгляде на вещи в соединениях слов *вырос здоровым, пришла усталая, умер миллионером* нельзя видеть словосочетания, как нельзя рассматривать словоформы *здоровым, усталая, миллионером* в качестве особых второстепенных членов. Это обстоятельство требует определенного реформирования содержания термина «тяготение». Он может быть сохранен при условии, если им будет обозначаться не подчинительная, а особая контаминированная связь (аппозитивная и предикативная).

Лит.: Силкина З.А. Опосредованная синтаксическая связь именных форм с подлежащим и прямым дополнением (именное тяготение): Воронеж, 1973. См. также «Подчинительные связи».

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА. 1. То же, что соотносительные слова (корреляты). 2. Дейктические слова, употребляемые вне соотношения с союзами и союзными словами для установления перспективы или ретроспективы сообщения в бессоюзном сложном предложении: *Левин оглянулся вокруг себя и не узнал места — так все переменилось* (Л. Толстой); *Весь город там такой — мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет* (Гоголь).

Лит.: см. «Сложное предложение».

УПРАВЛЕНИЕ. Вид (способ) подчинительной связи в словосочетании, которая предполагает постановку выступающего в роли зависимого компонента существительного (или его субститута) в определенной падежной или предложно-падежной форме, что является сигналом замещения этим существительным позиции, проецируемой главным (господствующим) компонентом. Проективные свойства главного компонента обуславливаются его принадлежностью к той или иной части речи, его лексической (вещественной) семантикой, его словообразовательными особенностями и, наконец, сложившейся языковой традицией. Действие всех указанных факторов сплошь и рядом является противоречивым, в результате чего русское управление приобретает весьма прихотливый характер. Например, у слов с одинаковой вещественной семантикой, но относящихся к разным частям речи, управление может быть и тождественным, и различным. Ср. *заботиться о друге* – *забота о друге*; *покоряться судьбе* – *покорный судьбе*, с одной стороны, и *читать книгу* – *чтение книги*; *любить ближнего* – *любовь к ближнему*, с другой. Более того, управление оказывается тождественным или различным даже у слов однотипной семантики, относящихся к одной и той же части речи. Ср. *сердиться на сестру* и *злиться на сестру*; *заведовать кафедрой* и *руководить кафедрой*, но *проводить друга* и *сопутствовать другу*; *радоваться обновке* и *восхищаться обновкой*. Эта особенность управления часто становится источником многочисленных ошибок, особенно в неразвитой речи. Наиболее яркой из них является ошибка, обозначаемая старым и порядком забытым термином *какология* (ср. некорректные построения *играть значение*; *поднять тост*).

Посредством управления выражаются все принципиально возможные виды подчинительных отношений в словосочетании – определительные, объектные, обстоятельственные (и выделяемые некоторыми авторами комплетивные и субъектные) отношения.

Управление принято дифференцировать по нескольким основаниям. С учетом частеречной принадлежности главного компонента различают *глагольное*, *именное* и *наречное* управление. В зависимости от обязательности/факультативности употребления подчиненного компонента при том или ином главном компоненте по традиции, идущей от А. М. Пешковского, говорят о *сильном* и *слабом* управлении. Управление, далее, может быть *фиксированным* (не допускающим чередование форм в одной и той же позиции зависимого компонента) и *вариативным* (такое чередование разрешающим). Иногда управление дифференцируют по количеству управляемых членов, противопоставляя *одиночное* управление *двойному* (*тройному*) управлению. И, наконец, факт наличия/отсутствия в словосочетании предлогов позволяет различать *предложное* (опосредствованное) и *беспредложное* (непосредственное) управление.

Во второй половине XX в. была предпринята попытка реформировать понятие «управление». Предлагалось видеть управление только в тех словосочетаниях, в которых форма зависимого компонента однозначно предсказывается главным компонентом. Что же касается словосочетаний с ослабленными проективными свойствами главного компонента, их рекомендовалось рассматривать как особые случаи *падежного примыкания* (Шведова Н.Ю. и др.). Попытка успеха не имела.

Лит.: Апресян Ю. Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского языка // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996; Буланин Л. Л. Об управлении в русском языке // Уч. зап. Тартуского ун-та, 1975; Всеволодова М. В. О некоторых вопросах управления // РЯЗР. 1978. № 3; Горбачевич К. С. О норме и вариантности на синтаксическом уровне (колебания в формах управления) // ВЯ. 1977. № 2; Демидова А. К., Назарян А. Г. Управление глаголов в русском и французском языках. Русско-французские эквиваленты глагольно-именных словосочетаний. М., 1977; Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Мирошниченко О. Ф. Управление в кругу лингвистических проблем // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Никитин В. М. Система глагольного управления в русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. Рязань, 1976; Прокопович Н. Н. и др. Именное и глагольное управление в современном русском языке. Учеб. пособие для студентов-иностранцев. М., 1975; Ревзин И. И. Типологический смысл понятия «сильного управления» и понятие «грамматической правильности» // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 34. № 1. 1975; Рубцова В. А. Вариантное управление при прямопереходных глаголах с отрицанием *не* // Современный русский язык. Актуальные вопросы лексики и грамматики. М., 1975; Скобликова Е. С. Согласование и управление в современном русском языке. М., 1971; Чикина Л. К. К вопросу об управлении в русском языке // Русский язык. М., 1975; Эльзбултас Ю. К вопросу об управлении как синтаксическом факторе // Вопросы лексики и синтаксиса. Шяуляй, 1974. См. также «Подчинительная связь».

УСЕЧЁННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Придаточное, выступающее вне контакта с главной частью, т.е. в самостоятельной позиции: *Если бы дождик пошел; Если бы он жив остался!; Чтобы*

завтра был на работе!; Чтобы сегодня же все было прибрано! Усеченное высказывание представляет собой результат редукции либо предикатива оценки «хорошо», либо перформативного глагола со значением «требую».

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

УСИЛЕННОЕ ОТРИЦАНИЕ. Наличие в общеотрицательном предложении усилительной частицы *ни* (употребленной самостоятельно или в составе местоименных слов типа *никому, никогда, ни с чем* и т.д.), благодаря чему констатируется не только небытие данной ситуации в реальной действительности, но и неучастие в ней классов соответствующих реалий: *Никто никому ничего не сказал.* В условиях имплицитной номинации частица *ни* дополнительно принимает на себя функцию общего отрицания: *На небе ни облачка; В кармане ни гроша.*

Лит.: см. «Отрицание».

УСЛОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Выражаемое сочетаниями слов, деепричастным оборотом и частями сложного предложения значение условия, при котором совершается действие или реализуется какая-то ситуация: *Построить при наличии кредитов; Не зная броду, не суйся в воду; Если придешь, сделаем все быстро; Помог бы он мне, все бы устроилось.*

Лит.: Латышева А. Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1982. № 5. См. также «Придаточное предложение условия», «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

УСЛОВНОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что придаточное предложение условия.

УСЛОВНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Обстоятельственные отношения, выражаемые обыкновенно

(хотя и не исключительно) в сложноподчиненных предложениях, придаточная часть которых называет условие, а главная — сопутствующее ему следствие: *Если пойдешь гулять, прихвати с собой зонтик; Если бы он помог нам, никаких проблем не возникло бы*. Термин используется вместо более конкретных терминов «условные отношения» и «следственные отношения» при необходимости подчеркнуть соотносительность условия и вытекающего следствия.

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения».

УСЛОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых обозначает условие, при котором может осуществиться действие: *сделать в случае отъезда; вернуться при необходимости*. Иногда могут быть реализованы в простом предложении за рамками словосочетания. Ср. в этой связи употребление деепричастного оборота с условным значением: *Не зная броду, не суйся в воду* (Пословица). 2. Обстоятельственные соотношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным условием и в бессоюзных сложных предложениях, где фиксируются условия реализации тех или иных ситуаций: *Если случится что-нибудь, дай знать; Не сделаешь — пеняй на себя*.

Лит.: Ляп о н М. В. Структура отношения и ситуативные условия его реализации в сложном предложении // Русский язык. Текст как целое и его компоненты. Виноградовские чтения. XI. М., 1982. См. также «Обстоятельственные отношения».

УСТУПИТЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в простом предложении и обозначающие факт, вопреки которому совершается дейст-

вие, причем словесный блок, называющий этот факт, зачастую обособляется, в результате чего происходит разрушение соответствующего словосочетания: *Вопреки нашим ожиданиям, он приехал очень поздно; Несмотря на неудачи, отец продолжал сохранять бодрость духа*. В некоторых случаях уступительное значение может развивать деепричастный оборот: *Даже зная, чего это ему может стоить, Джордано продолжал стоять на своем*. 2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным уступки и в некоторых бессоюзных предложениях. Констатируют некую ситуацию, вопреки которой возникает другая ситуация (неожидаемая): *Хотя было уже поздно, дети не ложились спать; Он очень торопился, тем не менее на первое заседание ему попасть не удалось*. Иногда отношения, близкие к уступительным, могут быть реализованы даже в сложносочиненных предложениях: *Наш проводник прекрасно знал местность, но мы все-таки заблудились; Рейс был обычный, все шло хорошо, и, однако, самолет исчез*.

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения», «Придаточная часть сложноподчиненного предложения».

УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Предложение, в котором фиксируется бытие, существование сообщаемой ситуации в действительном мире или в одном из возможных миров, что предполагает значимое отсутствие частицы *не*: *Я жил на окраине города; Он был превосходным специалистом*. Утвердительное значение могут развивать иногда отрицательные по форме предложения, в которых действие частицы *не* как бы парализуется встречным действием специфической интонации, инверсированного порядка слов и особых лексико-фразеологи-

ческих единиц типа *держи карман, как же* и т.п.: *Как же, он не станет вмешиваться! Держи карман, они не спросят!*

Лит.: см. «Простое предложение».

УТВЕРЖДЕНИЕ. Состоявшаяся в рамках предложения констатация бытия, существования данной ситуации. Формальный сигнал утверждения – отсутствие частицы *не*: *Мы ходили туда; Он был поэтом.* В устно-разговорной речи утвердительное значение могут приобретать (за счет интонации, порядка слов и специальных лексико-фразеологических показателей) высказывания, содержащие частицу *не*: *Как же, не пойдет он туда! Держи карман, не станут они вмешиваться!* Утверждение противопоставляется отрицанию.

УТОЧНЯЮЩИЕ ОБОСОБЛЕННЫЕ ЧЛЕНЫ. См. *обособленные уточняющие члены*.

ФАЗИСНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СКАЗУЕМОМ. Глаголы, обозначающие начало, продолжение или окончание (прекращение) действия, обозначенного номинатором вещественного компонента составного глагольного сказуемого: *начать, стать, продолжать, кончить, перестать.* Представляют собой, в сущности, те же самые бытийные глаголы (связки), которые используются в составном именном сказуемом, с той лишь разницей, что акцентируют внимание не на характере бытия, а на фазе его развития: *Он начал (стал, продолжал, кончил, перестал) читать.*

Лит.: см. «Сказуемое».

ФАКУЛЬТАТИВНО-КОММЕНТИРУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ. Синтаксические отношения, представленные в конструкциях, оформляемых со-

юзными аналогами *тоже, также, к тому же, кроме того, в том числе* и т.д., и предполагающие интерпретацию сообщаемого во второй части как примечания, уточняющего пояснения или поправки к сказанному в предшествующей части: *Мы мерзнем на ходу, на привалах, даже за едой никак не согреешься* (В. Каверин); *Лицо ее было бледно, слегка раскрытые губы тоже побледнели* (Тургенев). Интерпретируются Н. Ю. Шведовой (которой принадлежит термин) как модифицированный вариант сочинительных отношений в сложносочиненном предложении. Широкого распространения термин не получил (вероятно, потому, что эти отношения могут интерпретироваться иначе).

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980.

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ. Функция поддержания речевого контакта, реализацию которой обеспечивают разного рода прагматические вставки. К числу последних относятся выражения типа *надо же; вот как! поди ж ты, междометия угу; гм,* некоторые вводные элементы *знаешь ли, видишь ли, понимаешь.* В последние годы в фатической функции активно используются конструкции вежливого «поддакивания»: *Лес – это хорошо!* (в ответ на сообщение собеседника о своем намерении отправиться в лес); *Погреб – это удобно* (реакция на сообщение о наличии у коммуниканта собственного погреба на даче).

Лит.: Фатическое поле языка. Памяти проф. Л.Н. Мурзина. Пермь, 1998.

ФИКСИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Разновидность управления, противопоставляемая вариативному управлению. Предполагает употребление строго определенной формы имени в позиции зависимого компонента: *торговать лошадьми; столкнуться с*

трудностями; учитывать ошибки. В некоторых случаях фиксированное управление на проверку оказывается вариативным. Так, в глагольных словосочетаниях с винительным падежом прямого объекта, в которых видят образец фиксированного управления, допускается иногда замена этого падежа различными предложно-падежными формами с отчетливо выраженными количественными значениями: *построить дом — построить два десятка домов — построить с десятков домов; дать детям яблоко — дать детям около десятка яблок — дать детям по десятку яблок.*

Лит.: см. «Управление».

ФИКСИРОВАННЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ. То же, что связанный порядок слов.

ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ ГОВО-РЯЩИХ. Знания, сопутствующие речевому общению и необходимые коммуникантам для того, чтобы коммуникация была успешной. Ср. показательный в этом отношении анекдот: *Иванушка Дурачок поймал Золотую Рыбку. Она ему говорит: «Отпусти меня, Ваня, я твое самое заветное желание выполню, только попроси». Иван ей в ответ: «Сделай меня царем!» Золотая Рыбка сначала не соглашалась: «Как же тебя царем делать, когда ты по всем манерам мужик сиволаный?» А Иван ей: «Хочу быть царем, и все тут!» — «Ладно, будь по-твоему. Засыпай, проснешься царем». Утром просыпается он от слов: «Ваше величество, пожалуйте в подвал фотографироваться».*

Для того чтобы понять этот анекдот, слушателю надо знать, во-первых, несколько русских сказок об Иванушке Дурачке, который, в отличие от своего упрямого двойника из анекдота, обнаруживает не только недюжинный ум и смекалку, но и завидную терпи-

мость к мнениям других, во-вторых, сказку о Емеле, поймавшем волшебную щуку, беспрекословно выполнявшую его желания, в-третьих, «Сказку о рыбаке и рыбке» А. Пушкина, в которой Золотая Рыбка выполняет желания старухи, передаваемые стариком, так сказать, с разбором, в-четвертых, ситуацию, сопутствовавшую расстрелу царской фамилии в Тобольске (Николая II и его родственников пригласили в подвал фотографироваться).

Фоновые знания, являющиеся элементами культуры той или иной языковой общности, обыкновенно рассматриваются как особая разновидность пресуппозиции.

Лит.: Бархударов Л. С. Двенадцать названий и двенадцать вещей // РЯЗР. 1969. № 4; Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб., 1994; Рассел Б. Человеческое мышление, его сфера и границы. М., 1957; Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

ФОРМАЛЬНО ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Простые предложения с двумя главными членами, из которых специальное лексическое выражение получает только один главный член — сказуемое. Что же касается второго главного члена — подлежащего, он выявляется на основе имплицитной номинации — за счет информации, поступающей от согласовательных категорий лица и числа личных глаголов в позиции сказуемого, квалифицирующих предмет-подлежащее как определенное, неопределенное или обобщенное лицо. В синтаксических исследованиях последних лет такие предложения интерпретируются как нестандартные двусоставные. К их числу относятся определенно-личное, неопределенно-

личное и обобщенно-личное предложения.

Лит.: см. «Односоставное предложение».

ФОРМАЛЬНОЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ.

Подлежащее, выраженное лексически опустошенными местоимениями *все, оно*: *В крепости все стихло; Оно и понятно.*

ФОРМЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

В концепции Н. Ю. Шведовой видоизменения предложения, предполагающие передачу тех или иных объективно-модальных значений. Грамматическими средствами, образующими разные формы предложения, являются: 1) структурная схема предложения, 2) спрягаемая форма глагола, 3) синтаксические частицы *пусть, пускай, да, чтоб*. Термин и стоящее за ним понятие в русистике распространения не получили.

Лит.: см. «Простое предложение».

ФРА́ЗА. 1. То же, что и предложение.

2. Предложение, рассматриваемое как максимальная фонетическая единица, части которой объединены интонационно и отчленены паузой от других единиц того же плана. В русистике последних лет термин употребляется редко (да и то преимущественно в расхожем значении «выражение»). Возможно, это объясняется непреходящим влиянием В.В. Виноградова, в свое время протестовавшего против попыток расширить сферу употребления термина «фраза» за счет термина «предложение».

Лит.: Пельтихина Н.И. Фразовая номинация и проблема сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971; Прияткина А.Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевое функционирование языковых единиц. Елец, 2002. См. также «Высказывание», «Предложение».

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ.

Различаемые в «Русской грамматике – 1980» синтаксические образцы, в которых отношения между компонентами с точки зрения живых синтаксических связей являются немотивированными, т.е. не опираются на действующие в языке синтаксические правила: *Чем не праздник? Всем праздникам праздник.* Противопоставляются нефразеологизованным (свободным) структурным схемам.

Лит.: Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Слепцова А.М., Стуколова Г.П. Несвободные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы русского языка). Воронеж, 1998.

ФРАЗЕОЛОГИЗОВАННЫЕ БЕЗГЛАГОЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.

Формулы общения, служащие для выражения приветствий, пожелания, благодарности, поддержания речевого контакта: *Как дела? С легким паром! Ну и что?*

ФРАЗОВОЕ (ФРАЗНОЕ) УДАРЕНИЕ.

1. Ударение, служащее средством выделения наиболее коммуникативно значимого текста (синтагмы). 2. Ударение, выделяющее одно из слов предложения (высказывания) и служащее важнейшим средством выражения актуального членения (особенно в устно-разговорной речи). В этом значении используется как синоним термина «логическое ударение».

Лит.: Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1983.

ФУНКТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

То же, что и безлично-инфинитивное предложение. Термин употребляется редко, хотя более точно, чем традиционный, отражает существо соответствующего предложения, которое предполагает косвенную номинацию наличных (или отсутствующих) реалий

посредством указания на их функцию: *Нам было о чем поговорить; Мне не с кем посоветоваться.*

Лит.: см. «Безличное предложение», «Односоставное предложение».

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТАКСИС. 1. Вариант синтаксиса, реализующий исследовательский подход «от функции к средству», при котором главное внимание обращается на то, какими языковыми средствами выражается та или иная синтаксическая функция. 2. Вариант синтаксиса, анализирующий систему синтаксических единиц с точки зрения их функции в процессе коммуникации (безотносительно к характеру подхода: «от функции к средству» или «от средства к функции»). Функциональный синтаксис в данном значении термина активно разрабатывается Г.А. Золотовой.

Лит.: Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999; Валимова Г.В. Функциональные типы предложений. Ростов н/Д, 1967; Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000; Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (Описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974; Теория функциональной грамматики. Т. 2. Темпоральность. Модальность. Л., 1990; Теория функциональной грамматики. Т. 4. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность — неопределенность. СПб., 1992.

ЦЕЛЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ. Выражаемое словами или предикативными единицами в составе сложного предложения значение, констатирующее цель реализации действия или ситуации: *Ты, вне всякого сомнения, сделал это для очистки совести. Они вышли из комна-*

ты, чтобы не мешать нашему разговору.

Лит.: см. «Простое предложение», «Сложное предложение».

ЦЕЛЕВОЕ ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. То же, что придаточное предложение цели.

ЦЕЛЕВОЙ ИНФИНИТИВ. Субъектный инфинитив, называющий цель действия того глагола, к которому он присоединяется: *пойти открыть дверь; поехать навестить отца.*

ЦЕЛЕВЫЕ ОТНОШЕНИЯ. 1. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в глагольных словосочетаниях, зависимый компонент которых обозначает цель или назначение действия: *сделать назо; пойти проветриться; использовать для чтения.* 2. Обстоятельственные отношения, устанавливаемые в сложноподчиненных предложениях с придаточным цели: *Он тут же позвонил нам, чтобы предупредить о своем отъезде; Дом решили построить в глубине сада, чтобы его не было видно с дороги.*

Лит.: см. «Обстоятельственные отношения».

ЦЕЛЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. См. категория целевого назначения.

ЦЕЛЬНОЕ (НЕСВОБОДНОЕ) СЛОВСОЧЕТАНИЕ. Разновидность словосочетания, компоненты которого, в отличие от свободного словосочетания, выполняют функцию одного члена предложения. К числу цельных словосочетаний относятся:

1) словосочетания, указывающие на некоторое множество однородных предметов (или меру вещества): *десять дней; несколько человек; стая волков; фунт табаку;*

2) словосочетания со значением избирательности: *кто-то из студентов; один из нас;*

3) словосочетания со значением совместности: *отец с матерью; брат с другом;*

4) словосочетания, в которых место действия или его длительность обозначаются посредством указания на какие-то крайние границы их проявления: *раскинуться от моря до моря; работать с утра до вечера* и др.

Лит.: Слепцова А. М., Стукова Г. П. Несвободные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы русского языка). Воронеж, 1998. См. также «Словосочетание».

ЦЕПНАЯ СВЯЗЬ. Связь между предложениями в тексте, осуществляемая при помощи анафорических местоимений, синонимических замен, повторов: *С Борисом Нилиным мы познакомились в поезде. Последние пять лет молодой человек живет в небольшом поселке под Красноярском. Там у него свое дело, как ему представляется, весьма перспективное. Но Борису фатально не везет, и сейчас начинающий коммерсант оказался на грани разорения* (Из газет). Термин принадлежит Г.Я. Солганику.

Лит.: см. «Сложное предложение».

ЦИТАЦИЯ. Способ передачи чужой речи, который существует в трех вариантах, различающихся и характером воспроизводимой информации, и особенностями графического оформления последней.

Первый (наиболее типичный) вариант цитации, с одной стороны, напоминает прямую речь («чужое» заключается в кавычки; после препозитивных слов автора ставится двоеточие), а с другой — отличается от нее (цитируемый фрагмент «чужого» может быть равен предложению, а может составлять лишь часть его; обыкновенно — особенно в научной литературе — предполагает указание на источник). Ср.

В.И. Вернадский по этому поводу замечает: «Научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества» (Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 50).

Второй вариант цитации по преимуществу реализуется при передаче незначительных по объему фрагментов чужого текста — слов и словосочетаний, вкрапляемых в авторское повествование. Ср. описание И. Буниным старости в «Антоновских яблоках»: *На голове ее «рога», — косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками... безрукавка — плисовая, занавеска длинная, а понева — черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом».* Как видно из приведенного примера, вкрапляемые элементы могут заключаться в кавычки, но это не общее правило. В отдельных случаях «чужое» узнается благодаря его явному несоответствию речевой манере автора, как это имеет место в повести В. Пановой «Сережа», где авторская констатация: *Быть жадиной-говядиной очень стыдно; Сережа молча слез и отошел* — содержит в своем составе выражение *жадина-говядина*, явно относящееся к лексикону ребенка. Этот вариант цитации в несколько преобразованном виде, начиная с А. Чехова, охотно используют русские писатели в качестве особого художественного приема, позволяющего сосредоточивать на небольшом текстовом пространстве сразу несколько голосов. Так, в следующем отрывке из В. Катаева явственно звучат голоса повествователя, мальчика Пети и взрослых, пугающих ребенка разными небылицами:

Павлик с беспокойством увидел во рту женщины папирску. Ребенка охва-

ЦИТАЦИЯ

тил ужас... Ведь было решительно всем известно, что шарманщики заманивают маленьких детей, крадут их, выламывают руки и ноги, а потом продают в балаганы акробатов. О, как он мог забыть об этом! Это было так же общеизвестно, как то, что конфетами фабрики «Бр.Крахмальниковы» можно отравиться или что мороженщики делают мороженое из молока, в котором купали больных. Сомнения нет. Только цыганки и другие воровки детей курят папирсы...

И, наконец, на самой периферии цитации находится ее третий вариант. Это всякого рода текстовые реминисценции, принимающие очень часто (хотя и не всегда) вид преобразованных (формально или только содержательно) цитат из каких-то известных коммуникантам текстов, называемых вслед за Ю.Н. Карауловым прецедентными. В нашей литературе к текстовым реминисценциям одним из первых обратился А. Пушкин. Например, его известное выражение *Брожу над морем. Жду погоды*, по свидетельству В. Набокова, является формально точным воспроизведением французского (и отчасти английского) поэтического штампа XVIII в. Однако в содержательном отношении между ними существует огромная разница. Если во французском и английском языках соответствующее выражение просто указывает на ожидание благоприятной погоды (напр., попутного ветра), то у А. Пушкина оно, будучи скоррелировано с фразеологизмом *«Ждать у моря погоды»*, развивает прямо противоположный смысл и означает «брожу над морем бесцельно, без всякой надежды на изменение сложившихся обстоятельств». После А. Пушкина текстовые реминисценции стали привычным явлением в русской литературе, хотя степень активности их

использования не всегда оставалась одинаковой: она, напр., достигла максимума в начале XX в. в творчестве поэтов Серебряного века, произведения которых содержали многочисленные отсылки к фольклорным текстам. В настоящее время текстовые реминисценции как бы переживают второе рождение, но уже в принципиальной иной речевой сфере – в сфере публицистической речи. Сейчас трудно обнаружить номер газеты, в заголовке или тексте которой не обыгрывались бы названия хорошо известных произведений или кинофильмов, пословицы, поговорки и т.д. Ср. *По улицам за слон* (вм. *слона*) *водили*; *Шик, блеск, нищета* (вм. *красота*); *Парень-рубача* (вм. *рубача*) т.д. Более того, текстовые реминисценции широко используются в названиях дамских иронических детективов. Ср. *Закон сохранения вранья* (вм. *энергии*); *Чудеса в кастрюльке* (вм. *в решетке*); *Дантисты* (вм. *богатые*) *тоже плачут*; *Хождение под мухой* (вм. *по мукам*).

Такого рода «демократизация» текстовых реминисценций нередко оказывается сопряженной с определенными издержками. Например, только что упомянутые названия детективов сплошь и рядом не отражают содержания последних. Иногда случается и так, что пишущий включает в свой текст понравившееся ему выражение, совершенно не заботясь о том, в каком именно прецедентном тексте оно было им обнаружено, и это ведет к возникновению нежелательных ассоциаций. Так, А. Коржаков, озаглавивший свою книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката» явно не учел бывшего у всех на слуху названия популярного фильма ужасов «От заката до рассвета». А автор надписи «От рассвета до заката», красующейся на бортах мусороуборочных автомашин в некоторых городах Рос-

сии, в свою очередь, не принял во внимание ни то, ни другое название.

Поскольку цитация оказывается неоднородным явлением, некоторые исследователи предпринимают попытки терминологически развести ее варианты (предлагается, напр., разграничивать прямую цитацию, предполагающую дословное воспроизведение чужого текста или его части, и квазичитацию, при которой чужой текст воспроизводится в умышленно измененном виде). Однако судить о том, насколько успешными будут эти попытки, конечно, еще рано.

Лит.: Бабаев Э. Г. Одна великолепная цитата // Русская речь. 1993. № 3; Вежбицкая А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. Проблемы референции. М., 1982; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 3-е изд., стер. М., 2003; Коньков В. И. Прямая речь и цитата в художественном тексте // Русская речь. 1980. № 4.

ЧАСТИЧНЫЙ ДИКТАЛЬНЫЙ ВОПРОС. См. *диктальный вопрос*.

ЧАСТИЧНЫЙ МОДАЛЬНЫЙ ВОПРОС. См. *модальный вопрос*.

ЧАСТНОВЕРИФИКАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, отвечающее на частичный модальный вопрос, устанавливающий реальность или нереальность каких-то аспектов события: *Да, это я вчера приходил к вам вечером (Это ты приходил к нам вчера вечером?)*. Термин, принадлежащий чешскому лингвисту П. Адамцу, широко использовался в отечественной русистике 60–80-х гг. XX в.

Лит.: см. «Высказывание».

ЧАСТНОВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Вопросительное предложение, содержащее запрос информации о тех или иных деталях ка-

кой-л. ситуации: *Куда ты направляешься? Зачем он это сделал?* Противопоставляется общевпросительному предложению.

Лит.: см. «Вопросительное предложение».

ЧАСТНОЕ ОТРИЦАНИЕ. Состоявшаяся в рамках предложения констатация непричастности данного явления, предмета или признака к сообщаемой ситуации. По удачному выражению А. М. Пешковского, оно не колеблет общего утвердительного смысла высказывания. Выражается посредством частицы *не*, употребляемой при любом члене предложения, кроме сказуемого или главного члена односоставного предложения: *Не ты отвечаешь за это; Не за тем он приехал сюда*. Частное отрицание противопоставляется общему отрицанию.

Лит.: см. «Отрицание».

ЧАСТНОИНФОРМАТИВНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ. Высказывание, отвечающее на частичный диктальный вопрос (который предполагает выяснение каких-то деталей факта): *Провожала его жена (Кто его провожал?)*. Термин, принадлежащий чешскому лингвисту П. Адамцу, более или менее свободно использовался в русистике 60–80-х гг. XX в.

Лит.: см. «Высказывание».

ЧАСТНООТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Утвердительное предложение, в котором содержится частное отрицание. Представляет собой нечто вроде поправки к гипотезе о реальном положении дел: *Не я это сделал; Не об этом следует говорить*.

ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. См. *грамматическое членение предложения*.

ЧЛЁНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. Части предложения, находящиеся в опреде-

ленных синтаксических отношениях друг с другом. Делятся на два разряда: главные члены (подлежащее и сказуемое или только один главный член в односоставном предложении), образующие грамматический центр предложения, и второстепенные члены (определение, дополнение и обстоятельство), составляющие периферию предложения. Выражаются отдельно взятыми словоформами или сочетаниями слов. Служебные части речи сами по себе членами предложения не являются.

Лит.: Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. М., 1988; Кротевич Е. В. Члены предложения в современном русском языке. Львов, 1954; Мещанинов И. И. Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта // НДВШ. Филологические науки. 1961. № 1; Он же. Члены предложения и части речи. М., 1978; Мигрин В. Н. Процессы переходности на уровне членов предложения // НДВШ. ФН. 1968. № 2; Мокрышева Т. Д. Роль структурно обязательных распространителей в формировании семантической структуры биноминативного предложения // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984; Норман Б. Ю. Однородные члены предложения в свете современной грамматической теории // РЯНШ. 1976. № 2; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. СПб., 1912; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956; Попова З. Д. А может ли обойтись синтаксис без учения о членах предложения? // ВЯ. 1984. № 5; Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958; Распопов И. П. К соотношению членов предложения с частями речи // Изв. Воронежского пед. инта. Т. 172. 1976; Он же. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970; Русская грамматика. В 2 т. Т. II. М., 1980; Сергеева Ж. А. Об особенностях распространения субстантив-

ных предложений со связкой «быть» // Синтаксические связи и отношения. Ростов н/Д, 1972; Проблемы теории членов предложения. Кишинев, 1973; Чеснокова Л. Д. Семантические типы членов предложения с двойными отношениями. Ч. II. Ростов н/Д, 1973; Она же. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах. Таганрог, 1996; Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложений // ВЯ. 1964. № 6. См. также «Главные члены предложения», «Второстепенные члены предложения».

ЧУЖАЯ РЕЧЬ. Чье-л. высказывание, включенное как инородный компонент в речевое произведение его автором. Различаются три основных способа передачи чужой речи: прямая речь, имитирующая буквальное воспроизведение сказанного кем-то: *Он заявил: «Я пойду с вами. А как же иначе?»*, косвенная речь, представляющая собой авторский пересказ «чужого»: *Он заявил, что пойдет с нами и несобственно-прямая речь, соединяющая черты косвенной и прямой речи: Он заявил, что пойдет с нами. А как же иначе?*

Сверх того, чужая речь передается и некоторыми способами частного характера. К их числу относится цитация, существующая в трех вариантах. Ее «классический», наиболее типичный вариант предполагает воспроизведение фрагментов чужой речи по правилам прямой речи с той лишь разницей, что для нее обязательна (особенно в научных трудах) библиографическая отсылка, как в случае: *По свидетельству В. В. Набокова, «манера ставить в начале посвящения или обращения оборот с отрицанием не нова. В Англии этот прием использовался еще в XVII в.»* (Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Пер. с англ. СПб., 1998. С. 99). (О других вариантах цитации см. в статье **цитация**.)

В качестве показателя чужой речи используются также частицы *мол*, *де*, *дескать*, которые давно уже воспринимаются как диалектные или просторечные: *А он, де, отвечает, что не помнит* (Чехов); *Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь, или к себе гостей не позовешь?»* (А. Островский); *Я уже ему не раз говорил: «Откупись, Хорь, эй, откупись!..»* *А он, бестия, меня уверяет, что нечем: денег, дескать, нету* (Тургенев). Надо, однако, иметь в виду, что употребление этих частиц обусловлено не столько потребностями внешнего обнаружения «чужого», сколько стремлением автора речевого произведения отмежеваться от позиции говорящего. Об этом свидетельствует употребление указанных частиц в составе как прямой, так и косвенной речи, где факт передачи чужих высказываний и без того очевиден.

Общепринятого наименования этот способ регистрации чужой речи не имеет. Правда, иногда частицы *де*, *мол*, *дескать* называют метатекстовыми показателями авторизации. Но в этом случае их обычно ставят в один ряд со словами и сочетаниями слов *якобы*, *будто бы*, *как будто*, *говорят* и рассматривают в несколько ином аспекте — как средство сигнализации недостоверности сообщаемого.

Лит.: Китайгородская М. В. Чужая речь в коммуникативном аспекте (на материале устных текстов) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993; Ф е ф и л о в А. И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1. См. также «Прямая речь», «Косвенная речь», «Цитация».

Э К З И С Т Е Н Ц И А Л Ь Н А Я Т Е О Р И Я. Теория, разработанная русским философом и логиком М.И. Каринским и носившая первоначально интердисциплинарный характер. По мысли М.И. Каринского, любое без исключения предложение (суждение) является двучленным и состоит из константной идеи существования (бытия), с одной стороны, и переменной величины — того, что утверждается как существующее, — с другой. Именно эта последняя (а не предложение в целом!) носит двувариантный характер: она может быть либо одночастной и выступать, скажем, в виде отдельно взятого предмета: *Есть болезнетворные микробы*, либо, напротив, двучастной и представлять отношение «определяемое — определяющее»: *Кит есть животное млекопитающее*.

Идеи М.И. Каринского, поставившего во главу угла при определении предложения (суждения) значение бытия (существования) и тем самым отвергшего канонизированный научной традицией тезис Аристотеля об асемантичности связки, практически остались неизвестными научному обществу (особенно лингвистическому). В какой-то мере здесь дали о себе знать внешние обстоятельства. Книга М.И. Каринского вышла из печати в конце 1914 г., т.е. в условиях, когда началась грозная череда событий (Первая мировая война, русская революция 1905–1907 гг., Гражданская война), отнюдь не способствовавших развитию научных контактов. К тому же сам М.И. Каринский умер в 1917 г., не успев развернуть свою экзистенциальную теорию. Но дело, конечно, не только и не столько во всякого рода внешних обстоятельствах. Экзистенциальная концепция, в случае ее экс-

траполяции в лингвистику, требовала языковедческого обоснования, а как раз оно и не могло быть обеспечено. В 20–30-е гг. в Советском Союзе уверенно набирал силы марризм, вульгарно-социологические пристрастия которого не имели ничего общего с устремлениями «буржуазной» науки давнего и недавнего прошлого. Что же касается западноевропейской лингвистики, она завершила в это время переход на рельсы новой, системно-структурной парадигмы и безоговорочно приняла требование изучать язык «в самом себе и для себя», что обусловило неприятие всякого рода идей, полученных на стыке лингвистики с другими науками.

Сейчас, в период семантизации синтаксических исследований, положение дел существенно изменилось. Хотя теория еще не стала общепринятой, наблюдается отчетливая тенденция к пересмотру ряда представлений о природе и сущности сказуемого в духе этой теории. В частности, этот процесс коснулся тезиса об асемантичности связки *быть*, которая с давних пор трактуется исключительно как грамматический квалификатор вещественного признака в составном сказуемом. Появился ряд работ, в которых проводится мысль о том, что глагол *быть* во всех случаях своей реализации несет совершенно отчетливое значение бытия (существования), определенным образом модифицируемого в других связочных глаголах (см. **связка**).

Достойно упоминания и то немаловажное обстоятельство, что в отдельных, смежных с языковедением науках все большее распространение получают идеи, которые служат косвенным доказательством корректности заключений М.И. Каринского. Так, логика практически уже отказалась от субъ-

ектно-предикатной интерпретации суждений, при которой связка объединяется в одно целое с предикатом. Для философии различение двух основополагающих категорий онтологии — сущего и бытия (отражаемых в структуре предложения) давно уже не является чем-то принципиально новым. Однако сейчас она пошла гораздо дальше, полагая, что язык представляет собой реальность, скрывающую тайны бытия, которые иначе, чем через язык, раскрыты быть не могут (ср. хорошо известные афоризмы М. Хайдеггера: «Язык есть дом бытия» и «Язык есть язык бытия, как облака — облака в небе»). В этих условиях всеобщее признание лингвистической значимости теории М.И. Каринского — лишь вопрос времени.

Лит.: Каринский М. И. Разногласие в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных. Пг., 1914.

ЭКЗОФОРИЧНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Тесная вплетенность высказывания в экстралингвистический контекст. Так, высказывание *Дети есть дети*, взятое само по себе, представляет своего рода номинативную «пустышку» и только в конкретных ситуациях общения наполняется реальным смыслом: они дороги родителям, требуют заботы, у них неустоявшаяся психика, им свойственна шаловливость и т.д.

Лит.: Николина Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа «Жизнь есть жизнь» // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984.

ЭКСПЛИКАНТЫ. Условное наименование для разряда второстепенных членов, противопоставляемых детерминантам. Включают в свой состав традиционно выделяемые определения, дополнения и обстоятельства, относящиеся к подлежащему и

сказуемому или к другим второстепенным членам.

Лит.: см. «Второстепенные члены предложения».

ЭКСПЛИЦИТНАЯ НОМИНАЦИЯ.

Вариант синтаксической номинации, при которой для выражения какого-л. содержательного звена предложения используются специальные языковые знаки. Различаются два вида ее: прямая и косвенная. Эксплицитная номинация противопоставляется имплицитной номинации.

Лит.: Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Чернова С. В. Эксплицитный и имплицитный смысл конструкций // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; Языковая номинация. Кн. 1. Общие вопросы. Кн. 2. Виды номинаций. М., 1977. См. также «Синтаксическая номинация».

ЭЛЕМЕНТА́РНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. По терминологии Н. Ю. Шведовой, простое нераспространенное предложение типа *Лес шумит; Светит солнце.*

ЭЛЕМЕНТА́РНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ. То же, что простое словосочетание.

ЭЛЛИПСИС. Явление речевой редукиции формального элемента высказывания с опорой на зависящие от него словоформы, благодаря которым его содержание легко восстанавливается нашим сознанием: *Здесь проходила в белчи́ей шубке* (женщина, девушка); *У нас недавно были из областной администрации* (люди, служащие). Представляет собой один из случаев языкового метонимизма (см. **имплицитная номинация**).

ЭЛЛИПТИ́ЧЕСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ВЫСКА́ЗЫВАНИЕ). Выска-

зывание с редуцированным структурным компонентом: *Татьяна в лес; медведь за нею; Я ему про Фому, а он мне про Ерему; Ты опять за свое?* Специфическая особенность этих предложений (точнее — высказываний) состоит в том, что их смысловую полноту и определенность обуславливают не контекст или ситуация, а исключительно зависимые формы (*в лес, за нею, про Фому, про Ерему, за свое*), в результате чего редуцированный элемент у них не может быть «восстановлен» с достаточной строгостью. (Например, в высказывании *Татьяна в лес* можно примысливать глаголы *бросилась, побежала, помчалась, пустилась бежать* и т.д.) Учитывая это обстоятельство, некоторые исследователи говорят об особом нулевом глаголе, несущем информацию о самых общих семах, свойственных данной группе глаголов (в нашем высказывании это сема стремительно-го перемещения).

В результате длительного и устойчивого употребления отдельных эллиптических высказываний в часто повторяющихся условиях общения на их базе возникают особые фразеологизованные структуры безглагольного типа: *С легким паром! Доброе утро!* и т.д., отграничить которые от первых крайне трудно.

Иногда эллиптические предложения рассматривают в составе неполных, что совершенно некорректно: неполные предложения конситуативно обусловлены и восстановление у них редуцированного элемента проблем не создает.

Эллиптические высказывания широко используются в устно-разговорной речи и имитирующей ее художественно-публицистической речи.

Лит.: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и

грамматика. М., 1990; Винокур Т. Г. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965; Попова А. И. Неполные предложения в современном русском языке // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. М., 1953; Сковородников А. П. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // ВЯ. № 3. 1973; Ширяев Е. Н. Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами на материале разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 55. Горький, 1973; Он же. О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказывании разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973. См. также «Простое предложение», «Высказывание».

ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Функция высказывания, предполагающая передачу чувств, эмоций: *Какая ночь! Что за погода! См. восклицательное предложение.*

ЭМФА́ЗА (греч. *emphasis* «выразительность»). 1. Усиленное ударение, используемое в экспрессивных высказываниях при развертывании сообщения от ремы к теме: *Чуден Днепр при тихой погоде* (Гоголь). 2. Усиление эмоциональности, напряженности речи за счет различных интонационных приемов, риторических фигур, повторов, выделения синтаксической позиции и т.д.: *Еду, еду в чистом поле...* (Пушкин); *На море синее вечерний пал туман* (Пушкин); *Дай, Джим, на счастье лапу мне* (Есенин). 3. Один из тропов, предполагающих употребление слова в более узком значении, чем обычно: *Чтобы сделать это, нужно быть человеком* (т.е. героем).

Лит.: Гридин В. Н. Эмфаза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

ЭНДОФОРИ́ЧНОСТЬ ВЫСКА́ЗЫВАНИЯ. Относительная независимость высказывания от экстралингвистического контекста и связанная с этим его формальная и содержательная автономность. Эндофоричными являются обыкновенно полные предложения (высказывания).

Лит.: см. «Простое предложение», «Высказывание».

Я́ДЕРНАЯ КОНСТРУ́КЦИЯ. То же, что ядерное предложение.

Я́ДЕРНОЕ ПРЕДЛОЖÉНИЕ. Термин заимствован русистикой у генеративной лингвистики, где он обозначает базовые, немногочисленные по составу структуры, от которых образуется множество других структур. В 60–70-е гг. XX в. этот термин использовался лингвистами, в той или иной мере разделявшими идеи генеративизма. Сейчас практически не употребляется.

Лит.: Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.

Я́ДЕРНЫЙ КОМПОНЭ́НТ СЛОВОСОЧЕТА́НИЯ. То же, что господствующий (главный) компонент словосочетания.

Я́ДРО ПРÉДЛОЖÉНИЯ. 1. То же, что грамматическая основа (грамматический центр) предложения. 2. По терминологии В. Матезиуса, то же, что рема высказывания.

Лит.: Дибров А. А. Типы синтаксических отношений между членами предложения, составляющими предикативное ядро (на материале славянских языков) // НДВШ. Филологические науки. 1975. № 5; Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. См. также «Предложение», «Актуальное членение предложения».

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА. ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

АБСОЛЮТНЫЙ ДАТЕЛЬНЫЙ.

То же, что и дательный самостоятельный.

АЗБУКОВНИКИ. Древнерусские анонимные рукописные справочники учебного, философского, морально-этического и естественнонаучного характера, комментирующие непонятные слова, обороты, объясняющие различные явления, регламентирующие правила поведения в обществе и т.д.

Азбуковником, или Алфавитом, назывались словарные своды с азбучным расположением статей, а также рукописные кодексы, содержащие подобные своды. Первый азбуковник, содержащий список непонятных слов из Священного Писания, был помещен в Новгородской кормчей 1282 г. (см. **памятники письменности русского языка**).

Азбуковники XIII–XVI вв. были своего рода толковыми словарями. Составители азбуковников располагали слова в алфавитном порядке, указывали их происхождение, давали перевод. Иногда предлагался подробный комментарий всего того, что было известно о предмете, явлении или событии. Иноязычные слова записывались русскими буквами. Азбуковники могли включать сотни и тысячи слов. Причем если в первых азбуковниках словарь состоял преимущественно из слов греческих и еврейских, то в последующих значительный пласт составляли польские и латинские, французские и немецкие слова. Нередко в азбуковники включались отрывки из переводной литературы, известной на Руси. Так, около 1564 г., затем в 1584 г. была издана на русском языке латинско-польская «Летопись всего мира» Мартина Бельского. Большой популярностью

пользовались так называемые «физиологические» рассказы, т.е. рассказы о фантастических птицах и животных: «*Индрия или индрикъ – маленький звѣрокъ, похожий на пса, живетъ в рѣкѣ Ниль и убиваетъ крокодила*» (Азбуковник Соловецкой библиотеки. № 18. Лист 231). В XVII–XVIII вв. наибольшее распространение получили **учебные азбуковники**, содержащие сведения по истории, грамматике, окружающему миру, исторических деятелях: рассказы об Александре Македонском, Яне Гусе, Иване Грозном и др. Отдельные азбуковники представляли собой своеобразный свод правил поведения детей в школе и дома.

Писались азбуковники полууставом (см. Полуустав) или скорописью (см. Скоропись). В XVII в. азбуковники активно копировались. «Записи в списках азбуковников, – отмечает Л.С. Ковтун, – показывают, как менялся на протяжении XVII века круг их копиистов и читателей: все реже это монастырские филологи, занятые переводами и правкой церковных книг, все чаще горожане из среднего и низшего сословий» (Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. С. 125). Азбуковники как источники разнообразных сведений филологического и энциклопедического характера были одним из главных этапов в развитии лексикографии и в появлении словарей различного типа.

Лит.: Карпов А. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1887; Ковтун Л.С. Древние словари как источники русской исторической лексикологии. Л., 1977; Она же. Азбуковники XVI–XVII вв. Л., 1989; Мордовцев Д.Л. О русских школьных книгах XVII века. М., 1862; Пруссак А.В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделе-

нии императорской Публичной библиотеки. П., 1915; Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918; Орлов А. С. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды // Докл. АН СССР. 1931. Сер. В. № 3; Ширский К. Очерк древних славяно-русских словарей // Филологические записки. Вып. 1–3. 1869.

АКАНЬЕ. 1. Неразличение в русском и белорусском языках гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах, совпадение их в одном звуке; противоп. **оканье**. 2. Тип диалектного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема [а] и [о] не сохраняют своих различительных признаков в позиции 1-го предударного слога после твердых согласных (кроме шипящих) и совпадают в одном звуке [а]: [вада], [глава].

В зависимости от степени неразличения гласных [а] и [о] в русских говорах выделяются полное и неполное аканье. **Полное аканье** — тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы [о] и [а] не различаются и совпадают в одном звуке и в первой, и во второй фонетической позиции: [малакó], [харашиó], [вѣдал]. **Неполное аканье** — тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы [о] и [а] не сохраняют свои различительные признаки только в первой позиции, во второй — совпадают в звуке [ъ]: [хърашиó] [мъладби], [тръванби].

Аканье недиссимилятивное. Тип безударного вокализма, при котором гласные [о] и [а] в первом предударном слоге звучат как [а] независимо от качества ударного гласного: [савá], [странá], [на вад'э] и т.д.

Аканье диссимилятивное. Тип безударного вокализма, при котором характер гласного в первом предударном слоге определяется качеством ударного гласного. Если под ударением нахо-

дятся гласные [и], [ы], [у], [о], [э], то в первом предударном слоге на месте [о], [а] произносится звук [а]. Если под ударением находится звук [а], то в первом предударном слоге произносится [ъ]: [вады́], [вад'э́], [вадо́и], но [вѣда]; [травы́], [траво́и], но [трѣва́].

В зависимости от качества гласного в первом предударном слоге [а] или [ъ] выделяется 2 типа диссимилятивного аканья. При обоянском (архаическом) типе: в первом предударном слоге произносится [а] перед гласными [е], [о]: [к травѣ́], [саво́и], [траво́и]; а перед гласными [о], [э] произносится [ъ]: [ръсто́к], [стѣно́к], [вѣлн'э́и] и т.п. В остальных безударных слогах [о] и [а] не различаются и совпадают в звуке [ъ]; в конечном слоге возможен и звук [а]: [глава́], [браба́н], [ко́лькъл], [ко́лькълъ] или [ко́лькѣла]. Изредка наблюдается во всех безударных позициях произношение [а]: [галава́], [бараба́н], [ко́лакал] и т.п.

Лит.: см. «Аканье и его история».

АКАНЬЕ И ЕГО ИСТОРИЯ. Аканье — достаточно сложное явление, характеризующееся тем, что гласные [а], [о] после твердых согласных, [’о] (е), [о], [а] после мягких согласных и шипящих не различаются в безударных слогах и совпадают в одном звуке. Оно противопоставляется оканью, т.е. различению указанных гласных.

Аканье в звуковой системе русского языка является относительно новой чертой и характеризует южновеликорусское наречие, переходные средневеликорусские говоры и большую часть белорусского языка, являясь в то же время нормой русского и белорусского литературных языков. Современное русское литературное произношение является умеренно акающим. Под литературным аканьем понимается произношение звука [о] как [а]-не-

широкого в первом предударном слоге после твердых согласных и в начале слова: вода [*вада́*], гора [*гара́*], мороз [*маро́с*], отец [*ате́ц*], огурец [*агуре́ц*]. В остальных предударных и заударных слогах происходит сильная редукция гласных [а] и [о]: водовоз [*вѣдаво́с*], молоко [*мѣлако́*], холод [*хѣлѣт*].

Вопрос о времени появления аканья и причинах его развития в науке до сих пор не считается до конца решенным.

В памятниках аканье отражается в колебаниях между [о] и [а] в безударном положении в одних и тех же словах и формах. Менее показательны колебания между [’э (е)] и [а] после мягких согласных и шипящих. Древнейшие случаи аканья наблюдаются в московских памятниках XIV в., напр., в Московском евангелии 1339 г.: *апустевшии земли, кака глаголеши*; в Псковском прологе 1383 г. отмечено аканье в словах *гади́на* (вм. *годи́на*), вин. п. — *Маскву* (вм. *Москву*). Случаи аканья отмечаются также в рязанских грамотах XIV в., коломенских, псковских XV в. Вопрос о времени появления этого явления в русском языке в целом можно считать решенным, поскольку большинство исследователей сходятся на том, что аканье могло появиться не ранее XII в. и не позже середины XIV в. в Рязанской и частично Новгород-Северской и Черниговской землях. На территории современных средневеликорусских говоров аканье проникает с XIV–XV вв., когда начинается объединение русских земель вокруг Москвы, т.е. со времени царствования Ивана Калиты. К концу XVI и особенно в начале XVII в. «аканье, — писал Р.И. Аванесов, — делает успехи в языке господствующих классов: аканье имелось уже в языке царя Михаила Федоровича, и оно уже господствовало в языке Алексея Михайловича» (*Аванесов Р.И. Во-*

просы образования русского языка в его говорах. С. 154).

Таким образом, московский акающий говор устанавливается только в начале XVII в. В отношении же причин появления аканья единой точки зрения пока нет, хотя и существует ряд гипотез. Но одно признается всеми: аканье — это результат изменения (ослабления) гласных в безударном положении. Наиболее разработанной признается теория, выдвинутая А.А. Шахматовым, который считал, что аканье — это следствие утраты древних интонаций и долгот. Утрата интонаций, по мнению ученого, способствовала, с одной стороны, большему выделению ударного слога, с другой — ослаблению неударных: [*пѣра́*, *пѣрѣ́*, *пѣры́*, *пѣрю́*, *стѣльмѣ́*].

Кроме того, он полагал, что в древнерусском языке редукции подвергались только три звука [о], [’э] и [а], первые два, как известно, были краткими, третий — долгим. И в связи с тем, что редукции подвергаются лишь краткие звуки, А.А. Шахматов утверждал, что [а] сократился до наступления редукции и раньше, чем остальные долгие. Итак, после твердых согласных [а], [о], ослабляясь, изменяются в редуцированный среднего ряда [ѣ]. Такое произношение характерно большинству акающих говоров в позиции не первого предударного слога, а в некоторых — и в первом предударном.

После мягких согласных на месте [а], [о], [’э] в результате их ослабления возникает редуцированный гласный переднего образования [ѣ]: [*пѣтѣ́*], [*сѣло́*], [*во́лѣ́*] и т.д. Такое произношение сохранилось в части южновеликорусских говоров, а в остальных в силу фонетических причин или по аналогии [ѣ] заменился гласными [’э] или [и]. По мысли ученого, в языке произошла редукция широких безударных глас-

ных «неверхнего подъема» и не произошло редукции узких безударных гласных (верхнего подъема), поскольку данные звуки отличались друг от друга краткостью и долготой: узкие [и, ы, у, е] — были долгими, а широкие — краткими. Вероятно, поэтому [а] сократилось раньше других долгих и в силу этого все широкие оказались краткими и редуцировались, а узкие остались долгими и не редуцировались. Затем долгота утрачивается и приводит к заместительной долготе и возникновению перед старыми долгими гласными на месте редуцированных гласных полного образования, но уже без лабиализации в виде [а], напр.: [нарѣ, пары́, парю́], перед краткими гласными сохранился [ъ]: [нѣра́], [стѣлѣмѣ]. Подобные изменения произошли и после мягких согласных, но с более передним редуцированным. Такова история возникновения аканья по теории А.А. Шахматова.

Но при всей ее разработанности вопрос о времени возникновения этого процесса не может быть признан достаточно убедительным и обоснованным. А.А. Шахматов связывал начало аканья с поздней дописьменной эпохой (VII—IX вв.), т.е. с периодом до падения редуцированных гласных.

Однако предпочтительнее иная точка зрения (см. работы Л.Л. Васильева, В.И. Борковского, В.В. Иванова, В.И. Собинниковой), в соответствии с которой аканье не могло развиваться до падения редуцированных, иначе бы прежние редуцированные и вновь возникшие как следствие аканья пережили бы общую судьбу. Тем не менее этого не произошло. Следовательно, аканье возникло позже, о чем убедительно свидетельствуют памятники письменности. В настоящее время большинство ученых сходятся на том, что аканье началось после смены музыкального по-

литонического ударения монотоническим и более сильным динамическим.

Именно оно могло вызвать редукцию безударных гласных. Появление в русском языке, в большом числе его говоров, редукции безударных гласных, развитие аканья привели к тому, что возникли различия позиций, в которых выступают гласные фонемы. Возникает такое явление как совпадение в одном звуке нескольких. Из курса современного русского языка хорошо известно данное явление, называемое обычно пересекающимся типом чередования, т.е. когда разные звуки, находясь в одинаковых фонетических условиях, совпадают в одном звуке.

Таким образом, количество гласных фонем, выступающих под ударением, стало отличаться от их количества в безударном положении. При этом положение под ударением оказалось такой позицией, в которой различается максимальное количество гласных фонем. Так, в литературном языке, напр., при различении гласных [а], [о] под ударением, в безударном положении — это менее широкий, краткий звук [а]. В говорах, где отсутствует редукция гласных в безударном положении, нет и различий в соотношении гласных фонем ударных и безударных. Следовательно, возникновение редукции безударных гласных и развитие аканья обусловили, во-первых, дифференциацию говоров по соотношению ударных и безударных фонем, во-вторых, обусловили развитие в акающих говорах русского языка позиционной мены звуков, образующей пересекающиеся ряды, в отличие от древнего периода развития русского языка, когда его фонетической системе был характерен только параллельный тип чередования звуков. В дальнейшем фонетические системы разных говоров ста-

ли отличаться друг от друга в большей степени. При этом изменение в области безударных гласных повлияло и на систему согласных, где также стали формироваться особенности, различающие разные говоры как от литературного языка, так и друг от друга.

Современная русская орфография, основываясь на морфологическом принципе написания, является окающей, а литературное произношение — акающим. Однако в некоторых словах аканье закрепилось и в написании. Ср. древнерусское и современное написание: *колачъ* (коло) — *калач*, *кропива* — *крапива*, *лопѣтъ* — *лапта*, *полаты* — *палаты*, *дѣстоканъ* — *стакан*, *ковычки* — *кавычки*, *корован* — *каравай*, *барсукъ* — *барсук*, *словяне* — *славяне*, *корман* — *карман*.

Лит.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1972; Он же. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974; Он же. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9; Он же. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5; Георгиев В. Аканье и иканье в истории русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965; Георгиев В. И., Журавлев В. К., Филин Ф. П., Стойков С. И. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968; Горшкова К. В. Историческая диалектология. М., 1972; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1981; М., 1996; Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Фонетика. М., 1986; Захарова Е. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970; Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. Вып. 2. 1985; Ко-

лесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980; Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья // ВЯ. 1964. № 1; Лыткин В. И. Еще к вопросу о происхождении русского аканья // ВЯ. 1965. № 4; Общеславянский лингвистический атлас (Материалы исследования. 1993). М., 1994; Руделев В. Г. К фонологической интерпретации русского аканья // ВЯ. 1963. № 2; Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина 2-е изд. М., 1989; Русская диалектология // Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973; 1989; Русская диалектология // Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972; Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907; Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915.

АКАЮЩИЙ ГОВОР. То же, что акающий диалект.

АКАЮЩИЙ ДИАЛЭКТ. Диалект, характеризующийся аканьем. **Син. акающий говор.** См. **наречия русского языка, территориальный диалект.**

Лит.: см. «Аканье и его история».

АОРИСТ (греч. aoristos «неопределенный, неограниченный, необозначенный»). Одна из форм прошедшего времени. См. **история прошедшего времени.**

АПО́СТОЛ (греч. apostolos «посланник»). Часть Библии, написанная в I—II вв. на греческом языке. Апостол состоит из книг (22) Нового Завета, повествующих о деяниях и посланиях апостолов — учеников Иисуса Христа. В православной церкви Апостол известен как четья книга, предназначенная для домашнего чтения, и как Апракос (от греч. apraktos «недельный»), предназначенный для церковного чтения; апракос краткий, читаемый накануне

и во время церковных праздников, полный — чтения во все дни. Апостол был переведен на старославянский язык Кириллом и Мефодием в 863 г. Это один из древнейших памятников старославянской письменности, служивший развитию книжно-письменного языка в Древней Руси, совершенствованию его художественных приемов и выразительных средств. Отдельные отрывки Апостола обнаружены в таких древних памятниках, как Сборник Клоца, Супральская рукопись; Хиландарские листки, Изборники 1073, 1076 гг. Апостол цитировали в своих сочинениях митрополит Илларион, епископ Кирилл Туровский. Апостольские постулаты носят общечеловеческий характер и не потеряли своего значения и сегодня: **въ добродѣтели же разоумъ въ терпѣннн же благочестіе; въ братолюбіи же любовь.**

Лит.: Библия. Книги Свящ. Писания — Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1968 (с синод. изд. 1912 г.); Библия 1499 г. и Библия в син. пер.: В 10 т. Т. 7–8. М., 1992 (репринт ГБ).

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ (1092 г.). См. **памятники письменности русского языка.**

АССИМИЛЯТИВНОЕ ЯКАНЬЕ. Диалектный тип вокализма, который характеризуется звучанием [а] только перед ударным [а] и звучанием [и] перед всеми прочими ударными гласными независимо от твердости или мягкости следующего за предударным гласным согласного. Ассимилятивное яканье возникает тогда, когда перед ударным гласным нижнего подъема [а] необходим также гласный нижнего подъема [а], а перед гласными верхнего и среднего подъема — гласный верхнего же подъема [и].

АТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ. Глаголы, не имеющие тематического

гласного, характеризующиеся отсутствием тематического гласного, образованные непосредственным присоединением суффикса к корню. См. **история настоящего времени.** Син. **нетематические глаголы.**

БЕГЛЫЕ ГЛАСНЫЕ. Гласные [е] и [о] современного русского языка, чередующиеся с нулем звука, поскольку они восходят к древнерусским звукам [ь] и [ѣ], впоследствии исчезнувшим в слабой фонетической позиции и проявлявшимся в гласные полного образования в сильной позиции: *brateц — братца, кусок — куска, день — дня, сон — сна.* Син. **подвижные гласные.**

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ. Это памятники древнерусской письменности на бересте (березовой коре), найденные при археологических раскопках (или случайно) на территории бывших древних русских поселений. Большинство грамот — письма частного характера, но встречаются и официальные документы (купчие, договоры, завещания, сведения о налогах, долгах, ссудах), записи религиозного содержания, списки «складов» (слов) и др.

Первые берестяные грамоты были найдены в Новгороде в 1951 г. археологической экспедицией под руководством чл.-корр. АН СССР А.В. Арциховского. В результате раскопок к настоящему времени их обнаружено более 750 в Новгороде, несколько в Пскове, Смоленске, Витебске, Старой Руссе, Твери, Мстиславе. По внешнему виду берестяные грамоты представляют собой свитки различной длины и ширины, объемом от нескольких слов до 150 и более. Большинство грамот написано на древнерусском языке.

Новгородские берестяные грамоты занимают особое место среди памятников русской письменности. В результате их тщательного изучения был открыт ранее неизвестный способ письма: буквы продавливались или процарапывались заостренным концом костяного или металлического стилоса (по-древнерусски — писало). Кроме того, они позволяют судить об уровне развития грамотности русского народа. Это связано с тем, что до их открытия считалось, что грамотой владели лишь представители духовенства, купечества, феодалы. Однако найдены и записи, принадлежащие ремесленнику.

Есть грамоты, составленные женщинами и детьми. В частности, **Новгородская берестяная грамота № 125**, написанная женщиной, представляющая собой обращение матери к сыну с просьбой купить ей зендянцу (простую хлопчатобумажную ткань бухарской выделки), свидетельствует о том, что грамотой на Руси владели не только мужчины, но и женщины и что торговые связи Новгорода были хорошо развиты. Берестяные грамоты воскрешают картины жизни того времени, содержат ценные сведения по истории русского языка вообще и новгородского диалекта в частности.

Лит.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951 г.). М., 1953; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1952 г.). М., 1954; Он же. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963; Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958; Он же. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959; Янин В. Л. Я послал тебе бересту... / 2-е

изд. М., 1965; 1975; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986; Он же. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993; Он же. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1990–1993 гг. // ВЯ. 1994. № 3.

Вторая палатализация. Закономерный переход заднебных (заднеязычных) согласных [г], [к], [х] в свистящие в определенной фонетической позиции: перед гласными дифтонгического происхождения. Син. **второе смягчение.** См. **история заднеязычных Г, К, Х.**

Лит.: см. «История заднеязычных Г, К, Х».

Второе смягчение. То же, что вторая палатализация.

Вязь. См. **типы древнерусского письма.**

Глаголица. Одна из двух известных древнейших славянских азбук (см. **кириллица**). В основе названия лежит старославянское слово *глагол*, что означает «слово», «речь». Глаголица представляет собой достаточно сложное, петлеобразное письмо. По особенностям начертания многих букв глаголица значительно отличается от кириллицы, но их количество, порядок расположения, звуковое значение практически одинаковы (см. табл.). В настоящее время глаголица используется только в Хорватии в качестве церковного письма.

Глаголический алфавит

†	а	Ѡ	и	Ѱ	т	Ѳ	ѣ
Ѳ	б	Ѡ	мягкое г	Ѳ	у	Ѳ	ѣ
Ѳ	в	Ѡ	к	Ѳ	ф	Ѳ	ѣ
Ѳ	г	Ѡ	л	Ѳ	ѳ	Ѳ	ѣя
Ѳ	д	Ѡ	м	Ѳ	х	Ѳ	ю
Ѳ	е	Ѡ	н	Ѳ	о	Ѳ	е носовое юс малый
Ѳ	ж	Ѡ	о	Ѳ	шт	Ѳ	о носовое юс большой
Ѳ	лз	Ѡ	п	Ѳ	ц	Ѳ	йотированный юс малый
Ѳ	з	Ѡ	р	Ѳ	ч	Ѳ	йотированный юс большой
Ѳ	и	Ѡ	с	Ѳ	ш	Ѳ	ижика

Древнейшие памятники письменности, написанные глаголицей, не датированы. Время и место их создания устанавливаются на основании языковых и палеографических данных. В языке глаголических памятников обнаружены такие особенности словарного состава и грамматического строя, какие в кириллических памятниках уже не встречаются. В них больше грецизмов, не переведенных на славянский язык. Большинство глаголических памятников были изданы в кириллической транскрипции.

В настоящее время известны глаголические памятники, относящиеся к периоду X–XI вв. «Киевские листки» («Киевский миссал») – древнейший (X в.) дошедший до нас глаголический памятник, найденный в Киевской духовной академии И.И. Срезневским в 1874 г. и представляющий собой отрывок из католической мессы (обедни). Сохранилось 7 листов. Язык этого памятника достаточно изучен. Это позволило обнаружить в нем такую древнейшую славянскую фонетическую черту, общую для славянских языков до X в., как правильное использование реду-

цированных гласных, дальнейшая история которых связана с их падением (см. последствия падения редуцированных). Все остальные памятники, относящиеся к XI–XII вв., уже непосредственно отражают этот процесс, проявляющийся в смешении Ъ и Б, их пропуске или недифференцированной замене О или Е.

Зографское Евангелие (Зографские листки) содержит более 300 листов, обнаружено на Афоне в Зографском монастыре и датировано XI в. В Евангелии установлены более поздние приписки, сделанные кириллицей. Памятник содержит не переведенные на славянский язык грецизмы, архаический простой аорист (см. **аорист**). Однако параллельно здесь находит отражение новая фонетическая черта, связанная с падением Ъ, Б, которые в тексте нередко пропускаются, смешиваются или необоснованно заменяются О или Е.

Синайская псалтырь – памятник датирован XI в. Обнаружен в монастыре св. Екатерины на горе Синай. Языковые особенности и содержание псалтыри позволяет отнести этот па-

мятник к кирилло-мефодиевской эпохе. Это один из древнейших памятников, содержащих еще архаические формы простого аориста. Особенности глаголического письма отражают также памятники XI в. Ассеманиево и Мариинское Евангелия, Синайский требник, «Сборник Клоца». Большинство ученых признают более древний характер глаголицы по сравнению с кириллицей. Однако вопрос об источнике глаголицы до сих пор окончательно не решен. Несомненно, что ее создателем были знакомы графические системы др. языков. В качестве источника глаголицы называлось греческое минускульное (лат. *minus* «меньше, маленький») письмо, использовавшееся в деловой письменности. Подобное утверждение не может быть принято безоговорочно, поскольку между глаголицей и греческим письмом больше различий, чем сходства. Попытки соотнести глаголицу с древнееврейским, армянским, самаритянским, коптским и др. типами письма не дали положительных результатов. Однако большинство исследователей обоснованно считают, что составитель глаголицы должен был в совершенстве знать различные системы письма, чтобы создать хорошо приспособленную для записи славянской речи азбуку. Таким человеком мог быть Кирилл (см. **Кирилл и Мефодий**). Глаголица активно использовалась в IX в. в Великоморавском княжестве, позже в Болгарии, Сербии, Хорватии, иногда и в Древней Руси.

Лит.: Драчук В. С. Дорогами тысячелетий: о чем поведали письмена. М., 1977; Иванова Т. А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950-1960). // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXII. Вып. 2. 1963; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.,

1979; Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М., 1958; Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками». Уч. зап. Елецкого гос. пед. ин-та. Вып. 2. Липецк, 1957; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

ГÓБОР. Минимальная ареальная единица национального языка, характеризующаяся наличием особенностей в произношении, в использовании грамматических форм или лексических единиц, имеющих ограниченное территориальное распространение. См. **территориальный диалект, наречия русского языка.**

ГРА́МОТЫ (греч. *grammata* «чтение; письмо; элементарные науки»). Грамоты — разновидность деловой письменности, на Руси распространены с X в. Известные письменные памятники делового и официально-делового содержания интересны тем, что они датированы и дошли до нас в подлиннике, следовательно, позволяют судить об особенностях языка подобного рода текстов в изучаемый период и их соответствии существующим языковым стандартам вне корпуса сугубо религиозных текстов. К памятникам подобного типа относились договоры между государствами и княжествами, завещания, дарственные, купчие, вкладные. Они создавались на всей территории Русского государства, причем вначале составлялся черновой вариант, затем — окончательный, так называемая «в'ѣлаъ» грамота.

Договорные грамоты русских князей с греками сохранились в нескольких списках в составе «Повести временных лет» (см. **летописи**) по Лаврентьевской летописи, договоры между Византией и киевским князем Олегом — 907 и 912 гг., киевским князем Игорем —

945 г., Святославом — 972 г. Язык подобных договоров, по мнению Л.П. Якубинского, — церковнославянский с отдельными русскими элементами (*Якубинский Л.П. История древнерусского языка*. С. 89–91).

Мстиславова грамота (ок. 1130 г.). Одна из древних сохранившихся русских грамот. Вкладная (вклад — монастырю, церкви) грамота сына Владимира Мономаха, великого князя киевского Мстислава Новгородскому Юрьевскому монастырю написана золотом на пергамене.

Вкладная грамота Варлаама Хутынского — это дарственная Хутынскому монастырю близ Новгорода на землю, огород, рыбную ловлю и т.д., составленная примерно в 1192 г. новгородским боярином Олексой (в монашестве Варлаамом).

Для истории русского языка **Грамота Варлаама Хутынского** представляет значительный интерес, так как в тексте установлены явления, демонстрирующие процесс падения редуцированных (см.). К таким же памятникам относятся **Смоленская грамота** 1229 г. (Торговый договор князя Мстислава Давидовича с Ригой и Готским берегом), договор **Новгорода с Готским берегом** (1262–1263 гг.).

Документы подобного рода составлялись, как правило, профессиональными писцами, хорошо знакомыми с языковыми клише, свойственными грамотам и пр. деловым текстам. Официально-деловой характер документа не допускал элементов разговорной речи, требовал соблюдения общепризнанных норм книжного языка. В текстах личного характера традиции книжного языка нередко нарушаются, заметен слой разговорных элементов и синтаксических конструкций. Подобный стиль изложения характерен в первую очередь для текстов берестя-

ных грамот (см.), отражающих обычную речь людей того времени: ремесленников, феодалов, детей, крестьян.

Лит.: см. «Памятники письменности русского языка».

ГРАФФИТИ (итал. graffiti, множ. ч. graffito «нацарапанный»). Надписи на стенах зданий, крестах, колоколах, украшениях, предметах домашнего обихода и т.п. Обычно небольшие по объему и разнообразные по содержанию: от обычной подписи или бытовой записи о содержимом корчаги сосуда до магического заклинания. Граффити, известные науке сегодня, созданы в разные периоды жизни русского народа и на разных территориях Древней Руси. Их находят при раскопках и в др. странах. Граффити на глиняной корчаге, обнаруженные при раскопках одного из Гнездовских курганов под Смоленском в 1949 г., состоящие из одного нечетко выведенного или плохо сохранившегося слова «горушна» или «горушца», — это не только напоминание предков, но и свидетельство существования письменности на Руси в X в. К ранним граффити относится и надпись, сделанная французской королевой Анной Ярославной, дочерью Ярослава Мудрого, вдовой Генриха I, под латинской грамотой 1063 г.: **ана рѣина** — *Anna regina* — *Анна королева*.

В Эрмитаже (Санкт-Петербург) хранится надпись на Тмутораканском камне (беломраморная плита), высеченная в 1068 г. и сообщающая об измерении ширины Керченского пролива князем Глебом. Сохранились надписи на киевской амфоре XI в., на кресте полоцкой княгини Евфросинии 1161 г., на чаре черниговского князя Владимира Давидовича, до 1151 г. К середине XI в. относятся граффити, открытые С.А. Высоцким при реставрации фресковой живописи в Софий-

ском соборе в Киеве. Граффити — это своеобразная история народа в надписях, содержащая интересные сведения о языке, особенностях букв, специфике повседневной жизни народа.

Лит.: Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1951). М., 1953; Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966; Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952; Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI—XV вв. СПб., 1992.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ. Особый причастный оборот, состоящий из сочетания имени существительного (или местоимения) в дательном падеже и согласованного с ним краткого причастия (обычно действительного залога). Оборот называют дательным самостоятельным, подчеркивая тем самым его морфологический признак (оба компонента в дательном падеже) и смысловую самостоятельность в структуре предложения как сложного, так и простого. Однако чаще всего оборот использовался в качестве придаточного предложения времени или причины, реже условия или уступительного. Он называл обстояательства совершения действия сказуемым главного предложения. Если в конструкции причастие было настоящего времени, то обозначало действие, совпадающее с действием глагольного сказуемого. Причастие прошедшего времени обозначало действие, предшествующее действию сказуемого в главном предложении: *...оубиша Володимири княза Андрея... в ночь спашоу юмоу* «Владимирцы убили князя Андрея, когда он спал ночью» (1-я Новгородская летопись); *...Киеви же пришедшо въ свои градъ Ки-*

евъ тоу животь свои сконча «Когда же Кий пришел в свой город Киев, здесь скончался» (Лаврентьевская летопись).

Дательный самостоятельный был характерен для древних славянских языков. В современных славянских языках, в том числе и в русском, он отсутствует.

В древнерусском языке оборот использовался преимущественно в книжной речи. «Памятники деловой письменности этого оборота не знают. Мы не встретили его ни в грамотах на пергамене, ни в грамотах на бересте» (Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика. С. 46).

В связи с общим процессом развития и совершенствования сложного предложения, утратой склонения краткими причастиями дательный самостоятельный к XV в. выходит из употребления, однако в языке литературы встречается в течение XVII—XVIII вв.

Источник происхождения оборота (дательного самостоятельного) не установлен. Являлся ли он исконной чертой русского синтаксиса или был заимствован из греческого посредством старославянского, до сих пор не установлено.

Лит.: Белорусов И. М. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности // Русский филологический вестник. Т. 41. 1899; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Буслев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959; Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923; Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы //

Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 10. М., 1956.

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО́. Древнерусская грамматическая категория, обозначающая число «более единицы» при выделении двух предметов и противопоставленная раздельно-множественному числу. См. **история существительных**.

ДЗЁКАНЬЕ. Произношение мягкой аффрикаты [д'з'] вместо мягкого д', свойственное некоторым говорам русского языка и более присущее белорусскому языку: день → [д'з'эн'].

ДИАЛЕКТНАЯ ИЗОГЛО́ССА (греч. *isos* «равный» + *glossa* «язык», «речь»). Особая линия на географической карте, отмечающая границы распространения определенного языкового явления (фонетического, лексического и т.п.). Изоглоссы указывают сферу распространения аканья или иканья, территорию, на которой используются те или иные лексические, фонетические и т.п. диалектизмы.

Изоглоссы, определяющие границы разных языковых явлений, традиционно не совпадают. Однако часть изоглосс может проходить близко друг от друга и в одном направлении. В этом случае образуются своеобразные пучки изоглосс. Территориям, расположенным между ними, свойственно языковое единство. Совокупность изоглосс на той или иной территории создает языковой ландшафт, типичный для данного языка.

Лит.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. Ч. 1. М., 1957; Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991; Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915; Мальцев М.Д., Филин Ф.П.

Лингвистический атлас р-на озера Селигер. М.; Л., 1949; Мельникова Т.Н., Сухачев Н.Л. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Аннотированный каталог. Л., 1971; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1978.

ДИАЛЕКТОЛОГИ́ЧЕСКАЯ КАРТА. Географические зоны распространения отдельных диалектных явлений одного или нескольких языков. Обычно в таких картах отражаются простые (однотипные) или разноплановые диалектные явления одного или нескольких уровней национального языка.

Лит.: см. «Диалектологический атлас».

ДИАЛЕКТОЛОГИ́ЧЕСКИЙ АТЛАС. 1. Систематизированное собрание диалектологических карт какой-л. территории. 2. Совокупность зафиксированных на географической карте диалектных явлений какого-л. языка на определенной территории. Диалектологический атлас фиксирует комплекс известных диалектных различий и ареал типологических черт, дающих основание для диалектного членения национального языка или идентификации его самостоятельности.

Лит.: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957; Карпатский диалектологический атлас. М., 1967; Лингвистические и этнографические атласы и карты / Сост. Т.И. Мельникова, Н.Л. Сухачев. Л., 1971; Сухачев Н.Л. Лингвистические атласы и карты // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974.

ДИАЛЕКТОЛО́ГИЯ. Раздел языкознания, занимающийся изучением территориальных и социальных диалектов, местных наречий и говоров какого-л. языка: *диалектология* русского языка, социальная *диалектология*.

Лит.: Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949; Он же.

Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Докл. советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963; Кузнецов П. С. Русская диалектология М., 1973; Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

ДИССИМИЛЯТИВНОЕ **АКАНЬЕ**.

Появление [а] в первом предударном слоге после твердых согласных при наличии в ударном слоге любого другого гласного, кроме [а], и звука типа [ъ], если под ударением [а]. Произношение типа *въда, вады, вад'е*.

Лит.: см. «Аканье и его история».

ДИССИМИЛЯТИВНОЕ **ЯКАНЬЕ**.

Появление в первом предударном слоге после мягких согласных одного из двух вариантов гласных фонем неверхнего подъема («а» или «не а»), которое зависит от качества гласной следующего, ударного слога: если под ударением находятся гласные верхнего подъема [и] ([ы]), [у], – то в предударном звучит [а], если же под ударением гласная нижнего подъема [а], – то в предударном звучит «не а», а именно [и] или [’э] (е): несú [н’асú], ведú [в’адú] несí [н’асí], ведí [в’адí].

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ. См. *памятники письменности русского языка, грамоты, летописи*.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГЛАСНЫЕ В НАЧАЛЕ СЛОВА. Звуковые системы всех славянских языков характеризовались определенными ограничениями, регулирующими строение слога, в частности, возможности объединения тех или иных звуков в пределах слога или слова. Начальный слог в соответствии с законом восходящей звучности должен быть прикрытым, поэтому перед гласными, занимавшими позицию абсолютного начала слова, еще в пра-

славянскую эпоху развились согласные. Однако характер этого процесса в разных славянских языках был различным. В древнерусском языке не все гласные могли занимать позицию начала слова. Итак, в отличие от старославянского древнерусский язык характеризовало следующее:

1. Развитие *j* перед начальным [а]. В старославянском только [а]. Например, ст.-слав. азъ, др.-русс. **ѡзъ**; ст.-слав. агнець, др.-русс. **ѡгненъкъ**. Появление [j] характерно и для языка западных славян: польск. *jagnie*.

2. В древнерусском языке в отличие от др. славянских языков начальное [ju] утратило *j* и древнерусскому [оу] соответствует старославянское «ю». Например, др.-русс. **оутро**, ст.-слав. **ютро**. В.В. Иванов предполагает, что «отсутствие развития [j] перед [у] в древнерусском языке, возможно, объясняется наличием придыхательного элемента перед этим гласным. Это придыхание первоначально, вероятно, появлялось перед [Q], которое на восточнославянской почве изменилось в [у]. Следы такого придыхания сохранились в некоторых русских словах, где в соответствии со старославянским [Q] в начале слова произносится сочетание [гу]. Ср. ст.-слав. **жъ** – русск. гуж (др.-русс.) **гоужь**» (Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 133).

3. Начальное **ѣ** в древнерусском на месте старославянского «ѣ». Например: др.-русс. **ѣсти**, ст.-слав. **ѣсти**.

4. Лабиализация начального [jэ] в [о] в отличие от старославянского языка, где [jэ] сохраняется: озеро – **ѡзеро**, осень – **ѡсень**. В западнославянских языках также [je].

5. И в древнерусском, и в старославянском языках не могли находиться в начале слова гласные «ъ» и «ы». Перед ними развивался согласный «в».

Напр.: **възъпѣти** — **въпѣти** — **въпль**; *выдра* — латыш. *udris*.

б. В древнерусском языке ударный гласный [о] не мог находиться в начале слова, перед ним развивался согласный [в]. Например: **осмь* — ст.-слав. *осьмь* — др. русск. *восемь*.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; 2-е изд. М., 1965; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980; Собинов В.И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК. Язык древнерусской народности, сложившийся на базе восточнославянских племенных диалектов на территории Киевской Руси.

Формирование и развитие древнерусского языка как средства общения восточных славян датируется обычно VI(VII)—XIV вв.

Значительную роль в создании единого языка древнерусской народности сыграла письменность. Первые древнерусские письменные памятники как источники сведений не только о языке, но и быте, привычках и традициях предков современных русских, украинцев, белорусов относятся к XI в. Из более ранних источников известна надпись на глиняном сосуде, состоящая из одного слова. Обнаружена при раскопках Гнездовских курганов под Смоленском и относится к началу X в. В X в. были составлены три договорные грамоты Руси с Византией, сохранившиеся не в подлиннике, а в составе «Повести временных лет» (см. «Памятники письменности русского языка»).

В V—VI вв. н. э. заканчивается эпоха общеславянского единства, и с этого времени начинается история отдельных групп славянских племен и их

языков. Выделившийся в результате распада праславянского языка древнерусский язык, развиваясь теперь уже по собственным языковым законам, к X в. вырабатывает такие черты, которые отличают его от языков южных и западных славян (см. **отличительные черты фонетической системы древнерусского языка конца X — начала XI в.**).

Система вокализма древнерусского языка конца X — начала XI в. включала 10 гласных фонем, различающихся зоной образования: [и], [е], [ѣ], [а], [ѡ] — гласные передней зоны, [ы], [у], [о], [а], [ѡ] — непередней (см. **система гласных древнерусского языка**). Соотносительный ряд гласных, противопоставленных по передней — непередней зоне образования, — важнейшая отличительная черта древнерусского вокализма в сравнении с вокализмом современного русского языка. Если в современном русском языке передний, средний или задний ряд образования гласного не является его постоянным признаком, а зависит от качества соседних согласных (см. **аккомодация** в разделе «Фонетика. Фонология»), то в древнерусском языке зона образования была постоянным признаком гласного независимо от его фонетической позиции.

Система консонантизма в древнерусском языке включала 26 фонем. Условно по признаку твердости и мягкости их можно объединить в следующие группы: только твердые согласные или только мягкие и согласные, соотносительные по признаку твердости — мягкости. Часть древнерусских согласных (шумные) образовывала пары по глухости — звонкости, кроме того, одни согласные были только звонкими, другие только глухими (см. **система согласных древнерусского языка**).

Строение слога в древнерусском языке определялось законами, сложивши-

мися в поздний праславянский период, — законом открытого слога, связанного с реализацией тенденции к расположению звуков в слоге по восходящей звучности, и законом слогового сингармонизма. Закон слогового сингармонизма оказался полностью созвучным внутренним тенденциям развития фонетической системы древнерусского языка (см. **структура слога в древнерусском языке**).

В X—XI вв. в древнерусском языке развивается ряд диалектных различий. На севере и северо-западе [г] взрывное и цоканье (см.), возникшее, как предполагают, под влиянием соседних финских языков; на юге и юго-востоке [γ] фрикативное и отсутствие цоканья. Псковские диалекты сохраняют древние сочетания *tl, *dl в виде [кл], [гл] в отличие от других говоров, где *tl, *dl упрощаются в [л]: *vedli — псковское *вегли*. На северо-западе отсутствовали рефлексы изменения [г], [к], [х] по второму смягчению (см. **история заднеязычных [г], [к], [х]**).

Грамматическая система древнерусского языка характеризовалась единством на всей территории несмотря на отдельные локальные отличия. Значительную роль в сохранении единства грамматической системы играло киевское койнэ.

Морфологический строй древнерусского языка к началу письменного периода был достаточно развитым. В системе частей речи были представлены в целом те же лексико-грамматические классы слов и их основные категории, что и в современном русском языке: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, а также предлоги, союзы и др. Грамматический строй древнерусского языка, флективный по типу, унаследовал основные черты праславянского и праиндоевропейского языков. Категория числа реализо-

вывала свое значение в формах единственного, двойственного и множественного чисел. Имена существительные склонялись и относились к одному из 3-х родов. В отличие от современного русского языка парадигма склонения отличалась многотипностью (см. **история имени существительного**). Различия существовали как в парадигме склонения единственного, так и множественного чисел. В отличие от современного русского языка в древнерусском отсутствовали разносклоняемые и несклоняемые существительные (см. **последствия унификации типов склонения существительных**).

Прилагательные, как и в современном русском языке, в зависимости от значения могли быть качественными, относительными и притяжательными, изменялись по родам, числам и падежам. В отличие от современного русского языка краткую форму имели не только качественные, но и относительные прилагательные (см. **история имени прилагательного**). В пределах имени выделялись **местоимения**, которые так же, как и в современном русском языке, указывали на лицо, предмет или признак, имели категорию рода, числа и падежа. Отдельные разряды местоимений могли иметь краткую и полную формы. Особая история была у личных местоимений 3-го лица (см.), возвратного (см.) и указательных местоимений (см.). В целом же местоимения в процессе исторического развития не претерпели серьезных качественных изменений.

Отличительной чертой древнерусской системы частей речи было отсутствие числительных как особой части речи (см. **история имени числительного**).

Глагол, как и другие части речи, сложился исторически и в процессе эволюции претерпел значительные из-

менения. Глагол имел спрягаемые и неспрягаемые формы. Спрягаемые формы характеризовались категорией наклонения, времени, залога, вида, лица, числа. Наклонение было представлено в трех разновидностях: изъявительном, сослагательном и повелительном. В изъявительном наклонении различались: настоящее время, две формы будущего сложного времени (см.) и четыре формы прошедшего времени: аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект (см. **история прошедшего времени**). К неспрягаемым формам, кроме инфинитива, относился супин (см.), вытесненный впоследствии объектным инфинитивом. Сложная система времен связана с тем, что формирование видо-временных отношений еще не закончилось (см. **история категории вида**).

Причастия в древнерусском языке могли быть действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени, изменялись по родам, числам и падежам. Однако в отличие от современного русского языка краткую форму имели не только страдательные, но и действительные причастия. Кроме того, в древнерусском языке от основы инфинитива можно было образовать не одно, а два причастия прошедшего времени действительного залога, так как существовало причастие, используемое для образования сложных форм прошедшего времени и образуемое с помощью суффикса *-л-* (см. **история прошедшего времени** — перфект).

Древнерусское **наречие** восходит еще к праславянскому языку, однако собственно наречий в древнерусском языке было крайне мало. Отличительная черта наречий — их производность, большинство из них образуется от других частей речи. Те или иные формы слов, теряя свое лексико-грамматичес-

кое значение, переходят в наречия. В древнерусском языке выделяются две группы наречий: первая — непродуктивная, древняя, первообразная, местоименная, в основе которой представлены древние местоименные корни типа *тъ* (*то, ту*), *сь* (*се, сю*), *вс-*: *куда, туда, сюда, тогда*; вторая — продуктивная, образованная от других частей речи и постоянно пополняющаяся: *сегодня (сега дньнъ)*, *тотчас (тоть часъ)*, *вместо (въ мѣсто)* и т.п.

В. В. Иванов отмечает, что наречия первой группы, не только не пополняются новыми словами, но, наоборот, исчезают, наречия же второй группы создают определенную модель, в соответствии с которой на протяжении всей истории русского языка образуются новые наречия (Иванов В.В. Историческая грамматика. С. 364).

В течение XI–XIV вв. в древнерусском языке происходят серьезные изменения, связанные с унификацией типов склонения существительных, утратой форм двойственного числа (см.), развитием категории одушевленности (см.), завершением становления видо-временной системы русского глагола (см. **история категории вида**) и — как следствие — утратой ряда временных форм, с возникновением деепричастия как результата утраты краткими причастиями действительного залога форм словоизменения, с закреплением причастия на *-л-* в качестве единственной формы прошедшего времени и т.д.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1996; Иванов В.В. Историческая грамматика. М., 1990; Сидоров В.Н. Из истории русского языка. М., 1966; Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

ЁКАНЬЕ. Тип безударного вокализма, который характеризуется неразличением гласных неверхнего подъема как перед твердыми, так и перед мягкими согласными и совпадением их в одном звуке [’э]: [н’эсу́], [р’эды́], [в’эсна́]. Еканье встречается в русских говорах не только в сочетании с различением гласных [а] и [о] после твердых согласных, т.е. с оканьем, но и с вокализмом после твердых согласных, характеризующимся неразличением гласных неверхнего подъема [а] и [о] после твердых согласных, т.е. аканьем.

Выделяется разновидность еканья в позиции перед мягким согласным, когда вместо предударного [’э] произносится [и]: [н’ис’и́], [в’ис’эни́]. Кроме того, встречается произношение более закрытого звука [э] вместо предударного [’э]: [н’эсу́], [р’эды́], [в’эсна́]. Еканье характерно для средневеликорусских акающих говоров и для части северновеликорусских акающих говоров. Современный русский литературный язык характеризуется иканьем, т.е. совпадением в позиции первого предударного слога после мягких согласных всех гласных фонем, кроме [у], в звуке [и], или [и]: [н’исла́]; [р’иды́], [в’исна́].

Лит.: Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949; Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1960; Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990; Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964; Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973.

ЁКАНЬЕ. Тип безударного вокализма, характеризующийся неразличением гласных фонем неверхнего подь-

ема в первом предударном слоге после мягких согласных и совпадением их в одном звуке [’о]: [в’оду́], [зв’озда́].

Лит.: см. «Еканье».

ЗАКОН ОТКРЫТОГО СЛОГА.

Фонетический закон, согласно которому все слоги строятся по принципу восходящей звучности, заканчиваются гласными как самыми звучными звуками и тем самым являются открытыми. Закон открытого слога действовал в общеславянском языке. См. **древнерусский язык**.

Лит.: Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1980; Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах. Н.Новгород, 1993.

ИКАНЬЕ.

Тип безударного вокализма, характеризующийся неразличением гласных фонем, кроме у, в первом предударном слоге после мягких согласных и совпадением их в одном звуке [и]: [в’иду́], [р’иды́], [зв’изда́]. Подобный тип произношения встречается в акающих средневеликорусских говорах. Для современного русского литературного языка иканье становится нормой, вытесняя еканье.

Лит.: Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974; Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.

ИМПЕРФЕКТ (лат. imperfectum «незавершенный»). Одна из форм прошедшего времени. См. **история прошедшего времени**.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Лопушанская С.П. Категория вида и система времен древнерусского глагола // Проблема развития языка. Саратов, 1981; Черных П.Я. Исто-

рическая грамматика русского языка. М., 1962.

ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ. Эволюция форм будущего времени глагола в русском языке, как и остальных глагольных времен, тесно связана со становлением категории вида (см.) и видо-временной системы глагола. В древнерусском языке было три формы будущего времени: одна простая и две сложные: будущее сложное первое и будущее сложное второе.

Будущее простое сформировалось уже к началу исторического периода из форм настоящего времени (см.). В древнерусском языке отсутствовали четкие различия между формами настоящего и будущего простого, поэтому одна и та же форма от одной и той же основы глагола в зависимости от контекста выступала то в значении настоящего, то в значении будущего простого времени. С развитием категории вида подобный синкретизм форм ликвидируется. Значение будущего простого времени получают глаголы совершенного вида, будущего сложного — глаголы несовершенного вида.

Будущее сложное первое образовывалось путем сочетания инфинитива основного глагола и вспомогательного глагола в форме настоящего времени соответствующего лица и числа. В функции вспомогательных глаголов использовались глаголы **начати** (почати), **хотѣти** и **имѣти**. Начиная с XV в. в функции вспомогательного глагола стал использоваться глагол **быти** в личных формах будущего времени, что связано с изменением его семантики. «Именно буду, — по мнению В.В. Иванова, — лишенный лексического значения, оказался среди других вспомогательных глаголов наиболее подходящим для того, чтобы выступать в составе аналитической формы будущего времени» (Иванов В.В. Исто-

рическая грамматика русского языка. С. 341–342). В будущем сложном первом меняется не только вспомогательный глагол, но и инфинитив основного глагола претерпевает определенные изменения. Если вначале это мог быть любой глагол независимо от выражаемых им оттенков значения, то позже, в связи с оформлением лексико-грамматической категории вида, только глагол несовершенного вида.

Будущее сложное второе образовывалось путем сочетания вспомогательного глагола *быти* в формах будущего простого и причастия действительного залога прошедшего времени с суффиксом *-л-* (см. **перфект**) основного глагола. Будущее сложное второе обозначало такое будущее действие, которое предшествовало другому будущему, так называемое прежде будущее. Будущее сложное второе преимущественно использовалось в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия: **боудешь слышалъ, и ты сказываи прямо** — «если что услышишь, рассказывай прямо» (Грамота 1525 г.). Будущее сложное второе использовалось в русском языке вплоть до XVII в., хотя уже в некоторых памятниках XV–XVI вв. встречаются случаи его неправильного употребления.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1953; Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995; Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка. М.; Л., 1924; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка / 3-е изд. М., 1990; Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол // Под ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова. М., 1982; Николаров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952; Оборский С.П. Очерки по морфологии

русского глагола. М., 1953; Чернышев В. И. Описательные формы времен и наклонений в русском языке // Избр. труды. Т. 1. М., 1970; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

ИСТОРИЯ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ [Г], [К], [Х]. Заднеязычные [г], [к], [х] в древнерусском языке были твердыми и могли сочетаться только с гласными переднего ряда. Были возможны сочетания типа [гы], [кы], [хы], [го], [ко], [хо], [га], [ка], [ха], [гу], [ку], [ху] и т.д. Например: *гьбель, Кьевь, хьтрым, гора, колоти, хохотати, галица* (галка), *катати, гукати, курь, хулити* и т.д.

Одной из характерных особенностей фонетической системы древнерусского языка в области согласных были чередования заднеязычных с шипящими или свистящими, возникшие еще в эпоху праславянского языка и сохраняющиеся до настоящего времени.

I. Если заднеязычные (заднеязычные) согласные *g, *k, *ch ([г], [к], [х]) попадали в положение перед гласными переднего ряда [е], [и], [ѣ] (ѣ), [ь], то они переходили в мягкие шипящие: g < ž', k < c', ch < s' ([г] → [ж'], [к] → [ч'], [х] → [ш']). Подобный переход принято называть **первой палатализацией**, или первым смягчением. Например: *дрю҃га* (*друга*) – *дрю҃жити* (*дружить*) – *дрю҃жба* (*дружба*), *вѣкѣ* (*век*) – *вѣчнини* (*вечный*), *врагѣ* (*враг*) – *вражьскини* (*вражеский*), *мѣхѣ* (*мех*) – *мѣшькѣ* (*мешок*).

Первая палатализация заднеязычных [г], [к], [х] является самым древним и строгим фонетическим законом, возникшим еще до закона открытого слога. Процесс первого смягчения протекал еще в доисторический праславянский период, поэтому отразился во всех славянских языках.

Чередования [г], [к], [х] с [ж], [ч], [ш] сохраняются в современном рус-

ском языке, их принято называть историческими, так как они в настоящее время уже никак не связаны с позицией согласных перед гласными: *слуга* – *служить*, *дух* – *душистый*, *крик* – *кричать*.

II. Если заднеязычные согласные [г], [к], [х] попадали в положение перед гласными [ѣ] (ѣ) или [и] дифтонгического происхождения (т.е. восходящими к дифтонгам [oi], [ai]), то в результате монофтонгизации они переходили в свистящие *g > [d'z']. Аффриката [d'z'] у восточных славян изменилась в [z'], [к] → [c'], *ch → [s'], ([г] → [з], [к] → [ц], [х] → [с]). В период между первой и второй палатализациями произошла монофтонгизация дифтонгов, в результате которой после заднеязычных появились гласные дифтонгического происхождения, что и привело к появлению новых согласных – свистящих. Этот переход принято называть **второй палатализацией**, или вторым смягчением. Например: *koina, где *oi < [ѣ], *kena > *цена*; лит. *kaina* – старосл. *цѣна* – рус. *цена*; нем. *kaizer* – *цѣзарь* – русск. *цесаревич* (царь – царевич).

Кроме того, подобные изменения [к] в [ц], [г] в [з] наблюдались, если за [к] или [г] следовал [в]: ср. польск. *kwiat*, *gwiazda* > русск. *цвет*, *звезда*. В настоящее время данные чередования последовательно отмечаются в южнославянских языках и в большинстве восточнославянских. В западнославянской группе языков они не встречаются.

Вторая палатализация часто наблюдается при склонении имен существительных, прилагательных и при образовании форм повелительного наклонения: *нога* – *на нозѣ*; *моу҃ха* – *о моу҃сѣ*; *пекоу* – *пеци*; *пастоу҃хѣ* – *пастоу҃си*; *бере҃гу* – *бези*; *роу҃ка* – *в роу҃цѣ*; *бере҃гоу* – *берези*; *текоу* – *теци*, *дрю҃гѣ* – *дрю҃зи*.

В современном русском языке следы второй палатализации отмечены лишь в начале слова.

III. Если заднеязычные [г], [к], [х] попадали в положение после гласных переднего ряда, а за ними не следовали гласные [ъ], [ы] или любой согласный, то они переходили в мягкие свистящие: [g] → [z'], [k] > [c'], [ch] → [s'] ([г] → [з'], [к] → [ц'], [х] → [с']).

Данное изменение получило название **третьей палатализации**. Одни исследователи это смягчение по конечному результату считают разновидностью второй палатализации, другие выделяют его в самостоятельное – третье смягчение, так как условия перехода здесь отличны от второго смягчения. Первые попытки объяснить этот процесс принадлежат известному русскому ученому И. А. Бодуэну де Куртене, поэтому палатализацию иногда и называют «бодуэновской». В отличие от первой и второй третьей палатализация протекала спорадически. Например: др. инд. *ovika* – **овьца**; *devika* – **дѣвица**; или **въскликнѣти** – **въсклицати**, **кънянагыни** – **къназь**, но **нарѣкати** – **нарицати**.

Отметим, что суффиксы *-ьц-*, *-ец-*, *-иц-* возникли в славянских языках в результате третьего смягчения из *-ьк-*, *-ек-*, *-ик-*. Например: **ученикъ** – **ученица**; **дѣвѣкъ** – **дѣвица**. Аналогично образованы слова *курица*, *молодица*, *пшеница* и т.д.

В отличие от первой и второй палатализаций изменение заднеязычных в свистящие по условиям третьей могло проходить не только в зависимости от фонетических условий, но и по аналогии, т.е. в связи с существующей в языке тенденцией к выравниванию форм, установлению единообразия звуков в основах. Наиболее часто это происходит в именительном падеже существительных мужского рода, который вы-

равнивается по косвенным падежам. Например: др. нем. *kuning* > **кънег** > **кънагъ**, где [г], попадая в положение после гласного переднего ряда [e], должен был измениться в [з'] но после него стоит [ъ], мешающий переходу. Однако в косвенных падежах появляются все условия для перехода **кънага**, **кънагѹ** и т.д. и потому возникают формы **къназя**, **къназю**, а по ним выравнивается и именительный падеж: **къназь** – **къназь**, что соответственно вызвало и изменение конечного гласного непереднего ряда [ъ] после мягкого [з'] в гласный переднего ряда [ь]. Такой же процесс наблюдаем и в словах: *отькъ* – *отьца*, *купьць*, *молодьць*, *удальць* и т.д.

Аналогия проявляется и при образовании определительного местоимения **вьсь** (*весь*) из **въхъ**, где в среднем и женском роде появились формы фонетическим путем: *вьхо* → *вьсе*, *вьха* → *вься*.

Однако и здесь имеются отступления, так как закону аналогии всегда сопутствует и закон омонимического отталкивания. Например: *отькъ* – *отьць* – происходит изменение [к] в [ц], а *ученикъ* – изменения нет, хотя в косвенных падежах создаются те же условия: *ученика*, *ученику*, но тогда бы возникли формы, сходные с женским родом. Язык же постоянно стремится избавиться от омонимов, которые затрудняют общение.

Таким образом, появление звука [ц] обусловлено проходившими еще в период общеславянского единства второй и третьей палатализациями, о существовании которых свидетельствуют исторические чередования в современном русском языке: *венок* – *венчик* – *венец*; *нарѣкати* – *нареченный* – *нарицательный*. При этом одна из форм в процессе развития языка может утрачиваться: *огурчик* – *огурец*; *мо-*

лодчик — *молодец*. В современном русском языке отсутствуют утраченные в глубокой древности слова *огурек*, *молодек*, поэтому, на первый взгляд, происхождение свистящего затемнено, однако существующее так называемое промежуточное чередование [ч] и [ц] служит косвенным доказательством появления [ц] на месте [к] в результате третьей палатализации.

Лит.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка М., 1981; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974. 2-е изд. М., 1986.

ИСТОРИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО. Имя прилагательное в древнерусском языке, как и в современном русском, называло признаки и свойства предметов, изменялось по родам, числам, падежам, имело краткую и полную формы и выступало в предложении в роли определения и именной части составного сказуемого. Тем не менее древнерусские прилагательные имели ряд особенностей: склонялись не только полные, но и краткие прилагательные, поэтому их называют именными формами. В предложении краткие прилагательные употреблялись не только в роли предиката, но и определения. В отличие от современных форм древнерусские краткие формы по происхождению первичны, полные — вторичны, хотя и те и другие возникли еще в дописьменный период. Представляя собой морфологически те же основы, что и существительные, краткие прилагательные мужского и среднего родов склонялись как существительные с основой на *ǫ,

*ǰǫ (*новъ* как *столь*, *синь* как *конь*; *ново* как *окно*, *сине* как *море*), женского рода — на *ā, *jā (*нова* как *мама*, *синья* как *земля*). Употребляясь в роли определения, они согласовывались с определяемым существительным в роде, числе и падеже. Постепенно функция определения ими утрачивается и закрепляется только за полными прилагательными. В современном русском языке встречаются прежние косвенные падежи кратких прилагательных в отдельных устойчивых сочетаниях слов типа *от мала до велика*, *на босу ногу*, *по белу свету*, *среди бела дня*, в наречиях *докрасна*, *засветло* и т.п.

В процессе развития русского языка относительные прилагательные сохранили лишь полную форму. Качественные же прилагательные имеют обе формы, но краткая форма в отличие от полной используется только в функции предиката. Процесс утраты функции определения именными формами завершился примерно к XVIII в. и связан с историей полных прилагательных. Полные прилагательные образовывались от кратких путем присоединения к ним указательных местоимений и, *ѣ*, *ю*: *новѣи*, *новѣѣ*, *новѣю*.

Существующие в настоящее время формы прилагательных и парадигма их склонения сложились не сразу и сопровождались фонетическими и семантическими преобразованиями. Полные прилагательные, возникшие еще в праславянский период, принято называть местоименными, членными, определенными. Связано это с тем, что местоимение первоначально сохраняло свою семантическую значимость и выполняло функцию некоего определенного члена, занимало по отношению к краткому прилагательному постпозицию, относилось, однако, к существительному и указывало, что предмет, о признаке которого говоря-

щий сообщает, собеседнику известен. В сочетании *старъ воин* слово *стар* обозначало признак некоего воина вообще, без указания на определенного человека, носителя этого признака, а в сочетании *старъи воинъ* местоименный элемент *и* имел значение «этот, данный», т.е. уже известный собеседнику воин, о котором ранее сообщалось. Постепенно местоимения теряют указательное, смысловозначительное значение и сливаются с краткой формой. Так складывается полная форма прилагательного, которая начинает указывать на признак определенного предмета. Краткая форма сохраняется для обозначения признака неопределенного предмета. Кроме того, краткая форма использовалась и тогда, когда не было необходимости указывать дополнительно на определенность, поскольку данное значение передавалось самим существительным, с которым употреблялось краткое прилагательное. К таким существительным относились имена святых, названия известных всем городов, религиозных праздников и др. Существенным оказался и тот факт, что указательное местоимение было обязательным лишь при употреблении краткой формы в функции определения, поскольку при использовании в роли предиката указание на определенность содержалось в самом предикате, всегда содержащем в таких случаях суждение об известном, определенном предмете. Таким образом, краткие и полные формы прилагательных противопоставлялись друг другу по выражаемым ими признакам неопределенности/определенности и по выполняемой синтаксической функции. С течением времени функция предиката становится единственной для кратких форм, полные — сохраняют и функцию предиката, и

функцию определения. Утрата кратким прилагательным атрибутивной функции обусловила потерю им склонения и сохранение только форм именительного падежа. Остатки краткой формы в именительном падеже в качестве определения встречаются в фольклоре: *красна девица, сыра земля* и др.

Парадигму склонения сохранили только краткие притяжательные прилагательные, поскольку они изначально указывали на принадлежность определенному предмету: *сынъ Володимиръ* — это известный, определенный сын определенного, всем известного Владимира. В некоторых падежах произошла замена кратких форм полными: в творительном и предложном падежах единственного числа и косвенных падежах множественного числа: *маминым, о мамином, маминых* и др. Притяжательные прилагательные в краткой форме, образованные с помощью суффиксов **-j(ь), *-j(a), *-j(e)* от существительных, русским языком утрачены, кроме отдельных форм, сохранившихся в названиях городов: Ярославль, Путивль, Переяславль и др.

Краткие прилагательные в именительном падеже множественного числа утрачивают родовые различия, что было обусловлено общей тенденцией к выравниванию форм во множественном числе. В прилагательных твердого варианта склонения устанавливается единая форма на *-ы*, в мягком — на *-и*. В современном русском языке формы на *-и* отмечаются лишь в южнорусских говорах (*богати, виновати* и т.п.), в литературном языке используются только формы на *-ы*.

Полные формы прилагательных в процессе развития претерпели ряд изменений. Во-первых, произошло слияние постпозитивного местоимения и краткой формы прилагательного. Особенностью полных прилагательных,

образовавшихся еще в праславянскую эпоху, было то, что при их склонении изменялись обе части в соответствии с родом, числом, падежом определяемого существительного: именительный падеж единственного числа *новѣ-и* > *новыи* (м. род), *ново-к* > *новок* (ср. род); родительный падеж мужского и среднего рода *нова-кго* > *новакго*, дательный падеж мужского и среднего рода *новоу – юмоу* > *новоуѣмоу* и т.д. Подобные формы местоименных прилагательных были унаследованы всеми древними славянскими языками. Однако уже в старославянском языке, на иболее древнем письменном языке славян, происходит ряд изменений: утрачивается интервокальный йот (j), возникает ассимиляция гласного окончания под влиянием гласного основы: *новакго* > *новазго* > *новааго* и последующее стяжение гласных: *новаго*, *новоумоу*. В формах творительного падежа единственного числа мужского и среднего родов, дательного, творительного, местного падежей множественного числа и дательного – творительного падежей двойственного числа происходила замена звуков [o], [a], [e] в окончаниях на звук [ы]: *новыимь*, *новыимъ*, *новыими*, *новыихъ*, *новыима*.

В древнерусском языке в отличие от старославянского в подобных формах прилагательных происходило стяжение гласных: ср.: *новыимь* и *новымь*, *новыимъ* и *новымъ*, *новыими* и *новыми*, *новыихъ* и *новыхъ* и т.п.

В восточнославянских языках, в том числе и в древнерусском, склонение полных прилагательных меняется под влиянием указательных местоимений *тѣ* (тот), *та*, *то*. В формах родительного, дательного и местного падежей всех родов новые окончания вытесняют старые: *нового* вм. *новаго* подобно местоимению *того*, *новому* вм. *новуму* подобно *тому*, как в *новом*

вм. *новѣмь* под влиянием *томь* (том) и др. В именительном падеже единственного числа мужского рода в древних формах *новыи*, *старыи*, *синии* гласные [ы], [и] в окончаниях были редуцированного происхождения и после падения редуцированных, находясь в сильной позиции, изменились соответственно: [ы] > [o], [и] > [e]. Таким образом, возникли формы *новой*, *старой*, *синей*. Они встречаются в памятниках как в ударной, так и в безударной позициях. Однако впоследствии в связи с развитием аканья возникают формы, отражающие редукцию гласных [o] и [e], – *новѣй*, *старѣй*, *синѣй*. Подобные флексии вытесняются постепенно старославянскими на *-ый*, *-ий*: *новый*, *старый*, *синий* и т.п. Формы на *-ой* сохраняются только под ударением: *золотой*, *рябой*, а на *-ей* под ударением не встречаются. Окончания родительного падежа [-ого], [-его] претерпели дальнейшие изменения: начиная с XV в. в памятниках встречается окончание [ово], [ево] вместо [ого], [его]: *великово Новагорода* (Грамота 1432 г.). В современном русском языке на письме сохраняются прежние формы, новые – в качестве орфоэпических норм. В современных говорах в использовании окончаний родительного падежа нет единообразия. Здесь представлено несколько вариантов: [-ого], [-его], [-оґо], [-еґо] и [-оо], [-ео], и [-ово], [-ево], отражающих изменения гласных в зависимости от особенностей того или иного диалекта. Формы на [-ого], [-его] характерны для северорусских говоров, [ґ] вместо [г] отмечается в акающих южнорусских диалектах, формы на *-ово*, *-ево* свойственны литературному языку и многим диалектам. Существование нескольких форм родительного падежа объясняется по-разному: звуковыми или морфологическими процессами. Изменение

[г] в [в] фонетическими причинами: звук [г], находясь между гласными, приобретает фрикативный характер, затем там, где был [г] взрывной, он не сохранился, и после этого между гласными возникает зияние – [oo], способствующее развитию между гласными (лабиализованными) звука [в]. Подобное явление возникает в севернорусских говорах, характеризующихся наличием [г] взрывного. Существует и морфологическое объяснение изменению [г] в [в]. В этом случае появление [-ово] связано с влиянием притяжательных прилагательных в родительном падеже типа *Иванова сына, Петрова дня* (Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. С. 174). В формах мужского и среднего рода творительного и местного падежей происходит отверждение конечного [м'] после утраты слабого редуцированного: *добрым* вместо *добрымь*, *синим* вместо *синимь*, *о добром* вместо *добримь* и т.п.

В памятниках письменности в женском роде родительного (реже дательного) падежа отмечаются параллельные формы на *-оѣ* и *-ьѣ* в твердом варианте склонения. Окончание *-ьѣ* вытесняется к XVII в. окончанием *-ье*, которое тоже не сохраняется, вытесняясь формой на *-ой* под влиянием форм дательного, местного, творительного падежей. Во флексии *-оѣ* утрачивается *ѣ* под влиянием дательного и местного падежей, что приводит к появлению флексий *-ой*: ср. род. п. *доброѣ*, дат.п. *добреи* (*доброи*). В прилагательных женского рода творительного падежа единственного числа формы на *-ою* заменяются формами на *-ой*. А.А. Шахматов считал изменение [оју] в [ой] следствием тенденции к выравниванию форм по аналогии с существительными, у которых в творительном падеже в отличие от остальных паде-

жей был лишний слог: *гора, горе, гору*, но *горою* (Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. С. 340). Таким образом, стремление сократить слог приводит к замене флексии: вместо *красивою* (ју) возникает *красивой* (j).

Наиболее унифицированным в современном русском языке является склонение полных прилагательных во множественном числе, что связано с утратой родовых различий в именительном и винительном падежах, где вместо форм на *-ии*, *-ая*, *-ьѣ* в именительном падеже мужского, женского родов и *-ьѣ*, *-аѣ*, *-ьѣ* в винительном падеже устанавливается единая флексия *-ье* в твердом варианте, где *-е* на месте прежнего *ѣ* в формах именительного, винительного падежей мужского рода. Флексия *-ие* устанавливается в мягком варианте под влиянием твердого (*новые, синие* и т.п.). В памятниках письменности отмечается не только смешение в течение длительного времени старых и новых флексий, но и широкое использование наряду с русскими старославянскими форм полных прилагательных, к последним относились прилагательные женского рода именительного и винительного падежей на *-ья*, сохранившиеся в русском языке вплоть до реформы орфографии 1917–1918 гг.

Лит.: Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Кузнецов П.С. Очерки по исторической морфологии русского языка. М., 1959; Толкачев А.И. Об изменении *-ого* – *-ово* в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений // Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960; Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962;

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

**ИСТО́РИЯ И́МЕНИ СУЩЕСТ-
ВИ́ТЕЛЬНОГО.** Имя существительное в древнерусском языке, как и в современном русском, — часть речи с общим категориальным значением предметности, обладающая морфологически выраженными категориями рода, числа и падежа, выполняющая в предложении в основном функцию подлежащего и дополнения. Однако совпадение категорий не означает тождества форм их выражения. Так, если категория рода формально выражающаяся в противопоставлении слов мужского, женского и среднего родов, практически мало изменилась, то категория числа и падежа претерпела более серьезные изменения.

В древнерусскую эпоху имя существительное изменялось по числам и имело три числа: единственное, множественное и двойственное. Единственное число использовалось для обозначения одного предмета, множественное — трех, четырех и более, двойственное число — для обозначения двух или парных предметов (ср. ед. ч. *глазь* — множ. ч. *глази*, дв. ч. *глаза*). Существовала также небольшая группа существительных, обозначающих некое множество лиц или предметов, но выражавших это значение формами единственного числа, — это так называемые собирательные существительные. Например, *братиѣ* — группа лиц, объединенных родом деятельности или принадлежностью к одному сословию, — выражает данное значение формой женского рода единственного числа (ср. ед. ч. — *братъ*, множ. ч. — *брати*). Существовавшее в древнерусском языке вплоть до XIII в. противопоставление одного предмета двум, а

двух — всему тому, что больше двух, т.е. множеству, принято связывать с неразвитостью абстрактного мышления, с неспособностью человека противопоставить один всему остальному, что больше одного. Развитие же абстрактного мышления позволяет дифференцировать только эти два понятия, и понятие о двойственности постепенно исчезает, а вместе с ним — и формы двойственного числа.

Древнерусские существительные склонялись и имели, кроме форм именительного, родительного, дательного, винительного, творительного, местного падежей, еще одну, седьмую форму, употреблявшуюся при обращении и называемую обычно звательной. Во множественном и двойственном числах, а у слов среднего рода и в единственном числе, этой формы не было: при обращении использовался именительный падеж соответствующего числа. Князь Игорь в «Слове о полку Игореве» обращается к воинам: *Братиѣ и дружино!* — «*Братья и дружина!*».

Шестой падеж назывался местным, так как его основным значением было значение места. Он отличался от современного предложного падежа тем, что мог быть и беспредложным. Новое название шестого падежа было введено в XVIII в. М.В. Ломоносовым, потому что независимо от выражаемых им значений он употреблялся только с предлогом.

В процессе развития русского языка, в том числе и его морфологической системы, развиваются и совершенствуются формы выражения грамматических категорий. Особенно значительные изменения произошли в системе типов склонения существительных. Тип склонения существительных в древнерусском языке (и в других славянских языках, унаследованный из праславянского, а последний — из индоевро-

пейского), принято называть именным, поскольку подобным образом изменялись почти все имена — прилагательные, причастия, часть числительных.

По сравнению с современным русским языком типы склонения существительных в древнерусском языке были иные. Это выразалось не только в том, что их в древнерусском языке было больше, но и в том, что в основе выделения лежал характер основы, точнее, ее конечный звук: согласный или гласный. И с этой точки зрения в древнерусском языке выделялось 5 (или 6) типов склонения: I — *ā, *jā > слав. [a], II — *ǫ, jǫ > слав. [o], III — *ǫ > слав. [ъ], IV — *ī > слав. [ь], V — на согласный. Шестой тип склонения с основой на *ū > слав. [ы] выделяется не всеми лингвистами, так как в единственном числе у существительных подобного типа были те же окончания, что в основах на согласный, а во множественном — что и в основах на [*ā].

Данная система была унаследована праславянским из индоевропейского праязыка, в котором падежные окончания у всех существительных были практически одинаковыми, а основы — разными. Дифференцировались типы склонений в зависимости от гласного, с помощью которого к основе присоединялись окончания. К подобным тематическим (соединительным) гласным относились *ā, *ǫ (ъ), *ǫ (ъ), *ī (ь), *ū (ы). Так, именительный падеж единственного числа у существительных разного типа склонения имел единую флексию, но гласные, ее присоединявшие, были разные: ср. *dǫmǫs — и *gostǫs (*домъ* и *гость*). Или в дательном падеже: *dǫmǫmǫs и *gostǫmǫs* и т.д. Подобные формы, безусловно, могли существовать только в самую раннюю праславянскую эпоху, т.е. до начала действия закона откры-

того слога. Следует иметь в виду, что распределение существительных по типам склонения в древнерусском языке является условным, традиционным, поскольку связано с древними, уже не характерными для данного периода основами. Выделение мягкого варианта склонения отражает присутствие j в прежних основах: *zem-j-ā — *земля*; *vod-jǫ — *вождь*. По типу склонения на *a изменялись существительные женского рода, имевшие в именительном падеже единственного числа окончания [a] или [ʼa], в последнем случае окончанию предшествовал мягкий согласный: *мама*, *земля*. В этот же тип склонения входили некоторые существительные мужского рода: *слоуга*, *воевода*, *папа*; с окончаниями -ии — *судии*, *кѣрмчии* и существительные женского рода на -ыни: *княгыни*, *рабыни*.

К склонению с основой на *jǫ относились существительные мужского и среднего рода с окончаниями [ъ] или [o] после твердых согласных и [ь] и [e] — после мягких: *братъ*, *село*, *конь*, *поле*. В эту же группу входили имена существительные мужского рода типа *краи* (*край*).

К существительным третьего типа склонения относилась незначительная группа слов мужского рода с древним суффиксом основы на [u], оканчивающихся на [ъ]: *сынъ*, *домъ*, *долъ*, *низъ*, *вѣрхъ*, *ледъ* и др.

По типу склонения на i изменялись существительные женского и мужского родов, оканчивающиеся на [ь]: *рожь*, *тѣсть* (*тесть*), *гвоздь*. Существительные женского рода имели в основе полумягкий и исконно мягкий согласный, мужского рода — только полумягкие. Формально совпадающие формы именительного и винительного падежей единственного числа существительных на *ī и на *ǫ мягкого варианта отличались друг от друга именно

качеством согласного. Ср. *гвоздь* и *вождь*, в первом случае [д] — полумягкий, во втором — мягкий, что подтверждается происхождением *жд*, поскольку *жд* — старославянское, возникшее на месте *dj (*vod).

К типу склонения с основой на согласный относились существительные женского, мужского и среднего родов, имевшие в именительном падеже следующие окончания. Во-первых, существительные женского рода на *-и*: *мати* (*мать*), *дъчи* (*дочь*). Во-вторых, существительные мужского рода на *-ы*: *камы* (*камень*), *ремы* (*ремень*), *пламы* (*пламень*). Кроме того, существительные *корень* и *днь* (*день*). Существительные среднего рода на *-о*: *слово*, *небо*, *чудо*. В этот же тип склонения входили существительные среднего рода, оканчивающиеся на *-я* [’а]: *имя*, *семья*, *племя*, где [’а] на месте звука [ä], возникшего на месте носового [ę]: *имѧ*, *сѣмѧ*, *плѣмѧ*. Существительные, обозначающие животных типа *тѣлѧ*, *поросѧ* также склонялись по данному типу. К склонению на *ŭ принадлежали существительные женского рода, оканчивающиеся на [ы]: *любы* (*любовь*), *свекры* (*свекровь*), *кры* (*кровь*), *тыкы* (*тыква*) и др.

В процессе исторического развития древнерусская система склонения существительных меняется: упрощается ее парадигма вследствие процесса объединения разных типов склонения, модифицируются падежные окончания, особенно во множественном числе, исчезает звательный падеж и формы двойственного числа.

О существовании особой формы обращения напоминают в современном русском языке восклицания-междометия: *боже*, *господи*. Употребляется звательная форма и как средство стилизации для создания колорита эпохи. Утрата двойственного числа и

замена его множественным числом находит отражение в памятниках начиная с XIII в. Однако в современном русском языке сохранились отдельные его формы, причем не только в говорах, но и в литературном языке. Это, возможно, связано с тем, что существительные разного значения теряли двойственное число неодновременно: одни раньше, другие позже. Отдельные формы прежнего двойственного числа осознаются в настоящее время как формы множественного числа: *плечи*, *уши*, *колени*, *очи*. Исконная форма множественного числа данных слов имела окончание *-а*: *плеча*, *ушеса*, *колена*, *очеса*. К двойственному числу восходят формы существительных при числительных *два*, *оба*: *два глаза*, *оба ученика* и т.п., где *глаза*, *ученика*, воспринимаемые как формы родительного падежа единственного числа, таковыми генетически не являются, это бывшие формы двойственного числа именительного падежа. Существительные мужского рода образуют множественное число и с помощью окончания *-а*, бывшего древнего показателя форм именительного и винительного падежей двойственного числа так называемых парных существительных: *рукава*, *глаза*, *берега*. Данная флексия после утраты двойственного числа начинает использоваться и у слов другого значения: *домá*, *векá*, *лесá*. Наречие *воочию* по происхождению представляет собой застывшую форму местного падежа двойственного числа существительного *око* с предлогом *въ*.

В сложных словах *двудольный*, *двоуродной* первая часть — это формы двойственного числа, по аналогии в современном русском языке — *троуродный*.

Изменения в системе склонения произошли во всех славянских языках, но характер этих изменений не был

одинаковым. В частности, двойственное число не утрачено словенским и серболужицкими языками, а в украинском и белорусском языках сохраняются звательные формы. Однако целый ряд изменений затронул не только русский, но и другие славянские языки. Самые важные из них – это перераспределение типов склонения, связанное с их упрощением, т.е. с объединением типов склонения, унификация падежных окончаний, особенно во множественном числе.

Распределение существительных по типам склонения определялось в древнейшую эпоху не родом существительных, поскольку единообразия здесь не было, а конечным звуком основы, имевшим когда-то значение, в соответствии с которым и объединялись существительные. Утрата этих значений вместе с утратой самих звуков положила начало процессу взаимодействия разных типов склонения, переходу существительных из одного типа в другой. Главную роль в этом процессе сыграла категория рода, именно род лег в основу распределения существительных по типам склонения.

Разрушение прежней классификации поддерживалось и изменением прежнего характера основы в результате переразложения. Поскольку у существительных **bratŏs* и **sŭnŭs* основы были разные, постольку они и входили в разные типы. Но когда в связи с утратой по закону открытого слова конечных согласных и сокращением кратких гласных, оказавшихся в конце слова, возникают *братъ* и *сынъ*, имеющие на конце *-ъ*, то тенденция их сближения усиливается. Тем более она находит поддержку и в роде. Таким образом, взаимодействовали в первую очередь существительные, совпавшие по форме и по характеру основы (делимость/неделимость) и относившиеся к

одному роду. Трудно предположить, напр., взаимодействие типов склонения на **ā* с мягким согласным основы типа *земля* с типом склонения на согласный типа *имя*, поскольку они относятся к разным родам.

В результате взаимодействия разных типов склонения одни из них исчезали, другие сохранялись, расширяясь за счет утратившихся, третьи оставались вне системы склонения вообще. Утрачивались как самостоятельный тип менее продуктивные и малочисленные. Одним из продуктивных и устойчивых оказалось склонение с основой на **ā* (**jā*) женского и мужского рода. Продуктивность определяется способностью пополняться новыми существительными и воздействовать на другие типы. Основными процессами, определявшими характер изменений того или иного типа, могли быть взаимодействие твердого и мягкого вариантов внутри склонения, либо взаимодействие с другим типом склонения. В склонении с основой на **ā* (**jā*) более продуктивным оказался процесс взаимодействия вариантов склонения, в результате которого сложилось различие по характеру конечного согласного основы: твердого или мягкого (*вода* – *земля*). Однако старое различие в падежных окончаниях твердого и мягкого вариантов сохраняется в современном русском языке в дательном и предложном падежах единственного числа, где *-e* – окончание прежнего твердого варианта. Использование данного окончания ограничивается только словами на *-ия*, представляющими собой «церковнославянское наследие» (Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. С. 294) и характерными в прошлом как для старославянского, так и для древнерусского языков. В целом данный тип склонения мало изме-

нился. В результате взаимодействия с другими типами сюда вошли слова с прежними основами на согласный и на *и: *буква, тыква*, в разговорной речи и в диалектах — *морква, церква, свекровья*.

Процесс взаимодействия типов склонения в первую очередь коснулся существительных с древней основой на *й. Данный тип склонения был непродуктивным и малочисленным, включавшим чуть больше десятка слов мужского рода. Еще в дописьменную эпоху начался процесс взаимодействия основ на *й и *ё, поскольку оба склонения относились к мужскому роду и имели одинаковые окончания: *сынъ — братъ*. Уже в древних памятниках прежние существительные с основами на и встречаются с окончаниями склонения на *ё и наоборот. В результате подобного взаимодействия и взаимовлияния устанавливается единый тип склонения, восходящий к основам на *ё, склонение с основой на *й исчезает, но отдельные формы современного русского языка свидетельствуют о прежнем типе и о его влиянии на склонение существительных мужского рода. К подобным формам относится окончание творительного падежа единственного числа *-омъ*.

В современном русском языке в родительном падеже допустимы формы на *-а* как основные и на *-у* как варианты. Последние — по происхождению восходят к основам на *й. Причем если окончание *-у* ограничено в своем употреблении конкретным значением слов, то в говорах оно гораздо употребительнее и менее связано со значением. Существование в одном падеже двух окончаний как результат взаимовлияния разных типов отражается и в формах предложного (местного) падежа существительных мужского рода, где *-е*, восходящее к [ĕ] (ѣ), исконное

для основ слов на *ё, а *-у* — на й, однако оба окончания используются как в словах исконного типа, так и неисконного: ср. *низ (низъ, где ь на месте й) и берег (берегъ, где ь на месте *ё)*, но *в низу — на берегу*. Или: *на дому, но в доме, о лесе и в лесу*.

Тенденция к объединению слов, совпадающих формально и относящихся к одному роду, затронула и склонение с основой на *і. Существительные мужского рода постепенно, совпадая с мягким вариантом основ на *ё, объединяются с ним, тем более что и формы их одинаковы в именительном и в винительном падежах (ср. *конь, где ь на месте *ё* после мягкого согласного; *лось, где ь на месте і*). Однако подобное сближение началось только после смягчения полумягких согласных и их совпадением с исконно мягкими, потому что изначально [с] — полумягкий, а [н'] — мягкий. В результате слияния со словами с основами на *ё у прежних существительных на *і исконное окончание родительного падежа *-и* вытесняется [’а] — *коня, лося*, в дательном падеже вместо *-и* устанавливается [’у], в предложном (местном) падеже — только [е]. Но не все существительные с основами на *і перешли в склонение с основами на *ё (*гортань, печать, печень, степень*), поскольку в процессе развития языка у них сменился род — они стали относиться к женскому роду. Не соотносясь по роду с существительными на *ё, они не могли войти в его состав. Совпадая по этому признаку со словами на *jā, они не соответствовали им по форме. Эти обстоятельства и объясняют факт появления нового типа склонения в современном русском языке.

Особая история у слова *путь*, поскольку в результате утраты архаичных основ оно осталось вне единой системы склонения. История склонения су-

существительных с основой на согласный также связана с процессом распада старых типов склонения.

Существительные мужского рода *камень, ремень* с основой на *n, претерпев изменения в именительном падеже под влиянием винительного, совпали формально со словами на *ī типа *огнь, пьрстень*, повторив в дальнейшем их судьбу, стали относиться к типу склонения с основой на *jō, усвоив систему их окончаний. Существительные среднего рода с прежней основой на *s типа *небо* совпали и грамматически, и формально со словами с основами на *ō, что и обусловило их переход в данный тип и смену падежных окончаний. Ряд форм современного русского языка напоминает об их исконном происхождении: *небеса, чудеса*, где *-ес-* прежний суффикс. Аналогично в прилагательных *небесный, чудесный* и т.п.

Существительные среднего рода с прежней основой на *t, обозначающие молодых животных, в единственном числе подверглись изменениям, в результате которых возникли формы с новым суффиксом *-онок* (графически *-енок*): *козленок, поросенок* и т.п. Во множественном числе сохраняется прежняя основа на согласный и окончание среднего рода множественного числа *-а*: *козлята, поросята*. В литературном языке из слов подобного типа сохраняется слово *дитя* в именительном падеже, в косвенных — *дителями*. Однако оно все чаще вытесняется существительным *ребенок* в единственном числе, во множественном — *дети*, изменявшееся прежде по типу основ на *ī.

Существительные женского рода *мати, дъчи* с основой на *г, утратив прежние формы склонения, вошли в состав вновь возникшего 3-го склонения. О старом характере их основ напоминает так называемое наращение

-ер в косвенных падежах: *матери, дочери*. Существительные среднего рода на *n типа *има (имя), врѣма (время)* и т.п. в современном русском языке остаются вне единой системы типов склонения. В процессе утраты прежних типов основ они не примкнули ни к одному из них. В настоящее время слова *имя, семья, время* и др. сохраняют особенности в парадигме склонения и их принято относить в разряд разносклоняемых. Прежнее окончание *-е* в родительном и местном (предложном) сменилось на *-и*, совпав с окончанием прежнего типа на *ī, в творительном падеже формы на *-ьмь (-ем)* совпали.

Существительные с основой на *ū типа *боуки, тыки* прежде всего претерпели изменения в именительном падеже под влиянием винительного падежа: вместо *боуки* устанавливается форма с флексией *-ъвь*, которая также меняется под влиянием слов с основой на *ā, что и позволило данным словам *буква* и *тыква* войти в состав склонения с прежней основой на *ā. Остальные слова с основой на *ū, закрепившись в форме на *ъвь*, совпали соответственно со словами с основой на *ī и вошли в данный тип, а впоследствии — в третье склонение: *морковь, любовь* и т.п.

Процесс взаимодействия различных типов склонения, связанный с утратой одних типов и расширением других, приводит к значительным изменениям системы именного склонения: сокращается количество типов склонения — их теперь не 5(6), а три; унифицируются падежные окончания, появляются их варианты, возникают так называемые разносклоняемые существительные.

Процесс утраты прежних типов склонения в единственном числе не мог не сказаться и на формах множественного числа, где различия типов бы-

ли также достаточно четко выражены в отличие от современного русского языка. История форм множественного числа шла по пути обобщения всех типов склонения в одном. Главную роль в процессе унификации сыграли существительные с основой на *ā. Причем независимо от рода в единственном числе во множественном устанавливается единая форма. В дательном, творительном, местном (предложном) падежах под влиянием существительных с основой на *ā закрепляются формы на *-амъ, -ами, -ахъ: сестрам, столами, домам, ночам, дочерям, племенам; сестрами, столами, домами, ночами; дочерьми, племенами; сестрах, столах, ночах, дочерях, племенах* и т.д.

В современном русском языке существительные во множественном числе в именительном падеже имеют следующие окончания: *-и (-ы)* – в женском роде 1-м и 3-м склонениях, *-и, -ы, -а, (-я), -е* – в словах второго склонения мужского рода; *-а (-я)* – среднего рода. Каждое из этих окончаний имеет свою историю. Так, форму на *-а* имели существительные именительного и винительного падежей твердого варианта, в обоих вариантах в основах на *ō среднего рода, аналогично в словах женского и среднего родов с основой на согласный. В словах мужского рода с основой на *ō твердого варианта в именительном падеже был *-и*, а в винительном *-ы (столи – столы)*, в мягком варианте в именительном падеже было окончание *-и*, в винительном – *-ѣ*, давшее *-е*. В результате унификации различия именительного и винительного падежей утрачиваются, в мягком варианте устанавливается бывшее окончание именительного падежа, а затем и в винительном, в твердом варианте – форма именительного падежа вытесняется формой винительного. В формах на *-анин, -янин* типа *селянин* –

селян сохраняется прежнее окончание основ на согласный *-е* и окончание *-а* у слов типа *козленок – козлята*.

Окончание *-а* у слов мужского рода в именительном падеже активно используется начиная с XIX в., в XVIII в. оно представлено лишь в незначительной части слов. Его появление – результат влияния двойственного числа. Существительные мужского рода именительного – винительного падежей имели форму на *-а*, причем ударную. С утратой двойственного числа окончание *-а* воспринимается как показатель множественного числа: *два берега – далекие берега*.

Появление окончания *-ья* во множественном числе типа *братья* связано с историей собирательных существительных типа *братия*, которые стали осознаваться как существительные множественного числа, а также формами мужского рода типа *листья*, где в результате редукции в акающих говорах конечного [-e] появлялось [a], что привело к закреплению окончания *-ья: колосья*.

Существительные среднего рода с прежней основой на *ō сохраняют в именительном и винительном падежах свои исконные окончания – *села, моря*.

Унификации подвергались не только формы именительного и винительных падежей. Так, у слов мужского рода в родительном падеже у большинства из них устанавливается окончание *-ов*, свойственное прежним основам на *й. Именно слова данного типа целиком перешли в склонение с основой на *ō: не только *сынов*, но и *городов, столов*, где *-ов-* не является исконным. Прежние формы с нулевым окончанием сохраняются у небольшого количества слов: названия мер, парных предметов: *аршин, раз, солдат* и т.п.

Окончание *-ей* в мягком варианте в родительном падеже закрепилось под влиянием слов бывшего склонения на **ī* типа *гость — коней*. Нулевое окончание сохраняется у существительных женского рода на **ā*, где оно исконное — *вод, земель*, и в женском роде у слов типа *кость — -ей*, где также сохраняется прежнее окончание.

Таким образом, унификация типов склонения существительных как в единственном, так и во множественном числах отражает общую тенденцию развития парадигмы склонений, направленную на объединение разных типов склонения и разных вариантов в пределах одного типа.

Лит.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981; Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960; Кедайтене Е. А. Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры // ВЯ. № 1. 1955; Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927. Вып. II. Л., 1931; Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907; Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М., 1960; Шульга М. В. Парадигма типа медь в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. См. также «История настоящего времени», «Аорист», «История супина».

ИСТОРИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО. В древнерусском языке в отличие от современного русского языка слова, обозначающие числа, не

представляли собой особой части речи, так как не обладали характерными только для них грамматическими признаками.

Формирование числительных как самостоятельной части речи происходило в течение XIII–XIV вв. и сопровождалось утратой отдельных грамматических категорий и изменений характера синтаксических связей в сочетании с именами существительными.

Названий чисел в древнерусском языке было немного: девять наименований единиц первого десятка (1–10), *сьто* (100); для обозначения десяти сотен — *тысяча*, десяти тысяч — *тыма*, миллиона — *леодрь*, десяти миллионов — *воронь*. Слово *колода* выражало понятие неопределенного множества. У числительных *сорокъ* и *девяносто* — особая история.

Отдельные счетные слова по происхождению общеславянские и даже индоевропейские, о чем свидетельствуют звуковые соответствия в других языках: русское *три* — лат. *tres — tris*, русское *пять* — греч. *пенте*.

По особенностям склонения и по образованию древнерусские названия чисел были весьма разнообразными и составляли несколько групп. Счетные слова *одинь, два* изменялись по родам и склонялись как местоимение *тъ* (*та, то* — см. **история местоимений**): *одинь* — по единственному числу, *два* — по двойственному. *Три, четыре* употреблялись во множественном числе, по родам изменялись только в именительном падеже: *трие, четыре* — мужской род, *три, четыре* — женский и средний род; *три, трие* склонялись по типу основ на **ī*, *четыре, четыре* — по типу основ на согласный.

Склонение *дѣва*

Род / Падеж	Мужской	Средний	Женский
И.-В.	дѣва	дѣвѣ	дѣвѣ
	Для всех родов		
Р.-М.	дѣвою		
Д.-Т.	дѣвѣма		

Склонение *трие, четыре, три, четыре*

Род / Падеж	Мужской	Средний и женский
И.	трие, четыре	три, четыре
	Для всех родов	
Р.	трии, четырь (трѣхъ, четырьхъ)	
Д.	трѣмъ, четырьмъ	
В.	три, четыре	
Т.	трѣми, четырьми	
М.	трѣхъ, четырьхъ	

В процессе формирования числительных как самостоятельной части речи *одинъ, одна, одню* изменились незначительно: сохранено изменение по родам и особенности местоименного склонения, но произошло изменение форм под влиянием мягкого варианта склонения типа *мой*: вместо исконных форм *однѣх, однем* используются *одних, одним* и т.п. В древнерусском языке использовались: *одинъ*, где *-ин-* был суффиксом, и *одна, одному*, где суффикс *-ьн-*. В процессе развития языка суффикс *-ин-* сохранился только в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, суффикс *-ьн-* изменяется в *-н-* в результате падения редуплицированных. С утратой двойственного числа счетное слово *дѣва* под влиянием числительных *три, четыре* получает формы множественного числа: *двухъ, двумъ*. Под влиянием именных основ в родительном и местном падежах возникает основа *дву-*, позд-

нее закрепившаяся во всех падежных формах: *два, двух, двум, два, двумя, (о) двух*.

Форма родительного и местного падежей на *-ух* (двух) отмечается памятниками с XV в., что, вероятно, связано с влиянием прилагательных, выполнявших аналогичную функцию определения (типа новых, старых), или с влиянием форм местного падежа от *три, четыре* (см. таблицу склонения). Появление формы творительного падежа *двумѣ* (*двумя*) вместо *дѣвѣма* принято рассматривать как результат контаминации флексии *-ма* двойственного числа (*дѣвоума*) и флексии *-ми* (*трѣми, четырьми*) творительного падежа.

Кроме того, [м'] возник на месте [м] под влиянием форм *трѣми, четырьми*, где [м'] исконно полумягкий. У счетных слов *дѣва, дѣвѣ* меняется родовая соотношенность: *дѣва* стало употребляться со словами мужского и

ИСТОРИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

среднего рода, *дѣвѣ* – женского. Подобное явление возникает под влиянием общей тенденции в языке к объединению в одной парадигме склонения слов мужского и среднего родов, что особенно наглядно проявилось в истории имен существительных. В других славянских языках сохраняются древние формы: *два* сочетается со словами мужского рода, *дѣвѣ* – женского и среднего рода.

Названия чисел *трие*, *четыре*, *три*, *четыри* в процессе формирования числительных как самостоятельной части речи утратили родовые формы, и в именительном падеже закрепились формы *три*, *четыре* для всех родов. Прежние формы родительного падежа меняются на *трѣхъ*, *четырѣхъ*. Современные формы родительного, предложного, дательного и творительного падежей возникли в результате фоне-

тических преобразований исконных форм: изменение [ь] в [е] вследствие падения редуцированных, затем [е] лабиализируется и появляется [‘о] – [tr’ox] и т.п.

Названия чисел от пяти до десяти по своим грамматическим признакам соотносились с именами существительными женского рода, изменялись по числам, склонялись во всех числах по именному склонению: *десѣть* как существительное с основой на согласный, остальные – с основой на *і* в единственном числе (типа *ночь*). *Десѣть* имело формы единственного, двойственного и множественного чисел. Традиция считать десятками создавала условия для сохранения форм всех трех чисел: при обозначении одного, двух и более десятков предметов использовались формы единственного, двойственного и множественного чисел.

Склонение *десѣть*

Число Падеж	Единственное	Множественное	Двойственное
И.	десѣть	десѣте (-и)	И.-В. десѣти
Р.	десѣте (и)	десѣтъ	Р.-М. десѣтоу
Д.	десѣти	десѣтъмъ	Д.-Т. десѣтъма
В.	десѣть	десѣти	
Т.	десѣтью	десѣтъми	
М.	десѣте	десѣтъхъ	

Название числа *десѣть* в процессе развития утратило изменение по числам, сохранило только формы единственного и стало склоняться как *пять – девять*. В современном русском языке при образовании сложных числительных используются прежние формы от *десять* (типа *восемьдесят*).

Названия чисел от пяти до девяти склонялись одинаково, и парадигма их

склонения в процессе развития не изменилась. В словосочетаниях они управляли существительными родительного падежа множественного числа: *пять столъ*, *пятью столъ* и т.п. Современные формы подобных сочетаний возникли под влиянием числительных *два – четыре*, выполнявших прежде функцию определения-прилагательного, согласовывавшегося с определяемым словом.

В процессе развития счетные слова от одного до десяти, претерпев ряд изменений, сформировали общие грамматические признаки: отсутствие рода (кроме *один, одна, одно и два, две, оба, обе*), отсутствие числа (кроме *один, одини*), особые связи с существительными, что привело к оформлению особой части речи, обозначающей количество.

Сложные и составные числительные. В древнерусском языке счетные наименования от 11 до 19 представляли собой в отличие от современного русского языка не одно слово, а «составные слова» (*Багрянский И.М.* Имя числительное в русском языке XI–XVII вв. С. 19). Это было сочетание трех слов, состоящее из названия единиц первого десятка, предлога *на* и местного падежа единственного числа от *десять-десяте*: 11 – *одинъ на десяти*; 12 – *два или двѣ на десяти* и т.д. При склонении подобных образований изменялась первая часть: именительный – *одинъ на десяти*, родительный – *одного на десяти* и т.д.

В наименованиях от 11 до 14 сохранялись родовые различия: *одинъ на десяти* и *одна на десяти*. С течением времени числительные 11–19 образовали неразложимое целое в результате фонетических изменений, вызванных, по мнению Л.А. Булаховского, изменением ударения. Изначально компоненты в словосочетании, кроме предлога, имели самостоятельное ударение, затем последний компонент *десять* теряет ударение, примыкает к предлогу, а затем к первому компоненту, и образуется, таким образом, одно фонетическое слово с ударением на первом слове: *одинъ – на – десяти*, что приводит к редукции заударных гласных и изменению произношения: *десять – тсять – цать* ([дс] > [тс] > [ц] – [адинъцѣт']). Новые формы в виде одного слова отражаются в памятниках с

XIV в.: *двѣнацать тысяч серебра* (Новгородская грамота 1347 г.).

Сложные числительные двадцать, тринадцать по происхождению представляли собой не одно слово, а сочетание слов: *два* и именительный падеж двойственного числа от *десять* – *два десяти*, аналогично *три* и именительный падеж множественного числа от *десять* – *три десяти*. В образованиях 20, 30 форма числа *десять* зависела от семантики названий единиц. При склонении изменялись обе части: *два десяти* – в двойственном числе, *три десяти* – во множественном числе. В процессе развития их формы постепенно сливаются, они начинают склоняться как 11–19, т.е. изменяется только последняя часть, претерпевшая те же фонетические изменения, в результате которых возникают формы на *-дцать*.

Числительные от 50 до 80 представляют собой прежние сочетания простых числительных от 5 до 8 и числительного *десять* в форме родительного падежа множественного числа: *пять (пяти) десяти, шесть десяти* и т.п. При склонении изменялось только первое слово: *пять десяти, пяти десяти, пятью десяти* и т.д. Со временем образуется одно слово и начинает изменяться вторая часть по образцу других числительных.

Исконные образования *четыредесять (из четыре десяти)* и *девятнадцать*, обозначавшие соответствующие понятия, не сохранились. В памятниках XIII в. уже встречается *сорокъ*. Исторически это существительное означало «рубаха», «мешок» (ср. современное *сорочка*). В каждый сорок помещалось четыре десятка беличьих или собольих шкурок, необходимых для одной полной шубы. Постепенно *сорокъ* становится единицей измерения, формой натурального обмена.

Название самого предмета утрачивается и приобретает обобщенное значение числа. Употребляясь как существительное, *сорокъ* склонялось как существительное мужского рода с древней основой на *ѡ. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова приводятся формы *сорок, сорока, сороку, сороком, о сороке*. Однако в русском языке сохранились только две из них: именительный – винительный – *сорок* и родительный – *сорока*.

Происхождение *девяносто* до конца не установлено. Большинство исследователей считает гипотезу проф. Р. Ф. Ржиги наиболее убедительной. По мнению ученого, *девяносто* восходит к форме *девянь* до *ста*, т.е. девять десятков до сотни, в результате фонетических преобразований и влияния *девятнадицать* уже к XIV в. возникает форма *девяносто*: *десѧть до ста > десаддоста > десѧдоста – десѧноста – девяносто*. Склонялось *девяносто* как существительное среднего рода с основой на *ѡ. Со временем в парадигме склонения остались две формы, как и в современном русском языке.

Сѧто так же, как и *девяносто*, склонялось по типу основ на *ѡ, утратило формы косвенных падежей, кроме винительного. Названия сотен от 200 до 900 образовывались следующим образом. *Двести* путем сочетания *дѡѡѧ* с формой именительного падежа двойственного числа от *сѧто – сѧтѧ*: *дѡѡѧ сѧтѧ*; *триста, четыреста – три, четыре* с именительным падежом множественного числа от *сѧто – сѧта*: *три сѧта, четыре сѧта. Пѧтьсот, шестьсот* и т.д. – сочетанием *пѧть, шесть* и т.д. с родительным падежом множественного числа от *сѧто – сѧтѧ > сот*: *пѧть сѧтѧ, шесть сѧтѧ*. При склонении числительных *двести, триста, четыреста* первая часть согласовывалась со второй. В современном русском языке

они сохраняют склонение обеих частей. При склонении от *пятисот* до *девятисот* изменялась только первая часть, однако под влиянием *двести – четыреста* стали изменяться обе части. В связи с общим процессом падения редуцированных и изменением [ѣ] > [е] и [ѣ] > [и] числительное *дѡѡѧ сѧтѧ* в современном русском языке имеет форму *двести*. В результате утраты двойственного числа форма *дѡѡѧ* вытесняется формой *два* и соответственно *сто* приобретает формы множественного числа: *двухсот, двумстам* и т.д. Числительное *тысяча* не претерпело изменений в склонении. Числительные *миллион, миллиард, миллиард* и т.д. были заимствованы из других языков и относятся в истории русского языка к более позднему периоду, когда система склонения количественных числительных уже сформировалась.

Дробные числительные передавались в древнерусском языке существительными *полѧ* «половина», *треть*, *четверть*, *пѧтина*, *осьмина*, *десятина*. Так, 1/2 обозначалась существительным *полѧ*, 1/3 – *треть*; 1/4 – *четверть* или *четь*, 1/5 – *пѧтина* и т.д. Дроби обозначались и сочетанием названий дробных единиц: *полѧ полѧ трети* – 1/12; *полѧ четверти* – 1/8. Со временем существительное *полѧ* теряет самостоятельное значение и начинает использоваться в составе смешанных чисел: единицы с дробями и единицы с половиной единицы, десятка и сотни. Подобный счет был широко распространен в древнерусском языке. В этом случае *полѧ* обозначало часть последней единицы, присоединенной к целым единицам, обозначавшимся порядковыми числительными: *полѧ третьѧ* – 2¹/₂, *полѧшестьдесятѧ* – 55.

В древнерусском языке, как и в других славянских языках, составные числа могли передаваться путем присое-

динения к названию большего числа с помощью союзов *и, да* (или без них) названия меньшего числа. Так, число 32 могло быть передано или как *три десяти двѣ*, или как *три десяти и двѣ*.

Собирательные числительные. Современные собирательные числительные типа *двое, трое, четверо* и др. по происхождению формы среднего рода единственного числа, склонявшиеся или по именному, или по местоименному склонению, изменявшиеся по родам — *двоѡк, троѡк* и т.д. Они могли употребляться в 2-х значениях: близком к значению соответствующих количественных числительных или в значении «двойной», «тройной» и т.п.: *конь шестеро* (Вкладная Варлаама), *двоѡвъ радость* (Ипатьевская летопись).

С течением времени собирательные числительные утратили различие по родам, в начальной форме установились формы именительного падежа единственного числа *двое, трое* и т.д. В косвенных падежах закрепились формы множественного числа: *двоих, двоим* и т.п.

Порядковые числительные. В древнерусском языке порядковые числительные по своим грамматическим особенностям совпадали с прилагательными. Подобно прилагательным они имели краткую и полную форму. В современном русском языке сохранились только полные формы, краткие вышли из употребления, сохранившись лишь в выражениях *сам-четверт, сам-пят*.

Краткие порядковые числительные склонялись как существительные с древней основой на **ѡ* и **ѧ*: *първъ, първа, първо, вѣторь, вѣтора, вѣторо*. Полные образовывались от кратких с помощью указательных местоимений *и, ѡ, к* и склонялись как полные прилагательные.

Порядковые числительные от *одиннадцатый* до *девятнадцатый* в древнерусском языке первоначально представляли собой сложные образования: *първъ* (или *първыи*) *надесяте* и т.д., у которых при склонении изменялась только первая часть сложения: *първыи надесяте, първого надесяте* и т.п. По аналогии с возникшими количественными числительными на *—дцать* типа *одиннадцать* возникают порядковые числительные *одиннадцатый, двенадцатый* теперь уже со склонением второй части. Основные отличительные признаки числительных, характерные для современного русского языка, сложились к XVII в.

Лит.: Багрянский И. М. Имя числительное в русском языке XI–XVII вв.: М., 1960; Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. 2. Киев, 1953; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981; Дровникова Л. Н. Из истории имен числительных в русском языке: М., 1959; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981; Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск, 1969; Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

ИСТОРИЯ ИНФИНИТИВА. Инфинитив — одна из неспрягаемых глагольных форм — обозначает действие или состояние как процесс вне его отношения к лицу, числу, времени, наклонению. По происхождению инфинитив относится не к глагольным, а к именным формам. Предполагают, что исторически это застывшая форма отглагольного существительного в форме дат. — местного падежа единственного числа с древней основой на *i*. Существующие в современном русском языке омонимичные формы глагола и

существительного типа *стать* и *стать* (с какой стати), *печь* и *печь* (зажигайте печь — пора пироги печь; попал я в пропасть — не дай, господи, пропасть) и т.п. наглядно свидетельствуют об именном происхождении инфинитива. Функции инфинитива в древнерусском языке были разнообразны: он использовался для образования форм будущего сложного времени, в односоставных безличных инфинитивных предложениях, выполнял функцию сказуемого и др. Инфинитив образовывался с помощью двух суффиксов *-ти* и *-чи*, где генетически [т] — праславянский суффикс *t, а *и* — именная тема *i: *знати*, *течи*, *стеречи* и т.п. Суффикс *-чи* был возможен только в глаголах с основой на *г*, *к*: *tekti, *stergti, в которых сочетания *gt, *kt перед *i > [ч] в древнерусском языке.

В процессе развития русского языка прежние формы инфинитива на *-ти*, *-чи* у большинства глаголов не сохранились. Современные формы инфинитива на [т'], [ч] возникли в результате редукции и отпадения конечного *и*, находившегося в безударном положении. В сильной позиции, под ударением, гласный сохранялся: ср. *жити* — *жить*, но *идти*. Известная в современном русском языке тенденция к сохранению в говорах прежних форм, в том числе и безударных гласных, в севернорусских говорах находит отражение и в формах инфинитива.

Иная судьба у суффикса [-*ти*] в южнорусских говорах, где отмечается стремление сохранить [т'] даже там, где в литературном языке [ти] — [нест'], [везт'] и т.п. В письменных памятниках форма инфинитива на [т'] отмечается с XIII в. В приказном языке (официально-деловом) параллельно используются обе формы инфинитива, а в документах частного характера формы на [ти] практически не отмече-

ны. К XVIII в. прежние формы вытесняются новыми, однако в высоком стиле как средство стилизации инфинитив на [-*ть*] еще достаточно активно используется. Форма инфинитива на [сти] независимо от ударенности конечного гласного в течение еще длительного времени активно употреблялась во всех сферах использования языка и на всей территории. В глаголах *грести*, *клясть* конечные [ти] и [т'] принято относить к новообразованиям, возникшим на месте древнерусских *грети* и *клати* под влиянием таких глаголов, как *мести*, *вести*, где *-ст-* — исконное. Инфинитив глагола *гребу* в праславянском языке был представлен формой *grebti с последующей утратой губного смычного *b перед *t в результате упрощения групп согласных, вызванного законом открытого слога и восходящей звучности. Если в сочетаниях оказывались разные по месту образования смычные согласные, то утрачивался предшествующий смычный: *pt, *bt > [t] (ср. старославянское *гревѣж*, русское *погребати*, затем *rogēti > старославянское *погрѣти* «похоронить»). Но если в Остромировом Евангелии отмечена форма *погрѣти своѧ мрътвѣца* «похоронить мертвеца», то в Лаврентьевском списке летописи 6657 г.: «*повелѣ и погрести*». Суффикс *-сти*, следовательно, — результат аналогии в формах типа *мести*, в которых *-ст-* возникает вследствие диссимилиации по способу образования: предшествующий смычный изменялся во фрикативный. И на месте двух одинаковых по месту образования смычно-взрывных (одинаковых по звучности) оказывались сочетания фрикативный + смычный, т.е. в соответствии с основным законом строения слога — законом восходящей звучности: *tt > [ct]; *dt > [ct]: *mētti > ме-

сти (ср. *мету*, но *месту*); **věditi* > *вести* (ср. *веду* (за руку), но *вести*). Подобные формы получили широкое распространение и до сих пор используются в современных севернорусских говорах: *продасту*, *взясту* и т.д. Форма инфинитива на *-чи* была господствующей в говоре Москвы еще в XVIII в. и позже. «*Вот волка стали стеречи*», – читаем в басне И.А. Крылова «Пастух».

В современном русском литературном языке подобные формы не встречаются.

Лит.: см. «История супина».

ИСТОРИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА.

Вид как лексико-грамматическая категория глагола, способная различными средствами передавать все особенности протекания действия во времени, является отличительной чертой русского глагола. В современном русском языке любой глагол образует сложную видо-временную систему, выражающуюся в четком соотношении значения вида и его оттенков и форм времени. К началу письменного периода (XI в.) в древнерусском языке категория времени была представлена 8 формами (см. **древнерусский язык**), а категория вида в современном понимании еще не сформировалась.

В.В. Иванов в этой связи пишет, что древнерусский язык обладал «сложной системой времен и в то же время имел формально выраженную категорию вида, связанную с этой временной системой» (Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 342). Следовательно, видовые значения как противопоставление длительности и недлительности выражались с помощью форм времени и сложились еще в общеславянскую эпоху. Однако вид в современном понимании сформировался постепенно. По мысли А.А. Потебни, совершенный и несовершен-

ный виды глагола, противопоставленные друг другу по степени законченности/незаконченности действия, сравнительно поздняя категория (Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4). Памятники древнерусской письменности свидетельствуют о том, что противопоставленность видов формально была выражена вполне определенно, причем внутри видов также существовали различия, но более древние, выражавшие отношение действия к способу его протекания во времени. Подобные различия были определены А.А. Потебней как различия степеней длительности. Ученый различал конкретную длительность – *нести*; отвлеченную длительность – *носить*; отвлеченную длительность с перерывами – *нашивать*; мгновенную длительность – *кольнуть*. Для выражения значений длительности/недлительности, длительности/мгновенности, повторяемости/краткости, определенности/неопределенности могли служить чередования гласных в основе глаголов, чередования, унаследованные славянскими языками из индоевропейского языка. Итак, значения длительности/недлительности, определенности/неопределенности (однонаправленности/разнонаправленности) передавались следующими чередованиями гласных: **ǫ* || **ō* > [o] || [a]; **ě* || **ē* > [e] || [ĕ] (ѣ); **ī* || **ī* > [ь] || [и]; **ǔ* || **ū* > [ъ] || [ы].

Краткий гласный был связан со значением недлительного, однонаправленного действия, долгий – длительного, иногда повторяющегося: *скочити* – *скакати*, *летѣти* – *летати*, *брати* – *сбирати*, *послати* – *посылати* и т.п.

Показатели класса глагола также могли передавать те или иные видовые различия. В глаголах II класса, например, *схнути*, *внути*, *взнути*, с од-

ной стороны, и *ринутти, толкнути, стукнутти* — с другой, глагольный показатель *-н-* выражал значение постепенного перехода из одного состояния в другое, с одной стороны, и значение единичного мгновенного действия — с другой. Аналогичную функцию выполнял показатель III класса [j], передавая значение ничем не ограниченного, длительного действия: *дую, пишу*. Различия в значениях могли также указываться с помощью инфикса, используемого когда-то для образования основ настоящего времени глаголов I класса с начинательным значением *-н-*.

Инфикс, унаследованный праславянским языком из более древнего языка-основы, давший в старославянском — **ж** (см. **историю носовых гласных**), в древнерусском языке не сохранился, изменившись в неносовой [y]: *лягу, сяду*, позже и *буду* (к *lengōm, *sendōm, *bondōm).

Таким образом, базой для выражения протекания действия во времени (длительность/недлительность) служили определенные структурно-оформленные видовые категории. С течением времени на отношения длительности/недлительности накладываются временные отношения, что в целом определяет развитие значения в двух плоскостях: отношение к моменту речи и к характеру действия: аорист обозначал не только действие, предшествующее моменту речи, но и мгновенность этого действия, настоящее время указывало не только на длительность процесса, но и на его одновременность с моментом речи. С развитием категории времени формируются новые видовые отношения, выражающиеся в противопоставлении глаголов совершенного вида и связанные с развитием предельности/непредельности значений (совершенности/несовершенности). Многие ученые связывают

начало этого процесса с появлением еще в общеславянский период приставочных глаголов.

Итак, формальным средством различения видов становятся приставки, являвшиеся по происхождению предлогами и придававшие глаголу соответствующее значение — значение пространственного предела. Однако постепенно значение приставок расширяется, абстрагируется, что приводит к развитию значения временного предела, т.е. значения законченности действия во времени. Таким образом, приставка теперь указывает не только на прекращение действия в пространстве, но и во времени, а глаголы совершенного вида уже обозначают, следовательно, действие неделимое, целостное. Однако окончательное формирование значений вида связано с развитием соотношения предельности/непредельности, т.е. с появлением соотносительных глаголов несовершенного вида, оформляющегося с помощью суффиксов от соответствующих приставочных глаголов совершенного вида: *вывести — выводити, налити — налиютти; продати — продавати, раздѣлити — раздѣляти*.

К XII в. принято относить возникновение в качестве видообразующего суффикса *-ива-(-ыва-)*, сформировавшегося в результате переразложения основ в глаголах типа *бивать, забывать*, где гласные *и, ы*, прежде входившие в корень, отошли к суффиксу *-ва-*. С XII в. и до настоящего времени суффикс *-ива-(-ыва-)* самый продуктивный суффикс имперфективации. В XII–XVII вв. он распространяется и в бесприставочных глаголах со значением многократности действия: *хаживал, саживал*. Закрепление данного суффикса в качестве видообразующего способствовало формированию видовых пар, с одной стороны, с другой —

активизировало процесс превращения приставок в средство перевода глаголов из несовершенного вида в совершенный. Кроме того, стала возможной видовая оппозиция: бесприставочный глагол несовершенного вида/приставочный глагол совершенного вида.

К XVII в. сложилась та система видов и их видовой корреляции, которая существует в современном русском языке, т.е. глаголов вне системы видов не существует: каждый глагол может быть отнесен к одному из двух видов (за исключением двувидовых) и от каждого глагола несовершенного вида (кроме глаголов со значением разнонаправленности и многократности) может быть образована с помощью приставки видовая пара.

В процессе развития категории вида и установления современных видо-временных отношений серьезную роль сыграло разрушение старой системы форм прошедшего времени и закрепление перфекта в качестве единственной формы прошедшего времени. Поскольку причастие на *-л-* могли образовывать глаголы с любым видовым значением, постольку форма прошедшего времени стала возможной как от глаголов несовершенного, так и совершенного видов. Кроме того, появление новой аналитической синкретичной, указывающей и на вид, и на время, формы будущего времени (*буду* + инфинитив несовершенного вида) завершило процесс развития категории вида и средств ее выражения. К этому времени сложилась определенная система, названная видо-временной системой глагола: глаголы несовершенного вида обладают формами настоящего, прошедшего и будущего сложного времени, совершенного вида – формами прошедшего и будущего простого времени.

Лит.: Лопушанская С. П. Категория вида и система времен древнерус-

ского глагола // Проблема развития языка. Саратов, 1981; Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958; Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941; Силина В. Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. См. также «История настоящего времени», «История инфинитива», «История перфекта», «Древнерусский язык».

ИСТОРИЯ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА.

Залог как лексико-грамматическая категория глагола, обозначающая отношение действия, выраженного глаголом, к субъекту и объекту, в древнерусском языке была развита слабо. История залога – это история формирования морфологического средства для выражения субъектно-объектных отношений. Подобные отношения могли передаваться в древнерусском языке с помощью причастий действительного и страдательного залогов. Значение действия, направленного активным субъектом на объект, передавали действительные причастия: *Володимеръ же целовавъ брата своего и поиде Перемыславлю* (Лаврентьевская летопись). Значение действия, направленного на объект, выраженный именительном падежом и являющийся в предложении подлежащим, передавали страдательные причастия. Активный субъект выполнял функцию дополнения: *вотчины отдаваны челобитчикомъ* (Уложение 1649 г.). Глаголы в личной форме изначально залоговых значений не передавали. Основой для выражения субъектно-объектных отношений стало противопоставление действий переходных и непереходных глаголов. Причем только в таких конструкциях, когда объектом действия переходного глагола являлся сам гово-

рящий, а объект выражался возвратным местоимением в форме винительного падежа в энклитической форме: *не опечали же ... сѧ ... о словеси семъ* (Послание Владимира Мономаха). При переходе действия на самого себя переходность как бы замыкается на субъекте, а у местоимения значение собственно синтаксического объекта ослабевает, создавая предпосылки для слияния с глаголом, что и происходит в русском языке к XVII в. Процесс слияния энклитической формы винительного падежа возвратного местоимения с глаголом приводит к появлению в русском языке возвратной частицы *-ся* (см. **история местоимений**). Присоединяясь к глаголу, частица меняет его семантику, возникают возвратные глаголы, относимые в современном русском языке к глаголам со значением собственно-возвратным, взаимно-возвратным, безобъектно-возвратным и т.п. Глаголы со страдательным значением отмечаются в памятниках с XVII в. К XVIII в. окончательно устанавливается категория залога, морфологическим средством выражения которой становится возвратная частица, закрепившаяся за непереходными глаголами. В отличие от русского, украинского и белорусского языков в других славянских языках энклитические формы возвратного местоимения не только не утрачены, но и могут занимать любую позицию по отношению к глаголу.

Лит.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. М.; Л., 1941; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1963. См. также «История местоимений».

**ИСТО́РИЯ КАТЕГО́РИИ НАКЛО-
НЕ́НИЯ.** Наклонение в древнерусском языке, как и в современном русском, называло действие (или состояние), мыслившееся говорящим как реальное

в настоящем, прошедшем или в будущем, или нереальное (ирреальное), но желательное, или только как побуждение к действию. Характер значений наклонения определял возможность/невозможность проявляться во времени. В древнерусском языке, как и в современном русском, различались изъявительное (индикатив), условное или сослагательное (конъюнктив) и повелительное (императив) наклонения. Значение наклонения передавалось теми же средствами, что и значение времени, однако специальными грамматическими показателями характеризовались лишь ирреальные (условное и повелительное) наклонения. Значение изъявительного наклонения передавали формы времени, с развитием и становлением которых тесно связана, таким образом, история изъявительного наклонения (см. **история настоящего, прошедшего и будущего времен**). Значение условного и повелительного наклонений в древнерусском языке определяло отсутствие у них временных форм.

Условное или сослагательное наклонение в древнерусском языке обозначало действие, осуществляющееся при определенных условиях, действие желательное. Форма сослагательного наклонения в современном русском языке — это остаток древней аналитической формы условного наклонения. Условное наклонение образовывалось сочетанием действительного причастия прошедшего времени на *-л-* (см. **история прошедшего времени**) основного глагола и вспомогательного глагола *быти* в формах аориста (см.). Вспомогательный глагол в аористе изменялся по лицам и числам, а причастие — по родам и числам. Подобные формы условного наклонения, отмечаемые в памятниках письменности XII—XIII вв., показывают, что в этот период услов-

ное наклонение имело спрягаемые формы: *аще мТ (меня) бысте знали: знали бы бысте и отца «если бы меня знали, знали бы и отца»* (Евангелие до 1362 г.).

	единственное число
1-е л.	быхъ зная, -а, -о
2-е л.	бы зная, -а, -о
3-е л.	бы зная, -а, -о
	множественное число
1-е л.	быхомъ знали, -ы, -а
2-е л.	бысте знали, -ы, -а
3-е л.	быша знали, -ы, -а

Данные формы условного наклонения начинают изменяться, как свидетельствуют памятники письменности, начиная с XIII в. Эти изменения тесно связаны с исчезновением простых прошедших времен, в том числе аориста, который перестает изменяться по лицам, а в качестве общей неспрягаемой формы закрепляется форма 2–3-го л. ед. ч. *бы*. И в силу этого грамматическое согласование с подлежащим утрачивается. Причастие на *-л-* во множественном числе теряет родовые различия и закрепляется в форме мужского рода множественного числа на *-и* для всех трех родов. Таким образом, общей формой для всех лиц и чисел становится неизменяемая форма *бы*, ставшая частицей, и причастие на *-л-*, изменяющееся по родам (в единственном числе) и числам. Утрата форм спряжения глаголом *быти* в условном наклонении не только определила качественно новую форму условного наклонения, но и появление новой собственно частицы *бы*, а также сложных со-

юзов *чтобы, кабы*: (*Ах, кабы на цветы, да не морозы*).

История повелительного наклонения. Повелительное наклонение в древнерусском языке так же, как и в современном русском, не обозначало реального действия, а лишь выражало побуждение к действию. Повелительное наклонение в процессе исторического развития сохранило прежнее значение, но претерпело серьезные изменения в системе форм, и его современная парадигма существенно отличается от древней системы. Повелительное наклонение в древнерусском языке изменялось по лицам и числам, имело формы 1–2-го лица множественного и двойственного чисел как тематических, так и нетематических глаголов. Формы 3-го л. ед. ч., совпадавшие с формами 2-го л., рано выходят из употребления. В. В. Иванов считает, что форма 3-го л. ед. ч. сохранилась всего лишь как реликт прежнего желательного значения праславянского повелительного наклонения, что позволяет не включать ее в древнерусскую парадигму повелительных форм (*Иванов В.В. Историческая грамматика. С. 351*). Повелительное наклонение образовывалось от основы настоящего времени с помощью суффиксов *-и-* или *-ѣ-* и соответствующих личных окончаний.

Тематические глаголы в единственном числе имели формы на *-и-*. Во множественном и двойственном числах у глаголов с твердым конечным согласным использовался суффикс *-ѣ-*, а с основой на *-и-* или на мягкий согласный — суффикс *-и-*.

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ					
Число	Лицо	нести	двинуть	писати	любити
ед. ч.	2-е	неси	двини	пиши	люби
	3-е	неси	двини	пиши	люби
мн. ч.	1-е	несѣмъ	двинѣмъ	пишимъ	любимъ
	2-е	несѣте	двинѣта	пишита	любита
дв. ч.	1-е	несѣвѣ	двинѣвѣ	пишивѣ	любивѣ
	2-е	несѣта	двинѣта	пишита	любита

ИСТОРИЯ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ

НЕТЕМАТИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ				
число	лицо	дати	ведѣти	ѣсти
ед. ч.	2-е	дажь	вѣжь ѣжь	
	3-е	дажь	вѣжь	ѣжь
мн. ч.	1-е	дадимъ	вѣдимъ	ѣдиве
	2-е	дадите	вѣдите	ѣдите
дв. ч.	1-е	дадивѣ	вѣдивѣ	ѣдивѣ
	2-е	дадита	вѣдита	ѣдита

Нетематические глаголы *быти* и *имѣти* образовывали повелительное наклонение так же, как и тематические глаголы. Если основа глаголов оканчивалась на *з*, *к*, то в формах 2-го л. наблюдалось чередование *з//з*, *к//ц* в соответствии с законом палатализации, так как [и] дифтонгического происхождения, восходящий к [oi]: *мози*, *пеци*. Например, *гн помози рабоу своему дѣмъкѣ* «господи, помоги рабу своему Дымке» (Новгородская Миняя, XI в.).

В системе форм повелительного наклонения произошли следующие изменения. Утратились формы двойственного числа. Под влиянием форм от основ на мягкий согласный типа *пиши-те* в глаголах с основой на твердый согласный устанавливается форма тоже на *-и-*, что приводит к закреплению последнего в качестве единого суффикса для форм 2-го л. ед. и мн. чисел. Суффикс *-и-* во 2-м л. ед. ч. без изменения сохранился только под ударением: *веди*, *неси* и т.п. В безударном положении — утратился. Однако процесс утраты произошел после процесса смягчения полумягких согласных (см. **история изменения соотношения согласных по твердости-мягкости**), что орфографически проявляется в наличии мягкого знака после мягкого согласного и *-й* после гласного: *встань*, *знай*. Утратилось чередование звуков, связанное с явлением второй палатализации, в формах 2-го л. ед. и мн. ч. В данных формах по аналогии с другими устанавливаются основы на заднеязычные: *бе-*

реги вместо *берези* и т.п. Древняя форма 1-го л. мн. ч. не сохранилась. С XII в. эти формы стали совпадать с формами изъявительного наклонения настоящего времени типа *пойдемъ*, *прѣстанемъ* и т.п. Однако появление новой формы никак не изменило прежнего значения — побуждения к совместному действию. Кроме того, дальнейшее развитие этой формы приводит к образованию новой формы повелительного наклонения. Она возникает в результате контаминации со 2-м л. мн. ч. на *-те* формы 1-го л. настоящего времени. Данные формы известны с XVII в.: *поспѣшаимъте ... къ царю* (Повесть царя Давида). Исчезло 3-е л. ед. ч. типа *веди*. Оно было вытеснено аналитической формой с частицами *пусть*, *пускай* в сочетании с 3-м л. настоящего времени: *пусть ведет*.

Формы повелительного наклонения *вѣжь*, *вѣдите* начиная с XIII в. вытесняются формами *вѣдаи*, *вѣдаите*, образованными от глагола *вѣдати*. В современном русском языке закрепились новые формы, отразив только фонетические изменения. Форма *дажь* 2-го л. ед. ч., претерпев фонетические изменения (утрата *ь* и оглушение [ж]), в повелительном наклонении не сохранилась, уступив место новой форме — *дай* (возможно, под влиянием форм типа *знай* тематических глаголов).

Лит.: Белоусов В. Н. История форм повелительного наклонения // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982; Иванов В. В.

Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Иванов В.В., Сумникова Т.А., Панкратова Н.П. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990. См. также «Древнерусский язык», «История настоящего времени», «История прошедшего времени», «История инфинитива», «История категории вида».

ИСТОРИЯ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ. Развитие категории одушевленности связано с необходимостью различать субъект и объект действия. В индоевропейском языке-основе формы подлежащего и дополнения исконно отличались друг от друга и не создавали трудностей в их разграничении: именительный падеж **bratōs*, **stolōs*, **sūnūs*, **gostīs*, винительный падеж **bratōm*, **stolōm*, **sūnūm*, **gostīm*. Однако фонетические процессы, связанные с законом открытого слога, уже в праславянском языке изменили прежде разные формы: именительный падеж единственного числа мужского рода совпал с винительным. Подобные омонимичные формы не позволяли дифференцировать субъект действия и объект, на который это действие направлено. Именно необходимость формально различать именительный падеж (подлежащее) и винительный (дополнение) и определила способ такого разграничения — использование формы родительного падежа в значении винительного для выражения прямого (одушевленного) объекта.

Родительный падеж, как предполагают, закрепился в этой функции в связи с особенностями древнерусского языка, в котором, как и в других славянских языках, изначально родительный падеж использовался в значении винительного (прямого объекта) в строго определенных конструкциях: для обозначения части объекта, на ко-

торый направлено действие, а также при глаголах с отрицанием. Определенное влияние на закрепление родительного падежа в значении винительного оказали личные местоимения 1-го и 2-го лица, возвратное и вопросительное местоимение *къто*, у которых формы винительного и родительного падежей совпадали: *ѣзь, ты, къто* — именительный, *мене, тебе, кого* — родительный, и *мене, тебе, кого* — винительный. Употребляясь в предложении вместе с существительным, местоимения могли выполнять идентифицирующую функцию и влиять на форму падежа существительного, разграничивая, таким образом, субъект и объект действия.

Грамматическое оформление категории одушевленности, начавшееся еще в праславянскую эпоху, в основном завершается только к XVII в. В древнерусских памятниках письменности выражение категории одушевленности отмечается раньше всего у слов мужского рода единственного числа, обозначающих лиц, однако в первую очередь лиц, социально значимых. Значительно дольше сохраняются совпадающие формы винительного и именительного падежей у слов, обозначающих детей и социально зависимых лиц типа *рабъ, челядинъ, тиунъ*. Кроме того, старые формы, не разграничивающие субъект и объект действия, продолжают использоваться в тех случаях, когда в предложении были иные средства для выражения категории одушевленности. В формах винительного падежа с предлогом последний указывал на то, что данная форма — объект действия: *за моужь, за князь*. С XIV в. категория одушевленности оформляется и у существительных, обозначающих птиц, животных.

В это же время категория одушевленности захватывает и слова во множественном числе, причем в первую очередь те, которые обозначали лиц. У существительных женского рода множественного числа новые формы винительного – родительного падежей отмечаются в памятниках с XVI в. И еще позднее (XVII в.) категория одушевленности во множественном числе оформляется у слов, обозначающих животных. В современном русском языке сохраняются отдельные формы, свидетельствующие об отсутствии когда-то грамматической категории одушевленности. Часть из них сосуществует с новыми формами: *вышел в люди – верить в людей, произведен в офицеры – разочароваться в офицерах, выйти замуж – отвечать за мужа* и т.п.

Лит.: Кедайтене Е. И. Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры // ВЯ. № 1. 1955; Трахтенберг О. М. Историческая грамматика русского языка. Вып. 1. Стерлитамак. 1960; Вып. 2. Стерлитамак. 1961. См. также «История местоимений».

ИСТО́РИЯ ЛИ́ЧНОГО МЕСТОИМÉНИЯ 3-ГО ЛИЦА. См. **история местоимений.**

ИСТО́РИЯ МЕСТОИМÉНИЙ. В древнерусском языке в целом уже были представлены те же лексико-грамматические разряды местоимений, что и в современном русском языке. По происхождению местоимение – одна из древнейших частей речи, о чем свидетельствуют отдельные совпадения с формами в других индоевропейских языках: *ты* – слав., *tu* – лат., *du* – нем., *ту* – тадж., *tu* – латыш. Некоторые особенности местоимений восходят еще к индоевропейской эпо-

хе. К таким древним чертам, напр., относится связь современных местоимений 3-го лица с указательными, а также образование падежных форм не только с помощью окончаний, но и путем изменения основ.

Местоимения в древнерусском языке по своим грамматическим особенностям делились на две группы: первая включала личные местоимения 1-го и 2-го лица и возвратное *себе*, вторая – неличные местоимения. Местоимения первой группы по особенностям склонения и синтаксической функции в предложении похожи на существительные, второй – на прилагательные. Местоимения второй группы в отличие от первой изменялись по родам. Личное местоимение 3-го лица по происхождению – указательное, и применительно к древнерусскому языку логичнее его считать неличным местоимением. К группе личных примыкало возвратное местоимение *себе*, которое, как и в современном русском языке, не имело именительного падежа и склонялось только в единственном числе. Неличные местоимения представляли собой следующие семантические разряды: указательные, притяжательные, вопросительно-относительные, определительные, отрицательные, неопределенные.

Как и в современном русском языке, одни местоимения указывали на лицо или предмет и употреблялись без существительных (*я, ты, всяк*), выполняя функцию подлежащего или дополнения, другие указывали на признак лица или предмета и употреблялись при существительных в роли определений, что и обуславливало их изменяемость по родам (*всьмакъ, та, мошь* и др.)

Склонение личных и возвратного местоимений

Единственное число	
1-е лицо	2-е лицо
И. ѡзь	ты
Р. мене	тебе себе
Д. мьнѣ, ми	тобѣ, ти собѣ, си
В. мене, мѡ	тебе, тѡ себе, сѡ
Т. мьною	тобою собою
М. мьнѣ	тобѣ собѣ

Множественное число		Двойственное число	
1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
И. мы	вы	И. вѣ	ва
Р. насъ	васъ	В. на	ва
Д. намъ, ны	вамъ, вы	Р.-М. наю	ваю
В. насъ, ны	васъ, вы	Д.-Т. нама	вама
Т. нами	вами		
М. насъ	васъ		

Личные местоимения имели те же падежные формы, что и имена существительные, за исключением звательной, в которой не было необходимости, так как личные местоимения в силу своей семантики сами указывали на лицо говорящего. Возвратное местоимение, как и в современном русском языке, не имело формы рода и не изменялось по числам. Отсутствие категории числа в известной степени и обусловило тот факт, что возвратное местоимение стало употребляться при переходных глаголах для указания на охват действием только субъекта, независимо от количества субъектов действия: ср. один субъект – *ѡ возвращю сѡ «я возвращусь»*; несколько субъектов – *воины свѣнльжи изодѣли сѡ соуть вروضемъ – «воины Свинельда вооружились»* (Летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г.).

Формы личных и возвратного местоимений в процессе исторического

развития русского языка менялись. Характер изменений парадигмы склонения местоимений во многом определялся процессами, происходившими в языке в целом и связанными со стремлением к обобщению и дифференциации.

Личные и возвратное местоимения в дательном и винительном падежах имели по две формы: *ми, ти, си* дательного падежа, *мѡ, тѡ, сѡ* винительного падежа единственного чисел и *ны, вы* множественного принято называть энклитическими, а *мьнѣ, тобѣ, собѣ, мене, тебе, себе и намъ, вамъ, насъ, васъ* – полными. Использование полной или энклитической форм зависело от ударения, при отсутствии которого использовалась энклитическая форма. Однако отсутствие ударения характеризовало вначале только формы дательного падежа. Формы винительного лишь с XI в. начинают в старославянском языке превращаться в энклитики, т.е. при-

соединяться к предшествующему слову, в древнерусском же обе формы, как свидетельствуют памятники, использовались в равной мере. Однако к XVII в. энклитические формы личных местоимений вышли из употребления.

В древнерусских памятниках наряду с формой личного местоимения 1-го л. ед. ч. *ѧзѧ*, индоевропейской по происхождению, встречается также старославянская форма *азѧ*. Кроме того, уже в XI–XII вв. появляется форма *я*, сохраняющаяся и в современном русском языке. Использование старославянской или исконно русской формы местоимения во многом определялось традицией: *азѧ* – в текстах церковно-книжного содержания, а также в архаизированных оборотах делового языка типа *се азѧ*, *холопѧ твои*, *челоуь бѧю*. Никак не связанная с живым употреблением старославянская форма *азѧ* продолжает использоваться в документах официально-делового характера вплоть до XVIII в. Использование формы *я* в качестве единственной связывают, во-первых, с общим процессом падения редуцированных, в результате которого меняется характер основы, во-вторых, с тенденцией к выравниванию форм: поскольку все формы, кроме 1-го л. ед. ч., состояли из одного слога, постольку и устанавливается форма *я*. Форма родительного падежа единственного числа *мене*, *тебе*, *себе*, используемая и в значении винительного, в литературном языке заменяется формами *меня*, *тебя*, *себя*. Подобные формы встречаются в московских памятниках уже в XIV в., в северных – с XV в. Прежние формы сохраняются до сих пор в южнорусских говорах, а также в украинском и белорусском языках. Относительно причин появления новой флексии существует несколько точек зрения. По мнению А.А. Шахматова, [‘а] – результат изме-

нения [e] в безударной позиции. А.И. Соболевский считал, что данные формы возникли по аналогии под влиянием именных основ на *ѡ. На месте прежних форм 2-го лица дательного и местного падежей *тобѧ*, *собѧ* в XVII в. появляются формы *тебѧ*, *себѧ*, сохраняющиеся и в современном русском литературном языке. В.В. Иванов считает, что на закрепление форм с -я могло повлиять: и изменение [o] в [e] в результате межслоговой ассимиляции, и влияние старославянской формы *тебѧ*, и сохранение отдельными говорами праславянской формы *тебѧ* без изменения в течение всей своей истории (Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 281).

В большей части говоров, а также в литературном языке энклитические формы дательного и винительного падежей к XVII в. утрачиваются. Особая судьба у формы винительного падежа возвратного местоимения *сѧ* (ся), превратившаяся в частицу и используемая в современном русском языке для образования возвратных глаголов. В древнерусском языке место энклитической формы местоимения не было строго фиксированным: она могла находиться перед глаголом и непосредственно после него, могла быть отделена от него другими словами, но сохраняла в любом случае возвратное значение (ср. в 1-й Новгородской летописи: *тои же осени многа зла сѧ створи*; *копая под другомь ямоу сам сѧ въ ню въвалить*). Получив значение частицы, местоимение постепенно слилось с глаголом, образовав его возвратную форму.

В южнорусских говорах в отличие от литературного языка используются формы с -си, восходящие к энклитической форме дательного падежа: *собиралиси*, *целовалиси*. В выражениях разго-

ворного типа *я те покажу, он те задаст* сохраняются остатки энклитической формы дательного падежа местоимении *ты* в виде *те*.

История личного местоимения 3-го лица. В древних славянских языках, в том числе и в русском, на ранних этапах его развития, личных местоимений

3-го лица не было, т.е. не было особых слов, специально предназначенных для указания на лицо или предмет. Со временем в этом значении стало использоваться указательное местоимение *и* (мужской род), *ѡ* (женский род), *к* (средний род), изменявшееся по падежам и числам.

Склонение местоимения *и, ѡ, к*

Падеж	Единственное число			Множественное число			Двойственное число		
	муж. род	ср. род	жен. род	муж. род	ср. род	жен. род	муж. род	ср. род	жен. род
И.	и	к	ѡ	и	ю	ѡ	ѡ	и	
Р.	ѡго		ѡѡ		ихъ				
Д.	ѡмоу		ѡи		имъ			ѡю	
В.	и	к	ѡи	ѡ	ѡ	ѡ		ю	
Т.	имъ		ѡю		ими			и	
М.	ѡмъ	ѡи			ихъ			ѡю	

Кроме указательного местоимения *и, ѡ, к*, в роли личного использовалось также другое указательное местоимение *онъ, она, оно*, исконно имевшее ударение на первом слоге. Употребляясь в одном значении, они постепенно становятся формами одного местоимения: именительный падеж всех родов и чисел местоимения *и, ѡ, к* очень рано выходит из употребления, вытесняясь формами *онъ, она, оно* в единственном числе и *они* во множественном, формы косвенных падежей остались от *и, ѡ, к*. В результате объединения в одну парадигму склонения двух разных местоимений возник супплетивизм основ, сохраняющийся и в современном русском языке. Замена местоимения *и, ѡ, к* в именительном падеже единственного и множественного чисел была вызвана рядом причин: невырази-

тельностью родовых форм именительного падежа, не отличавшихся от винительного в мужском и среднем родах единственного числа, в женском и среднем роде множественного числа; в результате омонимического отталкивания от союза *и* и местоимения 1-го лица *я*. Со временем различие по родам во множественном числе утрачивается и устанавливается единая форма для всех родов, восходящая к форме мужского рода множественного числа. Местоимения *и, ѡ, к* как самостоятельные с указательным значением не сохранились. В памятниках они встречаются либо в косвенных падежах в роли личного местоимения 3-го лица, либо в составе относительного местоимения *иже, ѡже, кже*, вытесненного впоследствии местоимениями *который, которая, которое*.

В современном русском языке при употреблении личных местоимений 3-го лица с предлогами появляется *н-*: *в нем, к нему, с ним*. Это связано с тем, что современные предлоги *в, к, с* выглядели иначе: *вън, кън, сън*. При их сочетании с местоимениями в результате процесса переразложения конечный согласный предлога перед гласным в силу действия закона открытого слога отходил к местоимению: *въ немь, къ нимь, съ нимь*. По аналогии с этими предлогами *н* появляется и там, где его генетически быть не должно, т.е. во всех косвенных падежах после любого предлога у любого местоимения 3-го лица в формах единственного и множественного числа: *за нимь, от нихъ* и под.

Неличные местоимения. Группа неличных местоимений в древнерусском языке формально совпадала с местоимениями в современном русском языке, хотя и была более обширной. Однако часть разрядов с семантической точки зрения представляла особую группу, выделяясь оттенками значений, современному русскому языку уже не свойственных. В древнерусском языке эта группа была представлена указательными местоимениями: *тѣ, та, то; онѣ, она, оно;* и *сѣ, си, се*, а также *сей, сѣмь, сѣк*. Каждое из этих местоимений употреблялось в строго определенных контекстах, указывая на различное положение объектов в пространстве. *Онѣ, она, оно* указывало на отдаленный предмет; *сѣ, си, сѣ* — на ближайший, а местоимения *и, ѣ, к* не содержали информации о степени удаленности предмета. Современные исследователи отмечают, что в ряде языков до сих пор существует необычайно дифференцированная по характеру употребления система указательных место-

имений. Так, у жителей Огненной Земли используется значительное число указательных местоимений, уточняющих степень удаленности предмета от субъекта в пространстве: в помещении или за его пределами, если вне его, то насколько близко или далеко, справа или слева, вверху или внизу и т.п. Подобное многообразие указательных слов большинством современных языков утрачено. Кроме того, в отдельных языках местоимения указывают не только на близость или удаленность предмета вообще, как, напр., в русском языке, но и на отношение к одному из лиц. В старославянском языке местоимение *сѣ* «этот» указывало на лицо или предмет, которые были близки говорящему, *тѣ* «тот» — собеседнику, а местоимение *и* указывало на предмет или лицо, не связанные ни с говорящим, ни с собеседником.

В процессе развития русского языка часть указательных местоимений была утрачена и сформирована более абстрактная система средств, способных передать характер локализации предмета в пространстве: с одной стороны, *этот (эта, это, эти)* — самый близкий, с другой — все остальное, кроме *этого*, т.е. — *тот (та, то, те)*. Данные местоимения в современном русском языке указывают на степень удаленности предмета от говорящего.

Местоимения *онѣ, она, оно, сѣ, си, сѣ* вышли из употребления и встречаются в настоящее время только в стилизованных контекстах. По особенностям склонения неличные местоимения образуют три группы: твердый и мягкий варианты местоименного склонения, местоимения, склоняющиеся как прилагательные (*который, самый, всякий* и др.), а также *кто, что*.

Склонение местоимения *тѣ*

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	муж. род	жен. род	ср. род	муж. род	жен. род	ср. род
И.	тѣ	та	то	ти	ты	та
Р.	того	тоѣ	того	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ
Д.	томуоу	тои	томуоу	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ
В.	тѣ, того	тоу	то	ты	ты	та
Т.	тѣмъ	тою	тѣмъ	тѣми	тѣми	тѣми
М.	томъ	тои	томъ	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ

Падеж	Двойственное число		
	муж. род	жен. род	ср. род
И.-В.	та	тѣ	тѣ
Р.-М. Д.-Т.	для всех родов тою тѣма		

По типу указательного местоимения *тѣ* склонялись и такие местоимения, как *онѣ, овѣ, кѣто, самѣ, всѣхъ* и др.

Как местоимение *и, ѡ, к* (см. склонение *и, ѡ, к*) склонялись *сѣ, мои, твои, нашѣ, чѣто, нѣкыи* и др. Вопросительно-относительные местоимения *кѣто* и *чѣто* не имели категории рода и склонялись только в единственном числе. Как и в современном русском языке, *кѣто* относилось к одушевленным предметам, *чѣто* — к неодушевленным.

В истории формирования современной системы неличных местоимений нашли отражение многие процессы, характерные как для личных местоимений, так и для русского языка в целом: отверждение конечного [м'] после падения редуцированных, изменение [e] в [e], утрата форм двойственного числа, изменение основ в связи с исчезновением слабых редуцирован-

ных, а также целый ряд изменений, связанных с аналогией и тенденцией к выравниванию форм. Вместе с тем у отдельных местоимений была особая история.

Одним из главных процессов, сформировавших современную парадигму склонения неличных местоимений, было взаимодействие твердого и мягкого вариантов, в результате которого под влиянием форм *моих, моим, моими* множественного числа возникают *самих, самим, самими*.

Уже в XIII–XIV вв. все местоимения, изменяющиеся по родам, во множественном числе утрачивают родовые различия и образуют единую парадигму склонения для всех трех родов: *мои, ваши, они, всѣ, тѣ* и др. Указательное местоимение мужского рода единственного числа *тѣ* отмечается только в самых ранних памятниках письменности. С XIII в. источники уже фиксируют форму именительного падежа дан-

ного местоимения в виде *тотъ*, возникшую в результате удвоения начальной формы *тъ*. Возможно, это было связано, как считает В. В. Иванов, с невыразительностью этой внешне весьма краткой формы, или вначале редуцированный [ъ] в эпоху падения редуцированных дал [о], что привело к совпадению форм мужского и среднего родов. Затем в результате омонимичного отталкивания форма мужского рода *то* заменяется удвоенной основой *тѣтъ*, изменившейся в эпоху падения редуцированных в *тот*. Подобное изменение характерно и для других славянских языков. Так, в украинском и белорусском языках известна форма *той* (тот), возникшая в отличие от русского языка не путем удвоения исходной формы *тъ*, а присоединением местоимения *и*.

В современном русском языке родительный падеж единственного числа указательного местоимения *тот* имеет несколько вариантов окончания, отражающих различные этапы его исторического развития. В литературном языке и в части говоров окончание представлено в виде *-ово*, *-ова*, т.е. с заменой звука [г] звуком [в]. Для некоторых говоров характерно произношение в окончании взрывного [г]. Этот же звук, вероятно, присутствовал в окончании в старославянском и древнерусском языках. Современное окончание с [-в] возникло вначале в севернорусских говорах. Ему предшествовало ослабление артикуляции взрывного звонкого согласного [г] с его последующим изменением во фрикативный звук [γ]: [тоγо]. Данная форма характерна для некоторых севернорусских и южнорусских говоров. В дальнейшем фрикативный [γ] не сохраняется и возникает форма [тоо]. Затем между двумя лабиализованными гласными развился губной согласный [в]. В памят-

никах форма [тоγо] встречается начиная с XV в., а по аналогии с ней и в окончаниях других местоимений.

Современное указательное местоимение *этот* (*эта*, *это*) было образовано путем присоединения указательной частицы *е* (из *he*, ср. белорусское *гэты* – этот) и фиксируется в памятниках с XVII в.

Указательные местоимения *сь*, *си*, *ск* в древнерусском языке имели полные формы: *сеи* (сей), *сиѣ*, *сиѣ*. Формы их косвенных падежей были в целом утрачены и сохраняются лишь в составе некоторых сложных слов и в отдельных словосочетаниях: *сейчас* (из *сеи час*), *сегодня* (из *сега дньнѣ*), *по сей день*, *сию минуту*, *в сию секунду*, *по сию пору*, *до сих пор*.

Вопросительно-относительные местоимения *къто*, *что* были образованы путем присоединения частицы *то* к местоимениям *къ* (*кѡ) и *чь* (*кѣ). В процессе развития изменения местоимений *къто* и *что* в целом были фонетического характера: отверждение конечного [м'] и утрата слабых редуцированных в творительном и местном падежах: *комь*. Изменение [е] в [о] в результате лабиализации в местном падеже: [чом] вместо [чем]. Современное литературное произношение [што] вместо исконного [что] возникло после утраты редуцированного [ь] и диссимиляции по способу образования – утрата взрывного [ч] перед взрывным [т]. Аналогичное изменение и в *къто*, однако сохраняющееся только в говорах: [хто]. Древняя форма творительного падежа *цѣмь* (*къто*) по аналогии с другими падежами изменилась в *кем*, а в результате ее влияния форма *чимь* творительного падежа (*что*) сменяется [чем]. Современная система местоимений сформировалась к XVII в.

Лит.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика

русского языка. М., 1963; Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Макаревич М. И. К истории форм личных и возвратного местоимений в южнорусских говорах XVII столетия // Слово и предложение. Тамбов, 1971; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953; Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

ИСТОРИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ. В процессе исторического развития настоящее время глагола в русском языке не претерпело серьезных изменений ни в семантике (отношение к моменту речи), ни в парадигме словоизменения, за исключением так называемых нетематических глаголов (см.), имеющих отличные от других формы спряжения. У остальных глаголов в формах настоящего времени произошли лишь фонетические изменения: утрата слабых редуцированных [ъ], [ь], отверждение конечного [т] в 3-м л. ед. и мн. ч. в литературном языке, изменение [е] в [’о] в 2-м и 3-м л. ед. ч., во 2-м л. ед. ч. утрата конечного безударного [и]. Настоящее время глагола в древнерусском языке — форма простая (синтетическая). Формы настоящего времени образовывались, как и в современном русском литературном языке, от основы настоящего времени (см.), в соответствии с которой в древнерусском языке выделяется пять классов — четыре тематических и один нетематический. К тематическим относятся такие глаголы, у которых при образовании форм настоящего времени окончание присоединяется к корню с помощью гласной — темы *-e-*, чередующейся с *-o-*, или *-и-*. К нетема-

тическим относятся такие глаголы, у которых при образовании форм настоящего времени окончание присоединяется непосредственно к корню, без темы. Личные окончания тематических и нетематических глаголов нередко различались. Начиная еще с праславянской эпохи по характеру основы настоящего времени различалось пять классов глагола: 1) глаголы с основой настоящего времени на твердый согласный; 2) глаголы с основой настоящего времени на *-н-*; 3) глаголы с основой настоящего времени на *j* (или на мягкий согласный, мягкость которого — результат воздействия [j] (см. **история сочетаний согласных звуков с *j**); 4) глаголы с основой настоящего времени на *-и-*; 5) нетематические глаголы: *быти*, *дати*, *ѣсти* («есть, принимать пищу»), *вѣдѣти* («знать»), *имѣти*.

Глаголы I класса образовывали формы настоящего времени с помощью темы [e], чередующейся с темой [o], которая в формах настоящего времени не выражена. Установление гласного [o] возможно только в результате реконструкции ранних праславянских форм: ср. *несе* — *несеть*, но *несоуть*, хотя **nesonti*, где [o] — тематический гласный. К глаголам I класса относились глаголы типа *нести*, *пекти*, *идти*. Глаголы II класса также образовывали формы настоящего времени с помощью тематического гласного [e], чередующегося с [o], но осложненным [н], т.е. *-не-(-но-)*. Во II класс входили глаголы типа *сѣхнути*, *двиноути* и т.п.

Глаголы III класса также образовывали формы настоящего времени с помощью тематического гласного [e], чередующегося с [o], которым предшествовал [j]: *је (jo)*. В III класс входили глаголы типа *знати*, *писати* и т.п. При образовании форм настоящего времени ряда глаголов данного класса происходили фонетические изменения,

ИСТОРИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

которые необходимо учитывать при выделении тематического гласного: 1) ассимиляция корневого твердого согласного т.п. влиянием *j* с его последующей утратой: [знаѣши], где звук [j] присутствует, а в формах *пишеши*, *можеши* и т.п. [j] нет, но он восстанавливается в результате реконструкции праславянских форм и соответствующих изменений: *pis-je-ši > *пишеши*, где [*sj] > [ш’].

Глаголы IV класса характеризовались тематическим гласным [и]. Данный класс образовывали глаголы типа

любити, *пилити* и т.п. К V классу относились глаголы: *дати*, *быти*, *ѣсти, *имѣти*, *вѣдѣти, имевшие при спряжении следующие формы и соответствующие окончания: 1-е л. ед. ч. — *дамь*, *есмь*, *имамь*, *ѣмь, где окончание -мь, 2-е л. ед. ч. — *даси*, *еси*, *ѣси, но *имаши* и *ѣси, где окончание -си. В формах 3-го л. ед. ч. во всех формах множественного числа окончания совпадают с окончаниями тематических глаголов. Глагол *быти* имел особые супплетивные формы (см. табл.).

Спряжение глаголов в настоящем времени

Тематические глаголы

Число	Лицо	I класс	II класс	III класс	IV класс
		идти	двинути	знати	пилити
ед. ч.	1-е	идоу	двинуоу	знаю	пилю
	2-е	идеши	двинеши	знаѣши	пилиши
	3-е	идеть	двинеть	знаѣть	пилить
мн. ч.	1-е	идемь	двинемь	знаѣмь	пилимь
	2-е	идете	двинете	знаѣте	пилите
	3-е	идоуть	двинуоть	знають	пилять
дв. ч.	1-е	идевѣ	двиневѣ	знаевѣ	пиливѣ
	2-е	идета	двинета	знаѣта	пилита
	3-е	идета	двинета	знаѣта	пилита

Нетематические глаголы

Число	Лицо	дати	быти	*ѣсти	вѣдѣти	имѣти
ед. ч.	1-е	дамь	ѣсмь	*ѣмь	вѣмь	имамь
	2-е	даси	ѣси	*ѣси	вѣси	имаши
	3-е	дасть	ѣсть	*ѣсть	вѣсть	имать
мн. ч.	1-е	дамь	ѣсмь	*ѣмь	вѣмь	имамь
	2-е	дасѣ	ѣсте	*ѣсте	вѣсте	имате
	3-е	дадаѣть	соуть	*ѣдаѣть	вѣдаѣть	имоуть
дв. ч.	1-е	давѣ	ѣсвѣ	*ѣвѣ	вѣвѣ	имавѣ
	2-е	дасѣ	ѣста	*ѣста	вѣста	имата
	3-е	дасѣ	ѣста	*ѣста	вѣста	имата

После утраты двойственного числа (см.) глагол сохранил парадигму словоизменения (спряжение в узком смысле) только в единственном и множественном числах. Эволюционные изменения [e] в [o] в формах 2–3-го л. ед. ч. и в 1-м л. мн. ч. (ср. др.-русск. [*несеши* и совр. [*нес'ош'*]; [*несеть*] и [*нес'от*]; [*несемъ*] и [*нес'ом*]) – это результат лабиализации (см.), а в формах 2-го л. мн. ч. – по аналогии с ней. В формах 3-го л. ед. и мн. ч. древнее окончание [-*ши*] сменилось в современном русском языке [-*шь*]. Установлено, что подобное новое окончание появляется в памятниках примерно с XII в. и связано с сокращением конечного безударного [и] после падения редуцированных. В формах 3-го л. ед. и мн. ч., как свидетельствуют памятники, с XIII в. в севернорусских говорах на месте прежнего окончания [*ть*] устанавливается [*тѣ*], ставшее со временем литературным. Однако в южнорусских говорах и частично севернорусских до сих пор сохраняются формы с -*ть*. Причина отвердения [т'] и появление [т] в формах 3-го л. настоящего времени как у тематических, так и у нетематических глаголов объясняется по-разному. По мнению А.А. Шахматова, изменение [т'] в [т] связано с отвердением конечного мягкого согласного после падения редуцированных, аналогично изменению конечных мягких губных в твердые губные согласные. Данная точка зрения, дающая фонетическое объяснение этому процессу, всех точек над і, однако, не ставит. Как отмечает В.В. Иванов, «если бы изменение [т'] в [т] носило фонетический характер, следовало бы ожидать, что после падения редуцированных каждое [т'] в конце слова должно было отвердеть, чего в действительности в говорах, развивших [т] в 3-м лице глаголов, не произошло» (Иванов В.В. Историческая грам-

матика. С. 322). Иная точка зрения (морфологическая) была высказана С.П. Обнорским. По мнению ученого, формы глагола с [т] возникли под влиянием форм без [т], появившихся в памятниках письменности еще в X–XI вв. К формам без [т], имевшим значение неопределенности, присоединилось указательное местоимение *тъ*, придавая им, таким образом, значение определенности субъекта действия.

В работе П.С. Кузнецова «К истории форм 3-го лица настоящего времени глагола в русском языке» («Slavia» – 1956. Roč. XXV. Seš. 2) делается попытка аргументировать изменение [т'] в [т] как фонетической, так и морфологической причинами. У глаголов нетематических особая судьба: одни формы исчезли, другие сохранились частично, третьи подверглись значительным изменениям. Начиная с XII в. и особенно активно с XIII–XIV вв., как свидетельствуют памятники, система форм настоящего времени нетематических глаголов претерпевает серьезные изменения. В 1-м лице множественного числа устанавливается [*мѣ*] вместо [*мь*] в результате отвердения конечного [м'] в связи с падением редуцированных: *дамѣ* вместо *дамь* и т.п. Формы глаголов *вѣдѣти* и *имѣти* получили тематическое спряжение: *имѣю* вместо *имамь* и т.п. Исконные формы *быти* вышли из употребления, за исключением 3-го л. ед. ч. *есть* и 3-го л. мн. ч. *соуть*. Последняя используется в современном русском языке крайне редко. Глаголы *ѣсти* и *дати* частично сохранили старые формы, а в отдельных формах изменились личные окончания. В форме 1-го л. ед. ч. произошла утрата редуцированного (вм. *ѣмь, дамь* → *ѣм, дам*) как следствие падения редуцированных в системе языка в целом. Кроме того, изменение [м'] в [м] привело к тому, что формы 1-го л.

единственного и множественного чисел совпали. В результате омонимического отталкивания под влиянием формы 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения начиная с XII–XIII вв. закрепляются формы *дадимъ, едимъ*, сохранившиеся и в современном русском литературном языке. По аналогии с этими формами исконные формы 2-го л. мн. ч. *дасте, ѣсте* вытесняются формами повелительного наклонения *дадитѣ, ѣдите*. Древние формы 2-го л. ед. ч. не сохранились. Они были заменены, по данным памятников, формами с *-ши*: *ѣши, даши* вместо *ѣси, даси*.

Происхождение современных форм *ешь, дашь* объясняется по-разному. По одной версии, данные формы возникли, как и формы 2-го л. ед. ч. тематических глаголов, т.е. в результате сокращения безударного конечного [и]. В соответствии с другой версией, современные формы – это результат влияния форм 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения *ѣжь, дажь*, в которых исчезли слабые конечные редуцированные и как следствие произошло оглушение конечного звонкого [ж] в [ш]: *ѣшь, дашь*. Форма 3-го л. ед. ч. *дасть, ѣсть* претерпела те же изменения, что и подобная форма тематических глаголов. В 3-м л. мн. ч. сохранилась прежняя форма *едять*, но с отвердением [т]; *дадѣть* заменяется формой *дадутъ*. История новой формы комментируется по-разному: как результат влияния формы *будуть*, или причастий настоящего времени *дадуча*, или данная форма была исконной и функционировала с прежней формой какое-то время одновременно.

Историю современных форм так называемых разноспрягаемых глаголов *хотеть* и *бежать* предложил Л.А. Булаховский (Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950).

Глагол *хотеть* в древнерусском языке спрягался как тематический глагол с темой *-е-* и в единственном числе имел формы, какие закрепились в современном русском языке. Формы множественного числа *хочемъ, хочете, хочуть*, сохранившиеся в настоящее время в просторечии и в диалектах, были вытеснены под влиянием форм тематических глаголов с темой *-и-* типа *пилимъ, пилите, пилять, хотим, хотите, хотят*. Существующие формы глагола *бежать* (*бегу, бегут*, но *бежишь, бежит* и т.д.) возникли в результате контаминации форм глаголов *бечь* и *бежать*.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950; Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953; Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953; Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982; Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957; Якубинский Л.П., Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915.

ИСТОРИЯ НОСОВЫХ ГЛАСНЫХ.

Носовые гласные возникли еще в общеславянский период из общеиндоевропейских дифтонгических сочетаний носовых согласных с гласными переднего и непереднего ряда типа: *en, *em, *on, *om и т.д. в закрытом слого. Их образование связано с началом действия закона открытых слогов. Все славян-

ские языки знали два носовых гласных — [Ě] и [Ǫ], обозначавшиеся в старославянской азбуке буквами ѡ (юс малый) и ѡ (юс большой). Звуковую природу этих букв восстановил А.Х. Востоков в результате сравнительного изучения старославянского и польского языков (*Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке*. С. 49–50).

Носовой гласный [e] образовался в закрытом слове, т.е. в слове перед согласным или в конце слова, из сочетания гласного переднего ряда с носовым согласным [m] или [n]. Например: в слове **взимати** — все слоги открытые. Корнем является сочетание звуков [-им-]. Сравним с праславянской формой *vzimti, где второй слог оказался закрытым. Таким образом, на месте сочетания гласного переднего ряда [и] с носовым согласным [m] и возник гласный [e] — **възѣти** — ст.-сл. **възати**, русск. *вз'ати* (взять). Или сравните примеры: *разминати* — *разминти* — **размати** (русск. разм'ати, размять), *съжимати* — **съжати** (русск. сжати, сжать).

Носовой гласный [Q] образовался из сочетания «гласный непереднего ряда + носовой согласный»: **звонъ** — *zvонкъ > *zvQкъ > **звѡкъ** — звук. Сравните также с лат. sonus — «звать», где [з] вместо [с] под влиянием **зъвати**.

В других индоевропейских языках носовым гласным соответствуют сочетания гласных звуков с носовыми согласными: общеслав. sēme — ст. слав. **сѣма**, русск. *сем'а* (семя); *pentis — греч. penta, ст. слав. **пѣть** русск. *пять*; др. прусск. gulbīs — ст. слав. **голѣвь**, русск. *голубь*; лат. pontis — ст. слав. **пѣть**, русск. *путь*.

В процессе развития языка носовые гласные почти во всех славянских языках заменились неносовыми. В болгарском языке [Q] изменилось в [ъ] **мъж** (русск. *муж*); **ръка** (русск. *рука*), в сло-

венском — в [o] (*mož, roka*), в сербском, чешском, словацком — в [u]: ср. чешск. словац. *muž, ruka*. [Q] становилось более лабиализованным и более закрытым, утрачивая при этом носовой призвук и изменяясь соответственно в [ъ], [o], [и]. [Ě] становилось более открытым, утрачивало носовой призвук и продвигалось в произношении вперед, влияя при этом на предшествующий согласный. Предполагают, что в этом случае полумягкий согласный приобрел мягкость, сохранившуюся и после изменения [a] > [’a].

Из современных славянских языков носовые гласные сохранились лишь в польском, македонском языках и кашубском говоре.

В русском языке носовые гласные к началу исторической эпохи совпали: [Q] с [y], [e] с [’a]. Однако в письменности писцы сохраняли буквы **ж** и **ѡ** по традиции, причем довольно часто ошибочно, так как заменяли исконные **ѣ, ю, ѡ, я** носовыми и наоборот.

Старославянским **сѣма, врѣма, мѣта, възати, памѣть, голѣвь, пѣть, мѣжъ, дѣти** в древнерусском соответствуют **сѣмя, врѣмя, мѣта, възяти, памѣть, голоуѣвь, поуѣть, моуѣжь, доуѣти** и т.п.

Подтверждением тому, что в древнерусском языке в доисторический период были носовые гласные, служат сохранившиеся в русском языке:

1) **чередования а // ем, ен, им, ин, м, н: пожимать** — *жму, жать; вспоминать* — *помню, память; принять* — *применик; снять* — *снимать; внимать* — *внять; время* — *времени* и др.;

2) **чередования у // ом, он, м: звон** — *звук; дуть* — *надменный*.

В современном русском языке чередование [’a] // [y] возможно лишь в том случае, если оба эти звука восходят к носовым гласным: *трус* — *трясти*;

ИСТОРИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ *OR, *OL В НАЧАЛЕ СЛОВА

груз — грязь; тугой — тянуть; звук — звякать.

Лит.: Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке // Тр. Общества любителей русской словесности. М., 1820; Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. 2. Гласные из ep, em перед носовыми в общеславянском // Slavia, VI, 1927, SES. 2-3; Иванов В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968; Колесов В. В. Праславянская фонема [Q] в ранних преобразованиях славянских вокалистических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август, 1973. М., 1973; Мареш В. Ф. Происхождение славянского Q (jQ) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Фортунатов Ф. Ф. Состав Остромирова евангелия // Сб. статей в честь В.И. Ламанско-

го. СПб., 1908; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ *OR, *OL В НАЧАЛЕ СЛОВА. История дифтонгических сочетаний *or, *ol в начале слова (корня или приставки) также тесно связана с действием закона открытого слога, но отличается от истории аналогичных сочетаний в середине слова. Характер изменений этих сочетаний индоевропейского языка-основы в славянских языках зависел от прежней интонации (восходящей или нисходящей). В положении перед согласным под восходящей интонацией данные сочетания (имевшие некогда долгий согласный, впоследствии сократившийся) во всех славянских языках изменились одинаково:

общеслав.	старослав.	древнерусск.	болг.	чешск.
*ordlo (соха, плуг)	рало	рало	рало	rádlo
*olень	лани	лань	лань	laně

Если же эти сочетания находились под нисходящим ударением, то у восточных и западных славян по закону от-

крытого слога произошла перестановка гласного, а у южных — перестановка и удлинение гласного, напр.:

общеслав.	ст.-слав.	др.-русск.	польск.
*orstъ	растъ	ростъ	wzrost
*orbota	работа	робота	robota
*olkomъ	лакомъ	лакомый	lakomy
*orz	раз	роз	roz

Если же далее следовал гласный звук, то эти сочетания сохранялись: *олень* (ср. *лань*). В былинах часто употребляется древнерусское слово *орати*, что значит «пахать» или *оратай* «пахарь», но рядом встречаем из *ortai — *ратай*.

Таким образом, начальные сочетания *ro-*, *lo-* свидетельствуют о русском, а сочетания *ra-*, *la-* — о старославянском происхождении слов. Кроме того, в современном русском языке в целом ряде случаев параллельно употребляются русские и старославянские слова: *ровный* — *равный*, *рост* — *расти*,

ладья — *лодка*. В подобных сочетаниях [o] в большинстве случаев сохраняется под ударением, [a], как принято считать, — результат влияния аканья.

Особенно последовательно это наблюдается в приставках *роз-*, *раз-*: *розвальни* — *развалиться*, *розыск* — *разыскать*, *розыгрыш* — *разыграть*, *ропись* — *расписать*.

Лит.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

ИСТОРИЯ ПЕРЕХОДА [Е] В [’О].

Изменение [е] в [’о], или лабиализация, относится к одному из характерных явлений русского языка в области гласных. В частности, примерно с XI в. в памятниках отмечается процесс изменения [е] в [’о] (на месте [е] исконного и [е] из [ь] в сильной позиции) после мягкого согласного перед твердым. Причем в литературном языке обязательным условием такого изменения было положение [е] под ударением, в части же говоров изменение шло во всех позициях, а в отдельных областях данное явление памятники не отражают. Итак, процесс изменения [е] в [’о] после мягкого перед твердым принято называть третьей лабиализацией. Первые две проходили в доисторический период.

Как считает большинство исследователей, сначала переход [е] в [’о] наблюдался только после исконно мягких согласных (шипящих, свистящего [ц] и [j]): *желтый, черный*, что находит отражение во всех восточнославянских языках. А с XII в. в русском и белорусском языках переход Е в О наблюдается и после согласных вторичного смягчения, причем обязательно под ударением: *несу́ – несѣь* [н’ос], *сестра – сестры* [с’остры].

Однако в говорах русского языка процесс изменения [е] в [’о] имеет свои особенности. В частности, если в некоторых окающих говорах изменение [е] в [’о] наблюдается и в безударном положении (еканье), то в отдельных акающих говорах Рязанской, Пензенской и др. областей такое изменение не встречается.

В украинском языке лабиализация наблюдается только после исконно смягченных согласных и j. В польском – только на месте [е] исконного перед твердым переднеязычным.

Таким образом, в современном русском литературном языке [е] перехо-

дит в [’о] после мягкого согласного перед твердым согласным и обязательно под ударением. Если нет всех трех условий, то нет и перехода [е] в [’о]: ср. *весна́ – весны́*, (но *весны*), *ведра́ – ведра́*, (но *ведра*) *веду́ – вел*, *мету́ – мел* и т.п.

В современном русском литературном языке есть кажущиеся отступления от этого правила, но все они объясняются исторически:

1. Нет перехода в словах, заимствованных из старославянского языка: *крест, перст, надеж, жертва, небо, пещера, дерзкий, щедрый, ветхий, склеп* и т.п.

Однако если от этих корней образовывались новые слова на русской почве, то наблюдается переход [е] в [’о]: *крест – перекресток, перст – наперсток, надеж – надеж, небо – небо, вселенная – вселенная, истекший – истекший*.

2. Отсутствует переход [е] в [’о] в иноязычных словах позднего происхождения: *газета, планета, метр, монета, анкета, тема, момент, проблема, пресса, сквер, сюжет, рельеф, куплет, браслет* и т.д.

3. Не было перехода и в тех словах, где в древнерусском языке употреблялся звук **ѣ**, потому что в тот период, когда шел процесс перехода [е] в [’о], гласный звук [ѣ] был самостоятельной фонемой, отличной от [е]: *место, лето, хлеб, лес, белый, дед, снег, сено, клетка*.

4. Не переходит [е] в [’о] и перед свистящим согласным [ц], который в период действия фонетического закона оставался еще мягким и отвердел лишь к концу XV в.: *отец, купец, огурец, молодец*.

5. В некоторых случаях наблюдается двойкий ряд примеров:

а) не всегда выдерживается переход [е] в [’о] перед шипящими [ж] и [ш]. В большинстве слов он есть: *несешь, ведешь, еж, лежа, лепешка*, но *смежный*,

головешка, где шипящие, вероятно, от-
вердели позже;

б) нет перехода в большом количе-
стве слов, где согласные после падения
редуцированных еще долго оставались
мягкими: *деревен’ский, жен’ский, по-
лез’ный, плачев’ный, любез’ный, лест’ный,
чест’ный, хвалеб’ный, душев’ный*.

В современном русском литератур-
ном языке они произносятся твердо,
но в некоторых северных говорах и
сейчас звучат мягко. Однако в другой
аналогичной группе слов произошел
переход [е] в [’о]: *темный, подъемный,
затаенный*;

в) в старых сочетаниях [ьр] отмеча-
ется изменение [е] в [’о], если после
плавного [р] следует твердый средне-
язычный: *черный, твердый, мертвый,
мерзнуть*; в остальных случаях сохра-
няется [е], что объясняется поздним
отвердением плавного: *четверг, пер-
вый, смерть, верх, верхом, верба* и др.

Фонетический закон перехода [е] в
[’о] перестал действовать в XV в. В со-
временном русском литературном
языке сохраняются лишь следы его.
Уже в древнерусском языке он из фо-
нетических законов переходил в раз-
ряд явлений морфологических, о чем
свидетельствуют формы слов, в кото-
рых [е] произносится как [’о] и перед
мягкими согласными. Так, закон ана-
логии проявляется:

а) при склонении имен существи-
тельных: *береза — на березе, прием — на
приеме*.

В данных примерах форма пред-
ложного падежа выравнивается по
аналогии с другими падежами;

б) под влиянием твердого варианта
в творительном падеже появились
формы: *свечой, землей, душой*;

в) при спряжении глаголов во вто-
ром лице множественного числа про-
изошло выравнивание формы: *не-
сешь — несет — несем — несете*;

г) аналогия проявляется и при сло-
вообразовании: *тетка — тетья, гор-
шок — горшочек*.

Переход [е] в [’о] в современном рус-
ском литературном языке выступает и
как показатель грамматической формы:

а) множественного числа: *весна —
весны, сестра — сестры, весло — весла,
село — села*;

б) прошедшего времени глаголов:
несу — нес, веду — вел, плести — плел.

В связи с этим наблюдается по ана-
логии переход [Е] в [’О] и в словах, где
был древний **ѣ**: звѣзда — звезда — звез-
ды, гнѣздо — гнездо — гнезда, цвѣту —
цвету — цвет.

В памятниках древнерусского язы-
ка этот «новый» гласный звук [о], воз-
никший в результате 3-й лабиализа-
ции, передавался обычно буквой О: *за
моромь, по щоке, нобо*.

С конца XVII в. делается попытка
передавать его сочетанием [ио] — *Пи-
отръ* (Петр).

В конце XVIII в. Н.М. Карамзин
вводит в алфавит новую букву — Ё, ко-
торая употребляется и сейчас в началь-
ной школе и в литературе для иност-
ранцев, а иногда — для разграничения
омонимичных форм.

Изменение [е] в [’о] возникало и на
конце слов, где оно было вызвано ана-
логией с твердым вариантом: *оно —
мое, село — белье, плечо*. Син. **третья ла-
биализация**.

Лит.: Аванесов Р.И. Очерки диа-
лектологии рязанской мешеры. I. описа-
ние одного говора по течению реки Пры.
// Материалы и исследования по русской
диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949; Бор-
ковский В.И., Кузнецов П.С. Исто-
рическая грамматика русского языка. М.,
1965; Иванов В.В. Историческая грам-
матика русского языка. М., 1990; Собин-
никова В.И. Историческая грамматика
русского языка. Воронеж, 1984; Фи-
лин Ф.П. Образование языка восточ-
ных славян. М.; Л., 1962.

ИСТОРИЯ ПОЛНОГЛАСНЫХ СОЧЕТАНИЙ. Унаследованные общеславянским языком индоевропейские дифтонгические сочетания, в том числе *or, *ol, противоречили закону восходящей звучности, что обусловило их изменения, отразившиеся в славянских языках южной, западной и восточной групп по-разному. Если данные сочетания оказывались в положении перед гласными, они не изменялись, последовательность звуков и их качество сохранялись, менялось лишь слоговое деление: плавный согласный отходил к последующему слогу, оставляя предыдущий открытым: *prostor, *orati (ср. старослав. и древнерус. *просто-ръ*).

Подобные сочетания гласных с плавными в середине слова принято условно обозначать: *tort, *tolt, *tert, *telt, где [t] — любой согласный. Рассмотрим процесс их изменения в каждой группе славянских языков.

1. В южнославянской группе произошла перестановка гласного и его удлинение, так как плавные потеряли дополнительную слоговость, а гласные приобрели долготу. Таким образом, слог открывался путем перестановки и удлинения гласного: *or > **ра**; *er > **рѣ** ($\bar{o} > \mathbf{a}$; $\bar{e} > \mathbf{\bar{e}}$).

2. В западнославянской группе слог открывался перестановкой гласного: *or > ro; *er > re.

3. В восточнославянских языках в данных сочетаниях, имевших восходящую и нисходящую интонации, долгие [r], [l], находясь в конце слога, делали его закрытым. Однако действие закона открытого слога приводит к развитию слоговости у плавного, с последующим появлением дополнительного гласного переднего или непреднего ряда ([r̥] или [r̥]) в зависимости от качества гласного перед плавным, изменявшегося впоследствии в звук, тождественный по качеству: [u] в [o], [u] в [e]: *or

> ор̥ > oro; *er > ер̥ > ere; *ol > оль > оло; *el > ел > ол, так как [e] перед твердым [l] изменялся в [o].

Итак, возникшие в восточнославянских языках сочетания -оро-, -оло-, -ере-, -еле- на месте *or, *ol, *er, *el в положении между согласными в закрытом слоге принято называть полногласными.

В общеславянском языке первоначально были открытые и закрытые слоги: *bor-da, *ber-гъ, *gol-va. Но с началом действия закона открытых слогов стали возможны лишь: *bo-rda, *go-lva, *be-rgъ.

Однако при этом нарушался закон расположения согласных по восходящей звучности (rd, lv, rg). В подобных сочетаниях двух согласных сонорные R и L становились слоговыми звуками: *bo-r̥-da, *go-l̥-va, *be-r̥-gu. В количественном отношении плавные сонанты [r] и [l] были долгими. Утрачивая долготу, они и выделяли дополнительные редуцированные гласные [r̥] или [l̥], качество которых зависело от предшествующего гласного. Таким образом, устранение слогаобразующих плавных [r], [l] в языке восточных славян шло через стадию: *bo-гъ-da → бо-ро-да, *go-л̥-ва → го-ло-ва, *be-гъ-гъ → бе-ре-гъ.

Данные памятников свидетельствуют, что процесс возникновения полногласных сочетаний относится к VIII — первой половине IX в. Установлено также, что ударение в подобных сочетаниях не было одинаковым и зависело от интонации: при нисходящей — ударение на первом слоге, при восходящей — на втором. Например, *стопрож, берег — порог, тереть*.

Заметим также, что в восточнославянских языках перед [л], который становился твердым, [e] соответственно изменялся в [o] (см. **история перехода [e] в [o]**). Процесс изменения дифтонгических сочетаний условно может быть представлен в следующей таблице:

ИСТОРИЯ ПОЛНОГЛАСНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Общеславянские сочетания	РЕФЛЕКСИИ		
	в юж.-слав. языках	в зап.-слав. языках	в вост.-слав. языках
1.*t o r t *g o r d u	t rǫ t → t p a t' в ст.-слав. грѡдъ → градъ	t r o t в польск. gròd	t o r u t → t o r o t в др.-руссск. горъдъ → городъ
2.*t e r t *b e r z a	t rĕ t → t rĕ t в ст.-слав. брѣза → брѣза	t r e t в словен. vrez a	t e r ь t → t e r e t в др.-руссск. беръза → береза
3.*t o l t *g o l s ь	t lǫ t → t l a t в ст.-слав. глѡсъ → гласъ	t l o t в польск. głos	t o l ь t → t o l o t в др.-руссск. голъсъ → голосъ
4.*t e l t *m e l k o	t lĕ t → t lĕ t в ст.-слав. млѣко → млѣко	t l e t в чешск. mleko	t e l ь t → t e l e t в др.-руссск. молъко → молоко

Вторичность южнославянских, западнославянских и восточнославянских сочетаний по отношению к общеславянскому языку-основе подтверждается сопоставлениями с данными других европейских языков, где им соответствуют сочетания -or, -ol, -al, -ag и др. Например: нем. *Berg* «гора», ст.-слав. *брѣгъ*, чешск. *brĕh*, польск. *brzeg*, др.-руссск. *берегъ*; лат. *barda*, нем. *bart*, чешск. *brada*, польск. *broda*, др. русск. *борода*; лит. *krave*, польск. *krowa*, чешск. *krava*, ст.-слав. *крава*, др.-руссск. *корова*, нем. *Milch*, польск. *mleko*, чешск. *mleko*, ст.-слав. *млѣко*, др.-руссск. *молоко*; готск. *gards* «двор», др. верх. нем. *gart* «круг», нем. *garten* «сад», литов. *gardas*, чешск. *hrad* «замок», польск. *grad*, ст.-сл. *градъ*, др.-руссск. *городъ*, лат. *calva* «череп», лит. *galva*, латыш. *galva*, чешск. *hlava*, польск. *glova*, ст.-слав. *глава*, др.-руссск. *голова*.

Если сопоставить слова древнерусского и современного русского языка с другими индоевропейскими языками, то следует отметить, что в русском языке всегда на один слог будет больше именно за счет развития дополнительного гласного после плавного согласного. Неполногласными сочетаниями,

свойственными старославянскому языку, считаются только такие сочетания, которым в русском языке соответствуют полногласные, а в других индоевропейских языках им соответствуют сочетания сначала гласный, а потом плавный согласный: ст.-слав. *блато*, др.-руссск. *болото*, литов. *baltas*; ст.-сл. *бранъ*, др.-руссск. *воронъ*, литов. *vargas* «несчастье, беда», *varnas*, ст.-слав. *врагъ*, др.-руссск. *ворогъ*; ст.-слав. *злато*, др.-руссск. *золото*, нем. *Gold.*, англ. *gold*.

Сочетания *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* могут быть и исконными, этимологически общеславянскими, и тогда в русском и других индоевропейских языках им соответствуют сочетания, в которых аналогичный порядок следования звуков: согласный, а за ним гласный. Например, ст.-слав. *братъ*, русск. *брат*, польск. *brat*, лат. *frater*; ст.-слав. *плакати*, русск. *плакать*, лат. *plango*, *planxi*; ст.-слав. *слѣпъ*, русск. *слепой*, литов. *slepti*; ст.-слав. *слабъ*, русск. *слабый*, литов. *slabti*.

Исконными эти сочетания являются и в словах *грех*, *трава*, *стрела*, *след*, *град* (атмосферные осадки) и др.

Точно так же полногласными сочетаниями являются только такие, кото-

рым в старославянском языке соответствуют неполногласные: *мороз — мразъ, холод — хладъ, волость — власть, короткий — краткий, середина — срѣда, белена — блѣна, ворота — врата* (ср. *вратарь*) и т.п.

При этом необходимо учитывать, что полногласные сочетания должны находиться внутри одной морфемы (в корне или приставке): *молод — младъ, порох — прахъ, сторож — стражь, через — чрѣзъ, перед — прѣдъ*.

В таких словах, как *половина, воровать, около, зелен, хоровод*, нет полногласия. Это лишь случайные сочетания, которые возникли на стыке морфем: корня и суффикса — *пол-овина, зел-ен*; корня и окончания — *о-кол-о*; двух корней с соединительной гласной — *хор-о-вод*.

Итак, чтобы отличить этимологические общеславянские сочетания в середине слова от старославянских фонетических, случайно совпавших, необходимо подобрать к ним, если возможно, близкие по значению слова. Если сочетаниям *ра, ла* будут соответствовать *ро, ло*, значит первые — старославянские фонетические, вторые — соответственно русские сочетания. Если при подборе родственных слов сочетания сохраняются без изменений, значит они — общеславянские этимологические. С конца X в., со времени принятия Русью христианства, начинается сосуществование русских слов с полногласием и старославянских с неполногласием. До сих пор в современном русском языке параллельно могут употребляться слова русские с полногласными сочетаниями и старославянские с неполногласными, но тогда они различаются:

а) **или по значению:** *порох — прах, горожанин — гражданин, сторона — страна, норы — нрав, хоромы — храм, солод — сладкий;*

б) **или стилистически:** *берег — брег, сторож — страж, холод — хлад, голова — глава, мороз — мраз* и др.

Старославянские неполногласные формы чаще употребляются в поэзии. Если русские и старославянские слова обозначали одни и те же понятия, то в современном русском языке закрепилось одно слово (или русское, или старославянское):

сохранились:	не сохранились:
1. русск. селезень	— слѣзень
русск. ворон	— вранъ
русск. белена	— блѣна
русск. беречь	— брешти
русск. молоко	— млѣко
2. ст. слав. врѣдъ (вред)	— веред
ст. слав. шлѣмъ (шлем)	— шелом
ст. слав. пленъ (плен)	— полон
ст. слав. врагъ (враг)	— ворог

Если в современном русском языке закрепилось старославянское слово, то русское полногласие не всегда полностью выходит из употребления, так как нередко оно сохраняется в корневых морфемах других слов, что обнаруживается при словообразовании, напр.: *вред — привередливый, шлем — ошеломить, плен — заполнить, враг — ворожить* и т.д.

Иногда в художественной литературе древнерусские формы могут употребляться в качестве особого стилистического средства: «Полонянки» — рассказ Б. Полевого, или «Налетели злые вороги» — в фольклоре и т.п.

Лит.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Порохова О. Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л., 1988; Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962; Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

ИСТО́РИЯ ПРИЧА́СТИЯ. Причастие в древнерусском языке, как и в современном русском, — одна из форм глагола, обладающая определенными лексико-грамматическими признаками. В процессе исторического развития одни признаки были утрачены, другие легли в основу современной парадигмы причастия. Итак, в древнерусском языке существовало два типа причастий: несклоняемые и склоняемые. И те и другие образовывались от соответствующих глагольных основ: основы настоящего времени и основы прошедшего времени.

К несклоняемым относились причастия, образованные от основ прошедшего времени с суффиксом *-л* и входившие в состав сложных глагольных форм: перфекта, плюсквамперфекта, будущего сложного второго и условного наклонения (см.): *зналь (-а, -о), жилъ (-а, -о)*. Они не изменялись по падежам, но изменялись по родам и числам. Несклоняемые причастия имели краткую и полную форму, образующуюся аналогично полным формам прилагательных (см.). Судьба этих форм в истории языка различна. Если краткие несклоняемые причастия прошедшего времени на *-л-*, входившие в состав перфекта (см.), сыграли главную роль в становлении современной формы прошедшего времени и его грамматических признаков, то полные потеряли связь с глагольной основой, употребляясь только в функции определений, и перешли в разряд прилагательных: *горел, устал* и *горелый, усталый*. Если краткие формы сохранили и глагольные, и именные признаки, то полные — только именные.

Склоняемые причастия, как и в современном русском, были представлены причастиями действительного и страдательного залога настоящего и прошедшего времени. Однако если в со-

временном русском языке только страдательные причастия имеют краткую и полную формы, а действительные имеют лишь полную, то в древнерусском языке причастия и действительного, и страдательного залогов образовывали краткую и полную формы. Кроме того, наличие одинакового количества форм у причастий страдательного залога не означает их полной идентичности, здесь имеется в виду то, что в современном русском языке краткие формы по отношению к полным вторичны по образованию, в древнерусском языке — наоборот. Если в современном русском языке склоняются только полные формы причастий, в древнерусском — и полная, и краткая формы.

Краткие формы причастия действительного залога настоящего времени образовывались от основы настоящего времени глагола, где был тематический гласный второй ступени чередования ([e] // [o] — см. **история настоящего времени**), путем присоединения суффикса **-nt*. Основа причастия была осложнена суффиксом именной основы *j*, за исключением формы именительного падежа единственного числа мужского и среднего рода. Суффиксальный **t* под влиянием суффикса *-j* изменился в древнерусском языке в [ч], в старославянском соответственно — [шт]. Древнерусские причастия с суффиксами *-уч-*, *-юч-*, *-ач-*, *-яч-* были представлены в косвенных падежах всех родов и чисел. В именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода суффиксы отсутствовали, так как были утрачены в силу действия закона открытого слога. Кроме того, в ожидаемых формах на *-а* после твердых согласных типа *неса, веда* по аналогии с формами типа *хвалъ* (ъ > ä > 'а) с мягким (исконно полумягким) согласным качество исконно твердых согласных меняется и закрепляются формы типа

неся, веда и т.п. Наряду с русскими действительными причастиями в древнерусском языке достаточно активно использовались старославянские с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-* ([у] на месте Q – [о] носового, а [а] – E_{ξ} – [е] носового): ст. слав. **несѣшѣ** – русск. *несуча*.

Старославянские действительные причастия настоящего времени, отмечают И.Б. Кузьмина и Е.В. Немченко,

«занимают в языке памятников древнерусской письменности господствующее положение» (Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. С. 285). Краткие причастия склонялись как имена существительные (отсюда – именные формы причастий) с древними суффиксами основы на *jā, *jǫ.

Склонение кратких действительных причастий настоящего времени (*нести, хвалити*)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
ед. ч.	И.	неса, хваля	неса, хваля	несучи, хвалячи
	Р.	несуча, хваляча	несуча, хваляча	несучѣ, хвалячѣ
	Д.	несучу, хвалячу	несучу, хвалячу	несучи, хвалячи
	В.	несучь, хвалячь	несучь, хвалячь	несучу, хвалячу
	Т.	несучьмь, хвалячьмь	несучьмь, хвалячьмь	несучею, хвалячею
	М.	несучи, хвалячи	несучи, хвалячи	несучи, хвалячи
мн. ч.	И.	несуче, хваляче	несуча, хваляча	несучѣ, хвалячѣ
	Р.	несучь, хвалячь	несучь, хвалячь	несучь, хвалячь
	Д.	несучемь, хвалячемь	несучемь, хвалячемь	несучамь, хвалячамь
	В.	несучѣ, хвалячѣ	несуча, хваляча	несучѣ, хвалячѣ
	Т.	несучи, хвалячи	несучи, хвалячи	несучами, хвалячами
	М.	несучихь, хвалячихь	несучихь, хвалячихь	несучахь, хвалячахь
дв. ч.	И.-В.	несуча, хваляча	несучи, хвалячи	несучи, хвалячи
	Р.-М.	несучу, хвалячу	несучу, хвалячу	несучу, хвалячу
	Д.-Т.	несучема, хвалячема	несучема, хвалячема	несучама, хвалячама

Действительные причастия прошедшего времени. Действительные причастия прошедшего времени образовывались в древнерусском языке от основы прошедшего времени с помощью суффиксов **-us-* или **-vus-*. Если основа оканчивалась на гласный, присоединялся суффикс *-us-*, на согласный – **-vus-*. При этом, как и в формах настоящего времени, во всех формах падежей, кроме именительного падежа единственного числа мужского и среднего родов, основа причастия была осложнена суффиксом именной основы

– *j*. При образовании на славянской почве происходили следующие фонетические изменения: *u* изменялся в редуцированный гласный, тождественный по качеству [ъ] в обоих суффиксах. Согласный суффикса *S* под влиянием *j* изменялся в [ш]. Таким образом в древнерусском языке возникли суффиксы *-ъш-* и *-въш-* и соответственно формы причастий: *нести* – *нес* – *несъш*; *хвалити* – *хвали* – *хваливъш*. В именительном падеже мужского и среднего родов в силу действия закона открытого слога согласный *ш* отпадал: *несъ, хваливъ*.

Склонялись причастия действительного залога прошедшего времени, как существительные мужского, женского и среднего родов с древними суффиксами основы на *jo*, *ja*. Причастия действительного залога настоящего и прошедшего времен образовывались по-разному, но имели общие морфолого-синтаксические признаки: изменялись по родам, числам и падежам и выполняли в предложении функцию определения или именной части сказуемого. Выполняя функцию определения, причастие согласовывалось с определяемым словом (существительным) в роде, числе и падеже: *и сѣдоумавѣше новѣгородѣци показаша поутѣ князю Роману* (1-я Новгородская летопись). В данном примере краткое действительное причастие прошедшего времени *сѣдоумавѣше* имеет ту же форму рода, числа и падежа, что и определяемое существительное *новѣгородѣци*: именительный падеж, множественное число, мужской род. Иначе выглядят подобные словосочетания в формах родительного падежа единственного числа: *сѣдоумавѣша новѣгородѣца*. Или в сочетании с действительным причастием: *идоуча мужа, но идеучѣ жены* – родительный падеж, единственное число.

Однако со временем краткие формы причастий действительного залога настоящего и прошедшего времен утрачивают функцию определения и начинают использоваться только в роли именной части составного сказуемого, утрачивая постепенно формы косвенных падежей, согласование в первую очередь нарушается в падеже, а затем в роде и числе. Краткие причастия сохраняют, таким образом, лишь форму именительного падежа, основную форму согласования с подлежащим. Таким образом, в русском языке сохранилась форма прежних кратких причастий настоящего времени мужского и

среднего родов единственного числа на *-я* [’а], прошедшего времени на [ъ], [въ], а после падения редуцированных – чистая основа или форма на *-в*. В современном русском языке сохраняются лишь формы на *-в*. В процессе развития краткие причастия утрачивают и способность согласовываться с подлежащим. Ранние случаи нарушения согласования причастий с существительными отражаются в памятниках XII в.: *по Великом рѣкѣ ледѣ идеучи христианамъ силно много хоромъ подрало* (1-я Псковская летопись) – *ледѣ* – мужской род, а *идеучи* – женский. Перестав изменяться по родам, числам и падежам, краткие причастия образовали новую форму глагола – деепричастие, форму в современном русском языке, как известно, неизменяемую, выполняющую в предложении функцию второстепенного сказуемого. В качестве деепричастия в современном русском литературном языке сохранилась только одна форма в именительном падеже единственном числе всех трех родов, остальные вышли из употребления. В просторечии и в диалектах отдельные формы кратких причастий еще встречаются: *живучи, идучи* (жен. род, ед. число). Известные в литературном языке формы *будучи, крадучись, умеючи* возникли под влиянием форм женского рода. Аналогично и деепричастия типа *заработавши, одумавшись* и т.п.

Связь современных деепричастий несовершенного вида с бывшими краткими причастиями действительного залога настоящего времени и деепричастий совершенного вида с действительными причастиями прошедшего времени проявляется в том, что основное действие, выраженное глаголом-сказуемым, и добавочное действие, выраженное деепричастием, относятся к одному субъекту – подлежащему, с

которым раньше согласовывались краткие причастия. Переход кратких причастий в деепричастия обусловлен изменением их синтаксической функции и завершился в русском языке к XIV в.

Полные формы действительных причастий настоящего и прошедшего времен образовывались от кратких (именных) путем присоединения указательных местоимений соответствующего рода, числа и падежа: *и* (мужской род), *ю* (женский), *к* (средний). При склонении изменялись обе части, аналогично формам полных прилагательных. Полные формы действительных причастий в предложении выполняли преимущественно функцию определения. Склонялись полные причастия, как прилагательные мягкого варианта. В настоящем времени эти формы выглядели следующим образом: мужской род: *неса + и*, *несоучи + ѡ* (женский), *неса + к* (средний). Со временем под влиянием полных прилагательных установились формы: *несоучи* (мужской род), *несучаѡ* (женский), *несоучек* (средний). Действительные причастия прошедшего времени также образовывали полные формы с помощью указательных местоимений: *несѣи*, *несѣшее*, *несѣшиа* — мужского, среднего, женского родов. Данные формы причастий сохранились в современном русском языке преимущественно в функции определений. В результате фонетических преобразований и выравнивания форм сложились полные формы причастий действительного залога, известные и в современном русском языке. Эти причастия сохраняют прежние грамматические признаки. Однако в процессе развития древние формы действительных причастий настоящего времени с суффиксами *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*) типа *жгучий*, *колючий*, *горячий* утратили глагольные

признаки и перешли в прилагательные. В их роли русский язык стал использовать старославянские причастия типа *жгуций*, *колюций*, *горяций* и т.п. (*-жшт-* — *-ущ-*, *-лшт-* — *-ющ-*). В настоящее время в русском языке используются и те, и другие формы: *текучий* — *текущий*, *горячий* — *горящий*.

Страдательные причастия. Причастия страдательного залога в древнерусском языке имели те же формы, что и в современном русском языке, и прошли тот же путь развития, что и действительные причастия.

Краткие страдательные причастия настоящего времени образовывались с помощью суффикса *-м-*, присоединяемого к тематическому гласному [о] основы настоящего времени после твердого, [е] — после мягкого согласного, или [и] (в IV классе глаголов): *несомь*, *читаемь*, *любимь*. Краткие страдательные причастия изменялись по родам, числам и падежам, склоняясь по образцу существительных с древними основами на [*ǫ] и [*ā], и употреблялись в функции определения именной части сказуемого. Полная форма страдательных причастий образовывалась с помощью указательных местоимений *и*, *ѡ*, *к*, присоединяемых к соответствующей краткой форме. При склонении изменялись обе части. Полные страдательные причастия настоящего времени выполняли функцию определения и склонялись, как полные прилагательные твердого варианта: *читаемый*, *читаемого* и т.п.

Страдательные причастия настоящего времени в современном русском языке сохранили обе формы, однако краткие формы непродуктивны: *посылаема*, *видима* и т.п. Полные формы, хотя и сохранились, тем не менее как причастия они образуются не от всех глаголов. Так, если от приставочных глаголов на *-ать*, частично на *-ить* и

бесприставочных на *-овать* страдательные причастия настоящего времени достаточно продуктивны (*предлагаемый, организуемый, вводимый*), то от глаголов др. продуктивных классов подобные формы образуются гораздо реже. Установлено, что причастия страдательного залога настоящего времени склонны к потере глагольных признаков и переходу в разряд прилагательных. Кроме того, данные памятников свидетельствуют, что такие причастия уже были крайне редки в древнерусском языке.

Краткие страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы прошедшего времени при помощи суффиксов *-н-*, *-т-* и соответствующих родовых окончаний. Если основа оканчивалась на гласный (кроме *а*, *я* не из *е* носового, глаголов IV класса), то присоединялся суффикс *-т-*: *бити* – *битъ*; *обоути* – *обоутъ* и т.п. Если основа заканчивалась согласным, то присоединялся суффикс *-н-*, и в этом случае суффикс *-н-* присоединялся при помощи темы [е]. Конечный гласный [и] основы сокращался и давал *ĭ*, который, в свою очередь, влиял на качество предшествующего согласного основы: *носити* – *носи + е + н + ъ*, где *и > j*, затем *с + j > ш → ношень*. Краткие причастия страдательного залога прошедшего времени изменялись по родам, числам и падежам, как имена существительные с древними основами на **ǫ* и **ā*. В предложении могли быть определением именной частью сказуемого, в современном русском языке сохраняют только функцию сказуемого. Страдательные причастия прошедшего времени имели и краткую, и полную формы. Полная форма образовывалась от краткой путем присоединения указательных местоимений *и*, *ѣ*, *к* и родовых окончаний. Полные причастия склонялись и выполняли в предло-

жении функцию определения или именной части сказуемого. В современном русском литературном языке в функции сказуемого допустимы лишь причастия, перешедшие в прилагательные. В современном русском языке в отличие от древнерусского языка при образовании страдательных причастий прошедшего времени используется суффикс *-нн-*, а не *-н-*. Появление подобного суффикса, точнее, второго *н*, – это результат омонимического оттачивания от отглагольных прилагательных. Примерно с XVII в., когда начался процесс перехода полных причастий в функции определения в имена прилагательные, они совпали с прилагательными типа *указьная, отсрочьная* и т.д. Для разграничения подобных форм использовали новый суффикс *-ьн-*: *измученьный*, где *-ь-* после падения редуцированных исчезает, так возникает суффикс *-нн-*.

В процессе развития русского языка в системе глагольных форм из всех склоняемых причастий наиболее продуктивными оказались краткие страдательные причастия прошедшего времени, используемые и в литературном языке, и в диалектах. Причастия действительного залога настоящего времени, заимствованные из старославянского языка, в древнерусском языке преобладали в книжных стилях речи, что сохраняется и сейчас. По праву особое место в истории русского языка принадлежит кратким причастиям действительного залога, благодаря которым система форм русского глагола пополнилась новой неизменяемой формой – деепричастием.

Лит.: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982. См. также «Древнерусский язык», «История настоящего времени», «История прошедшего вре-

мени», «История будущего времени», «История инфинитива».

ИСТО́РИЯ ПРОШЕ́ДШЕГО ВРЕ́МЕНИ. Прошедшее время в древнерусском языке было представлено рядом грамматических парадигм.

Аорист — видо-временная форма глагола в индоевропейских языках (греческом, старославянском, древнерусском, современных южнославянских), обозначающая недлительное действие, полностью отнесенное к прошлому, без указания на его развитие и мыслившееся как однократное и целиком законченное, т.е. данная глагольная форма одновременно выражала прошедшее время и совершенный (или ограниченный) вид. Аористом может называться и сама эта комбинация значений прошедшего времени и совершенного вида, особенно если она выражается единым, нечленимым в формальном отношении показателем.

Наиболее известны примеры аориста в древних индоевропейских языках: древнегреческом (из грамматической традиции которого данный термин и заимствован), древнеиндийском, старославянском; в современной типологической литературе термин «аорист» употребляется преимущественно в «индоевропейском» значении. Вместе с тем для ряда частных описательных традиций характерно др. понимание этого термина. Например, в тюркологии аористом принято называть глагольную форму, выражающую настоящее общее (типа английского *present indefinite*), в отличие от настоящего актуального, т.е. описывающую свойство, привычки, регулярно повторяющиеся ситуации и т.п. В большинстве типологических работ такое употребление, однако, не принято.

Будучи специфической комбинацией видо-временных значений, аорист выделяется в тех глагольных сис-

темах, где он противопоставлен, с одной стороны, формам прошедшего времени длительного вида (т.е. формам *имперфекта*) и, с другой стороны, результативным формам типа *перфекта* (так, в частности, обстоит дело и во всех перечисленных выше индоевропейских языках). Таким образом, аорист обозначает ситуацию, относящуюся к прошлому, ограниченную во времени (или завершившуюся) и при этом никак не связанную с планом настоящего. Из современных языков индоевропейской семьи глагольные формы с подобным значением засвидетельствованы в южнославянской подгруппе (прежде всего, в болгарском), в романской группе (но утрачены в разговорном французском), во многих иранских и индоарийских языках, в ирландском, армянском. Встречаются они и за пределами индоевропейской семьи, напр., во многих тюркских языках (где, однако, обычно называются иначе), в дагестанских языках и др.

От канонического аориста несколько дальше отстоят глагольные формы, которые, помимо собственно аористического, выражают и другие значения, т.е. противопоставлены меньшему набору видо-временных форм в глагольной системе. Так, в системах типа финской или (литературной) немецкой формам перфекта противопоставляются формы неперфектного прошедшего («претерита»), не различающие ограниченные и неограниченные ситуации в прошлом; с другой стороны, в системах типа латинской или русской формам длительного (или неограниченного) прошедшего противопоставляются формы ограниченного (или завершеного) прошедшего, не различающие результативные и нерезультативные ситуации. Таким образом, об аористе в строгом смысле нельзя говорить, если

в глагольной системе отсутствует либо перфект, либо имперфект.

Своеобразна ситуация в английском языке, где, с одной стороны, имеются формы перфекта и прошедшего длительного (*past continuous*), но, с другой стороны, противопоставленные им формы прошедшего времени (*simple past*) могут описывать не только ограниченные, но и постоянно повторяющиеся ситуации (что считается более характерным для форм имперфекта, а не аориста). Таким образом, почти в каждой глагольной системе имеются свои особенности, и в точности совпадающие по значению формы аориста встречаются сравнительно редко.

В диахроническом плане для глагольных систем, содержащих аорист, характерна тенденция к такой семантической и структурной эволюции, которая приводит к его утрате. При этом аорист обычно совпадает с перфектом — точнее, формы старого перфекта начинают, помимо результативного, выражать и аористическое значение, а формы старого аориста выходят из употребления. Именно этот процесс имел место в истории французского языка, восточнославянских и большинства западнославянских языков и др. С другой стороны, в такой глагольной системе может появиться «новый перфект», и тогда в структурном плане старый перфект полностью займет место аориста; с подобным «циклическим» развитием мы сталкиваемся в истории многих романских языков.

Таким образом, аорист — видо-временная форма глагола, унаследованная славянскими языками, в том числе и древнерусским, из праиндоевропейского языка. В процессе эволюции аорист восточнославянскими языками утрачен.

Аорист — форма простая (синтетическая).

Аорист образовывался от основы инфинитива различными способами в зависимости от характера основы и изменялся по лицам и числам. При развитии дифференцированных значений совершенного и несовершенного вида аорист начинает соотноситься со значением совершенного вида.

В праславянском и старославянском языках было представлено несколько типов аориста: **простой** и **сигматический**, который, в свою очередь, мог быть *старого* или *нового* типа.

При образовании сигматического аориста использовался особый суффикс, отсутствовавший в формах простого аориста. Отличие между новым и старым сигматическим аористом заключалось в том, что при образовании нового аориста суффикс присоединялся к основе с помощью соединительной гласной (темы), при образовании старого — суффикс присоединялся непосредственно к основе, без темы.

В древнерусском языке сохранился сигматический аорист нового типа от основ на согласный и сигматический аорист от основ на гласный. **Сигматический аорист** образовывался с помощью суффикса *-s-, который соответствовал суффиксу греческого языка -s-, что значит «сигма», отсюда и название данной формы.

От основ инфинитива на гласный (*читати, пилити, лити*) образовывался только **сигматический аорист** с помощью суффикса *-s-, присоединявшего личные окончания глагола. Однако суффикс *-s- сохранялся лишь в формах 2-го л. мн. числа и 2–3-го л. дв. числа. В формах 1-го л. ед., мн. и дв. чисел и в 3-м лице мн. числа суффикс *-s- изменился в *ch. Подобное изменение происходило уже в праславянскую эпоху, если *-s- оказывался в положении после звуков *i, *u, *r, *k, а за ним не следовал согласный *t. Со временем

[x] используется в качестве суффикса независимо от предшествующего звука.

Форма 3-го л. мн. ч. в древнерусском языке практически совпадала со старославянской, за исключением флексии: древнерусская форма **читаша**, старославянская **читаша**, где **ш** → [ɕ] в [ä] > [ʼa].

Формы 2-го и 3-го л. ед. числа были представлены чистой основой. Формы сигматического аориста от глагола **читати** образовывались следующим образом:

Формы 2-го и 3-го л. ед. числа были представлены чистой основой. Формы сигматического аориста от глагола **читати** образовывались следующим образом:

Спряжение глагола в аористе

Число Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е	читахъ	читаховѣ	читахомъ
2-е	чита	читаста	читасте
3-е	чита	читаста (ст. слав. читасте)	читаша (ст. слав. читаша)

Формы 2–3-го л. ед. ч. могли образовываться с помощью элемента **-тъ** (-сть): **бысть**. Кроме того, глагол **быти** мог образовывать формы **сигматического аориста** от двух основ: **бы-** (**быхъ**, **бы**, **быхомъ** и т.д.), или **бѣ-** (**бѣхъ**, **бѣ**, **бѣхомъ** и т.д.). Предполагают, что аорист от основы **бѣ-** имел значение имперфекта (см.).

Аорист от глаголов с основой на согласный мог быть следующих типов: простой, сигматический старый и новый.

1. Аорист простой, или корневой, или сильный, образовывался без помощи суффикса *s (асигматический) путем присоединения личных окончаний непосредственно к корню. Формы простого аориста могли быть образованы только от немногих односложных глаголов и глаголов с суффиксом **-id-**, который при образовании аориста выпадал (aaeaidoe). Это – древнейший тип, обнаруженный лишь в некоторых восточнославянских памятниках (списках) в виде отдельных форм.

Число Лицо	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е	идъ	идовѣ	идомъ
2-е	иде	идета	идете
3-е	иде	дете	идж

2. Аорист старый сигматический образовывался путем присоединения к основе суффикса *s и личных окончаний. При этом возникало стечение согласного основы и суффикса, что обу-

словливало его ассимиляцию и удлинение корневого гласного основы (кроме форм 2–3-го л. ед. ч.). Формы аориста старого от глагола **нести** образовывались следующим образом:

ИСТОРИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Лицо \ Число	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е	нѣсь (ѣ > ē)	нѣсовѣ	нѣсомъ
2-е	несе	нѣста	нѣсте
3-е	несе	нѣста	нѣсѣ

3. **Аорист новый сигматический** образовывался путем присоединения к основе с помощью соединительного гласного -о- древнего суффикса *s, за которым следовало окончание (кроме

форм 2–3-го л. ед. числа, в которых выступали формы простого аориста с окончанием -е). Глагол *нести*, например, имел следующие формы нового сигматического аориста.

Лицо \ Число	Единственное	Двойственное	Множественное
1-е	несохъ	несоховѣ	несохомъ
2-е	несе	несоста	несосте
3-е	несе	несоста	несоша

В древнерусском языке формы простого аориста практически не встречаются. Формы старого аориста известны у глагола *нести* и у так называемых глаголов речи – «говорить» (*rekti – ректи – рекс > рекх > рѣхъ).

В форме 3-го л. мн. ч. в связи с утратой носовых в древнерусском языке вместо -а- – [’а]. История форм аориста не одинакова. Если в книжно-письменном языке они функционировали вплоть до XVIII в. в разных жанрах и стилях, то в народно-разговорном языке к XV в. уже практически были вытеснены перфектом (см.). В современном русском языке сохранились отдельные формы аориста: частица *бы*, восходящая к форме 2–3-е л. ед. ч. аориста глагола *быти*; междометие *чу* от *чути* «слышать» (ср. *чуять*): *Чу! Ближе подходит седой и вот очутился над нею, над самой ее головой* (Некрасов).

Разговорные формы типа *возьми* и *скажи*, содержащие в своем значении оттенки однократности, внезапности и недлительности, принято соотносить с древними аористными образования-

ми. Отдельные формы аориста сохраняются во фразеологизмах *Погибоша, аки обры; Одним махом семерых побивахом* и в языке художественной литературы: *Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею божиею помре* (Пушкин).

Имперфект – одна из грамматических форм прошедшего времени глагола древних славянских языков, в том числе и древнерусского. Форма простая, унаследованная из праславянского языка, в процессе эволюции утраченная всеми восточнославянскими языками. Имперфект обозначал действие длительное, в прошлом повторяющееся и осознаваемое говорящим как не завершенное и не ограниченное во времени в прошлом, т.е. как нечто длительное, возможно, повторяющееся, но не законченное: *тон осени... землю и лѣсы горѣху* «той осенью земля и леса горели» (1-я Новгородская летопись). Формы имперфекта (в старославянском в том числе) образовывались от основы инфинитива с помощью суффиксов -ѣах-, -аах-, -ах- и соответствующих личных окончаний.

Имперфект изменялся по лицам и числам. Выбор суффикса определялся конечным звуком основы инфинитива. Если основа оканчивалась гласным [a] или [ѣ], то использовался суффикс -ах-: **дати — да-ах-ъ** (1-е л. ед. ч.); **съмотрѣти — съмотрѣ-ах-ъ**. Суффикс -аах- присоединялся к основе, оканчивающейся на -и-. В этом случае происходили изменения качества конечного согласного основы, возникшие еще в праславянскую эпоху и унаследованные древнерусским языком. Итак, конечный -и- (←*i) основы изменялся в [j], который в свою очередь влиял на качество предшествующего согласного основы, что приводило к чередованиям типа: *zj || ž', *sj || š', *dj || ž' и под.: **возити — вожаахъ; носити — ношаахъ; родити — рожаахъ**.

Если основа инфинитива оканчивалась на согласный, то использовался суффикс -ѣах-: **везти — везѣахъ**. Если основа инфинитива оканчивалась на

задненебные [г], [к], [х], то возникали чередования с шипящими [ж'], [ч'], [ш'], унаследованные древнерусским языком из праславянского языка и обусловленные в этом случае положением задненебных перед [ѣ] (см. **первая палатализация**). При этом [ѣ] после мягких шипящих изменялся в [ʼa]: **можаахъ** (из *mogti). Если инфинитив оканчивался на -сти или -чи, то имперфект образовывался от древних основ: **плет-**, хотя **плести** (ср. *pletiti), **вес-**, хотя **вести** (ср. *vediti) и т.п. В древнерусском языке, не сохранившем древние формы имперфекта, вместо суффиксов -ѣах-, -аах- использовался суффикс -ах-, возникший в результате уподобления [ѣ] звуку [a], что привело к образованию суффикса -аах- и последующего стяжения гласных в обоих суффиксах: [-аа-] > [a], обозначавшееся на письме после мягких согласных буквой Ѧ (совр. «я»).

Число Лицо	Единственное	Множественное	Двойственное
1-е	везахъ	везахомъ	везаховѣ
2-е	везаше	везашете(сте)	везашета(ста)
3-е	везаше(ть)	везаху(ть)	везашета(ста)

Имперфект под влиянием аориста мог иметь в 2-м л. мн. ч. формы на -те-**сте**, в двойственном числе во 2–3-м л. — на -та и -ста. Кроме того, в 3-м л. мн. ч. могла выступать форма на -ои, возникавшая под влиянием настоящего времени. «Сначала, — отмечает П.Я. Черных, — оно появилось на юге Киевской Руси, но вскоре получило широкое распространение в древнерусском языке. Оно нередко встречается в «Повести временных лет»: **«володимѣрь... чтяшетъ ю акы матеръ», «роуцѣ съвязывахоутъ»,**

«гвозди железныи посреди главы въбивьхоутъ им» и т.п.» (Черных П.Я. Историческая грамматика. С. 257). Формы имперфекта очень рано вышли из употребления, вероятно, к концу XII в. они в разговорной речи уже не использовались в отличие от книжно-письменного языка (житийной, летописной, церковной литературы). Те оттенки значения, которые были свойственны имперфекту, с течением времени стал передавать перфект (см. ниже).

ИСТОРИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Перфект — одна из грамматических форм прошедшего времени глагола древних славянских языков, в том числе и древнерусского. Форма сложная (аналитическая), унаследованная из праславянского языка и послужившая основой для становления единой формы прошедшего времени в современном русском языке. Перфект обозначал состояние в настоящем, но явившееся как следствие соответствующего действия в прошлом, как его результат: ...**Ѡтроци свѣнльжи изодели са соуть оружьемъ и порты...** (воины Свенельда одеты и вооружены); **изодели са соуть** — это результат действий в прошлом. Пер-

фект образовывался с помощью несклоняемого причастия действительного залога прошедшего времени с суффиксом *-л-* основного глагола и вспомогательного глагола *быти*, спрягавшегося в формах настоящего времени. Само причастие образовывалось от соответствующих основ инфинитива основного глагола путем присоединения суффикса *-л-* и родовых окончаний. Причастие изменялось по родам и числам, использовалось только для образования сложных глагольных форм — перфекта, плюсквамперфекта (см.), преждебудущего (см. **будущее сложное второе**) времени и условного наклонения:

Число	Лицо	Вспом. глагол	Род		
			мужской	женский	средний
Единственное	1-е	късмь	сказалъ	сказала	сказало
	2-е	къси	сказалъ	сказала	сказало
	3-е	късть	сказалъ	сказала	сказало
Множественное	1-е	късмь	сказали	сказалы	сказала
	2-е	късте	сказали	сказалы	сказала
	3-е	соуть	сказали	сказалы	сказала
Двойственное	1-е	късвѣ	сказала	сказалѣ	сказалѣ
	2-е	къста	сказала	сказалѣ	сказалѣ
	3-е	къста	сказала	сказалѣ	сказалѣ

Место вспомогательного глагола относительно причастия не было строго фиксированным, он мог занимать как пре-, так и постпозицию, но чаще использовался после причастия. Лексическое значение глагольной формы выражалось причастием, грамматическое — вспомогательным глаголом. В древнерусском языке очень рано вспомогательный глагол

опускается, что подтверждается известной надписью на Тмутараканском камне (1068 г.): в лето **•S• •Ф• •S• глѣвъ князь мѣрилъ м(оре)** — вместо **мѣрилъ есть** используется 3-е л. ед. ч.; аналогично — **азъ далъ роукою своєю** (Мстиславова грамота ок. 1130 г.); **вздоумалъ князь** (Смоленская грамота 1229 г.).

Постепенно связь с настоящим временем утрачивается, и перфект начинает употребляться только в значении прошедшего действия, не соотносимого с результатом в настоящем. Утрата вспомогательного глагола, указывающего на лицо (субъект действия), прежде всего отмечается в 3-м лице, это связано с тем, что личные местоимения в древнерусском языке использовались крайне редко, на лицо говорящего указывала личная форма глагола, а в 3-м лице традиционно использовалось какое-л. имя в функции подлежащего, так что указание на отношение действия к лицу говорящего, содержащееся в личной форме глагола, стало излишним. Вслед за формами 3-го лица вспомогательный глагол стал исчезать и в формах 1–2-го лица, но при этом возникла необходимость обязательного использования в функции подлежащего существительного или местоимения. Формы типа *сказалъ есмь* и *сказалъ еси* заменяются формами *я сказалъ, ты сказалъ*. Кроме того, к XIV в. активно развивается видовая оппозиция глаголов совершенного и несовершенного видов, что способствует вытеснению аориста и имперфекта и закреплению перфекта в качестве единственной формы прошедшего времени в русском языке, совместившей значения аориста и имперфекта. В современном русском языке, как известно, в отличие от глаголов в формах

настоящего и будущего времен, глаголы в прошедшем времени изменяются не по лицам, а по родам, что связано с их историей: соответствующими свойствами бывшего причастия с суффиксом *-л-*.

Плюсквамперфект — это одна из грамматических форм прошедшего времени глагола древних славянских языков, в том числе и древнерусского. Форма сложная (аналитическая), унаследованная из праславянского (см.) языка. Плюсквамперфект обозначал действие, законченное в далеком прошлом (давнопрошедшее), или действие прошедшее, причем предшествовавшее другому прошедшему действию (преждепрошедшее): *кнѣзь пожаловалъ былъ соудью филиппа а филиппа в тѣ поры в животѣ не стало* «князь помиловал судью Филиппа, но его в то время уже не было в живых» (Грамота 1592 г.). В древнерусском языке было два способа образования плюсквамперфекта. Первый, наиболее древний, к XIV в. практически вышедший из употребления, заключался в образовании плюсквамперфекта с помощью причастия прошедшего времени действительного залога с суффиксом *-л-* соответствующего рода и числа основного глагола и вспомогательного глагола *быти* в формах имперфекта (см.) или аориста в значении имперфекта (см.):

Число Лицо	Единственное	Множественное	Двойственное
1-е	сказал (а, о) бѣхъ (или бѣше)	сказали (ы, а) бѣхомъ (или бѣхомъ)	сказала (ѣ, ѣ) бѣховѣ (или бѣховѣ)
2-е	сказалъ (а, о) бѣше (или бѣше)	сказали (ы, а) бѣсте	сказала (ѣ, ѣ) бѣста (или бѣста)
3-е	сказал (а, о) бѣше (или бѣше)	сказали (ы, а) бѣху (или бѣху)	сказала (ѣ, ѣ) бѣста (или бѣста)

ИСТОРИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ [Ъ] И [Ь]

Второй тип плюсквамперфекта образовывался с помощью причастия прошедшего времени действительного залога с суффиксом *-л-* соответствующего рода и числа основного глагола *быти* в формах перфекта (см.).

Число Лицо	Единственное	Множественное	Двойственное
1-е	късмь былъ (а, о) сказал (а, о)	късмь были (ы, а) сказали (ы, а)	късвѣ была (ѣ, ѣ) сказала (ѣ, ѣ)
2-е	къси былъ (а, о) сказал (а, о)	късте были (ы, а) сказали (ы, а)	къста была (ѣ, ѣ) сказала (ѣ, ѣ)
3-е	късть былъ (а, о) сказал (а, о)	соутъ были (ы, а) сказали (ы, а)	къста была (ѣ, ѣ) сказала (ѣ, ѣ)

Данная форма плюсквамперфекта использовалась довольно долго, но в исконном виде, с сохранением всех форм, крайне редко. Большею же частью вспомогательный глагол при перфекте *есмь*, *еси* и т.д. опускался, что было связано с его утратой в перфекте вообще. Возникает, таким образом, новая форма плюсквамперфекта, состоящая из двух причастий с суффиксом *-л-*: *хвалу б(о)а ...иже не ленива мя былъ створилъ* (Владимир Мономах). Подобные формы плюсквамперфекта в истории языка претерпевают изменения в семантике и форме: к XVI–XVII вв. причастие на *-л-* вспомогательного глагола, превращаясь в частицу, застывает в форме *было*, сама же конструкция указывает на действие, которое должно было совершиться в прошлом, но не совершилось по каким-л. причинам: было прервано или не начато. В современном русском языке (литературном и говорах) сохраняются своеобразные остатки прежнего плюсквамперфекта. К ним относятся конструкции типа *хотел было*, *но раздумал*, а также фольклорные, так называемые зачины типа *жили-были старик со старухой у самого синего моря*.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика

русского языка. М., 1963; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Лопушанская С.П. Категория вида и система времен древнерусского глагола // Проблема развития языка. Саратов, 1981; Она же. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975; Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961; Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

ИСТОРИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ [Ъ] И [Ь]. Древнерусским языком, как и всеми славянскими языками, были унаследованы из общеславянского языка гласные [ъ] и [ь], которые принято называть звуками неполного образования, или редуцированными гласными. В других индоевропейских языках им соответствуют гласные звуки *и* (*у* краткое) и *і* (*и* краткое). Например: др.-инд. *snusa* — др.-русск. **снѣха**, лат. *ovīs* — др.-русск. **овьца**, лат. *vidua* — др.-русск. **вьдова**, лат. *domūs* — др.-русск. **домъ**, лат. *hostīs* — др.-русск. **гостъ**.

Это были сверхкраткие гласные, природу которых открыл и впервые обосновал русский лингвист А.Х. Востоков в 1920 г. в своем «Рассуждении о славянском языке». Произношение

гласных [ѣ] и [ѥ] до сих пор точно не установлено: одни считают, что они произносились близко к ѣ ([y] краткое) и ї ([и] краткое), другие утверждают, что это были звуки, которые произносились как средние: [ѣ] – между [ы] и [о], а [ѥ] – между [и] и [э], но очень кратко. Сравните в современном русском языке произношение [о] и [э] в словах: *водовоз* [вѣдавос] и *деревенский* [д'ѣр'ив'энскѣ].

В древнерусском языке редуцированные гласные были слогообразующими и могли находиться в любой морфеме:

в корне – *вѣлкѣ, чѣсть, сѣнь*;

в приставках – *сѣбирати, пѣдѣбнрати, вѣходити*;

в суффиксах – *отѣць, богатѣство, вечерѣкъ, рѣсьскни*;

в окончаниях – *домѣ, дрѣгѣ, ночь, мышѣ*;

в сложных словах как соединительные гласные – *Новѣгородѣ, Царѣградѣ*.

Редуцированные [ѣ] и [ѥ] принято противопоставлять остальным гласным, кроме и > ѣ. Данное противопоставление обусловлено тем, что длительность звучания редуцированных в зависимости от позиции в слоге по отношению к последующему звуку в другом слоге и ударению менялась. Длительность гласных полного образования, в том числе и [ы] из [ѣ], была всегда одинаковой независимо от их позиции в слове. По своей длительности [ѣ] и [ѥ] в историческую эпоху были неодинаковыми, что зависело от их позиции (места) в слове, положения по отношению к ударению, а также от качества соседних согласных звуков. В связи с этим различаются две позиции редуцированных гласных: слабая и сильная. Итак, слабой для редуцированных [ѣ] и [ѥ] является позиция:

1. В абсолютном конце неодносложного слова: *дрѣгѣ, домѣ, носѣ, ночь, дѣнь, печь*.

2. В безударном положении перед слогом с гласным полного образования: *мѣного, кѣнига, кѣто, чѣто, правѣда, дрѣжно*.

3. В безударном положении перед слогом с сильным редуцированным гласным: *жѣньць, безѣсѣрдѣчѣни*.

Сильной позицией для редуцированных является позиция:

1. Под ударением: *сѣхнѣти, посѣлъ, рѣпѣтъ, чѣсть, мѣсть, дѣнь*.

2. Перед слогом с гласным редуцированным слабым: *тѣпѣтъ, сѣзда-ти, локѣтъ, тѣмѣнь*.

3. В корне слова в сочетании с плавными [р] и [л] независимо от того, стояли они перед плавными или после них: *вѣлна, смѣртѣ, кѣрмити, тѣрговати, вѣрхѣмѣ, или крѣвавыи слѣза, дрѣва, вѣха, глѣтати*.

4. В труднопроизносимых сочетаниях согласных: *тѣгда, дрѣжскни, овѣство, сѣдрѣжство*.

5. В некоторых случаях сильная позиция определялась значением слова:

сѣборѣ (сбор) и *сѣборѣ* (соброр); *сѣвѣтъ* (совет) и *сѣвѣтъ* (свет); *сѣбирати* (собирать) и *сѣбирати* (сбирать).

6. В конце односложных слов: *тѣ, сѣ, нѣ*.

В процессе развития языка редуцированные гласные в древнерусском языке подверглись изменениям: в слабой позиции они подвергались еще большему сокращению и утрачивали свою способность быть слогообразующими звуками, становились неслоговыми, а затем исчезли – *мѣного, кѣнига, кѣто, чѣто, домѣ, братѣство* и т.д., а в сильной – прояснились в звуки полного образования – [ѣ] в [о], а [ѥ] в [е]: *сѣнь* – сон, *дѣнь* – день, *вѣрхѣ* – верх, *вѣлна* – волна, *вѣлкѣ* – волк,

тѣпѣтъ — топот, жьньць — жнец, отцьць — отец, льнь — лен, львь — лоб и т.д.

Исчезновение редуцированных в слабой позиции и изменение в звуки полного образования в сильной позиции принято называть падением редуцированных (см.).

Процесс изменения редуцированных гласных отмечается и в других славянских языках, где слабые [ъ] и [ь] также исчезли, а сильные, как правило, совпали в одном звуке [e] или [a]. Исключение составляет лишь болгарский язык, где сохраняется редуцированный [ъ], а [ь] или совпал с [ъ], или с [e] (*смерт, дек*):

др.-русск.	русск.	болг.	сербохорв.	чешск.
сѣнь	сон	сън	сѣн	sen
лѣжь	ложь	лъж	лаж	lež
лънь	лен	лен	лѣн	len
дѣнь	день	ден	дан	deň

Изменение редуцированных гласных в древнерусском языке, т.е. их падение и прояснение в звуки полного образования [o] или [e], происходило в XI–XII вв., но не во всех позициях одновременно. А.А. Шахматов считал, что они существовали до первой половины XII в., так как в памятниках этого периода сохраняется дифференциация [ъ] и [ь] в зависимости от качества предшествующего им в слог согласного (*Шахматов А.А. Очерки древнейшего периода истории русского языка, 1915*). Обоснованной и убедительной представляется точка зрения В.В. Колесова, согласно которой противопоставление сильных и слабых редуцированных возникло в результате ослабления конечного слога и переноса ударения с редуцированного, ставшего слабым (*Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в.*). Однако

часть исследователей считает, что падение редуцированных закончилось лишь к XIII в. К.В. Горшкова вслед за А.А. Потебней отмечает «более раннее исчезновение редуцированных (начало XII в.) на юге и более позднюю их утрату (конец XIII в.) на севере» (*Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. С. 77*). Процесс падения редуцированных — это один из важнейших процессов в истории русского языка. Он коренным образом изменил звуковую систему древнерусского языка, частично сказался и на его грамматической структуре. См. **история редуцированных гласных [ъ] и [ь] в сочетании с плавными [р] и [л]**.

Лит.: Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. // ВЯ. № 4. 1968; Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань. 1964; Обнорский С.П. Исследование о языке Миннеи за ноябрь 1901 года // Изв. ОРЯС. Т. 29. 1924; Потебня А.А. Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866; Сидоров В.Н. Редуцированные Ъ и Ь в древнерусском языке XI в. // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т. 2. М., 1953; Он же. Из истории звуков русского языка. М., 1966; Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907; Фалев И.А. Редуцированные гласные в древнерусском языке // Язык и литература. Т. 2. Вып. 1. Л., 1927; Шахматов А.А. Очерки древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915.

ИСТОРИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ [ъ] И [ь] В СОЧЕТАНИИ С ПЛАВНЫМИ [Р] И [Л]. Древнерусский язык унаследовал из общеславянского языка сочетания плавных со-

гласных [р], [л] с редуцированными [ъ] и [ь] между согласными двоякого рода: *trút, *trüt, *tlút, *tlüt и *túrt, *türt, *túlt, *tült (trýt, trýt, tlýt, tlýt, túrt, túrt, túlt, túlt), т.е. редуцированные могли находиться как перед плавными согласными, так и после них.

В дальнейшей истории русского языка судьба этих сочетаний была не одинаковой. В сочетаниях первого типа редуцированные в русском языке, находясь в сильной позиции, прояснились в звуки полного образования [о] или [’э]: **кръвь** — *кровь*, **кръстъ** — *крест*, **бръвь** — *бровь*, **дръва** — *дрова*, **блѣха** — *блоха*, **плѣтъ** — *плоть*, **слѣза** — *слеза*, **глѣтати** — *глотать* и др.

Подобный процесс изменения плавных в сочетании с редуцированными, кроме русского, зафиксирован в украинском и белорусском языках. В большинстве говоров русского языка слабые редуцированные, как предполагают, по аналогии с сильными прояснились в звуки полного образования. В украинском и белорусском языках падение редуцированных обусловило развитие слоговости плавных и появление в результате этого новых гласных [ы] или [и]. В украинском языке вместо [ъ] и [ь] появился один звук передне-среднего ряда, который не влиял на предшествующий согласный, возникли сочетания [ри], [ли]: ср. русск. *тревога*, укр. *тривога* [трывоґа], русск. *глотати*, укр. *глитати* [глытати]. В белорусском языке согласный [р] отвердел и появились сочетания [ры], [лы] и [ли]: *трывога*, *глытатъ*. На месте сильного редуцированного в закрытом слоге в украинском и белорусском языках развились гласные [о], [е]: укр. *кров*, белорус. *кроу*.

В сочетаниях второго типа в литературном языке, как и в большинстве говоров русского языка, редуцированные также прояснились в звуки полного образования [о] и [е]: **кърмъ** — *корм*,

гърдыи — *гордый*, **вълкъ** — *волк*, **вълна** — *волна*, **сълньцѣ** — *солнце*, **търгъ** — *торг*, **върхъ** — *верх*, **зърно** — *зерно*, **дългъ** — *долг* и др.

Однако в северо-западных говорах русского языка на месте этих сочетаний наблюдается развитие полногласных форм, процесс появления которых получил название второго полногласия по аналогии с формами *оро*, *оло* и т.п. на месте **tort*, **tolt* и т.д. Например: **кърмъ** — **къръмъ** — *корм*, **върхъ** — **въръхъ** — *верх*, **зърно** — **зьрно** — *зерно* и т.п.

Среди лингвистов нет единого мнения ни о природе данного явления, ни о времени его возникновения. Ряд исследователей (А.Х. Востоков, А.А. Потебня, А.И. Соболевский, В.М. Марков, Ф.П. Филин) считают, что изменение типа **turt* проходило параллельно с развитием первого полногласия из сочетаний типа **tort*, т.е. плавный становился слогообразующим и затем выделил гласный звук, близкий по звучанию к первому звуку, но более слабый: **кърмъ** → **къ-р-мъ** → **къ-ръ-мъ**; **върхъ** → **въ-р-хъ** → **въ-ръ-хъ**.

Подобные написания встречаются в памятниках XI в.: **стълъпъ**, **сърдыца** (см. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке). А в дальнейшем, в зависимости от типа диалекта, судьба этих сочетаний была различна. В южных говорах, где процесс изменения редуцированных, как полагал еще А.А. Потебня, закончился раньше, второй гласный не получил вокализации и заглох: **кърмъ** → *корм*, **върхъ** → *верх*, а в части северных говоров второй редуцированный, став слогообразующим, соответственно прояснился в звук полного образования [о] и [’э]: **къръмъ** → *корм*, **въръхъ** → *верх*.

А.А. Шахматов (*Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории

русского языка), Лавровский П.А. (О русском полногласии) относили явление второго полногласия к периоду после падения редуцированных, считая сочетания с двумя редуцированными искусственными, только графическими сочетаниями русского и старославянского языков: ьрь = ьр + рь.

Второе полногласие следует отличать от первого:

а) первое полногласие образовалось из сочетаний типа *torŭ и т.п., второе — из сочетаний типа turt и т.п.;

б) первое полногласие развилось у восточных славян еще в доисторический период, а второе, хотя и имело предпосылки к возникновению до утраты редуцированных, но окончательно оформилось только после их утраты;

в) первому древнерусскому полногласию в старославянском языке соответствуют неполногласные сочетания: *сторона* - *страна*, *берегъ* - *врѣгъ*, *голова* - *глава*, *пелена* - *плѣна*, а второму полногласию в некоторых славянских языках соответствует слоговой плавный: в чешском языке vrch (верх), smrt (смерть);

г) первое полногласие свойственно всем восточнославянским языкам и широко отразилось в современном русском литературном языке, второе — явление русское диалектное и в литературном языке закрепилось лишь в нескольких словах: *бестолочь*, *веревка*, *сумеречный*, *долг*, *полон*.

Лит.: Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Лавровский П.А. О русском полногласии // Материалы для сравнительного объяснительного словаря. Т. V. СПб., 1861; Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964; Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Шахматов А.А. Очерк древ-

нейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915).

ИСТОРИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ ГЛАСНЫХ [Ы] И [И]. Как известно, в древнерусском языке гласные звуки [ы] и [и] были долгими, если они восходили к индоевропейским звукам: [ы] к [ū] (у долгое), а [и] к [ī] или к дифтонгам *ai, *oj, *ei. Ср. лат. sūnūs — *сынъ*, тадж. būd — *бытъ*, тадж. mūš — *мышь*, др. инд. giv — *живъ*, лат. veidas — *видъ*.

В связи с историей редуцированных [ы] и [и] необходимо отметить следующее. Редуцированные [ъ] и [ь] в позиции перед и-неслоговым или перед [j] выступали в своих разновидностях в виде редуцированных [ы] и [и], которые принято называть напряженными редуцированными. Например, в формах именительного падежа единственного числа мужского рода полных прилагательных: *краснъ* + и (где и > жь) → *красны*, *синь* + и (где и > жь) → *синни*.

Редуцированные [ы] и [и] как позиционные варианты [ъ] и [ь] также могли находиться при соответствующих условиях в сильной и слабой позициях, что и определило их дальнейшую судьбу в истории русского языка.

Звуки [ы] и [и] редуцированные могли возникать не только на месте [ъ] и [ь], но и на месте исконных звуков [ы], [и] в позиции под ударением перед [j] и и-неслоговым. Сравните, *мыти*, *вити*, где [ы], [и] исконные, долгие, так как находятся перед [т], а в словах *мъиѣ*, *виѣ* [ы], [и] редуцированные, так как находятся перед [j].

В русском языке напряженные редуцированные [ы], [и], как и редуцированные [ъ], [ь], изменялись в тождественные по качеству звуки — [о], [е] в сильной позиции и исчезали в слабой: *краснъѣ* (красной), *шьѣ* (шея). Заметим, что гласный [ы] всегда находился в сильной позиции, так

как не мог находиться ни в начале, ни в конце слова.

Установлено, что флексия *-ой* в полных формах прилагательных мужского рода именительного падежа единственного числа употреблялась в письменности вплоть до XIII в. как в ударной, так и в безударной позиции.

Однако в современном русском языке она закрепилась только под ударением, напр., *золотой, боевой, удалой*. Если же ударение падает на основу, то употребляются старые, книжные формы на *-ый*, возникшие под влиянием старославянского языка: *добрый, милый, новый* и т.д.

Гласный [и] редуцированный мог быть образован из сочетаний *јь* и *љј*, следовательно, мог находиться как в сильной, так и в слабой позиции. В последующей истории языка слабый редуцированный [и] исчезал, а в сильной позиции прояснялся в звук полного образования [е,] аналогично сильному [ь].

Слабой позицией для редуцированного [и] была позиция:

1. В абсолютном конце слова: *добръѣ* — *добрѣи* — добрый; *моѣ* — *моѣи* — мой.

2. В начале слова без ударения: *јьменины* — *именины* (аналогично: иголка, играть, Игнат и др). Здесь [и] > *јь*. Однако в русском литературном языке начальное [и] редуцированное, в отличие от некоторых южнорусских говоров и украинского языка, всегда сохранялось. Сравните: русск. *иголка, Игнат, играть* и укр. *голка, Гнат, гра-ти* и т.п.

3. Перед слогом с гласным полного образования: *льјѣ* — *лню* — л'ју, *братъја* — *братѣя* — *брат'ја*, *веселье* — *весел'је* или аналогично в словах — *шью, бью, житье, уменье, любовью*.

Необходимо отметить, что в современном русском литературном языке параллельно употребляются и старые,

книжные формы, что объясняется или различием в значении, или сферой употребления: *братѣя* — сущ. ж. р. собирательное, *братья* — сущ. м. р. мн. ч.; «*Бытие* определяет сознание», но «Как твое житье-*бытье*?».

В поэзии форма может зависеть и от размера стиха: *веселие* и *веселье, умение* и *уменье, любовию* и *любовью* и т.п.

В сильной позиции редуцированный [и] находился перед слогом с редуцированным в слабой позиции. Например, имя существительное *гости* в род. п. мн. ч. — *гостѣѣ* — *гостѣи* — *гостѣй* (аналогично: *гусей, лебедей* и т.п.). Полные прилагательные мужского рода в форме единственного числа именительного падежа формы с ударным окончанием не сохранили: *синь* — *синьѣ* — *синѣи* — *синѣй*.

В украинском и белорусском языках напряженные редуцированные в слабой позиции, как и в русском языке, исчезли, а в сильной позиции прояснились в звуки полного образования [ы] и [и]: белорус. *сляпы* — укр. *сліпий*, белорус. *мыю*, укр. *мию*.

Процесс изменения напряженных редуцированных [ы] и [и] в сильной позиции и их утрата в слабой позиции и их утрата в слабой позиции проходил, по мнению исследователей, в течение XIII–XIV вв., т.е. после аналогичных изменений редуцированных [ъ] и [ь].

Лит.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Лихтман Р. И. Особая фонема или позиционный вариант? К вопросу о составе фонем древнерусского языка // Филологические науки. № 1. 1986; Собиинникова В. И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984; Шахматов Ол., Кримский Аг. Нариси з історії української мови. Київ, 1922.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. Один из разделов русского языкознания, изучающий

возникновение, формирование, преобразование и перспективы развития всех сторон русского литературного языка. «Суть истории языка как науки, — отмечает А. И. Горшков, — состоит в том, что она рассматривает не только то, что язык собой представляет на том или ином этапе своего развития (это еще не история, даже если рассматривать этапы далекого прошлого), но и то, что в языке происходит, как он развивается, как он соотносен со своим предыдущим и последующим состоянием» (*Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. С. 98–99*).

История русского литературного языка тесно связана с историей народа, с историей его культуры, литературы, науки, искусства. Это история развития функциональных стилей и характерной для них системы лексико-грамматических средств и приемов их использования, история становления норм на всех уровнях языка начиная с XI в., времени появления первых известных письменных памятников, и до настоящего времени.

Вопросы происхождения русского литературного языка, взаимодействия книжных и разговорных форм речи, характера словоупотребления в различных жанрах (грамотах, поучениях, летописях и т.п.) всегда находились в поле зрения ученых. Особый интерес вызвала проблема возникновения русского литературного языка, суть которой заключается в решении вопроса, что лежит в основе древнерусского литературного языка — собственно русский народный язык или книжный церковно-славянский (старославянский). Филологами XIX в. эта проблема решалась по-разному. Одни (А.С. Шишков, П.А. Катенин) рассматривали церковно-славянский и древнерусский народно-литературный языки как стили

одного «славянского» или старого русского литературного языка, другие видели в них разные языки. В частности, в 30–40-е гг. XIX в. А.Х. Востоков в «Рассуждениях о старом и новом слоге в русском языке» (1903) опровергает точку зрения А.С. Шишкова о том, что церковно-славянский лежит в основе русского литературного языка. В трудах А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича церковно-славянский (или старославянский) язык и язык древнерусский рассматриваются как самостоятельные языки, но постоянно взаимодействующие в процессе развития русской письменности. В середине XIX в. И.И. Срезневский в «Мыслях об истории русского языка и других наречий» писал о том, что в основе древнерусского литературного языка лежит исконно русская речь, имеющая отдельные общие черты с языком старославянским. «Народная чистота одного и ученое богатство другого были в противоположности, но не более как язык простых людей и людей образованных» (*Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других наречий. С. 66*). По мнению ученого, книжный литературный язык стал отделяться от разговорного в период с XIII по XIV в.

К началу XX столетия в языковедении сформировались две противоположные концепции происхождения русского литературного языка. А.А. Шахматов, автор одной из них, считал, что «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковно-славянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» (*Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. С. 60*).

Гипотеза А.А. Шахматова получила широкое распространение в России и за рубежом. Однако в 1934 г. академик С.П. Обнорский выступил с критикой этой концепции происхождения русского литературного языка. Исследуя такие древнерусские памятники, как «Русская правда», сочинения Владимира Мономаха, «Моление Даниила Заточника», «Слово о полку Игореве», он приходит к выводу о самобытности древнерусского литературного языка, в основу которого, по мысли ученого, легла народно-восточнославянская речь. Это язык «в собственном смысле русский во всем своем остоле» (*Обнорский С.П.* «Русская правда» как памятник русского литературного языка. С. 776). Таким образом, в соответствии с концепцией А.А. Шахматова в основе древнерусского литературного языка лежит старославянский язык, по теории С.П. Обнорского – русский. Основные положения теории С.П. Обнорского, популярной в 40–50-е гг., развивали в своих исследованиях П.С. Кузнецов, П.Я. Черных, Ф.П. Филин.

Начиная с 30-х гг. XX в. проблема происхождения русского литературного языка становится одной из главных в исторических исследованиях академика В. В. Виноградова. В 1958 г. в работе «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» им была сформулирована концепция двух типов древнерусского литературного языка: книжно-славянского и народно-литературного, возникших, по мнению ученого, в процессе исторического взаимодействия старославянского и народно-литературного языков.

Старославянский язык, созданный для нужд христианской церкви и получивший широкое распространение почти во всех славянских странах в ка-

честве письменно-литературного языка, сыграл немаловажную роль в истории развития русского литературного языка. Однако и функция живого языка восточных славян, считал В.В. Виноградов, не менее значительна. Определяя степень воздействия старославянского языка на древнерусский, он подчеркивал, что «проникновение на Русь старославянского языка и формирование на его основе книжно-славянского типа древнерусского литературного языка не могло ни стеснить, ни тем более подавить передачу на письме и дальнейшую литературную обработку восточнославянской народно-поэтической и историко-мемуарной речевой традиции» (ср. язык Начальной летописи, «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника» и т.д.). Литературно-обработанный народный тип литературного языка не отграничивается и не обособляется от книжно-славянского типа как особый язык. Вместе с тем это – не разные стили одного и того же литературного языка, так как они не уместаются в рамках одной языковой структуры и применяются в разных сферах культуры и с разными функциями» (*Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. С. 60).

Становление и развитие древнерусского литературного языка определялось, таким образом, взаимодействием и взаимовлиянием живой разговорной речи и разновидностями письменного языка (книжно-славянского и народно-литературного).

Язык как общественное явление тесно связан с историей народа. В связи с этим историю русского литературного языка условно принято делить на несколько периодов, тесно связанных между собой. Г. О. Винокур справедливо подчеркивал, что «если история

языка хочет быть адекватной своему предмету и изучать реальность, а не абстракции, то она должна формулировать свою задачу следующим образом. В том историческом процессе, который представляет собой существование данного языка, должны быть выделены известные стадии, на каждой из которых изучаемый язык представляет собой систему, отличную от предыдущей и последующей. Каждая такая система должна быть изучена как реальное средство общения соответствующего времени и соответствующей среды, т.е. в исчерпывающей полноте тех внутренних связей и отношений, которые в этой системе заключены. Но так как каждая подобная система есть лишь видоизменение предшествующей и предварительная стадия последующей, то сама по себе она не может быть вскрыта, пока не уяснены закономерные отношения, связывающие ее с хронологически смежными системами» (*Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. С. 215*).

При установлении тех или иных этапов в развитии русского литературного языка учитывается хронология формирования его лексико-фразеологического состава, морфологического и синтаксического строя, становления различных функциональных стилей, а также особенности взаимодействия разговорного и письменного языков, функциональная значимость каждого из них и т.д. При этом конкретные языковые процессы рассматриваются на фоне общественно-исторических условий жизни русского народа.

В истории русского литературного языка принято выделять следующие периоды: литературный язык древнерусской (восточнославянской) народности (язык Древней Руси X–XIV – начала XV в.); литературный язык великорусской народности (язык Мос-

ковской Руси конца XIV – начала XV в. до середины XVII в.); литературный язык начальной эпохи формирования русской нации (середина XVII – XVIII в.); литературный язык эпохи становления и выработки единых национальных норм (с конца XVIII в.); русский литературный язык современной эпохи.

Характер развития литературного языка, в том числе и русского, определяется общественно-историческими условиями его существования, конкретной языковой ситуацией, под влиянием которой он, с одной стороны, формируется, с другой – на нее воздействует.

Литературный язык восточнославянской народности сложился в Киевской Руси – территории, где сформировалось «этническое образование, выдержавшее все испытания и сохранившееся до последнего времени в виде того общего, что объединяет русский, украинский и белорусский народы» (*Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 201*).

Зарождение русского литературного языка тесно связано с активным распространением письменности после принятия христианства (988 г.). Важную роль в этом процессе сыграл старославянский язык (см.), активно взаимодействовавший с древнерусским народным языком и оказавший влияние и на развитие древнерусской литературы. Не меньшее значение для формирования русского литературного языка имело и создание оригинальных произведений проповеднической, художественной и исторической литературы, в основе которых лежал разговорный язык, тесно связанный с языком фольклора. Старославянский язык, проникнув на Русь в качестве литературно-письменного языка церковной литературы, лег в основу книжно-

славянского типа древнерусского литературного языка, использовавшегося в произведениях житийной и проповеднической направленности: «Житие Феодосия Печерского», «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона, «Сказание о Борисе и Глебе», «Слово в новую неделю по пасхе» (пасхе) Кирилла Туровского и др.

Появление в XII в. оригинальных произведений древнерусской литературы тесно связано с формированием народно-литературного типа древнерусского литературного языка. Типичными образцами языка этого периода по праву считаются «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Слово о гибели Русская земля». Языковые особенности этих произведений дают представление об истоках русского литературного языка. В этот период в результате взаимодействия со старославянским языком расширяется словарный состав русского языка, формируется и совершенствуется система выразительных средств. Древнерусский язык пополняется старославянскими, обозначавшими различные отвлеченные общественно-политические, философские и этические понятия: *истина, беззаконие, мучение, бытие, существо, время, единство, пространство, благоверие, добродетель, предтеча* и др. Богатые экспрессивно-стилистические возможности старославянского языка способствуют появлению в древнерусском языке новых лексико-стилистических синонимов: *длань — рука, перси — грудь, рамо — плечо, гряди — идти, уста — губы*. Особую группу древнерусской лексики составляют старославянские и русские слова, восходящие по происхождению к одному праславянскому корню: *брег — берег, страна — сторона, град — город,*

равный — ровный, врата — ворота, между — меж, един — один. Подобные параллельные формы расширяли функционально-стилистические возможности древнерусского литературного языка. Уже в древнейших памятниках письменности отмечается дифференцированное употребление старославянских и русских форм в зависимости от характера описываемых событий: в проповедях и молитвах предпочтение отдается старославянским формам, в народных песнях, легендах, в зарисовках бытового характера в основе образного словоупотребления лежат традиции устного народного творчества, что проявляется в использовании постоянных эпитетов, сравнений, метафор, основанных на переносе свойств животных на человека: «полетé соколомъ, поскочí горностаемъ» Под влиянием старославянского языка развивается и совершенствуется собственная, оригинальная система средств художественной выразительности.

С середины XII в. и особенно в XIII в. Киевское государство приходит в упадок, что связано с эпохой феодальной раздробленности, обусловившей распад древнерусского государства на отдельные княжества и усиление диалектных различий древнерусского языка. В этот период формируются значительные различия между отдельными группами древнерусских диалектов и из единого восточнославянского языка складываются родственные восточнославянские языки: русский, украинский, белорусский. Параллельно с усилением различий между русским, украинским и белорусскими языками укрепляется единство каждого из них. История русского языка, таким образом, отделяется от истории родственных славянских языков — украинского и белорусского.

В XIV–XV вв. формируются особенности украинского языка украинской народности, возникшей на территории Юго-Западной Руси. Отличительные черты языка белорусской народности, сложившейся на западе Руси, оформляются в XIV–XV вв.

Судьба русского языка XIV–XVII вв. тесно связана с историей образования Русского централизованного государства, центром которого в силу социально-экономических и территориальных условий становится Москва. В этот период формируются диалектные особенности, отличающие русский язык от украинского и белорусского, складывается северновеликорусское и южновеликорусское наречия, формируются средневеликорусские говоры, среди которых особое значение приобретает говор (см. **койнэ**). Москвы. Если в момент зарождения московский говор представлял собой некое соединение разнородных языковых особенностей разных говоров, то постепенно резкие диалектные черты нивелируются и складывается единая языковая система, «в основе которой лежали общерусские закономерности» (*Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 96*). Русский литературный язык эпохи Московского государства, сохраняя черты литературного языка Киевской Руси, испытывает серьезное воздействие со стороны разговорного языка, значительно от него отличавшегося как составом, так и характером словоупотребления, что приводит, в конечном счете, к усилению различий между книжно-славянским литературным и русским разговорным языками. Однако эти расхождения, как и характер взаимодействия между ними, в силу общественно-экономического, политического и культурного развития русского и мирового сообщества не остаются неизменными.

После победы русских войск на Куликовом поле, ознаменовавшей конец татаро-монгольского ига, Москва становится символом сильной государственной и церковной власти, растет международный авторитет Московского государства. Сюда, после падения Константинополя, столицы Византии, и установления господства на Балканах, отправляются за поддержкой известные богословы, философы, представители культуры, переводчики, владеющие греческим, старославянским языками, — Пахомий Логофет, Киприан, Максим Грек и др. Религиозные деятели получают возможность продолжить свое дело: появляются новые переводы греческой поучительной литературы, редактируются церковнославянские книги, что было связано со стремлением приблизить их к древним греческим образцам. Изменения вносятся в графику, орфографию текстов и в правила ведения богослужения. Это была своеобразная реформа письменности, оказавшая влияние и на светское письмо. Русские слова и грамматические формы вытесняются церковнославянскими, вновь начинают использовать букву юс большой (**ѣ**), вместо **ѣ** (ять) — юс малый (**ѡ**) в формах родительного падежа существительных женского рода, прежнее **Ѹ** заменяется **ѹ**, упраздняется **ј** перед гласным **а** (**всѣа** вм. **всѣа**, **добраа** вм. **добраа**), возвращаются написания с **Ѹ** после **Г**, **К**, **Х**, надстрочные знаки и др. Возникает пышная витиеватая манера изложения, особый стиль, получивший название «извитие, или плетение словес». В популяризации пышной риторики была заинтересована государственная и церковная элита. В это время особое значение приобретает идея о судьбоносной роли Москвы как духовной наследнице Рима и Византии — центров древних культур. Столь возвы-

шенной идее об исключительности Москвы вполне соответствовал риторически пышный, синтаксически витиеватый, изобилующий метафорами и аллегориями стиль, активно использовавшийся в различных литературных жанрах. Наиболее типичными произведениями стиля плетения словес считаются «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого (конец XIV в.), «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Для книжно-славянского типа литературного языка этого периода характерны стилизованные под старославянские образцы сложные синтаксические конструкции, графика и орфография регулируются нормами южнославянской письменной традиции. П.Я. Черных, в частности, отмечал, что «...“славянизация” литературного русского языка, главным образом книжного в различных его жанрах, а отчасти и делового, становится особенно интенсивной» (*Черных П.Я.* Происхождение русского литературного языка. С. 34–35). Изменения, происходившие в XIV–XV вв. в жизни Московского государства, в культуре, в литературе, в литературном языке, в значительной степени связаны с распространением южнославянской письменности и культуры. Проникновение в литературу и в книжный язык архаических церковно-славянских традиций обычно называют «вторым южнославянским влиянием». Термин «второе южнославянское влияние» предложил в конце XIX в. акад. А.И. Соболевский. «Значение южнославянского влияния на русскую письменность, — отмечал ученый, — в XIV–XV вв. очень важно... Необходимо признать, что по окончании южнославянского влияния русская литература оказалась увеличившейся почти вдвое и что вновь полученные ею литературные богатства, отличаясь разнообразием, давали ма-

териал русским авторам» (*Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. С. 15–16). В отличие от А.И. Соболевского А.А. Шахматов считал, что «второе южнославянское влияние» оказало негативное воздействие на русский литературный язык. Ф.П. Филин связывает особенности литературного языка этого периода не со «вторым южнославянским влиянием», а с «активизацией средств церковно-славянского языка раннего периода» (*Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 33). В современной лингвистике «второе южнославянское влияние» принято относить к неоднозначным явлениям. И как всякое неоднозначное явление, способное оказывать на язык как положительное, так и отрицательное воздействие.

В отличие от книжно-литературного типа русского языка народно-литературный тип не подвергся «второму южнославянскому влиянию». Тем не менее в нем также происходят значительные изменения: расширяется лексико-фразеологическая база, совершенствуется морфологическая система, активизируется взаимодействие с «деловым языком», функции которого расширяются за счет появления новых форм деловой письменности, отражающих многообразие жизни Московского государства. «Деловой язык» активно используется в сфере государственного делопроизводства. Он в качестве «языка московских приказов», — отмечает Ф.П. Филин, — прочно утвердился в культурном обиходе и готовил почву для торжества русского национального языка в литературной сфере» (*Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 281).

В XVI в. отмечается активизация работы по изучению и выработке норм

литературного языка, чему в известной степени способствовало начавшееся в этот период книгопечатание. Рукописные церковные книги, статьи, грамматические сборники сменяются печатными. Первая печатная учебная книга «Букварь» была издана во Львове в 1574 г. первопечатником Иваном Федоровым. В 1596 г. выходит «Грамматика словенска», составленная Лаврентием Зизанием. В 1619 г. издается «Словенская грамматика» Мелетия Смотрицкого. Появление словарей, содержащих толкования непонятных слов, было обусловлено потребностями общественно-политической и культурной жизни Московского государства. Первый печатный словарь XVI в., содержащий более 1060 языковых единиц, — это «Лексикон» Зизания, своего рода приложение к его «грамматике», с комментарием непонятных слов из произведений религиозного содержания: «Лексис, сиречь речения в кратце събранны и из славенскаго языка на простый русский диалект истолкованы». В 1627 г. печатается «Лексикон славеноросский, имен толкование» Памвы Берынды, в 1653 г. выходит его второе издание.

История русского литературного языка на всем протяжении своего развития тесно связана с характером взаимодействия литературного и разговорного языков. Начиная с XVII в. становление литературного языка во многом определяется тенденцией к сближению книжно-славянского и народно-литературного языков. В истории русского народа XVII в. — это начальная эпоха формирования русской нации и ее языка. Единый национальный язык — одно из важнейших условий существования нации. Именно стремлением к единству и определяются особенности соотношения и взаимодействия книжно-славянского и народно-литератур-

ного языков, характеризующиеся столкновением старых и новых традиций. В литературном языке этого периода своеобразно сочетаются и взаимодействуют новые народно-разговорные и «деловые» элементы с книжно-славянскими, архаическими, с одной стороны, с другой — с новыми западноевропейскими. Подобное многообразие лексико-стилистической системы русского литературного языка и отсутствие строгих правил, регулирующих словоупотребление, вызывает необходимость в упорядочении использования как в письменной, так и в устной речи. Первые попытки выработки общенациональных языковых норм принадлежат А.Д. Кантемиру, В.Е. Аодурову, В.К. Тредиаковскому.

Значительный вклад в решение проблемы норм русского литературного языка внес М.В. Ломоносов. Его перу принадлежат не только стихотворные и прозаические произведения, но и лингвистические исследования. М.В. Ломоносов по праву считается основоположником науки о русском языке. В его научных трудах «Письма о правилах российского стихотворства» (1739), «Риторика» (1748), «Российская грамматика» (1755) «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758) впервые формулируются основы научного изучения русского литературного языка, обосновывается необходимость нормы для языка в целом. М.В. Ломоносов создает учение о трех стилях, основанное на соответствии стиле «пристойности материй». Заслуга М.В. Ломоносова состоит в том, что его теория упорядочивала функционирование разнородных языковых (русских и старославянских) элементов в пределах одного стиля, допускала и регламентировала использование просторечия, утверждала русскую основу русского литера-

турного языка. По образному определению В.В. Виноградова, его теория трех стилей — «великая грамматическая реформа» (*Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. С. 100*). Разрабатывая теорию трех стилей, М.В. Ломоносов пытается объединить старое и новое, старославянские элементы с русскими в одно целое. Он считал, что история русского литературного языка — история совместного развития книжно-славянской и народно-литературной речи. В соответствии с его теорией в русском литературном языке нормативными должны быть признаны стилистически нейтральные языковые единицы.

Дальнейшее развитие русского литературного языка связано с усилением роли индивидуально-авторских стилей и разрушения теории трех стилей.

Значительное влияние на становление общенационального русского языка оказало творчество Г.Р. Державина, А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, Н.М. Карамзина. Именно их произведения демонстрируют новые способы сочетания языковых единиц, ориентированные на стилистически оправданное использование как книжных, так и разговорных слов и оборотов. В творчестве этих писателей развиваются и совершенствуются синтаксические нормы, регулирующие правила соединения слов в словосочетании и предложении. Художественная литература со второй половины XVIII в. активно включается в процесс нормализации русского литературного языка. Так, в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина делается попытка сблизить письменный язык с разговорным на основе отбора из общенародного языка «приятного» и «чувствительного»,

отказаться от устаревших славянизмов.

В области синтаксиса он избегает сложных книжно-славянских и латинизированных конструкций. Его фраза достаточно приближена к разговорной вследствие ее особой синтаксической организации: это четкая интонированная система, состоящая из двух равных интонационных частей с повышением и понижением голоса. В каждой части одинаковое количество слов, преобладают бессоюзные конструкции. Четкое деление на одинаковые части и бессоюзие делают стиль Н.М. Карамзина действительно легким. Значительное влияние на формирование словарного состава русского литературного языка оказало словотворчество писателя. Достоянием русского языка стали многие слова, впервые появившиеся в его произведениях, — промышленность, общественность, будущность, общепользительный, человеческий, оттенок. Н.М. Карамзин расширяет семантику уже известных русских слов, включая их в новые сочетания: *луч надежды, море блаженства, рыцарь чувства, весна жизни* и др. Однако, несмотря на стремление Н.М. Карамзина и его последователей сблизить разговорный язык с литературным, их слогу не хватало простоты и естественности, стилистически оправданного многообразия языковых элементов, в том числе народно-разговорных.

Следующее поколение, писатели начала XIX в., сделало многое для выработки единых норм словоупотребления, определяющих характер взаимодействия литературного языка с разговорным. В этот период начинается активный процесс демократизации литературного языка. Принцип народности литературного языка вслед за декабристами, И.А. Крыловым, А.С. Грибоедовым становится основополагающим в творчестве А.С. Пушкина. С его

творчеством связывают начало нового этапа в развитии русского литературного языка и его норм — эпохи современного русского литературного языка. А.С. Пушкин считал, что русскому языку «надобно воли дать более... сообразно с духом его» (*Пушкин А.С.* Т. 14. С. 128). Поэт сформулировал главный принцип развития литературного языка — органическое единство простонародного и книжного языка, служащее максимально точному изображению описываемого и выражению авторской мысли. В творчестве А.С. Пушкина устанавливается функционально-стилевое многообразие литературного выражения, отвечающее требованиям «искренности и точности выражения», «соразмерности и сообразности, «благородной простоты. Пушкинские традиции развивались и совершенствовались в творчестве М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина и др.

В 30–40-е гг. XIX в. в русском обществе активно обсуждается проблема дальнейшего развития русской культуры, в том числе публицистики и науки. Существенную роль в развитии русского литературного языка сыграл В.Г. Белинский, ставший основоположником революционной публицистики. Выработанные им принципы организации языковых средств стали ведущими в революционно-демократической публицистике этого периода (*Бельчиков Ю.А.* Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. С. 5). В.Г. Белинский считал общенародный русский язык главным источником обогащения стилей.

Во второй половине XIX в. публицистический стиль продолжает интенсивно развиваться, что в немалой степени связано с ростом революционно-освободительного движения и усилением политической борьбы. Публицистиче-

ский стиль развивается в тесной связи с языком художественной литературы и литературным языком. Развивается наука и научно-популярная литература. Элементы научного стиля закрепляются в различных др. стилях, в том числе в публицистическом. Взаимодействие стилей в системе литературного языка расширяет его лексико-стилистические возможности. Словарный состав литературного языка пополняется общественно-политической, научно-философской лексикой. Интерес к крестьянскому вопросу в 60–70-е гг. XIX в. после реформы 1861 г. усилил взаимодействие книжной и разговорной речи, литературный язык активно пополняется разговорно-просторечными элементами, в том числе из территориальных диалектов и социально-профессиональных жаргонов.

Дальнейшее развитие русского литературного языка, выработка его норм связана с новым этапом в жизни русского народа — Октябрьской революцией 1917 г.

Исторические изменения происходят в общественных отношениях, экономике, культуре. Социальные перемены закономерно отражаются и на развитии языка, на изменении его функций, на условиях его существования, на изменении состава его носителей. Социальный статус носителей русского литературного языка расширяется за счет рабочих, солдат, крестьян. В литературный язык проникают элементы городского просторечия, профессиональных жаргонов, диалектов. Разностильные языковые единицы активно взаимодействуют и влияют на существующие нормы, которые в этот период интенсивно меняются. Усиление влияния и значения литературного языка меняет его соотношение с диалектами, развитие которых

заметно приостанавливается. Наиболее значительные изменения происходят в словарном составе. После революции в силу значительных социальных перемен, связанных с распространением книг, газет, журналов, ликвидацией безграмотности, повышением общей культуры населения, расширением экономических связей с другими странами, идет активное пополнение словаря литературного языка. Расширение словарной базы происходит в результате заимствования иноязычных слов, за счет отдельных разговорно-просторечных, диалектных и жаргонных слов, а главное — за счет образования новых слов и семантического переосмысления существующих.

Дальнейшее развитие русского литературного языка идет по пути выработки единых норм на всех уровнях языковой системы. Одну из главных ролей в этом процессе играет наука о русском языке, призванная не только изучать существующие нормы, но регулировать и выработать новые в соответствии с изменениями в жизни современного общества.

Конец XX — начало XXI столетия для России — время значительных преобразований, связанных с изменениями в экономической, политической и культурной жизни общества. В настоящее время идет активное пополнение словарного состава, расширение границ функциональных стилей, появляются новые средства словопроизводства, меняются формы выразительности. Наиболее заметны изменения, происходящие в языке средств массовой информации. Отражая общие особенности развития современного русского литературного языка, с одной стороны, с другой — они активно воздействуют на его развитие. Наиболее значительные изменения происходят в условиях личной и публичной комму-

никации, и как следствие меняется речевое поведение носителя языка. По наблюдениям лингвистов, «резко ослабляется, можно даже сказать рушится, цензура и автоцензура. Люди начинают говорить и писать свободно» (Русский язык конца XX столетия (1985—1995). С. 12). Нередко свобода пользоваться языком понимается как вседозволенность в словоупотреблении — отрицание нормы в языке. В научной и научно-популярной литературе постоянно обсуждаются проблемы правильности и чистоты речи, пути сохранения и развития русского литературного языка. Звучит тревога за судьбу «великого, могучего многострадального языка». Однако следует подчеркнуть, что не язык приходит в упадок, а общество. Речь идет не об оскудении языка (он по-прежнему богат и выразителен), а о неспособности отдельных его носителей воспользоваться этим неисчерпаемым богатством. В.Г. Костомаров справедливо полагает, что нельзя «совершенствовать речь без изменения интересов и ориентиров. Когда у нас в головах воцарится здравомыслие, тогда и язык придет в нормальное состояние. Процесс долгий» (Костомаров В.Г. О сообразности и соразмерности). Иными словами, история русского литературного языка XXI в. — это поиск путей его сохранения.

Лит.: Бельчиков Ю.А. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского. М., 1962; Виноградов В.В. История русского литературного языка // Виноградов В.В. Избр. труды. М., 1978; Он же. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; Он же. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967; Он же. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 1934; 3-е изд., 1982; Винокур Г.О. Рус-

ский язык. Исторический очерк // Избр. работы по русскому языку. М., 1959; В о м - перский В. П. Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970; Востоков А.Х. Рассуждение о старом и новом слоге в российском языке М., 1903; Горшков А.И. История русского литературного языка. М., 1969; Он же. Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983; Ефимов А.И. История русского литературного языка. М., 1971; Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) М., 1975; Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999; Он же. О сообразности и соразмерности // Независимая газета. 1997. 4 дек.; Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка. М., 1978; Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л., 1981; Обнорский С.П. «Русская правда» как памятник русского литературного языка // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. № 10. 1934; Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. М.; Л., 1938; Соболевский А.И. Южнославянское влияние на русскую письменность XIV–XV вв. СПб., 1894; Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка и других наречий. М., 1959; Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1994; Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981; Черных П.Я. Происхождение русского литературного языка. М., 1950; Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941; Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

ИСТОРИЯ СООТНОШЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ПО ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ. Система консонантизма современного русского языка сложилась в процессе исторического развития языка, и многие ее особенности восходят к периоду XI–XIV вв. В современном русском языке представлены: 1) 12 кор-

релятивных пар по твердости и мягкости; 2) непарные твердые согласные [ж], [ш], [ц]; 3) непарные мягкие согласные [ж'] долгий, [ш'] долгий, [ч'] и [j].

Система согласных фонем современного русского языка характеризуется тем, что противопоставленность твердых и мягких согласных служит для различения звуковых оболочек слов. Следовательно, твердые и мягкие согласные представляют собой самостоятельные фонемы. Исключение составляют [г], [к], [х], которые могут быть и твердыми, и мягкими, но данные качества не являются дифференцирующим признаком, так как не выступают в тождественных фонетических условиях. В сильной позиции по твердости/мягкости в конце слова и перед гласными звуками [а], [о], [у] функционируют только твердые заднеязычные, за исключением слова *ткет*. В слабой позиции по твердости/мягкости перед [’э] и [и] встречаются только мягкие заднеязычные: *на пороге, на руке, о засухе, гибель, кидать, хилый* и т.п.

В древнерусском языке количество согласных фонем было иным: они могли быть или только твердыми, или только мягкими. Параллельные пары по мягкости и твердости имели лишь пять фонем: [р] // [р’], [л] // [л’], [н] // [н’], [з] // [з’], [с] // [с’]. Мягкость сонорных возникла в сочетании с йотом, а мягкость [з’], [с’] в результате второй или третьей палатализации. В древнерусском языке, как свидетельствуют источники, вплоть до середины XI в. твердые согласные (кроме заднеязычных) могли занимать позицию перед любым гласным, образуя, таким образом, следующий ряд: твердый // полумягкий согласный.

Однако после изменения носовых гласных, перехода [е] в [’о] и утраты редуцированных гласных установи-

лось четкое и последовательное соотношение между твердыми и мягкими согласными. Подобное соотношение устанавливается в результате ассимиляции согласных под влиянием гласных переднего ряда: согласные при произношении продвигаются вперед и становятся мягкими. Так на месте полумягких согласных возникают мягкие, приобретая, таким образом, не свойственную им йотовую артикуляцию. В результате данного изменения в языке утрачиваются полумягкие разновидности твердых согласных, т.е. согласные начинают выступать или как твердые, или как мягкие. Подобные мягкие согласные, возникшие на месте полумягких, принято называть согласными вторичного смягчения. Предполагают, что процесс смягчения полумягких согласных развился накануне письменного периода, о чем свидетельствует сохранение обозначения мягких и полумягких согласных. Так, в памятниках после мягких согласных отмечаются йотированные гласные, а после полумягких они отсутствуют. Тем не менее к началу письменного периода этот процесс, вероятно, закончился, так как в словах отмечаются мягкие согласные перед [а], восходящим к [е] (е-носовому). Следовательно, полумягкие смягчились раньше утраты носовых, а иначе согласный остался бы твердым, напр., *мясо* — на месте *мѣсо*.

Таким образом, в результате вторичного смягчения согласных в современном русском литературном языке образовались следующие пары согласных фонем по мягкости и твердости: [б-б'], [п-п'], [в-в'], [м-м'], [д-д'], [т-т'], [з-з'], [с-с'], [л-л'], [р-р'], [н-н'], а несколько позже — [ф-ф']. Например, *жива* — *живя*, *корма* — *кормя*, *вода* — *водя*, *хмур* — *хмурь*, *был* — *быль*, *мол* — *моль*, *клад* — *кладь*, *ос* — *ось* и т.д.

Звуки [и] и [ы] в древнерусском языке выступали как самостоятельные фонемы до вторичного смягчения согласных. После смягчения полумягких согласных произошло слияние гласных [и] и [ы] в одной фонеме. В современном русском языке звук [и] по-прежнему сочетается с мягкими согласными, а [ы] — с твердыми, но различие [и] и [ы] стало определяться качеством предшествующего согласного: *играть* — *сыграть*, *искать* — *отыскать*, *история* — [к *ы*стории] (к истории), *бил* — *был*, *мил* — *мыл*, *носы* — *носи*, *возы* — *вози* и т.п.

Изменение сочетаний [гы], [кы], [хы] в [ги], [ки], [хи].

В древнерусском языке заднеязычные [г], [к], [х] были твердыми и сочетались только с гласными переднего ряда [а], [о], [ы], [у]: *катати*, *Кыевъ*, *күсати*, *гадати*, *голодати*, *гыбель*, *ходити*, *хытрын*, *рүкы*, *ногы*, *мүхы* и т.д.

По первому смягчению (перед гласными переднего ряда) и перед [j] [г], [к], [х] изменялись в шипящие, а по второму и третьему — в свистящие согласные.

С XII в. в памятниках древнерусского языка начинают употребляться сочетания [ги], [ки], [хи], [ге], [ке], [хе] в славянских словах. Данные памятников свидетельствуют, что такое изменение шло сначала на юге, затем — на севере, а к XIV в. установилось повсеместно. Это смягчение принято называть четвертым неорганическим (непереходным), так как нет изменений в другие звуки. Его возникновение объясняется следующим образом. Звук [ы] был наименее лабиализованным. В связи с этим перед ним исчезала и лабиализация [г], [к], [х], которые в своем образовании продвинулись вперед, стали среднеязычными. Это в свою очередь вызвало продвижение [ы] в передний

ряд и переход его в [и]: *Киев, гибель, хитрый, кивать, похитить, гибкий, в руке, в руке, ноги, на ноге, враги, мухи* и т.д.

В некоторых говорах после падения редуцированных в результате ассимиляции наблюдается появление мягкого [к'] перед гласными непереднего ряда: *Ван'кя, чайкю, дочкя*.

Однако в литературном языке сочетания мягких согласных [г], [к], [х] с гласными непереднего ряда в русских словах невозможны. Так, нет сочетаний [гя], [кя], [хя], [ге], [ке], [хе], [гю], [кю], [хю]. Эти сочетания всегда являлись признаком неславянского происхождения слов: *гяур, кюре*.

В современном русском литературном языке сочетания [гы], [кы], [хы] в письменной речи не отражаются. Они допускаются лишь в произношении:

а) **глаголов** на *-гивать, -кивать, -хивать*: *натяг[ы]вать, расталк[ы]вать, распах[ы]вать*;

б) **прилагательных**: *полог[ъ]й, легк[ъ]й, тих[ъ]й, Горьк[ъ]й, Маяковск[ъ]й*, и в настоящее время такое произношение является необязательным, скорее устаревшим;

в) **на стыке слов**: *к [ы]стории* (к истории), *дух [ы]згнанья* (дух изгнанья);

г) **в междометиях** и образованных от них существительных: *кыш, кыс-кыс (кис-кис), кысонька (кисонька)*.

В этом случае оба варианта допустимы и на письме.

Лит.: Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *і* и *у*// Вестник МГУ. № 1. 1947; Он же. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением поздней великорусской колонизации. СПб., 1913; Иванов В. В. Историчес-

кая фонология русского языка. М., 1968; Калнынь Л. Э. Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.

ИСТОРИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ С J. Для фонетической системы общеславянского языка были нехарактерны сочетания согласных с последующим *j*, так как еще до его распада согласные под влиянием *j* в результате ассимиляции по мягкости изменились. Данные славянских языков свидетельствуют, что этот процесс не прекратился и к VII – VIII вв. Результаты смягчения и ассимиляции согласных в одних случаях носят общеславянский характер, в других – различаются в зависимости от групп славянских языков. На славянской почве произошли значительные изменения многих согласных звуков перед *j*. Судьба прежних сочетаний **gj*, **kj*, **chj*, **pj*, **lj*, **nj*, **sj*, **zj* была одинаковой во всех славянских языках, что свидетельствует о глубокой древности данного фонетического явления. Таким образом, в древнерусском языке, как и в других славянских языках, шипящие могли возникать в результате ассимиляции предшествующих согласных [г], [к], [х] под влиянием последующего *j*. Например:

Г > Ж: *острог – стража, слуга – служу*;

К > Ч: *секу – сеча, плакать – плачу*;

Х > Ш: *сухой – суша, пахать – пашу*.

Список подобных примеров можно было бы продолжить, поскольку таких чередований в современном русском языке достаточно много. Как видно из приведенных примеров, *j* в подобных случаях графически не наблюдается, однако он легко восстанавливается при сравнении со словами того же лексико-грамматического класса. Так, у существительных 1-го склонения параллельно с флексией *-а* (*вода, сестра* и т.п.) используется графическая флек-

сия «-я»: земля, капля (caieу, eaieу), обусловленная исторически влиянием j и проявляющаяся в современном русском языке в чередованиях м // мл', п // пл', б // бл', в // вл', где [л'] – эпентетикум: *земной* – *земля*, *капать* – *капля* и т.п. Аналогично в глагольных формах 1-го лица настоящего времени, где параллельно с флексией -у возможно -ю: *иду*, но *работаю*. Таким образом, данные исторические чередования заднеязычных согласных [г], [к], [х] с шипящими могут быть объяснены двумя фонетическими процессами: а) первой палатализацией и б) переходным смягчением твердых [г], [к], [х] перед j.

Естественно, возникает вопрос, как дифференцировать данные чередования? Для этого необходимо обратить внимание на гласный, который следует за шипящим, и воспользоваться следующим рассуждением. Рассмотрим следующие словоформы: *замучить* – *замучу*; *пашет* – *пашу*; *дружит* – *дружу*. Подберем родственные слова (*мúка*, *пахать*, *друг*) и установим чередования: [к] // [ч], [х] // [ш] и [г] // [ж]. Одинаково ли происхождение шипя-

щих? На первый взгляд, ответ может быть утвердительным. Однако обратим внимание на гласные звуки после шипящих – они разные: в одних случаях это гласные переднего ряда, в других – непреднего. Следовательно, и причина возникновения шипящих и соответствующих чередований может быть разной: перед гласными переднего ряда как следствие первой палатализации, перед гласными непреднего ряда – йотовой. Следует, однако, заметить, что данное утверждение не является строгим правилом, поэтому каждый случай требует тщательного внимания и анализа. Так, у существительных типа *нож* (*ножь*), *ключ* (*ключь*) с древней основой на *jo и в формах глаголов 1-го лица единственного числа настоящего времени третьего класса типа *скакать*, *писать*, *вязать* шипящие возникали в результате йотовой палатализации.

Общеславянские сочетание *tj, *dj изменялись при распаде общеславянского языка и поэтому в трех группах славянских языков дали разные результаты:

Общеславянские сочетания	РЕФЛЕКСИИ		
	в юж. слав. языках	в зап. слав. языках	в вост. слав. языках
*tj *svetja	ш'т' ст.-слав. свештѧ	с (ц) польск. swieca	т'т' > т'ш' > ч' др.-руссск. свѣча

Сравните:

вертеть – *вращать* – *ворочать*
просветить – *просвещать* – *просвечивать*
питать – *пища* – *пичкать*

Старославянскому звуку [ш'т'] в древнерусском языке соответствует звук [ш] – долгий, мягкий, т.е. современное Ш.

Общеславянские сочетания	РЕФЛЕКСИИ		
	в юж. слав. языках	в зап. слав. языках	в вост. слав. языках
*dj *chodjQ	ж'д' в ст.-слав. хождѧ	dz в польск. hodzę	д'ж' > ж' в русск. хожу

ИСТОРИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ С J

Сравните, напр., данные ниже разные по происхождению корневые морфемы слов:

судить — *суждение* — *сужу*
водить — *вождь* — *вожак*

Общеславянские сочетания *gt, *kt перед гласным переднего ряда, обычно перед [i], изменялись:

Общеславянские сочетания	РЕФЛЕКСИИ		
	в юж. слав. языках	в зап. слав. языках	в вост. слав. языках
*gt, *kt	ш'г' в ст.-слав.	с (ц) в польск.	ч в русск.
*m o g t i	мошти (мощь)	moś	мочь

Подобное изменение, как правило, наблюдается при образовании инфинитива от глагольных основ на заднеязычные [г], [к]: *pekti — *пекү* — *пекти* — *печь*, *strigti — *стригү* — *стригти* — *стричь*, *tekti — *текү* — *текти* — *течь*, *bergti — *берегү* — *берегти* — *беречь*.

Такие же изменения наблюдаются и при образовании имен существительных. Так, литовским *naktis* и *duktis* у славян соответствуют: в старославянском языке — *ношть*, *дъшти* (*нощь*, *дщерь* в русском произношении); в польском языке — *нос*, *дос*; в русском языке — *дочь*, *ночь*.

В современном русском литературном языке параллельно употребляются русские и старославянские формы, но в таком случае они расходятся по значению или стилистически, или принадлежат к разным частям речи: *свеча* — *освещение*, *невежа* — *невежда*, *межа* — *между* — *меж*, *сужу* — *суждение*, *мощь* — *мочь*, *пища* — *пичкать* и т.п.

Слова *нощь* (у А.С. Пушкина «...полнощных стран краса и диво») и *дщерь* (у М.В. Ломоносова) встречаются в литературе XVIII–XIX вв.

В современном русском литературном языке они перешли в разряд архаизмов. Если же русские и старославянские слова совпадали по своему значению, то в современном русском языке закрепилось одно слово: или русское,

или старославянское: *гладить* — *глажу*, *берегу* — *беречь*, *пеку* — *печь*, *одежда* — *одежа* (простореч.), *одежка* (разг.), *нужда*, *помощь* и т.п.

Сочетание *sj изменялось в мягкий шипящий во всех славянских языках, что подтверждается, в частности, следующими историческими чередованиями в современном русском языке: *писать* — *пишу*; *носить* — *ношу*; *косить* — *кошу* и т.д.

Сочетание *zj во всех славянских языках дало одинаковый результат — изменилось в [ж']: *мазать* — *мажу*, *резать* — *режу* и т.п.

Если в словах возникали сочетания *zdj или *zgj, а также *zg с гласными переднего ряда, то в восточнославянских языках они изменялись в [ж'д'ж'] с последующим изменением в [ж'ж'] (в современном русском языке сохраняется старославянское написание), на их месте в старославянском языке возникали мягкие сложные согласные — [ж'д'], в русском — [ж]. В произношении — долгое мягкое [ж]: *пригвоздить* — *пригвозждать*; *мозг* — *изможденный* — *изнеможение*; *визг* — *визжать*; *ездить* — *езжу*. Отметим, что в современном русском литературном произношении наблюдается тенденция к сокращению и отвердению мягкого [ж'] в сочетании [зж].

Общеславянские сочетания *skj, *stj давали в языках южнославянской

ИСТОРИЯ СОЧЕТАНИЙ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ С J

группы [ш'т'], в восточнославянской — [ш'т'ш'], затем [ш'ч'] или [ш'ш'] (в современном русском языке — орфографическое Ш), в произношении долгое мягкое [ш]. Например: *искать* — *ищу*, *треск* — *трещать*, *рост*, *растить* — *рощу*, *выращивать*, *полоскать* — *полощу*, *свистеть* — *свищу* и др.

Шипящие согласные [ж], [ш], [ч] в древнерусском языке были мягкими,

так как возникли в результате смягчения из других согласных, и поэтому в памятниках древнерусского языка наблюдаются написания гласных Я и Ю после них: *стужя*, *чюдо*, *чян*, *щюка*, а также *стужа*, *чан*, *щука* и т.д. Таким образом, шипящие согласные в современном русском языке различны по своему происхождению, что может быть сведено к следующим схемам:

Образование звука [ж] из сочетаний звуков			
*g + гласный переднего ряда (1-я палатализация)	*g + j	*d + j	*z + j
могу — можешь	слуга — служу	гладить — глажу	возить — вожу

Образование звука [ш] из сочетаний звуков		
*ch + гласный переднего ряда (1-я палатализация)	*ch + j	*s+j
сухой — сушить	сухой — суша	носить — ношу

Образование звука [ч] из сочетаний звуков			
*k + гласный переднего ряда (1-я палатализация)	*k + j	*t + j	*kt, *gt + и
рука — поручиться	плакать — плачу	лететь — лечу	пеку — печь могу — мочь

Образование звука [ш'ш'] из сочетаний звуков	
*sk + j,	*st+j
искать — ищу	свистеть — свищу

Сочетание губных *b, *p, *v, *m с j. Известно, что если эти сочетания находились в начале слова, то еще в общеславянский период они дали вставное [л'] ([л'] — эпентетикум). Например, готскому *biudis* (род. п.) и литовскому *sriauti* в славянских языках соответствуют *блюдо*, *блюсти* и *плюю*. Если же эти сочетания возникали на стыке конечного корневого губного с суффиксом

или окончанием, то в разных группах славянских языков были различные результаты, так как процесс протекал после распада общеславянского языка.

В южной группе славянских языков вставное [л'] могло появляться, могло и отсутствовать; в западной группе отсутствовало, а у восточных славян обязательно возникали сочетания *бл*, *пл*, *вл*, *мл* с мягким [л']:

ИСТОРИЯ СУПИНА

Общеславянск.	в ст.-слав.	в польск.	в русск.
*zemja	земля - земля	ziemia	земля
*lubjQ	люблю	lubię	люблю

Чередования *б // бл', н // нл', в // вл', м // мл'* сохраняются и в современном русском языке: *любить – люблю, купить – куплю, ловить – ловлю, кормить – кормлю*.

Эти чередования оказались настолько устойчивыми и продуктивными, что возникают даже в заимствованиях и словах более позднего происхождения: *бомбить – бомблю, графить – графлю* и т.д.

Известно, что сочетания губных с последующим мягким [л'] могут быть общеславянскими, и тогда [л'] этимологического происхождения, а могут возникнуть в результате влияния *j*, и тогда [л'] – фонетического происхождения. Возникает вопрос, как отличить подобные, похожие друг на друга формально сочетания? Для этого необходимо попытаться подобрать к данным словам однокоренные, близкие по значению единицы. Если возникнут чередования типа *б // бл', н // нл'* и т.п., то они не этимологические, а фонетические. Если же подобных чередований не возникнет, то они – праславянские, этимологические.

В отличие от всех перечисленных выше согласных звуков согласные [н], [р], [л] имели три позиции: могли быть твердыми, полумягкими и мягкими, поэтому могли сочетаться и с *j*. Данный процесс носил общеславянский характер. Например, *banja (греч. balaneion «купальня, баня») – *баня*, *volja – *воля*, *bugja (норв. buga «реветь», лат. fugo «неистовствую») – *буря*.

Лит.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974.

ИСТОРИЯ СУПИНА. Супин – это исторически форма винительного падежа единственного числа существительного с древней основой на *i. Супин образовывался с помощью суффикса *-тъ* и употреблялся при глаголах, обозначающих движение или действие, требующее движение или побуждающее к нему (*ходити, иди, просити, звати* и т.п.). Используя при глаголах движения, супин указывал цель этого движения, что, вероятно, дало основание А.Х. Востокову называть его достигательным наклонением. Супин управлял существительным или местоимением в родительном падеже: *новгородъци же... идоша прогонити его* «новгородцы же пошли, чтобы прогнать его» (1-я Новг. летопись); *ездити... звРри гонити* «езжайте гонять зверей» (Новгородская грамота 1264–1265 гг.). По своей функции в предложении супин похож на инфинитив, но в отличие от него используется не столь активно, поэтому начиная с XI в. постепенно выходит из употребления и заменяется конструкцией с инфинитивом: *ехали тамо твердити мирь* (Смоленская грамота 1229 г.). Однако в отдельных говорах супин сохранялся вплоть до XV в.: *поухати пить в зраковици* (запись в Шестодневе 1374 г.). А.М. Ломов отмечает, что влиянием супина объясняются формы с родительным падежом после инфинитива в Воронежских грамотах XVII в.: *хлеба продавать ездил, пошли зажигать селъ и деревень*, – если инфинитив по происхождению восходит к супину (Ломов А.М. Плагольные конструкции с зависимым членом в

функции объекта. С. 5, 8, 11). В современном русском языке супин утрачен.

Лит.: Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995; Ломов А. М. Глагольные конструкции с зависимым членом в функции объекта: Воронеж, 1966; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953; Пеньковский А. Б. О диалектных явлениях, генетически связанных с супином // Совещание по общеславянскому атласу. М., 1975. См. также «История настоящего времени глагола».

ИСТОРИЯ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО. Качественные прилагательные в древнерусском языке имели формы степеней сравнения, которые в отличие от современного русского языка изменялись по родам, числам и падежам, могли быть в полной и краткой форме и выполнять в предложении функцию определения, согласуясь с определяемым существительным.

Формы сравнительной степени были унаследованы древнерусским языком из праславянского и образовывались от основы положительной степени с помощью суффикса *-jъs- (*-jes- в именительном, винительном падежах среднего рода единственного числа). Суффикс присоединялся к основе по-разному: непосредственно к основе или при помощи суффиксального элемента [*ē] > [ě] (ѣ). Кроме того, суффикс осложнялся элементом [j], влиявшим соответственно на предшествующий согласный -s-: *sj>[š'], что привело к образованию суффиксов -jъш- (-jеш-), -ѣиш-. Принято считать, что характер присоединения суффикса зависел от интонации основы: при нисходящей интонации присоединение осуществлялось непосредственно к основе, при восходящей – с помощью [ě] (ѣ).

Поскольку формы сравнительной степени распространялись *j, то они

склонялись, как и существительные мягкого варианта на *jǫ мужского и среднего родов и на *jā женского рода. В формах именительного и винительного падежей единственного числа мужского и среднего родов в суффиксе отсутствовал [j] и не было окончаний именного склонения, вследствие чего возникал слог, заканчивающийся согласным [s]. Последний в силу действия закона открытого слога отпадал: стар – ѣ – jъs > старѣи – мужской род; старѣе – средний; старѣиши – женский род. Если основа прилагательного заканчивалась на заднеязычный, то перед [*ē] по закону первого смягчения он изменялся в мягкий шипящий, а [*ē] в [a]: *such – ē – jъs > suchje > *шше*.

История развития сравнительной степени прилагательного связана с утратой ею функции определения. Формы сравнительной степени рано теряют способность изменяться не только по падежам, но и по родам, и по числам. Теряя, как и краткие прилагательные, формы словоизменения, сравнительная степень тяготеет к глаголу и закрепляется в функции предиката.

Наиболее продуктивной в истории русского языка оказалась форма именительного падежа единственного числа среднего рода на -ѣе > *ее* или *-ей*, где *й* – результат изменения безударного конечного гласного: в древнерусском языке – *добрѣи* (муж. род); *добрѣе* (ср. род), *добрѣиши* (жен. род), в современном русском языке только *добрее* (*добрей*), причем в диалектах эти формы используются чаще, чем в литературном языке, поскольку в последнем предпочтительнее формы типа *лучше*, *хуже*.

В древнерусском языке сравнительная степень прилагательного, кроме краткой, имела и полную форму, с судьбой которой связаны современные

формы превосходной степени. Полные формы сравнительной степени прилагательного образовывались от кратких путем присоединения указательных местоимений **и**, **а**, **к**. В женском роде местоимение присоединялось к форме именительного падежа единственного числа краткой сравнительной степени: *новѣишии* + **а**, а в мужском и среднем родах – к форме винительного падежа единственного числа: *новѣишь* + **и** > *новѣишии*, *новѣише* + **~** > *новѣише*. Полные формы сравнительной степени употреблялись в функции определения и изменялись по образцу мягкого варианта полных прилагательных. С течением времени данные формы сохранили свои грамматические признаки, но изменили лексическое значение и стали восприниматься как формы превосходной степени. Значение превосходной степени в древнерусском языке передавалось описательно: при помощи слов *вельми*, *очень*, *самый* и положительной степени прилагательного, что сохраняется и в современном русском языке. Формы с приставками *пре-* и *наи-*, церковнославянские по происхождению, в живом употреблении практически не встречались. Процесс утраты старых значений сравнительной степени проходил в XVII–XVIII вв. Однако еще в начале XIX в. отмечаются случаи использования полных форм в значении сравнительной степени. В современном русском языке при образовании превосходной степени от основ на заднеязычный наблюдаются исторические чередования, связанные с законом первого смягчения: *строгий* – *строжайший*, *высокий* – *высочайший*, *низкий* – *нижайший* и т.п.

Лит.: Бромлей С. В. К истории образования форм сравнительной степени // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. Т. VIII. М., 1957. См. также «История имени прилагательного».

ИСТОРИЯ ШИПЯЩИХ, АФФРИКАТ [Ц], [Ч]. Шипящие звуки [ж], [ш], аффрикаты [ч] и [ц], возникнув в результате первой, второй, третьей или йотовой палатализаций, относились к исконно мягким согласным и никогда не были парными фонемами по твердости-мягкости. И в современном русском языке [ч'] – мягкий, непарный, [ж], [ш], [ц] – всегда твердые. Таким образом, история этих звуков – это история их отвердения, причем, как отмечает В. В. Иванов, никак не связанная с падением редуцированных в отличие от развития такой системы противопоставления у др. согласных. По данным письменных памятников, судьба [ж'], [ш'], [ц'], [ч'] не была одинаковой. С XIV в. в памятниках письменности встречаются написания с *жы* и *шы* вместо прежних *жи* и *ши*, свидетельствующие об отвердении [ж] и [ш]. В духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. отмечено *жывите*, *жывоуъ*, *держытъ*. Примеры с твердым [ц] обнаруживаются позже. Так, в «Домострое», памятнике XVI в., отмечены написания *отецъ*, *концы*, *нацыдят*. О позднем отвердении [ц] свидетельствует отсутствие перехода [е] в [о]: *купец*, *отец*, *огурец*, *молодец*, условием для которого, как известно, являлась позиция гласного [е] после мягкого согласного перед твердым под ударением.

1. Согласные звуки [ж] и [ш] отвердели полностью, что видно из их произношения в современном русском литературном языке, а в древнерусском языке и в написании после них гласных [ы], [ь], [о]: *жылъ*, *шылъ*, *пшоно*, *мужы*, *мужъ*, *жона*.

В орфографии современного русского языка написание гласного [и] является традиционным: *жил*, *шил*, *шило*, *жизнь*, *животное*, *широкий*.

Написание мягкого знака служит для указания на определенную грамматическую форму:

- а) женский род — *мышь, рожь*;
- б) второе лицо глаголов — *читаешь, ходишь, говоришь*.

В литературном языке долгие мягкие звуки [ж'] и [ш'] в отдельных словах имеют позиционную мягкость, а в диалектах отмечается их отвердение.

2. Согласный звук [ч'] в литературном русском языке и в говорах сохранил исконную мягкость, отвердев в белорусском и частью в украинском. Правда, [ч] твердый отмечается в западнорусских и северновеликорусских говорах. Общая тенденция к отвердению мягких согласных практически не отразилась на долгом мягком Ш в литературном языке, поскольку здесь он сохранил исконную мягкость. В говорах, однако, он отвердел.

3. Долгий [ж'] (из *zgj, *zdj, j), исконно мягкий, в настоящее время еще не отвердел окончательно, о чем свидетельствует параллельное функционирование в произношении твердого и мягкого [ж]: [*вож'ж'и*] и [*вожжы*], [*виж'ж'ать*] и [*вижжать*], [*дрож'ж'и*] и [*дрожжы*], [*еж'ж'у*] и [*ежжу*].

Итак, в процессе формирования противопоставленности твердых и мягких согласных применительно к истории шипящих и аффрикат устанавливается следующее: твердые шипящие [ж], [ш] и свистящий [ц], мягкие шипящие [ч'], [ш'] долгий остаются в русском языке непарными фонемами по твердости-мягкости.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1954.

Кирилл и Мефодий. Создатели славянской азбуки, известные всему миру христианские миссионеры, просветители славян и первые переводчики богослужебных текстов с греческого языка на славянский.

Основными источниками для изучения жизни и деятельности Кирилла (светское имя Константин, около 827–869 гг.) и его брата Мефодия (светское имя не установлено, около 815–885 гг.) служат жития, созданные после их смерти. Они были сыновьями византийского военачальника, уроженцами г. Солунь (Фессалоники), центра греческой колонии на территории македонских славян. Разноязычное население Солуны владело, вероятно, греческим и славянским языками. Знали их Константин и Мефодий, что подтверждается их трудами по созданию и распространению славянской письменности.

Более 1130 лет назад была составлена первая славянская азбука, хорошо приспособленная для переводов религиозных текстов на славянский язык и положившая начало развитию славянской письменности в целом. Возникновение азбуки было связано со стремлением западных славян читать, писать и проводить богослужение на родном языке. В истории любого государства церковь всегда оказывала серьезное влияние на формирование его внутренней и внешней политики, на развитие всех областей знаний, регулировала взаимоотношения индивидуума и государства, контролировала исполнение канонических правил и законов в обществе.

Во 2-й половине IX в. Великая Моравия, западнославянское княжество на территории современной Словакии, после распада империи Карла Великого стала юридически независимым христианским государством, фак-

тически же продолжала входить в состав баварского архиепископства, совершавшего богослужение на непонятном и чуждом славянам латинском языке. Согласно религиозным канонам средневековой Европы церковная служба могла вестись только на одном из законных церковных языков: латинском, греческом и еврейском. Латинский и греческий языки получили это право как языки христианских центров (Рим, Византия), еврейский — как язык народа, среди которого впервые распространилось христианство.

Дальновидный политик и правитель, великоморавский князь Ростислав, стремясь сохранить политическую независимость и оградить свой народ от влияния баварских епископов, отправляет не позднее 862 г. посольство к византийскому императору Михаилу III. В Византии, центре христианства, не препятствовали богослужению на языке народов, принявших христианство. Армяне, грузины, копты (христиане-египтяне), сирийцы (христиане-арамейцы), имевшие письменность, вели богослужение на родных языках. Князь Ростислав просил прислать в Моравию учителей, которые обучили бы народ христианской вере на его родном языке. Просьба Ростислава была удовлетворена. Византийский император поручил возглавить моравскую миссию Константину и Мефодию: *Вы бо есте селунянина да селуняне вси чисто словенски бесѣдуютъ* «Вы селуняне, а все селуняне хорошо говорят по-славянски» — с такими словами, по свидетельству житий, обратился к братьям Михаил III.

И в 863 г. братья отправляются в Моравию проповедовать христианство на славянском языке. Выбор императора, считают исследователи, не был случайным. И не только потому, что братья владели языком народа, кото-

рого предстояло научить читать и вести богослужение на родном языке. Старший брат Мефодий имел навыки административной деятельности: какое-то время был правителем византийского княжества со славянским населением. Позже он оставил службу, около 852 г. принял монашеский постриг и стал игуменом монастыря Полихрон (Малая Азия). Константин был образованнейшим человеком своего времени, получил блестящее образование у известных ученых — Льва Грамматика и Фотия (будущего патриарха) — при дворе императора в Константинополе. Для Константина, как и для многих его современников, наука — одно из условий постижения высшей мудрости — Библии. В служении Богу он видел главное свое предназначение. После окончания обучения он принимает сан священника и какое-то время служит в соборе святой Софии в Константинополе и преподает философию, принимает участие в различных теологических спорах и дискуссиях. Много путешествует, занимаясь миссионерской деятельностью в составе византийских посольств. В 851—852 гг. участвует в философских богословских дискуссиях с мусульманскими учеными при дворе арабского халифа Муттавакиля. По источникам, в этот период он известен как Константин Философ. После возвращения из Константинополя провел некоторое время в монастыре у Мефодия.

Около 861 г. в составе византийской миссии проповедует в Хозарии, распространяя христианское учение. По пути в Хозарию братья дважды останавливаются в Крыму, в греческой колонии в Херсонесе. Здесь они приобрели мощи христианского мученика — святого Климента, считавшегося первым римским епископом. Здесь же Кирилл познакомился с евангелием и

псалтырю, написанными якобы «русскими» буквами, и довольно быстро, как свидетельствуют «Жития», научился их читать. Этот факт дает основание ученым полагать, что язык, на котором были написаны книги, Кириллу был знаком. Вернувшись из Хозарии, он работает над составлением славянской азбуки и переводом на славянский язык книг Священного Писания. Как сообщают жития, он приступил к переводу задолго до приезда миссии из Моравии. Подобные свидетельства кажутся достоверными. Во-первых, за время, которым располагали братья, невозможно было составить столь совершенную, хорошо приспособленную к славянской речи азбуку, во-вторых, успеть осуществить перевод ряда богослужебных книг. Именно эти обстоятельства, возможно, и определили выбор императора Михаила III.

При подготовке переводов священных книг на славянский язык в его основу был положен болгаро-македонский диалект солунских славян. Однако по поводу того, какая именно азбука – глаголица (см.) или кириллица (см.) – была создана, единого мнения пока нет. Одно несомненно: это было начало славянской письменности, появился первый письменный язык славян – старославянский. В Моравии Константин и Мефодий продолжали переводить церковные книги, закончили перевод Евангелия апракоса, Апостола, псалтыри, подготовили учеников, обучив их чтению, письму, ведению богослужения на родном языке. Миссионерская деятельность братьев была поддержана в соседнем христианском Блатенском княжестве (Зап. Венгрия) князем Коцелом, поручившим им подготовить 50 учеников для ведения богослужения в строгом соответствии с христианской традицией, но на славянском языке.

Однако местное католическое духовенство видело в братьях соперников и всячески препятствовало их деятельности, обвиняя в ереси. Не решило проблемы и обсуждение в синоде в Венеции, где проводилось рукоположение учеников Константина. В житии отмечается, что Константин убеждал «триязычников» (сторонников только «триязычия» в проведении богослужения) в том, что каждый народ вправе выбирать, на каком языке должны быть написаны священные книги и на каком языке допустимо служение в церкви. Из Венеции братья прибыли в Рим. Константин преподносит папе Андриану II обретенные им в Херсонесе мощи святого Климента. Столь бесценный подарок не мог остаться незамеченным. Кроме того, Андриан II, стремившийся укрепить не только свой авторитет в Риме, но и расширить свое влияние в славянских странах, поддержал братьев. Были признаны славянские книги и славянский язык в письменности, Константин и Мефодий получили сан священников. Однако в Риме Константин заболел и умер. Перед смертью он постригся в монахи и принял имя Кирилл.

Мефодий был назначен архиепископом одного из округов епархии, в состав которой входили Великоморавское и Блатенское княжества. В течение 15 лет (870–885 гг.) Мефодий продолжал переводить богослужебные книги, принимал участие в создании церковно-юридической компиляции «Закон судный людем»; у него появились новые ученики и последователи. Это был период постоянных столкновений с немецким духовенством.

В 870 г. Мефодий был оклеветан епископами Зальцбургским, Регенсбургским, Фрейзингенским, которых поддержал моравский князь Святополк, племянник Ростислава. Свято-

полк, занявший место дяди ценой предательства и не без помощи немецких епископов, стремившийся к расширению и укреплению своей власти, к равноправию с немецкими соседями, помог осудить и заточить Мефодия и его учеников в тюрьму. Они пробыли здесь около двух лет. Лишь благодаря покровительству папы Иоанна VIII и просьбам князя Коцела Мефодий был освобожден, ему была возвращена архиепископская кафедра, но ненадолго. Вскоре Ростиславу, противнику строгих церковных канонов, удается сместить Мефодия. 4 апреля 885 г. Мефодий скончался и был похоронен в столице Моравии Велеграде. После смерти Мефодия его противники убедили папу Стефана V запретить вести богослужение на славянском языке. Его ученики были изгнаны из Моравии, переводы богослуженных книг, сделанные братьями, были уничтожены. Изгнанные из Моравии, последователи Кирилла и Мефодия бежали на славянский юг: в Македонию, Болгарию, Хорватию и Сербию. В Македонии славянская письменность продолжает развиваться: создается ряд рукописей в лучших традициях кирилло-мефодиевских переводов (так называемая Охридская школа).

Наиболее благоприятные условия для сохранения и развития славянской письменности складываются в Болгарии при царе Симеоне (893–927 гг.). Время его царствования называют «золотым веком» древнеболгарской письменности. В этот период создаются славянские школы, делаются многочисленные списки с кирилло-мефодиевских оригиналов священных книг, переводятся с греческого языка новые тексты, создаются оригинальные произведения. Так, в трактате «О письменехъ» черноризца (монаха) Храбра рассказывается о начале славянской

письменности: *...Уловѣколюбець богъ ... посла имъ ѿго кНѣстѣтина философа... и сътвори имъ •Л• писмена* («человеколюбец бог послал им святого Константина Философа и тот сотворил им 30 букв»).

Произведения болгарских книжников написаны кириллицей (см.). Со 2-й половины X в. в связи с утратой Болгарией самостоятельности постепенно происходит упадок древнеболгарской письменности и культуры.

С конца X в. центром славянской письменности становится Киевская Русь, где христианство приобретает статус официальной государственной религии. По свидетельству «Повести временных лет», «писцы многи» делали переводы с греческого языка и составляли списки с сохранившихся древних славянских книг: Остромирово евангелие (1056–1057), Изборник Святослава (1073).

Просветительская деятельность Кирилла и Мефодия не только способствовала развитию славянской письменности, но и оказала значительное влияние на славянскую культуру в целом. Во многих славянских странах, в том числе и в России, официально отмечается День славянской письменности и культуры. В Болгарии существует орден Кирилла и Мефодия, присуждаемый за заслуги в области культуры и литературы, здесь же в г. Велико Тырново перед зданием университета, носящим имена братьев, возвышается величественный монумент в честь первых славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Воздвигнут им памятник и на Славянской площади в Москве.

Лит.: Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М., 1984. Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957; Дуйчев Ив., Кирмагова А., Паунова А. Кирило-мефодиевска библиография: 1940–1980,

София, 1983; Иванова Т. А. Вопросы возникновения славянской письменности в трудах советских и болгарских ученых за последнее десятилетие (1950-1960) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. XXII. Вып. 2. 1963; Ильинский Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; Кирилло-методиевская энциклопедия. Т. 1. София, 1985; Кирилло-методиевская библиография за 1934–1940 гг. София, 1942; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Тр. славянской комиссии. Т. 1. Л., 1930; Можаяев И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945–1974. М., 1980; Сказания о начале славянской письменности. М., 1981; Хабургаев Г. А. Первые столетия сла-

вянской письменной культуры. Истоки древнерусской книжности. М., 1994; Онеж. Старославянский язык. М., 1974.

КИРИЛЛИЦА. Одна из известных древнейших славянских азбук (см. **глаголица**). Название азбуки связывают с именем Кирилла (см. **Кирилл и Мефодий**), образованнейшего человека своего времени, знаменитого проповедника христианства у славян, просветителя и путешественника. Сохранившиеся старославянские тексты (см. **старославянский язык**) написаны двумя азбуками: кириллицей и глаголицей. По начертанию букв и особенностям письма кириллица значительно отличается от глаголицы (см. **глаголица**).

Кириллический алфавит X–XI вв.

На- черта- ние букв	Название буквы	Звуковое значение буквы	На- черта- ние букв	Название буквы	Звуковое значение буквы
а	азъ	[a]	У	червь	[ч']
б	буки	[б]	ш	ша	[ш']
в	веди	[в]	щ	ща	[ш'т'] [ш'ч']
г	глаголь	[г]	шт	шта	[шт'], [ш'ч']
д	добро	[д]	ъ	ер	[ъ]
е	есть	[е]	ы	еры	[ы]
ж	живете	[ж']	ь	ерь	[ь]
з, ѝ	зело	[д'з']	ѣ	ять	[?] [e]
з	земля	[з]	ю	ю	[y] [jy]
и	и	[и]	ѧ	я	[a] [ja]
і	иже	[и]	Ѩ	е	[e] [je]
к	како	[к]	Ѧ	юс малый	[e]
л	люди	[л]	ѧ	юс малый йотированный	[e] [je]
м	мыслете	[м]	Ѩ	юс большой	[Q]
н	наш	[н]	ѧ	юс большой йотированный	[Q] [jQ]
о	он	[о]	Ѩ	кси	[кс]
п	покой	[п]	Ѩ	пси	[пс]
р	рцы	[р]	Ѩ	фита	[ф]
с	слово	[с]	Ѩ	ижица	[и] [в]
т	твердо	[т]			
оч	ук	[у]			
ф	ферг	[ф]			
х	хер	[х]			
ω	омега	[о]			
ц	ци	[ц']			

Вопрос о времени создания кириллицы и хронологической соотнесенности с глаголицей с давних пор привлекает внимание исследователей, но до сих пор окончательно не решен. В середине XIX в. было высказано предположение, что кириллица древнее глаголицы и была составлена «первоучителями славянскими» Кириллом и Мефодием в середине IX в. В свое время чешский славист Йозеф Добровский (1753–1829) утверждал, что кириллица была создана раньше глаголицы, появившейся лишь в XIII – XIV вв. в ответ на стремление римской церкви уничтожить славянскую письменность. Позже В. Копитар, обнаружив глаголический сборник Клоца, памятник глаголического письма (см.), предположил, что кириллица появилась позже глаголицы. В настоящее время большинство исследователей считают, что глаголица древнее кириллицы и что именно она была составлена Кириллом и Мефодием в 863 (или 855) г. и по праву признана первой славянской азбукой. В качестве доказательств, косвенно свидетельствующих о более древнем происхождении глаголицы, обычно приводят следующие данные:

1. Древнейшие славянские языковые особенности обнаружены в глаголических памятниках (см.): древнейшая форма простого аориста (см.), вытесненная впоследствии сигматическим аористом (см.); здесь в большем количестве представлены еще не переведенные на славянский язык греческие заимствования, что указывает на их связь с первыми славянскими переводами. В кириллице отмечены отдельные буквы, отражающие также звуковые сочетания, которые могли возникнуть у славян лишь к концу IX – началу X в. Это греческие буквы ξ [кс], ψ [пс], отсутствующие в глаголице, так

как в IX в. у славян подобных звуковых сочетаний не было.

2. В кириллических памятниках (см.) встречаются случаи написания глаголицей. Следовательно, оригинал текста был глаголический.

3. Глаголица более архаична по составу букв, чем кириллица. Если в глаголице для изображения двух разных фонем используется одна буква, то в кириллице их две: [ē] → ѣ [’а] → ѧ. Это свидетельствует о том, что создатели кириллицы владели более совершенными навыками записи славянской речи.

4. Сохранившееся палимпсесты также указывают на более древний характер глаголицы, так как часть кириллических рукописей написана на пергамене со смытой глаголицей.

Кириллица, как принято считать, была составлена в эпоху правления болгарского царя Симеона (893–927 гг.) учениками и последователями Кирилла и Мефодия (Климентом Охридским?), хорошо знавшими греческое торжественное унциальное письмо, которое и легло в основу кириллицы, содержащей 24 из 38 уставных букв. Остальные были созданы для передачи собственно славянских звуков, напр., Ш, Ж, Ж, А и др. Состав букв кириллицы в целом отражал особенности древнеболгарской речи. Характер начертаний повторял византийские образцы. Буквенный состав кириллицы был дополнен «лишними» унциальными буквами: і (и), ѡ (о), ѱ (ф) и др.: Филипъ, Фома, вожи. Некоторые буквы были лигатурами (см.). По типу греческого письма в кириллице использовались надстрочные (диакритические) знаки: ударение, сокращение слов при помощи титла и выносных букв, символа придыхания. В кириллице буквы имели и цифровое значение, обозначавшееся с помощью одной или двух точек по середине высо-

ты букв и знака титла (см.) над ними: ·А· = 1, ·Д· = 4, ·П· = 80, ·Ф· = 500. У букв, обозначающих специфически славянские звуки, числового значения не было. Кириллицей пользовались восточные (см.), южные (см.) и, возможно, западные славяне. На Руси кириллица получает распространение в X–XI вв. в связи с принятием христианства и в течение X–XVIII вв. состав букв и их графический облик постепенно меняется: устав (см.) с его большими одинаковыми и геометрически правильными буквами сменяется полууставом с более свободным, лишенным тщательности начертанием букв.

С конца XIV в. устанавливается новый тип письма – скоропись (см.). Не все буквы древней кириллицы вошли в современную кириллическую азбуку: юс большой и йотированные юсы (см.), буква юса малого совпадает по звуковому значению с гласным [’а] после мягкого согласного или сочетанием [ja] и заменяется буквой **ѧ** (я): **мѧсо**, **ѧма**. Буква **Ѣ** (ять), передававшая особый гласный звук, вытесняется буквой **Е** или **И** (XIV–XV вв.). Буквы **Ъ** и **Ь** постепенно выходят из употребления либо вообще, либо заменяясь соответственно **О** или **Е**.

К древнейшим кириллическим памятникам относится **Добруджанская надпись** 943 г., обнаруженная в Румынии в 1950 году, предположительно, болгарского происхождения; **надпись царя Самуила**, высеченная по его приказу на каменной могильной плите его родственников в 993 г. К древнейшему памятнику XI в. относится найденная в XIX в. в Македонии и состоящая из 11 строк **«Саввина книга»** – сборник евангельских чтений («апракос», см. **Апостол**). Названа она по имени переписчика попа Саввы, который сообщает об этом в сохранившихся приписках. **Супрасльская рукопись** – минея

на все дни марта, состоящая из легенд, житий святых и т.п., найдена в монастыре в Супрасле близ Белостока. **Енинский апостол** – сборник апостольских чтений – обнаружен в болгарском селе Енина, относится к XI в. и отражает древнеболгарские языковые особенности. **Остромирово евангелие**, написанное в 1056–57 гг. для новгородского посадника Остромира, – древнейший датированный памятник восточнославянской письменности. Известны и другие датированные и недатированные памятники письменности различного содержания: **Мстиславово Евангелие** около 1115 г.; древнерусская Грамота князя Мстислава (ок. 1130 г.) – древнейший памятник делового письма. Кириллица лежит в основе современной русской письменности, а также письменности украинцев, белорусов, болгар, сербов, македонцев. См. **Апостол, памятники письменности русского языка**.

Лит.: Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М., 1984; Жития Кирилла и Мефодия. Факсимильное воспроизведение рукописей. М.; София, 1986; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963 (лит); Карский Е. Ф. Славянская кириллическая палеография. 2-е изд. М., 1979; Лавров П. А. Палеографическое обозрение кириллического письма. М., 1950; Щепкин В. Н. Русская палеография, 2-е изд. М., 1967; Сказания о начале славянской письменности М., 1981; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

ЛАБИАЛИЗАЦИЯ, ИЛИ ПЕРЕХОД [Е] В [’О], ([Ъ] В [Ъ]). Звуковые системы всех славянских языков, в том

числе и древнерусского, эпохи древнейших памятников или, точнее, непосредственно предшествующей ей, были достаточно близки друг к другу, однако были и такие черты, которые составляли специфику каждого из них. Процесс изменения [e] в [’o] принято называть лабиализацией (лат. labialis «губной, огубление»). На основании сравнительных данных установлено, что лабиализация – явление, характерное только для языков восточнославянской группы: русского, украинского и белорусского. История языка знает три лабиализации. Первые две прошли в доисторический период, третья – в XI–XIII вв.

1. Итак, гласные [e] или [ь] в закрытом слоге перед твердым [л] (закрытый слог) изменялись соответственно в [o] или [ъ]. Твердые согласные в древнерусском языке произносились не так, как в современном русском языке, поскольку при артикуляции губы слегка вытягивались и округлялись, причем в положении перед лабиализованными гласными [o] и [y] сильнее. Таким образом, возникали условия для регрессивной ассимиляции, когда последующий звук влияет на предыдущий, т.е. [e] < [л]. Например, *melko – > в древнерусском > молко > молоко (см. история полногласных сочетаний). Еще примеры:

*relnъ > полнъ > полонъ

*vьlna (ср. лит. vilnis) > вьлна > волна

2. Вторая лабиализация заключалась в том, что звук [э] после [j], находясь в начале слова, изменялся в [o], если в следующем слоге был гласный переднего ряда, кроме [ь]. При этом происходило отпадение йота (e = jэ) с последующей диссимиляцией в [o]. В других славянских языках перед [e] сохраняется j (йот). Сравните:

польск.	старослав.	русск.
jeden	ѣдинъ	одинъ
jeziogo	ѣзеро	озеро
jelen	ѣлень	олень

Таким образом, чередования начальных e//o позволяет разграничивать близкие (или одинаковые) по значению слова, но разные по происхождению, т.е. начальному русскому [o] в старославянском соответствует [jэ]: *один – един*. Однако от подобных чередований следует отличать случайно возникшие чередования, в частности, следует отличать замену [e] на [o] главным образом в греческих именах собственных: *Елена – Олена, Евдокия – Авдотья, Емельян – Омеля*.

Лит.: Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской Мещеры. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 41. М.; Л., 1949; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Гвоздев А. Н. Говор западной части Водского района Пензенской области // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Вып. 5. 1942; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966; Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

ЛÉТОПИСИ. Среди жанров древнерусской письменности значительное место занимают летописи. Летопись – последовательная, год за годом, запись важнейших исторических событий. Летописание возникло в XI в. – время княжения Ярослава Мудрого (1019–1054 г.). Но самые ранние записи не сохранились. Известные записи представляют собой поздние редакции произошедших событий. Древнейшие записи о начальной истории Древней Руси сохранились в «Повести временных лет» (ок. 1113 г.), с нее начинается большинство русских летописей. Ранними списками летописей яв-

ляются Синодальный список 1-й Новгородской летописи (XIII–XIV вв.), Лаврентьевский список 1377 г; Ипатьевский (XV в.), Московский (конец XV в.).

«Повесть временных лет» была составлена монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в начале XII в. Она известна в настоящее время в поздних списках двух киевских редакций. Одна из них, сделанная игуменом Михайловского монастыря под Киевом Сильвестром, вошла в Лаврентьевский список летописи, переписанный монахом Лаврентием в 1377 г. Другая редакция — 1118 г. — вошла в Ипатьевский список летописи (Ипатьевский монастырь в Костроме).

«Повесть временных лет» — уникальный исторический памятник, разнообразный по языку и представленным в нем жанрам, включающим жития, предания, плачи, описания путешествий, стихийных бедствий; религиозные трактаты, подлинные дипломатические и законодательные документы, политические и церковные материалы и т.д. Язык летописи представляет собой сочетание разнородных лексико-грамматических элементов, характерных как для книжного, так и для народно-литературного типов древнерусского языка, дающих возможность судить о его социальной и стилистической дифференциации.

«Повесть временных лет» глубоко патриотическое произведение, основная идея которого — призыв к миру и единению: «*Не мзѣте погубити Русьскыѣ земли*». Летописи составлялись в каждом крупном городе и княжестве. Русское летописание достигает наивысшего расцвета в XV–XVI вв. Изучение языка летописей началось в XIX в. (П.А. Лавровский, И.И. Срезневский, Б.М. Сухомлинов), советские филологи продолжили исследования своих

предшественников (В.И. Борковский, Е.С. Истрина, Ф.П. Филин, В.И. Максимов, А.С. Орлов, Д.С. Лихачев и др.).

Важнейшим письменным памятником, отражающим правовое устройство Древней Руси, является «**Русская правда**», сложившаяся в XI–XII вв. Известны две основные редакции: краткая, составленная при Ярославе Мудром, и пространная, дополненная его детьми и последователями. Краткая редакция представлена в Академическом и Археологическом списках XV в., пространная — более чем в ста списках. Самый ранний список обнаружен в составе Новгородской кормчей 1282 г. (кормчая — собрание церковных и гражданских законов). «Русская правда» содержит сведения об общественно-экономическом устройстве Руси XI–XII вв., крестьянском хозяйстве, правилах торговли. «Русская правда», по мнению Л.П. Якубинского, — «выдающийся памятник древнерусской литературы и древнерусского литературного языка» (Якубинский Л.П. История древнерусского языка. С. 290).

Важнейшим памятником литературно-художественных традиций конца XII в. является «**Слово о полку Игореве**» — произведение, подлинник которого не сохранился. Один из списков, обнаруженный в 1795 г. А.И. Мусиным-Пушкиным, сгорел во время пожара 1812 г. в Москве. Известна лишь сделанная с него в 1800 г. копия. «Слово» — это поэтическое повествование о походе князя Игоря Святославича на половцев. Язык памятника свидетельствует о тесном взаимодействии книжно-славянского и народно-литературного типов русского языка периода феодальной раздробленности Руси. В зависимости от характера изображаемых событий автор «Слова» переходит от одного стиля к

другому, чередуя лексику книжную с фольклорными элементами, период с простыми конструкциями. Д. С. Лихачев справедливо отмечал, что «Слово о полку Игореве» — типичный памятник письменности конца XII в., тесно связанный с народной культурой, народным языком (Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк).

Начиная с XIII и в последующие столетия число письменных памятников постоянно растет, что связано с интенсивным развитием общественно-экономических отношений. Для развития языка этого периода немаловажное значение имело появление нового материала для письма — бумаги, замена устава скорописью, широкое распространение книгопечатания. В письменных памятниках, как и в предыдущие периоды истории, отражаются исторически значимые события, решаются проблемы, глубоко волнующие русских людей.

«**Моление Даниила Заточника**» (памятник конца XII — нач. XIII в.). Основная идея его — идея единства Руси, необходимость сильной власти. Написан в форме обращения к князю. Сохранился лишь в списках XVI—XVII вв.

«**Задонщина**» (конец XIV—XV вв.) — памятник, прославляющий победу русских войск над татарами на Куликовом поле (1380 г.). Для языка «**Задонщины**» характерно умелое использование разнородных элементов: старославянских, народно-литературных и устно-поэтических.

«**Домострой**» (XVI в.) — сборник наставлений, регулирующий правила поведения русских людей во всех сферах жизни: церкви, семье и т.п. Разговорные формы речи, широко представленные в «Домострое», вполне соответствуют его практической направленности. Однако в отдельных главах,

выходящих за рамки бытового общения, активно используется книжная лексика, меньше бытовой лексики с ярко выраженными диалектными чертами.

В законодательных документах XV—XVII вв. — «**Судебники**» (1497, 1550, 1589), «**Стоглав**», «**Уложение царя Алексея Михайловича**» (1649, впервые издан в типографии) — развиваются традиции, сформированные «**Русской правдой**». Эти памятники, созданные для государственно-юридического, административного использования, представляли собой типичные образцы языка московских приказов с устойчивыми лексическими оборотами, морфологическими формами и синтаксическими конструкциями.

«**Сказание о Борисе и Глебе**» повествует о трагической судьбе сыновей князя Владимира, убитых их старшим братом Святополком, стремившимся любой ценой завладеть престолом. В основе **Сказания** как памятника житийной литературы с ее высоким слогом — книжно-славянский тип древнерусского литературного языка (см.), однако отдельные части повествования содержат элементы народно-литературного типа древнерусского языка (см.).

«**Слово о законе и благодати**» митрополита Илариона — оригинальное произведение проповеднической литературы, написанное первым русским митрополитом Иларионом между 1037 и 1050 г., сохранившееся лишь в списках XIV—XV вв. Прославление русской земли и государства, защита церкви — основные темы «Слова», определившие и его язык — в целом церковно-славянский, патетические возможности которого отвечали требованиям жанра проповеди и языковым стандартам того времени: обилие библеизмов с их сложной символикой, витиеватость и

торжественность. «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о Борисе и Глебе», «Житие и благодати митрополита Илариона» — ценнейшие памятники житейной и проповеднической литературы.

К началу XII в. относится «**Поучение**» **Владимира Мономаха** — оригинальный образец проповеднической литературы Древней Руси, обнаруженный в составе «Повести временных лет» Лаврентьевский список 1377 г. (см.). Владимир Мономах, известный государственный деятель Древней Руси, киевский князь, внук Ярослава Мудрого, полководец, образованный человек своего времени, в обращении к детям рассказывает о прожитой в трудах, походах, молитвах нелегкой жизни. Это сочинение — своеобразное завещание потомкам. «**Поучение**» состоит из разных частей, языковые единицы которых варьируются в зависимости от содержания. Высокому слогу «**Поучения**» вполне соответствуют церковнославянская лексика и архаичные формы аориста (см.), однако основной его словарный пласт составляет исконно русская лексика.

Изучение памятников письменности — дань уважения русскому народу, его языку и истории.

Лит.: Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк). // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. См. также «Памятники письменности русского языка».

ЛИГАТУРА В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ (позднелат. *ligature* «связь»). Буква или знак транскрипции, представляющие собой соединение двух букв или знаков транскрипции в один сложный графический символ, восходящий к греческому способу передачи звуков, напр.: немецкое

в, исландское æ, древнерусское ѡу, ѱ. Йотированные буквы возникли в результате соединения [j] и соответствующих гласных: **к** = j+e; **ка** = j+a; **ка** = j+æ; **кж** = j+ж; **кю** = j+y.

Значение каждого знака в лигатуре сохраняется: **кама**, **кдинь** и т.д. Подобный способ написания лег в основу вязи как особого типа письма, тяготеющего к соединению букв в единый рисунок.

Лит.: Русский язык. Энциклопедия. М., 2003.

НАРЕЧИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Наречие — самая крупная единица территориально-диалектного членения национального языка, совокупность диалектов, объединенных наиболее общими языковыми признаками. В русском национальном языке выделяются два основных наречия: а) севернорусское (Архангельская, Ярославская, Новгородская, Вологодская, Горьковская и др. области); б) южнорусское (Курская, Орловская, Пензенская и др. области).

Для севернорусского наречия характерно **о́к а н ь е** — различие в безударных слогах *о* и *а*: [водá], [хорошó]; взрывное *г*; формы местоимений *меня*, *тебя*, *себя* в род. и вин. п. ед. ч.; твердое *т* в формах 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов: [ид'от], [идут].

Южнорусское наречие характеризуется **а́к а н ь е м** — совпадением безударных *о* и *а* в звучании: [хърлшó], [гъллвá]; фрикативным *г*: [гълрá]; мягким *т* в формах 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов: [ид'от'], [идут']; заменой *ф* на *хв*, *н*: фартук [хвáртук], Филипп [н'ил'ин]; формами местоимений *мене*, *тебе*, *себе* в род. и вин. п. ед. ч.

Лит.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949; Он же. Проблемы образования языка русской (ве-

ликорусской) народности // ВЯ. № 5. 1955; Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р.И. Аванесова. Ч. 1, 2. М., 1957; Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблемы их классификации // ВЯ. № 2. 1975; Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936; Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970; Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963; Кузнецов П.С. Русская диалектология М., 1973; Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; Пшеничнова Н.Н. Тип диалекта (славянский языковой континуум) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь. 1993. Докл. российской делегации, 1993; Она же. Структурно-типологическая классификация русских говоров // Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования, 1993). М., 1994; Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. М., 1964; Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

НЕДИССИМИЛЯТИВНОЕ АКАНЬЕ. Совпадение в первом предударном слоге гласных фонем неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих).

Лит.: см. «Аканье и его история».

НЕЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ. См. история местоимений, история личных местоимений 3-го лица.

НЕПОЛНОГЛАСИЕ. Наличие в слове неполногласного сочетания звуков: плавный + гласный [a], [e] между согласными в корневых морфемах. Неполногласные сочетания возникли в старославянском языке в результате действия исторических законов. Через старославянские памятники слова с неполногласными сочетаниями проникли в древнерусский язык и за-

креплялись в нем, сосуществуя с восточнославянскими полногласными словами: страна – сторона, глава – голова, брѣгъ – берег, млѣко – молоко. В некоторых случаях в русском языке закрепился неполногласный (время, благо, враг) или только полногласный (борона, молодец) вариант. Ант. **полногласие.** См. история полногласных сочетаний.

Лит.: Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском языке // РЯШ. № 4. 1947; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. Л., 1988; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974; Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

ОКАНЬЕ. Диалектный тип вокализма русских говоров, при котором гласные фонемы неверхнего подъема [a] и [o] сохраняют свои различительные признаки в позиции 1-го предударного слога. Оно наблюдается во всех русских говорах, где под ударением различаются фонемы среднего [o] и верхне-среднего [o[^]] подъемов, в предударном положении они совпадают в одном варианте звучания: с[a]д, д[o]м, в[o[^]]л'а, но: с[a]дѣ, д[o]мѣй, в[o]л'нѣй (или д[o[^]]мѣй, в[o[^]]л'нѣй). При этом сохраняется противопоставление двух подъемов: нижнего [a] и среднего [o] или нижнего [a] и верхнесреднего [o[^]].

Полное оканье – такой тип безударного вокализма, при котором безударные гласные [a] и [o] различаются и в первой, и во второй безударной позициях: [хоровѣд], [головѣ], [барабѣн], [макарѣны], [дѣрого], [л'это], [бкна],

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

[*вы́страда́т*']. Ср. *молоко́* – *каранда́ш*, *плохо́* – *ка́ра*, *ко́локол* – *поза́втрака́ть*.

Неполное оканье. Тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы [o] и [a] различаются в первой фонетической позиции и совпадают в звуке [ъ] в остальных позициях. В конечном открытом слоге возможен звук [a]: [*гълова́*], [*хърово́т*], [*бъраба́н*], [*мъкаро́ны*], [*до́ръгъ*], [*вы́стрѣды́т*] или [*до́ръга*]. В одних говорах на месте [o] в первом предупредительном слоге произносится звук более закрытый [o], реже [y], в других – [o]: [*го́ра́*], [*гура́*] или [*го-ра́*].

Различение [o] и [a] после твердых согласных встречается параллельно и с еканьем (см.). В говорах с полным аканьем встречается заударное еканье (см.).

Полное оканье – отличительная черта северного наречия, неполное оканье – говоров владимирско-поволжской группы.

Лит.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949; Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Вст. статья. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986; Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., М., 1989; Русская диалектология / Под ред. С. П. Кузнецова. М., 1973.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X – НАЧАЛА XI В. Фонетические особенности, унаследованные восточными славянами из праславянской эпохи, позволяют определить основные отличительные черты древнерусского языка, языка восточных славян, от родственных языков южных и западных славян к началу исторического периода. При этом каждый из языков мог отражать не только разные этапы

развития одного и того же праславянского явления, но и свои собственные языковые особенности. Итак, для древнерусского языка этого периода характерно:

1. Отсутствие носовых гласных и их изменение уже к X в., в старославянском языке носовые гласные исчезли позднее.

2. В древнерусском языке в результате йотовой палатализации общеславянских звуков [*d], [*t], [*kt], [*gt] перед гласными переднего ряда возникли мягкие шипящие, у южных славян развились аффрикаты, а у западных – свистящие.

3. В древнерусском языке редуцированные [ъ], [ь] в XI в. еще сохранялись, в старославянском – уже отсутствовали.

4. На месте общеславянских сочетаний типа **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* в древнерусском языке полногласные сочетания -*оро-*, -*оло-*, -*ере-*, в старославянском – неполногласные сочетания, в западнославянских языках в основном – -*го-*, -*ло-*, -*ге-*, -*ле-*.

5. Сочетания губных с *j* только в древнерусском языке последовательно изменялось и давало [л'] – эпентетикум, у других – только в начале слова; не в начале слова непоследовательно отмечается в старославянском языке, в западнославянских языках – отсутствует.

6. Общеславянские сочетания [**ort*], [**olt*] в начале слова последовательно изменялись в южнославянских языках в *ра-*, *ла-* и в восточнославянских и западнославянских языках – в *ро-*, *ло-* в зависимости от интонации.

7. Общеславянские сочетания редуцированных с плавными типа [**tyrt*] в положении между согласными в древнерусском языке и западнославянских сохранились без изменения, в старославянском – только слоговые плавные.

8. Переход [jэ] в [о] в начале слова характерен только для восточнославянских языков.

Лит.: см. «История носовых гласных», «История общеславянских сочетаний *OR, *OL в начале слова», «История редуцированных гласных [ъ] и [ь]», «История редуцированных гласных [ъ] и [ь] в сочетании с плавными [р] и [л]», «История соотношения согласных по твердости-мягкости», «История редуцированных гласных [ъ] и [ь]», «История сочетаний согласных звуков с j», «Полногласие».

ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ. См. история заднеязычных [г], [к], [х].

ПАЛЕОГРАФИЯ (греч. palaios «древний» + grapho «пишу»). Историко-филологическая дисциплина, изучающая возникновение и эволюцию знаков письменности. Палеография исследует знаки конкретных алфавитов и языков, устанавливает их особенности, время появления и закономерности развития.

Термин **палеография** был введен Бернардом Монфоконом, издавшем в 1708 г. в Париже «Греческую палеографию» — своеобразную историю греческого письма. Палеография теоретическая определяет закономерности развития письма в целом, практическая и описательная изучают специфику письма отдельных рукописей или их создателей с целью установления времени и места их появления. В задачу палеографии входит разработка приемов анализа внешнего вида рукописей (переплет, формат), особенностей начертания букв отдельными писцами.

На основе комплексного изучения датированных древних рукописей палеография устанавливает их специфические хронологические и территориальные черты, что позволяет выделить ряд общих признаков, необходимых

для идентификации таких древних источников, в которых отсутствуют дата и место написания. Немаловажное значение для датировки памятника имеют не только особенности графической системы, но и то, на чем (материал) и чем они написаны. Палеографы изучают тексты на папирусе, лото-се, пергамене, бересте (см. **берестяные грамоты**). Время появления древних рукописей, написанных на бумаге, определяется палеографами по отличительным водяным знакам (филиграням) бумажных фабрик и мануфактур. В таких случаях проводится специальный филигранологический анализ. Изучением филиграней занимается филигранология. Совокупность всех возможных особенностей древних рукописей составляет комплексный набор данных, на основе анализа которых палеографы восстанавливают историю создания памятников.

Палеография тесно связана с языкознанием, историей, литературоведением и другими смежными науками. В настоящее время в палеографии широко используются достижения химии, физики. Использование их методов позволяет определить состав красок и чернил, восстановить палимпсесты (см.), что в целом также способствует установлению времени появления рукописных источников и соответственно с этим выявлению особенностей разных видов письма, обусловленных как способом нанесения букв, так и материалом, на который они наносятся.

В зависимости от алфавитов, используемых в древних текстах, палеография подразделяется на армянскую, греческую, грузинскую, славянскую и т.п. Славянская палеография исследует тексты, написанные глаголицей (см.), кириллицей (см.) или латиницей (см.). Славяно-русская палеография в соответствии с алфавитами изучаемых ру-

кописей делится на глаголическую и кирилловскую, которая, в свою очередь, подразделяется на русскую (древнерусскую), болгарскую и сербскую. Рукописями XV–XVII вв. занимается палеография украинская, русская и белорусская. Начало палеографической науки в России принято связывать с деятельностью старообрядцев (Андрей Денисов, 1717). Используя известные к тому времени знания об особенностях начертания букв и внешнего оформления памятников письменности в зависимости от времени и места их создания, они убедительно доказали поддельность древних памятников, выдаваемых за памятники письменности XII–IV вв. С этого времени в России начинается систематическое изучение и публикация рукописных источников.

Большое значение для развития палеографии имели труды А.И. Ермолаева, К.Ф. Калайдовича, А.Х. Востокова, И.П. Сахарова и др. В этом направлении работал известный русский филолог И.И. Срезневский, открывший глаголические Киевские листки (см.), автор теоретического исследования «Славяно-русская палеография XI–XIV вв.» (1885), содержащего анализ письменных памятников XI–XIV вв. Значительный вклад в разработку приемов анализа древних рукописей внес А.И. Соболевский («Славяно-русская палеография» 1901 года. 2-е изд., 1908), воссоздавший историю русской и славянской книги, буквы как единицы письма, в том числе скоропись XV–XVII вв. Десятилетие спустя В.Н. Щепкин («Учебник русской палеографии», 1918), исследуя историческую изменчивость в начертаниях букв, формирует методы анализа текста рукописи и установления времени ее создания в зависимости от набора характеризующих («датирующих») примет.

Водяной знак (филигрань) — это не только указание на ее изготовителя, но и на место и время ее появления. Надежным источником палеографических сведений такого рода стала в свое время работа Н.П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков».

В связи с открытием берестяных грамот в 50-х гг. XX в. круг древних рукописных источников расширяется. Они становятся предметом пристального внимания таких известных ученых, как М.Н. Тихомиров, Л.П. Жуковская, А.В. Арциховский, В.Л. Янин. В последующие годы продолжалось изучение филиграней, диакритических знаков, специфики орнаментовки и цифровой системы, особенностей нотных рукописей (М.В. Кукушкина, С.А. Клеников, Т.В. Дианова, А.А. Амосов, Р.В. Булатова, В.В. Колесов, А.А. Зализняк, Т.Б. Ухова, М.В. Бражников). В 1984 г. составлен «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв.».

Лит.: Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963; Тихомиров М.Н., Муравьева А.В. Русская палеография. М., 1966; 2-е изд. М., 1982; Люблинская А.Д. Латинская палеография. М., 1969; Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. СПб., 1901; Он же. Палеография. СПб., 1908; Фарсоби́н В.В. Источниковедение и его метод. М., 1983; Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956; Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967.

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА. Письменные памятники — один из источников изучения истории русского народа, его языка и культуры. К письменным памятникам русского языка принято относить все понимаемые в широком

смысле тексты, начиная со времени зарождения письменности у восточных славян до XVII в.

Первые сведения о письменных памятниках у восточных славян относятся к X в. Появление и развитие письменности на Руси тесно связано с принятием христианства, предопределившего не только широкое распространение и воздействие на русский язык церковнославянского (см.) языка, но и развитие оригинальной книжной письменности и культуры в целом. Переписывая кирилло-мефодиевские памятники X–XI вв., древнерусские писцы стремились к точной передаче содержания повествования, а выбор языковых средств мог варьироваться в зависимости от способности пишущих адекватно передавать систему лексико-стилистических, образных средств языка оригинала.

Вместе с распространением памятников письменности идет процесс формирования русского извода (разновидности) церковно-славянского языка и создание на этом языке оригинальных произведений. Развитие письменности оказало положительное влияние на все стороны общественной жизни. Круг создаваемых текстов расширяется: от богослужебных и житийных произведений до официально-деловых и светских. Для каждого типа текста существовали определенные книжные нормы словоупотребления. Тексты религиозного содержания были ориентированы на книжную традицию христианской литературы. В иных текстах (жития, хронографы, поучения) допускались отклонения от общепринятых стандартов. Тексты юридические (завещания, купчие, дарственные и т.п.) создавались в строгом соответствии с традицией, характеризующейся определенным набором языковых клише, способствующих

формированию «приказного» языка. Строгие правила словоупотребления в текстах официально-делового характера (XI–XII вв.) не допускали конструкций, ориентированных на разговорную стихию языка. Отступления от книжных традиций, проявляющиеся в использовании элементов живого языка, наблюдаются лишь в памятниках частного бытового характера (XI–XV вв.). Памятники письменности русского языка разнообразны по жанрам, языку, типу письма, по особенностям используемых чернил, красок и т.п. (см. **типы древнерусского письма**).

Древнейшие рукописные памятники представлены текстами религиозного содержания и появились в Древней Руси после принятия христианства. В написанных по-старославянски, но переписанных древнерусскими книжниками текстах постепенно появлялись языковые элементы древнерусского языка. Возникает старославянский язык (см.) русского извода — церковнославянский. Подобные тексты становились эталоном, по их образу и подобию создавались в дальнейшем тексты иного содержания, не связанные непосредственно с богослужением. Это могли быть сборники различных поучений, жития святых, хронографы и т.п.

Одним из самых ранних является **Остромирово евангелие** (1056–1057), переписанное со старославянского оригинала дьяконом Григорием для Новгородского посадника Остромира, представителя одного из древнейших родов, потомка великого князя Владимира Святославича, управлявшего Новгородской землей. Григорий, один из 4-х переписчиков, указывает время, когда писалась рукопись: с 21 октября 1056 по 12 мая 1057 г., но где писалось евангелие, не сообщает. Предполагают, что Григорий был киевлянином, но его

специально пригласили в Новгород, где он и создал со своими помощниками рукопись — подлинное творение рукописного искусства. Остромирово евангелие написано каллиграфическим уставным письмом на пергамене, украшено золотом, миниатюрными изображениями евангелистов Иоанна, Луки, Матвея; оригинальными, искусно выполненными заставками (рамки в начале глав и текста) с красивым орнаментом. По содержанию Остромирово евангелие — краткий апракос, недельное евангелие, чтения в нем расположены по праздничным церковным дням, повествуют о жизни и учении Иисуса Христа и читаются начиная с Пасхи. Остромирово евангелие как памятник, переписанный на Руси древнерусскими книжниками, содержит ряд древнерусских фонетических и грамматических черт, особенно заметных в Послесловии евангелия, написанном непосредственно дьяконом Григорием. Рукопись памятника издавалась несколько раз: впервые в 1843 г. А.Х. Востоковым, затем в 1883 г. и в 1889 г. фотолитографированным способом. Сначала памятник хранился в Новгороде, потом в Москве, при Петре I — в Санкт-Петербурге. В настоящее время Остромирово Евангелие хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

К памятникам, подобным Остромирову евангелию, переписанным древнерусскими книжниками с южнославянских рукописей, относятся также Архангельское Евангелие (1092); Новгородские минеи (1095–1097); Путятинина минея, Мстиславово Евангелие (нач. XII в.).

Архангельское евангелие, или Евангелие-апракос (см. **Апостол**), как полагают, написано на юге, но обнаружено на севере Руси, принадлежало архан-

гельскому крестьянину. Евангелие представляет собой праздничные пасхальные чтения и чтения месящеслова, читаемые в определенные дни с 1 сентября по 31 августа. Рукопись состоит из 4-х частей, написанных разными почерками. Текст двух частей представляет собой палимпсест.

Переписанное русскими книжниками, Евангелие отражает характерные черты церковнославянского языка русского извода: [ж], [ч] на месте праславянских *dj, *tj; ошибочное употребление ж, ѡ; на месте к в начале слова О; полногласные формы, а также отдельные морфологические особенности.

Многие оригинальные памятники, созданные на юге, погибли во время татаро-монгольского ига или сохранились только в списках, сделанных на севере.

Новгородские служебные четьи-миней (греч. *μεναία* «месячные») 1095, 1096 и 1097 гг. — годовые сборники церковных песен в честь православных святых, религиозных гимнов, составленных по дням и месяцам: сентябрь, октябрь, ноябрь. Исследуя Новгородские минеи, ученым удалось определить, что сентябрьская Миней не датирована, но написал ее новгородский монах Иаков, в миру Дъмька, им же подписана и вторая (октябрьская) **Миней** и поставлена дата (1096 г.). **Миней** 1097 г. датирована, но, судя по подписям, написана уже другими монахами. В языке Миней нашли отражение цоканье и ряд др. языковых особенностей этого древнерусского периода.

Изборники (сборники) Святослава 1073, 1076 представляют собой древнейшие письменные памятники (после Остромирова евангелия (1056–1057), см. выше). Это две большие книги, со-

зданные в Киеве для великого князя Святослава и переписанные с других источников.

Изборник Святослава 1073. Принято считать, что в его основе лежит древнеболгарский Изборник, переведенный, в свою очередь, с греческого языка специально для болгарского царя Симеона в X в. Изборник Святослава по содержанию представляет собой вопросы и ответы Анастасия Синаита. Он содержит сведения по различным областям знаний: религии, астрономии, геологии, поэтике, даже рекомендации христианам, какую и когда принимать пищу, и т.п. Рукопись была обнаружена К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым в 1817 г. в Воскресенском (Ново-Иерусалимском) монастыре, в ней содержится 266 листов, написанных уставом на пергамене. Рукопись прекрасно оформлена: красочными заставками, миниатюрами, рисунками знаков зодиака на полях. Имя второго писца, которым написана значительная часть памятника (86а–264), не установлено. В настоящее время известно 27 списков рукописи. Первое издание фотолитографированным способом было осуществлено в 1880 г., и только спустя почти сто лет появилось факсимильное издание (1983) под редакцией Л.П. Жуковской.

Язык **Изборника** церковнославянский, отражающий типичные русские черты: ряд полногласных написаний и начальные **о**, **оу** [у] на месте старославяnskих **е**, **ю**; начальные **ро-**, **ло-**, **роз-**; неисконные (неэтимологические) юсы (**▲**, **Ж**). В рукописи отражены и отдельные морфологические особенности древнерусского языка: окончание **-ть** в формах 3-го лица ед. и мн. числа настоящего времени; в формах тв. п. ед. ч. существительных на ***ѣ**, **јѣ** флексия **-ьмь** (**-ьмь**) и др.

Изборник Святослава 1076. Один из древнейших датированных древнерусских памятников письменности (вслед за Остромировым Евангелием (1056–1057), см., Изборником Святослава (1073), см.) Написан на 277 листах уставом в один столбец на пергамене двумя писцами. Имя одного, составившего большую часть рукописи, — «грешный Иоанн». Имя второго не установлено. Идентичность имен писцов Изборника 1076 г. и 1073 г. случайна, палеографический анализ почерков показал, что рукописи написаны разными людьми. Изборник 1076 г. — сборник статей религиозно-нравственного, назидательного содержания, предназначенный для широкого круга читателей. Изборник 1076 г. включал фрагменты из библейской книги премудрого Иисуса, сына Сирахова, сочинений Златоуста, Анастасия Синаита и др. По мнению большинства исследователей, Изборник 1076 г. написан древнерусским книжником на основе «княжих книг», предположительно, из библиотеки князя Святослава. Написан церковнославянским языком, есть элементы восточнославянские. Отмечены, в частности, написания [ж], [ч] на месте праславянских ***dj**, ***tj**, неразличение букв **ж** и **оу** [у], **ю**, **▲** и **▲**, **та** и т.д.

На грамматическом уровне встречаются флексия **-ѣ** в формах вин. п. мн. числа существительных женского рода с основой на ***-ā**, в формах дат. п. ед. ч. полных прилагательных мужского и среднего родов флексии **-ому**, **-ему**, формы имперфекта на **-ахъ**, **-яхъ** и др.

Изборник 1076 г. существует в одном списке. В XVIII в. историк М.М. Щербатов ввел его в научный оборот. В дальнейшем изучением рукописи занимались многие известные ученые: А.Х. Востоков, К.Ф. Калайдович, Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский,

А.И. Соболевский и др. Долгое время полный текст Изборника 1076 г. опубликовать не удавалось. И только в 1965 г. благодаря усилиям В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровиной, В.Г. Демьянова, Г.Ф. Нефедова древний текст восстановлен и прочитан. В настоящее время памятник хранится в Российской научной библиотеке (РНБ) в Санкт-Петербурге.

Часть древнерусских рукописей, относимых по палеографическим и языковым особенностям к XI в., не содержит точных сведений о времени их создания. К ним относятся **Чудовская толковая псалтырь**, содержащая толкования псалмов Давида, обнаружена в Чудовом монастыре в Москве. Хранится в Историческом музее; **Евгеньевская псалтырь** на 20 листах; **Пуяткина Служебная минея** на май, ее языковые особенности свидетельствуют о том, что писалась она в Новгороде неким Пуяттой: «*Поутта псалъ да че криво да исправите, а не кляните*».

Кирилловская псалтырь на 16 листах, написанная кириллицей, судя по языковым особенностям, на юге Руси. Это кириллическая часть хорошо известного Реймского (Франция) Евангелия, на котором вплоть до 1789 г. присягали будущие короли Франции. Рукописные псалтыри писались на хорошо выделанном пергамене, обеспечивающем им долгую жизнь, возможность передавать псалтырь от отца сыну и т.д. Псалтыри писались уставным письмом и красиво оформлялись. К важным источникам изучения истории русского языка относятся и памятники не религиозного содержания: грамоты официального и частного характера, своды законов, летописи, литературно-художественные произведения и т.д. См. **грамота, летописи**.

Лит.: Амфимлохий, архимандрит. Описание Евангелия 1092 года (Сличенно-

го преим. с Остромировым евангелием). М., 1877; Борковский В.И. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Тр. Комиссии по рус. языку АН СССР. Т. 1. Л., 1931; Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Бычков А.Ф. О вновь найденном пергаменном списке евангелия // Зап. Академии Наук. Т. 29. Кн. 1. 1877; Востоков А.Х. Грамматические правила славянского языка, извлеченные из Остромирова евангелия // Уч. зап. 2-го Отделения Академии Наук. Кн. 2. Вып. 1. 1848; Дмитриева Р.П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962; Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. М., 1969; Жукowska Л.П. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Тр. Гос. публ. библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Шедрина. Т. 5 (8). Л., 1958; Каринский Н.М. Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 5; Карский Е.Ф. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи // Изв. Отделения рус. языка и словесности АН СССР. Т. 2. Кн. 1. 1929; Он же. Архангельское евангелие 1092 г. // Русский филологический вестник. Т. 69. № 2. 1913; Качалкин А.Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Ч. 1 // Источники изучения и вопросы авторства документа. Ч. 2. Филологический метод анализа документов. М., 1988; Котков С.И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980; Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – сер. XVIII в.). М., 1975; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Он же. Слово о полку Игореве (Историко-литературный очерк) // Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950; Львов А.С. К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966; Ляпунов Б.М. Исследование о языке Сино-

дального списка (Новгородской летописи). СПб., 1900; М ж е л ь с к а я О. С. Судебник 1497 года и Псковская судная грамота // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961; Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963; О б н о р с к и й С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946; Р о ж д е с т в е н с к а я Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. СПб., 1992; Р о з о в Н. Н. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке (150 лет хранения и изучения) // Тр. Гос. публ. библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 5 (8). Л., 1958; О н ж е. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1980; 1984; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая пол. XIV в. Л., 1987; Вып. 2. Вторая пол. XIV–XV в. Ч. 2. Л., 1989 / Под ред. Д.С. Лихачева; С о к о л о в а М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957; Ч е р н ы х П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953; Я к у б и н с к и й Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

ПЕРВАЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ. Закономерный переход заднеязычных (заднеязычных) согласных [г], [к], [х] в шипящие в определенной фонетической позиции: перед гласными переднего ряда. Син. **первое смягчение.** См. **история заднеязычных [г], [к], [х].**

ПЕРВОЕ СМЯГЧЕНИЕ. То же, что первая палатализация.

ПЕРФЕКТ (лат. perfectus «совершенный»). Одна из грамматических форм прошедшего времени глагола. См. **история прошедшего времени.**

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ (лат. plusquamperfectum «более чем совершенный»). Это одна из грамматических форм прошедшего времени глагола. См. **история прошедшего времени.**

Лит.: см. «Аорист».

ПОЛНОГЛАСИЕ. Наличие в корневых морфемах слова полногласных сочетаний звуков *-оро-, -оло-, -ере-* между согласными (*сторона, золото, молоко, берег*). Полногласие является результатом исторических процессов – фонетических изменений праславянских (общеславянских) сочетаний *tort, tolt, tert, telt* у предков восточных славян в древнерусском языке. Возникнув как явление фонетическое, полногласие стало характеризовать фонетический облик многих современных русских слов, имеющих праславянскую по происхождению корневую часть. См. **неполногласие.** Ант. **неполногласие.**

Лит.: Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах. Новгород, 1993; Русский язык. Энциклопедия. М., 1979; Русский язык. Энциклопедия. М., 1997; Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962. См. также «История полногласных сочетаний», «Неполногласие».

ПОЛУУСТАВ. См. **типы древнерусского письма.**

ПОНЯТИЕ О ЗВУКАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. Историческая фонетика устанавливает систему звуков изучаемого периода, характер и закономерности их развития и исторического изменения.

Язык материально овеществлен в звуках. Он не мог бы служить средством общения, если бы слова не были даны в виде звуков, которые произносит говорящий и воспринимает слушающий. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали материальность звуковой стороны языка: «На «духе» с самого начала лежит проклятие – быть отягощенной материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, – словом, в виде языка». (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 29).

Звуки любого языка представляют собой систему типовых звуков (фонем), характерных для данного языка. Звук представляет собой конкретную реализацию фонемы.

В каждом языке есть типовые звуки, присущие только ему. Например, в современном русском языке нет парных долгих и кратких фонем, а в английском и некоторых других языках они представлены до сих пор, хотя в глубокой древности и русский, и английский (литовский, французский, таджикский и др.) языки входили в один праиндоевропейский язык-основу. И даже в близкородственных языках системы звуков различны. Например, в современном русском языке в исконно русских словах гласные переднего ряда могут быть только после мягких согласных фонем: *дерево* [д'эр'ьвь], *тепло* [т'и'плó].

В украинском языке в этих же словах сохраняется твердый согласный, а безударные гласные практически не редуцируются: *дэрэво*, *тэпло*. В белорусском языке русским мягким [д'] и [т'] соответствуют аффрикаты [д'з'] и [ц']. Например: в русском языке [д'эн'] (день), [т'омный] (темный), в белорусском [д'з'эн'] (дзень), [ц'омный] (ц'емный).

Система звуков не остается неизменной и внутри одного языка. Так, носовые гласные звуки [e] и [Q], унаследованные из праславянского, многими славянскими языками в процессе исторического развития были утрачены. И если к концу X – началу XI в. древнерусский язык уже не имел носовых звуков, то старославянский их сохранял. С другой стороны, первоначально в древнерусском языке не было звука [’о]: [н’ос] (*нес*), [с’остры] (*сестры*).

Звуки человеческой речи принято делить на две основные группы: со-

гласные и гласные. В образовании гласных участвует голос, а в образовании согласных обязательно участвует шум. При произношении гласных звуков воздушная струя не встречает преграды, напряженность речевого аппарата равномерна, воздушная струя слаба, органы речи отодвинуты друг от друга. При произношении согласных звуков органы речи сомкнуты или сближены, образуя преграду, а воздушная струя преодолевает ее, речевой аппарат напряжен в момент преодоления преграды, воздушная струя сильнее, чем при произношении гласных. В целом характер артикуляции звуков в древнерусском (восточнославянском) языке мало отличался от их образования в современном русском языке. Однако, как отмечает В.В. Иванов, «в функциональном же плане все они выступали как самостоятельные фонемы» (*Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. С. 69*).

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959. См. также «История редуцированных гласных [ъ] и [ь]», «Система гласных древнерусского языка», «Система согласных древнерусского языка», «Древнерусские гласные в начале слова», «История носовых гласных».

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [ъ] И [ь]. Исчезновение кратких (редуцированных) гласных привело к существенным изменениям в фонетической системе русского языка. Можно выделить следующие позиции и последствия падения редуцированных гласных.

1. Падение редуцированных [ъ] и [ь] в слабой позиции привело к изме-

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [Ѣ] И [Ь]

нению количества слогов в слове и к появлению закрытых слогов: **домъ** — дом, **конь** — кон', **столъ** — стол, **шьпѣтъ** — ш[о]пот, **жьньць** — жнец.

В русском языке появляются грамматические формы с нулевым окончанием, представляющие собой так называемую чистую основу: человек, друг, врач, степ', кон', лошад', пят', двадцат', читал, ходил, учит, говорит' и т.д.

2. В современном русском языке в результате изменения редуцированных гласных появляется новое чередование, которое получило название беглости гласных. Сущность этого чередования заключается в том, что один и тот же редуцированный гласный в одном и том же слове, но в разных его формах, оказывается то в сильной, то в слабой позиции, а следовательно, то исчезает, то проясняется в звук полного образования [о] или [’э]: **сѣнь** — сон, **сѣна** — сна, **дѣнь** — ден', **дѣня** — дня.

Чередование гласных [о] и [е] с нулем звука — широко распространенное явление в современном русском языке: отец — отца, купец — купца, песок — песка, мешок — мешка, овец — овца, топот — топтать, лоб — лба, лев — льва,

мох — мха, девочка — девочек, лесть — льстить — льсти (повелит. наклонение).

Чередование, возникшее как следствие падения редуцированных, оказалось настолько продуктивным в современном русском языке, что в него стали втягиваться и те слова, в которых никогда не было редуцированных [Ѣ] и [Ь]:

а) беглость исконных гласных [о] и [е] возникала не по фонетическим условиям, а по аналогии, т.е. вместо *лед* — *леда* образуются формы *лед* — *льда* (ср. др.-русск. **лѣдъ**; укр. **лѣд** лит. *ledus*); *потолок* — *потолка*; *камень* — *камня*, *ремень* — *ремня*, *перстень* — *перстня*, *корень* — *корня* и т.п. Таким образом, происходит выравнивание грамматических форм у слов одного типа склонения, и явление фонетического характера становится грамматическим;

б) в большой группе слов беглые [о] и [е] появляются в слоге перед выпавшим в конце слабым редуцированным. Это наблюдается, как правило, перед сонорными согласными [р], [л], [н] и объясняется стремлением к благозвучию, к удобству произношения:

Древнерусский	Современный русский
ѹголь	уголь
ѹгль	угол
земля — земля (род. п. мн. ч.)	земель
сестра — сестръ	сестер
вѣсло	вёсел
окно — окнѣ (род. п. мн. ч.)	окон
огнь	огонь
хитрыи — хитръ (кр. прилаг.)	хитёр
острыи — остръ	остёр
теплыи — теплъ	тёпел

ПОСЛЕДСТВИЯ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ [Ъ] И [Ь]

Однако в современном русском литературном языке под влиянием письменной речи сохраняются и старые формы: *круглый — кругл, смуглый — смугл, журавль, вихрь, мысль, рубль, корабль*.

С другой стороны, в современном русском литературном языке наблюдается и обратное явление, когда фонетические условия для чередования [о], [е] с нулем звука есть, а беглости гласных не возникает. Это находим в названиях городов: *Курьскъ, Смольнскъ, Тобольскъ*. Конечный редуцированный Ъ отпал в слабой позиции, в суффиксе *-ьск* редуцированный [ь] по фонетическим условиям должен быть в сильной позиции и проясняться в звук полного образования [е] (*Куреск, Смольнеск, Толболеск*), но он выпадает по аналогии с косвенными падежами, где редуцированный оказывается в слабой позиции: *Курьска, Курьску* и т.п.

3. В небольшой группе слов наблюдается ассимиляция редуцированного [ъ] в предлоге со следующим гласным [о], с которого начинаются слова: *въобще — вообще, съобща — сообща, въображение — изображение, съоружать — со-*

оружать, въодушевлять — воодушевлять, въочию — воочию и т.п.

4. Отпадение слабых редуцированных [ъ] и [ь] в конце слова вызвало оглушение согласных в произношении: *хлебъ — хлеб (хлеп), морозъ — (марос), сапогъ — (сапок), трудъ — (трут), кровь — (кроф')*.

Это явление оказалось настолько действенным в русском литературном языке, что распространилось и на слова, заимствованные из других неславянских языков и более позднего происхождения: *бард [барт], клуб «организация, учреждение» [клуп], мираж [мираш]*. Процесс оглушения звонких согласных в конце слова становится, таким образом, нормой литературного произношения.

5. В результате выпадения редуцированных в середине слова (на стыке морфем) или на стыке двух слов в русском литературном произношении сформировался новый фонетический закон — закон ассимиляции или уподобления согласных, т.е. звонкие согласные перед глухими стали оглушаться, а глухие перед звонкими — озвончаться:

В древнерусском	В современном русском	
на письме и в произношении	на письме	в произношении
шѹбѣка	шубка	шу[п]ка
сѣдѣлати	сделать	[з]делать
сѣ горы	с горы	[з]горы
отѣвити	отбить	о[д]бить
обѣточити	обточить	о[п]точить
молотѣба	молотьба	моло[д']ба
косѣба	косьба	ко[з']ба

Ассимиляция — строгий фонетический закон, в письменной речи не отражающийся. Однако в некоторых словах закрепилось написание согласных по произношению: вместо **бъчела** — *пчела*, **съдоровъ** — *здоров*, **вьсьдѣ** — *везде*, **сьдѣсь** — *здесь*, **сватѣьба** — *свадьба*.

В результате оглушения конечного согласного и ассимиляции последующему согласному после падения редуцированных гласных [ъ] и [ь] в русском языке в произношении появился звук [ф]: **лавѣька** — [лафка], **травѣька** — [трафка], **кровь** — [кроф'], **любовь** — [любоф']; **готовь** — [готоф].

Однако на письме согласный «ф» остается показателем иноязычного происхождения слов: *кефир, фронт, фартук, кефаль, кафель, форточка*.

б. Следствием падения редуцированных гласных является и произношение согласного [ц] на месте сочетаний «тс», «дс»: *буду учиться [учѣцѣ], они учатся [учѣцѣ], садоводство [сѣдЛѣѣцѣвѣ], братство [брѣцѣвѣ]*.

Этот новый [ц] в небольшой группе относительных прилагательных закрепился и на письме: *грек — грецкий, казак — казацкий, рыбак — рыбацкий, ткач — ткацкий, кулак — кулацкий*.

Относительные прилагательные образовались от существительных при помощи суффикса *-ск-*. Если основа существительного оканчивалась на заднеязычный [к], то по первому смягчению он переходил в [ч]. Возникло труднопроизносимое сочетание согласных, и редуцированный [ъ] в суффиксе, хотя и находился в слабой позиции, не выпадал, а для удобства произношения прояснялся в [е]: **человѣькъ** → **человѣькъскии** → **человѣьчьскии** → **человеческий**; **грекъ** → **грекъскии** → **гречьскии** → **греческий**.

Этот же процесс наблюдается и после других шипящих: *друг — дружес-*

кий, товарищ — товарищеский, враг — вражеский, князь — княжеский.

Но по фонетическим условиям редуцированный [ъ] в суффиксе *-ск-* был в слабой позиции и в ряде слов выпал, т.е. в этих словах произошли следующие изменения: *грек — грекъский — гречский*. Аффриката [ч] утратила шелевой призвук: *гретиский — гретский*, а сочетание «тс» дало новую аффрикату [ц]: *гретский — грецкий*. В современном русском литературном языке наблюдается параллельное употребление относительных прилагательных: *грек — греческий язык и грецкий орех, рыбак — рыбацкий и рыбацкий, казак — казаческий и казацкий*.

7. Редуцированный [ъ], находясь в конце слова в слабой позиции, исчезал, но согласный сохранял мягкость, напр.: *день — [ден'], голубь — [голуб'], любовь — [любоф'], конь — [кон'], сядь — [сят'], оставь — [остаф']*.

Однако в ряде грамматических форм наблюдается отвердение конечного губного согласного [м]:

у глаголов — вместо *дамь, емь*, где после утраты слабого редуцированного следовало бы ожидать мягкий согласный — *дам', ем'* — в современном русском языке — твердый: *дам, ем* и т.п.;

у существительных мужского и среднего рода в творительном падеже — *другьмь — другом, коньмь — конем, окнѣмь — окном, морьмь — морем*;

у прилагательных в творительном и предложном падежах — *добрьмь — добрым, добрьмь — добром, имь — им, томь — том*.

В середине слова согласные, как правило, отвердели, кроме [л]: *русьский — русский, верьный — верный, земьский — земский, ровьный — ровный, женьский — женский, но сельский — сел'ский, апрельский — апрел'ский*.

В некоторых словах наблюдается отвердение [ш'] (щ): *пласт — плащ-*

мя — плашмя, горсть — пригорщья — пригоршня, клест — клещья — клешня.

8. У глаголов прошедшего времени мужского рода после отпадения редуцированного [ъ] в конце слова отпадал и суффикс -л, если ему предшествовал согласный: *несла — несль — нес, могла — моглъ — мог, пекла — пекль — пек, гребла — гребль — греб, везла — везль — вез* и т.п.

9. Следствием падения слабых редуцированных гласных явились и непроизносимые согласные в современном русском языке: *праздник* (празник), *солнце* (сонце), *лестница* (лесница), *поздно* (позно), *честный* (чесный) и т.п.

В некоторых словах труднопроизносимые сочетания согласных упростились и на письме: *Дѣбрянск — Дбрянск — Брянск, дѣстокань — стакан, Тѣхвѣрь — Тверь, Пльсковъ — Псков*.

Иногда этот процесс сопровождается и ассимиляцией согласных: *истѣба — исба — изба, Дьсна — Тсна — Цна* (правый приток Волги), *дѣщан* (доска) — *тищан — чан*.

10. В результате падения редуцированных гласных в русском языке возникла и диссимиляция (расподобление) согласных: *ногѣти — [нохти], мягкий [мяхий], легкий [лехкий], кто [хто]*, т.е. взрывные согласные [г] и [к] перед взрывными согласными [к], [т] заменялись щелевым [х].

11. Диссимиляцией можно считать и переход [ч] в [ш] перед [т] и [н]: *что — тшто — што, коньчно — конешно — конешно*, так как аффриката «ч» утратила взрывной призвук. Это же наблюдаем и в произношении слов *скво-речник, яичница, скучно* и др.

Таким образом, падение редуцированных гласных привело к значительному расхождению между произношением и написанием, что и вызывает

необходимость в письменной речи опираться на морфологический принцип орфографии. Кроме того, фонетические изменения, связанные с падением редуцированных, обусловили преобразования не только фонетической, но и фонемной системы древнерусского языка. Если раньше в слове противопоставлялись слоги как целостная единица, то теперь — фонемы.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Борунова С.Н. О влиянии внутриязыковых факторов на распределение языковых вариантов в современном русском литературном языке (ассимилятивная мягкость согласных) // Филологические науки. 1980. № 4; Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; Дроздовский В.П. Вопросы исторической фонетики в работах А.А. Потебни (тезисы). Одесса, 1960; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Колесов В.В. К фонетической характеристике редуцированных гласных в русском языке XI в. // ВЯ. № 4. 1968; Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964; Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960; Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966; Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984; Соколовский А.И. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884; Он же. Лекции по истории русского языка. М., 1907; Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962; Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915; Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА. См. летописи.

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК. Язык-основа современных славянских языков, в том числе и русского, восходящий к индоевропейскому праязыку и возникший на базе его диалектов в результате их объединения и развития.

Праславянский язык сложился еще до начала новой эры (III тыс. до н.э.) и просуществовал до второй половины I тыс. н.э., распавшись на ряд близкородственных диалектов, легших в основу самостоятельных славянских языков. А. Мейе отмечал, что «подобное единство допускает лишь одно объяснение: в определенную эпоху существовал язык, на котором говорил народ, сознающий свое единство» (Мейе А. Общеславянский язык. С. 5–6). О существовании единого славянского языка упоминается и в древнейшей русской летописи «Повести временных лет»: **вѣ единѣ языкѣ словѣнскѣ** «славянский язык был един».

Родство славянских языков с праславянским языком-основой устанавливается на основе сравнительно-исторического изучения славянских и других языков индоевропейской семьи. Подобный анализ сходства и различий славянских и неславянских языков позволяет гипотетически восстановить фонетические и грамматические особенности праславянского языка. Историю праславянского языка принято условно делить на три периода: ранний, средний и поздний. Ранний период длился с конца IV – начала III тыс. до I в. до н.э., средний – с I в. до н.э. до III–V вв. н.э. Поздний период длился с III до V в. н.э. В ранний период праславянский язык характеризовался относительно большей близостью с индоевропейскими языками, в поздний – различия увеличиваются, что было вызвано началом действия закона открытого слога, значительно перестроившего всю систему праславянского язы-

ка. Относясь к языку индоевропейской системы, он характеризовался следующими особенностями. В праславянском языке на раннем этапе развития отсутствовали аффрикаты и шипящие. Гласные могли быть краткими и долгими: [o] – краткий, [a] – долгий, а звуки [e], [i] [u] могли быть и долгими, и краткими. Причем долгота и краткость были позиционно не обусловленными. В праславянском языке существовал ряд дифтонгов типа *oi, ai, or, ol*. Слоги могли быть долгими и краткими. Ударение было динамическим. В процессе развития праславянского языка формируется тенденция к построению слога по принципу восходящей звучности, что приводит к изменению дифтонгических сочетаний и образованию новых (носовых) гласных, к утрате закрытых слогов, к возникновению слоговых плавных [r], [l], к упрощению групп согласных.

В праславянском языке нашел отражение процесс смягчения согласных под влиянием *j* (см. **история сочетаний согласных звуков с j**). В праславянскую эпоху возникают редуцированные гласные [ъ] и [ь], изменяются в результате палатализации задненебные согласные [g], [k], [x] (см. **история заднеязычных [g], [k], [x]**).

Для морфологической системы праславянского языка были характерны грамматические категории: три рода, три числа (единственное, множественное и двойственное), 7 падежей в единственном числе, 6 – во множественном, 3 – в двойственном числе. Типы именных основ определялись по их конечным звукам, которые в древнерусском языке были утрачены.

Глагол был противопоставлен имени и обладал категориями времени, наклонения, лица, числа. Наиболее многообразными были формы прошедшего времени, что нашло отраже-

ние в древних славянских языках, в том числе и в древнерусском языке. Формы будущего времени отсутствовали. Категория вида в современном понимании как противопоставление законченности/незаконченности действия находилась в стадии становления. Глагольные формы образовывались от двух основ: основы настоящего времени и основы инфинитива. Деепричастие отсутствовало. Имя прилагательное первоначально обладало лишь именной (краткой) формой. Числительное как самостоятельная часть речи в праславянский период еще не сформировалось. Лексический состав праславянского языка сформировался в индоевропейский период и представляет собой наиболее древнюю часть языка.

Кроме термина «праславянский язык», в ряде случаев используются термины «общеславянский язык» и «общеславянский язык-основа».

Лит.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Он же. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974; Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984; Горнунг Б. В. Из предистории образования общеславянского языкового единства. М., 1963; Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958; Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916; Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ. Современная система гласных русского языка сложилась не сразу,

в своей истории она претерпела существенные изменения.

1. **История гласного А.** Древнерусский гласный [А] — гласный заднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный, носовой, долгий. По своему происхождению гласный [a] может восходить к звукам → [ā] (▲) (ср. лат. *frāter*, др.-русс. *брать*), → [ō] (ср. лат. *dōnum*, др.-русс. *подарокъ*), → [ě] (♣) из [ē] (ср. **krikēti*, ст.-слав. *кричати*, русск. *кричати*), → [ɛ] (ср. ст.-слав. *мѣти*, др. русск. *мѣти*, русск. *мять*).

Образование [a] из [ā] и [ō] происходило на индоевропейском уровне, и поэтому эволюция звука определяется путем сопоставления с фактами других индоевропейских языков: др.-русс. *мѣти*, русск. — *мять*, лат. — *māter*, латыш. — *māte*, др.-инд. — *māter*, тадж. — *модар*.

Образование [a] из [ě] (♣) произошло уже в праславянском языке и наблюдается только после мягких согласных, обычно после шипящих, после полумягких согласных в этих же формах встречаем ♣ (ять). Например, **rekēlū* > *печаль*, здесь, как известно, [a] после мягкого шипящего на месте [ě] (♣) — это результат диссимиляции: *крепкѣйший* — *крепчайший*, *высокѣйший* — *высочайший* и т.п.

Образование [a] из [ě] (♣) наблюдается и после j, который по своей природе был всегда мягким. Например: *ѣсти* — *jѣсти* — *ѣсти*, *стоѣти* — *стоjѣти* — *стогати*.

Образование [a] из [ɛ] произошло на восточнославянской почве. В древнерусском языке к началу исторической эпохи носовые гласные исчезли и [ɛ] совпало с гласным [’a] (после мягкого согласного): *памѣть* — *пам’ать* (ср. *память* — *напомять*); *възѣти* — *въз’ати* (ср. *взять* — *взимать*) и др.

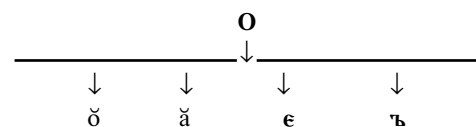
2. **История гласного О.** [o] — гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, носовой, долгий.

лизованный, неносовой, краткий. В других индоевропейских языках ему соответствует → [ō] (ср. лат. *dōmūs*, др.-русск. *домъ*), → [ā] (ср. лат. *āxis*, др.-русск. *ось*).

У восточных славян гласный [o] мог восходить к [’ε], что явилось следствием 1-й, 2-й и 3-й лабиализаций, присущих только древнерусскому языку: *мелю* — *молоти*, *кзоро* (ст. слав.) — *озеро* (др. русск.), *несу* — [н’ос] (*нес*).

В древнерусском языке в исторический период в связи с изменением редуцированных гласных звук [o] мог появляться и на месте сильного редуцированного [ъ]: *сънь* — *сон*, *лъбъ* — *лоб*, *тъкнути* — *точка*, а также развиваться в труднопроизносимых сочетаниях согласных в результате падения слабого редуцированного в следующем слоге: *угль* — *угол’*, *огнь* — *огон’*.

Таким образом, путь развития гласного [o] может быть представлен в следующей схеме:

(во всех славянских языках) (у восточных славян)
лат. *dōmūs* лат. *māte* ст.-слав. ~аеиу др.-инд. *blūsa*
дом море один др.-русск. аеиоа (блоха)

В некоторых русских говорах под ударением встречается два типа [o] — открытое и закрытое, или дифтонгическое, представляющее собой восходящий дифтонг, т.е. [ō] или [uo]. Открытое [o] появляется на месте прежнего [ъ] в сильной позиции, а также на месте старого [o] под нисходящим ударением; второе — [ō] — на месте старого [o] под восходящим ударением. [o] вместо сильного [ъ] могло быть в любом слоге слова, а [ō] при нисходящей интонации только в начальном слоге — море [o].

В древнерусском языке был особый гласный звук [ō] — закрытый, который не мог находиться в начале слова. Если ударный [ō] попадал в начало слова, то перед ним развивался согласный звук [в]. Сравните: ст. слав. *осьмь* — русск. *во-семь*, ст. слав. *отчина* — русск. *вотчина*.

3. **История гласного Е.** Древнерусский звук [e] — гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный, неносовой, краткий. В других индоевропейских языках ему соответствует [ē] краткий: греч. *ἔφο* — *везоу* — *везу*, лат. *fēro* — *бероу* — *беру*.

Звук [e] так же, как и гласный [o], мог возникнуть: а) на месте редуцированного [ъ] в сильной позиции и б) в труднопроизносимых сочетаниях после падения слабых редуцированных: *днь* — *ден’* — *дня*, *лъвъ* — *лев* — *льва*, *хитръ* — *хитер* — *хитра*, *тѣплъ* — *тепел* — *тепла*, *бовръ* — *бобер* — *бобра*.

4. История гласного Ы.

Древнерусский звук [ы] — гласный среднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, неносовой, долгий. По своему происхождению восходит к индоевропейскому [u]: сравните: лат. *būti* — *быть* — *быть*, лат. *sūnūs* — *сынъ* — *сын*, лат. *mūs* — *мышь* — *мышь*.

5. **История гласного Ъ.** Древнерусский звук [ъ] — гласный, заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный, неносовой, сверхкраткий, восходит к ѱ. Сравните: лат. *domūs* — *домъ* — *дом*, *sūnūs* — *сынъ* — *сын*, санскрит. *snūsa* — *снъха* — *сноха*, *blūsa* — *блъха* — *блоха*.

6. **История гласного Ь.** Древнерусский звук [ь] — гласный переднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный, неносовой, сверхкраткий, восходит к [i]: Сравните: лат. *hostīs* — *гость* — *гость*, лат. *noktīs* — *ночь* — *ночь*, др.-инд. *ovīka* — *овьца* — *овца*, лат. *vidua* — *вьдова* — *вдова*.

Образование остальных гласных в древнерусском языке, как и во всех

славянских языках, связано с действием закона открытых слогов. Они могут восходить к монофтонгам, и тогда в др. индоевропейских языках им соответствует один звук, и к дифтонгам, которые в результате действия закона открытых слогов преобразовались в монофтонги.

7. **История гласного И.** Древнерусский звук [и] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный, неносовой, долгий. По своему происхождению [и] восходит к → [i] (ср. др.-инд. *gīv*, др.-русс. **живъ**, лит. *gīvas*, русск. *жизнь*), → дифтонгам [oi], [ei] (греч. *veidas*, др.-русс. **видъ**, русск. *вид*) или на славянской почве: **поју** (водой) — **појти** — **пити**.

Появление гласных на месте дифтонгов или сочетаний дифтонгического типа зависело от положения дифтонга в слове и было связано с тенденцией к построению слога по принципу восходящей звучности. Если дифтонг находился перед гласным звуком, то менялась слоговая граница, но дифтонг сохранялся, распадаясь на два звука: гласный слогаобразующий отходил к предшествующему слогу, а [i] перед гласным следующего слога изменялся в j. В положении перед согласным или в конце слова оба элемента дифтонга сливались в один гласный звук. В открытом слоге дифтонг сохраняется — **поју**. Корнем в этом слове является **пој**.

При образовании инфинитива присоединяем суффикс *-ти*: **појти**. Первый слог оказался закрытым. Дифтонг [oj] по закону открытого слога изменяется в монофтонг [и]: **пејь** — **пити**, **лејь** — **лити**, **шејь** — **шити**, **вејь** — **вити** и т.п.

8. **История гласного Ё (ѣ).** Древнерусский звук [ѣ], обозначаемый буквой ѣ, — гласный переднего ряда, верхне-среднего подъема, нелабиализован-

ный, неносовой, долгий, восходит к индоевропейским звукам: дифтонгам [oi], [ai], [ē] (в более раннюю эпоху), ср. греч. *vērus* — **вѣра**; к → oi ai (в более позднюю эпоху), ср. лат. *snaigs* — **снѣгъ**, лит. *kaina* — **цѣна** или на славянской почве: **поју** (песни) — **појти** — **пѣти**.

Предполагают, что [ѣ] дифтонгического происхождения совпал с [ѣ] из [ē]. В славянских языках звук [ѣ] произносился по-разному: в русском, белорусском, украинском, сербохорватском, чешском — более закрытый, в польском, болгарском — более открытый. О произношении [ѣ] свидетельствуют памятники письменности, современные говоры и другие славянские языки.

Звук [ѣ], обозначавшийся ѣ, не сохранился в современном русском литературном языке, был утрачен в период с XII по XVII в. Как особый звук [ѣ] долго сохранялся в южновеликорусских говорах. Характеризуя южновеликорусское наречие, С.И. Котков отмечает, что в безударном положении ѣ совпал с [’э], а в ударном ѣ сохранялся (*Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 36*). О сохранении [ѣ] как особого звука свидетельствует также архаический тип яканья, при котором гласные ведут себя по-разному перед [’э] исконным и [’э] из [ѣ]. В литературном украинском языке [ѣ] изменился в [i], в литературном белорусском — в [’э].

В древнерусском языке гласный [ѣ] (ѣ) произносился как дифтонг вплоть до XVIII в. Затем в говорах, где усиливалась первая часть дифтонга, звук [ѣ] (ѣ) совпал с [и], там же, где усиливалась вторая часть дифтонга, [ѣ] (ѣ) совпал с [е], что наблюдаем в литературном языке: др.-русс. **лѣсь** → на севере — *лис*, на юге — *лес*; **дѣдъ** → на севере — *did*, на юге — *ded*.

Однако в орфографической традиции буква **ѣ**, хотя и не обозначала уже особого звука, продолжала употребляться вплоть до реформы 1917 г.

9. **История гласного ОУ.** Древнерусский звук [u] – гласный заднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный, неносовой, долгий. По своему происхождению он может восходить, во-первых, к [ū] (ср. греч. *zīrūni*, др.-русс. *зипоунѣ*, русск. *зипун*); во-вторых, к [ō] (ср. греч. *oxos*, др.-русс. *оуксоуѣ*, русск. *уксус* – эти изменения наблюдаются только в заимствованных словах); в-третьих, к дифтонгам [au], [ou] (ср. лат. *draugas*, др.-русс. *дроугѣ*, русск. *друг*; лит. *ausis*, лат. *auris*, др.-русс. *оухо*, русск. *ухо*).

Если дифтонги [á], [ó] попадали в закрытый слог (перед согласным или в конце слова), то они изменялись в монофтонг [y], а в открытом слоге (в положении перед гласным), менялось слоговое деление, гласный отходил к предшествующему слогу, а [u] – к последующему, изменяясь при этом перед гласным в [в]: [ав], [ов]. Например, литовскому *kauti* в славянском соответствуют *ковати* – *күю*. К этому же типу относятся чередования [y] → // [ов] // [ав] и чередования [ы] → // [ав] // [ов], поскольку гласный [ы] восходит к [ū]: *сноюю* – *сноују* (*снюю*) – *сновати* – *сновати*; *рисоюю* – *рисују* (*рисую*) – *рисовати* – *рисовати*, *крыти* – *крыти* (*крыть*, *крою*) – *кровѣ* – *кровѣ*, *слыти* – *слыти* (*слыть*) – *слово* – *слово*, *слава* – *слава*, *плыти* – *плыти* (*плыть*) – *пловецѣ* – *пловецѣ*, *плавати* – *плавати*.

Если дифтонг [oū] распространялся [j] – [joū], то возникал дифтонг [eū], который соответственно давал [ju] или сочетание [ев]: → [eū] → [joу] → [ю], ср. *кляюю* (*кляю*), *клевати*; [eū] → [jов] → [ев], ср. *плююю* (*плюю*), *плевати*.

Таким образом, различное изменение дифтонгов в зависимости от положения в слове связано в славянских языках с тем, что данные дифтонги в индоевропейских языках были нисходящими (закрытыми), т.е. входили в состав прежних закрытых слогов. В силу действия в праславянском языке закона открытого слога, все закрытые слоги изменились в открытые. Поэтому перед согласным дифтонг давал монофтонг, а перед гласными изменялся в [ав], [ов], [ев], при этом [в] отходил к следующему слогу, оставляя предыдущий слог открытым.

Лит.: Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957; Виноградов В. В. История звука Р в севернорусском наречии // ОРЯС. Т. 24. Вып. 2. М., 1923; Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963; Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951; Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915; Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

«**РУССКАЯ ПРАВДА**». См. **летописи**.

СИЛЬНОЕ ЯКАНЬЕ. Диалектная система вокализма, при которой наблюдается постоянное совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге в одном общем варианте [а] вне зависимости от других фонетических условий. См. **яканье**.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. Гласных звуков в

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

фонетической системе русского языка начала письменной эпохи было больше, чем в более позднюю эпоху. Кроме гласных звуков [a], [o], [y], [e], [и], [ы], были представлены утраченные впоследствии [ĕ] (ѣ), [ô], сверхкраткие редуцированные гласные неполного образования, обозначавшиеся буквами [ъ], [ь], [‘ä], восходящее к [ĕ].

Как и в современном русском языке, в зависимости от движения языка по горизонтали (место образования) гласные звуки могли быть переднего, среднего и заднего ряда, а движение языка по вертикали (степень подъема языка) определяло подъем гласных звуков: верхний, средний, нижний, что может быть представлено в следующей таблице:

Подъем	Зона образования (ряд)		
	передняя	непередняя	
	передний ряд	средний ряд	задний ряд
Верхний	и	ы	ү
Средне-верхний	ĕ (ѣ)		ô (закр.)
Средний	е, ь		о
Нижний	ä (ä > ĕ)	а	
	нелабиализованные		лабиализованные

В образовании гласных звуков могли принимать участие губы. Лабиализованными, или огубленными, были гласные [ү], [о], [ъ]. Остальные гласные относились к нелабиализованным. После утраты носовых гласных звуков в X в. [Q] (о носовое) изменилось в [y], а [ĕ] (е носовое) – в гласный переднего ряда нижнего подъема [ä]. Принято считать, что в древнерусском языке накануне письменного периода гласные звуки различались не только в качественном, но и в количественном отношении, т.е. они могли быть:

- 1) долгими – [ā], [ō], [ĕ](ѣ), [ү], [и], [ы],
- 2) краткими – [ĕ], [ô],
- 3) сверхкраткими, или редуцированными, – [ъ], [ь].

Долгота и краткость звуков в древнерусском языке имели большое зна-

чение, ими определялись многие чередования при словообразовании и формообразовании. В праславянском языке *ǫ > [o] *ō > [a], напр.:

носить – нашивать [*ǫ] // [*ō] – в русск. яз. → о // а;

умирѣти – умирати (*ī // *i) – в русск. яз. → ь // и;

дъхноути – дышати (*ǔ // *ū) – в русск. яз. → ъ // ы.

См. происхождение гласных звуков.

Лит.: см. «Происхождение гласных звуков».

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. Согласные фонемы классифицируются по четырем признакам: 1) по участию/неучастию голоса, 2) по месту образования, 3) по способу образования и преодолению преграды, 4) по наличию/отсутствию твердости-мягкости (по наличию йотовой артикуляции).

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Необходимо обратить внимание на то, что в современных исследованиях, посвященных истории согласных звуков русского языка, нет единой терминосистемы. В частности, предлагается не использовать термины «мягкий», «полумягкий», «твердый», заменив их соответственно на «палатальный», «палатализованный», «непалатальный». А это, в свою очередь, предполагает разграничение таких процессов, как палатализация и палатация. Однако, на наш взгляд, использование традиционных терминов при характеристике фонетических и фонологических процессов древнерусского языка вполне корректно, что находит отражение и в многочисленных учебных пособиях по истории русского языка (см. исследования П.Я. Черных, В.И. Борковского, П.С. Кузнецова, В.В. Иванова, В.И. Собиенниковой и др.).

1. Итак, в зависимости от участия голоса и шума согласные делятся на шумные и сонорные. Шумные, в свою очередь, делятся на звонкие и глухие. Если при образовании согласных голос преобладает над шумом – сонорные, шум над голосом – звонкие. При отсутствии голоса – глухие. По месту образования согласные звуки могут быть губными – губно-губные (б, п, м) и губно-зубные (в, ф), переднеязычными, среднеязычными и заднеязычными. По способу образования согласные представлены смычными (взрывными), щелевыми (или фрикативными) и аффрикатами (или смычно-проходными). Сонорные согласные подразделяются на носовые и плавные (или язычные).

Систему согласных звуков можно представить следующей таблицей:

По участию голоса и шума	По месту и способу образования	По участию голоса и шума	Губные	Язычные		
				переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
шумные	смычные	звонкие	Б	Д	–	Г
		глухие	П	Т	–	К
	щелевые	звонкие	В	З, З', Ж'	–	–
		глухие	Ф	С, С', Ш'	–	Х
	аффрикаты	звонкие	–	–	–	–
		глухие	–	Ц', Ч'	–	–
	слитные	глухие	–	Ш', Ч'	–	–
		звонкие	–	Ж', Д'	–	–
сонорные	носовые	–	М	Н, Н'	щелевой J	–
	плавные	–	–	Л, Л' Р, Р'		

Необходимо иметь в виду, что, во-первых, в древнерусском языке, как и во многих индоевропейских языках, было два звука [в]: [в] – губно-зубной, характерный и для современного русского языка, и [w] – губно-губной (билабиальный), который сохраняется в говорах русского языка. Во-вторых, звук [ф] не является исконным, он первоначально функционировал лишь в заимствованных словах, т.е. в древнерусском языке его не было до XIII в. и последующее его появление в произношении связано с падением редуцированных гласных. Звук [в] губно-зубной после падения редуцированных, попадая в положение перед глухим или на конец слова, оглушался, т.е. при образовании этого звука голос исчезал, оставался только шум. В результате потери голоса [в] изменяется в губно-зубной глухой [ф], так как [в] и [ф] отличаются друг от друга только по звонкости/глухости. Так, напр., возникает произношение [лафка] вместо [лавька], [сыноф] вместо [сыновь]. Таким образом, в древнерусском языке возник звук [ф] как глухая разновидность фонемы [в].

Кроме того, к началу письменного периода в русском языке звонкая аффриката [д'з'] изменилась в [з] и, утратив взрывную часть, совпала с исконным звуком [з]. Однако вплоть до XVIII в. в алфавите использовались две буквы **з** и **ѕ** (**з**) – так называемые «земля» (**земля**) и «зело» (**зѣло**).

В процессе развития русского языка артикуляция звуков по участию голоса и шума, по месту и способу образования изменилась незначительно. Так, различие согласных по месту образования зависит от того, какой активный орган (язык или губы) участвует в их образовании, и в соответствии с этим они делятся на губные и язычные. При характеристике язычных соглас-

ных важно, какая часть языка (передняя, средняя или задняя) артикулирует к пассивному органу (см. подробнее раздел «Фонетика. Фонология»).

К среднеязычным относится только [j]. При его артикуляции средняя часть спинки языка артикулирует к средней части неба.

Различие согласных по способу образования зависит от того, какого рода преграда образуется органами речи и как она преодолевается струей воздуха. По этому признаку согласные делятся на смычные, щелевые и др. (см. таблицу).

В древнерусском языке, как и в современном русском языке, согласные звуки противопоставлялись по звонкости и глухости, однако отсутствовало явление ассимиляции (уподобления) и оглушения в конце слова, так как и в слове, и на стыке слов действовал закон открытых слогов, поэтому не было условий для оглушения или озвончения.

В отличие от современного русского языка, в праславянском языке-основе и в восточнославянских диалектах дописьменного периода согласные звуки могли быть только твердыми или только мягкими, т.е. не было противопоставления фонем по твердости и мягкости.

Согласные [г], [к], [х] были только твердыми и не могли сочетаться с гласными переднего ряда и [j]. Таким образом, заднеязычные [г], [к], [х] имели в древнерусском языке только одну позицию. А для других согласных позиция перед гласными переднего ряда была возможна.

Шипящие звуки [ш'], [ж'], аффрикаты [ч'], [ц'], слитные [ш'ч'], [ж'д'] (=ш'т'ш') были только мягкими и могли, таким образом, занимать одну позицию. Согласный [j] по своей природе был мягким.

Согласные [б], [п], [в], [м], [д], [т] изначально были твердыми, однако в сочетании с гласными переднего ряда они становились полумягкими, т.е. имели две позиции. Полумягкие согласные не были самостоятельными фонемами, это были лишь варианты твердых фонем. В сочетании с [j] данные звуки меняли свое качество, т.е. подвергались переходному смягчению.

Такие слова, как *быль* и *быль*, в древнерусском языке различались не согласными [л]-[л'], как в современном русском языке, а гласными [ъ] и [ь]. В слове *быль* – [л] полумягкий был лишь вариантом твердой фонемы [л].

В словах *мыль* и *мыль* смыслообразителями были фонемы [ы] и [и], а не [м] и [м'], ибо мягкого [м] не было. Это был лишь полумягкий вариант твердой фонемы [м].

Таким образом, согласные [б], [п], [в], [м], [д], [т] в древнерусском языке имели две позиции: они были твердыми и полумягкими.

Согласные [з], [з'] [с], [с'] [л], [л'] [р], [р'], [н], [н'] имели три позиции: они могли быть твердыми, полумягкими (перед гласными переднего ряда) и мягкими.

Согласные [з'] и [с'] были мягкими лишь в том случае, если возникали в результате смягчения [г], [х]. Например: *еиуаиѣ* – *еиуаси*, *аиоу* – *аипи*.

Согласные [н], [л], [р] тоже имели три позиции: перед гласными переднего ряда – твердые, перед гласными переднего ряда – полумягкие и в сочетании с [j] – мягкие. Например:

твердый	полумягкий	мягкий
носъ	небо	баня
ловъ	лѣто	воля
рътъ	ръка	буря

В древнерусском языке согласных фонем по сравнению с современным

русским языком было меньше, так как отсутствовала соотносительность их по твердости и мягкости. Система согласных применительно к наличию признака «твердость-мягкость» может быть представлена:

- 1) только твердыми [г], [к], [х];
- 2) только мягкими [ж'], [ш'], [ч'], [ш'т'ш'] (щ), [ж'д'ж'], [ц'], [j];
- 3) твердыми и полумягкими [б], [п], [в], [м], [д], [т], [з], [с];
- 4) твердыми, мягкими, полумягкими [р], [л], [н], [з], [с].

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка М., 1981. 2-е изд. М., 1996; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Орлова В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959; Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974. 2-е изд. М., 1986.

СКОРОПИСЬ. См. типы древнерусского письма.

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК. Древнейший литературно-письменный язык славянских переводов греческих богослужебных и канонических книг, сделанных братьями Кириллом и Мефодием (см.).

Оригиналы первых славянских рукописей не сохранились, наука располагает лишь списками (копиями) этих переводов, выполненных в X–XI вв. Древнейшие русские письменные памятники относятся к XI в., древнеболгарские и древнесербские – к XII в., древнечешские и древнепольские – к XIII–XIV вв.

Старославянский язык относится к южной группе славянских языков, и в его основе лежит болгаро-македонский диалект солунских славян. Старославянский язык, созданный для

нужд церкви, вместе с христианством распространяется среди славянских народов в качестве международного общеславянского литературного языка. Первые списки памятников, сделанные в традициях кирилло-мефодиевских переводов, отражали содержание христианских церковных книг, что объясняет существующий в настоящее время термин «церковнославянский язык». Сохранившиеся памятники старославянской письменности переписывались в разное время и в разных славянских странах, и под влиянием живой речи писца в текст проникали отдельные особенности, характерные для того или иного славянского языка. Нередко собственно старославянские формы вытеснялись формами древнерусскими или болгарскими, сербскими или чешскими. Подобные местные разновидности старославянского языка принято называть церковнославянским языком болгарской, сербской, русской и т.д. редакций (или изводов) и различать соответственно несколько редакций памятников старославянского языка: болгарскую, сербскую и т.д. В самих же памятниках X–XI вв. язык древнейших славянских переводов называли словенским: *словѣньскѣ, словѣньскы кѣнигы, словѣньскы писмена.*

Старославянский язык изучается по сохранившимся спискам X–XI вв., написанным двумя разными азбуками – кириллицей и глаголицей. Большинство ученых предполагает, что глаголица древнее кириллицы и что Кирилл является ее создателем. С 988 г., после крещения Руси, старославянский язык становится языком церкви Киевского государства и вплоть до XVII в. параллельно с русским языком остается одним из стилей литературного языка. Старославянский язык сыграл значительную роль в истории русского литературного языка, был одним

из источников обогащения словарного и фразеологического состава современного русского языка. «Язык богослужбных книг и связанная с ним литература литургического творчества, – писал В. В. Виноградов, – принесли к восточным славянам богатую традицию христианской теории, догматики, духовной поэзии и песни» (*Виноградов В.В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка до XVIII в. С. 3*).

С течением времени старославянский язык расширяет свои функции: появляются переводы не только церковной, но и светской литературы, создаются оригинальные произведения. В памятниках старославянского языка содержатся отдельные языковые черты, позволяющие проследить историю возникновения и развития славянских языков. Возникнув вскоре после распада общеславянского языка – основы (праславянского языка), старославянский язык в ряде своих черт совпадает с его фонетической системой и грамматическим строем. Кроме того, отдельные языковые особенности могут быть отнесены как к эпохе создания старославянского языка, так и к эпохе написания более поздних памятников (конец X–XI в.).

Старославянский язык по происхождению относится к южной группе славянских языков и отражает характерные фонетические и морфологические особенности этой группы. Фонетическая система старославянского языка – это система звуков, свойственная языку славянских переводов второй половины IX в. и реконструируемая на основании данных более поздних старославянских памятников.

Система гласных состояла из 11 фонем: [a], [o], [y], [и], [ы], [ѣ], [ѥ], [е], а также из особых фонем, обозначавшихся буквами **Ѣ**, **Ѥ**, **Ѧ**: *сынѣ, чьсть*

(*честь*), *ѡло*, *рѡка* (*рука*), *мѡсо* (*мясо*); [ъ], [ь] — были звуками неполного образования, редуцированными (см.). К XI в. они исчезают в слабых позициях, в сильных — проясняются в звуки полного образования (см. **последствия падения редуцированных**).

В древнерусском языке в отличие от старославянского [ъ] и [ь] сохранились дольше. Фонема, обозначавшаяся буквой **ѣ** (ять), произносилась в старославянском языке как звук [e], близкий к [a] широкого образования. В древнерусском языке это был менее открытый звук, близкий к [i] или к дифтонгу [ie]. В современном русском литературном языке он совпал с [e].

[Q] (о носовое) и [e̞] (е носовое), обозначавшиеся буквами **Ѣ** — юс большой и **Ѧ** — юс малый, были унаследованы некоторыми славянскими языками, в том числе и старославянским, из праславянского языка (см. **история носовых гласных**). В русском языке они не сохранились.

Для старославянского языка характерен также целый ряд особых сочетаний: неполногласные сочетания *-ра-*, *-ла-*, *-рѣ-*, *-лѣ-* в середине слова в соответствии с русскими *-оро-*, *-оло-*, *-ере-*, *-еле-* (см. **неполногласие**); сочетания *ра-*, *ла-* в начале слова в соответствии с русскими *ро-*, *ло-* (см. **история общеславянских сочетаний *ог-, *ол- в начале слова**); сочетания *-жд-*, *-шт-* в соответствии с русскими *-ж-*, *-ч-* на месте древних *dj, *tj; в начале слова ю- в соответствии с русским у-; гласный [e], которому под ударением в русском языке соответствует [’о] — *небо*, *истек* и др.

Морфологическая система старославянского языка в течение IX–XI вв. претерпела серьезные изменения как в отдельных парадигмах, так и в отдельных категориях слов. Если во 2-й половине IX в. сохранялись унаследован-

ные из общеславянского языка 6 типов склонения существительных, то к XI в. в результате перераспределения типов в соответствии с грамматическим родом остается только три. В древнерусском языке происходили аналогичные процессы (см. **история имени существительного**).

В старославянском языке были представлены лексико-грамматические классы слов, которые в целом могут быть соотнесены с существительными, прилагательными, глаголом и т.п. в современном русском языке. В старославянском языке глаголу противопоставляется разряд имен, включающих имена существительные, прилагательные, числительные. Краткие прилагательные совпадали с именами существительными по особенностям склонения и образовывали вместе с ними именную тип склонения. Кроме того, часть имен изменялась по местоименному склонению. Глагольные формы представлены именными и спрягаемыми. Парадигма склонения характеризовалась такими же категориями, как в современных славянских языках, — родом, числом, падежом. У существительных эти категории были самостоятельными, у прилагательных — зависимыми.

Имена прилагательные имели краткую и полную формы, причем обе формы склонялись и могли выполнять в предложении как функцию определения, так и сказуемого. Парадигма склонения состояла из семи падежей: именительный, дательный, винительный, творительный, местный, звательный. Местный падеж обозначал место и время, мог быть как с предлогом, так и без него. Звательный падеж, или звательная форма, употреблялся при обращении, причем только у существительных мужского и женского родов, во множественном числе звательная

форма совпадала с им. падежом. Категория числа была представлена 3-мя формами: единственного, двойственного и множественного чисел. Двойственное число использовалось при обозначении двух или парных предметов: *дѣва, сына, очи, оуши*.

Глагол старославянского языка был близок к глаголу праславянского периода. Изменялся по лицам, числам, временам, наклонениям. Категория наклонения представлена изъявительным, сослагательным и повелительным наклонениями. В изъявительном наклонении глагол имел формы настоящего, будущего и прошедшего времен. Причем в этом отношении старославянский язык отличался большим разнообразием: было 3 формы будущего времени (простое и 2 сложных), 4 формы прошедшего времени, из них две простые и две сложные (аорист, имперфект – простые, перфект, плюсквамперфект – сложные). Некоторые глагольные формы (инфинитив, супин, причастия), сохраняя ряд глагольных категорий, по формам и синтаксическим функциям сближались с именами, образуя неспрягаемые формы глагола. Супин образовывался от основы инфинитива с помощью *-тъ*, обозначал цель движения и управлял существительным в родительном падеже: *идж рыбѣ ловить* «иду рыбу ловить».

В старославянском языке причастия, как и в других славянских языках, в том числе и в древнерусском, были действительного и страдательного залога, могли быть краткой и полной формы (см. **история причастия**). Существовала также и особая неспрягаемая краткая форма причастия прошедшего времени с суффиксом *-л*: *читалѣ, читала* и т.п.

Категория одушевленности в X–XI вв. еще не была достаточно развита, поэтому форма винительного па-

дежа совпадала у существительных с формой именительного падежа.

В старославянском языке круг собственно наречий невелик, причем некоторые из них по происхождению очень древние и не соотносятся со словами других частей речи: *нынѣ* «сейчас, сегодня»; *абик* «тотчас»; *аште* «еще» и др. Такой класс слов, как предлоги, в старославянском языке отличается от предлогов современных восточнославянских языков незначительно, поскольку большинство старославянских предлогов по происхождению общеславянские: *на, съ, за, отъ, по, оу, при, до, о* и др.

Синтаксическая система старославянского языка была достаточно развитой и сложной, сохранившей многие черты общеславянского периода. Сохранялись основные типы связи слов (согласование и управление), порядок слов в предложении был свободный, однако он не имел грамматического значения и использовался только в стилистических целях. Предложения в старославянском языке могли быть простыми и сложными, сложные, в свою очередь, представляли собой предложения с сочинением и подчинением, союзные и бессоюзные.

В старославянском языке активно использовался синтаксический оборот, состоящий из имени существительного или местоимения в дательном падеже и причастия тоже в дательном падеже (см. **дательный самостоятельный**).

Придя на Русь как язык церковной литературы, старославянский язык оказал влияние и на другие жанры древнерусской письменности. Обладая богатым словарным составом, совершенным грамматическим строем и развитой системой стилистических средств, он на протяжении нескольких веков существовал на Руси в качестве одного из типов книжного языка. Вы-

полняя роль посредника между русским и другими языками, он способствовал расширению словарного состава русского языка за счет заимствований, укреплению и расширению связей с другими культурами и языками. Старославянский язык — это не только самая ранняя фиксация славянской речи, но и прежде всего — это язык славянской культуры, отвечавший требованиям развития эпохи Средневековья.

Лит.: Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка. М., 1984; Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984; Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959; Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952; Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957; Виноградов В. В. Основные вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка до XVIII в. // ВЯ. 1969. № 6; Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1974; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Тр. Славянской комиссии. Т. 1. Л., 1930; Мареш В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве // ВЯ. 1961. № 2; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I. М., 1951. Ч. II. М., 1952; Соболевский А. И. Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891; Супрун А. Е. Старославянские числительные. Фрунзе, 1961; Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988; Хабургаев Г. А. Старославянский язык как язык средневековой славянской культуры // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988; Он же. Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994; Он же. Старославянский язык. М., 1974; Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963; Она же. Падежи с предлогами в старославян-

ском языке. М., 1971; Она же. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980; Цейтлин Р. М. О содержании термина «старославянский язык» // ВЯ. 1987. № 4.

СТРУКТУРА СЛОГА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ. В общеславянском праязыке, а после выделения из общеславянского единства и в восточнославянских диалектах, действовал строгий фонетический закон — закон восходящей звучности. Сущность этого закона заключалась в том, что каждый слог в слове должен начинаться с менее звучного и заканчиваться более звучным звуком. Напомним, что слог — это звук или сочетание звуков, произносимых одним выдохательным толчком. Если условно обозначить звучность звуков цифровым индексом и придать гласным индекс 4, сонорным — 3, звонким — 2, глухим — 1, то слогораздел будет проходить между наиболее контрастными по звучности единицами. Например, в слове **моу-жь-ство** первый слог начинался с менее звучного согласного [м] и заканчивался более звучным гласным [у]; во втором слоге — сначала согласный [ж] и затем гласный [ь] (ерь), в третьем слоге в начале стоит наименее звучный согласный глухой [с], за ним тоже глухой, но взрывной согласный [т], на который затрачивается больше энергии, чем на щелевой [с], затем более звучный звонкий [в] и, наконец, гласный [о].

Этот закон был унаследован всеми славянскими языками из общеславянского праязыка после его распада. Расположение звуков в слог по восходящей звучности и в современном русском языке может служить критерием при выделении слов славянского происхождения: *се-стра, стра-на, ме-сто, не-сти, ме-сти, ве-че-ра* и др. Слоги, в которых гласному предшествовало несколько согласных звуков, встречались

реже, но и в этом случае первую позицию в слове занимали менее звучные согласные. Обычно в каждом слоге гласному предшествовал один согласный звук: *го-ло-ва, де-ре-во, до-мъ, горь-кы-и*. Если мы обратимся к словарям современного русского языка, то можно отметить, что слова славянского, в том числе и русского, происхождения, как правило, начинаются с согласных звуков.

Однако в пределах слога были невозможны «крайние», как принято говорить, по степени звучности согласные звуки: свистящий и плавный. Если подобные сочетания возникали, то они претерпевали определенные изменения: между ними развивался смычно-взрывной. С законом восходящей звучности тесно связан закон открытого слога, в соответствии с которым слог должен оканчиваться слогообразующим. Под слогообразующим понимается звук, занимающий вершину слога: *мь-сти-сла-въ, оу-го-во-ри-ти, вѣ-ра*.

Действие этих законов было причиной возникновения многих важных особенностей фонетической системы древнерусского языка. Кроме того, характерной чертой структуры слога была тенденция к соединению в одном слоге звуков однородных по своему образованию (артикуляции), т.е. твердые согласные соединялись только с гласными переднего ряда [ы], [у], [а], [о], [Ѡ], [ъ], а мягкие и полумягкие согласные — с гласными переднего ряда [е], [ь], [ѣ] (ѣ), [и], напр.: *хы-тръ, съ-нъ, до-мъ, ру-ка, не-сти, дъ-нь, по-ле, же-на, дѣ-ло*.

Этот закон обычно называют законом слогового сингармонизма. Он также был унаследован из общеславянского языка и оказался полностью созвучным внутренним тенденциям развития фонетической системы древнерусского языка.

Всякое нарушение этого закона вызывало различные фонетические изменения. Например, заднеязычные (задненебные) согласные [г], [к], [х] были только твердыми, и если они попадали в положение перед гласными переднего ряда, то возникала ассимиляция (уподобление), по способу образования: согласные, продвигаясь в переднюю зону образования, изменялись в мягкие шипящие: *вѣ-гоу — вѣ-жи-ши, роу-ка — роу-чь-ка, соу-хо-и — соу-ши-ти*.

Лит.: Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990. См. также «Закон открытого слога».

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА (греч. dialectos «говор, наречие»). Различают социальные и территориальные диалекты. Территориальный диалект — составная часть какого-л. общенационального языка, используемая как средство общения группой людей, объединенных территориальной общностью. Диалект как составная часть общенационального языка, помимо общих с ним черт, характеризуется отдельными специфическими чертами, которые могут быть свойственны любой стороне языка — фонетической, лексической, грамматической.

Русский территориальный диалект (местный, областной диалекты, говор) как разновидность общенационального языка, сфера использования которой как средства общения территориально ограничена, сложился в русском языке не сразу. Развитие каждого диалекта способствовало формированию и развитию наречия как совокупности диалектных различий.

Лексико-грамматическая и фонетическая база диалектов складывалась постепенно под влиянием как лингви-

стических, так и экстралингвистических факторов. Так, в IX–X вв. восточные славяне, представлявшие собой союз отдельных славянских племен, использовали в качестве средства общения близкородственные племенные диалекты.

В эпоху развития феодальных отношений формируется территориальный диалект (диалект феодального княжества). В новых общественно-экономических условиях племенные языковые особенности стираются. Важную роль в этом процессе сыграло киевское койнэ (см.). Киев в силу исторических условий становится центром экономической, политической и культурной жизни древнерусского государства. Язык Киевской Руси в этот период – это язык, созданный на основе языка южных и северных славянских племен, но нивелировавший их резкие диалектные черты. Подобное слияние делает его одинаково приемлемым в качестве средства общения на всей территории Руси. Однако с середины XII–XIII в. начинается эпоха феодальной раздробленности, связанная с развитием феодального способа производства. Растут города, превращаясь в своеобразные местные центры общественно-экономической жизни, что приводит, с одной стороны, к уменьшению авторитета Киева, который постепенно становится рядовым удельным княжеством. С другой, вновь усиливаются территориальные языковые особенности древнерусского языка. К XII в. некогда единое древнерусское государство представляет собой отдельные феодальные княжества – Новгородское, Киевское, Смоленское, Талицкое, Ростово-Суздальское и др. В это же время резко обозначаются различия между древнерусскими диалектами. Основными диалектами этого периода принято считать новгородский, псков-

ский, полоцкий, галицко-волынский, ростово-суздальский и киевский.

В XII–XIII вв. в древнерусском языке начинается процесс падения редуцированных гласных, по-разному отразившийся на юге и на севере древнерусской территории, но система языка в целом не изменилась. Р.И. Аванесов отмечал, что в это время «уже были налицо некоторые из тех языковых явлений, которые затем стали характерными чертами отдельных современных восточнославянских языков» (*Аванесов Р.И. Проблемы образования языка великорусской народности*. С. 31).

Многие черты территориальных диалектов периода феодальной раздробленности сохраняются в современных диалектах русского языка.

Восточнославянские диалекты, как показали исследования письменных памятников, отличались друг от друга в большей степени фонетическими особенностями, однако постепенно грамматические различия также становятся заметными. Словарный состав диалектов, безусловно, содержал отличительные черты в силу существующих различий условий жизни на разных территориях, однако именно он в настоящее время менее изучен в сравнении с другими сторонами языковой системы диалектов.

Памятники письменности, отражающие живую речь того времени и обнаруженные на разной территории, дают представление об языковых особенностях диалектов древнерусского языка.

Псковский диалект. Древние черты псковского диалекта были установлены на основе данных таких памятников, как I Псковская летопись, Шестоднев 1374 г., Апостол 1307 г., Псковская судная грамота, список XVI в., грамота Псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг. К

псковским диалектным особенностям относятся цоканье и чоканье: *человавъ* вместо *целовавъ* (Псковский пролог, 1383 г.); *коупцинь, цего* (грамота Псковского князя Ивана Александровича 1463–1465 гг.); неразличение звуков [с] и [ш], [з] и [ж]: *сѣгрѣсихъ* вм. *сѣгрѣшихъ*, *друзины* вм. *дружини* и т.п. (Псковская грамота XV в.); сочетания [гл], [кл] на месте древних *dl, *tl: *на конь оусегли* (сели) (II Псковская летопись); замена [жд] на [жг]: *дожгъ, пригвожгыше* (Апостол 1307 г.); отсутствие [в] в сочетаниях [вл']: *посталъша* вм. *поставлѣша* (I Псковская летопись), оканье; [е] на месте [ѣ]; взрывной [г].

Новгородский диалект. Анализ современных новгородских говоров и новгородских летописей, древних грамот, «Русской правды» по спискам XIII и XV вв. позволил выявить следующие его особенности: цоканье и чоканье: *ѣцѣѣ* вм. *ѣцѣѣ* (I Новгородская летопись), *чело* «цел, цѣло, целá» вм. *цело* (Новгородские минеи XI в.); второе полногласие: *сѣ Торожькоу* (ср. из *Тѣржькоу*) (I Новгородская летопись); наличие [жг] вм. [жд]: *дѣжчь, дѣжгемь* (I Новгородская летопись); взрывной [г], что подтверждается данными современных новгородских говоров; замена *ѣ* звуком [и], либо их смешение начиная с XIV в., в церковных текстах еще раньше: *тѣрпиние* вм. *тѣртѣние* (Минея 1096 г.), *лицемѣрьствовавъ* вм. *лицемѣръствовавъ*; пропуск [в] в сочетаниях [вл']: *Ярослаль дворъ, дѣчьерь Мстислалю* (Новгородская летопись) вм. *Ярославль, Мстиславль*.

Смоленско-полоцкий диалект. Особенности смоленско-полоцкого диалекта отражены в Договорной грамоте смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. Для него характерны следующие чер-

ты: неразличение [ц] и [ч]: *коупчи* вм. *коупци*; *гогкъмь* вм. *гоцкъмь*; взрывной [г]; [е] на месте [ѣ]; неразличение букв *ѣ* и *е*: *зде* вм. *здѣ*, *боудѣте* вм. *боудете*; начальное [в] как [у] в начале слова перед согласным: *оузати* вм. *възати*, *оу Ризѣ* вм. *въ Ризѣ*.

Галицко-волынский диалект. Один из древних диалектов, сложившийся на юго-западе Руси и отличавшийся от других восточнославянских диалектов немногими чертами. Написание *ѣ* вместо *е*, связанное с падением редуцированных в слог после исконного *е*, который в связи с этим удлиняется и изменяется в [е]: *въ немь* > *въ нѣмь*. Изменение [о] в [о] в связи с утратой редуцированного в слог после гласного [о] с его последующим удлинением. В памятниках зафиксирован как [oo]: *воовьца, воотьца*.

Смешение [ы] и [и]: *проты ни* вм. *прости ны*, [г] фрикативный. Древнейшие фонетические черты галицко-волынского диалекта отмечены в таких памятниках, как Галицкое Евангелие около 1266 г., Добрилово Евангелие 1164 г., Поликарпово Евангелие 1307 г., Галицкие грамоты XIV в.

Памятников письменности эпохи феодальной раздробленности, позволяющих судить о языковых особенностях киевского диалекта, не сохранилось.

Особенности ростово-суздальского диалекта устанавливались на основе анализа более поздних памятников письменности XIV в. К отличительным чертам ростово-суздальского диалекта относят оканье, различение [ц] и [ч], губно-зубной [в] и [г] взрывной, сохранение [е] как особого звука, твердый [т] в формах глагола 3-го лица настоящего времени. К. В. Горшко-ва отмечает, что ростово-суздальский диалект с конца XV в. «становится ве-

душим диалектом языка великорусской народности» (*Горшкова К.В.* Историческая диалектология. С. 148).

Отдельные языковые черты диалектов не нарушали единства древнерусского языка, хотя именно они (или часть их) составили в дальнейшем отличительные черты отдельных восточнославянских языков.

Лит.: Аванесов Р.И. Проблемы образования русской (великорусской) народности // ВЯ. 1955. № 5; Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Виноградов В.В. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия. Пг., 1923; Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии северной Руси. М., 1968; Она же. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995; Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970; Кандаурова Т.Н. К истории древнепсковского диалекта // Тр. Ин-та русского языка АН СССР. Т. 8. М., 1957; Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946; Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973; Русская диалектология / Под ред. Н.А. Мещерского. М., 1972; Савченко А.Н. О единстве древнерусского языка // Уч. зап. историко-филологического ф-та. Т. 46. Вып. 5. Ростов н/Д, 1958; Самсонов Н.Г. Древнерусский язык. М., 1973; Собиенникова В.И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984; Шахматов А.А. О языке новгородских грамот // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб., 1885.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ДИАЛÉКТ.

Разновидность национального языка, существующая в устной форме и противопоставленная другим диалектам или вариантам языка. Территориальные диалекты могут обладать общими фонетическими, лексическими или грамматическими признаками с дру-

гим ареальными единицами, образуя изоглоссу (см.). Однако каждый диалект одновременно характеризуется своеобразием языковых уровней. При выделении территориальных диалектов, по мнению многих ученых, необходимо учитывать не только языковые особенности территориального средства общения национального языка, но и этнографические, т.е. диалект необходимо рассматривать как лингвоэтнографическую единицу. Син. **говор, наречие.** См. **социальный диалект, социолект** в разделе «Общелингвистические термины и понятия».

Лит.: см. «Территориальные диалекты русского языка», «Диалектология».

ТÍПЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ПИСЬМА. В памятниках письменности Древней Руси в зависимости от их жанровой принадлежности представлены 2 типа древнерусского (см.) языка: книжно-славянский (см.) и народно-литературный (см.). По особенностям (видам) письма они также не одинаковы. Известно 3 вида письма: устав, полуустав, скоропись.

Устав. Наиболее древний тип письма кириллицы (см.) с крупными, геометрически правильно вычерченными буквами, отстоящими друг от друга на одинаковом расстоянии. Практически отсутствует наклон, нажим ровный, письмо слитное без отделения слов друг от друга. Горизонтальная линия, соединяющая сложные буквы, приходится на середину вертикали. Сокращения в уставе практически не использовались, за исключением так называемых «священных» слов и некоторых других, часто используемых в религиозных текстах: *Богъ, Богородица, Иисус, ангел* и т.п. Выносные буквы писались под титлом. Устав был двух типов: **каллиграфический**, используемый в текстах торжественных, ритуальных, и **некаллиграфический.** Образцом **устава**

могут служить письмо Остромирова евангелия 1056–1057 гг. (см.), Киевских листков (см.), Зографского и Мариинского Евангелий (см.). В процессе развития уставное письмо постепенно меняется в сторону упрощения и ускорения: с XIII в. ширина букв уменьшается, а у В, К, Ж уменьшается и их верхняя часть; линия, соединяющая йотированные буквы, смещается от середины вверх, доходя до вертикали. Меняется рисунок буквы Ѣ (ять), вертикаль которой становится выше, выходя за пределы строки. Развитие общественных отношений влечет за собой изменение и во всех уровнях языка, во всех сферах его функционирования, в первую очередь это находит отражение в деловой письменности, уровень развития которой тесно связан с состоянием государственно-административного аппарата. Не случайно, что раньше всего именно в сфере делопроизводства **устав** сменяется **полууставом** (см. ниже). Характер изменений устава у восточных (см.) и южных (см.) славян неодинаков. Для южнославянской письменности нередки случаи наклонного (вправо) написания букв. Тексты болгарских рукописей свидетельствуют о графическом варьировании юсов (см.). И только к середине XV в. здесь устанавливается каллиграфический Устав, о чем свидетельствуют Софийская псалтырь (1337); Манасиева хроника (ок. 1345–1346 гг.).

Для сербской письменности характерен каллиграфический Устав с геометрически правильными прямыми буквами. С середины XIV в. в результате дальнейшего развития общественных отношений, государства, культуры, ростом и расширением деятельности правительственных канцелярий расширяется сфера использования письменности, что вызывает изменения в области графики: медленный,

размеренный, торжественный Устав постепенно сменяется более ускоренным и простым письмом — полууставом.

Полуустав. Тип письма кириллицы (см.). В связи с тенденцией к ускорению письма в отличие от устава полуустав характеризуется более мелкими и менее четкими начертаниями букв, геометрическая правильность которых не соблюдается, буквы отстоят друг от друга на разном расстоянии. Появляется больше сокращений, лигатур (см.), выносных букв (см.) и надстрочных (диакритических — см.) знаков. Почерк становится неровным, тщательность начертаний не выдерживается, возникает несколько вариантов буквы у одного писца. Полууставом писались тексты на пергамене и бумаге. Лучшие образцы полууставных почерков московских писцов легли в основу шрифта первых русских печатных книг XVI в., изданных Иваном Федоровым. Этот шрифт, получивший название «старопечатный», в 1708 г. по приказу Петра I был заменен новым, использовавшимся для книг светского содержания и получившим название «гражданский». Образцом полуустава является письмо Лаврентьевской летописи (см.) и первая написанная на бумаге грамота 1350–1351 гг. Симеона Гордого, московского князя.

Скоропись. Почти одновременно с полууставом появляется третий тип письма — скоропись. Ее появление, распространение и развитие было связано с потребностями государства в более экономичных, а главное, быстрых типах письма, способных обслужить все виды государственной и личной переписки. Этот вид письма соответствовал времени активизации общественной жизни московского государства, расширения связей с другими странами, увеличения грамотных

людей во всех социальных слоях общества.

Скоропись — тип письма, отличающийся связным, без отрыва пера, написанием букв и знаков, позволяющий максимально ускорить процесс письма. Существует во многих системах письма. Отдельные элементы скорописи появляются в Древней Руси одновременно с полууставом (см.) с XIV в. Скоропись находит применение во многих областях государственной и частной деятельности: дипломатической, административной, правительственной, хозяйственной и т.п. С конца XV в. скорописью пишутся не только литературные (светские) произведения, но и тексты религиозного содержания. Скорописное письмо преимущественно использовалось на бумаге. Вследствие быстрого темпа письма скорописные буквы утрачивали четкость, стройность и единообразие начертаний. Кириллический двулинейный размер строки не выдерживается: буквы растягиваются и выходят за строку за счет различных росчерков и петель под или над строкой. Широко используются сокращения, выносные буквы, лигатуры, новые написания (варианты) одной буквы. Скоропись достигает своего наивысшего расцвета в XVI–XVII вв. В соответствии с графическими особенностями в палеографии (см.) принято различать следующие разновидности скорописи: северо-восточная — московская (XV–XVIII вв.), юго-западная — киевская (XVII в.) и западная — белорусская (XV–XVI вв.). С конца XIV в. в заглавиях для украшения стали применять особое письмо, получившее название «вязь».

Вязь. Декоративный вид письма, при котором слова и буквы намеренно связывались друг с другом, образуя различные узоры в соответствии с ин-

дивидуальными вкусами и мастерством писцов. В зависимости от материала, на котором писались древние памятники, среди них выделяют рукописи и надписи. **Рукописи** (книги, грамоты) — тексты, написанные на мягком материале (пергамене или бумаге). **Надписи** — тексты, краткие по содержанию, нанесенные на твердый материал (камень, дерево, металл). Надписи высекались или выцарапывались специальным костяным или металлическим острием (писало) на стенах монастырей, надгробиях, монетах, печатях, медалях и т.д. Книги и грамоты писались гусиными и лебязжими (иногда павлиньими) перьями на особым способом выделанной коже молодого животного (ягненка, козленка) — пергамене (город Пергам в Малой Азии, где впервые был использован такой способ обработки кожи). В Древней Руси пергамен называли также кожей или телятиной, мехом, хартией или харатьей. Кроме кожи, дорогого, не всем доступного писчего материала, древние писцы использовали бересту (см. **берестяные грамоты**). С середины XIV в. начинает использоваться бумага, привезенная с Ближнего Востока, а со второй половины XVI в. — и собственного производства.

Рукописные памятники сохранились в виде **книг, свитков и столбцов**. **Книги** представляют собой листы пергамена или бумаги, сшитые и переплетенные в большие тетради. Переплеты делались из дерева или кожи. Лист с текстом грамоты, написанным только на одной стороне, подклеивался снизу к другому. Затем все листы сворачивались, образуя **свиток**. Несколько подклеенных друг за другом свитков образовывали **столбец**.

Написаны книги и грамоты **чернилами** или **киноварью**. Для изготовления чернил использовалась кора деревьев,

чаще ольхи или дуба («чернильных» дубовых орешков), черного цвета. **Киноварь** — смесь красного цвета из серы и ртути — предназначалась для выделения и красочного оформления заглавий, начальных букв слов, строк, различных заставок. Отсюда современное выражение «красная строка». Писали киноварью редко. Еще реже в качестве чернил использовали смесь золота и клея. Тексты, написанные золотом, были особого содержания и связаны с именами известных в то время личностей: Мстиславова грамота 1130 г. (см.). Самые ранние письменные памятники дошли до нас в подлиннике начиная с XI в. Рукописи и надписи, время написания которых в тексте обозначено, принято называть датированными. История недатированных памятников (время, место) восстанавливается по косвенным данным: языковым особенностям, именам исторических личностей, время и место правления которых известно. Учитываются и палеографические особенности: материал, водяные знаки, характер орнаментовки и переплета, почерк и приписки писца.

Лит.: Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV–XVIII столетий. 2-е изд. М., 1911; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Костюхина Л. М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974; Мошин В. А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей для сводного каталога, хранящихся в СССР. Вып. 1. М., 1973; Тихомиров М. И., Муравьев А. В. Русская палеография. 2-е изд. М., 1982; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962. См. также «Кириллица».

ТРЕТЬЯ ЛАБИЛИЗАЦИЯ. См. история перехода **Е** в [ʹО].

ТРЕТЬЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ. См. история заднеязычных **Г, К, Х**.

УДАРЕ́НИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ́. Одним из признаков слога как фонетической единицы является ударение. В зависимости от средств выделения слога различают два вида ударения: экспираторное (степень интенсивности выдыхания) и музыкальное (степень высоты тона). Для большинства современных славянских языков, в том числе и русского, характерно экспираторное ударение, и только некоторые из них совмещают экспираторное ударение с музыкальным (сербохорватский, частично словенский и чешский). Кроме того, если для современного русского языка характерны подвижность и разноместность ударения, то в других славянских языках картина иная: в чешском, напр., ударение падает на первый с начала слова слог, в польском — на второй или третий с конца.

В первых, дошедших до нас памятниках ударение отсутствует, поэтому судить о его особенностях в этот период не представляется возможным. Тем не менее сравнение данных современных восточнославянских языков и их говоров с данными других славянских и неславянских индоевропейских языков показало, что в индоевропейских языках и в общеславянском языке-основе ударение в определенный период развития было музыкальным, тоновым, интонационным, т.е. характеризовалось изменением по высоте голосового тона на протяжении ударного слога, при некотором отличии его от безударных по силе, и в то же время политоническим, т.е. использовалось не только различие места, но и разли-

чие качества ударяемого слога. В одних случаях ударный гласный произносился с повышением тона с последующим его понижением к концу слога. Такую интонацию принято называть восходящей. В других случаях гласный произносился с понижением тона с последующим повышением к концу слога. Такую интонацию принято называть нисходящей. В середине слов восходящая интонация была в слогах, где гласный возник на месте индоевропейского долгого гласного, из дифтонга с долгим гласным, впоследствии сократившимся, или из долгого слогового сонорного.

В середине слова нисходящее ударение (интонация) имело место в слоге, в котором гласный восходил к индоевропейскому краткому гласному, из дифтонга с кратким гласным или из краткого слогового сонорного. Таким образом, из индоевропейского языка основы славяне получили три вида интонации: долгую восходящую, долгую нисходящую и краткую нисходящую. Восходящую интонацию принято называть акутовой (лат. *acutus*), нисходящую — циркумфлексовой (лат. *circumflexus*). О существовании различных древних видов ударения (интонации) позволяют судить некоторые особенности русского и других славянских языков.

1. Если под восходящей интонацией сочетания *ort, *olt в начале слова во всех славянских языках изменялись одинаково, то под нисходящей интонацией в языках восточной и западной групп происходила перестановка гласного, а в южной — его перестановка и удлинение и под восходящей, и под нисходящей интонациями.

2. Полногласные сочетания отражают прежнюю разную интонацию и ударение. Нисходящая интонация обусловила ударение на первом слоге

полногласия, восходящая — на втором: дѣрог, зѣлото, дѣрево — горѣх, болѣто, берѣза.

3. Различие двух типов [o] под ударением, наблюдающееся в некоторых русских говорах, также результат различий в ударении: [o] закрытое отмечено там, где в древности на [o] падало восходящее (акутовое) ударение, [o] открытое — там, где было [o] под нисходящим ударением или [ъ]. В отдельных случаях [o] изменило циркумфлексовую интонацию на акутовую, вследствие которой произошло удлинение и на месте [o] возник дифтонг [yo]. Ср.: в литературном языке *кожа*, *воля*, диал. *куожа*, *вуоля*.

4. [o] под нисходящей интонацией сохранилось только в начале слов, однако не всегда. В литературном языке неслоговая часть дифтонга [yo] заменялась [в], что отражается в некоторых словах: *восемь*, *вотчина*.

В русском языке к моменту появления письменности были утрачены различия в интонации, долгота звуков и закрепилось экспираторное ударение.

Лит.: Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд., доп. и перераб. Киев, 1958; Он же. Курс русского литературного языка. Т. 2. Исторический комментарий. 4-е изд. Киев, 1953; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951; Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951; Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М., 1957; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2. Пг., 1915.

УМѢРЕННОЕ ЯКАНЬЕ. Диалектная система вокализма, при которой наличие того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема после

мягких согласных ([a] или [ne a]) зависит от твердости или мягкости последующего согласного: перед мягким согласным произносится [и] (или [e]), перед твердым – [·a]. См. **яканье**.

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА. Древнерусским языком были унаследованы из праславянского языка-основы закономерности построения слога, структура которого определялось соответствующими закономерностями (см. **структура слога в древнерусском языке**). Так, применительно к согласным действовала следующая тенденция: смычный согласный мог занимать позицию после фрикативного, но не после плавного или смычного, фрикативный – перед любым согласным, кроме фрикативного. Сочетания звуков в пределах слога изменялись, если не соответствовали данным правилам. В частности, это выразилось в упрощении групп согласных, связанных с явлениями ассимиляции и диссимиляции. Таким образом, в древнерусском языке нашли отражение следующие изменения групп согласных.

1. **Два фрикативных одинаковых по звучности согласных стягивались в один.** Например, *зор-ить* «разрушать» + *раз-* → *раз-зор-ить* – затем *разорить* (гнезда); при образовании причастий действительного залога прошедшего времени: *шьдъ* → *изшьдъ* – дало *ишьдъ*. В этом слове процесс шел сложнее: сначала [з] приставки *из-* оглушился в [с] – *исшьдъ*; затем звук [с] ассимилировался (уподобился) звуку [ш] – *ишшьдъ*, далее произошло стяжение двух одинаковых согласных. В памятниках древнерусского языка это отражалось как обычное явление.

В современном русском языке удвоенные согласные на письме в сла-

вянских словах употребляются лишь на стыке морфем, а произносятся как один согласный звук, слегка удлинённый: *рассказ, длинный, сломанный* и т.п.

Удвоенные согласные в корне – признак неславянского происхождения слов: *касса, ванна, колонна* и т.п.

2. **Сочетания *dl, *tl упрощались в Л**, т.е. зубные смычные перед зубным плавным ассимилировались. Упрощение этих сочетаний наблюдалось в языках восточных и южных славян, в западнославянской группе языков они сохранялись:

ст. слав.	др. русск.	болг.	чешск.
кль	кль	ела	jedla
<small>(принимал пищу)</small>			
крыло	крыло	крило	kridlo
грьло	горло	гърло	hrdlo
сло	сало	сало	sadlo

Особенно часто упрощение данных сочетаний наблюдается при образовании форм прошедшего времени глагола: *ведү* – *ведль* – *велъ*; *плетү* – *плетль* – *плелъ*. Ср. также: *упаду* – *упал*, *цвету* – *цвел*, *пряду* – *прял*, *увядать* – *увял* и т.п.

В современном русском языке есть кажущиеся отступления от этого строгого закона, где отмечаем сочетания «тл», «дл» в словах: *метла, котлы, светлый, седло* и др. Однако эти сочетания возникли позже, после падения слабых редуцированных «ъ» и «ь», которые в древнерусском языке находились между согласными, что доказывается беглостью гласного «е» в данных словах: *метла* – *метьла* – *метелка* (ср. *метьлка*), *котлы* – *котьлы* – *котел*, *светлый* – *свѣтьлый* – *светелка*; *седло* – *седьло* – *сиделка*.

Упрощение сочетаний «дл», «тл», как правило, наблюдается на стыке морфем: корень + суффикс.

В начале слова они сохранялись и в древнерусском языке: *аѹеѹѹа, ѹеРѹи*.

3. В основах, оканчивающихся на взрывные согласные [*d] или [*t], перед согласным [*t] возникали сочетания [dt], [tt], в которых конечные согласные отходили к следующему слогу и в результате диссимиляции по способу образования (смычный > фрикативный) изменялись в [s]. При этом звонкий [d] перед глухим [t] изменялся вначале в глухой [t]:

вѣдѹ — вѣдти — вести (**vědti* > **vetti* > **vesti*)
плѣтѹ — плѣтѹти — плести
ѹпадѹ — ѹпадѹти — упасти
цвѣтѹ — цвѣтѹти — цвести

Согласные [d] и [t] в отдельных словах изменялись в [c] и перед [л] в результате ассимиляции: ср. *считатѹ* — читло — число; *Раѹ* — *Раѹе* — *Рѹе* «кормушка».

4. Диссимиляции подвергались и другие согласные: *гребу* — *грести*.

5. Сочетания **dm*, **tm* упрощались в [m]:

дадѹтѹтъ — дадѹмѹ — дамѹ
ѹдѹятѹтъ — ѹдѹмѹ — ѹмѹ
верѹтѹтъ (**věrtmĕn*) — *врѹмѹ* (диал. *веремѹ*)

В последнем слове по закону открытых слогов произошло выпадение [t], а в старославянском языке также и перестановка гласного и его удлинение.

6. Сочетания [бн], [пн], [дн], [тн], [гн] с разными по месту образования согласными упрощались в [н]:

**tegnonti* — *тяга* — *тянѹти*
двигати — *двинѹти*
кидати — *кинѹти*
ѹвѹдати — *ѹвѹнѹти*
остѹдѹти — *остѹнѹти*
прѹдати (*вздрогнутѹ*: лошадь прядет ушами) — *въспрѹнѹти* и т.п.

7. Сочетания **stn*, **skn* упрощались в [сн]:

трѣскѹ — *трѣснѹ*
влѣстѣти — *влѣснѹти*
полоскати — *полоснѹти*

8. Как видно из предыдущих примеров, обычно выпадал взрывной согласный, однако в сочетании взрывной + щелевой [бв] на стыке приставки и корня выпадает щелевой: *возитѹ* — *обозѹ*, *сѹвѹзѹвать* — *обѹзанный*, *внѹтѹтъ* «жить» — *обнѹтель*, *необнѹтаемый*, *завѣтѹ* — *обѣтѹ* «клятва, обещание», *влѹчитѹ* — *облѹко* и т.п.

Итак, рассмотренные явления упрощения групп согласных были унаследованы русским языком из общеславянского и являются следствием закона открытого слога и слогового сингармонизма.

Лит.: Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965; Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960; Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907; Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962; Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

УСТАВ. См. типы древнерусского письма.

Лит.: см. «Типы древнерусского письма».

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА.

Язык как явление общественное тесно связан с развитием общества, жизнью народа и его историей. Академик Д.С. Лихачев, говоря об истоках культуры русского народа, писал: «Знание

истории своего народа, знание памятников его культуры открывает перед человеком целый мир – мир, который не только величествен сам по себе, но который позволяет по-новому увидеть и оценить современность. Знание прошлого – это понимание современности. Современность – это итог прошлого, а прошлое – это еще не развившееся будущее» (*Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XVII вв. С.7*). Историю развития языка необходимо, таким образом, рассматривать в тесной связи с историей общества, историей народа, являющегося создателем и носителем данного языка.

Древнейшие сведения о славянах (венетах) относятся к первым векам нашей эры. По свидетельствам римских историков Плиния Старшего и Тацита, славяне – великий народ, многочисленный и воинственный. О нем рассказывают в своих сочинениях византийские историки Прокопий Кесарийский и Псевдо-Маврикий, готский историк Иордан.

Первый, наиболее древний, индоевропейский период – это эпоха существования индоевропейского праязыка. Второй, общеславянский, – период существования праславянского языка-основы. Возникновение праславянского языка относится ко времени распада индоевропейского языка-основы на отдельные родственные языки, из которых в процессе исторического развития сформировались современные индоевропейские языки, в том числе славянские. Выделение славян из индоевропейского единства произошло примерно к началу III тыс. до н.э. К V–VI вв. н.э. относится выделение из праславянского (общеславянского) языка восточнославянской группы языков. Развитие языков из единого источника – это длительный

и сложный процесс разделения, объединения, перегруппировки разных языков.

История русского (великорусского) языка начинается тогда, когда в древнерусском (восточнославянском) языке наметились такие характерные особенности, которые стали отличать друг от друга диалекты предков современных украинцев, белорусов и русских. Но поскольку современный русский язык в его нынешнем состоянии складывался постепенно, постольку и его история начинается с эпохи распада праславянского единства и выделения общевосточнославянского, или древнерусского, языка.

Русский язык как один из славянских языков прошел длительный путь развития, хронология которого выглядит следующим образом: 1) V–IX вв. – восточнославянские племенные диалекты; 2) IX–XIV вв. – язык древнерусской народности (восточнославянский); 3) вторая половина XVII в. – начало становления русского языка как языка русской нации.

Древнейшие сведения о славянах (венетах) относятся к первым векам нашей эры. Занимая в Европе огромные территории, пересеченные реками, горами, озерами и болотами, славяне постепенно утрачивают территориальные, экономические и политические связи, что приводит к распаду общеславянского племенного союза.

Источники VI–VII вв. сообщают уже о существовании трех групп славянских племен: венедов, антов и словен. Венедский племенной союз положил начало образованию западнославянских народностей с их языками. Из балканской группы словенских и частично антских племен с их племенными диалектами сложились южнославянские народности и их языки.

Антский союз славянских племен составил основу будущей восточнославянской народности, ставшей носителем древнерусского языка. Анты, предки восточных славян, занимали огромные территории от низовьев Днепра и Днестра на юге до Ладожского озера на севере, от Карпатских гор на юго-востоке до Верхнего Поволжья на северо-востоке. В «Повести временных лет» упоминается 12 родственных союзов восточных славян: поляне, древляне, северяне, уличи, вятичи, радимичи, хорваты, дулебы и др. Все эти племена говорили на близкородственных восточнославянских диалектах.

Развитие производительных сил в VI–IX вв. обуславливает распад родового строя и формирование феодальных отношений. У восточных славян возникают города-центры — Киев и Новгород. Разделение феодального общества на классы предполагает появление государства. Борьба между Киевом и Новгородом, самыми крупными политическими, экономическими и культурными центрами, приводит к образованию единого древнерусского государства с центром в Киеве и к возникновению древнерусской народности, основу языка которой составил язык восточнославянских племен. Все восточнославянские племена, объединившись в древнерусскую народность, стали называться Русью. Эти изменения способствовали развитию и укреплению древнерусского языка, и нарушившаяся частично общность языковых изменений у восточных славян стала вновь возможной после IX в. Большую роль в укреплении единства древнерусского языка и нивелировании отдельных местных языковых особенностей сыграло так называемое киевское койнэ (см.), (*Шахматов А.А.* Очерк современного русского литера-

турного языка. С. 60–70), сформировавшееся в Киеве в силу исторических условий. Киев, объединив все восточнославянские земли, становится центром духовной, политической и экономической жизни. Именно здесь развивается единый язык, совместивший в себе особенности языка (диалекта) южных, северных и северо-восточных племен. Значительную роль в процессе складывания общего языка сыграл говор полян. В этом едином, общем языке резкие диалектные особенности стираются, он становится языком общерусским, что способствует расширению связей Киева с другими восточнославянскими территориями.

В древнерусском языке в X–XIII вв. происходят значительные изменения в звуковой и грамматической системах. Расширяется словарный состав за счет образования новых слов (*русь, русьскии, русинь, волость, удѣль, сабля* и др.) и заимствований из старославянского, греческого, финно-угорского и тюркских языков. К X в. утрачиваются носовые гласные, позже развивается мягкость согласных перед гласными переднего ряда и т.д. (см. **древнерусский язык**).

Однако с середины XII в. начинается углубление местных языковых различий древнерусского языка, что связано с распадом древнерусского государства на отдельные самостоятельные княжества: Киевское, Черниговское, Смоленское, Новгородское и др.

Памятники письменности свидетельствуют о целом ряде диалектных различий в древнерусском языке этого периода. Так, процесс падения редуцированных, характерный для всех славян, имел разные результаты на территории Древней Руси: на юге и юго-западе, с одной стороны, и на севере и северо-западе — с другой.

В результате ослабления древнерусского языка и усиления диалектных различий в конце XII – начале XIII в. сформировались псковский, новгородский, смоленский, ростово-суздальский и акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма. Эти диалекты, кроме акающего, характеризовались оканьем, взрывным [г] и губно-зубным [в]; неразличение [ц] и [ч] было свойственно псковскому, новгородскому и смоленскому диалектам. В псковском диалекте на месте древних *tl, *dl отмечается [кл], [гл], а также произношение шепелявых согласных вместо [с], [з] и [ш], [ж]. Для акающего диалекта характерны были губно-губной [в], фрикативный [г], за небольшим исключением отсутствие цоканья и наличие практически во всех диалектах [ѣ] и [ѡ].

Однако постепенно на обособленных землях и княжествах формируются собственные лексико-грамматические и фонетические языковые особенности, что создает предпосылки для распада общевосточнославянского языкового единства и возникновения новых восточнославянских народностей и их языков. Обособление отдельных территорий Древней Руси усилилось после татаро-монгольского нашествия, а также захватнической политики литовских, венгерских и ливонских феодалов, поработивших значительную часть русских земель. Юго-запад Руси (современная Украина) оказался в составе Великого княжества Литовского, а позднее Польши. Западнорусские территории (современная Белоруссия) отошли к Литве, а Закарпатье – Венгрии. С этого времени некогда единая восточнославянская народность, оказавшись территориально, экономически и политически разрозненной, распадается и начинается период формирования и развития

трех самостоятельных восточнославянских народностей и их языков: русской, украинской и белорусской.

Отличия между языками этих народностей к этому времени уже «исчислялись тысячами лексико-семантических единиц, составляющих специфику каждого из близкородственных языков» (Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. С. 95).

Великорусская народность формируется в северо-восточной части Руси: от Пскова до Нижнего Новгорода и от Поморья до границ с Диким Полем. Ядром для ее образования послужили Ростов, Суздаль, Владимир, а позднее Москва, сыгравшая значительную роль в объединении северновеликорусских областей и части южновеликорусских княжеств и в создании государства.

Во 2-й половине XV в. к Москве присоединяются княжества: Ярославль, Тверь, Новгород, Псков, Рязань. Москва становится политическим, экономическим и культурным центром русского государства, сюда стремятся представители севернорусских и южнорусских городов, носители окающих и акающих городов. С XIV–XV вв. идет формирование языка великорусской народности, вырабатываются общие языковые особенности, не свойственные ранее восточнославянскому языку и отличающие теперь языки русской, белорусской, украинской народностей друг от друга. Расширяется словарный состав за счет собственных новообразований: *крестьянин, деньги, топор* – в языке великорусской народности, *селянин, гроши, сокира* – в украинском языке, *селянин, грошы, сякера* – в белорусском. В области фонетики сочетания [-ый], [-ий] в древнерусском изменяются в [-ой], [-ей], в белорусском и украинском языках они сохраняются. Если в древне-

русском языке звательная форма утрачивается, то в украинском и частично в белорусском языках она сохраняется. Тенденция к выравниванию форм приводит к замене свистящих [з], [ц], [с] заднеязычными [г], [к], [х] в парадигме склонения существительных и в формах повелительного наклонения глагола: *ногѣ* вместо *нозѣ*, *рукѣ* вместо *руцѣ*, *мухѣ* вместо *мусѣ*; *помоги* вместо *помози* и т.п. В языке великорусской народности устанавливаются во множественном числе именительного падежа формы на *-а* типа *города*, *дома*, в родственных украинском и белорусском они отсутствуют. Наблюдается развитие категории одушевленности у слов мужского рода множественного числа винительного падежа в русском языке в соответствии с категорией лица в украинском и белорусском языках, не развивших категорию одушевленности у названий животных. Отдельные черты фонетической и морфологической систем современного русского языка сложились в языке великорусской народности: противопоставленность твердых и мягких, звонких и глухих согласных, функциональное объединение фонем [и] и [ы], изменение [е] в [о], унификация типов склонения и утрата сложной системы прошедшего времени глагола. Возвышение Москвы и расширение государства за счет не одинаковых в языковом отношении территорий приводит к изменению языковой ситуации.

Язык великорусской народности сложился на северновеликорусской основе. Основную роль в этом сыграл ростово-суздальский диалект, в состав которого изначально входил и московский говор. Именно вокруг этого диалекта объединяются другие диалекты. Однако присоединение к Москве южнорусских земель приводит к тому, что влияние южнорусских говоров посте-

пенно усиливается. С XIV в. начинается становление южновеликорусских диалектов. В XIV–XV вв. формируется смоленский диалект с характерными южными чертами. Часть говоров западного псковского диалекта усваивает аканье. Продолжают развиваться вологодско-вятские, архангельские, олонечские говоры, сохраняющие типичные северные языковые черты, и новгородские говоры, испытавшие сильное влияние говора Москвы. В результате взаимодействия разных по своим особенностям северновеликорусских и южновеликорусских говоров развиваются средневеликорусские говоры.

В говоре Москвы постепенно также нивелируются резкие северные и южные черты, он становится средневеликорусским по своему характеру и общерусским по функциональной значимости. Москва как символ единения и ее язык сыграли важную роль в становлении русского национального языка.

В Московском государстве формируется и совершенствуется деловой язык, оказавший значительное влияние на формирование русского языка в целом.

Развитие национального языка связано с концентрацией диалектов, с выработкой единых языковых норм. В XVI–XVII вв. в результате влияния южновеликорусских говоров в Москве закрепляется аканье, ставшее впоследствии нормой литературного языка, устанавливается флексия *-ы* у существительных среднего рода множественного числа. Одновременно идет процесс стирания прежних резких диалектных черт, формирования новых особенностей заметно прекращается, ослабевает влияние диалектов на литературный язык в целом. Постепенное формирование русского национального языка на основе языка народности

начинается с XVII в. и связано с окончательным экономическим и политическим объединением русских земель и княжеств. Образование единого национального языка во 2-й половине XVII в. ликвидировало экономическую разобщенность отдельных территорий и создало одну из главных предпосылок для перехода великорусской народности в нацию. Существенную роль в формировании русского национального языка сыграло ослабление роли церковнославянского языка, с одной стороны, и усиление взаимодействия народно-литературного типа языка с разговорным – с другой.

В русском языке XVII в. происходит расширение сфер использования делового языка и просторечия, пополнение словарного состава за счет заимствований. Особое место в истории русского языка принадлежит Петровской эпохе, ознаменовавшейся многочисленными преобразованиями в общественно-политической, экономической и культурной жизни России, оказавшими значительное влияние на формирование русского национального литературного языка.

В это время расширяются контакты с другими государствами, создается первая печатная газета «Ведомости», вводятся новые законы, усиливается внимание к вопросам быта, морали и т.д.

Многочисленные реформы Петра I оказали огромное влияние на все сферы жизни русского общества. Это был период разрушения старого и становления нового, период интенсивных преобразований как в сфере самого литературного языка, так и в сфере взаимодействия с языком разговорным, так как «языковые элементы, некогда принципиально разграниченные и закрепленные за одним или другим типом литературного языка, теперь

оказались «на свободе», они свободно смешивались и скрещивались друг с другом. Это разрушение обусловило свободный доступ в литературный язык элементов, ранее находившихся за его пределами» (Горшков А.И. История русского литературного языка. С. 180).

Именно в этот период происходит выработка национальных литературных норм русского языка, получивших дальнейшее развитие и совершенствование в творчестве А.С. Пушкина, по праву считающегося основоположником современного русского литературного языка, сумевшего объединить все лучшее, что было достигнуто М.В. Ломоносовым и Н.М. Карамзиным.

Процесс развития национального языка тесно связан с закреплением общенародного разговорного языка в письменном литературном языке. К середине XVIII в. сформировывается единая устная форма литературного языка, в основу которой легли московское просторечие и деловой язык.

В русском национальном языке прекращается сосуществование двух типов литературного языка, под влиянием разговорной формы литературного языка вытесняются диалекты, вырабатываются общие нормы произношения и словоупотребления, отсутствовавшие в устной речи великорусской народности и почти не развитые в письменном языке.

Дальнейшее развитие русского языка как языка русской нации и как средства межнационального общения проходило на фоне исторических перемен в обществе, связанных с Октябрьской революцией 1917 г.

Лит.: Аванесов Р.И., Виноградов В.В. Русский язык // БСЭ. 2-е изд. Т. 37. М., 1955; Аванесов Р.И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности // ВЯ. № 5. 1955;

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963; Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // РЯШ. № 3–5. 1940; Он же. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982; Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк. М., 1945; Горшков А. И. История русского литературного языка. М., 1969; Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995; Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990; Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л., 1961; Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907; Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850; 2-е изд. М., 1959; Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981; Он же. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; Он же. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

ЧЕЛОБИТНЫЕ. Памятники особого рода составляли **челобитные**, основное содержание которых – просьба, мольба о помощи. В них простой народ «челом бил» (кланялся, просил, убеждал), искал защиты от издевательств барина, просил отсрочки от уплаты долга и т.п.

В челобитных преобладала лексика экспрессивная, чаще с суффиксами уменьшительно-уничижительными, с простыми синтаксическими конструкциями, с преобладанием народно-разговорных элементов над книжно-литературными.

Широко представлена группа существительных, обозначающих названия одежды, обуви, предметов и понятий крестьянского быта: *шубенка, рубашен-*

ка, кафтанишка, лаптишка, штанишка, платьишко, дворишко, деревенка, деревнишка, поместейце, посудалко, вотчинка, топорок, ножишко, коробышка, городище, торговище, усадище, избенка, мельниченка, мешечек, городокъ, блюдечко. Например:

...и просим де у нихъ денег 4 алтанъ, чем выкупить съ кабака *платьишка*;

...да онъ же украсть церковный шенданъ да 2 *блюдечка* деревянных;

...платье на нем *шубенка* баранья начальная, шапка овчинная выбойчатая...

...вели челом бью изъ тюрьмы *женишку* мою освободить и *дворишко* мой распечатать (Слово и дело государевы Н. Новомбергского. М., 1911).

Манера письма и лексика челобитных весьма своеобразны. Ведь это и жалоба, и просьба одновременно. Отсюда такое обилие ингерентных слов со значением уменьшительности, ласкательности, пренебрежения, уничижения, грубости и пр.: *...вели, челом бью... изъ тюрьмы женишку* мою освободить и *дворишко* мой распечатать. Ответ на эту челобитную: *...велеть жену его изъ тюрьмы выпустить и двор распечатать.*

Интересно отметить, что одни и те же предметы, явления действительности называются по-разному. Если речь идет о женщине (жене), то экспрессия пренебрежения, уничижения гораздо чаще, чем тогда, когда говорится о мужчине (муже).

В челобитных, написанных крестьянами, имена собственные, лишенные экспрессивного значения, практически не встречаются или представлены мало. Называя себя Ивашкой, Федуркой, Катеринкой и др., проситель подчеркивал свое зависимое положение, стремился вызвать сочувствие и надеялся на удовлетворение своей просьбы

или на наказание обидчика: ...**Федурка** Матвеев приходил... пьян и... дочь мою девицу **Антонидку** учаль лаять... а тот, челом бью, **Федурка** позоритъ и лаеет жену мою и дочь мою девицу Антониду... (Слово и дело государевы Н. Новомбергского. М., 1911).

Челобитные – убедительное свидетельство широкого распространения письменности на Руси XI–XII вв. – время появления первых оригинальных русских памятников. См. **памятники письменности русского языка, грамоты, летописи**.

Лит.: см. «Памятники письменности русского языка».

Ю́СЫ. Буквы кириллицы. В древних славянских языках были буквы ѡ (юс малый) и ѡ (юс большой), а также ѡ, ѡ – юс малый и юс большой йотированные. Юсы обозначали специфические славянские гласные звуки, произносившиеся с носовым призвуком: ѡ – носовой гласный переднего ряда [e^H = ɛ], ѡ – носовой гласный переднего ряда [o^H = ɔ]. Йотированные юсы обозначали сочетания носовых гласных звуков с j.

Лит.: см. «История носовых гласных».

Я́КАНЬЕ. Тип безударного вокализма русских говоров. Неразличение или совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге либо в постоянном варианте [a], либо в варианте [a] в чередовании с вариантом [и] или [e] в зависимости от разных более частных фонетических условий.

Различают следующие типы яканья: сильное, умеренное и диссимилятивное. **Сильное яканье** – тип безударного вокализма, при котором гласные

фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных не различаются и совпадают в одном звуке [a]: [c'алó], [вс'ал'э], [n'атáк] и т.п. **Умеренное яканье** – тип безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных произносятся как звук [и] или [’э], если дальше следует мягкий согласный, перед твердым согласным как [a]: [n'ити́], [вб'ид'э́], [в'иди́] или [n'эти́], [вб'эд'э́], [в'эди́]. **Яканье диссимилятивное.** Тип безударного вокализма, при котором гласные неверхнего подъема после мягких согласных в первом предударном слоге произносятся как [a], если в ударном слоге находится [и], [ы], [у], и как [и], если в ударном слоге [a]: Ср. [н'асу́], но [н'исла́], [б'ады́], но [б'идá] и т.п.

Если под ударением находятся звуки [o], [э], различают несколько подтипов диссимилятивного яканья.

Архаический тип яканья. *Обоянский подтип.* Разновидность безударного вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге произносятся как [’а] перед ударными гласными средневерхнего подъема [o], [e]; перед гласными верхнего подъема [o], [’o], [’э] произносятся как [и]: [c'ало], но [c'илом], [б'ало], но [б'илок].

Щигровский тип: произношение [’а] перед ударными [’э] [’o]: [c'алó] [o c'ал'э́]; [c'ил'э́ни]. **Суджанский тип:** [’а] произносится перед [o], а перед [’э], [’o] произносится [и]: [c'алó], [c'ил'э́ни]. **Жиздринский тип** (или белорусский). Такой тип безударного вокализма, при котором перед [o], [’э], [’o] произносится только [’а]: [c'алó], [o c'ал'э́], [c'ал'э́ни]. **Донской тип:** произношение перед [o], [’э], [’o] только [и]: [c'илó], [o c'ил'э́], [c'ил'э́ни].

В ряде русских говоров существуют иные, более сложные типы яканья: ассимилятивно-диссимилятивное, ассимилятивно-умеренное и ассимилятивное.

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье определяется ассимиляцией первого предударного гласного при ударном [а] и диссимиляцией в той или иной разновидности при других гласных. **Ассимилятивно-умеренное яканье** характеризуется произношением в первом предударном слоге [а] независимо от твердости или мягкости согласного перед ударным [а]. **Ассимилятивное яканье** характеризуется произношением в первом предударном слоге [а] перед ударным [а], перед другими гласными – [и].

Большинство акающих говоров характеризуется яканьем. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье свойственно говорам на территории Рязан-

ской, Московской, Пензенской, Тульской областей. Умеренное яканье характерно говорам тульской группы. В говорах с диссимилятивным аканьем встречается диссимилятивное яканье. Другие типы менее распространены.

Лит.: Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949; Он же. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974; Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М., 1986; Захарова К. Ф. Типы диссимилятивного яканья в русских говорах // ВЯ. 1971. № 2; Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 1989; Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973; Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд. М., 1962.

ЯТЬ. См. кириллица, происхождение гласных звуков.

ОРФОЭПИЯ

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ НОРМЫ. Произносительные нормы в области ударения.

Местом ударения могут различаться литературные варианты ударения, оценивающиеся как равноправные, либо один из вариантов как более или менее предпочтительный. У равноправных вариантов разница в месте ударения не значима: *баржа́* и *ба́ржа*, *по бе́режку* и *по бережку́*, *отрасле́й* и *отрасле́й*, *за́литый* и *за́литый*, *кру́жится* и *кру́жится*. Более предпочтительный вариант может принадлежать старшей норме (*ко́жанка*, *уто́ченный*, *шевели́т*, *ткала́*, *глубоко́*) или младшей норме (*а́мфора*, *сте́нам*, *засне́женный*, *гру́зит*, *прорва́лся*). Акцентные варианты могут относиться к разным сферам употребления: общеупотребительный и профессиональный варианты (*добы́ча* и *дбы́ча*, *ко́мпас* и *компа́с*, *и́скра* и *искра́*, *алкого́ль* и *а́лкоголь*, *осу́женный* и *осу́женный*), литературный и народно-поэтический (*деви́ца* и *де́вица*, *се́ребро* и *серебро*, *че́стный* и *честно́й*, *шелко́вый* и *шелко́вый*), литературный и диалектный (*крапи́ва* и *крапива́*, *холо́дно* и *холодно́*), литературный и просторечный (*ката́лог* и *ката́лог*, *квартáл* и *квартал*, *догма́т* и *догма́т*, *повтори́т* и *повторит*, *краси́вее* и *красиве́е*, *закупори́ть* и *заку́порить*, *включи́т* и *включит*, *нача́ть* и *нача́ть*). Местом ударения могут различаться современный и устаревший варианты (*му́зыка* и *музы́ка*, *слу́жащие* и *служа́щие*, *кладби́ще* и *кладби́ще*).

Местом ударения могут различаться разные значения одного слова (*про́пуск* «документ» — *пропу́ска* и *про́пуск* «пропущенное место» — *про́пуски*; *глухо́й* «лишенный слуха;

равнодушный» — *глуха́*, *глу́хо*, *глу́хи* и *глухо́й* «незвонкий, неясный; сплошь заросший» — *глуха́*, *глу́хо*, *глу́хи* и доп. *глухи́*, *ме́ртвый* «умерший, лишенный жизни» — *мертва́*, *ме́ртво*, *ме́ртвы* и доп. *мертвы́* и *ме́ртвый* «безжизненный, бесплодный» — *мертва́*, *мертво́*, *мертвы́* и доп. *ме́ртво*, *ме́ртво*), а также омонимы (*бой* «битва» — *бои́*, *боёв* и *бой* «мальчик» — *бóй*, *бóев*; *бор* «сосновый лес» — *бо́ра*, *бо́ры*, *бо́ров* и *бор* «сверло» — *бо́ра*, *бо́ры*, *бо́ров*; *коси́ть* «срезать косой, косилкой» — *кошу́*, *ко́сишь* и *коси́ть* «быть косоглазым» — *кошу́*, *коси́т*; *сле́пить* «склеить, сделать посредством лепки» — *сле́плю*, *сле́пит* и *сле́пить* «мешать видеть» — *сле́плю*, *сле́пит*).

Большинство вариантов акцентных типов и мен существительных связано с разной степенью освоенности слова говорящими (стилистическая приподнятость, нейтральность или сниженность), а также с морфологическими причинами (тенденцией к формированию акцентного противопоставления единственного и множественного числа, тенденцией к выравниванию места ударения в формах одного числа): *ба́ржа* — *ба́ржи* и *баржа́* — *баржи́*; *де́ревце* — *де́ревца* и *дереви́це* — *дереви́ца*; *плу́та* — *плу́ты* и *плута́* — *плути́*; *дымы́* — *дымо́в* и старшее *ды́мы* — *ды́мов*; *штормы́* — *штормо́в* и младшее *шторма́* — *штормо́в*; нейтральное *бо́цманы*, *бо́цманов* и профессиональное *боцманá* — *боцмано́в*; *ве́тры* — *ве́тров* и *ветро́в*; *во́лны* — *во́лнами* и *волна́ми*; *сре́ды* — *сре́дам* и *среда́м*; *сте́ны* — *сте́нам* и старшее *стена́м*.

В профессиональной речи у существительных в форме именительного падежа множественного числа ударение обычно падает на окончание:

тра́кторы — тракторá, кондúкторы — кондукторá, сна́йперы — снайперá, склáды — склады́, шпрíцы — шприцы́.

Степень освоенности слова проявляется и в вариантах места ударения имен прилагательных: *автозавóдский и автозаводскóй, кру́жкóвый и кружковóй, тёмбрóвый и тембровóй.* Многие краткие прилагательные имеют варианты ударения на основе и окончании: *влáстен — влáстнá, влáстно, влáстны; бёл — белá, бёлó, белы́; нóв — новá, нóво, новы́; узóк — узкá, узкó, узкí; свёж — свежá, свежó, свёжí; жестóк — жестóкa и старшее жестокá; мал — малó, малы́ и старшее máло, máлы; кóрот — кóроткo, кóроткi и младшее корóткó, корóткí; вíден — виднý и старшее видны́; глúп — глúпы и младшее глупы́.*

В современном русском языке активизировался процесс переноса ударения с основы на окончание в форме множественного числа кратких прилагательных в связи с тенденцией к акцентному противопоставлению полных и кратких прилагательных: *умнýй — умнá, умнó, умны́.* Поскольку формы кратких прилагательных среднего рода употребляются в живой речи реже других форм, то перенос ударения на окончание в этих формах встречается в основном у широко употребляемых слов.

У глаголов вариативность места ударения начинается главным образом в формах настоящего/будущего времени и прошедшего времени. В формах настоящего/будущего времени возможна вариативность ударения на основе или окончании во всех формах: *зайскрítься, зайскрjúсь, зайскрится и заискрítься, заискрjúсь, заискрítся.* В современном русском языке существует тенденция к замене у многих глаголов на *-ить* неподвижного ударения на окончании подвижным ударением:

вкушú — вкúсит и вкúсит; мирjú — мирúт и доп. младшая мíрит, грузjú — грúзит и доп. старшая грузít; в просторечии бúрит, вклúчит, крéпит, свёрлит, звóнит (последнее некоторые ученые допускают в разговорной речи).

В формах прошедшего времени приставочных глаголов старшее ударение на приставке варьирует с новым ударением на корне под влиянием места ударения в инфинитиве: *добы́ть, добы́л и доп. дббыл, добылá, добы́ло, добы́ли и доп. дббыло, дббыли; придáть, придáл и доп. прíдал, придáлá, придáло, придáли и доп. прíдало, прíдали.* Широко распространены неправильные варианты ударения в форме женского рода на корне (*забрáла, назвáла, проспáла*) или на приставке (*нáчала, обня́ла, прéдала, прóкляла, сóздала*). Типы ударения у возвратных глаголов в прошедшем времени связаны с типами ударения соответствующих невозвратных глаголов: *бítь, бíл, бíла, бíло, бíли и бítься, бíлся, бíлась, бíлось, бíлись; вестí, вёл, велá, велó, велí и вестíсь, вёлся, велáсь, велóсь, велíсь.* Но при подвижном ударении возможны и варианты места ударения в форме мужского рода: *извёлся и доп. старшее извелся́, перевёлся и доп. старшее перевелся́, родíлся и родился́, обня́лся и обнялся́, приня́лся и доп. младшее принялся́, брался́ и доп. старшее брался́, напи́лся и доп. старшее напился́.* Форма женского рода у таких имеющих акцентные варианты глаголов почти всегда имеет ударение на окончании: *бралáсь, взвилáсь, гналáсь, дождалáсь, лилáсь, напилáсь* и др., но *родилáсь* и доп. младшее *родíлась*. В формах среднего рода и множественного числа место ударения вариативно: обычно предпочтительный вариант ударения на окончании, но допустим и вариант младшей нормы на основе: *бралóсь,*

бралісь и *брáлось*, *брáлись*; *гналбсь*, *гнались* и *гнáлось*, *гнáлись*; *дождалбсь*, *дождались* и *дождáлось*, *дождáлись*; *напилбсь*, *напились* и *напíлось*, *напíлись*. Равноупотребительные варианты редки: *проспáлось*, *проспались* и *проспáлось*, *проспáлись*.

В современном русском языке существуют некоторые тенденции в постановке ударения. Акцентологические нормы меняются с течением времени. В многосложных словах ударение с крайних слогов перемещается к центру слова: ср. *аккомпанировáть* в XIX в. и *аккомпани́ровать*, *кури́шь* и *ку́ришь*, *гаси́шь* и *гáсишь*, *да́ришь* и *да́ришь*.

Место ударения может быть в определенной степени связано со структурой слова.

В сложносокращенных словах ударение обычно падает на последний слог: *горга́з*, *горонó*, *комба́т*, *комсомо́л*, *специа́з*.

Некоторые суффиксы всегда являются ударными, напр., суффикс *-ист* (*арти́ст*, *трактори́ст*, *фигури́ст*), *-ун* (*бегу́н*, *ворчу́н*, *говору́н*, *драчу́н*), др. суффиксы, как правило, безударны, напр. суффикс *-тель* (*воспита́тель*, *обозрева́тель*, *писа́тель*).

На позицию ударения в слове может оказывать влияние происхождение последнего. Заимствованные слова нередко сохраняют то ударение, которое было в языке-источнике: *партéр* (из французского); *вэнзель*, *мазу́рка*, *по́чта* (из польского); *ба́ртер*, *бро́кер*, *ди́лер*, *мэнеджер*, *спóнсор*, *три́ллер*, *инвэ́стор*, *компью́тер*, *бри́джинг*, *ле́йтинг*, *хо́лдинг*, *ма́ркетинг*, *импи́чмент*, *мэнеджермент*, *шóу*, *ло́бби* (из английского). У заимствованных существительных отмечается тенденция к неподвижному ударению при словоизменении (искл. *хит* – *хита́*).

Активизация в последнее десятилетие XX в. многих устаревших слов спо-

собствовала изменению ударения некоторых из них: *община́*, *обнаруже́ние*, *обмороже́ние* (но *обеспече́ние*, *наме́рение*). Появляются варианты ударения у слов узких сфер употребления: *овéн*, *овна́* и *бвeн*, *бв(e)на*.

Экстралингвистические особенности языкового бытования 80–90-х гг. XX в., в частности, общая настроенность средств массовой информации на «живое» общение, значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, способствуют расшатыванию акцентологических норм.

Лит.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Бондарко Л. В. Фонетика современного русского литературного языка. СПб., 1998; Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2001; Воронцова В. Л. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1965–1995). М., 1996; Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв.: Формы словоизменения. М., 1979; Горбачевич К. С. Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее. М., 1984; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Текст / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983.

МОСКОВСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ. Способ произношения, свойственный жителям Москвы, признанный произносительной нормой русского литературного языка. Уже в XVII в. сложились основные закономерности современного русского литературного языка, в основу которого лег среднерусский говор Москвы, в котором сглажены наиболее резкие черты севернорусского и южнорусского на-

речей. Московское произношение складывалось веками. Первоначальной его основой было произношение восточнославянского племени кривичей (близкое к произношению славян новгородских), т.е. имело севернорусский характер.

До образования национального языка в XVII в. нормализация литературного языка практически не касалась произношения. На разных территориях были распространены диалектные разновидности русского языка. Вместе с присоединением к Московскому княжеству других княжеств росла экономическая, политическая, культурная роль Москвы как столицы централизованного Русского государства. В связи с этим рос и престиж московского говора. Его нормы, в том числе и произносительные, перерастали в нормы общенациональные.

Язык Москвы XVI–XVII вв. не был однородным. Ее население составляли выходцы из разных мест, представлявших разные русские диалекты. В большом городе возникал своеобразный сплав из этих разнородных диалектных черт.

Москвичи до XVI в. не только сохраняли северный строй консонантизма, но и окали. Однако в Москве среди населения, пришедшего с юга и востока, было распространено и акающее произношение, которое постепенно укрепилось и к XVIII в. стало господствующим. В значительной степени это было связано с большим пополнением населения Москвы из южнорусских областей. В XVII–XVIII вв. южнорусское влияние на язык Москвы усилилось и привело к смене и некоторым другим произносительным и грамматическим норм.

В XVIII в. существовало две нормы произношения: одна – при чтении книг, стихов и т.д., другая – свойствен-

ная разговорной речи. Проникновение в русский язык иноязычных элементов (особенно начиная с XVIII в.) сделало произношение еще более неоднородным.

Произносительные нормы современного русского литературного языка в своих важнейших чертах сложились в первой половине XVII в., но тогда они характеризовали еще только московский говор. К концу XIX в. московская произносительная система уже сложилась как норма национальная. В XIX в. произносительные нормы литературного языка полностью определяются живой московской речью. Для них характерно аканье (*е[А]да*), произношение [э] после мягких согласных перед твердыми на месте «ять» под ударением, произношение взрывного [з] и др.

В литературном языке второй половины XVIII – первой половины XIX в. существовали и произносительные варианты. Высокий стиль литературного произношения характеризовался аканьем, отсутствием перехода ударного [э] в [о] после мягкого согласного перед твердым ([*м'э*]ртвый, *ве[с'э]*лый), фрикативным [γ], чередующимся с [х] на конце слова, на месте взрывного [з] (*мо[γ]у* – *мо[х]*) в соответствии с нормами церковно-славянского языка, произношением [шн] на месте исконного *чн* в большом количестве слов бытовой тематики (*кулашный, кирпичный, буднишный, коришневый* и др.) и некоторыми другими особенностями. К концу XIX в. в московском произношении стали образцовыми некоторые черты, время существования которых названо «старомосковским произношением»: напр., мягкий [р'] в словах *не[р']вый. четве[р']г, ве[р']х* и др.; твердый [с] в *-ся, -сь* в глагольных формах.

Старославянское произношение и сейчас составляет основу орфоэпичес-

ких норм, несколько изменившихся в XX в. Старославянское произношение лежит в основе несвойственных современному русскому литературному языку норм XIX — начала XX в., а также многих современных орфоэпических вариантов, характеризующих «старшую» норму: напр., [ы^э] на месте [Л] после [ш], [ж] в первом предупредительном слоге: ш[ы^э]ги, ж[ы^э]ра и др.; мягкий [р'] после [э] перед губными и заднеязычными (п[р']вый, четве[р']г и др.; мягкие губные перед мягкими заднеязычными (я[м'к']и, ла[п'к']и, с[м'г']е и др.); мягкие зубные перед мягкими губными ([с'п']ина, [з'в']ерь, Лю[д'м']ила, о[т'в']ет); фрикативный [γ] на месте взрывного [г] в словах *Ббога, благо, богатый, Господь* и производных (*боготворить* и др.); твердые заднеязычные перед окончанием прилагательных мужского рода им. падежа ед. числа и перед глагольным суффиксом *-ива-* (*дол[гз]й, жар[кз]й, вет[хз]й, зать[гз]вать, прищел[кз]ывать, вспы[хз]вать*); безударное окончание глаголов третьего лица мн. числа первого спряжения — [ум] у глаголов второго спряжения (*люб[ут], хвал[ут], дыш[ут]* и др.); произношение *-сь, -ся* в глаголах неопределенной формы с твердым [с].

Для московского произношения 2-й половины XX в. характерны следующие черты:

— произношение [ш'], [ж'] на месте *ш, сч, жж, зж, жд, (щи, счет, жууж-жать, возжжи, дождя)*;

— произношение *г* как [γ] только в некоторых церковных словах (*Бога, Господь*, но не в словах *богадельня, благополучный, благоприятный*); [γ] возникает при позиционном озвончении и в отдельных словах (*бухгалтер, бухгалтерия*);

— возможное произношение *чн* как [шн] в словах *скучно, булочная, молоч-*

ный и др., но не в словах-терминах и не в большинстве лексически нейтральных слов (*вечность, беспечность, личность* и др.);

— произношение *щн* как [шн], а не как [шн] (*сущность, беспомощность* и др.);

— произношение твердых [т], [д] перед *е(э)* в ряде заимствованных и стилистически отмеченных слов (*темпера, коттедж, терция, декольте* и др.), в собственных именах (*Декарт, Дега, Теренций, Доде*) и аббревиатурах (*ТЭЦ, ВТЭК, ЛЭП* и др.);

— колебание в произношении между твердым [с] и мягким [с'] в глагольных формах на *-ся, -сь*;

— произношение [шт] в союзах *что, чтобы*;

— аканье, т.е. резко контрастное выделение ударного слога (по долготе и интенсивности) и разная (двухступенная) редукция гласных в безударных слогах (*голова [гьлЛва]*).

Московское произношение через средства массовой информации, театр оказывает влияние на диалектное и просторечное произношение.

Лит.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Бернштейн С. И. Вопросы обучения произношению. М., 1937; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; О московском народном говоре // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984; Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1980. Реформатский А. А. Московское произношение // Проблемы фонетики. Ч. II. М., 1995. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979; Ушаков Д. Н. Русская орфоэпия и ее задачи // Русская речь. Сб. 3. Л., 1928; Шерба Л. В. О нормах образцового русского произношения // РЯШ. 1936. № 5.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ. Эти нормы касаются произношения безударных гласных в разных позициях, в сочетании с различными согласными, в разных по происхождению словах (исконных и заимствованных).

1. Русский литературный язык характеризуется а к а н ь е м, суть которого заключается в том, что в безударных слогах гласным неверхнего подъема [а], [о], [э] соответствует один и тот же звук: в первом предударном слоге после твердых согласных в соответствии с [а], [о] произносится звук [Λ], а в остальных безударных слогах (кроме абсолютного начала слова) звукам [а], [о], [э] соответствует звук [э] (с[Λ]дѣ, д[Λ]мá, с[э]довѣд, д[э]мовѣй, ц[э]новѣй); ср. оканье в севернорусских говорах.

2. В XIX в. в литературном языке господствовало эканье (оно и сейчас встречается в литературном произношении) — совпадение в первом предударном слоге после мягких согласных всех гласных фонем неверхнего подъема: [р'ѣ]ки — [р'ѣ^л]кá, [н'ѣ]с — [н'ѣ^л]сý, [н'á]ть — [н'ѣ^л]тáк. В современном русском литературном языке господствует и канье: [р'и^э]кá, [н'и^э]сý, [н'и^э]тáк.

3. В XIX в. и в начале XX в. в соответствии с эканьем фонемы <э>, <о>, <а> после твердых согласных [ш], [ж], [ц] в первом предударном слоге реализовались в звуке [э]: ш[э^{бл}]стѣй, ц[э^{бл}]нá, ж[э^{бл}]нá, ж[э^{бл}]рá, ш[э^{бл}]рѣ и др. В соответствии с иканьем в эту эпоху распространилось в данной позиции произношение [ы^э]. В настоящее время под влиянием общей закономерности в большинстве случаев в данной позиции после [ш], [ж] произносится звук [Λ], прежнее произношение сохранилось лишь в некоторых словах после [ш], [ж]: ж[ы^э]лѣть,

пож[ы^э]лѣй, к сож[ы^э]лѣнию, лош[ы^э]дѣй, лош[ы^э]дѣм, лош[ы^э]дѣми, ж[ы^э]кѣт, ж[ы^э]смѣн, двадц[ы^э]тѣй, тридц[ы^э]тѣй. В тех словах (морфемах), в которых под ударением произносится [о], а пишется после ш, ж — е(е), после ц — о, в первом предударном слоге сохраняется произношение [ы^э]: ш[ѳ]лк — ш[ы^э]лкá, ш[ѳ]лот — ш[ы^э]птáть, ж[ѳ]ны — ж[ы^э]нá, торц[ѳ]вѣй — лиц[ы^э]вѣй.

4. В некоторых сложных и сложносокращенных словах и словах с некоторыми приставками возможно произношение гласных без качественной редукции: д[р'э]внерусский, [м'э]жеститутский, [со]редáктор, стр[ѳ]йотряд, м[а]шбюрѳ, тр[а]нссибирский, т[р'ѳ]хрáзовый, [в'á]лотекущий, [иá]сновѣдѣющий и др. В определенных фразовых условиях эти гласные могут получать побочное ударение.

5. В некоторых заимствованных словах допускается произношение безударного [о]: адáжисо, боá, болерѳ, досѣ, какáо, кредо, поэт, рáдио, рококо, сольфѣджисо, трѣо, фойѣ. Произношение безударного [о] в словах аромáт, бокáл, вокзáл, костѳм, прогрѣсс, ромáн, роáль и др. считается архаичным или манерным.

6. В заимствованных словах книжно-литературного характера на месте безударного э в начале слова и после твердых согласных произносится [э]: [э]вѣнк, [э]квилибристи, [э]кзистенциальный, [э]ксгумация, [э]мбрион, [э]ссѣ, аст[э]рѳид, корд[э]балѣт, тѣнд[э]р, андáнт[э], альт[э]рнатѣва, мод[э]рнизация, т[э]ннисист.

Лит.: А в а н е с о в Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Б о н д а р к о Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998; В е р б и ц к а я Л. А. Русская орфоэпия (К проблеме фонетического исследования особенностей современной произносительной нор-

мы). Л., 1976; Вербицкая Л. А. Давай-те говорить правильно. М., 2001; Гловинская М. Я. Вариативность произношения зимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М., 1976; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995; Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1998; Панов М. В. Орфоэпия // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997; Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Ч. I. М., 1987.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ В ОБЛАСТИ СОГЛАСНЫХ. Данные нормы касаются произношения отдельных согласных, некоторых сочетаний согласных в разных по происхождению словах (исконных и заимствованных).

1. Произношение отдельных согласных.

Произношение твердых и мягких согласных. В начале XX в. большинство согласных подчинялось следующей закономерности: перед мягким согласным произносился тоже мягкий согласный. В настоящее время подобное произношение сохраняется только в некоторых группах согласных в отдельных позициях.

Губные перед мягкими согласными чаще произносятся твердо по младшей норме, нежели мягко по старшей: перед губными ([в'б']*ить* и [вб']*ить*, р[у]ф[м']*е* и р[у]ф[м]*е*, о[б'м']*ён* и о[бм']*ён*); перед зубными ([ф'с']*ё* и [фс']*ё*, [м'с']*туть* и [мс']*туть*, пог[у]б[л']*и* и пог[у]б[л]*и*, и[в'н']*як* и и[вн']*як*, з[у]м[н']*ий* и з[у]м[н]*ий*, но ко[пн']*ить*, [бд']*ение*,

ко[фт']*е*, по[бмн']*ить*); перед передненёбными [ч'], [ш'] возможны варианты произношения (о[фч']*ина* и о[фч']*ина*, я[м'ш']*ик* и я[мш']*ик*), но перед [р'] губные только твердые (за[пр']*ёт*, д[е]б[р']*и*, на ко[вр']*ё*, за[мр']*и*); перед звуками на месте <j> возможно твердое и мягкое произношение (ко[пн']*ю* и ко[пн']*ю*, во[рб']*и* и во[рб']*и*, жи[в']*ём* и жи[в']*ём*, са[ф']*ян* и са[ф']*ян*, се[м']*я* и се[м']*я*); перед заднеязычными возможны твердые и мягкие губные щелевые ([в'г']*убели* и [вг']*убели*, л[о]ф[к']*ий* и л[о]ф[к']*ий*), а губные смычные чаще произносятся твердо (о[бг']*итару*, р[о]п[к']*ий*, л[а]п[к']*и*, гр[о]м[к']*ий*, [мх']*и*).

Зубные согласные перед мягкими зубными могут быть мягкими внутри и на конце корня (мо[с'т']*ик*, ле[с'н']*ик*, у[з'д']*ёчка*, ба[н'т']*ик*); по младшей норме в таких сочетаниях (наряду с мягкостью) возможна и твердость первого согласного в начале слова ([ст']*ена*, [сн']*ёг*), в конце приставки (ра[ст']*ирать*, во[зд']*ерживаться*, по[дн']*ёс*), после твердого согласного (то[лст']*як*, по[бдн']*ик*, ме[рзн']*ет*, па[ртн']*ёр*), в сложных словах (го[сс']*екретарь*, Го[ст']*елерадио*); мягкий [н'] обычно произносится перед [д'], [т'], [з'], [с'], но возможно (а во многих словах и преобладает) и твердое произношение (ко[пн']*инент* и ко[пн']*инент*, ко[пн']*иционер* и ко[пн']*иционер*, ко[пн']*с'ёрвы* и ко[пн']*с'ёрвы*, бе[пн']*з'ин* и бе[пн']*з'ин*). Зубные перед мягкими губными произносятся мягко по старшей норме (по[с'н']*еешь*, и[з'м']*ёна*, че[т'в']*еро*, ме[д'в']*едь*) и твердо по младшей (по[сп']*еешь*, и[зм']*ёна*, че[тв']*еро*, ме[дв']*едь*).

Звук [л] произносится твердо перед мягкими согласными (до[лб']*ить*, то[лп']*иться*, по[лз']*и*, же[лт']*еть*, по[лн']*ней*, то[лч']*еный*, то[лш']*ина*); перед [л'] допустимы и мягкие и твер-

дые зубные (*о[с'л']úk* и *о[сл']úk*, *[з'л']útь* и *[зл']útь*, *пe[т'л']я́* и *пe[тл']я́*, *бо[д'л']úвый* и *бо[дл']úвый*).

Зубные перед мягкими передненёбными произносятся по-разному: перед [р'] – только твердо (*[тр']и*, *му[др']éц*, *по[ср']едúне*, *со[зр']éть*, *в жá[нр']e*); перед [ч'], [ш'] твердые зубные обычно заменяются мягкими зубными и передненёбными (*вагб[н'ч']ик*, *жé[н'ш']ина*, *о[т'ч']и-тáть*, *о[ч'ш']итáть*), но возможно и твердое произношение (*са[нч']áсть*, *стáли[нш']ина*). Зубные перед звуками на месте <j> внутри и на конце корня мягкие (*до[с'ж']э*, *ня[т'ж']ý*, *[д'já]кон*), в конце русской приставки и предлога зубные щелевые произносятся мягко по старшей норме и твердо – по младшей (*[с'ж']хать* и *[сж']хать*, *бе[з'já]год* и *бе[зjá]год*), зубные взрывные обычно твердые (*о[тjé]зд*, *на[д'já]мой*); в конце приставок иноязычного происхождения и после начальных *ин-*, *кон-*, *пан-* произносится твердый зубной (*пoc-[тjá]дeрный*, *и[нjэ]кция*, *ко[нну]нктив*, *пан[нш']вропéйский*).

Зубные перед мягкими заднеязычными и обычно твердые (*нjá[тк']и*, *мо[зг']ú*, *Пá[сх']e*).

Переднеязычный твердый [р'] преобладает в произношении перед губными, переднеязычными и заднеязычными согласными (*со[рв']ú*, *á[рм']ия*, *втб[рн']ик*, *свá[рш']ик*, *пу[рг']ú*); по старшей норме возможно произношение [р'] после гласных переднего ряда (*те[р'н']éть*, *чé[р'в']и*, *нé[р'с']ик*, *чé[р'т']и*, *пe[р'ч']ёный*, *безалáбе[р'ш']и-на*); перед звуками на месте <j> мягкий [р'] произносится внутри и в конце корня перед суффиксом (*сы[р']б*), а твердый [р'] – на стыке двух морфем (*супe[рjá]хта*).

В XVIII в. мягкость [р'] была обязательной в положении после [э] перед губным или заднеязычным согласным

(*сé[р'н]*, *вé[р'б]а*, *ущé[р'б]а*, *вé[р'х]*, *четвé[р']г*, *зé[р'к]ало* и др.). На протяжении XIX в. и в начале XX в. такое произношение в литературном языке постепенно утрачивалось. Вариативность произношения [р'] и [р] в литературном языке сохраняется в слове *церковь*, при этом вариант *цé[р'к]овь* относится к устаревающей норме.

Заднеязычные перед губными и переднеязычными и обычно твердые (*бу[кв']e*, *дб[гм']e*, *та[кс']ú*, *[гд']e*, *ма[хн']ú*, *вú[хр']*), перед звуками на месте <j> могут произноситься мягко и твердо (*[к'jб]лке* и *[кjб]лке*), как и перед мягкими заднеязычными (*лé[х'к']ий*, *мjá[х'к']ий*, но *ва[к'х']úческий* и *ва[кx']úческий*).

Процесс *с'с' > cc'* по-разному проявляется в различных группах согласных, после гласных переднего и непереднего ряда, внутри морфем и на стыке морфем, в начале и в середине слова, в словах частотных и редких. Так, произношение *с'с'* дольше сохраняется внутри корня и на стыке корня и суффикса, новое произношение *cc'* раньше появляется на стыке предлога и следующего слова, на стыке приставки и корня, в начале слова. Произношение *с'с'* дольше сохраняется в словах частотных, а произношение *cc'* чаще встречается в словах редких, книжных. После гласных переднего ряда в некоторых сочетаниях согласных первый мягкий задерживается дольше, чем после гласных непереднего ряда.

Процесс отвердения *с'с' > cc'* почти не коснулся мягких звуков, воплощающих мягкие фонемы, т.е. тех случаев, когда мягкость звуков позиционно не обусловлена (*готб[ф'с']я – готб[ф']*, *познакб[м'т']e – познак[м']*, *суд'б']é – суд'б']á*, *во[з'м']ú – во[з'м']ý*, *жá[р'т']e – жá[р']*).

При произношении заимствованных слов по старшей норме перед [э]

могли быть только мягкие согласные (кроме [ш],[ж],[ц]): [б']еж, брю[н']ет, му[з']ей, пио[н']ер, ре[л']с, [т']ермин, фа[н']ера, ши[н']ель. В настоящее время эта закономерность утрачена, и во многих заимствованных словах произносятся только твердые согласные: антенна, бизнес, биштекс, дельта, кабаре, кафе, кашне, кодекс, коктейль, модель, отель, партер, постель, поэтесса, пюре, реквием, тире, тоннель, шатен, шедевр, шоссе, эстетика. В некоторых словах допустимо двоякое произношение: [д']екан и [д']екан, конг[р]есс и конг[р']есс, к[р]едо и к[р']едо, [т']еррорист и [т']еррорист.

Произношение согласных [з] и [γ].

В XVIII–XIX вв. во многих словах перед гласными произносился фрикативный [γ], но при этом шел процесс его вытеснения звуком [з] взрывным. В начале XX в. [γ] произносился наряду с [з] в словах лёгок, мягок, коготь, ноготь, Господь, Бога, благо (и производных), господин, богатый, господи, ей-богу. В современном русском языке [γ] обязателен только в слове бухгалтер и междометиях ага, ого, а также возможен в словах бухгалтерский, бухгалтерия, господи, ей-богу. В остальных словах преобладает произношение [з], чередующегося с [к]: бла[з]о – бла[к], но Бо[з]а – Бо[х]. Произношение [γ] в сильной позиции характерно для южнорусских говоров, а также свойственно церковнославянскому языку.

Произношение согласного [j].

В заимствованных словах произношение [j] на месте сочетаний *ee, ie, oe* внутри корня перед вторым ударным гласным является вариантным. Данный звук произносится в словах *гиэна, гигиэна, диэзний, клиент*. Не произносится [j] в словах *коэффициэнт, пациэнт, реципиэнт, риэлтор, спаниэль,*

проэкт, феэрия. Произношение слов с [j] и без [j] возможно в случаях *абитуриэнт, аудиэncia, диэта, ингредиэнт, реэстр, сиэста, фиэста*. После безударного [э] на месте *й* звук [j] может произноситься и не произноситься в фамилиях *Эйзенштéйн, Эйзенхáуэр, Эйдукявичус, Э(й)нштéйн, Э(й)дельмáн* и др.

2. Произношение некоторых сочетаний согласных звуков.

Произношение орфоэпических вариантов [ш'] [ш'ч'] в словах *расческа, доносчик, погрузчик, веснушчатый, щука, ведущий* и др. неодинаково в разных позициях и в разные эпохи. Произношение [шч'] внутри морфемы господствовало в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX в. В настоящее время и в Москве, и в Санкт-Петербурге почти исключительно произносится [ш'] ([ш']ука, [ш']áстье). На стыке морфем употребление того или иного варианта зависит от темпа речи, степени употребительности слова, силы сцепления морфем. При убыстренном темпе речи обычно произносится [ш'], в редких словах употребляется [ш'ч'] (*бесчерепные* и частотное *расческа*). На стыке корня и суффикса преобладает вариант [ш'] (*подписчик, возчик, привязчивый*), поскольку сила сцепления корня и суффикса велика. На стыке приставки и корня, предлога и знаменательного слова слабее, поэтому наряду с [ш'] часто произносится [ш'ч'] (*бесчисленный, исчезнуть, расчувствоваться, без чемодана, из частника*).

Орфоэпические варианты [ж'] и [жэ] связаны со старшей [ж'] и младшей [жэ] нормой. Вариативное произношение возможно в словах *дрожжи, брызжет, визжать, дребезжать, разmozжить, брюзжать, возжи, езжу, жжёт, позже, брезжить,*

жужжать. В словах *дожди*, *дождик* произношение [ж'] вытесняется произношением [жд']. В современном русском литературном языке преобладает произношение [ж].

В XIX – начале XX в. на месте *чи* во многих словах произносилось [шн]: *горичный*, *двоечник*, *конечно*, *прачечная*, *пустячный*, *скворечник*, *скучно*, *яичница*, в женских отчествах на *-ична* (*Кузьминична*, *Ильинична*), но в словах книжного характера и в словах с производными основами на [ч'] произносилось [ч'н]: *ве[ч'н]ость*, *то[ч'н]ость*, *отли[ч'н]ик*, *пе[ч'н]ик*. В настоящее время под влиянием орфографии и согласной младшей нормы преобладающим становится произношение [ч'н]. Вариативное произношение возможно в словах *прачечная*, *пустячный*, *сливочный*, *яичница*, женских отчествах на *-ичн(а)*. Произношение [шн] остается в словах *конечно*, *нарочно*, а также в словосочетаниях *серде[шн]ый друг*, но *серде[ч'н]ый приступ*, *шапо[шн]ое знакомство*, но *шапо[ч'н]ая мастерская*, *моло[шн]ая* (и *моло[ч'н]ая*) *каша*, но *моло[ч'н]ая кислота*.

Произношение на месте *чт* сочетания звуков [шт] в словах *что*, *чтобы*, *ни за что*, *кое-что* и др. соответствует старомосковской норме. Слово *ничто* допускает двойное произношение, а книжное *ничто* произносится с [ч't]. Вариативное произношение [ч't] сформировалось под влиянием орфографии.

Упрощение групп согласных звуков.

В современном русском языке во многих словах наблюдается вариативность произношения групп согласных – с зубным согласным [т], [д], [т'] [д'] и без него:

– между зубными согласными: *с(т)с* (*шес(ть)сот*, *турис(т)ский*, *бес(т)селлер*); *с(т)н* (*мес(т)ный*, *чес(т)ный*,

шес(т)надцать, *капус(т)ник*, но *ко-с[т]ный* (ср. *косный*), *грубошерс(т)ный* и *грубошерс[т]ный*, *двуперс(т)ный* и *двуперс[т]ный*); *з(д)н* (*поз(д)но*, *праз(д)ник*, но *без(д)на* и *без[д]на*, *звезд(д)ный* и *звёз[д]ный*); *с(т)л* (*зави(т)ливый*, *счас(т)ливый*, но *хвас(т)ливый* и *хвас[т]ливый*, *жалос(т)ливый* и *жалос[т]ливый*; *кос[т]лявый*, *пос[т]лать*, ср. *послать*); *н(т)с* (*гиган(т)ский* и *гиган(ц)кий*, *голлан(д)ский*, *аген(т)ство*); *н(д)з* (*ксён(д)за*);

– между зубными [л], [н] и передне-нёбным [ш]: *л(д)ш* (*фель(д)шер* и *фель[ч]шер*); *н(т)ш* (*комендан(т)ша* и *комендан[ч]ша*);

– между зубным и губным: *с(т)м* (*плас(т)массовый* и *плас[т]массовый*, *ас(т)матический* и *ас[т]матический*); *з(т)б* (*пас(т)бище* и *пас[д]бище*, *рос(т)биф* и *рос[д]биф*);

– между зубным и заднеязычным: *с(т)к* (*бороз(д)ка*, *блёс(т)ки*, *громоз(д)кий*, *жёс(т)ко*, *невес(т)ка*, *поез(д)ка*, *хлёс(т)кий*, *шерс(т)ка* чаще произносятся с [т], а произношение без [т] не рекомендуется в словах *атеистка*, *буддистка*, *вёрстка*, *гимнастка*, *выкрестка*, *лингвистка*, *реалистка* и др.); *н(т)к* (*голлан(д)ка* «печь», *шотлан(д)ка* «ткань», но *голлан[т]ка* «жильница», *шотлан[т]ка* «жильница»); *гувернан[т]ка*, *официан[т]ка*, *студен[т]ка*); *з(д)г* (*бюс(т)галтер* и *бюс[д]галтер*); *н(д)г* (*рен(т)ген* и *рен[д]ген*). Произношение со звуками [т], [т'], [д], [д'] соответствует младшей норме.

Вариативным является и произношение заднеязычных взрывных между согласными *с(к)с* (*бас(к)ский* и *бас[к]ский*), *н(г)т*, *н(к)т* (*Вашин(г)тон* и *Вашин[к]тон*, *Сан(к)т-Петербург* и *Сан(кт)-Петербург*, но *пун[к]тир*, *план[к]тон*, *инстин[к]т*); *н(г)с*, *н(к)с* (*гонкон(г)ский*, но *ган[к]стер*, *сфин[к]с*), *р(г)с*, *р(к)с* (*страсбур(г)ский*, *тюр(к)с-*

кий и тюр[к]ский, петербур(г)ский и петербур[к]ский, но мар[к]систский).

3. Произношение долгих и кратких согласных звуков. Долгий согласный обычно произносится в корне, на стыке корня и суффикса после ударного гласного перед гласными: *гру[л̄]а*, но *гру[л]н*, *гру[л]и-ровка*, *кла[с̄]ы*, но *кла[с]*, *кла[с]ификация*; *коло[л̄]а*, но *коло[л]н*, *коло[л]ада*; *су[л̄]а*, но *су[л]м*, *су[л]мировать*. Гораздо реже встречается произношение долгих согласных непосредственно перед ударным гласным: *ва[с̄]ал*, *му[л̄]а*, но *а[к]брд*, *ба[л]бн*, *гра[м]атика*, *ко[р]упция*, *режи[с]ёр*, *ко[м]ёрция*. Между безударными гласными обычно произносится краткий согласный: *а[т]естат*, *и[л]юминация*, *ко[л]ектив*, *ко[м]ентатор*, *ми[л]иметр*, *о[к]упация*, *те[р']итория*.

На стыке приставки и корня долгота обычно сохраняется и между безударными гласными и перед ударным гласным: *бе[э]аботный*, *во[с̄]оздать*, *ра[с̄]ол*, *и[ж̄]евать*.

Лит.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998; Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия (К проблеме фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л., 1976; Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2001; Гловинская М. Я. Вариативность произношения заимствованных слов в современном русском языке // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л. П. Крыгина, Д. Н. Шмелева. М., 1976; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Касаткин Л. Л., Чой М. Ч. Долгота, краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном литературном языке. М., 1999; Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995;

Кузьмина С. М. Вариативность произношения групп согласных // Социально-лингвистические исследования. М., 1976; Панов М. В. Орфоэпия // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997; Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Ч. I. М., 1987.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОТДЕЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ. Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм касаются произношения некоторых форм прилагательных и глаголов.

1. Произношение форм прилагательных.

Прилагательные именительного падежа единственного числа мужского рода с твердой основой в русском литературном языке имели окончание *-ой*: *молодой*, *старой*. В церковно-славянском языке было окончание *-ый*: *молодый*, *старый*. Впоследствии под ударением в литературном языке установилось окончание *-ой*, а без ударения на письме еще в первой половине XIX в. употреблялись и исконно русское *-ой*, и заимствованное из церковнославянского *-ый*. Затем без ударения стали писать только *-ый*, но в произношении сохранились оба варианта: *ста́р[зи]* и *ста́р[ьи]*. В настоящее время возник факультативный вариант [э] на месте заударного [ы].

В XIX в. и в начале XX в. было широко распространено произношение прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий* с твердым [г], [к], [х]: *ме́л[кэ]й*, *стро́[гэ]й*, *ту́[хэ]й*. Произношение окончаний прилагательных соответствовало русской традиции, написание шло от церковно-славянской традиции. Сейчас господствует произношение с мягкими [г'], [к'], [х']: *ме́л[к']й*, *стро́[г']й*, *ту́[х']й*. Произношение с твердыми заднеязычными расценивается как устарелое.

В окончаниях именительного падежа множественного числа прилагательных в литературном языке произносится безударный конечный гласный [ʙ] (*красны[иʙ], сын[иʙ]*) или [иʔ] (*красны[иʔ], сын[иʔ]*).

2. Произношение форм глаголов.

Произношение глаголов на *-кивать, -гивать, хивать* с твердыми заднеязычными (*посту[кʙ]вать, вздрá[гʙ]вать, размá[хʙ]вать*) было широко распространено в XIX в. и в начале XX в. Сейчас господствует произношение с мягкими заднеязычными (*посту[к'и]вать, вздрá[г'и]вать, размá[х'и]вать*), произношение с твердыми заднеязычными является устаревшим.

В 3-м лице множественного числа глаголов II спряжения наряду с безударным окончанием *-ат/-ят* может употребляться и окончание I спряжения *-ут/-ют*, более характерное для старшей нормы: *ýч[ʙ]т* и *ýч[ʔ]т*, *хóд[ʙ]т* и *хóд[ʔ]т*, *стрóй[ʙ]т* и *стрóй[ʔ]т*. Такое произношение встречается преимущественно после мягких согласных и у возвратных глаголов: *кóнч[ʔ]тсѧ, хвáл[ʔ]тсѧ, прóс[ʔ]тсѧ* наряду с *кóнч[ʙ]тсѧ, хвáл[ʙ]тсѧ, прóс[ʙ]тсѧ* и др.

У глаголов *сыпать, сыпаться, трепать, трепаться, щипать, щипаться* и их производных в формах настоящего времени, кроме 1-го лица ед. числа, в конце основы может выступать не только [пʎ], но и [пʔ]: *сыплет, сыплют* и *сыпет, сыпют; треплет, треплются* и *трепется, трепются* и т.д. Возможно и изменение произношения окончания в 3-м лице мн. числа: *сыпят(ся), трепят(ся)*.

В XIX – начале XX в. возвратные формы глагола произносились с твердым [с] в постфиксе: *бери[с], бою[с], строй[сʙ], мыл[сʙ]*. В настоящее время,

согласно младшей норме, обычно произносится [сʔ]: *бери[сʔ], бою[сʔ], строй[сʔʙ], возьмем[сʔʙ]*. После звуков [с], [л] возможны варианты произношения: *нѣ[сʔʙ] и нѣ[сʔʔʙ], мыл[сʔʙ] и мыл[сʔʔʙ]*.

Лит.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 2001; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995; Панов М. В. Орфоэпия // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997; Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Ч. 1. М., 1987.

ОРФОЭПИЧЕСКИЙ. Прил. к орфоэпия: *орфоэпические нормы, орфоэпические словари.*

Син. **произносительный.**

ОРФОЭПИЯ (греч. orthoépeia < orthós «правильный» + epos «речь»). 1. Совокупность норм литературного языка, связанных со звуковым оформлением значимых единиц: морфем, слов, предложений. Различаются произносительные нормы (состав фонем, их реализация в разных позициях, фонемный состав отдельных морфем) и нормы суперсегментной фонетики (ударение и интонация). При более широком понимании к орфоэпии относят и образование вариантных грамматических форм.

2. Раздел языкознания, изучающий функционирование таких норм и вырабатывающий произносительные рекомендации – орфоэпические правила. По мнению ряда ученых, орфоэпические правила охватывают только область произношения отдельных звуков в определенных фонетических позициях или сочетаний звуков в тех или иных грамматических формах, в груп-

пах слов или отдельных словах; ударение и интонация не относятся к объекту орфоэпии (В. В. Иванов, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова и др.), а относятся к области грамматики или лексики.

Традиционно к орфоэпии относят все произносительные нормы литературного языка (Р. И. Аванесов): нормы произношения безударных гласных, звонких и глухих согласных, твердых и мягких согласных, сочетаний согласных, сочетаний с произносимыми согласными, нормы произношения отдельных грамматических форм, особенности произношения слов иноязычного происхождения. С другой точки зрения, — только нормы, допускающие вариантность произношения: этим орфоэпия отличается от фонетики, которая изучает фонетические законы, не знающие исключений (М.В. Панов). Так, к законам фонетики относится произношение глухих согласных на месте звонких на конце слова, к орфоэпии относится вариантность звуковой реализации одних и тех же фонем и фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий (*в[и^э]сна* или *в[э^л]сна*, *було[ч^и]ная* или *було[ш^и]ная*, *умыл[с^а]а* или *умыл[с]а*, *бриллиант* или *брильян^т*, *галoши* или *калоши*, *матрас* или *матра^ц*, *ноль* или *нуль*). Вариантность фонемного состава морфем — это область орфоэпии, а вариантность звуковой реализации фонем — область орфофонии.

Орфоэпия рассматривает социально значимые произносительные варианты, типичные для разных групп носителей литературного языка, а также стилистические варианты, сознательно выбираемые в различных социальных ситуациях. Нормы русского литературного произношения — это устойчивое и динамически развивающееся

явление. Они опираются на законы функционирования фонетической системы языка и на общественно выработанные и традиционно принятые правила, которые подвергаются изменениям в процессе развития устной литературной речи в результате влияния на нее различных факторов языкового развития. Эти изменения первоначально носят характер колебания норм, но, если такие изменения не противоречат фонетической системе и приобретают широкое распространение, они приводят к возникновению вариантов литературной нормы, а затем, возможно, и к укоренению новой нормы произношения.

Орфоэпические варианты могут характеризовать «младшую» и «старшую» нормы (новое произношение постепенно вытесняет старое, но на определенном этапе развития литературного языка обе нормы сосуществуют: напр., перед мягким губным согласным традиционно произносится мягкий зубной ([з'в^и]ерь), а по новой норме — твердый зубной [зв^и]ерь); общенародную и профессиональную сферу употребления (*добыча* и *дббыча*, *алкогбль* и *алкоголь*, *кбмпас* и *компас* и др.), мужскую и женскую речь (напр., удлинение согласных в мужской эмоциональной речи и удлинение гласных в женской); территориальные разновидности общенародного языка (напр., произношение [г] взрывного в Москве и [γ] фрикативного в городах юга России).

Орфоэпические варианты могут принадлежать разным слоям произношения. Так, для высокого стиля характерно эканье (*б[э^л]ру*, *вз[э^л]ла*), произношение безударного [о] в некоторых заимствованных словах (*н[о]к-тю^{рн}*, *н[о]эт*), твердого заднеязычного перед безударным окончанием именительного падежа единственного числа

прилагательных (*гром*[кѣ]й, *стро*[гѣ]й, *ти*[хѣ]й). В нейтральном стиле произносится: б[и^э]ру, вз[и^э]ла, н[л]ктюрн, н[л]эт, *гром*[к'и]й, *стро*[г'и]й, *ти*[х'и]й. В разговорной речи наблюдается выпадение гласных и согласных: *про*во[лк]а, *не*[кт]орые, *в*[а]бще, *ты*[и^э]а и др.

Орфоэпия устанавливает и отстаивает нормы литературного произношения. Русское литературное произношение складывалось на протяжении долгого времени. До образования национального языка в XVII в. нормализация литературного языка практически не касалась произношения. На разных территориях были распространены диалектные разновидности русского языка. В выработке литературных норм особая роль принадлежит московскому говору. Вместе с присоединением к московскому князю других княжеств росла экономическая, политическая, культурная роль Москвы как столицы централизованного Русского государства. В связи с этим рос и престиж московского говора. Его нормы перерастали в нормы общенациональные. Этому способствовало то, что говор Москвы среднерусский, где сглажены наиболее резкие черты северного и южного наречий (напр., отсутствуют севернорусское оканье и южнорусский фрикативный [ɣ]). Произносительные нормы современного русского литературного языка в своих важнейших чертах сложились в первой половине XVIII в. как нормы московского говора. К этому времени московское произношение лишилось узкодиалектных черт, объединило в себе особенности произношения северных и южных говоров русского языка. К концу XIX в. московская произносительная система уже сложилась как норма национальная. Московские произносительные нормы передавались в дру-

гие экономические и культурные центры в качестве образца и там усваивались на почве местных диалектных особенностей. Так складывались произносительные черты, не свойственные московской орфоэпической норме. Наиболее четко были выражены особенности произношения в Петербурге — культурном центре и столице России XVIII—XIX вв.

Вместе с тем перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург не оказал существенного влияния на основные нормы литературного произношения. В новой столице в первое время наиболее влиятельными в политическом и культурном отношении были москвичи. Со временем московское произношение в Петербурге подверглось некоторым изменениям. В результате этого к XX в. сформировались особенности петербургского произношения. Некоторые из них сохраняются в речи петербуржцев и в настоящее время. Старопетербургское произношение характеризует «старшую» норму, а также несвойственные современному литературному языку нормы XIX — начала XX в. (напр., [ш'ч] на месте шц перед гласным: [ш'ч]ука, и[ш'ч]у; [ш] на месте шц перед н: хи[ш]ный, в су[ш]ности; твердые губные вместо мягких на конце слова: се[м], любо[ф]; произношение [т], [д], [т'], [д'] между зубными согласными: влас[т]но, праз[д]ник и др.). В основе несвойственных современному литературному языку норм XIX — начала XX в., а также многих современных орфоэпических вариантов, характеризующих «старшую» норму, лежит старомосковское произношение (напр., [ы^э] на месте [ɣ] после [ш], [ж] в первом предударном слоге: ш[ы^э]ги, ж[ы^э]ра; мягкие губные перед мягкими заднеязычными: я[м'к']и, ла[н'к']и; мягкие губные перед мягкими зубными [с'н']ина, [з'в']ерь,

[д'в']ерь, о[т'в']ет; звук [γ] на месте [з] в словах *Бога, благо, богатый, Господь* и производных; твердые заднеязычные перед окончанием прилагательных мужского рода им. падежа, ед. числа и перед глагольным суффиксом *-ива-*: *дол[зб]й, жар[кз]й, вет[хз]й, прицел[кз]вать, заты[зб]вать, вспы[хз]вать* и др.). В настоящее время действует тенденция к сглаживанию различий между московским и петербургским произношениями, к формированию единой произносительной нормы.

Произносительная система современного русского литературного языка в своих основных и определяющих чертах не отличается от произносительной системы дооктябрьской эпохи. Существовавшие до Октябрьской революции 1917 г. орфоэпические нормы в основном сохранились; изменились лишь некоторые частные правила: напр., уменьшилась ассимилятивная мягкость ([дв']е, [зв']ерь наряду с [д'в']е, [з'в']ерь), произношение сблизилось в ряде черт с написанием. В первой половине XX в. большое значение в развитии орфоэпии имел театр, культивировавший орфоэпические нормы в наиболее чистом виде. Сценическая речь во многих языках является основой орфоэпических норм. Русская сценическая речь опиралась на полный стиль нормированного литературного произношения и удерживала некоторые архаические черты традиционного московского произношения (напр., твердое произношение [с] в *-ся, -сь* глагольных форм, заднеязычных в *-кий, -гий, -хий* прилагательных, мягкое произношение [р'] в *верх, первый, четверг*). Значение орфоэпии возрастает с развитием звукового кино, радио, телевидения. К сожалению, в современных средствах массовой информации орфоэпические нормы нередко нарушаются.

Источники отступлений от орфоэпических норм — развитие языка, влияние диалектов, письмо. Вариант «младшей» нормы при своем возникновении, вариант «старшей» нормы при своем уходе из литературного языка могут восприниматься как нарушения нормы (напр., устаревшее произношение [р'] перед заднеязычными в словах *це[р'к]овь, четве[р']з*). У жителей городов в окружении севернорусских говоров часто наблюдаются оканье (*в[о]да, см[о]ла*), а жители городов, окруженных южнорусскими говорами, нередко произносят [γ] вместо литературного [з] ([γ]ород).

Влияние письма проявляется, напр., в ненормативном произношении [ч'н] вм. [шн] в словах *конечно, нарочно, [ч'т]* вм. [шт] в словах *что, чтобы*. Под влиянием орфографии стало развиваться произношение глагольного постфикса *-ся/-сь* с мягким согласным, первоначально признававшееся неправильным, а в настоящее время ставшее вариантом литературного произношения. Таким образом, отклонения от произносительных норм в одних случаях остаются нарушениями норм, а в других — являются источником развития вариантов норм.

Хотя полной унификации литературного произношения нет и существуют произносительные варианты, связанные с территориальным признаком или имеющие стилистическую окраску, в целом современные орфоэпические нормы представляют собой последовательную систему, развивающуюся и совершенствующуюся. В формировании литературного произношения огромную роль должны играть театр, радиовещание, телевидение, звуковое кино, которые призваны служить мощным средством распространения орфоэпических норм и поддержания их единства.

Лит.: Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984; Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка. СПб., 1998; Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия. Л., 1976; Она же. Давайте говорить правильно. М., 2001; Винокур Г. О. Русское сценическое произношение. М., 1948; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995; Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979; Он же. Орфоэпия // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979; Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Ч. 1. М., 1987; Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М., 1989.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ (ЛЕНИНГРАДСКОЕ) ПРОИЗНОШЕНИЕ. Способ произношения, свойственный жителям Петербурга и прилегающих областей.

Складывалось на базе московских говоров под воздействием окружающих севернорусских говоров и под влиянием орфографии.

Произносительные нормы современного русского литературного языка в своих важнейших чертах сложились в первой половине XVII в. как нормы московского говора.

В 60–70 гг. XX в. завершался процесс унификации произношения, образования единой произносительной нормы, заимствовавшей черты старого московского и старого петербургского произношения: [с'] в глагольных -ся, -ся, [а] в заударной флексии глаголов 3-го лица мн. числа II спряжения;

твердые согласные перед мягкими в некоторых сочетаниях звуков и др.

Для петербургского произношения характерны следующие черты:

- безударное [э] на месте орфографических *а, я, е* после мягких согласных ([н'э]тёрка, [чэ]сб́, [в'э]дú, плá[ч'э]т, нó[л'э] и др.);
- произношение [а] в заударной флексии 3-го лица множественного числа глаголов II спряжения (хо[д'а]т);
- сохранение губного [у] в заударном закрытом слоге (че[л'у]сть);
- произношение [е] ударного вместо [о] после шипящих в отдельных словах (щелка);
- мягкие заднеязычные в прилагательных мужского рода единственного числа именительного падежа на -кий, -гий, -хий;
- твердые согласные перед мягкими согласными другого места образования (ка[пл'ет]);
- твердые губные в конце слов и перед *j* (восе[м], но[нjo]м);
- твердые согласные перед [э] в заимствованиях ([тэ]зис, [сэ]ссия);
- мягкий [с'] в глагольных формах на -ся, -сь;
- отсутствие упрощения групп согласных (влас[т]но, праз[д]ник);
- произношение [чн] вм. [шн] в ряде широко употребительных слов (корí[чн]евый, конé[чн]о);
- произношение [чт] вм. [шт] в союзах что, чтобы;
- произношение [шн] вм. [ш'н] в помощник;
- произношение [шт'], [жд'] в дождь, дождя;
- произношение [кк] на месте [гк] в легка;
- некоторое смягчение аффрикаты [ц] перед [и] в заимствованных словах (революция);
- произношение [ш'ч'] на месте сч, зч, щ (счастье, грузчик, щетка) и др.

- произношение [ж̣] на месте *жж* внутри корня (*брызжет*);
- произношение [ja] в заимствованных словах *бильярд*, *брильянт* и др.

Основными признаками петербургского произношения являются отсутствие последовательного иканья и преобладание твердых согласных.

В настоящее время действует тенденция к сглаживанию различий между московским и петербургским произношениями, к формированию единой произносительной формы.

Лит.: В е р б и ц к а я Л. А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). Л., 1976; Она же. Давайте говорить правильно. М., 2001; К а с а т к и н Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Ч е р н ы ш е в В. Н. Как говорят в Петербурге // Ч е р н ы ш е в В. Н. Избр. труды. Т. 2. М., 1970.

Сти́ли произноше́ния (произноси́тельные сти́ли).

Функциональные разновидности устной литературной речи. Л.В. Щерба предложил различать полный стиль, когда слова произносятся специально замедленно, особо отчетливо, с подчеркнутой артикуляцией каждого звука, с «отчеканиванием каждого слога», и разговорный стиль. Последователи Л.В. Щербы называли эти разновидности полным и неполным типами произношения (Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина и др.).

Многие исследователи выделяют высокий, нейтральный и разговорный стили произношения.

Нейтральный стиль не имеет стилистической окраски и является

основой самых различных устных текстов.

Высокий стиль используется обычно в публичной речи (официальной, публицистической, научной, художественной) и проявляется в некоторых особенностях произношения отдельных слов. Большинство этих особенностей связано со стремлением произнести слово ближе к его написанию:

- *эканье*, произношение [э^u] в первом предударном слоге после мягких согласных в соответствии с фонемами <a>, <o>, <э> ([p'a]д – [p'э^u]ды?; [в'ол] – [в'э^u]ду; [м'э]сто – [м'э^u]ста);
- безударный [э] в соответствии с э в начале слова ([э]кзотика, [э]таж) и [э] после твердого согласного ([но]тэ]нциал, ге[нэ]зис);
- безударный [э] или [э^u] после мягкого согласного и [и] в конечном слоге ([но]л'э], [бэ]лы[и э^u]);
- безударный [о] в некоторых заимствованных словах ([н]о]ктюрн, [п]о]эт, р[о]к[о]кó, б[о]á и др.);
- произношение [т], [д], [з] между согласными ([нос]т]ный, без[д]на, петербур[з]ский);
- долгий согласный между гласными перед ударным слогом ([ба]с'т]ейн, э[ф'т]экт) и в заударных слогах ([тэ]н'ис, восп[и]та[н'ик, организов[а]н'ый).

Высокий стиль характеризуют также некоторые особенности старомосковского произношения:

- твердый заднеязычный перед безударным окончанием именительного падежа единственного числа прилагательных и суффиксом *-ива-* глаголов ([н]ыл[кэ]й, [упр]у[гэ]й, [вэ]т[хэ]й; [ра]ст[а]с[кэ]вать; [зат]я[гэ]вать, [всп]а[хэ]вать);
- твердый [с] в возвратных глагольных формах на *-ся, -сь*;

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ (ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ)

- особый тембр голоса (придыхательный, расслабленный).
Разговорный стиль (разговорная речь, разговорный язык) используется в условиях неподготовленного, непринужденного общения при неофициальных отношениях между говорящими и противопоставлен кодифицированному литературному языку, нормы которого представлены главным образом нейтральным произносительным стилем. Разговорный стиль характеризуют следующие фонетические особенности:
 - неразличение под ударением между мягкими согласными, а для <о> и в соседстве в твердыми согласными фонем <э> – <и> (оде*ли* – од[и]ли), <э> – <а> (пя*ть* – п[э]ть), <о> – <у> (в до*ме* – в д[у]ме);
 - реализация фонемы <у> в безударных слогах (кроме первого предударного) звуком [ɐ] после твердых согласных (ж[ɐ]рналист, вы́с[ɐ]шить) и звуком [u^э] после мягких согласных (ощ[у^э]щенье, кап[у^э]шён);
 - реализация фонемы <и> после твердых согласных (кроме первого предударного) звуком [ɨ] (б[ɨ]товой, вы́м[ɨ]ть, све́тл[ɨ]й, бе́л[ɨ]й, что́б[ɨ]);
 - реализация фонем <э>, <и>, <а>, <о> в конечном открытом безударном слоге после мягких согласных звуком [u^э] (мо́р[у^э], во́л[у^э], го́сть[иу^э]);
 - безударные гласные, чаще верхнего подъема, в заударных слогах между глухими согласными, на конце слова после глухого согласного перед паузой и перед словом, начинающимся с глухого согласного, могут быть глухими, произносимыми на шепоте: вибрации голосовых связок не происходит в результате чего голос, тон не возникает (вы́п[у]стит, *вы́рубк*[у], *по́лос*[у] *пропах*́л; *пла́т*[и]т, *ру́к*[и], *пала́тк*[и], *сто́ят*);
- диереза (выпадение) гласных между согласными во 2-й позиции может приводить к развитию слоговости предшествующего согласного (фи[л_о](о)логический, и[н_о](и)циатива, [с_о](а)молет, вы[н_о](е)су), к утрате слога (провол(о)ка, нек(о)торые, все-т(а)ки, одер(е)венел); возможна утрата гласного первого предударного слога (универс(и)тет, дес(я)ти, т(е)перь). В результате утраты гласного соседние согласные могут подвергаться ассимиляции (ты[ш']а), огубленность согласного передается следующему согласному (будут – бу[д^от^о]). В результате диерезы возможны сочетания звонких и глухих, твердых и мягких согласных ([с_од]ово́д, ме́[с_о'ц]а), зубных и переднеязычных согласных (за-пи́с[с_о'ч]ку, [зж]игать);
- диереза редуцированного гласного перед другим гласным в корнях заимствованных слов, на стыке приставки и корня, в сложных словах приводит к утрате слога (т(е)а́тр, спец(и)а́льно, в(о)обще́, дик(о)обра́з, с(о)обра́зить).
- При стяжении гласных *иа*, *еа*, *ио*, *ео* в первом предударном слоге возникает звук [а'] (т(е)атральный – [т'а]тральный, библ(и)отека – биб[л'а]тека, л(е)опа́рд – [л'и]пард), в остальных предударных слогах – звук [и] (д[и]лектоло́гия, в[и]лонче́ль);
- диереза согласных встречается в интервокальном положении (ви(д)ите, ня(ть)деся́т, ба́(б)ушка, но́вого – но́[увэ], словом – слó[у]м; при этом возможна и диереза гласных, приводящая к утрате всего слога (се(г)одня > с(е)одня – [с'о]дня; пра(в)илно > пра(и)лно, че(г)о > ч(е)о, те(б)е > т(е)бе);

СТИЛИ ПРОИЗНОШЕНИЯ (ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИ)

- упрощение групп согласных в начале слова ((*в*)стрѣтить, (*в*)скипѣть, (*г*)де, (*с*)пасѣбо), в середине слова (*тб*(ль)ко, *скб*(ль)ко, *ѣс*(л)и, *не*(ль)зѣ, *ко*(г)дѣ, *рѣз*(в)е, *пре*(д)ставляешь, *смо*(т)рѣ), в конце слова (*чувст*(в), *ес*(ть), *пущ*(ть), *близос*(ть));
- выпадение звуков [j], [i] (если – [ѣ]сли, *его* – [ивѣ], *вы*(й)дет, *по*(й)дем, *ле*(й)тенант, *англи*(й)ский, *се*(й)час);
- диереза трех и более звуков, включающих гласные и согласные (*естес*(твен)но, *правит*(ель)с(твен)ный, *челов*ек, *ока*(зывает)ся, *пер*(вый)раз, *чес*(тное) слово);
- диереза звуков в именах и отчествах: в мужских отчествах на *-евич* не произносится *ев* (*Алексе*(ев)ич, *Андре*(ев)ич); в женских отчествах на *-евна* происходит стяжение *ее* (*Алексе*(е)вна, *Андре*(е)вна), на *-евна*, *-авевна* – *ев* (*Василь*(ев)вна, *Никола*(е)вна); в мужских отчествах на безударный суффикс *-ович* не произносится *ов*, а часто и следующий гласный (*Борисович* – *Бори*[сѣч], *Бори*[сѣч]); в женских отчествах на безударный суф-

фикс *-овна* не произносится *ов* (*Борис*(ов)вна), некоторые др. звуки (*Миха*(й)л(ов)вна, *Па*(в)л(ов)вна, *Фед*(оров)вна); в сочетании с отчествами наблюдается диереза звуков как в мужских (*Миха*(и)л *Викт*(орови)ч, *Па*(ве)л *Дмит*(риев)ич, *Дмитр*(ий) *Никола*(ев)ич), так и в женских именах (*Лид*(ия) *Никола*(ев)вна, *Настась*(я) *Владимир*(ов)вна).

Лит.: Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. и др. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2; Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003; Панов М. В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка / Под. ред. С. И. Ожегова, М. В. Панова. М., 1963; Пирогова Н. К. Об орфоэпических стилях и их эволюции в русском языке // Славянская филология. Вып. 11. М., 1979; Щерба Л. В. Фонетика французского языка. М.; Л., 1937; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ГРАФИКА. ОРФОГРАФИЯ. ПУНКТУАЦИЯ

А́ЗБУКА (от названия двух первых букв кириллицы **А** — аз и **Б** — буки). 1. Устаревшее название русского алфавита. В России для твердого запоминания азбучного порядка использовались особые азбучные стихи, часто богословского содержания. Ниже мы приводим образец такого стиха, помещенный в рукописном «Сборнике слов и поучений со словесами супротивными Максима Грека», датируемый серединой XVII в.

Аа — аз	Аз есмь свет миру.
Бб — буки	Бог есмь прежде всех век.
Вв — веди	Ведаю всю тайну в человеце и мысль.
Гг — глаголь	Глаголю людям закон Мой.
Дд — добро	Добро есть творящим волю Мою.
Ее — есть	Есть гнев Мой на грешники.
Жж — живете	Живот дах всеи твари.
Зз — зело	Зло ес(ть) законопреступником.
Зз — земля	Ни на чем землю утвердих.
Ии — иже	Престол Мой Иже на небесах.
И — и	И шед на адова врата сокруших, и веря железная сломих.
Кк — како	Како людие беззаконнии не сотвористе воля моя.
Лл — люди	Людие мои не покоривше.
Мм — мыслете	Мыслете на мя злаа.
Нн — наш	Наш еси Бог и заступник.
Оо — он	Оны моя призову языки и тии мя прославят.
Пп — покой	Покой дах всей твари своей.
Рр — рцы	Речете Ми слово не творящие воля Моей, и не услышу вас.
Сс — слово	Словом Моим вся утвердишася.
Тт — твердо	Тверда рука Твоя, Владыко.

Уу — ук
Фф — ферт	Фараона потопих в Чермном мори.
Хх — хер	Херувими служат Мне со страхом.
Уу — от	Отверзу рай христианом.
Цц — цы	Ци не дах вам пища в пустыни.
Чч — червь	Червь и огонь уготовах на грешники.
Шш — ша	Шумом и попалит дубравы.
Щщ — щта	Щитом вооружихся на брань.
Ъъ — ер	Горы възыграшася явлением Моим.
Ыы — еры	Иордань освятится крещением Моим.
Ьь — ерь	Ерьсь погубих.
Ѣѣ — ять
Юю — ю	Югом ветром развею всю вселенную.
Ѧѧ — я	Яша мя жидове, и на кресте пригвоздиша.
Ѩѩ — юс малый	Юже мя пророци проповедаша, апостоли еже о мне научиша.
Ѫѫ — юс большой
Ѭѭ — кси
Ѯѯ — пси
Ѱѱ — фита
Ѳѳ — ижица

2. Название первоначальных учебников по обучению грамоте, напр. «Азбука» и «Новая азбука» Л.Н. Толстого. Также применяется для названия любых первоначальных сведений, напр., кинофильм братьев Васильевых «Азбука монтажа», «Азбука социальных наук» В.В. Берви-Флеровского.

Лит.: Былинский К.И., Крючков С.Е., Светлаев М.В. Употребление буквы е. Справочник. М., 1943; Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М., 1965; Князевская О.А. Азбука // Русский язык. Эн-

циклопедия. М., 2003; Кобяк Н.А., Поздеева И.В. Славяно-русские рукописи XV–XVI веков Научной библиотеки Московского университета. М., 1981; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987; Моисеев А.И. Современный русский алфавит и алфавиты других народов СССР // РЯШ. 1982. № 6; Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. М., 1965; Фигуровский И.А. // IV Междунар. съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. I. М., 1962; Он же. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками // Уч. зап. Елецкого гос. пед. ин-та. Вып. 2. Липецк, 1957.

АЛЛОГРА́Ф (греч. *állos* «иной, другой» + *graphō* «пишу»). Конкретное проявление графемы. Русские буквы **О** и **Ё** являются графическими вариантами — аллографами графемы, отражающей на письме фонему [o], напр. в словах *шорох* и *шепот*. Графическими вариантами являются также прописные и строчные, курсивные и прямые буквы.

Лит.: см. «Графема».

АЛФАВИ́Т (греч. *alphabetos* название двух первых греческих букв «альфа» и «бета» (новогреч. «вита»). Совокупность букв данного языка, расположенных в строго определенном порядке. Алфавит как системное явление обладает строгим набором определенных параметров и характеристик, существующих в синхронии: состав букв, их начертание, названия, звуковые значения и порядок.

Алфавит современного русского языка состоит из 33 букв: *Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёе, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ыы, Ьь, Ээ, Юю, Яя*. Порядок русского алфавита сформировался в основном под влиянием греческого и латинского алфавитов.

С течением времени количественный состав большинства алфавитов менялся. Например, классический общегреческий алфавит имел 27 букв, новогреческий алфавит состоит из 24 букв, армянский алфавит имел 36 и 38 букв. Кириллица, на основе которой создан современный русский алфавит, первоначально имела 44 буквы. Новыми (заимствованными или вновь изобретенными) буквами для русского алфавита являются: 1. *Ээ* — первоначально «э обратное», вошедшее в письменную практику в XVI в. и закрепленное в русском алфавите Петром I; по происхождению, вероятно, из глаголицы; по названию «обратное» соотносилось с повернутой на 180° буквой *Е*. 2. *Йй* — первоначально «и с краткой» (по значку «кратка» над буквой), позднее, по предложению Я.К. Грота, стала называться «и краткое» (это название неудачное, так как буква обозначает не краткий звук [и], а фонему <j>; сейчас часто неверно называется «ий»); введена Академией наук в 1735 г. 3. *Ёе* — введена в употребление Н.М. Карамзиным в 1795 г.

Латинский алфавит, на базе которого созданы письменности подавляющей части современных западноевропейских языков, имеет 25 букв (ранее имел 23 буквы). Но, напр., в западнославянских языках многие буквы латинского алфавита дополняются диакритиками, и общий состав букв меняется (в чешский алфавит введены буквы *Š, Ť, Ž*). То же самое происходит и в алфавитах, созданных на базе русского для языков народов России и бывших советских республик.

Со временем может измениться и начертание букв. Так, напр., буквы греческого алфавита «гамма» и «ро» в ранних написаниях могли появляться в повернутом на 180° виде, но в поздних надписях они уже выглядят как **G** и **R**.

Меняется также и качественный состав алфавитов. В латинском алфавите на протяжении истории Римской республики и Римской империи буква С обозначала звуки [к], [ц] и [г] наряду с буквами К и G.

Лит.: Гамкрелидзе Т. В. Происхождение и типология алфавитной системы письма // ВЯ. 1988. № 5–6; Георгиев В. Происхождение алфавита // ВЯ. 1952. № 6; Дириингер Д. Алфавит. М., 1963; Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979; Иванов Вяч. Вс. Алфавит // ЛЭС. М., 1990; Князевская О. А. Буква // Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950; Лундин А. Г. О происхождении алфавита // Вестник древней истории. 1982. № 2; Рыжков Л. Н. О древностях русского языка. М., 2002; Струве В. В. Происхождение алфавита. Пг., 1923; Щерулин В. В. Язык и письмо в свете антропологического и этнокультурного развития человека. Липецк, 2003; Юшманов Н. В. Проблема названий букв латинского алфавита // М.; Л. Язык и мышление. 1940. Вып. IX; Он же. Проблема алфавитного порядка // там же; Он же. Ключ к латинским письменностям земного шара. М.; Л., 1941; Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

АПОСТРО́Ф (греч. *apostrophos* «обращенный в сторону или назад»). Надстрочный графический знак в виде запятой (’), употребляемый в русской орфографии в двух случаях: 1) для более точной передачи иноязычных собственных имен с приставкой (чаще французских и английских) *Д’Артаньян, Жанна Д’Арк, О’Коннор, О’Нилл*; 2) в связи с практически полной реквизицией типографских литер с изображением *ѣ* (твердого знака), которая была проведена по решению Я. Свердлова в конце 10-х – начале 20-х гг.

XX в., апостроф заменил разделительный твердый знак: *с’езд, раз’езд*. В русской графике генетически связан со знаком паерок, употреблявшимся на месте редуцированных в древнерусском тексте.

Лит.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Немченко В. Н. Основные понятия фонетики в терминах. Н. Новгород, 1993; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

БО́ЛЬША́Я БУ́КВА. То же, что прописная буква.

БУ́КВА. Условный графический знак, созданный для записи звуков речи. Буква обозначает (изображает) звук, но не передает его природу. Никакой прямой связи между звуком и буквой нет. (Существуют, правда, гипотезы о том, что некоторые буквы изображают форму губ при произнесении соответствующих звуков, напр., буква *o* соответствует округленным губам при произнесении звука [o]. Для конкретной буквы это верно: во многих языках, пользующихся графикой на основе греческого и латинского алфавитов, буква *o* передает звук [o]. Однако большинство графически идентичных букв в разных национальных системах письма обозначают разные звуки.) В современном русском языке используют 33 буквы.

В русской графике буква может обозначать: 1. фонему (*бас, волк*); 2. один или несколько сигнификативных (смыслоразличительных) признаков фонемы (*ь* указывает на мягкость предшествующей фонемы в *моль, пыль*); 3. одновременно фонему и сигнификативный признак соседней фонемы (*е, е, ю, я* в *мел, мел, люди, ряса*); 4. сочетание фонем (буквы *е, е, ю, я* в начале слова обозначают фонему < *j* > +

гласная (*есть, еж, юла, яблоко*). Возможен и случай, когда буква ничего не обозначает: *л* в *солнце*, *д* в *сердце*.

Лит.: см. «Алфавит».

БУКВОСОЧЕТАТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ. То же, что слоговой принцип графики.

ВА́РИЯ. См. **диакритический знак**.

ВКЛЮЧЭНИЕ. То же, что трансплантация.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК. Знак препинания, ставящийся в конце вопросительного предложения (?): *Знаете ли вы украинскую ночь?* (Гоголь); *А судьбы кто?* (Грибоедов); *Кто виноват?* (Герцен); *Что делать?* (Чернышевский). После приведенной цитаты или внутри нее для выражения отношения автора к цитируемому тексту может ставиться вопросительный знак (при выражении сомнения, недоумения и т.п.), напр.: *По его словам, он открыл (?) новый физический закон.* В творчестве символистов мог выполнять самостоятельную функцию, например, отдельная реплика в романе А. Белого «Петербург»:

— ?

Лит.: см. «Пунктуация».

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК. Знак препинания, ставящийся в конце восклицательного предложения или при указании на любое восклицание (!): *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький); *То было утро наших лет — о счастье! о слезы! о лес! о жизнь! о солнца свет! о свежий дух березы!* (А. К. Толстой). После приведенной цитаты или внутри нее для выражения отношения автора к цитируемому тексту может ставиться восклицательный знак (при выражении иронии, возмущения, восхищения и т.п.), напр.: *И*

при этом автор говорит о своей любви (!) к природе.

Лит.: см. «Пунктуация».

ГАПЛОГРА́ФИЯ (греч. haploos «одиночный, простой» + grapho «пишу»). Описки, состоящая в том, что графический знак или группа графических знаков, которые следует удвоить, пишутся только один раз: **жуужать* вм. *жуужэать*, **паралленипед* или **параленипед* вм. *параллеленипед*.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

ГРАЖДА́НИЦА. Название русской азбуки после реформы Петра I. См. **история русской графики и орфографии**.

ГРАФ (гр. graphō «пишу»). Дифференциальный признак буквы или графемы. Буквы Г и П отличаются друг от друга наличием/отсутствием одной вертикальной черты — параллельного графа.

Лит.: см. «Графема».

ГРАФЭ́МА (гр. graphō «пишу» + ета в современном лингвистическом метаязыке означает «структурный элемент, тип, структурная единица языка»). Основная единица письменной системы языка. В фонетической системе соотносится с понятием фонема. Так как в русском языке отсутствуют специальные буквы для мягких согласных фонем, то графема *ле* в слове *лед* обозначает одновременно фонемы [л'] и [о]. Буквы, обозначающие в русском языке только твердые фонемы, совпадают с графемами.

Лит.: Журавлев В.К. Графема // ЛЭС. М., 1990; Зализняк А.А. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979; Колесов В.В. Историческая фонетика рус-

ского языка. М., 1980; Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987; Николаева Т.М. Что же такое графема? //ФН. 1965. № 8; Пирогова Н.К. Вокализм современного русского литературного языка. М., 1980; Реформатский А.А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. 1. М.; Л., 1933; Селезнева Л.Б. Графема и орфограмма в современном русском языке // РЯШ. 1981. № 5; Топоров В.Н. Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка // Структурная типология языков. М., 1966; Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.

ГРАФЕ́МИКА. 1. Совокупность графем данного языка. 2. Раздел науки о языке, занимающийся изучением и составлением правил изображения фонем в общеязыковой графике.

Лит.: см. «Графема».

ГРА́ФИКА (греч. *graphikē* «написанная» от *graphō* «пишу»). 1. Полный набор средств какой-л. письменности. Основными средствами русской графики являются буквы, объединенные в алфавит. К общеязыковым графическим средствам относятся: римские и арабские цифры, диакритические знаки, знаки препинания, пробелы и абзацы, подчеркивания, шрифтовые выделения – курсив, жирный и полужирный шрифт, разрядка и др. Особые графические системы существуют для отдельных наук и отраслей знания: математики, химии и др.

В области графики довольно широко представлена языковая игра. Комическое впечатление производит шуточно-надрывное обращение А.П. Чехова в письме к брату Александру: «*Братт!*» Любопытны также шуточные подписи: напр., русский философ Н.П. Полторацкий подписывался,

совмещая буквы и цифры: *1/2цкий*, или подпись переводчика Федора Федоровича Фидлера – *Ф.Ф.Ф.* либо: *Ф³* («эф в кубе»). Подобное явление наблюдается и в жаргоне студентов-филологов, которое проявляется и в их письме: Анна Андреевна Ахматова – *А³* («а в кубе»), Виктор Владимирович Виноградов – *В³* («вэ в кубе»), Филипп Федорович Фортунатов – *Ф³* («эф в кубе»).

2. Соотношение системы письменности с фонетической системой языка. Конкретно это соотношение проявляется в соответствии количества букв количеству фонем, которые в графике соотносятся с графемами. Мягкие согласные фонемы могут быть выражены в русском языке графемами, состоящими из буквы, обозначающей твердый согласный, и букв *Е, Ё, И, Ь, Ю, Я*: *мел, мёл, мир, мюрид, озимь, мясо*. Таким образом, фонему [м'] представляют графемы *ме, мё, ми, мю, мь, мя*. Чем точнее количество графем и букв соответствует количеству фонем, тем проще и удобнее графика языка. В русском языке с помощью тридцати трех букв передается сорок одна фонема (по Ленинградской фонологической школе). В английском языке сорок шесть фонем передаются с помощью двадцати шести букв.

Лит.: Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912; Бугаева И.В. Графическая система языка // Язык и письмо. Волгоград, 1991; Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания языка в его письменной форме. М., 1964; Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии // Избр. работы по орфографии и фонетике. М., 1963; Гусева Е.К. К вопросу о количественном подходе к анализу структурных особенностей буквенных знаков // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973; Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987; Ивано-

ва В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1966; Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. М., 2001; Макарова Р.В. Понятие графики и графемы // Системы и уровни языка. М., 1969; Маслов Ю.С. Заметки по теории графики // Исследования по языку и литературе. Л., 1973; Моисеев А.И. Звуки и буквы, буквы и цифры... М., 1987; Топоров В.Н. Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка // Структурная типология языков. М., 1966; Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Л., 1957; Ушаков Д.Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопросы о его реформе. М., 1917; Хмелевская Е.С., Козырева Т.Г. Современный русский язык. Графика. Орфография. Минск, 1981; Шицгал А.Г. Русский гражданский шрифт. 1708–1958. М., 1959; Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1961.

ГРАФИЧЕСКАЯ ДИССИМИЛЯЦИЯ (лат. *dissimilatio* «расхождение»). В истории русской графики – использование графических дублетов для устранения стечения двух одинаковых начертаний. Например, для устранения стечения *oo* использовалась буква ѿ: единого ѿть рабъ вм. единого отъ рабъ (пример Б.И. Осипова).

Лит.: см. «История русской графики и орфографии».

ГРАФИЧЕСКИЙ. Относящийся к графике.

ГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (греч. *analysis* «разложение, расчленение»). Графический анализ основывается на фонетико-фонологическом и орфографическом анализах.

По наиболее распространенной схеме графический анализ начинается

с графической записи слова. Затем определяются графические значения всех букв и пробелов. Далее указывается фонемное значение буквы или пробела, отмечаются случаи, когда буква или пробел уточняют значение соседней буквы. В завершение отмечается проявление слогового принципа графики с помощью стрелок. Стрелка направляется от буквы или пробела, передающих часть дифференциальных признаков соседней фонемы, к букве, передающей основную часть содержания этой фонемы, а также от буквы, уточняющей значение соседней буквы, к этой букве: *Продолжительное отсутствие сына начинало беспокоить Николая Петровича* (Тургенев).

Напр. анализ слова *беспокоить*

// (пробел) – служит для отделения слова от другого слова, не имеет фонемного значения, но уточняет значение следующей буквы;

б – обозначает общую часть фонем /б – б’/, т.е. часть фонемы, три из четырех ее дифференциальных признаков (3/4), и уточняет значение следующей буквы;

е – обозначает фонему /э/, т.е. одну фонему, и уточняет значение следующей буквы;

с – обозначает общую часть фонем /с – с’/, т.е. часть фонемы (3/4), и уточняет значение следующей буквы;

п – обозначает общую часть фонем /п – п’/ и твердость предшествующей фонемы /с/, т.е. часть одной фонемы (3/4) и часть др. фонемы

ГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ

- (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
- o* — обозначает фонему /о/ и твердость предшествующей фонемы /п/, т.е. одну фонему и часть другой фонемы (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
- к* — обозначает общую часть фонем /к — к'/, т.е. часть фонемы (3/4), и уточняет значение следующей буквы;
- o* — обозначает фонему /о/ и твердость предшествующей фонемы /к/, т.е. одну фонему и часть др. фонемы (1/4), и уточняет значение следующей буквы;
- и* — обозначает фонему /и/, т.е. одну фонему, и уточняет значение следующей буквы;
- m* — обозначает общую часть фонем /т — т'/, т.е. часть фонемы (3/4);
- б* — обозначает мягкость предшествующей фонемы, т.е. часть фонемы (1/4);
- [/] — не имеет фонемного значения, но уточняет значение предшествующей буквы (по Л.Л. Касаткину).

Лит.: см. «Орфографический анализ».

ГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ. То же, что аллограф.

ГРАФИЧЕСКОЕ СОКРАЩЕНИЕ. Общепринятое или индивидуальное условное сокращение часто встречающегося слова или словосочетания, употребляемое только в письменной речи и расшифровываемое при чтении: *см.* (смотри), *т.е.* (то есть), *и т.п.* (и тому подобное), *и т.д.* (и так далее), *лит-ра* (литература), *х/б* (хлопчатобумажный), *ib.*, *ibid.* (лат. *ibidem* «там

же»), *etc.* (лат. *et caetera, et cetera* «и прочее, и так далее»).

Выделяют следующие типы графических сокращений:

Точечные сокращения образуются с помощью точки, которая ставится в конце оставшейся части слова после опущения правой доли или середины слова: г. — год, город; вс. — воскресенье; млн. — миллион; при удвоении первой согласной буквы графическое сокращение обозначает множественное число: пп. — пункты; гг. — годы, города; вв. — века.

В дефисных сокращениях вместо опущенной средней части слова ставится дефис: ун-т — университет, к-р — командир, к-ра — контора.

В косolinейных сокращениях вместо опущенной правой части словосочетания или сложного слова ставится косая линия (/): п/я — почтовый ящик, г/о — городское отделение (связи), х/б — хлопчатобумажный.

Курсивные сокращения выделяются курсивом (обычно в них нет никаких дополнительных знаков): *нсв* — несовершенный вид, *св* — совершенный вид, *дм* — дециметр.

Нулевые сокращения графически не отличаются от несокращенных слов: кл — килолитр, клм — килолюмен, км — километр, мсб — мотострелковый батальон.

Комбинированные сокращения возникают в результате применения сразу нескольких типов сокращения — ж.-д. — железнодорожный, об./мин. — оборотов в минуту.

Сокращения типа Кл·м — кулонметр, клм·ч — килолюмен-час относятся исключительно к сфере естественных наук и должны рассматриваться как элементы графических систем математики, физики, химии и др.

Принципы графического сокращения слов:

1. Опускается только конечная часть слов: б. — бывший, большой, но не *вший, *льшой.

2. Сокращению подвержены минимум две буквы: г. — год, гор. — город. Единственное исключение из этого правила — ю. — юг объясняется аналогией: с. — север, в. — восток, з. — запад.

3. Часть слова перед опускаемым элементом не может состоять из сочетания букв с последней гласной и с *й*, *ь*, *з*: рос., российск. (*российский*), но не *ро., *россий.

4. Чаше сокращается последовательный ряд букв: физ-ра (*физкультура*) но не *фзклтра. Этот принцип соблюдается непоследовательно: пнд., млрд., млн. Опускание гласных, не составляющих линейную последовательность в слове, можно рекомендовать при быстрой записи конспектов и лекций, так как носители русского языка могут легко разобрать слово, при записи которого не были использованы гласные. Например, запишем предшествующее предложение, используя гласные только в начале слов, финалях и окончаниях: *Опцне глснх, не сствлццх лнйную пслдвтльнсть в слве, мжно ркмндвтть при бстрой зпси кнспектов и лкцй, тк кк нстли рсскго язк мгут лгко рзбрть слво, при зпси ктрго не бли испльзвны глсные.

Лит.: Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979; Новичков Н. Н. Словарь русских сокращений и аббревиатур. М., 1995; Новые сокращения в русском языке: 1996–1999. М., 2001; Словарь сокращений русского языка. М., 1983; Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. М., 2001; Фадеев С. В. Словарь сокращений современного русского языка. СПб., 1997.

ДВОЕТО́ЧИЕ. Знак препинания (:), употребляющийся в бессоюзном

сложном и простом предложениях и указывающий на то, что часть текста, находящаяся после него, связана причинными, пояснительными и др. отношениями с частью текста, находящейся перед ним. Например: *Перед весной бывают дни такие: Под плотным снегом отдыхает луг, Шумят деревья веселосухие, И теплый ветер нежен и упруг* (Ахматова).

Лит.: см. «Пунктуация».

ДЕЛИМИТАТИВНАЯ ФУ́НКЦИЯ ЗНАКОВ ПРЕПИНА́НИЯ (лат. de «раз» + limitis «межа, предел»). Основная функция знаков препинания, заключающаяся в разграничении интонационно-синтаксических групп предложения и/или текста. Все знаки препинания помогают найти место в тексте, которое необходимо интонировать, т.е. они в большинстве случаев сигнализируют об изменении интонации. Однако на конкретную интонацию знаки препинания указывают не всегда из-за своей многозначности, напр., запятая ставится и при перечислении, и после придаточной части предложения перед главной. В указанных двух случаях интонация изменится по-разному, но на сам факт модификации в письменном тексте укажут запятые.

Лит.: см. «Пунктуация».

ДЕФ́ИС (лат. divisio «разделение»). Знак полуслитного написания слов (-): *нервно-паралитический, мать-и-мачеха, желто-зеленый, из-за, во-первых, по-русски*. Противопоставлен контакту и пробелу. В русской орфографии используется также висячий дефис, который употребляется при стяжении синтаксических структур: при двух и более однородных членах, содержащих общий словообразовательный элемент, который в первом (первых) однород-

ном члене опускается, сохраняясь только в последнем: *трех- или четырехместный, авто- и авиаспорт*. См. **контакт, пробел**.

Лит.: Букчина Б.З. Слитно? Раздельно? Через дефис? Орфографический словарь русского языка. М., 1999; Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник. М., 1998; Еськова Н.А. О некоторых «каверзах» дефиса // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974; Панов М.В. О дефисных написаниях // О современной русской орфографии. М., 1964; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Реформатский А.А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964.

ДИАКРИ́ТИКА (греч. diakritikos «различительный»). 1. То же, что диакритический знак. 2. Система диакритических знаков.

Лит.: см. «Диакритический знак».

ДИАКРИТИ́ЧЕСКИЙ ЗНАК. В русской графике надстрочный значок при букве, показывающий, что ее надо читать иначе, чем без него. Всего в русской графике четыре диакритических знака: две точки над буквой *Ёё* (··); «кратка» над буквой *Йй* (˘); знак основного ударения (по-другому называется акут или устар. оксия) (´), употребляющийся в словарях, учебниках для начальной школы, в книгах для обучающихся русскому языку как неродному и для разграничения омографов: *áтлас — атлáс, зáмок — замóк, нóги — ногí*; знак побочного ударения (др. название — гравис или устар. вари́я) (˘) используется, главным образом, в словарях для обозначения второстепенного ударения в многосложных, сложных и сложносокращенных словах наряду со знаком основного ударения или без него (в словах с бук-

вой *ё*): *ко́нтрмéры, това́рообраще́ние, авиамéтеослужба, го́саппа́рат, трёхве́дёрный*.

Лит.: Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956; Борунова С.Н., Воронцова С.А., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1989; Дири́нгер Д. Алфавит. М., 1963; Зи́ндер Л.Р. Общая фонетика. М., 1979; Истри́н В.А. Развитие письма. М., 1961; Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М., 1959; Она же. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976; Оси́пов Б.И. Учителю об истории русского письма. Омск, 2000; Фридри́х И. История письма. М., 1979; Ще́рба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ДИГРА́ММА (греч. di... «двойной» + gramma «письменный знак, черта, линия»). То же, что диграф.

ДИГРА́Ф (греч. di... «двойной» + graphē «изображение»). Графема, состоящая из двух букв. Используется для обозначения фонем и их основных вариантов, напр., *считать- [ш]итать*.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; ЛЭС. М., 1990; Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.

ДИФФЕРЕНЦИА́ЛЬНЫЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ (лат. differens (differēntis) «разница»). Состоит в стремлении различать на письме лексические омонимы или омоформы: *бал — балл, кампания — компания, ожог — ожег, туш — тушь, плач — плачь, рож — рожь, копчик — кобчик*; в орфографии до реформы 1918 г. *миръ* (покой, отсутствие войны) — *миръ* (вселенная). Дифференциальное значение

имеет также употребление прописных букв: *Орел – орел, Надежда – надежда*. Дифференциальный принцип русской орфографии признается не всеми учеными, напр., М.В. Панов считает дифференциальный принцип частным случаем традиционного (традиционно-исторического принципа); А.Н. Гвоздев пишет, что «орфография имеет дифференцирующие написания, порожденные... чаще всего действием морфологического принципа, но не располагает самостоятельными средствами для дифференцирования омонимов. Поэтому нет оснований говорить о принципе дифференциации».

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ДИФФЕРЕНЦИАЦИОННЫЙ ЗНАЧОК. То же, что диакритический знак.

ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. То же, что дифференциальный принцип орфографии.

ЗАГЛАВНАЯ БУКВА. То же, что прописная буква

ЗАПЯТАЯ. Знак препинания, разделяющий или выделяющий слова, группы слов внутри предложения или разделяющий предложения внутри сложного предложения (,): *О доблестях, о подвигах, о славе Я забывал на горестной земле* (Блок); *Друзья мои, прекрасен наш союз* (Пушкин); *И о чем звените вы В день веселый мая, Средь некошеной травы Головой качая* (А.К. Толстой); *Если бы вы знали, какой наш край благодатный!* (Тургенев).

Лит.: см. «Пунктуация».

ЗНАК ПЕРЕНОСА. Дефис внутри несложного слова, употребляемый при переносе его с одной строки на другую.

Лит.: см. «Перенос слова».

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ. Графические знаки, употребляемые на письме для указания на декламационно-психологическое расчленение письменной речи (т.е. фразировку), а также для передачи тех особенностей ее синтаксико-смыслового членения, которые не могут быть выражены морфологическими средствами и порядком слов. Организация знаков препинания основывается на противопоставлении двух функций: отделения (или разделения) и выделения; соответственно существуют два типа знаков препинания – разделительные и выделительные. Разделительные знаки препинания включают конечные знаки, обозначающие правую границу предложения (**точка** (см.), **вопросительный знак** (см.), **восклицательный знак** (см.), **многоточие** (см.)), и знаки середины предложения (**запятая** (см.), **точка с запятой** (см.), **тире** (см.), **двоеточие** (см.), **многоточие** (см.)). Выделительные знаки препинания охватывают знаки препинания середины предложения (парные знаки – **скобки** (см.), двойная запятая, двойное тире, двойное многоточие, **кавычки** (см.)).

Знаки препинания подразделяются на одиночные и парные. Парные выделительные: 1) двойная запятая, назначение которой – выделение обособленных членов предложения и конструкций, придаточных предложений, вводных и вставных конструкций, обращений и междометий: *Из мертвой главы гробовая змея, шипя, между тем выползала* (Пушкин); *Казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном* (Лермонтов); *Впереди, между деревьями, замелькали огни деревеньки* (Тургенев); 2) двойное тире, назначение которого – выделение вставных конструкций, а также подчеркиваемых обособлений и вводных конструкций: *Но – чудное дело! – превратившись в англома-*

на, Иван Петрович стал в то же время и патриотом (Тургенев); 3) скобки, назначение которых — изоляция в тексте предложения вставных слов и конструкций: *Но целью взоров и суждений в то время жирный был пирог (к несчастью пересоленный)* (Пушкин).

По мнению А. И. Моисеева, знаки препинания составляют своеобразный алфавит, имеющий структурные и типологические черты сходства с буквенным алфавитом: имеется конкретный состав знаков, они имеют свое начертание, названия и функции. Им предложен своеобразный «алфавит» знаков препинания:

1) точка (.); 2) двоеточие (:); 3) многоточие (...); 4) точка с запятой (;); 5) запятая (,); 6) запятые (,,); 7) кавычки: а) «лапки» (“ ”), б) «ёлочки» (« »); 8) вопросительный знак (?); 9) восклицательный знак (!); 10) дефис, или черточка (-) (в пунктуационной функции); 11) тире (—); 12) двойное тире (— —); 13) дробная черта (/); 14) скобка); 15) скобки (); 16) сноска (*); 17) абзац.

Однако количество знаков препинания строго не определено. Особенно эта неопределенность стала сказываться в связи с бурным развитием компьютерных технологий, позволяющих общаться с помощью письменных текстов в режиме реального времени. Электронные тексты содержат новые знаки препинания, так называемые «смайлики» (англ. smiley от smile «улыбаться»), состоящие из необычных комбинаций общеупотребительных знаков препинания: *Прошу любить и жаловать ;)* *Надо что-то делать с сайтом, иначе от стыда провалюсь куда-нибудь :(* Наряду с пунктуационным значением «смайлики» начинают приобретать и лексическое значение. Ярче всего это проявляется в формировании «смайликов»-омонимов: :-} I. Борода. II. Потрескавшиеся губы или ухмылка.

III. Поддакивать. Из мира компьютерных технологий «смайлики» проникают и на страницы печатных изданий, особенно молодежных и посвященных проблемам компьютерных технологий.

Лит.: см. «Пунктуация».

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВКРАПЛЕНИЕ.

То же, что трансплантация.

ИНТЕРПЮНКЦИЯ. Пунктуация в узком смысле (только расстановка знаков препинания), в отличие от пунктуации в широком значении: разбивка текста на слова (слитные, отдельные и дефисные написания) и расстановка знаков препинания.

Лит.: см. «Пунктуация».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. То же, что традиционно-исторический принцип орфографии.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ. Русское письмо на основе кириллицы пережило две реформы. Первая реформа была проведена Петром I, который специальным указом отменил некоторые писавшиеся по традиции, но уже не нужные русскому письму буквы: ѿ (омега), ѷ (пси), Ѻ (кси), ѻ (зело) — напр., раньше писали не «псалтирь», а «Халтирь». Было изменено начертание самих букв — они были приближены по своему виду к латинским. Так появилась новая азбука, которую называли «гражданицей», «гражданкой» или «гражданским шрифтом», так как она предназначалась для светских текстов, в отличие от оставшейся без изменения кириллицы для церковно-славянских текстов.

Вторая реформа русского письма произошла в 1917–1918 гг. К началу XX в. в русской орфографии накопилось много устаревшего, отжившего,

искусственного, не связанного с фактами языка. Отдельные лица, педагогические кружки и общества возбуждали вопрос о необходимости упростить русское правописание в целях «облегчения учащимся трудного дела усвоения орфографии». Еще в XVIII в. ученые, в том числе В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов, отмечали недостатки русской орфографии и писали о необходимости избавиться от лишних букв. В 1904 г. в Петербурге при Императорской Академии наук была создана Комиссия по вопросу о русском правописании.

Комиссия собралась 12 апреля 1904 г. под председательством Августейшего президента Академии наук Великого князя Константина Константиновича, внука Николая I, дяди Николая II (он же был известен и как поэт К. Р.). Его товарищем (первым заместителем) был избран Филипп Федорович Фортунатов. В состав комиссии вошли лингвисты, литераторы, журналисты, преподаватели высших, средних и начальных учебных заведений — всего 50 человек. Комиссия высказалась за желательность упрощения правописания.

В мае 1904 г. были опубликованы первые предложения Комиссии, в которых предлагалось отказаться от твердого знака после согласных в конце слов, от различения окончаний прилагательных мужского-среднего и женского рода (*добрые мальчики*, но *добрыя девочки* и *добрыя дети*), от написания в окончаниях прилагательных *-аго/-яго* (вместо *добраго*, *третьяго* предлагалось писать *доброго*, *третьего*), предлагалось отказаться от букв *ѣ*, *ѡ*, *ѵ*. Обосновывались эти изменения освобождением русской орфографии от условных написаний, не основывающихся на фактическом произношении.

Реформу поддержало большинство преподавателей. Но общество в целом было настроено против нее. Натиск противников реформы орфографии был так велик, что языковеды Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов — руководители реформы, понимая, что после такого ожесточенного сопротивления проект не будет утвержден, и в то же время не желая идти на компромисс, т.е. давать реформу в урезанном виде, решили отложить на время его обсуждение. Это были годы, наполненные драматическими событиями в жизни России: война с Японией, революция 1905 г., холера. И все же вопрос об упрощении орфографии был настолько актуален, что к нему постоянно возвращались.

Только в 1912 г. выходит окончательный проект Комиссии. При этом пришлось отказаться от некоторых предложенных раньше изменений, которые показались слишком революционными. Например, не прошло предложение после всех шипящих писать только *о* (*шол*, *жолудь*, *чорный*), а также предложение отказаться от мягкого знака там, где он не обозначает мягкости (писать *мыш*, *рож*, *идѣш*). Но и в урезанном виде проект вызвал массовое сопротивление. И снова дело было отложено. 17 мая 1917 г. министр народного образования Временного правительства А.А. Мануйлов издает циркуляр о введении нового правописания (в соответствии с проектом 1912 г.) безотлагательно, с начала нового учебного года. Этот переход начал осуществляться, но постепенно, медленно, преодолевая ожесточенное сопротивление противников. Мануйловская реформа (именно так она называлась какое-то время) осуществилась только в 1917–1918 гг., причем декретами советской власти был принят не проект 1904 г., разработанный с участием

Ф.Ф. Фортунатова, а более осторожный, урезанный вариант, принятый в мае 1917 г. Ниже мы приводим текст декрета, который полностью воплотил реформу в жизнь.

ДЕКРЕТ
О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы 1-й ступени единой школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНИЯ,
РАЗРАБОТАННЫЕ НАРОДНЫМ
КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Исключить букву **ѣ**, с последовательной заменой ее через **Е**.

2. Исключить букву **ѳ**, с заменой ее через **Ф**.

3. Исключить букву **ѣ** в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву **І** с заменой ее через **И**.

5. Писать приставки *из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через* — перед гласными и звонкими согласными с **З**, но заменять **З** буквой **С** перед глухими согласными, в том числе и перед **С**.

6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений **-ОГО, -ЕГО** вместо **-АГО, -ЯГО**.

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений **-ЫЕ, -ИЕ** вместо **-ЫЯ, -ИЯ**.

8. Писать **ОНИ** вместо **ОНѣ** в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде **ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ** вместо **ОДНѣ, ОДНѣХ, ОДНѣМИ**.

10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода **ЕЕ** вместо **ЕЯ**.

11. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква **И** перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная **Й** и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали:

Заместитель народного комиссара просвещения М. Покровский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич.

10 октября 1918 г.

Проект декрета, внесенный Народным комиссариатом просвещения, был принят Комиссией при СНК 8 октября и утвержден СНК 10 октября.

В стране неприятие реформы было довольно массовым явлением. Ее саботаж продлился в ряде районов России до окончания Гражданской войны. Некоторые эмигрантские издательства в Берлине, Париже, Харбине, Нью-Йорке еще дольше растянули этот период. Так, напр., лучшее издание собрания сочинений первого нобелевского лауреата по литературе из России И.А. Бунина было напечатано в 1936 г. в Берлине издательством «Петрополис» по старой орфографии. Да и в самой Комиссии Великого князя пятая часть ее была против отмены указанных букв. Даже десять лет спустя после декларирования орфографической реформы находились смельчаки, осуждавшие ее. Так, академик Д.С. Лихачев выступил в домашнем собрании друзей, которое в шутку было ими названо «Космической Академией наук», с докладом «Медитации на тему о старой, традиционной, освященной исторической орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым февраля 3 дня 1928 г.». В этом сообщении говорилось: «Живая речь обладает бесконечными преимуществами перед письменной для понимания: она обладает интонацией и др.»; «Письменная речь скорее может ввести в заблуждение; поправить ошибку труднее и последствия от заблуждения будут большими: государственные распоряжения, документы, научные трактаты и т.д.»; «XVII век, знавший толк в грамоте больше нашего, имел массу графических знаков»; «Чем больше в языке графических знаков, тем легче он при чтении, так как каждое слово

становится характернее, индивидуальное, приобретает определенную физиономию»; «Чем характернее физиономия слова, тем легче его схватить, прочесть, потому что мы читаем не по буквам или складам, как делают неграмотные люди, а схватываем слово в целом по его «физиономии»; «Интересы чтения должны возобладать над интересами письма (пишет книгу один, а читают 30 000 в продолжение 50 лет)»...

Орфографическая реформа не устранила всех проблем графики и правописания. Предлагались совершенно абсурдные, на первый взгляд, решения проблемы. Например, научный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР высказался в 1919 г. «о желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики». Инициаторы этой «реформы» считали ее «логическим шагом по тому пути, на который Россия уже вступила, приняв новый календарный стиль и метрическую систему мер и весов», и полагали, что она стала бы «завершением азбучной реформы, в свое время выполненной Петром I».

Общество любителей российской словесности, создав особую комиссию (М.Н. Сперанский, Н.А. Янчук, Н.М. Мендельсон, В.Н. Щепкин, А.М. Сумбатов, М.Н. Розанов, Н.Ф. Ржига, Ф.Ф. Саводник), 23 декабря 1919 г. на предложение Наркомпроса изменить в республике систему письма, т.е. вместо кириллицы ввести латинский алфавит, дало аргументированный отрицательный ответ. В нем, в частности, говорится: «Введение латиницы не только не облегчит, а скорее затруднит иностранцам изучение русского языка».

В 1930-е гг. неотложной задачей становится разработка общеобязатель-

ного свода правил русского правописания. В печати царит разнбой: у каждого издательства свои правила, своя орфография. Вот несколько примеров из печати до принятия правил 1956 г.: *на-чеку и начеку, в роде этого и вроеде этого, под ряд и подряд, доисторический и до-исторический, безустали и без устали, после-завтра и послезавтра, чорт и чёрт, решотка и решётка* и т.д. Было подготовлено 11 проектов свода, прежде чем в 1956 г. был принят окончательный вариант — «Правила русской орфографии и пунктуации», действующие до настоящего времени. До их выхода в свет русская орфография не была упорядоченной. Наибольший вклад в разработку и систематизацию русской орфографии до «Правил» 1956 г. внес Я.К. Грот. Он старался сделать русское правописание максимально единообразным. Его основные работы по орфографии — «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873) и «Русское правописание» (1885; 22-е изд., 1916) — были главными исследованиями в области теории и практики русской орфографии.

Однако уже через семь лет после выхода «Правил», в 1963 г. создается Орфографическая комиссия, перед которой снова ставится задача упорядочения русской орфографии. Дело в том, что в 1956 г. была проведена лишь частичная регламентация русского правописания, и в орфографии все еще оставалась масса исключений, трудно объяснимых и нелогичных правил. В состав этой комиссии входили видные языковеды, такие, как В.В. Виноградов (председатель), Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, С.И. Ожегов, М.В. Панов, а также методисты, психологи, учителя школ, специалисты вузов, писатели (напр., К.И. Чуковский). Комиссия исходила из того, что русское

письмо не нуждается в революционном преобразовании, надо лишь избавиться от всего противоречивого, двойственного, устарелого, без нужды отягощающего память пишущего. Главная цель — облегчить усвоение орфографии учащимися.

Как и в проекте начала века, вместо неоправданно трудного правила написания *о/е* под ударением после шипящих (пишем *шелк*, но *шорох*, *черт*, но *чокаться*) было предложено простое и ясное правило: после всех шипящих под ударением писать *о*, без ударения — *е*: *жолудь*, но *желудей*, *шолк*, но *шелковистый*. Именно такое правило действует сейчас относительно написания *о/е* после буквы *ц*. Предлагалось также (как и в предыдущих проектах) писать *мышь*, *рожь*, *помнишь*, *ешьте*, *печь*, *стричься*, *настежь* без мягкого знака. Во всех этих случаях мягкий знак лишний — он не указывает на мягкость предшествующего согласного. Большим облегчением для пишущего (прежде всего для обучающегося письму) было бы и предложенное комиссией последовательное написание после *ц* буквы *и*: *цирк*, **циган*, **лицицин*, **иптенци*.

Но и этот проект не был реализован, причем, как и в начале XX в., изменения приветствовали преподаватели русского языка, но общество в целом проект не поддержало и очень эмоционально выражало свой протест в письмах и статьях. Особенно резкой была реакция писателей — людей, для которых графика слова, его начертание имеет самостоятельную эстетическую ценность.

XX в. закончился, как и начинался, работой Орфографической комиссии, задача которой — рассмотрение и утверждение проекта новой редакции свода правил русского правописания, подготовленного в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Россий-

ской Академии наук. Перед Комиссией под руководством профессора В.В. Лопатина на этот раз ставилась задача учесть изменения, происшедшие в языке: правила, утвержденные в 1956 г., готовились еще в 1930-е гг. и, естественно, нуждались в уточнении и пополнении. В первую очередь важно было исправить регулярно нарушаемые орфографической практикой правила. Такая ситуация неподчинения правилам сложилась, напр., в слитном и дефисном написании сложных прилагательных. В начале XXI в. было объявлено о том, что в ближайшее время изменений в русской орфографии не предвидится.

Для иллюстрации проектов реформ русской орфографии нами ниже приводится один и тот же текст в шести различных орфографических вариантах по книге «Орфография и русский язык» (М., 1966). Два из них отражают реальные орфографии: орфографию до реформы 1917–1918 гг. — «по Гроту» (I) и орфографию после этой реформы — современную (IV). Остальные четыре — практически не реализованные проекты, а именно: проект Московского педагогического общества 1901 г. (II), «Постановления орфографической подкомиссии» 1912 г. (III), проект комиссии Главнауки 1930 г. (V), предложения Орфографической комиссии АН СССР 1964 г. (VI). Тексты приводятся в хронологическом порядке.

В приведенный текст, состоящий из 152 слов, специально включены такие слова, которые позволяют читателю сравнить возможно большее количество написаний, характерных для разных орфографий. Поэтому нужно иметь в виду, что этот текст не дает возможности судить о проценте тех изменений в орфографии, которые вводились каждым проектом. Например, в тексте, отражающем предложения Орфографи-

ческой комиссии АН СССР 1964 г. (VI), представлено 13 изменений принятых сейчас написаний, в то время как на обычный текст той же длины их приходится в среднем от трех до пяти.

I. ОСЕННИА ВПЕЧАТЛѢНІА ВЪ ДЕРЕВНѢ

Солнышко съ каждымъ днемъ грѣть слабеѣ, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. Въ обнаженныхъ лѣсахъ не услышишь уже веселого птичьяго пѣнія; въ помертвѣлыхъ лугахъ не полюбуешься пестрымъ разно-образіемъ цвѣтущихъ растеній; съ полей уже давно убрали рожь и даже яровые хлѣба, и повсюду, куда ни взглянешь, торчитъ сплошь одна соломенная щетина. Изъ свинцовыхъ тучъ безпрестанно льется мелкій дождь и превращаетъ улицы въ лужи, полныя черной жидкой грязи. Рѣзкій вѣтеръ пронзительно свищѣтъ въ вѣтвяхъ оголенныхъ деревьевъ и заставляеть легкія деревянныя ворота съ визгомъ раскачиваться изъ стороны въ сторону. Сквозь густой туманъ, разстилающійся по деревнѣ и ея окрестностямъ, едва виднѣются ветхія избушки.

Въѣзжаемъ в деревню. На улицѣ полнѣйшее безлюдье. Всѣ располагаются кто гдѣ можетъ, лишь бы укрыться отъ этаго осенняго ненастья. Продрогшія куры пріютились подь навѣсомъ сараевъ, завернувъ головы подь тепленькія крылышки. Воробьи забились въ свои мягкія гнѣздышки. Угрюмыя исхудалыя дворняжки также свернулись комкомъ и не выходятъ изъ-подь сиротливо стоящихъ у плетня телѣгъ.

II. ОСЕННИИ ВПЕЧАТЛЕНІА В ДЕРЕВНЕ

Солнышко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах

не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянеш, торчит сплошь одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкой ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляяет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, розстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избышки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагается кто где может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылышки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

III. ОСЕННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

Солнышко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянеш, торчит сплошь одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляяет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой

туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избышки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагается кто где может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылышки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

IV. ОСЕННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

Солнышко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянеш, торчит сплошь одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляяет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избышки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагается кто где может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылышки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

V. ОСЕНИИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

Солнушко с каждым днем греит слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянешь, торчит сплош одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избушки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагаются кто где может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылушки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

VI. ОСЕННИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

Солнышко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянешь, торчит сплош одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные чер-

ной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избушки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагаются кто где может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылушки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег.

Лит.: Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Реформа орфографии в связи с проблемами письменного языка // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970; Дурново Н. Н. К вопросу о реформе русского правописания // Русский язык в советской школе. 1930. № 3; Кузьмина С. М., Лопатин В. В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. № 1; Орфография и русский язык М., 1966; Осипов Б. И. История русского письма. Графика. Орфография. Пунктуация. Омск, 1990; Он же. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992; Он же. Учителю об истории русского письма. Омск, 2000; Пчелов Е. В., Чумаков В. Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь. М., 2000; Ушаков Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношение его к языку и вопросы о его реформе. М., 1917; Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // РЯШ. 1937. № 1, 6; Чумаков В. Курьезы реформ русской орфографии // Народное образование. 2001. № 2; 1938. № 1; <http://www.krugosvet.ru>.

КАВЫЧКИ. Парный знак препинания, употребляющийся для выделения в тексте безабзачной прямой речи, цитат, условных собственных имен, слов в переносном и условном значении: *Мне голос был. Он звал утешно, Он говорил: «Иди сюда, Оставь свой край глухой и грешный, Оставь Россию навсегда»* (Ахматова); *Характеризуя язык как средство общения, Л.Н. Толстой подчеркивал: «Слово — выражение мысли... и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает». На связь слова и мысли указывал и В.Г. Белинский: «Слово отражает мысль: непонятна мысль — непонятно и слово...»; Очень хотелось бы знать имена наших «героев». Графически кавычки имеют три варианта: «елочки», “лапки” и ‘марровские’.*

Лит.: см. «Пунктуация».

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (лат. conservativus «охранительный»). То же, что традиционно-исторический принцип орфографии.

КОНТАКТ (лат. contactus «прикосновение, заражение»). Слитное написание. В русских рукописных текстах слитно писались практически все слова, разделение происходило на крупные смысловые отрезки с помощью знаков препинания. С распространением книгопечатания контактные написания уступали место написаниям с пробелами. В современной орфографии проблема противопоставления «пробел — контакт» возникает при дифференциации слов, относящихся к разным частям речи: *вбок* (нареч.) и *в бок* (предл. и сущ.), слов и словосочетаний *глубокоуважаемый* и *глубоко затопленный*. См. **пробел, дефис**.

Лит.: см. «Пробел».

КУРСИВ (лат. cursiva littera «скоропись»). Наклонный типографский шрифт, в котором буквы имеют начертание, близкое к рукописному. Используется для *выделения* части текста из остального текста, набранного прямым шрифтом.

Лит.: Большаков М.В. и др. Книжный шрифт. М., 1964; Воронцовский Б.В., Кузнецов Э.Д. Шрифт. Л., 1975; Тоотс В. Современный шрифт. М., 1966; Шицгал А.Г. Русский гражданский шрифт. 1708–1958. М., 1959; Он же. Русский типографский шрифт. Вопросы истории и практика применения. М., 1974.

ЛАТИНИЦА (лат. latinus). Письменность, основанная на латинском алфавите. В истории русской графики предпринимались попытки перевести русскую письменность на латиницу. См. **история русской графики и орфографии**.

ЛÉКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РАЗДÉЛЬНОГО НАПИСАНИЯ СЛОВ. Принцип отделения друг от друга на письме всех слов, принадлежащих как к самостоятельным, так и к служебным частям речи.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ЛÉКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РАЗДÉЛЬНОГО НАПИСАНИЯ СЛОВ. Согласно этому принципу отдельно пишутся слова, выступающие в роли самостоятельных синтаксических единиц — предложений или их членов — т.е. только знаменательные слова.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ЛИГАТУРА (лат. ligare «связывать»). Один письменный знак, передающий сочетание букв, слог или целое слово. В русской графике в последнее время довольно часто используются заим-

ствованные и интернациональные лигатуры, обозначающие целые слова: & *and* – союз *и*: газета «*Kot & pes*»; \$ – американский доллар, ♀ – женщина, ♂ – мужчина, † – умер(ла) и др.

Лит.: см. «Графика».

МАЛЕНЬКАЯ БУКВА. То же, что строчная буква.

МНОГОТО́ЧИЕ. Одиночный разделительный знак препинания, могущий выступать в тексте предложения в трех различных позициях (в начале предложения, в середине предложения, в конце предложения) и обозначающий незаконченность или прерванность высказывания, а также пропуск в тексте, напр.: *Горы, горы... Тишина какая!* (Салтыков-Щедрин); *Мелькают в тучках, в низком русском небе, редкие звезды... Опять перепела, весна, земля – и моя прежняя, глухая, бедная молодость!* (Бунин).

В 1988 г. Б.С. Шварцкопф предложил выделить особый знак – двойное многоточие, которое используется для выделения вставных слов и конструкций типа *Я не стала звонить матери, зная ее ... как бы сказать... нервную реакцию на все* (Амлинский).

Лит.: см. «Пунктуация».

МОРФЕМАТИ́ЧЕСКИЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ. То же, что морфологический принцип орфографии.

МОРФЕ́МНЫЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ. То же, что морфологический принцип орфографии.

МОРФОЛОГИ́ЧЕСКИЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ. 1. По мнению многих русистов основной принцип русской орфографии, на котором построено написание большинства слов русского языка. Заключается в требовании единообразного написания одних и тех же морфем в разных словах:

валы – вал, примирение – мир, придорожный – пригородный. Наиболее последовательно проявляется в отражении позиционных чередований гласных. Неудобен для объяснения написания исторических чередований. Графический вид морфем в большинстве случаев устанавливается в соответствии с фонемным составом слова. 2. Принцип, состоящий в различении на письме созвучных слов разных грамматических категорий, например, употребление *ь* на конце существительных женского рода третьего склонения после шипящих: *ночь, мышь, дочь* и отсутствие *ь* у существительных мужского рода: *душ, луч, плащ.*

Лит.: «Принцип орфографии».

МОРФОЛОГИ́ЧЕСКОЕ НАПИСА́НИЕ. Написание, основанное на морфологическом принципе орфографии.

НАПИСА́НИЕ. Способ письменной фиксации слова (морфемы, звука и т.п.), находящийся в зависимости от данной орфографической системы.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

НЕОГРАФИ́ЗМ. Орфографическое новшество, не затрагивающее произношения. К неографизмам не относятся способ написания заимствованных или вновь возникших слов, которые, естественно, имеют собственный, неизвестный ранее орфографический облик. В современном русском языке неографизмами являются слова с измененной по отношению к предшествующему написанию орфографией, зафиксированные в «Русском орфографическом словаре» (М., 1999). Ниже мы даем полный список современных неографизмов: *алеманны, бессрочно-от-*

пускной, билон, билонный, будённовка, вальтерскоттовский, вечорошный, виновка, виновый, внаклон, водно-лыжный, водно-спортивный, водно-транспортный, водно-энергетический, в пору (нареч.), вязига, гееннский, геолого-разведочный, гиперъядро, гоп-ля, горно-артиллерийский, горно-добывающий, горно-заводский и горно-заводской, горно-климатический, горно-лыжный, горно-пересечённый, горно-промышленный, горно-проходческий, горно-рудный, горно-спасательный, горно-стрелковый, горно-технический, горно-транспортный, грамм-метр, графитоводный, грудинореберный, грузопассажирский, гуляйгород, деланный (прил.), деланость, динамомашинка, древесно-стружечный, дронча, дурак-дураком, естественно-научный, железисто-синеродистый, желчно-каменный, жестяно-баночный, заговины, звукобуквенный, зигмашинка, зэк, зэкковский, как то, карате, кеманча, киднепинг, килограмм-метр, кишечного-сосудистый, койкодень, койкоместо, командос, конно-артиллерийский, конно-гвардейский, конно-заводский и конно-заводской, конно-спортивный, контрастированный, контрастирование, контрастировать, костно-мозговой, костно-туберкулёзный, крахмалопаточный, кремниолог, кремнефтористоводородный, ликероводочный, лироэпический, мало-мальски, машинодень, машиносмена, машиночас, медно-рудный, меннониты, мелочовка, минно-заградительный, монголо-татарский, мука-мученическая, мука-мученская, мясомолочный, мясорастительный, мясорыбный, мясосальный, мясошёрстный, мясомясичный, народно-поэтический, народно-хозяйственный, не жилица (в знач. сказ.), не нынче завтра, неразлейвода (в знач. сказ.), не робкого десятка, не сегодня завтра, носослёзный, оп-ля, органоминеральный, остро-кислый, остро-прямый, пассажирокилометр, патолого-

анатомический, пенькоджутовый, pervobyтно-общинный, перекатипале, перисто-сложный, плащовка, плеер, плосковогнутый, плосковыпуклый, погрузо-разгрузочный, поллитровый, полосануть, попугаичий, посудохозяйственный, почечно-каменный, приёмораздаточный, приёмосдаточный, приливоотливный, приходорасходный, пухоперовой, пушонка, разлюли-малина, разыскной, самолето-вылет, свинья-свиньёй, силлаботонический, скотоместо, соединительно-тканый, сорокаваттка, спинно-мозговой, спускоподъёмный, ссудосберегательный, станкочас, считанный (прил.), тета, тета-функция, товаропассажирский, тонна-километр, тонна-миля, травмопункт, трасология, трасс, трассовый, тунгусоманьчжурский, тундренный, тундряная куропатка, тюркотатарский, угрофинны, угрофинский, уикенд, у-лю-лю, условно-рефлекторный, фарфороянсовый, финноугорский, финноугроведение, финноугры, форсмажор, фосфоритопатитовый, хахоньки, хихоньки, церковно-приходский, церковно-славянский, цифробуквенный, чаечий, человекодень, человеко-час, чепэ, чёрно-бурый, но чернобурая лисица, честь-честью, чин-чином, чисторжаной, шахер-махерство, шип-дерево, шприцмашина, электронвольт, яйцемясной. Большинство представленных неографизмов связаны со слитным, раздельным или полуслитным написанием.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Русский орфографический словарь. М., 1999.

О́КСИЯ. См. диакритический знак.

ОРФОГРА́ММА (греч. orthós — «правильный» и gramma — «буква»). Правильное написание, выбираемое из нескольких возможных (при одина-

ковым произношении) и коррелирующее с определенным орфографическим правилом. Например, русская графика допускает обозначение звука [u] тремя буквами – *е, и, я*. В слове *измерение* выделенные буквы являются орфограммами, так как возможно написание **измирене*, которое соответствует произношению, но первый вариант является орфографически правильным, потому что такое написание отвечает морфологическому принципу русской орфографии.

Лит.: Алгазина Н. Н. Предупреждение орфографических ошибок учащихся V–VIII классов. М., 1965; Она же. Обучение орфографии с учетом вариантов орфограмм. М., 1981; Она же. Формирование орфографических навыков. М., 1987; Баранов М. Т. Ознакомление учащихся IV класса с орфограммой и первоначальный этап формирования орфографического навыка // РЯШ. 1970. № 4; Ларских З. П. К грамотности ступеньки. М., 1998; Обучение орфографии в восьмилетней школе. М., 1974; Рождественский Н. С. Свойства русского правописания как основа методики его преподавания. М., 1960; Селезнева Л. Б. Современное русское письмо. Системный анализ. Томск, 1981; Она же. Графема и орфограмма в современном русском языке // РЯШ. 1981. № 5; Она же. Орфограмма в системе единиц русского языка // РЯШ. 1988. № 1; Она же. Укрощаем орфограмму. Алгоритмизированное обучение. Волгоград, 1993.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

Орфографический анализ может строиться на различных основаниях, напр., на анализе орфограмм, относящихся ко всем разделам орфографии. Он может строиться на морфемном анализе (при признании морфологического принципа ведущим принципом русской орфографии). Но большее теоретическое и практическое значение имеет орфографический анализ, свя-

занный с передачей буквами фонемного состава слов. В этом случае орфографический анализ отталкивается от фонетико-фонологического анализа слова.

В начале такого анализа необходимо привести графическую запись слова, затем подчеркнуть и пронумеровать все орфограммы, далее привести фонетическую и фонематическую транскрипцию слова и закончить анализ определением принципа орфографии у каждой орфограммы:

1 2 3 4 5 6 7 8

разжеванного

[р^жъ овъньвъ]

/розжованново/

Орфограммы:

1) *а* противоречит фонематическому принципу, так как в этой приставке фонема /о/ (ср. под ударением: *р[о]зык, р[о]зданный, р[о]пись*), и соответствует фонетическому принципу: здесь произносится звук типа [а] – представитель /о/ в перцептивно слабой позиции;

2) *з* не противоречит фонематическому принципу (ср. *ра[з]мочить, ра[з]украсить*, где /з/ в сигнификативно сильной позиции), но пишется не по этому принципу, а по традиционному, так как подчиняется особому правилу, связывающему написание этой буквы в приставке со следующей буквой;

3) *е* противоречит фонематическому принципу, так как фонема здесь /о/, и соответствует морфематическому (морфологическому) принципу, так как подчиняется правилу написания *о* или *е(е)* после шипящих, требующему написания *е(е)* в тех случаях, когда в той же морфеме может писаться *е* под ударением или без ударения; ср. *жевать*;

4) *а* пишется по фонематическому принципу; ср. *разжев[а]ть*, где [а],

представляющий /а/ в той же морфеме;

5) суффикс страдательных причастий прошедшего времени *-нн-* состоит из двух фонем /нн/, которые реализуются долгим [н] после ударного гласного (*данный* – *да[н]ый*) и кратким [н] в др. позициях. Чередование [ñ || н] позиционно обусловлено, поэтому краткий [н] в этом суффиксе соответствует двум фонемам /нн/. Следовательно, написание *нн* отвечает фонематическому принципу;

6) *о* пишется по фонематическому принципу; ср. *молодого*, где [о], представляющий /о/ в той же морфеме на том же месте;

7) *з* противоречит фонематическому принципу: здесь произносится [в] в сигнификативно сильной позиции (перед гласным), представляющий фонему /в/. Орфограмма определяется традиционным принципом;

8) *о* пишется по фонематическому принципу; ср. *моег[о]*, где [о], представляющий /о/ в той же морфеме на том же месте. (По Л.Л. Касаткину).

Лит.: Егерман Л.Ю. Фонетико-фонологический и графико-орфографический анализы как способы активизации самостоятельной работы студентов в курсе современного русского языка // Материалы науч.-метод. конф. «Совершенствование системы языковедческой подготовки учителей-словесников». Липецк, 1991; Осипов Б.И. Графико-орфографический анализ текста. Барнаул, 1971; Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. М., 2001.

ОРФОГРА́ФИЯ (греч. orthographia, от orthós «правильный» + grapho «пишу»). 1. Исторически сложившаяся система единообразных написаний. Наиболее кодифицированная система, стремящаяся к максимальной однозначности. Выполняет социальную

функцию, так как ее нормы являются общеобязательными, и отступление от норм орфографии может привести к трагическим последствиям, напр., в правовой сфере или в медицине. 2. Система правил, устанавливающая единообразие способов фиксации письменной речи. Орфографические правила обобщают и конкретизируют орфографические принципы. Современная русская орфография основывается на «Правилах русской орфографии и пунктуации», утвержденных АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г. Русская орфография состоит из шести основных разделов:

1) Правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем.

2) Правила о слитных, дефисных и раздельных написаниях слов.

3) Правила употребления прописных (больших) и строчных (малых) букв.

4) Правила переноса слов.

5) Правила передачи средствами русской графики заимствованных слов. См. **транскрипция, транслитерация**.

6) Правила графического сокращения слов.

3. Раздел языкознания, формирующий и изучающий систему орфографических правил. 4. Конкретное написание слов. *Орфография слова расток неверная*. 5. То же, что принцип орфографии.

Термин «орфография» буквально значит «правописание», но в настоящее время в лингвистической терминологии полностью не совпадает с этим словом по значению, так как правописание включает в себя еще и пунктуацию. В работах по орфографии до середины XX в. встречалось употребление термина «орфография»

в значении «правильное употребление букв и знаков препинания».

Лит.: Букчина Б.З. Вопросы унификации печатных изданий. М., 1988; Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? М., 1998; Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Современное русское письмо: Пособие для учителя. М., 1974; Вопросы русской орфографии. М., 1964; Гак В.Г. Орфография в свете структурного анализа // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962; Гвоздев А.Н. Избр. работы по орфографии и фонетике. М., 1963; Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987; Иванова В.Ф. Развитие теории русской орфографии в трудах советских лингвистов // Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1967; Она же. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1966; Она же. Принципы русской орфографии. Л., 1977; Она же. Усовершенствование русской орфографии в советский период // РЯШ. 1977. № 5; Она же. Актуальные проблемы русской орфографии // РЯШ. 1991. № 1; Она же. Современная русская орфография. М., 1991; Ильинская И.С., Сидоров В.Н. Современное русское правописание // Уч. зап. МГПИ. М., 1953. Т. 22. Кафедра русского языка. № 2; Кайдалова А.И., Калинин И.К. Современная русская орфография. М., 1971; Кузьмина С.М. Теория русской орфографии. Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. М., 1981; Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. № 1; Лопатин В.В., Чельцов Л.К., Нечаева И.В. Прописная или строчная? М., 1999; Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах. Н.Новгород, 1993; Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974; Орфографический словарь русского языка. М., 2000; Орфография и рус-

ский язык М., 1966; Орфография собственных имен. М., 1965; О современной русской орфографии. М., 1964; Панов М.В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964; Он же. Занимательная орфография. М., 1984; Поливанов Е.Д. О трех принципах построения орфографии // Ст. по общему языкознанию. М., 1968; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Проблемы современного русского правописания. М., 1964; Русский орфографический словарь. М., 1999; Селезнева Л.Б. Современное русское письмо. Системный анализ. Томск, 1981; Справочная книга редактора и корректора. М., 1985; Тихонов А.Н. Орфографический словарь русского языка. М., 1999; Тоцкий П.С. Орфография без правил. М., 1991; Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1961; Щерба Л.В. Теория русского письма. Л., 1983.

ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ. Разногласия о причинах единообразия в написании морфем выделяют два подхода к решению вопроса об основном принципе русской орфографии, представленные в трудах представителей Московской и Ленинградской фонологических школ. Согласно учению представителей Ленинградской фонологической школы, единообразие проистекает из сознательного стремления к унификации графического вида морфем (морфологический принцип — наибольший вклад в разработку теоретических основ этого принципа внес А.Н. Гвоздев); согласно учению представителей Московской фонологической школы, относительное единообразие графического вида морфем является результатом отражения на письме фонем в понимании этой школы (фонемный принцип — впервые теоретически обоснован И.С. Ильинской и В.Н. Сидоро-

вым). Проблема основного принципа орфографии возникает, главным образом, при решении конкретной задачи написания слова, в котором присутствуют звуки в слабой позиции, и основные противоречия между школами заключаются в характеристике фонем, выступающих в сигнифкативно слабых позициях (см. **архифонема, гиперфонема, морфологический принцип орфографии, фонемный принцип орфографии, фонема, фонологические школы**).

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ПЕРЕНОС СЛОВА. Довольно часто слово не умещается в строке, и его часть приходится переносить на следующую строку. Перенос не должен замедлять процесс чтения, поэтому разбивка слова на части при переносе происходит упорядоченно.

Правила переноса строятся на двух основных принципах. Первый из них — слоговой. Дело в том, что процесс чтения в подавляющем большинстве случаев строится на проговаривании, или, при чтении про себя, включаются механизмы внутренней речи. Следовательно, деление слова при переносе должно соответствовать основной ритмической единице звучащей речи — слогу: *ко-ро-ва, по-хо-ро-ны*. На этом принципе основаны правила, запрещающие оставлять в конце строки или переносить на др. строку часть слова, не составляющую слога (напр., нельзя переносить **ст-рах, *по-ст*. Нельзя также отделять согласную от следующей за ней гласной; следует переносить: *во-сторг* или *вос-торг* (а не **вост-орг*). Вместе с тем, слого-раздел понимается довольно широко: напр., при стечении нескольких согласных между гласными допускается

вариативность переноса, т.е. слога деления: *де-рзкий, дер-зкий, дерз-кий*. В правилах переноса не учитывается возможность согласных образовывать слог и не допускаются переносы типа **ти-гр*.

Второй принцип правил переноса — морфологический. Следуя этому принципу, при переносе членение должно проходить между двумя приставками: *без-раз-дельно*, между приставкой и корнем: *по-даться, при-врать, сорвать* — и между значимыми частями сложных слов: *пяти-значный, спецхран* (не **под-раться, *прив-рать, *сорвать, *пятиз-начный, *спецх-ран*).

Существуют и некоторые другие ограничения переноса. Например, подавляющее большинство слов в русском языке (за редчайшим исключением) не может начинаться буквами *ы, ь, ъ, й*, поэтому переносить часть слова, начинающуюся с этих букв, не разрешается: *ра-зыграть, боль-ной, разъ-езд, Май-коп* (не **раз-ыграть, *бол-ьной, *раз-ъезд, *Ма-йкоп*). Нельзя оставлять в конце строки одну букву, переноса остальную часть слова на другую строку, так как эта буква может совпасть с целым словом (*а, и, о, у, я*) и такой перенос приведет к искажению в понимании текста.

К сожалению, именно в области правил переноса наиболее отчетливо наблюдается разрушение норм русской орфографии, провоцируемое практикой издания средств массовой информации и техническими особенностями передачи текстовых сообщений с помощью электронной коммуникации (особенно SMS-сообщения).

Лит.: Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. Ч. 1. М., 2001; Зорин Н.И. Вопрос о переносе слов в школьной практике и ме-

тодической литературе // РЯШ. 1953. № 1; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Рабич С.Г. К изучению в школе темы «Правила переноса слов» // РЯШ. 1958. № 4; Шенников Е.П. О правилах переноса слов // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. 1959. Вып. 26.

ПОБУКВЕННЫЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ. Заключается в том, что значение буквы определяется только ее соотношением с фонемой. В русском алфавите примером буквы, полностью отвечающей побуквенному принципу, можно считать *Йй*. В любых сочетаниях она обозначает только фонему <*j*>. Большинство других русских букв отвечают слоговому принципу графики.

Лит.: см. «Принцип графики».

ПОЗИЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ГРАФИКИ. То же, что слоговой принцип графики.

ПРАВИЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ (лат. *trāns* «сквозь, через» + *littera* «буква»). Передача иноязычных текстов и слов (преимущественно собственных имен и географических названий) в соответствии с их написанием в языке-источнике путем замены букв одной письменности буквами другой. Например, название известного романа В. Скотта «Ivangoe» в русских переводах начала XIX в. передавалось как «Ивангое», в соответствии с его написанием по-английски; позднее это название стали передавать в соответствии с его английским произношением: «Айвенго». Ниже приводятся рекомендации по транслитерации, предложенные Международной организацией стандартов ISO (International Standard Organisation) и АН СССР (ныне РАН), которые отличаются тем, что в системе РАН учитывается положение фонемы в слове, а в системе ISO не учитывается.

Лит.: Реформатский А.А. Транслитерация русских текстов латинскими буквами // ВЯ. 1960. № 5; Он же. О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов // Науч.-техн. информация. Сер. 2 – Информационные процессы и системы. 1972. № 10; Он же. Введение в языкознание. М., 1967; Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978; Она же. Транслитерация // Русский язык: Энциклопедия. М., 2003; Тимофеева Г.Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо. Волгоград, 1991; Тимофеева Г.Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо. Волгоград, 1991; ISO – 1986 (E) Documentation-Transliteration of Slavic Cyrillic characters into Latin characters, 1986-09-01.

Правила международной транслитерации

Русские буквы	Соответствующие латинские буквы	
	По системе РАН	По системе ISO
а	a	a
б	b	b
в	v	v
г	g	g
д	d	d
е	е после согласных je в начале, после гласных, <i>ь, ъ</i>	e
ё	‘o после согласных, кроме <i>ч, ш, щ, ж</i> o после <i>ч, ш, щ, ж</i> jo в начале, после гласных, <i>ь, ъ</i>	ë
ж	ž	ž
з	z	z
и	i в начале, после гласных и согласных ji после <i>ь</i>	i
й	j	j

ПРАВИЛО ГРАФИКИ

Русские буквы	Соответствующие латинские буквы	
	По системе РАН	По системе ISO
к	k	k
л	l	l
м	m	m
н	n	n
о	o	o
п	p	p
р	r	r
с	s	s
т	t	t
у	u	u
ф	f	f
х	ch	h
ц	c	c
ч	č	č
ш	š	š
щ	šč	šč
ъ	опускается	”
ы	у	у
ь	‘ в конце и перед согласными; опускается перед гласными	‘
э	e	è
ю	‘и после согласных ju в начале, после гласных, ъ, ь	û
я	‘а после согласных ja в начале, после гласных, ъ, ь	â

ПРАВИЛО ГРАФИКИ. Правило использования графических знаков без соблюдения каких бы то ни было правил орфографии, напр., в фонетической транскрипции.

Лит.: Зиндер Л. Р. *Общая фонетика*. М., 1979; Матусевич М. И. *Введение в общую фонетику*. М., 1959; ее же.

Современный русский язык. Фонетика. М., 1976; Щерба Л. В. *Основные принципы орфографии и их социальное значение* // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

ПРАВИЛО ОРФОГРАФИИ. Правило письменной передачи речи. При написании в языке может приниматься во внимание не только звуковая сторона слов, но также и ряд другие моментов, обусловленных и историей языка, и этимологическими, и морфологическими понятиями современного языка. Именно в этом и заключается отличие правил орфографии (правописания) от правил графики, учитывающих только звуковой момент.

Лит.: см. «Правило графики».

ПРАВОПИСАНИЕ. То же, что орфография.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ (лат. *trānscrīptio* «переписывание»). Практическая транскрипция используется для передачи неперевоаемых на данный язык иноязычных слов, чаще собственных имен, терминов, номенклатурных названий, буквами собственного алфавита. «Практическая транскрипция основывается на правилах передачи графем или графических сочетаний одного языка графемами или графическими сочетаниями другого языка, причем в отличие от транслитерации эти правила должны учитывать то, как графемы и графические сочетания произносятся в каждом конкретном случае» (*Кронгауз М.А.* *Транскрипция* // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 2003. С. 568).

Лит.: Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. *Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник*. М., 1985; Калакуцкая Л. П. *Склонение*

фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984; Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967; Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978; Сухотин А. О передаче иностранных географических названий // Вопросы географии и картографии. 1. М., 1935; Тимофеева Г. Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо. Волгоград, 1991; Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов, собственных имен и фамилий. Л., 1958.

ПРИНЦИП ГРАФИКИ (лат. *prīncipiūm* «основа, начало»). Общие правила использования графических средств языка.

Лит.: Панов М. В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965. Осипов Б. И. Учителю об истории русского письма. Омск, 2000.

ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. Общие правила письменного обозначения языковых единиц, передачи речи на письме. Наряду с типом письма (слоговым, звуковым, иероглифическим) и составом его знаков, принцип орфографии является важнейшим характеризующим признаком письменной речи. Применительно к русскому языку вопрос о принципах орфографии, в первую очередь, связан с определением фонемы различными фонологическими школами. См. **основной принцип русской орфографии.**

Лит.: Гвоздев А. Н. Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа русской орфографии. М., 1960; Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. Л., 1977; Иванова В. Ф., Осипов Б. И. Принципы орфографии и их педагогическое значение

// РЯШ. 1991. № 5; Ильинская И. С., Сидоров В. Н. Современное русское правописание // Уч. зап. Московского городского педагогического института. М., 1953. Т. 22. Кафедра русского языка. № 2; Моисеев А. И. Основной принцип современной русской орфографии: морфологический или фонемный? // РЯШ. 1995. № 1; Осипов Б. И. Теоретические основы русской орфографии в курсе современного русского языка // Язык и письмо. Волгоград, 1991; Он же. Учителю об истории русского письма. Омск, 2000; Панов М. В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 1965; Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Избр. работы по русскому языку. М., 1957.

ПРОБЕЛ. Пустое пространство между буквами в тексте, служащее графическим знаком для обозначения отдельного написания слов. Как специальный межсловный знак первоначально отделял друг от друга только знаменательные слова. Пробел в современной русской орфографии соотносится с понятиями дефис и контакт. См. **лексико-морфологический принцип отдельного написания слов, лексико-синтаксический принцип отдельного написания слов.**

Лит.: Букчина Б. З. Пробел // Русский язык. Энциклопедия. М., 2003; Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П. Сложные слова. М., 1974; и х же. Слитно или отдельно? Орфографический словарь-справочник. М., 1998; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

ПРОПИСНАЯ БУКВА. Выделяется по сравнению со строчной буквой на письме по размеру (в печатных изданиях, выполненных наиболее массовыми шрифтами) и по рисунку и размеру (в рукописях и некоторых разновидностях шрифтов). В русской графике по рисунку

ку и размерам отличаются А, Б, Е, Ё прописные и а, б, е, е строчные в большинстве шрифтов, в менее распространенных шрифтах (каллиграфических, декоративных и курсивных) и рукописях различия в начертании имеют *Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёе, Жж, Зз, Кк, Нн, Пп, Рр, Шш, Фф*. Прописная буква употребляется для выделения начала предложения, собственных имен: *Любопытство сродни человеку и просвещенному, и дикому. На славных играх олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков* (Карамзин); *Александр, Владимир, Николай, Игорь, Михаил, Прасковья, Нина, Антонина*, «Правда», «Советская Россия», «Парламентская газета», «Адмирал Горшков», «Восток-1», некоторых аббревиатур: *МХАТ, БДТ, ГЭС, ВВС, ВМС, ВМФ, ФРГ, США, СРВ, СССР, РСФСР, РФ*.

Лит.: Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная? М., 1999; Орфография собственных имен. М., 1965; Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956; Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника.) М., 1986; Он же. Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1999.

ПУНКТОГРАММА (лат. *punctum* «точка» + греч. *gramma* «буква»). Регулярно воспроизводимый в письменной речи знак препинания, соответствующий правилам пунктуации; напр., запятая между однородными членами предложения, не соединенными союзами, точка в конце повествовательного предложения, двоеточие в бессоюзном сложном предложении, двоеточие и тире в предложении с обобщающим словом при однородных членах и т.п. Состав пунктограмм соответствует составу частных правил пунктуации. По степени обобщенности отражаемого

правила пунктограммы бывают разных типов; напр., запятая при выделении причастного оборота или вообще при выделении обстоятельств. Пунктограммы могут характеризовать и отсутствие знака в том или ином месте предложения, если это отсутствие значимо, т.е. регламентировано правилами; напр., отсутствие запятой между однородными придаточными сложноподчиненного предложения с соединительным союзом.

Термины «пунктограмма» и «знак препинания» не тождественны: первый включает наименование синтаксической единицы, второй лишь указывает на элемент графической системы языка, оформляющий эту единицу.

Лит.: Виды разбора на уроках русского языка. М., 1975; Блинов Г. И. О группировке пунктограмм // РЯШ. 1971. № 2; Он же. Методика изучения пунктуации в школе. М., 1990; Валгина Н. С. Пунктограмма // Русский язык: Энциклопедия. М., 2003; Пичугов Ю. С. Использование системы условно-графических обозначений при изучении пунктуации. М., 1974.

ПУНКТУАЦИЯ (лат. *punctum* «точка»). 1. Совокупность внеалфавитных графических средств — знаков препинания (см. **точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки, кавычки, абзац**). На периферии этой совокупности находятся «типографские средства оформления текста: композиционно-пространственные — отделительные: линейки (концевая, подстрочная), звездочки, строчный ряд отточий; выделительные: шрифтовые — курсив и (полу)жирный; наборные: разрядкой, дефисно-послоговой и сплошь прописными буквами, находящиеся в оппозиции к

светлому прямому строчному шрифту как немаркированному» (Б.С. Шварцкопф). 2. Правила расстановки знаков препинания. Их главная задача – способствовать наиболее быстрому и максимально однозначному пониманию письменного текста. Текст, записанный без знаков препинания, воспринимается читающим в пять раз медленнее. Правила пунктуации являются общеобязательными и выполняют, наряду с орфографическими правилами, социальную функцию.

Современная русская пунктуация оперирует тремя основными принципами: смысловым (основной принцип), грамматическим (синтаксическим) и интонационным. С. И. Абакумов, разрабатывавший смысловой принцип, считал, что в основе пунктуационных правил лежит смысл высказывания. Грамматический принцип помогает выделить отдельные предложения и его части. В практическом преподавании русской пунктуации этот принцип занимает ведущее место. Интонационный принцип считается дополнительным. 3. Раздел языкознания, формирующий и изучающий систему расстановки знаков препинания.

Лит.: Барулина Н. Н. Роль знаков препинания при актуализации высказываний // РЯШ. 1982. № 3; Бодуэн де Куртене И. А. Знаки препинания // Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963; Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М., 1979; Она же. Трудные вопросы пунктуации. М., 1983; Она же. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1989; Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885; М., 1916; Зелинский В. Справочник по русскому правописанию: Указатель (систематический и алфавитный) при расстановке знаков препинания. М., 1903; Иванова В. Ф. История и принципы русской пунктуации. Л., 1962; Ицкович В. А.

Опыт описания современной пунктуации // Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974; Классовский В. Знаки препинания в пяти важнейших языках. СПб., 1869; Ломоносов М. В. Российская грамматика. Наставление второе // Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1952; Моисеев А. И. Система знаков препинания в русском языке // РЯШ. 1981. № 6; Наумович А. Н. Современная русская пунктуация. Минск, 1983; Пешковский А. М. Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания // Избр. труды. М., 1959; Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963; Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. М., 1999; Современная русская пунктуация. М., 1979; Твердохлеб О. Г. О новых пунктуационных знаках в электронных текстах // Русский язык. Актуальные проблемы лингвистики и дидактики. Елец, 2003; Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1955; Шварцкопф Б. С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М., 1988; она же. Русская пунктуационная система и вставные конструкции // «Russian Linguistics». 1994. V. 18; Она же. Опыт интерпретации современной русской пунктуации в аспекте «система-норма» // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М., 1995; Шубина Н. А. Пунктуационная система современного русского языка: Лекции. СПб., 1993; Щерба Л. В. Пунктуация // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974; Она же. Теория русского письма. Л., 1983; Пунктуация в романских и славянских языках. Сб. статей. М., 1992; http://www.kosha.saits.lv/PAGES/humour_prog_smaile.html; <http://www.smailes.ru/news/index.html/>

РЕФОРМА РУССКОЙ ГРАФИКИ (лат. *refořmāre* «преобразовывать, изменять»). См. **история русской графики и орфографии**.

РЕФОРМА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ. См. история русской графики и орфографии.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ (греч. symbolon «знак»). 1. То же, что дифференциальный принцип орфографии. 2. Символическое написание не отражает фонетического содержания, оно «непосредственно символизирует какое-либо значение» (Б.И. Осипов). Например, в написании *о-в* черточка символизирует только сокращенное написание. В разных словах за этой черточкой могут скрываться разные фонемные комплексы: *огурцов, островов, округов* и др., но у самой черточки никакого звукового значения нет.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

СКÓБКИ. Парный знак препинания, употребляющийся для выделения слов, частей предложения или предложений, содержащих вводную информацию, добавочные замечания и пояснения к основной части текста, напр.: *Пети не было дома (он пошел к товарищу, с которым намеревался из ополченцев перейти в действующую армию)* (Л. Толстой); Скобкам свойственны графические варианты: существуют скобки круглые (), прямые / /, угловые < >, квадратные [], фигурные { }.

Лит.: см. «Пунктуация».

СЛогово́й ПРИ́нцип ГРА́фики. Основной принцип русской графики. Заключается в том, что звуковое значение букв на письме определяется не только их соотношением с фонемой, но и сочетанием с соседними знаками (буквами и пробелами). Например, значение русских букв *е, ё, ю, я*

определяется их положением после согласных (ср.: *медь, мёд, люк, пять*), с одной стороны, и положением после гласных, после разделительных знаков и в абсолютном начале слова (ср.: *маяк, судья, объявление, яблоко*), с другой. Согласные перед указанными буквами, а так же перед *Ии* и *Ьь* читаются иначе, чем перед остальными буквами и пробелами. Слоговому принципу графики подчинено большинство современных букв русского алфавита.

Лит.: см. «Принцип графики».

СТРОЧНАЯ БУ́КВА. Буква, используемая для написания всех слов, кроме тех случаев, когда сложившаяся система орфографии и пунктуации требует прописной буквы.

Лит.: см. «Прописная буква».

ТИ́льда (исп. tilde «знак ~ над буквой «п», обозначающий мягкость звука»). По происхождению диакритический знак, используемый в транскрипции в различных значениях, а также в словарях для обозначения слова или его части при повторении (~).

Лит.: см. «Диакритические знаки».

ТИРÉ (фр. tiret от tirer «тянуть»). Знак препинания, применяющийся в простом и сложном предложениях и выполняющий самое большое количество функций среди всех знаков препинания (—). Основные значения — разделительные и выделительные: *Ты целый день в кругу старшин, В пирах, разъездах — я забыта* (Пушкин); *Октябрь уж наступил — уж роца отряхает Последние листья с нагих своих ветвей; Дохнул осенний хлад — дорога промерзает* (Пушкин).

Лит.: см. «Пунктуация».

ТО́ЧКА. Одиночный разделительный знак препинания, отмечающий правую границу повествовательного предложения (.): *Был сентябрь. Ветер сбрасывал с берез мокрые и пахучие листья. От воды тянуло ночной прохладой. Одинокая яркая звезда сверкала над лесами и отражалась в глубине озер* (Паустовский).

Лит.: см. «Пунктуация».

ТО́ЧКА С ЗАПЯТО́Й. Одиночный разделительный знак препинания, служащий для внутреннего членения предложения (;): *Луна сияла; все было тихо; топот моей лошади один раздавался в ночном безмолвии* (Пушкин); *В доме, что напротив, затихла музыка; отворились настежь ворота, и по нашей улице, балуясь, мягко играя бубенчиками, покатила тройка* (Чехов).

Лит.: см. «Пунктуация».

ТРАДИЦИО́ННО-ИСТОРИ́ЧЕСКИЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ. Состоит в сохранении написаний, которые не объяснимы современным произношением и современной морфемной структурой слова. Он восходит к предшествующим орфографическим системам. В современной русской орфографии применяется в тех случаях, когда возможен выбор букв для обозначения фонем в слабой позиции (гиперфонем, архифонем): *собака, сапог, топор, мечта, мираж, лягушка, сарай, каблук, здравствуй* (с<о/а>бака, с<а/о>пог, т<а/о>пор, м<и/е>чта, м<и/е>раж, л<и/е>гушка, с<а/о>рай, к<а/о>блук, <з/с>дравствуй). Кроме того, традиционно-исторический принцип связан с раздельным, слитным и дефисным написанием слов и частей слова, происходящим от сочетания предлога с существительным или прилагательным. К этому случаю

относится, напр., правописание приставок у наречий: *без просыпу, в обтяжку, вслед за тем*. Еще более условны написания, которые не соотносятся с современным фонемным составом слов: *кого, чего, белого* – ко<в>о, че<в>о, бело<в>о и др.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ТРАДИЦИО́ННЫЙ ПРИ́НЦИП ОРФОГРА́ФИИ. То же, что традиционно-исторический принцип орфографии.

ТРАНСПЛАНТА́ЦИЯ (лат. *trānsplantāre* «пересаживать»). Способ заимствования иноязычного слова или выражения при полном сохранении его графического облика. Этот способ особенно распространен при включении слов и выражений из языков с тождественными алфавитами. Трансплантация исключает возможность графического варьирования, но неизбежно возникают произносительные варианты, так как разнятся правила чтения в языке-источнике и языке-реципиенте: *Paris* (Париж) в английском языке читается как [пэ́рис], а во французском как [па́ри].

В русский язык, по сведениям А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, при помощи трансплантации проникали слова и выражения из английского, греческого, испанского, итальянского, латинского, немецкого, польского, португальского, французского языков и санскрита. Иногда эти слова почти сразу же транслитерировались и начинали функционировать как «обычные» заимствованные слова, иногда они функционировали одновременно в латинской и русской графике: *ab ovo* – лат. (букв. «с яйца», с самого начала); *alibi* – лат. (букв. «в другом месте», русск. *алиби* – отсутствие на месте преступления во время его совершения);

allegro — итал. (русск. *аллегро* — музыкальное произведение, исполняемое в быстром темпе); *alliance* — фр. (русск. *альянс* — объединение, соглашение, союз); *bébé* — фр. и *baby* — англ. (в русском молодежном жаргоне *бэби* или *бэйби* — ребенок); *Bedlam* — англ. (букв. «психиатрическая больница Марии Вифлеемской в Лондоне», русск. *бедлам* — большой шум, беспорядок, неразбериха, хаос); *in vino veritas* — лат. («истина в вине»).

Русский язык в течение последних полутора десятилетий активно пополняется с помощью трансплантации из языков с латинским алфавитом (главным образом из английского): *generation next* или, чаще, *поколение Next* (букв. «следующее поколение», новое поколение, коренным образом отличающееся по своим взглядам на жизнь от своих родителей), *IBM-оборудование* (оборудование фирмы IBM (Ай-би-эм). Сюда же относятся названия большинства зарубежных фирм-производителей электробытовой и электронной техники: *LG, Nokia, Phillips, Samsung, Sharp, Sony* и др.

Лит.: Аристова В. М. Англо-русские языковые контакты. Л., 1978; Бабкин А. М., Шендцов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. М.; Л., 1966; Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М., 1985; Кабакчи В. В. Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры): Дисс. ... д-ра филологических наук. Л., 1987; Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967; Тимофеева Г. Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо. Волгоград, 1991.

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. То же, что фонемный принцип орфографии.

ФОНЕМНЫЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. У представителей московской фонологической школы основной принцип русской орфографии. Согласно этому принципу, единообразие в написании морфем, содержащих чередующиеся звуки, отражает единство фонемы, представленной в звучащей речи вариантами фонем. Лучшее морфологическое объясняет написание исторических чередований типа *песок — песчаный, друг — дружный, ворох — ворошить*.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ. Звуковой алфавит, в котором для каждого звука имеется свое графическое изображение. Используется в фонетической и фонематической транскрипции. По мнению М. И. Матусевич, к фонетическому алфавиту должны предъявляться следующие требования: «во-первых, каждый звук должен иметь свой особый знак; во-вторых, каждый знак должен всегда употребляться только в одном смысле, т.е. обозначать всегда лишь один какой-либо звук; в-третьих, система должна быть до некоторой степени аналитичной, т.е. давать возможность обозначать каким-либо одним общим дополнительным знаком целый ряд звуков, обладающих одним общим признаком, например: знак назальности для обозначения носового характера любого гласного или согласного; знак палатализации для обозначения смягчения любого согласного и т.п...; в-четвертых, система должна быть простой и удобной для пользования как для скорописи, так и для печати, т.е. знаки не должны быть особо вычурными». (Матусевич М. И. Введение в общую

фонетику. М., 1959. С. 129–130).

Лит.: Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976; Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ОРФОГРАФИИ. Представлен в русской орфографической системе весьма ограниченно, хотя он является хронологически первым, так как на нем основывалась всякая алфавитная система письма. Противопоставлен основному принципу русской орфографии – морфологическому, потому что фонетический принцип не сохраняет единство морфем и фонем в разных словах, а последовательно отражает звук в перцептивно слабой позиции. Чаще всего это происходит при фонетических чередованиях в морфеме: *бестолковый, бессердечный, безрадостный, безогляд-*

ный; сыграть, разыграть, подыграть – играть; рассказ, россказни, розвальни, розыск, россыть, развал, разыскивать, рассыпать; абстрагировать – абстракция, реагировать – реакция, экстрагировать – экстракт, проскрибировать – проскрипции, транскрибировать – транскрипция. Иногда фонетический принцип понимают несколько иначе, имея в виду написание слов, которые состоят только из фонем в сильной позиции: *дом, сон, там, увял, слон, ком, лом, сразу, том, трон.*

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ФОНЕТИЧЕСКОЕ НАПИСАНИЕ. Написание, основанное на фонетическом принципе орфографии.

Лит.: см. «Принцип орфографии».

ЧЁРТОЧКА. То же, что дефис.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Аббревиатура 500 (1)
 Аббревиатурный 501 (1)
 Аббревиация 501 (1)
 Абброморфема 502 (1)
 Абзац 87 (2)
 Аблаут (Абляут) 12 (1)
 Аблаутная база 12 (1)
 Абсолютное употребление слов 87 (2)
 Абсолютная форма речи 12 (1)
 Абсолютное значение 12 (1)
 Абсолютный 12 (1)
 Абсолютный дательный 365 (2)
 Абстрактное действие 12 (1)
 Абстрактное значение 12 (1)
 Автоматизация языковых средств 12 (1)
 Автоматизированное фразовое ударение 87 (2)
 Автоматизм 12 (1)
 Автономисты 13 (1)
 Автономность лексических значений
 многозначного слова 350 (1)
 Авторегулирование 13 (1)
 Авторизация 88 (2)
 Авторская речь 88 (2)
 Авторские слова 88 (2)
 Автосемантическое (автосемантическое)
 придаточное предложение 88 (2)
 Агглютинативная морфология 13 (1)
 Агглютинативные языки 13 (1)
 Агглютинативный 13 (1)
 Агглютинация 13 (1)
 Агглютинирующие языки 14 (1)
 Агенс 88 (2)
 Агент 89 (2)
 Агентив 89 (2)
 Агентивное дополнение 89 (2)
 Агентивный суффикс 14 (1)
 Агиография 14 (1)
 Агионим 14 (1)
 Агионимика 14 (1)
 Агионимический 14 (1)
 Агионимия 14 (1)
 Агитационный монолог 14 (1)
- Агломерация 14 (1)
 Агогика речи 14 (1)
 Аграмматизм 14 (1)
 Аграфия 14 (1)
 Адаптация 15 (1)
 Адвербиализация 502 (1)
 Адвербиальное словосочетание 89 (2)
 Адверсативные отношения 89 (2)
 Адгерентная экспрессивность 15 (1)
 Аддитивный метод 15 (1)
 Адоптивные формы 15 (1)
 Адресант речи 89 (2)
 Адресат речи 89 (2)
 Адстрат 15 (1)
 Адъективация 503 (1)
 Адъективное словосочетание 89 (2)
 Адъективный оборот 90 (2)
 Азбука 540 (2)
 Азбуковники 365 (2)
 Аканье 366 (2)
 Аканье и его история 366 (2)
 Акатафазия 16 (1)
 Акающий говор 369 (2)
 Акающий диалект 369 (2)
 Аккомодация 246 (1)
 Аккомодированный 246 (1)
 Аккомодированный звук 246 (1)
 Аккомодировать 246 (1)
 Аккузатив 16 (1)
 Аккумуляция 16 (1)
 Акроним 504 (1)
 Акрофоническая перестановка 16 (1)
 Акрофонический принцип 16 (1)
 Акрофоническое письмо 16 (1)
 Акт деривации 504 (1)
 Акт коммуникации 16 (1)
 Акт речи 16 (1)
 Акт словообразования 504 (1)
 Акт словопроизводства 504 (1)
 Актант 90 (2)
 Актантная структура (конфигурация)
 предложения 90 (2)
 Активная валентность 90 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Активная конструкция 91 (2)
 Активная и пассивная лексика 351 (1)
 Активность словообразовательного типа 504 (1)
 Активность словообразовательной модели 504 (1)
 Активный 16 (1)
 Активный оборот 91 (2)
 Актуализатор 16 (1)
 Актуализация 17 (1)
 Актуализация предложения 91 (2)
 Актуальное членение предложения 91 (2)
 Актуально-синтаксический тип 93 (2)
 Актуальный 17 (1)
 Актуальный синтаксис 93 (2)
 Акулалия 17 (1)
 Акузма 17 (1)
 Акустика 246 (1)
 Акустико-артикуляционный процесс 17 (1)
 Акустическая классификация звуков речи 246 (1)
 Акустический 17 (1)
 Акустический аспект звука речи 247 (1)
 Акустический образ 17 (1)
 Акустическое смешение 17 (1)
 Акут 247 (1)
 Акутовый 248 (1)
 Акцент 248 (1)
 Акцентировать 248 (1)
 Акцентный 248 (1)
 Акцентологические нормы 521 (2)
 Акцентологический 248 (1)
 Акцентология 248 (1)
 Акцентуация 249 (1)
 Акциональные значения 667 (1)
 Акционсарт (актионсарт) 667 (1)
 Аллегория 17 (1)
 Аллитерация 249 (1)
 Алло- 18 (1)
 Аллограф 541 (2)
 Аллолексема 18 (1)
 Алломорфы 505 (1)
 Аллоним 18 (1)
 Аллофон (фонемы) 249 (1)
 Алогизм 93 (2)
 Алфавит 541 (2)
 Альвеолы 249 (1)
 Альвеолярные звуки 249 (1)
 Альвеолярный 250 (1)
 Альтернант 250 (1)
 Альтернативный вопрос 94 (2)
 Альтернативный ряд 250 (1)
 Альтернация 505 (1)
 Альтернация звуков 250 (1)
 Амальгамирующие языки 18 (1)
 Американизм 18 (1)
 Аморфно-синтетические языки 18 (1)
 Аморфные слова 18 (1)
 Аморфные языки 18 (1)
 Аморфный 18 (1)
 Амфиболия 94 (2)
 Анаграмма 18 (1)
 Анаколупф 94 (2)
 Анализ 18 (1)
 Анализ слова по составу 506 (1)
 Аналитические языки 19 (1)
 Аналитическое сравнение 19 (1)
 Аналог 19 (1)
 Аналог подлежащего 94 (2)
 Аналог сказуемого 95 (2)
 Аналогисты 19 (1)
 Аналогия 19 (1)
 Анафорический элемент предложения 95 (2)
 Анахронизм 19 (1)
 Англизм 352 (1)
 Андроним 19 (1)
 Анемоним 19 (1)
 Аномалисты 20 (1)
 Аномалия 20 (1)
 Аномальный 20 (1)
 Антецедент 95 (2)
 Антиномия 20 (1)
 Антонимия 352 (1)
 Антропоним 20 (1)
 Антропонимика 25 (1)
 Антропонимический 25 (1)
 Антропонимия 25 (1)
 Антропонимный 25 (1)
 Антропоцентризм 25 (1)
 Антропоцентрическая лингвистика 25 (1)
 Аорист 369 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Аподозис 95 (2)
Апокойну95 (2)
Апокопа 250 (1)
Апостол 369 (2)
Апостроф 542 (2)
Апофония 25 (1)
Аппликативные отношения 96 (2)
Аппозитивная связь 96 (2)
Аппозитивные отношения 97 (2)
Аппозиция 98 (2)
Арго 25 (1)
Арготизмы 25 (1)
Арготический 26 (1)
Ареал 26 (1)
Ареальная лингвистика 26 (1)
Артикль 26 (1)
Артикуляционная база 250 (1)
Артикуляционные органы 250 (1)
Артикуляционный 252 (1)
Артикуляция 252 (1)
Архаизация 26 (1)
Архангельское Евангелие (1092 г.) 370 (2)
Археография 27 (1)
Археонимы 27 (1)
Архетип 27 (1)
Архифонема 253 (1)
Асемантема 506 (1)
Асемантическая связка 98 (2)
Асиндетон 98 (2)
Аспект 667 (1)
Аспектный 667 (1)
Аспектологический 667 (1)
Аспектология 667 (1)
Аспектуальность 674 (1)
Аспектуальные группы глаголов 675 (1)
Аспектуальный 676 (1)
Аспектуальный контекст 676 (1)
Ассимилировать 253 (1)
Ассимилятивное яканье 370 (2)
Ассимилятивный 253 (1)
Ассимиляция 253 (1)
Ассонанс 254 (1)
Ассоциативно-грамматическое согласование 98 (2)
Ассоциативное поле 27 (1)
Ассоциация 27 (1)
Ассоциация языков 27 (1)
Астроним 27 (1)
Астротопоним 28 (1)
Астротопонимика 28 (1)
Астротопонимический 28 (1)
Астротопонимия 28 (1)
Атематические глаголы 370 (2)
Атомистическая лингвистика 28 (1)
Атомистический метод 28 (1)
Атрибут 98 (2)
Атрибутивно-выделительные отношения 98 (2)
Атрибутивное значение 99 (2)
Атрибутивное придаточное предложение 99 (2)
Атрибутивно-распространительные отношения 99 (2)
Атрибутивные (определительные) отношения 99 (2)
Афазия 28 (1)
Афоризм 355 (1)
Афористика 355 (1)
Афористикон 29 (1)
Аффикс 506 (1)
Аффиксальная модель 507 (1)
Аффиксальное слово 507 (1)
Аффиксация 507 (1)
Аффиксирующие языки 29 (1)
Аффиксоиды 507 (1)
Аффриката 254 (1)
Ахронический 29 (1)
Ахрония 29 (1)
База 29 (1)
База словообразования, словопроизводства 508 (1)
Базема 508 (1)
Базисная пропозиция 100 (2)
Базовая основа 509 (1)
Базовое слово, словосочетание 509 (1)
Беглые гласные 370 (2)
Безаффиксное слово 509 (1)
Безглагольное предложение 100 (2)
Безличное предложение 100 (2)
Безличное предложение глагольного строя 101 (2)
Безлично-инфинитивное (функциональное) предложение 101 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Безличные глаголы 676 (1)
 Берестяные грамоты 370 (2)
 Бесподлежащее предложение 102 (2)
 Бесподлежащно-сказуемое предложение 103 (2)
 Беспредложное (непосредственное) управление 103 (2)
 Беспрефиксное слово 509 (1)
 Бессказуемое предложение 103 (2)
 Бессказуемо-подлежащее предложение 103 (2)
 Бессоюзе 103 (2)
 Бессоюзная связь 103 (2)
 Бессоюзное сложное предложение 103 (2)
 Бессоюзное сложное предложение закрытой структуры 105 (2)
 Бессоюзное сложное предложение неоднородного состава 105 (2)
 Бессоюзное сложное предложение однородного состава 106 (2)
 Бессоюзное сложное предложение открытой структуры 106 (2)
 Бессоюзное сложное предложение прерывистой структуры 106 (2)
 Бессоюзное сложное предложение с дифференцированными отношениями 106 (2)
 Бессоюзное сложное предложение с недифференцированными отношениями 106 (2)
 Бессоюзные соединения предложений 107 (2)
 Бессубъектное предложение 107 (2)
 Бессуффиксное слово 509 (1)
 Бесформенные слова 29 (1)
 Бесформенные языки 29 (1)
 Бесформенный 29 (1)
 Библиизм 356 (1)
 Билингвизм 29 (1)
 Биморфема 509 (1)
 Бинарное словосочетание 107 (2)
 Бинарность 30 (1)
 Бинарный 30 (1)
 Бинарный принцип 30 (1)
 Биоллингвистика 30 (1)
 Бифонема 255 (1)
 Бифонемность 255 (1)
 Бифонемный 255 (1)
 Бифункциональное придаточное 107 (2)
 Бихевиорема 30 (1)
 Бихевиористическая лингвистика 30 (1)
 Бичламар 30 (1)
 Блат 30 (1)
 Блатная музыка 30 (1)
 Блатной 30 (1)
 Блатной язык 30 (1)
 Боковые согласные 255 (1)
 Большая буква 542 (2)
 Бронхи 255 (1)
 Буква 542 (2)
 Буквальный перевод 30 (1)
 Буквосочетательный принцип графики 543 (2)
 Бустрофедон 30 (1)
 Бытийное предложение 107 (2)
 Бытийные глаголы 108 (2)
 Бытийный компонент сказуемого 108 (2)
 Валентностный синтаксис 108 (2)
 Валентность 108 (2)
 Варваризм 31 (1)
 Вариант 31 (1)
 Вариант слова 356 (1)
 Вариант фонемы 255 (1)
 Вариантная форма 31 (1)
 Вариантность 31 (1)
 Вариантный 256 (1)
 Варианты видовых форм глагола 677 (1)
 Варианты морфемы 509 (1)
 Варианты падежных окончаний существительных 679 (1)
 Вариативная подчинительная связь 109 (2)
 Вариативное управление 109 (2)
 Вариация фонемы 256 (1)
 Вария 543 (2)
 Варьирование 31 (1)
 Варьирование корней 510 (1)
 Варьирование окончаний 510 (1)
 Варьирование основ 510 (1)
 Варьирование префиксов 510 (1)
 Варьирование суффиксов 510 (1)
 Вводные предложения 110 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Вводные слова 110 (2)
Вводные сочетания слов 110 (2)
Вводные элементы 110 (2)
Веляризация 256 (1)
Веляризованный 256 (1)
Веляризованный согласный 256 (1)
Велярные согласные 256 (1)
Вербальное мышление 31 (1)
Вербоцентрическая теория предложения 111 (2)
Верификативный вопрос 111 (2)
Вершина (исходное слово) словообразовательного гнезда 510 (1)
Ветвь языков 32 (1)
Вещественная связка 111 (2)
Вещественное значение 32 (1)
Вещественный 32 (1)
Вещественный компонент сказуемого 112 (2)
Взаимная мотивация 511 (1)
Взаимное подчинение 112 (2)
Взаимосвязь лексико-грамматических разрядов существительных 680 (1)
Взрыв 257 (1)
Взрывной 257 (1)
Взрывные согласные 257 (1)
Вибрант 257 (1)
Видовой контекст 681 (1)
Видовые основы 685 (1)
Видовые пары 685 (1)
Видовые тройки 693 (1)
Видовые формы глагола и их употребление 694 (1)
Видовые цепочки 696 (1)
Виды (способы) подчинительной связи в словосочетании 112 (2)
Виды деривации 513 (1)
Винительный падеж 697 (1)
Включение 543 (2)
Включение моделей предложения 112 (2)
Внелингвистический 32 (1)
Внелитературный 32 (1)
Внесение 113 (2)
Внешнесинтаксическая модальность 113 (2)
Внешний 32 (1)
Внешняя валентность 113 (2)
Внешняя лингвистика 32 (1)
Внешняя речь 33 (1)
Внеязыковая категория 33 (1)
Внеязыковой 33 (1)
Внутренний 33 (1)
Внутренний диалог 33 (1)
Внутренняя валентность 113 (2)
Внутренняя лингвистика 33 (1)
Внутренняя речь 33 (1)
Внутренняя форма слова 35 (1)
Внутренняя языковая форма 35 (1)
Внутриглагольное словообразование 514 (1)
Внутрисинтаксическая модальность 113 (2)
Внутрифлективный 35 (1)
Внутриэтническое общение 35 (1)
Внутриязыковая связь 35 (1)
Внушающий монолог 35 (1)
Возвратные глаголы 697 (1)
Возвратный залог 697 (1)
Вокабула 356 (1)
Вокабулярий 356 (1)
Вокализм 257 (1)
Вокалический 257 (1)
Вокалический язык 257 (1)
Вокальность звука 257 (1)
Вокальный звук 257 (1)
Вокативное предложение 113 (2)
Вольность 35 (1)
Вольный перевод 36 (1)
Волюнтаривная функция высказывания 113 (2)
Воляпюк 36 (1)
Вопрос 113 (2)
Вопрос о категории состояния в русской лингвистике 697 (1)
Вопрос о модальных словах в русской лингвистике 698 (1)
Вопросительная (интеррогативная) функция высказывания 113 (2)
Вопросительное предложение 114 (2)
Вопросительно-относительное подчинение 115 (2)
Вопросительно-отрицательное предложение 116 (2)
Вопросительно-побудительное предложение 116 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Вопросительно-повествовательное предложение 116 (2)
- Вопросительно-риторическое предложение 116 (2)
- Вопросительно-утвердительное предложение 116 (2)
- Вопросительный знак 543 (2)
- Восклицание 116 (2)
- Восклицательное предложение 116 (2)
- Восклицательный знак 543 (2)
- Восполняющие (комплетивные) отношения 116 (2)
- Воспроизведение 36 (1)
- Воспроизводимость 36 (1)
- Восстановление 36 (1)
- Восточнославянская лексика 356 (1)
- Временное значение 117 (2)
- Временное придаточное предложение 117 (2)
- Временные (темпоральные) отношения 117 (2)
- Временные значения глагола 699 (1)
- Временные значения деепричастий 704 (1)
- Всемирный язык 36 (1)
- Всеобщая грамматика 36 (1)
- Всеобщий язык 36 (1)
- Вспомогательные глаголы 117 (2)
- Вспомогательный 36 (1)
- Вспомогательный код 37 (1)
- Вспомогательный язык 37 (1)
- Вставка 118 (2)
- Вставная конструкция 118 (2)
- Вставные элементы 118 (2)
- Вставочная конструкция 118 (2)
- Вставочность 119 (2)
- Вставочные элементы 118 (2)
- Вставочный способ словообразования 514 (1)
- Вторая палатализация 371 (2)
- Вторичная синтаксическая функция 119 (2)
- Вторичное значение 37 (1)
- Вторичное слово 515 (1)
- Вторичное табу 37 (1)
- Вторичность слова 515 (1)
- Вторичный аблаут 37 (1)
- Второе сказуемое 119 (2)
- Второе смягчение 371 (2)
- Второстепенное сказуемое 119 (2)
- Второстепенные члены предложения 120 (2)
- Вторые косвенные падежи 120 (2)
- Вульгаризм 358 (1)
- Выводимое слово 515 (1)
- Выводимость слова 515 (1)
- Выделение 37 (1)
- Выдержка 258 (1)
- Вымирающие языки 37 (1)
- Выпадение звуков 258 (1)
- Высказывание 120 (2)
- Высота звука 258 (1)
- Вязь 371 (2)
- Галлицизм 358 (1)
- ГаплогRAFия 543 (2)
- Гаплоглогия 258 (1)
- Гармония гласных 258 (1)
- Гебраизм 37 (1)
- Гебраистика 37 (1)
- Гелоним 38 (1)
- Генеалогическая классификация языков 38 (1)
- Генеалогическая теория 40 (1)
- Генеалогическое древо 40 (1)
- Генетическая классификация языков 40 (1)
- Генетическая связь языков 40 (1)
- Генетическое отношение 40 (1)
- Генитив 704 (1)
- Генитивное предложение 122 (2)
- Географический метод 40 (1)
- Германизм 40 (1)
- Германистика 41 (1)
- Герменевтика 41 (1)
- Гетеронимия 41 (1)
- Гетерофемия 41 (1)
- Гибкие структуры 122 (2)
- Гибрид 41 (1)
- Гибридизация 41 (1)
- Гибридное слово 41 (1)
- Гибридный 41 (1)
- Гибридный язык 41 (1)
- Гидроним 41 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Гидронимика 41 (1)
Гидронимический 42 (1)
Гидронимия 42 (1)
Гипербола 358 (1)
Гипероним 42 (1)
Гиперурбанизм 42 (1)
Гиперфонема 258 (1)
Гипоним 42 (1)
Гипонимия 42 (1)
Гипотаксис 122 (2)
Главная часть сложноподчиненного предложения 122 (2)
Главное предложение 122 (2)
Главное слово словосочетания 122 (2)
Главные члены предложения 122 (2)
Главный компонент словосочетания 123 (2)
Главный член односоставного предложения 123 (2)
Главный член словосочетания 124 (2)
Глагол 704 (1)
Глагол-связка 124 (2)
Глаголица 371 (2)
Глаголы движения 706 (1)
Глаголы, не имеющие залоговых значений 706 (1)
Глаголы, непарные по виду 707 (1)
Глаголы, парные по виду 707 (1)
Глаголы перемещения 707 (1)
Глагольное имя 515 (1)
Глагольное предложение 124 (2)
Глагольное сказуемое 124 (2)
Глагольное словосочетание 124 (2)
Глагольное составное сказуемое 124 (2)
Глагольное управление 124 (2)
Глагольность 124 (2)
Глагольный язык 42 (1)
Гласная морфонема 515 (1)
Гласные звуки 258 (1)
Глосса 42 (1)
Глоссарий 43 (1)
Глоссема 43 (1)
Глоссематика 43 (1)
Глоссолалия 43 (1)
Глотка 260 (1)
Глоточный 260 (1)
Глоттогонический 43 (1)
Глоттогония 43 (1)
Глоттология 43 (1)
Глоттохронология 43 (1)
Глухие согласные (звуки) 260 (1)
Гнездо 515 (1)
Гнездо без вершины 515 (1)
Гнездо родственных слов 515 (1)
Говор 373 (2)
Говорение 43 (1)
Голос 260 (1)
Голосовой 261 (1)
Голосовые связки 261 (1)
Голофрасис 43 (1)
Голофрастические языки 43 (1)
Гомилетика 44 (1)
Гортанный 261 (1)
Гортань 261 (1)
Господствующее слово словосочетания 124 (2)
Господствующий компонент словосочетания 124 (2)
Государственный язык 44 (1)
Гравис 261 (1)
Градационная связь 124 (2)
Градационные отношения 124 (2)
Гражданица 543 (2)
Грамматика 708 (1)
Грамматикализация 713 (1)
Грамматикализация глагольных префиксов 713 (1)
Грамматическая абстракция 716 (1)
Грамматическая валентность 124 (2)
Грамматическая категория 716 (1)
Грамматическая основа предложения 124 (2)
Грамматическая форма 718 (1)
Грамматически нечленимые предложения 124 (2)
Грамматически членимые предложения 125 (2)
Грамматические (словоизменяемые) суффиксы 515 (1)
Грамматические единицы 719 (1)
Грамматические значения слов 719 (1)
Грамматические особенности категории состояния 722 (1)
Грамматический 725 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Грамматический анализ 725 (1)
 Грамматический предикат 124 (2)
 Грамматический субъект 124 (2)
 Грамматический центр предложения 125 (2)
 Грамматическое подлежащее 125 (2)
 Грамматическое сказуемое 126 (2)
 Грамматическое согласование 125 (2)
 Грамматическое членение предложения 126 (2)
 Грамматическое ядро предложения 126 (2)
 Граммема 725 (1)
 Грамоты 373 (2)
 Граница 44 (1)
 Граф 543 (2)
 Графема 543 (2)
 Графемика 544 (2)
 Графика 544 (2)
 Графическая диссимилиация 545 (2)
 Графический 545 (2)
 Графический анализ 545 (2)
 Графический вариант 546 (2)
 Графическое сокращение 546 (2)
 Граффити 374 (2)
 Грецизм 358 (1)
 Громкость (звука) 261 (1)
 Грудная клетка 261 (1)
 Группа 44 (1)
 Группа подлежащего 126 (2)
 Группа сказуемого 126 (2)
 Губной 262 (1)
 Губные согласные 262 (1)
 Губы 262 (1)
- Данное 126 (2)
 Дательный падеж 726 (1)
 Дательный самоотягательный 375 (2)
 Датив 726 (1)
 Двоеточие 547 (2)
 Двойная рематизация 126 (2)
 Двойная связь 126 (2)
 Двойная тематическая детерминация 126 (2)
 Двойное отрицание 127 (2)
 Двойное сказуемое 127 (2)
 Двойное управление 127 (2)
- Двойной вопрос 127 (2)
 Двойственное число 376 (2)
 Двойственность мотивации 515 (1)
 Двувидовые глаголы 726 (1)
 Двугласный звук 262 (1)
 Двукомпонентное предложение 127 (2)
 Двумотивированное слово 515 (1)
 Двумотивированность 516 (1)
 Двусоставное активно-процессное предложение 128 (2)
 Двусоставное измерительно-предметное предложение 130 (2)
 Двусоставное количественное предложение 130 (2)
 Двусоставное отождествительно-предметное предложение 131 (2)
 Двусоставное пассивно-процессное предложение 133 (2)
 Двусоставное предложение 135 (2)
 Двусоставное предметное предложение 135 (2)
 Двусоставное признаковое предложение 136 (2)
 Двусоставное процессное предложение 139 (2)
 Двусоставное реляционно-предметное предложение 139 (2)
 Двусоставность/односоставность 141 (2)
 Двустороннее двуязычие 44 (1)
 Двуструктурное слово 516 (1)
 Двуструктурность слова 516 (1)
 Двухфокусный согласный 262 (1)
 Двучленное сказуемое 142 (2)
 Двучленное словосочетание 142 (2)
 Двучленное сложноподчиненное предложение 142 (2)
 Двуязычие 44 (1)
 Деадъектив 516 (1)
 Дебитивное предложение 142 (2)
 Девербатив 516 (1)
 Деграация 45 (1)
 Деепричастие 730 (1)
 Деепричастная конструкция 142 (2)
 Деепричастный оборот 142 (2)
 Дезавтоматизированное фразовое ударение 143 (2)
 Действительная конструкция 143 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Действователь 143 (2)
Действующее лицо 143 (2)
Декларативное предложение 143 (2)
Делимитативная функция знаков препинания 547 (2)
Деминутив 45 (1)
Демоним 45 (1)
Денотат 45 (1)
Денотат предложения 144 (2)
Дентальные согласные 262 (1)
Депрефиксальное слово 516 (1)
Депрефиксация 516 (1)
Деривант 516 (1)
Дериват 516 (1)
Дериватема 516 (1)
Дериватив 516 (1)
Деривативная модель 517 (1)
Деривативная пара 517 (1)
Деривативная семантика производного слова 517 (1)
Деривативное значение производного слова 517 (1)
Деривативное значение суффикса 517 (1)
Деривативные отношения однокоренных слов 517 (1)
Деривативный акт 517 (1)
Деривативный тип 517 (1)
Дериватология 517 (1)
Дериватор 517 (1)
Дериваты фразеологизмов 359 (1)
Деривационная единица 518 (1)
Деривационная история (производного слова) 518 (1)
Деривационная модель 518 (1)
Деривационная морфология 518 (1)
Деривационная производность (слова) 519 (1)
Деривационная семантика (производного слова) 519 (1)
Деривационная система (языка) 519 (1)
Деривационная структура слова 519 (1)
Деривационная ступень 519 (1)
Деривационная цепочка 519 (1)
Деривационное значение 45 (1)
Деривационное средство 519 (1)
Деривационные отношения между однокоренными словами 519 (1)
Деривационные связи однокоренных слов 519 (1)
Деривационный квадрат 519 (1)
Деривационный образец 519 (1)
Деривационный тип 519 (1)
Деривационный уровень языка 519 (1)
Деривационный шаг 519 (1)
Деривация 519 (1)
Десемантизация 46 (1)
Десемантизированная связка 144 (2)
Десемантизированный 46 (1)
Десигнат 46 (1)
Дескриптивная грамматика 46 (1)
Дескриптивная лингвистика 46 (1)
Дескриптивный метод 46 (1)
Десна 262 (1)
Десубстантив 519 (1)
Детерминанты 144 (2)
Детерминатив 520 (1)
Детопонимизация 46 (1)
Дефиниция 359 (1)
Дефис 547 (2)
Деэтимологизация 46 (1)
Деятель 146 (2)
Дзеканье 376 (2)
Диакритика 548 (2)
Диакритический знак 548 (2)
Диалект 47 (1)
Диалектизм 360 (1)
Диалектная изоглосса 376 (2)
Диалектная лексика 360 (1)
Диалектологическая карта 376 (2)
Диалектологический атлас 376 (2)
Диалектология 376 (2)
Диалог 47 (1)
Диалогизм 47 (1)
Диалогическая речь 146 (2)
Диалогический 47 (1)
Диалогическое единство 146 (2)
Диапазон 47 (1)
Диахроническая (историческая) морфонология 520 (1)
Диахроническая грамматика 48 (1)
Диахроническая лингвистика 48 (1)
Диахронический 48 (1)
Диахроническое (диахронное) словообразование 520 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Диахрония 48 (1)
 Дивергентный 48 (1)
 Дивергенция 48 (1)
 Диграмма 548 (2)
 Диграф 548 (2)
 Дизъюнктивные отношения 147 (2)
 Дизъюнктивный вопрос 147 (2)
 Дизъюнкция 147 (2)
 Диктальный вопрос 147 (2)
 Диктум 147 (2)
 Динамика 48 (1)
 Динамическая лингвистика 48 (1)
 Динамический синтаксис 147 (2)
 Дисемия 49 (1)
 Дискурс 148 (2)
 Диссимилятивное аканье 377 (2)
 Диссимилятивное яканье 377 (2)
 Диссимиляция 262 (1)
 Дистантный порядок слов 148 (2)
 Дистинктивный 49 (1)
 Дистрибутивное значение 148 (2)
 Дистрибутивный 49 (1)
 Дистрибутивный синтаксис 148 (2)
 Дистрибуция 49 (1)
 Дистрибуция звука (варианта фонемы) 263 (1)
 Дифтонг 263 (1)
 Дифференциальные признаки фонемы 264 (1)
 Дифференциальный 49 (1)
 Дифференциальный модус 49 (1)
 Дифференциальный принцип орфографии 548 (2)
 Дифференциационный значок 549 (2)
 Дифференциация 49 (1)
 Дифференцирующий принцип орфографии 549 (2)
 Дихотомический 49 (1)
 Дихотомический принцип 49 (1)
 Дихотомия 49 (1)
 Диэреза 264 (1)
 Диэрема 264 (1)
 Длительно-временное значение 148 (2)
 Длительно-временное обстоятельство 148 (2)
 Длительно-временное придаточное предложение 149 (2)
 Длительность звука 264 (1)
 Дограмматический 49 (1)
 Доисторическое развитие 49 (1)
 Долгий согласный 265 (1)
 Долгота звука 265 (1)
 Дополнение 149 (2)
 Дополнительная дистрибуция 49 (1)
 Дополнительное придаточное предложение 150 (2)
 Дополнительный 50 (1)
 Дополняющие обстоятельства 150 (2)
 Дословный перевод 50 (1)
 Драматический монолог 50 (1)
 Древнерусская письменность 377 (2)
 Древнерусские гласные в начале слова 377 (2)
 Древнерусский язык 378 (2)
 Дрожание согласные 265 (1)
 Дублет 50 (1)
 Дуплексив 150 (2)
 Дух языка 50 (1)
 Дыхательное горло 265 (1)
 Дыхательный аппарат 265 (1)
 Дыхательный орган 265 (1)
 Единица 50 (1)
 Единицы системы словообразования 521 (1)
 Единицы словаря 361 (1)
 Единичные существительные 732 (1)
 Единичный корень 522 (1)
 Единственность мотивации 523 (1)
 Единство 51 (1)
 Единство морфемы 523 (1)
 Еканье 381 (2)
 Ёканье 381 (2)
 Естественно-историческое направление 51 (1)
 Естественный язык 51 (1)
 Жаргон 51 (1)
 Жаргонизм 51 (1)
 Жаргонная лексика 362 (1)
 Жаргонный 51 (1)
 Женевская лингвистическая школа 52 (1)
 Женское отчество 59 (1)
 Жесты 59 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Живой 59 (1)
Живой язык 59 (1)
- Зависимое предложение 150 (2)
Зависимое слово словосочетания 150 (2)
Зависимый инфинитив 150 (2)
Зависимый компонент словосочетания 150 (2)
Зависимый член словосочетания 151 (2)
Заглавная буква 549 (2)
Заглавное (заголовочное) слово 363 (1)
Задненёбные согласные 266 (1)
Заднеязычные согласные 266 (1)
Заимствование 59 (1)
Заимствованные слова 363 (1)
Закон аналогии 59 (1)
Закон восходящей звучности 266 (1)
Закон знака 59 (1)
Закон открытого слога 381 (2)
Закон сокращения 59 (1)
Закон экономии сил 59 (1)
Законченное словосочетание 151 (2)
Закрытые структуры 151 (2)
Закрытый корень 523 (1)
Закрытый слог 266 (1)
Залоговость 732 (1)
Залоговые корреляции причастий 733 (1)
Замена 60 (1)
Замещение 60 (1)
Замещённая прямая речь 151 (2)
Запрет 60 (1)
Запятая 549 (2)
Затвор 266 (1)
Звательная форма 735 (1)
Звено словообразовательной цепи (цепочки) 523 (1)
Звонкие согласные (звуки) 266 (1)
Звуки речи 267 (1)
Звуковой 270 (1)
Звуковой (фонетический) закон 270 (1)
Звуковой символизм 271 (1)
Звуковой строй (состав) языка 272 (1)
Звуковой тип 272 (1)
Звуковой язык 60 (1)
Звукопись 272 (1)
Звукоподражание 60 (1)
Звукоподражания 735 (1)
- Звукоподражательная теория происхождения языка 60 (1)
Звукоподражательный 60 (1)
Звучность (звука речи) 272 (1)
Зев 272 (1)
Зевгма 152 (2)
Зевный 273 (1)
Зияние 273 (1)
Знак 60 (1)
Знак переноса 549 (2)
Знаки препинания 549 (2)
Знаковый 60 (1)
Знаменательная связка 152 (2)
Значение 60 (1)
Значение и синтаксическая позиция слова 367 (1)
Значение и употребление слов 369 (1)
Значение предложения 152 (2)
Значение слова и мотивировка наименования 372 (1)
Значение словосочетания 152 (2)
Зооним 61 (1)
Зоонимика 62 (1)
Зоонимикон 62 (1)
Зоонимический 62 (1)
Зоонимия 62 (1)
Зубной 273 (1)
Зубные согласные 273 (1)
Зубы 273 (1)
- Идентификация морфем (морфа) 523 (1)
Идентифицирующий деривационный шаг 523 (1)
Идеограмма 62 (1)
Идеографический знак 63 (1)
Идеографическое письмо 63 (1)
Идеография 63 (1)
Идиодиахрония 63 (1)
Идиолект 63 (1)
Идиома (идиом) 373 (1)
Идиоматизм 374 (1)
Идиосинхрония 63 (1)
Идиохрония 63 (1)
Идо 63 (1)
Иерархический ранг 63 (1)
Иерархия 63 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Иерархия семантических компонентов и категориальное значение в слове 374 (1)
- Иероглиф 64 (1)
- Иероглифическое письмо 64 (1)
- Изафет 64 (1)
- Изменение 64 (1)
- Изменение звуков в потоке речи 273 (1)
- Изменение стилистических характеристик слова 374 (1)
- Изогlossa 64 (1)
- Изолирующие языки 64 (1)
- Изолирующий метод 65 (1)
- Изречение 376 (1)
- Изъяснительное значение 153 (2)
- Изъяснительное придаточное предложение 153 (2)
- Изъяснительно-объектное придаточное предложение 155 (2)
- Изъяснительно-относительное сложноподчиненное предложение 155 (2)
- Изъяснительно-союзное сложноподчиненное предложение 156 (2)
- Изъяснительные отношения 153 (2)
- Иканье 381 (2)
- Иллокутивная сила 156 (2)
- Иллокутивный акт 156 (2)
- Именительный падеж 737 (1)
- Именительный представления 156 (2)
- Именительный темы 156 (2)
- Именная часть сказуемого 156 (2)
- Именное словосочетание 156 (2)
- Именное управление 157 (2)
- Именованье 65 (1)
- Имманентный метод 65 (1)
- Императив 737 (1)
- Императивное предложение 157 (2)
- Имперфект 381 (2)
- Имперфективизация 737 (1)
- Имперфективизация 738 (1)
- Имперфективный 738 (1)
- Имплицатура 157 (2)
- Импликация 157 (2)
- Имплицитная актуализация 65 (1)
- Имплицитная номинация 157 (2)
- Имплицитный 65 (1)
- Имплицитный актуализатор 65 (1)
- Имплозивные звуки 273 (1)
- Имплозивный 274 (1)
- Имплозия 274 (1)
- Имя действия 524 (1)
- Имя деятеля (действования) 524 (1)
- Имя качества (имя свойства) 524 (1)
- Имя прилагательное 738 (1)
- Имя существительное 740 (1)
- Имя числительное 740 (1)
- Инвариант 65 (1)
- Инвариант фонемы 274 (1)
- Инвариантный 65 (1)
- Инверсионный язык 65 (1)
- Инверсированный порядок слов 159 (2)
- Инверсия 159 (2)
- Индивидуальное двуязычие 65 (1)
- Индивидуальный язык 65 (1)
- Индикатив 741 (1)
- Индоевропеистика 65 (1)
- Индоевропейская прародина 66 (1)
- Индоевропейская семья языков 66 (1)
- Индоевропейские звуки 66 (1)
- Индоевропейские языки 66 (1)
- Индоевропейский 66 (1)
- Индоевропейский аблаут 66 (1)
- Индоевропейский праязык 66 (1)
- Индоевропейский язык-основа 66 (1)
- Индоевропейское языкознание 66 (1)
- Инкапсуляция 66 (1)
- Инкорпорация 66 (1)
- Инкорпорирование 66 (1)
- Инкорпорирующие языки 66 (1)
- Инновация 67 (1)
- Иносказание 67 (1)
- Иностранное слово 67 (1)
- Иноязычное вкрапление 550 (2)
- Иноязычное слово 67 (1)
- Иноязычный 67 (1)
- Инструментальный объект 159 (2)
- Интегральные признаки фонемы 274 (1)
- Интегральный метод 67 (1)
- Интеграция 67 (1)
- Интеграция основы 524 (1)
- Интегрирование основы, морфем 524 (1)
- Интегрирующая функция языка 67 (1)
- Интенсивность речи 274 (1)
- Интенция говорящего 159 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Интерактивные знания 159 (2)
 Интердиалект 68 (1)
 Интерлингва 68 (1)
 Интерлингвистика 68 (1)
 Интерлингвистический перевод 68 (1)
 Интернационализм 376 (1)
 Интернациональные слова 68 (1)
 Интерпозиция 159 (2)
 Интерпункция 550 (2)
 Интерферема 69 (1)
 Интерференция 70 (1)
 Интерфикс 524 (1)
 Интерфиксальная модель 526 (1)
 Интерфиксальные модели производных слов 526 (1)
 Интерфиксация 526 (1)
 Интеръективация 526 (1)
 Интонационная единица 275 (1)
 Интонационная конструкция 275 (1)
 Интонационный 276 (1)
 Интонация 276 (1)
 Интонема 277 (1)
 Интонирование 277 (1)
 Интонология 277 (1)
 Интралингвистика 70 (1)
 Интралингвистический перевод 70 (1)
 Инфикс 527 (1)
 Инфиксация 527 (1)
 Инфинитив 741 (1)
 Инфинитив темы 163 (2)
 Инфинитивное (дебитивное) предложение 160 (2)
 Информант 71 (1)
 Информационная оптимализация сообщения 71 (1)
 Информационный 71 (1)
 Информационный язык 71 (1)
 Информация 71 (1)
 Иппоним 71 (1)
 Исключение 71 (1)
 Исконно русская лексика 378 (1)
 Искусственный язык 72 (1)
 Историко-сравнительный 73 (1)
 Историоним 73 (1)
 Историческая лингвистика 73 (1)
 Исторический 73 (1)
 Исторический принцип орфографии 550 (2)
 Исторический синтаксис 163 (2)
 Историческое словообразование 527 (1)
 История будущего времени 382 (2)
 История заднеязычных [г], [к], [х] 383 (2)
 История имени прилагательного 385 (2)
 История имени существительного 389 (2)
 История имени числительного 396 (2)
 История инфинитива 401 (2)
 История категории вида 403 (2)
 История категории залога 405 (2)
 История категории наклонения 406 (2)
 История категории одушевлённости 409 (2)
 История личного местоимения 3-го лица 410 (2)
 История местоимений 410 (2)
 История настоящего времени 417 (2)
 История носовых гласных 420 (2)
 История общеславянских сочетаний *og, *ol в начале слова 422 (2)
 История перехода [е] в [’о] 423 (2)
 История полногласных сочетаний 425 (2)
 История причастия 428 (2)
 История прошедшего времени 433 (2)
 История редуцированных гласных [ъ] и [ь] 440 (2)
 История редуцированных гласных [ъ] и [ь] в сочетании с плавными [р] и [л] 442 (2)
 История редуцированных гласных [ы] и [и] 444 (2)
 История русского литературного языка 445 (2)
 История русской графики и орфографии 550 (2)
 История соотношения согласных по твердости-мягкости 456 (2)
 История сочетания согласных звуков с j 458 (2)
 История супина 462 (2)
 История форм сравнительной степени прилагательного 463 (2)
 История шипящих, аффрикат [ц], [ч] 464 (2)
 Источник звука речи 277 (1)
 Источники русской фразеологии 380 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Исходное звено словообразовательной цепи (цепочки) 527 (1)	Квазикорень 527 (1)
Йот 277 (1)	Квазиморфема 527 (1)
Йотация 277 (1)	Квазисуффикс 528 (1)
Кавычки 558 (2)	Квазитеоним 79 (1)
Казанская лингвистическая школа 73 (1)	Квантитативный анализ языка 79 (1)
Какология 79 (1)	Кенема 79 (1)
Какофонический 277 (1)	Кенематика 79 (1)
Какофония 277 (1)	Кеннинг 80 (1)
Каламбур 383 (1)	Кинема 278 (1)
Калькирование 383 (1)	Кинемика 80 (1)
Канцеляризм 384 (1)	Кинесика 80 (1)
Катализ 163 (2)	Кинестезии 278 (1)
Категория актуальности/потенциальности 163 (2)	Кинетическая речь 80 (1)
Категория афfirmативности/негативности 164 (2)	Кинетический язык 80 (1)
Категория вида 741 (1)	Киноним 80 (1)
Категория времени 744 (1)	Кирилл и Мефодий 465 (2)
Категория залога 746 (1)	Кириллица 469 (2)
Категория интегральности/фазисности 164 (2)	Классификатор 528 (1)
Категория коммуникативной перспективы 164 (2)	Классификация слов в лексикологии 384 (1)
Категория лица 750 (1)	Классификация фразеологических единиц 386 (1)
Категория модального качества 164 (2)	Классовый диалект 80 (1)
Категория наклонения 753 (1)	Классовый жаргон 80 (1)
Категория падежа существительных 754 (1)	Клитика 278 (1)
Категория рода существительных 758 (1)	Клише 388 (1)
Категория предикативности 165 (2)	Ключевое слово 389 (1)
Категория состояния 762 (1)	Коартикуляция 278 (1)
Категория утверждения/отрицания (афfirmативности/негативности) 165 (2)	Когнитивная лингвистика 80 (1)
Категория целевого назначения 165 (2)	Койне 85 (1)
Категория числа существительных 765 (1)	Количественно-временное значение 166 (2)
Каузальное значение 166 (2)	Количественно-временное придаточное предложение 166 (2)
Каузальные отношения 166 (2)	Количественное значение 166 (2)
Каузативные глаголы 767 (1)	Количественно-именное словосочетание 166 (2)
Каузация 166 (2)	Количественные отношения 166 (2)
Качественные прилагательные 769 (1)	Количественный анализ языка 85 (1)
Квазиаффикс 527 (1)	Коллигация 85 (1)
Квазивопросительное предложение 166 (2)	Коллокация 86 (1)
	Коллоквиализм 86 (1)
	Комбинаторика 86 (1)
	Комбинаторные изменения (чередования) звуков 278 (1)
	Комбинаторный 86 (1)
	Комбинированное словосочетание 167 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Комбинированный тип двуязычия 86 (1)
Коммуниканты 167 (2)
Коммуникативная интенция 167 (2)
Коммуникативная парадигма предложения 167 (2)
Коммуникативная перспектива предложения 168 (2)
Коммуникативная функция высказывания 168 (2)
Коммуникативная функция языка 86 (1)
Коммуникативно-нерасчлененное предложение 168 (2)
Коммуникативно-синтаксический аспект предложения 168 (2)
Коммуникативный 86 (1)
Коммуникативный синтаксис 168 (2)
Коммуникация 86 (1)
Коммутация 86 (1)
Компаративистика 87 (1)
Компаративная лингвистика 87 (1)
Компаративное предложение 168 (2)
Компаративное словосочетание 169 (2)
Компаративный метод 87 (1)
Комплексная единица системы словообразования 528 (1)
Комплементативный вопрос 169 (2)
Комплетивные отношения 169 (2)
Композит (компози́та) 529 (1)
Композитология 529 (1)
Композиция 529 (1)
Компонент 87 (1)
Компонент словосочетания 169 (2)
Компонентный анализ 87 (1)
Компонентный состав фразеологизмов и их варьирование 389 (1)
Компоненты предикативной основы предложения 169 (2)
Компоненты производного слова 529 (1)
Конвергентный 87 (1)
Конвергенты 87 (1)
Конвергенция 87 (1)
Конверсивы 391 (1)
Конверсия 530 (1)
Конверсия высказывания 170 (2)
Конденсация 170 (2)
Конечное звено словообразовательной цепи (цепочки) 530 (1)
Конкатенация 87 (1)
Конкретные и отвлеченные (абстрактные) существительные 771 (1)
Конкуренция видов 771 (1)
Коннекторы 170 (2)
Коннотация 391 (1)
Консервативный принцип орфографии 558 (2)
Конситуативное неполное предложение 170 (2)
Консолидирующая функция языка 87 (1)
Консонант 278 (1)
Консонантизм 278 (1)
Консонантная система 279 (1)
Консонантность (звука) 279 (1)
Консонантный 279 (1)
Консонантный звук 279 (1)
Конститутивные признаки фонемы 279 (1)
Конструктивно-синтаксический аспект предложения 171 (2)
Конструкция 171 (2)
Консультативный вопрос 171 (2)
Контакт 558 (2)
Контактная функция языка 88 (1)
Контактное двуязычие 88 (1)
Контактное слово 171 (2)
Контактный порядок слов 171 (2)
Контактный язык 88 (1)
Контактоустанавливающая (социативная) функция высказывания 172 (2)
Контаминация 88 (1)
Контаминированные типы сложных синтаксических конструкций 172 (2)
Контекстное неполное предложение 172 (2)
Контрактура 530 (1)
Контрастная дистрибуция 88 (1)
Контрастное распределение 88 (1)
Конфикс 530 (1)
Конфиксальная модель 532 (1)
Концепт 88 (1)
Концептосфера 89 (1)
Концептуальное поле 89 (1)
Конъюнктив 772 (1)
Конъюнкция 172 (2)
Координативная связь 172 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Координативное двуязычие 89 (1)	Культурный язык 92 (1)
Копенгагенская школа 89 (1)	Курсив 558 (2)
Копенгагенский структурализм 89 (1)	
Копула 172 (2)	Лабиализация 279 (1)
Корень 532 (1)	Лабиализация, или переход [e] в [’o],
([ъ] в [ъ]) 471 (2)
Корневое гнездо 533 (1)	Лабиализованность звука 279 (1)
Корневое слово 535 (1)	Лабиализованный звук 279 (1)
Корневые языки 89 (1)	Лабиальность звука 280 (1)
Корнеизолирующие языки 89 (1)	Лабиальные согласные 280 (1)
Коррелят 89 (1)	Лалетика 92 (1)
Коррелятивный 89 (1)	Латеральный согласный 280 (1)
Корреляты 172 (2)	Латинизм 392 (1)
Корреляция 89 (1)	Латиница 558 (2)
Корреляция суффиксов 535 (1)	Лексема 392 (1)
Косвенная номинация 173 (2)	Лексика и потенциальные слова 393 (1)
Косвенная речь 173 (2)	Лексикализация 394 (1)
Косвенно-вопросительное подчинение 174 (2)	Лексикализация грамматической формы 535 (1)
Косвенное дополнение 174 (2)	Лексикографирование 394 (1)
Косвенно-субъектное дополнение 175 (2)	Лексикография 394 (1)
Косвенный вопрос 175 (2)	Лексикология 395 (1)
Космоним 89 (1)	Лексико-морфологический принцип
раздельного написания слов 558 (2)
Космонимика 90 (1)	Лексикон 399 (1)
Космонимический 90 (1)	Лексико-семантические группы слов
399 (1)
Космонимия 90 (1)	Лексико-семантические разряды фразеологизмов 403 (1)
Краткие формы качественных прилагательных 772 (1)	Лексико-семантический вариант слова
(ЛСВ) 408 (1)
Краткость звука речи 279 (1)	Лексико-семантический способ словообразования 535 (1)
Креолизация языка 90 (1)	Лексико-синтаксический принцип
раздельного написания слов 558 (2)
Креольский язык 90 (1)	Лексико-синтаксический способ словообразования 536 (1)
Криптограмма 91 (1)	Лексикостатистический метод 92 (1)
Криптографический 91 (1)	Лексическая валентность 175 (2)
Криптография 91 (1)	Лексическая деривация 536 (1)
Криптолалический 91 (1)	Лексическая и грамматическая сочетаемость фразеологизма 408 (1)
Криптолалия 91 (1)	Лексическая сочетаемость 175 (2)
Криптология 91 (1)	Лексически ориентированный синтаксис 175 (2)
Критерии выделения частей речи 774 (1)	Лексические дублеты 410 (1)
Критское письмо 91 (1)	Лексический дериват 536 (1)
Крылатая фраза 391 (1)	
Крылатое выражение 391 (1)	
Крылатое слово 391 (1)	
Ктематоним 92 (1)	
Ктематонимика 92 (1)	
Ктематонимия 92 (1)	
Культура речи 92 (1)	
Культурный 92 (1)	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Лексический супплетивизм 92 (1)
Лексическое гнездо 536 (1)
Ленинградская (Петербургская) фоно-логическая школа 280 (1)
Лёгкие 280 (1)
Летописи 472 (2)
Лжеаффикс 539 (1)
Лжекорень 539 (1)
Лигатура 558 (2)
Лигатура в древнерусских памятниках 475 (2)
Лимноним 93 (1)
Лингва-франка 93 (1)
Лингвистика 93 (1)
Лингвистика речи 93 (1)
Лингвистическая аксиология 94 (1)
Лингвистическая география 94 (1)
Лингвистическая историология 96 (1)
Лингвистическая относительность 96 (1)
Лингвистическая палеонтология 96 (1)
Лингвистическая статистика 96 (1)
Лингвистическая фаза 96 (1)
Лингвистическая философия 96 (1)
Лингвистическая экономия 96 (1)
Лингвистические категории 97 (1)
Лингвистические универсалии 97 (1)
Лингвистический 97 (1)
Лингвистический закон 97 (1)
Лингвистический метод 98 (1)
Лингвистическое картографирование 98 (1)
Линейно-динамическая структура 175 (2)
Линейность 98 (1)
Линейность речи 98 (1)
Линейный 98 (1)
Линейный язык 98 (1)
Линкос 98 (1)
Лирический монолог 98 (1)
Литературный 99 (1)
Литературный диалект 99 (1)
Литературный язык 99 (1)
Личное предложение 176 (2)
Личные и неличные существительные 780 (1)
Логико-семантические типы предложения 176 (2)
Логико-семантический синтаксис 176 (2)
Логический предикат 177 (2)
Логический субъект 177 (2)
Логическое направление 99 (1)
Логическое подлежащее 177 (2)
Логическое сказуемое 177 (2)
Логическое ударение 280 (1)
Ложная этимология 99 (1)
Локализм 100 (1)
Локальное значение 177 (2)
Локальные отношения 177 (2)
Локальный 100 (1)
Локутивный акт 177 (2)
Макаронизм 100 (1)
Макароническая речь 100 (1)
Макаронический 100 (1)
Макролингвистика 100 (1)
Макротопоним 100 (1)
Макротопонимика 100 (1)
Макротопонимический 101 (1)
Макротопонимия 101 (1)
Маленькая буква 559 (2)
Малопродуктивность аффикса 540 (1)
Маркёр 540 (1)
Массовое двуязычие 101 (1)
Математическая лингвистика 101 (1)
Материально выраженная связка 178 (2)
Материально выраженный интерфикс 540 (1)
Матроним 101 (1)
Машинный перевод 101 (1)
Мгновенные согласные 280 (1)
Междометия 781 (1)
Междометная теория происхождения языка 101 (1)
Междометный 102 (1)
Международный язык 102 (1)
Межстилевая лексика 410 (1)
Межфразовые (межфразные) связи 178 (2)
Мелиоративный 102 (1)
Мелодема 280 (1)
Мелодика 280 (1)
Мелодическая модель 281 (1)
Мелодическая схема 281 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Мелодический 281 (1)
 Мелодический рисунок 281 (1)
 Мелодический тип 281 (1)
 Мелодия 281 (1)
 Мена звуков 281 (1)
 Мена суффиксов 540 (1)
 Мена фонем 281 (1)
 Ментализм 102 (1)
 Мёртвая метафора 103 (1)
 Мёртвый 103 (1)
 Мёртвый язык 103 (1)
 Местный 103 (1)
 Местный язык 103 (1)
 Место образования звука речи 281 (1)
 Местоимение 785 (1)
 Местоименное вопросительное предложение 178 (2)
 Местоименное (прониминальное) словосочетание 178 (2)
 Местоименно-соотносительное сложноподчиненное предложение 178 (2)
 Местоименно-союзное сложноподчиненное предложение 178 (2)
 Местоименный вопрос 178 (2)
 Металингвистика 103 (1)
 Металингвистический 104 (1)
 Метанализ 104 (1)
 Метасемиотика 104 (1)
 Метасемиотический 104 (1)
 Метасемия 104 (1)
 Метатеза 281 (1)
 Метатекст 178 (2)
 Метафизика 104 (1)
 Метафора 410 (1)
 Метаязык 104 (1)
 Метод 104 (1)
 Метод лингвистического описания 105 (1)
 Методика 105 (1)
 Методика минимальных пар 105 (1)
 Методология 105 (1)
 Методы изучения фонетики 282 (1)
 Метонимия 411 (1)
 Механизм словообразования 540 (1)
 Механизм словопорождения 541 (1)
 Микролингвистика 105 (1)
 Микросистема 105 (1)
 Микропоним 105 (1)
 Микропонимика 105 (1)
 Микропонимический 106 (1)
 Микропонимия 106 (1)
 Мировой язык 106 (1)
 Мифоним 106 (1)
 Мифонимика 107 (1)
 Мифонимический 107 (1)
 Мифонимия 107 (1)
 Мифотопоним 107 (1)
 Младogramматики 107 (1)
 Младogramматическая школа 109 (1)
 Младogramматический 109 (1)
 Младописьменный 109 (1)
 Младописьменный язык 109 (1)
 Мнимоотрицательное предложение 179 (2)
 Мнимоутвердительное предложение 179 (2)
 Многовалентный глагол 179 (2)
 Многозначность и контекст 412 (1)
 Многокомпонентное сложное предложение 179 (2)
 Многосоюзиe (полисиндетон) 180 (2)
 Многоструктурное слово 541 (1)
 Многоступенчатое актуальное членение 180 (2)
 Многогочие 559 (2)
 Многочленное сказуемое 180 (2)
 Многочленное сложное предложение 181 (2)
 Многочленные видовые корреляции 792 (1)
 Многоязычие 110 (1)
 Многоязычный 110 (1)
 Множественная мотивация 541 (1)
 Множественность мотиваций 541 (1)
 Множественность словообразовательной структуры слова 541 (1)
 Модальная рамка 181 (2)
 Модальность 181 (2)
 Модальность 794 (1)
 Модальные глаголы 795 (1)
 Модальные слова 795 (1)
 Модальные слова в сказуемом 182 (2)
 Модальный вопрос 183 (2)
 Моделирование 110 (1)
 Модель 110 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Модель словообразования 542 (1)
Модель предложения 183 (2)
Модель сложного слова 543 (1)
Модификация фонемы 284 (1)
Модус 183 (2)
Монема 543 (1)
Монолингвизм 110 (1)
Монолог 110 (1)
Монологическая речь 184 (2)
Монологический 111 (1)
Мономотивация 543 (1)
Монопредикативное предложение 184 (2)
Монопропозитивное предложение 184 (2)
Моноремное высказывание 184 (2)
Моносемия 413 (1)
Монотонический язык 111 (1)
Монофтонг 284 (1)
Монофтонгизация дифтонгов 284 (1)
Монофункциональный язык 111 (1)
Морф (морфа) 543 (1)
Морфема 544 (1)
Морфематическая структура слова 547 (1)
Морфематический 547 (1)
Морфематический принцип орфографии 559 (2)
Морфематический состав слова 547 (1)
Морфематическое строение слова 547 (1)
Морфематическое членение слова 547 (1)
Морфемика 547 (1)
Морфемная структура слова 549 (1)
Морфемные модели русского языка 549 (1)
Морфемный анализ слова 551 (1)
Морфемный принцип орфографии 559 (2)
Морфемный состав слова 555 (1)
Морфемный шов 557 (1)
Морфемоиды 558 (1)
Морфологизованный член предложения 184 (2)
Морфологическая классификация 111 (1)
Морфологический принцип орфографии 559 (2)
Морфологический способ словообразования 558 (1)
Морфологическое написание 559 (2)
Морфологическое строение слова 559 (1)
Морфологическое членение слова 559 (1)
Морфология 797 (1)
Морфолого-синтаксический способ словообразования 559 (1)
Морфонема 284 (1)
Морфонема в словообразовании 560 (1)
Морфонематический нуль 560 (1)
Морфонемный ряд 560 (1)
Морфонологическая модель 560 (1)
Морфонологическая позиция морфа, алломорфа 561 (1)
Морфонологическая система языка 561 (1)
Морфонологическая структура слова (словоформы) 561 (1)
Морфонологические средства языка 561 (1)
Морфонологические явления 561 (1)
Морфонологический анализ слова 561 (1)
Морфонология 561 (1)
Морфофонема 562 (1)
Морфофонемика 562 (1)
Московская лингвистическая школа 111 (1)
Московская фонологическая школа 284 (1)
Московское произношение 523 (2)
Мотиват 562 (1)
Мотиватор 562 (1)
Мотивационная пара 562 (1)
Мотивация производного слова 562 (1)
Мотивема 563 (1)
Мотивированное слово 563 (1)
Мотивированные и немотивированные слова 413 (1)
Мотивированный 114 (1)
Мотивирующее слово 563 (1)
Мотивология 563 (1)
Мутационные словообразовательные типы 563 (1)
Мягкий согласный 284 (1)
Мягкость (звука, фонемы) 285 (1)
Надгортанная полость 285 (1)
Назализация звука речи 285 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Назализованность звука речи 285 (1)	Нелабиализованный (звук, фонема) 287 (1)
Назализованный 285 (1)	Неличные местоимения 476 (2)
Назальность звука речи 286 (1)	Немотивированный 118 (1)
Название 414 (1)	Неограмматики 118 (1)
Назывная функция 114 (1)	Неографизм 559 (2)
Назывное предложение 184 (2)	Неоднокомпонентное предложение 186 (2)
Назывной 114 (1)	Неоднородные определения 186 (2)
Наименование 114 (1)	Неолингвистика 118 (1)
Наклонение глагола 798 (1)	Неолингвистическая школа 120 (1)
Наложение 563 (1)	Неолингвистический 120 (1)
Написание 559 (2)	Неологизмы 414 (1)
Направление производности 563 (1)	Неопределенная форма глагола 809 (1)
Напряженность звука 286 (1)	Неопределенно-количественные слова и числительные 810 (1)
Нарещение 563 (1)	Неопределенно-личное предложение 187 (2)
Наречие 806 (1)	Неопределённый 120 (1)
Наречия русского языка 475 (2)	Неорганический 120 (1)
Наречное словосочетание 184 (2)	Неориентированная относительная связь 188 (2)
Нарицательные и собственные существительные 807 (1)	Неосложненное предложение 188 (2)
Народная этимология 114 (1)	Непарные согласные 287 (1)
Народноэтимологический 115 (1)	Неподлежащно-сказуемое предложение 188 (2)
Натуралистическая школа 115 (1)	Неполногласие 476 (2)
Натуралистическое направление 116 (1)	Неполное предложение 188 (2)
Натуралисты 116 (1)	Неполное согласование 189 (2)
Национальный вариант языка 116 (1)	Непосредственное управление 189 (2)
Национальный язык 117 (1)	Непредикативная связь 189 (2)
Небазисная пропозиция 184 (2)	Непредикативное словосочетание 189 (2)
Невопросительное предложение 185 (2)	Непредикативные отношения 189 (2)
Невосклицательное предложение 185 (2)	Неприкрытый слог 287 (1)
Невыраженный 117 (1)	Неприсловная подчинительная связь 190 (2)
Негация 185 (2)	Неприсловное придаточное предложение 190 (2)
Негибкие структуры 185 (2)	Непродуктивная модель 563 (1)
Неделимость 117 (1)	Непродуктивность 563 (1)
Неделимый 117 (1)	Непродуктивные группы глаголов 810 (1)
Недиссимилятивное аканье 476 (2)	Непродуктивный интерфикс 563 (1)
Неединственная мотивация 563 (1)	Непроизводная основа 563 (1)
Неединственность мотивации 563 (1)	Непроизносимый согласный 287 (1)
Независимый инфинитив 185 (2)	Непростое сказуемое 190 (2)
Незаконченное словосочетание 185 (2)	Непрямое дополнение 190 (2)
Неизменяемые прилагательные 808 (1)	Непрямой объект 190 (2)
Нейтрализация фонем 286 (1)	
Нейтрализованный 287 (1)	
Нейтральный порядок слов 186 (2)	
Неконтактное двуязычие 117 (1)	
Нелабиализованность (звука, фонемы) 287 (1)	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Неразвернутая чужая речь 190 (2)
Неразложимые слова 564 (1)
Неразложимый 121 (1)
Нераспространённое предложение 191 (2)
Нерасчленённое высказывание 191 (2)
Нерегулярные аффиксы 564 (1)
Несвободное сложное предложение 191 (2)
Несклоняемые существительные 812 (1)
Неслоговой гласный 287 (1)
Несобственно-авторская речь 191 (2)
Несобственно-прямая (несобственно-авторская) речь 191 (2)
Несогласованное определение 191 (2)
Нефразеологизированные (свободные) структурные схемы 192 (2)
Нечленимая основа 564 (1)
Нечленимое предложение 192 (2)
Нёбная занавеска 288 (1)
Нёбный 288 (1)
Нёбо 288 (1)
Новиаль 121 (1)
Новое 192 (2)
Новые слова 414 (1)
Новый акут 121 (1)
Ноль (нуль) звука 288 (1)
Номенклатура 416 (1)
Номенклатурный 121 (1)
Номинализация 193 (2)
Номинализация в словообразовании 564 (1)
Номинативная структура предложения 193 (2)
Номинативная функция 121 (1)
Номинативная функция высказывания 193 (2)
Номинативное (назывное) предложение 193 (2)
Номинативный 121 (1)
Номинативный аспект предложения 197 (2)
Номинативный синтаксис 197 (2)
Номинация 121 (1)
Норма 121 (1)
Нормализация 121 (1)
Нормализованный 122 (1)
Носовая полость 289 (1)
Носовой звук 289 (1)
Носоглотка 289 (1)
Нулевая альтернатива 564 (1)
Нулевая аффиксация 564 (1)
Нулевая морфема 564 (1)
Нулевая суффиксация 564 (1)
Нулевая форма связки 197 (2)
Нулевое окончание 564 (1)
Нулевой глагол 197 (2)
Нулевой интерфикс 564 (1)
Нулевой суффикс 565 (1)
Нулизация звука 289 (1)
Нулизированный 289 (1)
Нумеральное (нумеративное) словосочетание 197 (2)
Обертон 289 (1)
Обиходный 122 (1)
Обобщающая роль слова 416 (1)
Обобщающие слова 198 (2)
Обобщенно-личное предложение 198 (2)
Обозначаемое 122 (1)
Обозначающее 122 (1)
Обозначение 122 (1)
Обозначенный 122 (1)
Оболочка 122 (1)
Оборот 417 (1)
Оборот касательства 199 (2)
Обособление 199 (2)
Обособление языков 122 (1)
Обособленное дополнение 201 (2)
Обособленное обстоятельство 201 (2)
Обособленное определение 202 (2)
Обособленное приложение 203 (2)
Обособленные второстепенные члены 203 (2)
Обособленные полупредикативные члены 204 (2)
Обособленные поясняющие члены 205 (2)
Обособленные уточняющие члены 205 (2)
Образование деепричастий 813 (1)
Образование причастий 814 (1)
Образующее слово 565 (1)
Обратная деривация 565 (1)
Обратное подчинение 206 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Обратное словообразование 565 (1)	Объектное значение 213 (2)
Обратное согласование 206 (2)	Объектные отношения 213 (2)
Обратный порядок слов 207 (2)	Объектный инфинитив 214 (2)
Обращение 207 (2)	Оглушение звука 289 (1)
Обстоятельственное значение 208 (2)	Огубление звука 290 (1)
Обстоятельственные отношения 208 (2)	Огубленность звука 290 (1)
Обстоятельство 209 (2)	Огубленный звук 290 (1)
Обстоятельство времени 210 (2)	Одиночная связь 215 (2)
Обстоятельство меры и степени 210 (2)	Одиночное примыкание 215 (2)
Обстоятельство места 210 (2)	Одиночное управление 215 (2)
Обстоятельство образа действия 210 (2)	Одиночные слова 565 (1)
Обстоятельство причины 210 (2)	Одновидовые глаголы 817 (1)
Обстоятельство сравнения 211 (2)	Однозначные и многозначные слова 419 (1)
Обстоятельство условия 211 (2)	Однокомпонентное предложение 215 (2)
Обстоятельство уступки 211 (2)	Одноморфемное слово 565 (1)
Обстоятельство цели 211 (2)	Одномотивированность 566 (1)
Общая классификация предложений 121 (2)	Однородные дополнения 215 (2)
Общая лингвистика 123 (1)	Однородные обстоятельства 215 (2)
Общeverификативное высказывание 212 (2)	Однородные определения 216 (2)
Общевопросительное предложение 212 (2)	Однородные подлежащие 216 (2)
Общегосударственный язык 123 (1)	Однородные сказуемые 216 (2)
Общее отрицание 212 (2)	Однородные члены предложения 217 (2)
Общее языкознание 123 (1)	Односоставное активно-процессное предложение 218 (2)
Общеинформативное высказывание 212 (2)	Односоставное пассивно-процессное предложение 220 (2)
Общелингвистический 123 (1)	Односоставное предложение 223 (2)
Общелитературный 123 (1)	Односоставное предметное предложение 221 (2)
Общенародная и необщепародная лексика 417 (1)	Односоставное признаковое предложение 221 (1)
Общепародное двуязычие 123 (1)	Односоставное процессное предложение 223 (2)
Общепародное предложение 212 (2)	Одностороннее двуязычие 125 (1)
Общеславянская лексика 418 (1)	Одноструктурное слово 566 (1)
Общественные функции языка 123 (1)	Однoчленное сложноподчиненное предложение 224 (2)
Общезыковедческий 125 (1)	Одноязычие 125 (1)
Общий 125 (1)	Одноязычный 126 (1)
Общий вопрос 212 (2)	Одушевленные и неодушевленные существительные 819 (1)
Общий диалект 125 (1)	Озвончение звука 290 (1)
Общий язык 125 (1)	Означающее 126 (1)
Объект 212 (2)	Означающее 126 (1)
Объективная модальность 212 (2)	Ойконим 126 (1)
Объективно-повествовательное предложение 213 (2)	Ойконимика 126 (1)
Объективный метод 125 (1)	
Объективный порядок слов 213 (2)	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Ойконимический 126 (1)
Ойконимия 126 (1)
Оканье 476 (2)
Окказионализм 421 (1)
Окказиональное значение слова 421 (1)
Окончание 566 (1)
Оксиденталь 126 (1)
Оксия 560 (2)
Оксюморон 422 (1)
Олицетворение 422 (1)
Оморфема 568 (1)
Омонимия 422 (1)
Омонимия словообразовательной формы 568 (1)
Омосеманты 425 (1)
Омоструктура 569 (1)
Омофоны 290 (1)
Оним 126 (1)
Онимика 126 (1)
Онимический 126 (1)
Онимия 126 (1)
Ономазиология 126 (1)
Ономастика 127 (1)
Ономастикон 127 (1)
Ономастический 127 (1)
Ономатология 127 (1)
Ономатопея 127 (1)
Ономатопэтическая теория 127 (1)
Ономатопэтический 128 (1)
Описание 128 (1)
Описательная лингвистика 128 (1)
Описательный 128 (1)
Описательный метод лингвистики 128 (1)
Описательный предикат 224 (2)
Опорное слово 225 (2)
Опосредствованное управление 225 (2)
Оппозиция 128 (1)
Оппозиция фонем 290 (1)
Определение 225 (2)
Определённо-личное предложение 225 (2)
Определительное значение 227 (2)
Определительное придаточное предложение 227 (2)
Определительно-качественные отношения 228 (2)
Определительные отношения 229 (2)
Определяющие обстоятельства 229 (2)
Опрошение 569 (1)
Оптатив 821 (1)
Оптативное предложение 229 (2)
Оптативный 821 (1)
Органические языки 128 (1)
Органический 128 (1)
Органы речи 292 (1)
Ориентированная относительная связь 229 (2)
Орнитоним 128 (1)
Ороним 128 (1)
Оронимика 129 (1)
Оронимический 129 (1)
Оронимия 129 (1)
Орудийный объект 229 (2)
Орфограмма 560 (2)
Орфографический анализ 561 (2)
Орфография 562 (2)
Орфоэпические нормы в области гласных 526 (2)
Орфоэпические нормы в области согласных 527 (2)
Орфоэпические нормы отдельных грамматических форм 531 (2)
Орфоэпический 532 (2)
Орфоэпия 532 (2)
Осложнённое предложение 229 (2)
Осложнённое сказуемое 229 (2)
Основа 570 (1)
Основная единица системы словообразования 571 (1)
Основная карта 129 (1)
Основная часть предложения 230 (2)
Основное ударение 292 (1)
Основной вид фонемы 292 (1)
Основной принцип русской орфографии 563 (2)
Основоизолирующие языки 129 (1)
Основоположение 571 (1)
Основосложение 571 (1)
Основы глагола 821 (1)
Особенности образования видовых пар в глаголах движения 822 (1)
Особые явления в синтаксисе 230 (2)
Отаббревиатурное словообразование 371 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Отдвербиальное словообразование 572 (1)
 Отдъективное словообразование 572 (1)
 Отвлечённая связка 230 (2)
 Отвлечённые значения 129 (1)
 Отглагольное словообразование 572 (1)
 Отзвукоподражательное словообразование 572 (1)
 Открытые структуры 230 (2)
 Открытый корень 572 (1)
 Открытый слог 292 (1)
 Отличительные черты фонетической системы древнерусского языка конца X – начала XI вв. 477 (2)
 Отмеждоментное словообразование 572 (1)
 Отместоименное словообразование 572 (1)
 Отмирающие явления 129 (1)
 Относительная хронология 129 (1)
 Относительно-вопросительное подчинение 231 (2)
 Относительное значение 129 (1)
 Относительное подчинение 231 (2)
 Относительные слова 231 (2)
 Относительный 130 (1)
 Отношение 130 (1)
 Отношение пословиц и поговорок к фразеологии 425 (1)
 Отношения включения 231 (2)
 Отношения метафорической мотивации 572 (1)
 Отношения мотивации 573 (1)
 Отношения периферийной мотивации 573 (1)
 Отношения последовательной производности 573 (1)
 Отношения равнопроизводности 573 (1)
 Отождествление–различение 130 (1)
 Отождествление морфем 573 (1)
 Отражение 130 (1)
 Отрицание 231 (2)
 Отрицательное предложение 231 (2)
 Отрицательный 130 (1)
 Отступ 292 (1)
 Оттенок значения слова 434 (1)
 Оттенок слова 434 (1)
 Отчество 130 (1)
 Отчислительное словообразование 574 (1)
 Отыменное словообразование 574 (1)
 Официальный 130 (1)
 Официальный язык 130 (1)
 Падежное примыкание 232 (2)
 Пазиграфия 131 (1)
 Палатализация 292 (1)
 Палатализация заднеязычных 478 (2)
 Палатализованность 293 (1)
 Палатализованный звук 293 (1)
 Палатальность согласных 293 (1)
 Палатальный звук 293 (1)
 Палеография 478 (2)
 Палиндром 131 (1)
 Памятники письменности русского языка 479 (2)
 Панхронический 131 (1)
 Панхрония 131 (1)
 Парадигма 131 (1)
 Парадигма глагола 824 (1)
 Парадигма звуков 293 (1)
 Парадигма предложения 232 (2)
 Парадигма словосочетания 233 (2)
 Парадигматика 132 (1)
 Парадигматика фонем 293 (1)
 Парадигматический 132 (1)
 Паралингвистика 132 (1)
 Параллелизм 132 (1)
 Параллелизм форм 233 (2)
 Параллельная связь 233 (2)
 Параллельное подчинение 234 (2)
 Параллельные синтаксические конструкции 234 (2)
 Параплазм 133 (1)
 Парасинтез 574 (1)
 Парасинтетический 574 (1)
 Паратаксис 234 (2)
 Парахронический 133 (1)
 Паремия 133 (1)
 Парентеза 234 (2)
 Парные согласные 293 (1)
 Паронимия 434 (1)
 Парономазия (парономасия) 435 (1)
 Парцелляция 235 (2)
 Пасимология 133 (1)
 Пассивная валентность 235 (2)
 Пассивная конструкция 235 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Патроним 133 (1)
Патронимия 133 (1)
Пауза 294 (1)
Пациенс 235 (2)
Пейоративный 133 (1)
Пелагоним 133 (1)
Первая палатализация 484 (2)
Первичная синтаксическая функция 235 (2)
Первичное слово 574 (1)
Первое смягчение 484 (2)
Первообразное слово 575 (1)
Первообразный 133 (1)
Перевод 133 (1)
Перенесение 134 (1)
Перенос слова 564 (2)
Переносное значение 134 (1)
Переразложение (переинтеграция) 575 (1)
Переход наречий в другие части речи 576 (1)
Переходные и непереходные глаголы 824 (1)
Период 235 (2)
Перлокутивный акт 236 (2)
Персональность 826 (1)
Персуазивная модальность 236 (2)
Перфект 484 (2)
Перфективация 827 (1)
Перфективный 830 (1)
Перфективный вид 830 (1)
Перформативное высказывание 236 (2)
Петербургская фонологическая школа 294 (1)
Петербургское (ленинградское) произношение 536 (2)
Пиджин 134 (1)
Пиктограмма 134 (1)
Пиктография 134 (1)
Письмена 134 (1)
Письменная речь 134 (1)
Письменность 134 (1)
Письменный язык 134 (1)
Письмо 135 (1)
Плавные согласные 294 (1)
План 140 (1)
План выражения 140 (1)
План содержания 141 (1)
Пласт 141 (1)
Племенное наречие 141 (1)
Племенной 141 (1)
Племенной диалект 141 (1)
Племенной язык 141 (1)
Плерема 141 (1)
Плерематика 141 (1)
Плюсквамперфект 484 (2)
Побочное ударение 294 (1)
Побудительное предложение 236 (2)
Побуждение 237 (2)
Побуквенный принцип графики 565 (2)
Повелительное предложение 237 (2)
Повествовательное предложение 237 (2)
Повествовательный монолог 142 (1)
Повтор 576 (1)
Повторная номинация 238 (2)
Поговорка 435 (1)
Пограничные сигналы 142 (1)
Подвижность 142 (1)
Подгнездо 577 (1)
Подгруппа 142 (1)
Подлежащее 238 (2)
Подлежащно-сказуемые предложения 239 (2)
Подсистема 142 (1)
Подчинение 239 (2)
Подчинённое предложение 239 (2)
Подчинительная связь 239 (2)
Подчинительная связь в простом предложении 240 (2)
Подчинительная связь в сложном предложении 241 (2)
Подчинительное значение 241 (2)
Подчинительное словосочетание 241 (2)
Подчинительные отношения 241 (2)
Подчинительные отношения в простом предложении 242 (2)
Подчинительные отношения в сложном предложении 242 (2)
Подъем гласного 295 (1)
Пожелательное (оптативное) предложение 242 (2)
Позиционная схема высказывания 242 (2)
Позиционное чередование 295 (1)
Позиционный 295 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Позиционный принцип графики 565 (2)
 Позиция (фонетическая) звука 295 (1)
 Позиция лексической единицы 435 (1)
 Позиция фонемы (фонологическая позиция) 296 (1)
 Поле 142 (1)
 Полиглот 142 (1)
 Полилингвизм 142 (1)
 Полилог 142 (1)
 Полимотивированное слово 578 (1)
 Полипредикативное предложение 242 (2)
 Полипропозитивное предложение 243 (2)
 Полисемия и стилистическое расслоение лексики 436 (1)
 Полисиндетон 243 (2)
 Полисинтетические языки 143 (1)
 Полиструктурное слово 578 (1)
 Политонический язык 143 (1)
 Полифтонг 297 (1)
 Полная основа 578 (1)
 Полногласие 484 (2)
 Полногласные сочетания 297 (1)
 Полное имя собственное 143 (1)
 Полное предложение 243 (2)
 Полное согласование 243 (2)
 Полный диктальный вопрос 243 (2)
 Полный модальный вопрос 243 (2)
 Полонизм 437 (1)
 Полуаффикс 578 (1)
 Полугласный (звук) 298 (1)
 Полузнаменательная связка 243 (2)
 Полумягкость (согласного) 298 (1)
 Полуотвлечённая связка 243 (2)
 Полупредикативное дополнение 243 (2)
 Полупредикативное определение 244 (2)
 Полупредикативные отношения 244 (2)
 Полупрефикс 578 (1)
 Полупрямая речь 244 (2)
 Полусуффикс 578 (1)
 Полуустав 484 (2)
 Помета 437 (1)
 Понятие о звуках древнерусского языка 484 (2)
 Понятийная категория 143 (1)
 Понятийное мышление 143 (1)
 Порождающая модель 143 (1)
 Порождающая сила 144 (1)
 Порождающий механизм 144 (1)
 Порождающий механизм словообразования 578 (1)
 Порядок размещения слов (в словарях) 437 (1)
 Порядок слов 244 (2)
 Последовательное подчинение 245 (2)
 Последствия падения редуцированных [ъ] и [ь] 485 (2)
 Послелог 144 (1)
 Пословица 438 (1)
 Посредствующий язык 144 (1)
 Постпозиция 246 (2)
 Постфикс 578 (1)
 Постфиксальное слово 579 (1)
 Постфиксальный способ словообразования (постфиксация) 580 (1)
 Потамоним 144 (1)
 Потенциальная значимость 144 (1)
 Потенциальное слово 438 (1)
 «Поучение» Владимира Мономаха 489 (2)
 Пояснение 246 (2)
 Пояснительная связь 246 (2)
 Пояснительные отношения 246 (2)
 Правила международной транслитерации 565 (2)
 Правила словаря 438 (1)
 Правило 144 (1)
 Правило графики 566 (2)
 Правило орфографии 566 (2)
 Правильность 144 (1)
 Правописание 566 (2)
 Прагматика 144 (1)
 Прагматика текста 247 (2)
 Прагматические вставки 248 (2)
 Прагматический аспект предложения 248 (2)
 Прагматический синтаксис 248 (2)
 Прагмоним 145 (1)
 Прагмонимика 145 (1)
 Прагмонимический 145 (1)
 Прагмонимия 145 (1)
 Пражская фонологическая школа 298 (1)
 Пражская школа 145 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Практическая транскрипция 566 (2)
Праславянский 145 (1)
Праславянский язык 490 (1)
Праформа 145 (1)
Праязык 145 (1)
Праязыковой 146 (1)
Превращенная форма 249 (2)
Преграда 298 (1)
Предельные и непредельные глаголы 830 (1)
Предикат 249 (2)
Предикативная единица 249 (2)
Предикативная основа простого предложения 250 (2)
Предикативная связь 250 (2)
Предикативное словосочетание 250 (2)
Предикативность 251 (2)
Предикативные отношения 251 (2)
Предикативный минимум предложения 251 (2)
Предикативный центр 251 (2)
Предикативы оценки 251 (2)
Предикация 251 (2)
Предлоги 830 (1)
Предлоги и падежи 833 (1)
Предложение 251 (2)
Предложение тождества 254 (2)
Предложное управление 254 (2)
Предложный падеж 834 (1)
Предметная модальность 254 (2)
Предметная отнесенность слова 146 (1)
Препозиция 254 (2)
Прерывистая морфема 580 (1)
Пресуппозиции 254 (2)
Префикс 580 (1)
Префиксальная деривационная модель 582 (1)
Префиксальная деривация 582 (1)
Префиксальное слово 582 (1)
Префиксально-суффиксальная деривация 582 (1)
Префиксальный дериват 582 (1)
Префиксация 582 (1)
Префиксоид 582 (1)
Придаточная часть сложноподчиненного предложения 254 (2)
Придаточное предложение 255 (2)
Придаточное предложение времени 255 (2)
Придаточное предложение дополнительное 256 (2)
Придаточное предложение изъяснительное 257 (2)
Придаточное предложение качества, степени и меры признака 257 (2)
Придаточное предложение места 257 (2)
Придаточное предложение образа действия 257 (2)
Придаточное предложение определительное 258 (2)
Придаточное предложение подлежащее (подлежащее) 258 (2)
Придаточное предложение подчинительно-присоединительное 258 (2)
Придаточное предложение пояснительное 258 (2)
Придаточное предложение присоединительное 258 (2)
Придаточное предложение присубстантивно-определяющее 259 (2)
Придаточное предложение причины (причинное) 259 (2)
Придаточное предложение сказуемое (сказуемое) 260 (2)
Придаточное предложение следствия (следственное) 260 (2)
Придаточное предложение сопоставительное 261 (2)
Придаточное предложение сравнительное (сравнения) 261 (2)
Придаточное предложение условия (условное) 262 (2)
Придаточное предложение уступки (уступительное) 263 (2)
Придаточное предложение цели (целое) 264 (2)
Придаточные обстоятельственные предложения 264 (2)
Признак 146 (1)
Прикладная лингвистика 146 (1)
Прикрытый слог 298 (1)
Приложение 264 (2)
Приместоименно-определяющее предложение 265 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Примыкание 265 (2)
 Принцип графики 567 (2)
 Принцип имманентности 146 (1)
 Принцип орфографии 567 (2)
 Присвязочный член сказуемого 266 (2)
 Присловная подчинительная связь 266 (2)
 Присловное придаточное предложение 266 (2)
 Присоединение 266 (2)
 Присоединительная конструкция 267 (2)
 Присоединительная связь 267 (2)
 Присоединительные отношения 267 (2)
 Приставка 582 (1)
 Приставочный 582 (1)
 Приступ 298 (1)
 Присубстантивно-относительное придаточное предложение 268 (2)
 Притяжательные прилагательные 834 (1)
 Причастие 835 (1)
 Причастный оборот 268 (2)
 Причинно-следственные отношения 268 (2)
 Причинные отношения 269 (2)
 Пробел 567 (2)
 Провинциализм 438 (1)
 Прогрессивный 146 (1)
 Прогрессивный порядок слов 269 (2)
 Продуктивная модель 582 (1)
 Продуктивные и непродуктивные аффиксы (морфемы) 582 (1)
 Продуктивные классы глаголов 838 (1)
 Прозаическая строфа 269 (2)
 Прозвище 146 (1)
 Произведение речи 147 (1)
 Производная основа 584 (1)
 Производные и непроизводные слова 584 (1)
 Производственный диалект 147 (1)
 Производящая основа 585 (1)
 Производящее слово 585 (1)
 Произносительный 298 (1)
 Произносительный аппарат 298 (1)
 Произношение 299 (1)
 Происхождение гласных звуков 491 (2)
 Происхождение языка 147 (1)
 Прокладка 585 (1)
 Проклиза 299 (1)
 Проклитика 299 (1)
 Прономинализация 585 (1)
 Прономинальное словосочетание 269 (2)
 Прописная буква 567 (2)
 Пропозиция 269 (2)
 Просодема 299 (1)
 Просодика (просодия) 299 (1)
 Просодический 300 (1)
 Простое глагольное сказуемое 270 (2)
 Простое предложение 271 (2)
 Простое (элементарное) словосочетание 271 (2)
 Простой 153 (1)
 Простой дериватор 586 (1)
 Просторечие 438 (1)
 Просторечная форма языка 153 (1)
 Просторечный 154 (1)
 Пространственная лингвистика 154 (1)
 Пространственные (локальные) отношения 272 (2)
 Протазис 272 (2)
 Протеза 300 (1)
 Протетический звук 300 (1)
 Противительная связь 272 (2)
 Противительные отношения 273 (2)
 Противоположение 155 (1)
 Противопоставление 155 (1)
 Протоиндоевропейский 156 (1)
 Прототип 156 (1)
 Профессионализм 438 (1)
 Профессиональные языки 156 (1)
 Профессиональный диалект 156 (1)
 Прямая номинация 273 (2)
 Прямая речь 273 (2)
 Прямое дополнение 275 (2)
 Прямое согласование 275 (2)
 Прямой вопрос 275 (2)
 Прямой объект 275 (2)
 Прямой порядок слов 275 (2)
 Псевдоним 156 (1)
 Псевдотеоним 156 (1)
 Психолингвистика 156 (1)
 Психологизм в языкознании 160 (1)
 Психологический предикат 276 (2)
 Психологический субъект 276 (2)
 Психологическое подлежащее 276 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Психологическое сказуемое 276 (2)
Психология речи 164 (1)
Пунктограмма 568 (2)
Пунктуация 568 (2)
Пуризм 164 (1)
Пуристический 164 (1)
Пустая морфема 586 (1)
Пустой префикс 586 (1)
- Рабочий язык 164 (1)
Равнопроизводность 586 (1)
Радиальная, радиально-цепочечная, цепочечная полисемия 439 (1)
Радикс 586 (1)
Радиксоид 586 (1)
Разбор слова по составу 586 (1)
Разделительная связь 276 (2)
Разделительные отношения 276 (2)
Разделительный вопрос 277 (2)
Разделы курса современного русского литературного языка 439 (1)
Различительный 164 (1)
Размещение производных слов в гнезде 586 (1)
Разновидность 164 (1)
Разноместность ударения 300 (1)
Разносклоняемые существительные 3 (2)
Разорванная основа 587 (1)
Разряды имен прилагательных 3 (2)
Разряды имен существительных 5 (2)
Разряды имен числительных 5 (2)
Разряды местоимений 5 (2)
Разряды модальных слов 6 (2)
Разряды обстоятельственных наречий 6 (2)
Разряды определительных наречий 7 (2)
Разряды частиц по значению 8 (2)
Разряды числительных 10 (2)
Распад языка 164 (1)
Расподобление звуков 300 (1)
Распределение 164 (1)
Распределительный 164 (1)
Распространённое предложение 277 (2)
Распространяющие члены предложения 277 (2)
- Рассогласованное высказывание 277 (2)
Раствор органов речи (ротовой полости) 300 (1)
Расхождение языка 164 (1)
Расчленённое высказывание 277 (2)
Реалионимы 164 (1)
Регрессивный порядок слов 277 (2)
Регулярные и нерегулярные аффиксы (морфемы) 587 (1)
Регулярные реализации предложения 277 (2)
Редеривация 588 (1)
Редукция 300 (1)
Редупликация 588 (1)
Редуцированные гласные 302 (1)
Резонанс 302 (1)
Резонатор 302 (1)
Резонаторный 302 (1)
Реконструкция 165 (1)
Рекурсия 302 (1)
Релятив 278 (2)
Рема высказывания 278 (2)
Ремарка 440 (1)
Референт 278 (2)
Референт слова 165 (1)
Референция 278 (2)
Реформа русской графики 569 (2)
Реформа русской орфографии 570 (2)
Речевая деятельность 165 (1)
Речевая культура 165 (1)
Речевая цепь 303 (2)
Речевое мышление 165 (1)
Речевое произведение 165 (1)
Речевое сознание 165 (1)
Речевой 165 (1)
Речевой акт 278 (2)
Речевой аппарат 303 (1)
Речевой поток 303 (1)
Речевой такт 303 (1)
Речевой тракт 304 (1)
Речевые вставки 279 (2)
Речевые органы 304 (1)
Речение 440 (1)
Речь 165 (1)
Ритм 304 (1)
Ритмическая группа 304 (1)
Ритмический 304 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Риторический вопрос 280 (2)	Сегмент (основы слова, словоформы) 588 (1)
Ритуальная функция высказывания 280 (2)	Сегмент 305 (1)
Родительный падеж 17 (2)	Сегментация 284 (2)
Родной язык 166 (1)	Сегментация речи 305 (1)
Родословное древо 166 (1)	Сегментема 588 (1)
Родственные языки 166 (1)	Сегментный 305 (1)
Роль ударения в образовании видовых пар 17 (2)	Сема 445 (1)
Ротовая полость 304 (1)	Семантема 445 (1)
Ротовые (ртовые) звуки 304 (1)	Семантика 445 (1)
Русизм 441 (1)	Семантика слова 166 (1)
«Русская правда» 494 (2)	Семантика структурной схемы 284 (2)
Русский язык – межнациональное средство общения 442 (1)	Семантика текста 284 (2)
Русский язык – национальный язык русского народа 441 (1)	Семантико-функциональная классификация простых предложений 285 (2)
Ручной язык 166 (1)	Семантико-функциональные типы сказуемых 286 (2)
Ряд гласного 305 (1)	Семантическая конденсация 166 (1)
	Семантическая структура предложения 286 (2)
Сверхсегментный 305 (1)	Семантические компоненты значения слова 446 (1)
Сверхфразное единство 280 (2)	Семантические отношения производящих и производных основ 589 (1)
Свистящие звуки 305 (1)	Семантические поля 448 (1)
Свободная морфема 588 (1)	Семантический контекст (слова) 452 (1)
Свободная основа 588 (1)	Семантический синтаксис 287 (2)
Свободное словосочетание 280 (2)	Семасиология 452 (1)
Свободное сложное предложение 280 (2)	Семасиология и ономасиология 452 (1)
Свободный корень 588 (1)	Сематология 453 (1)
Свободный перевод 166 (1)	Семейство языков 167 (1)
Свободный порядок слов 280 (2)	Семема 453 (1)
Связанная морфема 588 (1)	Семиотика 167 (1)
Связанная основа 588 (1)	Семиотический 168 (1)
Связанное сочетание слов 280 (2)	Семный состав морфемы 589 (1)
Связанность корня 588 (1)	Семья языков 168 (1)
Связанный корень 588 (1)	Сибиланты 305 (1)
Связанный порядок слов 281 (2)	Сигнификат 453 (1)
Связка 281 (2)	Сигнификат предложения 287 (2)
Связки 305 (1)	Сигнификативное значение предложения 287 (2)
Связочно-именное сказуемое 283 (2)	Сила звука 305 (1)
Связочный глагол 283 (2)	Силлабема 306 (1)
Связочный элемент (сложного слова) 588 (1)	Сильная подчинительная связь 287 (2)
Связочный элемент 283 (2)	Сильная фонема 306 (1)
Связь лексики с действительностью 444 (1)	Сильное примыкание 287 (2)
Сдвоенное наименование 166 (1)	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Сильное управление 288 (2)
Сильное яканье 494 (2)
Сильный 168 (1)
Символическая структура слова 168 (1)
Символическая ценность 168 (1)
Символический принцип орфографии 570 (2)
Сингармонизм 306 (1)
Сингулятив 589 (1)
Синекдоха 453 (1)
Синкопа 306 (1)
Синкретизм 168 (1)
Синкретический 168 (1)
Синонимия 454 (1)
Синонимия аффиксов 589 (1)
Синсемантическое (синсемантическое) придаточное предложение 288 (2)
Синтагма 168 (1)
Синтагма речи 306 (1)
Синтагматика 169 (1)
Синтагматика звуков (фонем) 306 (1)
Синтагматический 169 (1)
Синтагматический план 169 (1)
Синтагматический синтаксис 290 (2)
Синтаксема 290 (2)
Синтаксис 290 (2)
Синтаксис предложения 291 (2)
Синтаксис простого предложения 291 (2)
Синтаксис словосочетания 291 (2)
Синтаксис сложного предложения 292 (2)
Синтаксис текста 292 (2)
Синтаксис формы слова 292 (2)
Синтаксис частей речи 292 (2)
Синтаксическая деривация 292 (2)
Синтаксическая категория 292 (2)
Синтаксическая конденсация 292 (2)
Синтаксическая номинация 293 (2)
Синтаксическая позиция 293 (2)
Синтаксическая семантика 293 (2)
Синтаксическая сочетаемость 294 (2)
Синтаксическая стилистика 294 (2)
Синтаксическая форма слов 294 (2)
Синтаксическая функция 294 (2)
Синтаксически специализированные слова 299 (2)
Синтаксические концепты 298 (2)
Синтаксические отношения 294 (2)
Синтаксические связи 295 (2)
Синтаксические синонимы 297 (2)
Синтаксические функции интонации 298 (2)
Синтаксический дериват 589 (1)
Синтаксический нуль 298 (2)
Синтаксический параллелизм 299 (2)
Синтаксический разбор 299 (2)
Синтаксический фразеологизм 299 (2)
Синтаксическое время 299 (2)
Синтаксическое лицо 300 (2)
Синтаксическое наклонение 300 (2)
Синтаксическое поле 300 (2)
Синтаксическое членение предложения 300 (2)
Синтактика 301 (2)
Синтез 169 (1)
Синтетическая форма 169 (1)
Синтетические языки 169 (1)
Синтетический 169 (1)
Синхизис 301 (2)
Синхроническая морфонология 589 (1)
Синхронический 169 (1)
Синхрония 169 (1)
Синхронная (синхроническая) лингвистика 169 (1)
Синхронная деривация 589 (1)
Синхронное словообразование 589 (1)
Синхронный 169 (1)
Синхронный корень 590 (1)
Сирконстант 301 (2)
Система 169 (1)
Система времен причастий 18 (2)
Система гласных древнерусского языка 494 (2)
Система гласных фонем 307 (1)
Система грамматических категорий существительных 19 (2)
Система словообразования 590 (1)
Система согласных древнерусского языка 495 (2)
Система согласных фонем 308 (1)
Система фонем 309 (1)
Систематика 170 (1)
Системность фразеологии 458 (1)
Системный 170 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Ситуант 301 (2)	Словообразование 591 (1)
Ситуативная кулиса 301 (2)	Словообразование глаголов 592 (1)
Ситуативное неполное предложение 301 (2)	Словообразование местоимений 592 (1)
Ситуативно-предметное подлежащее 302 (2)	Словообразование наречий 592 (1)
Сказуемое 302 (2)	Словообразование прилагательных 596 (1)
Сказуемость 304 (2)	Словообразование существительных 601 (1)
Склонение количественных числительных 20 (2)	Словообразование числительных 610 (1)
Склонение местоимений 21 (2)	Словообразовательная гаплогогия 610 (1)
Склонение прилагательных 21 (2)	Словообразовательная интерференция 610 (1)
Скобки 570 (2)	Словообразовательная категория 611 (1)
Скоропись 498 (2)	Словообразовательная модель 611 (1)
Скрепа 304 (2)	Словообразовательная морфема 611 (1)
Скрещение языков 170 (1)	Словообразовательная морфонология 611 (1)
Скрещивание языков 170 (1)	Словообразовательная основа 612 (1)
Скрытое согласование 304 (2)	Словообразовательная пара 612 (1)
Скрытый 170 (1)	Словообразовательная парадигма 618 (1)
Слабая подчинительная связь 304 (2)	Словообразовательная система 618 (1)
Слабая фонема 309 (1)	Словообразовательная структура слова 620 (1)
Слабое примыкание 304 (2)	Словообразовательная структура слова и его морфемный состав 620 (1)
Слабое управление 304 (2)	Словообразовательная транспозиция 621 (1)
Славянизм 170 (1)	Словообразовательная цепь 621 (1)
Следственные отношения 305 (2)	Словообразовательное гнездо 622 (1)
Сленг 171 (1)	Словообразовательное значение 624 (1)
Сленговый 171 (1)	Словообразовательные (словообразующие) суффиксы 625 (1)
Слитное предложение 305 (2)	Словообразовательные антонимы 635 (1)
Слитное слово 590 (1)	Словообразовательные микросистемы 627 (1)
Слияние (слов) 590 (1)	Словообразовательные омонимы 628 (1)
Слияние языков 171 (1)	Словообразовательные связи частей речи 633 (1)
Слова автора (авторские слова) 305 (2)	Словообразовательные синонимы 635 (1)
Слова-паразиты 171 (1)	Словообразовательный анализ слова 636 (1)
Словарик 459 (1)	Словообразовательный вариант (дублет) 639 (1)
Словарная ниша 590 (1)	Словообразовательный квадрат 639 (1)
Словарная статья 459 (1)	Словообразовательный префикс 639 (1)
Словарное гнездо 590 (1)	Словообразовательный ряд 640 (1)
Словарный блок 590 (1)	Словообразовательный тип 641 (1)
Словарь 459 (1)	Словообразовательный уровень 642 (1)
Словник (словаря) 460 (1)	
Слово и его типы 460 (1)	
Слово как основная единица русского языка 463 (1)	
Словоизменительная (морфологическая) парадигма 23 (2)	
Словоизменительная морфема 590 (1)	
Словоизменительная морфонология 590 (1)	

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Словообразующая основа 643 (1)
Словообразующий префикс 643 (1)
Слово-предложение 306 (2)
Словосложение (сложение) 643 (1)
Словосочетание 306 (2)
Словосочетательная цепь слов 309 (2)
Словотворчество 643 (1)
Словоуказатель 466 (1)
Словоформа 24 (2)
Словоэлемент 643 (1)
Слог 309 (1)
Слоговой 310 (1)
Слоговой принцип графики 570 (2)
Слоговой сингармонизм 310 (1)
Слогораздел 310 (1)
Сложение 643 (1)
Сложное бессоюзное предложение 309 (2)
Сложное предложение 309 (2)
Сложное предложение асимметричной структуры 310 (2)
Сложное предложение гибкой структуры 311 (2)
Сложное предложение закрытой структуры 311 (2)
Сложное предложение негибкой структуры 311 (2)
Сложное предложение открытой структуры 311 (2)
Сложное синтаксическое целое 311 (2)
Сложное сказуемое 312 (2)
Сложное слово 643 (1)
Сложное словосочетание 313 (2)
Сложное союзное предложение 313 (2)
Сложноподчиненное местоименно-соотносительное предложение 313 (2)
Сложноподчиненное местоименно-союзное предложение 313 (2)
Сложноподчиненное местоименно-союзное соотносительное предложение 313 (2)
Сложноподчиненное предложение 313 (2)
Сложноподчиненное предложение нерасчлененной структуры 317 (2)
Сложноподчиненное предложение расчлененной структуры 318 (2)
Сложносоставное слово 643 (1)
Сложносочиненное предложение 318 (2)
Слуховой язык 171 (1)
Смена языка 171 (1)
Смешанное сказуемое 321 (2)
Смешанный жаргон 171 (1)
Смешанный язык 171 (1)
Смещение языков 171 (1)
Смысл 171 (1)
Смысл высказывания 321 (2)
Смысловое согласование 321 (2)
Смысловой 172 (1)
Смысловые взаимоотношения предложений 24 (2)
Смычка 311 (1)
Смычно-взрывные согласные 311 (1)
Смычно-проходные согласные 311 (1)
Смычные согласные 312 (1)
Собирательность 172 (1)
Собирательные существительные 24 (2)
Собирательный 172 (1)
Собственно русская лексика 466 (1)
Собственно-временное обстоятельство 322 (2)
Собственное имя 172 (1)
Собственно-предметное подлежащее 322 (2)
Собственные имена 466 (1)
Совершаемости 25 (2)
Советская лингвистика 172 (1)
Современный русский литературный язык 467 (1)
Согипонимы 180 (1)
Согласная морфонема 644 (1)
Согласные звуки 312 (1)
Согласование 323 (2)
Содержательно односоставное предложение 325 (2)
Соединения словоформ 325 (2)
Соединительная морфема 644 (1)
Соединительная связь 325 (2)
Соединительные отношения 326 (2)
Соединительный гласный (соединительная гласная) 644 (1)
Солецизм 326 (2)
Сонант 315 (1)
Сонорные согласные 315 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Соответствие 180 (1)	Союз языков 190 (1)
Соотносительные (указательные) слова 326 (2)	Союзная подчинительная связь 331 (2)
Соотносительный 180 (1)	Союзная связь 331 (2)
Соподчинение 326 (2)	Союзное сложное предложение 332 (2)
Сопоставительная (градационная) связь 326 (2)	Союзные слова 331 (2)
Сопоставительные (градационные) отношения 327 (2)	Союзный оборот 334 (2)
Сопоставительный 180 (1)	Союзы 25 (2)
Сопоставительный метод 180 (1)	Спектр звука 315 (1)
Сопоставление 181 (1)	Специальная лексика 470 (1)
Сопутствующие обстоятельства 327 (2)	Специальные синтаксические конструкции 334 (2)
Состав подлежащего (господствующий состав) 328 (2)	Спиранты 315 (1)
Состав сказуемого (зависимый состав) 328 (2)	Способ 190 (1)
Состав слова 644 (1)	Способ образования (звука) 315 (1)
Составное глагольное сказуемое 328 (2)	Способ передачи чужой речи 334 (2)
Составное именное сказуемое 328 (2)	Способы выражения грамматических значений слова 29 (2)
Составное сказуемое 328 (2)	Способы действия 30 (2)
Составное слово 644 (1)	Способы деривации 645 (1)
Составной дериватор 644 (1)	Способы подчинительной связи 334 (2)
Состояние языка 181 (1)	Способы словообразования 645 (1)
Сосуществование систем 181 (1)	Спряжение глаголов 34 (2)
Социальная диалектология 181 (1)	Спряmlённое высказывание 334 (2)
Социально-групповой диалект 182 (1)	Сравнение языков 190 (1)
Социальный 182 (1)	Сравнительно-грамматический метод 190 (1)
Социальный диалект 182 (1)	Сравнительно-исторический 191 (1)
Социативно-субъектное дополнение 328 (2)	Сравнительно-исторический метод 191 (1)
Социолект 182 (1)	Сравнительно-историческое языкознание 193 (1)
Социолингвистика 182 (1)	Сравнительно-объектное придаточное предложение 335 (2)
Социологическая диалектология 186 (1)	Сравнительные отношения 335 (2)
Социологическая лингвистика 186 (1)	Сравнительный 198 (1)
Социологическая школа 186 (1)	Сравнительный оборот 335 (2)
Социологическое направление 186 (1)	Сращение 646 (1)
Сочетаемость (валентность) морфем 644 (1)	Средневозвратный залог 35 (2)
Сочетаемость 328 (2)	Средства связи частей сложного предложения 335 (2)
Сочетаемость слов 328 (2)	Стандартизация 198 (1)
Сочетание предложений 329 (2)	Стандартный язык 198 (1)
Сочетание слов 329 (2)	Старописьменный язык 198 (1)
Сочинение 330 (2)	Старославянизмы 473 (1)
Сочинительная связь 330 (2)	Старославянский язык 498 (2)
Сочинительное словосочетание 331 (2)	Старый акут 198 (1)
Сочинительные отношения 331 (2)	Статика 198 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Статистическая лингвистика 198 (1)
Статистический анализ языка 198 (1)
Статический 198 (1)
Статический синтаксис 336 (2)
Степени сравнения качественных прилагательных 35 (2)
Степени сравнения наречий 37 (2)
Степени членности основ русских слов 646 (1)
Стили произношения (произносительные стили) 537 (2)
Стилистический порядок слов 337 (2)
Стилистический синтаксис 337 (2)
Стилистическое расслоение лексики 473 (1)
Страдательная конструкция 337 (2)
Страдательный оборот 337 (2)
Строчная буква 570 (2)
Структема 648 (1)
Структура 198 (1)
Структура слова 477 (1)
Структура слога в древнерусском языке 502 (2)
Структурализм 199 (1)
Структуралистический 199 (1)
Структуральный 199 (1)
Структурная лингвистика 199 (1)
Структурная схема предложения 337 (2)
Структурно обязательная сочетаемость 337 (2)
Структурно факультативная сочетаемость 337 (2)
Структурно-семантический 204 (1)
Структурные типы предлогов 38 (2)
Структурные типы сказуемого 337 (2)
Структурные типы союзов 40 (2)
Структурный 204 (1)
Структурный метод 204 (1)
Ступенчатый характер русского словообразования 649 (1)
Стяжение гласных 315 (1)
Субморфы 649 (1)
Субординативная связь 337 (2)
Субординативное двуязычие 205 (1)
Субстантив 649 (1)
Субстантиват 649 (1)
Субстантивация 649 (1)
Субстантивное односоставное предложение 338 (2)
Субстантивное словосочетание 338 (2)
Субстанция выражения 205 (1)
Субстанция содержания 205 (1)
Субституция 205 (1)
Субстрат 206 (1)
Субстратный 206 (1)
Субъект 338 (2)
Субъективная модальность 338 (2)
Субъективно-повествовательное предложение 339 (2)
Субъективный порядок слов 339 (2)
Субъектные отношения 339 (2)
Субъектный инфинитив 339 (2)
Сужение значения слова 477 (1)
Суперлатив 40 (2)
Суперлативный 40 (2)
Суперстрат 206 (1)
Супплетивизм 206 (1)
Супплетивные видовые пары 40 (2)
Супплетивный корень 651 (1)
Суффикс 651 (1)
Суффиксальная деривационная модель 654 (1)
Суффиксальная деривация 654 (1)
Суффиксальный дериват 654 (1)
Суффиксальный способ словообразования 654 (1)
Суффиксация 654 (1)
Суффиксема 654 (1)
Суффиксоиды 654 (1)
Существительные, называющие лиц мужского и женского пола 42 (2)
Существительные общего рода 43 (2)
Схема 206 (1)
Табу 206 (1)
Табуирование 207 (1)
Табуированный 207 (1)
Тавтологическое высказывание 339 (2)
Тайнопись 207 (1)
Тайноречие 207 (1)
Тайные языки 207 (1)
Такт 316 (1)
Тактовый 316 (1)
Твердость (звука, фонемы) 316 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Творительный падеж 45 (2)
 Тезаурус 477 (1)
 Текст 340 (2)
 Текстовая скрепа 342 (2)
 Тема 654 (1)
 Тема высказывания 342 (2)
 Тематически детерминированное высказывание 342 (2)
 Тематически недетерминированное высказывание 342 (2)
 Тематические и ситуативные группы слов 478 (1)
 Тематический 207 (1)
 Тематический элемент 654 (1)
 Тембр 316 (1)
 Темп речи 316 (1)
 Темпоральность 45 (2)
 Темпоральные отношения 342 (2)
 Темпоральный 45 (2)
 Тенденция 207 (1)
 Теоним 207 (1)
 Теонимика 208 (1)
 Теонимический 208 (1)
 Теонимия 208 (1)
 Теория адаптации 208 (1)
 Теория волн 208 (1)
 Теория глагольности 342 (2)
 Теория звукоподражания 208 (1)
 Теория изоморфизма уровней языка 208 (1)
 Теория информации 208 (1)
 Теория междометий 209 (1)
 Теория миграции 209 (1)
 Теория моногенеза 209 (1)
 Теория предикативности 343 (2)
 Теория психологической коммуникации 343 (2)
 Теория референции 343 (2)
 Теория речевых актов 344 (2)
 Теория синтаксической номинации 345 (2)
 Теория сказуемости 346 (2)
 Теория тесей 209 (1)
 Теория фюсей 209 (1)
 Термин 480 (1)
 Терминированный 209 (1)
 Терминоведение 481 (1)
 Терминология 481 (1)
 Территориальные диалекты русского языка 503 (2)
 Территориальный диалект 506 (2)
 Тильда 570 (2)
 Тип языка 209 (1)
 Типизация 209 (1)
 Типизированный 209 (1)
 Типологическая классификация 209 (1)
 Типологическая классификация языков 209 (1)
 Типологический 216 (1)
 Типология 216 (1)
 Типы двусоставного предложения 346 (2)
 Типы древнерусского письма 506 (2)
 Типы лексических значений слова 482 (1)
 Типы односоставных предложений 347 (2)
 Типы простых предложений 347 (2)
 Типы сказуемого 347 (2)
 Типы словосочетаний 347 (2)
 Типы сложного предложения 348 (2)
 Типы сложных синтаксических целых 348 (2)
 Типы ударения существительных 45 (2)
 Тире 570 (2)
 Тождество 216 (1)
 Тождество морфемы 654 (1)
 Тождество слова 483 (1)
 Толкование (лексического значения) слова 484 (1)
 Тон 317 (1)
 Тонический 317 (1)
 Тоновый 317 (1)
 Тоновый язык 216 (1)
 Топоним 216 (1)
 Топонимика 217 (1)
 Топонимический 217 (1)
 Топонимия 218 (1)
 Топономастика 218 (1)
 Точка 571 (2)
 Точка с запятой 571 (2)
 Традиционно-исторический принцип орфографии 571 (2)
 Традиционный принцип орфографии 571 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Транскрибирование 317 (1)
Транскрипция 317 (1)
Транслитерация 319 (1)
Трансонимизация 218 (1)
Трансплантация 571 (2)
Транспозитивная деривация 655 (1)
Транспозитор 218 (1)
Транспозиция 218 (1)
Транспонирующий деривационный шаг 655 (1)
Трансформационный 218 (1)
Трансформационный синтаксис 349 (2)
Трансформация 218
Третья лабиализация 509 (2)
Третья палатализация 509 (2)
Тюркизм 484 (1)
Тяготение 349 (2)
- Увула 319 (1)
Увулярный 320 (1)
Увулярный согласный 320 (1)
Ударение 320 (1)
Ударение в древнерусском языке 509 (2)
Ударный 322 (1)
Узуальная единица 655 (1)
Узуальный 218 (1)
Узус 218 (1)
Указательные слова 349 (2)
Умеренное яканье 510 (2)
Унивалентный корень 655 (1)
Универбация 655 (1)
Универбы 656 (1)
Универсальный язык 218 (1)
Уникальный корень 656 (1)
Униморфема 656 (1)
Унирадиксоиды 656 (1)
Унификация языка 218 (1)
Унификс 656 (1)
Употребление 218 (1)
Употребление видов в будущем времени 46 (2)
Употребление видов в инфинитиве 47 (2)
Употребление видов в повелительном наклонении 49 (2)
Употребление видов в прошедшем времени 51 (2)
- Употребление видов в сослагательном наклонении 55 (2)
Употребление видовых форм глагола с отрицанием 56 (2)
Употребление слова 484 (1)
Управление 350 (2)
Упрощение групп согласных в истории русского языка 511 (2)
Урбанизм 219 (1)
Урбаноним 219 (1)
Урбанонимика 219 (1)
Урбоним 219 (1)
Урбонимика 219 (1)
Уровень 219 (1)
Уровень словообразования 657 (1)
Усечение 657 (1)
Усечение производящей основы 657 (1)
Усечённое высказывание 351 (2)
Усиленное отрицание 351 (2)
Условное значение 351 (2)
Условное придаточное предложение 351 (2)
Условно-следственные отношения 351 (2)
Условные отношения 352 (2)
Устав 512 (2)
Устаревшая лексика 485 (1)
Устная и письменная формы литературного языка 486 (1)
Устный язык 219 (1)
Устойчивая фраза 488 (1)
Устойчивость языка 219 (1)
Уступительные отношения 352 (2)
Утвердительное предложение 352 (2)
Утверждение 353 (2)
Уточняющие обособленные члены 353 (2)
- Фазисные глаголы в сказуемом 353 (2)
Факультативно-комментирующие отношения 353 (2)
Факультативность компонентов фразеологизма 489 (1)
Фамилия 219 (1)
Фарингальные согласные 322 (1)
Фарингальный 322 (1)
Фарингс (фаринкс) 322 (1)
Фатическая функция 353 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Фаукальные согласные 322 (1)
 Фелиноним 220 (1)
 Фиксированное управление 353 (2)
 Фиксированный порядок слов 354 (2)
 Филологический 220 (1)
 Филология 220 (1)
 Философия языка 220 (1)
 Финаль (основы слова) 658 (1)
 Флексийный 658 (1)
 Флексия 658 (1)
 Флективные языки 220 (1)
 Фокус 322 (1)
 Фольклоризм 490 (1)
 Фонема 322 (1)
 Фонематический 326 (1)
 Фонематический принцип орфографии 572 (2)
 Фонемная (фонематическая) система языка 326 (1)
 Фонемная оппозиция 326 (1)
 Фонемная (фонематическая) система языка 326 (1)
 Фонемный 326 (1)
 Фонемный принцип орфографии 572 (2)
 Фонемный ряд 326 (1)
 Фонемный состав языка 326 (1)
 Фонемный (фонематический) строй языка 326 (1)
 Фонемный уровень языка 326 (1)
 Фонетика 327 (1)
 Фонетическая система (языка) 329 (1)
 Фонетическая фраза 329 (1)
 Фонетические чередования 329 (1)
 Фонетический 329 (1)
 Фонетический алфавит 572 (2)
 Фонетический закон 329 (1)
 Фонетический принцип орфографии 573 (2)
 Фонетический процесс 330 (1)
 Фонетический строй языка 330 (1)
 Фонетический уровень (языка) 330 (1)
 Фонетическое изменение 330 (1)
 Фонетическое написание 573 (2)
 Фонетическое слово 330 (1)
 Фоновые знания говорящих 354 (2)
 Фонологическая корреляция 330 (1)
 Фонологическая оппозиция 331 (1)
 Фонологическая позиция 331 (1)
 Фонологическая система 331 (1)
 Фонологическая школа 331 (1)
 Фонологические школы 331 (1)
 Фонологический 337 (1)
 Фонологический уровень языка 337 (1)
 Фонология 338 (1)
 Фоносемантика 340 (1)
 Форма слова 59 (2)
 Формальная школа 221 (1)
 Формально односоставные предложения 354 (2)
 Формальное или формально-грамматическое значение 59 (2)
 Формальное подлежащее 354 (2)
 Формальные языки 221 (1)
 Формант 658 (1)
 Формант в морфологии 60 (2)
 Форманта звука 340 (1)
 Форматив 660 (1)
 Формирования русского национального языка 512 (2)
 Формообразование 60 (2)
 Формообразование двувидовых глаголов 61 (2)
 Формообразовательные (формообразующие) суффиксы 660 (1)
 Формообразовательный 66 (2)
 Формообразовательный префикс 660 (1)
 Формообразующая (формообразовательная) основа 660 (1)
 Формообразующий 66 (2)
 Формообразующий префикс 660 (1)
 Формы оценки категории состояния 66 (2)
 Формы оценки качественных прилагательных 67 (2)
 Формы оценки наречий 67 (2)
 Формы оценки существительных 68 (2)
 Формы простого предложения 350 (2)
 Фраза 350 (2)
 Фразема 490 (1)
 Фразеография 491 (1)
 Фразеологизация 491 (1)
 Фразеологизированные структурные схемы 355 (2)
 Фразеологизм 491 (1)
 Фразеологизованные безглагольные высказывания 355 (2)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Фразеологическая единица 493 (1)
Фразеологические омонимы 493 (1)
Фразеологический оборот 493 (1)
Фразеологический уровень языка 493 (1)
Фразеологическое выражение 493 (1)
Фразеологичность (идиоматичность) семантики производного слова 660 (1)
Фразеология 493 (1)
Фразовое (фразное) ударение 355 (2)
Фразовый 340 (1)
Фрикативные согласные 340 (1)
Фузионные языки 221 (1)
Фузионный 221 (1)
Фузия 221 (1)
Фузия в словообразовании 660 (1)
Функтивное предложение 355 (2)
Функции языка 221 (1)
Функционально активный язык 224 (1)
Функциональные стили 494 (1)
Функциональный синтаксис 356 (2)
Функция 224 (1)
- Хремотоним 224 (1)
Хремотонимика 224 (1)
Хремотонимический 224 (1)
Хремотонимия 224 (1)
- Целевое значение 356 (2)
Целевое придаточное предложение 356 (2)
Целевой инфинитив 356 (2)
Целевые отношения 356 (2)
Цель высказывания 356 (2)
Цельное (несвободное) словосочетание 356 (2)
Цельнооформленность 224 (1)
Цельнооформленный 224 (1)
Цельность 224 (1)
Цельный 225 (1)
Ценность 225 (1)
Цепная связь 357 (2)
Цепочка (цепь) 661 (1)
Церковнославянизм 497 (1)
Циркумфикс 661 (1)
Цитата 497 (1)
Цитация 357 (2)
- Части речи 68 (2)
Частица 661 (1)
Частицы 75 (2)
Частичносокращенное слово 661 (1)
Частичный диктальный вопрос 359 (2)
Частичный модальный вопрос 359 (2)
Частноверификативное высказывание 359 (2)
Частновопросительное предложение 359 (2)
Частное отрицание 359 (2)
Частноинформативное высказывание 359 (2)
Частноотрицательное предложение 359 (2)
Частные грамматические значения 77 (2)
Частные значения несовершенного вида 77 (2)
Частные значения совершенного вида 78 (2)
Частота звука речи 340 (1)
Частотность 225 (1)
Частотный 225 (1)
Челобитные 518 (2)
Чередование аллофонов (фонемы) 340 (1)
Чередование (фонетическое) гласных звуков 340 (1)
Чередование (фонетическое) согласных звуков 342 (1)
Чередование гласных и согласных при образовании видовых пар 78 (2)
Чередование звуков (альтернация) 341 (1)
Чередование фонем 344 (1)
Чередование фонем в словообразовательном процессе 661 (1)
Чересступенчатое словообразование 662 (1)
Черточка 573 (2)
Чистовидовой (видовой) префикс 664 (1)
Чистовидовые приставки 78 (2)
Чистое основосложение 664 (1)
Чистое сложение 664 (1)
Чистый язык 225 (1)
Членение предложения 359 (2)
Членимая основа 664 (1)
Членимые и нечленимые основы 664 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Члены видовых корреляций как грамматические формы одного слова 82 (1)
 Члены предложения 359 (2)
 Чужая речь 360 (2)
- Шаг деривации (словопроизводства) 665 (1)
 Шипящие согласные звуки 345 (1)
 Школа «Слов и вещей» 225 (1)
 Школа эстетического идеализма 227 (1)
 Штамп 497 (1)
 Шум 346 (1)
 Шумные согласные 346 (1)
 Шумный 346 (1)
- Щелевой 346 (1)
 Щелевые согласные 346 (1)
 Щель 346 (1)
- Эволюционная лингвистика 227 (1)
 Эволюция языка 227 (1)
 Эвфемизм 227 (1)
 Эвфемистический 227 (1)
 Эвфония 347 (1)
 Эзопов язык 227 (1)
 Эквивалент 227 (1)
 Экзистенциальная теория 361 (2)
 Экзоним 228 (1)
 Экзотизм 228 (1)
 Экзофоричность высказывания 362 (2)
 Экклеозионим 228 (1)
 Экскурсия 347 (1)
 Экспериментально-фонетический метод 228 (1)
 Экспирата 347 (1)
 Экспираторный 347 (1)
 Экспирация 347 (1)
 Экспликанты 362 (2)
 Эксплицитная номинация 363 (2)
 Эксплицитный 228 (1)
 Эксплозия 347 (1)
 Экспрессивно-стилистические свойства фразеологизмов 497 (1)
 Экспрессивный 228 (1)
 Экспрессия 228 (1)
 Экстенционал 228 (1)
- Экстенциональное значение 228 (1)
 Экстралингвистика 228 (1)
 Экстралингвистический 229 (1)
 Элатив 86 (2)
 Элативный 86 (2)
 Электроакустический метод 229 (1)
 Элементарное предложение 363 (2)
 Элементарное словосочетание 363 (2)
 Элементарный 229 (1)
 Эллипсис 363 (2)
 Эллиптический субстантиват 665 (1)
 Эллиптическое предложение (высказывание) 363 (2)
 Эмотивная функция высказывания 364 (2)
 Эмоциональное (эмотивное) значение слова 498 (1)
 Эмоционально-оценочное значение слова 498 (1)
 Эмфаза 364 (2)
 Эмфатический 347 (1)
 Энантиосемия 498 (1)
 Эндофазия 229 (1)
 Эндофоричность высказывания 364 (2)
 Энергея 229 (1)
 Энклиза 347 (1)
 Энклитика 347 (1)
 Энклитический 348 (1)
 Эпентеза 348 (1)
 Эпентетический 348 (1)
 Эпентетический гласный 348 (1)
 Эпентетический звук 348 (1)
 Эпентетический согласный 348 (1)
 Эпитеза 348 (1)
 Эпитет 499 (1)
 Эпитетический 348 (1)
 Эпитетический гласный 348 (1)
 Эпоним 229 (1)
 Эргатив 229 (1)
 Эргативный 229 (1)
 Эргон 229 (1)
 Эсперанто 229 (1)
 Эстетическая школа 230 (1)
 Этимологизация 231 (1)
 Этимологический 231 (1)
 Этимологический анализ 665 (1)
 Этимологический корень 666 (1)

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

- Этимологическое гнездо 666 (1)
Этимология 231 (1)
Этимон 231 (1)
Этимон слова 231 (1)
Этнические названия 231 (1)
Этнический диалект 231 (1)
Этнический язык 231 (1)
Этнодифференцирующая функция языка 231 (1)
Этноидентифицирующая функция языка 231 (1)
Этноизолирующая функция языка 232 (1)
Этнолингвистика 232 (1)
Этнолингвистическая карта 237 (1)
Этнолингвистический 237 (1)
Этноним 237 (1)
Этнонимика 237 (1)
Этнообразующая функция языка 237 (1)
Этноязыковые процессы 237 (1)
- Юсы 519 (2)
- Ядерная конструкция 364 (2)
Ядерное предложение 364 (2)
Ядерный компонент словосочетания 364 (2)
Ядро предложения 364 (2)
Язык 237 (1)
Язык-источник 238 (1)
Язык-объект 238 (1)
Язык-основа 238 (1)
Язык-посредник 238 (1)
- Язык жестов 239 (1)
Язык как орган речи 349 (1)
Язык межнационального общения 239 (1)
Язык межэтнического общения 240 (1)
Язык народности 240 (1)
Язык нации 240 (1)
Язык племени 240 (1)
Языки аналитического строя 240 (1)
Языки синтетического строя 241 (1)
Языки эргативного строя 241 (1)
Языковая ассимиляция 241 (1)
Языковая география 241 (1)
Языковая общность 241 (1)
Языковая политика 241 (1)
Языковая ситуация 242 (1)
Языковедение 242 (1)
Языковедческий 242 (1)
Языковое мышление 242 (1)
Языковое планирование 242 (1)
Языковое сознание 242 (1)
Языковое строительство 242 (1)
Языковое творчество 242 (1)
Языковой 242 (1)
Языковой контакт 242 (1)
Языковой союз 242 (1)
Языковой, язычковый 243 (1)
Языкознание 243 (1)
Язычок 349 (1)
Яканье 519 (2)
Ять 520 (2)
Imperfektiva tantum 741 (1)
Perfektiva tantum 839 (1)

ЧАСТЬ 3
ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. СВЕДЕНИЯ ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ № 1

Предисловие 617	Словари крылатых слов 645
Азы лексикографии 618	Словари лингвистических терминов 645
Академические словари 621	Словари морфем 646
Аналогические словари 621	Словари названий жителей 648
Аспектные словари 621	Словари неологизмов 648
Ассоциативные словари 621	Словари новых слов и выражений 649
Биографические словари 621	Словари омонимов 649
Грамматико-орфографические словари 621	Словари паронимов 651
Грамматические словари 621	Словари поговорок 652
Деривационные словари 623	Словари пословиц и поговорок 652
Диалектные (областные) словари 623	Словари «правильностей и трудностей» 652
Идеографические (понятийные) словари 625	Словари редких слов 653
Идиоматические словари 630	Словари рифм 653
Иллюстрированные словари 630	Словари синонимов 653
Инверсионные словари 630	Словари сокращений 656
Исторические словари 630	Словари сочетаемости слов 656
Карманные словари 631	Словари терминов 657
Картинные словари 631	Словари трудностей 657
Комплексные словари 631	Словари ударений 657
Лингвистические словари 631	Словари устаревших и редких слов 657
Лингвокультурологические словари 631	Словари фамилий 658
Лингвострановедческие словари 632	Словари фразеологизмов 658
Морфемные словари 634	Словари эпитетов 658
Нормативные словари 634	Словари языка писателей 659
Областные словари 634	Словообразовательные (деривационные) словари 660
Обратные (инверсионные) словари 634	Словопроизводные словари 662
Общие словари 635	Справочник 662
Объяснительные словари 635	Тематические словари 662
Одноязычные словари 635	Терминологические словари 662
Ономастические словари 635	Толковые словари 663
Орфографические словари 635	Топонимические словари 666
Орфоэпические словари 638	Универсальные словари 666
Переводные словари 639	Филологические словари 666
Понятийные словари 639	Фразеологические (идиоматические) словари 666
Словари антонимов 639	Частотные словари 668
Словари афоризмов и крылатых слов 641	Энциклопедические словари 670
Словари географических названий 642	Энциклопедия 670
Словари детской речи 642	Этимологические словари 672
Словари идиом 642	Языковые словари 673
Словари имен и фамилий 642	
Словари иностранных слов 643	

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Приложении № 1 представлена система словарей русского языка, раскрыты особенности словарей различных типов.

Знакомство со словарями русского языка открывает перед читателем богатства человеческой мысли, отраженные в языке и зафиксированные в словарях, способствует более глубокому проникновению в систему языка, повышает грамотность и культуру речи, что является составной частью общей культуры человека.

Об огромной роли словарей в жизни общества писали многие выдающиеся ученые, писатели, деятели культуры. «Словарь отечественного языка есть одна из самых необходимых настольных книг для всякого образованного человека...» (акад. И.И. Срезневский). «Словари русского языка – могучее орудие культуры речи и вместе с тем продукт этой культуры» (акад. В.В. Виноградов). «Словари – свидетели культуры, истории народа, жизни народа и одновременно они учителя, наставники народа» (проф. Л.И. Скворцов). Гордость нашей поэзии А.С. Пушкин называл толковый словарь «уложением языка» (т.е. сводом его законов и правил). Н.В. Гоголь писал об объяснительном словаре: «...я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его, выказал бы ощутительней его достоинство...» М.В. Исаковский говорил так: «Мне иногда нравится просто читать словари, и это дает очень многое». Классик французской литературы А. Франс питал, по его словам, особую любовь к словарям: «...словарь – это вся вселенная в алфавитном порядке!.. Словарь – это книга книг, я люблю словари не только за большую пользу, приносимую ими, но и за все то, что есть в них прекрасного и величественного». Об огромном удовольствии, получаемом от чтения словарей, говорил известный журналист В.М. Песков: «Многие знают: листать словари – огромное удовольствие. Откроешь на полминуты и не можешь глаз оторвать от лесенки слов, на которой покоится жизнь с ее прошлым, с ее нынешним импульсом, со взглядом в завтра, с названием шумных мест и закоулков Земли, с проблемами, именами, с тайнами и загадками».

Словари должны широко использоваться в школьном и вузовском преподавании русского языка. Это позволяет сформировать целостное научное представление о системе языка. Богатейший материал словарей стимулирует интерес к предмету «Русский язык», прививает любовь к родному языку, развивает языковое чутье, повышает культуру речи. Словарь должен стать помощником учащегося и студента, его настольной книгой, помогающей самостоятельно добывать знания.

Материалы Приложения № 1 помогут читателю сориентироваться во всем многообразии словарей русского языка, станут путеводителем по важнейшим типам словарей.

АЗЫ́ ЛЕКСИКОГРА́ФИИ. Книгу, содержащую перечень слов или других единиц языка, расположенных в определенном порядке, с какой-л. информацией о них, принято называть словарем.

Словари делятся на лингвистические и энциклопедические.

Основной объект лингвистических словарей – это слово. В них разъясняются значения, происхождение, образование, структура, особенности употребления слов, указываются нормы правописания, произношения, дается перевод слов на другой язык.

Теория и практика составления словарей образуют раздел языкознания, который называется л е к с и к о г р а ф и е й (от греч. *lexikos* – «относящийся к слову» и *grapho* – «пишу»). Ученых, которые пишут словари, называют лексикографами.

В зависимости от количества описываемых языков словари делятся на **одноязычные** (когда слова в словаре объясняются на одном языке) и **переводные** (когда слова или выражения одного языка объясняются при помощи средств другого языка: «Русско-английский словарь», «Немецко-русский словарь», «Англо-русско-башкирский словарь» и др.). Наиболее полно система языка представлена в **академических** словарях общего типа: «Словарь современного русского литературного языка» (М.; Л., 1950–1965), «Словарь русского языка». В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Иные задачи стоят перед **учебными** словарями. Главная их функция – обучающая. Информация о слове, содержащаяся в них, минимизирована в соответствии с задачами обучения.

Издательством «Просвещение» выпущена серия словарей, предназначенных для учащихся средней школы: Д.Н. Ушаков, С.В. Крючков. «Орфо-

графический словарь» (М., 1988), М.Т. Баранов. «Школьный орфографический словарь русского языка» (М., 1997), М.С. Лапатухин, Е.В. Скорлуповская, Г.П. Снетова. «Школьный толковый словарь русского языка» (М., 1999), М.Р. Львов. «Школьный словарь антонимов русского языка» (М., 1998), З.А. Потиха. «Школьный словарь строения слов русского языка» (М., 1999), Б.Т. Панов, А.В. Текучев. «Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка» (М., 1991), А.Н. Тихонов. «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (М., 1991), В.В. Одинцов, В.В. Иванов, Г.П. Смолицкая и др. «Школьный словарь иностранных слов» (М., 1994), В.П. Жуков, А.В. Жуков. «Школьный фразеологический словарь русского языка» (М., 1994), Е.М. Пospelов. «Школьный топонимический словарь» (М., 1988), Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская. «Школьный словарь устаревших слов русского языка» (М., 1996) и т.д. Школьные словари выходят и в др. издательствах. Многие учебные словари предназначены для тех, кто изучает русский язык как иностранный: «Краткий толковый словарь русского языка» / Под ред. В.В. Розановой (6-е изд. М., 1989); К.В. Габучан. «Учебный толковый словарь русского языка» (М., 1986); «4000 наиболее употребительных слов русского языка: Учебный словарь для зарубежных школ» / Под ред. Н.М. Шанского (5-е изд. М., 1986); В.П. Фелицына, В.М. Максименко. «Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь» (М., 1990); В.П. Фелицына, Ю.Э. Прохоров. «Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь» (М., 1970); «Словарь сочетаемости слов русского языка» / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина (М., 1983) и др., а

также для преподавателей русского языка как иностранного: «Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь» / Под ред. В.В. Морковкина (М., 1984); «Лексический минимум современного русского языка» / Под ред. В.В. Морковкина (М., 1985) и др.

В зависимости от характера представляемой информации о слове словари делятся на аспектные и комплексные. **В аспектных словарях** слова достаточно подробно разрабатываются с одной какой-л. стороны, в одном каком-л. аспекте. К ним относятся толковые (см.), орфографические (см.), орфоэпические (см.), этимологические (см.), фразеологические (см.), грамматические (см.), словообразовательные (см.), морфемные словари (см.), словари сочетаемости слов (см.), сокращений (см.), языка писателей (см.), синонимов (см.), антонимов (см.), омонимов (см.) и др. **Комплексные словари** дают информацию о слове по нескольким аспектам. Так, «Комплексный словарь русского языка» / Под ред. А.Н. Тихонова (М., 2001; 40 000 слов и 1500 фразеологических оборотов) дает всестороннюю характеристику слова и фактически включает 15 аспектных словарей одновременно — орфографический, орфоэпический, акцентологический, грамматический, морфемный, словообразовательный, морфологический, стилистический, антонимический, омонимический, сочетаемостный, тематический, фразеологический.

«Грамматико-орфографический словарь русского языка» Б.Т. Панова и А.В. Текучева (М., 1991) объединяет в себе несколько словарей: орфографический, орфоэпический, морфемный, сочетаемостный, толковый, этимологический.

«Грамматико-орфографический словарь русского языка» Л.Р. Саяхо-

вой, Р.Х. Амеровой (Уфа, 1998) представляет собой первый опыт создания комплексного словаря активного, обучающего типа для национальных школ и вузов. В нем, наряду с алфавитной частью, выполняющей роль справочного пособия по орфографии, содержится обучающий раздел, в котором в систематизированном виде представлена лексическая основа формирования ассоциативных орфографических полей. Под ассоциативным орфографическим полем авторы понимают широкий круг ассоциаций, в той или иной мере связанных с формированием процесса грамотного написания слов. Словарь состоит из двух частей:

I. Словарь-справочник.

II. Лексическая основа формирования ассоциативных орфографических полей: 1. Тематические поля. 2. Лексико-семантические поля. 3. Словообразовательные поля. 4. Грамматические поля. 5. Орфографические поля.

В «Словаре-справочнике по русскому языку» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова (М., 1995; 5-е изд. — 2001) дана информация о слове по семи параметрам: правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления.

В «Морфемно-орфографическом словаре» А.Н. Тихонова (М., 1996; 2-е изд. — 2002) представлены морфемное членение слова и сведения по орфографии.

В «Учебном словаре русского языка» В.В. Репкина (Томск, 1994) слово рассматривается комплексно как лексическая, грамматическая и словообразовательная единица языка. К комплексным словарям относятся также словари «правильностей и трудностей» (см.).

Способ размещения лингвистического материала в словаре может быть

алфавитным (орфографические словари, орфоэпические словари и др.) и **алфавитно-гнездовым**, когда в словарных статьях заголовочных слов, расположенных в алфавитном порядке, объясняются или приводятся родственные слова (В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866), первые три тома «Словаря современного литературного языка» в 17 т. (М.; Л., 1950–1965)), **гнездовым** (А.Н. Тихонов «Словообразовательный словарь русского языка» в 2-х т. (М., 1990), А.Н. Тихонов «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (М., 1991)), **идеографическим**, когда слова располагаются тематическими группами (тематические словари), **обратным** – по алфавиту последних букв слов (обратные словари, А.А. Зализняк «Грамматический словарь русского языка» (М., 1977)).

По художественно-техническому оформлению и полиграфическому исполнению словари могут быть: а) настольными (большого формата), портативными (среднего формата), карманными (уменьшенного формата), б) иллюстрированными, т.е. содержащими рисунки обозначаемых предметов, и иллюстрированными.

Перечень всех слов, фразеологизмов или других единиц, представленных в словаре, называется **словником**. В зависимости от объема словника словари делятся на большие (свыше 80 тыс. слов), средние (от 20 до 80 тыс. слов) и малые (до 20 тыс. слов). «Сводный словарь современной русской лексики» в 2-х т. / Под. ред. Р.П. Рогожниковой (М., 1991) объединяет словники 14 наиболее популярных словарей русского языка: толковых, энциклопедических, орфографических и др. В него входит более 170 тыс. слов. «Сводный словарь современ-

ной русской лексики» в известной мере решает задачу полного отражения лексики современного русского литературного языка.

Основной единицей словаря является **заголовочное** (заглавное) **слово**. В словарях разных типов заголовочными могут быть не только слова, но и единицы других уровней языка – морфемы, формы слов, словосочетания, фразеологические обороты и т.д. Заголовочное слово возглавляет **словарную статью** и выделяется особым шрифтом. **Словарная статья** – это минимальная часть словаря, которая содержит все сведения о заголовочной единице. Словарная статья обычно включает в себя **иллюстрации** – речения и цитаты, которые демонстрируют употребление заголовочного слова. **Речение** – это краткое сочетание слов или небольшое предложение, которое дополняет, поясняет толкование. **Цитата** – это пример из художественного, публицистического и т.п. текста. Для характеристики слова используются **пометы** – специальные указания на какие-л. характерные признаки слова, напр.: стилистические пометы – *разг.*, *прост.*, *книжн.*, *устар.*, *спец.* и др.; грамматические пометы – *только мн.*, *в безлич. употр.*, *только 3 л.* и др. Словарная статья может содержать **отсылку** – указание, в котором предлагается обратиться за справкой к другой словарной статье, напр.: **ОТДЕЛЯТЬ** *несов.* к отделить; **ОТДЕЛЯТЬСЯ** – *страд.* к отделиться; **Масло масляное** *см.* масло.

Справочный отдел в словаре. Часть словарной статьи, в которой приводятся сведения об описываемом слове, носящие справочный характер. Например, в 17-томном словаре в конце словарной статьи даются исторические сведения о словах: время появления в языке, в каких предыдущих словарях и

в какой форме оно зафиксировано. См. ремарка.

Ссылочное слово. Слово (обычно производное) или отдельная словоформа, помещаемые в словаре в строгом соответствии с алфавитным порядком расположения, указывающие на другое, основное однокоренное слово или на исходную форму описываемого слова, занимающие иное место по алфавиту:

Одальживать см. *одолжить*.

Одевать см. *одеть* (Словарь-справочник по русскому языку. М., 2001).

Лит.: Виноградов В. В. Лексикология и лексикография // Избр. труды. М., 1977; Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980; Козырев В. А., Черняк В. Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000; Козырев И. С. Современный русский язык: Фразеология. Лексикография. Минск, 1979; Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974; Потиха З. А., Розенталь Д. Э. Лингвистические словари и работа с ними в школе. М., 1987; Протченко И. Ф. Словари русского языка. М., 1996; Рыбникова М. А. О словарях русского языка // Избр. труды. М., 1957; Сергеев В. Н. Словари – наши друзья и помощники. М., 1984; Сороколетов Ф. П. Общая и учебная лексикография. Л., 1985; Щербин В. К. Вселенная в алфавитном порядке. Минск, 1987. См. также «Словарь» в разделе «Лексикология».

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́.
См. *толковые словари*.

АНАЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́.
См. *идеографические словари*.

АСПЕКТНЫЕ СЛОВАРИ́. См. *словарь*.

АССОЦИАТИВНЫЕ СЛОВАРИ́.
См. *идеографические словари*.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́.
См. *энциклопедия*.

ГРАММАТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́. См. *словарь, грамматические словари*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́.
Словари, в которых описываются грамматические характеристики слов, правила словоизменения и образования форм слов.

Первым функциональным описанием элементарных единиц синтаксиса русского языка – синтаксем, из которых строятся словосочетания и предложения, является «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» Г. А. Золотовой (М., 1988). Первая его часть представляет именные синтаксеммы, вторая – синтаксеммы др. частей речи (глагола в его спрягаемых и неспрягаемых формах, прилагательного, наречия). Автор выделяет три функциональных типа синтаксем: свободные, обусловленные и связанные. Словарные статьи богато иллюстрированы примерами из произведений художественной литературы. Словарь может быть использован в качестве нормативного семантико-грамматического справочника.

Отдельным разрядам слов посвящены: И. К. Сазонова. «Русский глагол и его причастные формы» (М., 1989; около 2500 глаголов и около 7500 причастий; во 2-м издании «Толково-грамматический словарь русского языка». М., 2002); Н. П. Колесников. «Лексико-грамматический словарь русского языка: Словарь несклоняемых слов. Словарь односложных слов» (Ростов н/Д, 1996); «Словарь структурных слов русского языка» / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина (М., 1997), в котором объяснены

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы и т.д.

«Грамматический словарь русского языка» А.А. Зализняка — первый словарь-справочник, отражающий современное словоизменение имен существительных, прилагательных, числительных, местоимений и спряжение глаголов. Он содержит около 100 000 слов, которые расположены в обратном (инверсионном) алфавитном порядке — по алфавиту конечных букв. Каждое слово имеет при себе грамматическую помету и индекс, отсылающий к нужному образцу склонения и спряжения, по которому читатель может определить, как изменяется (склоняется или спрягается) интересующее его слово. Примеры:

фанфа́ра	ж 1а	стимули́ровать	св-нсв 2а
ча́ра	ж 1а	формули́ровать	нсв 2а
коша́ра	ж 1а	сформули́ровать	св 2а
бра	с 0	аккумуляи́ровать	св-нсв 2а

Индексы 1а, 0, 2а отсылают к образцам склонения и спряжения, помещенным в разделе «Грамматические сведения».

Сюда же относится «Грамматико-орфографический словарь русского языка. Пособие для учащихся» А.В. Текучева и Б.Т. Панова. Слова, размещенные в алфавитном порядке, снабжены в нем грамматическими, орфографическими и орфоэпическими пометами, расчленены на морфемы. Слова, значение которых может быть непонятным для учащихся, толкуются. Примеры:

ави́ация, только ед., ави́а/ци/я, сущ.
авиа/тор, прил. авиа/-ци/о́нн/ый
автобиогра́фия, автобиограф/и/я, прил. -/и́ческ/ий и -/и́чн/ый
автобу́с /не автобу́с/, прил. -/н/ый

Для учебных целей создан «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т.Ф. Ефремовой, В.Г. Костомарова. Он состоит из двух частей. В первой части систематизированы грамматические формы имен существительных, прилагательных, глаголов. «Вторая часть словаря включает в себя около 2 тысяч статей, каждая из которых посвящена слову, отмеченному трудностями, которые описаны в первой части». Образцы статей:

АВТОНО́МНЫЙ. -ая, -ое, -ые.

1. *кр.ф.* автонóмен, автонóмна, автонóмно, автонóмны (II. 1. Б. 1.)

2. *сравн. ст.* не образ.

3. *превосх. ст.* не образ.

АЭРОПÓРТ, -а, м

1. *предл. ед.* об аэропóрте, но в аэропóрту (1, 2. А)

2. *им. мн.* аэропóрты

3. *род. мн.* аэропóртов

4. *дат. мн.* аэропóртам

5. *твор. мн.* аэропóртами

6. *предл. мн.* в аэропóртах

БИТЬ нсв

1. бью, бьешь, бьет, бьем, бьете, бьют (III. 2. Б1а)

2. *повел.* бей(те) — (III. 4. В2)

3. *прич. действ. наст.* бьющий (III. 5. Б3)

4. *прич. страд. наст.* нет (III. 7. Г)

5. *деепр.* нет (III. 9. Д)

Сюда же примыкает «Учебный словарь глагольных форм русского языка» (М., 1988) В.Д. Толмачевой, С.И. Кокориной. Он содержит около 5 тыс. русских глаголов. В словарь включены инфинитивы глаголов пяти продуктивных классов, образование форм которых соответствует определенной модели, а также алфавитный список глаголов непродуктивных классов и все формы данных глаголов. Образцы статей:

АКАТЬ, *нсв, неперех.*; *св нет*
АРЕСТОВЫВАТЬ *нсв*; *св арестовывать*
БАЮКАТЬ *нсв*; *св пред.* нет; *св огр.* по-
 баюкать
БЕГАТЬ *нс, неперех.*; *св пред.* нет; *св*
нач. забегать; *св огр.* побегать
КИПЕТЬ *нсв, неперех.*; *наст.* 1 и 2 л.
неупотр., кипит, кипят; *прош.* ки-
 пел, -ла, -ло, -ли; *пов.* неупотр.;
прич. действ. кипящий, кипевший;
деепр. кипя; *св пред.* нет; *св нач.* за-
 кипеть, вскипеть.

Наиболее подробно грамматический аппарат слова представлен в «Словаре-справочнике по русскому языку» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова (М., 1995; 5-е изд. ок. 26 000 слов). Грамматические сведения о слове достаточно полно даны в «Школьном толковом словаре русского языка» М.С. Лапатухина, Е.В. Скорлуповской, Г.П. Снетовой (М., 1981; 2-е изд. — М., 1999).

Образец словарной статьи из «Словаря-справочника по русскому языку» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова:

ПЕТЬ 241, *перех.* и *без доп.*, **нсв**: *наст.* по/ю, по/ешь, *мн* по/ют; *прош.* пе/л, -а, -о, *мн* -и; *повел.* пой, *мн* -те; *прич. действ. наст.* по/ющ/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; *прич. действ. прош.* пё/вш/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; *прич. страд. наст.* не употр.; *прич. страд. прош.* пё/т/ый, -ая, -ое, *мн* -ые, *кратк. ф.* пет, -а, -о, *мн* -ы (малоупотр.); *деепр.не употр.*; *непроизв.*; пе/ть; **св спеть** [сп^б и доп. с^{бп^б}] 27: *буд.* спо/ю, спо/ешь, *мн* спо/ют; *прош.* спе/л, -а, -о, *мн* -и; *повел.* спой, *мн* -те; *прич. действ. прош.* спё/вш/ий, -ая, -ее, *мн* -ие; *прич. страд. прош.* спё/т/ый, -ая, -ое, *мн* -ые, *кратк.ф.* спет, -а, -о, *мн* -ы; *деепр.* спё/в; *произв.*: петь → с+петь; с/пе/ть; *в знач.* «издавать певучие звуки (о музыкальных инструмен-

тах)» (*скрипка поет*), «издавать свист, шелканье, протяжные звуки (о птицах, предметах и т.д.)» (*нетух поет, чайник поет*) только *нсв*.

Лит.: Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976; Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994; Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1997; Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977; Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988; Колесников Н.П. Лексико-грамматический словарь русского языка: Словарь несклоняемых слов. Словарь односложных слов. Ростов н/Д, 1996; Кузнецов С.А. Русский глагол: Формообразовательный словарь-справочник. СПб., 2000; Панов Б.Т., Текучев А.В. Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка. М., 1991; Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. М., 1989; во 2-м изд. — Толково-грамматический словарь русского языка. М., 2002; Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997; Тихонов А.Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. М., 2001; Тихонова Е.Н. Грамматический словарь русского языка // Новый учебный словарь русского языка. М., 2003; Толмачева В.Д., Кокорина С.И. Учебный словарь глагольных форм русского языка: Для иностранцев, изучающих русский язык. М., 1995; Успенский М.Б. Словарь спрягаемых форм русского глагола с методическим комментарием. СПб., 1997.

ДЕРИВАЦИОННЫЕ СЛОВАРИ.
 См. словообразовательные словари.

ДИАЛÉКТНЫЕ (ОБЛАСТНЫЕ) СЛОВАРИ. Словари, в которых опи-

сываются значения диалектных слов, т.е. слов, употребляемых в определенной местности.

По широте территориального охвата лексики различаются общие и региональные диалектные словари. В *общих* словарях представлена лексика всех диалектов языка. К ним относится сводный «Словарь русских народных говоров» / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 1–23; Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 24–33 (М.; Л.; СПб., 1965–1999; издание продолжается). В *региональных* словарях представлена лексика одного диалекта. Созданы словари архангельских, вологодских, мурманских, ярославских, псковских, калининских (тверских), подмосковных, новгородских, ивановских, смоленских, брянских, курско-орловских, рязанских, донских, сибирских и других говоров.

В «Словаре современного русского народного говора деревни Деулино Рязанской области» / Под ред. И.А. Оссоветского (М., 1969), «Словаре говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1–3 (Пермь, 1991–1995) показана вся лексика говора одной деревни.

По принципу отбора лексики различаются дифференциальные и полные диалектные словари. Дифференциальные словари включают специфические диалектные слова и так называемые семантические диалектизмы – общеупотребительные слова, которые в говорах имеют свои, особые, значения. Русские диалектные словари в подавляющем большинстве являются дифференциальными. В полных диалектных словарях представлена вся лексика диалекта, а также слова, общие для диалекта и литературного языка. Примерами такого словаря служат «Псковский областной словарь с исто-

рическими данными» / Ред. С.М. Глускина, Л.А. Ивашко, А.И. Корплев, А.И. Лебедева, О.С. Мжельская. Вып. 1–12 (Л.; СПб., 1967–1996); «Полный словарь сибирского говора» / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–4 (Томск, 1992–1995); «Словарь брянских говоров» / Ред. В.А. Козырев, В.И. Чагишева. Вып. 1–5 (Л., 1976–1988).

Образец словарной статьи из «Словаря смоленских говоров»:

ПРИПЕЧЕК, чка. 1. **Фундамент, на который ставится русская печь.** Припечик уже зделыли, асталъсь печку слажить. ЯРЦ. Попково. Самый нис, из дерива, припечкым нъзывауся. СМОЛ. Горбуны. Высыта припечка метра два. ВЯЗ. Гредякино. Припечик асеу и печка чуть ни зъвалильсь. СМОЛ. Очетово; ВЕЛ., ДЕМ., ДЛ., РУДН., ХИСЛ.

2. **Лавка у печи, прикрепленная к ней.** Припечик дельыли с дерива, полка тыкая. СМОЛ. Пенеснаръ. Кыда печку тапили, чугуны нъ припечки стыять, пъд рукой, штоб далека ня бегыть. ДУХ. Пречистое; ГЛИНК., ДЕМ, ЕЛЬН., ПОЧ., РУДН., САФ., ХИСЛ. + Д. 1914. Ср. **припек**.

3. **Шесток русской печи.** Припечик – ета где чугунок стаить, дъ заслонки. СМОЛ. Столыбино. Кыда пякуть блины, то чашку с тестым ставють нъ припечык. РУДН. Борисинки; ВЕЛ., ВЯЗ., ГЛИНК., ДЕМ., ЕЛЬН., ПОЧ. + Д. 1914.

4. **Лежанка на русской печи.** Дет наш нъ припечки спать любюу.

КРАСН. Андруси. Пылижать ба нъ припечки, быка пагреть. НОВОД., Липецы; РОСЛ. СМОЛ.

Лит.: Архангельский областной словарь. Вып. 1–9 / Под ред. О.Г. Гецовой. М., 1980–1995; Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003; Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969; Новгородский областной сло-

варь. Вып. 1–12 / Под ред. В.П. Строговой. Новгород, 1992–1995; Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Калинин, 1972; Полный словарь сибирского говора. Т. 1–4 / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1992–1995; Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12 / Ред. С.М. Глушкина, Л.А. Ивашко и др. Л.; СПб., 1967–1996; Словарь брянских говоров. Вып. 1–5 / Ред. В.А. Козырев, В.И. Чагишева. Л., 1976–1988; Словарь вологодских говоров. Вып. 1–6 / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–1993; Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области, вып. 1–3 / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Пермь, 1991–1995; Словарь современного русского народного говора деревни Деулино Рязанской области / Под ред. И.А. Осовецкого. М., 1969; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–3 / Под ред. А.С. Герда. СПб., 1994–1996; Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7 / Ред. П.А. Вовчок, Н.П. Костина, А.К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988; Словарь русских народных говоров. Вып. 1–33 / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л., СПб., 1965–1999; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, тт. 1–3 / Под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1964–1967; Словарь смоленских говоров. Вып. 1–9 / Под ред. А.И. Ивановой, Е.Н. Борисовой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2000; Ярославский областной словарь. Вып. 1–9 / Отв. ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ (ПОНЯТИЙНЫЕ) СЛОВАРИ. Словари, в которых в основе описания лексики находятся понятия, а не обозначающие их лексические единицы. В таких сло-

варях слова располагаются по определенным понятийным сферам, а не по алфавиту. Объектом описания являются различные семантические объединения слов (лексико-семантические группы, тематические классы, семантические поля и т.д.).

В «Русском семантическом словаре» / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов и др.; Отв. ред. С.Г. Бархударов (М., 1982) представлены 1600 тем-понятий (дескрипторных зон). По этим понятийным зонам распределены около 10 тыс. слов современного русского литературного языка. Для этого каждая лексическая единица была представлена в виде семантических множителей (семантических компонентов, сем). Дескрипторная зона формировалась на основе совпадения каких-либо семантических множителей лексических единиц с множителями дескриптора.

Понятия (дескрипторы) обозначены с помощью слов и пронумерованы. Они возглавляют словарную статью. Например:

50 БЕРЕЖЛИВОСТЬ

семантические множители: 1. экономия 1,2. расчетл- 2,3. бере- 3, 4. имущ- 10,5. отно- 31
число слов, включенных в статью дескриптора – 13

Семантические множители представляют собой усеченные слова: *экономи́я (эконо-), имущество́ (имущ-)* и т.д. Цифры при них выражают частотность, которая возрастает от первого

бережливость 5* 1, 2, 3, 4, 5	беречь 6* 3	жалеть 10* 3
жалко 2*3	осторожный 8*3	расчет 16*1,3
скупой 10* 3	соблюсти 7*3	хозяйственный 9*1,2
хранить 8* 3	экономить 3* 1,3	экономи́я 4*1,3
экономный 4* 1,3		

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ (ПОНЯТИЙНЫЕ) СЛОВАРИ

множителя к последнему. Цифры при словах, входящих в статью дескриптора, обозначают: цифра перед звездочкой указывает количество собственных семантических множителей у этого слова, а цифры после звездочки отсылают к семантическим множителям дескриптора *бережливость*.

«Русскому семантическому словарю» предшествовал «Частотный словарь семантических множителей русского языка» Ю.Н. Караулова (М., 1980), который составлен по материалам определений в толковых словарях. «Единицами счета в нем являются семантические множители, выступающие в виде сегментов полнозначных слов из дефиниций». Словарь состоит из двух частей – списка семантических множителей по убывающей частоте и алфавитного списка множителей. В качестве приложения приводится каталог дескрипторов тезауруса русского литературного языка. Материал представлен в словаре следующим образом:

номер	частота		семант. множитель
	сл	дес	
1	102	69	Зем
2	112	67	Раст
3	107	66	Животн
4	160	60	Друг
5	91	59	Чел
6	75	57	Веществ
7	91	53	Поверхн
8	183	52	Дви
9	101	51	Жи
10	71	51	Метал

[«Частота сл» – это частота данного множителя на массиве словника; «частота дес» – частота на массиве дескрипторов].

К данному типу словарей относится также «Идеографический словарь русского языка» О.С. Баранова (М., 1995). Его целью является «представление лексики русского языка в систематизированном виде в соответствии со смыслом слов...». В словаре выделено 17 отделов:

Отношения	Психика
Зависимость	Информация
Количество	Человеческие взаимоотношения
Пространство	Жизнь человека
Процесс	Деятельность
Организованные системы	Общество
Материя	Культура
Органический мир	
Человеческий организм	

Техника. Внутри этих отделов выделяются 144 раздела, 638 подразделов и 4166 статей. Например:

Отдел: Человеческие взаимоотношения

Раздел: 93 Добро и зло

Подраздел: 93,1 Доброта

93,1,5 **отзывчивость**

↑ **сопереживание** 454 **беда** 475 **эмоциональность** 335

↔ **нечуткость** 455

Сердечность	Сердечный
Душевность	Душевный
Отзывчивость	Отзывчивый
Чуткость	Чуткий
Участие, участливость	Принять [принимать] участие <i>в ком</i> (# в его судьбе)
Внимание, внимательность	Участливый
Милосердие	Внимательный
Широкий жест (сделать#)	Милосердный

сочувствие — отзывчивое, участливое отношение к чужим заботам

сочувствовать *кому-чему* сочувственный

альтруизм — готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами

альтруист альтруистический

душа-человек

человек большого сердца

душевная щедрость смягчиться (наконец он смягчился), оттаять, отойти

см. **щедрость** 618 **филантропия** 442 **жалоба** 574 **милость** 573

В 1998 г. вышел первый том 6-томного «Русского семантического словаря» / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой (39 000 слов и фразеологических выражений). В подзаголовке указывается, что это «толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений». «Первичной единицей описания в словаре является значение слова; такие значения сгруппированы по частям речи и далее — по лексико-семантическим классам слов и их отдельным участкам». В основе семантического членения лежит деление всех слов языка на части речи. В этом отличие «Русского семантического словаря» / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой от других идеографических словарей.

Каждый раздел словаря открывается схемой — «лексическим древом» того или иного класса слов. Например:

К о б щ и м о б о з н а ч е н и я м л и ц а , ч е л о в е к а в с л о в а р е о т н е с е н ы т а к и е л е к с и ч е с к и е е д и н и ц ы : *гражданин, индивид, индивидуал, индивидуальность, индивидуум, лицо, личность, микрокосм и микрокосмос, особа, персона, смертный, субъект, тип, фигура, человек, элемент, башка, голова, птица, штука, штучка, экземпляр.*

Образец словарной статьи:

ЛІЧНОСТЬ, -и, ж. 2. Человек как особь, существующая в обществе (книжн.). *Неприкосновенность личности* (право гражданина на государственную охрану от противоправных посягательств на него; офиц.). *Свобода личности* (неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телефонных и телеграфных сообщений, свобода совести; офиц.). *Роль личности в истории*. 3. с определением. Отдельный человек как носитель своих собственных свойств. *Светлая, яркая, неповторимая, героическая л. Странная, темная, загадочная л.* 4. Выдающийся человек, а также вообще человек, положительно характеризующийся. *Каждый художник — л. Установить личность чью* (офиц.) — определить человека, узнать его имя. **Удостоверение личности** — документ, удостоверяющей, подтверждающий личность предъявителя, права того, на чье имя он оформлен. // *прил. личностный*, -ая, -ое (во 2-м знач.; книжн.). *Личностные качества.*

Тематическая классификация глаголов представлена в словарях «Лексико-семантические группы русских глаголов» / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой (Свердловск, 1988) и «Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» / Под ред. Л.Г. Бабенко (М., 1999).

Идеографическим словарем активного типа являются «Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера «жить»)» и «Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера «двигаться»)» Т.А. Кильдибековой и Г.В. Гафаровой (Уфа, 1997–1998).

«В функционально-когнитивном словаре отражается не только номинативная сфера языка, но и его коммуникативная сфера, т.е. сфера сообщения и передачи информации. В нем фиксируются многообразные блоки знаний и

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ (ПОНЯТИЙНЫЕ) СЛОВАРИ

виды зависимостей между языковыми единицами, возникающие в процессе речепроизводства».

Разновидностью идеографических словарей являются тематические словари. Они имеют большое значение в процессе преподавания русского языка как неродного. К ним относятся: З.Н. Дормидонтова. «Картинный русско-эстонский словарь» (Таллин, 1948; 3-е изд. — 1962); К.Н. Садыкова. «Тематический русско-таджикский словарь» (Душанбе, 1968); А.Н. Тихонов. «Русско-узбекский тематический словарь» (Ташкент, 1975; 2-е изд. — 1978); Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова «Тематический словарь русского языка» (Уфа, 1976); Ю.В. Ванников, А.Н. Шукин. «Картинный словарь русского языка» (М., 1965); Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова «Иллюстрированный тематический словарь русского языка» (М., 1989); Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин. «Тематический словарь русского языка» (М., 2000) и др.

«Тематический словарь русского языка» Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой, В.В. Морковкина содержит около 25 000 слов. Он состоит из трех основных разделов: «Человек», «Общество», «Природа». В каждом разделе представлены перечни слов, объединенных в тематические группы. Заголовочные единицы снабжены грамматической характеристикой, приведены их основные словоформы. Значение и употребление слов иллюстрируется словосочетаниями. Образец словарной статьи:

ЧЕЛОВЕК

• • •

СЕМЬЯ И РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

• • •

Семья

родител/**и**, -ей ; *только мн.*

молодые ~

пожилые ~

престарелые ~

любящие ~

~ ребенка

долг ~ **ей**.

внимание ~**ей**

внимание к ~**ям**

любовь к ~**ям**

уважать *несов.* ~**ей**

любить *несов.* ~**ей**

почитать *несов.* Книжн. ~**ей**

слушаться ~**ей**

помогать ~**ям**

жить с ~**ями**

~ работают

~ живы

~ умерли

К идеографическим словарям относятся также ассоциативные (аналогические) словари. Их создание связано с развитием психолингвистики. Систематизация лексических единиц в таких словарях основана на психологических ассоциациях.

Первым опытом составления такого словаря является «Словарь ассоциативных норм русского языка (пробные статьи)». Он опубликован в сборнике «Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку» (Изд-во МГУ, 1970). «Словарь ассоциативных норм русского языка» (Изд-во МГУ, 1977), изданный под редакцией А.А. Леонтьева, является его продолжением. «Если первый опыт составления словаря базировался на 66 словах-стимулах (отобранных по частотному принципу) и на 200 информантах, то <второй> ассоциативный словарь содержит в основном реакции информантов, количество которых колеблется в пределах от 500 до 700, на 500 слов-стимулов».

Отобранные слова предлагались испытуемым. Эксперименты носили как индивидуальный, так и массовый характер. При индивидуальном и массовом эксперименте испытуемому сообщалось, что ему будет прочитан ряд слов в быстром темпе и на каждое сло-

во он должен будет ответить первым пришедшим в голову словом. Полученные ответы обобщались. Одинаковые ответы суммировались. Все полученные по каждому слову списки сводились в одну словарную статью.

Словарная статья ассоциативного словаря имеет специфическую структуру:

1) после заглавного слова в скобках идут данные о частотности этого слова по словарям Джоссельсона (сокращенно Дж.), Штейнфельдт (Ш.) и словаря «2380 наиболее употребительных слов русской разговорной речи» (М., 1968), подготовленного преподавателями Университета дружбы народов им. П. Лумумбы (У.). По словарям Джоссельсона и Штейнфельдт в числителе дается ранг, а в знаменателе частотность. По У. дается только ранг (встречаемость);

2) после скобок и тире приводятся все слова-реакции в порядке убывания числа ответов с данным словом;

3) статью завершает указание на число испытуемых (N=...). В среднем их было 700 (для слов предварительного списка — около 200).

Образец словарной статьи:

БАБУШКА (Дж. — Ш. — У. 54) — дедушка 204, старая 78, старенькая 56, добрая 35, моя 28, старушка 21, хорошая 14, внучка, милая, седая 8, очки 7, дед, старость, старуха, в платке, любимая, родная, умерла 4, далеко, морщины, родственник 3, вязание, вяжет, доброты, моя бабушка, надвое сказала, наша, предки, седина, старая женщина, умная, ушла 2, башка, близкий друг, блины, болеет, больная, Васильевна, в длинной юбке, внуки, в очках, в платочке, вспомнила, встречать, газета, гостеприимная, грипп, гроб, двоюродная, девочка, деданька, дедушке, деревня, дерево, держаться, добренькая, доброты, добрый, дом, дорогая,

ей 70 лет, женщина, злая, квартира, Киев, клубок, Красная шапочка, крик, ласка, ласковая, Ленинград, лицо, любить, любовь, мама, молоко, надежда, Надя, Наташа, нет, нет у меня, низенькая, отличная, отношение ее, палец, палка, пирожки, пожилой человек, престарелый человек, придет, рассказывала, розовая и седая, ругает, ругается, рыхлое, самая добрая, с дедушкой, седая в очках, седой, сердится, сказка, скверная, смерть, сожаление, соседка, старуха, старушонка, старый, счастье иметь бабушку, тепло, тетя, тихая, толстая и добрая, труженица, увидеть, у кого, улица, умереть, умрет скоро, хорошо, царство ей небесное, читать, школа, это не дедушка, Юркина 1. N=624.

К данному типу словарей относятся также фундаментальный «Русский ассоциативный словарь» в 6 томах / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова (М., 1994–1998); Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» (М., 1994); «Словарь детских ассоциаций. Ассоциации детей от шести до десяти лет» / Н.И. Берсенева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова (Пермь, 1995); Т.В. Соколова. «Ассоциативный словарь ребенка» Ч. 1, 2 (Архангельск, 1996) и др.

Лит.: Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995; Ванников Ю.В., Шукин А.Н. Картинный словарь русского языка. М., 1965; Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994; Дормидонтова З.Н. Картинный русско-эстонский словарь. Таллин, 1962; Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980; Кильдибекова Т.А., Гафарова Г.В. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

«жить»). Уфа, 1997; Они же. Функционально-когнитивный словарь русского языка (сфера «двигаться»). Уфа, 1998; Лексико-семантические группы русских глаголов / Под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988; Русский ассоциативный словарь. Т. 1–6 / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. М., 1994–1998; Русский семантический словарь. Т. 1–6 / Под ред. Ю.Н. Шведовой. М., 1998; Русский семантический словарь / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов и др. Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1982; Садыкова К.Н. Тематический русско-таджикский словарь. Душанбе, 1968; Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М. Иллюстрированный тематический словарь русского языка. М., 1989; Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. М., 2000; Словарь ассоциативных норм русского языка (пробные статьи) // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М., 1970; Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977; Словарь детских ассоциаций. Ассоциации детей от шести до десяти лет / Н.И. Берсенева, Л.А. Дубовская, И.Г. Овчинникова. Пермь, 1995; Соколова Т. В. Ассоциативный словарь ребенка. Ч. 1, 2. Архангельск, 1996; Тихонов А.Н. и др. Русско-узбекский тематический словарь. Ташкент, 1978.

ИДИОМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ.

См. **фразеологические словари.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ СЛОВАРИ. См. **словарь.**

ИНВЕРСИОННЫЕ СЛОВАРИ.

См. **обратные словари.**

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ.

Словари, в которых описана лексика определенного исторического периода, содержатся сведения об истории слов. Исторические словари имеют большое общекультурное значение.

Выделяются два типа исторических словарей: диахронические словари и словари «синхронного (горизонталь-

ного) среза». Диахронические словари имеют широкие хронологические рамки и воссоздают историю слова на протяжении больших периодов развития языка. Диахроническим является «Словарь русского языка XI–XVII вв.». Он охватывает лексический состав русского языка на протяжении семи столетий – от древнекиевского периода до начала формирования русской нации. В словарной статье представлены наиболее раннее употребление слова и наиболее поздняя его фиксация. Словарь необходим для чтения древнерусских текстов – летописей, грамот, исторических документов, житийной литературы и т.п. Образец словарной статьи:

НЕПРАЗНЬСТВО, с. *Дело, забота*. Вся житиискаа непразньства оотр яти Сбор. XV в*. И призвахут имя Валово от утра и до полудне... и не б послушания... и поругася им Илья Фезвитянинъ и реч<e>: зовете глсом великим яко бъ ес<ть>и непразньство ему ес<ть> и да ино что строить. (3 Цар. XVIII, 26–27) Библ. Генн. 1499 г.

Словари «синхронного среза» описывают словарный состав определенных периодов истории языка. В них более подробно прослеживается динамика функционирования слова. К словарям такого типа относятся «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словарь русского языка XVIII в.». В «Словаре русского языка XVIII в.» специальной пометой – белым треугольником – отмечаются те элементы, которые возникли в течение столетия. Все, что вышло из употребления в этот период, отмечено черным треугольником. Комбинированные по цвету треугольники указывают на увеличение или сокращение частотности употребления лингвистических форм. Широко представлены варианты слов. Образец словарной статьи:

ВОЙСТИННУ (в-, вь-, -ину, также раздельно) и **ВОЙСТИННО**, нареч. *Подлинно, действительно, в самом деле.* <Волк>дитя плачущее, и бабу сице глущую слыша, престани плакати, аще, него тя тогож часа волку отдам, мняше волк яко воистинно глаше баба, зло надолз ждаше. Притчи Э. 1700 104. Воистину не лзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых. ЖКф 1714 37. [Добросердов:] Естли бы ты в истинну взаимную любовь питала, то бы все для своего любовника забыла. Лук. Мот 110, – Ср. *истинно, подлинно, поистинн, в рно, д ствитель-но, суще, праведно.*

- С т и л. САР¹ б/п, САР² сл. Н о р м. САР¹ войстинну, во образ нареч., САР² войстинну, нар.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» в 2 томах П.Я. Черных совмещает в себе исторический и этимологический словари. В нем объясняется история и происхождение 13 560 слов современного русского литературного языка. В словарной статье дается определение значения слова, указываются его производные и однокоренные слова, приводятся родственные образования в других славянских языках, а для заимствованных слов – языковые параллели в других языках. Указывается время появления слова в словаре, прослеживается изменение значения слова, его фонетического облика, орфографии. Образец словарной статьи:

ВЕРЕТЕНО́, а, ср. – «простейшее орудие прядения – палочка с утонченными и заостренными концами, употребляемая для наматывания пряжи». Прил. **веретенный**, -ая, -ое. *Сущ. веретёнщик.* Укр. веретено, веретённий, -а, -е, веретінний, -а, -е; блр. верацяно́, вераценны, -ая, -ае; болг. вретено, вретёнен, -нна, -нно; с.-хорв. вретено; словен. vreteno; чеш. vreteno, vretenový,

-á –é; польск. wrzesciono, wrzescionowy, -а, -е; в.-луж. wrjeseno; н.-луж. wrjeseno. Др.-рус. **веретено** (Пов. вр.л. и др.) [Срезневский, 1, 244]. Ст.-сл. Вр т но (SJS,I: 5, 231). О.-с.* verteno. Корень *vert -; суф. – ен-о (как в о.-с.* рьсено). И.-е. корень *uer-, расширитель -t – «вертеть», «вращать». Си. Вертеть, вращать. Ср. кимр. (вал.) gwerthyd (с gw и.-е. u, th<t) «веретено»; др.-инд. var-tana -m- «вращение»).

Лит.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–10 / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988–1994; Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–10 / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л., 1984–1998; Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–7), Ф.П. Филин (вып. 8–11), Д.Н. Шмелев (вып. 12–14); до вып.14 – также под ред. Г.А. Богатовой; гл. ред. Г.А. Богатова (вып. 15–23). М., 1975–1998; Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1–3. М., 1989; Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993.

КАРМА́ННЫЕ СЛОВАРИ́. См. словарь.

КАРТÍННЫЕ СЛОВАРИ́. См. словарь.

КО́МПЛЕКСНЫЕ СЛОВАРИ́. См. словарь.

ЛИНГВИСТÍЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́. См. словарь.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГÍЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́. Словари, в которых раскрывается содержание основных понятий культуры. В «Словаре православной культуры» Г.Н. Складневской описываются слова, связанные с православием: основные понятия христианского вероисповедания, предметы богослужения, таинства, наименова-

ния церковной иерархии, облачения, церковный календарь, православные праздники, имена известных библейских персонажей и наиболее чтимых православных святых.

«Словарь культуры XX века» В.П. Руднева раскрывает понятия, которые приобрели актуальность в XX в. (анекдот, депрессия, кино, телефон, театр абсурда и т.п.).

Книга Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» представляет собой словарь концептов — основополагающих понятий русской культуры, таких как «Мир» (вокруг нас), «Ментальный мир» (в нашем сознании) и их компонентов — концептов «Слово», «Вера», «Любовь», «Радость», «Знание», «Наука», «Число. Счет», «Страх. Тоска», «Свой-Чужие» и т.д. Например:

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ. А есть еще Вся Земля, наш общий дом, куда приходим мы, рождаясь, как граждане мира...

Так оно так, конечно, и лучше бы как-нибудь работать гражданином мира, но как перешагнуть через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить ее, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти, угля захочет почувствовать человека?

«Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России...» — писал Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) [Дневники, 1925 г., 10 янв. Цит. по: М.: Правда, 1990. С.124].

Все компоненты концепта «Родная земля», как он реально существует в

русском менталитете нашего времени, даны здесь у Пришвина один за другим; а) «боль» за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная е) родным словом. Так и остановимся на них, почти в этой самой последовательности.

Понятие «естественное богатство» вынесем отдельно — см. **Деньги**, а «боль», видимо, соединится со всем остальным.

В «Современном словаре по культурологии» В.В. Юрчука раскрываются основные понятия, связанные с культурой различных стран мира, суммируются знания многих наук о культуре в целостную систему, подробно анализируются основные направления и течения в искусстве и культуре.

Лит.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М., 1997; Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000; Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001; Юрчук В.В. Современный словарь по культурологии. Минск, 1999.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ СЛОВАРИ. Лингвострановедческие словари отражают этнокультурные компоненты в семантике языковых единиц. Они адресованы прежде всего иностранцам, изучающим русский язык. Многие лингвострановедческие словари строятся по тематическому принципу.

Словарь М.А. Денисовой «Народное образование» содержит свыше 160 слов и отдельных словосочетаний. В него включена лексика, характеризующая дошкольные учреждения, среднюю и высшую школу. Образец словарной статьи:

ЗАЧЁТНАЯ КНИЖКА, книжка, *ж.*; *реч. вар.* зачетк/а, -и, *ж.* (*разг.*)

Документ учащегося высшего или среднего специального учебного заве-

дения*, в котором проставляются экзаменационные отметки* и зачеты.

При зачислении в учебное заведение каждому студенту *выдается* именная *зачетная книжка* (с фотографией) и студенческий билет*. В зачетной книжке указывается, в каком институте, на каком факультете* и отделении учится студент.

В *зачетку* *вносятся* все учебные дисциплины, которые изучались в данном семестре* и были вынесены в экзаменационную сессию* (т.е. по которым учебный план* предусматривает сдачу зачетов и экзаменов). Во время очередной сессии преподаватель, который *принимает экзамен* или зачет, *ставит в зачетку отметку* и расписывается.

В *зачетной книжке проставляются* также *отметки* за курсовые и дипломные работы* (проекты*), за производственную (педагогическую) практику*, за государственные экзамены* и отмечается перевод студента на следующий курс.

См. Высшее учебное заведение, Среднее специальное учебное заведение, Экзаменационная сессия, Отметка, Студенческий билет.

Словарь хорошо проиллюстрирован. Ценным в нем является «Указатель тематической сочетаемости, отраженной в словаре». В него вошли слова и выражения, раскрывающие наиболее важные ситуации по теме «Народное образование в СССР». Они даны в их лексической сочетаемости, представленной в словаре:

абитуриент: собеседование с ~ами 129

академическ/ий: ~ая задолженность 88, 236, ~ая неуспеваемость 88, 236.

академия: Академия педагогических наук СССР 55, 64, 130 209, 222

актив: комсомольский ~ 56, 128, 196, 202, пионерский ~ 56, 58, 76, 128,

166, студенческий ~ 57, ученический ~ 56; ~ класса 56, 124, 193, ~ школы 56; выбирать ~ 173, избирать ~128

активист: ~ студенческого научного общества 130, 196

актовый: ~ зал 65, 69, 81, 117, 227

аспирант ~ вуза 232

Цифры обозначают страницы словаря, на которых встречаются приведенные слова и словосочетания.

В словарь Т.Н. Чернявской «Художественная культура СССР» включена лексика по разделам: театральное, эстрадное, цирковое, хореографическое искусство, киноискусство, изобразительное и декоративно-прикладное искусство, архитектура, народные художественные промыслы, музейное дело и т.п.

В лингвострановедческих словарях В.П. Фелицыной и В.М. Мокиенко «Русские фразеологизмы» (М., 1990) и В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения» (М., 1970) представлены наиболее употребительные устойчивые сочетания, пословицы, поговорки и пр., толкование их значений и комментарии с точки зрения отражения ими отечественной истории, литературы и культуры (см. **Словари пословиц и поговорок и Фразеологические словари**).

В словаре А.А. Акишиной, Х. Кано, Т.Е. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь» (М., 1991) описывается около 200 словосочетаний, служащих в русском языке для обозначения жестов и мимики. Каждая словарная статья включает описание жеста, его характеристики, словесные формулы, выражающие данный жест в письменной речи, примеры.

Словарь А.Г. Балакая «Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доб-

рожелательного обхождения XIX–XX вв.» в 2 т. (Кемерово, 1999) содержит около 6000 слов и устойчивых формул приветствия, обращения, знакомства, просьбы, приглашения, предложения, совета, благодарности, извинения, пожелания, поздравления, похвалы, комплиментов, утешения, соболезнования, прощания. Образец словарной статьи:

Вопрос. **◇ Можно мне (Могу я) задать (Вам, тебе) вопрос?** Формула вежл. вопроса. обращения к собеседнику, равному или старшему по возрасту, положению. ? **Вопрос можно?** Разг. *По городу шел степенный мальчик-крепыш и изредка обращался к встречным, к тем, кто по его мнению заслуживал доверия: – Вопрос можно, товарищ? Мы, стало быть, пастухи...* (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо).

◇ У меня (у, нас) к Вам вопрос:... С оттенком официальности. К равному или младшему по возрасту, положению. **◇ Извините (простите) за нескромный вопрос.** См. Извините. Простите. **◇ Что за вопрос!** Разг. *Экспрессив.* Да, ну конечно же! Положительный ответ знакомому, равному или младшему по возрасту, положению на вопрос или просьбу, высказанную в форме вопроса. обращения. «*Можно, я у вас посижу, а то до электрички еще два часа?» – «Что за вопрос! Сейчас чайку поставим»* (1996). «*Значит, я могу с ними работать?» – «Что за вопрос! Они даже рады будут»* (1997).

Лит.: Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М., 1991; Балакай А.Г. Доброе слово: Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв. Т. 1, 2. Кемерово, 1999; Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь: Народное образование в СССР. М., 1983; Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Рус-

ские фразеологизмы. М., 1990; Фелицина В.П., Прохорова Ю.Е. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения. М., 1988; Харченкова Л.И. По одежке встречают... Секреты русского костюма: Лингвострановедческий словарь. СПб., 1994; Чернявская Т.Н. Художественная культура СССР: Лингвострановедческий словарь. М., 1984.

МОРФЕМНЫЕ СЛОВАРИ. См. словари морфем.

НОРМАТИВНЫЕ СЛОВАРИ – словари, отражающие действующие нормы литературного языка (см. Толковые словари, Орфографические словари, Орфоэпические словари).

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ. См. диалектные словари.

ОБРАТНЫЕ (ИНВЕРСИОННЫЕ) СЛОВАРИ. Словари, в которых слова располагаются по алфавиту не начальных, а конечных букв. Из двух любых слов первым помещается то, у которого конечная буква ближе к началу алфавита (напр., **лом** ставится раньше, чем **кот**); при одинаковых конечных буквах сравниваются вторые от конца (напр., **свет** ставится раньше, чем **кот**); если и они одинаковые, то третьи, и т.д. Например:

молоча́йный
случа́йный
обыча́йный
необыча́йный
чрезвычайный

Словарем такого типа является «Обратный словарь русского языка» (М., 1974), содержащий около 125 000 слов.

Его словник охватывает материал четырех толковых словарей – 17-томного (сокращенно: Б) и 4-хтомного

(М) словарей АН СССР, Словаря Ушакова (У) и Словаря Ожегова (О). Слова снабжены грамматическими пометами и указаниями, в каких словарях они зафиксированы:

ад	Б У О М м	колебáть	Б У О М нсв
рад	Б У О М м	заколебáть	Б У М св
вдогáд	Б н	поколебáть	Б У О М св
невдогáд	Б У М н 2	расколебáть	Б св

В обратном алфавитном порядке расположены слова в «Грамматическом словаре русского языка. Словоизменение» А.А. Зализняка (М., 1977). При такой подаче слова со сходными грамматическими характеристиками оказываются в словаре рядом. Обратные словари используются при изучении морфологии, суффиксального словообразования, фонетических особенностей конца слов, при расшифровке текстов и составлении программ для их машинной обработки.

Лит.: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977; Обратный словарь русского языка. М., 1974.

ОБЩИЕ СЛОВАРИ́. См. **толковые словари.**

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВАРИ́ – то же, что толковые словари (см.).

ОДНОЗЫ́ЧНЫЕ СЛОВАРИ́. См. **словарь.**

ОНОМАСТИ́ЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́. См. **словари имен и фамилий, топонимические словари.**

ОРФОГРАФИ́ЧЕСКИЕ СЛОВАРИ́. Словари, в которые даны сведения о правильном, нормативном написании слов.

Орфографические словари играют важную роль в повышении грамотности, а значит, и общей культуры носителей русского языка. В них в алфавитном порядке дается написание слов и

некоторых их грамматических форм, соответствующее принятым, обычно узаконенным, орфографическим правилам, нормам.

Первым орфографическим словарем русского языка принято считать «Справочный указатель» Я.К. Грота – приложение к его книге «Русское правописание» (СПб., 1885). К наиболее известным дореволюционным словарям относятся: В. Клименталь. «Ученический карманный словарь для правописания» (СПб., 1900); «Орфографический словарь спутник» / Под ред. М. Алтабаева (М., 1913); В.А. Зелинский. «Подробный орфографический словарь» (М., 1909 и 1914).

В зависимости от объема и направленности можно выделить три типа орфографических словарей. Во-первых, это орфографические словари **общего типа**. Работа над ними ведется в Институте русского языка РАН. Академический «Орфографический словарь русского языка» выдержал 33 издания. Он регулярно выпускался с 1956 г. (с 1956 по 1973 г. – под ред. С.Г. Бархударова, С.И. Ожегова, А.Б. Шапиро; с 1974 по 1990 г. под ред. С.Г. Бархударова, И.Ф. Протченко, Л.И. Скворцова; с 1991 по 1998 г. – под ред. В.В. Лопатина) и содержал 100 тыс. слов. В 1999 г. вышло обновленное 34-е издание этого словаря – «Русский орфографический словарь» / Отв. ред. В.В. Лопатин. В нем около 160 тыс. слов и словосочетаний в их нормативном написании, с ударением и необходимой грамматической информацией. В словарь впервые включены слова, пишущиеся с прописной буквы, и сочетания с такими словами, а также слова, которые в разных своих значениях и употреблении пишутся то с прописной, то со строчной букв. В словаре есть перечень слов с измененным, по сравнению с 33-м изданием, написа-

нием. «Русский орфографический словарь» (М., 1999) является нормативным общеобязательным справочным пособием.

К орфографическим словарям общего типа можно отнести «Орфографический словарь русского языка» А.Н. Тихонова (М., 1999; 3-е изд. — 2002). Он содержит около 70 тыс. слов современного русского литературного языка, включая новые слова иноязычного происхождения, в большом количестве вошедшие в русский язык за последние годы. В третьем издании (М., 2001) этого словаря учтены все изменения в написании слов в соответствии с 34-м изданием академического «Русского орфографического словаря» / Отв. ред. В.В. Лопатин. Словарь предназначен для широкого круга читателей.

Второй тип орфографических словарей — словари **школьные**. Они отличаются от словарей общего типа меньшим объемом словника. Более 40 изданий выдержал выходящий с 1934 г. школьный «Орфографический словарь» Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова на 12 тыс. слов.

К данному типу относится «Школьный орфографический словарь русского языка» М.Т. Баранова (3-е изд. М., 1997). Особенностью этого словаря является то, что в нем не только дается правильное написание слова, но и объясняется, почему оно так пишется.

Для учащихся школ предназначены также следующие словари: Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. «Новый орфографический словарь русского языка: Для учащихся средних учебных заведений» (М., 1995); «Краткий орфографический словарь русского языка: Для гимназистов и школьников» (М., 1997); С.Д. Леденев, И.В. Ледовских. «Школьный орфографический словарь русского языка» (М., 1997), во-

ходящий и в «Большой словарь русского языка» (М., 1998), и др. Однако эти словари не всегда могут удовлетворить потребности учащихся в силу ограниченного количества представленных в них слов.

Новым этапом создания учебных орфографических словарей можно считать выход в свет «Школьного орфографического словаря русского языка» А.Н. Тихонова и М.Ю. Казак (М., 1999; 2-е изд. — 2002). Он включает более 42 тыс. слов, грамматических форм и оборотов речи — наиболее активную лексику русского языка, в том числе учебную, общественно-политическую, научную. В нем нашли место новые слова, отражающие современное развитие общества и входящие в активное употребление. Особое внимание в словаре уделяется дублетным образованиям (**камешек** и **камушек** и др.), словам с дефисным, слитным или раздельным написанием, с двойными согласными, с непроверяемыми гласными и др. типам орфографически трудных слов. В необходимых случаях слова снабжены грамматическими пометами. Приводятся грамматические формы, образование или написание которых может вызвать затруднения. Словарь фиксирует варианты грамматических форм. Во всех изменяемых словах окончание отделяется от основы с помощью вертикальной черты. Вертикальная черта стоит в конце слова, если окончание нулевое. Таким образом, вертикальная черта является показателем изменемости слова.

Образцы словарных статей из «Школьного орфографического словаря русского языка» А.Н. Тихонова и М.Ю. Казак:

копн/á, копн/ы́, *ми* ко́пн/ы,
копён/, копн/áм и ко́пен/,
ко́пн/ам
концентри́рованн/ый; *кр. ф.*

прич. концентрирован/,
концентрирован/а; *кр. ф. прил.*

концентрирован/, концентрированн/а

Третий тип орфографических словарей — **словари-справочники**. К ним относятся: Б.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая. «Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника)» (5-е изд., испр. и доп. М., 1985; ок. 82 000 слов); В.З. Букчина, Л.П. Калакуцкая. «Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник» (М., 1998; св. 107 000 слов); Д.Э. Розенталь. «Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника)» (2-е изд. М., 1986; около 8500 слов и словосочетаний); Н.В. Соловьев. «Русское правописание. Орфографический справочник. Словарь. Комментарии. Правила» (2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997; 80 000 слов); И.К. Сазонова. «Одно или два н? Орфографический словарь русского языка». (М., 1998; 25 000 слов и их грамматических форм); В.В. Лопатин, Л.К. Чельцова, И.В. Нечаева. «Прописная или строчная? Орфографический словарь русского языка» (М., 1999; 15 000 слов и словосочетаний); Б.З. Букчина. «Слитно? Раздельно? Через дефис? Орфографический словарь русского языка» (М., 1999; 60 000 слов); И.Р. Игнатченко. Балл или бал? Слова с двойными согласными. Словарь с грамматическим комментарием (М., 1998); И.Р. Игнатченко. «Н и НН: Правописание суффиксов: Словарь с грамматическим комментарием» (М., 1998); Н.П. Колесников «Слова с удвоенными согласными: Словарь-справочник» (Ростов н/Д, 1995); Н.А. Метс. «Пре- и при-: Правописание приставок: Словарь с грамматическим комментарием» (М., 1998) и др.

В «Большой словарь русского языка» (М., 1998) входят следующие орфографические справочники: З.Н. Пота-

пурченко. «Правописание сложных слов», Н.М. Семенова. «Прописная или строчная?», З.Н. Потапурченко. «Непроверяемые и труднопроверяемые гласные и согласные корня», Н.А. Метс. «Пре- и при-: Правописание приставок», И.Р. Игнатченко. «Н и НН: Правописание суффиксов», Н.А. Метс. «ЗАТО или ЗА ТО? Соотносимые словоформы», И.Р. Игнатченко. «Балл или бал? Слова с двойными согласными», И.Р. Игнатченко. «НЕ и НИ. Правописание частиц», З.Н. Потапурченко «Правописание наречий». В «Новый учебный словарь русского языка» (М., 2003) входят несколько орфографических словарей А.Н. Тихонова и М.Ю. Казак: «Прописная или строчная?», «Слитно? Раздельно? Через дефис?», «Слова с двойными согласными», «Правописание слов с не- и ни-, пре- и при-, роз- и рос-».

Лит.: Баранов М.Т. Школьный орфографический словарь русского языка. М., 1997; Большой словарь русского языка. М., 1998; Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). М., 1985; они же. Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник. М., 1998; Букчина Б.З. Слитно? Раздельно? Через дефис? Орфографический словарь русского языка. М., 1999; Введенская Л.А., Колесников Н.П. Новый орфографический словарь русского языка: Для учащихся ср. учеб. заведений. М., 1995; Игнатченко И.Р. Балл или бал? Слова с двойными согласными. Словарь с грамматическим комментарием. М., 1998; Игнатченко И.Р. Н и НН: Правописание суффиксов. Словарь с грамматическим комментарием. М., 1998; Колесников Н.П. Слова с удвоенными согласными: Словарь-справочник. Ростов н/Д, 1995; Краткий орфографический словарь русского языка: Для гимназистов и школьников. М., 1997; Леденев С.Д., Ледовских И.В. Школьный орфографический словарь русского языка. М., 1997;

Лопатин В. В., Чельцова Л. К., Нечаева И. В. Прописная или строчная? Орфографический словарь русского языка. М., 1999; Метс Н. А. Пре- и при-: Правописание приставок: Словарь с грамматическим комментарием. М., 1998; Новый учебный словарь русского языка / Под ред. А. Н. Тихонова. М., 2003; Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. М., 1986; Русский орфографический словарь / Отв. ред. В. В. Лопатин. М., 1999; Сазонова И. К. Одно или два н? Орфографический словарь русского языка. М., 1998; Соловьев Н. В. Русское правописание. Орфографический справочник. Словарь. Комментарий. Правила. СПб., 1997; Тихонов А. Н. Орфографический словарь русского языка. М., 2002; Тихонов А. Н., Казак М. Ю. Школьный орфографический словарь русского языка. М., 2002; Ушаков Д. Н., Крючков С. Е. Орфографический словарь: Для учащихся средней школы. М., 1984.

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ.

Словари, в которых даны сведения о нормах устной речи – произношении, ударении.

Первый орфоэпический словарь-справочник – «Русское литературное произношение и ударение» / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1955; 2-е изд. – 1959; ок. 52 000 слов). На его основе создан «Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы» / Под ред. Р. И. Аванесова (М., 1983; 6-е изд. – 1997; ок. 65 000 слов). В связи с особенностями русского ударения, которое может менять место при образовании грамматических форм слова, в этом словаре даются грамматические формы с указанием ударения, а также все случаи нестандартного образования форм. В 1997 г. вышел «Словарь трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной. В нем около 15 000 слов,

произношение которых нельзя однозначно определить по их графическому написанию. «Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке» К. С. Горбачевича (СПб., 2000) включает в себя 12 000 слов, существующих в современном русском языке в двух произносительных или акцентологических вариантах. Для учащихся предназначены следующие словари: П. А. Лекант, В. В. Леденева. «Школьный орфоэпический словарь русского языка: Произношение слов» (М., 1998), он же вошел в «Большой словарь русского языка» (М., 1998); В. В. Львов. «Давайте говорить правильно: Краткий словарь произношения и ударения: Справочное пособие для учащихся» (М., 1996).

К орфоэпическим словарям относятся **словари ударений**: Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (М., 1960; 6-е изд. – 1985; 75 000 слов); Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва. «Словарь ударений русского языка» (М., 1993); Р. В. Крылова. «Словарь ударений русского языка» (Минск, 1986; предназначен для средней школы). Сведения об ударении в грамматических формах слов содержатся также в словаре Н. А. Еськовой «Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение». (М., 1994; ок. 12 000 слов).

Орфоэпические рекомендации включены также в «Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка» Б. Т. Панова и А. В. Текучева (М., 1985; 3-е изд. – 1991; 10 500 слов) и в «Словарь-справочник по русскому языку» А. Н. Тихонова, Е. Н. Тихоновой. С. А. Тихонова (М., 1995, 5-е изд. – 2001; ок. 26 000 слов).

Образцы словарных статей из «Орфоэпического словаря русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы»:

вознести́, -сú, -сет, *прош.* -нес, -не-сла́, *прич. действ. прош.* вознесший, *прич. страд. прош.* вознесенный, -ен, -ена́, *деепр.* вознеся́ [з^бн^б] △вознести? [с^бт^б], вознесли? [доп. с^бл^б]! *неправ.* вознесённый, -ен, -ена

докуме́нт, -а △о документе [н^бт^б] ! *грубо неправ.* докúмент

стро́гий, -ая, -ое, *кратк. ф.* строг, строга, строго, строги и *доп.* стрóгий, *сравн. ст.* стрóже.

Лит.: Агеенко Ф.Л., Зарва М.В. Словарь ударений для работников радио и телевидения. М., 1985; Они же. Словарь ударений русского языка. М., 1993; Горбачевич К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб., 2000; Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994; Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997; Крылова Р.В. Словарь ударений русского языка. Минск, 1986; Лекант П.А., Леденева В.В. Школьный орфоэпический словарь русского языка: Произношение слов. М., 1998; Львов В.В. Давайте говорить правильно: Краткий словарь произношения и ударения: Справочное пособие для учащихся. М., 1996; Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1997; Панов Б.Т., Текучев А.В. Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка. М., 1991; Русское литературное произношение и ударение / Под ред. Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова. М., 1959; Тихонов А.Н., Казак М.Ю. Школьный орфографический словарь русского языка. М., 2002; Тихонов А.Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. М., 2001.

ПЕРЕВОДНЫ́Е СЛОВАРИ́. См. словарь.

ПОНЯТИ́ЙНЫЕ СЛОВАРИ́. См. идеографические словари.

СЛОВАРИ́ АНТО́НИМОВ. Словари, в которых дается описание антонимов — слов с противоположным значением.

Самое широкое назначение имеет словарь Л.А. Введенской. В аннотации автор пишет: «Книга может служить пособием для проведения практических и семинарских занятий по современному русскому языку. Материал ее может быть использован при чтении лекций по лексикологии и лексикографии, а также при обучении русскому языку учащихся.

Аудитория: научные работники, преподаватели и студенты-филологи, журналисты, писатели, переводчики, редакторы, учителя школ и др.».

По принципу разработки материала он относится к толковым словарям. Л.А. Введенская впервые обратила внимание на основные особенности толкования антонимов, отличающие их подачу от семантической разработки слов в обычных толковых словарях. Семантическая характеристика антонимов осуществлена в ее словаре с учетом их полисемии и синонимических связей. В качестве иллюстративного материала послужили примеры на одноконтекстное употребление антонимов из современной художественной, научной, публицистической литературы, собранные автором. «Среди иллюстраций немало место занимают пословицы, для которых наличие антонимов особенно характерно. Помимо цитат в отдельных случаях даются наиболее типичные словосочетания». Стилистически маркированные антонимы снабжены соответствующими пометами. В словаре 1249 антонимических пар. Например:

БУДНИ — ПРАЗДНИК

1. Рабочий день. 1. Общий нерабочий день.

Лицо его раз и навсегда приняло испуганное и недоуменное выражение, кото-

рое не изменялось ни в праздники, ни в будни. М. Бессараб. Владимир Даль, 84. — Нет покоя ни в будни, ни в праздники! А.П. Чехов, 5,5. Примечай будни, а праздники сами придут. В будни прогулял, а в праздник и работать нехотит. Пословицы.

2. Повседневная, торжество,
обыденная жизнь.

Наша армия знала будни и праздники, горечь отступлений и радость побед. «Юность», 1968, № 2, 2.

Словарная статья в словаре Н.П. Колесникова содержит лишь пары противопоставляемых слов, их дефиниции, построенные без учета семантической специфики антонимов, т.е. без учета их смысловой скоординированности. Иллюстративный материал в нем отсутствует. Словарь адресован «студентам-филологам, преподавателям, журналистам, переводчикам и всем тем, кто заинтересован в повышении культуры речи». В нем собрано более 1300 однокоренных и разнокоренных антонимов. Например:

АД — РАЙ

Ад — место, где души умерших подвергаются вечным мукам. **П е р е н о с н о**: условия, пребывание в которых тяжело, невыносимо.

Рай — место, где души умерших ведут блаженное существование. **П е р е н о с н о**: хорошие условия жизни.

В «Словаре антонимов русского языка» М. Р. Львова к антонимам приводятся только иллюстрации из художественной, научной и публицистической литературы. В этом отношении он представляет собой особый тип антонимического словаря. Как отмечается в аннотации, он предназначен «для специалистов-филологов, переводчиков, работников печати и радио», рекомендуется в качестве справочного пособия для лиц, изучающих русский

язык как неродной или иностранный, «представляет интерес и для широкого круга читателей». Словарь содержит более 2000 пар антонимов. К антонимам приводятся синонимы (синонимические пары антонимов). Например:

30. БОГАТЕТЬ — БЕДНЕТЬ

сов. разбогатеть — обеднеть

[Чепурин:] Вы не **разбогатеете**, а и я не **обеднею**. А. Островский, Трудовой хлеб. Этим же занимаются и поселенцы, которые **богатеют** здесь так же быстро, как и **беднеют**. Чехов, Остров Сахалин.

богатеть — нищать

сов. разбогатеть — обнищать

Подобно помещикам, богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам, они **богатеют** потому, что разоряется и **нищает** масса крестьянства. Ленин, К деревенской бедноте.

На иных принципах построен «Школьный словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова. В нем 500 словарных статей. Он включает широкоупотребительные антонимичные пары слов. В статье раскрываются их значения, к антонимам приводятся их синонимы, в разделе «гнездо антонимов» даются производные от заглавных слов антонимы. Иллюстративный материал извлечен из произведений художественной литературы, изучаемых в школе, фольклора, из газет. Слова, имеющие стилистические ограничения, снабжены необходимыми пометами. Основной пользователь словаря — учащийся общеобразовательной школы с русским языком обучения. Новым и ценным в словаре является попытка учесть отраженную (гнездовую) антонимию производных слов:

вежливый — грубый

Учтивый, предупредительный, обходительный. — Неучтивый, неделикатный, резкий.

— Я ожидал, что он встанет, но он продолжал сидеть, не выпуская из рук газеты, — поступок крайне грубый в стране, где люди обычно так вежливы. Д. Гранин. Генерал Коммуны. *В знач. суц.* Сорокин даже рассердился: «Что за народ?» Но потом вспомнил, что завтра все — и вежливые, и грубые — пойдут в одной цепи по одному и тому же полю. И. Виноградов. Потери — один человек.

Өгнездо антонимов: вежливо — грубо (наречия), вежливость — грубость.

□Синонимические пары: вежливый — невежливый, учтивый — грубый, учтивый — неучтивый, корректный — грубый, корректный — некорректный, предупредительный — грубый, любезный — грубый, любезный — нелюбезный.

Лит.: Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов н/Д, 1982; Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. Тбилиси, 1978; Он же. Семонимический словарь русского языка (словарь паронимов и антонимов). Ростов на/Д., 1995; Львов М.Р. Школьный словарь антонимов русского языка. М., 1998; Он же. Словарик синонимов и антонимов: С толкованием значений, оттенков и многозначности слова. Для поисковой, творческой работы учащихся начальных классов. М., 1995.

СЛОВАРИ АФОРИЗМОВ И «КРЫЛАТЫХ СЛОВ». Словари, в которых представлены афоризмы — краткие выразительные изречения, а также образные выражения, цитаты из литературных источников и другие «крылатые слова».

Образец словарной статьи из словаря «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной:

Аннибалова клятва

По словам Полибия (ок. 201—120 до н.э.) и других древних историков, карфагенский полководец Аннибал (или Ганнибал, 247—183 до н.э.) рассказы-

вал, что, когда ему было десять лет, отец заставил его поклясться, что он всю жизнь будет непримиримым врагом Рима, который превратил Карфаген в свою колонию. И клятву свою Аннибал сдержал. Переносно выражение «аннибалова клятва» означает твердую решимость бороться с кем-либо чем-либо. См. также **словари пословиц и поговорок**.

Лит.: Антология афоризмов / Сост. Н.Л. Векшин. М., 1999; Ашук и н Н.С., Ашук и н а М.Г. Крылатые слова. М., 1988; Берков В.П., Мокиенко В.И., Шулержкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000; Большая книга афоризмов / Сост. К.В. Душенко. М., 2000; В мире мудрых мыслей / Сост. С.Х. Карин. Ред. А.Г. Спиркин. М., 1962; Великие мысли великих людей. Т. 1—3 / Сост. И.И. Комарова, А.П. Кондрашов. М., 1999—2000; Воронцов Вл. Симфония разума: Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. М., 1976; Ворохов Э. Энциклопедия афоризмов. М., 1999; Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. М., 2003; Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Современные крылатые слова и выражения. М., 2000; Душенко К.В. Словарь современных цитат. М., 1997; Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М., 1999; За словом в карман / Сост. К.В. Душенко. М., 1999—2000; Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Читая и почитая Грибоедова: Крылатые слова и выражения. М., 1998; Максимов С.В. Крылатые слова. М., 1955; Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999; Николаюк Н.Г. Библийское слово в нашей речи: Словарь-справочник. СПб., 1998; Позин В.Ф., Позина А.В. Крылатые слова из Ветхого и Нового Завета: Словарь-справочник. СПб., 1998; Современные афоризмы. Антология / Сост. В. Тюрин и В. Шойхер. М., 1999; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь. М., 1988.

СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ. См. **топонимические словари.**

СЛОВАРЬ ДЕТСКОЙ РЕЧИ. Словари, в которых представлены слова, производимые (а не воспроизводимые) детьми в процессе речи.

«Словарь детской речи» В.К. Харченко содержит 3536 слов (5207 словоупотреблений). Задача словаря – возможно полное отражение детской речи во всем многообразии ее словообразовательных, грамматических и сочетаемостных феноменов. Автор словаря так определяет его особенности: 1) словарь отражает восприятие детьми некоторых понятий; словарная статья, помимо сугубо языковой, содержит и энциклопедическую информацию; 2) в словаре отражаются различные стороны детской речи: усвоение грамматических форм, словотворчество, необычное словоупотребление, восприятие фразеологизма, придумывание загадок, воспроизведение детского фольклора; 3) возрастной интервал информантов от 2 до 14 лет; 4) диалоги в словарных иллюстрациях — это, по преимуществу, диалоги ребенка и взрослого.

Расположение слов в словаре алфавитное. Особое внимание уделено устойчивым ошибкам, повторяемости словотворчества, приводится большое количество примеров-иллюстраций, которые располагаются в хронологической последовательности, отражая степень взросления испытуемых.

Образцы словарных статей из «Словаря детской речи» В.К. Харченко:

Дитятель. Дитя, ребенок. — Саша, ты воспитатель, а я дитятель (3 г. 2 м.)

Дирижировать. Ф. 1-го лица «дирижирую» вм. «дирижирую». Сережа размахивает ногами: Мама, посмотри, как я дирижирую! (5 л. 6 м.)

Лит.: Говорят дети: Словарь-справочник / Сост. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. СПб., 1996; Мохович Т.А. Материалы

к словарю детской речи (неузуальные слова). Владивосток, 1983; Словарь детских ассоциаций. Ассоциации детей от шести до десяти лет / Н.И. Берсенева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова. Пермь, 1995; Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка. Ч. 1, 2. Архангельск, 1996; Харченко В.К. Словарь детской речи. Белгород. 1994; Она же. Парадоксы детской речи: Опыт словаря. Белгород, 1995; Она же. Словарь-тезаурус детской речи. Белгород, 2001.

СЛОВАРЬ ИДИОМ. См. **фразеологические словари.**

СЛОВАРЬ ИМЕН И ФАМИЛИЙ. Словари, в которых фиксируются и объясняются имена и фамилии.

Интересные сведения об именах, фамилиях и отчествах содержатся в книгах Л.В. Успенского «Ты и твое имя» (Л., 1962; в ней есть краткий словарь значений наиболее распространенных имен) и М.В. Горбаневского «Иван да Марья» (М., 1987).

Образец словарной статьи из «Словаря русских личных имен» А.Н. Тихонова, Л.З. Бояриновой и А.Г. Рыжковой:

АРХИПП/, а, м [*греч.* ‘главный’, ‘старший’ и ‘всадник’; ‘повелевать’ + ‘лошадь’, ‘господин лошадей’]. *Отчество:* Архиппович, Архипповна; Архиппыч (*разг.*).

Архип/, а (*разг.*). *Отчество:* Архипович, Архиповна; Архипыч (*разг.*).

Производные (7):

Архипп

Архип (п) → **Архип** → Архип/к/а I, Ар-

хип/ушк/а I

Ар(хип) → Ар/я I → Арь/к/а I →

Ареч/к/а I

Ар/ечк/а 2,

Ар/ик I

Ар/ечк/а 2, Ар/ик 2,

Арь/к/а 2

Архип/к/а 2, Архип/ушк/а 2

Ар(хипп) → Ар/я 2; Ар/ечк/а 3, Ар/ик 2, Арь/к/а 2

Дни ангела и святые (Архипп): 4 января, 19 февраля, 22 ноября — *апостолы*; 6 сентября — *преподобный*.

Образец словарной статьи из «Словаря русских фамилий» В.А. Никонова:

БЕЛЯЕВ

Первоначально отчество от русского нецерковного мужского имени *Беляй*. В прошлом оно было частым. В Сл. Тупикова приводятся из документов 1422–1680 гг. 33 примера этого имени, что составляет ничтожно малую часть, дошедшую до нас; имя *Беляй* могло указывать на светлый цвет лица, волос или иметь другое значение — «обеленный», т.е. свободный от податей.

Лит.: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1993; Веди́на Т.Ф. Словарь фамилий. М., 1999; Горбаневский М.В. Иван да Марья. М., 1987; Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь имен. Новгород, 1995; Морошкин М.Я. Славянский именованье, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867; Никонов В.А. Словарь русских фамилий. М., 1993; Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000; Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О.Н. Трубаева. М., 1994; Словарь имен / Сост. Г. Квита. М., 1997; Справочник личных имен народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской и Ю.М. Гусева. М., 1987; Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998; Твое святое имя: Смысл и значение христианского имени. М., 1997; Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г. Словарь русских личных имен. М., 1995; Тупиков М.Н. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903; Успенский Л.В. Ты и твоё имя. Л., 1962; Федосюк Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1996.

СЛОВАРИ́ ИНОСТРА́ННЫХ СЛÓВ.

Словари, в которых разъясняются значения слов, заимствованных из других языков.

Образцы словарных статей из «Краткого словаря иностранных слов» Т.Г. Музруковой и И.В. Нечаевой:

БРО́КЕР, а, м [англ. broker] — официальный посредник при заключении сделок на биржах, действующий по поручению и за счет клиентов, получая от них за посредничество плату в размере определенного процента от суммы сделки (см. также *маклер* 1)

КОНЪЮ́НКТУРА, ы, ж [польск. Konjunktura <позднелат. conjunctura <лат. conjungere связывать, соединять] — 1) совокупность условий, сложившаяся обстановка, создавшееся положение в какой-л. области общественной жизни, напр. политическая ~, хозяйственная ~, в зависимости от ~ы, 2) совокупность признаков, характеризующих текущее состояние экономики в определенный период, напр. ~ ценных бумаг на бирже.

Новым типом словаря иностранных слов является «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина. Как отмечает автор, словарь «является первым филологическим словарем иноязычных слов, то есть таким, в котором описываются свойства слова, а не обозначаемой им вещи: его происхождение, значение в современном русском языке, а также произношение, ударение, грамматические характеристики, смысловые связи с другими иноязычными словами, стилистические особенности, типичные примеры употребления в речи, способность образовывать родственные слова». Образец словарной статьи:

ДИАНЕ́ТИКА [нэ́], и, мн. нет, ж. [англ. dianetics < греч. dianeo преодолеваю]. Наука о душевном здоровье, разрабатывающая методы преодоления неблагоприятных психических состояний человека. **Дианетический** — относящийся к дианетике.

ПРОМО́УТЕР [тэ́], а, м., одуш. [англ. promoter < to promote способ-

ствовать, помогать, поддерживать < лат. *promovere* продвигать]. Лицо, способствующее организации какого-н. предприятия (спортивных состязаний, съемок фильма и т.п.) путем привлечения *инвестеров, спонсоров*. **Промбúтерский** – относящийся к промоутеру промоутерам. // Ср. антрепренер, импресарио, менеджер 2, продюсер.

В некоторых словарях разъясняются слова, выражения, цитаты, которые употребляются в русском языке без изменения своего «внешнего облика» и без перевода (*ad hoc*; *alter ego*; *homo sapiens* и т.д.). К ним относятся: А.М. Бабкин, В.В. Шендецов. «Словарь иноязычных выражений и слов». В 2 т. (2-е изд. Л., 1981–1987); Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровский. «Словарь латинских крылатых слов» (2-е изд. М., 1986; 2500 ед.); В. Сомов. «По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений» (М., 1992; около 1000 ед.) и др.

Образец словарной статьи из «Словаря латинских крылатых слов» Н.Т. Бабичева, Я.М. Боровского:

Nil fit ad nihilum Ничто не превращается в ничто.

Лу к р е ц и й, «О природе вещей» (*De rerum natura*), I, 215–16:

Nunc accedit uti quidqu(e) ad sua corpora rursum

Dissoluat natura nequ(e) ad nil(um) interimat res.

Надо добавить еще: на тела основные природа

Все разлагает опять и в ничто ничего не приводит.

(Пер. Ф. Петровского)

Мысль Лавуазье о вечности вещества должна быть пополнена, обобщена, распространена и на силу. Nil fit ad nihilum. К.А. Тимирязев. Растение и солнечная энергия (Соч. Т. 1. С. 221).

Лит.: Афонькин С. Ю. Зри в корень: Толковый словарь иностранных слов

греческого и латинского происхождения. СПб., 2000; Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1986; Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. Т. 1–2. Л., 1987; Большой словарь иностранных слов. М., 1999; Большой толковый словарь иностранных слов. Т. 1–3 / Сост. М.А. Надель-Червинская, П.П. Червинский. Ростов на/Д, 1995; Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. М., 1999; Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М., 1995; Он же. Иностранные слова и выражения. М., 1997; Он же. Словарь иностранных слов. М., 1999; Он же. Школьный словарь иностранных слов. М., 1999; Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998; Он же. Школьный словарь иностранных слов. М., 1997; Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. М., 1988; Музрукова Т.Г., Нечаева И.В. Краткий словарь иностранных слов. М., 1995; Надель-Червинская М.А., Червинская А.П., Червинский П.П. Иноязычная лексика русского языка: Лингвострановедческий словарь-учебник для школ гуманитарного профиля. Ростов на/Д, 1996; Нечаева И.В. Современный словарь иностранных слов. М., 2002; Новый иллюстрированный словарь иностранных слов с приложениями / Под ред. В. Бутромеева. М., 1998; Одинцов В.В., Иванов В.В. и др. Школьный словарь иностранных слов. М., 1994; Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной и др. М., 1990; Словарь иностранных слов / Т.С. Кудрявцева, Л.С. Пухаева, Р.А. Арзуманова. М., 1997; Словарь иностранных слов: Актуальная лексика. Толкования. Этимология / Н.Н. Андреева и др. М., 1997; Словарь иностранных слов для школьников / Сост. Г.А. Лебедева. М., 1998; Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Е.С. Зенович. М., 1997; Словарь иностранных слов и выражений: Энциклопедический справочник / Авт.-сост. Н.В. Трус, Т.Г. Шубина. Минск, 1997; Словарь иноязычных выражений и слов. СПб., 1991; Словарь-попутчик: Малый толково-

этимологический словарь иностранных слов / Под ред. Н.А. Араповой, Ю.М. Мироновой. М., 1994; Современный словарь иностранных слов: Толкование. Словоупотребление. Словообразование. Этимология / Л.М. Баш, А.В. Боброва, Г.Л. Вечеслова и др. М., 2000; Современный словарь иностранных слов. М., 1993; Современный словарь иностранных слов / Сост. Н.П. Шерстенина. М., 1998; Сомов В. По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений. М., 1992; Толковый словарь иностранных слов / Сост. Н.П. Шерстенина. М., 1998; Эрудит. Толково-этимологический словарь иностранных слов / Н.Н. Андреева, Н.С. Арапова, Л.М. Баш и др. М., 1995.

СЛОВАРЬ КРЫЛАТЫХ СЛОВ.
См. словари афоризмов.

СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ. Словари, в которых объясняются лингвистические термины.

Наиболее полным является «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Он содержит и объясняет около 7000 терминов. Словарные статьи содержат толкования терминов, иллюстрации их употребления и примеры. Термины сопровождаются переводами на английский язык и сопоставлениями из французского, немецкого, испанского языков. Образец словарной статьи из этого словаря:

ПРЕФИКС (предоснова, приставка, префиксальная морфема, приставочная морфема) *англ.* prefix, *фр.* préfixe, *нем.* Präfix, *исп.* prefijo. Выделяющаяся в составе словоформы докорневая (т.е. предшествующая корню) аффиксальная морфема, имеющая (в индоевропейских языках) преимущественно словообразовательный характер; *ср.* инфикс, суффикс (в I знач.). *Префикс видовой. Префикс формообразующий. Префикс отрицательный* (префикс негативный) *англ.* negativ prefix. Приставка, сообщающая слову значение, противоположное тому, которое выража-

ется основой. *Русск.* не- в неинтересный, без- в безрадостный. **Префикс пустой** (пустой преверб) *англ.* empty preverb, *фр.* preverbe vide, *нем.* leeres Praverbium. Глагольная приставка, лишённая собственного лексического (вещественного) значения и выступающая лишь как показатель вида. □ *Русск.* с- в сделать, на- в написать.

В «Словаре славянской лингвистической терминологии» в 2 т. (Прага, 1997) приведены эквиваленты на 11 славянских языках, а также на английском, французском и немецком языках. В качестве исходных в словаре выступают чешский и словацкий языки. В нем разработано 2266 понятий-терминов.

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой предназначен для учителей. В нем в четкой и доступной форме даются толкования наиболее употребительных в учебной и методической литературе лингвистических терминов (ок. 2000). Образец словарной статьи из этого словаря:

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ. Глагол, употребляющийся в сочетании с другими словами (обычно глаголами в форме инфинитива) для образования аналитических форм этих слов. В этих формах вспомогательный глагол в большей или меньшей степени утрачивает свое лексическое значение и служит выразителем грамматических значений лица, числа, времени и др. Обычно в качестве вспомогательного глагола в русском языке употребляется глагол *быть*, с помощью которого образуется форма будущего сложного времени (*буду читать*). Реже для образования аналитических форм используются глаголы *стать* (*стану учиться*), *начать* (*начал неть*) и нек. др.

Лингвистические термины содержатся и объясняются в специальных

энциклопедиях и энциклопедических словарях: «Русский язык: Энциклопедия» / Гл. ред. Ф.П. Филин (М., 1979), 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов (М., 1997); «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)» / Сост. М.В. Панов (М., 1984); «Лингвистический энциклопедический словарь» / Гл. ред. В.Н. Ярцева (М., 1990).

Лингвистические термины толкуются и в справочных изданиях: Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант. «Краткий справочник по современному русскому языку» / Под ред. П.А. Леканта (М., 1991); К.А. Войлова, Е.В. Клобуков, В.В. Леденева, П.А. Лекант. «Справочник школьника по русскому языку: 5–11 классы» / Под ред. П.А. Леканта (М., 1996); «Русский язык. Справочник школьника» / Сост. О.В. Галаева; Под ред. В.В. Славкина (М., 1996); А.В. Боброва. «Грамматика русского языка» (М., 1999) и др. См. также **энциклопедия**.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Боброва А.В. Грамматика русского языка. М., 1999; Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995; Войлова К.А., Леденева В.В., Тихонова В.В. и др. Словарь терминов и понятий // Большой словарь русского языка. М., 1998; Лекант П.А. Справочник школьника по русскому языку: 5–11 классы / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991; Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М., 1991; Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990; Немченко В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах: Учеб. словарь-справочник для студентов-филологов. Н.Новгород, 1995; Он же. Основные понятия морфемки в терминах; Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985; Он

же. Основные понятия словообразования в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск, 1985; Он же. Основные понятия фонетики в терминах: Учебн. словарь-справочник. Н.Новгород, 1993; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979; 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Русский язык: Справочник школьника / Сост. О.В. Галаева. Под ред. В.В. Славкина. М., 1996; Словарь славянской лингвистической терминологии. Т. 1–2. Прага, 1997; Шаймиев В.А. Краткий словарь современных лингвистических терминов в цитатах. СПб., 1999; Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М.В. Панов. М., 1984.

СЛОВАРИ́ МОРФЕ́М. Словари, в которых описаны морфемы (приставки, корни, суффиксы и пр.) или отражен морфемный состав слов. К словарям, описывающим морфемы, относятся: Г.П. Цыганенко. «Словарь служебных морфем русского языка» (Киев, 1982); А.Н. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. «Словарь морфем русского языка» (М., 1986; ок. 52 000 слов); Т.Ф. Ефремова. «Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка» (М., 1996). В словаре Т.Ф. Ефремовой представлено 1892 морфемы, которые расположены в алфавитном порядке.

Образец словарной статьи из этого словаря:

3. НАД⁻¹

Достаточно регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением: дополнительно увеличить размеры предмета, добавить что-либо с помощью действия, названного мотивирующим словом, например: *надвязать, надклеить, надстроить, надшить*.

Присоединяется к мотивирующей основе, принадлежащей глаголам не-

совершенного вида, примыкая непосредственно к корню.

Словообразующий префикс безударен, а ударение падает на мотивирующую основу (на тот же слог, что и в мотивирующем глаголе).

В «Словаре морфем русского языка» А.Н. Кузнецовой, Т.Ф. Ефремовой 5000 морфем — корней, префиксов и суффиксов. Корни возглавляют гнездо родственных слов. В гнезде сначала даются суффиксальные слова, потом — префиксальные и префиксально-суффиксальные образования. Корень в производных словах обозначается с помощью знака √ (без ударения) и √ (под ударением):

БАРАБА́Н

√ -Ø
√ -и-ть
√ -н-ый
√ -чик-Ø
√ -щик-Ø
√ -щиц-а
за-√ -и-ть
от -√ -и-ть
по-√ -и-ть
про-√ -и-ть

БИЛЕ́Т

√ -Ø
√ -ер-Ø
√ -ер-ш-а
√ -ец-Ø
√ -ик-Ø
√ -н-ый
без-√ -н-ый
без-√ -н-ик-Ø
без-√ -н-иц-а

В гнезда во многих случаях неправомерно объединяются слова, которые нельзя считать однокоренными. Ср.: *валить* и *валять*; *бай-бай* и *обаяние*, *баять*, *басня*, *прибаутка* и т.п.; *балда* и *набалдашник* и др. Между ними нет смысловых связей, и они не являются родственными.

К словарям, отражающим морфемный состав слов, относятся: З.А. Потиха. «Школьный словообразовательный словарь» / Под ред. С.Г. Бархударова (2-е изд., испр. и доп. М., 1964; ок. 25 000 слов); З.А. Потиха. «Как сделаны слова в русском языке: Справочник служебных морфем» (Л., 1974); З.А. Потиха. «Строение русского слова:

Учебный словарь для зарубежных школ» (М., 1981; ок. 3000 словарных статей); З.А. Потиха. «Школьный словарь строения слов русского языка» (М., 1987); А.Н. Тихонов. «Морфемно-орфографический словарь» (М., 1996, 2-е изд. — 2002; ок. 100 тыс. слов); А.Н. Тихонов. «Морфемный словарь русского языка» // «Новый учебный словарь русского языка» (М., 2003) и др. В них в алфавитном порядке представлены слова, разделенные косыми чертами на морфемы. Пример из «Морфемно-орфографического словаря» А.Н. Тихонова:

балка́р/ск/ий	ле́кт/ор/
балко́н/	лект/о́рий/
балко́н/н/ый	ле́кт/ор/ск/ий
балко́н/чик/	ле́кт/ор/ств/о
балл/ (отметка)	лекц/и/о́нн/ый
• • •	• • •

В «Морфемно-орфографическом словаре» А.Н. Тихонова имеется теоретическое приложение «Русская морфемика», в котором содержится учение о морфеме, описаны типы морфем, разработаны принципы морфемного и словообразовательного анализа и т.д.

Морфемный состав слов представлен также в «Словаре-справочнике по русскому языку» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова (М., 1996; 5-е изд. — 2001; ок. 26 000 слов).

Лит.: Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996; Кузнецова А.Н., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М., 1986; Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. М., 1964; Он же. Как сделаны слова в русском языке: Справочник служебных морфем. Л., 1974; Он же. Строение русского слова: Учебный словарь для зарубежных школ. М., 1981; Он же. Школьный словарь строения слов русского языка. М., 1987; Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. М., 2002; Он же. Морфемный словарь русского языка // Но-

СЛОВАРИ НАЗВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ

вый учебный словарь русского языка. М., 2003; Тихонов А. Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. М., 2001; Цыганенко Г. П. Словарь служебных морфем русского языка. Киев, 1982.

СЛОВАРИ НАЗВАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ. Словари, в которых представлены названия жителей различных населенных пунктов.

Образец словарной статьи из «Словаря названий жителей РСФСР»:

БИЙСК, г., БИЙСКИЙ р-н

бийча́не, -чан. Цирк был битком набит. На арену вышел любимец бийчан, актер Ракуса. М. Длуговский. Ветры над Бией. □ Г. Радов, Алтайские встречи. Алт. правда 23 июля 59; 14 янв. 68. Молодежь Алтая 16 янв. 60.

бийча́нин, -а. Небольшой отряд кавалерийского полка под командой бесшабашного и смелого бийчанина краскома Павленко скрытно проник в самое логово врага. И. Гноевых, Второй Сибирский. □ Молодежь Алтая 29 янв. 60. Алт. правда 13 янв., 4 сент. 68.

бийча́нка, -и; р. мн. -нок. Много уделялось внимания ликвидации неграмотности ... Моя жена – бийчанка, учительница, возглавила эту работу. И. Гноевых, Второй Сибирский, □ Молодежь Алтая, 16, 29 янв. 60. Алт. правда 9 июля 67.

Лит.: Городецкая И.А., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник. М., 2003; Словарь названий жителей РСФСР / Под ред. А.М. Бабкина. М., 1964; Словарь названий жителей СССР / Под ред. А.М. Бабкина и Е.А. Левашова. М., 1975.

СЛОВАРИ НЕОЛОГИЗМОВ. Словари, в которых представлены неологизмы – вновь появившиеся в языке слова и возникшие у существующих в языке слов новые значения, которые не вошли в изданные ранее толковые словари русского языка.

Образец словарной статьи из словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1980-х годов»:

ЭКОЦЭ́НТР, а, м. Центр, в котором проводятся исследования состояния окружающей среды, разработки по сохранению природной среды, курируются соответствующие мероприятия и т.п. *Под контролем экоцентра начато исследование загрязнения воздушного бассейна санитарно-защитной зоны опытного полигона «Красный Бор». Экспертизу проводят специалисты Обнинского отделения экоцентра по договору.* Л. пр. 24.12.89. *Члены экоцентра «Векта» не сидят сложа руки. Супермарфон-89 станет прологом приближающегося Шауляйского велофестиваля.* Соб. 1989, 18.

-эко... (экологический) + **центр**.

В «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» / Под ред. Г.Н. Складневской представлена лексика 1985–1997 гг. Словарь «ставит своей целью показать те перемены, которые произошли за эти 12 лет в русском языке». Авторы опирались на картотеку, насчитывающую более 2 млн. словоупотреблений. Выборка производилась из материалов прессы 80–90-х гг., публицистики, новейшей художественной литературы, а также литературы прежних лет, которая была недоступна массовому читателю.

«Словарь дает обширную и разнообразную информацию о слове: толкование, примеры в виде речений и цитат, энциклопедические данные, стилистическую характеристику, особенности словоупотребления, при необходимости этимологию; в словарной статье приводятся синонимы, антонимы, варианты, устойчивые сочетания и фразеология; в необходимых случаях в справочном отделе даны сведения о

функционировании слова в прошлом и его смысловых изменениях». С помощью специальных значков отмечены уход слов в пассивный запас (*марксизм-ленинизм, массы, обществоведение, общенародный, пятилетка* и др.), возвращение слова в актив из пассивного запаса (*благотворительный, всеобщая, дворянин, гувернер, губернатор, крестить* и др.), актуализация слова или значения (*альтернатива, апатия, биоритмы, глобальный, гороскоп, гуманный, договорный, доллар, оппозиционер, подорожание, прожиточный, религия, реформа* и др.).

Образец словарной статьи:

МЕНЕДЖЕР, а, м. Профессиональный управляющий предприятия; специалист в области менеджмента. *М. по рекламе. М. по работе с ценными бумагами. М. отдела реализации товаров. Для развития отношений с Советским Союзом программа работ Центра предусматривает организацию подготовки советских менеджеров, обмен делегациями, участие в выставках и проведение симпозиумов по технологическим вопросам. Огонек, 1991, 21. Британский Совет начинает отбор менеджеров для обучения европейским методам работы. ДП, 01.12.93-14.12.93.*

— Ср. СНС: Управляющий промышленным, торговым и т.п. капиталистическим предприятием.

Лит.: Новое в русской лексике: словарные материалы 77–88 г. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1980–1996; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1973; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 1980-х годов / Под ред. Е.А. Левашова. СПб., 1997; Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина

80-х гг.) / Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской. СПб., 2001.

СЛОВАРЬ НОВЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ. См. **словари неологизмов.**

СЛОВАРЬ ОМОНИМОВ. Словари, в которых представлены ряды омонимов — слов, имеющих одинаковое звучание, но различающихся по значению. «Словарь омонимов русского языка» О.С. Ахмановой включает свыше 2000 омонимических пар или групп омонимов. Словарная статья содержит: 1) указание на тип образования омонимов (при производных омонимах отмечается, от какого слова они образованы; при иноязычных словах указываются языки, из которых они заимствованы); 2) грамматические сведения об омонимах (напр., при глаголах имеются пометы *сов. (несов.), перех. (неперех.), страд.* и др.; при существительных — *одуш. (неодуш.), ед. (мн.)* и др.); 3) стилистические пометы (*прост., обл.* и др.); 4) этимологические сведения; 5) списки производных слов (в случаях, если необходимо раскрыть семантику омонима); 6) перевод каждого омонима на английский, французский и немецкий языки; 7) примеры употребления омонимов (словосочетания, предложения). Например:

БУНТ I – II* II

Бунт I. *Англ.* riot, rebellion, *фр.* révolte, mutinerie, rébellion, *нем.* Empörung, Aufruhr. **Бунтовать**, **бунтарь**, **бунтарский**, **бунтарство**, **бунтовщик**, **бунтовщица**, **бунтовской**.

Поднять, устроить, подавить ~; внезапный ~; ~ против кого-чего-н.

Бунт II. [*От нем.* Bund — связка]. *Англ.* bale, bundle, *фр.* tas, ballot, *нем.* Bund, Ballen. **Бунтовой**.

~ проволоки, бумажного товара, веревки; заготовить, завезти несколько ~ов проволоки.

Цифры I — II и др. после знака * обозначают: II — омонимия основ; I2 — омонимия аффиксов; I3 — разная степень членности; I4 — различие внутренней структуры, не имеющее открытого выражения в словарной форме; I5 — омонимия разных частей речи; II — исконно разные слова; III — омонимия в результате распада полисемии.

ЗУБРИТЬ I — II* II

Зубрить I, зубрю́, зубри́шь; *перех.* Англ. notch, jag, фр. ébrécher, нем. Scharf machen. За зубри́на.

~ пилу, серп, нож, топор.

Зубрить II, зубрю́, зубри́шь и зүбришь; *перех.* и *без доп.* Англ. cram, learn by rote, фр. apprendre mécaniquement; bucher, piocher, нем. büffeln, pauken. Зубри́ла, зубри́лка, зубре́жка.

~ правила, теоремы, определения, даты, таблицу умножения.

ЗУБРИТЬСЯ I — II* II

Зубриться I [От зубрить II] Англ. become blunt, фр. s'ébrécher, devenir ébréché, нем. scharf werden.

От сучков рубанок зубрится.

Зубриться II [Страд. к зубрить II].

В словаре имеются два приложения:

Приложение I. **Функциональная омонимия.** Это словарь однокоренных омонимов, относящихся к различным частям речи, например: *безвыходно* I (*прил. кратк. Положение безвыходно*) и *безвыходно* II (*нареч. Сидеть дома безвыходно*); *авторские* I (*прил. Авторские экземпляры книги*) и *авторские* II (*сущ. Получить авторские*).

Приложение II. **Омографы.** Это словарь омографов: *атлас*—*атлас*, *атласный*—*атласный*, *басма*—*басма*, *вольно*—*вольно* и т.п.

В 1976 г. в Тбилиси издан «Словарь омонимов русского языка» Н.П. Колесникова. В нем 4000 омонимических рядов. В 1978 г. словарь вышел вторым, переработанным изданием. Автор вывел из состава словаря 500 омоформ (ряды слов типа *домой* I [от домыть] и *домой* II, *нареч.*; *косой* I [от коса] и *косой* II, *прил.*). В отличие от словаря омонимов О.С. Ахмановой, который относится к переводным словарям, словарь Н. П. Колесникова является толковым, так как омонимы в нем толкуются. Причем толкуются, как правило, только непроизводные омонимы, а производные отсылаются к своим производящим словам. Толкования не снабжены примерами на употребление омонимов. Стилистические и грамматические пометы использованы в словаре ограниченно и не всегда последовательно.

ГРАНАТ

1. **Гранат** — 1. Южное дерево или кустарник с ярко-красными цветками. 2. Круглый плод этого растения.

2. **Гранат** — драгоценный камень обычно темно-красного цвета.

Составитель словаря придерживался широкого понимания омонимии, поэтому в словарь включены и омографы: *Па́хнуть* — *пахну́ть*, *па́рить* 1, 2, 3 — *па́рить* 4, 5.

Омонимия находит отражение в толковых словарях. Каждый омоним снабжен в них цифрой, указывающей на порядок следования его в омонимическом ряду. Для этого используются или арабские цифры (чаще), которые обычно помещаются сверху омонима справа, или римские цифры (реже), которые ставятся справа рядом с омонимом. Примеры из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова:

БОКС¹, а, *мн.* нет, *м.* [англ. box] (спорт.). Вид спорта — кулачный бой по особым правилам.

БОКС², а, мн. нет, м. [от англ. box calf] (спец.). Хромовая кожа особой выделки.

Из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова:

БА́НКА¹, -и, ж. 1. Цилиндрический сосуд. Жестяная б. Стеклянная б. Консервная б. 2. Маленький стеклянный сосуд, применяемый в медицине с целью вызвать местный прилив крови. Поставить банки. // уменьш. **ба́ночка**, -и, ж. // прил. **ба́ночный**, -ая, -ое.

БА́НКА², -и, ж. (спец.). Подводная отмель.

Из «Словаря русского языка» (в четырех томах) АН СССР:

ДА́ЧА¹, -и, ж. 1. Действие по глаг. дать (в 6 знач.). Дача показаний. Дача корма скоту.

2. Порция, даваемая в один прием. Две дачи овса.

ДА́ЧА², -и, ж. Загородный дом для летнего отдыха городских жителей. Снимать дачу. Приобрести дачу.

ДА́ЧА³, -и, ж. Часть лесничества, выделенная в самостоятельное хозяйство; участок земли под лесом. [Васильков:] Я имею... три лесные дачи при моем имени. А. Островский, Бешеные деньги.

Лит.: Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1986; Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. Тбилиси, 1978; Тихонов А.Н. Словарь омонимов русского языка. Омонимы-слова разных частей речи // Новый учеб. словарь русского языка. М., 2003.

СЛОВАРИ ПАРОНИМОВ. Словари, в которых представлены паронимы – слова, близкие по звучанию, но имеющие разные значения. Различия между паронимами объясняются также в словарях «правильностей и трудностей» (см.).

Образец словарной статьи из «Словаря паронимов современного русско-

го языка» Ю.А. Бельчикова и М.С. Панюшевой:

БОЯЗЛИВО – БОЯЗНО

БОЯЗЛИ́ВО, нареч. Робко, несмело; с боязнью, со страхом. *Боязливо ответить. Боязливо отойти в сторону.* □ *Но работали все-таки боязливо и как-то безнадежно, точно делая чужое дело.* М. Горький.

БО́ЯЗНО, безл. Сказ. Прост. Страшно, жутко. *Холодноато и боязно в осенней тьме, очень боязно!* М. Горький.

• **Боязливо.** Боязливо говорить, сказать, отвечать, возразить, работать, шептать, посмотреть, оглянуться, улыбнуться, постучать в дверь, пожать руку, войти...

Боязно. Боязно к о м у: мне, подростку, сторожу... Боязно г д е: в лесу, в темноте... Боязно к о г д а: ночью, в сумерки... С н е о п р. ф. Боязно отвечать, возражать, соглашаться (на что-л.), смотреть, уезжать, оставаться, плавать (в темноте), прыгать...

▲ Рассматриваемые слова не только различаются знач., но и выполняют разные функции в предложении: **боязно** – всегда сказуемое в безличном предложении, чаще употребляется в сочетании с неопр. формой глагола, как правило, несов. вида; **боязливо** – обстоятельство, сочетается с глаголами сов. и несов. вида.

О В этот раз Семен почему-то обнимал ее боязно [нужно: боязливо], как-то по-особенному нежно. С. Бабаевский.

Лит.: Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. М., 1968; Они же. Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984; Колесников Н.П. Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, 1971; Он же. Семантический словарь русского языка (словарь паронимов и антонимов). Ростов на/Д, 1995.

СЛОВАРЬ ПОГОВОРОК. См. **словари пословиц и поговорок.**

СЛОВАРЬ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК. Словари, в которых представлены пословицы и поговорки.

Образец словарной статьи из лингвострановедческого словаря «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова:

ВЗЯЛСЯ ЗА ГУЖ, НЕ ГОВОРИ, ЧТО НЕ ДЮЖ.

Гуж, гужа, *м.* (*мн.* гужи, гужей) — часть конской упряжи, кожаные или веревочные петли у хомута, служащие для скрепления оглобель с дугой. Чтобы правильно запрячь лошадь, гужи нужно туго натянуть, для чего требуется большая сила.

Дюж — *кр. форма м. р. от дюжий (прост.)* «очень сильный, здоровый».

Если взялся за какое-нибудь дело, доведи его до конца, выполни его, даже если это трудно сделать.

Говорится, когда человек, добровольно взявшись за какое-нибудь дело, начинает испытывать трудности, но не может отказаться от взятых на себя обязательств; говорится также в качестве упрека человеку, когда он хочет бросить начатое дело из-за трудностей.

— Знаю, что хирургам вообще, а в наших условиях — особенно, нет покоя ни днем, ни ночью, но что поделаешь: **взялся за гуж, не говори, что не дюж** (Е. Карпов. Не родись счастливым).

Ср. **НАЗВАЛСЯ ГРУЗДЕМ, ПОЛЕЗАЙ В КУЗОВ.**

См. также **словари афоризмов.**

Лит.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957; Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1993; Зимин В. И., Ашурова С. Д., Шанский В. Н., Шаталова З. И. Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь. М., 1994; Зимин В. И., Спи-

рин А. С. Пословицы и поговорки русского народа / Предисловие А. Н. Тихонова. М., 1996; Крылатые слова. Самое полное собрание пословиц и поговорок знаменитого русского писателя Сергея Максимова. М., 2000; Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М., 1997; Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах / Составление, подготовка текста, предисловие, комментарии Е. А. Грушко, Ю. М. Медведева. Н. Новгород, 1996; Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1988.

СЛОВАРЬ «ПРАВИЛЬНОСТЕЙ И ТРУДНОСТЕЙ». Словари, в которых разъясняют различные языковые трудности: в них даются сведения по орфографии, орфоэпии, образованию грамматических форм, сочетаемости, управлению, словоупотреблению, стилистике и т. п. Цель этих словарей — повышение культуры речи. По своему типу они являются **комплексными словарями** (см. **словарь**). К словарям «правильностей и трудностей» можно отнести также комплексный справочник Т. Ф. Ивановой и Т. А. Черкасовой «Русская речь в эфире» (М., 2000), в котором приводятся различные трудные случаи формообразования, ударения, произношения и употребления слов. Справочник составлен с учетом наиболее распространенных речевых ошибок в языке средств массовой информации.

Образец словарной статьи из словаря-справочника «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» / Под ред. К. С. Горбачевича:

БРОШЮРА. Произносится бро- [шу]ра. \diamond Б р о ш ю р а о чем и *допусти- мо* (обычно в тех случаях, когда брошюра имеет назначение прикладного

пособия, руководства) брошюра по чему. *Брошюра по пчеловодству. Брошюра по уходу за телятами.* Ср.: — Доктора должны писать популярные брошюры об уродствах быта. М. Горький. *Жизнь Клима Самгина. Брошюра о творчестве Репина.*

Лит.: Горбачевич К. С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб., 2000; Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994; Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. М., 1997; Иванова Т. Ф., Черкасова Т. А. Русская речь в эфире. М., 2000; Краткий словарь трудностей русского языка. М., 1968; Правильность русской речи: Опыт словаря-справочника / Сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов; Под ред. С. И. Ожегова. М., 1962; Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. М., 1987; Семенюк А. А., Городецкая И. Л., Матюшина М. А. и др. Лексические трудности русского языка. М., 1994; Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? М., 1983; Он же. Культура русской речи: Словарь-справочник. М., 1995; Словарь по культуре устной и письменной речи / М. В. Елисеева, Б. М. Золин, Д. Б. Черепнин. СПб., 1996; Трудности русского языка: Словарь-справочник журналиста / Под ред. Л. И. Рахмановой. М., 1981; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1973.

СЛОВАРЬ РЕДКИХ СЛОВ. См. **словари устаревших и редких слов.**

СЛОВАРЬ РИФМ. Словари, в которых собраны рифмующиеся или созвучные слова русского языка. Словари этого типа близки к обратным. Их цель — оказать помощь тем, кто занимается стихосложением.

Созданы словари рифм отдельных поэтов.

Лит.: Абрамов Н. А. Полный словарь русских рифм. Русский рифмовник. СПб., 1996; Словарь рифм Иосифа Бродского / Сост. А. Л. Бабакин. Тюмень, 1998; Словарь рифм Марины Цветаевой / Сост. А. Л. Бабакин. Тюмень, 2000; Федченко С. М. Словарь созвучий русского языка. М., 1995; Фок П. М. Практический словарь рифм. М., 1993; Шаховская Л. Д. Словарь рифм русского языка. М., 1890.

СЛОВАРЬ СИНОНИМОВ. Словари, в которых представлены ряды синонимов — слов, тождественных или близких по значению. Разработка синонимических словарей в русском языкознании имеет длительную традицию. В 1783 г. известный писатель Д. И. Фонвизин опубликовал небольшой словарь «Опыт Российского словника». В нем 32 синонимических ряда. В 1918 г. был издан «Опыт словаря русских синонимов». Ч. 1 П. Калайдовича. В нем истолковано 77 синонимических рядов. В 1840 г. вышел «Словарь русских синоним или сослов» (Ч. 1, СПб.) А. И. Галича, в котором собрано 226 рядов синонимов.

В XX в. работа по составлению словарей синонимов продолжалась.

В 1970–1971 гг. вышел академический «Словарь синонимов русского языка» в двух томах под редакцией А. П. Евгеньевой. Выход в свет этого словаря — большое событие в нашем языкознании. В этом словаре 4148 синонимических рядов. Словарная статья состоит: 1) из синонимического ряда (перечня синонимов); 2) формулировки общего значения синонимического ряда; 3) семантической и стилистической характеристики каждого синонима; 4) иллюстраций. В конце статьи имеются указания справочного характера (исторические сведения о некоторых словах, различные отсылки к другим синонимическим рядам и

т.п.), приводятся антонимы, отдельные типы синонимов-дериватов, входящих в синонимический ряд слов.

Во главе синонимического ряда стоит опорное слово, выступающее в своем номинативном значении «без дополнительных (экспрессивных, эмоциональных, стилистических) элементов».

При семантической характеристике синонимов учтена их полисемия: одно и то же слово в различных своих лексических значениях входит в разные синонимические ряды. Ср., напр.: 1. Выдаваться, выступать, выдвигаться. 2. Выдаваться, выпадать, случаться. Или: 1. Выдержка, выдержанность, самообладание. 2. Выдержка, выписка, цитата.

Тщательно разработаны в словаре многозначные синонимические ряды.

Пример словарной статьи (иллюстративная часть дается в сокращении):

Наслаждаться, блаженствовать, упиваться.

Сов.: **насладиться, упиться.**

Наслаждаться (*кем-чем* и *без доп.*) — испытывать большое удовольствие, наслаждение; слова **блаженствовать** и особенно **упиваться** имеют усиленное значение; **блаженствовать** — находиться в состоянии блаженства, испытывать большое наслаждение, часто от пребывания в покое, тишине и т.д., слово имеет книжный, иногда иронический характер; **упиваться** (*чем*) — испытывать величайшее наслаждение, связанное с восторгом, восхищением, доходящее до экстаза, слово является книжным, часто употр. в приподнятой, поэтической речи.

[Юленков] *наслаждался, когда ребятишки при его появлении, как ягнята, разбегались в разные стороны.* Гладков, Повесть о детстве, VIII. *Володька вторме сутки блаженствовал в отдельном*

полевым карауле у озера Медянки. Первенцев, Кочубей, XII. *Ленька, который и раньше знал немало некрасовских стихов, теперь буквально упивался ими.* Пантелеев, Ленька Пантелеев, гл. VII.

* В XIX в. в качестве синонима употреблялось слово **услаждаться** (сов. *усладиться*). *Ему разрешили читать путешествия, которыми он услаждался.* Невежин, Исключенный, V.

— **Наслаждение, блаженство, упоение, услаждение** (*устар.*), **улада** (*устар.*)

В отдельные синонимические ряды включены также синонимичные словам фразеологические обороты и предложно-падежные формы имен, напр.: *глушь, глухомань, захоластье, дыра* (разг.), *трущоба* (разг.), *медвежий* (или *волчий) угол* (или *край*) (разг.); *много, немало, полно* (разг.), *полным-полно* (разг.), *видимо-невидимо* (разг.), *до черта* (прост.), *по горло* (разг.), *(хоть) пруд пруди* (разг.), *как (что) собак нерезаных* (прост.), *непочатый край* (или *угол*) (разг.), *хоть отбавляй* (разг.), *(хоть) завались* (прост.), *через край* (разг.), *девать некуда* (разг.), *без счета (счета), бессчетно, без числа, числа* (или *счета) нет, несть числа* (разг.).

К сожалению, за пределами словаря остались огромные массивы словообразовательных синонимов.

На базе этого словаря создан однотомный «Словарь синонимов. Справочное пособие» (Л.: Наука, 1975. Редактор — А.П. Евгеньева). Однако в нем значительно пополнено количество синонимических групп, внесены изменения в их состав. В этом словаре — 7323 синонимические группы.

В отличие от двухтомного словаря в нем даются синонимы в основном без иллюстративного материала, нет сведений справочного характера. Примеры здесь приводятся редко. Имеются семантические комментарии, тща-

тельно продуманы стилистические пометы. Примеры:

1. ПОНЯТЬ (*усвоить смысл, содержание, значение чего-л.*), **ПОСТИГНУТЬ** и **ПОСТИЧЬ** (*преимущ. с отрицанием не или со словами с трудом, едва и т.п.*), **УРАЗУМЕТЬ**. Он так долго и непонятно говорил, что никто не уразумел ни слова (Л. Леонов), **УЯСНИТЬ** (*часто со словом себе*). Нужно было изучить, разобраться, уяснить себе, понять все эти дела судов и наказаний (Л. Толстой), **ОСМЫСЛИТЬ**, **ОСОЗНАТЬ**, **ВЗЯТЬ В ТОЛК** (*преимущ. с отрицанием не: понять значение, смысл чьих-л. слов, действий, поступков*) [Я] никак не могла взять в толк, зачем они тут сидят (Достоевский), **РАЗГАДАТЬ** (*понять что-л. неясное, запутанное*), **РАСКУСИТЬ** *разг.*, **РАСКУМБКАТЬ** *прост.*, **РАСЧУХАТЬ** *груб.-прост.* — *Несов.:* **Понимать, постигать, уразумевать, уяснять, осмысливать, осознавать, брать в толк, разгадывать, раскусывать, раскумекивать, расчихивать.**

2. ПОНЯТЬ (*суметь увидеть, уяснить истинную сущность образа мыслей, чувств, настроений и т. д. другого человека*) Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься (Тургенев), **ПОСТИГНУТЬ** и **ПОСТИЧЬ** Она никак не могла постигнуть свою дочь (Николаева), **РАЗГАДАТЬ** (*понять сложную, скрытную и т. д. натуру*) (Настенька) оставалась для нее как-то сфинксом, которого никак не разгадаешь (Мамин-Сибиряк), **РАСКУСИТЬ** *разг.* (*полностью понять чью-л. сущность, обычно неприглядную*) — Я вас давно раскусил, я вас насквозь понимаю! (Достоевский). — *Несов.:* **Понимать, постигать, разгадывать, раскусывать.**

В «Новом объяснительном словаре синонимов» / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна последовательно и детально отражаются сходства и различия между

синонимами, а также условия нейтрализации различий. Каждая словарная статья по объему и по содержанию информации представляет собой самостоятельное научное исследование.

Словарная статья содержит десять зон: 1) вход словарной статьи (сам синонимический ряд, разделенный на семантические подгруппы, со стилистическими пометами); 2) преамбула (место синонимического ряда в лексической системе); 3) значения (содержательные сходства и различия между синонимами); 4) примечания; 5) формы (сходства и различия между синонимами по наборам морфологических форм); 6) конструкции (различия между синонимами в наборах синтаксических конструкций, в модели управления, в порядке слов); 7) сочетаемость (сходства и различия между синонимами в лексико-семантической, морфологической, коммуникативно-просодической и иных видах сочетаемости); 8) иллюстрации; 9) справочные зоны. Парадигматические связи между членами синонимического ряда и др. лексемами.

Это словарь активного типа, помогающий читателю при построении высказывания.

Лит.: Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М., 1996; Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1989; Алекторова Л.П., Зимин В.И., Ким О.М. и др. Учебный словарь синонимов русского языка. М., 1994; Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1997; Горбачевич К.С. Русский синонимический словарь. СПб., 1996; Ключева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1961; Львов М.Р. Словарик синонимов и антонимов: С толкованием значений, оттен-

СЛОВАРИ СОКРАЩЕНИЙ

ков и многозначности слова. Для поисковой, творческой работы учащихся начальных классов. М., 1995; Словарь синонимов русского языка. Т. 1–2 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1970–1971; переизд. – М., 2000; Словарь синонимов: Справочное пособие / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1975; переизд. – М., 2001; Учебный словарь синонимов русского языка. Ростов н/Д, 1997.

СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ. В этих словарях представлены разнообразные типы сокращений: буквенные аббревиатуры, сложносокращенные слова, графические сокращения. Расшифровываются сокращенные наименования государств, партий, организаций, учреждений, учебных заведений, производственных предприятий и т.п., марки машин, приборов и т.п., обозначения единиц измерения.

Наиболее полным является «Словарь сокращений русского языка» Д.И. Алексеева, И.Г. Гозмана, Г.В. Сахарова / Под ред. Д.И. Алексеева. (М., 1963; 3-е изд. – 1983; ок. 17 700 сокращений). В нем содержатся сведения о правописании, произношении, ударении и грамматических особенностях сокращений. Образцы словарных статей из этого словаря:

ЛАЗ [лаз], м. – Львовский автобусный завод; автомобиль, автокран этого завода

Мосремчас, м. – Московский ремонтный часовой завод

ц – центнер

худрук, м. – художественный руководитель

пниис [пнийс], м. – Проектный научно-исследовательский институт строительства.

Лит.: Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка / Под ред. Д.И. Алексеева. М., 1983; Новичков Н.Н. Словарь русских сокращений и аббревиатур. М., 1995; Фадеев С.В. Сло-

варь сокращений современного русского языка. СПб., 1997.

СЛОВАРИ СОЧЕТАЕМОСТИ

СЛОВ. Словари, в которых представлены в определенной последовательности образцы сочетаний заголовочных слов с другими словами. Первым в отечественной лексикографии словарем, в котором «дается систематическое и достаточно полное описание сочетательных свойств наиболее употребительных русских слов», является «Словарь сочетаемости слов русского языка» / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина (2-е изд. М., 1983; в 1-м изд. 1973 г. – «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка»; 2500 слов). Он предназначен в первую очередь для преподавателей русского языка как неродного и специалистов-филологов. «Его учебно-методическая направленность проявляется: а) в строгой нормативности; б) в ограничении словника; в) в ограничении лексических рядов, характеризующих сочетаемость заголовочных слов; г) в построении словарных статей». В словарной статье даются ряды свободных сочетаний, в которые входит заголовочное слово (существительное, прилагательное, глагол, наречие), получающее краткую грамматическую характеристику и толкование значений. Употребление словосочетаний иллюстрируется примерами.

Образец словарной статьи из «Словаря сочетаемости слов русского языка» / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина:

КАТАЛОГ, род. каталога, м.

Систематический перечень подобранных по определенному признаку предметов, который представлен в виде списка, книги, картотеки и т.п.

[Не]большой, огромный, маленький, хороший, плохой, новый, старый, главный, генеральный, сводный, цент-

ральный, полный, подробный, специальный, служебный, читательский, типовой, алфавитный, систематический, библиотечный, музейный, книжный, иллюстрированный, аннотированный ... **каталог**.

Каталог чего: ~ какой-л. библиотеки, какой-л. выставки, какого-л. музея...; **каталог** чего: (о том, что перечисляется в каталоге) ~ журналов, периодики, каких-л. (журнальных, газетных...) статей, рецензий, какой-л. литературы, нот, стандартов, марок, рыб...

Составление, составитель, объем... **каталога**.

Составить, проверить, пополнить, купить, взять, просматривать... **каталог**. Пользоваться... **каталогом**.

В каталог (занести что-л.~, внести что-л.~, поставить карточку ~ ...). **В каталоге** (посмотреть что-л.~, искать что-л.~, ~есть что-л., ~нет чего-л. ...). **Для каталога** (подготовить место~, выделить помещение~, сделать ящики ~...). **К каталогу** (обратиться ~...). **По каталогу** (посмотреть что-л.~, найти что-л.~, проверить что-л.~ ...). **С каталогом** (свериться ~ ...).

○ *Посмотрите, пожалуйста, точное название книги по каталогу.*

△ **В каталог** (пойти~ ...); **в каталоге** (работать~ ...) — о помещении, где в особых шкафах, ящиках хранятся каталожные карточки.

Лит.: Демидова А. К. Управление наиболее употребительных глаголов в современном русском языке: Пособие для иностранцев. М., 1969; Дерягина С. И. Учебный словарь глагольно-именных словосочетаний русского языка (на материале общественно-политических текстов). М., 1987; Красных В. И. Русские глаголы и предикативы: Словарь сочетаемости. М., 1993; Пособие по лексической сочетаемости слов русского языка: Словарь-справочник / Под ред. Т.П. Плещенко, Л.Ф. Саковец. Минск, 1975; Прокопович Н. Н.,

Дерибас Л. А., Прокопович Е. Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. М., 1981; Розенталь Д. Э. Управление в русском языке. М., 1981; Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983; Устойчивые словосочетания русского языка / Под ред. Л.И. Широковой. М., 1980; Учебный словарь сочетаемости терминов: Финансы и экономика / Под общ. рук. В.В. Морковкина. М., 1988; Цой А., Муратов Л. М. Учебный словарь сочетаемости терминов: Финансы и экономика / Под общ. рук. В.В. Морковкина. М., 1988.

СЛОВАРИ ТЕРМИНОВ. См. терминологические словари.

СЛОВАРИ ТРУДНОСТЕЙ. См. словари «правильностей и трудностей».

СЛОВАРИ УДАРЕНИЙ. См. орфоэпические словари.

СЛОВАРИ УСТАРЕВШИХ И РЕДКИХ СЛОВ. Словари, в которых представлены устаревшие слова (историзмы и архаизмы), редкие и забытые слова, вышедшие из активного повседневного употребления.

Образец словарной статьи из словаря Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской «Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям рус. писателей XVIII—XX вв»:

ПЕРСТ, -á, *мн.* персты́, -óв, *м.* *Поэт.*, а также *ирон.* Палец руки *Перстами легкими как сон Моих зениц коснулся он. Отверзлись вещи зеницы, Как у испуганной орлицы.* Пушкин. Пророк. ◊ **Один (одна) как перст.** Совсем один, без родных и близких. — *Бросил, бросил нас, — залепетал он, — бросил, скучно ему с нами. Один как перст теперь, один.* Тургенев. Отцы и дети.

Лит.: Елистратов В. С. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М., 1997; Макаров В. И., Матвеева Н. П. От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей ху-

дожественной литературы. М., 1993; Рамцевич Н. К. Словарь гуманитария. М., 1998; Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. М., 1997; Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. М., 1996; Российский историко-бытовой словарь / Сост. Л.В. Беловинский. М., 1999; Семенюк А.А., Городецкая И.Л., Матюшина М.А. и др. Лексические трудности русского языка. М., 1994; Словарь устаревших слов / Н.Г. Ткаченко, И.В. Андреева, Н.В. Баско. М., 1997; Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996.

СЛОВАРИ́ ФАМИ́ЛИЙ. См. **словари имен и фамилий.**

СЛОВАРИ́ ФРАЗЕОЛОГИ́ЗМОВ. См. **фразеологические словари.**

СЛОВАРИ́ ЭПИ́ТЕТОВ. Словари, в которых представлены эпитеты, употребляющиеся с тем или иным именем существительным. Эпитеты – это определения, прибавляемые к названию предмета или лица для большей художественной выразительности.

Опыт создания словарей эпитетов не очень богат. Первый справочник «Эпитеты литературной русской речи» (М., 1913) был создан А. Зеленецким. Учебное пособие Н. В. Ведерникова «Краткий словарь эпитетов русского языка» (Л.) вышло в 1975 г.

Новым типом лексикографического издания является «Словарь эпитетов русского литературного языка» (Л., 1979) К.С. Горбачевича, Е.П. Хабло.

В Словаре представлены три типа эпитетов:

1) общеязыковые: *багровый закат, пронизательный взгляд, понурый взгляд, трескучий мороз, высокий лоб* и т.п.;

2) народно-поэтические: *чистое поле, синее море, буйный ветер, красное солнце, серый волк* и т.п.;

3) индивидуально-авторские: *голубое настроение* (Куприн), *мармеладное настроение* (Чехов), *картонная любовь* (Гоголь), *овечья любовь* (Тургенев), *чурбанное равнодушие* (Писарев), *голубая радость* (Куприн), *цветастая радость* (Шукшин), *дряблый смех* (Мамин-Сибиряк) и т.п.

В качестве заголовочного слова выступают имена существительные. Если они однозначны, то, как правило, не толкуются. «Краткие определения значений существительного приводятся тогда, когда перечни эпитетов относятся к его разным значениям. Например: Взгляд. 1. Выражение глаз, устремленность зрения (перечень эпитетов и цитаты); 2. Мнение, суждение, точка зрения (перечень эпитетов, цитаты)».

Пример словарной статьи:

ТА́ЛИЯ. Бесформенная, гибкая, длинная, долгая (*устар.*), змеиная, кавалерийская, короткая, муравьиная, низкая, объемистая (*разг.*) осиная, прямая, сильная, стройная, толстая, тонкая, точеная, узкая, широкая. [Нина] *поспешила вперед, неприязненно косясь на женщину, со злорадством отмечая ее жилистые ноги, бесформенную талию.* Гранин, Искатели. *Внимание Сережи привлек бесшумно вошедший в круг стройный меднолицый удэге с гибкой сильной талией.* Фадеев, Последний из удэге. *Из боковой двери выходит еще не старый мужчина с длинной кавалерийской талией.* М. Кольцов, В норе у зверя. *Он был вылитая мать: такой же большеглазый, бледно-смуглый, с муравьиной талией.* Березко, Необыкновенные москвичи. *Шел навстречу какой-то инженер с дамой, закутанной в рыжую вуаль; у дамы была низкая длинная талия.* Сергеев-Ценский, Бабаев. *Александр не сводил глаз с ее плеч, стройной талии.* Гончаров,

Обыкновенная история. *Какая у него тонкая длинная талия и благородная походка.* Л. Толстой, Отрочество. *Перед чудотворной иконой... стояла молодая женщина в длинном белом платье с узкой, осиной талией.* Г. Марков, Строговы.

В словаре Н.В. Ведерникова 14 000 слов. Из них: определяемых имен существительных — 730, эпитетов к ним — 13 270.

Определяемые имена существительные расположены в словаре в алфавитном порядке, как и эпитеты, относящиеся к каждому из них.

Источники словаря — художественные произведения русской советской литературы (проза и поэзия).

Примеры словарных статей:

	А
Абазур	дикий
белый как молоко	молодой
веселый	страшный
зеленый с отливом	фальшивый
дымчатый	Аисты
прозрачный	добрые
темно-зеленый	домовитые
ярко-синий	серебристо-белые
Август	Акула
безоблачный	алчная
богатый	быстрая
душный	огромная
золотой	хищная
прозрачный	
радостный	Аллея
слезливый	бесконечная
туманный	густая
унылый	дремлющая
Азарт	заглохшая
безумный	задумчивая
безрассудный	красивая, широкая
вдохновенный	мрачная
великолепный	поэтическая
воинственный	темно-тенистая

Лит.: Ведерников Н.В. Краткий словарь эпитетов русского языка. Л., 1975; Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного

языка. Л., 1979; Зеленецкий Л. Эпитеты литературной русской речи. М., 1913.

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ.

Словари, в которых фиксируются и объясняются все слова, употребляющиеся в произведениях какого-л. автора.

Ценность этих словарей состоит в том, что они содержат богатый систематизированный материал по лексике и фразеологии, словоупотреблению, необходимый для изучения истории русского литературного языка, индивидуальных особенностей художественного стиля писателя.

Первым словарем языка писателя был «Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина» (Спб., 1904) К.П. Петрова. Это перечень слов с иллюстрациями из произведений писателя. Слова в нем даны без толкования.

Значительным событием в нашей лексикографии был выход «Словаря языка Пушкина» в 4-х томах (М., 1956—1961). В нем 21 290 слов, употребленных А.С. Пушкиным в художественных произведениях, в статьях, очерках, заметках, письмах. Как отмечает в предисловии акад. В.В. Виноградов, «основная цель Словаря — описать факты общенационального литературного русского языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях А.С. Пушкина». Однако, «определяя переносные значения и оттенки слов, Словарь языка Пушкина тем самым разъясняет и описывает многие стилистические особенности художественного словоупотребления, характеризующие творческий метод Пушкина, его поэтическую манеру, его стиль».

Словарная статья содержит: 1) заголовочное слово; 2) частоту его употребления; 3) толкование слова; 4) указание на число случаев употребления слова в данном значении; 5) примеры, иллюстрирующие значение слова;

б) перечень всех случаев употребления слова у Пушкина. Например:

ВЕСЕЛИТЬ (10). *Развлекать, забавлять чем-н.* По доброте души я верил в упоеньи Волшебнице-Мечте, шепнувшей: ты поэт, — И, презря мудрости угрозы и советы, С небрежной легкостью нанизывал куплеты, Игрушкою себя невинной **веселил**; С1 86.39 // *Вызывать веселость, веселье.* Ни сарафан, ни перлов ряд, Ни песни лести и веселья Ее души не **веселят**; РЛ П 260. Ты сияешь лицом и **веселишь** улыбкою. ПА 478.7 *цит. Перен.* С камня на камень Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется Вдаль по роще густой, **веселя** ее сладким журчаньем. С3 45.7. ◊ **веселишь**: ПА 458.7 *цит.*; **веселит**: С1 82.14 БР 26 Пс 387.35; **веселят**: С1 86.39 С2 9.20, 118.4; **веселя**: *перен.* С3 45.7.

В словари отдельных произведений включаются слова из определенных сочинений того или иного писателя.

Лит.: Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993; *Виноградова В.Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1–6. М., 1965–1982; *Генкель М.А.* Частотный словарь романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Пермь, 1974; *Колесников Н.П.* Словарь неологизмов В.В. Маяковского. Тбилиси, 1991; *Кузнецов В.Я., Ерохин В.Н.* и др. Словоуказатель к комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». Тверь, 1990; *Милиц З.Г.* Частотный словарь «Стихов о Прекрасной Даме Ал. Блока»; Частотный словарь «первого тома» лирики Ал. Блока // *Поэтика Ал. Блока.* СПб., 1999; *Паршина В.В.* Язык русской классики: книжные и разговорные лексические элементы прозы Н.С. Лескова 90-х гг. XIX века: Словник. М., 1993; *Самовитое слово: Словарь русской поэзии XX века: Пробный выпуск.* Прил. к журн. «Русистика сегодня» / Под ред.

В.П. Григорьева. М., 1998; Словарь автобиографической трилогии Горького. Вып. 1–6. / Отв. ред. Л.С. Ковтун. Л., 1974–1990; Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие». Вып. 1–3 / Ред. М.Б. Борисова. Саратов, 1984–1994; Словарь повести М. Горького «Фома Гордеев» / Сост. О.Л. Рублева. Владивосток, 1990; Словарь поэтического языка М. Цветаевой. Т. 1–4 / Сост. И.Ю. Беляева, И.П. Оловяникова, О.Г. Ревзина; Рук. О.Г. Ревзина. М., 1996–1999; Словарь языка Пушкина / Сост. С.И. Бернштейн, А.Д. Григорьева, И.С. Ильинская и др. М., 1956–1961; Словарь языка русских произведений Шевченко. Т. 1–2 / Сост. Б.М. Брицын и др.; Ред. И.К. Белодед. Киев, 1985–1986; *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет»: Словоуказатели и частотный словник. Киев, 1984; *Туранина Н.А.* Метафора В. Маяковского: Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1997; *Она же.* Метафора С. Есенина: Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1998; Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького / Авт.-сост.п.М. Алексеев. СПб., 1996; Частотный словарь рассказов А.П. Чехова / Авт.-сост. А.О. Гребенников; Под ред. Г.Я. Мартыненко. СПб., 1999; Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З.Н. Великодворская, Г.С. Галкина и др. Тула, 1978; *Чистяков В.Ф.* Словарь комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Смоленск, 1939; *Шоу Д.Т.* Конкорданс к стихам А.С. Пушкина. Т. 1–2. М., 2000.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ (ДЕРИВАЦИОННЫЕ) СЛОВАРИ.

Словари, отражающие современную словообразовательную структуру слова. По способу размещения лингвистического материала эти словари являются гнездовыми. В них представлены словообразовательные гнезда.

Образец словарной статьи из «Школьного словообразовательного словаря» А.Н. Тихонова:

• серьёзн(ый) →		серьёзн-о → не-серьёзно ¹		несерьёзн-о ²
		серьёзн-ость → не-серьёзность ¹		
		серьёз → • в-серьёз		
		не-серьёзн(ый) →		несерьёзн-ость ²

В двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова раскрыта словообразовательная структура производных слов: показано, на базе какого производящего и при помощи каких словообразовательных средств они образованы.

В качестве основной единицы словаря выступает словообразовательное гнездо, которое представляет собой совокупность однокоренных слов, имеющих в современном русском языке живые смысловые связи. Словообразовательный анализ производных слов на фоне всей родни дает возможность более точно определить их словообразовательные связи и словообразовательную структуру, чем при изолированном их рассмотрении. Здесь одновременно учитываются все словообразовательные связи однокоренных слов: с одной стороны, устанавливается, на базе какого однокоренного слова оно создано; с другой стороны, выявляется, какие родственные слова образованы от него, т.е. раскрывается не только словообразовательная структура каждого однокоренного слова, но и выявляется его словообразовательный потенциал, роль и место в словопорождающем механизме современного русского языка.

В словаре около 145 000 слов. Из них 126 690 производных слов, которые размещены в 12 621 гнезде, и 5497 одиночных слов.

Словарь состоит из пяти разделов:

I. Как построен словарь. Раздел посвящен описанию лексической базы (§ 1), источников словаря (§ 2—3), принципов размещения слов в гнездах

(§ 4—8), особенностей представления словообразовательной структуры производных слов (§ 9—20), подачи омонимов (§ 21). Здесь же содержится объяснение, в каких случаях в словаре дается толкование слов (§ 22), какие слова и почему снабжены грамматическими и стилистическими пометами (§ 23, 24).

II. Основные понятия русского словообразования. В этом разделе кратко изложены основные теоретические положения, легшие в основу словаря, и охарактеризованы важнейшие понятия русского словообразования, которые были использованы в качестве главного «инструмента» при гнездовании однокоренных слов, определении их словообразовательных связей и словообразовательной структуры.

III. Словообразовательные гнезда — основная часть словаря. В ней в алфавитном порядке исходных слов размещены все словообразовательные гнезда.

IV. Производные слова, размещенные в гнездах. В этом разделе в алфавитном порядке расположены производные слова. Каждое слово снабжено цифрой, указывающей на номер гнезда, в котором следует его искать. Поскольку гнезда имеют отдельную нумерацию в пределах каждой буквы алфавита, перед номером гнезда помещена соответствующая буква.

V. Одиночные слова. В этот раздел в алфавитном порядке помещены слова, не вошедшие в гнездовую часть словаря: непроизводные слова, не имеющие производных.

Примеры гнезд:

Асфáлт

асфáлт-**йт**
асфáлт-**щик**
асфáлт-**н-ый**
асфáлт-**ов-ый**
асфáлт-**йрова-ть**
| асфáлтйрoвaть-**ся**
| | **за-**асфáлтйрoвaться 1
асфáлтйрoвa-**ниж-е** [асфáлтйрoвaниe]
асфáлтйрoв-**к-а**
асфáлтйрoв(-**щик**)
| асфáлтйрoв-**щиц-а**
асфáлтйрoвa-**нн-ый**, *прич.-прил.*
за-асфáлтйрoвaть
| **заасфáлтйрoвaть-ся** 2
асфáлт-**о-бетóн** *см.* бетон
асфáлтoбетóн-**н-ый**
асфáлт-**о-завóд** *см.* завод П
асфáлт-**о-пóдóбный** *см.* пóдóбный
асфáлт-**о-уклáдчик** *см.* клáсть

áл(ый)

áл-**еньк-ий**
áл-**овáт(ый)**
| аловáт-**о**
| аловáт-**oсть**
áл-**ёхонек**
áл-**ёшенек**
áл-**о**
áл-**oсть**
áл-**é-ть**
| алéть-**ся**
| | **за-**алéться 1
| **за-**алéть
| | **заалéть-ся** 2
| **по-**алéть
| **раз-**алéть-**ся**
áл-**о-голубой** *см.* голубой
áл-**о-красный** *см.* красный 1
áл-**о-щек-Ø-ий** *см.* щекá

Словообразовательная структура слова представлена также в «Словаре-справочнике по русскому языку» А.Н. Тихонова, Е.Н. Тихоновой, С.А. Тихонова (М., 1996; 5-е изд. — 2001; ок. 26 000 слов).

К словообразовательным относится также «Школьный словарь образования слов русского языка» М.Т. Баранова (М., 1997). Он содержит словообразовательные пары слов. Образцы словарных статей:

натяж/**éни**[й/э] (сущ., с.) **натягивать** (г//ж; усеч.; переход удар.).

звёд/**oчк**/а (сущ., ж.) **звездá** (ё//е; переход удар.).

Лит.: Баранов М.Т. Школьный словарь образования слов русского языка. М., 1997; Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 2002; Он же. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 2003. Тихонов А.Н. и др. Словарь-справочник по русскому языку. М., 2001.

СЛОВОПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВАРИ — словари, в которых используется гнездовой порядок расположения слов (см. Словарь).

СПРАВОЧНИК. Книга, словарь, содержащий краткие сведения, справки по каким-либо вопросам: *справочник иностранных терминов, по русской орфографии, книжных слов; орфографический, учебный, грамматический, комплексный, энциклопедический, краткий справочник.*

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ. См. идеографические словари.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ. Словари, в которых описываются термины той или иной отрасли знания. Они представляют собой разновидность энциклопедических словарей.

Терминологические словари бывают также дву- и многоязычными.

(См. также **энциклопедия, словари лингвистических терминов**).

Лит.: Информатика: Русско-английский терминологический словарь. М., 1992; Кирпичников М.Э., Забинкова Н.Н. Русско-латинский словарь для ботаников. М., 1977; Краткий русско-немецкий политехнический словарь. М., 1976; Лопатников Л.И. Популярный экономико-математический словарь. М., 1979; Маркетинг: Толковый терминологический словарь-справочник. М., 1991; Политехнический словарь. Основные термины. М., 1989; Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Словарь стандартизованных терминов по охране окружающей среды. М., 1989; Толковый металлургический словарь. Основные термины. М., 1989; Физика атомного ядра и элементарных частиц. Терминология. М., 1989; Французско-англо-русско-кхмерский географический словарь. М., 1991; Фридланд А.Я., Ханамирова Л.С., Фридланд И.А. Информатика и компьютерные технологии. Основные термины. М., 2003; Энциклопедический словарь медицинских терминов. Т. 1–3. М., 1984.

ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ. Словари, в которых толкуются (определяются) значения слов. Толковые словари подразделяются на нормативные и общие. В **нормативных** словарях толкуются, в основном, слова литературного языка. Нормативные словари ориентированы на языковую норму, в них представлен образцовый, правильный язык. Первый нормативный толковый словарь русского языка – «Словарь Академии Российской» в 6 т. (1789–1794; 43 257 слов). Этот словарь заслуженно считается одним из замечательных достижений русской филологии. Он стал основой для академических словарей, созданных в XIX в. Классическим нормативным толковым словарем является «Словарь рус-

ского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук» под ред. Я.К. Грота (буквы А–Д; 1891–1895).

В XX в. традицию академических толковых нормативных словарей продолжили «Толковый словарь русского языка» в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова (М., 1935–1940; переизд. – М., 2000; более 85 тыс. слов), «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17 т. (М.; Л., 1948–1965; более 120 тыс. слов), называемый Большим Академическим словарем (БАС). По своему типу он является одновременно толково-историческим и нормативным. Он охватывает «все лексическое богатство русского литературного языка от эпохи Пушкина до наших дней», а также устаревшие, диалектные, просторечные слова, термины, достаточно широко употребляющиеся в художественных и научно-популярных текстах. В настоящее время идет работа по подготовке 2-го издания этого словаря в 20 т. С 1991 по 1994 г. вышли 1–6 тт. Перед словарем ставится задача отразить современное состояние лексики русского литературного языка.

К академическим толковым нормативным словарям относится также «Словарь русского языка» в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева (М., 1957–1961; 2-е изд. – 1981–1984; более 90 тыс. слов). Его называют Малым Академическим словарем (МАС). Задача словаря – представить с необходимой полнотой широкоупотребительную лексику русского литературного языка. Временные границы охвата лексики – от Пушкина до наших дней.

Традиции академической лексикографии продолжает однотомный «Большой толковый словарь русского языка» / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов (СПб., 2000; 130 тыс. слов). В словаре полно представлен лексический состав

русского языка, сложившийся к концу XX в. В некоторые словарные статьи включены энциклопедические справки.

В **общих** словарях толкуются слова литературного языка и народных говоров. К ним относятся: В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка» в 4 т. (1863–1866; неоднократно переиздавался; более 200 тыс. слов), являющийся сокровищницей русского народного языка XIX в., «энциклопедией народной жизни, широко охватывающей живую народную речь с ее диалектами, терминологию и фразеологию...» (В.В. Виноградов); (в 2001 г. издательство «АСТ-Астрель» выпустило Словарь В.И. Даля в современном написании); «Словарь русского языка» Академии наук под ред. А.А. Шахматова (А.А. Шахматов стал редактором словаря после смерти Я.К. Грота в 1893 г.; словарь не был закончен: с 1895 по 1937 г. вышли выпуски на буквы Е, Ж, З, часть выпусков на И, К, Н, О).

Наряду с академическими словарями существуют **толковые словари научно-популярного** типа, рассчитанные на массового читателя. К ним относятся: С.И. Ожегов. «Толковый словарь русского языка» (1-е изд. – 1949; он переиздавался более 20 раз; с 1992 г. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова «Толковый словарь русского языка»; 72 500 слов); В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. «Малый толковый словарь русского языка» (М., 1990; с 3-го изд. 1994 г. «Русский толковый словарь»; около 35 тыс. слов). Для учащихся **средней школы** предназначен «Школьный толковый словарь русского языка» Лапатухина М.С., Скорлуповской Е.В., Снетовой Г.П. (М., 1999); «Толковый словарь русского языка» / Под ред. В. Бутромеева (М., 2000; 4300 слов); «Толковый словарь русского языка: Для средней школы» / Е.А. Баханов,

И.М. Гайдукевич, П.П. Шуба (3-е изд., перераб. и доп. Минск, 1995); Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.Б. Карашева «Школьный толковый словарь русского языка» (М., 1998) и др. Для учащихся **национальных школ** предназначен «Толковый словарь русского языка» / Под ред. М.И. Махмутова, А.В. Текучева, Н.М. Шанского (Л., 1982; 3500 слов), а для **иностранцев, изучающий русский язык**, — «Краткий толковый словарь русского языка» / Под ред. В.В. Розановой (6-е изд., испр. и доп. М., 1989; 5000 слов) и К.В. Габучан «Учебный толковый словарь русского языка» (М., 1986; 3500 слов).

Образец словарной статьи из «Словаря русского языка» в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева:

КА́ПЛЯ, -и, *род. мн.* -пель, *дат.* -плям, *ж.* **1.** Маленькая частица жидкости, принявшая округлую форму. *Капли росы. Капли пота.* □ *С листьев слетали капли недавнего дождя.* Паустовский, Рождение моря.

2. *перен.; только ед. ч., чего. Разг.* Самое малое количество чего-л. *Но вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня.* Пушкин, Евгений Онегин.

3. *в знач. нареч. ка́плю.* Немного, чуть-чуть. — *Лучше быть хоть каплю повежливее, хотя бы даже со мной.* Достоевский, Братья Карамазовы.

4. *мн. ч. (ка́пли, -пель).* Жидкое лекарство, принимаемое по счету капель. *Валерьяновые капли. Сердечные капли.* □ [*Мастаков*]: *Елена никогда не принимает лекарств. А вот Ольга Владимировна пьет какие-то капли.* М. Горький, Чудаки.

♦ **Капля в море** — ничтожное количество, пустяк по сравнению с чем-л. **Капля за каплей** или **капля по капле** — постепенно, понемногу. *Перемены эти свершились не сразу, не вдруг, а посте-*

пенно, незаметно, капля за каплей. Горбатов, Донбасс. **До (последней) капли** — все, без остатка, до дна (выпить, осушить и т.п.). **До последней капли крови** (высок.) — жертвуя всем, не щадя жизни (боротся, биться, защищать кого-то-л. и т.п.). **Ни капли** — нисколько, ничуть. — [Корытин] ни одного слова правды не сказал... Он — трус. Я ему ни капли не верю. Гладков, Энергия. **Капли в рот не брать** см. рот. **Как две капли воды** — совершенно, очень сильно (похож на кого-что-л. или сходен с кем-, чем-л.). **Капля в каплю** — точь-в-точь, точно такой же (как кто-л. или что-л.). [Кречинский:] Теперь надо мне две этикие бумажки, чтобы капля в каплю были. Сухово-Кобылин, Свадьба Кречинского.

Образец словарной статьи из «Большого толкового словаря русского языка» / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов: **КЛАССИЧЕСКИЙ** -ая, -ое. 1. Созданный классиком, классиками (1 зн.); совершенный, образцовый. *К-ая литература, музыка. Ставить пьесы классического репертуара. К-ие работы по генетике. К-ое определение материи.* // Типичный, особенно характерный, показательный. *К. пример самоотверженности. К-ая походка моряков.* 2. Относящийся к классицизму, следующий его правилам. *К-ая трагедия.* 3. Относящийся к миру древних греков и римлян; античный. *К-ие языки.* // Связанный с изучением древнегреческого и латинского языков и античной литературы. *К-ое отделение филологического факультета, К-ая гимназия* (в России до 1917 г.: среднее учебное заведение, в котором было обязательным изучение античных языков и литератур). 4. Отвечающий античным правилам пропорции и симметрии, напоминающий античные статуи (о чертах лица, формах тела и т.п.) *К-ая красота. К-ая правильность носа.* 5. Разг. Лучший в своем

роде; замечательный. *Пирог она печет к-ие!* < Классически, нареч. Разг. (1, 4-5 знач.). *К. точное определение. Он к. красив. К. пропорциональные формы. Играть в футбол к.*

Образец словарной статьи из «Школьного толкового словаря русского языка» М.С. Лапатухина, Е.В. Скорлуповской, Снетовой Г.П.:

ЗНАК. сущ. м.р., р.п. знак-и мн. ч. им.п. -и, р.п. -ов.

1. Предмет, изображение, действие в роли условного обозначения чего-л.; сигнал. *Всюду на матчах чернели шары — знаки шторма. Диковский. В глубине цеха зазвонил колокол — знак, что разлив металла начинается. Катерли.* 2. След, отметина, оставленная после чего-н., характерный отпечаток, наложенный чем-то. *Около глаза (Райского) собирались даже две-три легкие морщины, эти неизгладимые знаки времени и опыта. Гончаров.* 3. Движение (рукой или головой), выражающее волю, желание кого-л., предупреждающее о чем-л. *Он знаком пишу отвергал. И тихо, гордо умирал. Лермонтов.* 4. Изображение с известным условным обозначением. *Математический знак. Нотный знак. Фабричный знак.* ♢ *Знаки отличия* — значки, нашивки, погоны, петлицы и т.п. на форменной одежде, служащие для обозначения звания, рода службы. // **знак-ов-ый**, прилаг. (к 4-му знач.) *Знаковая система письма.*

Лит.: Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000; Быстрова Е.А., Окунева А.П., Карашева Н.Б. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1998; Габучан К.В. Учебный толковый словарь русского языка. М., 1986; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 2001 и др. издания; Краткий толковый словарь русского языка / Под ред. В.В. Розановой. М., 1989; Лапатухин М.С., Скор-

луповская Е. В., Снетова Г. П. Школьный толковый словарь русского языка. М., 1999; Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1990; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; Словарь Академии Российской. Т. 1–6. СПб., 1789–1794; Словарь русского языка. Т. 1–4 / Гл. ред. А. П. Евгеньев. М., 1981–1984; Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук, буквы А–Д / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1891–1895; Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940; Толковый словарь русского языка / Под ред. В. Бутомеева. М., 2000; Толковый словарь русского языка: Для средней школы / Е. А. Баханов, И. М. Гайдукевич, П. П. Шуба. Минск, 1995; Толковый словарь русского языка / Под ред. М. И. Махмутова, А. В. Текучева, Н. М. Шанского. Л., 1982.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ.

Словари, в которых фиксируются и объясняются названия географических объектов.

Образец словарной статьи из «Школьного топонимического словаря» Е. М. Поспелова:

Арктика, северная полярная область Земли. Поскольку полярная область находится непосредственно под созвездием Большой Медведицы, а медведь по-гречески *арктос*, Север получил у греков название *Арктикос*, откуда принятая во многих языках форма *Арктика*.

Образец словарной статьи из «Словаря прилагательных от географических названий» Е. А. Левашова:

УЛАН-УДЭ г. (*ранее* Верхнеудинск) (РСФСР)

Улан-удэ́нский; Ула́н-уди́нский *Улан-удэ́нский симфонический? Да!* Правда Бурятии 7 янв. 1977. *Шумят ветры по улан-удэ́нским улицам, путаются меж тополиных ветвей, вырываются на про-*

сторы площадей и свистят тонко-тонко. Правда 8 февр. 1980. *Частушки, помещенные в улан-удинском сборнике..., выдержаны... в совершенно иной тональности.* Ю. Буртин, О частушках.

Лит.: Агеенко Ф. Л. Ударения в названиях улиц Москвы и в географических названиях Московской области: Словарь-справочник. М., 1983; Афанасьев А. П. Топонимия Республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996; Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. Л., 1985; Горцев В. И. Саратовская область в географических названиях / Под ред. П. Н. Студенцова. Саратов, 1984; Кусков В. П. Краткий топонимический словарь Камчатской области: Из истории происхождения географических названий. Петропавловск-Камчатский, 1967; Левашов Е. А. Словарь прилагательных от географических названий. М., 1986; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966; Поспелов Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М., 1993; Он же. Географические названия мира: Топонимический словарь / Отв. ред. Р. А. Агеева. М., 2001; Он же. Школьный топонимический словарь. М., 1988; Русская ономастика и ономастика России / Под ред. О. Н. Трубочева. М., 1994.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СЛОВАРИ.

Словари, в которых сочетаются особенности словарей разных типов. То же, что комплексные словари (см. **словарь**).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ.

См. **словарь**.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ (ИДИОМАТИЧЕСКИЕ) СЛОВАРИ. Словари,

в которых представлены фразеологизмы – устойчивые сочетания слов, значения которых в целом не выводимы из значений составляющих его слов.

Особым типом фразеологического словаря является «Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический)» В.М. Огольцева, в котором представлено около 1500 наиболее употребительных образных сравнений (как в аптеке <на весах>, как (словно, точно) арбуз, как (словно, точно) атлас, как (словно, точно) в воду опущенный, как (словно, точно) с гуся вода, как (словно, точно) заколдованный и т.д.). В словарной статье объясняется значение устойчивого сравнения, приводятся цитаты из произведений литературы, даются синонимические и антонимические устойчивые сравнения.

Фразеологизмы-синонимы представлены в словарях фразеологических синонимов.

Ряд фразеологических словарей предназначен для учащихся.

К фразеологическим словарям при­мыкает «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой (М., 1983; 2-е изд. – 2003; около 1500 устойчивых сочетаний). Разрабатываемые в словаре сочетания характеризуются семантико-структурной целостностью, неизменяемой формой, единством значения и одним основным ударением, напр.: будто бы, во время, в течение, на днях.

Образец словарной статьи:

В КОРНЕ, в знач. наречия. 1. **Коренным образом, полностью**. Он сможет стать другом, если в корне изменит свое поведение. 2. **С качественным прил. Совершенно, совсем**. Это решение было в корне неправильным.

Образец словарной статьи из «Школьного фразеологического словаря русского языка» В.П. Жукова и А.В. Жукова:

Тертый калач (чаще употр. в ед.ч.). *Чаще в знач. сказ. Разг.* Употр. при подлежащ. со значением лица. Очень опытный, много испытавший на своем веку человек, которого трудно провести. Ср.: *стреляный воробей; стреляная птица. Прошка был пробойный мужик, tertый калач и хаживал на барках водоливом до Петербурга. Мамин-Сибиряк. В камнях. Поднадзорный был, видимо, tertый калач, и жандармские ухищрения на него не действовали.* Р. Хигеревич. Путь писателя.

Из XVIII в.: [Проныркин:] *Сами вы, Луи Лукоянович, tertый калач: кому другому, а вам объяснять нечего. Вы сами с нижних чинов по статской службе происходили.* Державин.

Из буквального сочетания tertый калач, т.е. калач, приготовленный из особого калачного теста, которое долго трут и мнут.

Образец словарной статьи из «Словаря фразеологических синонимов русского языка» В.П. Жукова, М.И. Сидоренко, В.Т. Шклярова:

ВО ВСЕ ГОРЛО (ВО ВСЮ ПЛОТКУ) (разг.), **ВО ВЕСЬ ГОЛОС, ВО ВЕСЬ РОТ** (разг.); **НЕ СВОИМ ГОЛОСОМ** (разг.); **ЧТО ЕСТЬ (БЫЛО) МОЧИ (СИЛЫ, СИЛ)** (разг.), **ЧТО ЕСТЬ (БЫЛО) ДУХУ** (разг.); **ВО ВСЮ ИВАНОВСКУЮ** (разг.); **БЛАГИМ МАТОМ** (прост.); **КАК (СЛОВНО) РЕЗАННЫЙ** (прост.). Преимущ. употр. при глаголах кричать (закричать), орать (заорать), вопить (завопить), хохотать (захохотать) и т.п. *Обст.* Очень громко (кричать, орать и т.п.). **Не своим голо­сом, как (словно) резанный** – очень громко, сильно, испу­ленно (кричать, орать и т.д.),

[Груша:] *Пойду песню запою, со зла, во все горло, что только духу есть!* А. Островский, Не так живи, как хочется.

Если бы в соседней комнате кричали и хохотали во все горло, было бы лучше, чем этот раздражавший полусшепот, тихий смех и паузы. Мамин-Сибиряк, Черты из жизни Пепко. *Ящички ругаются во все горло, так что их, должно быть, за десять верст слышно.* Чехов. Из Сибири...

Образец словарной статьи из «Словаря устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева:

МИГ

КАК (СЛОВНО, ТОЧНО) <ОДИН> МИГ [МГНОВЕНИЕ] (книжн.)

Пролететь, промелькнуть, проходить — быстро, незаметно.

О времени.

Ночь *пролетела, как один миг*, и когда стало светать, по ровному дощатому настилу моста прошел последний солдат 10-го корпуса... (А.А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю). Два часа *промелькнули, как миг*. Когда плотинный караульный отдал семь ударов, Колошка стал сматывать удочку (П.П. Бажов, За большими окунями). ...Говорил он [учитель] превосходно, интересно, и урок *прошел, как один миг* (Н.И. Кочин. Гремячая поляна). — И лето, казалось, будет длиться вечность, а оно все убывало... Оно *прошло, как мгновение* (Ю.П. Казаков. Свечечка).

Син.: как один день, как одна минута.

Ант.: как вечность, как год.

Лит.: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1993; Они же. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов н/Д, 1996; Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пос. для учащихся национальных школ. Л., 1984; Они же. Краткий фразеологический словарь современного русского языка. СПб., 1994;

Волина В.В. Почему мы так говорим: Занимательный фразеологический словарь. Книга для детей, учителей, родителей. М., 1997; Дубровин М.И. Русские фразеологизмы в картинках. М., 1997; Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка: Пос. для учащихся. М., 1994; Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987; Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Русская фразеология: Для иностранных учащихся. М., 1990; Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М., 1997; Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний. Т. 1–2. М., 1997; Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М., 2001; Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983; Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. М., 1995; Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. М., 1990; Фразеологический словарь русского литературного языка. Т. 1–2 / Сост. А.И. Федоров. М., 1997; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986; Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка. М., 1988; Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987; Они же. Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний. М., 1997; Яранцев Р.И. Русская фразеология: Словарь-справочник. М., 1997.

ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ. В частотных словарях представлены слова с указанием частоты их употребления. Сведения о частоте получены в результате обработки с помощью вычисли-

тельной техники текстов определенной длины. Частотные словари позволяют определить границы активного состава лексики, что имеет большое значение для составления словарей, преподавания русского языка.

Ряд частотных словарей создан на материале художественных произведений.

Сведения о частоте употребления слов встречаются также в словарях языка писателей. Так, в «Словаре языка А.С. Пушкина» при каждом слове приводится частота употребления. «Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова» / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича включен в состав «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981).

«Частотный словарь русского языка» / Под ред. Л.Н. Засориной (М., 1977) представляет собой свод статистических данных о лексическом составе современного русского языка. Он составлен на основании обработки средствами вычислительной техники

1 млн словоупотреблений. В результате авторы получили 40 тыс. единиц словаря. Словарь можно использовать при исследовании статистической структуры словарного состава русского языка, при определении границ наиболее употребительной, активной лексики, при составлении различных словарей, грамматик и учебников русского языка. Слова, имеющие в этом словаре самую высокую частоту: в (во) – 42854, и – 36266, не – 19228, на – 17262, я – 13839, быть – 13307 и т.д. Знаменательные слова с высокой частотой: один – 3255, сказать – 2909, говорить – 2573, большой – 2066, время – 1856, идти – 1773 и т.п. Самую низкую частоту (1) имеют: абордаж, абориген, абы, авральный, автобиография, автокар, автол и др. Слов с частотой 10 и выше в словаре 9044. Частые слова составляют 23,02%, но они покрывают тексты на 92,4%.

Образцы словарных статей из «Частотного словаря русского языка» / Под ред. Л.Н. Засориной:

	частота				кол-во текстов				
	общая	I	II	III	IV	I	II	III	IV
махровый	1	–	–	1	–	–	–	1	–
мачеха	5	–	3	2	–	–	1	2	–
мачта	14	1	3	–	10	1	2	–	4
мачтовый	2	–	–	–	2	–	–	–	1
машина	523	225	52	90	156	15	16	20	10
машинально	10	–	7	–	3	–	4	–	3
машинальный	1	–	1	1	–	–	1	–	–

I – газетно-журнальные тексты, II – драматургия, III – научные и публицистические тексты, IV – художественная проза.

Лит.: Генкель М.А. Частотный словарь романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Пермь, 1974; Денисов П.Н., Морковкин В.В., Сафьян Ю.А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М., 1978; Лексические минимумы современного русского языка /

Под ред. В.В. Морковкина. М., 1985; Минц З.Г. Частотный словарь «Стихов о Прекрасной Даме Ал. Блока», Частотный словарь «первого тома» лирики Ал. Блока // Поэтика Ал. Блока. СПб., 1999; Полякова Г.П., Солганик Г.Я. Частотный словарь языка газеты. М., 1971;

Список наиболее употребительных слов русского языка / Под общ. ред. З.П. Дауцене. М., 1974; Творогов О. В. Лексический состав «Повести временных лет» (Словоуказатели и частотный словник). Киев, 1984; Частотный словарь автобиографической трилогии М. Горького / Авт.-сост. П.М. Алексеев. СПб., 1996; Частотный словарь общенаучной лексики / Под ред. Е.М. Степановой. М., 1970; Частотный словарь рассказов А.П. Чехова / Авт.-сост. А.О. Гребенников; Под ред. Г.Я. Мартыненко. СПб., 1999; Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир» / Сост. З.Н. Великодворская, Г.С. Галкина и др. Тула, 1978; Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М., 1977; Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981; Штейнфельдт А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963; 2380 слов, наиболее употребительных в русской разговорной речи. М., 1968.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ. См. **словарь, энциклопедия.**

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Научное справочное издание по всем или отдельным отраслям знания (преимущественно в форме словаря). В отличие от лингвистических словарей (см. выше), основным объектом которых является слово, в энциклопедиях и энциклопедических словарях объясняются не слова, а реалии (предметы и лица, явления и понятия). В словник энциклопедий и энциклопедических словарей включаются только имена существительные – собственные и нарицательные, словосочетания с именами существительными. Слова других частей речи в них не представлены.

Энциклопедии и энциклопедические словари делятся на универсальные, отраслевые и региональные. **Универсальные** энциклопедии и энцикло-

педические словари содержат сведения из всех областей современной общественно-политической жизни, экономики, науки, техники, литературы и искусства, о странах мира, биографии выдающихся людей. К ним относятся «Большая советская энциклопедия» в 30 т. (3-е изд. – М., 1970–1978); «Малая советская энциклопедия» в 10 т. (М., 1960); «Российский энциклопедический словарь» в 2 кн. (М., 2000); «Детская энциклопедия» в 12 т. (3-е изд. – М., 1971–1977 [11 том – «Язык и литература»]; «Большой энциклопедический словарь школьника» / Сост. А.П. Горкин (М., 1999); «Новый иллюстрированный энциклопедический словарь» (М., 1999) и др.

Отраслевые энциклопедии и энциклопедические словари посвящены определенным отраслям знания: философии, истории, технике, математике, сельскому хозяйству, медицине, горному делу, педагогике, литературе, языкознанию и пр. В 1979 (2-е изд. М., 1997) вышла в свет энциклопедия «Русский язык», в которой можно найти основные сведения о русском языке, о крупнейших ученых-русистах и т.д. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» / Гл. ред. В.Н. Ярцева (М., 1990) представлены сведения о звуковом, грамматическом, лексическом строе языков мира, о семьях и группах языков, о письменностях и истории письма, о языкознании как науке.

Существует целая серия энциклопедических словарей для школьников: «Энциклопедический словарь юного спортсмена» (М., 1979), «Энциклопедический словарь юного астронома» (М., 1980), «Энциклопедический словарь юного техника» (М., 1980), «Энциклопедический словарь юного геолога-краеведа» (М., 1981), «Энциклопедический словарь юного натуралиста»

(М., 1981), «Энциклопедический словарь юного химика» (М., 1982), «Энциклопедический словарь юного земледельца» (М., 1983), «Энциклопедический словарь юного художника» (М., 1983), «Энциклопедический словарь юного филолога» (М., 1984) и «Энциклопедический словарь юного литературоведа» (М., 1988; 2-е изд. — М., 1998). Издается детская энциклопедия «Я познаю мир», каждый том которой посвящен определенной отрасли знания (напр., «Я познаю мир: Дет. Энцикл.: Русский язык. / Авт.-сост. В.В. Волина. М.: АСТ, 1998) и «Энциклопедия для детей» издательства «Аванта+» (Т. 10: Языкознание. Русский язык / Отв. ред. Л. Петрановская. М., 1998) и др.

Особым типом являются **биографические** энциклопедии и энциклопедические словари, в которых описываются биографии исторических личностей, выдающихся деятелей науки, культуры и т.п. Например: «Русские писатели. 1800–1917». Т. 1–3 (М., 1989–1994; изд. продолжается); «Политические деятели России. 1917 год» (М., 1993) и др. В **персональных** энциклопедиях объектом описания является жизнь и творчество одного выдающегося человека. Например: «Лермонтовская энциклопедия» (М., 1981) и др.

Региональные энциклопедии содержат систематизированный свод знаний об определенном регионе. Например: «Башкортостан. Краткая энциклопедия» (Уфа, 1996); «Краткая чувашская энциклопедия» (Чебоксары, 2001) и др.

Образец словарной статьи из «Российского энциклопедического словаря»:

КНИ́ГА, неперидич. издание в виде сброшюрованных листов печатного материала (объемом более 48 страниц); средство массовой, научн. и техн. ин-

формации, орудие пропаганды знаний и воспитания. Одна из древнейших форм К. — свиток (4–3-е тыс. до н.э.), со 2–4 вв. заменялся кодексом. Осн. материалы для изготовления К.: папирус, со 2 в. до н.э. — пергамент и с 13 в. (в Европе) — бумага. В антич. мире и в ср. века К. размножали путем переписывания. Первым способом множеств. репродуцирования К. была ксилография. Первой печатной книгой считают текст, воспроизведенный ксилографическим путем в Корее в период с 704 по 751. Возникновение книгопечатания (в Китае в II в., в Европе — в сер. XV в.) привело к резкому росту выпуска К.

Лит.: Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996; Большая советская энциклопедия. Т. 1–30. М., 1970–1978; Большой энциклопедический словарь школьника / Сост. А.П. Горкин. М., 1999; Детская энциклопедия. Т. 1–12. М., 1971–1977; Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981; Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990; Малая советская энциклопедия, тт. 1–10. М., 1960; Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 1999; Политические деятели России. 1917 год. М., 1993; Российский энциклопедический словарь. Т. 1–2. М., 2000; Русские писатели. 1800–1917. Т. 1–3. М., 1989–1994; Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997; Энциклопедия для детей. Т. 1–41. М.: «Аванта+», 1993–2004; Энциклопедический словарь юного астронома. М., 1980; Энциклопедический словарь юного геолога-краеведа. М., 1981; Энциклопедический словарь юного земледельца. М., 1983; Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1988; Энциклопедический словарь юного натуралиста. М., 1981; Энциклопедический словарь юного спортсмена. М., 1979; Энциклопедический словарь юного техника. М., 1980; Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; Энциклопедический сло-

варь юного химика. М., 1982; Энциклопедический словарь юного художника. М., 1983; Я познаю мир: Детская энциклопедия: Русский язык / Авт.-сост. В.В. Волина. М., 1998.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИЙ. Словари, в которых объясняется этимология, т.е. происхождение слов. К ним относятся: М. Фасмер. «Этимологический словарь русского языка» в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева (М., 1964–1973; 18 246 слов); «Этимологический словарь русского языка». Вып. 1–8 / Под ред. Н.М. Шанского (М., 1963–1982); П.Я. Черных. «Историко-этимологический словарь современного русского языка» в 2 т. (М., 1993). Исторический интерес имеет «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского (1-е изд. – 1910–1914; переиздание – М., 1958).

Краткими этимологическими словарями, предназначенными для широкого круга читателей, являются: Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. «Этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя» (М., 1961; 5000 слов; во 2-м изд. 1971 г. – «Краткий этимологический словарь русского языка»; 7000 слов); Г.П. Цыганенко. «Этимологический словарь русского языка» (Киев, 1970; 2-е изд. – 1989; более 5000 слов); Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. «Этимологический словарь русского языка» (М., 1994; ок. 10 000 слов); «Из истории русских слов: Словарь-пособие» / А.Е. Аникин, И.А. Корнилова и др. (М., 1993), и др. Для учащихся школ предназначены: Н.М. Шанский, Т.А. Боброва «Школьный этимологический словарь русского языка» (М., 2000); В.В. Волина. «Откуда пришли слова: Занимательная этимология слов: Книга для детей, учителей, родителей» (М., 1996); С.И. Львова. «Эти-

мологический словарик школьника: Для 5–9 классов» (М., 1995); «Этимологический словарь русского языка для школьников» / Сост. С.И. Карантиров (М., 2000); В.Т. Бирюкова. «Этимологический словарь» // «Большой словарь русского языка» (М., 1998) и др.

Образец словарной статьи из «Краткого этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской:

ВАРЕЖКА. Собств.-русск. Является уменьшительно-ласкательной формой от *варега*, в диалектах еще встречающегося. *Варега*, по всей вероятности, представляет собой производное посредством суф. *-ега* от *варь* – «защита», образованного от глагола *варити* – «защищать, сохранять; беречь, предупреждать» (см. *предварить*). Менее убедительным представляется принимаемое Фасмером объяснение *вареги* как «варяжской рукавицы».

Образец словарной статьи из «Этимологического словаря» Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой:

ПРОЗРАЧНЫЙ. Заимств. из ст.-сл. яз. Преф. образование от *зрачный* «видимый», суф. производного от *зракъ* «вид». См. *зрачок*. *Прозрачный* буквально – «видимый насквозь».

Лит.: Бирюкова В.Т. Этимологический словарь // Большой словарь русского языка. М., 1998; Волина В.В. Откуда пришли слова: Занимательная этимология слов: Книга для детей, учителей, родителей. М., 1996; Из истории русских слов: Словарь-пособие / А.Е. Аникин, И.А. Корнилова и др. М., 1993; Львова С.И. Этимологический словарик школьника: Для 5–9 классов. М., 1995; Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1958; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973; Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989; Черных П.Я.

ЯЗЫКОВЫЕ СЛОВАРИ

Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1993; Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994; Они же. Школьный этимологический словарь русского языка. М., 2000; Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя.

М., 1961; во 2-м изд. – Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971; Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–8 / Под ред. Н.М. Шанского. М., 1963–1982; Этимологический словарь русского языка для школьников / Сост. С.И. Карантиров. М., 2000.

ЯЗЫКОВЫ́Е СЛОВАРИ́. См. **словарь**.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

СВЕДЕНИЯ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ № 2

- Вопросы языкознания 674
Известия АН СССР. Отделение литературы и языка 674
Известия АН СССР. Серия литературы и языка 674
Известия РАН. Серия литературы и языка 674
Мир русского слова 675
Научные доклады высшей школы. Филологические науки 675
Русистика сегодня 675
Русская речь 675
Русская словесность 675
Русский язык в научном освещении 675
Русский язык в национальной школе 676
Русский язык в СНГ 676
Русский язык в СССР 676
Русский язык в школе 676
Русский язык в школе и дома 676
Русский язык за рубежом 676
Русский язык и литература для школьников 676
Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. Реферативный журнал 676

В Приложении № 2 представлены основные лингвистические журналы по русскому языку – периодические издания, посвященные вопросам общего, частного и прикладного языкознания. В перечень не вошли в силу своей многочисленности лингвистические и филологические серии университетов, институтов, региональных академий и т.п.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. Выходит с 1952 г., шесть номеров в год. Орган Отделения историко-филологических наук РАН. Теоретический журнал по общему и сравнительному языкознанию, помещает также публикации по проблемам изучения русского языка.

Адрес редакции: 119019 Москва Г-19, ул. Волхонка, д. 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Телефон: 201-25-16.

ИЗВЕСТИЯ АН СССР. ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА. См. Известия РАН. Серия литературы и языка.

ИЗВЕСТИЯ АН СССР. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА см. Известия РАН. Серия литературы и языка.

ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА. Выходит с 1940 г., шесть номеров в год. В 1940–1963 гг. выходил под названием «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», в 1964–1991 гг. – под названием «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Орган Отделения историко-филологических наук РАН. Журнал общефилологического характера, пуб-

ликующий также материалы по русскому языкознанию.

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр-т, д. 32а.

Телефон: 938-55-17, 155-80-26.

МИР РУССКОГО СЛОВА. Выходит с 2000 г., четыре номера в год. Орган Российского общества преподавателей русского языка и литературы. Научно-методический иллюстрированный журнал, печатающий статьи по методике преподавания русского языка как иностранного, актуальным проблемам русистики, литературоведения, материалы ЮНЕСКО, хронику, информационные материалы и т.д.

Адрес редакции: 101472 Москва, Вадковский пер., д. 3а.

Телефон: 972-94-85.

Факс: 973-31-67.

Адрес редакции: 197101 Санкт-Петербург, Каменноостровский пр-д, д. 24, офис № 24.

Телефон: 325-99-80, 346-06-68.

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Выходит с 1958 г., шесть номеров в год. Орган Министерства образования и науки РФ. Журнал общепилологического характера, публикующий также материалы по русскому языкознанию.

Адрес редакции: 125009 Москва, К-9, ул. Моховая, д. 11.

Телефон/факс: 203-36-23.

РУСИСТИКА СЕГОДНЯ. Выходит с 1994 г., четыре номера в год. Орган Отделения историко-филологических наук РАН и Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Теоретический журнал, помещающий материалы, касающиеся всех аспектов русистики.

Адрес редакции: 121019 Москва Г-19, ул. Волхонка, д. 18/2, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Телефон: 202-65-40.

РУССКАЯ РЕЧЬ. Выходит с 1967 г., шесть номеров в год. Орган Российской академии наук, Российского фонда культуры и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Научно-популярный журнал, печатающий статьи по культуре устной и письменной речи, о языке художественной литературы, о русской стилистике, об истории отечественного языкознания.

Адрес редакции: 121019 Москва Г-19, ул. Волхонка, д. 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Телефон: 290-23-78.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Выходит с 1993 г., восемь номеров в год. Орган Министерства образования и науки РФ и ООО «Школьная Пресса». Научно-теоретический и методический журнал для учителей словесности средних школ, гимназий, лицеев, печатающий материалы, расширяющие и углубляющие программу средней школы по русскому языку и литературе. Имеет приложение «Русский язык и литература для школьников» (см.).

Адрес редакции: 127254 Москва, ул. Руставели, д. 10, корп. 3.

Телефон: 219-52-87, 219-52-89.

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ. Выходит с 2001 г., два номера в год. Орган Российской академии наук и Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Научный журнал, печатающий статьи отечественных и зарубежных лингвистов по теоретическим вопросам русистики, рецензии и обзоры новинок научной литературы, информационно-хроникальные материалы.

Адрес редакции: 121019 Москва, ул. Волхонка, д.18/2, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Телефон: 201-79-92.

Факс: 291-23-17.

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ. См. *русский язык в СНГ*.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СНГ. Выходил с 1957 по 1992 г., 12 номеров в год. В 1957–1991 гг. выходил под названием «Русский язык в национальной школе», в 1991 г. — под названием «Русский язык в СССР». Орган Российской академии образования. Теоретический и научно-методический журнал, печатавший материалы по методике преподавания русского языка в средних национальных школах. В настоящее время не издается.

РУССКИЙ ЯЗЫК В СССР. См. *русский язык в СНГ*.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ. Выходит с 1914 г., шесть номеров в год. Орган Министерства образования и науки РФ. Научно-методический журнал, печатающий статьи по русскому и общему языкознанию, по методике преподавания русского языка в средней школе, о языке художественной литературы. Имеет приложение «Русский язык в школе и дома» (см.).

Адрес редакции: 101990, Москва, почтамп, ГСП-0, Покровский б-р, д. 4/17, стр. 5.

Телефон/факс: 924-75-18.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ И ДОМА. Выходит с 2003 г., шесть номеров в год. Приложение к журналу «Русский язык в школе» (см.) Публикует дополнительный материал для занятий русским языком на уроках и дома.

Адрес редакции: 101990 Москва, почтамп, ГСП-0, Покровский б-р, д. 4/17, стр. 5.

Телефон/факс: 924-75-18.

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ. Выходит с 1967 г., шесть номеров в год. Орган Института русского языка им. А.С. Пушкина и Международной ассо-

циации преподавателей русского языка и литературы. Учебный и научно-методический журнал, публикующий статьи по методике преподавания русского языка иностранцам, по русскому и сопоставительному языкознанию, учебные материалы для практических занятий.

Адрес редакции: 117485 Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, комн. 440, 442.

Телефон: 336-66-47.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ. Выходит с 2002 г., восемь номеров в год. Приложение к журналу «Русская словесность» (см.).

Научно-популярный журнал для старшеклассников, печатает статьи по наиболее сложным темам школьных курсов русского языка и литературы, орфографии, культуре речи, материалы для подготовки к экзаменам по русскому языку, задания олимпиад и т.д.

Адрес редакции: 127254 Москва, ул. Руставели, д. 10, корп. 3.

Телефон: 219-52-87.

Факс: 219-52-89.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА. СЕРИЯ 6. ЯЗЫКОЗНАНИЕ. РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ. Выходит с 1973 г., четыре номера в год. Орган Российской академии наук, Института научной информации по общественным наукам и Центра гуманитарных научно-информационных исследований. В журнале представлены рефераты книг и статей отечественных и зарубежных авторов по проблемам общего и сравнительно-исторического языкознания, теоретическим проблемам лингвистики, прикладному языкознанию, социолингвистике; русистике и др.

Адрес редакции: 117997 Москва, В-418, Нахимовский пр-т, д. 51/21.

Телефон/факс: 120-45-14.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3
100 ЯЗЫКОВ
ИСКОННЫХ НАРОДОВ РОССИИ
ЭТНОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
(вместо Предисловия)

80-е годы XX столетия ознаменовались возросшим интересом к проблемам национально-языковой политики не только среди специалистов, но и среди простых граждан. Это было связано с движением народов СССР за сохранение и развитие национального языка как сердцевины собственной культуры, духовности и этнического сознания. Игнорирование, забвение проблем национально-языковой политики всегда было чревато негативными последствиями для многонациональных государств мира. Многовековой опыт России, Китая, Индии, стран Европы, Африки, Северной и Южной Америки дает основание полагать, что мнимое благополучие (стагнация) в национально-языковой сфере разрушается при малейшем политическом или экономическом ухудшении состояния государства, проживающих в нем народов, недовольство которых чаще всего принимает форму национально-освободительного или религиозного (конфессионального) движения. При возникновении подобных движений важнейшим элементом является содержание терминов, которыми оперируют недовольные и официальные власти. Терминологические «ножницы» в языке власти и их оппонентов являются той точкой опоры, которая подталкивает многонациональное государство к своему упадку и/или распаду.

Одним из важнейших признаков «здоровья» национальных языков является их реальное использование носителями, т.е. функционирование этнического языка в различных сферах. Безусловно, не все языки обладают равными общественными функциями. Для малочисленных народов нишей сохранения родного языка является его функционирование в семейно-бытовой сфере, при этом важнейшую роль играют такие факторы, как способ расселения народов, их обитания, получения ими начального образования на родном языке или возможность изучать его в той или иной форме. Так, для одних языков стоит проблема «**вторичного** овладения этническим языком (выделено мной. – *Р.Х.*)» (Языки народов России. Красная книга. М., 2002. С. 301), так как молодое поколение практически не владеет родным (этническим) языком (см. **юкагирский язык**), для других – проблема максимального расширения существующих общественных функций (см. **татарский язык**). Третьи языки нуждаются в создании письменности, определении диалектной основы литературного языка. Решение национально-языковых проблем тесно связано с вопросами консолидации или дифференциации этнического сознания и национальной самобытности и т.д.

На наш взгляд, необходимо разграничение некоторых понятий и терминов, используемых в социолингвистике, этнолингвистике, политологии и других науках. Такое разграничение необходимо не только для теоретического осмысления

новых реалий, но и для практического применения в сфере национально-языковой политики.

Коренной народ (этнос). Одним из значений слова *коренной* является «исконный, основной и постоянный (обычно о жителях определенной местности, представителях определенной среды). *К-ое население. К-ые жители. К-ой сибиряк. К-ой петербуржец*» (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2003. С. 457).

Надо признать, что подобное толкование вместе с иллюстрациями не дает удовлетворительного объяснения этносоциолингвистическому термину **коренной народ (этнос)**. Очевидно, составители не случайно не дают в иллюстрациях определение *коренной* к слову *народ (этнос)*. Во-первых, население — это не всегда народ в значении «этнос», так как население может состоять из нескольких этносов, а жители (сибиряки, петербуржцы и т.д.) могут быть соответственно представителями нескольких этносов. Во-вторых, определения *исконный, основной, постоянный* не всегда синонимичны слову *коренной*. Признак **основной** не может быть признан корректным при характеристике исконного или коренного этноса, так как он не характеризует реальный этнический состав национального субъекта Российской Федерации. Так, мордва, удмурты, башкиры не составляют основного народа (этноса) соответствующих республик. Признак **постоянный** имеет отнесенный временной характер, так как возникает вопрос: «Каково хронологическое содержание термина **постоянный**?»

Если понимать под словом *исконный* «существующий с самого начала, с незапамятных времен, всегда; изначальный, извечный» (Там же. С. 399), то нельзя признать российских немцев исконным народом современной России, хотя они живут уже около трех столетий вне своей основной национальной общности. Сменилось несколько поколений немцев, они иной Родины и не знают. Многие из них, судя по переписи населения 1989 г., не владеют немецким языком. Каков статус немецкого этноса России? На наш взгляд, вряд ли имеются какие-либо основания не относить их к коренным народам Российской Федерации. Понятие **коренной** человек (народ) приобретает уже во втором поколении, потому что его непосредственные этнические «корни» держатся за «почву» данной земли, территории. Необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что государственные границы, как и государственное пространство, исторически изменчивы. Самый печальный пример — это современное положение русской нации, когда более 17% русских оказались вне своей современной государственности.

Вряд ли и хронологический критерий может служить прочным, истинным основанием для коренизации того или иного народа, человека, жителя, так как дилемма — этот, а не тот этнос появился (поселился) первым на данной земле, на данной территории — является исторически весьма условным. К исконным народам России относится калмыцкий этнос, хотя современные калмыки появились на территории правого берега нижней Волги и северо-западного побережья Каспийского моря в начале XVII в., а их генетическая история начиналась на территории Джунгарии и связана с протомонгольскими племенами Центральной Азии.

Для периода существования Российской империи (конца XIX — начала XX в.) и Советского Союза исконными и коренными народами этих государств были грузины, армяне, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы и др., потому что территория их этнического проживания определялась существовавшими го-

сударственно-политическими границами. С распадом СССР и образованием новых государств эти народы на территории современной России уже не относятся к ее исконным народам. Таким образом, понятие **исконный народ (этнос)** сопряжен не только с временным фактором, но и с территориально-государственной принадлежностью основного места расселения этноса. Российские украинцы, азербайджанцы, насчитывающие более миллиона человек, а также другие многочисленные представители наций бывших союзных республик относятся к **кореным жителям**, к **кореным народам**, если они родились на территории современной России, но не к ее исконным народам. Такие народы составляют этноязыковую **диаспору**, так как основная этническая территория носителей родного языка находится в пределах другого государства, поэтому определение коренного народа как «этнос, сложившийся и проживающий на данной территории» (Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М., 2003. С. 68) является не совсем точным, так как оно может быть применимо по отношению и к исконному этносу, и к диаспоре.

Титульная нация, титульный язык. Данные термины стали активно использоваться в 80-х г. XX столетия в связи с приданием ряду языков социально-правового статуса. Надо признать, что любой этнос и его язык имеют собственное наименование – титул, хотя ни один из толковых словарей не дает юридического объяснения этому слову в этносоциоллингвистическом значении. Доказывая необходимость введения государственного языка в союзных и автономных республиках СССР, определение *титульная* стало использоваться по отношению к этносу в связи с названием национально-государственного образования: *титульная нация, давшая название республике*. Затем вторая часть нового составного названия перестала употребляться, и возник новый этносоциоллингвистический термин – **титульная нация**, в содержание которого вносился и вносится новый семантический компонент – «главная; имеющая преимущества; необходимость иметь преимущества»: «чтобы определить комплекс оценочных значений, связанных с понятием «государственный язык», необходимо ввести параметр позиции, с которой производится оценка, точки зрения этноязыкового коллектива по отношению к его социальному статусу и к свойствам его языка, а также по отношению к своему или чужому языку, которую отражают возможные субъективные толкования. **Источником оценки является установка этноязыкового коллектива на повышение социального статуса и уровня престижности своего языка** (выделено мной – Р.Х.). Особенно это значимо для выражения позиции «титульных наций» (Трушкова Ю.В. Проблемы описания современной социоллингвистической терминологии (термин «государственный язык») // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994. С. 118).

Термин **титульная нация** своим появлением обязан также тем, что возникла необходимость выделить один этнос среди других народов в составе многонациональных республик, так как ставилась цель придать привилегированный статус сначала языку нации, давшей название республике, а затем и обязательный для использования его ионациональными общностями во всех значимых сферах жизни, особенно в государственной, образовательной, научной и производственной сферах.

Отголоском такого понимания термина **титульная нация** является и термин **титульный язык**, возникший из сочетания *язык титульной нации* как его редуциро-

ванный вариант. Ср. «**Титульный язык** – это язык, название которого совпадает / соотносится с именем этноса, по которому названо национально-государственное или национально-территориальное образование» (*Нерознак В.П. Языковая ситуация в России. 1991–2001 годы // Государственные и титульные языки России. М., 2002. С. 13*). Следовательно, язык этноса, не имеющего национально-территориального (государственного) образования, нельзя назвать титульным. Однако вряд ли такой принцип именованья языков является правомерным и последовательным, так как нельзя соотносить язык этноса и наличие национально-территориального образования (не все этносы обладают национально-государственным образованием) и отказывать на этом основании этносу в титуле (лат. *titulus* «надпись»). Необходимо учитывать то обстоятельство, что в России ряд дагестанских этносов имеют свое государственное образование, но ни одно этническое название не соотносится, не совпадает с названием *Дагестан*. Осетинский этнос имеет два государственных образования, но это не означает, что он имеет два титульных языка (дигорский и иронский диалекты не рассматриваются как самостоятельные языки), а мордовский этнос имеет одно государственное образование, но использует два языка (в энциклопедическом словаре-справочнике «Государственные и титульные языки России» мордовский-мокша и мордовский-эрзя названы государственными языками. С. 236).

Таким образом, использование названия словаря «100 языков исконных народов России» было обусловлено вышеизложенным пониманием терминов **коренной народ** и **исконный народ**. Принципиальное различие между этносами определяется по основному месту (территории, страны) функционирования их языка как родного. Цифра 100 является условной и не отражает реального количества функционирующих языков исконных народов России.

Русскоязычный. Данное прилагательное имеет следующие значения: «1. Говорящий, пишущий на русском языке. *Р. поэт, писатель. Р-ое население.* 2. Создаваемый, издаваемый на русском языке. *Р-ая газета. Р-ая пресса.* 3. Населенный людьми, говорящими на русском языке. *Р-ый район города*» (Указ. словарь. С. 1134). Отражает ли толкование весь спектр сем данного слова? Приводимый иллюстративный материал только порождает новые вопросы. Можно ли назвать А.С. Пушкина «русскоязычным поэтом» на том основании, что он писал и говорил на русском языке? Дело в том, что русскоязычными поэтами и писателями называли только тех мастеров слова, которые были нерусскими по национальной принадлежности. И это весьма важная сема. Русскоязычными, во-первых, называли представителей нерусских народов, для которых русский язык был единственным родным (по переписи 1989 г. в СССР таких было более 17 млн человек), во-вторых, тех, кто владел им как вторым языком, в-третьих, в государствах ближнего зарубежья так именуют и русских, и представителей других народов, для которых важно использование русского языка в социально значимых сферах жизни данного государства. На наш взгляд, этнический аспект в толковании термина **русскоязычный** необходимо учитывать.

При составлении данного словаря учитывались материалы существующих лексикографических изданий:

Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 2000;

Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981;

- Государственные и титульные языки России: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М., 2002;
- Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник / Гл. редактор В.Н. Нерознак. М., 1995;
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. М., 1990;
- Народы мира. Историко-этнографический справочник / Гл. редактор Ю.В. Бромлей. М., 1988;
- Народы России: Энциклопедия. М., 1994;
- Языки народов России. Красная книга / Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002;
- Языки народов СССР. Т. 1–5. М., 1966–1968;
- Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М., 2000;
- Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. В 3 т. Т. 1–2. М., 1999–2001.

СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ № 3

Абазинский язык 683	Калмыцкий язык 718
Аварский язык 684	Камчадалский язык 719
Агульский язык 685	Каратинский язык 719
Адыгейский язык 687	Карачаево-балкарский язык 720
Алеутский язык 688	Карачаевский язык 721
Алтайский язык 690	Карельский язык 721
Алюторский язык 692	Керекский язык 723
Андийский язык 693	Кетский язык 724
Арчинский язык 694	Коми-зырянский язык 725
Ахвахский язык 695	Коми-пермяцкий язык 726
Багвалинский язык 696	Коми язык 727
Балкарский язык 697	Корякский язык 727
Башкирский язык 697	Кубачинский язык 729
Бежтинский язык 700	Кумандинский язык 730
Бесермянский язык 701	Кумыкский язык 731
Ботлихский язык 701	Лакский язык 732
Бурятский язык 702	Лезгинский язык 733
Вепсский язык 704	Манси язык 734
Водский язык 705	Мансийский язык 734
Вотяцкий язык 706	Марийский язык 735
Гинухский язык 706	Мордовский-мокша язык 738
Годоберинский язык 707	Мордовский-эрзя язык 740
Гунзибский язык 708	Нагайбакский язык 741
Даргинский язык 708	Нанайский язык 741
Долганский язык 710	Нганасанский язык 742
Ижорский язык 711	Негидальский язык 743
Ингушский язык 713	Ненецкий язык 744
Ительменский язык 714	Нивхский язык 746
Кабардинский язык 715	Ногайский язык 747
Кайтагский язык 717	Орокский язык 748

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Орочский язык 749	Чеченский язык 785
Осетинский язык 750	Чуванский язык 787
Остяцкий язык 752	Чувашский язык 788
Русский язык 752	Чукотский язык 790
Рутульский язык 755	Чулымский язык 793
Саамский язык 756	Шапсугский язык 794
Селькупский язык 757	Шорский язык 794
Сойотский язык 759	Эвенкийский язык 796
Табасаранский язык 760	Эвенский язык 798
Татарский язык 761	Энецкий язык 801
Татский язык 764	Эскимосский язык 802
Телеутский язык 765	Югский язык 804
Тиндинский язык 766	Юкагирский язык 805
Тофаларский язык 767	Язык бесермян 807
Тубаларский язык 768	Язык горских евреев 807
Тувинский язык 768	Язык камчадалов 807
Тунгусский язык 770	Язык каратинцев 807
Удмуртский язык 770	Язык кумандинцев 807
Удэгейский язык 772	Язык нагайбаков 807
Ульчский язык 774	Язык тазов 807
Хакасский язык 775	Язык телеутов 808
Хантыйский язык 778	Язык тубаларов 808
Хваршинский язык 780	Язык тувинцев-тоджинцев 808
Цахурский язык 780	Язык челканцев 809
Цезский язык 782	Язык черкесогаев 809
Чамалинский язык 783	Язык чуванцев 809
Челканский язык 783	Язык шапсугов 809
Черемисский язык 784	Якутский язык 809
Черкесогайский язык 784	
Черкесский язык 785	

АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **абазины**, ед. ч. **абазин**, **абазинка**. Самоназвание народа – *абаза*, этимология этнонима неизвестна. Это название обозначает северокавказских абазин, абхазов и западных грузин. Этноним *абаза* встречается в сочинениях античных авторов со II в. н.э. Русским летописцам XII–XV вв. абазины известны как *обезы*. Форма *абазины* образуется в русских источниках на основе самоназвания *абаза*, причем первоначально словом *абазины* называли только группу тапанта. Исследователи возводят термин *тапанта* к иранским (осетинским) источникам со значением «равнинный житель» (по другому мнению – из татар. *табанда* с тем же значением).

Общие сведения. Абазинский язык принадлежит одному из древнейших народов Кавказа – абазинам, вместе с абхазским (по мнению ряда лингвистов, абхазский и абазинский представляют собой диалекты одного языка) входит в абазинско-абхазскую подгруппу абхазо-адыгской группы. Морфология абазинского языка характеризуется как агглютинативная с развитым глагольным полисинтетизмом. Функционируют абсолютная и эргативная конструкции простого предложения. Форма сказуемого обычно замыкает предложение. Слова создаются в большей степени основосложением и в меньшей степени суффиксацией.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 34 800 (в 1959 г. – 20 000, в 1970 г. – 25 445) абазин (98,13% всех абазин б. СССР), из них 93,95% считают родным язык своей национальности, 4,25% – русский язык, 1,8% – др. языки. Основная часть абазин проживает в Карачаево-Черкесской Республике (27,5 тыс. чел.) с центром в г. Черкесск. Они

компактно живут в бассейнах рек Кубань и Кума в 13 селах: Красный Восток, Кайдан, Кубина, Псыж, Кара-Паго, Эльбурган, Инжич-Чукун, Тапанта, Абаза-Хабль, Малоабазинск, Старо-Кувинск, Ново-Кувинск, Апсуа. Крупная диаспора абазин проживает в Турции (ок. 15 тыс.), в Ливане (ок. 10 тыс.) и некоторых арабских и балканских странах. Общее число абазин (в России и за рубежом) оценивается в 50 тыс. чел.

Общественные функции языка. Абазинский язык изучается в начальных школах и на специальных отделениях в Карачаевском педагогическом институте; на нем издается художественная, публицистическая и детская литература, выходит областная газета, ведутся передачи областного радио. Весьма распространено абазино-русское двуязычие и трехязычие: многие абазины владеют черкесским языком – территориальным вариантом кабардино-черкесского языка.

Письменность. Сначала письменность для абазин создавалась на основе арабской графики во второй половине XIX в. (Умар Микеров) и в начале XX в. (Т. З. Табулов), затем на основе латинской графики в 1932 г., а в 1938 г. она была переведена на русскую графику. Базой литературного языка стал тапантский диалект, на котором были написаны Т.З. Табуловым первые литературные произведения на абазинском языке, он же является автором первых букварей и учебников.

Лит.: Абазины: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1989; Алексеева Е. П. О происхождении абазин и расселении их в средние века // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980; Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М., 1993; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в

XVIII – начале XX века. М., 1974; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Вопросы языковых контактов: (Северо-Кавказский ареал). Черкесск, 1982; Данилова Е. Н. Абазинцы: Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX в. М., 1984; Лавров Л. И. Абазинцы: Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. 1. М., 1955; Лавров Л. И. О происхождении абазин // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979; Ломтатидзе К. В. Абазинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

АВАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **аварцы**, ед. ч. **аварец**, **аварка**. Самоназвание: *маарула* «горцы». По наиболее распространенной версии, этноним *авар* восходит к восточному слову многих языков со значением «беспокойный; бродяга». В научной литературе имеется гипотеза о связи данного этнонима с именем царя Серира Авар (VI в. н.э.). В дагестанских хрониках царство Серир называлось Аварией.

Общие сведения. Аварский язык представляет собой самостоятельное ответвление аваро-андо-цезской подгруппы в нахско-дагестанской (восточной) ветви северокавказской языковой семьи. Он обнаруживает большую близость в лексике, фонетике и грамматике с андийскими языками. Аварский язык является языком эргативной типологии, агглютинативный с некоторой долей флективности, синтетический с элементами аналитизма. Порядок слов свободный, с преобладанием порядка «субъект – прямой объект – предикат». Ударение слабое экспираторное, играет смысловозначительную роль, обычно падает на первый или второй слог. Многие имена

имеют подвижное ударение. Среди способов словообразования преобладает суффиксация и словосложение.

В аварском языке два наречия; 1) северное с западным (салтавским), восточным и хунзахским (центральным) диалектами; 2) южное с андалальским, гидским, анцухским, карахским, батлухским, закательским (джарским) диалектами.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на аварском языке говорит 601 тыс. человек, включая представителей родственных аварцам андо-цезских народов, которые показаны в переписях как аварцы. В России проживают 544 016 аварцев (90,5% всех аварцев б. СССР), из них 97,75% считают родным язык своей национальности, 1,58% – русский язык, 0,67% – другие языки. Аварцы живут в основном в горной части Республики Дагестан (496 077 чел., или 82,5%): в Хунзахском, Гунибском, Шамильском, Гергебильском, Гумбетовском, Чародинском, Ботлихском, Цумадинском, Цунтинском, Ахвахском, Казбековском, Тляратинском, частично Буйнакском, Левашинском и Кизилюртовском р-нах, в селении Кусур Рутульского р-на. Они также проживают в Чечне, Калмыкии, в Закатальском и Белоканском р-нах Азербайджана, в Грузии и в Казахстане. В Турции насчитывается около 10 тыс. аварцев (по оценке 1981 г.).

Общественные функции языка.

Аварский язык – один из государственных и литературных языков народов Республики Дагестан, он служит региональным средством межнационального общения для андо-цезских народностей, для арчинцев и мегебцев, которые обучаются аварскому языку в школе. Большая часть аварцев двуязычна: по переписи 1989 г., в Дагестане 64,5% аварского населения свобод-

но владеет русским языком (в Азербайджане аварцы свободно владеют азербайджанским). До революции 1917 г. среди аварцев и других народов Дагестана широкое распространение имело знание арабского языка.

На аварском языке ведется обучение в начальной школе, а в старших классах средней школы и во всех вузах Дагестана аварский язык и литература изучаются как предмет. На аварском языке издается художественная, общественно-политическая литература, выходят республиканские и районные газеты, литературные журналы, журнал для женщин и детей, ведутся радио- и телепередачи. На аварском языке идут спектакли в Государственном музыкально-драматическом театре им. Г. Цадасы (с 1935 г.). В авароязычных районах аварский язык является также языком производственной и общественно-политической деятельности.

Письменность. У аварцев письменность на основе арабской графики существовала с XV в. и была представлена в основном стихотворениями религиозного и нравоучительного содержания. Первый аварский алфавит – аджам – действовал до 1928 г. В 1928 г. был принят алфавит на основе латинской графики, с 1938 г. используется письменность на основе русской графики. В основу литературного аварского языка легло северное наречие. На формирование литературного языка оказали большое влияние межплеменное койне («народный язык»), фольклор, язык средневекового поэтического наследия аварцев (баллады «Хочбар» и «Камалил Башир»), а также известные аварские поэты и писатели Алигаджи из Инхо (ум. в 1875 г.), Чанка (1866–1909), Махмуд (1870–1919), Гамзат Цадасы (1879–1951), Расул Гамзатов (1923–2003), Фазу Алиева (род. 1932) и др.

Лит.: Ибрагимов М.-Р.А. Этническая ситуация в Дагестане в конце XIX – начале XX века // Этнос и этнические процессы. М., 1993; История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1967; Магомедов А.Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Никольская З.А. Аварцы // Народы Дагестана. М., 1955; Никольская З.А. Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев // Советская этнография, 1953, № 1; Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

АГУЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **агулы (агульцы)**, ед. ч. **агул (агулец), агулка**. Самоназвание: *агул*. Этноним *агулы*, под которым они известны и русским, и другим народам-соседям, связан с названием ущелья Агулдере (букв. – «ущелье агулов»), этимология которого не ясна. Самоназвание *агул* используется носителями при общении с другими народами, однако в быту они предпочитают называть себя по именам селений, в которых проживают: *ричинец, хутхулец, хореджец* и т.д. Самые ранние упоминания об агулах содержатся в «Армянской географии» VII в., где они названы агутакани; в арабских источниках VIII–IX вв. есть сведения о населении ущелья Кушандере.

Общие сведения. Агульский язык, наряду с табасаранским и лезгинским, относится к восточнолезгинской подгруппе лезгинской группы нахско-дагестанской ветви севернокавказской семьи языков. Ближайшими соседями агулов являются даргинцы, кайтагцы (на севере и северо-востоке), табасаранцы (на востоке), лезгины (на юге) и рутульцы (на юго-западе).

Различаются эргативная, абсолютная и дативная (аффективная) конструкции простого предложения. Порядок слов в предложении фиксирован:

глагол занимает конечную позицию, имя субъекта действия стоит в начале предложения, за ним следует имя объекта. Определение предшествует определяемому.

Диалекты: собственно агульский (тпигский), керенский, кошанский, буркиханский (гекхунский). Иногда также обособляется говор с. Фите.

По данным переписей населения, число агулов постоянно растет (1926 г. — 7653, 1933 г. — 9301, 1970 г. — 8,8 тыс., 1979 г. — 11,5 тыс.), хотя процент считающих агульский язык родным несколько снижается. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 17 728 А. (94,6% всех А. б. СССР), из них 95,5% считают родным язык своей национальности, 3,37% — русский язык, 1,13% — др. языки. Основная часть агульского населения проживает в Агульском (15 селений) и Курахском р-нах Республики Дагестан (13 791 чел., или 73,6%), занимая верхние течения рек Чирах-чай, Курах-чай и их притоков. Небольшое количество агульцев-переселенцев живет также в г. Дербенте и его окрестностях, г. Махачкале и за пределами Дагестана — в Ставропольском крае, г. Сумгаит (Азербайджан), в Киргизии и Казахстане.

Общественные функции языка. В течение веков агульский язык функционирует как разговорно-бытовой, хотя в настоящее время имеет статус государственного языка Республики Дагестан. В последние десятилетия для агулов языком обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения является русский язык. До 1957 г. в школах Агульского р-на преподавание велось на лезгинском языке, затем — на русском.

В качестве средства местного межнационального общения агулы использовали также языки лакцев и дар-

гинцев (с. Цирхе) на севере, табасаранцев — на востоке, лезгин — на юге (Курахский р-н). В даргиноязычных селениях Чираг и Амух Агульского р-на отмечается пассивное владение агульским языком. Ранее отмечалось значительное владение азербайджанским и арабским языками, о чем свидетельствуют найденные в агульских селениях арабские куфические надписи, относящиеся к XII–XIII вв. Как язык религиозных обрядов арабский употребляется, хотя и более ограниченно, вплоть до наших дней.

Агульские поэты прошлых веков (Агул Навр, Замир из Рича, Абдулгамид из Дуруш-тула, Амай Тагиров из Дулду-га и др.), современные поэты (Гаджи Алхасов, Ф. Джамалов, Шамиль Гаджирамазанов) писали свои произведения на родном, азербайджанском и лезгинском языках. Первая книга стихов на агульском языке издана Камалдином Ахмедовым. В качестве языка устного народного творчества агульский существует до сих пор. Были опубликованы фольклорные материалы на агульском языке.

Письменность. В 1991 г. на агульском языке была создана письменность на базе собственно агульского диалекта, издан букварь и разработана программа для 1–4 классов; началось обучение в школе. Создаются учебники и готовятся специалисты (Дагестанский педуниверситет, Дербентский педколледж). Уже несколько лет издается газета «Ахсрар» («Рассвет»).

Лит.: Агулы. Махачкала, 1975; И х и л о в М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; К а л о е в Б. А. Агулы // Народы Дагестана. М., 1955; К а л о е в Б. А. Агулы: Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. Т. 3. М.; Л., 1962; Магомедов А. Р. Народности

Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Мерданова С.Р., Гасанова С.Н. Социолингвистический портрет агульского языка // Языкознание в Дагестане. Махачкала, 1997; Народы Кавказа. Т. 1 М., 1960. Тарпанов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

АДЫГЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **адыгейцы, адыги**, ед. ч. **адыгеец, адыг, адыгейка**. Самоназвание: *адыгэ*, используется как самоназвание также и кабардинцами, черкесами. Этноним *адыгейцы* возник в советский период и закрепился за западными черкесами, оставшимися на своей исторической родине. Это новообразование не получило распространения среди адыгской диаспоры, представители которой сохраняют исконное самоназвание *адыгэ*, хотя еще их и называют черкесами.

В русских летописях адыги именуются *касогами*, а в восточных источниках — *кашаками*. В XIII в. распространяется этноним *черкесы*, но параллельно в западноевропейских источниках сохраняется также его синоним *зихи*, который позже становится собирательным названием. Зихи упоминаются еще в «Географии» Страбона (18 г. до н.э.) и позже встречаются в сочинениях греческих и латинских авторов вплоть до VI в., а также в византийских источниках VI — X вв.; постепенно это название исчезает из литературы с XIII в., уступая место другим собирательным наименованиям адыгов — *касогам* и *черкесам* (см. **черкесский язык**).

Общие сведения. Адыгейский язык относится к адыгской группе абхазско-адыгской (западнокавказской) ветви языков севернокавказской языковой семье. Он известен также под названиями *черкесский, западночеркесский, нижнеадыгейский, кяхский*.

Адыгейский язык характеризуется высокой степенью синтетизма, особенно присущ этот признак глаголу. Синтетизм проявляется как в словообразовании (в строении основы), так и в словоизменении (в формах выражения субъектно-объектных отношений). Наряду с чисто агглютинативным способом образования полисинтетического комплекса имеются смешанные способы: агглютинация + флексия + инкорпорация, агглютинация + сложение основ.

В адыгейском языке четыре диалекта: темиргоевский, абадзехский, бжедугский и шапсугский. Между диалектами имеются значительные расхождения в фонетике.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность адыгейцев составляет в РФ 122 908 чел. (98,5% всех адыгейцев б. СССР), из них 95,25% считают родным язык своей национальности, 4,61% — русский язык, 0,14% — др. языки. Адыгейцы проживают в Республике Адыгея (столица — г. Майкоп). В ней проживают 95 439 чел. (76,5% А. б. СССР), а кроме того они проживают в соседних районах Краснодарского края — б. Лазаревском (теперь подчинен г. Сочи), Туапсинском, Новокубанском (аул Урупский) — числом около 21 тыс. чел. Однако на исторической родине осталась меньшая часть адыгейцев. Их подавляющее большинство было выслаано царским указом после Кавказской войны в 60-х гг. XIX в. в страны Ближнего Востока. В настоящее время адыгейцы компактно проживают в Турции, Иордании, Сирии, Израиле, Югославии и США. Число населения адыгейской диаспоры в разных источниках колеблется от одного до трех миллионов.

Общественные функции языка. Адыгейский язык — один из государствен-

ных языков Республики Адыгея, которая характеризуется достаточно развитым типом национально-русского двуязычия: среди адыгейцев русским свободно владеют около 82%. Русский язык является языком межнационального общения многих народностей Дагестана, Северного Кавказа.

Объем функций и сферы применения адыгейского языка многообразны: он используется как родной язык адыгейцев и региональное средство межнационального общения, функционирует в сферах общественно-политической и культурной жизни. На нем издается публицистическая и учебно-педагогическая литература. Жанры художественной литературы на адыгейском языке охватывают прозу, поэзию и драматургию, переводы произведений русской и мировой литературы, научных и научно-популярных произведений.

На адыгейском языке ведется обучение в 1–4 классах национальной школы, как предмет он изучается в 1–11 классах, а также на курсах родного языка и литературы Адыгейского государственного университета, на нем издаются республиканская газета, журналы, ведутся передачи радио и телевидения, работает национальный театр.

Письменность. Адыгейский язык является младописьменным, причем письменностью обладают только адыгейцы (западные черкесы), проживающие на своей исторической родине. Адыгейская (западные черкесы) диаспора, значительно превосходящая по численности адыгейцев, оставшихся на Кавказе, не имеет своей письменности.

Графическая основа письменности неоднократно менялась: в 1918 г. был составлен адыгейский букварь на арабской основе, в 1937 г. был принят ла-

тинский алфавит, который в 1938 г. был заменен алфавитом на русской основе. Алфавит литературного языка базируется на фонетической системе темиргойского диалекта. На формирование литературного языка значительное влияние оказал язык классического устно-поэтического творчества, в том числе язык народного эпоса «Нарты» с его устоявшимися нормами.

Лит.: Аутлев М. Г., Зевакин Е. С., Хоретлев А. О. Адыги: Историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957; Бетрозов Р. Ж. Адыги: Истоки этноса. Нальчик, 1990; Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. Л., 1979; Гишев Т. Вопросы эргативного строя адыгских языков. Майкоп, 1985; Дьячков-Тарасов А. Н. Абдзехи: Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1902; Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М., 1985; М.; Кумахова З. Ю. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982; Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп, 1957.

АЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК (устар. **унанганский язык**)

Носители: мн. ч. **алеуты**, ед. ч. **алеут, алеутка**. Самоназвания: *анангин, унанга*. Происхождение этнонима *алеут*, принесенного русскими, неизвестно. До настоящего времени сохранилось самоназвание одного из алеутских племен *унанас* – «живущие внизу у моря, в проливе между маленьким и большим островами».

Общие сведения. Алеутский язык относится к эскимосско-алеутской группе палеоазиатских языков. Суще-

ствуют различные мнения относительно даты разделения протоязыка на алеутскую и эскимосскую ветви: от 10 тыс. до 1,5 тыс. лет. Большие расхождения эскимосской и алеутской ветвей многие исследователи объясняют исчезновением в свое время целого ряда промежуточных диалектов и языков.

По своим структурно-типологическим характеристикам все алеутские диалекты, кроме медновского, являются типично агглютинативными, полисинтетическими, беспрефиксальными. На синтаксическом уровне для алеутского языка не характерно согласование сказуемого с подлежащим.

В алеутском языке четыре различных диалекта: западный (о. Атка), восточный (о-ва Уналашка, Умнак, Акутан в составе Алеутской гряды островов; о. Св. Павла и о. Св. Георгия в группе о-вов Прибылова; Кинг Коув, б. Белковский, на п-ове Аляска); беринговский (о. Беринга), который практически полностью совпадает с западным, и медновский (в настоящее время носители этого диалекта также живут на о. Беринга).

Особое положение занимает медновский диалект, который скорее является самостоятельным языком, образовавшимся на базе двух других независимых языков — алеутского (диалект о-ва Атту, ныне исчезнувший) и русского — в результате очень глубокой лингвистической интерференции. От алеутского языка медновский сохранил двухпадежную систему имени, притяжательные окончания, всю систему глагольного и именного словообразования, послелогии и указательные слова, вопросительные слова, часть зависимых глагольных форм, некоторые специфические алеутские конструкции. Из русского языка взяты словоизменительная парадигма глагола в индикативе и императиве, аналитичес-

кий способ выражения будущего времени, отрицательная частица, инфинитив, значительная часть синтаксических конструкций и структур. При этом корни слов преимущественно по происхождению алеутские.

Общая численность алеутов в мире — не более 6 тыс. чел., при этом около 5 тыс. живут в США. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 644 алеута (91,74% всех алеутов б. СССР), из них 25,31% считают родным язык своей национальности, 72,21% — русский язык, 2,48% — др. языки. В настоящее время в России алеуты проживают компактно только в с. Никольском на о. Беринга — одном из Командорских о-вов.

К началу русской колонизации (ок. 1750 г.) алеуты насчитывали от 8 до 10 тыс. чел. Алеутская часть поселка составляет всего чуть более 280 чел., в то время как общая численность населения — ок. 1560 чел. Всего в Камчатской области на 1 янв. 1999 г. официально зарегистрировано 280 алеутов, а с включением Корякского АО — 702 чел., т.е. эта последняя цифра фигурирует в Перечне миноритарных коренных народов РФ как общее количество алеутов.

Общественные функции языка. В настоящее время в Никольском еще сохраняются два алеутских диалекта — беринговский и медновский, на которых говорят не более 12–15 чел. Родным языком всех остальных алеутов является русский. Некоторые алеуты в возрасте 45–50 лет могут понимать обращенную к ним речь, знают отдельные фразы. Алеутский язык используется для общения от случая к случаю только представителями самого старшего поколения.

К моменту продажи Аляски и Алеутских о-вов США алеутский язык

преподавался уже пятьдесят лет, грамотность среди алеутов была практически стопроцентной. Многие алеуты были двуязычны (алеутский и русский). С продажей Аляски и Алеутских о-вов США преподавание языка прекратилось, а шестьдесят лет спустя на Аляску и Алеутские о-ва было распространено действие системы американских федеральных школ, в которых единственным языком обучения был английский. Положение изменилось к лучшему в 70-х гг., во многом благодаря активности Центра по изучению языков коренного населения Аляски при Университете Аляски в Фербенксе. Был создан алеутский алфавит на латинской основе, издан целый ряд учебников и пособий для школ. В настоящее время предпринимаются попытки воссоздания алеутского алфавита, созданного в свое время И. Вениаминовым на основе кириллицы.

На Командорских о-вах алеутский язык не преподавался до середины 80-х гг. Букварь, созданный Е.П. Орловой при содействии алеутов – студентов Хабаровского техникума народов Севера в начале 30-х гг. с использованием латинского алфавита, не был издан и в преподавании не использовался. С середины 80-х гг. предпринимаются попытки наладить факультативное преподавание алеутского языка при помощи пособия для учителя, написанного Е.В. Головкин, Н.Б. Бахтиным и А.С. Асиновским, а также рукописных словарей, составленных Е.В. Головкин.

Письменность. Первые попытки создания алеутской письменности относятся к началу XIX в. В 20-х гг. XIX в. первый священник на о-ве Уналашка Иван Вениаминов (впоследствии канонизированный Русской православной церковью как св. Иннокентий) с помощью алеутов Ивана Панькова и Степана Крюкова создал алеутский ал-

фавит на базе русского алфавита. Позже он перевел на алеутский четыре евангелия, несколько других книг религиозной тематики, была налажена система школьного обучения при церквях.

Лит.: Асиновский А.С., Бахтин Н.Б., Головкин Е.В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // Вопросы языкознания. 1983. № 6; Бахтин Н.Б. Народы Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1992; Довин И.С. К вопросу о происхождении названия «алеут» // Страны и народы Востока. Вып. 6. 1968; Головкин Е.В. Рец. на кн.: Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1988 // Советская этнография, 1990. № 5; Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1–3. СПб., 1840; Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этнической истории. Л., 1988; Меновщиков Г.А. О происхождении этнонима **алеут** // Советская этнография. 1980. № 1; Никоннов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984.

АЛТАЙСКИЙ ЯЗЫК (устар. **ойротский язык**)

Носители: мн. ч. **алтайцы** (устар. **ойроты**), ед. ч. **алтаец, алтайка**. Самоназвание: *алтай киж*. Сохранившиеся у алтайцев этнонимы свидетельствуют о том, что этот этнос имеет генетические связи с древнетюркскими племенами, особенно с древними уйгурскими родами и племенами, смешавшимися позднее с огузами и кыпчаками.

Общие сведения. Алтайский язык (до 1948 г. назывался ойротским) относится к киргизско-кыпчакской ветви тюркской семьи языков. Он объединяет две группы диалектов: 1) южную (киргизо-кыпчакскую) группу – собственно алтайский (алтай-кижи), теленгитский и телеутский диалекты (см. **телеутский язык**); 2) северную (уй-

гуро-огузскую) группу – диалекты туба, кумандинский и челканский. Диалекты значительно отличаются друг от друга, имеют тенденцию к обособлению, поэтому сближаются с разными классификационными подразделениями тюркских языков.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 69 409 алтайцев (98,1% всех алтайцев б. СССР), из них 85,12% считают родным язык своей национальности, 14,77% – русский язык, 0,11% – др. языки. Основная территория расселения алтайцев – Республика Алтай (59 130 чел., или 83,5%) со столицей г. Горно-Алтайск, Алтайский край (4834 чел.) и Кемеровская обл. (2594 чел.). Проживают они также в Казахстане (689 чел.), Узбекистане (191 чел.) и др. республиках б. СССР. Общая численность алтайцев – 70,8 тыс. чел.

К этнографическим группам относятся северные и южные алтайцы, которые подразделяются на ряд групп, имеющих существенные отличия и квалифицируемых как самостоятельные народы. В «Едином перечне коренных малочисленных народов РФ», утвержденном постановлением Правительства РФ от 24 марта 2001 г. № 255, названы в качестве самостоятельных народов кумандинцы, теленгиты, тубалары и челканцы (см. ниже): 1) собственно *алтайцы* (алтай-кижи) – живут по долинам рек Катунь, Урсул, Чарыш, Кан, Песчаная, Сема, Майма в Онгудайском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, б. Эликмонарском, Шебалинском и Майминском р-нах Республики Алтай; 2) *теленгиты* (теленгит, чу-кижи – по названию р. Чуя) – в бассейнах рек Чулышман, Башкаус, Улаган в Улаганском р-не; 3) *телесы* – в бассейне р. Катунь и ее притоков; 4) *телеуты* – большей частью проживают в Беловском, Гурьевском и Ново-

кузнецком р-нах Кемеровской обл., а также по р. Сема в Шебалинском р-не Республики Алтай и в Заринском и Кытмановском р-нах Алтайского края; 5) *тубалары* (туба-кижи) живут на левобережье р. Бия и северо-западном побережье Телецкого озера, по рекам Большая и Малая Иша, Сары, Кара-Кокша, Пыжа, Уймень, в Чойском и Турочакском р-нах Республики Алтай; 6) *челканцы* (лебединцы, куу-кижи) – по долине р. Лебедь и особенно ее притока Байгол в Турочакском р-не; 7) *кумандинцы* – на правом берегу р. Бия в Турочакском р-не, большинство – в Красногорском и некоторых местах Солтонского района Алтайского края.

Общественные функции языка. Алтайский язык – один из государственных языков Республики Алтай. Статус государственного языка закреплён и за русским языком, что определено «Законом о языках Республики Алтай», принятым 3 марта 1993 г. Казахский язык используется в официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей, так как на территории республики проживает около 11 тыс. казахов (более 5,5% всего населения).

С 30-х гг. XX в. начинается планомерное изучение алтайского языка. В 1928 г. вышла «Грамматика ойротского (алтайского) языка» М. С. Канаева. К 1940 г. были созданы учебники и учебные пособия на родном языке для средней школы (до 7 класса).

Алтайский язык является языком обучения в начальной школе и языком изучения в последующих классах. По данным Министерства образования РФ, в 1993/94 учебном году в Республике Алтай работало 66 школ, в которых алтайский язык выступал как язык обучения, и в 77 школах он изучался как предмет с 1 по 11 класс. На казахском языке обучение ведется в трех

школах, а в восьми школах этот язык является предметом изучения.

На алтайском языке выходит газета «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая»), художественные альманахи, детский журнал, ежедневно ведутся радио- и телепередачи и пр.

В связи с тенденцией развития и/или признания в качестве самостоятельных этносов этнических групп, считавшихся субэтносами в составе алтайского народа, в последнее время ставится вопрос о преподавании на родных языках этих этносов в начальной школе, замещая тем самым алтайский литературный язык. Вопрос этот требует осторожного подхода, так как необходимо учитывать сложившуюся этнолингвистическую ситуацию, за которой стоит языковое и культурное единство народа, а также опыт действующей школы. Однако проблема сохранения родного языка затрагивает не только этнографические группы алтайцев.

В Республике Алтай процент владения родным языком среди алтайцев значительно выше среди сельского населения, составляющего до 82% всего народа. В условиях города общение и получение информации, как правило, осуществляется через русский язык. Хотя более 89% алтайцев считают алтайский язык родным, однако свободно владеют им около 2%, а русским — более 73% (на 1994 г.). Большинство алтайцев двуязычно.

Письменность. Письменность на алтайском языке была разработана миссионерами Алтайской духовной миссии, основанной в декабре 1828 г., на основе телеутского диалекта, входившего в южную диалектную группу. Письменность использовалась для публикации переводов религиозной и светской литературы. Она основывалась на буквах русского алфавита, дополненных особыми знаками для спе-

цифических алтайских фонем. В дальнейшем диалектная база для литературного языка была уточнена, так как в основу национального алтайского языка легли не все общепонятные племенные наречия. В качестве такого диалекта был выбран собственно алтайский диалект (язык алтай-кижи). С некоторыми незначительными изменениями эта база существует до сих пор. В 1931 г. был введен латинизированный алфавит, в 1938 г. замененный письменностью на русской основе (уточнена в 1944 г.).

Лит: Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958; Баскаков Н.А., Яимова Н.А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993; Кондракова Е.П. Легенды Северного Алтая. Горно-Алтайск, 1994; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. СПб., 1997; Народы Сибири. М.; Л., 1956; Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Самаев Г.П. Теленгитский этнос в XVII–XIX вв. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993; Сатлаев Ф.А. Этническая история алтайцев в средневековье // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993; Шерстова Л.И. Конфессиональный фактор образования этнической группы алтай-кижи // Субэтносы в СССР. Л., 1986.

АЛЮТОРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **алюторцы**, ед. ч. **алюторец, алюторка**. Субэтническая группа *коряков*. Самоназвание алюторцев (а также некоторых других групп коряков) *нымылане* означает «кочующий житель». Этноним *алюторцы* (алюторы, олюторы, в XVII в. элюторы) возник от названия поселка Олюторка (Алюторка, Алют). Термин «нымыланский язык» иногда используется для обозначения всей совокупности корякских диалектов.

Общие сведения. Алюторский (нымыланский) язык относится к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской языковой семьи. Многие исследователи в настоящее время считают его отдельным языком, но ранее его относили к диалектам корякского языка. Ближайшие родственники алюторского языка — др. языки-диалекты, на которых говорят коряки — как кочевники, так и оседлые, а также вымирающий ныне ительменский язык. Иногда чукотско-камчатские языки объединяют с некоторыми др. сибирскими языками под общим названием «палеоазиатские языки», которые восходят к языкам древнейших народностей Азии (согласно гипотезе акад. Л. И. Шренка) — «палеоазиатам».

Точных данных о численности алюторцев нет. По данным переписи 1926 г., всего коряков, говорящих на родном языке, насчитывалось более 7,5 тыс. чел., из них чавчулены составляли 50% всех коряков, алюторцы — 25% всех коряков. Согласно переписи 1970 г., всего на всех корякских диалектах говорило около 6 тыс. чел. На 1999 г., по данным Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, алюторцев насчитывается 2 500 тыс. чел. Большая часть алюторцев живет в с. Вывенка Олюторского р-на Корякского автономного округа Камчатской обл., а также в пос. Тымлат, Кичига, Анапка, Тиличики, Култушино, Олюторка, Хаилино и др. — на восточном и западном побережьях Камчатского перешейка.

Общественные функции языка. Алюторский язык сохранился только в сфере бытового общения, используют его в основном люди старшего поколения. Русский язык используется алюторцами как средство межнационального общения, для многих он является и родным языком. В производственной сфере родной язык вытесня-

ется русским языком. Алюторцы постепенно забывают язык и культуру своего народа, так как не могут овладеть родным языком в полном объеме и использовать его в разных сферах жизни. На алюторском языке иногда ведутся факультативы в школах, однако этого недостаточно для поддержания знания родного языка.

На алюторском языке нет ни словарей, ни грамматики, не опубликованы даже фольклорные тексты, хотя алюторский фольклор отличается от корякского и чукотского фольклора.

Письменность. Алюторский язык является бесписьменным, так как корякская письменность, созданная в 1931 г. на базе чавчуленского диалекта, у алюторцев не привилась.

Лит.: Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973; Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; История и культура коряков. СПб., 1993; Жукова А. Н. Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы // Советская этнография. Вып. 1. М.; Л., 1938; Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М., 2000.

АНДИЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **андийцы**, ед. ч. **андиец, андийка**. Самоназвание: *гъванал, андал, андии*. Русское название **андийцы** происходит от наименования селения Анди.

Общие сведения. Язык андийцев входит в андийскую подгруппу аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской семьи языков, в составе которой наиболее близок к ботлихскому и годоберинскому.

Морфология является агглютинативной и отличается многопадежностью

тью имени. В структуре простого предложения противопоставлены абсолютная, эргативная, аффективная и дативная конструкции. Среди служебных частей речи выделяются послелого, частицы и союзы. В структуре слога отмечается запрет на начальные комплексы согласных.

Говоры андийского языка подразделяются на две группы: верхнеандийскую (собственно андийскую) и нижнеандийскую (мунибско-кванхидатльскую).

По данным переписи 1926 г., андийцев насчитывалось 7953 чел. (1886 г. – 7600; 1938 г. – 9600). Официальной статистики не существует, так как до последнего времени они причислялись к аварцам. По некоторым оценкам их численность достигает 20 тыс. чел.

Основная часть андийцев проживает в Ботлихском р-не Дагестана, а также в Хасавюртовском, Бабаюртовском и Кизилюртовском р-нах. Их селения (Анди, Гагатль, Гунха, Риквани, Ашали, Чанко, Зило, Муни, Кванхидатль) расположены в бассейне р. Андийское Койсу и ее притоков.

Общественные функции языка. До настоящего времени андийский язык функционирует как разговорно-бытовой. Языками обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения являются аварский и русский, знание которых (начиная со школьной скамьи) довольно распространено.

До 50-х гг. обучение в школе велось на аварском языке. В середине XX в. языком обучения становится русский (в начальной школе он изучается как предмет), в то время как аварский язык (и литература) изучается как предмет только в старших классах. В последние годы начала издаваться газета на андийском языке.

Для андийцев, как и для всех народов Дагестана, характерно многоязы-

чие. Знание и использование арабского языка как средства религиозных обрядов также характерно, хотя и в ограниченных сферах. Многие андийцы владеют также и чеченским языком.

Лит.: Агларов М. А. Андийцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Алексеев М. Е. Андийский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Лугуев С. А. Андийские народы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Церцвадзе И. И. Андийский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Шиллинг Е. М. Андийцы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

АРЧИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **арчинцы**, ед. ч. **арчинец**, **арчинка**. Самоназвание: *аршииттиб*. Этноним *арчинцы* возник от названия главного селения арчинцев – Арчи.

Общие сведения. Арчинский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи языков (северно-кавказская языковая семья). Он образует самостоятельную подгруппу. Уникальность данного языка в том, что он по существу распространен, во-первых, в одном селении и, во-вторых, имеет общие типологические признаки, которые сближают его с языками как южного, так и северного Дагестана. Агглютинативный характер морфологии отличается многопадежностью имени. Специальные аффиксы участвуют в образовании падежных форм.

Официальной статистики о численности арчинцев не существует, так как во время переписи они причислялись к аварцам. По данным переписи 1926 г., арчинцев насчитывалось 854 чел. В настоящее время их число достигает 1200 чел. (320 дворов). Они проживают в Чародинском р-не Дагестана в с. Арчи

(основная часть арчинцев) и в близлежащих селениях Алчуниб, Калиб, Качалиб, Кисер, Кубатль, Хилих и Хиттаб. Отдельные семьи арчинцев проживают в Гунибском, Гляртинском, Цумадинском и Лакском р-нах Дагестана, в городах Махачкала, Буйнакс и Каспийск, а также за пределами РФ — в Азербайджане и Казахстане.

Общественные функции языка. Арчинский язык в настоящее время функционирует как разговорно-бытовой. Аварский и русский языки используются во всех официальных сферах: они являются языками межнационального общения, обучения, массовой коммуникации и делопроизводства.

С начала 30-х гг. XX в. обучение в семилетней школе, а с середины 50-х гг. — в восьмилетней и средней велось на аварском языке, затем в середине 50-х гг. языком обучения становится русский. Аварский язык (и литература) в старших классах изучается только как предмет.

Многоязычие является характерной чертой многих арчинцев. Знание лакского языка до некоторой степени сохраняется в настоящее время у старшего поколения. Фольклорные материалы на арчинском языке публиковались в грамматических исследованиях.

Лит.: Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967; Хайдаков С. М. Арчинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Шиллинг Е. М. Арчинцы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

АХВАХСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ахвахцы**, ед. ч. **ахвахец**, **ахвахка**. Самоназвание: *ашвадо*. Русское название *ахвахцы* и самоназвание *ашвадо* восходят к наименованию районного центра Ахвах в русском и ахвахском языках.

Общие сведения. Ахвахский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанских языков (севернокавказская языковая семья). Наибольшую близость обнаруживает к каратинскому языку. Морфология является агглютинативной с элементами флективности и отличается многопадежностью имени. В структуре простого предложения противопоставлены абсолютная, эргативная, аффективная и дативная конструкции, характеризующиеся соответствующим падежом субъекта. В нем два диалекта: северный и южный (в южном — цекобский и тлянубский говоры).

Официальной статистики о численности ахвахцев нет, так как они фиксировались как аварцы. По переписи 1926 г. насчитывалось 3720 ахвахцев (1886 г. — 3600; 1938 г. — 4700). По оценке 1989 г., число ахвахцев составляет ок. 5 тыс. чел. Основная масса ахвахцев проживает на территории западного и восточного склонов Богосского хребта Ахвахского р-на Дагестана (селения Тад-Магитль, Лологанитль, Кванкери, Кудияб-Росо, Изано и др.) и Шамильского р-на (селения Тлянуб, Цекоб и Ратлуб). Ахвахские переселенцы живут на Кумыкской равнине и в Азербайджане (2 тыс. чел.) — в с. Ахвах-дере и смешанно с местным населением — в селениях Закаталы, Джар и др. Часть ахвахцев (с. Ратлуб) в 1944 г. переселилась на территорию восточной Чечни.

Общественные функции языка. Ахвахский язык является бесписьменным и используется в быту, для общения в семье, между односельчанами и т.п. Языками образования, межнационального общения и делопроизводства для ахвахцев являются аварский и русский. Аварский язык используется как региональное средство межнационального общения. Аварская речь практи-

чески вытеснила устное народное творчество на родном языке. Для многих ахваццев характерно знание в известных пределах арабского языка, используемого при отправлении религиозных обрядов.

Лит.: Алексеев М.Е. Ахвацкий язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Жирков Л.И. Ахвацские сказки // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Вып. 2. М., 1949; Лугуев С.А. Ахваццы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Магомедбекова З.М. Ахвацкий язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Шиллинг Е.М. Ахваццы // Шиллинг Е.М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

БАГВАЛИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. багулалы, ед. ч. багулал, багулалка. Др. названия: квандинцы, багвалалы, багвалинцы, багулалцы. Самоназвание *гантляло* пока не имеет общепринятой этимологии. Название же «багвалинцы» (от авар. *багвалал* «багвалинцы») обычно использовалось для обозначения собственно багвалинцев и тиндинцев.

Общие сведения. Багвалинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанских языков (восточнокавказская ветвь северокавказской языковой семьи). Он наиболее близок к тиндинскому и чамалинскому. Самоназвание у багвалинцев отсутствует. Морфология характеризуется как агглютинативная со значительной долей аналитизма. В видо-временной системе представлены как синтетические, так и аналитические формы с использованием вспомогательного глагола «быть». В структуре простого предложения противопоставлены абсолют-

ная, эргативная, аффективная и дативная конструкции.

По названиям селений различаются три группы говоров: Хуштада-Тлондода, Кванада-Гемерсо и Тлисси-Тлибишо.

Официальной статистики численности багвалинцев также не существует, так как и они причислялись к аварцам. По данным переписи 1926 г., багвалинцев насчитывалось 3301 чел. В настоящее время их численность достигает 7 тыс. чел.

Багвалинцы проживают в Цумадинском (селения Хуштада, Тлондода, Кванада и Гемерсо) и Ахвацком р-нах (с. Тлисси и Тлибишо) Дагестана. Большое количество переселенцев дисперсно проживает также в равнинных населенных пунктах Хасавюртовского, Кизилюртовского и Кизлярского р-нов Дагестана.

Общественные функции языка. До настоящего времени багвалинский язык функционирует как разговорно-бытовой. Для багвалинцев характерно многоязычие, что обусловлено тем, что языками обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения являются аварский и русский языки. Багвалинцы владеют также в определенной степени арабским языком, который используется ими для отправления религиозных обрядов. На этом же языке вплоть до революции 1917 г. составлялись местные законодательные документы — адаты. В 50-х гг. обучение в школе велось на аварском языке, а затем языком обучения становится русский (в начальной школе он изучается как предмет). Аварский язык и литература изучаются как предмет только в старших классах. Аварский фольклор приходит на смену собственно багвалинскому.

Лит.: Алексеев М.Е. Багвалинский язык // Красная книга языков наро-

дов России. М., 1994; Бобровников В. О. Реконструкция этнической истории багула по данным микротопонимики // Дагестанский лингвистический сборник. Вып. 3. М., 1996; Гаджиев Г. А. Багулалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Гудава Т. Е. Багвалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Шиллинг Е. М. Багулалы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **балкарцы**, ед. ч. **балкарец**, **балкарка**. Самоназвания: *малкърлы*, *таулу*. Этноним *балкарцы* стал употребляется как обозначение всего тюркоязычного населения Кабардино-Балкарии лишь в последние десятилетия. Самоназвания локальных групп балкарцев зависят от топонимов и гидронимов — кавказских названий ущелий и рек Малка, Бизинги, Холам, Чегем. Этноним *урусбиевцы* образован от балкарской фамилии Урусбиевых и обозначает жителей Баксанского ущелья.

Общие сведения. Балкарский язык (см. **карачаево-балкарский язык**) относится к кыпчакской (северо-западной) ветви тюркской семьи языков (в широком объединении — к алтайской языковой семье). В XIII—XV вв. балкарцы и карачаевцы были еще единым народом, проживавшим на территории современной Балкарии, поэтому различия их языков весьма незначительны и имеют одно название — карачаево-балкарский.

В языке два диалекта, различающиеся главным образом фонетикой.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ численность балкарцев составляла 78 341 чел. (92% всех балкарцев б. СССР), из них 95,33% считают родным язык своей национальности, 4,17% — русский

язык, 0,5% — др. языки. Балкарцы проживают на территории Кабардино-Балкарской Республики (70 793 чел., или 83,2%) с центром в г. Нальчик; они проживают также в Казахстане, Киргизии и др. местах.

Общественные функции языка. Поскольку Балкария и Карачаево-Балкарской Республики находятся в разных субъектах РФ, карачаево-балкарский литературный язык представлен двумя вариантами: балкарским и карачаевским языками, каждый из которых имеет свой официальный статус. Балкарский язык наряду с кабардинским и русским языками является государственным в Кабардино-Балкарской Республике.

Обучение в школах ведется на родном языке: в 1992/93 учебном году балкарский язык стал средством обучения в 104 классах почти 30 школ Балкарии. В качестве предмета изучения балкарский язык представлен в обеих республиках в 1—11 классах (более 150 школ, около 40 тыс. учащихся). О других общественных функциях балкарского языка и письменности см. **карачаево-балкарский язык**.

Лит.: Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. 2-е изд. М., 1993; Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI—XIX веков. М., 1993; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII—XVIII вв.: Важнейшие этногенетические аспекты. Нальчик, 1991; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983. См. также «Карачаево-Балкарский язык».

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **башкиры**, ед. ч. **башкир**, **башкирка**. Самоназвание *баш-*

корт — древнетюркского происхождения. Существует свыше 30 версий происхождения этнонима *башкорт*. Названия многочисленных родоплеменных групп башкирского народа отражают его сложный этногенез: в них имеются монгольские, тюркские, финно-угорские и др. наименования.

Общие сведения. Башкирский язык относится к булгаро-кыпчакской подгруппе кыпчакской (северо-западной) группе тюркской семьи языков.

Башкирский язык относится к агглютинативному типу языков: аффиксы располагаются последовательно от абстрактного грамматического значения к более конкретному. Для него характерна устойчивость закона сингармонизации в зависимости от первого слога. Словообразование характеризуется тем, что присоединение аффиксов при образовании новых слов не приводит к изменению корневой морфемы. В словообразовательной системе широко распространено и словосложение: образование сложных, парных, сложносокращенных слов.

В башкирском языке различают два основных диалекта: 1) южный — с говорами иксакарским, средним и демским; 2) восточный — с говорами айским, миасским, аргаяшским, сальзегутским, кизильским.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., общая численность говорящих на башкирском языке, включая страны СНГ, составляет 1 млн. 450 тыс. чел.; в РФ проживает 1 345 273 чел. (в Республике Башкортостан — 864 тыс. чел), что составляет 92,8% всех башкир б. СССР. Из них 72,84% считают родным башкирский язык, 10,05% — русский, 17,11% — др. языки. Язык распространен (при учете компактного расселения носителей) в Республике Башкортостан и в Республике Татарстан, Челябинской, Орен-

бургской, Пермской, Курганской, Самарской, Саратовской, Тюменской, Свердловской областях. Основная этническая территория башкир — Республика Башкортостан (863 808 чел., или 59,6%) со столицей г. Уфа. Башкиры проживают также в Казахстане (41,8 тыс.), Узбекистане (34,8 тыс.), на Украине (7,4 тыс.), в Таджикистане (6,8 тыс.), Туркмении (4,7 тыс.), Киргизии (4 тыс.).

Общественные функции языка. Башкирский язык — один из государственных языков Республики Башкортостан и относится к языкам с широкими общественными функциями: он используется во всех сферах государственной, экономической и общественной жизни, широко употребляется в сфере народного образования, средствах массовой информации, в культурной жизни, а в сфере хозяйственного управления употребляется в основном в сельской местности. Русский язык также объявлен государственным.

Законодательные акты печатаются на русском и башкирском языках. Башкирский язык используется в сфере государственного управления: издаются указы Президента, законы Верховного Совета, проходят отдельные выступления на сессиях Верховного Совета и районных администраций. В настоящее время общественные функции башкирского и русского языков в сфере народного образования являются весьма широкими. На башкирском языке ведется преподавание в средней школе, а высшее образование на родном башкирском языке можно получить в области гуманитарных наук (филология, история, юриспруденция). В 1998/99 учебном году в республике на башкирском языке обучалось в 825 школах 68 380 учащихся (39%), в 855 школах язык изучался как предмет (35%). По решению педколлективов и

с учетом пожеланий родителей он преподается как предмет в небашкирских школах, воскресных школах, техникумах.

Башкирский язык широко применяется в средствах массовой информации. На нем издаются республиканские и районные газеты. В 1993 г. издавались 23 газеты, 7 журналов. Время вещания на башкирском языке на радио и телевидении за сутки составляет около 3,5–4 ч. В отдельных городах и райцентрах ведутся местные радио- и телепередачи.

Общественные функции башкирского языка развиты и в сфере искусства: работают государственные театры, филармония, дворцы культуры и др. Башкирский язык функционирует в сфере театрального искусства: на башкирском языке ставят спектакли 3 государственных драмтеатра, Театр юного зрителя, Театр кукол, есть отдельные постановки Государственного театра оперы и балета. Работают Башкирская филармония, филармонии в г. Стерлитамаке и Сибее, где на башкирском языке идут концерты, проводятся творческие вечера.

Башкортостан – республика многонациональная, в ней проживают представители 80 национальностей, поэтому широко распространены двуязычие и полилингвизм. Языковая ситуация в республике характеризуется преобладанием национально-русского двуязычия. Русский является языком межнационального и межгосударственного общения. Намечается тенденция развития русско-башкирского двуязычия (изучение русскими в системе образования башкирского языка, проведение уроков башкирского языка по телевидению и радио).

Различным этносам свойственно трехязычие: это обусловлено тем, что башкиры и татары овладевают не толь-

ко русским языком, но и языками друг друга. Наблюдается удмуртско-татарско-русское, марийско-татарско-русское, чувашско-башкирско-русское и чувашско-татарско-русское трехязычие на бытовом уровне, а также владение родным, русским и иностранным языками через образовательную систему.

Письменность. Письменность на арабской графике начала распространяться среди башкир в связи с распространением ислама в X в. В 1919 г. башкирская письменность на основе арабской графики была модернизирована и приближена в определенной степени к фонетической системе башкирского разговорного языка. В 1928 г. письменность была переведена на латинскую графику, а с 1940 г. был принят алфавит на основе кириллицы.

Формирование и развитие башкирского литературного языка имеют длительную историю: его основы были заложены в XIII–XVIII вв. Современный башкирский литературный язык сформировался в 20-е гг. XX в. на базе восточного и южного диалектов с сохранением традиций старого литературного языка «тюрки». В дальнейшем происходит становление и развитие стилей, формирование терминологии, становление орфографических и орфоэпических норм. На разных этапах формирования башкирского литературного языка на него оказывала большое влияние развитая система фольклора.

Лит.: Акбулатов И. Первые сведения о Южном Урале и башкирах // Памятники Отечества. № 38 (2). М., 1997; Баскаков Н. А. О происхождении этнонима **башкир** // Этническая ономастика. М., 1984; Бикбулатов Н. В. Этноним *башдорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987; Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982; Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М.,

1974; Гарипов Т. М. Новые версии происхождения этнонима *байдорт* // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987; Гордеев Ф. И. О происхождении этнонима **башкир** // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971; Зобов Ю. С. Башкиры в составе Оренбургского края // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург, 1994; Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984; Рамазанова Д. Б. Функционирование терминов **мещеряки**, **башкиры**, **тептяри** в Западной Башкирии // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980; Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955; Юлдашев А. А. Башкирский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966.

БЕЖТИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **бежтинцы**, ед. ч. **бежтинец**, **бежтинка**. Др. названия: **бежтины**, **капучины**, **хваналы**. Самоназвание: *бежкьаса*. Бежтинцы упоминаются в трудах арабских географов X в. по имени «капучинцы» («земля Кафучи»). Русское наименование *бежтинцы* образовано от названия с. Бежта (существительное *беж* имеет значение «загон, двор»). Этноним *хванал* переводится с аварского языка как «лошадники». Происхождение этнонима *капучины* неясно.

Общие сведения. Бежтинский язык относится к цезской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви (севернокавказской) семьи языков и очень близок к гунзибскому. Морфология является агглютинативной и отличается многопадежностью имен. Бежтинский язык является языком эргативного строя. В зависимости от глагола-предиката простые предложения имеют номинативную, эргативную и дативную конструкции. Слова образуются в основном при помощи суффиксации, используются словосложение и конверсия.

Различаются говоры: собственно бежтинский, хашар-хотинский, грядальский.

Официальной статистики о численности бежтинцев нет, так как они причислялись к аварцам. По данным переписи 1926 г., бежтинцев насчитывалось 2549 чел. (1886 г. – 1,7 тыс.; 1938 г. – 2,8 тыс.). В настоящее время по различным оценкам их число достигает от 7 до 12 тыс. человек. Бежтинцы проживают в основном в Цунтинском р-не Дагестана в селениях Бежта (3540 чел. на 1998 г.), Грядаль (734) и Хашархота (628). Переселенцы проживают в Бабаюртовском (с. Караузен – 587 чел. и в с. Качалай – 1326 чел.), Кизилюртовском и Кизлярском р-нах Дагестана, а также в Грузии и в Восточной Турции.

Общественные функции языка. Бежтинский язык функционирует как разговорно-бытовой, а также служит средством общения с гунзибцами и отчасти гинухцами. Для бежтинцев, как и для других малочисленных народов Дагестана, языками обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения являются аварский и русский языки. Бежтинцы в определенной степени владеют арабским языком, используемым в религиозных обрядах.

В 30-х гг. XX в. обучение сначала в семилетней, а с середины 50-х гг. в восьмилетней и средней школе велось на аварском языке, затем языком обучения становится русский (в начальной школе он изучается как предмет). Аварский язык и литература в старших классах изучаются только как учебный предмет.

Под влиянием аварского языка на смену собственно бежтинскому фольклору приходит аварский.

Письменность. В последнее время в местной печати поднимается вопрос о создании бежтинской письменности.

На бежтинском языке М.Ш. Халиловым осуществлен перевод Евангелия от Луки.

Лит.: Алексеев М. Е. Бежтинский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Бокарев Е. А. Бежтинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Бежтинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Шиллинг Е. М. Бежитины и хунзалы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993; Халилов М. Ш. Бежтинский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999.

БЕСЕРМЯ́НСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. **бесермяне**, ед. ч. **бесермянин**, **бесермянка**. Самоназвание — *бесерман*. Связь этнонима *бесермяне* с тюркским *busurman/besermen* (из перс. *musliman*, множ. ч. к араб. *muslim*) считается многими обоснованной. Одна из самых ранних фиксаций этнонима *бесермяне* и особого народа встречается в Ипатьевской летописи 1184 г.

Общие сведения. Бесермянский язык считается диалектом удмуртского языка в пермской группе финно-угорской семьи языков. Однако бесермяне представляют собой особую этническую группу удмуртов, что связано с особенностями материальной и духовной культуры, включая топонимику, личные имена, фамилии бесермян и особенно былую религиозную принадлежность (бесермяне — бывшие мусульмане). У бесермян сохраняется этническое самосознание, так как бесермяне всегда воспринимали себя как особый народ, отличный от соседних народов — татар, удмуртов и др.

Численность бесермян — более 10 тыс. чел., проживают они в Ярском, Глазовском, Базезинском, Юкаменском р-нах Удмуртской Республики (среднее и нижнее течение р. Чепца и

бассейны ее притоков). Перепись населения СССР 1926 г. определила их численность в 10 034 чел. (ок. 92% из них в нынешней Удмуртии, 8% — в Вятской обл.), в последующих переписях населения бесермян причисляли к удмуртам. По оценке Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, бесермян в 1999 г. было 3085 чел. Сокращение численности бесермян объясняется их дисперсным расселением и ассимиляцией с удмуртами.

Общественные функции языка. Точных данных о функциях бесермянского языка нет, так как в качестве родного языка используется удмуртский письменно-литературный язык в сферах образования, культуры, местной администрации и т.д.

Лит.: Владыкин В. Е., Панова Е. В. Бесермяне // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Тепляшина Т. И. Этноним **бесермяне** // Этнонимы. М., 1970; Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М., 1970; О бесермянах / Сб. статей. Ижевск, 1997; Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX — 90-е гг. XX в.). Ижевск, 1998; Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению. Вып. 7. М.; Л., 1964; Трефилов Г. Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск, 1967; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

БОТЛИХСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. **ботлихцы**, ед. ч. **ботлихец**, **ботлихка**. Др. название: **мунийцы**. Самоназвание: *буйхади*. Самоназвание *буйхади* означает «жители с. Ботлих» и происходит от названия населенного пункта Буйхе (местное название с. Ботлих).

Общие сведения. Ботлихский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской семьи языков (севернокавказская языковая семья), в составе кото-

рой наиболее близок к андийскому и годоберинскому. Морфологический строй характеризуется как агглютинативный. Глагольные временные формы образуются как синтетически, так и аналитически с помощью вспомогательного глагола «быть».

Официальной статистики о численности ботлихцев нет, так как они причислялись к аварцам. По данным переписи 1926 г., ботлихцев насчитывалось 3379 чел. (1886 г. — 1230; 1938 г. — 4100). По некоторым оценкам, их число в настоящее время составляет ок. 6 тыс. чел. Основная часть ботлихцев проживает в с. Ботлих (на 1 янв. 1993 г. зарегистрировано 7200 жителей), с. Миарсо (1299 чел.), хут. Ашино (120 чел.) Ботлихского района Дагестана.

Общественные функции языка. Ботлихский язык функционирует как разговорно-бытовой, используется в семейно-бытовой и внутриобщинной сфере. Аварский и русский языки обслуживают сферу обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения, поэтому многоязычие среди ботлихцев довольно распространенное явление. В сфере религиозных обрядов используется арабский язык, знание которого ограничено, хотя и было характерно для ботлихцев с давних пор.

С 30-х гг. XX в. средством обучения в школе был аварский язык, а с середины 50-х гг. — русский (в начальной школе он изучается как предмет). Аварский язык и литература в старших классах изучается только как учебная дисциплина. Аварский язык оказывает значительное влияние на функционирование родного языка ботлихцев. Это проявляется в том, что аварский фольклор приходит на смену собственно ботлихскому.

Лит.: Алексеев М. Е. Ботлихский язык // Красная книга языков народов

России. М., 1994; Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Ботлихцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Губава Т. Е. Ботлихский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Шиллинг Е. М. Ботлихцы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн.ч. буряты, ед. ч. бурят, бурятка. Самоназвание: *буряад*. Пока нет единого мнения относительно происхождения как этнонима *буряты*, так и самого бурятского этноса. Происхождение этнонима *буряад* связывают с этнонимами *бургут* (*бурут*), *баргут*, которые считают монгольскими, и возводят этимологически к значению «союз трех (родов)». По другой версии, бурятское *бури-йа-д* («уклонившиеся в сторону» или «отколовшиеся от монголов») возводят к тюркскому происхождению этнонима, объясняя элемент *-йа-* в *бурийат* как усеченную форму теонима Айа (бог-творец и громовержец у древних бурят и их далеких тюркоязычных предков).

Общие сведения. Бурятский язык относится к монгольской семье языков. По своим морфологическим особенностям бурятский язык является агглютинативным (см. **типологическая классификация языков**), но с элементами аналитизма: широко используются служебные слова в качестве грамматических средств выражения грамматических значений.

Диалекты бурятского языка подразделяются на четыре группы: западную (эхирит-булагатская), промежуточную (аларо-тункинская), восточную (хоринская) и южную (цонголо-сартульская).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 417 425 бурят (99,1% всех бурят б. СССР), из них 361 369 чел. (86,57%)

считают родным язык своей национальности, а 55 587 бурят (13,32%) — русский язык, 0,11% — др. языки. Основная территория расселения бурят — Республика Бурятия (249 525 чел., или 59,2%) со столицей г. Улан-Удэ, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ в Иркутской обл. (49 298 чел., или 11,7%) и Агинский Бурятский автономный округ Читинской обл. (42 362 чел., или 10,1%), проживают они также в других районах и областях РФ. Поселения бурят имеются в Монголии (70 тыс. чел.) и в Китае (Маньчжурия), где они известны под именем *баргу-бурят* и расселены около оз. Далай, в долине р. Уршун и оз. Буир-Нур.

Общественные функции языка. Бурятский язык — один из государственных языков Республики Бурятия. Развитие общественных функций бурятского языка в социально значимых сферах началось в 20–30-е гг. XX в. В эти годы обучение детей и взрослых у бурят полностью велось на родном языке, осуществлялись различные издания на бурятском языке.

В середине XX в. функцию официально-делового языка, языка обучения в средних и высших учебных заведениях и языка науки фактически стал выполнять русский язык. Стали сокращаться общественные функции бурятского языка и в других сферах: происходит уменьшение изданий художественной, научной и т.п. литературы на бурятском языке, большинство бурят стали предпочитать русский язык при чтении периодической печати, художественной литературы, при просмотре кинофильмов, телепередач, театральных спектаклей, при прослушивании радиопередач, в общении на производстве и общественных местах. В начале 70-х гг. XX в. в административном порядке все бурятские школы были переведены на русский язык обу-

чения. В это же время произошло и сокращение изданий литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению и т.д.

Возрождение национального самосознания и общественных функций бурятского языка началось в середине 80-х годов. Необходимым условием такого возрождения является овладение населением родным языком. В 1986 г. обучение во всех начальных классах школ с бурятским контингентом учащихся было переведено на родной язык, были приняты меры по некоторому увеличению выпуска литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению. В соответствии с Законом «О языках народов Республики Бурятия» стало обязательным обучение бурятскому языку во всех школах, где имеется бурятский контингент учащихся. В Республике Бурятия всего 163 бурятские национальные школы. Бурятский язык является языком обучения в 1–4 классах бурятских школ, а во всех остальных классах бурятский язык изучается как учебная дисциплина. Бурятский язык начал преподаваться в школах городов и районных центров, организованы передачи на телевидении по изучению бурятского языка, а в 1991/92 учебном году в Бурятском государственном педагогическом институте открыт специальный факультет бурятской филологии.

В настоящее время на бурятском языке издается газета «Буряад унэн», журнал «Байгал», передачи телевидения на бурятском языке в течение недели занимают около 6 ч, радиопередачи — 4–5 ч. В республике работает театр бурятской драмы, спектакли которого в основном идут на бурятском языке.

Письменность. Бурятская письменность была основана на старомонгольской основе. В XVII в. в бурятских мо-

настырях получило развитие ксилографическое книгопечатание, издавались книги религиозного содержания, летописи бурятских племен, делались переводы собраний канонических буддийских текстов. На старописьменном языке велось делопроизводство и бытовая переписка, создавались степные законы, учебные пособия, оригинальные переложения и переводы сочинений восточных авторов, образцы устного народного творчества.

В 20-х гг. XX в. создается обновленный литературный язык на старомонгольской основе, ориентированный на восточно-бурятские говоры. Переход на латиницу обусловил в 30-е гг. быстрое распространение литературного языка среди бурят и расширение его общественных функций. Одновременно вся дореволюционная богатая по содержанию и значимости литература стала недоступной, потому что она была написана на основе старомонгольской письменности. Сейчас некоторые научные работники вынуждены изучать этот язык как новый. С 1989 г. начато изучение старописьменного языка в 36 школах Бурятии.

Лит.: Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курикан // Этнонимы. М., 1970; Галданова Г. Р. Закаменские буряты: Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). Новосибирск, 1992; Дугаров Д. С. О происхождении этнонима «бурят» // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тез. Межд. науч. конф. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Т. 1. Новосибирск, 1995; Дырхеева Г. А. Бурятский язык: современное состояние. Улан-Удэ, 1999; Егунов Н. П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Ч. 1. Улан-Удэ, 1984; Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993.

ВЕПССКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **вепсы** (устар. **чудь**), ед. ч. **вепс**, **вепсянка**. Самоназвание: *вепс*. Современное название народа утвердилось лишь в 20–30-х гг. XX в. В каждой группе вепсов существуют свои самоназвания: *вепся*, *бепся*, *вепслайне*, *людиник*, *людилайне*, *люди-кель*, *чухарь* и др. Этноним *вепсы* (из **vepsi*) связывают с финским *vepsa* (русск. *вепсы/весь*) как названием родового знака прибалтийско-финских племен, напоминающего по форме плавник рыбы или треугольник.

Общие сведения. Вепсский язык – язык прибалтийско-финской группы финно-угорской семьи языков. Он близок к восточным диалектам финского языка и карельскому языку.

Различаются три диалекта вепсского языка: 1) северновепсский (на юго-западном побережье Онежского оз. – в основном территория Карелии, Прионежский р-н); 2) средневепсский (северо-восток Ленинградской обл. и часть Вологодской обл.); 3) южновепсский (в основном Бокситогорский р-н Ленинградской обл.).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 12 142 чел. вепсов (97,13% всех вепсов б. СССР), из них 51,32% считают родным язык своей национальности, 48,29% – русский язык, 0,39% – др. языки. Количество вепсов, владевших вепским языком как родным, составляло, по данным переписей, 46,1% в 1959 г., 34,3% в 1970 г., 38,3% в 1979 г. Численность вепсов в России начиная с 50-х гг. характеризовалась тенденцией к очень медленному снижению: 1939 г. – 32 000 чел., 1959 г. – 16 374 чел., 1970 г. – 8281 чел., 1979 г. – 8094 чел. Снижение количества вепсов, возможно, вызвано тем, что в 60–70-е гг. в Ленинградской и Вологодской обл. в период переписи вепсов записывали русскими.

Вепсы компактно расселены в Прионежском р-не Карелии (49,6%), проживают они также в Подпорожском, Лодейнопольском, Тихвинском, Бокситогорском районах Ленинградской обл. и в Вытегорском и Бабаевском районах Вологодской обл.

Общественные функции языка. В 1932–1937 гг. на вепском языке велось преподавание в начальной школе, выпускалась учебная литература, был создан первый вепско-русский словарь. Однако в конце 30-х гг. была свернута работа по сохранению и развитию вепского языка. До конца 80-х гг. вепский язык не только не использовался как язык обучения, но даже не преподавался в школах, функционируя исключительно в сфере бытового общения, т.е. во второй половине XX столетия вепский язык медленно превращался в средство только семейно-бытового общения.

В настоящее время менее половины всех вепсов достаточно свободно владеет родным языком, а русским языком владеют довольно хорошо все вепсы.

Лишь последние годы стала проводиться политика сохранения вепского языка: он стал изучаться как учебная дисциплина в программе некоторых школ, возобновилось издание букварей и другой литературы. В Карелии стали вести на вепском языке радио- и телепередачи, печатать вепские материалы в районных газетах, началась подготовка преподавательских кадров. В 1992 г. Стокгольмским институтом был издан перевод Евангелия от Марка на вепский язык.

Письменность. Вепская письменность была создана в 1931 г. на основе латинского алфавита.

Лит.: Агеева Р. А. Какого мы роду-племени. М., 2000; Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык // Прибалтий-

ско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958; Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

ВОДСКИЙ ЯЗЫК

Носители: собир. **водь.** Самоназвание *вадьякко* (vad'jakko), *вадьялайн* (vad'd'anain). По одной из версий свое название *водь* (через промежуточные формы vad'ja, vagja) могла получить посредством заимствованного древнего слова *vakja со значением «клин» (ср. лит. *vagis* «деревянный крюк», латыш. *vadzis* «клин»). Кусочки ткани в виде клина или треугольника могли служить отличительным знаком, украшением или амулетом у некоторых групп прибалтийских финнов или др. народов.

Общие сведения. Водский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи языков, к агглютинативному типу языков с элементами флективности.

Различают три диалекта водского языка: восточноводский (Копорье и др.; в настоящее время полностью исчез); западноводский (Котлы и др.); юго-западноводский (Куровицы и др.; к нему был близок вымерший крвинский диалект в Латвии).

Точных данных о численности води нет, так как Всесоюзная перепись населения 1989 г. не упоминает об этом народе. Из приводимых материалов прошлого можно сделать неутешительный вывод о необратимом процессе уменьшения численности води. По статистическим данным 1867 г., опубликованным П. Кеппенем (фактически они относятся к 1848 г.), води насчитывалось 5148 чел. После Первой

мировой войны было около 1000 чел.; в 1951 г. — от 600 до 700 чел.; по переписи 1959 г. — меньше 500. К середине 60-х гг. водским языком владели менее 100 чел. По некоторым оценкам, в 1995 г. на языке води говорили 55 чел. В настоящее время на водском языке говорят всего несколько человек.

Водь проживает вокруг деревень Котлы, Копорье, Куземкино Кингисеппского района Ленинградской обл.

Общественные функции языка. Водский язык функционирует исключительно в быту и используется практически представителями лишь старшего поколения.

Процесс исчезновения водского языка обусловлен тем, что молодое поколение води практически не знает родного (этнического) языка и пользуется преимущественно русским. Уменьшению численности води способствует и процесс ассимиляции ее с ижорой, оттоком водского населения в Эстонию.

Письменность. Водский язык никогда не имел письменной литературной формы, имеются лишь записи текстов на западно-водском диалекте водского языка.

Лит.: Адлер Э. Водский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Видеман Ф. И. О происхождении и языке вымерших ныне Курляндских кривичей. СПб., 1872; Моора Х. А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965; Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокипии. Ювяскюля, 1995; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Шлыгина Н., Конк У. Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР. Т. 2. М., 1964; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

ВОТЯЦКИЙ ЯЗЫК. Устар. См. удмуртский язык.

ГИНУХСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **гинухцы**, ед. ч. **гинухец**, **гинухка**. Вариант: **генухцы**. Самоназвание: *ггинухъес*. Этноним *гинухцы* образован от названия с. Гинух (форма местного падежа гинухского названия этого села имеет значение «у дороги, на дороге»).

Общие сведения. Гинухский язык относится к цезской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской (севернокавказской) ветви иберийско-кавказской семьи языков. Он является близкородственным цезскому и бежтинскому языкам. Морфология гинухского языка в основном является агглютинативной и отличается многопадежностью имен. Гинухский язык относится к языкам эргативного строя. Гинухское ударение представляет собой слабое динамическое и подвижное ударение, обычно падает на первый или второй слог, в отдельных словоформах — на последний слог.

Официальной статистики численности гинухцев нет, так как они начиная с 1926 г. причислялись к аварцам. В России, по некоторым оценкам, в 60-е гг. количество гинухцев достигало 200 чел., а в настоящее время — от 600 до 700 чел. Основная их часть проживает в с. Гинух (ок. 500 чел.) Цунтинского р-на, в с. Монастырское (около 200 чел.) Кизлярского района Дагестана.

Общественные функции языка. Гинухский язык является разговорно-бытовым. Как и другие малочисленные народы Дагестана, гинухцы являются многоязычными. Еще обучаясь в школе, они овладевают аварским и русским языками, которые для них явля-

ются средством получения образования, языками массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения. Многие гинухцы овладевают языками своих соседей – цезов и бежтинцев.

В начальной школе обучение с 30-х гг. ведется на аварском, а в средней – на русском языках. Гинухцы все больше овладевают и аварским устным народным творчеством (сказки, песни), хотя позиции гинухского языка пока еще устойчивы. Образцы гинухских фольклорных текстов опубликованы в специальных научных работах и на страницах газет в 1992 г.

Лит.: Алексеев М. Е. Гинухский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Бокарев Е. А. Гинухский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Лугуев С. А., Ризаханова М. Ш. Гинухцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Халилов М. Ш. Гинухский язык // Языки народов России и сопредельных государств. М., 1997; Халилов М. Ш., Исаков И. А. Гинухский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999.

ГОДОБЕРИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **годоберинцы**, ед. ч. **годоберинец, годоберинка**. Самоназвание: *гъибдиди* («житель села Годобери»). Русское название народа образовано также от названия с. Годобери.

Общие сведения. Годоберинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской семьи языков (северокавказская языковая семья), в составе которой наиболее близок к андийскому и ботлихскому. Морфология годоберинского языка характеризуется как агглютинативная и отличается многопадежностью имен.

Официальной статистики о современной численности годоберинцев нет. По данным переписи 1926 г., годоберинцев насчитывалось 1512 чел. (1886 г. – 1170; 1938 г. – 1900). В последующих переписях населения годоберинцы причислялись к аварцам. По некоторым оценкам их число в настоящее время достигает 3–4 тыс. чел.

Годоберинцы проживают в селах Нижнее и Верхнее Годобери (2333 чел. на 1 янв. 1993 г.), Зибирхали (68 чел.) и Беледи (86 чел.) Ботлихского р-на Дагестана. Довольно большое количество переселенцев проживает также в равнинных населенных пунктах Дагестана, в основном в с. Теречная Хасавюртовского р-на.

Общественные функции языка. До настоящего времени годоберинский язык является языком семейно-бытового и внутринационального общения. Аварский и русский языки используются в школьном обучении, в средствах массовой коммуникации, в делопроизводстве и как средство межнационального общения. Для годоберинцев характерно в определенной степени знание арабского языка, который используется при отправлении религиозных обрядов.

До 50-х гг. обучение в школе велось на аварском языке, а в начальной школе русский язык изучался как предмет. Во второй половине XX в. языком обучения становится русский, в то время как аварский язык и литература в старших классах изучаются только как предмет.

Лит.: Алексеев М. Е. Годоберинский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Годоберинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Гудова Т. Е. Годоберинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Татовосов С. Г. Годоберинский язык // Языки мира: Кав-

казские языки. М., 1999; Шиллинг Е. М. Годоберинцы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

ГУНЗИБСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **гунзибцы**, ед. ч. **гунзибец**, **гунзибка**. Самоназвание: *гунзалъ*, *хунзалис*. Русское название *гунзибцы* образовано от наименования с. Гунзиб. Аварский этноним *хъванал* обозначает гунзибцев и бежтинцев как единую этническую общность, проживающую в долине р. Хъван глор (букв. «река Хван»).

Общие сведения. Гунзибский (гунзевский, гунзальский, хунзальский, энзевский, нахадинский) язык относится к цезской подгруппе аваро-андоцезской группы нахско-дагестанской семьи языков (северокавказская языковая семья), в составе которой он наиболее близок к бежтинскому, образуя вместе с ним восточноцезскую подгруппу. Его морфология является в основном агглютинативной и отличается многопадежностью имен. Гунзибский язык является языком эргативного строя. В зависимости от глагола-предиката простые предложения имеют номинативную, эргативную и дативную конструкции. Основными способами словообразования в гунзибском языке являются суффиксация, словосложение и конверсия. Ударение в гунзибском языке динамическое, но слабо выраженное. В большинстве случаев оно падает на первый слог, а иногда на второй. Заметной смыслоразличительной функции ударение не выполняет.

Официальной статистики о численности гунзибцев нет, так как они причислялись к аварцам. По данным переписи 1926 г., гунзибцев насчитывалось 203 чел. По некоторым оценкам, общая численность гундзибцев в 1998 г. составляла 1500 чел., в настоящее время — 1700 чел. (в РФ — 1350 чел., в Гру-

зии — 350). Гунзибцы в основном проживают в плоскостных районах Дагестана — в селах Новостальск и Шушановка Кизилюртовского р-на и в селах Гунзиб (195 чел.), Гарбутль (327) и Нахада (511), а также в Гьело, Родор, Тодор Цунтинского р-на. Гунзибцы проживали также до последнего времени в Грузии с. Сарусо и в с. Тхелисцкаро (в 1991 г. они переселились в Дагестан).

Общественные функции языка. Гунзибский язык функционирует как разговорно-бытовой. Аварский и русский языки выполняют функции языка обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения, поэтому гунзибцы являются многоязычными. Они общаются на бежтинском языке с соседями — бежтинцами. Среди них распространено и знание грузинского языка.

В 30-х гг. XX в. обучение в семилетней (затем в восьмилетней и средней) школе велось на аварском языке. Во второй половине XX в. языком обучения становится русский (в начальной школе он изучается как предмет), а аварский язык и литература в старших классах изучаются только как учебный предмет.

Лит.: Алексеев М. Е. Гунзибский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Бокарев Б. А. Гунзибский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Исаков И. А. Гунзибский язык // Языки народов России и сопредельных государств. М., 1997; Лугуев С. А., Ризаханова М. Ш. Гунзибцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Шиллинг Е. М. Бежитины и хунзалы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **даргинцы**, ед. ч. **даргинец**, **даргинка**. Самоназвание:

дарган. Субэтнические группы в составе даргинцев: акушинцы, мекегинцы, урахинцы, цудахарцы и др. Этноним *дарган* восходит к основе *дарг-* со значением «внутренность» (даргинцы – «внутренние», горные жители, в противоположность «внешним», или равнинным).

Общие сведения. Даргинский язык относится к дагестанской группе восточнокавказской ветви иберийско-кавказской семьи языков (нахско-дагестанская группа северокавказской языковой семьи), он наиболее близок лакскому языку. В дореволюционных изданиях назывался хюркилинским языком. Морфология даргинского языка относится к агглютинативному типу языков с элементами флективности и аналитизма, не имеет четко выраженного динамического ударения, не отмечены и случаи словоразличения при помощи ударения. В словоформе четко разграничиваются основа и окончание.

В даргинском языке насчитывается свыше семидесяти говоров, которые объединяются в шестнадцать диалектов, различающихся по степени их близости друг к другу и к литературному языку. По своим особенностям в области грамматики и лексики большинство диалектов делится на два типа: 1) цудахарского типа (хайдакский, чирахский, цудахарский и др.), 2) акушинского типа (акушинский, урахинский = хюркилинский, уркарахский и др.).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 353 348 даргинцев, включая кайтагцев и кубачинцев, (96,8% всех даргинцев б. СССР), из них 97,94% считают родным язык своей национальности, 1,5% – русский язык, 0,56% – др. языки. Основная часть даргинского этноса проживает в Республике Дагестан (280 431

чел., или 76,8%) с центром г. Махачкала; они в основном живут в Сергокалинском, Акушинском, Дахадаевском, Левашинском, Цудахарском р-нах, также в Шурагатском, Кайтагском р-нах, даргинские селения отмечены также в Карабудахкентском, Буйнакском, Агульском, Гунибском, Бабаюртовском и Хасавюртовском р-нах. Даргинцы проживают также в Ставропольском крае (32,7 тыс. чел.) и Калмыкии (12,9 тыс. чел.).

Общественные функции языка. Даргинский язык – один из четырнадцати официальных государственных языков Республики Дагестан. Он обладает довольно широкими общественными функциями: на нем издается художественная, научная, учебно-педагогическая и другая литература, выходят газеты и журналы, функционирует на нем национальный театр, ведутся радиопередачи.

На даргинском языке ведется обучение с первого по четвертый класс, в остальных классах средней школы, а также в педучилищах и вузах республики даргинский язык, даргинская и дагестанская литература изучаются как специальные предметы. Как отдельная дисциплина даргинский язык преподается и в ряде городских и сельских школ, где обучение ведется на русском языке.

Среди даргинцев распространено двуязычие и многоязычие, особенно среди городских жителей. По переписи 1989 г., свыше 60% даргинцев свободно владеют русским языком. Носителями даргинско-кумыкского двуязычия является определенная часть взрослого населения даргинцев, а жители сел. Мегеб владеют и аварским языком.

Письменность. Даргинский язык относится к младописьменным язы-

кам, хотя первые записи даргинского языка на арабской графической основе датированы 1493 г. Основным памятником письменности даргинцев является «Свод заповедных законов Кайтаг Дарго» (нач. XVII в.). До революции было издано около 34 названий литературы на арабской и русской графической основе. Письменность становится доступной и массовой лишь после Октябрьской революции – сначала на арабской (до 1928 г.), потом на латинской (с 1928 г. до 1938 г.), а с 1938 г. на русской графической основе.

Базой даргинского литературного языка в 1930 г. был признан акушинский диалект. Становлению и развитию единых норм даргинского литературного языка способствовали средства массовой информации (радио, печать, телевидение), развитие народного образования, издание художественной и учебно-педагогической литературы, создание национального театра и т.д.

Лит.: Алиев А. И. Из исторического прошлого даргинцев // Уч. зап. Дагестанского ун-та. 1960. Т. 4. Вып. 1; Алиев А. И., Никольская З. А. Даргинцы // Народы Дагестана. М., 1955; Даргинцы. М.; Л., 1930; История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1967; Магомедов А. Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Османов М. - З. О. Об этнониме *дарган* // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

ДОЛГАНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *долганы*, ед. ч. *долган*, *долганка*. Самоназвания: *долган*, *дулгаан*, *тыакихи*, *тэгэ*, *сах*. Первое официальное упоминание о народе долган отмечено в 1841 г. Этноним *долган* происходит от наименования одно-

го из эвенкийских родов долган/дулган в значении «средний», «срединный», «внутренний». Хатангские долганы называют себя *пака* (якут. *сах*), а западные – *тыа кипитэ*, *тыалар* «человек из тундры» (тюрк. *тыа* (тау и др. варианты) «гора» в долганском приобрело значение «тундра»).

Общие сведения. Долганский язык (или долганский диалект якутского языка) относится к якутской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской языковой семьи. Необходимо учитывать, что современные долганы обладают собственным самосознанием и не считают себя ни эвенками, ни якутами, ни русскими, от которых они этнически произошли, и свой язык признают как самостоятельный, другой язык, хотя грамматика долганского языка имеет много общих черт с якутской, что обусловлено специфическими условиями развития двух языковых систем. Современный долганский язык содержит в себе в значительной степени элементы языков тех народов, с которыми долганы имели языковой и этнический контакт.

В долганском языке выделяются свои говоры: норильский, пясинский, авамский, хатангский и попигайский.

Долганы – одна из малочисленных народностей таймырского Севера, которые, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., составляют 6584 чел. (94,8% всех долган б. СССР), из них 84,02% считают родным язык своей национальности, 15,37% – русский язык, 0,61% – др. языки. По данным печати на 1999 г., всего в РФ 6945 долган. В это количество включены долганы из Анабарского улуса Республики Саха (Якутия). Основная часть долганского этноса проживает в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края (4939 чел., или 71,2%). В отличие от

многих народностей отмечается устойчивая динамика роста численности долган от 103,8% до 137%: по переписям 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. соответственно было 3932 (уточненные данные), 4877, 5053, 6584 долган.

Общественные функции языка. В настоящее время долганский язык используется в основном в семейно-бытовом общении. По переписи 1979 г., около 89% долган считают родным язык своей национальности. Однако в последующие годы растет число долган, владеющих только русским языком. Русский язык используется в официально-деловой сфере, в печати, науке, в межнациональном общении, часто и в быту. Небольшая часть долган читает журналы, книги на якутском языке, может общаться, вести переписку, хотя и испытывает значительные трудности лексического, грамматического, орфографического характера.

Отмечается также функционирование долганского языка в печати, в программах радиопередач. Обучение родному языку ведется в начальной школе. Изучают долганский язык будущие педагоги в РГПУ им. А.И. Герцена; на долганском языке издаются учебники, словари, художественная и др. литература. Однако долганский язык не является полноценным литературным языком, обслуживающим все сферы культурного обихода этноса, он функционирует в основном в области бытового общения.

Письменность. Для сохранения и развития долганского языка необходимо было создание собственной письменности, так как это единственный путь для приостановления процесса утраты языка. Попытки вести в долганских школах обучение на якутском языке, пользуясь якутскими учебниками, не увенчались успехом. Письменность была создана в конце 70-х гг.

XX в. В 1979 г. был утвержден алфавит на кириллице, учитывающий особенности фонематического строя языка, а также якутскую и русскую графику. Письменность создавалась на основе говоров наиболее компактно проживающих хатангских долган.

Лит.: Андерсон Д. Дж. Тундровики: Экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998; Артемьев Н.М. Долганский язык // Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994; Артемьев Н.М., Петров А.А. Долганы: язык, история, фольклор, культура: Справ.-библиограф. пособие. СПб., 1993; Андросова С.И. Долганский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997; Гурвич И.С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. М., 1982; Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. 5. М., 1963; Попов А.А. Долганы // Народы Сибири. М.; Л., 1956; Гурвич И.С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. М., 1982; Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра: Уч. пособие. Красноярск, 1993; Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск, 1985.

ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *ижорцы*, ед. ч. *ижорец*, *ижорка*. Распространено также русское собирательное название *ижора**. Древнее самоназвание: *карьялайн* (karjalain), *карьяла* (karjala). В настоящее время самые распространенные самоназвания и названия языка — *ижори*, *ижора*, *изури*, *ингры*, *ингрикот*, *карьялайне*; в Ломоносовском р-не Ленинградской обл. в некоторых местах можно встретить также название *инкеройн*. Наименование *ижорцы*, *ижора* (др.-русс. *ижера*, *ижеряне*, *ижеренин*) связано с названием притока Невы

р. Ижора, на которой раньше жили ижорцы. В русских летописях племя *ижора* упоминается впервые в связи с событиями XIII в. Наименования ижорцев *чудь*, *чудины*, *чухна* отражают общее название прибалтийских финнов в древнерусском языке.

Общие сведения. Ижорский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи языков, агглютинативному типу языков с элементами флективности.

Ижорцы считают себя *карелами*, и одни исследователи причисляют ижорский язык к диалектам карельского языка, другие, учитывая этническое и языковое сходство ижорцев с финнами, считают ижорский язык диалектом финского языка. В отечественном языкознании ижорский рассматривают как самостоятельный язык.

По данным 1848 г. (П. Кеппена), в 200 деревнях Ингерманландии проживало в целом 15 600 ижорцев; российская статистика указывает, что в 1897 г. их количество составляло 21 700 чел. Численность ижорцев, по данным переписи населения 1989 г., составляет 820 чел., из них в РФ — 449 чел. Общая цифра на 9,6% превышает число ижорцев, зафиксированное в 1979 г. (748 чел.), однако по сравнению с 1959 г. (1062 чел.) составляет всего 77,2%. Численность ижорцев прогрессивно уменьшается, что связано с последствиями Первой и Второй мировых войн и с русификацией. Соответственно меняются показатели степени владения родным языком и др. языками. В 1989 г. ижорский язык назвали родным 302 чел. (в РФ — 188 чел.), т.е. 36,8% общего количества ижорцев, вторым языком считают еще 310 чел., а в целом количество лиц, говорящих на ижорском языке, — 612 чел., что составляет 74,6%

от общего числа лиц этой национальности. По сравнению с 1959 г. данные 1989 г. свидетельствуют об уменьшении на 18,2% числа лиц, владеющих ижорским в качестве родного языка. Между тем 56,6% ижорцев признавали в 1989 г. родным русский язык, а еще 11,3% считают родными др. языки. Среди ижорцев широко распространено двуязычие: русский язык в качестве второго языка назвали 37,8% ижорцев, а др. языки — 12,6%.

Ижорцы проживают в Кингисеппском и Ломоносовском р-нах Ленинградской обл. (в 1989 г. их было здесь 276 чел.). В Гатчинском р-не также есть села, жители которых говорили на теперь уже исчезнувшем ордежском диалекте ижорского языка.

Ижорский язык представлен четырьмя диалектами: сойкинским (этим диалектом в 60-е гг. владело около 1000 чел.), хэваским (на нем говорили в 60-е гг. только представители старшего поколения (ок. 100 чел.), ордежским (исчез из употребления), нижнелужским (в 60-е гг. говорили несколько сот человек в Кингисеппском р-не). Современные данные нуждаются в уточнении.

Общественные функции языка. В 30-е гг. XX в. ижорский язык стал средством обучения в школах, однако на нем обучались лишь носители сойкинского и нижнелужского диалектов, так как другие ижорцы были двуязычными и не нуждались в обучении именно на ижорском языке. Общественные функции ижорского языка постепенно сузились до средства семейно-бытового общения, им пользуются в быту преимущественно представители старшего поколения. Ижорский язык находится на грани исчезновения.

Письменность. Ижорский язык является младописьменным, так как до 30-х гг. XX в. был бесписьменным. В

1932–1937 гг. он функционировал в качестве литературного языка, создателем которого был исследователь ижорских диалектов В.И. Юнус. Графика его письменности соответствовала латинскому алфавиту вепсского языка и карельского языка Тверской (Калининской) обл. Первые ижорские книги были написаны на базе сойкинского диалекта, затем на базе усовершенствованного варианта литературного языка создавались последующие ижорские учебники. Однако литературный ижорский язык в дальнейшем прекратил свое существование, потому что ижорцы все в больших масштабах стали признавать русский родным языком.

Лит.: Конькова О.И. Предварительные выводы по этнической истории ижоры // Мат. полевых этнографических исследований 1988–1989 г. СПб., 1992; Лавнест А. Ижорский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Моора Х.А., Моора А.Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Таллин, 1965; Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / Сост. М. Йокиппи. Ювяскюля, 1995; Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973; Шлыгина Н., Конк У. Водь, ижора и финны Ленинградской обл. // Народы Европейской части СССР. Т. 2. М., 1964; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

ИНГУШСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *ингуши*, ед. ч. *ингуш*, *ингушка*. Самоназвание: *галгаи*. Ингуши относятся к древнему вайнахскому этносу и весьма близки к чеченцам. Самоназвание ингушей *галгаи* предположительно имеет значение «крепость». В научной литературе делались попытки связать термины «галгаи» и «гаргар» (гегар), так как в нахских языках слово *гаргара* имеет значе-

ние «близкий, соседний, родственный». Этноним *ингуш* и русское наименование «ингуши» восходит к названию ингушского села Онгушт (Ангушт).

Общие сведения. Ингушский язык относится к нахской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской языковой семьи (иберийско-кавказских языков). Ингушский язык является эргативным. Для него наиболее характерны эргативная, номинативная, аффективная синтаксические конструкции. Ударение является динамическим и фиксированным на первом слоге основы даже в многосложных словах; оно неподвижно при образовании грамматических форм слова и производных от него слов.

В результате смешения диалектов и говоров ингушского и чеченского языков диалектные различия в современном ингушском языке незначительны.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 215 068 ингушей (90,6% всех ингушей б. СССР), из них 98,21% считают родным язык своей национальности, 1,59% – русский язык, 0,2% – др. языки. Среди ингушей распространен национально-русский тип двуязычия. Свободно владеют русским 79,6%. Основная часть ингушей проживает в Республике Ингушетия с центром г. Назрань (в Ингушетии и Чечне в целом проживают 163 762 чел., или 69%). Ингуши проживают также в Республике Северная Осетия – Алания, Казахстане и др. республиках Средней Азии, кроме того в странах Ближнего Востока. Общая численность всех ингушей более 237 тыс. чел.

Общественные функции языка. Ингушский язык – один из государственных языков современной Ингушской Республики. Литературная форма ингушского языка сложилась в советскую

эпоху. В 20–30-е гг. он служил средством ликвидации неграмотности. С 1923 г. издается популярная ингушская газета «Сердало» («Свет»). В настоящее время ингушский язык в республике имеет широкие общественные функции: это язык радио, телевидения, периодической печати, на нем функционирует национальный театр, создается и издается оригинальная и переводная художественная, научно-техническая, научно-популярная литература. С 1989 г. ингушский язык, наряду с русским языком, являющимся основным языком обучения, используется в функции обучения в начальных, сельских школах, он изучается в средних учебных заведениях.

Письменность. В 1920 г. был создан ингушский алфавит на латинской основе (З.К. Мальсаговым), а в 1938 г. принят алфавит на русской графической основе в соответствии с фонетической системой ингушского языка, который функционирует до сих пор.

Лит.: Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. М., 1993; Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII–XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Крупнов Е.И. Исторические известия об ингушских племенах до 19 века // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Фе-

доров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. № 2. Тбилиси, 1968.

ИТЕЛЬМЕНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ительмены**, ед. ч. **ительмен, ительменка**. Самоназвание: *итэнмэн*. Имя народа совпадает с его самоназванием (*итэнмэн*). Этноним *ительмен* со значением «житель, живущий человек» (от глагола ителлахса «живу»).

Общие сведения. Ительменский язык (устар. **камчадалский**) относится к чукотско-камчатской языковой семье, традиционно рассматриваемой как часть палеоазиатских языков. Существует версия, что элементы общности ительменского языка с корякским и чукотским носят не генетический, а контактный и структурный характер, т.е. ительменский язык является, возможно, одним из изолированных палеоазиатских языков, или его генетические связи следует искать на американском континенте.

В прошлом было три языка ительменской группы, однако к началу XX в. два из них (южный и восточный) исчезли. До настоящего времени сохранился западный ительменский язык, он имеет два диалекта: северный, или седанкинский (пос. Седанка), и южный.

К началу XVIII в. ительменов насчитывалось 12–15 тыс. чел. На переломе XVIII–XIX вв. ряд опустошительных эпидемий сократил численность ительменов до 1,5–2 тыс. чел.

По данным переписи 1926 г., ительмены в качестве самостоятельной (отдельно от камчадалов) группы, сохранившей родной язык, были выделены в количестве 803 чел.; это были жители западного берега. В 1959 г. перепись

учитывала 1109 ительменов. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 2429 чел. ительменов (97,9% всех ительменов б. СССР), из них 18,77% считают родным язык своей национальности, 80,2% – русский язык, 1,03% – др. языки. По статистике сельского населения Севера, на 1 янв. 1999 г. учтен всего 1451 ительмен, из них в Корякском АО проживало 1075 чел., в Магаданской обл. – 320 чел., в Камчатской обл. – 43 чел., в Чукотском АО – 5 чел.

Однако число носителей ительменского языка падает постоянно и неотвратимо. По некоторым оценкам, число реальных носителей ительменского языка не превышает нескольких десятков человек.

Ительмены живут в Тигильском р-не Камчатской обл., входящем в Корякский автономный округ. Поселки с заметным процентом ительменского населения – Ковран и Верхнее Хайрюзово. В других населенных пунктах (Тигиль, Палан) Тигильского р-на проживают отдельные ительменские семьи.

Общественные функции языка. Ительменский язык находится в критическом состоянии, так как он не передается от родителей к детям примерно с конца 30-х гг. XX в., сегодня в школе этот язык практически чужой не только для учащихся, но и для учителей, хотя и преподается в 1–4 классах. Ительменский язык вытесняется даже из семейного общения. Осталось очень мало семей, в которых дед и бабушка могут говорить на родном языке, а их старшие дети – понимать их.

В 1989 г. ительмены поселка Ковран организовали Союз возрождения ительменской народности, чтобы возродить родной язык и народность: окружное радио в Палане устраивает спе-

циальные передачи, транслирует записи сказок на ительменском языке; активисты общества «Тхсаном» (Рассвет) делают все, что в их силах, чтобы пробудить у ительменов интерес к родному языку.

Письменность. Впервые письменность для ительменов была введена в 1932 г. на базе латинской графики. Преподавание по букварю 1932 г. длилось несколько лет, а затем ительменская письменность, уже на кириллице, была отменена. Современный ительменский алфавит на кириллической базе был утвержден в 1988 г., на нем был вторично издан ительменский букварь, а в 1993 г. – переиздан. Опубликованы также школьный ительменско-русский и русско-ительменский словарь и учебник 2-го класса. Вся эта литература издается на южном диалекте.

Лит.: Володин А. П. Ительменский язык. Л., 1976; Володин А. П., Жукова А. Н. Ительменский язык // Языки народов СССР. Т. 5, Л., 1968; Довин И. С. К проблеме этногенеза ительменов // Советская этнография. 1970. № 3; Гурвич И. С. Проблема происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980; История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки. Л., 1990; Народы Сибири. М.; Л., 1956; История и культура ительменов. Л., 1990; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Старкова Н. К. О происхождении термина **камчадалы** и самоназвании ительменов / Тр. Дальневосточного научного центра АН СССР. Сер. история Т. 8. Владивосток, 1971.

КАБАРДИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **кабардинцы**, ед. ч. **кабардинец, кабардинка**. Самоназвания: *адыгэ, къэбэрдей*. Старым самоназванием всех адыгских народов, в том

числе и кабардинцев, было *адыге* (см. **адыгейский язык**). По народному преданию, этноним *кабардинец* и название страны *Кабарда* восходят к имени князя адыгов Кабарды Тамбиева. Название *Кабарда*, вероятно, первоначально было обозначением феодальной территории, а не народа, так как соседи кабардинцев звали их *черкесле*, а местность их проживания — *Къабарты*. По мнению Л.И. Лаврова и др., в слове *къэбэрдей* имеется окончание *-ей* — показатель принадлежности.

На кабардинском языке говорят кабардинцы и бесленеевцы, проживающие в четырех аулах Карачаево-Черкессии.

Общие сведения. Кабардинский (кабардино-черкесский) язык входит вместе с адыгейским в адыгскую подгруппу абхазско-адыгской группы иберийско-кавказских языков. Кабардинский язык относится к языкам агглютинативного типа с элементами флективности и инкорпорации, имеет номинативную, эргативную и инверсивную конструкции предложения.

Выделяют пять диалектов: собств. кабардинский диалект (говоры Б. Кабарды — баксанский и малкинский и малокабардинский), моздокский, черкесский, бесленеевский и кубанский (диалект кабардинцев, проживающих в Адыгее.) В основу литературного языка легла преимущественно речь кабардинцев баксанского говора Б. Кабарды.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 390 814 кабардинцев, (98,8% всех кабардинцев б. СССР), из них 97,62% считают родным язык своей национальности, 2,23% — русский язык, 0,15% — др. языки. Основная часть кабардинцев проживает в Кабардино-Балкарской Республике (363 494 чел., или 93%) со столицей г. Нальчик; они

проживают также в Краснодарском и Ставропольском краях и Республике Северная Осетия — Алания, в Турции, Иордании, Сирии, переселившись туда еще в XIX в.

Общественные функции языка. В 1930-е гг. XX в. сфера применения кабардинского языка расширилась: он стал языком прессы, радио, театра, школы и вуза, художественной литературы, научного творчества, увеличилось количество книг и газет на родном языке кабардинцев.

В современную эпоху кабардинский язык, наряду с балкарским и русским, имеет статус государственного языка с широкими общественными функциями в Кабардино-Балкарской Республике. Черкесский диалект выполняет почти все функции литературного языка; его часто называют черкесским языком (см. **черкесский язык**).

Кабардинский язык изучается как предмет в школах и педагогических училищах, в Кабардино-Балкарском университете и Карачаево-Черкесском педагогическом институте, где он служит языком преподавания родного языка и литературы. На кабардинском языке ведутся радио- и телепередачи. В республиканских драматических театрах имеются кабардинская и черкесская труппы. На кабардинском языке издается художественная, общественно-политическая, научная литература, выходят газеты и журнал «Эльбрус».

Среди носителей языка широко распространено национально-русское двуязычие.

Письменность. В дореволюционное время русскими и кабардинскими учеными предпринимались неоднократные попытки создания алфавита: в 1829 г. И. Грацилевским — на русской графической основе, в 1832–1835 гг. первым кабардинским ученым и просветителем Шорой Ногмовым — сна-

чала на русской графической основе, затем на арабской, в 1865 г. другим просветителем Кази Атажукиным – на русской графике, а в 1890 г. Л.Г. Лопатинский составил новый кабардинский алфавит, на котором издавал свои лингвистические труды и публиковал кабардинский фольклор. Однако эти попытки создания полнокровной национальной письменности не увенчались успехом.

С начала 1920-х гг. в Кабарде и других регионах Северного Кавказа началось культурное и языковое строительство. Базой для развития младописьменного кабардинского литературного языка стал функционирующий традиционный устный язык. В 1923 г. был составлен новый кабардинский алфавит на основе латинского (взамен существовавших арабского и русского). Он использовался до 1936 г., затем письменность снова была переведена на русскую графическую основу.

Лит.: Абдоков А.И. Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Вып. 1. Нальчик, 1990; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX веков. М., 1993; Бгажноков Б.Х. Кабардинцы // Расы и народы. Вып. 11. М., 1981; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1–2. М., 1967; Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Сов. этнография, 1956; Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М., 1957; Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982; Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX века // Тр. Института этнографии. Т. 46, 1958.

КАЙТАГСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **кайтагцы**, ед. ч. **кайтагец**, **кайтачка**. Самоназвание:

хайдакъ. Этноним *хайдак/кайтаг*, фиксируемый арабскими авторами в IX–X вв., возможно, образован от названия государства Кайтаг, этимология которого неясна.

Общие сведения. Данные глоттохронологии свидетельствуют, что кайтагский язык обособился от даргинской группы языков еще в III в. до н.э., поэтому кайтагский (хайдакский) диалект даргинского языка дает основание для выделения его в качестве самостоятельного языка. Кайтагцы, не изучавшие даргинский язык в школе, почти не понимают его. По форме выражения подлежащего в хайдакском представлены номинативная, эргативная и дативная конструкции предложения. Ударение в хайдакском ясно выраженное, динамичное, подвижное, разноместное, выполняет смыслоразличительную функцию. Ударным может быть любой слог.

Кайтагский язык подразделяется на верхне-кайтагский (с. Кирки, Варсит, Шиляги) и нижне-кайтагский (с. Санчи, Джавгат и др.) говоры. К кайтагцам причисляются также носители ицаринского диалекта.

Официальной статистики о численности кайтагцев нет, так как с 1939 г. во всех переписях кайтагцы включены в состав даргинцев. По переписи 1926 г., на хайдакском говорило 14 424 чел., по сведениям Государственной плановой комиссии при СНК ДАССР на 1 января 1938 г. – 17,2 тыс. По некоторым оценкам, ныне насчитывается около 20 тыс. кайтагцев. Они живут в 36 селениях, главным образом, в Кайтагском р-не Дагестана, а также в южной части Дахадаевского р-на (с. Ицари).

Общественные функции языка. До настоящего времени кайтагский язык функционирует как разговорно-бытовой. Даргинский и русский языки используются в качестве средства обуче-

ния, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения. Хотя в начальной школе обучение ведется на даргинском языке, учителя для достижения понимания вынуждены прибегать к родной кайтагской речи учащихся. Районная газета «Труженик Кайтага» издается на даргинском и русском языках. Для кайтагцев характерно двуязычие и трехязычие, знание кумыкского языка.

Письменность. «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго» XVII в. один из наиболее ранних памятников даргинского языка, был составлен на хайдакско-муйринском языке.

Лит.: Алимова Б. М. Кайтагцы. Махачкала, 1998; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Шиллинг Е. М. Кайтаги // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

КАЛМЫЦКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. калмыки, ед. ч. калмык, калмычка. Самоназвание: *хальмг*. В составе калмыков выделяется субэтническая группа – донские калмыки (бузавы).

По одной из версий этноним «калмык» происходит от общетюркского слова *калмак* «отделившиеся», по другой – термин «калмык» восходит к исконно ойратскому слову *халимаг* (совр. калм. *хальмг*), ср. семантику глагольного корня *холи-* «выступать через край, выходить за пределы чего-л.», что подтверждается фактами внешней истории калмыков.

Общие сведения. Калмыцкий язык относится к западной (ойратской) группе монгольских языков и входит в семью алтайских языков. Он относится к языкам агглютинативного типа. Калмыцкий язык подразделяется на два говора: дербетский и торгутский.

В 1989 г., по данным Всесоюзной переписи населения, численность калмыков составляла 173 821 чел., в РФ –

165 821 чел. (95,4% всех калмыков б. СССР), из них 93,08% считают родным языком своей национальности, 6,85% – русский язык, 0,07% – др. языки. Основная часть калмыков проживает в Республике Калмыкия (Хальмг Тангч) со столицей г. Элиста. За пределами республики калмыки живут в Сибири, в Астраханской, Волгоградской, Ростовской, Оренбургской обл. и Ставропольском крае РФ, а также в Киргизии, Казахстане, в Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный р-н), около 2 тыс. чел. в США (в штатах Нью-Джерси и Филадельфия), во Франции (около 1 тыс.), Швейцарии, Германии Франции и др. странах Европы.

Общественные функции языка. К началу XX в. калмыки в основной своей массе оставались неграмотными, хотя письменная литературная традиция калмыков имеет длительную историю. На старокалмыцкий письменный язык осуществлялись переводы с санскрита, тибетского, монгольского и китайского языков произведения религиозно-буддийского и светского содержания (исторические сочинения, путевые заметки, календари), на нем печатались буквари, хрестоматии, небольшие словари и учебники. Литературный калмыцкий язык использовался в официальной переписке, делопроизводстве и т.д. С 1840-х гг. вводится преподавание калмыцкого языка в Казанском университете, Казанской духовной академии, а затем и в Петербургском университете.

Русский и калмыцкий языки изучались в ламаистских монастырях и православных церковно-приходских школах. Калмыки получали начальное образование в местных народных (улусных) школах. Среднее и высшее образование имели очень немногие.

В 20-е гг. расширяется сфера применения калмыцкого языка: было вве-

дено всеобщее начальное образование, создаются школьные учебники и пособия для детей и взрослых, в 1921 г. открывается первый в Калмыкии педагогический техникум для подготовки учителей родного языка, в 1929 г. создается кафедра калмыковедения при Саратовском университете, а в 1941 г. — Калмыцкий научно-исследовательский институт.

С 1943 по 1957 г. калмыки лишились возможности развития национальной культуры и общественных функций родного языка, так как они были депортированы в Сибирь.

Со второй половины 60-х гг. начинается новый этап развития общественных функций калмыцкого языка. В современную эпоху он используется не только в сфере семьи, в своей национальной среде, но и в сфере массовой коммуникации, театра, художественной литературы и фольклора. Частично калмыцкий язык реализует общественные функции в сфере образования, науки и в деятельности части государственных учреждений (суд, загс, органы управления).

С 1986 г. калмыцкий язык учат в детских садах, в школах открыты классы с обучением на родном языке. Организованы систематические занятия по калмыцкому языку на местном радио и телевидении.

Русский язык имеет статус второго государственного языка. Он используется как средство получения образования и межнационального общения, так как в Калмыкии проживают представители более 90 национальностей: русские составляют 37,7% населения республики, даргинцы (ок. 13 тыс.), чеченцы (св. 8 тыс.), казахи (св. 6 тыс.) и немцы (5,5 тыс.). В школах Каспийского и Юстинского районов ведется обучение казахскому языку, в школах Яшалтинского и Городовиковского районов — немецкому.

Хотя более 90% калмыков родным языком считают калмыцкий, общаются они, независимо от возраста, практически во всех сферах жизни на русском языке, т.е. по объему выполняемых функций русский язык намного превосходит калмыцкий язык.

Письменность. До середины XVII в. калмыки пользовались уйгуро-монгольским письмом. Собственная письменность была создана в 1648 г. калмыцким просветителем и ученым Зая-Пандитом на основе общемонгольского письма, которым калмыки пользовались до 1924 г. В 1924 г. был введен кириллический алфавит, а в 1930 г. он был переведен на латинский. Спустя восемь лет вновь была введена кириллица. Современный калмыцкий алфавит, учитывающий специфические звуки калмыцкого языка, состоит из 39 букв. Литературный калмыцкий язык создавался на основе живых говоров. Сначала он был ориентирован на торгутский говор, но затем его диалектная база была расширена: стали учитывать и торгутский, и дербетский говоры.

Лит.: Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — первая четверть XVIII в.). 2-е изд. М.; Элиста, 1994; Дарбакова В. П. К этимологии этнонима **калмык** // Этнонимы. М., 1970; Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922; Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984; Цыденжапов Ш. Р. К проблеме изучения одного этнонима // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М., 1980; Эрдинов У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. 3-е изд. Элиста, 1985.

КАМЧАДАЛЬСКИЙ ЯЗЫК. Устар. См. **ительменский язык**.

КАРАТИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн.ч. **каратинцы**, ед. ч. **каратинец, каратинка**. Самоназвание

каратинцы происходит от названия села Карата — центра Ахвахского района и означает «жители с. Карата».

Общие сведения. Каратинский (каратайский) язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанских языков (севернокавказская языковая семья). Наиболее близок к ахвахскому языку.

Официальной статистики численности каратинцев нет, так как в переписях они фиксировались как аварцы. По переписи 1926 г., на каратинском языке говорили 5391 чел. По некоторым оценкам, в настоящее время численность каратинцев составляет 6400 чел.

В составе каратинского языка различают тукитинский (сел. Тукита) и собств. каратинский (все остальные селения) диалекты, включающие в свой состав каратинский, арчойский, рачабалдинский, рацитльский, чабакоройский, нижнеинхелойский, маштадинский, анчикский и др. говоры. Кататинцы живут в Ахвахском (села Карата, Анчик, Арчо, В. Инхело (Чабакоро), Маштада, Рацитль, Рачабалда и Тукита) и в Ботлихском (с. Н. Инхело) районах Дагестана, а также в с. Сиух Хасавюртовского р-на.

Общественные функции языка. Каратинский язык является бесписьменным, используется как средство общения в быту, в семье, между односельчанами и т.п. Для каратинцев характерно двуязычие и многоязычие. Аварский и русский языки являются средством получения образования, межнационального общения и делопроизводства.

Лит.: Алексеев М. Е. Каратинский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. 2-е изд. М., 1993; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Лугуев С. А., Магомедов Д. М. Каратинцы // Народы России: Энциклопедия.

М., 1994; Магомедбекова З. М. Каратинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Хабичев М. А. Из тайников карачаевских этнонимов / Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980; Шиллинг Е. М. Каратины // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **карачаевцы**, ед. ч. **карачаевец, карачаевка**. Родной язык двух народов — карачаевцев (*к̆ъарачайлы*) и балкарцев (*малк̆ъарлы, таулу*) (см. **балкарский язык**). Самоназвание *к̆ъарачайлы* (русс. *карачаевец*) связано с наименованием области Карачай, происхождение онима не выяснено: одни возводят к тюрк. *кара* «черный» + *чай* «вода, река», другие — к имени легендарного родоначальника карачаевцев — Карчи, третьи связывают этнонимы карачаевцев и черных болгар (Е. П. Алексеева).

Общие сведения. Карачаево-балкарский язык относится к кыпчакской (или северо-западной) группе тюркской семьи языков. Он представляет собой агглютинативный тип языка и обладает соответствующими морфологическими и фонетическими признаками, а подлежащее всегда находится в препозиции к сказуемому. Ударение — силовое, падает, как правило, на последний слог слова.

В нем два диалекта, различающиеся главным образом в фонетике и лексике: цокающий и чокающий.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 150 332 карачаевца (96,4% всех карачаевцев б. СССР), из них 97,74% считают родным язык своей национальности, 2,1% — русский язык, 0,16% — др. языки. Карачаевцы проживают в Карачаево-Черкесской Республике (129 449 чел., или 83%) с центром г. Черкесск, а также в Ставропольском

крае и др. областях РФ. Небольшие поселения карачаевцев имеются в Киргизии, Казахстане и др. государствах Средней Азии, они живут также в Турции (ок. 30 тыс. чел.), Сирии, Иордании, США и некоторых странах Европы.

Общественные функции языка. Карачаево-балкарский язык является одним из государственных языков в Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках. В 20–30-е гг. общественные функции карачаево-балкарского языка, национальная культура начали интенсивно развиваться: в Северо-Кавказском краевом издательстве стала выпускаться литература на родном и русском языках, открылся педтехникум (1923 г.), а затем Черкесский государственный институт (1938 г.), Карачаевский педагогический институт (1940 г.), Карачаевский научно-исследовательский институт языка и письменности (1935 г.), начинает работать национальный театр, издаются на родном языке газеты. Почти в 100 общеобразовательных школах обучение шло на родном языке, а русский язык изучался как учебная дисциплина.

В результате депортации карачаевцев и балкарцев процесс развития национального языка и культуры прервался, а возобновился лишь в 90-х гг. XX в. В настоящее время балкарский и карачаевский варианты литературного языка изучаются во всех классах, восстановлено обучение на родном языке в 1–4 классах, на карачаево-балкарском языке издается художественная литература, газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи.

Русский язык также является государственным языком и обладает широкими общественными функциями: он используется во всех социально значимых сферах жизни карачаевского и

балкарского народов. Свободно владеют русским языком 78,6% балкарцев и 79,2% карачаевцев.

Письменность. Первый письменный памятник на карачаево-балкарском языке (на аджаме) относится к 1715 г. До 1926 г. вся письменная художественная и иная литература существовала на арабской графике. Первый учебник карачаево-балкарского языка был издан в 1916 г. И. Акбаевым. В 1926 г. письменность была переведена на латинский алфавит, а с 1938 г. карачаевцы и балкарцы пользуются кириллическим алфавитом.

Лит.: Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. 2-е изд. М., 1993; Алиев У. Б. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 3. Баку, 1963; Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX веков. М., 1993; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978; Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв.: Важнейшие этногенетические аспекты. Нальчик, 1991; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Очерки истории Карачаево-Черкессии. Т. 1. Ставрополь, 1967; Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983; Хабичев М. А. Карачаево-балкарский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Хабичев М. А. Из тайников карачаевских этнонимов // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

КАРАЧАЕВСКИЙ ЯЗЫК. См. карачаево-балкарский язык.

КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. карелы, ед. ч. карел, карелка. Самоназвания: *карьяла*, *карьялайне* – элемент *-la* указывает на

селение, в котором живет определенный человек или его род. Основой названия *karjala* служит слово *karja* в значении «скот» (ср. производные финские *akarjakkko*, *karjalainen* «скотник, пастух»), а также «стадо, множество, свора», отсюда метонимический перенос к значению «толпа людей».

Общие сведения. Карельский язык относится к северной прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи языков (шире – уральской семьи языков). Он близок с вепским, ижорским и финским языками, имеет несколько более отдаленное родство с эстонским, водским и ливским языками. По типологическим свойствам карельский язык является агглютинативным, хотя определенную роль играют и флексии, аналитические способы выражения грамматических значений. В исконных словах ударение падает на первый слог, второстепенное ударение – на нечетные слоги, но не на последний.

Субэтнические группы карел определяют и наличие диалектов карельского языка: собственно карельский (северная и средняя части Карелии, Мурманская, Тверская, Новгородская и Ленинградская обл.), ливвиковский (северо-восточная часть Приладожья) и людиковский (вдоль западного побережья Онежского озера). Тверские и новгородские говоры во многом совпадают с южными говорами собственно карельского диалекта.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., карел насчитывалось 130 929 чел., в РФ проживает 124 921 чел. (95,4% всех карел б. СССР), из них 48,59% считают родным язык своей национальности, 51,16% – русский язык, 0,25% – др. языки. В Республике Карелия со столицей г. Петрозаводск карелы составляют 56,4%. Карелы проживают также в Тверской, Ленин-

градской, Новгородской, Мурманской, Архангельской, Московской, Кемеровской и др. обл.). За пределами РФ проживает ок. 6,5 тыс. (Украина – 2217, Белоруссия – 918, Казахстан – 753, Узбекистан – 530, в трех прибалтийских республиках ок. 1,5 тыс. чел.). В Финляндии и Швеции они считаются особой этнической группой финнов, а карельский язык рассматривается как диалект финского языка.

Общественные функции языка. С образованием карельской государственности в 1921–1937 гг. в школах велось преподавание на финском и русском языках. У тверских карел обучение на карельском языке велось с 1931 по 1939 г. Начиная с 1940 и по 1957 г. языками обучения в школах Карелии были русский и финский.

Существует богатое устно-поэтическое творчество карел: на карельском языке сложены руны, эпос «Калевала», изданный на финском языке, бытуют лирические обрядовые песни, причитания, заклинания, сказки и др.

Карельский язык функционирует как средство устного общения в основном среди сельского населения и не имеет закрепленного статуса: он обслуживает сферы хозяйственной деятельности, быта и устного народного творчества. В сферах же общественно-политической, обучения, массовой информации и т.д. функционирует русский язык. В основном все карелы владеют национально-русским двуязычием. В последнее время наметилась тенденция к расширению сфер функционирования карельского языка: появились писатели, пишущие на родном языке, на карельском языке издается газета «Ома муа» («Родина»), ведутся радио- и телепередачи, создан национальный театр.

Письменность. Письменность на карельском языке хотя и существовала

на кириллической азбуке, но была слабо развитой: об этом свидетельствуют Новгородская берестяная грамота XIII в., переводы Священного Писания, русско-карельские словарные записи XVII–XVIII вв., «Десять людиковских заговоров» начала XVIII в. В 1937 г. была предпринята попытка создания карельской письменности и единого литературного языка: был разработан алфавит на кириллической графической основе, написана «Грамматика карельского языка», издан ряд школьных учебников и около 200 наименований переводной литературы. Однако в конце 30-х гг. процесс развития национальной культуры и языка был приостановлен.

В 1987 г. создан и утвержден алфавит на латинской графике; на основе карельского и ливвиковского диалектов разработаны два письменных варианта литературного языка, на которых изданы буквари, книги для чтения и школьные словари, в ряде школ республики ведется обучение карельскому языку.

Лит.: Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983; Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джексон Т. Н. Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976.

КЕРЕКСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **кереки**, ед. ч. **керек** (устар. **чухмарь**), **керечка**. Самоназвания: *анкалакку*, *каракыкку*. Первое связано с этнонимом *коряк* «оленный», второе имеет значение «приморские люди».

Общие сведения. Керекский язык относится к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской группы палео-

азиатской семьи языков. Морфологический тип керекского языка характеризуется агглютинацией. В синтаксисе отмечается наличие номинативного и эргативного типов конструкций предложения.

Выделяются два диалекта керекского языка: мэйныпильгынский (майныкильгинский) и хатырский.

Кереки — исчезающая малочисленная народность, живущая в Беринговом р-не Чукотского автономного округа России, по Чукотскому побережью Берингова моря, от Анадырского лимана до устья реки Опука. О численности кереков существуют противоречивые сведения, так как их не считали самостоятельной народностью: их не отделяли от приморских (оседлых) чукчей. В 1901 г. В. Г. Богораз определял численность кереков в 644 чел.; перепись 1926–1927 гг. сообщает цифру 315 чел. По данным П. Я. Скорика, в 60–80-е гг. кереков было более 100 чел. А. С. Асиновский и А. П. Володин (1991 г.) отмечают, что на керекском языке говорило всего три человека: Екатерина Хаткана, Николай Етынкэу и Иван Увагыргын.

Общественные функции языка. Керекский язык никогда не имел официального статуса, он был языком общения в семье и в традиционной хозяйственной деятельности (рыболовство, морской зверобойный промысел, охота на птиц).

Языком получения образования у кереков были чукотский и русский языки. Кереки трехязычны: они владеют родным, русским, чукотским языками, причем чукотским заметно лучше, чем русским. В качестве языка межнационального общения кереки издавна используют чукотский язык. Естественно, все эти обстоятельства способствовали утрате кереками родного языка.

Письменность на керекском языке не существовала.

Лит.: Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971; Асиновский А. С., Володин А. П. Очерки по керекскому языку (1991, рукопись); Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973; История и культура коряков. СПб., 1993; Леонтьев В. В. По земле древних кереков: Записки этнографа. Магадан, 1976; Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков. М., 1983; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Скорик П. Я. Керекский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968; Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки // Советский Север. Л., 1939. № 3.

КÉТСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. **кеты**, ед. ч. **кет**, **кетка**. Самоназвания: *кет* (мн. ч. *денг*), *остык*, *югын* (русск. устар. *остяки*, *енисейские остяки*, *енисейцы*; *селькуп*, *ко-нак*). Слово *кет*, закрепленное в русском языке в 20-е гг. XX в., означает «человек», «мужчина» (*денг* «люди», «народ»). Старый этноним *остык* еще сохраняется в качестве самоназвания у старшего поколения кетов. Сохранились две этнические группы кетов: северная (имбатская) и южная (сымская). Сымские кеты носят также название *юги*.

Общие сведения. Кетский (устар. енисейско-остяцкий) и югский языки составляют близкородственную подгруппу в составе енисейской группы палеоазиатской семьи языков. Морфологический строй кетского языка считается необычным, уникальным, так как в нем отмечается префиксальное построение глагольных форм с элементами языков полисинтетического типа.

Традиционно в кетском языке выделяют два диалекта: имбатский и

сымский, однако некоторые исследователи считают сымский диалект особым енисейским (югским) языком, потому что носители разных диалектов с трудом понимают друг друга.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность кетов составляла 1113 чел., в РФ проживают 1084 чел. (97,39% всех кетов б. СССР), из них 48,8% считают родным язык своей национальности, 49,45% – русский язык, 1,75% – др. языки.

Кеты проживают в Туруханском р-не Красноярского края (поселки Келлог, Сургутиха, Верещагине, Бакланиха, Горошиха, Мадуйка, Фарково, Серково, Верхнеимбатск, Сым, Бахта, Кангатова) и в пос. Суломай Эвенкийского автономного округа, а также в Красноселькупском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Часть кетов живет в городах (Туруханск, Игарка, Красноярск и др.).

Общественные функции языка. Кетский язык служит средством общения в быту, в официальной обстановке кеты общаются на русском языке. Обучение родному языку осуществляется в нескольких школах по экспериментальным учебникам, составленным на материале южного диалекта, на котором в настоящее время говорит абсолютное большинство кетского населения. Предпринимаются также попытки ввести обучение родному языку в детских садах. Тем не менее изучение кетского языка как родного в школе и детских садах не получает поддержки со стороны родителей, так как даже во внутрисемейном общении кеты-родители в возрасте от 40 до 60 лет предпочитают говорить по-русски, а родной язык используют только те, кому 70 и более лет. В 1998/99 учебном году кетский язык преподавался только в школах поселков Бор, Келлог и Суломай.

Письменность. Кетский язык является фактически младописьменным, так как письменность появилась в конце 80-х гг. XX в., хотя в 1930-х гг. был разработан кетский алфавит на основе латиницы, составлен букварь. В 1988 г. утвержден новый кетский алфавит, разработанный на основе кириллицы.

Лит.: Алексеенко Е. А. Кетская проблема // Этногенез народов Севера. М., 1980; Он же. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967; Он же. Кеты // Этническая история народов Севера. М., 1982; Долгих Б. О. Кеты. Иркутск; М., 1934; Дульзон А. П. Былое расселение кетов по данным топонимики // Географические названия. М., 1962; Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982; Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М., 1969; Народы Сибири. М.; Л., 1956.

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. коми-зыряне, ед. ч. коми-зырянин, коми-зырянка. Самоназвания: *коми-зыряне, зыряне, коми-войтыр, коми-морт, изьва-тас, коми-йоз*. Самоназвание *коми* является общим для коми-зырян и коми-пермяков и имеет значение «человек», «мужчина» (ср. удм. *выжы кум* «родственник», «член одного рода, корня», манс. *хум* «человек», «мужчина», селькуп. *кум* «человек», венг. *hit* «самец»). Древнее наименование *пермь* связано с топонимом *Пермь*, которым сначала называли Северодвинский край, затем все нерусское население этой территории. В последствии название *пермь* закрепилось за предками коми. Современное название *зыряне* связано с фин. *surja* «край» и является близким по значению к этнониму *пермь* (из *perataa* «задняя, отдаленная земля»). Основные современные этнографические группы коми-зырян — ижемцы, удорцы, печорцы, вымичи, вычегодцы, сысолыцы, лузцы.

Общие сведения. Коми-зырянский язык относится к финно-пермской группе финно-угорской семьи языков (шире — уральской семьи языков). Он родственен коми-пермяцкому. Морфологический тип коми-зырянского языка можно определить как агглютинативный, для образования грамматических форм широко используется суффиксация. Новые слова образуются при помощи суффиксов, словосложения, морфолого-синтаксическим способом. В синтаксисе коми языка сочетаются синтетический и аналитический способы выражения грамматических значений.

В коми-зырянском языке десять диалектов: присытывкарский (села и деревни вокруг г. Сыктывкара); нижневычегодский, среднесыольский, лузско-летский, верхнесыольский, верхневычегодский, печорский, ижемский, вымский и др.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., общая численность коми-зырян 345 тыс. чел. В России проживают 336 309 чел. коми-зырян (97,6% всех коми-зырян б. СССР), из них 71,03% считают родным язык своей национальности, 28,88% — русский язык, 0,09% — др. языки. Основная часть коми-зырян проживает в Республике Коми (291 542 чел., или 84,6%) со столицей г. Сыктывкар, а также в Архангельской, Мурманской, Тюменской, Омской областях, в Ямало-Ненецком, Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах России.

Общественные функции языка. Коми-зырянский и русский языки имеют статус государственного языка. Литературную форму коми-зырянского языка используют в основном среди интеллигенции; на нем ведутся передачи по радио и телевидению, ставятся пьесы в театрах и клубах, издается художественная литература, отдельные

научные труды. Однако он практически не используется в сфере государственного управления, делопроизводства (хотя еще в 20-е гг. был выработан даже перечень терминов этой сферы), бытового обслуживания, торговле. Развитию общественных функций коми-зырянского языка способствовали издание газет, учебников и учебных пособий, значительного количества произведений художественной литературы, переводы произведений политической и художественной литературы. С 1970-х гг. он преподается как учебный предмет в сельских школах, в педагогических училищах и на отделениях коми языка в вузах. Коми-зыряне владеют двумя или тремя языками: на Кольском п-ове говорят на русском и саамском, а в автономных округах владеют также ненецким, хантыйским или мансийским языками.

Письменность. В XIV в. миссионер Стефан Пермский (Степан Храп) создал древнепермскую азбуку на основе греческого и кириллического алфавитов. Он переводил церковные книги, заложив тем самым основы литературного языка на базе нижневычегодского диалекта. Первые попытки установления нормирования коми-зырянского языка относятся к периоду существования древней письменности на языке коми в XIV–XVII вв. В XVII в. древняя грамота была вытеснена русской азбукой. С XVII в. до 1917 г. были изданы на русской графике отдельные словари, переводные произведения, азбуки, грамматики и т.д. Современный литературный язык базируется на присыктывкарском диалекте (с 1918 г.), а графика основана на базе кириллического алфавита.

Лит.: Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). М., 1958; Жеребцов Л. Н. Формирование этнографических групп коми

(зырян) // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М., 1982; Коми-зыряне: Историко-этнографический справочник. Сыктывкар, 1993; Кошков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991; Лыткин В. И. Этноним коми и гидроним Кама // Этнография имен. М., 1971; Матвеев А. К. Еще об этимологии этнонима **зырянин** // Этимологические исследования. Свердловск, 1984; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Савельева Э. А. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971; Турком А. И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин; 1985; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **коми-пермяки**, ед. ч. **коми-пермяк, коми-пермячка**. Самоназвания: *коми, пермяк*. Название *коми-пермяки* является относительно поздним. С XVI–XVII вв. название *пермь* (пермяк, пермитин) закрепилось за той частью народа, которая жила на территории Перми Великой, так как русские стали различать зырян и ответвление народа коми. Основные этнографические группы коми-пермяков: язьвинцы, зюздинцы, иньвенские, кочевские, гайнские коми-пермяки.

Общие сведения. Коми-пермяцкий (устар. пермяцкий) язык относится к пермской ветви финно-угорской семьи языков (шире – уральской семьи языков). Коми-пермяцкий язык является близкородственным коми-зырянскому языку. Коми-пермяцкий язык является агглютинативным с выраженными чертами флективности, наличием аффиксов, не отличающихся по функции от окончаний во флективных языках. В нем много послелогов. Сло-

ва образуются при помощи суффиксов, словосложением, морфолого-синтаксическим способом. Ударение в каждом слове занимает определенное место и может использоваться для различения смысла, грамматических категорий.

В коми-пермяцком языке четыре наречия: 1) южное наречие (кудымкарско-иньвенский, нердвинский, нижнеиньвенский, оньковский диалекты); 2) северное наречие (кочевский, косинско-камский, мысовский и верх-лупьинский диалекты); 3) верхнекамское наречие; 4) коми-язьвинское наречие.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность всех пермяков 152 060 чел., в РФ проживают 147 269 коми-пермяков (96,8% всех коми-пермяков б. СССР), из них 71,11% считают родным язык своей национальности, 28,71% – русский язык, 0,18% – др. языки. Коми-пермяки проживают в основном в Коми-Пермяцком автономном округе со столицей г. Кудымкар в составе Пермской обл. (95 415 чел., или 62,7%), а также в Красновишерском р-не Пермской обл. (язьвинцы), в Афанасьевском р-не Кировской обл. (зюздинцы), в Новосибирской обл. и Алтайском крае, в Свердловской и Ростовской обл., в Сибири.

Общественные функции языка. Коми-пермяцкий язык хоть и не имеет статуса государственного языка, но функционирует в общественно-производственной и культурной жизни народа наряду с русским языком: это язык художественной, переводной, политической литературы, периодической печати и радио, культурно-просветительных учреждений и театра. На нем ведется обучение в начальной школе, как предмет он преподается в сельских школах и на коми-пермяцком отделении Пермского педагогичес-

кого университета. Расширению его общественных функций способствовало издание на родном языке учебников и учебных пособий, газет (до 1960-х гг.), двух журналов, переводов на национальный язык произведений политической и художественной литературы. Все это содействовало и обогащению словарного фонда. В настоящее время активизируется интерес к родному языку и культуре. Созданы Комитет возрождения коми и общество «Югэр».

Русский язык является основным средством обучения. Высок уровень национально-русского двуязычия: из 131 тыс. пермяков, проживающих в Коми-Пермяцком автономном округе, его считают родным 79%, свободно владеют русским 91,4%.

Литературный язык сложился в советскую эпоху в основном на базе кудымкарско-иньвенского диалекта.

Письменность. В 1920-е гг. была создана письменность, затем в 1937 г. она была переведена на латинскую графику, а в 1938 г. был принят алфавит на основе кириллицы, который функционирует и в настоящее время.

Лит.: Шабаяев Ю. П. Коми-пермяцкая диаспора. Сыктывкар, 1994; Языки мира: Уральские языки. М., 1993. См. также «Коми-зырянский язык».

КОМИ ЯЗЫК. См. коми-зырянский язык, коми-пермяцкий язык.

КОРЯКСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *коряки*, ед. ч. *коряк*, *корячка*. Самоназвания: *чавчыв*, *нымылан* и др. Территориальные самоназвания коряков отражают связь с исконными видами их хозяйственной деятельности: *чавчыв* – «коряк-оленеvod, кочевник»; *нымылгын* – «оседлый коряк, охотник на морского зверя и рыболов»; *рэмку чавчыв* «кочующий житель». Этноним *коряк* восходит к корякскому слову *кор* «олень» + суфф.

-ак, т.е. коряки — это «оленные», «при оленях».

Общие сведения. Корякский язык (устар. нымыланский) относится к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской семьи языков (шире — палеоазиатской семьи языков). Названия «коряцкий язык», «нымыланский язык» употреблялись до 1940 г. Ближайшие родственники коряков по языку и культуре — чукчи. Корякский язык относится к агглютинативному типу, широко используется суффиксация и префиксация, а инкорпорация представляет собой один из видов синтаксической связи слов в предложении. Ударение подвижное, чаще падает на предпоследний слог.

Диалекты коряцкого языка: чавчувенский, апукинский, каменский, паренский и итканский. Ранее в составе коряцких диалектов рассматривали также алюторский и керекский языки; в настоящее время многие исследователи считают их отдельными языками чукотско-корякской ветви.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживает 8942 коряка (96,8% всех коряков б. СССР), из них 52,39% считают родным язык своей национальности, 46,78% — русский язык, 0,83% — др. языки. Основная часть коряков проживает в Корякском автономном округе (6572 чел., или 71,1%), центр — поселок городского типа Палана, а также в Северо-Эвенском районе Магаданской обл., более 300 коряков живут в Узбекистане, Казахстане, Украине.

Общественные функции языка. Корякский язык является средством общения в семье между представителями среднего и старшего поколений, в традиционной для коряков производственной сфере — в оленеводческих и рыболовецких бригадах, пошивочных мастерских и т.п. Среднее и младшее поколения пользуются как родным,

так и русским языком. В XVIII—XIX вв. он использовался в качестве средства общения с ительменами, многие эвены знают и используют корякский язык. Корякский язык функционирует в диалектных формах преимущественно в быту. Представители разных диалектов (чавчувенского, апукинского, каменского, паренского, итканского) предпочитают общаться на русском языке. В смешанных семьях говорят на русском.

В дореволюционный период обучение коряков велось в церковно-приходских школах. Впервые на корякском языке начали обучать в 1927 г. В 50-е гг. по просьбе родителей обучение стали вести на русском языке. В современную эпоху корякский язык изучается в дошкольных учреждениях, преподается как специальная дисциплина в начальной школе, в старших классах средней школы — в качестве факультатива, а в Паланском педагогическом училище, в Институте народов Севера Российского госпедуниверситета — как особый предмет.

С введением письменности на корякском языке в 30-е гг. расширилась сфера применения коряцкого языка: на нем стали издавать буквари, другие учебные пособия (более 35 названий), а также оригинальную художественную, переводную, публицистическую литературу (более 40 названий), однако из-за малочисленности коряков такая издательская деятельность не получила заметного развития. Корякский язык используется в местных газетах, радиопередачах (ок. 3 ч. в неделю), в повествовательных жанрах фольклора, а в самодеятельности он функционирует наряду с русским. В настоящее время для коряков характерно развитое национально-русское двуязычие и многоязычие.

Письменность. Письменность на латинской основе для коряцкого языка

ка была создана в начале 30-х гг. XX в., а в 1937 г. латинский алфавит был заменен кириллицей и в 50-е гг. — усовершенствован. Первый букварь издан в 1932 г. В основу письменности положен чавчувенский диалект, на котором говорят коряки-оленеводы во всех четырех районах округа.

Лит.: Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971; Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971; Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973; Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Гурвич И. С., Кузиков К. Г. Корякский национальный округ: Очерки географии, истории, этнографии, экономики. М., 1960.

КУБАЧИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **кубачинцы**, ед. ч. **кубачинец, кубачинка**. Самоназвания: *урбуган, угбуган, угбуганти* (мн. ч.). Этноним *кубачинцы* образован от названия с. Кубачи, а *урбуган* от кубачинского названия того же села Урбуг. Слово *кубачи* восходит к тюркскому со значением «кольчужник» (аналогично буквальному переводу с персидского языка указанного названия с тем же значением: Зирехгеран), так как кубачинцы с древности славятся изготовлением изделий и оружия из металла.

Общие сведения. Кубачинский (урбукский) язык относится к даргинской подгруппе лакско-даргинской группы нахско-дагестанской семьи языков (севернокавказская языковая семья). Языку кубачинцев некоторые исследователи отводят роль одного из диалектов даргинского языка, однако кубачинский язык значительно отличается от даргинского литературного языка и окружающих диалектов, так как даргинцы села Кубачи общаются с местными жителями по-русски или говорят на кубачинском языке. Агглютина-

тивная в целом морфология кубачинского языка отличается многопадежностью имени, часто используются послелоги. Предложения состоят из абсолютных, эргативных и дативных конструкций.

По переписи населения 1926 г., кубачинцы насчитывали приблизительно 2,5 тыс. чел. Современной официальной статистики о численности кубачинцев нет, так как в последующих переписях их относили к даргинцам. По некоторым оценкам, их число в настоящее время составляет около 5 тыс. чел. Довольно значительная часть кубачинцев (более 3 тыс. чел.) проживает в городах Дагестана — Дербенте, Махачкале, Каспийске; в Азербайджане, Средней Азии.

Общественные функции языка. Кубачинский язык не имеет письменности и функционирует как разговорно-бытовой. Русский язык является для кубачинцев языком обучения, делопроизводства, массовой коммуникации и межнационального общения. До 1960 г. в начальной и средней школе и после 1990 г. — во всех классах (исключая 9–11) даргинский литературный язык изучался как предмет. Для кубачинцев характерно дву- и многоязычие: они владеют в большей степени русским и в меньшей степени даргинским языками. Некоторые кубачинцы используют русский язык даже в частной переписке (в этой функции иногда используют и кубачинский с использованием кириллицы).

Лит.: Алексеев М. Е., Перехвальская Е. В. Кубачинцы и кубачинский (урбукский) язык // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М., 2000; Магомедов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Шиллинг Е. М. Кубачинцы // Шиллинг Е. М. Малые народы Дагестана. М., 1993.

КУМАНДИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: множ. ч. **кумандинцы**, ед. ч. **кумандинец, кумандинка**. Кумандинцев относят к субэтнической группе алтайцев. Самоназвания: *куманды/куванды/куванты/кувандыг/кувандых/кувандык*. Единой версии происхождения этнонима *куманды* «кумандинец» нет. По одной из версий, *куманды* является тюркским производным от *куу* «лебедь» + *ман* (ср. *куман* название половец) + суффикс *-ды* «лебединец». По другой версии, *куман* соотносят с *кум-ман* «песчаный», «желтый» (цветовой признак «светлый», «бледный», «рыжий» отмечается во многих тюркских этнонимах). В кумандинском фольклоре объясняют происхождение народа от человека по имени Куманда, который проживал в верховьях р. Бия.

Общие сведения. Кумандинский язык относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы тюркской семьи языков. Некоторые исследователи считают его диалектом алтайского языка. Хотя язык кумандинцев по ряду фонетических и грамматических особенностей сближается с шорским языком и отчасти с хакасским, однако он сохранил много специфических черт, отличающих его от др. языков, включая диалекты алтайского языка. Он имеет специфические черты даже в составе тюркских языков.

Точных сведений о численности кумандинцев нет, так как в переписи 1989 г. они не выделялись в качестве самостоятельного этноса. В 1897 г. их было 4092 чел., по переписи 1926 г. – 6334 чел. В Едином перечне коренных малочисленных народов России на 1999 г. кумандинцев насчитывается 700 чел. По мнению самих носителей, их число доходит до 2000 чел. По некоторым оценкам, в настоящее время кумандинцев насчитывают около 7 тыс.

чел. О соотношении говорящих на родном и русском языках неизвестно. Об этом можно судить косвенно: по степени владения алтайским и русским языками, так как кумандинцев учитывали в составе алтайцев. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., алтайский язык назвали родным 85,1% алтайцев, а русский – 14,8%.

Кумандинцы проживают в Красногорском, Солтонском, Кытмановском, Целинном р-нах Алтайского края, в Турочакском, Майминском и Чойском р-нах Республики Алтай, в городах Бийск, Таштагол, Горно-Алтайск и др.

Общественные функции языка. Кумандинский язык функционирует как семейно-бытовой язык, им пользуются в основном представители среднего и старшего поколения, так как молодежь предпочитает говорить по-русски. Практически все кумандинцы владеют русским языком, для некоторых из них он является родным.

В начале 30-х гг. XX в. была предпринята попытка обучения кумандинцев на родном языке. В 1933 г. даже был издан учебник – «Куманды-букварь», но дальнейшее развитие общественных функций кумандинского языка было приостановлено.

Основным языком обучения остается русский язык. Алтайский литературный язык преподается в качестве учебного предмета. Без обучения родному языку хотя бы в начальной школе или изучения его в качестве обязательного учебного предмета невозможно в дальнейшем сохранить кумандинский язык. В 1992 г. в г. Бийске создано Общество возрождения кумандинского народа Алтая, которое стало заниматься проблемами возрождения языка и культуры кумандинцев. В 1996 г. общество было преобразовано в краевую Ассоциацию возрождения кумандинского народа.

Письменность. Кумандинцы используют письменность для алтайского языка, которая была разработана в середине XIX в. миссионерами Алтайской духовной миссии на базе одного из южных его диалектов – телеутского. См. **алтайский язык**.

Лит.: Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970; Каралькин П. И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР) // Кр. сообщ. ИЭ, 18, 1953; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Сатлаев Ф. А. Кумандинцы: Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. Горно-Алтайск, 1974.

КУМЫКСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **кумыки**, ед. ч. **кумык**, **кумычка**. Самоназвание: *къумукъ, хайдак къумукъ* «кайтагский кумык».

Этноним *кумыки* встречается у Плиния (I в. н. э.), Птолемея (II в. н. э.) и общепринятой этимологии не имеет. Большинство исследователей возводят его к половецкому этнониму *кимаки* или *куман*. Согласно другой гипотезе, на Северном Кавказе и в Дагестане в источниках X в. встречается имя *гумик*, так как во многих кавказских языках названия кумыков и лакцев совпадают (варианты *кумык*, *кумук*, *гумек* и др.). Третья гипотеза связывает этноним *кумык* с тюрк. *кум* «песок, песчаная пустыня».

Общие сведения. Кумыкский язык относится к северо-западной (кыпчакской) группе тюркской семьи языков. Он близок к карачаево-балкарскому и караимскому языкам. Кумыкский язык относится к языкам агглютинативного типа.

В кумыкском языке выделяются три основных диалекта: северный (хасавюртовский), средний (буйнакский)

и южный (кайтагский), позднее стали выделять также предгорный и терский.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность кумыков составляла 277 163 чел., из них 97,72% считают родным языком своей национальности, 1,78% – русский язык, 0,5% – др. языки. Основная часть этноса проживает в Республике Дагестан (231 805 чел., или 82,2% населения республики) с центром г. Махачкала, в Хасавюртовском, Бабаюртовском, Карабудахкентском, Каякентском и Кайтагском районах, в 6 селениях в окрестностях Махачкалы, а также в городах Махачкала, Хасавюрт, Буйнакск, Избербаш и Дербент. Проживают они также в Чечне и Северной Осетии РФ, в Турции, Иране и Ираке.

Общественные функции языка. Кумыкский язык является одним из государственных языков Дагестана. Он обладает широкими общественными функциями. Еще с XVII в. он выполнял функцию регионального средства межэтнического общения на северо-востоке Кавказа и был официальным языком в отношениях с русской администрацией. В дореволюционный период он изучался в гимназиях Владикавказ, Ставрополя, Моздока, Кизляра и др. Кумыки в основной своей массе владеют национально-русским двуязычием: 74,7% кумыков свободно владеют русским языком как вторым.

В школах Дагестана обучение кумыков на родном языке осуществляется в начальных классах сельских школ, а в остальных классах сел и в городских школах кумыкский язык изучается как учебная дисциплина. Он является языком средств массовой коммуникации: выходят республиканские газеты «Ёлдаш» («Спутник»), «Танг чолпан» («Утренняя звезда»), «Къарчыгъа» («Ястреб»), «Дагъыстанлы къатын» («Женщина Дагестана»), радиопередачи

ведутся полтора часа в день, телевещание на родном языке отсутствует. С 1930 г. кумыкский язык функционирует и в национальном театре. Он не используется в сфере государственного управления, хотя кумыки являются третьим по численности народом Дагестана.

Письменность. Письменность у кумыков зародилась в XVI в. на арабской графике. В 1883 г. в Санкт-Петербурге был издан первый печатный «Сборник ногойских и кумыкских стихов» Мухаммеда Османова (Осман-Заде). Реформированный в 1905–1909 и 1920 гг. арабский алфавит («новый аджам») просуществовал до 1928 г. В дореволюционный период было издано свыше 150 названий на арабской графике. В 20-е гг. на этом алфавите издавались первые журналы и газеты, а также довольно значительная литература. В 1928 г. был принят новый алфавит на латинской основе, а затем он был заменен в 1938 г. кириллицей.

Современный литературный кумыкский язык основан на буйнакском и хасавюртовском диалектах.

Лит.: Волкова Н. Г. Названия кумыков в кавказских языках / Этническая ономастика. М., 1984; Гаджиева С. Ш. Каякентские кумыки // Тр. Ин-та этнографии АН СССР Т. 46. М., 1958; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Ибрагимов М. - Р. А. Этническая ситуация в Дагестане в конце XIX – начале XX в. // Этнос и этнические процессы. М., 1993; История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1967; Магомедов А. Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV– XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

ЛАКСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **лакцы**, ед. ч. **лакец, лачка**. Самоназвание: *лак*. Термин *лак* возводят к древнедагестанскому кор-

ню *lag в значении «дагестанец». По мнению В. И. Абаева, *лак* имеет более древнее значение, связанное с осетинским *лаг* «человек», «мужчина».

Общие сведения. Лакский язык относится к дагестанской группе восточно-кавказской ветви иберийско-кавказской семьи языков. Некоторые исследователи объединяют его и даргинский язык в отдельную лакско-даргинскую подгруппу (наряду с аваро-андо-цезской и лезгинской группами). Лакский язык близок даргинскому и аварскому языкам. Он относится к языкам агглютинативного типа с элементами флективности и эргативного строя, характеризуется эргативными, дативными и номинативными конструкциями. Ударение слабое, непостоянное и связано с долготой гласных.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность лакцев составляла 118 074 чел., в РФ проживали 106 245 чел. (90% всех лакцев б. СССР), из них 95,13% считали родным языком своей национальности, 3,87% – русский язык, 1% – др. языки. В настоящее время на территории исторической Лакии осталось около трети всего лакского этноса. Основная часть лакцев проживает в Республике Дагестан (91 682 чел., или 77,6%) с центром г. Махачкала. Они населяют Лакский и Кулинский р-ны, а также ряд сел и хуторов Цудахарского, Акушинского, Рутульского, Чародинского, Дахадаевского (с. Шадни) и Курахского (с. Бурши-Мака). Значительная часть лакцев проживает в Ставропольском крае, в гг. Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Буйнакск, Грозный, Нальчик, Баку (Азербайджан), Душанбе (Таджикистан), Ашхабад (Туркмения), а также в Узбекистане и Казахстане.

Общественные функции языка. Лакский язык – один из государственных и литературных языков Дагестана. Он

используется в различных сферах: на национальном языке развивается поэзия, проза, драматургия, осуществлен перевод ряда произведений мировой и русской классики, издаются учебная, общественно-политическая литература, республиканская газета «Илчи» («Вестник»), районные газеты в Лакском и Кулинском р-нах, общественно-политический и литературно-художественный журнал, журналы для женщин и для детей, ведутся передачи республиканского радио, работает Лакский драматический театр.

На лакском языке ведется обучение в сельских районах в начальной школе, он является предметом изучения в сельской средней школе, в некоторых городских школах. Он преподается и на нем ведется преподавание ряда предметов на русско-лакском отделении филологического факультета Дагестанского университета и Дагестанского педагогического института. Русский язык изучается (начиная с 4-го класса) в школах с лакским языком обучения. Он используется и как средство обучения и межнационального общения. По данным Всесоюзной переписи 1989 г., свыше 76,5% лакцев свободно владели русским языком.

Письменность. Известны попытки приспособления арабской графики («аджам») для записи лакских слов еще в XV в., были сделаны переводы произведений арабских поэтов (аль-Бусыри «Касыда о плаще») и лечебника «Ханнал мурад» («Желание хана»), исторической хроники «Дербент-намэ». Арабская графика была заменена в 1928 г. латиницей, а в 1938 г. лакцы перешли на кириллическую систему письма.

Лакский литературный язык развивался на основе кумухского диалекта, на котором говорили жители древнейшего и культурного центра лакцев села

Кумух. Становлению современных норм лакского языка способствовали книгопечатание, издание газет на лакском языке («Заря Дагестана») в 1912–1913 гг., «Ялчи» («Вестник») и «Звезда» (1917–1918 гг.).

Лит.: Абдуллаев И.Х., Михайлов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография имен. М., 1971; Булатова А.Г. Лакцы (XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971; Волкова Н.Г. Лакцы // Вопросы истории. 1975. № 12; История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1967; Лавров Л.И. Лакцы // Народы Дагестана. М., 1955.

ЛЕЗГИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. лезгины, ед. ч. лезгин, лезгинка. Самоназвание: *лезги*. В этнониме *лезги* отражена метатеза переходных форм *лекзи*, *легзи*, возникших из *лакзи* (ср. древнее государство Дагестана *Лакз* и народа *лакзы*). Это название этимологически связано с исходной формой *lakc, сохранившейся в обозначении лакцев. См. **лакский язык**.

Общие сведения. Лезгинский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской ветви иберийско-кавказской семьи языков. Он является близкородственным с табасаранским, агульским, рутульским, цахурским, будухским, крызским, арчинским и удинским языками. Лезгинский язык относится к языкам агглютинативного типа и эргативного строя. Ударение обычно падает на второй слог от начала слова.

Лезгинский язык подразделяется на три крупных наречия: кюринское, самурское и кубинское, которые, в свою очередь, имеют ряд диалетов.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., общая численность говорящих на лезгинском языке составляет 466 006 чел., в РФ проживают

257 270 лезгин (55,2% всех лезгин б. СССР), из них 93,95% считают родным языком своей национальности, 4,5% — русский язык, 1,55% — др. языки. 204 370 чел. (43,9%) проживает в Республике Дагестан (центр г. Махачкала): в Курахском, Сулейман-Стальском, Магарамкентском, Ахтынском, частично в Рутульском, Хивском Дербентском, Кизилюртовском и Хасавюртовском районах, а также в Азербайджане (171 395 чел.), в Казахстане, Туркмении и Украине.

Общественные функции языка. Лезгинский язык — один из государственных языков Республики Дагестан. Он обладает развитыми общественными функциями: это язык школьного обучения, периодической печати, художественной, научно-технической и научно-популярной литературы, радио (полтора часа в сутки), республиканской и районных газет, журналов, на нем издаются словари и учебники, функционирует богатый фольклор, создана художественная литература, имеется много переводов, работают национальный театр и культурно-просветительные учреждения.

Лезгинский язык является средством обучения в школе с 1-го по 4-й класс, в старших классах родной язык и литературу преподают как предмет. В Дагестанском университете, Дагестанском пединституте и Дербентском высшем педагогическом колледже идет подготовка преподавателей лезгинского языка и литературы для средних школ. Однако основным языком обучения в школе и высших учебных заведениях является русский, который является и средством межнационального общения, поэтому многие лезгины владеют национально-русским двуязычием. Среди лезгин распространено и трехязычие: они владеют языками соседних народов, в частности, азербайджанским.

Письменность. Письменность у лезгин появилась во второй половине XVIII в. с использованием арабской графики: были сделаны записи стихотворений на лезгинском языке. В 1928 г. письменность лезгинского языка была переведена на латинскую графическую основу, а в 1938 г. — на кириллицу, которая используется до сих пор. Однако первую попытку создать кириллический алфавит и лезгинский букварь предпринял в XIX в. П.К. Услара. В основу лезгинского литературного языка был положен гюнейский диалект кюринского наречия.

Лит.: Абдуллаев И.Х., Михайлов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография имен. М., 1971; История Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1967; Ихилов М.М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; Магомедов А.Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV—XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.

МАНСИ ЯЗЫК. См. мансийский язык.

МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. и ед. ч. манси (устар. **вогулы**), (редко **мансиец**, **мансийка**). Самоназвание *маньси* восходит к древнему родовому названию *мось*, *моньсь* «говорящий». Древнее мансийское слово *mahsi, возможно, означало «люди мансийского рода», или «манси с одной из рек бассейна Оби». По-видимому, этноним *вогул* «человек с Вогулки» происходит от самоназвания одного из племен манси, кочевавшего в Северном Приуралье.

Общие сведения. Мансийский язык (устар. **вогульский язык**) относится к обско-угорской подгруппе угорской группы финно-угорской семьи языков

(шире – уральской семьи языков). Он близок к хантыйскому и венгерскому языкам. Мансийский язык относится к языкам агглютинативного типа. Широко используются частицы и послелоги с пространственно-временным значением. Подлежащее, как правило, стоит в начале предложения, а сказуемое – в конце. Определение всегда предшествует определяемому слову. Ударение в мансийском языке падает на первый слог слова.

В мансийском языке четыре диалекта: северный, западный, восточный и южный.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность манси составляет 8474 чел., в РФ проживают 8279 чел. (97,7% всех манси б. СССР), из них 36,68% считают родным язык своей национальности, 62,66% – русский язык, 0,66% – др. языки. Говорящих на родном языке немногим более 3 тыс. чел., так как основная часть манси обрусела и утратила национальный язык как средство общения даже в быту, в семье.

Манси проживают в основном (77,6%) в Северо-Западной Сибири в пределах Ханты-Мансийского автономного округа (центр г. Ханты-Мансийск), частично в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области, в Свердловской области.

Общественные функции языка. Для носителей северного наречия мансийский язык является средством общения в быту. Официальным и основным средством общения во всех организованных сферах жизни является русский язык. В целях сохранения языка манси в последние годы сфера влияния родного языка несколько расширилась: в начальной школе (параллельно с русским) изучается родной язык (три часа в неделю), ведется ежедневное радиовещание, дважды в месяц из-

дается газета, в селах и рабочих поселках Березовского района появились вывески на мансийском языке. Мансийский язык изучается как предмет в педагогических средних и высших учебных заведениях.

Многие манси общаются с коми на их родном языке, обские и нижнесосьвинские манси владеют хантыйским языком. Однако младшее поколение, оторванное от семьи в период обучения, предпочитает говорить на русском языке и утрачивает родной язык.

Письменность. Письменность для манси пытались создать еще в XIX в. миссионеры и местные священники, которые переводили на мансийский язык религиозные тексты и пытались обучать детей манси грамоте. Епископом Никанором был составлен букварь и издан в Москве в 1903 г.

В 1930–1932 гг. была начата практическая работа по созданию письменности манси: разработан алфавит, выделен опорный диалект. В 1932 г. выходит первый букварь для манси, составленный на основе латинской графики, а в 1937 г. был осуществлен переход на кириллицу.

Лит.: Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Она же. К происхождению современных манси // Советская этнография. 1979. № 6; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **мариец** (устар. **черемис**), ед. ч. **мариец**, **марийка**. Самоназвания *мари*, *мэрий*, *мэр*. Только в XX в. стало использоваться название «мари», «марийский», ранее использовались термины «черемис», «черемисский». Марийский этноним *мари* считается заимствованным из иранских языков и восходит к древнему корню

со значением «муж, человек, мужчина» (ср. этнонимы *мордва*, *удмурты*, а также др.-инд. *maryah* «молодой человек, юноша», авест. *marya* «парень, юноша», тадж. *мард* «мужчина»), этноним «черемис» не имеет точной и ясной этимологии.

Общие сведения. Марийский язык относится к волжской группе финно-угорской семьи языков (шире – уральской семьи языков). С одной стороны, он близок к мордовским языкам, а с другой – имеет общие черты с пермскими языками. Существенные различия носителей разных диалектов марийского языка, обусловленные древними языковыми контактами различных этнических и языковых групп, привели к выделению в качестве самостоятельных двух марийских языков: марийского лугового и марийского горного, что закреплено в законе о языках Республики Марий Эл: государственными языками в данном субъекте России «устанавливаются марийские (луговой и горный) и русский языки».

В лингвистическом аспекте в марийском языке выделяются обычно четыре наречия: луговое, горное, восточное и северо-западное.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность марийцев 670 868 чел.; в РФ проживают 643698 чел. (96% всех марийцев б. СССР), из них 81,86% считают родным язык своей национальности, 17,82% – русский язык, 0,32% – др. языки. Основная масса марийского населения (324 349 чел., или 48,3%) проживает в Республике Марий Эл со столицей г. Йошкар-Ола, в Кировской, Нижегородской, Свердловской, Пермской обл., в Татарии (19,5 тыс.), Башкирии (105,7 тыс.), Удмуртии (9,5 тыс.), а также в ближнем зарубежье – в Казахстане (ок. 12 тыс.), в Ук-

раине (ок. 7 тыс. чел.), в Узбекистане (ок. 3 тыс.).

Общественные функции языка. Начальное обучение марийских учащихся на родном языке осуществлялось уже в XIX в. В начале XX в. появились первые публикации художественной литературы на марийском (лугововосточном) языке писателей В.М. Васильева, С.Г. Чавайна, Г. Микая, Н. Мухина, Г.Г. Кармазина и др., а в 1907–1913 гг. был издан «Марийский календарь». Однако подлинное развитие национального языка и культуры началось лишь в 20–30-е гг. XX в. В 1917 г. вышел первый номер газеты «Ужара» («Заря»), которая издавалась до конца 1918 г. В сфере массовой коммуникации марийский язык использовался в первую очередь как язык газет, которые стали издаваться повсеместно: «Марийские вести» (Вятка, 1919), «Красный воин» (Казань, 1919), «Огонь» (Елабуга, 1920–1922) и др.; с 1920 г. выходят также журналы «Йук» («Голос»), «У илыш» («Новая жизнь») и др. Современная периодика представлена газетами «Марий Эл» («Марийская страна»), «Кугарня» («Воскресенье»), «Кече» («День»), «Ямде лий» («Будь готов») и др., а также журналы «Ончыко» («Вперед») – литературно-художественный и общественно-политический, «Пачемыш» («Оса») – сатирический, «Марий учитель» («Марийский учитель»).

Профессиональный марийский драматический театр был открыт в 1929 г. пьесой С. Чавайна «Мукш отар» («Пасека»). С 1918 г. в Казани существовало издательство, которое в 1922 г. было переведено в Москву и преобразовано в секцию мари при Центральном издательстве народов СССР. В 1925 г. было организовано Марийское книжное издательство, которое выпускало художественную, научную и публицистическую литературу на марий-

ском и русском языках, причем абсолютное большинство книг на марийском языке выходило на литературном марийском луговосточном языке. Телецентр в Йошкар-Оле начал работать в 1960 г., особенно активно передачи на марийском языке стали вестись в последние годы. На марийском луговосточном языке выходит периодическая печать.

В дальнейшем развивались все жанры художественной литературы (проза, поэзия, драма). Определенную роль в распространении просвещения, изучении языка и народа мари сыграли открытые в Йошкар-Оле в 1920-х – начале 1930-х гг. областной краеведческий музей, Марийский НИИ, Агропедагогический институт (впоследствии Марийский педагогический институт).

В первые годы советской власти начальное обучение на марийском языке вошло в постоянную практику в неполной средней школе (5–7 кл.). В 1930–1940-е гг. были созданы учебники для 5–7-х классов по алгебре, биологии, физике и др. предметам, а в 1960–1970-е гг. – учебники для 2–4-х классов по арифметике и природоведению. Хотя отсутствовали многие учебники на марийском языке, он использовался учителем в устном изложении материала. В настоящее время марийский язык является средством обучения в начальной школе и предметом изучения в старших классах. Созданы учебники на марийском языке (грамматики, сборники упражнений) и родной литературы (книги для чтения, хрестоматии). Чтение лекций в средних и высших учебных заведениях ведется на русском языке, марийский язык изучается как предмет. Учебники по общеобразовательным предметам как для средней школы, так и для высшей также пишутся на русском языке. Учебные, методические пособия и на-

учная литература выходят на русском и марийском языках.

Хотя марийский язык является государственным средством общения республики, однако деловая документация в основном продолжает оформляться на русском. Он остается средством бытового общения, хотя имеет и другие общественные функции: на марийском языке издаются художественные произведения, осуществляются театральные постановки, ведется теле- и радиовещание.

В основном марийское население двуязычно. Свободно владеет русским языком 68,8% марийцев. Уровень сохранности марийского языка в деревнях выше, чем в городах. 5,8% марийцев владеют также языками соседних народов – татарским, башкирским, удмуртским, чувашским.

Письменность. Марийский язык имеет давнюю письменную традицию. Письменность с самого начала ее возникновения создавалась на основе русской графики. Первая попытка создания письменности относится к середине XVI в., когда архиепископ Гурий (Григорий Рукотин) создал марийский алфавит для перевода на родной язык религиозных текстов. Алфавит этого широкого распространения не получил. Первый письменный памятник марийского языка (глоссарий) относится к концу XVII в., в XVIII в. появились первые печатные издания на марийском языке – стихотворные тексты, речи-канты. В 1808 г. на луговое наречие был переведен Катехизис, позднее Евангелие. Книги издавались отдельно на луговом, горном и восточном наречиях. К концу XIX в. было издано около 50 книг на русском алфавите в основном религиозного содержания. Первой грамматикой марийского языка (на основе лугового наречия) стали «Сочинения, принад-

лежащие к грамматике черемисского языка» (СПб., 1775). Большую роль в создании марийской письменности сыграли буквари на родном языке, созданные учащимися-мари (И. Кедровым в 1867 г., Г. Яковлевым в 1870 г. и др.). В букварях в основном публиковались переводы произведений русской литературы – рассказов Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, басен И.А. Крылова. С середины XIX в. появляется светская литература на марийском языке (брошюры, содержащие советы по медицине, ветеринарии, земледелию). Начиная с последней трети XIX в. в марийскую графику были введены графемы с диакритическими знаками для обозначения отсутствующих в родном языке звуков.

В 1920-х гг. был поставлен вопрос о диалектной базе литературного языка и было решено наряду с литературным марийским луговосточным языком издавать литературу и на горномарийском языке. Таким образом, марийский язык имеет две исторически сложившиеся литературные нормы: луговосточный и горномарийский литературные языки.

Лит.: Гордеев Ф. И. К истории этнонима черемис / Тр. Марийского НИИ языка, литературы и истории. Йошкар-Ола, 1964. Вып. 18; Козлова К. И. Очерки исторической этнографии марийского народа: АДД. М., 1969; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985; Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976; Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

МОРДОВСКИЙ-МОКША ЯЗЫК

Носители: собир., **мордва, мокшане**, ед ч. **мокшанин, мокшанка**; а также общее название: мн. ч. **мордвины**, ед. ч. **мордвин, мордвинка** (устар. мн. ч. **мор-**

довцы, ед. ч. **мордовец, мордовка**). Самоназвание: **мокша** «мокшанин», который этимологически, вероятно, связан с гидронимом Мокша (правый приток Оки в Мордовии и Пензенской обл.). Не исключается славянское происхождение гидронима Мокша (ср. мифологический персонаж Мокошь – имя, связанное с русским «мокрый»), однако, по мнению Н.Ф. Мокшина, название р. Мокша восходит к индоевропейскому (санскритскому) термину *mus-* со значением «проливание», «утекание», «освобождение».

Этноним *мордва*, упоминаемый в VI в. н.э. в сочинениях готского историка Иордана (в форме *Mordens*) и в русских летописях XI–XII вв., использовался в собирательном значении («...а по Оце реце, где потече в Волгу... морьдва свой язык...»), но не употреблялся в качестве самоназвания. По мнению исследователей, он имеет ирано-скифское происхождение, так как был заимствован в значении «человек», «муж», «мужчина» (ср. тадж. *мард* «мужчина»). Та же заимствованная основа присутствует и в названиях других финно-угорских народов.

Общие сведения. Мордовский народ составляют два крупных субэтноса: мокша и эрзя. Мордовский-мокша язык и близкородственный ему мордовский-эрзя образуют мордовскую подгруппу финно-волжской группы финно-угорской семьи языков (шире – уральской языковой семьи), хотя генетически мордовский-мокша язык, как и эрзя-мордовский, более близок к марийскому, прибалтийско-финским и саамскому, чем к др. финно-угорским и самодийским языкам. Это объясняется тем, что перечисленные подгруппы языков вместе с мордовской подгруппой произошли из одного финно-волжского праязыка в результате его распада. Существование этого

праязыка относят ко времени от середины II тыс. до I тыс. до н.э. Мордовский язык относится к языкам агглютинативного типа, хотя отдельные морфемы обладают признаками флективности, иногда проявляется внутренняя флексия и супплетивность при образовании некоторых числительных. Ударение в мордовском-мокша языке падает на первый слог.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 1 072 939 мордвин (93% всех мордвин б. СССР), из них 68,97% считают родным язык своей национальности, 30,83% – русский язык, 0,2% – др. языки. Мордва проживает в Республике Мордовия (313 420 чел., или 27,2%) со столицей г. Саранск, а также дисперсно в Татарии, Башкирии, Чувашии, в Нижегородской, Самарской, Оренбургской, Пензенской, Ульяновской, Саратовской, Челябинской и некоторых др. областях Сибири и Дальнего Востока.

Численность мордвы-мокши в Мордовии около 450 тыс. чел., мокша составляют одну треть всего мордовского населения в РФ и странах СНГ.

Мокшанский язык имеет три группы говоров: центральную (в районах Мордовии: Атюрьевском, Ельниковском, Краснослободском, Старошайговском, Темниковском); западную (Зубово-Полянский, Ковылкинский и Торбеевский р-ны Мордовии); юго-восточную (Инсарский, Ковылкинский, Рузаевский р-ны Мордовии).

Общественные функции языка. Мордовский-мокша язык является основным средством внутринационального общения. В социально значимых сферах жизни используется преимущественно русский язык, так как на протяжении последних десятилетий народ живет в условиях мокшанско-русского

двуязычия. В современном мордовском-мокша языке выделяются две коммуникативно-функциональные подсистемы: письменно-литературный язык и многочисленные местные говоры, объединяемые в территориальные диалекты. Современный литературный мордовский-мокша язык, базирующийся на центральном диалекте, является в достаточной степени нормализованным и противопоставленным диалектной речи.

В 1921 г. стала выходить мордовская газета «Якстере теште» («Красная звезда»), в которой печатались материалы и корреспонденции и на мокшанском языке, в 1924 г. – мокшанская газета «Од веле» («Новая деревня»); в 1927 г. в Пензе – журнал «Валдаян» («Светлый путь»).

В современную эпоху письменно-литературная форма национального языка мокши является средством обучения в начальной школе и в мордовских отделениях вузов республики; в старших классах средней школы и вузах мордовский-мокша язык изучается как предмет.

На литературном мордовском-мокша языке издаются книги, газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи, ставятся пьесы. Мокшанские писатели и поэты М. Бебан, М. Безбородов, З. Дорофеев, И. Девин, С. Кинякин, А. Малькин, И. Кудашкин, В. Мишанина, Г. Пинясов и др. создали богатую художественную литературу – прозу, поэзию, драму.

Письменность. С XVIII в. мокшанская письменность развивается на базе кириллицы с опорой на принципы русского правописания. В 1838 г. была напечатана первая «Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши» П. Орнатова. Первый печатный текст – Краткий Катехизис – на мордовском-мокша языке вы-

шел в 1861 г. В 1923 г. вышел в свет первый мокшанский букварь.

Лит.: Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы XIX–XX вв. Саранск, 1977; Он же. Этнонимы мордва, эрзя, мокша и их употребление // Ономастика Поволжья. 2. Горький, 1971; Мордва: Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М., 1985; Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М., 1975; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965; Языки мира: Уральские языки. М., 1993; Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.

МОРДОВСКИЙ-ЭРЗЯ ЯЗЫК

Носители: собир., мордва, мокшане, ед. ч. мокшанин, мокшанка; а также общее название: мн. ч. мордвины, ед. ч. мордвин, мордвинка, устар. мн. ч. мордовцы, ед. ч. мордовец, мордовка. Самоназвание: *эрзя(т)* «эрзя(не), мордва-эрзя». Этноним «эрзя» (в форме *ариса*) упоминается в письме хазарского кагана Иосифа (986 г.), встречается в хрониках Рашид-ад-Дина (XIV в.). В русских источниках название «эрзя» упоминается с XVIII в.

Общие сведения. Мордовский-эрзя язык и близкородственный ему мордовский-мокша относятся к мордовской подгруппе финно-волжской группы финно-угорской семьи языков (шире – уральской языковой семьи). Генетическая близость этих языков с марийским, прибалтийско-финскими и др. языками обусловлена общностью их происхождения (см. **мордовский-мокша язык**). В типологическом отношении мордовский-эрзя ничем не отличается от мордовского-мокша языка. Звуковой состав мордовского языка очень близок к звуковой системе русского языка. Ударение падает на любой слог.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность эрзян составляет 600–650 тыс. чел. из всего мордовского населения РФ и стран СНГ (всего мордвы, по переписи 1989 г., 1 153 987 чел., из них 67,1% назвали мордовский язык родным). Эрзяне компактно проживают в восточной части Республики Мордовия и дисперсно – на территории Башкирии, Татарии, Чувашии, а также в Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской и некоторых др. областях РФ, в странах СНГ.

Общественные функции языка. Функционирование мордовского-эрзя языка, как и мокшанского языка, определяется внутринациональными потребностями. Мордовский язык пока не имеет официального статуса, хотя готовится соответствующий закон о языках. Общественные функции мордовского языка в общественно значимых сферах стали развиваться в 20–30-е гг. XX в.

В современном мордовском-эрзя языке сосуществуют две функционально-коммуникативные подсистемы: письменно-литературный язык и территориальные диалекты (центральный, западный, северо-западный, юго-восточный и изолированный). Базой современного литературного мордовского-эрзя языка является центральный диалект.

В сфере образования используются мордовский (мокша и эрзя), татарский и русский языки. В 60-е гг. все обучение перевели на русский язык, что оказало отрицательное влияние на развитие общественных функций мордовского языка. Современная письменная литературная форма мордовского-эрзя языка используется как средство обучения в начальной школе, на мордовских отделениях университета и педа-

гогического института Республики Мордовия. В старших классах средней общеобразовательной школы и в вузах родной язык изучается как предмет.

В 1920 г. выходит первая газета «Чинь стямо» («Восход») на мордовском-эрзя языке, затем в 1921 г. – «Якстере теште» («Красная звезда») на мокша и эрзя языках. В настоящее время издаются республиканская газета «Эрзянь правда», журналы «Сятко» («Искра»), «Чилесема» («Восход солнца»), странички на мордовских языках в 20 районных газетах, издаваемых на русском языке. На литературном мордовском-эрзя языке издаются книги, газеты, журналы, ведутся радио- и телепередачи (около 15% эфирного времени), работает национальный театр. На национальном языке пишутся художественные произведения различных жанров, функционирует фольклор, собран и издан народный эпос «Сияжар», «Масторова».

Поскольку практически основные сферы общественной жизни у эрзи обслуживаются русским языком, эрзяне развиваются в условиях эрзянско-русского билингвизма, специфической особенностью которого является двусторонняя интерференция: в речи билингвов наблюдаются многочисленные отклонения от нормы и системы родного языка под влиянием русского и отклонения от нормы и системы русского языка под влиянием мордовско-эрзя языка.

Письменность. Появление первых памятников письменности на мордовском-эрзя языке датируется XVIII в. в связи с переводом Краткого Катехизиса (рукопись 1788 г.). В XVIII в. письменность создается и развивается на кириллической основе с опорой на принципы русской орфографии. См. **мордовский-мокша язык**.

Лит.: см. «Мордовский-мокша язык».

НАГАЙБА́КСКИЙ ЯЗЫ́К. См. **татарский язык**.

НАНА́ЙСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. **нанайцы** (устар. **гольды**), ед. ч. **нанаец, нанайка**. Самоназвания: *нанай, нани* и др. Этноним *нанай, нани* означает «местный, здешний человек»: *на* «местный» + *най* «человек».

Общие сведения. Нанайский язык относится к южной (приамурской) группе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской языковой семьи. Он родственен удэгейскому, ороческому, ульческому, орокскому, маньчжурскому и др. Нанайский язык является агглютинативным. Слова образуются в основном суффиксальным способом, а также путем чередования гласных в корне, редупликации, словосложения. Ударение является музыкально-силовым, может падать на первый и последний слог.

Нанайский язык имеет 3 основных наречия: 1) верхнеамурское, 2) среднеамурское, 3) нижнеамурское, которые подразделяются на диалекты и говоры.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., нанайцев насчитывается 11 877 человек (в 1970 г. – 10 005 чел., в 1979 г. – 10 516), из них 44,1% считают родным язык своей национальности (в 1979 г. – 55,9%), 55,3% – русский язык (в 1979 г. – 43,9%), 0,6% – др. языки. Нанайцы проживают в низовьях р. Амур и по правым притокам р. Усури в Комсомольском, Амурском, Хабаровском, Нанайском, Солнечном, Ульческом р-нах Хабаровского края, а также в Поронайском р-не Сахалинской обл., в Пожарском, Яковлевском, Кировском, Чугуевском, Ольгинском р-нах Приморского края. Небольшое число (2 тыс. чел.) нанайцев (хэчжэ) живет в Китае, в провинции Хэйлуцзян, между реками Сунгари и Усури.

Общественные функции языка. В 1930–1980 гг. нанайский язык становится литературным языком: на нем издается художественная и общественно-политическая литература, словари. В формировании норм современного литературного языка большую роль сыграли фольклор, художественная литература (произведения А.Д. Самара, К. Гейкера, Гр. Ходжера, А. Пассара и др.), научные исследования по языку.

Нанайский язык является средством общения в быту, в личной переписке, в сфере религиозного обряда, в определенных сферах производственной деятельности. Он используется в устном народном творчестве, в художественной литературе, в средствах массовой коммуникации. Однако основным и официальным языком среди нанайцев является русский. В местах компактного расселения используется русский и нанайский языки. Широко распространены различные типы двуязычия: нанайско-русское, русско-нанайское, нанайско-ульчское, нанайско-удэгейское, а также нанайско-китайско-русское трехязычие.

Средством получения образования, обучения в учебных заведениях различных типов является русский язык. В селах в начальной школе, в старших группах детских садов нанайский язык изучается как особый предмет среди нанайских детей, он преподается в педагогическом университете им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге, в педагогических вузах Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, в педагогическом училище Николаевска-на-Амуре.

Письменность. Первые попытки создания нанайского алфавита были предприняты в XIX в. Казанской православной миссией и Благовещенской епархией на основе кириллицы, были изданы первые двуязычные словари, букварь, религиозная и просветитель-

ская литература. Однако лишь в 20-х гг. XX в. был создан более совершенный нанайский алфавит, дополненный знаками для специфических нанайских фонем. На этом алфавите в 1928 г. Н.А. Вальронд-Липская издала учебную книгу «Боуо битъхэ» («Первая грамота»). В 1931 г. была создана нанайская письменность на основе латинской графики, в 1936 г. она была снова переведена на русскую графику.

Лит.: Аврорин В.А. Нанайский язык // Языки народов СССР. Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968; Никоннов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М., 1982; Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

НГАНАСАНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **нганасаны**, ед. ч. **нганасанец, нганасанка**. Самоназвание: *ня*. Современное название *нганасаны* было принято в советское время для обозначения этой народности. В нганасанском языке этноним *ня* (*нятанса, танса* «народ, племя») в лично-притяжательных формах (*няа*) имеет значение «товарищеский, принадлежащий к товариществу».

Общие сведения. Нганасанский язык относится к северно-самодийской подгруппе самодийских языков. В дореволюционной литературе он назывался тавгийским, тавгийско-самоедским. Нганасанский язык относится к агглютинативному типу. В образовании слов и его форм преобладает суффиксация. Ударение падает, как правило, на предпоследнюю морфему (минимальный сегмент речевого потока, кратчайшая просодическая единица, или фонологический слог). Порядок слов в предложении строится в после-

довательности: субъект — объект — предикат.

Нганасанский язык подразделяется на два говора — на западный (авамский) и восточный (вадеевский, хатанский), носители которых свободно понимают друг друга и воспринимают оба говора как единый язык.

Перепись населения Российской империи в 1896 г. зафиксировала две компактные группы нганасан — авамскую (609 чел.) и вадеевскую (217 чел.). По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность нганасан составляет 1278 чел., из них 83,36% считали нганасанский язык родным (однако в настоящее время им владеет менее половины нганасан), 15,29% — русский язык, 1,35% — др. языки. Основная часть нганасан проживает на территории Дудинского р-на, меньшая часть — в Воронцовском сельсовете Усть-Енисейского р-на и примерно четвертая часть нганасан — в Хатанском р-не Долгано-Ненецкого автономного округа с центром г. Дудинка. Расселение нганасан по всему Таймырскому полуострову объясняется прежним кочевым образом жизни, а затем в советские годы полуседлым ведением оленеводческого хозяйства.

Общественные функции языка. Нганасанский язык — это один из малых бесписьменных языков. До начала 80-х гг. XX в. нганасаны пользовались преимущественно своим языком, сохраняли многие традиционные особенности национальной культуры. Затем уклад жизни стал меняться: они стали жить больше в поселках в многонациональной среде, молодое поколение значительную часть времени проводило в школе-интернате, где обучение велось только на русском языке, поэтому родным языком оно стало владеть плохо. Старшее поколение пока активно использует родной и рус-

ский языки, а младшее отдает предпочтение последнему.

В последние годы предпринимаются попытки преподавать устную форму нганасанского языка, организовать небольшие радиопередачи на родном языке нганасан, однако при отсутствии букварей, методических разработок и иных действенных мер трудно изменить положение нганасанского языка.

Лит.: Васильев В. И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Сов. этнография. 1940. Т. 3; Симченко Ю. Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера. М., 1982; Таймырский этнолингвистический сборник. М., 1994; Терещенко Н. М. Нганасанский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Терещенко Н. М. Нганасанский язык и народы. М., 1979; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

НЕГИДАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. негидальцы, ед. ч. негидалец, негидалка. Самоназвания: *негидал* «береговые, прибрежные», *элькан бэенин* «настоящий человек», *на бэенин* «человек земли», *Амунь бэенин* «человек Амгуни, житель побережья Амгуни».

Общие сведения. Негидальский язык относится к северной (сибирской) группе маньчжурской ветви алтайской семьи языков и генетически близок к эвенкийскому и эвенскому языкам. По морфологическому типу он относится к агглютинативным языкам. Порядок слов в предложении строится по типу субъект — объект — предикат.

Негидальский язык подразделяется на два основных говора — верховской и

низовской, на котором говорит большая часть негидальцев.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ негидальцев насчитывалось 587 чел. (94,37% всех негидальцев б. СССР), из них 26,58% считают родным язык своей национальности, 69,5% – русский язык (в 1979 г. – 44,4%), 3,92% – др. языки. По некоторым данным, на 1994 г. негидальцев было 622 чел., однако это число считается завышенным, так как общее число негидальцев не превышает 350 чел., а говорящих на родном языке не более 200 чел. Негидальцы проживают по рекам Амур и Амгунь в Николаевском, Ульчском, имени Полины Осипенко р-нах Хабаровского края.

Общественные функции языка. Негидальский язык является бесписьменным и используется в семейно-бытовой сфере, иногда в традиционных сферах производственной деятельности (охота, рыболовство), в фольклорных произведениях (в 1926–1927 гг. К.М. Мыльников и В.И. Цинциус собрали 150 сказок и преданий, 70 песен, 60 загадок). Средством обучения, получения образования является русский язык, который обслуживает все социально значимые сферы жизни негидальцев. С целью сохранения родного языка в настоящее время в двух селах Хабаровского края ведутся занятия по негидальскому языку.

Письменность. Письменной традиции нет. В соответствии с проводимой политикой изучения языков и культур малочисленных народов в 30-е гг. XX в. были сделаны записи негидальских текстов в фонетической транскрипции на основе латинской графики (В.И. Цинциус и К.М. Мыльников), а в книге В.И. Цинциус «Негидальский язык» принята фонетическая транскрипция на русской графической ос-

нове с дополнениями и с использованием диакритических знаков для обозначения долгих и огубленных гласных. В 1992 г. М.М. Хасанова предложила проект алфавита для негидальского языка; в мае 1993 г. проект был утвержден администрацией Хабаровского края.

Лит.: Негидальцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956; Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Орлова Е.П. Негидальцы // Докл. по этнографии. Вып. 3. М., 1966.; Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М., 1982; Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

НЭНЕЦКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ненцы**, ед. ч. **ненец, ненка**. Самоназвания: (*ненэй*) *ненэць*, (*ненэй*) *хасава*; *нешянг*. Этноним *ненэць* «человек» используется часто в сочетании со словом *ненэй* «настоящий», т.е. самоназвание *ненэй ненэць* обозначает «настоящий человек».

Общие сведения. Ненецкий язык (устар. юрако-самоедский) относится к северносамодийской группе самодийской ветви уральской семьи языков. Он относится к агглютинативному типу языков, частично используется внутренняя флексия и чередование основ. Ведущим способом слово- и формообразования является суффиксация. При построении предложения характерен устойчивый порядок слов: субъект – объект – предикат. Ударение в ненецком языке разноместное, ударным является обычно долгий гласный.

В ненецком языке выделяются лесной и тундровый диалекты, которые сильно отличаются друг от друга. В лесном диалекте выделяются три говора: пуровский, ляминский, нялинский. Тундровый диалект включает ряд говоров: западную группу (малоземельский

говор, колгуевский, канинский и тиманский говоры); центральную (большеземельский) говор; восточную группу (приуральский, ямальский, тазовский, надымский, таймырский говоры). На тундровом диалекте говорит основная масса ненецкого населения (свыше 28 тыс. чел.), на лесном – около 2 тыс. чел. Тундровый диалект (большеземельский говор) положен в основу ненецкого литературного языка.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 34 190 чел. ненцев (98,6% всех ненцев б. СССР), из них 77,66% считают родным язык своей национальности, 17,58% – русский язык, 4,76% – др. языки. Ненцы проживают на территории трех автономных национальных округов РФ: Ямало-Ненецкого Тюменской обл. с центром г. Салехард (20 917 чел., или 60,3%), Ненецкого Архангельской обл. с центром г. Нарьян-Мар (6423 чел., или 18,5%), Долгано-Ненецкий Красноярского края с центром г. Дудинка (2446 чел., или 7,1%); небольшая группа ненцев живет в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской обл., в Республике Коми и в Мурманской обл. Отдельные группы ненцев проживают также в пределах Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл. (по северным притокам р. Аган и др.), в Республике Коми (часть бассейна р. Уса, р. Кожва) и в Мурманской обл.

Общественные функции языка. Ненецкий язык используется преимущественно в семейно-бытовой сфере, в сфере традиционной производственной деятельности (охота, рыболовство, оленеводство) и при языковых контактах с представителями др. самодийских народностей, живущих среди ненцев. В сфере образования он является средством обучения только в начальной школе, а в средних общеобра-

зовательных школах, училищах, на специальных отделениях факультета народов Крайнего Севера (Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург) изучается как учебная дисциплина. В последнее время открыто 35 школ, где преподаются родной, русский и английский языки. В сфере массовой коммуникации на родном языке ненцев ведутся теле- и радиопередачи, издается газета. На родном языке поэты и писатели пишут свои художественные произведения.

Однако основным средством межнационального и внутринационального общения в социально значимых сферах жизни ненцев является русский язык. Он является и основным языком, на котром ненцы получают образование в средней и высшей школе, поэтому у них сильно развито ненецко-русское двуязычие.

Письменность. Ненецкий язык относится к младописьменным языкам. В 1932 г. была введена ненецкая письменность на базе латиницы, а с 1937 г. используется алфавит на кириллической основе.

Лит.: Васильев В. И. Проблема формирования енисейских ненцев // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Он же. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Сов. этнография. 1940. № 3; Терещенко Н. М. Ненецкий язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Хомич Л. В. Ненцы. М.; Л., 1966; Он же. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

НИВХСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *нивхи*, ед. ч. *нивх*, *нивхка*. Самоназвания: *нивхгу*, *нивух*, *нивах*, *нибах*. Этноним *нивх* не имеет однозначной этимологии и восходит к недифференцированному значению «человек», «нивх» (см. аналогичное толкование названия *ненец*). Устаревшим наименованием нивхов является также *гиляки* (*гилэкэ* «люди, передвигающиеся при помощи парных весел на больших лодках»).

Общие сведения. Нивхский язык (устар. *гиляцкий*) относится к генетически изолированным языкам, так как вопрос о его происхождении до конца не решен: его сближают с тунгусо-маньчжурскими, тюркскими, чукотским, монгольским, китайским языками, а также с языками североамериканских индейцев. Его условно относят к палеоазиатской семье языков. Нивхский относится к агглютинативно-флективному типу языков. Наиболее продуктивными способами образования слов являются суффиксация, основосложение (включая редупликацию) и конверсия. Порядок слов в предложении устойчивый: субъект – объект – предикат. Ударение в нивхском языке разноместное подвижное.

Нивхский язык делится на несколько групп говоров, различие между которыми носит в основном географический характер: 1) восточносахалинская, 2) тымовская и александровская, 3) западносахалинская, 4) левобережная лиманская, 5) правобережная лиманская, 6) амурская.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживает 4631 нивхов (99,1% всех нивхов б. СССР), из них 23,3% считают родным языком своей национальности, 76,2% – русский язык, 0,5% – др. языки. Наиболее крупные группы нивхов проживают на Амуре в пос. Алеевка, на Сахалине в

пос. Некрасовка и Ноглики, остальные расселены дисперсно в низовьях р. Амур, вдоль побережья Татарского пролива.

Общественные функции языка.

Нивхский язык используется в основном в семейно-бытовом общении. В 20–30-е гг. предпринимались попытки развития общественных функций нивхского языка: в Николаевске-на-Амуре стала выходить «Нивхская правда» (до 1 янв. 1935 г. вышло 11 номеров), издавались брошюры, книги для чтения, буквари и учебники на нивхском языке. Однако в дальнейшем общественные функции нивхского языка перестали развиваться.

В сфере образования основным средством обучения является русский язык, с 1980 г. родной язык преподается до 3-го класса в школах-интернатах пос. Некрасовка и Ноглики. Только на факультете народов Крайнего Севера (Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург) изучается нивхский язык как учебная дисциплина.

Все нивхи, владеющие родным языком, являются носителями национально-русского билингвизма. Поскольку в социально значимых сферах жизни нивхов используется только русский язык, в настоящее время складывается тенденция к полному вытеснению нивхского языка русским.

Письменность. Нивхский является младописьменным языком. В 30-е гг. был создан алфавит на латинице. В 1953 г. была создана письменность на кириллической основе для амурского диалекта нивхского языка, а в 1979 г. – восточно-сахалинского диалекта. В 1981–1982 гг. выпущены буквари, книги для чтения на этих двух диалектах.

Лит.: Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкий-

ских родов // Сов. этнография. 1946. № 4; Крейнович Е. А. Нивхский язык // Языки Азии и Африки. Т. 3. М., 1979; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Панфилов В. З. О самоназвании нивхов и названиях нивхов у соседних народов // Этнонимы. М., 1970; Он же. Нивхский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968; Смоляк А. В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М., 1982; Таксами Ч. М. Проблемы этногенеза нивхов // Этногенез народов Севера. М., 1980; Штернберг П. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

НОГАЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ногайцы**, ед. ч. **ногаец**, **ногайка**. Самоназвание: *ногъай*. Этноним *ногай* возводят к имени хана Ногая (ум. в 1296 или 1300 г.).

Общие сведения. Ногайский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркской семьи языков. Он относится к языкам агглютинативного типа. Слово- и формообразование происходит путем суффиксации и словосложения. Порядок слов в предложении обычно закрепленный: подлежащее стоит в начале, а сказуемое – в конце предложения, определение – всегда перед определяемым. Ударение в ногайском языке силовое и падает обычно на последний слог.

В ногайском языке выделяются три диалекта: акногайский (ставропольский), собственно ногайский (кубанский) и караногайский (восточный).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., ногайцев было 75 181 чел., из них ногайский язык считают родным 67 591 чел., в РФ проживают 73 703 ногайцев (98% всех ногайцев б. СССР), из них 90,42% считают родным язык своей национальности, 2,92% – русский язык, 6,66% – др.

языки. Основным местом проживания ногайцев являются Республика Дагестан (37,6%), Ставропольский край и Астраханская обл., а также Дагестан, Ингушетия, Чечня, Карачаево-Черкесская Республика. Потомки ногайцев-переселенцев проживают в Турции, Болгарии, Румынии, Афганистане и др. странах Азии и Восточной Европы.

Общественные функции языка. До Октябрьской революции 1917 г. общественные функции ногайского языка носили ограниченный характер: он использовался в семейно-бытовом общении, обладал функцией регионального межнационального средства общения народов Северного Кавказа вплоть до 1880-х гг., поэтому не случайно он изучался в нескольких духовных семинариях и школах: было введено преподавание языка отдельных этнографических групп ногайцев, которых называли татарами, в Астрахани (1777 г.), в Ставрополе (1846 г.), а в 1816 г. в школе г. Ногайска (ныне г. Приморск) – языка молочанских ногайцев. Во многих ногайских селах Ставрополя и Карачаево-Черкессии имелись светские школы, в которых учились дети состоятельных людей. Однако абсолютное большинство ногайцев оставалось неграмотными. Только в годы Советской власти начинается обучение на родном языке и ногайцы получают право на бесплатное образование. В 20–30-е гг. XX в. для ногайцев создаются буквари, словари, издаются учебные пособия, художественная и общественно-публицистическая литература в Махачкале, Черкесске, Казани.

В настоящее время ногайский язык обладает довольно широкими общественными функциями: он используется в устной и письменной форме, издаются республиканская «Ногай давысы» («Голос ногайцев») и районная

«Шоьлтавысы» («Голос степи») газеты, детский журнал «Лашын» («Сокол»), учебники и учебные пособия, художественная литература, ведутся радиопередачи.

В настоящее время языком в сфере дошкольного воспитания и обучения в ногайских школах является русский, а родной язык преподается как предмет в средней школе, в Черкесском педагогическом училище, в Карачаево-Черкесском педагогическом институте, где готовят учителей для ногайских школ. В официальной сфере, в делопроизводстве используется русский язык. 79,3% ногайцев свободно владеют русским языком.

Письменность. Ногайцы в различные исторические периоды пользовались различными системами письма: руникой, уйгурским письмом, арабской графикой. Первые письменные памятники на ногайском языке были созданы в период становления Ногайской Орды в XIV в. Как свидетельствуют архивные материалы, существовала обширная дипломатическая переписка великих русских князей с ногайскими ханами, мурзами (XV–XVII вв.), поэтические произведения ногайских поэтов (XV–XX вв.), публикации образцов ногайского фольклора в XIX – начале XX в. До 1928 г. использовалась арабская графика, затем ногайская письменность была переведена на латиницу (1928 г.), а в 1938 г. – на кириллическую графическую основу.

Основу ногайского литературного языка составляют караногайский диалект и диалект кубанских ногайцев. Классиками ногайской литературы являются Б. Абдуллин, Ф. Абдулжалилов, Х. Булатуков, С. Капаев, К. Оразбаев, К. Темирбулатова, Г. Аджигельдиев и др.

Лит.: Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного

Кавказа XVI–XIX века. М., 1993; Баскаков Н. А. Ногайский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Гаджиева Н. З. Ногайский язык // Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. – М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988; Черенков Л. Н. Таврические ногайцы (Последний кочевой народ Причерноморской этноконтактной зоны) // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения). М., 1989.

ОРОКСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ороки**, ед. ч. **орок**, **ороканка**. Самоназвания: *нани*, *ульта*, *ульча*, *орочен*, *ороч*. Этноним *нани* «человек, люди», «амурские люди» используется в качестве общего наименования ороков, нанайцев, ульчей и орочей. Различные этнические группы ороков имеют особые территориальные названия. Этноним *орок* возводят к тунгусскому *орон* «олень». Происхождение названий различных народов обычно связывают с родом их занятий (см. **орочский язык**, **эвенкийский язык**). Имеется несколько этимологий самоназвания *ульта*, *ульча*: *ула* по-орокски означает «домашний олень»; тунгусское слово *орочен* в маньчжурской передаче звучало как *э-лун-чун*, отсюда *ульча*; эвенк, *уил* «водоворот», *ула* «река», *улами* «промочить, намочить», т.е. *ульча* «жители реки» и др.

Общие сведения. Орокский язык относится к южной (приамурской) группе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он является родственным орочскому, нанайскому, удгейскому и ульчскому языкам. Орокский язык относится к языкам агглютинативного типа, отмечаются также такие элементы, как фузия, аналити-

ческие образования, словосложение, редупликация, использование служебных слов. В построении предложения обычно сказуемое следует за подлежащим, между которыми могут располагаться дополнения и обстоятельства, определение стоит перед определяемым.

Современный орокский язык включает два диалекта: северный (восточно-сахалинский) и южный (поронайский).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в пределах России проживало 190 ороков (94,21% всех ороков б. СССР), из них 44,69% считают родным язык своей национальности, 54,19% – русский язык, 1,12% – др. языки. Ороки проживают по р. Поронай в Ногликском, Поронайском и Александровск-Сахалинском р-нах Сахалинской обл., они имеются и на о. Хоккайдо в Японии, но об их численности данных нет.

Общественные функции языка.

Орокский язык относится к числу бесписьменных языков России с ограниченными, минимальными общественными функциями: он служит средством семейно-бытового общения, иногда в производственной деятельности, но только в среде старшего поколения, употребляется в устном народном творчестве, в художественной самодетельности, в личной переписке. Во всех остальных социально значимых сферах жизни ороков используется русский язык. С целью сохранения исчезающего языка в детском саду пос. Вал Ногликского р-на начато преподавание орокского языка, но в школах как предмет он не изучается. Официальным языком общения в регионе проживания ороков является русский.

Среди ороков широко распространено орокско-русское, орокско-эвен-

кийское двуязычие, а до 1945 г. – орокско-японское.

Лит.: Маевич А.Ф. Ороки: Прошлое и настоящее. Познань, 1991; Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Петрова Т.И. Орокский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968; Смоляк А.В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Туголуков В.А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970.

ОРОЧСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **орочи**, ед. ч. **ороч**, **ороченка (орочка, орочанка)**. Самоназвания: *орочи, орочен, орочисэл, нани*. Происхождение этнонима *орочи* связывают с тунг. *орон* «олень», с эвенкийским *оро* «олень» + *чи-* суффикс со значением обладания, т.е. *орочи, орочены* – «обладающие оленями, оленные», «оленные люди». Однако оленеводством *орочи* не занимаются, поэтому А.В. Смоляк указывает, что тумнинские *орочи* самоназвание *орочи, орочисал* возводят к слову *ороко* «медвежонок».

Общие сведения. Орокский язык относится к южной (приамурской) группе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он близок к нанайскому, удэгейскому, ульчскому и орокскому языкам. Некоторые исследователи рассматривали языки *орочей* и *удэгейцев* как близкие диалекты, другие считают орокский язык наиболее близким нанайскому, так как в состав *орочей* когда-то вошла значительная по числу группа *нанайцев* эвенкийского происхождения. Орокский язык относится к языкам агглютинативного типа с элементами синтетизма, фузии и аналитических конструкций. Основным способом образования

слов является суффиксация. Обычно предложения строятся по принципу: субъект – объект – предикат. Определение может стоять как перед определяемым словом, так и после него. Ударение, как правило, падает на последний слог.

В ороческом языке выделяются следующие территориальные диалекты: хунгарийский, тумнинский (центральный), хадинский (приморский), которые в отдельных своих чертах обнаруживают сходство с удэгейским, или нанайским, или эвенкийским языками, обусловленное языковыми контактами с носителями этих языков в прошлом и настоящем.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в России насчитывалось 883 ороча (96,5% всех орочей б. СССР), из них 17,78% считают родным язык своей национальности, 80,97% – русский язык, 1,25% – др. языки. Орочи проживают на побережье рек Тумнин, Коппи, Амур, Хунгари в Приморском и Хабаровском краях, в Сахалинской обл. По некоторым данным, на 1 января 2000 г. насчитывалось 900 орочей, из них 492 в Хабаровском крае, 129 в Сахалинской обл., 87 в Магаданской обл., 14 в Приморском крае.

Общественные функции языка. Ороческий язык – один из бесписьменных языков России с минимальными общественными функциями: он используется в устном общении лишь старшим поколением в семейно-бытовой сфере, не используется при обучении даже в начальной школе и не изучается в качестве учебной дисциплины. Основным средством общения в жизненно важных сферах жизни является русский язык, которым владеют все орочи в той или иной степени.

Лит.: Аврорин В.А. Родственные связи ороческого языка с другими тунгусо-

маньчжурскими // История и диалектология языков Сибири. Новосибирск, 1979; Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие сказки и мифы. Новосибирск, 1966; Они же. Ороческий язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968; Ларькин В.Г. Орочи. М., 1964; Лебедева Е.П. Ороческий язык // Языки мира. Монгольские, тунгусо-маньчжурские, японский язык, корейский язык. М., 1997; Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Смоляк А.В. Орочи // Вопросы истории. 1971. № 11; Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Сер. XIX – нач. XX в. М., 1975.

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *осетины*, ед. ч. *осетин*, *осетинка*. Самоназвания: *ирон*, *дигорон* (*дигор*), *туалаг*, *хусайраг*. Русское название *осетины* заимствовано из грузинского языка (груз. суффикс *-ети* находим в названиях местностей или стран: ср. древние грузинские княжества типа Эрети, Кахети, Имеретия; Осетия – страна народа *оси*, *овей*, т.е. осетин). По мнению ученых, этнонимы *оси*, *овей* или *асы*, *ас* являются древними названиями аланского (осетинского) народа. Имя *ас* в форме *ясы* упоминается в русских летописях, когда говорится о походе Святослава в 965 г.: «...и ясы победи и касоги». Этноним *ас* не имеет однозначной этимологии, поскольку осетинами он не используется как историческое самоназвание. Его происхождение может быть как иранским, так и тюркским и даже абхазским: *ауанс* из *овей*, *оси*. Современные самоназвания этнических групп осетинского народа *ирон*, *дигорон* многие исследователи относят к кавказским субстратным названиям, принятым пришельцами-аланами в результате языковых контактов с местным населением. Основными субэтническими

группами осетин являются иронцы, дигорцы, двалы и хусары.

Общие сведения. Осетинский язык относится к северо-восточной (скифо-сарматской) группе иранской ветви индоевропейской семьи языков. По морфологическому типу он относится к флективно-агглютинативному, так как флективные особенности распространены в глагольной системе, а агглютинация – в именах. Новые слова образуются при помощи суффиксации и словосложения (именные части речи) и аналитическим способом (в системе глагола). При построении предложения подлежащее с зависимыми словами предшествует группе сказуемого, а дополнения и обстоятельства стоят обычно перед сказуемым, определение – перед определяемым словом. Ударение падает на первый или второй слог (в дигорском диалекте – на любой слог).

В осетинском языке выделяются два диалекта: дигорский (распространен в западной части Северной Осетии) и иронский (на остальной территории Северной Осетии и в Южной Осетии).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., осетин в СССР насчитывалось 597 998 чел. В РФ проживают 402 275 осетин (67,3% всех осетин б. СССР), из них 93,2% считают родным язык своей национальности, 6,43% – русский язык, 0,37% – др. языки. Осетины проживают в Республике Северная Осетия – Алания (334 876 чел., или 56%) со столицей г. Владикавказ, а также в различных районах Грузии в Южной Осетии (65 тыс. чел.) с центром г. Цхинвали (осет. Цхинвал) и других районах Грузии (164 тыс.), в Кабардино-Балкарии (10 тыс.), Карачаево-Черкесии (4 тыс.), Ставропольском крае, в Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, Туркмении и Украине.

Общественные функции языка. Осетинский язык обладает широкими общественными функциями. Он имеет статус государственного, используется в сфере культуры, образования: на нем создаются художественные произведения всех жанров, работает театр. Осетинский язык является средством обучения в начальной школе, изучается как учебная дисциплина в средней школе, в педагогических училищах и университетах, используется в сфере радио- и телевидения. Только родной язык осетины используют в сфере национальных ритуалов. В других сферах, особенно в производственной, горожане чаще используют русский язык, а сельское население – родной.

Для осетин характерно двуязычие со вторым русским языком в Северной Осетии, а в Южной Осетии распространено осетинско-русское и осетинско-грузинское двуязычие.

Письменность. Осетинская письменность имеет давние традиции. Зеленчукская надпись на надгробной плите была сделана греческими буквами в 991 г. Традиции осетинского письма греческими буквами со временем были прерваны, и только в конце XVIII в. начался новый этап создания осетинской письменности на основе кириллицы и грузинской графики. Под влиянием православной церкви, Моздокской школы и Астраханской духовной семинарии на основе церковно-славянской графики была создана осетинская азбука, а в районах, где действовало грузинское духовенство, осетинская письменность создавалась на основе грузинской графики (1802 г.). Ее составителем был Иван Ялгузидзе (Габараев), издавший букварь, ряд произведений религиозного содержания, поэму «Алгузиани» и др.

В XIX в. осетинский алфавит на базе русской гражданской азбуки был ре-

формирован сначала А.М. Шёгренем (1844 г.) а затем Вс.Ф. Миллером и просуществовал до введения латиницы в 1923 г. Разделение осетинской письменности произошло в 1938 г., когда в Северной Осетии вернулись к письменности на основе кириллицы, а в Южной Осетии — к грузинской графике. Возврат к общей осетинской письменности на базе кириллицы произошел в 1954 г.

В современной Северной Осетии с 1995 г. на базе иронского и дигорского диалектов развиваются два литературных языка в рамках осетинского национального языка.

Лит.: Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.; Л., 1958; Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI—XIX века. М., 1993; Бекоев Д. Г. О происхождении самоназваний осетин **ир**, **двал**, **дигор** и о их прежних наименованиях // Тр. VI Всесоюз. науч. конф. по актуальным проблемам иранской филологии. Тбилиси, 1978; Волкова Н.Г. Этники и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966; Исаяев М.И. Осетинский язык // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. Т. I. М., 1966; Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографические исследования. 2-е изд. М., 1971; Мизиев И.М. Этнокультурная память народов как исторический источник об аланах и асах // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: Принципы и методы изучения, оценки и использования. Махачкала, 1991.

ОСТЯЦКИЙ ЯЗЫК. Устар. См. **хантыйский язык.**

РУССКИЙ ЯЗЫК.

Носители: мн. ч. **русские**, ед. ч. **русский**, **русская**. Самоназвание: **русские**. В составе русского народа выде-

ляются следующие субэтнические группы русских: **казаки** (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская обл.); **камчадалы** (Камчатская и Магаданская обл.); **кержаки** (Алтайский край, Пермская, Свердловская и Челябинская обл.); **колымчане** (Якутия); **марковцы** (Чукотский автономный округ); **поморы** (Архангельская обл.); **семейские** (Читинская обл., Бурятия); **каменщики** (Алтай, Казахстан) и др.

Этноним *русский* позднего происхождения. Он возник в результате субстантивации прилагательного *русский*, образованного от топонима *Русь*, или стяжения составного наименования *русские люди* (ср. свою страну в древнерусском языке подданные Руси называли *Русская земля*, населяли ее русские люди). Древними наименованиями являются *русин* и *русич* «сын Руси». Вначале всех жителей Руси называли *русинами*, затем это имя стало использоваться по отношению к народу Юго-Западной Руси. В настоящее время *русинами* называет себя народ, населяющий Закарпатскую Украину и сохранивший русское и православное самосознание.

Относительно происхождения названия *русь* в науке существует более десятка гипотез. Одни (М. Фасмер, А.Г. Преображенский) говорят об иноязычном происхождении имени *Русь* (из древнешведского корня *rō(r)s со значением «гребля», «рыбная ловля», «место причала», т.е. *русь* имеет значение «мореплаватели, гребцы»), следовательно, топоним норманнского происхождения; другие (М.В. Ломоносов, В.И. Даль, П.Ф. Карпинский, О.Н. Трубачев и др.) исследователи находят древние славянские и индоевропейские корни в этом названии, исходя из слов *русый* «светловолосый», *русло* «река, поток, вода», *роксоланы* «белые аланы», возводя к полабско-

поморскому источнику — к названию западнославянского племени *раны* (ружане, рушаны, руяне, рус(с)ы, руги), сближая формы *рос-* и *рус-* этнонима *русь* и название р. Рось в Среднем Поднепровье, объясняя этноним *русь* при помощи иранского компонента **rauxs-*на «свет, светлый» или древнеиндийской (индоарийской) формы *rukṣa* с тем же значением. По мнению О.Н. Трубачева, название *Русь* имело значение «Белая сторона», затем утраченное, но связанное с географическим названием Россатар «Белый берег» в Крыму, поскольку рядом располагалось древнерусское Белобережье.

Общие сведения. Русский язык относится к восточнославянской группе славянской ветви индоевропейской семьи языков. Он относится к языкам флективного типа и синтетического строя (см. **флективные языки, языки синтетического строя**). Порядок слов в предложении свободный, ударение разноместное и подвижное.

В русском языке различаются северновеликорусское («окающее»), южновеликорусское («акающее») наречия и средневеликорусские (промежуточные между ними) говоры.

Русский язык — это язык русской нации и средство межнационального общения народов России (148,6 млн чел. к началу 1993 г.). Русские составляют основное население Российской Федерации со столицей г. Москва. При общей численности населения государств ближнего зарубежья (союзных республик б. СССР) около 89 млн человек русские составляют 25 289 543 чел. (17,4% всех русских, населяющих СССР, по Всесоюзной переписи населения 1989 г.), в том числе 7,8% — на Украине, 4,2% — в Казахстане и немногим более 5% приходится на долю республик Прибалтики, Закавказья, Средней Азии и Белоруссии. По дан-

ном МИД РФ, в начале 1994 г. в странах СНГ и республиках Прибалтики проживало 24,6 млн русских, т.е. впервые в своей истории русская нация стала относиться к разделенному народу. В настоящее время значительно увеличилась численность эмигрантов: в США проживают свыше 1 млн, в Австралии около 1,5 млн русских, ряды русских эмигрантов пополнились и в странах Европы, в Канаде.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность русского населения в СССР составляла 145 071 550 чел., из них в РФ — 119 865 946 чел., что составляет 82,6% всех русских б. СССР. 99,96% русских в России считают родным свой национальный язык, др. языками владеют около 4%. 7 495 454 чел. (5,1%) представителей нерусских народов России называли русский язык родным, а 16 405 826 чел. (11,1%) свободно владеют русским языком как вторым. Таким образом, в РФ в 1989 г. ок. 144 млн чел. (96,9%) использовали русский язык в качестве средства общения, а 69 млн представителей нерусских народов на территории СССР заявляли, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка. По данным МАПРЯЛ, в мире свыше 200 млн человек изучают русский язык.

В национальных субъектах РФ наибольшее число русских проживает (в порядке убывания) в Татарии (1575,3 тыс.), Башкирии (1548,3 тыс.), Удмуртии (945,2 тыс.), Бурятии (726,2 тыс.), Коми (721,8 тыс.), Мордовии (586,1 тыс.), Карелии (581,6 тыс.), Якутии (550,2 тыс.), Хакасии (450,4 тыс.) и т.д.

Общественные функции языка. Русский язык относится к языкам с максимально развитыми общественными функциями. Он является одним из шести официальных рабочих языков ООН, ЮНЕСКО и других междуна-

родных организаций, включая рабочие органы СНГ, а также используется другими народами в качестве средства общения, т.е. имеет статус международного и мирового языка (см. **международный язык, мировой язык**).

На основании Конституции РФ (ст. 68, п. 1) русский язык имеет статус государственного языка Российской Федерации, а также государственного или официального языка ряда национальных субъектов России, т.е. он активно функционирует во всех сферах государственной и общественной жизни, имеющих всероссийскую значимость: на русском языке работают центральные государственные учреждения РФ, осуществляется делопроизводство, функционируют общественно-политические организации, субъекты экономики, связи, транспорта, финансовых учреждений, издаются газеты и журналы, работает радио, телевидение, театр.

Русский язык используется как средство воспитания и обучения в большинстве школ и вузов России, а также во многих средних и высших учебных заведениях государств ближнего зарубежья. Он преподается как предмет во всех школах и высших учебных заведениях РФ (в национальных субъектах РФ – наряду с родным языком), а также во многих учебных заведениях за пределами России. Важную роль в организации изучения русского языка и литературы в ближнем и дальнем зарубежье, в совершенствовании методов его преподавания, в подготовке специалистов играет Институт русского языка им. А.С. Пушкина и его зарубежные филиалы, а также созданная в 1967 г. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Письменность. Русский язык относится к старописьменным языкам.

Письменность возникла на основе кириллицы и получила широкое распространение после принятия христианства (988 г.). Современная гражданская модификация кириллицы имеет свою историю: сначала она была введена для светских книг Петром I в 1708 г., затем графическая система алфавита упрощалась за счет изъятия букв е, р, з. Современный алфавит русского языка содержит 33 буквы: а, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я.

Лит.: Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; Благова Г.Ф. Исторические взаимоотношения слов **казак** и **казах** // Этнонимы. М., 1970; Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Новосибирск, 1978; Бурыкин А.А. О происхождения этнонима **камчадалы** // Русский язык конца XVII – начала XIX века (вопросы изучения и описания) СПб., 1999; Володин А.П. Ительмены. СПб., 1995; Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Зверева Ю.И. Бухтарминцы 60 лет спустя // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. Ч. 2. М., 1992; Ковалев Г.Ф. Этнонимия славянских языков: Номинация и словообразование. Воронеж, 1991; Костомаров В.Г. Русский язык среди других языков мира. М., 1975; Лебедева А.А. Русские Притобоя и Забайкалья: Очерки материальной культуры. XVII – начало XX в. М., 1992; Назаренко А.В. Об имени Русь в немецких источниках IX–XI вв. // Вопр. языкознания. 1980. № 5; Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951; Нерознак В.П., Орешкина М.В., Сабаткоев Р.Б. Русский язык в российском законодательстве // Полилог. 2001. № 1; Огрызко И.И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX в.). Л., 1973; Пипинская В.А. Рус-

ское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М., 1987; Попов А. И. Названия народов СССР: Введение в этноимику. Л., 1973; Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным. М., 1965; Русская грамматика. Т. 1–2. М., 1980; Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992; Русские в мире. Вып. 2. М., 1991; Русские // Народы России: Энциклопедия / Под ред. В.А.Тишкова. М., 1994; Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы: Семейские. Иркутск, 1920; Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7; Соловьев А. В. Византийское имя России // Византийский временник. 1957. Т. 12; Старкова Н. К. О происхождении термина **камчадалы** и самоназвании ительменов // Тр. Дальневосточного науч. центра АН СССР. Сер. истории. Т. 8. Владивосток, 1971; Трубачев О. Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997; Он же. Лингвистическая периферия древнейшего славянства: Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского плоттогенеза. М., 1979.

РУТУЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **рутульцы (рутулы)**, ед. ч. **рутулец, рутулка**. Самоназвания: *мыхадбыр, мюхадар*. Этноним *рутульцы* образован от названия селения Рутул, известного с XV в. и вошедшего в русский язык из азербайджанского или лезгинского языков. Рутульцы называют свое селение Мыхед (Мегьед), поэтому их самоназвания представляют собой территориальное наименование, принятое среди рутульцев: мыхадбор, сыназрабор, ирекдыбор, буджедбор и др.

Общие сведения. Рутульский (мухадский) язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской ветви ибе-

рийско-кавказской семьи языков. Вместе с близкородственным цахурским языком рутульский образует рутульско-цахурскую подгруппу. Рутульский язык относится к агглютинативно-флективному типу языков с эргативным строем. Он обладает относительно свободным порядком слов, однако подлежащее обычно стоит в начале предложения, а сказуемое замыкает его, определение, как правило, предшествует определяемому слову. Именные части речи образуются суффиксальным способом, словосложением и редупликацией; глагольное словообразование характеризуется префиксацией. Ударение в многосложных словах обычно падает на второй слог, в в глаголах и местоимениях – на первый слог; в некоторых формах слов ударение может быть подвижным.

В рутульском языке выделяются следующие диалекты: мухадский (собственно рутульский), шиназский, мюхрекский, ихрекский (два последних иногда объединяются) и борчинско-хиновский.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность рутульцев составляет 20 388 чел., в РФ проживают 19 503 рутульцев (95,7% всех рутульцев б. СССР), из них 95,47% назвали родным язык своей национальности, 3,11% – русский язык, 1,42% – др. языки. Основная часть рутульцев проживает в Рутульском (17 селений), Ахтынском (с. Хнов) и др. районах Республики Дагестан (14 955 чел., или 73,4%), а также в Нухинском р-не Азербайджана (села Шин и Кайнар). Часть носителей рутульского языка относит себя к лезгинам (жители сел. Хнов, горожане Дагестана, большинство проживающих в Азербайджане).

Общественные функции языка. Рутульский язык относится к языкам с минимальными общественными функ-

циями, так как до начала 90-х гг. он функционировал как язык семейно-бытового общения. До 1953 г. официальным языком делопроизводства и средством обучения для рутульцев был азербайджанский. В Дагестане с 1952 г. эти функции выполняет русский язык. С 1990 г. рутульскому языку придан статус письменного языка. С введением письменности функции рутульского языка расширяются: осуществлен перевод начального обучения на родной язык, на нем создается и издается учебная и методическая литература, более 15 лет ведутся радиопередачи на рутульском языке. Для рутульцев характерно дву- и многоязычие: наряду с родным они владеют русским, азербайджанским, частично лезгинским и цахурским языками.

Письменность. Первая письменная фиксация рутульского языка на арабской графике относится к XVIII в., когда стал известен текст песни ашуга Кор Раджаба. Рутульский язык приобрел статус письменного языка в 1990 г., когда постановлением Совета Министров Дагестана был утвержден и обнародован в печати алфавит на основе кириллицы. Основу рутульского литературного языка составил мухадский диалект.

Лит.: Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978; Ихилов М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; Лавров Л. И. Рутульцы // Народы Дагестана. М., 1955; Лавров Л. И. Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник. Вып. 3. М.; Л., 1962; Магомедов А. Р. Народности Дагестана: Этнолическое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990.

СААМСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **саамы** (устар. **лопари**), ед. ч. **саам, саамка**. Самоназвания:

саамм (в России), *сязмм* (в Финляндии), *саапмиэ, саамиэ* (в Швеции), *сабме* (в Норвегии). Самоназвание *саамм* (*same* или *sabme* (мн. ч. *samek*) и др. схожие формы), как правило, связывают с праформой **sama*, которой в финском языке соответствует этноним *hame* «емь», заимствованный из литовского, латышского языков (ср. латыш. *zeme* «земля»; лит. *zeme* «земля»; *zemas* «низкий, низменный»).

Общие сведения. Саамский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи языков. Он является языком агглютинативного типа, но с развитой флексией основы и чередованием гласных и согласных звуков, за исключением южных диалектов саамского языка, функционирующего в Швеции. Основное ударение в саамском языке падает на первый слог, а второстепенное — на следующий нечетный слог. Ударение тесно связано с долготой гласных.

Диалекты саамского языка подразделяются на два больших наречия: западное и восточное, в которых разные исследователи выделяют 8–10 диалектов, принадлежащих различным этнографическим группам саамов. Российские саамы говорят на диалектах *сколт* и *кольско-саамском*, которые также принято называть русско-саамскими диалектами.

Саамы представляют собой разделенный народ, так как они проживают на территории нескольких государств. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Российской Федерации численность саамов составляет 1835 чел. (97,9% всех саамов б. СССР), из них 42,02% считают родным язык своей национальности, 56,78% — русский язык, 1,2% — др. языки. Русским языком владеют 97,3% всех саамов России. В России они живут на Кольском п-ове (Мурманская обл.). Основ-

ная часть саамов населяют северные районы трех стран — Норвегии (ок. 20 тыс., родным языком владеют 10 тыс.), Швецию (ок. 17 тыс., родным языком владеют 5 тыс.), Финляндию (ок. 4,5 тыс., родным языком владеют 3 тыс.).

Общественные функции языка. Язык российских саамов относится к языкам с минимальными общественными функциями и используется в семейно-бытовом общении в среде старшего поколения. Во всех общественно значимых сферах, включая сферу образования, используется русский язык. Большинство саамов двуязычны. Попытки введения обучения на родном языке в 30-е гг. XX в. были прерваны с началом Великой Отечественной войны. В 80-е гг. была предпринята попытка возобновить преподавание саамского языка в начальной школе в нескольких поселках Мурманской обл., однако дети саамских семей владеют родным языком недостаточно. Более широкими функциями обладает саамский язык за рубежом: он является средством обучения, используется в средствах массовой коммуникации, культуры, общинного парламента в рамках национально-культурной автономии.

Письменность. В 1894 г. Архангельским миссионерским обществом был осуществлен перевод Евангелия на саамский язык, а затем был издан и первый букварь с азбукой (1895). В 1933 г., в рамках политики изучения языков народов Севера и создания письменности, для саамов Кольского п-ва на базе кильдинского диалекта издается букварь З. Червякова на основе латинской графики, а в 1934–1935 гг. — переводы книг для чтения и учебники для обучения в начальной школе. В 1936 г. был создан алфавит с использованием кириллицы.

В Норвегии, Швеции и Финляндии у саамов существует письменность с XVII в., для них издаются газеты и книги.

Лит.: Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты: Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М., 1982; Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Там же; Керт Г. М. Саамский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Киселева А. А. Советские саамы: История, экономика, культура. Мурманск, 1987; Клаус В. Об алфавите и орфографии литературного языка кольских саамов // Советское финно-угроведение. XX. 1984. № 4; Линкола М. Образование различных этноэкологических групп саамов // Там же; Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971; Происхождение саамов: По данным антропологии и археологии. М., 1991; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Харузин Н. Н. Русские лопари. М., 1890.

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК

Носители: селькупы (устар. **остяко-самоеды**), ед. ч. **селькуп, селькупка**. Самоназвание: *селькуп, шелькуп, чумьлькуп, сюсю-гум, сюссе-кум, шеш-кум* и т.п. Самоназвание *селькуп* используется только северными селькупками и имеет значение «таежный человек». Состоит оно из *söt, šöt* «тайга, лес» + *qur* «человек»; *чумьлькуп, тьюкум* «земляной человек». Элемент *qur/qur* в значении «мужчина», «человек» встречается и в других родственных языках уральской семьи языков (ср. манс. *хит*, коми *коми*, венг. *him* «самец»).

Общие сведения. Селькупский язык относится к самодийской ветви уральской семьи языков. Он близок к ненецкому, энецкому, нганасанскому языкам, имеет отдельные черты, сбли-

жающие его с мансийским языком. По морфологическому признаку селькупский язык относится к агглютинативному типу языков, частично используется внутренняя флексия и чередование основ. Ведущим способом слово- и формообразования является суффиксация. Из служебных слов в селькупском языке наиболее развиты послелоги. При построении предложения характерен устойчивый порядок слов: субъект – объект – предикат. Обстоятельственные слова могут быть как в начале предложения, так и в середине, определение всегда находится перед определяемым словом. Ударение падает, как правило, на первый слог, а дополнительное – на третий и пятый слоги.

В селькупском языке выделяются четыре наречия: северное (тазовское), центральное, южное, кетское, которые подразделяются на многочисленные диалекты и говоры.

В 1959 г. численность селькупов составляла 3768 человек. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 3564 селькупов (98,43% всех селькупов б. СССР), из них 47,73% (в 1979 г. – 56,6%) считают родным язык своей национальности, 50,59% – русский язык, 1,68% – др. языки. Русским языком как родным или вторым владели в 1989 г. 93,2%. Проживают селькупы на обширной территории в междуречье Оби и Енисея, а также по притокам этих рек, северную и центральную части Томской области занимают нарымские селькупы, а наиболее компактная, тазовская, группа селькупов проживает в Тазовском, Красноселькупском, частично в Пуровском р-нах Ямало-Ненецкого автономного округа, баишенские селькупы – в Туруханском р-не Красноярского края, в Тюменской обл.

Общественные функции языка.

Селькупский язык обладает минимальными общественными функциями: используется только в семейно-бытовом общении, в сфере традиционного промысла и духовной культуры. Молодое поколение практически не владеет родным языком. В 30-е гг. XX в. были предприняты попытки ввести обучение на родном языке в начальной школе. В настоящее время основным средством общения селькупов в общественно значимых сферах является русский язык.

В 80-е гг. началось движение за возрождение селькупского языка, было создано общество «Колта Куп» («Обские люди»). В 1986 г. была издана первая азбука, в 1990–1995 гг. – учебники селькупского языка для начальной школы (2–3 классы), с 1990 г. началось обучение селькупскому языку как учебной дисциплине в начальных классах в нескольких школах и педагогическом колледже г. Салехарда (7 учащихся). Отсутствие педагогических кадров, владеющих селькупским языком, не дает возможности организовать полноценное обучение родному языку в начальной школе и изучение селькупского языка как особой дисциплины в старших классах.

Письменность. Первая попытка создать алфавит селькупского языка была предпринята Н.Г. Григоровским в 1897 г., но окончилась неудачей. В 30-е гг. были созданы букварь, книги для чтения, учебники арифметики с использованием латинской графики, затем был осуществлен переход на кириллицу. Однако в середине XX в. обучение, издание литературы стало осуществляться только на русском языке. Возрождение селькупской письменности и культуры началось в 80-е гг. XX в.

Лит.: Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской

колонизации. Томск, 1960; Ириков С. И. Проблемы возрождения и развития языка тазовских селькупов // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы междунар. конф. М., 1996; Казакевич О. А., Кузнецова А. И. Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации. 1992. М., 1992; Лебедев В. В., Соколова З. П. Селькупы // Этническая история народов Севера. М., 1982; Морев Ю. А. Перспективы развития и сбережения селькупского языка // Русский язык и языки Крайнего Севера. М., 1991; Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972; Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // Сов. этнография. 1940. Т. 3; Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Языки мира: Уральские языки. М., 1993; Шаргородский Л. Т. Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994.

СОЙОТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **сойоты**, ед. ч. **сойот**, **сойотка**. Самоназвание у современных сойотов отсутствует.

Общие сведения. По мнению исследователей, сойотский язык относится к уйгуро-тукуюской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. Он близок к тофаларскому языку. Предположительность такой классификации обусловлена тем, что нет описания системы сойотского языка. В распоряжении ученых имеются косвенные показатели принадлежности сойотов к тюркский ассимилированной народности, язык которой испытал значительное влияние монгольских языков, а затем был утерян народом. По мнению этнографа Б.Э. Петри, в 1926 г. численность сойотов составляла 509 человек (в переписи того же

года указывается цифра 229). Он отмечал, что сойоты почти утратили родной язык, его помнили всего несколько человек, но он был очень близок урянхайскому языку. В дореволюционной традиции тувинцев называли урянхайцами. По свидетельству других исследователей и этнографов, сойоты говорили на тюркском наречии, как и карагосы (туфалары). Сойотский язык бесписьменный, он испытал в своем развитии значительное влияние монгольского языка, а на современном этапе – бурятского и русского. Ныне сойоты почти полностью утратили свой язык, его помнят отдельные представители только старшего поколения.

В конце XX в. предпринимаются попытки возродить национальную культуру и язык сойотов. В Едином перечне коренных малочисленных народов России в 1999 г. численность сойотов составляла 1973 чел. В ноябре 2000 г. принято решение о новом названии территории, где проживают сойоты: Окинский сойотский национальный район в составе Республики Бурятия. Однако возрождение приемов хозяйствования (оленеводство), обрядов и традиций национальной культуры, признание этнокультурной общности вряд ли помогут возродить родной язык, которым сойоты почти уже не владеют. Можно говорить лишь об особой этнографической группе, которая в качестве родного уже использует язык другого народа (см. **тувинский язык**, **бурятский язык**).

Лит.: Дувров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983; Ирильдеева Л. Г. Национально-культурные объединения этнических меньшинств Республики Бурятии // Этнографическое обозрение. 2000. № 5; Павлинская Л. Р. Окинские сойоты: методы и механизмы разрушения этнической культуры // Материалы полевых

этнографических исследований 1990–1991 гг. СПб., 1993; Петри Б. Э. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные данные). Иркутск, 1927; Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996; Рассадин В. И. Об оленеводстве у окинских сойотов // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Вып. 2. Ч. 1. Улан-Удэ, 1999; Серебренников Б. А. Уральские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Сойоты // БСЭ. 3-е изд. Т. 24. К. 1. М., 1976.

ТАБАСАРА́НСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: множ. ч. **табасаранцы** (табасараны), ед. ч. **табасаранец** (табасаран), **табасаранка**. Самоназвание: *табасаран*, *табасаранар* «табасараны», *табасаранжви* «табасаранец», *табасараншив* «табасаранка», *кабган*.

Этноним *табасараны* образован от топонима Табасаран. Территория проживания народа называли *Табарстан* «вершинная область».

Общие сведения. Табасаранский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской (севернокавказской) ветви иберийско-кавказской семьи языков. Он относится к языкам агглютинативного типа с элементами языков эргативного строя. Из служебных частей речи важную роль выполняют послелогии. При создании слов используются аффиксация, словосложение и редупликация. Ударение в табасаранском языке разноместное и подвижное.

В табасаранском языке два наречия: северное и южное, каждое из которых объединяет ряд диалектов и говоров.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., табасаранцев насчитывалось свыше 98 тыс. чел. (из них свыше 20 тыс. за пределами Дагестана).

Они составляют шестую по численности коренную народность Дагестана. В РФ проживают 93 587 табасаранцев (96% всех табасаранцев б. СССР), из них 96,64% считают родным языком своей национальности, 2,41% – русский язык, 0,95% – др. языки. Табасаранцы проживают в Хивском, Табасаранском р-нах Республики Дагестан (78 196 чел., или 80,2%), а также переселенцы-табасаранцы в пределах Дербентского р-на. Значительное число табасаранцев проживает в городах республики Дербент, Огни, Каспийск, Махачкала, в поселках Мамедкала, Белиджи, а также за пределами Дагестана.

Общественные функции языка. Табасаранский язык является одним из государственных языков Республики Дагестан. Он имеет довольно развитые общественные функции. Делопроизводство осуществляется на родном языке в местах компактного проживания табасаранцев. Обучение на родном языке ведется только в начальной школе, а в старших классах средней школы, в педучилищах, в вузах республики табасаранский язык и литература изучаются как учебные предметы. Основным средством обучения и получения образования является русский язык.

На табасаранском языке издаются учебники, учебно-методические пособия, оригинальная и переводная художественная, общественно-политическая литература, литературный альманах «Литературайин Табасаран» («Литературный Табасаран»), женский и детский журналы, районные газеты; ведутся республиканские и районные передачи по радио и телевидению. Табасаранский язык используют в художественной самодельности: функционирует народный театр, организуются концерты и спектакли в селах и городах.

Для взрослых табасаранцев исторически было характерно табасаранско-

лезгинское, табасаранско-азербайджанское двуязычие В настоящее время функционально активным межнациональным средством общения в социально значимых сферах жизни является русский язык, которым молодежь владеет гораздо лучше и свободнее, поэтому табасаранско-русское двуязычие получает более широкое распространение.

Письменность. Табасаранский относится к младописьменным языкам. До Октябрьской революции 1917 г. были сделаны попытки перевести на табасаранский язык книги религиозного содержания средствами арабской графики с учетом фонетических особенностей родного языка. Письменность на табасаранском языке была создана в 1932 г. на основе латиницы, а в 1938 г. была переведена на русскую графику. Основой табасаранского литературного языка послужил нитрикский говор южного диалекта.

Лит.: Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1978; Жирков Л. И. Табасаранский язык. М.; Л., 1948; Ихилов М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; Ихилов М. М. Табасараны // Народы Дагестана. М., 1955; Курбанов К. К. Морфология табасаранского языка. Махачкала, 1986; Магомедов А. Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. Л., 1948; Услар П. К. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979; Ханмагомедов Б. Г. - К. Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **татары**, ед ч. **татарин**, **татарка**. Самоназвание: *татар*. Татары, использующие в качестве род-

ного языка современный волжско-татарский литературный язык, относятся к различным этнографическим, этноконфессиональным группам, населяющим обширные и отдаленные друг от друга территории и имеющим определенные различия в языке и культуре, обусловленные историческими условиями жизнедеятельности татарского народа. Обычно выделяют следующие группы: казанские, касимовские, сибирские, астраханские, литовские, добруджинские татары, мишари, кряшены (крещеные), тептяри, нагайбаки и т.д. Крымские татары считаются самостоятельным этносом.

Этноним *татар* – древнего происхождения, хотя как наименование и самоназвание современных татар он был принят лишь в XIX–XX вв. Происхождение этнонима *татары* возводят к тюркскому языку: *татар* «чужие люди; люди не нашего племени» из слов *тат* (*дат/ÿат*) «чужой» + *эр* (*ар/ур*) «человек, люди». Термин *татары* мог использоваться для наименования как другого тюркского племени, так и нетюркских народов: китайские историки татарами называли всех своих северных соседей (монголов и немонголов), западноевропейцы – многие народы Азии и Европы, в первую очередь монголов, а русские иногда использовали этот термин в значении «нерусские, восточные люди», или же, по свидетельству В. Н. Татищева, слово *татары* употреблялось вместо названий *скиф*, *сармат*, *варвар*. Н.А. Баскаков допускает также связь этнонима татары с именем одного из потомков Чингисхана – Татара.

Общие сведения. Татарский язык (булгаро-татарский, волжско-татарский) относится к кыпчакско-булгарской группе кыпчакской ветви тюркской семьи языков. Татарский язык по своим морфологическим признакам

относится к языкам агглютинативного типа с элементами синтетизма. Слова образуются в основном суффиксацией, словосложением и аналитическим способом. В предложении подлежащее обычно предшествует сказуемому, стоящему в конце предложения. Ударение в татарском языке является экспираторно-количественным и падает в исконных словах на последний слог.

Татарский язык подразделяется на три диалекта: средний, западный (мишарский) и восточный (язык сибирских татар).

Численность волжских татар, по материалам переписи населения 1989 г., составляет 6 млн. 645 тыс. чел. В России проживают 5 522 096 татар (83,1% всех татар б. СССР), из них 85,56% считают родным татарский язык, 14,18% – русский, 0,26% – др. языки.

Татары проживают дисперсно: они расселены почти по 80 регионам бывшего СССР. На своей этнической территории, в Республике Татарстан со столицей г. Казань, проживают 26,6% всех волжских татар; значительные группы татар проживают также в Башкирии (22% татар), Удмуртии (110,5 тыс.), Мордовии (47,3 тыс.), Марий Эл (43,8 тыс.), Чувашии (35,7 тыс.), в 30 других субъектах РФ – в городах Москве, Санкт-Петербурге, в Поволжье, на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и на Северном Кавказе; а также в Узбекистане (467,8 тыс.), Казахстане (327,9 тыс.), Таджикистане (72,2 тыс.), Киргизии (70,5 тыс.), Туркмении (39,2 тыс.), Азербайджане (28 тыс.), Украине (86,9 тыс.), Белоруссии (3 тыс.), республиках Прибалтики (ок. 14 тыс.), в Турции (до 30 тыс.); татары живут также в Румынии, Болгарии, Китае, США, Австралии, Финляндии, Швеции, Польше и т.д.

Общественные функции языка. Татарский язык относится к языкам с

широкими общественными функциями. Еще в XVIII–XIX вв. он выполнял функцию средства межнационального общения и перевода для многих народов Российской империи. Он был предметом преподавания во многих русских учебных заведениях. Иосиф Гиганов издает в 1801 г. в Санкт-Петербурге грамматику татарского языка, а в 1804 г. – русско-татарский словарь. В конце XIX в. на татарском языке издается краткая морфология Г. Фейзханова (1895), а в 1887 г. – фонетика, морфология и синтаксис К. Насыри.

В начале XX в. татарский язык приобрел функцию средства обучения: его начали преподавать и в татарских школах. На татарском языке издаются книги и газеты. Дальнейшее развитие общественных функций татарского языка начинается в 20–30-е гг. XX в. Как и во многих республиках СССР, в 1921 г. декретом верховных органов Татарстана татарский язык, наряду с русским, был объявлен государственным языком и стал использоваться во всех государственных учреждениях республики. Это способствовало функциональному и структурному развитию татарского языка. Он становится предметом обучения и исследования: изучается и преподается в средней школе и вузах, издаются школьные учебники, создаются вузовские и научные грамматики, возникают различные отрасли татарского языкознания, используется он в сфере массовой коммуникации, культуре.

Во второй половине XX в. сферы использования татарского языка, как и других национальных языков СССР, сужаются: основным средством обучения в средних школах и в вузах становится русский язык, тираж издаваемых газет, журналов и книг на татарском языке снижается, время вещания на радио и

телевидении на родном языке уменьшается (в 1990 г. 3 ч. в сутки отводилось на радиопередачи, около 1 ч. — на телепередачи).

В настоящее время общественные функции татарского языка вновь получают широкое развитие: на татарском языке ведется преподавание всех предметов в 49% татарских средних школах, а также отдельных естественных, технических и социально-политических дисциплин в вузах Татарстана; независимо от языка воспитания и обучения введены уроки татарского языка во всех детских садах, школах, средних специальных и высших учебных заведениях (в 2000 г. изучением татарского языка было охвачено 98% всех учащихся в РТ), организован выпуск детских и молодежных журналов, увеличилось количество и тираж издаваемых на родном языке газет (более 10 республиканских и около 50 районных) и время на радио- и телепередачи (в сутки радиовещание — 6 ч., телевидение — 5 ч.), функционируют республиканские татарские театры; в районах компактного проживания татар вне Татарстана (в Башкирии) на татарском языке расширилось радиовещание, начали выходить газеты, создан театр.

Ведущим типом двуязычия было татарско-русское двуязычие. В настоящее время созданы условия для развития и русско-татарского двуязычия, а также для татарско-русско-английского трехязычия.

Письменность. Татарский язык является старописьменным. Татары при создании письменных памятников сначала использовали руническое письмо (VII–XX вв.), затем — арабскую графику (XI–XV вв.).

В XVI–XIX вв. функционировал старотатарский литературный язык, на котором создана богатая художествен-

ная, историческая, экономическая, педагогическая, филологическая литература.

В 1927 г. татарская письменность была переведена на латиницу, а затем на кириллицу (в 1939 г.). 15 сентября 1999 г. принят Закон Республики Татарстан «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики», рассчитанный на 10 лет.

Базой современного татарского литературного языка стал общенародный разговорный язык, в фонетическом, орфоэпическом, лексическом отношении он больше основан на среднем диалекте, в морфологическом — на западном.

Лит.: Алексеева Т. И., Васильев Б. А. К вопросу о генетическом родстве русской мешеры и татар-мишарей // Кр. сообщения Ин-та этнографии. М., 1959. Т. 31; Асфандияров А. З. Тептяри (социально-этническое и лингвистическое содержание термина) / Башкирская этнонимия. Уфа, 1987; Баскаков Н. А. Модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Ономастика Востока. М., 1980; Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953; Гимади Х. Г. Об употреблении названия «татары» // Вопросы истории. 1954. № 8; Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970; Закиев М. З. Татары: Проблемы истории и языка: Сб. ст. по проблемам лингвоэтноистории, возрождения и развития татарской нации. Казань, 1995; Закиев М. З., Ганиев Ф. А., Тумашева Д. Г., Курбатов Х. Р. и др. Татарская грамматика. Т. I. Происхождение языка. Фонетика. Фонология. Графика и орфография. Орфоэпия. Словообразование. Т. 2. Морфология. Казань, 1993. Т. 3. Синтаксис. Казань, 1992; 2-е изд. — 1995–1997; Исхаков Д. М. Татары: Попул. очерк этнической истории и демографии. Набережные Челны, 1993; Исхаков Д. М. Нагайбаки // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Исхаков Д.

Кряшены // Идел. 1994. № 5/6; Исхаков Д. М. Тептяри // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Каримуллин А. Г. Татары: Этнос и этноним. Казань, 1988; Куртiev Р. И., Когонашвили К. К. Этнический термин «татар» и этнос крымские татары // Сквозь века. Вып. 1. Симферополь, 1995; Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995; Молькеевские кряшены. Сб. ст. Казань, 1993; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М., 1972; Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (сер. XIX – нач. XX в.). М., 1977; Орлов А. М. Мешера, мешеряки, мишаре. Казань, 1992; Садур В. Г. Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983; Татары и Татарстан: Справочник. Казань, 1993; Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских болгар. М., 1978; Халиков А. Х. Кто мы? Булгары или татары? Казань, 1992; Чхао Чху-ченг. О значении этнонима «татары» в китайских источниках в домонгольской и послемонгольской эпохах // Идел. 1994, № 11/12; Шакуров Р. З. Нагайбак: Антропоним – топоним – этноним // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987.

ТАТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **таты**, ед. ч. **тат**, **татка**. Самоназвание: *тат*. Этноним *тат*, тюркский по происхождению, использовался для именованя различных оседлых этнических групп Средней Азии, Кавказа, Сибири, Ирана и др., преимущественно ираноязычного происхождения.

Общие сведения. Татский язык относится к юго-западной группе иранской ветви индоевропейской семьи языков. Он близок персидскому и таджикскому языкам. Татский язык относится к языкам аналитического строя с развитой морфологической системой

спряжения и наличием остатков древнего склонения (прямого и косвенного падежей). Ударение в татском языке динамическое, обычно падает на последний слог.

Язык татов делится на два диалекта: а) варташенские и кубинские, б) апшеронские и северо-азербайджанские, которые имеют существенные различия, не позволяющие носителям достигнуть полного взаимопонимания. По мнению исследователей, это связано с происхождением различных групп татов, исповедующих различные религии: татов-иудаистов (см. **язык горских евреев**) и татов-мусульман, к которым по языковым признакам примыкают таты-христиане (армяно-таты).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ численность татов составляла 19 420 чел. (63,32% всех татов б. СССР), из них 83,46% считали родным язык своей национальности, 14,35% – русский язык, 2,19% – др. языки. Точных сведений о численности татов не имеется, так как многие таты записывались азербайджанцами или армянами, а горские евреи выделялись как особый этнос (1989 г.). Таты проживают островками в селах и в городах Махачкала, Дербент, Буйнакск, Кизляр Дагестана (12 939 чел.), в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне, а также в Азербайджане (5,5 тыс. чел). Татами в Иране называют около 300 тыс. человек, которые не имеют ничего общего с кавказскими татами.

Общественные функции языка. Татский язык имеет ограниченные общественные функции: он используется в основном как средство семейно-бытового общения, хотя является одним из литературных языков Дагестана. В 20–30-х гг. XX в. в России вводилось обучение на татском языке (в начальной школе), выходили газеты, издавалась

художественная и учебная литература. В настоящее время в татских селах вводится преподавание родного языка в начальной школе (1–2 классы). Однако основным средством общения в социально значимых сферах и межнациональной среде является русский язык. Официальным средством общения, обучения у южных татов является азербайджанский язык.

В сфере издательской деятельности татский язык представлен значительными публикациями: в Махачкале, Москве и Нальчике издана разнообразная литература: произведения татских писателей и поэтов, фольклор, школьные учебники, переводы произведений русских писателей, а также политические, сельскохозяйственные, научно-просветительские брошюры, газеты и журналы. Издается ежегодный альманах на татском языке.

Письменность. Татский язык в Дагестане получил письменность в 1928 г. на основе латинской графики, в 1938 г. письменность была переведена на кириллицу. В середине 30-х гг. пытались ввести письменность для татов пос. Куба – в Баку, на этом диалекте издано несколько книг. Однако письменность у местных татов-евреев не закрепились, так как татский язык не выполнял функцию языка обучения или изучения в школе. Таты-мусульмане не имели письменности, а функцию средства обучения, деловой переписки выполнял азербайджанский язык. См. **язык горских евреев.**

Лит.: Анисимов И. Ш. Кавказские еврей-горцы. М., 1988; БСЭ 3-е изд. Т. 25. 1976; Грюнберг А. Л. Татский язык // Языки народов СССР. Т. 1, 1966; Грюнберг А. Л., Люшкевич Ф. Д. Термин «тат» как этноним // Этническая история народов Передней Азии. М., 1972; Магомедов Р. М. К вопросу о татах // Там же. М., 1972; Народы Кавказа. Т. 1.

М., 1960; Таты-иудаисты // Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. XXIII. М., 1993; Шор Р. О. О спорных вопросах в исследовании консонантизма татов-евреев // Языки Северного Кавказа и Дагестана, Вып. II. М.; Л., 1949.

ТЕЛЕУТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. телеуты, ед. ч. телеут, телеутка. Самоназвания: *теленгет/теленгут, татар, пайат*. Самоназвание *тэлэнгут/тэлэнгэт* возводят к монгольскому названию племени *теле* (*теленгут* с распространенным в тюркских этнонимах аффиксом мн. ч. *-т*).

Общие сведения. По своим лингвистическим признакам телеутский язык (или диалект алтайского языка) относится к киргизко-кипчакской ветви тюркской семьи языков. Телеутский язык имеет определенные отличия от алтайского литературного языка (собственно алтайского диалекта) в фонетике, что позволяет говорить об определенной самостоятельности этого языка с учетом языковых контактов, имевших место в древнейшую эпоху, а самих телеутов признать особой субэтнической группой алтайцев (см. **алтайский язык**).

Общую численность телеутов установить трудно, так как их причисляли во время переписей к алтайцам. По некоторым данным, в Кемеровской обл. в 1989 г. насчитывалось 2594 телеутов, всего же в РФ их около 3 тыс. Основной этнической территорией проживания телеутов являются бассейн р. Сема в Шебалинском районе Республики Алтай, Кемеровская область (Беловский, Гурьевский, Новокузнецкий р-ны), небольшие группы телеутов проживают в Заринском и Кытмановском р-нах Алтайского края.

Общественные функции языка. Телеутский язык относится к языкам с ми-

нимальными общественными функциями: он используется в устном общении как средство семейно-бытового общения, иногда используется в традиционных для народа производственных сферах. Все телеуты владеют русским языком. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 65,6% алтайцев, куда входили и телеуты, свободно владели русским языком, из них практически владели языком своей национальности только 1,91%, хотя родным языком считали алтайский язык 85,1%.

Письменность. Телеутский язык в качестве диалекта алтайского языка стал письменным, когда Алтайской духовной миссией был создан алфавит на основе кириллицы. С определенными изменениями этот алфавит просуществовал до 1931 г., когда он был заменен латиницей, а в 1938 г. вновь вернулась письменность на кириллической основе. В 1922 г. была определена диалектная база собственно алтайского языка – диалект алтай-кижи, который использовало большинство алтайцев центральных районов.

Лит.: Артемов Г. Телеуты Беловского района // Разыскания: Ист.-краеведч. альманах. Вып. 2. Кемерово, 1992; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Он же. Этноним «теле» и алтайцы // Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966; Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994.

ТИНДИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. тиндалы (тиндинцы), ед. ч. тиндал, тиндалка. Самоназвание: *идери*. Принятое наименование *тиндалы* (тиндинцы) и самоназвание *идери* образованы от топонима *Тинди* (тиндинское *Идери*).

Общие сведения. Тиндинский язык относится к андийской подгруппе ава-

ро-андо-цезской группы нахско-дагестанской (севернокавказской) ветви иберийско-кавказской семьи языков. Он относится к языкам агглютинативного типа с элементами аналитизма, а также многопадежностью имен. Структура простого предложения характеризуется наличием абсолютных, эргативных, аффективных и дативных конструкций. Ударение может выполнять смыслоразличительную функцию.

В тиндинском языке можно выделить тиндинско-эчединскую и ангидинско-акнадинскую группу говоров.

Официальной статистики о численности тиндалов нет, так как их причисляли к аварцам. По переписи 1926 г., их насчитывалось 4095 чел. По некоторым оценкам, их число в настоящее время составляет 6–7 тыс. чел. Тиндинцы проживают в Цумадинском, Кизилюртовском и Хасавюртовском районах Дагестана в селениях Идари, Ангида, Акнада, Эчеди, Комсомольское, Чонтаул и др.

Общественные функции языка. Тиндинский язык является бесписьменным и используется как средство семейно-бытового общения внутри национальной общины. Основным средством общения в социально значимых сферах являются аварский и русский языки: они используются в сфере делопроизводства, массовой коммуникации и в межнациональном общении. До середины XX в. языком обучения был аварский, а затем – русский. В старших классах аварский язык и литература изучаются как предметы, влияние которых на тиндинский язык является очень большим, и постепенно на смену собственному фольклору приходит аварский.

Лит.: Алексеев М. Е. Тиндинский язык // Языки народов России: Красная книга. М., 2002; Гудава Т. Е. Тиндинский язык // Языки народов СССР. Т. IV.

Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Магомедханов М. М. Тиндалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.

ТОФАЛАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **тофалары** (устар. **карагасы**), ед. ч. **тофалар**, **тофаларка**. Самоназвание: *тофа* (*тоха*, *тыфа*, *топха*). Этноним *тофалар* является тюркским производным этнонима *тофа*, так как образован при помощи тюркского суффикса множ. ч. *-лар*. Этнонимический корень *тофа* (*тон'а/тыфа/тын'а*) стоит в ряду тюркских этнонимов *тувинцы*, *тубалары* и др., образованных от древнего племенного названия *туба/дубо*, относительно происхождения которого нет единого мнения. Одни (Г.Н. Прокофьев) считают его исконным самодийским этнонимом, восходящим к селькупскому *тибэ-ня* (*тибэ* «мужчина» + *ня* «товариш»). Другая многочисленная группа исследователей (Г.В. Ксенофонтов, Н.Н. Козьмин, С.И. Вайнштейн и др.) относит этноним *туба/тува* к древнетюркскому названию одного из уйгурских племен, упоминаемых в китайских источниках V в. и в монгольской хронике XIII в. «Сокровенное сказание».

Общие сведения. Тофаларский (карагасский) язык относится к уйгуротюкюйской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. По своим морфологическим признакам он является агглютинативным и близким к тувинскому, тубаларскому и др. языкам.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 722 тофалара (98,77% всех тофаларов б. СССР), из них 42,8% считают родным язык своей национальности, 55,54% – русский язык, 1,66% – др. языки. По некоторым данным, численность тофаларов в 1997 г. составляла 669 чел. Они проживают в основном в Нижне-

удинском районе Иркутской области в селах Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара вдоль бассейна рек Уда, Бирюса, Кан, Гутара и др.

Общественные функции языка. Тофаларский язык стал объектом изучения еще в XIX в., когда были сделаны первые записи тофаларского текста кириллицей (1857 г.), а фольклора – латинской графикой (1890 г.). В 1971 г. В.И. Рассадин опубликовал работу о тофаларской лексике и фонетике с приложением записей двух сказок и этимологического словаря.

Тофаларский язык используется в основном старшим поколением в семейно-бытовом общении. Молодое поколение впервые стало получать образование в советские годы после перехода на оседлый образ жизни. Однако дети воспитывались в круглосуточных группах детского сада, а затем обучались только на русском языке в школах-интернатах, поэтому они были оторваны от родного языка. В настоящее время в тофаларских поселках созданы начальные школы и дети проживают в семьях. Тофаларский язык стал предметом изучения в начальной и средней школе. В основных сферах жизни тофаларов используется русский язык.

Письменность. Сохранению родного языка способствует создание письменности, алфавита и первого букваря на кириллической основе в 1989 г., издание учебников, хрестоматий и словарей.

Лит.: Вайнштейн С.И. Тофалары // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Кривоногов В.П. К современной этнической ситуации в Тофаларии // Сов. этнография. 1987. № 5; Мельникова А.И. Тофы: Историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994; Рассадин В.И. Тофалары и их язык (этно-

лингвистическая ситуация) // Малочисленные народы Севера и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997; Рассадин В. И. Тофаларский язык // Языки народов России: Красная книга. М., 2002.

ТУБАЛАРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **тубалары** (устар. **черневые татары**), ед. ч. **тубалар**, **тубаларка**. Самоназвание: *тубалар* (*тува*) *тума-кижи*, *йыш-кижи* и др.). Происхождение этнонима *тубалар* аналогично названиям *тувинцы*, *тофалары* (см. **туфаларский язык**). Сами тубалары называют себя обобщенно *йыш-кижи*, где *йыш* «лес» + *кижи* «человек, мужчина», т.е. «лесной человек» («лесные люди»). Словом *йыш* древние тюрки называли горнотаежную местность, по-русски «чернь», поэтому использовалось название *черневые татары*, которым именовали все тюркоязычное население горной тайги Северного Алтая и Кузнецкого Алатау.

Общие сведения. Тубаларский язык относится к хакасской группе уйгуро-гузской ветви тюркской семьи языков. Его считают диалектом алтайского языка, а самих тубаларов относят к субэтнической группе алтайцев. Однако сами тубалары осознают себя особым этносом, а их язык по ряду фонетических и грамматических особенностей обладает специфическими чертами, отличающими его от др. языков в составе тюркских языков. См. **алтайский язык**. Носители тубаларского языка (диалекта) хорошо понимают язык северных и южных алтайцев.

О численности тубаларов нет точных данных, так как при проведении переписи населения в некоторых местах их записывали вместе с челканцами и кумандинцами. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в РФ их насчитывается 4865 чел. По некоторым другим оценкам, общая чис-

ленность тубаларов в настоящее время составляет около 7 тыс. чел., а в Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации приводится цифра 2644 чел. (на 1999 г.). Тубалары проживают в Турочакском, Чойском и Майминском р-нах Республики Алтай в бассейне рек Бия, Большая и Малая Иша, притоков р. Катунь.

Общественные функции языка. Собственно тубаларский язык используется старшим поколением в сфере семейно-бытового общения. Тубалары владеют родным и русским языками, последний является основным средством общения в социально значимых сферах и предпочтительным среди молодежи. Наблюдается уменьшение не только численности тубаларов, но и владеющих родным языком, так как более 15% алтайцев, в числе которых и тубалары, назвали родным русский язык. До середины XX в. в местах компактного проживания тубаларов языком обучения был алтайский язык, затем языком получения образования стал русский. В последние годы возобновилось преподавание алтайского языка.

Письменность. Тубалары используют письменность, созданную для алтайского языка (см. «**Алтайский язык**»).

Лит.: Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1966; Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969. См. также «Алтайский язык».

ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **тувинцы** (устар. **сойоты**, **сойоны**, **танну-тувинцы**, **урянахайцы**), ед. ч. **тувинец**, **тувинка**. Самоназвание: *тыгъва* (*дыгъва*). Этноним *тыгъва* и его варианты *туба*, *тува*, *туфа*, *туха* и т.п. восходят к самоназва-

нию *тыва кижги* «человек тыва». По сведениям китайских источников, этноним *тува* принадлежал одной из господствующих тюркских (уйгурских) племенных группировок. Устаревший этноним *урянхайцы*, не имеющий ясной этимологии, восходит к древнейшему тюрко-монгольскому этнониму *урянкат* (*урянх*).

Общие сведения. Тувинский язык относится к уйгуро-тюкюйской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. Он относится к языкам агглютинативного типа. При образовании слов используются суффиксация и словосложение. Словесное ударение в тувинском языке обычно падает на последний слог.

В тувинском языке выделяют несколько диалектов: центральный, западный, северо-восточный, или тоджинский, юго-восточный на территории Тувы, а также северо-западный (в Монголии) и сойотский (в Бурятии). На формирование диалектов, особенно на язык тувинцев-тоджинцев и сойотов (см. **сойотский язык**), оказали влияние языковые контакты с соседними народами.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., общая численность тувинцев 235 тыс. чел., в Российской Федерации проживают 206 160 тувинцев (99,8% всех тувинцев б. СССР), из них 98,57% считают родным язык своей национальности, 1,37% – русский язык, 0,06% – др. языки. Тувинцы проживают в Республике Тыва (198 448 чел., или 96% всех тувинцев б. СССР) со столицей г. Кызыл, а также в Монголии (25 тыс. чел.), в Китае (3 тыс. чел.).

Общественные функции языка. До 30-х гг. XX в. на территории современной Тувы в качестве официального языка функционировал монгольский, который использовался грамотными

тувинцами, прежде всего духовенством, в официальном делопроизводстве, историографии и частной переписке, в 1925–1931 гг. на нем издавалась газета, он изучался в начальной школе. Общественные функции тувинского языка получили развитие в 30–40-е гг. На родном языке начинает вестись преподавание в школе (к 1944 г. действовали 125 школ), издаются книги, газеты, тираж которых доходит до 30 тыс. экземпляров.

В современную эпоху тувинский язык имеет статус государственного языка, а русский язык «действует как общегосударственный государственный язык. Тувинский и русский языки равноправно употребляются во всех сферах общения, регламентируемых законодательством, в том числе на всех предприятиях, учреждениях и организациях, а также органами власти и управления...» (Конституция (Основной Закон) Республики Тыва, ст. 33). Тувинский язык используется во всех социально значимых сферах жизни тувинского народа: в семейно-бытовом общении, в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, средств массовой коммуникации (радио, телевидение, газеты, журналы), дошкольного воспитания, школьного и вузовского образования, культуры (фольклор, художественная литература, театр и др. виды искусства), в сфере дело- и судопроизводства.

Среди тувинцев довольно сильно развито национально-русское двуязычие: по переписи 1994 г. 64% тувинцев заявили о свободном владении русским языком. Тувинско-монгольское двуязычие характерно в настоящее время для жителей пограничных с Монголией районов. Получает развитие и русско-тувинское двуязычие, чему способствует введение преподавания тувинского языка как учебной

дисциплины в дошкольных учреждениях, в школах и классах с русским языком обучения.

Письменность. В Туве до 30-х гг. использовался монгольский алфавит, так как литературным языком у тувинцев был монгольский язык. Тувинская письменность появилась в 1930 г. на основе латиницы, а в 1941 г. — на основе кириллического письма, хотя первые записи тувинского языка кириллицей были сделаны еще в XIX в. Основой национального литературного языка послужил центральный диалект тувинского языка.

Лит.: Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991; Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1956; Он же. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961; Он же. Этноним Тува // Этнонимы. М., 1970; Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. СПб., 1997; Монгуш Д. А. О национально-языковом положении тувинцев // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992; Наделяев В. М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986; Народы Сибири. М.; Л., 1956; Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969; Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971; Татаринцев Б. И. О происхождении этнонима «соян» и его носителей // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984; Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл, 1980; Этногенез народов Севера. М., 1980.

ТУНГУССКИЙ ЯЗЫК. Устар. См. **эвенкийский язык.**

УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **удмурты**, ед. ч. **удмурт, удмуртка**. Самоназвания: *удмурт, вудмурт, одмурт (одморт), удморт, укморт (окморт), ур-морт (уртморт)*.

Самоназвание *удмурт* состоит из пермского слова *мурт* со значением «человек», которое возводится к заимствованию из иранских языков (ср. тадж. *мард* «человек», «мужчина», *мардум* «люди, народ») и к индоевропейскому корню **meǵ-* (ср. в санскрите *marṭa-* «смертный человек»). Остается неясной первая часть этнонима *удмурт*, которую связывают с удмуртским словом *уд*, коми *од* «луговая зелень, всходы», т.е. слово *удмурт* может иметь значение «луговой человек» (ср. луговые марийцы).

В устаревшем этнониме *вотяки* (варианты: *оты, отяки, воты*) выделяется свойственный русскому языку суффикс *-ак* (ср. поляк, словак, русак, туляк). Данный этноним посредством марийского проник в русский язык: марийское *одо-мари* возникло из др.-удмурт. *одо-морт*.

Общие сведения. Удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорской семьи языков. Он близок к коми-зырянскому и коми-пермяцкому языкам. Удмуртский язык относится к агглютинативному типу. Основным способом создания слов является суффиксация. Смысловым и организующим центром простого предложения выступает сказуемое, подлежащее может быть опущено. Ударение обычно падает на последний слог слова (кроме заимствованных слов), используется для различения грамматических форм глагола.

В удмуртском языке выделяются северное и южное наречия. Особым наречием считается язык этнической группы бесермян (см. **бесермянский язык**).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в пределах Удмуртской Республики (столица г. Ижевск) довольно компактно живет около 500 тыс. удмуртов (95,7% всех удмуртов б.

СССР), из них 70,81% считают родным язык своей национальности (в 1959 г. родным языком удмуртский считали 89,1%), 28,94% – русский язык, 0,25% – др. языки. Удмурты проживают также в Пермской области (ок. 33 тыс.), в Кировской (26 тыс.), в Свердловской области (ок. 24 тыс.), в Башкирии (около 24 тыс.), в Татарии (25 тыс.), в Республике Марий Эл (ок. 2600 чел.).

Общественные функции языка. Удмуртский язык в современную эпоху обладает широкими общественными функциями: он имеет статус государственного, на нем печатаются законодательные акты, употребляется он в сфере народного образования и в средствах массовой информации, а также в культурной жизни удмуртов. Еще в конце XIX – начале XX в. появляются первые буквари, словари, переводы текстов религиозного характера, русской художественной литературы, а также произведения устного народного творчества. До Октябрьской революции 1917 г. начали печататься литературные произведения. В 1889 г. вышло первое оригинальное стихотворение «Чагыр, чагыр дыдыке» («Сизый, сизый голубочек») Гр. Верещагина. В 1904–1909 гг. был издан «Календарь на удмуртском языке», в 1909 г. напечатана первая оригинальная поэма М. Можгина «Беглой» («Беглый»). К концу 1917 г. на удмуртском языке было издано свыше 200 книг.

В сфере образования удмуртский язык функционирует как средство обучения в начальных и средних национальных школах, в удмуртских группах педучилищ, Глазовского пединститута. В средних образовательных школах с национальным контингентом он преподается с 1 по 11 классы (с 1998/99 учебного года работала 421 школа с углубленным изучением родного языка).

Первая газета «Виль синь» («Новое око») на удмуртском языке вышла в 1917 г. Она несколько раз меняла свое название и теперь выходит в ранге республиканской газеты «Удмурт дунне» («Удмуртский мир»). С 1926 г. издается ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Кенеш» («Совет»). В настоящее время усилилась роль удмуртского языка в сфере средств массовой коммуникации: ведутся передачи по радио и телевидению (3–3,5 ч. в сутки), для детей выпускается газета «Зечбур!» («Привет!») и с июля 1988 г. иллюстрированный журнал «Кизили» («Звездочка»), на удмуртском и русском языках издаются с 1990 г. молодежный журнал «Инвожо» («Июнь»), а с мая 1994 г. молодежная общественно-художественная газета «Родство», с 1990 г. – научно-методический журнал «Вордскем кыл» («Родное слово»).

На национальном языке функционирует Удмуртский драмтеатр, фольклорный театр песни «Айкай» («Песня»), народный ансамбль «Шулдыр жыт» («Веселый вечер»), ансамбль песни и танца Удмуртии «Италмас» (название цветка). Расширилась сфера использования удмуртского языка и в других отраслях культуры: в сфере декоративно-прикладного искусства и ремесел, функционируют творческие союзы писателей, журналистов, композиторов, художников, общественные организации (Всеудмуртская ассоциация «Кенеш» («Совет»), Общество удмуртской культуры «Дзмен» («Сообща»).

В Удмуртии распространено национально-русское двуязычие и трехязычие: отмечается владение родным, русским и татарским языками у жителей южных районов Удмуртии, а также у удмуртской диаспоры Татарии и Баш-

кирии. Среди удмуртской интеллигенции получает распространение полилингвизм: отмечается владение еще и венгерским, финским, немецким, английским языками.

Русский язык остается социально активным средством общения, так как выполняет функцию средства межнационального и межгосударственного общения. Он используется в сфере делопроизводства, юриспруденции, в средствах массовой информации, образования и обучения в средней школе и в вузах, на собраниях, заседаниях, в сфере обслуживания.

Письменность. Удмуртский язык обычно относят к младописьменным языкам, потому что дореволюционная письменность не получила широкого применения, хотя первые записи на нем отмечаются еще в XV в. Основой для создания письменности для удмуртов стали «Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка» (1775) и «О книгах на вотском языке» (1910) миссионера Казанской духовной семинарии Пущек-Григоровича.

В 20-е гг. XX в. создается удмуртская письменность на основе русской графики, совершенствуются нормы литературного языка, орфографии и орфоэпии и т.д.

Лит.: Архипов Г. А. Удмуртские этнонимы // Ономастика Поволжья. Ч. 1. Ульяновск, 1969; Атаманов М. Г. Расселение удмуртов по данным этнопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987; Он же. Этимология некоторых воршудно-родовых имен удмуртов // Сов. финно-угроведение. 1977. № 1; Владыкин В. Е., Христолюбива Л. С. Этнография удмуртов. Ижевск, 1991; Кельмаков В. К. Происхождение и первые упоминания этнонима **ар** // Этнонимы. М., 1970; Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-

этнографические очерки. М., 1985; Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Сысоева М. В. Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск, 1967; Тепляшина Т. И. Удмуртский язык // Государственные и титульные языки России. М., 2002; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

УДЭГЕЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **удэгейцы**, ед. ч. **удэгец, удэгейка**. Самоназвания: *удэхэ, удихэ, удээ, удэ*. До сих пор нет единой точки зрения на происхождение этнонима *удэге*. Данное название возводят к маньчжурскому (чжурчжэньскому) слову *удигэ* «дикий», к имени государства У-Цзи (V–VII вв.), возникшего из названия маньчжурского рода *вэ-цзэ* «лес, чаща», т.е. со значением «лесные люди». Возможно, этноним *удэге* состоит из названия рода *У* + суфф. множ. числа *-дига* (ср. название оз. Удыль, рек Уд, Уда). Не случайно Е. Р. Шнейдер называл язык «удэйским», что ближе к самоназванию народа.

Общие сведения. Удэгейский язык относится к южной (приамурской) группе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он является языком агглютинативного типа с элементами синтетизма, фузии и аналитических конструкций. Основным способом образования слов является суффиксация. Обычно предложения строятся по принципу: субъект — объект — предикат. Обстоятельные слова, как правило, располагаются в начале предложения. Определение стоит перед определяемым словом. Ударение в удэгейском языке «кольцевое»: экспираторное ударение падает на первый слог, а на последний — музыкальное ударение.

В удэгейском языке три диалектных группы: хорско-анюйская, бикинско-иманская, самаргинско-хунгарийская.

Удэгейский язык принадлежит к одной из малочисленных народностей Дальнего Востока. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 1902 удэгейца (94,58% всех удэгейцев б. СССР), из них 24,29% считают родным язык своей национальности (в 1959 г. — 74%), 68,14% — русский язык, 7,57% — др. языки. По мнению специалистов, число владеющих родным языком не превышает 80 чел., потому что при переписи населения информанты соотносят родной язык со своей национальной принадлежностью, а не действительным использованием удэгейского языка, поэтому его можно отнести к «большим» языкам, которые находятся на стадии исчезновения. Удэгейцы проживают в бассейне рек и притоков Усури (Бикин, Хор), Хунгари, Анюй в поселках Пожарского, Тернейского р-нов Приморского края и Нанайского р-на Хабаровского края, в которых на 1 января 1999 года среди сельского населения проживало: в Приморском крае — 736 удэгейцев, в Хабаровском крае — 361.

Общественные функции языка. В 20–30-е гг. XX в. были предприняты попытки использовать удэгейский язык не только в семейно-бытовой сфере: на основе латинского алфавита было начато изучение родного языка и обучение на удэгейском языке в начальной школе. Однако в дальнейшем все обучение было переведено на русский язык. Молодежь во второй половине XX в. воспитывалась и обучалась в школах-интернатах только на русском языке, поэтому в настоящее время удэгейского языка не знает. Дети от смешанных браков называют себя русскими.

Среднее поколение еще понимает удэгейскую речь, но в повседневной жизни ее не использует. Лица от 30 до 40 лет знают отдельные слова, которые они помнят с детства от бабушек или дедушек.

Старшее поколение, которое училось в начальной школе на удэгейском языке, владеет родным языком, использует его при общении друг с другом или с еще более старшими по возрасту людьми, не владеющими русским языком. В настоящее время число владеющих удэгейским языком и использующих его в практической жизни в традиционных сферах хозяйствования, по оценке специалистов, не превышает 4%.

Письменность. В 30-е гг. XX в. был создан алфавит на основе латинской графики, составлены и изданы букварь и учебники (книги для чтения, арифметики) для 1–2 классов начальной удэгейской школы. Состояние удэгейского языка было зафиксировано Е.Р. Шнейдером в его работах: «Краткий удэско-русский словарь (с приложением грамматического очерка)» (1936), включающий более 3000 словарных единиц, «Материалы по языку анюйских удэ» (1937), куда вошли загадки и 20 фольклорных текстов удэгейцев бассейна р. Анюй, а также переводы текстов и комментарии автора.

Лит.: Арсеньев В. К. Лесные люди удэгейцы // Арсеньев В. К. Соч. Т. 5. Владивосток, 1948; Он же. Малые народности // Там же; Бахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993; Гирфанова А. Х. Удэгейский язык: проблемы описания современного статуса // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997; История и культура удэгейцев. Л., 1989; Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский)

язык. М., 1998; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Перехвальская Е. В. Удэгейцы. СПб., 1994; Подмаскин В. В. Народные знания удэгейцев: Историко-этнографические исследования по материалам XIX–XX вв. Владивосток, 1998; Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975; Старцев А. Ф. В. К. Арсеньев – исследователь удэгейцев (К вопросу о названии и самоназвании народности) // Арсеньевские чтения. Тез. докл и сообщ. Хабаровск, 1984; Старцев А. Ф. Материальная культура удэгейцев (2-я пол. XIX – XX в.). Владивосток, 1996; Суник О. П. Удэгейский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968; Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск, 1998; Шнейдер Е. Р. Краткий удэйско-русский словарь: С приложением грамматического очерка. М.; Л., 1936; Он же. Материалы по языку анюйских удэ. Л., 1937.

УЛЬЧСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *ульчи*, ед. ч. *ульча*, *ульчанка*. В литературе встречаются также формы ед. ч.: *ульч м.*, *ульчка ж.* Самоназвания: *нани*, *ульча*. Самоназвание *нани* является общим для ульчей и нанайцев и имеет значение «местный, здешний человек» (*на* «земля, местность» + *ни* «человек», см. **нанайский язык**). Этноним *ульча/ольча* толкуют как «оленные люди», взяв за основу орокское произношение тунгусского слова *орон* «олень» как *оля*, *уля* (*-ча* – суффикс принадлежности). По мнению А. М. Золотарева, этноним восходит к древнему тунгусо-маньчжурскому слову *оль* «рыба» + суффикс *-ча*, т. е. имеет значение «рыбные люди», «рыболовы», а В. И. Цинциус возводит к удэг. *ули* «река» + *-нчан* (обозначение жителя), т. е. «речные люди».

Общие сведения. Ульчский язык относится к южной (приамурской) груп-

пе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он близок к орокскому и нанайскому языкам, поэтому долгое время язык ульчей считался диалектом нанайского языка. По морфологическому типу ульчский язык относится к агглютинативно-суффиксальному типу языков с элементами синтетизма, фузии и аналитизма, так как наряду с суффиксальным способом производства слов развит аналитический, потому что грамматические формы одного слова могут создаваться при помощи двух (иногда – трех) слов, составляющих лексико-грамматическое единство. Среди служебных частей речи важную роль играют послелогии. Простое предложение обычно имеет структуру, характерную для тунгусо-маньчжурских языков: подлежащее – дополнение – сказуемое, определение стоит перед определяемым словом. Ударение в ульчском языке является экспираторно-музыкальным: на первый слог падает силовое ударение, а на последний – тоническое.

Язык не имеет диалектного членения.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 3173 ульча (98,14% всех ульчей б. СССР), из них 30,7% считают родным язык своей национальности, 66,53% – русский язык, 2,77% – др. языки. Они проживают в нижнем течении Амура в Ульчском р-не Хабаровского края. По данным Единого перечня коренных малочисленных народов Российской Федерации, в 1999 г. в Хабаровском крае зарегистрировано 3233 ульча.

Общественные функции языка.

Ульчский язык обладает минимальными общественными функциями: он используется в семейно-бытовом общении и в сфере устного народного творчества. В социально значимых

сферах жизни используется русский язык. В 30-е гг. XX в. вводилось обучение в школе родному языку, издавалась необходимая литература. Однако средством обучения ульчей был сначала литературный нанайский язык, так как ульчский язык считался диалектом нанайского языка, затем языком обучения в средней и высшей школе становится русский язык. В настоящее время ульчский язык изучается как учебная дисциплина в начальной школе, по нему издаются учебные пособия.

Письменность. В 30-е гг. XX в. ульчский народ, как и другие народы Севера и Дальнего Востока, получил алфавит сначала на латинской, а затем на русской буквенной основе. Однако после начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ульчская письменность не получила своего закрепления, так как перестали издавать необходимые пособия на родном языке, а обучение на нем было прекращено.

Лит.: Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; Кормушин И. В. Ульчский язык // Языки народов России: Красная книга. М., 2002; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936; Смолляк А. В. Народы Нижнего Амура и Сахалина // Этническая история народов Севера. М., 1982; Он же. Состав, происхождение и расселение ульчских родов (середина XIX – первая четверть XX в.) // Тр. Ин-та этнографии. 1963. Т. 84; Он же. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., 1966; Он же. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина: Сер. XIX – нач. XX в. М., 1975; Суник О. П. Ульчский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968; Он же. Ульчский язык: Материалы и исследования. Л., 1985.

ХАКАССКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **хакасы** (устар. **абаканские татары, енисейские татары, минусинские татары**), ед. ч. **хакас, хакаска**. Самоназвания: *тадар, хакас, хоорай*. Этноним *хакас* принят в качестве самоназвания народа в 1917 г. и закрепился с созданием Хакасской автономной области. Однако само название народа *хакас* известно с давних пор. Этноним *хакас* соотносят с *хягасы/сяцзясы/хагиас* и связывают его с китайским названием одного из родов енисейских кыргызов, что подтверждается хакасским историческим фольклором, в котором названия *хакас* и *хягасы* относятся к исконному населению долины Среднего Енисея. Однако подобное объяснение до сих пор вызывает дискуссию. В.Я. Бутанаев полагает, что более древним этнонимом хакасского народа является *хоорай (хоорий)*, сохранивший значение «народные массы» в разговорном языке и отмеченный в письменных источниках, на картах и в фольклоре. Он возводит это название к древнему этнониму *Хонгорай/Хонгорой*. Однако, по мнению Л.Р. Кызласова, *хоорай* не является этнонимом (ср. топоним *Хонгорой*, урочище на правом берегу Енисея). Этимологическое сближение форм тюркского *хоорай* и типичного монгольского топонима *Хонгорой* «растущий во впадине лес» не является оправданным.

Этноним *тадар* был принят хакасами под влиянием русских, которые называли этим именем все тюркоязычные народы Сибири: минусинских, ачинских, абаканских татар.

Общие сведения. Хакасский язык относится к хакасской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. Он относится к языкам агглютинативного типа. Основным способом образования слов и его форм является суффиксация, словосложение и анали-

тический способ. Характерной особенностью построения предложения в хакасском языке, как и в других тюркских языках, является то, что сказуемое занимает последнее место, а зависимые члены стоят перед главным словом. В современных художественных текстах наблюдается тенденция к более свободному расположению слов. Ударение в хакасском языке экспираторное и падает обычно на последний слог.

В составе хакасского языка выделяются свистящие (сагайский и бельгирский) и шипящие (качинский, кызыльский, шорский и койбалский) диалекты, которые подвергаются нивелирующему воздействию литературного языка.

Общая численность хакасов, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., составляет 80,3 тыс. чел., в Российской Федерации проживают 78,5 тыс. хакасов (97,7% всех хакасов б. СССР), из них 76,65% считают родным язык своей национальности (по переписи 1926 г. – более 96%), 23,13% – русский язык, 0,22% – др. языки. Они занимают территорию Республики Хакасия (78,3%) со столицей г. Абакан, проживают также в районах Республики Тува (2,3 тыс. чел.) и в пограничных с Хакасией Ужурском и Шарыповском р-нах Красноярского края (5,2 тыс.).

Общественные функции языка. Лишь в 20-е гг. XX в. хакасский язык приобретает широкие социальные функции, которые были связаны в первую очередь с ликвидацией неграмотности населения и с созданием письменности: в этот период начинается обучение хакасов на родном языке сначала в начальной, а затем и в средней школе, создаются школьные учебники, выходят первые художественные и публицистические произведения, начинает издаваться газета, работать

национальная театральная бригада, которая в 1931 г. стала базой создания национального театра.

30-е гг. характеризуются дальнейшим развитием школьного образования, возрастает количество печатных изданий на хакасском языке, создаются национальные кадры для различных отраслей народного хозяйства.

Однако в послевоенные годы происходит сужение сфер функционирования хакасского языка. Средством обучения в школе становится русский язык, а родной язык изучается уже как учебная дисциплина в 1–4 классах, а с 1970 г. – уже только в 1–3 классах. Сужается сфера его использования в СМИ и даже в сфере семейно-бытового общения, поэтому снижается и уровень владения хакасским языком населения Хакасии.

В настоящее время хакасский язык – один из государственных языков Республики Хакасия. Принята государственная программа по сохранению и развитию языков народов Республики Хакасия, в которой определены основные меры по упрочению социального статуса и функциональных возможностей не только хакасского и русского языков, но и языков этнических диаспор Хакасии (татарского, чувашского и немецкого). Хакасский язык снова становится средством обучения в начальной школе, организуются занятия на родном языке в дошкольных учреждениях. Уже в 1998/99 учебном году в Хакасии работало 37 национальных начальных школ, в 16 из которых с 1-го по 4-й класс обучение шло на родном языке, в 98 школах (69% общего числа учащихся) хакасский язык изучался как предмет в 1–11 классах; издаются учебники и учебные пособия для средней и высшей школы, других групп населения, решивших изучать хакасский язык.

Значительно расширилась сфера применения хакасского языка в учреждениях культуры и в средствах массовой коммуникации: увеличиваются издания на хакасском языке, возрождается национальный театр, функционируют молодежный театр и вокальные коллективы, издаются республиканская газета «Хакасская земля», молодежные и детские газеты, литературно-художественный альманах, до 40% эфирного времени отводится на радио- и телепередачи на родном языке.

Хакасский язык в сфере производства практически полнокровно функционирует только в сельских районах, где доля коренного населения составляет 58%. В других сферах, и особенно в городах, степень использования хакасского языка остается невысокой: более 67% хакасов владеют русским языком, в городах этот показатель доходит до 95%, в смешанных населенных пунктах он используется в 43% случаев, на русском предпочитают общаться около 33%, на двух языках – 24%. Если в населенных пунктах хакасы не составляют большинства, то доля использования хакасского языка в производстве падает до 2,3%, в бытовом общении – до 3%, читают газеты на родном языке чуть более 2% жителей.

На территории Республики Хакасия признаются равные права всех языков и народов. Все языки народов Хакасии пользуются поддержкой государства. За русским языком закреплен статус государственного языка и средства межнационального общения.

Письменность. Начало хакасской письменности было заложено миссионерами Алтайской духовной миссии, когда был составлен первый алфавит на основе русской графики и в 1859 г. издана «Грамматика алтайского языка». Были изданы светские и религиоз-

ные книги. Данный алфавит был дополнен и принят в 1924 г. В 1929 г. был введен алфавит на основе латиницы, а в 1939 г. хакасская письменность снова была переведена на кириллицу.

Основой хакасского литературного языка первоначально был определен качинский диалект, а затем были учтены особенности сагайского диалекта, на котором говорит большинство хакасского народа.

Лит.: Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в.: Исторический очерк. Фрунзе, 1968; Анжиганова О.П., Субракова О.В. О языковой ситуации в Республике Хакасия // Языковая ситуация в Российской Федерации. 1992. М., 1992; Баскаков Н.А. Тюркские языки Южной Сибири. Хакасский язык // Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959; Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этноимики // Историческая этнография. Л., 1983; Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. М., 1990; Донидзе Г.И. О некоторых сдвигах в общественных функциях хакасского языка в советскую эпоху // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965; История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993; Карпов В.Г. Хакасский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Кривоногов В.П. Хакасы. Абакан, 1997; Кызласов Л.Р. Земля сибирская. Абакан, 1994; Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. СПб., 1997; Патачакова Д.Ф. Развитие хакасского языка в советскую эпоху // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965; Потапов П.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; Родится ли в споре истина? [В.Я. Бутанаев, С.Г. Кляшторный, И.Л. Кызласов, С.Е. Яхонтов о названии хакас] // Этнографическое обозрение. 1992. № 2;

40-летие хакасской письменности: Материалы науч. конф. Абакан, 1967; Чанков Д. И. Создание и усовершенствование хакасского алфавита // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М., 1972.

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **ханты** (используется и как несклоняемое слово), ед. ч. **хант, хантыйка**. Самоназвания: *ханты* (с диалектными вариантами *кантых, кантэх, кантэк, хантэ, хандэ*), *остяк*. Самоназвание *ханты* имеет значение «человек, мужчина». Более вероятным считается происхождение этнонима от формы **kunta*, ср. группу слов в родственных языках: манс. *хонт* «войско», финск. *kunta* «община, коммуна», венг. *had* «войско, военный народ»; «война, битва»; «семья, родство»; эст. *kond* «общность, целое». Первоначальное значение этого финно-угорского корня — «род, большая семья, общность»; значение «военный народ» вторично. Русское заимствованное название хантов *остяк*, которым сами ханты обычно не пользуются, имеет тюркское происхождение (сибирско-татарск. *иштек*, ср. казах. *истек* «башкир») — заимствованный из тюркских языков этноним (казах. *istak*, кирг. *istak* в знач. «иноплеменник»). Другое объяснение этнонима *остяк*: из самоназвания северных хантов as-ja «обский народ» (р. Обь по-хантыйски — As). Следует отметить, что этноним *остяк* был самым употребительным по отношению к хантам в русской и зарубежной научной литературе: их называли обдорскими, обскими (югорскими), кондинскими, иртышскими остяками. Но еще в XIX в. этим именем называли не только хантов, но и другие народы: манси, селькупов («нарымские остяки», «томские остяки») и кетов («енисейские остяки»).

Старое русское обозначение ханты (и манси) *югра* было заимствовано русскими из языка коми-зырян, называвших так обско-угорское население. Это слово иногда признают родственным русскому обозначению древних мадьяр — *угры* (и современному *венгры*), которое, видимо, происходит от болгаро-тюркского названия союза племен *onogur*. По мнению других, *югра, угры*, коми *йӧгра* восходит к древнему пермскому слову **jõngra* «светлая (белая) река» (В.И. Лыткин) или к слову **jõng* «человек» (Б.А. Серебрянников).

Общие сведения. Хантыйский язык относится к обско-угорской группе угорской ветви финно-угорской семьи языков. Он является родственным мансийскому языку. Хантыйский язык относится к языкам агглютинативного типа. Широко используются частицы и послелого с пространственно-временным значением. Как правило, подлежащее стоит в начале предложения, а сказуемое — в конце. Определение всегда предшествует определяемому слову. Ударение падает в основном на первый слог слова.

К диалектам хантыйского языка относятся несколько наречий (диалектных групп): **восточное** (диалекты Ваха и Васюгана, Тромъегана, Югана, Пима; салымский диалект, переходный к южному наречию), **южное** (диалекты Иртыша, Демьянки и Конды; низямский диалект, переходный к северному наречию), **северное** (диалекты шеркальский, казымский, шурышкарский или обдорский).

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 22 283 ханта (98,9% всех хантов б. СССР), из них 60,77% считают родным язык своей национальности (в 1959 г. — 77,0%, 1970 г. — 68,9, 1979 г. — 67,8%), 38,52% — русский язык, 0,71% — др. язы-

ки. Ханты проживают в Ханты-Мансийском автономном округе Тюменской обл. (11 892 чел., или 52,8%) с центром г. Ханты-Мансийск, а также в Ямало-Ненецком автономном округе, Александровском и Каргасокском р-нах Томской обл., на юге Тюменской обл.

Общественные функции языка. Хантыйский язык используется большинством народа как средство семейного и бытового общения, он употребляется обычно в традиционных формах духовной культуры и в сфере профессиональной деятельности — в национальных промыслах. Хантыйский язык изучался как учебный предмет в подготовительном и 1–2 классах лишь в ряде деревень и поселков Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. На языке хантов издается учебная и художественная литература, газеты, ведется незначительное количество радио- и телепередач. Однако основным средством общения в организованных сферах деятельности народа (среднее и высшее образование, средства массовой коммуникации и т.п.) является русский язык. Слабое знание и использование родного языка наблюдается среди горожан и представителей младшего поколения, так как обучение в школах-интернатах на русском языке приводит к утрате родного языка. Многие называют русский язык родным: в качестве родного языка его указали 22,3% хантов в 1959 г., 31,8% — в 1979 г., 38,52% — в 1989 г. Особенно слабо сохранен хантыйский язык представителями иртышской группы населения. Небольшая часть хантов (до 0,7%) называет родным языки соседних народов: коми, ненцев, манси, селькупов и др.)

В настоящее время предпринимаются попытки поднять уровень школь-

ного преподавания хантыйского языка, для чего для подготовки учителей его преподают в высших и средних педагогических учебных заведениях Ханты-Мансийска и Санкт-Петербурга.

Письменность. Еще до Октябрьской революции 1917 г. были изданы азбуки миссионеров И. Егорова и Ф. Тверитина, были сделаны переводы отрывков Евангелия от Матфея, однако письменная форма хантыйского языка стала функционировать лишь в 30-х гг.: письменность на основе латинской графики была создана в 1930 г., а в 1937 г. переведена на русскую графику. В 1960 г. была создана письменность для разных диалектов хантыйского языка, поэтому литературный вариант хантыйского языка еще не сложился, так как даже в учебной литературе не достигнута хотя бы относительная стабильность орфографических и грамматических норм: учебная и художественная литература выпускается на казымском, шурышкарском, сургутском, ваховском диалектах.

Лит.: Балалаева О. Э. и др. Очерки истории традиционного землепользования хантов. Екатеринбург, 1999; Караулов Ю. Н. О хантыйских этнонимах // Советское финно-угроведение. 1974. № 4; Лыткин В. И. К этимологии слов угра и югра // Этимология. 1968. М., 1971; Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998; Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976; Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973; Серебренников Б. А. К уточнению некоторых этимологий // Сов. финно-угроведение. 1973. № 1; Соколова З. П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

ХВАРШИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **хваршины** (**хваршинцы**), ед. ч. **хваршин**, **хваршинка**. Самоназвание: *акылько, атлилько*. Этноним *хваршины* происходит от названия Хварши, основного места расселения этноса.

Общие сведения. Хваршинский язык относится к цезской группе аваро-андо-цезской ветви нахско-дагестанских языков (севернокавказская языковая семья). Он наиболее близок цезскому языку. Хваршинский язык является агглютинативным, отличается многопадежностью имен. Он относится к языкам эргативного строя, предложение может иметь номинативную, эргативную и дативную конструкции. Широко используются послелоги, союзы, частицы. Основными способами словообразования в хваршинском языке являются суффиксация и словосложение. Ударение в хваршинском языке более или менее свободное, динамическое, но не выполняет смысловозначительной функции.

В хваршинском языке выделяют собственно хваршинский (с. Хварши) и инхокаринский диалекты, различия между которыми весьма значительны, поэтому отдельные исследователи склонны рассматривать их как самостоятельные языки.

Официальной статистики о численности хваршинцев нет, так как после переписи 1926 г. (тогда их было 1168 чел.) они обычно причислялись к аварцам. По некоторым оценкам, их число в РФ в настоящее время достигает более 3000 чел. Хваршинцы проживают в основном в селениях Хварши, Хонох, Квантлада, Сантлада, В. и Н. Инхоквари, Хвайни Цумадинского р-на Дагестана, а также в некоторых селах Кизилюртовского и Хасавюртовского районов.

Общественные функции языка. До настоящего времени бесписьменный хваршинский язык используется в функции языка семейно-бытового общения. В организованных сферах жизни народа используются аварский и русский языки, которые выполняют функцию средства обучения и получения образования, используются в сфере массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения. Среди хваршинцев довольно сильно распространено хваршинско-аварское и хваршинско-русское двуязычие. Арабский язык хваршинцы используют в сфере религиозного культа, хотя знание арабского языка не является значительным. Знание языков соседних народов (тиндинцев, чамалинцев) среди хваршинцев более заметно, чем владение грузинским языком.

Лит.: Алексеев М. Е. Хваршинский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Бокарев Е. А. Хваршинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Мусаева М. К. Хваршины // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961.

ЦАХУРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **цахуры** (**цахурцы, цахи**), ед. ч. **цахур**, **цахурка**. Самоназвание: *йихъбы*. Этноним *цахуры* происходит от наименования с. Цахур (ср. рутул. *цахеребир* «жители с. Цахур»). Значение самоназвания *йихъбы*, по мнению Г. Х. Ибрагимова, мотивировано *йи-хъ-бы* «мы» (без вас), данное значение выявляется при сопоставлении с обозначением рутульцев в цахурском языке *агъа-ахъ-бы* «они» (без нас).

Общие сведения. Цахурский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанской (северно-кавказской) ветви иберийско-кавказской семьи языков. Он наиболее близок рутульскому языку, вместе с которым образует рутульско-цахурскую подгруппу. Цахурский язык относится к агглютинативно-флективному типу языков с эргативным строем. Флективность характеризуется наличием сложных морфологических процессов в глагольных основах. В образовании временных форм преобладает аналитизм. В структуре простого предложения противопоставлены абсолютная, эргативная, дативная и аффективная конструкции. Он обладает относительно свободным порядком слов, однако подлежащее обычно стоит в начале предложения, а сказуемое замыкает его, определение, как правило предшествует определяемому слову. Именные части речи образуются суффиксальным способом, словосложением и редупликацией; глагольное словообразование характеризуется префиксацией. В цахурском языке силовое ударение в многосложных словах обычно падает на второй слог, но может падать и на первый, третий слог; в некоторых формах слов ударение может быть подвижным.

В цахурском языке различают три диалекта: цахурский (с рядом говоров), гельмецкий и сапунчинский.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 6492 цахурца (32,5% всех цахурцев б. СССР), из них 94,96% считают родным язык своей национальности, 3,2% – русский язык, 1,84% – др. языки. Основная масса российских цахурцев (5,2 тыс. чел.) проживает в 13 селениях Рутульского р-на Республики Дагестан, а также в Закатальском,

Кахском и Белоканском р-нах Азербайджана (13,3 тыс. чел. в 16 селениях). По некоторым данным, в настоящее время насчитывается около 30 тыс. цахурцев.

Общественные функции языка. Цахурский язык используется в основном в качестве языка семейно-бытового общения и устного народного творчества, а в сферах массовой коммуникации, делопроизводства, межнационального общения и школьного обучения (с 1952 г.) используются русский язык (в России) и азербайджанский язык (в Республике Азербайджан). До 1952 г. в цахурских школах Дагестана обучение велось на азербайджанском языке. Обучение на родном языке в начальной школе осуществлялось лишь в 1935–1938 гг. В настоящее время издан цахурский букварь и постепенно вводится обучение на родном языке в начальной школе.

Среди цахурцев распространено цахурско-русское и цахурско-азербайджанское двуязычие. Однако последний тип билингвизма преобладал в середине XX в., так как почти все цахуры владели азербайджанским языком, а в 80-е гг., после введения обучения на русском языке, процент владеющих цахурско-русским двуязычием значительно увеличился. После распада СССР эти цифры претерпевают серьезные изменения в Азербайджане: цахурцев, свободно владеющих русским языком, 7,2%, а азербайджанским – 74,9%.

Письменность. Первая письменность на цахурском языке была создана в 1934 г. на латинской основе, в настоящее время используется кириллица.

Лит.: Генко А. Н. Цахурский (цахурский) алфавит. Баку, 1934; Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974; Ибрагимов Г. Х. Истори-

ческая характеристика самоназвания цахурцев йихъбы // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980; Он же. Цахурский язык. М., 1990; И х и л о в М. М. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967; Магомедов А. Р. Народности Дагестана: Этническое развитие народностей Дагестана XV–XVII вв. и их политическая организация. Махачкала, 1990; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Никольская З. А. Цахуры // Народы Дагестана. М., 1955. Талибов Б. Б. Цахурский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

ЦЕЗСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **цезы**, ед. ч. **цез**, **цезка**. Др. названия: **дидойцы**, ед. ч. **дидоец**, **дидойка**; **дидой**; **цунтинцы**. Самоназвание: *цези*. Самоназвание *цези* происходит от цезского нарицательного слова *цей* (*це*) «орел». Этноним *дидойцы* возводится к терминам *дидури*, *дидур*, *дидоух* и разъясняется через посредство груз. *диди* «большой» (М.Г. Джанашвили).

Общие сведения. Цезский (дидойский) язык относится к цезской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской (севернокавказской) ветви ибурийско-кавказской семьи языков. Он наиболее близок к гинухскому языку. Цезский язык относится к языкам агглютинативного типа с развитой многопадежностью имен (за счет т.н. пространственных падежей). Он является языком эргативного строя, широко используются послелоги, союзы, частицы и междометия. Слова образуются при помощи суффиксации, словосложения и конверсии. Ударение динамическое, фиксированное, иногда выполняет смысловоразличительную функцию. В открытых слогах ударение падает на первый слог в двухсложных словах, а в трехсложных — на второй слог. В за-

крытых слогах — на второй слог в двухсложных и на третий слог — в трехсложных словах.

В цезском языке выделяют собственно цезский и сагадинский диалекты.

По переписи 1926 г. насчитывалось 3333 цеза. Официальной статистики о численности цезов не имеется, так как в последующих переписях населения они причислялись к аварцам. По некоторым оценкам, их число достигает от 8 до 12 тыс. чел. Этническая территория проживания цезов — 48 населенных пунктов Цунтинского р-на Дагестана, часть переселенцев проживает в Хасавюртовском (с. Муцала-ул), Кизилюртовском (с. Комсомольское) и Кизлярском (с. Выше-Таловка) р-нах Дагестана, а также в Грузии и Восточной Турции.

Общественные функции языка. Цезский язык относится к языкам с минимальными общественными функциями, так как используется в основном в семейно-бытовом общении. Основные сферы деятельности цезов обслуживают аварский и русский языки, которые выполняют функции средства обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения. В 30-х гг. обучение в средней школе велось на аварском языке, а с середины 50-х гг. — на русском (ранее в начальной школе он изучался как предмет). В 1993 г. издан цезский букварь, и в начальной школе родной язык изучается как специальный учебный предмет, делаются попытки использовать его в функции средства обучения. В настоящее время аварский язык и аварская литература в старших классах изучаются в качестве специальной дисциплины. Среди цезов распространено цезско-аварское и цезско-русское двуязычие. Арабский язык используется для исполнения религи-

озных обрядов. В прошлом в регионе было распространено знание грузинского языка, до некоторой степени сохраняющееся и сейчас.

Лит.: Алексеев М.Е. Цезский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Магомедов Д.М. Дидойцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Бокарев Е.А. Цезский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

ЧАМАЛИНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **чамалинцы**, ед. ч. **чамалал**, **чамалалка**. Самоназвание *чамалига*, по мнению Г. Гаджиева, означает «сухая курага».

Общие сведения. Чамалинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанской ветви (севернокавказской) иберийско-кавказской семьи языков. Он наиболее близок к тиндинскому и багвалинскому языкам. Чамалинский язык относится к языкам агглютинативного типа с развитой многопадежностью имен. Он является языком эргативного строя, простое предложение характеризуется наличием абсолютной, эргативной, аффективной и дативной конструкциями. Именное словообразование развито слабо, обычно используется описательное образование, иногда композиция. В глаголе редуPLICATIONЕЙ корня выражается многократность действия. Имеются синтетические и аналитические временные формы. Ударение слабое динамическое, подвижное, может выполнять смысло-различительную функцию.

В чамалинском языке выделяют верхне-гакваринское, нижне-гакваринское, гадыринское и гигатлинское диалекты.

По переписи 1926 г. чамалинцев насчитывалось 4028 чел. Официальной статистики о численности чамалинцев

не имеется, так как при последующих переписях они причислялись к аварцам. По некоторым оценкам, общее число чамалинцев достигает от 9,5 до 12 тыс. чел. Этническая территория проживания чамалинцев – Цумадинский р-н Дагестана, небольшое количество чамалинцев (2,1 тыс.) проживает в Чечне.

Общественные функции языка. Чамалинский язык относится к языкам с минимальными общественными функциями: он используется в функции средства семейно-бытового общения. В значимых сферах жизни народа используются аварский и русский языки, которые выполняют функцию средства обучения, массовой коммуникации, делопроизводства и межнационального общения. Арабский язык используется для религиозных обрядов, т.е. имеет относительно ограниченную сферу функционирования.

В настоящее время основным средством получения образования является русский язык, хотя до середины XX в. обучение в школе велось на аварском языке, который вместе с аварской литературой с середины 50-х гг. в старших классах изучается только как предмет. Многие чамалинцы свободно владеют аварским языком. Аварский фольклор приходит на смену собственно чамалинскому.

Лит.: Алексеев М.Е. Чамалинский язык // Красная книга языков народов России. М., 1994; Гаджиев Г. Чамалалы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Магомедбекова З.М. Чамалинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Магомедова П.Т. Чамалинский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999.

ЧЕЛКАНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **челканцы** (устар. **лебединцы**, **лебединские татары**), ед. ч.

челканец, челканка. Челканцев относят к субэтнической группе алтайцев. В настоящее время челканцы считаются самостоятельным малочисленным этносом, который возник в результате взаимодействия различных языковых и племенных групп: самодийских, кетских и тюркских племен. Самоназвание: *чалканду/шалканду, куу-кижи* (алт. куу «лебедь», *кижи* «человек»; ср. гидроним *Лебедь*). Русское название *челканцы* представляет собой фонетический вариант названия одного из родов: ср. *чалканду/шалканду*.

Общие сведения. Челканский язык относится к хакасской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. По своим основным грамматическим свойствам не отличается от алтайского языка, что дает основание относить челканский язык к диалекту алтайского языка (см. **алтайский язык**).

По материалам Единого перечня малочисленных народов РФ, в 1999 г. их насчитывалось 1689 чел. Они проживают в нескольких деревнях вдоль бассейна р. Лебедь и ее притока Байгол в Республике Алтай.

Этот малочисленный этнос подвержен влиянию других алтайских этнических групп, а также проживающего вокруг русскоязычного населения.

Общественные функции. Челканский язык используется лишь в сфере семейного общения и в традиционных сферах хозяйственной деятельности, в небольших производственных коллективах. Основные организованные сферы деятельности челканцев обслуживают русский и алтайский языки (сферу образования, средств массовой коммуникации, делопроизводства и т.д.). Все челканцы владеют челканско-русским двуязычием, для многих русский язык стал родным. Одновременно родной язык челканцев подвергается воздействию литературного алтайского языка, поэтому

челканский язык все больше нивелируется.

Лит.: Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958; Он же. Диалект лебединских татар-челканцев (Куу-кижи). М., 1985; Он же. Алтайский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1976; Кондаракова В. П. Обычаи и традиции челканцев. Горно-Алтайск, 1999; Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

ЧЕРЕМИССКИЙ ЯЗЫК. Устар. См. **марийский язык**.

ЧЕРКЕСОГАЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **черкесогаи**, ед. ч. **черкесогай, черкесогайка.** Субэтническая группа армян (горские армяне). Самоназвание: *эрмелы*. Название *черкесогаи* представляет собой сложение слов *черкес* + *гаи* (ср. арм. *хай / гай* «армянин») и имеет значение «армянские черкесы», отражая смешанный характер этноса: переселенцы-армяне подверглись сильному этническому и языковому влиянию адыгов, восприняли адыгейский язык, однако сохраняли христианскую веру и армянское этническое самосознание.

Общие сведения. Черкесогайский язык относится к абхазо-адыгской ветви северокавказской языковой семьи. Его считают абадзехским диалектом адыгейского языка (см. **адыгейский язык**).

Сведений о численности черкесогаев не имеется, так как в переписях населения они причислялись к армянам. Основная часть черкесогаев проживает в городах Армавир, Майкоп, Краснодар, а также в адыгейском ауле Бжедухабль и др.

Общественные функции. Черкесогайский язык используется только в семейно-бытовом общении. Адыгейский язык выполняет все обществен-

ные функции в социально значимых сферах жизни черкесогаев (см. **адыгейский язык**).

Лит.: Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX веков. М., 1993; Аракелян Г. С. Черкесогаи: Историко-этнографическое исследование // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984; Поркшеян Х. А. Происхождение черкесогаев и основание г. Армавира // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1971. № 5.

ЧЕРКЕССКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **черкесы** (устар. **касоги**), ед. ч. **черкес**, **черкешенка**. Самоназвание: *адыге*, которое является общим с самоназваниями других адыгов (см. **адыгейский язык**). Происхождение этнонима *черкесы*, известного другим народам с XIII в., связывают с тюркскими языками, так как татары и турки называют адыгов черкасами (сегсаси, сиркасси), что связано с походами татаро-монголов на Северный Кавказ (Н. Г. Волкова). Термин в форме *черкас* (*джеркас*) широко употребляется в сочинениях арабских и персидских авторов XIV–XV вв., в западноевропейской литературе.

Этноним *косоги* (варианты: *касах*, *кашек*, *кешак* и др.) упоминается еще в древнерусских летописях X–XI вв. и не имеет однозначной этимологии. Одни считают, это название появилось благодаря аланам (ср. осет. *кассаг*, *кэсгон*, сван. *кашаг*), другие полагают, что в результате слияния адыгского патронимического окончания *кьо* («сын, потомок») и тюркской основы *кош* (ср. кирг. *кош* «шалаш», балкар. *кош* «стоянка, молочная ферма», др.-русс. *кошь* «стан, обоз») образуется термин со значением «социальное объединение кочевых людей» (Э. Х. Панеш), третьи предполагают связь этнонима *косоги* с названиями *казахи* и *казаки*.

Общие сведения. Черкесский (кабардино-черкесский) язык относится к адыгской группе абхазо-адыгской (северокавказской) ветви иберийско-кавказской семьи языков (см. **кабардинский язык**) и имеет пять диалектов: собственно кабардинский, моздокский, черкесский, бесленеевский и кубанский.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 50 764 черкеса (96,9% всех черкесов б. СССР), из них 91,55% считают родным язык своей национальности, 5,22% – русский язык, 3,23% – др. языки. Основная часть народа (40 241, или 76,9%) проживает в 17 селениях Адыге-Хабльского и Хабезского р-нов Карачаево-Черкесской Республики (центр – г. Черкесск), а также в др. р-нах Ставропольского и Краснодарского краев. Черкесы-переселенцы проживают с середины XIX в. в Турции, Сирии, Иордании и др. странах. В составе современных черкесов выделяется особая локальная группа бесленеевцев.

Общественные функции языка и письменность. Черкесский язык имеет широкие общественные функции и письменность наряду с кабардинским (см. **кабардинский язык**) и карачаевским (см. **карачаевский язык**).

Лит.: Бетров Р. Ж. Адыги: Истоки этноса. Нальчик, 1990; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Калмыков И. Х. Черкесы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974; Панеш Э. Х. О социальном значении этнонима «касог» // Взаимосвязь социальных и этнических факторов в современной и традиционной культуре. М., 1983. См. также «Кабардинский язык».

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **чеченцы**, ед. ч. **чеченец**, **чеченка**. Самоназвания: *нохчо*,

нохчий. Этноним *чеченцы* возводят к названию населенных пунктов Старый Чечен на р. Аргун и Новый Чечен на р. Сунжи (ср. кабард. *шэ шэн*, осет. *цæцæн*). Самоназвание *нохчо* (*нохчуо*) (ед. ч.), *нохчий* (мн. ч.) этимологически, видимо, связано с *нах* «народ» + *чуо/чьо* «место», «территория» (ср. *вайнахи* – нахские народы).

Общие сведения. Чеченский язык относится к нахской группе нахско-дагестанской ветви (севернокавказской) иберийско-кавказской семьи языков. Он относится к агглютинативно-флективному типу языков: ему свойственны аблаутное чередование в глагольных именных основах, редупликация согласных, аффиксация. Чеченский язык обладает эргативным строем. Обычный порядок слов в предложении: подлежащее в начале предложения, а сказуемое – в конце, хотя строгого распределения мест в предложении слова не имеют. Основные способы образования – словосложение, суффиксация и префиксация. Ударение фиксированно падает на первый слог, является динамическим и неподвижным.

В чеченском языке выделяются плоскостной, аккинский, чеберлоевский, мелхинский, итум-калинский, галанчоожский, кистинский диалекты.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживают 898 999 чеченцев (94% всех чеченцев б. СССР), из них 98,79% считают родным язык своей национальности, 1,06% – русский язык, 0,15% – др. языки. Чеченцы проживают в Чеченской Республике (центр – г. Грозный) и в Ингушской Республике (всего 734 тыс.), а также в западной части Дагестана (58 тыс. чеченцев-акинцев), Калмыкии (8 тыс.), в Республике Северная Осетия, Ставропольском крае, в Волгоградской, Астраханской, Саратовской,

Тюменской обл., в г. Москве, в Казахстане (49,5 тыс.), Киргизии (2,6 тыс.), Украине (1,8 тыс.), в Грузии, Иордании (5 тыс.), Сирии, Турции.

Общественные функции. Чеченский язык обладает широкими общественными функциями. Он используется во всех сферах общественно-производственной и культурной жизни народа Чеченской Республики: это язык радио, телевидения, периодической печати, театров, культурно-просветительных учреждений. Чеченский язык на территории Чечни (по новой Конституции) и Дагестана считается одним из государственных языков.

Развитие общественных функций чеченского языка началось в 20–30-е гг. XX в. в рамках ликвидации неграмотности, когда он стал средством обучения в начальной школе. В 1925 г. выходит первая газета «Серло» («Свет») на чеченском языке. В настоящее время на чеченском языке издается оригинальная и переводная художественная, политическая, научно-техническая, научно-популярная литература. С 1989 г. он используется как средство обучения в начальных, сельских школах, изучается как особая дисциплина в учебных заведениях всех уровней. Основным средством получения образования является русский, который имеет широкие общественные функции на территории Чечни. Издание газет, учебников и учебных пособий на родном языке, жанровое разнообразие художественной литературы, перевод на чеченский язык политической, научно-технической и художественной литературы обусловили развитие общественных функций и стилей чеченского языка.

Письменность. В 60-х гг. XIX в. была попытка создания алфавита П.Я. Усларом. Сначала чеченская письменность

создавалась на основе арабской графики с добавлением некоторых знаков для обозначения специфических звуков; затем письменность в 1928 г. была переведена на латиницу, а с 1938 г. создан алфавит на основе кириллицы. Чеченский литературный язык сложился в советскую эпоху на основе плоскостного диалекта. Создание письменности у чеченцев в послеоктябрьский период способствовало развитию их языка и культуры.

Лит.: Алироев И. Ю. Чеченский язык. М., 2001; Анчабадзе Ю. Д., Волкова Н. Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX веков. М., 1993; Она же. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Дешериев Ю. Д. Чеченский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967; Она же. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Она же. Чеченский язык // Государственные и титульные языки России. М., 2002; Ибрагимов М.-Р. А. Аккинцы в Дагестане (XVI–XX вв.) // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 4. СПб., 1993; Овхадов М. Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. М., 2000.

ЧУВАНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **чунанцы**, ед. ч. **чунанец**, **чунанка**. Чунанцев относят к субэтнической группе юкагиров, утратившей юкагирский язык. Раньше чунанцы не имели статуса самостоятельного этноса, их причисляли к чукчам с русским родным языком или к юкагирам. Самоназвания: *этэпи, атали, этэлыт*.

Этноним *чунанцы* восходит к названию (самоназванию) одной из территориальных групп юкагиров. Этимология этнонима не имеет однозначного

решения. По одной из гипотез, название *чунанцы* толкуется посредством юкагирского слова *чавунди* «морские», «приморские» (ср. юкагир. *чавул* «море»), которое может быть и калькой чукотского слова с тем же значением (от чукот. *анкы* «море») или чукот. *чалыт* «чаунцы» от названия гидронима *Чаун*.

Общие сведения. По мнению некоторых исследователей, ныне мертвый чунанский язык можно назвать особым языком юкагиро-чунанской группы палеоазиатских языков (см. **юкагирский язык**). Однако живой язык чунанцев, существовавший до 60-х гг. XX в., по своим основным свойствам отражал северновеликорусское наречие, которое характеризовалось многочисленными лексическими заимствованиями из чукотского, корякского и юкагирского языков. В речи современных чунанцев сохранились особенности произнесения отдельных слов, особая интонация, лексические единицы, характеризующие чунанцев как особый этнос.

Чунанский язык не имеет диалектного членения, но обнаруживает явные черты сходства с языком камчадалов, колымчан, других жителей старожильческого населения, для которых русский язык является родным (см. **русский язык**).

По данным переписи населения 1926 г., численность чунанцев составляла 379 чел., а по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ проживали 1384 чел. (91,95% всех чунанцев б. СССР), из них 71,17% считают родным русский язык, 28,83% — чукотский язык и др. диалекты чукотско-камчатской (палеоазиатской) семьи языков. По данным Единого перечня коренных малочисленных народов, в России численность чу-

ванцев на 1999 г. составляла 1511 человек. Этническая территория проживания чуванцев – бассейн р. Анадырь, Чукотский автономный округ Магаданской обл.

Общественные функции языка. По мнению самих чуванцев, родным языком владеет лишь старшее поколение, используя его в семейно-бытовом общении. Основные сферы социально-трудовой жизни чуванцев обслуживает русский язык. Языком обучения он стал еще в XIX в. с открытием школы (1883 г.) в с. Маркове.

Некоторые чуванцы в равной мере владеют родным и русским литературным языком в такой степени, что способны осмысленно переходить с одного языка на другой. Отдельные представители старшего поколения владеют чукотским и эвенским языками, марковские эвены могут общаться с чуванцами на родном языке последних.

По мнению Н.Б. Бахтина, язык чуванцев – это марковский говор, который в настоящее время не существует как средство общения, так как в русской речи чуванцев не ощущается влияния родного языка. Однако сохранение чуванского фольклора (сказок, преданий, пословиц, поговорок) и особенно песен различных жанров в репертуаре фольклорного ансамбля свидетельствует о сохранении национального самосознания этноса.

Письменность. Собственной письменности язык чуванцев не имел. Чуванцы в качестве письменного языка использовали русский литературный язык.

Лит.: Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: Словарь-справочник. М., 2000; Бахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. СПб., 2001; Браславец К.М.

Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1967; Он же. О фольклоре обрусевших чуванцев села Марково на Анадыре // Вопросы теории русского языка и диалектология. Хабаровск, 1975; Он же. Чуванцы. Происхождение и этническая история. Материальная и духовная культура (конец XIX – начало XX вв.). Анадырь, 1993; Бурыкин А.А. К интерпретации некоторых загадочных этнонимов Арктического побережья Чукотки // Этнографическое обозрение. 2000. № 4; Врублевский Ф.И. Проблемы развития народов СССР (80–90-е годы). Магадан, 1991; Гурвич И.С. Чуванцы // Этнографическое обозрение. 1992. № 5; Он же. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **чуваши** (устар. **горные черемисы**), ед. ч. **чуваш, чувашка**. Самоназвание: *чаваш*. Этноним *чуваши* встречается в русских источниках с 1508 г. и восходит к названию *суваз* (ср. марийское *суасла мари* «человек на сувасский лад», «человек на татарский лад», так как в марийском языке *суас* имеет значение «татарин»).

Общие сведения. Чувашский язык относится к болгарской группе тюркской семьи языков. Он является языком агглютинативного типа, хотя иногда наблюдается чередование звуков, их выпадение на стыке морфем. Слова образуются в основном словосложением и аффиксацией. При словосложении компоненты объединяются на основе либо сочинительных, либо подчинительных отношений. Порядок слов в чувашском предложении не является фиксированным. Он относится

к языкам номинативного строя. В чувашском языке словесное ударение является долготно-силовым и разноместным.

В чувашском языке выделяют низовой («укающий») и верховой («окающий») диалекты. По мнению некоторых исследователей, можно выделить и средний диалект чувашского языка, носители которого имеют некоторые этнографические особенности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность чувашей в РФ составляет 1 773 645 чел. (96,3% всех чувашей б. СССР), из них 77,54% считают родным язык своей национальности, 22,26% – русский язык, 0,2% – др. языки. Чувашки компактно проживают в Чувашской Республике (столица г. Чебоксары) – 906 922 чел. (49,2%), Татарстане (134,2 тыс.), Башкирии (118,6 тыс.), Ульяновской (116 тыс.), Самарской (118 тыс.) обл. Оренбургской (22,9 тыс.). Дисперсно они расселены в Красноярском крае (24 тыс.). Кемеровской (264 тыс.), Тюменской (31 тыс.), Саратовской (21 тыс.), Екатеринбургской (16,3 тыс.), Челябинской (12,7 тыс.), Пермской (11,7 тыс.), Нижегородской (12 тыс.), Пензенской (7,1 тыс.), Омской, Новосибирской обл., в Республике Коми (12 тыс.) и Марий Эл (9 тыс.), в Москве и Московской обл., а также в Казахстане (22,3 тыс.) и Украине (20,4 тыс.).

Общественные функции языка. Чувашский язык – один из государственных языков Чувашской Республики – обладает широкими общественными функциями. Сферы его функционирования заметно расширились в 20-е гг. XX в. В пределах Чувашской Республики он вместе с русским приобрел статус официального языка. В местах компактного проживания чувашей чу-

вашский язык стал средством обучения в начальной и средней школе (до 8 класса), использовался в сфере государственных органов, делопроизводства, издательства, национального театра. Газеты и журналы на чувашском языке стали выходить в Чебоксарах, Казани, Уфе, Самаре, Симбирске.

Однако во второй половине 30-х гг. XX в. общественные функции чувашского языка стали сужаться: в школах обучение было переведено на русский язык уже с первого класса, за пределами республики его перестали изучать даже как дисциплину, в районах компактного проживания чувашей перестали издаваться газеты и журналы на чувашском языке.

В 90-е гг. начинается поэтапное расширение общественных функций чувашского языка как родного: его изучение во всех типах учебных заведений республики, включая высшие и средние специальные, стало обязательным, увеличилось до 75% время вещания радио-и телепередач на чувашском языке, появились новые газеты и журналы, в том числе для женщин и детей, возобновилось издание чувашских газет в Татарстане, Башкирии, Ульяновской обл., в Самаре. Однако практически обучение на русском языке сохраняется в городских и поселковых школах, лишь в сельских чувашских школах в 1–4 классах обучение ведется на родном языке, а с 5 класса – на русском. Во всех классах общеобразовательной школы чувашский язык изучается как предмет. В последние годы в республике открыты лицеи и гимназии с углубленным изучением родного языка, культуры и литературы.

Большую работу по сохранению и распространению национально-культурных традиций, по изучению родного языка стали выполнять обществен-

ные центры, появившиеся среди чувашских диаспор Красноярского края, Камчатской, Кемеровской, Пензенской, Тюменской, Ульяновской обл. и в Башкирии.

В республике широко распространено одностороннее чувашско-русское двуязычие, только в сельской местности функционирует двустороннее двуязычие, т.е. соседи (народы) владеют языком друг друга.

Письменность. Письменность на чувашском языке появилась в XVIII в. Чувашский просветитель и педагог И.Я. Яковлев в 1873 г. создал алфавит на основе кириллицы с использованием диакритических знаков. В советский период алфавит был усовершенствован. Основу чувашского литературного языка составил низовой диалект.

Лит.: Андреев И.А. Чувашский язык // Языки народов СССР. Т. II. М., 1966; Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984; Димитриев В.Д. Об основной аргументации теории чувашского этногенеза // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986; Иванов В.П. Этническая история чувашей (Происхождение и формирование чувашского народа). Чебоксары, 1992; Каховский В.Ф. Этноним «чуваша» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982; Малютин С.Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1. Хуннская эпоха. Чебоксары, 1996; Мокшин Н.Ф. Мордовское название чувашей // Сов. финно-угроведение. 1978. № 4; Федотов М.Р. О марийском этнониме сувас – суас // Сов. финно-угроведение. 1974. № 2; Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары, 1993; Он же. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. I. Чебоксары, 1965; Ч. II. Чебоксары, 1968.

ЧУКОТСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. *чукчи*, ед. ч. *чукча*, *чукчанка*. Самоназвания: *аҗкалын*, *аҗкалын*, *чавчыв*, *чавчу*, *чаучу*, *чугчит*, *лыгъоравэтлган*, *лыгъоравэтлят*; в зависимости от территории проживания чукчи называют себя по-разному. Этноним *чукчи* не имеет единого этимологического толкования: чукот. *чавчыв* (*чаучу*) «оленные чукчи», *аҗкалын* «береговые чукчи», «морские, приморские чукчи» (ср. чукот. *аҗкы* «море»), *лыгъоравэтлган* «настоящий человек» и др. См. **корякский язык**.

Общие сведения. Чукотский язык относится к чукотско-корякской ветви чукотско-камчатской (шире – палеоазиатской) семьи языков. Он наиболее близок корякскому языку. Чукотский язык относится к языкам полисинтетического типа, так как в нем имеются инкорпоративные и аналитические комплексы, хотя для его морфологии характерна агглютинация, которая имеет и суффиксальный, и префиксально-суффиксальный характер, в именном формообразовании используются префиксы. Для чукотского языка характерны номинативные и эргативные конструкции. Порядок слов в предложении не является строго фиксированным, хотя подлежащее тяготеет к началу предложения. Словесное ударение силовое и разноместное, зависит от сложности основы. По сравнению с корякским чукотский язык характеризуется последовательной гармонией гласных.

Чукотский язык характеризуется наличием восточного (уэленский), западного (певекский), энмылинского, нунлигранского, хатырского, чаунского, энурминского, янракинотского диалектов, расхождения между которыми незначительны.

Общие сведения. По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в

РФ численность чукчей составляет 15 107 чел. (99,49% всех чукчей б. СССР), из них 70,4% считают родным языком своей национальности, 28,32% – русский язык, 193 человека (1,28%) – др. языки. В 1959 г. чукчей было 11 727 чел., из них считали чукотский язык родным 94% представителей данного этноса. По данным Единого перечня малочисленных народов, на 1 января 1999 г. насчитывалось 15 184 чукчи.

Чукчи в основном проживают в Чукотском автономном округе (центр г. Анадырь) – 11 221 чел., а также в Корякском автономном округе – 1438 чел., в Республике Саха (Якутия) – 414 чел.

Общественные функции языка. Чукотский язык имеет достаточно развитые общественные функции: он выполняет функцию средства общения в семейно-бытовой сфере (в основном между представителями старшего и среднего поколений), в сфере традиционных занятий чукчей в производственных коллективах (бригады оленеводов, охотников на морского зверя, в мастерских по выделке кожи и шкур, пошиву одежды, обуви и т.д.).

Распределение общественных функций национального языка характеризуется неоднородностью демографического и социального состава чукчей. Все лица старше 55–60 лет владеют родным языком, сельчане русским языком не владеют или владеют очень слабо. Среднее поколение чукчей (30–50 лет) владеют родным языком лучше, чем молодежь, которая все больше использует русский язык. Чукотский язык городскими жителями используется только в национальной профессиональной среде: в школах, детских садах работниками аппарата системы образования, в средствах массовой информации, отчасти – культуре.

В сфере образования общественные функции чукотского языка имеют ограниченный характер. В немногочисленных детских садах национальных поселков ведется обучение чукотскому языку. Начиная с 30-х гг. XX в. чукотский язык изучается как специальная дисциплина в начальной школе. В настоящее время (с 1993 г.) он преподается в национальных школах с 1 по 11 класс, однако учебники созданы не для всех классов (только для 1–6), в старших классах в некоторых школах введено факультативное обучение чукотскому языку. Родной язык чукчей преподается как особая дисциплина при подготовке национальных педагогических кадров в Анадырском высшем педагогическом училище, в национальном колледже в пос. Черский (Якутия), в Международном педагогическом университете в г. Магадане и в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

На чукотском языке издаются произведения художественной литературы, еще в 30-е гг. XX в. появляются оригинальные стихи на чукотском языке (М. Вуквол) и самозаписи фольклора в авторской обработке (Ф. Тынетегин). Расцвет оригинальной художественной литературы начинается в середине XX в. и связан с литературной деятельностью Ю.С. Рытхэу.

Чукотский язык используется и в сфере издательской деятельности: было издано более 200 названий образцов оригинальной и переводной художественной литературы, активно выпускается общественно-политическая и публицистическая, просветительская и научно-популярная литература. В настоящее время в Чукотском национальном округе создан издательский дом «Чукотка». На чукотском языке

издаются учебные пособия для 1–4 классов начальной школы (более 90 названий). В 90-е гг. подготовлены учебные пособия для 5 и 6 классов, программы по чукотскому языку по 9 класс включительно.

Чукотский язык используется при издании газеты «Крайний Север» (с 1933 по 1993 г. она называлась «Советская Чукотка») и районных газет, но при публикации лишь отдельных материалов. В 1953 г. началось издание газеты на чукотском языке «Мургин нутэнут» («Наш край»), которая с 1995 г. издается в качестве ежемесячного приложения к газете «Крайний Север». Родной язык чукчей используется в радио- и телепередачах (на радио в объеме 4–5 ч. в неделю, на телевидении – 1 ч. в неделю).

Чукотско-русское двуязычие больше распространено среди среднего и младшего поколений чукчей. В Билибинском и Анадырском р-нах Чукотки распространено двустороннее двуязычие чукчей и эвенов, у эскимосов чукотский язык выполняет даже функцию регионального межнационального общения. Национально-чукотское двуязычие было характерно также для чуванцев, старшее поколение которых использует чукотский язык и в настоящее время. Русско-чукотский билингвизм был распространен в 30–50-е гг. XX в. среди приезжих учителей, врачей и ветеринаров и др. специалистов.

Однако языковая ситуация в плане функционирования чукотского языка имеет тенденцию к ухудшению. Это связано с действием различных социальных, экономических и демографических факторов: изменением национального, профессионального и социального состава населения городов и поселков, незначительным объемом

преподавания чукотского языка в школе, ростом числа неполных семей и смешанных браков, снижением уровня владения родным языком молодым поколением и т.д.

Письменность. Первые попытки создания письменности чукотского языка были предприняты еще в XIX в.: первая книга на чукотском языке была напечатана в 1823 г. тиражом в 10 экз.; православный миссионер Андрей Аргентов одним из первых зафиксировал чукотские слова, составив чукотско-русский словарь с заметками по грамматике; в 1898 г. был составлен словарь чукотского языка (М. Петелиным). Более широкая работа по изучению культуры и языка чукчей, коряков, ительменов и др. народов была предпринята и осуществлена В.Г. Богоразом: было издано собрание чукотского фольклора, мифологии, многотомное описание материальной и духовной культуры чукчей, грамматический очерк чукотского языка (1934) и чукотско-русский словарь (1937).

На основе латиницы чукотская письменность была создана в 1931 г., а в 1937 г. латинский алфавит был заменен алфавитом на кириллической основе. В 50-е гг. чукотский алфавит был усовершенствован, были введены знаки для обозначения специфических звуков чукотского языка. В начале 60-х гг. начертания этих букв были заменены.

Лит.: Аниканов М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации: Аналитич. справочник. М., 1999; Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб., 1900; Богораз-Тан В.Г. Чукчи. Ч. 1–2. Л., 1934–1939; Бурыкин А.А. Языковая ситуация и вопросы преподавания родных языков в национальных школах Чукотского автономного округа // Малочисленные

народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965; Врублевский Ф. И. Проблемы развития народов СССР (80–90-е годы). Магадан, 1991; Гурвич И. С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980; Он же. Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов // Сов. этнография. 1973. № 5; История и культура чукчей. Л., 1987; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Скотт П. Я. Чукотский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968.

ЧУЛЫМСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **чулымцы** (устар. **чулымские татары, мелецкие татары**), ед. ч. **чулымец, чулымка**. Самоназвания: *иус кижги, пестын кижги, татар кижги*. Этноним *чулымцы* образован от названия р. Чулым. Самоназвания этимологизируются следующим образом: *иус кижги* «чулымские люди», *пестын кижги* «наши люди», *татар/тадар кижги* «татарские люди».

Общие сведения. Чулымский (чулымско-тюркский) язык относится к хакасской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. Он близок хакасскому и шорскому языкам. Чулымский язык относится к языкам агглютинативного типа. Основным способом образования слов и его форм являются суффиксальная агглютинация с элементами аналитизма и словосложение. В чулымском языке при построении предложения сказуемое занимает последнее место. Особенностью фонетической системы чулымского языка является наличие дифтонгов, кратких и долгих гласных, музыкально-силового ударения. Сильное ударение в дву- и многосложных словах падает на второй слог, а слабое — на первый.

В чулымском языке выделяют нижнечулымский и среднечулымский диалекты.

Точных сведений о численности чулымцев не имеется, так как после революции 1917 г. их причислили к хакасам. По некоторым оценкам, в конце XIX в. их численность достигала 4825 чел., а по данным Единого перечня коренных малочисленных народов России, в 1999 г. насчитывалось 742 чулымца. Родным язык своей национальности считают 44,5% чулымцев, русский — 53,4%, оба языка — 2,1%. Основная часть чулымцев проживает по течению р. Чулым в Тегульдетском р-не Томской обл. и в Тюхтетском, Бирилюсском р-нах Красноярского края, за пределами своей этнической территории проживают около 250–300 чел.

Общественные функции языка. Бесписьменный чулымский язык относится к языкам с минимальными общественными функциями, так он используется людьми старшего поколения (40 лет и старше) только в семейно-бытовом общении. Вне семьи все чулымцы используют русский язык, т.е. они являются билингвами. Все большее число чулымцев признают русский язык родным, так как чулымский язык не изучается в школе, а в семейном общении используется все реже и реже.

Лит.: Бирюкович Р. М. Чулымско-тюркский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997; Дульзон А. П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР. Т. II; Тюркские языки. М., 1966; Кривоногов В. П. Этническая ситуация на Среднем Чулыме (середина 1980-х годов): По данным социологических исследований // Этнографич. обозрение. 1994. № 3; Львова Э. Л. К этнической истории чулымцев // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977; Томи-

лов Н. А. Проблемы этнической истории: По материалам Западной Сибири. Томск, 1993; Тюрки таежного Причумылья. М., 1991.

ШАПСУГСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **шапсуги**, ед. ч. **шапсуг**, **шапсугянка**. Самоназвание: *шапсыгъ*. По своему происхождению этноним *шапсыгъ* связан с названием реки *Шапсыхъуэ* «Шапсухо», впадающей в Черное море.

Общие сведения. Шапсугский язык относится к абхазско-адыгской подгруппе кавказских языков (см. **адыгейский язык**). По мнению исследователей, язык шапсугов представляет собой один из диалектов адыгейского языка. В шапсугском языке (диалекте) выделяют прикубанский и причерноморский говоры.

На шапсугском языке говорил когда-то многочисленный субэтнос (200–300 тыс. чел.) адыгских народов, однако основная часть шапсугов переселилась в XIX в. в Турцию. Оставшиеся на этнической территории шапсуги (около 10 тыс. чел.) проживают в нескольких аулах Адыгеи, а также в Туапсинском и Лазаревском р-нах Краснодарского края.

Общественные функции языка. Шапсугский этнос теряет свой язык, так как он никогда не имел своей письменности, в Турции он подвергается сильному воздействию турецкого языка и культуры, ассимилятивные процессы становятся необратимыми, а в России в качестве основного средства общения и обучения используется адыгейский литературный язык. В настоящее время уже 60% детей не владеют родным языком, на нем говорят лишь представители старшего поколения. Ликвидация Шапсугского национального района в 1945 г. (центр

сначала в г. Туапсе, затем с. Красноалександровское, пос. Лазаревское) лишила шапсугов возможности развития и возрождения своего языка и национальной культуры. В шапсугских школах введено преподавание курса «Культура и этика адыгского народа».

Лит.: Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957; Кумахов М. А. Шапсугов язык // Языки народов России. Красная книга. М., 2002; Центр содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств // Бюллетень № 1. Краснодар, 1999; Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997.

ШОРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **шорцы** (устар. **кузнецкие татары, черневые татары, мрасцы, мрасские татары, кондомцы, кондомские татары, шоры**), ед. ч. **шорец, шорка (шорянка)**. Самоназвания: *тадар/татар кижжи, шор, шор-киджи, кукиджи, мрас-киджи* и др. Этноним *шорцы (шор)* восходит к названию одного из родов (сеоков) Шор (ср. гидроним *Шора*, название горы Шор-Тайга). Другие этнонимы мотивировались территориальными различиями шорцев (*тадар/татар кижжи* «татарские люди», *мрас-киджи* «мрасские люди», *прасс чоны* «мрасский народ», *молдум чоны* «кондомский народ») или родовыми признаками (*аба, кызай*). См. **хакасский язык**.

Общие сведения. Шорский язык относится к хакасской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. Он близок хакасскому, чулымскому языкам. Шорский язык является агглютинативным с элементами аналитизма и характеризуется наличием разнообразных послелогов. Слова и формы слов образуются при помощи аффиксации. Порядок слов в предло-

жении типичный для тюркских языков: сказуемое занимает последнее место, а зависимые члены стоят перед главным словом. Сочинительные, разделительные, противительные отношения в простом предложении выражаются при помощи союзов. Ударение в шорском языке экспираторно-музыкальное и фиксируется, как правило, на последнем слоге, в двусложных словах с узкими гласными падает на первый слог, а в многосложных словах выделяется и второе слабое ударение. Тоновое выделение широких гласных первого слога корня поддерживается законами сингармонизма, распространяющегося на гласные последующих слогов и агглютинативные морфемы.

В шорском языке два сильно различающихся между собой диалекта — мрасский и кондомский, между которыми существуют заметные различия в фонетической системе.

В 1897 г. насчитывалось 12 037 шорцев. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность всех шорцев составляет 16 652 чел., а в России 15 745 чел. (94,55% всех шорцев б. СССР), из них 57,48% считают родным языком своей национальности, 40,87% — русский язык, 1,65% — др. языки. Шорцы в основном проживают в верховьях р. Томь, ее притоков Кондомы и Мрассу в Таштагольском, Междуреченском и Новокузнецком р-нах Кемеровской обл., в Аскизском, Таштыпском р-нах Республики Алтай. Шорцы Республики Хакасия включены в состав хакасского народа, а шорский язык рассматривается как диалект хакасского языка. Незначительное количество шорцев проживает также в Украине (0,4%), Казахстане (0,2%), Грузии (0,1%), а 0,3% всей численности шорцев — в Азербайджане, Узбекиста-

не, Таджикистане, Кыргызстане, Белоруссии, Литве, Латвии.

Общественные функции языка. Развитие общественных функций шорского языка началось в 20–30-е гг. XX в. с созданием Горно-Шорской национальной автономии (1925–1939 гг.). В этот период шорский язык приобретает функции языка изучения и обучения, на нем издаются учебники, газеты, произведения художественной и переводной литературы. К концу 30-х гг. функционировали на национальном языке 41 начальная и средняя школа, педагогический техникум, в котором обучалось около 70 шорцев, в 1940 г. выходит первый том «Шорского фольклора» Н.П. Дыренковой.

Однако после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в СССР приостанавливается развитие национальных культур и языков малочисленных народов, в том числе и шорцев, для которых основным средством обучения, ведения делопроизводства, средств массовой коммуникации и т.д. становится русский язык. Развитие общественных функций шорского языка было прервано на 50 лет. Преимущественное использование русского языка в социально значимых сферах жизни шорцев и даже в семейно-бытовой сфере, особенно молодым поколением, приводило к утрате родного языка, к ассимилятивным процессам. Во 2-й половине XX в. количество шорцев, свободно владеющих русским языком, возросло до 77,1%, а не владеющих родным языком — до 7,1%. Русский язык начал выполнять функцию не только средства межнационального, но и внутринационального общения.

С конца 1980-х гг. было возрождено изучение шорского языка сначала в кружках и воскресных школах, а затем и преподавание родного языка в на-

чальной школе и в качестве факультативов в средних классах. С 1989 г. стали готовить специалистов шорского языка и литературы в Новокузнецком педагогическом институте, создается учебная литература для школьников и студентов, изучающих родной язык.

Письменность. История письменности шорцев началась в XIX в., когда на основе кириллицы была издана «Священная история для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» (1883) на шорском языке, а в 1885 г. вышел первый шорский букварь. В 1929 г. была создан алфавит на латинской основе, а в 1938 г. была снова принята кириллическая графика. Литературный язык времен национальной автономии формировался на основе мрасского диалекта.

Лит.: Амзоров М. П. Грамматика шорского языка. Новокузнецк, 1992; Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И. Шорский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940; Кимеев В. М. Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989; Насилов Д. М. Шенцова И. В. Шорский язык // Красная книга языков народов России: Энциклопедический словарь-справочник. М., 1994; Патрушева Г. М. Шорцы сегодня: Современные этнические процессы. Новосибирск, 1996; Хлопина И. Д. Горная Шория и шорцы // Этнографическое обозрение. 1992. № 1, 2; Чиспьяков Э. Ф. История формирования этнической культуры шорцев // Кузнецкая старина. Вып. 1. Новокузнецк, 1993; Чиспьякова Ф. Г. Учебное пособие по диалектологии шорского языка. Новокузнецк, 1991; Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово, 1995; Шорская филология и сравнительно-сопоставительные исследования. Вып. 1. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998.

ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **эвенки** (устар. **тунгусы**), ед. ч. **эвенк, эвенкийка**. Самоназвания: *эвэнки, эвэн, орочен/орочон, бирары, манегры, илэ, мата, хамныган, хундысал* и др. В фольклоре встречаются еще *ганалчи и ураукай*. Этимология синонимичных и/или омонимичных этнонимов народов Восточной Сибири и Дальнего Востока связана, во-первых, с происхождением самих этносов, их древними родовыми наименованиями, во-вторых, местом обитания древнейших племен. Самоназвания толкуются следующим образом: *илэ* «человек», *мата* «гость», «путник», «чужеродец», *хундысал* «собачьи», «хозяйева собак», *бирары* «поречане, живущие на реке» (эвен. *бира* «река»), *хамныган* «житель Хамне» (ср. гидроним *Хамней*), *манегры* название зее-амурского рода и т.д.

Этнонимы *эвенки* и *эвены* имеют общее происхождение. Самоназвание *эвэн* восходит к древнему этнониму *увань* (ср. хр. Увань, отрог большого Хинганского хр.). Суффикс *-к-* в слове *эвенки* более позднего происхождения.

Этноним *орочон* (*срочен, орочол*) в форме *ороч* (мн. ч. *орочол*) функционирует в языке эвенов северо-востока Якутии, на Охотском побережье и на Камчатке и связан с названием *орочен* (см. **орокский язык, орочский язык, ульчский язык**), ср. тунгусск. *орон* «олень», т.е. *орочен* — «оленные», «оленные люди», позднее возникает значение «оленеvod» у слова *орочен*. По мнению Г. М. Василевич, этот этноним связан с гидронимом *Оро* (приток р. Амура) + суффикс *-чен/-чон* со значением «по месту жительства», что соответствует традиции возникновения этнонимов.

Этноним *тунгус* долгое время был общим названием эвенков и эвенов, так как они считались одним народом. По мнению А. Шиманьского, этноним *тунгус* восходит к якутскому корню *тонг-* (*тонгу* «холод», *тонг* «мерзлый» и т.п.) + *уос* «губы, рот». т.е. *тонг-уос* имеет значение «человек с «мерзлой губой», «с невнятной речью»/«не понимающий по-якутски» (ср. этимологию русск. *немец*).

Общие сведения. Эвенкийский язык относится к северной (сибирской) группе тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он наиболее близок к эвенскому языку. По морфологической структуре эвенкийский язык относится к агглютинативно-суффиксальному с элементами аналитизма, редупликации и супплетивизма. По основным способам словообразования является суффиксально-агглютинативным. Порядок слов в предложении обычно является закрепленным: сказуемое занимает место в конце предложения, определение — перед определяемым, зависимые слова стоят перед управляющими. Иногда возможно нарушение строгого порядка слов под влиянием фразового ударения. Ударение в эвенкийском языке свободное, разноместное и находится в прямой зависимости от наличия в слове долгих гласных, от структурных особенностей слова.

В эвенкийском языке выделяются три наречия: северное, южное, восточное, которые в зависимости от территории функционирования и иноязычного окружения включают 15 диалектов, распадающихся на 50 говоров.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность эвенков в РФ составляет 29 901 чел. (99,1% всех эвенков б. СССР), из них 30,35% считают родным язык своей

национальности (1979 г. — 42,5%), 28,29% — русский язык (1979 г. — 20,7%), 41,36% — др. языки. Свободно владеют языком своей национальности 45,1%, русским — 75,2%. Компактно эвенки проживают в Эвенкийском автономном округе (3480 чел., или 11,5%) с центром в п.г.т. Тура, а также в Республике Саха (Якутия) (14 428 чел.), в Бурятии — (1679 чел.), в Таймырском автономном округе (311 чел.), в Хабаровском крае (3691 чел.), в Амурской (1617 чел.), в Иркутской (1369 чел.), Читинской (1271 чел.), Сахалинской (188 чел.), Тюменской (174 чел.), Томской (89 чел.) обл., в других регионах проживало 1013 эвенков. За пределами России эвенки проживают в Китае (20 тыс. чел.) и в Монголии (3 тыс. чел.). По некоторым оценкам, всего насчитывается около 53 тыс. эвенков.

Общественные функции языка. Эвенкийский язык используется в семейно-бытовой сфере представителями старшего и среднего поколения эвенков, а также в традиционных сферах производственной деятельности (оленоводческие и охотничьи бригады). В местах компактного расселения эвенков на родном языке ведутся радиопередачи и издаются газеты (листки).

Эвенкийский язык в функции средства обучения используется в подготовительных классах, изучается как специальная дисциплина в начальной школе, а в неполной средней школе преподается в качестве факультатива (в местах компактного проживания эвенков). Эвенкийский язык изучается при подготовке специалистов-педагогов в вузах Санкт-Петербурга, Якутска, Хабаровска, Улан-Удэ, в национальных педагогических училищах (г. Игарка, г. Николаевск-на-Амуре). На эвенкийском языке издана

учебная литература, выпущены двуязычные словари, методические пособия в помощь учителю родного языка; напечатаны образцы оригинальной и переводной литературы.

Русский язык является средством общения в основных значимых сферах жизни эвенов, поэтому распространено эвенкийско-русское двуязычие. Русский язык является средством межнационального общения, так как эвенки вступают в контакт с представителями многих народов, в основном, с русскими, якутами и бурятами. Степень знания и владения родным языком зависит от социально-демографических факторов, от региона проживания. Например, в Амурской и Читинской обл. 98% эвенков знают родной язык, а в Эвенкийском автономном округе и Иркутской обл. — только 47%, еще в меньшей степени знают родной язык (12–15%) в районах Бурятии и Республики Саха (Якутия). Многие эвенки Якутии перешли от двуязычия к использованию преимущественно якутского языка и почти полностью утратили родной язык: не говорят на родном эвенкийском языке 13 100 человек, из них перешли полностью на русский 1190 чел., говорят только на якутском 11 905 эвенков. Среди эвенков распространено не только двуязычие, но и трехязычие. В то же время незначительное количество якутов, бурят и русских владеет эвенкийским языком или понимает его.

Письменность. Эвенкийский язык относится к младописьменным языкам, так как письменность была создана в 1931 г. сначала на латинской графике, а затем — на кириллице (1937 г.). В основу литературного эвенкийского языка был положен сначала непский говор южного наречия (Иркутская обл.), затем в 1952 г. — полигу-

совский говор Байкитского р-на Эвенкийского автономного округа. Процесс становления норм эвенкийского литературного языка еще не завершился.

Лит.: Алексеев А. А. Забытый мир предков. Якутск, 1993; Булатова Н. Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997; Буркин А. А. Малые жанры эвенкийского фольклора. СПб., 2001; Василевич Г. М. Самоназвание ороchon, его происхождение и распространение // Известия СО АН СССР. Сер. общественных наук. Новосибирск, 1963. Вып. 3; Дуткин Х. И. Эвенкийский фольклор. Якутск, 1996; Народы Дальнего Востока СССР в XVII–XX вв.: Историко-этнографические очерки. М., 1985; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970; Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

ЭВЕНСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **эвены** (устар. **ламуты**), ед. ч. **эвен**, **эвенка**. Самоназвания: *эвэн (эвын), эвун, ороch, илкан, мэчэ, донрэткен, наmatкан* и др. Основное и наиболее распространенное самоназвание этноса *эвэн* того же происхождения, что *эвенки* (см. **эвенкийский язык**). Другие самоназвания связаны с территориальными и родовыми различиями этнографических групп эвенов: эвены Северного Приохотья (Магаданская обл.) называют себя *орач*, мн. ч. *орачил* «оленные»; эвены Нижнеколымского улуса Якутии называют себя *илкан бэй* «настоящий человек», на Камчатке и отчасти на Чукотке сохраняется наименование *ламуты*, для восточных эвенов вплоть до 30-х гг. XX в.

использовалось наименование *тунгусы*, употреблявшееся в большей мере по отношению к эвенкам. Одно из самоназваний эвенов *мэнэ*, мн. ч. *мэнэл* означает «живущие на одном месте».

Так, этноним *ламуты* (от эвенкийского *ламут-кан* «приморский житель», «ламутские люди») известен с 1638 г. из сообщения Посника Иванова, писавшего о своем походе на Яну, что в верховьях этой реки «живут тунгусы именем ламутки». Ламутами называли преимущественно камчатских, анадырских и колымских эвенов, которые никогда не называли себя ни тунгусами, ни ламутами. Их основным самоназванием было *эвэн* (*эбэн*, *эвун* и т.д.), которое и легло в основу современного официального обозначения этого этноса.

Общие сведения. Эвенский язык относится к северной (сибирской) подгруппе тунгусской группы тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи языков. Он наиболее близок эвенкийскому языку. Эти языки отделились друг от друга примерно 1500 лет назад, поэтому между ними существуют значительные отличия в грамматике, особенно в сфере глагольных категорий и форм. По своему морфологическому типу эвенский относится к агглютинативно-суффиксальным языкам и характеризуется разветвленной системой послелогов, в основном выражающих пространственные отношения, большим количеством частиц с различными оттенками модальных значений, но слабой развитостью союзов и союзных слов. При образовании слов и их форм ведущее место занимает агглютинация суффиксального характера с немногочисленными элементами флективной аффиксации. Для эвенского языка характерен твердый порядок слов в пред-

ложении: подлежащее препозитивно по отношению к сказуемому, определение стоит впереди определяемого слова. Ударение силовое и чаще падает на последний слог.

В эвенском языке выделяются западное, среднее и восточное наречия, в пределах которых существует около 20 диалектов и говоров: ольский, охотский, камчатский, березовский, момский, томпонский, аллаиховский, ламунхинский, тюгесирский и др.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность эвенов составляла 17 055 чел. (99,16% всех эвенов б. СССР), из них 43,84% считают родным язык своей национальности (в 1959 г. – 77,5%), 27,42% – русский язык, 28,74% – др. языки. По данным Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, в 1999 г. общее число эвенов составило 17 199 чел. (в 1959 г. эвенов насчитывалось 9121 чел., в 1970 г. – 12 029 чел., в 1979 г. – 12 529 чел.). Эвены компактными, локальными группами проживают в Республике Саха (Якутия), Магаданской и Камчатской обл., Хабаровском крае, Чукотском и Корякском автономных округах.

Общественные функции языка. Эвенский язык в функции средства общения используется в основном в семейно-бытовой сфере представителями старшего и среднего поколения, а также в сфере традиционных отраслей хозяйственной деятельности (оленоводческие бригады, зверобойный и рыболовный промыслы). Младшее поколение владеет родным языком, если находится в многодетных семьях в местах компактного проживания этноса. Основным средством общения в социально значимых сферах является русский язык, а в Якутии еще и якутский язык.

В сфере образования эвенский язык является предметом изучения и

преподавания в дошкольных учреждениях, в начальной и средней школе, он используется для подготовки специалистов в Анадырском высшем педагогическом училище, Якутском педагогическом училище, в колледже пос. Черский Нижнеколымского улуса Республики Саха (Якутия), в Якутском государственном университете им. М.К. Аммосова, в Северном международном университете (г. Магадан), в Хабаровском педагогическом институте, в Институте народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. С 1926 по 1995 г. было издано более 70 учебников по эвенскому языку для начальной школы, в 1991 г. был выпущен учебник эвенского языка для педучилищ, а в 1998 г. — для 9 класса средней школы.

В качестве средства письменного художественного творчества эвенский язык используется с середины 30-х гг., когда были опубликованы первые произведения писателей и поэтов (проза В. Слепцова, П. Громова, К. Бабцева, П. Тылканова, проза и стихи А. Черканова). Однако, хоть и издаются произведения многочисленных национальных авторов (более 120 книг), в настоящее время оригинальная, переводная литература, фольклорные тексты и т.д. на эвенском языке распространены среди узкого круга лиц: в среде творческой интеллигенции, педагогов, методистов, научных работников и т.п.

Общественные функции эвенского языка в сфере средств массовой коммуникации получили развитие еще в 30-е гг. XX в.: на эвенском языке в Магадане издавались газеты «Айдит ороchel» (1935—1936 гг.) и «Оротты правда» (1936—1941 гг.). В настоящее время на эвенском языке периодически публикуются страницы в газетах Чукотки (с

1990 г.), в журналах «Розовая чайка» (Якутия), «Айвэрэттэ» (Чукотка), в районных, региональных газетах Якутии, а в Быстринском р-не Камчатской обл. выходит газета «Айдит» с параллельными текстами на русском и эвенском языках. На эвенском языке ведет вещание радиостанция «Гяван» (г. Якутск), создаются отдельные радио- и телепередачи работает Чукотская окружная станция (г. Анадырь).

Однако количество эвенов, владеющих родным языком постоянно снижается. Это связано с распространением функционально более активных русского и якутского языков, выполняющих функцию социально значимых средств общения в жизни этноса, особенно среди молодого поколения, которое практически не использует родной язык вне семьи. Эти языки очень часто выполняют не только функцию межнационального, но и внутриэтнического средства общения.

Для эвенов характерны различные типы билингвизма и трехязычия: эвено-русское, эвено-якутское, эвенско-чукотское, эвено-корякское двуязычие и эвено-русско-чуванское трехязычие. В недавнем прошлом эвены владели местными диалектами юкагирского языка, в наши дни распространено двустороннее двуязычие юкагров и эвенов.

Письменность. Письменность для эвенов была создана в XIX в., когда в 1858 г. был издан «Тунгусский букварь с молитвами» протоиерея Стефана (С. Попова). Он перевел на эвенский язык Евангелие от Матфея. В 1931—1932 гг. был создан алфавит на латинской графической основе, а в 1937 г. он был переведен на кириллицу. В последующие годы (1938, 1941, 1954, 1958) графика и алфавит эвенского

языка неоднократно модернизировались, в ходе чего менялись способы обозначения отдельных фонем на письме. В настоящее время в различных регионах проживания эвенов в местных изданиях используются различные варианты эвенской графики.

В основу эвенского литературного языка и письменности сначала был положен ольский говор эвенского языка, на основе которого к середине XX в. сформировался письменный эвенский язык, ставший языком учебной литературы и местных средств массовой информации и т.п. Однако в настоящее время функционируют различные варианты письменного языка, которые ориентируются на различные говоры.

Лит.: Алексеев А. А. Забытый мир предков. Якутск, 1993; Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири М., 1966; История и культура эвенов. СПб., 1997; Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978; Левин М. Г. Эвены // Народы Сибири. М.; Л., 1956; Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964; Никонцов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Новикова К. А. Эвенские сказки, предания и легенды. Магадан, 1987; Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981; Туголуков В. А. Главнейшие этнонимы тунгусов (эвенков и эвенов) // Этнонимы. М., 1970; Шарина С. И. Характеристики языковой ситуации у эвенов Республики Саха (Якутия) // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. М., 2001.

ЭНЕЦКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **энцы**, ед. ч. **энец, энка**. Самоназвания: *онэ, энэче, маду, сомату, пэ-бай*. Этноним *онэ энэче* имеет значение «настоящий человек», *сомату* – родовое имя *Соэта* «имеющий шапку» (ср. нганасан. *samatu* «иметь шапку, находиться в шапке», *samu* «шапка»), *маду* ненец. «энец».

Общие сведения. Энецкий язык относится к северносамодийской группе самодийской ветви уральской языковой семьи. Он близок ненецкому языку, так как морфология и лексика имеют общие генетические корни, а некоторые категории словоизменения и словообразования, терминологическая лексика энецкого языка развивались под влиянием языковых контактов с нганасанским языком. Энецкий язык относится к агглютинативному типу. При образовании слов и его форм преобладает суффиксация. Порядок слов в предложении строится в последовательности: субъект – объект – предикат. В энецком языке отмечается яркая особенность звукового строя: наличие вокализма и действие закона открытых слогов.

В энецком языке выделяются лесное (пэ-бай) и тундровое (сомату) наречия.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность энцев в РФ составила 198 чел. (94,74% всех энцев б. СССР (1926 г. – ок. 250 чел.)). В переписи населения 1959 и 1979 гг. энцы объединялись или с ненцами, или с нганасанами, поэтому и численность ненцев в 1989 г. не является абсолютно точной. 46,46% ненцев считают родным язык своей национальности, 37,88% – русский язык, 15,66% – др. языки. По некоторым оценкам, в настоящее время численность энцев достигает 340 чел. Энцы проживают в основном в Дудинском и Усть-Енисейском р-нах Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края (образован 10 декабря 1930 г.) с центром г. Дудинка. Около трети энцев проживают дисперсно в городах и поселках вне своей основной этнической территории.

Общественные функции языка. Энецкий язык имеет весьма ограни-

ченные общественные функции: он используется только в семейно-бытовом общении представителями старшего поколения. В сфере образования, производства, включая и области традиционной хозяйственной деятельности, используются русский или ненецкий языки. В настоящее время делаются попытки ведения факультативных занятий по энецкому языку в школе пос. Потапово Дудинского р-на, имеются отдельные публикации на энецком языке в окружной газете «Таймыр», организованы ежедневные радиопередачи редакцией национального вещания Таймырского автономного округа.

Поскольку энецкий язык в социально значимых сферах жизни этноса испытывает мощную конкуренцию русского и ненецкого языков, а младшее поколение энцев все больше признает родным инонациональный язык, который используется уже и во внутринациональном общении, то сохранение энецкого языка стало острой проблемой: фактически полноценными носителями родного языка являются несколько десятков человек.

Письменность. Энецкий язык относится к младописьменным, так как только в 1986 г. был создан алфавит (Н.М. Терещенко) на основе лесного диалекта. Использовался язык в газете «Таймыр», в изданиях фольклорных текстов, при переводе Евангелия от Луки (1995 г., Д.С. Болина).

Лит.: Болина Д.С., Хелимский Е.А. Энецкий язык // Языки народов России. Красная книга. М., 2002; Василевич Г.М. Этноним саман → самый у народов Сибири // Советская этнография. 1965. № 3; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Казаке-

вич О.А., Кузнецова А.И. Языковая ситуация у самодийских народов // Языковая ситуация в Российской Федерации. 1982. М., 1982; Кривоногов В.П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998; Терещенко Н.М. Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966; Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985; Хелимский Е.А. Язык двухсот // Знание – сила. 1976. № 3; Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

ЭСКИМОССКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. эскимосы, ед. ч. эскимос, эскимоска. Самоназвания: *юпигыт* (ед.ч. *юпик*), *ун'азим юпига*, *нывук'ам юпига*, *сиг'иным юпига*, *сивук'ам юпига* и др. Этноним *эскимосы* имеет значение «сыроед», «поедающий сырое мясо, рыбу» и был заимствован (ср. англ. Eskimo) из индейских языков. Самоназвание *юпигыт* «настоящие люди, настоящие мужчины» восходит к эским. *юк'* «человек, мужчина», мн. ч. *югыт* «люди, мужчины». Другие этнонимы восходят к территориальным названиям: *ун'азис'мит* «уназикцы» (чаплинцы), *сиг'иньгмит* «сиреникцы», *нывук'ах'мит* «науканцы».

Общие сведения. Эскимосский язык относится к юпикской группе эскимосской ветви эскимосско-алеутской семьи языков. Он является агглютинативным языком полисинтетического строя. Основным способом образования слов и их форм является агглютинация, очень редко – аналитический способ, иногда слова образуются сочетанием агглютинации и флексии. В построении предложения эскимосский язык характеризуется наличием номинативных и эргативных конструкций. В эскимосском языке два основных типа предложения: динамическое и количественное, в многосложных словах ударение чаще падает на второй слог.

Внутри чаплинского диалекта выделяются, как минимум, четыре говора: уназикский, аванский, имтукский и диалект острова Св. Лаврентия (США). Науканский язык на говоры не делится. Существуют косвенные данные о наличии в прошлом как минимум двух говоров старосиренинского языка.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность российских эскимосов составляет 1704 чел. (99,13% всех эскимосов б. СССР), из них 51,64% считают родным язык своей национальности (в 1959 – 84,0%, 1970 – 61,1%, 1979 – 60,7%), 45,89% – русский язык (1959 – 13,0%, 1970 – 37,5%, 1979 – 37,6), 2,47% – др. языки. По материалам Единого перечня коренных малочисленных народов РФ, в 1999 г. насчитывается 1719 эскимосов. Эскимосы проживают в Чукотском автономном округе (1428 чел.) с центром в г. Анадырь, а также около 1100 чел. на острове Св. Лаврентия (США). Основная масса эскимосов проживает среди представителей др. народов или дисперсно: лишь в пос. Новое Чаплино эскимосы составляют более 50% населения (ок. 40% – в Сирениках, ок. 30% – в Уэлькале).

С середины 1930-х гг. русский (наряду с чукотским, контакты с которым не прекращались никогда) становится основным источником лексических заимствований, а позднее – и источником фонетической и грамматической интерференции. В течение последних 60 лет язык азиатских эскимосов существует в условиях мощного воздействия русского языка.

Общественные функции языка. Развитие общественных функций эскимосского языка начинается в 20–30-е гг. XX в.: в 1927 г. открываются первые школы в поселках Уназик, Урелики,

Кивак и Сиреники, в школах родной язык стал средством обучения и изучения с 1933 г. В середине XX в. общественные функции эскимосского языка стали сужаться: он перестал изучаться в средней школе даже как предмет. В настоящее время он преподается как обязательный предмет в двух сельских школах Провиденского р-на с 1 по 4 класс и факультативно – в старших классах, а также в Анадырском педагогическом училище, где готовят учителей эскимосского языка для школ Чукотки.

Однако эскимосский язык все больше становится средством семейно-бытового общения старшего поколения, так как эскимосы 40–55 лет владеют родным языком пассивно, а молодежь говорит только по-русски. Зарубежные эскимосы поселков Гэмбел и Савунга на о. Св. Лаврентия (США), Гренландии и Канады в большей степени сохранили родной язык, который используется в преподавании, в средствах массовой коммуникации (радио, телевидение).

В средствах массовой коммуникации эскимосский язык употребляется в ограниченном масштабе: иногда печатаются статьи, очерки, другие материалы в газете «Советская Чукотка» (с 80-х гг.), дважды в неделю ведутся радиопередачи (в основном по-наукански). Родной язык этноса сохраняется в сфере эскимосского фольклора.

В сфере издательского дела за 60 лет на эскимосском языке было издано около 90 ед. печатной продукции: учебников, учебных пособий, оригинальной художественной и переводной литературы, эскимосского фольклора, большая часть этих произведений вышла в издательствах С.-Петербурга (Ленинграда), Магадана.

Письменность. Эскимосский язык относится к младописьменным язы-

кам. Письменность на основе латинской графики была введена в 1932 г., а в 1937 г. был принят кириллический алфавит. Развитие обучения на родном языке, издание литературы способствовали созданию орфографической нормы, которая в последние годы начинает размываться из-за полиграфических трудностей: отсутствия некоторых букв в типографии, несовершенства графической основы обозначения долготы гласных и т.д.

Лит.: Бахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993; Гурвич И. С. Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера. М., 1982; Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970-е гг.) // Сов. этнография. 1979. № 2; Крупник И. И., Файнберг Л. А. Эскимосы // Народы мира: Энциклопедия. М., 1988; Меновщиков Г. А. Лингвистическая ситуация на крайнем северо-востоке Сибири и в северо-западной Америке. [Введение к книге]: Г. А. Меновщиков. Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980; Он же. Язык науканских эскимосов. Л., 1985; Народы Сибири. М.; Л., 1956; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Орлова Е. П. Азиатские эскимосы // Изв. Всесоюзного Географического общества. 1941. Т. 73. Вып 2; Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954; Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971.

Ю́ГСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. *юги*, ед. ч. *юг*, *южанка*. Самоназвания: *юги*, (*югэн*, (*югын*), *улена*, *кас'деу*). Этноним *юги* использовали при именовании этноса северными кетам и др. Этимология этно-

нима не имеет однозначного толкования. Одни возводят его к эскимосскому *юк* «человек» (Е. А. Алексеенко), другие связывают с названием реки *Выдра*, на берегах которой жили древние предки югов, так как эвенк. *дюкул*, *дюкундра* имеют значение «выдра». Подобное сближение, возможно, возникло из-за фонетической близости тунгусского названия выдры и самоназвания *югын*. Самоназвание *кас'деу* имеет значение «песчаные люди».

Общие сведения. Югский (сымский) язык относится к группе енисейских языков. До недавнего времени югский язык относили к диалекту кетского языка, однако различия между ними весьма значительны, поэтому югский язык можно отнести к самостоятельному языку. В языкознании существуют различные гипотезы относительно генетических связей югского языка с тибето-бирманскими или нахско-дагестанскими языками.

Югский язык относится к агглютинативному типу с элементами инкорпорации. Продуктивными способами образования слов являются префиксация, инфиксация, суффиксация. Синтаксический строй характеризуется наличием активного и эргативного строя, порядок слов в предложении обычно строится по схеме: подлежащее — прямой объект — сказуемое. В югском языке представлено 4 слоговых тона, что сближает его с языками тонового типа. Долгота гласных имеет просодический характер.

Югский язык относится к исчезающим языкам, так как на нем говорит не более 15 чел., во всех переписях населения их причисляли к кетам. Юги проживают в пос. Ворогово Туруханского р-на и пос. Ярцево Енисейского р-на Красноярского края.

Общественные функции. Югский язык до середины 70-х гг. XX в. еще ис-

пользовался как средство семейно-бытового общения старшего поколения. Основным средством общения стали русский или кетский языки, поэтому родным языком владеют фактически единицы из числа югов.

Лит.: Алексеенко Е.А. Кеты // Этническая история народов Севера. М., 1982; Алексеенко А.К. К вопросу о так называемых кетах-югах // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975; Вернер Г.К. Югский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968; Крейнович Е.А. Кетский язык // Языки Азии и Африки. М., 1979; Нерознак В.Н. Югский язык // Языки народов России. Красная книга. М., 2002; Топоров В.Н. Енисейские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

ЮКАГИРСКИЙ ЯЗЫК

Носители: мн. ч. **юкагиры**, ед. ч. **юкагир**, **юкагирка**. Самоназвания: *одул*, *вадул*, *анаулы*, *деткиль* (*дюткиль*), *омок*, *вабарил*, *алайи*.

Этноним *юкагиры*, возможно, восходит к эвенк. *йукэ* (*йукэ*) «холодный» или *йоке* (*йоко*) «далекий» + *гир* «народ, племя», т.е. *юкагиры* – это «далекое племя или народ холодной страны». Другую этимологию предложил В.И. Иохельсон, который полагал, что этноним *юкагир* образован от тунгусского *юка* (искажение слова *дюкэ* «лед»), т.е. *юкагиры* – это «ледяные» или «мерзлые» люди, говорящие на непонятном языке» (ср. этимологию *тунгус* в статье **эвенкийский язык**). Самоназвания *одул* и *вадул* (*вадул*) принадлежат территориальным названиям юкагиров – колымским и тундренным. Другую территориальные этнонимы: *анаулы* – диалектное юкагир. *эну* «река» + [од]ул «юкагир» имеет значение «речные юкагиры» (ср. название р. Анадырь, возможно, чукотск. *Энмаат-*

гыр «ручей, протекающий в скалах»); *омоки* имеет в основе юкаг. *омо* «народ, люди, род», *онмун-омни* «колымский народ». В.И. Иохельсон отметил слово *омок* в значении «чужое племя», «чужой народ».

Общие сведения. Юкагирский язык относят к юкагирско-чуванской группе палеоазиатских семьи языков, хотя его генетические связи еще не установлены. Юкагирский язык сближают с финно-угорскими, самодийскими, тюркскими, чукотско-камчатскими, тунгуо-маньчжурскими языками. Язык чуванцев относят к вымершему юкагирскому языку (см. **чуванский язык**). Морфологический тип юкагирского языка – агглютинативный с преобладанием суффиксации. Класс служебных слов представлен послелогоми и частицами. Порядок слов в предложении обычно строится по схеме: подлежащее – прямой объект – сказуемое, определение предшествует определяемому. Ударение падает на первый или второй слог.

В юкагирском языке выделяются колымский (лесной, таежный) и тундренный диалекты, которые имеют существенные различия, что позволяет некоторым исследователям относить их к самостоятельным языкам.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ численность юкагиров составляла 1112 чел. (97,37% всех юкагиров б. СССР), из них 32,02% считают родным язык своей национальности (в 1959 г. – 54%), 45,86% – русский язык, 22,12% – др. языки (якутский или эвенкийский). По данным Единого перечня коренных малочисленных народов России, в 1999 г. насчитывалось 1140 юкагиров. Основная часть юкагиров (575 чел.) проживает в Республике Саха (Якутия). Тундренные юкагиры проживают

в поселках Андриюшкино и Колымское Нижнеколымского улуса, а колымские — в пос. Нелемное, Верхнеколымск и Зырянка Верхнеколымского улуса Якутии, небольшое количество колымских юкагиров проживает также в пос. Балыгычан и Сеймчан Среднеканского р-на Магаданской обл., в пос. Омолон Билибинского р-на Чукотского автономного округа.

Общественные функции языка.

Юкагирский язык в основном выполняет функцию средства семейно-бытового общения в среде старшего и отчасти среднего поколения. Тундренный диалект юкагирского языка используется в ограниченном масштабе в традиционной производственной сфере деятельности (в оленеводческих бригадах), родной язык используется при встрече в приветствиях, кратких диалогах и т.п. Основным средством общения в социально значимых сферах (в образовании, средствах массовой коммуникации и т.д.) являются русский или якутский языки. По некоторым оценкам, считаются завышенными сведения о числе владеющих родным языком по данным переписи населения: в 1990 г. число верхнеколымских юкагиров, владеющих своим родным языком, составляло 26 человек. В настоящее время тундренным диалектом юкагирского языка активно владеют лица старше 40 лет, колымским — лица старше 50 лет.

В сфере образования юкагирский имеет ограниченные функции: с 1990 г. введено обучение родному языку в 1–2 классах начальной школы, издан букварь на тундренном диалекте юкагирского языка и ряд учебных пособий по колымскому диалекту. Изучение юкагирского языка в детских садах и начальной школе затруднено, так как не хватает учителей родного языка, мало учебников и пособий, отсутствует

мотивация в овладении родным языком со стороны молодого поколения.

Используется юкагирский язык в фольклоре и при создании художественных произведений писателями Улуро Адо (поэт Гаврил Курилов), Семенов Куриловым. Однако писатели предпочитают издавать свои произведения преимущественно на русском языке (Н.И. Спиридонов, С.Н. Курилов, Г.А. Дьячков).

Несмотря на мощное воздействие русского и др. языков, юкагирский язык остается важнейшим средством национальной самоидентификации, поэтому является целесообразным введение системы мер по сохранению родного языка юкагиров. Свою роль может сыграть и Фонд возрождения юкагирского народа.

Юкагиры проживают в полиэтнической среде, поэтому им свойственны различные типы билингвизма и многоязычия: старшее поколение верхнеколымских юкагиров хорошо владело эвенским языком вплоть до 90-х гг. XX в. Нижнеколымские юкагиры охвачены различными типами двуязычия со вторым русским (чаще старожильческим наречием), эвенским, чукотским, якутским языками. Воздействие русского языка проявляется даже в устном народном творчестве: фольклорные записи недавних лет отмечают вставки русских слов и фраз и переключение с родного на русский язык.

Письменность. Юкагирский язык стал письменным в середине 70-х г. XX в., когда были опубликованы стихи Г.Н. Курилова на тундренном диалекте юкагирского языка с использованием якутского алфавита, который был официально принят в 1987 г., а затем стал использоваться и носителями колымского диалекта юкагирского языка.

Лит.: Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.; Л., 1958; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М., 1979; Юкагиры: Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

ЯЗЫ́К БЕСЕРМЯ́Н. См. **бесермянский язык**.

ЯЗЫК ГО́РСКИХ ЕВРЕ́ЕВ

Носители: мн. ч. **горские еврей**, ед. ч. **горский еврей**, **горская еврейка**. Самоназвание: *джухур*. Этноним *горские еврей* «горец-иудей» является русским переводом тюркского названия *дагд-жууд* (ср. *даг* «гора», *джууд* «иудей»). Самоназвание *джухур* «еврей, иудей». Горских евреев другие группы татов также называют *джухур*. Этноним *таты* по отношению к горским евреям используется с 30-х гг. XX в.

Общие сведения. Горские еврей говорят на татском языке (см. **татский язык**). По преданиям горских евреев, они происходят от израильян, выведенных из Палестины и в дальнейшем перенявших язык татов. Возможно, это послужило основанием для выделения как самостоятельного этноса в переписи населения.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в РФ численность горских евреев составляет 11 282 чел. (60,94% всех горских евреев б. СССР), из них 75,16% считают родным язык своей национальности, 21,1% — русский язык, 3,74% — др. языки. Таты-иудеи проживают в Кайтагском и Магарамкентском р-нах, в городах Дербент, Махачкала, Буйнакс и т.д. Дагестана (3649 чел.), а также в Кабар-

дино-Балкарии, Чечне, Ингушетии, в Азербайджане.

Общественные функции языка. Использование родного языка в различных функциях в социально значимых сферах было начато в 20–30-е гг. XX в.: он преподавался в начальной школе, на нем издавались книги, газеты и публицистическая, учебная и художественная литература, был организован национальный театр (закрыт в 1953 г.). См. **татский язык**.

Письменность. Горские еврей до 1928 г. пользовались еврейской письменностью (первые книги были опубликованы в 1908–1909 гг.), затем был создан алфавит на латинской основе, а в 1938 г. — на кириллической. См. **татский язык**.

Лит.: Анисимов И. Ш. Кавказские еврей-горцы. М., 1988; Горские еврей // Народы России: Энциклопедия. М., 1994; Ихилов М. М. Горские еврей // Народы Дагестана. М., 1955; Леонтьев А. А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии. М., 2004; Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960; Таты-иудаисты // Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. XXIII. М., 1993.

ЯЗЫ́К КАМЧАДА́ЛОВ. См. **ительменский язык**.

ЯЗЫ́К КАРАТЯ́НЦЕВ. См. **каратинский язык**.

ЯЗЫ́К КУМАНДЯ́НЦЕВ. См. **кумандинский язык**.

ЯЗЫ́К НАГАЙБА́КОВ. См. **татарский язык**.

ЯЗЫ́К ТА́ЗОВ

Носители: мн. ч. **тазы**, ед. ч. **таз**, **тазовка**. Самоназвание: *удэ* (см. **удэгейский язык**). Этноним *тазы* не имеет однозначной этимологии, одни возводят его к китайскому *та-цзы* (*да-цзы*) и название этноса толкуют как «береговые жители», «окружающие люди», «скры-

вающиеся», «край, конец», другие — «аборигены, чужеземцы, инородцы» (В.К. Арсеньев).

Общие сведения. Язык тазов — один из говоров северного диалекта китайского языка. Тазы, хотя и относятся к коренным этносам юга Приморья, имеют много общего с китайцами не только в языке, но и в духовной и материальной культуре. В.К. Арсеньев характеризовал тазов как «окитаенных» удэгейцев, которые почти утратили родной язык. В современную эпоху название *тазы* закрепилось за небольшой народностью, проживающей в с. Михайловка Ольгинского р-на Приморского края, хотя раньше тазами называли любых коренных жителей Приморья (чаще удэгейцев). Коренное население (удэгейцы, нанайцы) бассейна р. Усури и юга Приморья с давних времен помимо родного языка практически владело китайским, так как находилось под сильным демографическим, языковым и этнокультурным влиянием китайцев. Переняв культуру и язык китайцев, оно не считало себя китайцами и осознавало себя другим этносом. Тазы вплоть до настоящего времени утверждают, что говорят «на своем языке», а не на китайском, так как в свое время подверглись репрессиям: в середине 30-х гг. иностранцы (китайцы, корейцы) были депортированы за пределы СССР. Тогда же вместе с китайцами стали выселять и китаезычных тазов.

По материалам Единого перечня малочисленных народов России, численность тазов в 1999 г. составляла 203 чел. (по др. данным — 350—400 чел.), из них в с. Михайловка проживает 115 чел., вместе с гольдами (25 чел.) они составляют 60% жителей с. Гольды (нанайцы, усвоившие говор китайского

языка в качестве родного), представляя собой вместе с тазами единую народность, различает их только запись в паспорте.

Общественные функции. Бесписьменный язык тазов используется преимущественно в семейно-бытовой сфере представителями старшего и среднего поколений, а молодое поколение практически не использует родной язык вне семьи. Основным средством общения в жизнедеятельности тазов и гольдов является русский язык. Проблема сохранности родного языка, по мнению исследователей, у тазов существенно выше, чем у удэгейцев.

Лит.: Арсеньев В. К. Тазы и удэхе // Статистич. бюллетень Дальневосточного статистического управления. Хабаровск. 1926. № 1; Он же. Лесные люди удэгейцы // Соч. Т. 5. Владивосток, 1948; Беликов В. И., Перехвальская Е. В. Тазов язык // Языки народов России. Красная книга. М., 2002; Ларькин В. Г. Удэгейцы: Историко-этнографический очерк с сер. XIX в. до наших дней. Владивосток, 1958; Сем Ю. А. Об изменении территории расселения нанайцев за годы советской власти // Тр. Дальневосточного филиала им. В.Л. Комарова Сиб. от. АН СССР, сер. историческая. Т. 2. Владивосток, 1961.

ЯЗЫ́К ТЕЛЕУ́ТОВ. См. телеутский язык.

ЯЗЫ́К ТУБАЛА́РОВ. См. тубаларский язык.

ЯЗЫ́К ТУВИ́НЦЕВ-ТОДЖИ́НЦЕВ
Носители: мн. ч. **тувинцы-тоджинцы**, ед. ч. **тувинец-тоджинец, тувинка-тоджинка**. Самоназвание тодджинцев: *ты́гва* (*туга, туха*). Этноним тодджинцев *ты́гва* совпадает с этническим именем всех тувинцев (см. **тувинский язык**). Название *тодджинцы* образовано от наименования оз. Тоджа.

Общие сведения. Язык тувинцев-тоджинцев представляет собой один из диалектов тувинского языка (см.). В тоджинском диалекте выделяются два говора: таежный и речной. Тувинцы-тоджинцы как особая этническая группа входят в состав тувинской нации. По материалам Единого перечня малочисленных народов, в 1999 г. численность тувинцев-тоджинцев составляла 5114 человек, проживающих компактно в Тоджинском р-не Республики Тыва.

Старшее поколение потомков русских крестьян-староверов, проживающее рядом с тоджинцами, нередко владеет тувинским языком.

Общественные функции языка. Язык тувинцев-тоджинцев, как и другие диалекты тувинского языка, подвергается активному давлению со стороны литературного языка, нормы которого изучаются в средней школе: тувинский язык преподается с подготовительного до 11 класса, используется во всех социально значимых сферах (см. **тувинский язык**). Сохранению особенностей диалекта тоджинцев способствует использование его в семье и в традиционных сферах хозяйствования: в оленеводстве, в разведении скота, в рыболовстве, в охоте и т.п. В процессе трудовой деятельности активно участвует и молодое поколение, что обеспечивает языковую преемственность.

Лит.: В а й н ш т е й н С. И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961; С а т Ш. Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; О н ж е. Тувинский язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997; Ч а д а м б а З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974; Тувинская письменность, язык и литература. Кызыл, 1980.

ЯЗЫ́К ЧЕЛКА́НЦЕВ. См. **челканский язык**.

ЯЗЫ́К ЧЕРКЕСОГÁЕВ. См. **черкесогайский язык**.

ЯЗЫ́К ЧУВА́НЦЕВ. См. **чуванский язык**.

ЯЗЫ́К ШАП́СУГОВ. См. **шапсугский язык**.

ЯКУ́ТСКИЙ ЯЗЫ́К

Носители: мн. ч. **якуты**, ед. ч. **якут, якутка**. Самоназвание: *саха*. Единой этимологии этнонима *саха* нет. Предполагают, что он восходит к тюркскому *јаха/йаха* из древнетюркского *јаq* «сторона», *јаqа* «ворот, воротник», к которому близки монгольское *дзаха/заха* со значением «край», «окраина». В бурятском он имел форму *яхад*, от которой возникло и русское *якут*. Буряты называли якутов *дзыхан улас* «окраинный народ». Имеются суждения и об иранском происхождении самоназвания *саха*: этноним *саки* через фонетические ступени изменения (*саки* > *сака* > *сага* > *саха*) возводят к имени божества *Сах*; другие настаивают на маньчжурском происхождении, согласно которому в средние века *саха* имело значение «охота», «травля зверей», а в древности — «охотник», «человек» (Е.И. Сидоров).

Общие сведения. Якутский язык относится к якутской группе уйгуро-огузской ветви тюркской семьи языков. В соответствии с Конституцией Республики Саха (Якутия) язык народа называется — *саха тыла* «язык саха».

По морфологическому строю якутский язык относится к агглютинативному типу. Слова и их формы образуются суффиксальным способом с элементами аналитического способа образования слов: сложение основ, по-

строенных посредством примыкания, управления, изафета, согласования и т.п. Широко используются послелого, частицы, модальные слова, союзы. Связь слов в предложении осуществляется посредством примыкания, управления, согласования и изафета. Порядок слов в предложении строится по обычной схеме: подлежащее – дополнение – сказуемое, зависимые члены располагаются перед стержневыми, главными. Ударение в якутском языке музыкально-долготное и постоянное, падает на последний слог. Система гласных характеризуется наличием широких, узких и дифтонгических звуков.

В якутском языке выделяются акающие и окающие группы говоров: центральная, вилюйская, северо-западная и таймырская.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность якутов в России составляет 380 242 чел. (99,6% всех якутов б. СССР), из них 94,02% считают родным язык своей национальности, 5,93% – русский язык, 0,05% – др. языки. Якуты проживают в Республике Саха (Якутия) (365 236 чел., или 95,6%) со столицей г. Якутск, а также (ок. 17 тыс. чел.) в Красноярском и Хабаровском краях, в Магаданской, Иркутской, Амурской обл.

Общественные функции языка. Якутский язык наряду с русским имеет статус государственного языка. Подобный статус был принят еще в 1926 г., а затем был ликвидирован в последующих конституциях. В настоящее время якутский язык обладает довольно широкими общественными функциями: он выполняет функцию средства семейно-бытового, производственного общения, дошкольного и школьного

воспитания и обучения, является официальным языком государственных органов, используется в сфере культуры, отчасти науки, массовой коммуникации (периодической печати, радио, телевидения). Ограниченные общественные функции якутский язык имеет в сфере среднего специального и высшего образования, издания разнообразной литературы, в официально-деловой сфере (милиция, суд, прокуратура) и др., уступая по функциональной активности русскому языку. Якутский язык выполняет функцию регионального средства межэтнического общения, особенно в сельской местности в среде коренных народов Якутии.

В связи с движением за возрождение национального языка и культуры общественные функции родного языка получили заметное развитие в сфере образования: якутский язык преподают во всех национальных школах, как специальный предмет – в русскоязычных школах (по желанию родителей). В 1997/98 учебном году уже в 45% общеобразовательных школ обучение шло на родном (якутском) языке, в 35,8% школ – на русском языке, в 128 школах (19,2%) – на этих двух языках. Якутский язык является предметом изучения на факультетах якутской и тюркской филологии и национальной культуры в Якутском университете, во всех педагогических училищах.

В сфере массовой коммуникации якутский язык был использован еще в дореволюционный период, когда издавались газеты «Якутская жизнь», «Якутский край» (1907–1909 гг.), журнал «Саха саната» («Голос якута», 1912–1913 гг.). В настоящее время он используется при издании семи рес-

публиканских и 35 районных газет, общественно-политических, художественных, детских и женских журналов. Получают все большее развитие функционально-речевые стили якутского языка, особенно художественный, общественно-публицистический, учебно-педагогический, официально-деловой. На родном языке ведутся радиопередачи (2–3 ч. в сутки) и телепередачи (более 2 ч. в сутки).

Якутский язык широко используется в сфере культуры и устного народного творчества: функционируют четыре профессиональных и десятки народных театров, множество самодеятельных коллективов.

Компактное проживание основной массы якутов (74,3% в сельской местности), использование якутского языка в социально значимых сферах (образование, культура, средства массовой коммуникации) обуславливают высокий уровень владения якутами родным языком.

Для народов Республики Саха характерны различные типы билингвизма и многоязычия: со вторым русским – у якутов, с русским и якутским – у эвенков, эвенов, чукчей и юкагиров Якутии, часть которых называет якутский родным языком. Многие представители коренных народов, представленных в Якутии, владеют четырьмя и пятью языками: русским, якутским, эвенским, юкагирским и чукотским.

Письменность. Якутский язык относится к старописьменным языкам, так как в XIX в. были известны несколько алфавитов: миссионерский, бетлинговский (академическая транскрипция) на основе кириллицы, русский (гражданский), на основе которых было из-

дано 128 книг (первая – в 1812 г.), опубликованы образцы художественной литературы, устного народного творчества – эпос, загадки и песни якутов («Воспоминания», «Олонхо» А.Я. Уваровского, 1848 г.), напечатаны научные и миссионерские издания церковно-нравственного и учебного содержания, издавались газеты и журнал.

Однако подлинное развитие письменности связано с расширением общественных функций якутского языка в 20-е гг. XX в., когда была начата кампания ликвидации неграмотности и стал использоваться родной язык в сфере образования и культуры. В 1922 г. был утвержден алфавит С.А. Новгородова на основе международной транскрипции, в 1929 г. он был заменен алфавитом на латинской основе, а в 1940 г. – на кириллической.

Современный якутский литературный язык был сформирован под влиянием языка фольклора, который был признан устной формой литературного языка еще в дореволюционной письменности.

Лит.: Алексеев А. Н. К вопросу о происхождении якутского народа // Сб. науч. трудов Якутского ун-та им. М.Н. Амосова. Сер. филология. Якутск, 1994; Гоголев А. И. Историческая этнография якутов (Вопросы происхождения якутов) Якутск, 1986; Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М., 1982; Т. 2. Синтаксис. Новосибирск, 1996; Гурвич И. С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера. М., 1982; Дондуков У. - Ж. Ш. К происхождению слова-этнонима якут // Советская тюркология. 1978. № 4; История Сибири. Л., 1968; Народы Сибири. М.; Л., 1956; Никонов В. А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984; Серошевский В. Л. Якуты. Т. 1. Опыт

ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК

этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993; Сибирь. Древние этносы и их культуры. СПб., 1996; Сивцев А. К. Об этнонимах саха, якут и нуучча // Ю.Н. Бетлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973; Сидоров Е. И. Этноним саха // Этническая ономастика. М., 1984. Слепцов П. А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенацио-

нальных норм. Новосибирск, 1990; Он же. Якутский язык // Государственные и титульные языки России. М., 2002; Убрятова Е. И. Якутский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966; Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1993; Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия). Новосибирск, 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Том	Стр.
Предисловие	1	3
Список сокращений	1	9
Часть 1. Общелингвистические термины и понятия	1	11
Часть 2. Русский язык	1	245
Фонетика. Фонология	1	246
Лексикология	1	350
Морфемика. Словообразование	1	500
Морфология	1	667
Синтаксис	2	87
История русского языка. Диалектология	2	365
Орфоэпия	2	521
Графика. Орфография. Пунктуация	2	540
Алфавитный указатель терминов и понятий	2	574
Часть 3. Приложения	2	615
Приложение № 1. Сведения по лексикографии	2	616
Приложение № 2. Сведения о лингвистических журналах ..	2	674
Приложение № 3. 100 языков исконных народов России ..	2	677

Справочное издание в 2-х томах

**ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
И ПОНЯТИЙ**

РУССКИЙ ЯЗЫК

Под общей редакцией
А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова

Составители:

Тихонов Александр Николаевич
Хашимов Рахим Ибрагимович
Журавлева Галина Сергеевна
Лапыгин Михаил Александрович
Ломов Анатолий Михайлович
Рацибурская Лариса Викторовна
Тихонова Елена Николаевна

Том второй

Подписано в печать 15.02.2014.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru
WebSite: www.flinta.ru